

Российское историческое общество
Институт российской истории РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Петр Великий: исследования и открытия

К 350-летию со дня рождения

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2022

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)511-06
П 30

Рецензенты: Э.Г. Истомина, Д.А. Редин

Редколлегия: В.Н. Захаров (отв. ред.); О.Г. Агеева, Е.Н. Марасинова,
Ю.А. Петров, А.А. Романова, А.В. Сиренов, С.М. Шагин

*Издано при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований*

П 30 Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 768 с.

ISBN 978-5-98712-306-5

В книге опубликованы материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России», проведение которой намечено в Институте российской истории РАН на 17–19 мая 2022 г. Вниманию читателей представлены новые сведения по самому широкому кругу вопросов внешней и внутренней политики, военному делу, экономике, культуре эпохи Петра Великого. Издание предназначено для специалистов историков, аспирантов и студентов.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)511-06

ISBN 978-5-98712-306-5

© Институт российской истории РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
® Центр гуманитарных инициатив, 2022

Содержание

Историческая наука к 350-летию Петра Великого	9
<i>П.А. Аваков</i> «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.	12
<i>О.Г. Агеева</i> От царского Государева двора к императорскому двору XVIII в.: эпоха Петра I	21
<i>А.С. Акимова, Е.А. Беликова</i> Роль исторических источников в изображении строящегося Петербурга в романе А.Н. Толстого «Петр Первый».....	30
<i>С.А. Амелёхина</i> Церемониальный траурный костюм при Российском императорском дворе в эпоху правления Петра Великого	37
<i>Н.С. Андреева</i> Ревельский памятник Петру I: короткая память в бронзе	51
<i>С.О. Андросов</i> Новое о картинах, приобретенных для Петра Великого в Амстердаме	63
<i>В.А. Артамонов</i> Основные принципы стратегии Петра Великого в войнах России в начале XVIII века.....	74
<i>Т.А. Базарова</i> «Для пресережения интересов наших и общаго блага...»: поездка Алексея Ивановича Дашкова к высокой порте и подписание Константинопольского договора 1720 г.	83
<i>Г.В. Бежанидзе, А.Г. Фирсов</i> Обер-прокурор Св. Синода петровской эпохи: «око государево» или чиновник прокуратуры	95
<i>А.В. Беляков</i> Князя ногайского происхождения в России эпохи Петра I	103
<i>Е.В. Белякова</i> Московский Собор 1666–1667 гг. и Духовный Регламент.....	111
<i>Н.Ю. Болотина</i> Новый взгляд на обстоятельства заключения брака Петра I с Евдокией Лопухиной.....	122
<i>Е.В. Бородина</i> Судебные учреждения Петра Великого: региональные аспекты функционирования	131

<i>П. Бушкович</i> Благочестие Петра Великого	139
<i>Ю.И. Быкова</i> Регалии и иные символы власти в церемониалах российского двора первой трети XVIII века	151
<i>В.С. Великанов</i> Реформирование служилых людей «старых служб» в первой четверти XVIII в. (на примере Приказа Смоленского княжества).....	167
<i>В.Г. Вовина-Лебедева</i> Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в.)	175
<i>К.С. Десятков</i> Видоизменение письменной культуры в России в первой четверти XVIII века на примере взаимодействия ученых-книжников Москвы и Новгорода	184
<i>И.Г. Дуров</i> Социальная защита военных и морских чинов, членов их семей в Российской империи в первой четверти XVIII века	194
<i>О.К. Ермакова</i> Контракты с иностранцами в эпоху Петра I: инновации или преемственность?	204
<i>А.В. Захаров</i> Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени	213
<i>Э.А. Зицер</i> Иеротопия капитана Петра: посещение царем Пертоминского Преображенского монастыря в 1694 г.	227
<i>А.А. Иванов</i> Петр I и его реформы в оценках правых монархистов начала XX века	234
<i>С.А. Иванюк</i> Тактика малой войны русской армии и стратегические решения Петра I по ее применению в период Северной войны	243
<i>Л.И. Ивонина</i> Образ Петра I и России в произведениях британских поэтов начала века Просвещения.....	252
<i>Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко</i> Сибирские делопроизводственные и картографические источники петровской эпохи: государственные проекты «узнавания» новых пространств империи (по материалам Тарского уезда).....	257
<i>Н. Каздагли</i> Образ Петра Первого в туниской историографии доколониального периода (XVIII–XIX вв.)	265

<i>Я. Каррас</i> Згурос Катакацулос и братство Нежина: подготовка к Полтаве и греческие планы Петра I	280
<i>А. В. Келлер</i> Введение цехов как модернизационный проект Петра I: пространство возможностей в границах возможного	290
<i>Н. В. Козлова</i> Религиозное сознание и практика религиозной жизни населения Москвы петровского времени (по материалам духовных завещаний)	303
<i>Ю. А. Козлова</i> Второе путешествие Петра I в Западную Европу: цели, особенности, итоги	313
<i>А. Э. Котов</i> Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в.	323
<i>О. Е. Кошелева</i> Космография Меркатора и ее читатели в петровскую эпоху	330
<i>О. А. Крашенинникова</i> Маркелл Радышевский — критик петровской реформы русской Церкви	341
<i>П. А. Кротов</i> Студенты Санкт-Петербургского академического университета в середине XVIII в. (По данным исповедных росписей и метрических книг)	354
<i>К. В. Купченко</i> Организация укреплений западной границы России в период Северной войны. На материалах Смоленского региона	362
<i>Т. Л. Лабутина</i> Петровская Россия в восприятии британского дипломата Чарльза Уитворта	372
<i>А. С. Лавров</i> К вопросу об итогах работы Синодальной комиссии в Переславле-Залесском в 1722 г.	379
<i>П. В. Лизунов</i> Петр I и учреждение купеческой биржи в России	398
<i>Ш. А. Магарамов</i> Управленческие практики Российской империи в Западном Прикаспии в 1722–1735 гг.	407
<i>В. М. Марасанова</i> Административно-территориальные реформы Петра I в Верхневолжском регионе	416

<i>Е. Н. Марасинова</i> Наказания за тяжкие преступления в России XVIII века: к истории политического языка	424
<i>Т. А. Матасова</i> Расцвет обители прп. Кассиана Учемского в конце XVII – первые десятилетия XVIII века	434
<i>С. А. Мезин</i> Французские авторы XVIII–XXI вв. о значении преобразований Петра I в истории России	441
<i>Т. С. Минаева</i> Откуп в экспортной торговле России с Западной Европой в эпоху Петра I	455
<i>С. В. Моисеева</i> «Напольный гетман». Загадки. Сомнения. Предположения	465
<i>А. В. Морохин</i> О медицинской карьере Л. Л. Блюментроста в петровскую эпоху	477
<i>М. В. Николаева</i> Гражданская застройка Васильевского острова Санкт-Петербурга времени Петра I на рубеже 1730-х – 1740-х гг.	485
<i>С. А. Никонов</i> Государевы промыслы в Кольском уезде в начале XVIII в.: Опыт реформ рыболовного хозяйства Петровской эпохи	498
<i>А. М. Пашков</i> Петр I в исторической памяти жителей европейского Севера России в дореволюционный период	509
<i>А. Ю. Петров</i> Петр I и открытие Америки: современный научный взгляд на освоение Азиатско-Тихоокеанского региона	519
<i>В. Д. Пузанов</i> Восточная политика Петра I и Джунгарское ханство	526
<i>М. В. Пулькин</i> Петрозаводская слобода: особенности формирования горнозаводского поселения в первой четверти XVIII в.	537
<i>Д. Н. Рамазанова</i> Многоязычное книгопечатание начала XVIII века как этап инновации петровского времени	546
<i>А. А. Рогожин</i> Переводчики Волковы в петровской России: «вестернизация», воспитательные стратегии и служба приказной бюрократии в конце XVII – начале XVIII вв.	556

<i>А.А. Романова</i> Агиографическая традиция в русской книжности эпохи Петра Великого	566
<i>Н.В. Салонииков, К.В. Суториус</i> Новгородская архиерейская школа в первой четверти XVIII века: традиции и новации	573
<i>М.М. Сафонов</i> Петр I – «Великий строитель»	581
<i>Г.И. Сергеева</i> О европейском влиянии в создании дворцов Петра Великого (закупки заграничных товаров для строительства и убранства)	589
<i>Н.В. Соколова</i> Податная реформа Петра I и крестьянская община (О некоторых компенсаторных механизмах «выживания» аграрного социума)	605
<i>Е.С. Сони́на</i> Визуальный образ Петра Великого в русской дореволюционной журналистике: к разработке темы	615
<i>К.Н. Станков</i> Царь-преобразователь в «Истории Петра Великого» генерала Александра Гордона Охинтула	625
<i>А.Н. Старицын</i> Поведенческие стратегии северных крестьян-староверов в петровское время	633
<i>А.А. Стерликова</i> На пути к признанию Империи: переговоры о мире в 1716–1717 гг. и Амстердамский договор	642
<i>Л.Б. Сукина</i> Образы сыновей и внуков царя Алексея Михайловича в изображениях «генеалогических» древ правящей династии второй половины XVII – начала XVIII века	651
<i>М.Г. Талалай</i> О переводе на русский язык трактата Антонио Катифоро <i>Vita di Pietro il Grande</i> (Венеция, 1736)	661
<i>Е.Н. Трефилов</i> Петр I и европеизация России в восприятии участников Пугачевского бунта 1773–1775 гг.	668
<i>Е.А. Тюхменева</i> Взгляд на коронацию Екатерины I: графические материалы 1720-х годов	679
<i>И.А. Устинова</i> Кадровая политика Петра I в отношении высшего духовенства	690

<i>А.Е. Ухналёв</i> Культурная политика Петра I и архитектура Санкт-Петербурга	697
<i>А.А. Фадеев</i> Судебные преобразования Петра I в деятельности Судного и Земского приказов	706
<i>А.М. Феофанов</i> Дворяне послепетровского поколения: образовательная дифференциация и социальная мобильность	717
<i>Д.А. Хитров</i> Уездные ландкарты и каталоги поселений первой половины XVIII в.: к вопросу о методах работы «петровских геодезистов»	727
<i>И.Н. Юркин</i> Пряник и кнут, или Почему Никита Демидов переселился на Урал	734
<i>А.О. Ястребов</i> Между Венецией, Стамбулом и Санкт-Петербургом. Новые данные о шаутбенахте И. Боцисе	745
Сведения об авторах.....	754
Information about Authors	761
Список сокращений.....	767

Историческая наука к 350-летию Петра Великого

Настоящая книга подготовлена к Международной научной конференции «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России», посвященной 350-летию со дня рождения Петра I, проведение которой намечено на май 2022 года в Институте российской истории РАН.

Начало изучению деяний Петра I было положено еще при его жизни. В течение последующих веков интерес к тому, что происходило в России в начале XVIII в., к исполинской фигуре ее монарха, сохранялся постоянно, вызывая споры, дискуссии, полемику в науке и в обществе. Перемены, произошедшие тогда в России, деятельность самого Петра I, были для одних примером и образцом, как нужно обустроить Россию, для других — тем, что стало причиной многих противоречий в развитии страны и даже переживаемых ею бедствий. Историки не оставались в стороне: привлекая новые источники, используя различные методы исследования, они пытались дать научно обоснованные ответы на вопросы о смысле, цене и результатах реформ. И, обращаясь к эпохе Петра I, историки и мыслители старались найти ответы на вызовы своего времени. Каждое поколение имело свою историю Петра Великого. Свое представление о правлении Петра I было у Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и его последователей. В советский период фигура Петра I, его деяния также заняли должное место в изучении и преподавании отечественной истории, подчеркивался прогрессивный характер преобразований и достижение Россией национально значимых целей в сфере внешней политики. В настоящее время крайне актуальным является исторический опыт Петра I не только в осуществлении глубоких реформ, но и в выборе вектора и главных ориентиров дальнейшего развития страны, обеспечении при этом статуса одной из ведущих держав на международной арене. Разумеется, при этом нельзя не обратить внимание на сложности и противоречия той эпохи, жертвы и потери, в том числе и при сопоставлении с тем, что было достигнуто уже в XVII в., и это также учитывают многие современные исследователи.

Юбилейные даты, а это особенно характерно для российского исторического сознания, всегда обостряют интерес к том или иному событию, тому или иному выдающемуся деятелю. В исторической науке не только активизируется исследовательский поиск, но и происходит своего рода смотр того, что достигнуто к настоящему времени, какие имеются актуальные проблемы и как они решаются. Поэтому 350-летие Петра I стало важным поводом и даже причиной провести обмен мнениями, презентацию имеющихся результатов, чтобы понять, где мы находимся в настоящий момент в изучении истории преобразований начала XVIII века, их последствий и значения для современности. В соответствии с «Планом основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I», утвержденным Организационным комитетом по проведению празднования, предусмотрено проведение целого ряда научных конференций, посвященных как общим проблемам реформ начала XVIII в., так и отдельным их аспектам, личности и деятельности Петра I. Институт российской истории РАН взял на себя организацию форума, на котором могут быть представлены результаты исследований петровской эпохи в целом и в самых разных ее аспектах, что позволит осязаемо представить состояние на настоящий момент историографии этой обширной и крайне актуальной темы, наметить точки соприкосновения и расхождения в оценках, выявить лакуны и проблемы, требующие изучения. Важно, что предметом рассмотрения стали не только события и процессы собственно петровской эпохи, но их непосредственные и отдаленные последствия в дальнейшем, а также отражение преобразований начала XVIII в. и личности самого Петра I в исторической памяти.

Подготовка конференции вызвала широкий отклик в нашей стране и за рубежом. В ее организации ИРИ РАН поддержали Российское историческое общество, Российский фонд фундаментальных исследований. Об участии в конференции заявили более ста специалистов, представителей академических институтов, университетов, музеев, других научных и культурно-просветительских учреждений, наши иностранные коллеги. Организаторы приняли решение опубликовать материалы докладов накануне конференции, чтобы их презентация в ходе самого форума получила бы более предметное восприятие, дискуссия стала бы более целенаправленной и результативной.

Как и задумывалось, на примере полученных для публикации текстов мы можем определенно судить о направлениях научного поиска историков, ныне изучающих время правления Петра I. Нельзя не отметить широкое разнообразие интересов и разнонаправленность исследований. В сборнике представлены статьи по самым разным аспектам истории петровской эпохи: железные заводы, купечество и биржа, казенные промыслы, составление ландкарт, назначение чиновников в приказы, строительство Петербурга, придворные врачи, политические преступления и наказания за них,

царедворцы и прочие представители «шляхетства». Обобщающих текстов не так много. Видимо, это обусловлено тем, что формат доклада на конференции предполагает обращение к какому-либо конкретному сюжету. Но не в меньшей мере это отражает и современное состояние историографии петровской эпохи: большинство исследователей заняты накоплением материала, расширением круга изучаемых сюжетов, верификацией источников, на первый план выходят вопросы, которые ранее не пользовались пристальным вниманием. Например, это история церкви, особенно в отношении состава иерархии, жизни отдельных епархий, отдаленных монастырей и старообрядческих скитов. Из истории внешней политики и истории войны большое внимание привлекают сюжеты, которые расширяют и разнообразят наше представление о внешнеполитических усилиях Петра I, не теряя при этом из виду его главных целей. Например, это политика по отношению к Венеции и Греции, большое путешествие в Европу в 1716–1717 гг., продвижение на Аляску и вдоль Каспийского моря. Нельзя не отметить обилие региональных сюжетов, что позволяет понять, каким образом и до какой степени реформы и перемены влияли на жизнь российской «глубинки» и отдаленных провинций. Это статьи о Великом Новгороде, Важском и Кольском уездах, Сибири, Урале, Приазовье, Дагестане. Важным направлением современной историографии являются проблемы коммеморации, а применительно к Петру I и его эпохе изучение восприятия его личности имеет особое значение для понимания актуальности реформ начала XVIII в. в последующие десятилетия и столетия. Память о Петре I нашла свое выражение и в монументальной скульптуре, и журналистике XIX в., и в историческом романе Алексея Толстого, о чем также имеются статьи в сборнике. Примечательным и современным является также просопографический и антропологический подход, когда эпоха Петра I раскрывается через личность самого монарха, его сподвижников, людей из разных сословий, живших в то время.

По разным причинам не все докладчики прислали свои тексты для публикации в настоящем сборнике, тем не менее они смогут презентовать свои выступления на конференции, принять участие в дискуссии. Итоги конференции в любом случае будут освещаться в исторической периодике и на сайте ИРИ РАН.

В. Н. Захаров,
главный научный сотрудник ИРИ РАН,
заместитель председателя
Оргкомитета Международной научной конференции
«Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России»

П.А. Аваков
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

«Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.*

События, происходившие в Северо-Восточном Приазовье в 1696–1711 гг., характеризуются уникальной попыткой реализации масштабного колониционного проекта, призванного обеспечить дальнейшее продвижение России в Черное море. Заключение Константинопольского мира и начало Северной войны в 1700 г. лишь отсрочили реализацию этих планов. В регионе были созданы новая административно-территориальная единица с многотысячным населением, военно-морская база и ряд крепостей. В результате поражения в Прутском походе 1711 г. «Азовский проект» царя потерпел крах.

Ключевые слова: Петр I, Азов, колонизация, русско-турецкие отношения, Черноморский вопрос

Интерес исследователей внешней политики Петра I традиционно концентрируется на трех ее векторах: Балтийско-Атлантическом, Сибирско-Тихоокеанском и Каспийско-Индийском. Как ни парадоксально, но Азово-Черноморская политика царя, с которой напрямую сопряжены его первые новации и военные успехи, до сих пор не была предметом специального исследования как самостоятельная проблема. Историки лишь частично затрагивали отдельные ее аспекты при изучении жизни и деятельности Петра, истории русско-турецких отношений, Азовского флота, заселения и хозяйственного освоения российского Приазовья в конце XVII – начале XVIII в. (С.И. Елагин, М.М. Богословский, Т.К. Крылова, А.А. Пушкаренко, С.Ф. Орешкова, Н.Н. Петрухинцев, О.В. Андрущенко и др.). Между тем события, происходившие в Северо-Восточном Приазовье в 1696–1711 гг., характеризуются уникальной попыткой реализации масштабного колониционного проекта, призванного обеспечить дальнейшее продвижение России в Черное море. В настоящей статье мы определим этапы реализации «Азовского проекта» Петра I, проанализируем его эволюцию, кратко осветим основное содержание и достигнутые при этом результаты.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 ««Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

Являясь с 1475 г. самым северным форпостом Османской империи и крупным центром работорговли, расположенная в дельте р. Дон крепость Азак (Азов) играла важную роль в организации крымскотатарских и ногайских набегов на русские земли [Fisher]. Впервые Российское государство открыло военные действия на территории Азовского санджака в начале 1660-х гг., затем возобновило их на первом этапе русско-турецкой войны 1672–1681 гг., однако овладение Азовом при этом не планировалось [Аваков, 2020, с. 15, 17–26].

Ситуация коренным образом изменилась в конце 1694 г., когда Петр I решил активизировать продолжавшуюся с 1686 г. в союзе с Речью Посполитой войну против Османской империи, и в качестве одного из приоритетных направлений для удара выбрал Азов – ближайшую к российским границам крепость противника. Это было продиктовано необходимостью достижения весомого военного успеха, а Азов представлял собой наиболее удобную и уязвимую цель. Первая его осада в 1695 г. оказалась провальной, но весьма поучительной для царя. Поражение подвигло его организовать постройку вспомогательной флотилии для обеспечения блокады крепости с моря. Так давний интерес Петра к судостроению и мореходству впервые нашел практическое применение в рамках решения конкретной военно-политической задачи. В ходе повторной осады Азова 1696 г. государь осознал силу и значение флота, во многом обеспечившего победу. Овладев крепостью, получив выход в Азовское море и присоединив к России прилегающую территорию, Петр I приступил к разработке плана развития достигнутого успеха, для чего требовалось превратить Россию в морскую державу. Традиционная трактовка этого вопроса, восходящая к европейской историографии второй четверти XVIII в., носит умозрительный характер и основана на априорном тождестве целей Азовских походов и их результатов. Имеющиеся источники не содержат сведений об изначальном стремлении царя завоевать выход в южные моря, да и сам он прямо опровергает эту точку зрения [Аваков, 2020, р. 180–203].

Петру I необходимо было срочно принять комплекс мер, призванных обеспечить удержание Северо-Восточного Приазовья в составе России и продолжить войну – теперь и на море. В октябре 1696 г. он представил Боярской думе соответствующую программную записку. Бояре одобрили его предложения и приговорили переселить в Азов 3000 семей из «низовых» городов Среднего Приволжья, а до окончательного заселения города усилить его гарнизон до 6000 человек. Для создания военно-морского флота решили ввести специальную повинность и организовать судостроительные товарищества – кумпанства¹ [Елагин, с. 52–56; Петрухинцев, с. 117–118]. Еще одним элементом «Азовского проекта» стало начавшееся в 1697 г. строительство канала между Волгой и Доном в районе наи-

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 111–113.

большого сближения их притоков Камышенки и Иловли [Аваков, 2011, с. 131–132].

В 1697–1698 гг., пока царь с Великим посольством путешествовал по Европе, состоялись еще два похода российских войск в Северо-Восточное Приазовье. Их целью была не только защита Азова, но и развертывание в устье Дона и на Миусском полуострове масштабного фортификационного строительства [Аваков, 2011, с. 129–130, 132–136, 138–141]. В эти годы Россия сделала первые шаги по пути заселения и хозяйственного освоения безлюдного края.

Весной 1698 г., находясь в Нидерландах, Петр I разрабатывал план «воинского морского похода» против Османской империи, намеченного на 1699 г.² Для этого в Воронежском крае и «верховых» донских казачьих городках с начала 1697 г. силами «кумпанств» велось строительство военно-морского флота, проектное штатное расписание которого включало 62 линейных корабля пяти рангов и четыре брандера [Елагин, с. 51–90, 115–121; Лаврентьев, с. 55–65]. Вероятно, ближайшими целями атаки российских войск и флота в предстоящую кампанию должны были стать Керчь и Очаков. Однако начавшийся в октябре 1698 г. Карловицкий конгресс перечеркнул эти начинания. Заключенное 14 января 1699 г. русско-турецкое перемирие хотя и имело временный характер, но фактически завершило войну³. Встречающуюся в историографии иную датировку ее финала (июль 1700 г.) [Большая российская энциклопедия, с. 88; Дегоев, с. 54, 55; Гуськов, Кочегаров, Шамин, с. 46–47] следует признать ошибочной, так как после Карловицкого перемирия боевые действия не возобновлялись и Великая турецкая война 1683–1699 гг. закончилась для Османской империи и всех стран-участниц Священной лиги почти одновременно.

Поскольку установившееся перемирие и подготовка к переговорам о долгосрочном мире с султаном не отменяли возможность продолжения войны, в 1699 г. Петр I лично занимался созданием военно-морской базы на северном побережье Азовского моря. В июле этого года у мыса Таган (Таган-рога) началось строительство морского порта, а в сентябре рядом был заложен город-крепость Троицкий [Аваков, 2016, с. 298–311; Аваков, 2015, с. 98–101].

После подписания 3 июля 1700 г. Константинопольского мирного договора⁴ кораблестроение на Юге потеряло всякую актуальность и практическую значимость на ближайшее будущее, ведь в мирное время запертая в Азовском море армада была бесполезна, а для обороны российского При-

² История русского флота: Период азовский: Приложения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 408–410; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 46–47; Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом посольстве» // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 132.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. № 258.

⁴ Там же. № 318.

азовья линейный флот не требовался. Уже во время Карловицкого перемирия Петр I решил переориентировать внешнеполитический курс на борьбу со Швецией, чтобы обрести выход к Балтийскому морю [Павленко, с. 139–140, 151–162].

Царь заранее предусмотрел возможность использования построенных кораблей в коммерческих целях. Сначала послу П.Б. Возницину на Карловицком конгрессе⁵, а затем посланнику Е.И. Украинцеву на переговорах в Константинополе в 1699–1700 гг. было поручено добиваться от Порты разрешения на свободную торговлю для российских купцов, в том числе морскую [Богословский, с. 117–118, 149–153, 157–158, 215]. Но эти усилия не увенчались успехом, и положение Черного моря как закрытого для иностранных судов внутреннего водоема Османской империи осталось непоколебимо. Не удалось решить этот вопрос и послу князю Д.М. Голицыну, направленному в 1701 г. в Адрианополь в связи с ратификацией мирного договора [Базарова, с. 200–201]. Запрет торгового судоходства в Черном море по существу обесценивал для России обладание выходом в Азовское море. Тем не менее, Петр I не свернул свою деятельность на Юге, а наоборот, продолжил колонизацию Северо-Восточного Приазовья и строительство флота с прежней энергией. В 1701 г. были прекращены лишь работы по прокладке канала у речки Камышенки, но через год они начались в Епифанском уезде, с прежней целью – связать волжский и донской речные пути [Юркин, с. 78–81, 103–107].

Отличительная особенность российской колонизации Северо-Восточного Приазовья на рубеже XVII–XVIII вв. заключалась в том, что ее стимулятором, организатором и регулятором были царь и московские приказы – средоточие институционально оформленной государственной власти. Правительство не только регламентировало, но и полностью контролировало и направляло колонизационный процесс в пограничном регионе. Целью его колонизации было не освоение целинных земель и вовлечение обширной территории в хозяйственную жизнь страны, а создание надежного плацдарма для будущих военно-морских операций против Османской империи. Даже после заключения в 1700 г. Константинопольского мира вошедший в состав России регион интересовал Петра I в первую очередь как база для строившегося в районе Воронежа и на р. Хопер военно-морского флота.

В литературе неоднократно отмечалась роль Северо-Восточного Приазовья как экспериментального полигона, где на рубеже XVII–XVIII вв. впервые опробовались законодательные и организационные меры и методы, затем успешно использованные на берегах Невы и Балтики. Регион послужил своеобразным трамплином, с которого стартовала петровская модернизация. Среди новаторских мероприятий, осуществленных прави-

⁵ Памятники дипломатических сношений... Т. 9. Стб. 203, 206–207.

тельством Петра I в ходе его колонизации, и получивших в последующие годы развитие в масштабах все страны, можно выделить следующие: 1) массовое переселение «на вечное житье» семей из других регионов (Среднего Приволжья); 2) одновременное осуществление широкомасштабного фортификационного и гидротехнического строительства, не имеющего аналогов в предшествующий период; 3) массовый наряд на стройки многих тысяч неквалифицированных рабочих и мастеровых из различных районов страны; 4) превращение края в общероссийское место ссылки с целью использования труда ссыльных; 5) образование на завоеванной территории новой административной единицы и введение там должности губернатора; б) развитие мореплавания⁶.

Примечательно, что после начала Северной войны царь регулярно посещал воронежские верфи и в 1701–1705 гг. успел побывать там пять раз⁷. Обращая внимания на кажущуюся странность столь частых визитов монарха в Воронеж в те годы, Н.И. Павленко объяснял заботу Петра I об Азовском флоте лишь необходимостью самим его наличием удерживать султана от объявления войны России [Павленко, с. 183]. Но требовалось ли для этого личное присутствие царя на верфях? За его увлеченностью воронежским кораблестроением явно стояло нечто большее, чем просто заинтересованность в создании дорогостоящего жупела вблизи османских границ или же дань личным пристрастиям.

Не следует забывать, что в первые пять лет Северная война являлась для Петра I локальным конфликтом, начатым с целью возвращения утраченного в Смуту «дедофского наследства». Он надеялся завершить войну в 1705 г., когда заявил о готовности начать мирные переговоры со Швецией⁸. К тому времени главные военные цели, которые ставил перед собой царь, уже были достигнуты: он овладел Ингерманландией и получил выход в Балтийское море, основал там крепость Санкт-Петербург и порт, взял Дерпт и Нарву, разорил Лифляндию и Эстляндию [Соловьев, с. 10]. Однако нарастающее усиление позиций Швеции в Речи Посполитой с 1706 г. и начало Русского похода Карла XII в 1707 г. изменили дальнейший ход Северной войны, что внесло коррективы и в тайные планы Петра I на Юге. Тем не менее, приготовления к отложенной войне на Черном море не прекратились. Об этом свидетельствует целый ряд действий, предпринятых царем или по его приказу в 1701–1709 гг.: поиски места для строительства нового порта и верфей за пределами российского Приазовья – в нейтральных землях и водах между устьями рек Миус и Берда [Елагин, с. 174, 178–179, 224–225;

⁶ Подробнее см.: [Аваков, 2013, с. 224–234].

⁷ Использованы еще не введенные в научный оборот новейшие подсчеты Н.А. Комолова.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893. С. 30–31, 225–226, 587–588; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 34, 58–60, 189–190.

Аваков, 2011, с. 191–192, 201, 203–204, 240–243)⁹, начало реализации новой кораблестроительной программы и разработка планов переноса верфей из Воронежского края на Таганрог с последующим наращиванием в Азовском море линейного флота¹⁰ [Петрухинцев, с. 119–123].

Параллельно с этим в 1703–1709 гг. первый постоянный посол России при султанском дворе П.А. Толстой старался заключить с Османской империей соглашение об открытии морского торгового пути через Азов [Станіславський, с. 224–241]. Увы, и его усилия оказались бесплодными. Резонно опасаясь угрозы с севера, Порты свято блюла неприкосновенность Черного моря для иностранных кораблей.

Итак, кульминацией «Азовского проекта» должна была стать новая война с Османской империей. Судя по более поздним свидетельствам современников¹¹, Петр I надеялся силой добиться от султана того, чего не смог получить дипломатическим путем: выхода в Черное море для организации торгового судоходства с доступом в Константинополь и Средиземное море. Таким образом, Северо-Восточное Приазовье представляло для царя ценность не как завоеванный клочок суши, а как территория, прилегающая к южным морям и открывающая для России перспективы вовлечения в средиземноморскую торговлю. Очевидно, во время продолжительного пребывания в Нидерландах и Англии в 1697–1698 гг. государь смог усвоить ценностные представления Нового времени и практику международной торговли, сформулированную в теоретических положениях меркантилизма.

Не смотря на официально миролюбивый внешнеполитический курс Москвы в отношении Константинополя, скрыть черноморские планы царя было довольно трудно, поэтому в ноябре 1710 г. Порты решилась на превентивный удар. Не вполне удачный опыт строительства Азовского флота и невозможность его эффективного использования в ходе начавшейся войны показали, что расчет Петра I на Северо-Восточное Приазовье как на стратегический военно-морской плацдарм не оправдался. В итоге, все усилия России в данном направлении оказались напрасными относительно намеченных целей. По условиям Прутского договора 1711 г. царь вынужден был вернуть Азов со всем регионом Османской империи, предварительно разрушив Троицкий и другие новые укрепления [Аваков, 2011, с. 288–292].

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 442; Т. 2. СПб., 1889. С. 2, 398; История русского флота... Ч. 1. С. 505; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 10. Л. 134, 135, 138, 139 об.

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 187–189.

¹¹ *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Апрель-июнь. Кн. 2. [Отд.] IV. С. 89; [Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции, с 1681 по 1718 год] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 233; *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1874. Апрель-июнь. Кн. 2. [Отд.] IV. С. 52.

Европоцентричный взгляд на российскую историю позволяет снисходительно считать «Азовский проект» первой военной и морской школой Петра I, его юношеским увлечением, так и не ставшим той главной целью, во имя которой ему стоило бы отдать все свои силы и силы страны. Безусловно, апофеозом государственной и военной деятельности царя является победа в Северной войне, сделавшая его императором, а Россию — империей и гегемоном Северной и Восточной Европы. В таком случае создание в Северо-Восточном Приазовье за 15-летний срок новой административно-территориальной единицы более чем с 18-тысячным населением¹², военно-морской базы и ряда мощных крепостей можно квалифицировать как своеобразный пролог к петровским реформам, репетицию строительства Санкт-Петербурга и Кронштадта, или фальстарт на пути становления Российской империи. Но если абстрагироваться от заведомо известного финала, забыв на мгновение о неприемлемости сослагательного наклонения в историческом контексте, и попытаться представить перспективу, открывавшуюся перед Петром I до начала русско-турецкой войны 1710—1713 гг., тогда ответ на вопрос о деле всей его жизни покажется не столь очевидным. Несомненно, успешная реализация «Азовского проекта» в случае военной победы над Османской империей имела все шансы стать главным триумфом великого государя и существенно повлиять на дальнейший ход отечественной и мировой истории. Но Прутский поход 1711 г. навсегда закрыл эту возможность.

Литература

- Аваков П.* Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // Cahiers du Monde russe. 2020. № 61/1–2. Janvier – juin. P. 177–204. DOI: 10.4000/monderusse.11953.
- Аваков П.А.* Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга // Столицы и провинция: Материалы IV Международного конгресса петровских городов, Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. СПб., 2013. С. 224–234.
- Аваков П.А.* Город Троицкий на Таганроге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98–101.
- Аваков П.А.* Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298–311.
- Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье // Славяноведение. 2020. № 4. DOI: 10.31857/S0869544X0010410–4. С. 14–29.
- Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. 380 с.
- Базарова Т.А.* «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. 2021. № 2. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>. С. 194–206.

¹² РГАВМФ. Ф. 233. Д. 19. Л. 446–452 об., 514 об.–519 об.; Д. 31. Л. 338–339 об.

- Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Л.: Соцэкгиз, 1948. Т. 5. 316 с.
- Большая российская энциклопедия. Т. 29. М., 2015. 766 с.
- Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. DOI: 10.31857/S086956870012929–2. С. 30–49.
- Дегоев В. В.* Дипломатия Петра I на заключительном этапе русско-турецкой войны 1686–1700 годов. [Ч. 1] // Россия XXI. 2016. № 1. С. 54–85.
- Елагин С. И.* История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. 320, 48, [10] с.
- Лаврентьев А. В.* Об одном не сохранившемся указе Петра I («Обстоятельная роспись» Азовского флота 1696 г.) // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 54–65.
- Павленко Н. И.* Петр Великий. [3-е изд.]. М., 1998. 736 с.
- Петрухинцев Н. Н.* Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–128.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 15–16 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 8. 640 с.
- Станіславський В. В.* Дипломатичні зусилля Росії щодо відкриття морського торговельного шляху через Азов і закриття сухопутного шляху через Україну до Туреччини (кінець XVII – початок XVIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2016. Вип. 16. С. 207–246.
- Юркин И. Н.* Петр Железный: Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский дом, 2012. 352 с.
- Fisher A. W.* Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge.* Bd. 21. 1973. H. 2. Juni. S. 161–174.

References

- Avakov P. Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // *Cahiers du Monde russe.* 2020. № 61/1–2. Janvier – juin. Pp. 177–204. DOI: 10.4000/monderusse.11953.
- Avakov P.A. Azov i Troickij kak istoricheskie predtechi Sankt-Peterburga // *Stolicy i provinciya: Materialy IV Mezhdunarodnogo kongressa petrovskih gorodov,* Sankt-Peterburg, 8–9 iyunya 2012 goda. SPb., 2013. Pp. 224–234.
- Avakov P.A. Gorod Troickij na Tagan-roge: Kakim byl oblik pervoj voenno-morskoj bazy Rossii? // *Rodina.* 2015. № 8. Pp. 98–101.
- Avakov P.A. Osnovanie Taganrogskoj gavani: ot idei k voploshcheniyu // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki.* 2016. T. 37. № 2. Pp. 298–311.
- Avakov P.A. Russko-tureckaya vojna 1672–1681 godov v Severo-Vostochnom Priazov'e // *Slavyanovedenie.* 2020. № 4. DOI: 10.31857/S0869544X0010410–4. Pp. 14–29.
- Avakov P.A. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sostave Rossijskogo gosudarstva v konce XVII – nachale XVIII v.: zavoevanie, kolonizaciya, upravlenie: Diss. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 2011. 380 p.
- Bazarova T.A. «Poslat' dlya svoih velikogo gosudarya del...»: posol'stvo D.M. Golicyna k Vysokoj Porte v 1701 godu // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.* Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 26. 2021. № 2. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>. Pp. 194–206.
- Bogoslovskij M. M. Petr I: Materialy dlya biografii. L., 1948. T. 5. 316 p.
- Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. T. 29. M., 2015. 766 p.

- Gus'kov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. Russko-tureckaya vojna 1686–1700 gg. // Rossijskaya istoriya. 2020. № 6. DOI: 10.31857/S086956870012929–2. Pp. 30–49.
- Degoev V. V. Diplomatija Petra I na zaklyuchitel'nom etape russko-tureckoj vojny 1686–1700 godov. [Ch. 1] // *Rossiya XXI*. 2016. № 1. Pp. 54–85.
- Elagin S. I. Istorija russkogo flota: Period azovskij. SPb., 1864. 320, 48, [10] p.
- Lavrent'ev A. V. Ob odnom ne sohranivshemsya ukaze Petra I («Obstoyatel'naya rospis'» Azovskogo flota 1696 g.) // *Arheograficheskij ezhegodnik za 1990 god*. M., 1992. S. 54–65.
- Pavlenko N. I. Petr Velikij. [3-e izd.]. M., 1998. 736 p.
- Petruhin'cev N. N. Dva flota Petra I: tekhnologicheskie vozmozhnosti Rossii // *Voprosy istorii*. 2003. № 4. Pp. 117–128.
- Solov'ev S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. T. 15–16 // Solov'ev S. M. Sochineniya: V 18 kn. Kn. 8. M., 1993. 640 p.
- Stanislavskij V. V. Diplomatichni zusillya Rosii shchodo vidkryt'ya mors'kogo torgovel'nogo shlyahu cherez Azov i zakryt'ya suhoputnogo shlyahu cherez Ukraïnu do Turechchini (kinec' XVII – pochatok XVIII st.) // *Ukraïna v Central'no-Skhidnij Evropi*. Kii'v, 2016. Vip. 16. Pp. 207–246.
- Yurkin I. N. Petr Zheleznyj: Petr Velikij i Tul'skij kraj: fakty, gipotezy, dokumenty. SPb.: Evropeiskii dom, 2012. 352 p.

Pyotr A. Avakov

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov, Russia*

THE «AZOV PROJECT» OF PETER THE GREAT: NORTH-EASTERN AZOV SEA AREA IN THE FOREIGN AND DOMESTIC POLITICS OF RUSSIA IN THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURY

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42049.

The events that took place in the North-Eastern Azov Sea area in 1696–1711 are characterized by an unique attempt to implement a large-scale colonization project designed to further advance Russia into the Black Sea. The conclusion of the Treaty of Constantinople and the outbreak of the Great Northern War in 1700 only delayed these plans. New administrative-territorial unit with a population of many thousands, a naval base and a number of fortresses were founded. The «Azov project» of the tsar collapsed due to the defeat of the Prut Campaign in 1711.

Keywords: *Peter the Great, Azov, colonization, Russian-Turkish relations, Black Sea issue.*

От царского Государева двора к императорскому двору XVIII в.: эпоха Петра I

Статья посвящена реформе двора русских монархов в правление Петра Великого. В ней затронут вопрос основания новых придворных учреждений, таких как Главная дворцовая канцелярия и Дворцовая контора, сделан анализ процесса введения европейских придворных чинов. В статье рассматривается история новой официальной жизни двора Петра I, описываются изменения в государственных праздниках Романовых и придворных увеселениях.

Ключевые слова: Русский императорский двор, придворные чины, придворные учреждения, официальная придворная жизнь

В годы правления Петра I происходят важные изменения в организации и жизни царского двора, которые постепенно наметили пути превращения Государева двора XVII в. в императорский двор XVIII столетия.

Одним из самых ярких и зримых изменений касалось официальной придворной жизни. Начало ему положило пришедшее на 1690-е и 1700-е гг. отрицание молодым царем большинства старых традиционных мероприятий московского двора. Посвятив свое время государственным делам, Петр отказался присутствовать на них, оставив себе лишь участие в дипломатических аудиенциях и ряде «домашних» церемоний. Как писал в «История о царе Петре Алексеевиче» Б.И. Куракин, после рождения у Петра сыновей Алексея и Александра (то есть после 1690–1691 гг.) придворные церемонии стали «изсякать», «а наипервых выходы в соборную церковь отставлены были»¹. И действительно, Петр I отказался от участия в царских богомольных выходах на праздники, хотя они являлись важнейшей составляющей придворной жизни Московского царства. Выходы, которых было до 60 в году, не считая воскресных, совершались с участием до 700 московских чинов и сопровождалась обрядами с участием патриарха [Забелин, 2000, т. 1, ч. 1, с. 393–396, 407, 412–414, 426–428, 432–436].

Оставив исполнение церемониальных обязанностей брату царю Ивану (умер в 1696 г.), сам Петр стал посещать церкви как частное лицо, часто стоял не на царском месте, а на клиросе, где пел вместе с певчими. А так

¹ Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 68.

как бывал он на службах далеко не во все принятые при дворе праздничные дни, то постепенно, уже в начале XVIII в., сложился новый сокращенный круг праздников и святых, почитаемых официальной светской властью. Среди них остались двенадцатые праздники, богослужения в сочельники, на пасхальной неделе, дни царских ангелов и другие, но более 20 праздников московского двора Петр оставил без внимания, в том числе дни Спаса Нерукотворного, св. Георгия, Казанской иконы Богородицы и Покров, праздники русских святых Сергия чудотворца, Саввы Сторожевского и царевича Дмитрия² и др. Сокращены были и «обветшавшие» праздничные обычаи, например, обмен пасхальными яйцами³. Петр и его окружение также перестали ходить на поклонение к святым мощам, в 1716 и 1717 гг. добились разрешения константинопольского патриарха не соблюдать посты как царю, так и воюющей армии⁴. В результате, при дворе исчез общий пропитанный религиозностью образ жизни, и религия заняла при нем почетное, но все же более скромное место, чем прежде.

Отстранившись от старых кремлевских традиций, Петр создал в 1690-е гг. свое новое потешное и шутовское окружение на Яузе, затем с 1700-х гг. начал формировать новый «серьезный» двор с новым стилем жизни. Происходило это сначала в Москве, а затем в Петербурге, где рядом с царем появилась его вторая семья – царица Екатерина Алексеевна и их дети.

Исключительную роль в создании нового двора и его официальной жизни сыграли новые государственные праздники. В честь военных побед в русских столицах устраивались пышные триумфы, прославлявшие победоносное войско и русский балтийский флот. После первого Азовского победного въезда с началом Северной войны они стали традицией завершения успешных военных кампаний. В 1721–1722 г. в обеих столицах прошли грандиозные празднества в честь заключения Ништадтского мира [Зелов, 2002, с. 122–194]⁵. В 1723 и 1724 гг. состоялись пышные празднества в честь привезенного в Петербург царского ботика – «дедушки русского флота», и перенесения мощей Св. Александра Невского в Александро-Невскую лавру [Ботик, 1903; Семенова, 1982, с. 206–211; Рункевич, 1997, с. 203–222].

С 1710 г. началось формирование системы новых ежегодных светских праздников. К светскому Новому году, отмечаемому с 1700 г., и традиционным тезоименитствам добавились дни рождения членов царской фамилии

² Камер-фурьерские церемониальные журналы. Походные журналы Петра I. 1711–1725 гг. СПб., 1855.

³ Бруин К. де. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873. С. 60.

⁴ Вебер Х.-Ф. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 9. Стб. 1620; Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. М.; Л., 1988. С. 69; ПСЗ. Т. 5. № 3020; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. № 32/11.

⁵ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 225–232; Ч. 2. С. 313–325.

(ранее отмечался только день рождения монарха). В 1723 г. был учрежден день коронации Петра I. С 1710-х г. постепенно появились шесть ежегодных дней воспоминания семи славных викторий Северной войны, ежегодное празднование Ништадтского мира, орденового праздника Св. Андрея Первозванного, и др. Всего в начале 1720-х гг. петербургский праздничный календарь включал более 20 ежегодных светских торжеств [Агеева, 2006, с. 11–26]⁶. Их утренняя часть проходила с церковными службами, яркими проповедями, парадным построением войск, пушечным и ружейным салютами, а вечерняя была посвящена светским балам, застольям, гуляньям и фейерверкам. Местом проведения торжеств становились как городские соборы и площади, так и императорские дворцы и сады [Алексеева, 1979, с. 91–307; Тюхменева, 2005, с. 7–92, 111–126].

В петербургский период Петр, как и прежде, устраивал многолюдные мероприятия всешутейшего собора, например, святочные славленья или шутовские свадьбы-маскарады [Семевский, 1884, с. 318–327; Зицер, 2008, с. 114–145]. Однако рядом с ними появились придворные уличные маскарады-шествования, плаванья Невской флотилии и учрежденные в 1718 г. петровские ассамблеи – свободные собрания для общения, игр, танцев, музыки, по указу проходившие в домах русской знати [Шубинский, 1995, с. 21–28, 31–35; Семенова, 1982, с. 199–206]⁷.

Наконец, новый русский двор являлся участником европеизированных церемоний государственно-семейных событий Романовых. Ими стали свадьбы царевны Анны Иоанновны в 1710 г. и самого царя Петра I в 1712 г., торжества в честь рождения царевича Петра Петровича и других царских детей, пышные погребения вдовствующих цариц, царевны Натальи Алексеевны, самого Петра Великого, имперские коронационные торжества Екатерины I в 1724 г. [Агеева, 1992, с. 89–103; Агеева, 2007, с. 210–239; Агеева, 2001, с. 491–505]⁸.

Помимо преобразования придворной жизни, с 1690-х гг. Петр I начал реформировать дворцовые учреждения. В 1699 – начале 1700 г. он объединил некоторые из них, например, Государеву и несколько Царицыных Мастерских палат (1699), Государеву Оружейную палату с Золотой и Серебряной палатами (1700) [Богословский, 1948, с. 268–269]. Царская охота со зверинцами была «подарена» князю Ф.Ю. Ромодановскому в Преображенский приказ и стремительно сокращалась [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015, с. 142; Кутепов, 2002, с. 11, 12, 18].

⁶ Реестр торжественным и викториальным дням, какие были празднуемы в С.-Петербурге в 1723 году // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1876. Т. 3. Прил. № 41. С. СХСІХ–ССІ.

⁷ ПСЗ. Т. 5. № 3246.

⁸ Описание коронации Ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724.

Но особое внимание царь уделил Приказу Большого дворца, ведавшему огромным дворцовым хозяйством (волостями, городами и пр.) и службами самого царского дворца, в частности готовившими столы Романовых. В 1700 г. Петр присоединил к Большому дворцу Казенный приказ – хранилище денежной казны и царского обихода, и Приказ каменных дел [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015, с. 81, 84; Назаров, 1994, с. 678]. В 1697 г. и 12 февраля 1700 г. провел сокращение Приказа, потерявшего при этом 30% управленцев и 40% мастеровых, истопников и прочих служителей. 7 марта 1700 г. он упразднил команду из 101 музыканта (накрачеи, сурначеи, сурначики). И в итоге оставил в учреждении 1912 человек, которые обслуживали 15 комнат Романовых. Сокращены были и расходы двора на строительство, освещение и др.⁹ После новых сокращений к 1706 г. в приказе осталось 1315 человек, из которых 677 были отчислены к комнатам Романовых (по 35–65 служителей кухни)¹⁰.

Между тем, самому царю требовалась особая дворцовая команда для обслуживания как его самого, ведущего кочевой образ жизни, так и его окружения, а значит, были необходимы новшества. В результате, в 1705 г. была создана Дворцовая канцелярия, часто именуемая в документах Дворцовой походной канцелярией или Дворцовой кормовой канцелярией. Новая структура обеспечивала быт царя в Преображенском, дополняя московские дворцовые учреждения, а также в походах и во время пребывания в новозавоеванных городах¹¹. В ее небольшой штат поначалу поступили «стряпать» отчисленные от Приказа Большого дворца 88 стряпчих, подключников, поваров, скатертников, хлебников, пивоваров и других служителей во главе с М. Воиновым, братьями В. Д. и М.Д. Олсуфьевыми; на содержание назначено 60 тыс. руб. в год [Милюков, 1905, с. 167–168]¹².

В последующие годы новая структура росла и получала дополнительные функции. С 1708 г. она действовала в Петербурге, ведая новыми царскими дворцами, пригородными мызами и вотчинами. В 1710 г. для проведения свадьбы царевны Анны Иоанновны команда дома его величества из восьми высших чинов (стряпчих, подключников и др.) и 81 нижнего чина кухни с солдатами приняла дополнительно 21 служителя, которые ведали царским бытом в военных и иных «походах»¹³. После перенесения столицы в Петербург Дворцовая канцелярия превратилась в главное учреждение по обслуживанию повседневной жизни семьи царя. По ведомости 1719 г., двойные структуры Дворцовой канцелярии насчитывали 352 человека: 33 служителя находились в Москве, и 319 в новой столице¹⁴. Это был канце-

⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 374. Л. 266–314 об., 315 об.–253, 315–383 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1062. Л. 1, 19–51.

¹¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 101. Л. 1.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1062. Л. 20–26.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Ч. 1. Кн. 12. Л. 362–363 об.

¹⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 733. Л. 377 об.–389.

лярский штат, кухонные чины, конюхи, сторожа, управители и служители мыз – садовники, птичники, церковники и др.

10 июня 1724 г. по распоряжениям Петра I и Сената в столицах на основе постоянных и походных структур Дворцовой канцелярии, а также остатков Приказа Большого дворца, были созданы Главная дворцовая канцелярия и Контора дворцовой канцелярии. Новое учреждение, главой которого стал обер-гофмейстер М.Д. Олсуфьев, должно было обслуживать императорский двор и управлять прежними дворцовыми деревнями и городами и конюшенными волостями, ведомыми в Приказе Большого дворца¹⁵, а доходы с них использовать на «дворцовые расходы и на содержание комнат» [Индова, 1964, с. 293]. 12 августа 1724 г. Петр повелел получать на дворцовые нужды сборы с дворцового хозяйства напрямую Дворцовой канцелярии, а не из Штатс-конторы, как было ранее¹⁶. Таким образом, в 1724 г. под именем Главной дворцовой канцелярии с ее отделением – Конторой в Москве было воссоздано учреждение с основными обязанностями прежнего Приказа Большого дворца.

Помимо Дворцовой канцелярии, двор Петра обслуживали его величества Собственная конюшня, Канцелярия дворцовых дел, учрежденная в 1705 г. и несколько лет ведавшая сбором доходов с дворцовых городов и волостей. Из новых государственных ведомств Кабинет его величества, созданный в 1704 г., отпускал средства на дворцовое строительство, жалованье иностранных специалистов, закупку вещей за границей, ведал царским зверинцем, токарней и др. Продолжали действовать и старые угасавшие московские дворцовые учреждения, которые резко сократили свою деятельность, в том числе вследствие массового перевода служителей в Петербург.

В 1700 и 1703 гг. Петр начал резко менять принцип финансирования своего двора и комнат Романовых. На содержание столов цариц и большинства царских родственниц, включая царевен-монахинь Софью и Марфу, он назначил денежные выплаты по 3000, 2500 руб., заменив ими получение готовой пищи из Приказа Большого дворца¹⁷. В 1710 г. по окладным росписям на двор тратилось 111 546 тыс. руб., из которых на Дворцовую канцелярию царя, на обиход, припасы и оклады приходилось 61046 руб. (по другим данным, 61131 руб. 25 алт.); на комнаты цариц и царевен в целом 50500 тыс. руб. В 1724 г. большой и малые дворы, число которых сократилось, по табелю Камер-коллегии, получал от дворцового хозяйства на свои нужды, включая траты на конюшни, церковные дачи и прочее, 132417 руб. (деньги, хлеб, мед, дрова и пр.) [Милюков, 1905, с. 290]¹⁸.

¹⁵ В 1709 г. дворцовые волости были переданы в управление и для сбора налогов в губернии. В 1721 г. вместе с конюшенными волостями они вернулись в управление и сбором налогов в Приказ Большого дворца, но на общем основании отправляли сборы в Камер-коллегию и получали суммы на двор из Штатс-контор-коллегии.

¹⁶ ПСЗ. Т. 7. № 4548, 4677.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 374. Л. 160–163.

¹⁸ ПСЗ. Т. 7. № 4548, 4677.

Особый доход с 1707 и последующих лет давали Романовым дворцовые волости, распределенные между ними персонально в виде личных вотчин [Яковкин, 1830, ч. 2, с. 14–19; Индова, 1964, с. 50–53]. С начала 1710-х гг. с переездом в Петербург каждый взрослый член высочайшей фамилии строил себе отдельный дворец в отдалении от резиденции монарха. Таким образом, единый Московский двор был поделен на большой и малые дворы, ставшие в значительной мере самостоятельными организационно, финансово и территориально.

Важной частью преобразования московского государева двора в новый имперский двор стало введение европейских названий в верхней части лестницы придворных чинов и служителей. Однако предысторией этого новшества в 1690-е гг. стал отказ царя от использования наименований чинов московских. Сначала в окружении Петра I рядом с постельничим, комнатными стольниками, спальниками и другими служителями появились неформально подобранные лица, часто низкого происхождения, и иностранцы. С 1700 г. большинство комнатных чинов заменили денщики, которых одновременно могло быть до 12, а всего насчитывалось 28 человек [Квадри, 2011, с. 44–49, 53–58, 377–410]. Двор царя, писал голштинiec Ф.-В. Берхгольц, «чрезвычайно прост, почти вся свита состоит из нескольких денщиков... из которых только немногие хороших фамилий»¹⁹.

Прекращение в 1690-е гг. практики пожалования в прежние московские чины и отказ в 1713 г. от составления боярских списков привели к постепенному исчезновению прежних чинов, которые продолжали носить только старые служители. Новые же лица находились на придворных должностях без пожалования в какой-либо чин. Нижние служители комнат, как и раньше, назывались в соответствии со своими служебными обязанностями – повар, хлебник, истопник и т.д. Другой тенденцией стало появление при дворе единичных европейских наименований чинов принятых на службу иностранцев, а затем и русских. В результате, при дворе служили обер-кухенмейстер (Я. Фельтен), лейб-медики (Р. Арескин и Л.Л. Блумен-тробст), камердинер (И. Афонасьев), пажи, камергер, камер-юнкеры и др.

Законодательно новые европейские придворные чины были введены только Табелью о рангах, подписанной Петром 24 января 1722 г. Табель имела 14 рангов и три графы, в последней из которых после воинских и статских шли 42 придворных чина с звучащими по-немецки наименованиями. Высшим был чин обер-маршала (2 ранг), за ним шли чины обер-шталмейстера (3), обер-гофмейстера и обер-камергера (4 ранг), обер-шенка (5-й) и далее до гофмейстера пажей и прочих (14-й). В приложении были указаны ранги дамских чинов – от обер-гофмейстерин до гоф-девиц²⁰.

¹⁹ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1. С. 138.

²⁰ ПСЗ. Т. 6. № 3890.

Табель 1722 г. создала новую иерархию придворных чинов, распределила их по рангам и соотнесла с чинами военными и статскими. При ее подготовке составители, продемонстрировав стремление к унификации чинов русского двора с дворами европейскими, внимательно анализировали полученные с Запада описания, регламенты и инструкции чинов, таблицы о рангах дворов Священной Римской империи, Франции, Англии, Пруссии, Польши, Испании, Венецианской республики, Швеции и Дании²¹. Однако в итоге они разработали свой особый европейский вариант круга придворных чинов в рангах.

Так как лестница новых европеизированных чинов русского двора была плохо проработана, их общего пожалования в 1722 г. не произошло. В 1722–1724 гг. по челобитным было присвоено только несколько высших чинов: обер-гофмейстерами стали М.Д. и В.Д. Олсуфьевы, обер-гофшталмейстером – С.И. Алабердеев, обер-шенками – А.М. Апраксин и В.Ф. Салтыков [Волков, 2001, с. 144–146]. 7 мая 1724 г. в связи с коронацией императрицы Екатерины I при ее дворе состоялись пожалования в чины шталмейстера, камергеров, камер-юнкеров и др. [Волков, 2001, с. 153]²². Полностью русский двор воспринял европейскую сетку чинов уже после смерти Петра I, в начале правления Анны Иоанновны.

Новые виды торжеств, церемоний и развлечений заложили традиции официальной жизни петербургского двора. Учрежденные при Петре I Главная дворцовая канцелярия и иные дворцовые ведомства, намеченная в Табели о рангах европеизированная лестница придворных чинов с известной корректировкой, существовали длительное время. В силу этого с полным основанием можно считать, что преобразования двора Петра I стали основой формирования будущего петербургского императорского двора России.

Литература

- Агеева О.Г.* Светские ежегодные праздники русского двора от Петра до Екатерины Великой // Отечественная история. 2006. № 2. С. 11–26.
- Агеева О.Г.* Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в.: на примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени. М., 1992. С. 89–103.
- Агеева О.Г.* Церемониалы рождения царских детей в век европеизации: от Петра I до Екатерины II // Российская реальность конца XVII – первой половины XIX в.: Экономика, общественный строй, культура. М., 2007. С. 210–239.
- Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга. СПб., 2001. Вып. 2. С. 491–505.
- Алексеева М.А.* Театр фейерверков в России XVIII в. // Театральное пространство: Материалы науч. конф. М., 1979. С. 291–307.

²¹ РГАДА. Ф. 370. Д. 58; д. 3. Л. 1–9 об.; д. 13. Л. 5–7; д. 55. Л. 2–2 об.; д. 1. Л. 10–20, 77–103 об.; 44–76; д. 4. Л. 39–41; д. 15. Л. 14–17; д. 19; д. 56; д. 58.

²² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34742. Л. 218 об.–220.

- Богословский М.М. Петр I: Материалы к биографии. М.: Соцэкгиз, 1948. Т. 4. 515 с.
- Ботик Петра Великого «Дедушка русского флота». СПб., 1903. 47 с.
- Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. 242 с.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. М., 2000. Т. 1. Ч. 1. 480 с.
- Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII в. М.: УРСС, 2002. 304 с.
- Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 238 с., ил.
- Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М.: Наука, 1964. 352 с.
- Квадри В.В. История государевой свиты, XVIII век. М.: Кучково поле, 2011. 640 с.
- Кутепов Н.И. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII–XVIII вв. СПб., 1902. Т. 3. 617 с.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.: ИРИ РАН, 2015. 303 с.
- Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. 678 с.
- Назаров В.Д. Дворцовые приказы // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 678–679.
- Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997. 688 с.
- Семевский М.И. Петр Великий как юморист // Семевский М.И. Слово и дело. СПб., 1884. 340 с.
- Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. 280 с.
- Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в.: проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 328 с.
- Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М.: Московский рабочий, 1995. 288 с.
- Яковкин И. История села Царского. СПб., 1830. Ч. 2. 244 с.

References

- Ageeva O.G. Novyi Yavlenia v obschestvennoy zhizni I bitu Peterburga pervoi chetverty XVIII v.: na primere tzarskikh svadeb // *Russkaya kultura v perekhodnyi period ot Srednevekovia k Novomu vremeni*. М., 1992. Pp. 89–103.
- Ageeva O.G. Peterburgskiy traurniy tzeremonial doma Romanovikh v nachale XVIII v. // *Fenomen Peterboupa*. СПб., 2001. Vip. 2. Pp. 491–505.
- Ageeva O.G. Svetskiye ezhegodnje prazdniki Russkogo dvora ot Petra do Ekaterini Velikoi // *Otechestvennaya istoriya*. 2006. № 2. Pp. 11–26.
- Ageeva O.G. Tzeremoniali rozhdenia tzarskikh detei v vek evropeizatzii: ot Petra I do Ekaterini II // *Rossiyskaya realnost' kontza XVII – pervoi poloviny XIX v.: Ekonomika, obschestvennyi stroy, kultura*. М., 2007. Pp. 210–239.
- Alekseeva M.A. Teatr feyerverkov v Rossii XVIII v. // *Teatralnoe prostranstvo: Materiali nauch. konf.* М., 1979. Pp. 291–307.
- Bogoslovskiy M.M. Petr I: Materiali k biografii. М.: Sotzekgis, 1948. Vol. 4. 515 p.
- Botik Petra Velikogo «Dedushka russkogo flota». SPb., 1903. 47 p.

- Indova E.I. Dvortzovoe khozyaistvo v Rossii. Pervaya polovina XVIII v. M.: Nauka, 1964. 352 p.
- Kutepov N.I. Tzarskaya I imperatorskaya okhota na Ruci. Konetz XVII–XVIII vv. SPb., 1902. Vol. 3. 617 p.
- Kvadri V.V. Istoriya gosudarevoi Sviti, XVIII vek. M.: Kuckovo pole, 2011. 640 p.
- Liseitzev D.V., Rogozhin N.M., Eskin U.M. Prikazi Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar-spravochnik. M.: IRI RAN, 2015. 303 p.
- Milukov P.N. Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII st. i reforma Petra Velikogo. 2 izd. SPb., 1905. 678 p.
- Nazarov B.D. Dvortzovii prikazi // *Otechestvennaya historia s drevneishikh vremen do 1917 g. Entziclopedia*. M., 1994. Vol. 1. Pp. 678–679.
- Runkevich S.G. Alexandro–Nevskaya lavra. 1713–1913. SPb., 1997. 688 p.
- Semenova L.H. Ocherki istorii byta I kulturnoi zhizni Rossii. Pervaya polovina XVIII v. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1982. 280 p.
- Semevskii M.I. Petr Velikii kak umorist // Semevskii M.I. Slovo i delo, SPb., 1884. 340 p.
- Shubinskii S.N. Istoricheskie ocherki I rasskazi. M.: Moskovskii rabochii, 1995. 288 p.
- Tyukhmeneva E.A. Iskusstvo triumfalnikh vrat v Rossii pervoi polovini XVIII v.: problemi panegiricheskogo napravleniya. M.: Progress–Traditsiya, 2005. 328 p.
- Volkov N.E. Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom I nastoyaschem. M., 2001. 242 p.
- Yakovkin I.F. Istoriya sela Tzarskogo. SPb., 1830. Part 2. 244 p.
- Zabelin I.E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh. M., 2000. Vol. 1. Part 1. 480 p.
- Zelov D.D. Oficialnii svetskie prazdniki kak yavlenie russkoi kulturnoi kontsa XVII – pervoi polovini XVIII v. M.: URSS, 2002. 304 p.
- Zitzer E. Tzarstvo Preobrazheniya: Svyaschennaya parodiya I tzarskaya kharizma pri dvore Petra Velikogo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 240 p.

Olga G. Ageeva

Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FROM THE TZAR MAJESTY COURT TO THE IMPERIAL COURT OF THE XVIIIth CENTURY: THE EPOCH OF PETER THE GREAT

The article is devoted to the reform of the Russian Monarchs court in the reign of Peter the Great. It deals with the founding the new court institutions, such as the Chief Court Office and The Court Bureau, and analyses the process of introduction the European court officials. The paper examines the history of the new official life of the court of Peter I, describes changes in the Romanovs state holidays and the court amuzements.

Keywords: *The Russian Imperial court, the court officials, the new court institutions, the court public life.*

А.С. АКИМОВА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; Институт филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия

Е.А. БЕЛИКОВА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Роль исторических источников в изображении строящегося Петербурга в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

За почти два десятилетия работы над петровской темой в библиотеке А.Н. Толстого появилось более 200 книг по истории XVII–XVIII вв., истории Москвы и Санкт-Петербурга, мемуаров, изданий писем Петра и его современников, художественных произведений, словарей петровской эпохи и др. В статье рассматривается формирование образа строящегося Санкт-Петербурга в романе «Петр Первый» и основные исторические источники, которыми пользовался писатель при разработке данной темы: «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, «История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782» П.Н. Петрова и др.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, роман «Петр Первый», архив писателя, исторические источники

Начало работы А.Н. Толстого над петровской темой – 1909 г. – время создания неопубликованного стихотворения «Черный всадник» (первый вариант заглавия «Петр»), в котором Санкт-Петербург и памятник Петру I на Сенатской площади работы Этьена Фальконе описаны в духе романтического мистицизма с характерными для него эпитетами «рассвет багровый», «улиц сизые развалы», «черный лик»¹. Впоследствии, обратившись к петровской эпохе в конце 1916 г., Толстой, по собственному признанию, «работал ошупью» [Толстой, т. 10, с. 141] до тех пор, пока историк В.В. Каллаш не дал ему книгу профессора Н.Я. Новомбергского (Слово и дело государевы (Материалы). Томск, 1909). В пыточных актах, собранных Новомбергским, «рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь. Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» [Толстой, т. 10, с. 150]. Работой по овладению языком пе-

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 17.

тровской эпохи стали рассказы, непосредственно связанные с книгой Новомбергского: «Первые террористы (Извлечения из дел Преображенского приказа)» (1918) и «Наваждение» (1918), подготовкой к роману «Петр Первый» Толстой называл повесть «День Петра» и пьесу «На дыбе» (1928).

В результате работы по овладению историческим материалом в архиве писателя в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН отложились записные книжки (1920–1930-х гг.), многочисленные документы, использованные в работе над петровской темой – копии писем Петра I, выписки из дел Преображенского приказа – и другие документы XVII–XVIII вв.

Библиотека писателя – другой уникальный источник, который требует всестороннего изучения и введения в научный оборот. Личная библиотека А.Н. Толстого входит в коллекцию отдела книжных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ГМИРЛИ) и является одной из немногих сохранившихся библиотек русских писателей советского периода. Уникальный характер библиотеки А.Н. Толстого и ее ценность определяется тем, что она формировалась писателем целенаправленно. Многие книги приобретались им осознанно в процессе подготовки к созданию художественных произведений и, собранные воедино, отражают, таким образом, творческие поиски владельца. Библиотека была сформирована после возвращения А.Н. Толстого из эмиграции в 1923 г. – это последняя сохранившаяся библиотека писателя, в которой могут быть книги из его первоначальной библиотеки, оставленной в 1919 г. в квартире В. А. и А.Р. Крандиевских, родителей второй жены, Н.В. Толстой (урожд. Крандиевской). Личная библиотека А.Н. Толстого насчитывает более 2000 изданий, среди которых особое место занимают книги, связанные с эпохой Петра I. В личной библиотеке А.Н. Толстого сохранились книги о Петре историков И.И. Голикова (Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России. В 15 т. М., 1837–1842. Т. 2–15.), Н.М. Карамзина (История государства Российского. В 10 кн. СПб., 1851–1853. Т. 1–12.), Н.Г. Устрялова (История царствования Петра Великого. В 6 кн. с атласом. СПб., 1858. Т. 1–4.), С.М. Соловьева (История России. СПб., б/г. Т. 1–7.), Н.И. Костомарова (Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 кн. СПб., 1912–1913) и других авторов, всего около 200 изданий, многие из которых содержат пометы писателя, требующие тщательного научного описания и изучения. Так, например, некоторые издания Толстой использовал и в работе над рассказами 1917–1918 гг., и в конце 1920-х, работая над незавершенной повестью о Петре, затем пьесой «На дыбе» и романом «Петр Первый». Среди наиболее значимых: *Корб И.Г.* Дневник путешествий в Московию. СПб., 1906, *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы (Материалы). Томск, 1909, Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1879–1918. Т. I–VII. Другие издания Толстой изучал непосредственно перед написанием романа. Упоминания о них есть, прежде

всего, в переписке Толстого. 17 августа 1928 г. он писал Н.В. Крандиевской: «Немедленно вышли мне в Кисловодск книгу дело Монса»². Упомянутое издание (*Семевский М.* Семейство Монсов. СПб., 1862) хранится в личной библиотеке А.Н. Толстого и содержит многочисленные пометы, которые свидетельствуют о методике работы Толстого с документами и историческими источниками: на полях многих изданий сохранились следы карандаша, писатель отчеркивал целые абзацы, подчеркивал несколько строк и отдельные словосочетания, ставил на полях «+».

В статьях и выступлениях 1930-х гг. («Как я работаю», 1929; «Стенограмма беседы с коллективом редакции журнала “Смена”», 1933; «Мой творческий опыт рабочему автору», 1934), говоря о романе «Петр Первый», Толстой неоднократно упоминал о сложности своей работы, вызванной огромным количеством исторического материала. Необходимость изучения книг личной библиотеки А.Н. Толстого по петровской эпохе и введения в научный оборот маргиналий (рисунков и помет писателя на полях книг, закладках и др.) обусловлена методом работы писателя с книжными источниками. А.Н. Толстой считал «работу над документами — одним из очень важных процессов в писательской деятельности» [Толстой, т. 10, с. 225]. В беседе с молодыми писателями он говорил: «Нужно найти в этом материале *основное*, т.е. то, что подтверждает воззрение на ту эпоху, которой занимаешься. Итак, вы начинаете работать над материалами. Вы отмечаете те места, которые вам могут пригодиться, которые вам особенно интересны. Я не пользуюсь обычной картотеккой, я просто подчеркиваю те места, которые мне нужны, и запоминаю, что в такой-то книге я должен найти то-то. Затем, когда охвачен весь период чтением, вы сужаете материал. Вы берете отрезок времени — полгода, год — и смотрите, что в этот период произошло, какие события и какие материалы относятся к этим событиям. Задача писателя — превратить материал в память» [Толстой, т. 10, с. 225].

Работу по сопоставлению исторических источников и романа начал в своем основательном исследовании А.В. Алпатов [Алпатов, с. 130–206]. Исследователь писал о том, что канву событий, фактический материал А.Н. Толстой брал в трудах историков Голикова, Устрялова и Соловьева. Сложнее всего установить, в какой степени в художественной ткани романа отражены эти работы: так, например, при написании шестой главы — Первый Азовский поход — были использованы работы Голикова и Соловьева, но не Устрялова. Об этом свидетельствует сравнение текстов романа и исторических источников, а также изучение помет писателя на изданиях Голикова и Соловьева из библиотеки Толстого. Таким образом, наша задача — установить степень использования исторических источников в романе «Петр Первый».

² Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. литература, 1989. С. 65.

Ряд фрагментов в конце второй и начале третьей книги романа «Петр Первый» посвящены строительству Санкт-Петербурга. Основные труды, которыми пользовался писатель при разработке данной темы, сохранились в его библиотеке с подчеркиваниями и пометами. Это книги: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб. Т. 4. 1863; *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884 и другие.

В романе писатель стремился показать, как был устроен быт в строящемся городе. Например, доставка продуктов описана в произведении следующим образом: «Довольствие сюда шло из Новгорода, из главного провиантского приказа, — летом на стругах по Волхову и Ладожскому озеру <...> на склады в Шлиссельбург <...> там, в амбарах, сидели комиссарами земские целовальники из лучших людей <...> отпускали товар в Питербурх для войска <...> для разных приказов, для земских мужиков-строителей...» [Толстой, т. 7, с. 637]. В данном случае, писатель использовал сведения, которые приводил Петров в «Истории Санкт-Петербурга...»: «И чиновников, и свиту царскую, и солдат, и посошных землекопов кормила казна. Для того, в Новгороде устроено центральное провиантское управление, пересылавшее по требованию комиссаров, всякие припасы на судах, рекою Волховом и, через Ладожское озеро, Невою. В Ладоге и Шлиссельбурге были учреждены временные магазины для запасов. Здесь же, приемом и отпуском по требованиям, заведовали выборные земские “целовальники” (т.е. на должность, по выбору, приводимые к присяге)...» [Петров, с. 41].

Во второй главе третьей книги Толстой помещает сцену разговора Петра I с рабочими-строителями: царь заходит к ним в землянку и расспрашивает об условиях жизни. Фразы, которыми обмениваются герои, на первый взгляд, кажутся простыми и понятными для этой ситуации, но за каждой из них стоит исторический источник. Например, Толстого явно заинтересовали сведения о лекарственной водке, которые приводил Петров: «Против диссентерии, которой подвергались новые люди на Неве, аптекарь Леевкенс <...> изобрел хорошо действующую лекарственную водку из сосновых шишек и количество ее, — несмотря на высокую продажную цену 4 р. 32 коп. за ведро, как видно по счетам, — выпиваться стало не малое, увеличивая доход казны» [Петров, с. 43–44]. Поэтому в романе Петр I при встрече с Андреем Голиковым сразу спрашивает об этом лекарстве: «От работы бегаешь? Болен? Водку на сосновых шишках вам выдают, как я велел?» [Толстой, т. 7, с. 640]. К другому рабочему Петр обращается с требованием жаловаться на еду, одежду и слышит в ответ: «Осенью выдали одежонку, — за зиму — вишь — сносили» [Толстой, т. 7, с. 641]. Здесь также источником для Толстого послужили сведения Петрова: «Прибыл весной одним из первых, транспорт с теплою одеждою, которую раздали вместо изношенной в одну зиму» [Петров, с. 43].

В этой же сцене Петр I «пытает правду» у строителя – посадского человека, сбитенщика из Керенска: «Я виноват, всех обобрал. Так?» [Толстой, т. 7, с. 641]. Ответы последнего об общем количестве рабочих, порядке набора («с каждого десятого двора берут человека»), сумме кормовых денег текстуально совпадают с указами, которые приводил Петров: «На 1704 год 40 тыс. рабочих вызваны в Петербург, по указу 1 марта с 85-ти мест; а на 1705 год сделан был наряд “с 35-ти городов <...> всяких чинов людей, с крестьянских, и бобыльских дворов, взять работных людей с девяти дворов человека”» [Петров, с. 57]; «...указом 7 января 1708 года велено собрать сорок тысяч работников с плотничьими снастями по переписным книгам 7186 (1678) года с одиннадцатого двора по человеку; да им же на дачу и на покупку хлебных запасов, с оставшихся десяти дворов собрать по 13 алтын по 2 деньги (40 коп.) с двора» [Петров, с. 60]. Петров также приводил тексты указов Петра I со списком городов, из которых следует привезти новую смену рабочих [См.: Петров, с. 59], отсюда, вероятно, Толстой взял место рождения одного из героев – город Керенск.

Источником для Толстого служили и общие сведения исследователей. Например, Н.Г. Устрялов писал о восхищении Петра выбранным местом для нового города: «...в задушевных письмах к своему Bruder, т.е. Меньшикову, из С.-Петербурга, он говорил неоднократно: “Не могу не писать вам из здешнего Парадиза: истинно, что в раю здесь живем”. “О здешнем поведении сомневаться не изволь: ибо в раю Божиим злом быть не может”. Самое письмо о наводнении 9 сентября 1706 года, когда вода в царских покоях была на три четверти аршина от пола, а мужики и бабы спасались на деревьях, помечено: “из Парадиза”» [Устрялов, с. 274]. В романе Петр I, оказавшись ранней весной 1704 г. в Санкт-Петербурге, обращается к А.Д. Меньшикову со словами: «Парадиз! – сказал. – Ей-ей, Данилыч, парадиз, земной рай...» [Толстой, т. 7, с. 634].

О том, что Петр I предпочитал называть новый город именно Питербургом, Толстой, возможно, заметил при чтении «Писем и бумаг императора Петра Великого» (Т. I–VII. СПб., 1879–1918. Т. 3) или также воспользовался наблюдениями Устрялова: «Петр во всех письмах к супруге своей, к Меньшикову и другим лицам до самого конца жизни писал *Санкт-Питербурх* или *Питербурх*; в сношениях с иноземными государствами *Санктпетербург*; также и в Гистории Свейской войны. В Юрналах, правленных его рукою, встречается *Питербурх* и *С.-Петерсбург*» (курсив автора) [Устрялов, с. 241]. Это находит отражение в романе: сам царь и все его сподвижники называют город именно Питербургом.

Работа с книгами из личной библиотеки Толстой позволяет очень точно установить источники романа «Петр Первый». Характерная для Толстого помета «+» на полях или подчеркивания простым или цветным карандашами (синим, красным) указывают, как правило, на фрагмент, на который в первую очередь ориентировался писатель. Особенно это важно при со-

поставлении тематически схожей информации в разных исследованиях. Например, историю постройки бастиона Кроншлот описывает и Устрялов, и Петров [Устрялов, с. 249–250; Петров, с. 43], везде сохранились подчеркивания рукой Толстого, но на полях книги Петрова писатель делает помету и запись «Кроншлот». Последнее обстоятельство, а также текстуальные совпадения с выделенным отрывком из «Истории Санкт-Петербурга...» Петрова дает возможность указать источник описания.

Таким образом, изучение книг личной библиотеки Толстого позволяет не только установить степень использования исторических источников по петровской эпохе, но и сформировать целостное представление о творческой лаборатории писателя.

Литература

- Алпатов А.В.* Алексей Толстой – мастер исторического романа. М.: Советский писатель, 1958. 356 с.
- Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб.: Издание Глазунова, 1884. 246 с.
- Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1982–1986. Т. 7. 783 с.
- Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1982–1986. Т. 10. 511 с.
- Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: В 6 кн. с атласом. Т. 1–4. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858–1863. Т. 4. Ч. 1. 1863. 629 с.

References

- Alpatov A.V. Aleksej Tolstoj – master istoricheskogo romana. M.: Sovetskij pisatel', 1958. 356 p.
- Petrov P.N. Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda do vvedeniya v dejstvie vybornogo gorodskogo upravleniya po uchrezhdeniyam o guberniyah. 1703–1782. SPb.: Izdanie Glazunova, 1884. 246 p.
- Tolstoj A.N. Sobr. soch.: V 10 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1982–1986. T. 7. 783 p.
- Tolstoj A.N. Sobr. soch.: V 10 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1982–1986. T. 10. 511 p.
- Ustryalov N.G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo: V 6 kn. s atlasom. T. 1–4. SPb.: Tip. II-go Otd-niya Sobstv. Ego. Imp. Vel. Kancelyarii, 1858–1863. T. 4. Ch. 1. 1863. 629 p.

Anna S. Akimova

*M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences;
Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

Ekaterina A. Belikova

*Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

THE HISTORICAL SOURCES OF THE IMAGE OF SAINT PETERSBURG IN THE NOVEL *PETER THE GREAT* BY A.N. TOLSTOY

More than 200 books on the history of the XVII–XVIII centuries, the history of Moscow and Saint Petersburg, memoirs, editions of letters of Peter I and his contemporaries, dictionaries of his epoch, works of art, etc. has been kept in the A.N. Tolstoy's library for almost two decades of work on the image of Peter the First. The paper examines the development of the image of Saint Petersburg in the novel *Peter the Great* and the main historical sources such as *The History of the Reign of Peter the Great* by N.G. Ustryalov, *The History of Saint Petersburg from the Foundation of the City to the Introduction of the Elected City Administration for Institutions about Provinces. 1703–1782* by P.N. Petrov, etc. used by the writer.

Keywords: *A.N. Tolstoy, the novel Peter the Great, the writer's archive, historical sources.*

С.А. Амелёхина
Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль», Москва, Россия

Церемониальный траурный костюм при Российском императорском дворе в эпоху правления Петра Великого

В статье проведен анализ указов царя Петра Алексеевича о введении в России платья «немецкого», а также донесений русских послов о «печальных обычаях» при дворах Западной Европы. Описанные в этих документах, а также в делах «Печальных комиссий» в России первой трети XVIII в., строго регламентированные в соответствии с периодами траура костюмы соответствуют ряду предметов из гардероба императора Петра II, хранящихся в собрании Музеев Московского Кремля.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, Оружейная палата, траурный церемониальный костюм, французский костюм

Церемониальный траурный костюм при Российском императорском дворе ранее не становился предметом специального исследования. Задолго до XVIII в. скорбь по ушедшему человеку выражалась в использовании «смирного» платья черного цвета, которое должно было быть «худым и изодранным», поскольку опрятность и забота о собственной одежде воспринимались как неуважение к покойному [Логунова, с. 22].

Сохранился ряд принадлежавших Петру I костюмов черного цвета, который ассоциировался с трауром. Один из них, сшитый из черного бархата¹, поступил в Оружейную палату из Русского музея в 1931 г., еще один кафтан «тафтяной черный» с пуговицами, оплетенными конским волосом², был «весьма ветхим» уже при составлении описи Оружейной палаты 1808 г.³ Черные штаны⁴ Петра I в описи Оружейной палаты 1808 г. значатся как «немецкие»⁵. Кафтан и штаны выполнены из различных тканей и в ранних описях между собой не связаны, однако в 1830–40-х гг. их объединили в комплект, что нашло отражение на рисунке Ф.Г. Солнцева. Близкий по крою, но более длинный кафтан Петра I из черного сукна, привезенный из

¹ Инв. № Тк-2856/1–2.

² Инв. № Тк-2602.

³ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 1. С. 85.

⁴ Инв. № Тк-2604.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4009в. Л. 250–250 об.

Мастерской палаты в Санкт-Петербург в 1712 г.⁶, хранится в собрании Государственного Эрмитажа.

Все черные костюмы Петра I именуются в документах «шкиперскими»⁷, хотя имеют различный фасон и выполнены в основном из дорогих, парадных тканей, явно неподходящих для морского плавания. Для этой цели у Петра I существовали особые «платья» – в описи 1712 г. «морские»⁸.

Сотрудниками Государственного Эрмитажа было высказано предположение о том, что один из черных кафтанов Петра I, переданный в Мастерскую палату с государева двора в Преображенском в 1705 г. как «французский», при отправке в Санкт-Петербург в 1712 г. был переименован в «шипёрский» потому, что в 1712 г. «французскими» называли уже другие фасоны, а все ранние одежды именовали «шипёрскими» [Моисеенко, с. 63].

Слово «шкипер» означает «капитан корабля». Петр I начал называть себя «шипгером» в 1693 г., впервые приехав в Архангельск. В звании капитана он состоял до 1706 г., когда его произвели в капитан-командоры. 13 июля 1709 г. за Полтавскую баталию ему был пожалован чин арир-адмирала или шаутбенахта (контр-адмирала), а в 1714 г. за победу при мысе Гангут – чин вице-адмирала. Таким образом, определение «шипёрский» в отношении составных частей костюмов Петра I может означать не обстоятельства использования этих вещей, а датировку – период времени с 1693 по 1706 г., когда царь состоял в чине капитана.

Что касается назначения костюмов Петра I черного цвета, то использование черного сукна, шерсти, бархата, шелка и репса, а также оплетенных черным конским волосом или черными нитями пуговиц – это характерные признаки траурного костюма, однако наиболее ранние документальные подтверждения этому удалось обнаружить в источниках, относящихся к 1719 г.

Костюмы западноевропейского покроя выполнялись для самого царя с 1690 г. [Моисеенко, с. 60] Во время Великого посольства 1697–1698 гг. Петр I имел возможность не только увидеть, но и оценить удобство костюмов тех стран, по которым проезжал. Очевидец его путешествия писал: «Он был одет в скромное платье: длинный и узкий камзол с узкими наглухо застегнутыми рукавами, как одеваются зажиточные и степенные горожане Амстердама» [Богословский, с. 475]. Когда визит Петра I в Англию подходил к концу, имперский посол Хоффман писал Леопольду I в Вену: «Он все время здесь проходил в матросской одежде. Посмотрим, в каком наряде он предстанет перед Вашим Императорским Величеством... Говорят, будто он намерен цивилизовать своих подданных на манер других народов. Но из всего его поведения здесь можно лишь заключить, что он собирается сделать из них матросов» [Масси, с. 66]. В день приезда в столицу Саксонии

⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 15. Л. 984–984 об.

⁷ Там же. Л. 982 об.

⁸ Там же. Л. 983 об.

Петр I был одет в испанский камзол, в узкое исподнее платье и голландские башмаки [Брикнер, с. 729]. Кафтан «голландского» покроя был на Петре I во время его встречи с Леопольдом I [Устрялов, с. 127]. Все остальные члены посольства, за исключением Ф. Лефорта, во время торжественных аудиенций являлись в русском платье на соболях. Лишь в Вене руководитель дипломатической службы России Ф.А. Головин надел европейский костюм [Корб, с. 254].

Б.П. Шереметев, находясь в Вене, явился на аудиенцию к императору Леопольду I 17 декабря 1697 г. в европейском костюме [Павленко, с. 17]. Вернувшийся в январе 1699 г. из заграничного путешествия П.А. Толстой был облачен в европейское платье [Корб, с. 128].

Накануне реформы костюма знакомство с западноевропейской одеждой при государевом дворе уже состоялось, однако носили его, помимо самого царя и его близких друзей, в основном иностранцев, только те россияне, которые совершили длительное путешествие в Западную Европу. В литературе утвердилось мнение о том, что в 1701 г. царь законодательно ввел в обиход русского двора и всего городского населения России костюмы «немецкие». Немцами (от слова «немой», поскольку общение с ними без переводчика было невозможно) в России в XVII – начале XVIII в. называли выходцев из стран Западной Европы. Таким образом, словосочетание «немецкий костюм» подразумевает, что это был костюм западноевропейского образца.

До восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны было издано 10 указов, касающихся костюма, но лишь 4 первых были посвящены его регламентации, которая проводилась непоследовательно. Первый именной указ «Великого государя», изданный 4 января 1700 г., обязывал горожан носить «платье венгерское» (восточноевропейского образца)⁹. В декабре 1701 года был издан второй указ, который был, по сути, противоположен первому. Сохранялась лишь длина костюма – чуть ниже колена, при этом всем лицам мужского пола за исключением священников и пашенных крестьян повелевалось носить платье как верхнее, так и исподнее (камзол и штаны), а также сапоги, башмаки и шапки «немецкие» (западноевропейского образца)¹⁰. Разъяснялось, что верхнее платье должно быть не просто «немецким», а конкретно – «саксонским и французским». 28 февраля 1702 г. был издан третий указ, определявший вид парадного мужского костюма. По праздникам было велено носить верхние кафтаны «суконные французские», а под ними камзолы: царевичам и палатным людям – золотные, генералам, полковникам и вообще начальникам – из «иных парчей», московским чиновникам, дьякам и другим подчиненным – цветные¹¹. Таким образом, в 1702 г. в качестве парадного был узаконен «французский»

⁹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 182.

¹¹ Там же. С. 189.

кафтан. 22 декабря 1704 г. последовал четвертый и последний указ: «С 1 января 1705 г. по светлое Христово воскресение носить платье верхнее саксонское, а исподнее — камзолы и штаны, сапоги и башмаки немецкие». Дозволялось, если у кого-то есть такое желание, носить зимой не только саксонский, но и французский кафтан, а вот летом полагалось носить исключительно французский¹². Однако через полтора года на похоронах царевны Татьяны Михайловны, состоявшихся летом, присутствующие были одеты не только во французские, как диктовал указ, но и саксонские кафтаны¹³.

Полагаем, что отличие французского костюма от саксонского состояло в размере и форме обшлагов и типе застежки. На портретах короля польского и курфюрста саксонского Августа Сильного обращают на себя внимание характерные особенности покроя его кафтана, который имеет застежку на обе стороны, позволявшую носить его нараспашку или застегнутым, причем двумя способами — как двубортный или как однобортный. Последний вариант давал возможность одеть под кафтан душегрейку для тепла. Помимо этого, у кафтана имелись небольшие обшлага, которые позволяли надеть поверх него епанчу с рукавами или шубу. В описи платья Петра I, переданного в Мастерскую палату в 1705 г. с государева двора в Преображенском, числятся два «саксонских» кафтана, оба суконные, один — коричневый на рысьем меху, второй — темно-лазоревый на лисьем чернобуром¹⁴.

При дворе Людовика XIV модными были кафтаны с однобортной застежкой и огромными обшлагами на рукавах. Если сравнивать удобство этих двух разновидностей кафтанов для ношения в России с ее климатическими условиями, то саксонский представляется более пригодным для зимнего периода, в то время как французский — для теплого времени года.

Все остальные костюмы черного цвета, которые сохранились до наших дней в собрании Музеев Московского Кремля, поступили в 1766 г. в составе гардероба императора Петра II¹⁵, в котором числилось 24 предмета одежды черного цвета, один из которых не приняли в сокровищницу по причине ветхости. Это была «черная, суконная, круглая епанча» (плащ)¹⁶. Сведения об использовании черных плащей в качестве церемониального траурного облачения обнаружены в описании погребения вдовы царя Федора Иоанновича царицы Марфы Матвеевны, состоявшегося 7 января 1716 г. [Агеева, 2007, с. 6], а также царицы Прасковьи Федоровны в октябре 1723 г. [Агеева, 2001, с. 498].

Подготовку декоративно-художественного оформления похорон Прасковьи Федоровны возглавлял граф Франц (Матвеевич) Санти, который

¹² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. С. 272.

¹³ Там же. С. 355.

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 609. Л. 2–2 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41433. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 28 об.

12 апреля 1722 г. именным указом императора был определен к герольдии как товарищ герольдмейстера «для отправления геральдического художества» [Агеева, 2008, с. 5–6]. По-русски Ф. Санти не говорил и не писал, бумаги за него готовил переводчик Франц Шевизон¹⁷, а с донесениями в иностранную коллегия отправлялся Козьма Хрипилов, однако это не мешало Ф. Санти вести плодотворную работу по унификации церемониалов русского двора с дворами европейскими.

По указу Петра I от 4 марта 1723 г. русские послы и министры провели сбор информации о печальных обычаях при дворах Западной Европы. Из донесения, отправленного 29 апреля 1723 г. из Стокгольма полномочным министром, камер-юнкером М.П. Бестужевым-Рюминым, следует, что, давая поручение послам, император желал получить ответы на следующие вопросы: какие разновидности траурного платья и по каким случаям надевают король, королева, их фамилия, министры и другие чины; какое время длится глубокий, средний и меньший траур; необходим ли траурный костюм для воинских чинов; делаются ли от двора объявления о трауре, или все облачаются в него, следуя примеру двора? В ответ М.П. Бестужев сообщил, что при шведском дворе никаких распоряжений по поводу траура не бывает, «но каждый, смотря на двор, по произволу своему чинит». Длительность глубокого, среднего и меньшего траура каждый раз устанавливается по-разному и сроки редко соблюдаются. Когда при дворе бывает траур, всем гражданским и военным чинам, допущенным ко двору, «надлежит быть в черном платье». Король, все придворные и визитеры носят в таких случаях суконный черный кафтан, пуговицы и петли которого обшиты тем же сукном. За шесть или за четыре недели до окончания траура король одевает другое платье, также из черного сукна, но с шелковыми петлями и пуговицами¹⁸.

30 марта 1723 г. тайный советник граф А.Г. Головкин сообщил из Берлина, что в Пруссии «при нынешнем короле никакого нового учреждения о трауре нет, но по... старым примерам траур иногда носят», однако традиционное время траура не выдерживают, поскольку «королевское величество трауров не охотно видит»¹⁹.

6 мая 1723 г. князь А.Б. Куракин направил из Парижа реляцию о «трауре двора французского». Людовик XIV «через многие годы королевства» носил траур двух цветов. По отцу, супруге, тестю, теще и брату он «нашивал траур целый год в платье пурпуровом» (фиолетовом), в качестве аксессуаров к которому использовал галстук из тонкого «шерамбата, с подшивкой в палец шириной», и узкие манжеты на кафтане и камзоле. Замшевые перчатки и башмаки, свисающий со шляпы до колена креп, эфес шпаги и пряжки на его башмаках — все было фиолетового цвета. Принимая соболезнования от

¹⁷ РГАДА. Ф. 156. Д. 40. Л. 11.

¹⁸ Там же. Д. 122а. Л. 7–8 об.

¹⁹ Там же. Л. 1.

послов или присутствуя на богослужениях, он облачался в такого же цвета суконную епанчу со шлейфом, который в первом случае волочился по земле на полтора метра, а во втором — на семь. Такой траур назывался «большим», но фиолетовым он был лишь для самого короля. Члены его семьи и вельможи облачались в костюмы радикально черного цвета и носили их шесть недель, после чего им позволялось использовать полотняные рубахи с узкой нитяною бахромой на манжетах, а спустя еще три месяца — рубахи из кисеи. Нитяная бахрома в данном случае использовалась для символического обозначения обтрепанного края рукавов, что в свою очередь символизировало изношенность костюма. Подражая лохмотьям аскета, он служил демонстрацией глубины горя скорбящего.

В случае смерти «князей и княгинь королевской крови» Людовик XIV в течение 6 недель носил траур черного цвета, а если приходило известие о кончине иностранных правителей, король выбирал цвет своего траура и его длительность, исходя из конкретных обстоятельств. Как только король появлялся в траурном облачении, все придворные немедленно следовали его примеру²⁰.

Полномочный министр, камер-юнкер Л. Ланчинский сообщал 16 ноября 1723 г. из Вены, что при «всяком случае домашнего и чужестранного траура» при дворе императора Священной Римской империи собирается специальная конференция, на которой определяется срок ношения и глубина траура. Они зависят от почтения к умершему или к его фамилии, от того, где находится император — в Вене, в охотничьем замке Лаксенбурх или летнем дворце Фаворит, а также от больших церковных или придворных праздников, на которые одевают парадные платья, после чего траур уже не донашивают. При венском дворе траур делился на четыре периода. Первый назывался «глубоким» и носили его год и шесть недель. Остальные три периода назывались «камер-трауры», первый из которых длился полгода, второй — три месяца, третий — шесть или четыре недели. Траурный костюм был либо целиком из черного сукна, либо «из диких цветов», с черными обшлагами и пуговицами на кафтанах и с черными камзолами.

Если в период траура случались праздники, то накануне в Антикамере объявляли, какое платье позволяет одеть на этот праздник. Если глубокий траур начался недавно, то к суконному черному платью разрешалось одеть кружевные галстуки и манжеты. А если траур уже долго носили, то зимой на праздник одевали платье из черного бархата, а летом — целиком из «рацемора» с кружевными галстуками и манжетами, либо кафтаны из черного бархата или «рацемора» с «драдоровыми» камзолами.

Л. Ланчинский сообщал, что после кончины вдовствующей императрицы Элеоноры Пфальц-Нойбургской 19 января 1720 г. император Карл VI со всем двором носили траур год и 6 недель. Первые шесть недель император

²⁰ РГАДА. Ф. 156. Д. 122а. Л. 2, 2 об., 3, 4, 4 об., 6.

при церемониальных выходах одевал «епанчу до земли, камзол, а поверх него от пояса — передник длиной до башмаков», который спереди был застегнут на пуговицы. Шляпа его была обвязана очень длинным флером, испанский галстук и манжеты выполнены из простой кисеи, шпага обшита черным сукном, а башмаки из черной замши украшены черными пряжками. Л. Ланчинский подчеркивал, что костюм императора был шит «из самого плохого, будто сермяжного редкого черного сукна»²¹. Это обстоятельство представляется принципиально важным для осмысления символики траурного костюма. Явно традиционный выбор грубой, колючей ткани, постоянно напоминавшей о терпении и смирении, свидетельствовал об отказе от радостей роскошной жизни и умерщвлении плоти, а сам костюм, таким образом, подражал рубищу мученика и власянице монаха.

Аналогичная традиция соблюдалась и при других европейских дворах. В экстракте из актов обергофмаршальской части королевства Польского и курфюшества Саксонского, присланном послом, князем С.Г. Долгоруковым из Варшавы 1 февраля 1724 г., содержится информация о трауре, который был наложен при кончине матери короля Августа II Анны Софии Датской 1 июля 1717 г. Первые три месяца высшие чины носили костюмы из «шароховатого сукна, только с 3 пуговицами, и флеры на шляпах и шпагах». Первые 6 недель глубокого траура на обшлага их кафтанов было нашито белое полотно. Черные замшевые башмаки были украшены воронеными темными пряжками, а эфесы шпаг обшиты черной тканью. Следующие 3 месяца они «ходили в плохом черном сукне и в плохом белье без флеров, а последние 3 месяца в черном сукне и белье с кружевами». Подчиненные и прочие носили черное суконное платье с пуговицами до талии. Пуговицы и петли были обшиты тем же сукном, а на карманах и обшлагах пуговицы отсутствовали. Шпаги и пряжки на башмаках у них были темными воронеными²². Таким образом, в период официального придворного траура блеск как самого костюма, так и его аксессуаров исключался. Использовали только матовые ткани — низкокачественное грубое сукно, шерсть, бархат, тафту и репс, а пуговицы, шпаги и пряжки обшивали черной тканью, оплетали черными нитями или чернили. На костюме позволялось оставлять минимальное количество пуговиц, которые были сугубо функциональными.

Сохранился документ, свидетельствующий о том, что мельчайшие нюансы оформления траурного костюма при европейских дворах были известны при российском дворе как минимум четырьмя годами ранее. Российский посол князь Б.И. Куракин сообщал, что 29 мая 1719 г. он получил в Гааге указ Петра I носить послу, секретарю посольства и посольской свите глубокий траур в связи с кончиной цесаревича Петра Петровича. Б.И. Куракин принял решение в качестве примера заимствовать глубокий

²¹ РГАДА. Ф. 156. Д. 122а. Л. 12–14.

²² Там же. Д. 187. Л. 50–52.

траур французского и английского дворов по дофину и принцу Уэльскому. Описание костюмов он отослал в Министерство иностранных дел, ожидая указа, носить ли траур 6 месяцев, как это принято в случае кончины наследника престола, или год. Оно корреспондируется с рядом сохранившихся костюмов из гардероба Петра II, а также содержит перечень обязательных аксессуаров. Первые шесть недель траура сотрудники посольства носили костюм из толстого черного сукна с суконными пуговицами. На кафтане их было всего три — на талии, а на камзоле — от горловины до талии. На рукавах и карманах пуговицы отсутствовали. Вместо этого на обшлагах кафтана были нашиты плерезы из бельевой ткани. Из нее же был выполнен галстук с «широкой обшивкой». Манжеты на рубашке отсутствовали. Запонки к рубашке, пряжки к башмакам и черная шпага были обшиты сукном. Черные замшевые башмаки носились с шерстяными чулками. Парик не пудрился, а со шляпы свисал черный флер. В случае официального уведомления о кончине, а также при отдаче визитов или приеме визитеров члены посольства дополнительно надевали черную длинную епанчу.

Спустя шесть недель глубокого траура костюм полностью поменяли: вместо черного, сшитого из толстого сукна, начали носить из сукна «обыкновенного», без плерезов, со всеми пуговицами на кафтане и камзоле. Со шляпы сняли флер и начали пудрить парик, а через три месяца после наложения траура — украшать рукава рубашки манжетами «с махрами»²³. В России они получили название «траурбахрома», которая была не только белого²⁴, но и черного цвета²⁵, и нашивали ее не только на рукава рубах, но и на подол камзола, также имитируя изношенность костюма.

Все перечисленные выше донесения послов и министров, сшитые в два архивных дела, имеют многочисленные пометки NB и подчеркивания красным карандашом: их обстоятельно изучали, вероятнее всего, при подготовке к церемонии похорон Петра I, скончавшегося 28 января 1725 г., а 10 февраля в сенатской типографии было отпечатано объявление, извещавшее «об уборах, каковы употреблять при нынешнем печальном случае». Всем придворным с 11 февраля 1725 г. повелевалось иметь плерезы (разъяснялось, что означает «белой холстиной обшивки делать, не больше 1,5 вершков шириной»), лицам мужского пола от 1 до 6 класса — носить байковое платье также с плерезами и шпаги, обшитые черной тканью, а ниже 6 класса — суконное платье и флер на шпагах²⁶.

На церемонию прощания с императором ушло сорок дней. Внук Петра I великий князь Петр Алексеевич принимал участие в траурной процессии, что представляется принципиально важным, поскольку два из шести чер-

²³ РГАДА. Ф. 156. Д. 122а. Л. 10, 10 об., 11 об.

²⁴ Там же. Д. 40. Л. 4.

²⁵ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1740. Л. 706 об.

²⁶ Там же. Ф. 156. Д. 40. Л. 2 об.

ных костюмов в составе его гардероба следует отнести к периоду траура по императору Петру I. Взойдя на российский престол в возрасте 11 лет и 7 месяцев, Петр II до конца своего царствования рос, о чем свидетельствует постепенное увеличение размера его одежды. Для того чтобы установить, к какому трауру был выполнен тот или иной из его костюмов, достаточно сравнить их размеры с размерами единственного костюма, который точно датирован – коронационного, который юный император надевал 25 февраля 1728 г.

Из 23 переданных в Мастерскую и Оружейную контору в 1766 г. предметов черного цвета в Музеях Московского Кремля сохранилось 17. Анализ видов тканей, отделок и размеров позволил составить из них 6 комплектов, причем все шесть меньше коронационного, следовательно, выполнены они были до коронации. Эти шесть комплектов, в свою очередь, также отличаются размерами. Два из них меньше остальных, а значит, их возможно отнести к трауру по Петру I.

Кафтан²⁷ сшит из черного рыхлого сукна, ворс которого с течением времени осыпался с лицевой стороны, но сохранился местами под подкладкой. Именно такой сорт сукна «с шишками» был рекомендован обер-церемониймейстером Г. Габихсталем для костюмов императора и придворных в первые два месяца глубокого траура по великой княжне Наталии Алексеевне в 1728 г.²⁸ На полах кафтана пять петель и пять пуговиц, обтянутых той же тканью. Обшлага на рукавах, как и клапаны карманов, не имеют ни петель, ни пуговиц. К этому кафтану относится камзол²⁹, который застегивался на 18 пуговиц, при этом на карманах ни пуговиц, ни петель нет. Он сшит из той же ткани, что и кафтан, по краям рукавов пришиты белые плерезы. Этот костюм Петра II следует отнести к первой половине годового траура – к «глубокому трауру».

Летом 1725 г. Екатерине I были поданы на выбор варианты костюма «другой половины годового траура». Великому князю Петру Алексеевичу, как и всем придворным, предлагалось носить платье из черного сукна с пуговицами до подола, без плерезов, а шпаги – не обшитые сукном и без флеров. Великому князю дополнительно рекомендовалось иметь на шляпе белые и черные перья, а на эфесе шпаги – висящие белые и черные ленты³⁰. Черновик указа 30 июля 1725 г. подготовил переводчик Франц Шевизон, что свидетельствует о том, что работа проводилась под руководством Ф. Санти. Императрица приняла решение продолжить при дворе глубокий траур, поскольку согласно «Объявлению о трауре другой половины года», отпечатанном в сенатской типографии 1 августа 1725 г., значилось, что кавалерам и придворным следует носить суконное платье с четырьмя пуго-

²⁷ Инв. № Тк-2607.

²⁸ РГАДА. Ф. 156. Д. 49. Л. 2.

²⁹ Инв. № Тк-1961.

³⁰ РГАДА. Ф. 156. Д. 40. Л. 4–6 об.

вицами на кафтане — одна сверху, три — у пояса, а на камзолах пуговицы сплошь до пояса. Лишь тем, кто не имел доступа ко двору, разрешалось носить платье с пуговицами до подола. Вместо кружевных манжет и галстуков всем дозволялись только полотняные. Шпаги сукном велено было больше не обшивать³¹.

Костюм Петра II, сшитый из такого же сукна с осыпавшимся ворсом, следует отнести к следующему этапу траура по Петру I. Кафтан³² украшен от ворота до подола 33 обтяжными пуговицами, карманы, обшлага рукавов и фалды также имеют пуговицы. К этому кафтану относится камзол³³, штаны³⁴ с черными подвязками и чулки³⁵, вязанные из черной шерсти с вышитыми стрелками.

К концу второго полугодия началось постепенное ослабление траура. В канун католического Рождества 1725 г. «ввечеру в 8 часов» И.А. Остерман хлопотал о том, чтобы на следующий же день ко всем чужестранным министрам был послан курьер, переводчик Козьма Хрипунов с объявлением о том, чтобы они до нового года изволили ходить в светлом платье³⁶. 3 марта 1726 г. К. Хрипунов был послан из Иностранной коллегии к обер-церемониймейстеру графу Ф. Санти с запросом о том, в каком траурном платье чужестранным министрам следует явиться ко двору в праздник святой Пасхи и какое платье носить потом. Члены коллегии настаивали, что такое объявление должно быть сделано именно от обер-церемониймейстера, а не от Иностранной коллегии. Ф. Санти ответил, что он «еще не имеет ни служителей, ни канцелярии», поэтому «объявления чужестранным министрам учинить не может», но «по именному ее императорского величества указу, который получил через его королевское высочество светлейшего герцога Голштинского», он уже учинил объявление о трауре³⁷. Оно было напечатано в сенатской типографии 9 марта 1726 г. и свидетельствовало о том, что годичный глубокий траур закончился, но был введен камер-траур. Императрица велела объявить, что с 11 марта 1726 г. «министрам и прочим, которые в рангах» следует носить «черные кафтаны с цветными камзолами, или цветные кафтаны с черным прикладом»³⁸. Через 2 недели обер-церемониймейстер направил в Иностранную коллегию для сообщения «иностранному при дворе ее императорского величества господам указ ее величества» с разрешением с 25 марта «министрам и прочим которые в ранге надеть цветное платье»³⁹. Траур, длившийся год, был снят.

³¹ РГАДА. Ф. 156. Д. 40. Л. 10–13.

³² Инв. № Тк-3029.

³³ Инв. № Тк-1960.

³⁴ Инв. № Тк-1964.

³⁵ Инв. № Тк-1946/1–2.

³⁶ РГАДА. Ф. 156. Д. 40. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 18–18 об.

³⁸ Там же. Л. 8; ПСЗ. 1830. Т. 7. № 4849. С. 584.

³⁹ РГАДА. Ф. 156. Д. 40. Л. 24.

Остальные четыре костюма Петра II, судя по их размерам, следует отнести к трауру по Екатерине I, которая скончалась 6 мая 1727 г. Самым «печальным» среди этой группы представляется камзол⁴⁰ из черного сукна, аналогичного тому, из которого сшиты предыдущие два костюма. 18 пуговиц от горловины до талии обтянуты черным сукном, на карманах пуговицы отсутствуют⁴¹. К этому камзолу относился кафтан⁴² из той же ткани, с пятью пуговицами, обтянутыми сукном, на карманах и обшлагах пуговиц не было⁴³. В 1985 г. этот кафтан был передан на хранение в Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник в г. Ломоносов. К этой паре следует отнести вторые штаны⁴⁴ из черного сукна, с черными шелковыми шлифами и черненой металлической пряжкой⁴⁵, а также еще одни чулки⁴⁶ из черной шерсти, в узоре вышитых стрелок на которых – императорская корона.

К этому же трауру, судя по размерам, относится и костюм, состоящий из кафтана, камзола и кюлотов из ткани, напоминающей креп с шершавой, матовой поверхностью. В ранних описях гардероба Петра II указано, что это «шелковый полумент»⁴⁷. Кафтан⁴⁸ украшен 32 пуговицами, из которых функциональными были 17 верхних. К нему относится камзол⁴⁹ с застежкой на 33 пуговицы и штаны⁵⁰ с черными шелковыми «шлифами и пренс-метальными»⁵¹ (латунными) пряжками. У этого костюма необычные пуговицы. Они выполнены в виде конуса и обтянуты черными шелковыми нитями. Такие же пуговицы «черные шелковые шипами»⁵² были на еще двух костюмах черного цвета из гардероба Петра II, которые переданы в Музей-заповедник в Ораниенбауме⁵³. В системе траурного костюма пуговицы, напоминающие шипы, представляются символическими. Если на костюмах Петра II они лишь по своей форме напоминают шипы, то обтянутые конским волосом пуговицы на черном костюме Петра I до такой степени колючие, что действительно причиняют боль.

Кафтан⁵⁴ и кюлоты, целиком выполненные из черного бархата на черной тафтяной подкладке, также несомненно относятся к трауру 1727 г., как

⁴⁰ Инв. № Тк-1962.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 11. Д. 2. Л. 435; Описание 1884 г. Ч. 1. С. 86.

⁴² Инв. № Тк-1959.

⁴³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 11. Д. 2. Л. 435; Описание 1884 г. Ч. 1. С. 86.

⁴⁴ Инв. № Тк-1963.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 11. Д. 2. Л. 435; Описание 1884 г. Ч. 1. С. 86.

⁴⁶ Инв. № Тк-1945/1–2.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 11. Д. 2. Л. 435.

⁴⁸ Инв. № Тк-1893.

⁴⁹ Инв. № Тк-1891.

⁵⁰ Инв. № Тк-1895.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 11. Д. 2. Л. 435.

⁵² Описание 1884 г. Ч. 1. С. 85.

⁵³ Они относились к камер-трауру.

⁵⁴ Инв. № Тк-3219.

и второй бархатный костюм, кафтан⁵⁵ от которого имеет подкладку из серебряного глазета с муаровыми разводами и обшлага из серебряной парчи с цветочным узором, украшен плетеными серебряными пуговицами и серебряными петлицами. К нему относится камзол⁵⁶ из серебряной парчи аналогичного с обшлагами рисунка, украшенный по подолу серебряной бахромой. К этому костюму относятся штаны⁵⁷ из черного бархата, с серебряными нашивными петлицами и шлифами. Черный костюм с парчевым камзолом, кружевным галстуком и манжетами позволялось носить в течение последних 12 недель траура. Этот период в 1728 г. получил официальное название «камерного траура»⁵⁸.

22 ноября этого же года скончалась сестра императора Наталия Алексеевна. Правила и сроки ношения траура в связи с этим печальным событием были впервые обстоятельно письменно изложены обер-церемониймейстером двора бароном Г. Габахсталем, который был назначен на это место после ареста и ссылки Ф. Санти [Агеева, 2008, с. 5, 7].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Церемониальный траурный костюм как целостное явление придворной культуры представляется глубоко символичным, причем вскрыть и проанализировать его символику возможно лишь при комплексном анализе документальных и вещественных источников. Исследование показало, что символика траурного костюма была целиком заимствована после провозглашения России империей из траурного церемониала государств Западной Европы – Священной Римской империи, Англии, Франции, Швеции, Саксонии и Пруссии, который, за небольшими исключениями, был практически идентичным. Это заимствование было целенаправленно осуществлено в 1716–1724 гг. по личному распоряжению Петра I. Унификация и систематизация собранных материалов была выполнена в 1725 г. Ф. Санти, а окончательно завершена в 1728 г. Г. Габахсталем. В собрании Музеев Московского Кремля удалось выявить 6 траурных костюмов, принадлежавших императору Петру II, и отнести их к траурам 1725 и 1727 годов.

Литература

- Агеева О. Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007. Материалы научной конференции (Труды ГЭ XXXVIII). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 2007. С. 5–13.
- Агеева О. Г.* Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга. Труды Второй Международной конференции / Всероссий-

⁵⁵ Инв. № Тк-1956.

⁵⁶ Инв. № Тк-1944.

⁵⁷ Инв. № Тк-1958.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 156. Д. 49. Л. 6.

- ский музей А.С. Пушкина. 27–30 ноября 2000 г.; Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». СПб., 2001. С. 491–505.
- Агеева О.Г. Ф. Санти и Г. Габихсталъ: первые обер-церемониймейстеры Российского двора // Петровское время в лицах – 2008. Материалы научной конференции. К 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008) (Труды ГЭ XLIII). СПб.: Издательство ГЭ, 2008. С. 5–14.
- Богословский М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 2. 624 с.
- Брикнер А.Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. № 12. С. 728–734.
- Корб И.Г. Дневник путешествий в Московию 1698 и 1699 гг. СПб., 1906. 322 с.
- Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2011. 269, [1] с.
- Масси Р. Петр Великий. Прощание с Московией. СПб.: Амфора, 2015. 447 с.
- Моисеенко Е.Ю. Платье рубежа XVII и XVIII веков из «Гардероба Петра I» // Культура и искусство России XVIII в. Новые материалы и исследования. Л., 1981. С. 59–73.
- Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. 370 с.
- Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. 662 с.

References

- Ageeva O.G. K istorii traurnogo ceremoniala Romanovyh petrovskogo vremeni: redkij risunok pogrebeniya predstavitel'nicy carskoj sem'i (iz OR RNB) // *Petrovskoe vremya v licah – 2007. Materialy nauchnoj konferencii (Trudy GE XXXVIII)*. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007. Pp. 5–13.
- Ageeva O.G. Peterburgskij traurnyj ceremonial Doma Romanovyh v nachale XVIII v. // *Fenomen Peterburga. Trudy Vtoroj Mezhdunarodnoj konferencii / Vserossijskij muzej A.S. Pushkina. 27–30 noyabrya 2000 g.; Otv. red. Yu.N. Bespyatyh. Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic»*. SPb., 2001. Pp. 491–505.
- Ageeva O.G. F. Santi i G. Gabihstal': pervye ober-ceremonijmejstery Rossijskogo dvora // *Petrovskoe vremya v licah – 2008. Materialy nauchnoj konferencii. K 10-letiyu konferencii «Petrovskoe vremya v licah» (1998–2008)* (Trudy GE XLIII). SPb.: Izdatel'stvo GE, 2008. Pp. 5–14.
- Bogoslovskij M. Petr I. M., 1941. T. 2. 624 p.
- Brikner A.G. Petr Velikij v Drezdene v 1698, 1711 i 1712 gg. // *Russkaya starina*. 1874. T. 11. № 12. Pp. 728–734.
- Korb I.G. Dnevnik puteshestvij v Moskoviyu 1698 i 1699 gg. SPb., 1906. 322 p.
- Logunova M.O. Pechal'nye ritualy imperatorskoj Rossii. M.; SPb., 2011. 269, [1] p.
- Massi R. Petr Velikij. Proshchanie s Moskoviej. SPb.: Amfora, 2015. 447 p.
- Moiseenko E. Yu. Plat'e rubezha XVII i XVIII vekov iz «Garderoba Petra I» // *Kul'tura i iskusstvo Rossii XVIII v. Novye materialy i issledovaniya*. L., 1981. Pp. 59–73.
- Pavlenko N.I. Ptency gnezda Petrova. M.: Mysl, 1985. 370 p.
- Ustryalov N. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. SPb., 1858. T. 3. 662 p.

Svetlana A. Amelekhina

*State Historical and Cultural Museum and Reserve «Moscow Kremlin»,
Moscow, Russia*

CEREMONIAL MOURNING COSTUME AT THE RUSSIAN IMPERIAL COURT DURING THE REIGN OF PETER THE GREAT

The study has shown that the symbolism of funeral suit was adopted from the funeral ceremonial of West-European countries, such as the Holy Roman Empire, England, France, Sweden, Saxony and Prussia. This adoption was realized in 1716–1724 by order of Peter the Great. The collected materials were unified and systematized in 1725 by an Italian F. Santi, and finalized by a Swedish G. de Habihstal. In the collection of the Moscow Kremlin Museums, 6 funeral suits have been found belonging to Peter II, which he was wearing as he was in the mourning for Peter I and Catherine I, the founder of the Russian Empire and his spouse.

Keywords: *Russia, 18th century, Armoury Chamber, mourning ceremonial costume, French costume.*

Ревельский памятник Петру I: короткая память в бронзе

Статья посвящена празднованию 200-летнего юбилея присоединения Эстляндской губернии к России, центральным событием которого стало открытие памятника Петру I в Ревеле (Таллине) работы скульптора Л.А. Бернштама. В статье также рассматриваются различные коммеморативные практики, сопровождавшие празднование этого юбилея.

Ключевые слова: Российская империя, прибалтийские немцы, коммеморация, коммеморативные практики, Прибалтийские губернии, историческая память, Петр I, Леопольд Адольфович Бернштам, присоединение Прибалтики, памятники, Эстляндская губерния

Личность Петра I обладала особым значением для Прибалтийских губерний, и прежде всего, для их немецкого, эстонского и латышского населения, поскольку с его именем связано включение Эстляндии и Лифляндии в состав Российского государства. Одним из важнейших событий в истории Северной войны стала капитуляция Ревеля 29 сентября 1710 г. перед русскими войсками. Она завершила присоединение балтийских владений Швеции к российской короне, ознаменовав тем самым окончание военных действий в Прибалтике.

Оценивая отношение к личности Петра I высшего сословия Прибалтийских губерний – прибалтийско-немецкого дворянства, следует отметить существовавший в его среде своего рода «культ личности» государя. Так, в прибалтийско-немецкой исторической и мемуарной литературе Петра I нередко называли «Петром единственным» (Peter der Einzige), подчеркивая тем самым исключительное значение его личности для Прибалтийских губерний. Это значение состояло в том, что Петр I признал все права и привилегии прибалтийско-немецких сословий, благодаря чему последние сохранили свою руководящую роль в крае. Однако под влиянием правительственных реформ, сокративших остзейскую автономию в конце XIX в. [Андреева, 2008, с. 72–75], «культ» Петра I среди прибалтийских немцев к началу XX в. заметно ослабел.

Следует отметить, что вслед за правоведом Ф. фон Бунге и историком К. Ширреном прибалтийско-немецкие публицисты рассматривали оформившие инкорпорацию Прибалтийских губерний документы – капитуляции, «аккордные пункты», заключенные в 1710 г. шведскими комендантами и представителями остзейских сословий с российским командованием при сдаче Риги, Пернова и Ревеля, а также жалованные грамоты Петра I

остзейскому дворянству и бюргерству и Ништадтский мирный договор — как юридическую основу остзейской автономии.

По мнению прибалтийско-немецких публицистов, эти документы определили договорной характер отношений российского правительства и остзейских сословий, и потому служили важнейшим правовым основанием для особого статуса Остзейских губерний в составе государства (см.: [Андреева, 2008, с. 59]). При этом они считали, что российское правительство не вправе по своему усмотрению, т.е. в одностороннем порядке, изменять или, тем более, ликвидировать этот статус.

Двухсотлетний юбилей присоединения Эстляндии к России отмечался 28 и 29 сентября 1910 г. в сложной политической обстановке, ставшей следствием революционных событий 1905—1907 гг. в Прибалтийских губерниях. Так, положение усиленной охраны в них было отменено всего лишь за год до этого юбилея.

В этих условиях юбилейные торжества с участием членов царской семьи и представителей высшего российского чиновничества, программу которых утвердил председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин, носили ярко выраженный политический характер. Прежде всего они должны были продемонстрировать местной и российской общественности «неразрывную» связь Эстляндии с Россией. Цель этих торжеств состояла также и в том, чтобы показать определенным политическим кругам Германии, аннексионистские намерения которых в отношении Прибалтийских губерний в особенности ярко проявились в период революции 1905—1907 гг. [Андреева, 2016, с. 4—12], что Эстляндская губерния является неотъемлемой частью Российской империи.

В этом контексте фигура Петра I как завоевателя Эстляндии и Лифляндии приобретала особое значение. Открытие ему памятника в Ревеле (ныне Таллин) должно было стать кульминацией торжеств.

Подготовка к празднованию двухсотлетнего юбилея присоединения Эстляндии к России началась в 1908 г. В этом году был образован комитет для сбора пожертвований на сооружение памятника Петру I, в котором участвовала вся Российская империя. Среди жертвователей были представлены практически все социальные слои ее общества: чиновничество, православное духовенство, дипломаты, военные, правительственная администрация, в т.ч. губернаторы: иркутский, сахалинский, казанский, астраханский и др., городские головы Андигана, Одессы, Якутска, Риги и других городов, директора гимназий, дворянство, земские начальники, а также частные лица и различные общественные организации. Всего к июлю 1910 г. комитету для сбора пожертвований удалось собрать 113 224 руб. 94 коп.¹

¹ Приложение к Эстляндским губернским ведомостям. 8.07.1910. № 27. С. 1.

На проект памятника проводился закрытый конкурс, в котором участвовали шесть скульпторов, в том числе двое эстонцев – А. Адамсон и А. Вейценберг. Победила в этом конкурсе работа петербуржца Р.Р. Баха², однако ни один из представленных на него проектов не понравился Николаю II [Венде, с. 81, 82]. В итоге, по желанию царя, памятник был заказан жившему в Париже уроженцу Риги скульптору Л.А. Бернштаму [Bernstamm, Северюхин].

Последний создал серию скульптур на тему Петра I, и потому выбор Бернштама в качестве автора статуи императора в Ревеле был вполне оправданным. По словам скульптора, знакомство с историей петровского царствования пробудило в нем интерес к личности царя-реформатора и, принимая высочайший заказ, Бернштам «был счастлив... заниматься своей любимой темой»³. Два месяца спустя скульптор представил несколько эскизов статуи и цоколя. Николай II лично выбрал один из этих эскизов, определив тем самым внешний облик памятника.

Установить его предполагалось на Сенном рынке (ныне площадь Вабадузе), переименованном 28 сентября 1910 г. по этому случаю в Петровскую площадь, на просторном, но в то время еще неблагоустроенном месте. В 200-летнюю годовщину Полтавской битвы 27 сентября 1909 г. здесь состоялась торжественная закладка памятника.

В Ревель его доставляли по частям в течение лета – начала осени 1910 г. Первым из Финляндии привезли постамент – 50-тонную гранитную глыбу, которую три недели с помощью катков и лебедок тянули из порта к месту установки. Пятиметровую статую Петра, весившую более 5 тонн, отливали в Париже. Затем 13 августа 1910 г. на пароходе «Обсур» она была отправлена из Дюнкерка и 31 августа в 7 часов утра прибыла в ревельскую гавань.

На следующее утро в присутствии эстляндского губернатора И.В. Коростовца статую установили на пьедестал⁴. Окончательными работами по завершению монтажа памятника руководил сам Бернштам, который приехал 13 сентября из Франции в Ревель.

Накануне торжеств городские дома и улицы украсились гирляндами, флагами, электрической иллюминацией. В качестве праздничных декораций в различных частях города были установлены восемь триумфальных арок по эскизам ревельского архитектора Ж. Розенбаума.

В город съезжались депутаты, представители различных обществ и учреждений, учащиеся со всей Эстляндской губернии; прибывали многочисленные гости и участники торжеств. Среди них, в частности, были архиепископ рижский и митавский Иоанн, предводители курляндского дворянства В.Е. Рейтерн-Нолькен, лифляндского А.А. Пилар фон Пильхау, эзельского

² А. Адамсон и Р.Р. Бах были авторами памятников Петру I, открытых, соответственно, в Полтаве (1915 г.) и Туле (1912 г.).

³ Скульптор Бернштам // Ревельские известия. 28.09.1910. № 222. С. 3.

⁴ Ревельские известия. 31.08.1910. № 199. С. 3.

А. Буксгевден, петербургского И.Н. Салтыков, московского А.Д. Самарин, лифляндский губернатор Н.А. Звегинцев и др. Специальным поездом в сопровождении «почетных гостей» и адъютантов 28 сентября в Ревель приехал представитель Николая II на торжествах великий князь Константин Константинович. Среди гостей был и московский губернатор, позднее товарищ министра внутренних дел, В.Ф. Джунковский, описавший ревельские празднества в своих воспоминаниях.

Празднование двухсотлетнего юбилея присоединения Эстляндии к России началось с поминальных богослужений. Во всех православных церквях Эстляндской губернии 27 сентября была отслужена заупокойная всенощная, а на следующее утро в ревельском Александро-Невском соборе – заупокойная литургия и панихида. Основным событием этого дня стала панихида у «места памяти», связанного с пребыванием Петра Великого в Ревеле, – у его домика в Екатеринентале (ныне Кадриорг) «по императоре Петре I, вождях и воинах его».

Панихида проходила торжественно, при большом стечении публики. На площадке перед домиком Петра I были построены морские команды, войска, депутации, учащиеся различных учебных заведений. По прибытии великого князя и почетных гостей началось богослужение. В самом его конце, при возглашении «вечной памяти» Петру I с кораблей, стоявших на рейде, прозвучал орудийный салют, как воинская почеть покойному императору⁵.

Следует отметить, что 28 сентября особо поминались русские воины, погибшие в 1704 г. при взятии Нарвы и в 1573 г. при осаде Вейсенштейна (ныне Пайде) в ходе Ливонской войны. Над их могилами под Нарвой в Сиверсгаузене (ныне Сийвертси) и в 3,7 км. от Вейсенштейна были отслужены панихиды. Так, в форме поминальной коммеморации, связанной с «петровскими торжествами», происходила актуализация этих, существовавших ранее, «мест памяти».

Празднованию юбилейных торжеств придавалось также воспитательное значение, ориентированное, главным образом, на подрастающее поколение. Во всех средних и низших учебных заведениях Эстляндской губернии 28 сентября прошли собрания, посвященные этим торжествам. Ученикам объясняли их значение и раздавали изданную Комитетом по сооружению памятника брошюру [Годунов] с историческим очерком Эстляндии и капитуляции Ревеля в 1710 г. Торжественности такому собранию в ревельской гимназии императора Николая I добавило исполнение актовой кантаты, сочиненной к 200-летнему юбилею С.А. Малевичем и будущим профессором Таллинской консерватории А.Ю. Топманом⁶.

⁵ Эстляндские губернские ведомости. 9.09.1910. № 36. С. 227.

⁶ К 200-летию взятия Ревеля. Актовая юбилейная кантата ревельской гимназии императора Николая I // Ревельские известия. 27.09.1910. № 221. С. 3.

В целом, правительственная администрация стремилась использовать торжества по случаю двухсотлетия присоединения Эстляндии для усиления патриотических настроений среди местного населения и, прежде всего, среди молодежи. Так, в своей телеграмме 29 сентября П.А. Столыпину эстляндский губернатор в особенности подчеркивал, что открытие памятника Петру I должно способствовать укреплению «русской государственности на окраине». В то же время местная пресса из номера в номер напоминала населению губернии, что своей мирной жизнью оно обязано российскому государству, под защитой которого Эстляндия находилась на протяжении двухсот лет, и это дало ей «возможность развивать все силы страны», призывала объединиться и «работать... без различия национальностей... на славу нашей дорогой, общей для всех родины, России»⁷.

Торжественные заседания также прошли в городской Думе и в общественных организациях Ревеля; эстляндское дворянство по особому распоряжению его губернского предводителя Э.Н. Деллинсгаузена собралось на чрезвычайный ландтаг, продемонстрировав тем самым свои верноподданнические чувства.

В торжественном заседании ревельского городского самоуправления участвовали представители Петербурга: городской голова И.И. Глазунов и член его городской управы В.Г. Ганьков. От лица столицы Российской империи они передали ревельскому городскому голове В.А. Лендеру поздравительный адрес вместе с бронзовым бюстом Петра I работы французской скульптора М.А. Колло, по модели которой была выполнена голова для статуи Медного Всадника. Бюст поддерживала колонна из белого мрамора, украшенная бронзовой лентой с надписями «Петербург» и «Ревель» и с изображением в центре герба города Петербурга⁸.

Вечером в ратуше город дал обед в честь «особо приглашенных лиц». По воспоминаниям Джунковского, на нем присутствовало ограниченное число гостей [Джунковский, с. 505]. Завершился же день грандиозным раутом в помещениях реального училища, также устроенным городским самоуправлением, в котором участвовал почти весь город⁹.

200-летний юбилей взятия Ревеля русскими войсками отмечался 29 сентября. В восемь часов утра четыре залпа с броненосца «Петр Великий» возвестили о наступлении этой знаменательной даты. В память о ней в церквях всех конфессий Эстляндской губернии прошли утренние богослужения. Великий князь, приглашенные на торжества, гласные городской думы и представители дворянства присутствовали на литургии в Александро-Невском соборе.

По ее окончании епископ Иоанн с многочисленным ревельским духовенством направился крестным ходом к месту освящения памятника. За

⁷ Ревель, 29.09.1910 года // Ревельские известия. 29.09.1910. № 224. С. 1.

⁸ Эстляндские губернские ведомости. 9.09.1910. № 36. С. 227.

⁹ Там же.

ними, мимо выстроенных шпалерами вдоль Комендантского спуска учащих, под крики «ура» и музыку школьных оркестров к Петровской площади следовал Константин Константинович в сопровождении эстляндского губернатора и свиты.

На Петровской площади, которая должна была стать новым «местом памяти», все уже было готово к церемонии открытия памятника Петру I. Вокруг него были построены войска, приглашенные, инославное духовенство и зрители заняли свои места. На трибунах находились делегации от городов, волостей, общественных организаций, представители полков, дипломатического корпуса и лютеранского духовенства во главе с генерал-суперинтендентом Д. Леммом. Празднично разодетая толпа с самого утра заполонила примыкавшие к площади Иоанновский и Карловский бульвары, крыши близлежащих домов и даже шпиль кирхи Св. Иоанна были усеяны народом.

Константин Константинович под звуки марша обошел, здороваясь, выстроенные на площади войска. Со вступлением крестного хода на специальный помост, установленный у памятника, начался благодарственный молебен с коленапреклонением. После многолетия императорским величествам и всему царствующему дому Романовых точно в полдень протодьякон возгласил вечную память императору Петру I и павшим при осаде Ревеля воинам.

Все встали на колени и в этот кульминационный момент с памятника сняли покрывало. Под колокольный звон ревельских церквей открылась величественная бронзовая статуя Петра на гранитном постаменте. По словам Бернштама, он изобразил царя обзирающим «орлиным взором взятую им местность» с подозрительной трубой в одной руке и с картой Ревеля в другой. Джунковский нашел статую «грандиозной», мощной, «одухотворенной исторической правдой» [Джунковский, с. 505]. Другие очевидцы считали, что памятник в целом «хорошо удался»¹⁰.

По сигналу с колокольни Иоанновской церкви военные корабли на ревельском рейде салютовали 124 выстрелами. Войска отдали честь бронзовому Петру, и по возгласению многолетия российскому воинству и всем православным, епископ Иоанн, обойдя памятник, окропил святой водой его и мраморную доску с перечнем войсковых частей, участвовавших в осаде и взятии Ревеля, которую позднее укрепили в Александро-Невском соборе. Затем, осенив крестом войска и всех присутствующих, епископ во главе крестного хода возвратился в собор.

Между тем, к памятнику выставили почетный караул в мундирах Преображенского полка петровского времени, с алебардами; многочисленные делегации возлагали венки к его подножию, а войска строились к церемо-

¹⁰ Эстляндские губернские ведомости. 9.09.1910. № 36. С. 228; Ревельские известия. 27.09.1910. № 221. С. 3; там же. 2.10.1910. № 227. С. 3.

ниальному маршу. Всего возложили 51 венок, из них 9 серебряных от различных полков, городов Петербурга и Москвы. Помимо этого, венки были от военных, дворянства, представителей городского управления Ревеля, Везенберга (Раквере), Нарвы, гильдий, гимназий, обществ и клубов, в т.ч. Немецкого театрального общества, Общества садоводства и др., а также от эстляндских крестьян и еврейского населения. После того как возложение венков закончилось, части ревельского гарнизона продефилировали перед памятником.

За открытием памятника следовал целый ряд приуроченных к юбилейным торжествам праздничных мероприятий – выставок, театрализованных представлений, концертов, торжественных обедов и народных гуляний, которые были призваны, среди прочего, способствовать сохранению в общественном сознании населения Эстляндской губернии памяти об ее присоединении к России в ходе Северной войны.

Так, в Латышском собрании состоялся обед от города на 170 человек для представителей крестьянского населения губернии – волостных старшин и председателей волостных судов, а также комиссаров по крестьянским делам. В качестве памятного подарка приглашенные получили по жестяной кружке, фаянсовой тарелке и чашке с изображением памятника Петру I и герба Эстляндской губернии.

Константин Константинович удостоил собравшихся своим посещением, почтив в их лице вниманием крестьянское население Эстляндской губернии. В ответ на хлеб-соль и приветственную речь он благодарил крестьян и обещал передать Николаю II их верноподданнические чувства. Наградив старшину анниасской волости Томандера медалью за труды в Комитете по сооружению памятника Петру I, великий князь пожал руку всем комиссарам и со многими из них беседовал. В тот же день Константина Константиновича и почетных гостей чествовало местное русское общество, устроив для них в Русском общественном собрании праздничный завтрак, на котором присутствовало 400 персон¹¹.

Задачам репрезентации Северной войны служила историческая выставка, открывшаяся в этот же день в доме Братства черноголовых. Последнее организовало ее совместно с Архивом эстляндского дворянства, Ревельским городским архивом, эстляндским литературным обществом, Нарвским археологическим музеем и гильдиями. Организаторы выставки стремились по возможности подробно воссоздать бытовую историю эпохи Северной войны, и в целом, по свидетельству мемуаристов, со своей задачей справились [Джунковский, с. 505].

На выставке экспонировалось множество исторических документов, карт и планов, картин, гравюр, различной утвари, относившихся к ее пери-

¹¹ Ревельские известия. 30.09.1910. № 224. С. 2–3; там же. 1.10.1910. № 226. С. 2–3; там же. 4.10.1910. № 228. С. 3.

оду. Среди выставленных архивных документов преобладали подтверждения привилегий эстляндского дворянства и города Ревеля шведскими и русскими монархами. Этим организаторы выставки, вероятно, намеревались в очередной раз напомнить властям об «исторических» привилегиях Прибалтийских губерний, с отменой которых в конце XIX в. прибалтийско-немецкое дворянство никак не могло смириться¹².

На выставке были представлены: большая коллекция старинных медалей и монет — ливонских, шведских и русских, оружие, доспехи, а также мебель, предметы обихода и множество кубков, в т.ч. большой деревянный бокал в виде ноги козули с крышкой [Каталог, с. 9—16]. По преданию, из него пил Петр I 26 декабря 1711 г., когда его принимали в почетные члены Братства черноголовых. В память об этом событии изготовили серебряную копию этого бокала с российским гербом на крышке, хранившуюся в Братстве черноголовых.

Осмотрев выставку, Константин Константинович вписал свое имя в книгу братства, в которой уже имелись два автографа Петра I. Затем старшина черноголовых Э.К. Шпорледер, выпив в соответствии с обрядом из петровского кубка за здоровье Николая II, предложил великому князю также выпить из него и тем самым приобщиться к братству [Джунковский, с. 505].

После этого в Вышгородском замке — резиденции эстляндского губернатора — Константин Константинович принимал депутации от местных сословий, обществ и организаций, в том числе от Комитета по сооружению памятника, Большой гильдии и гильдии Св. Канута, Братства черноголовых, Немецкого просветительного общества и др. Эстляндское дворянство, Биржевой комитет, представители городов Ревеля, Гапсаля (Хаапсалу), Везенберга, Балтийского Порта (Палдиски) поднесли великому князю верноподданнические адреса.

После приема депутатий местное дворянство дало праздничный обед. Этим, однако, праздничные мероприятия не исчерпывались. В восемь часов вечера перед дворцом в Екатеринентале было устроено факельное шествие с исполнением серенады сводным хором народных училищ (около 300 чел.) под управлением М. Кипперта и национальных певческих обществ — русского «Гусли», немецких «Меннергезангфереин», «Лидертафель», эстонских «Пандорин», «Эстония», «Лоотус» и Эстонского евангелическо-лютеранского церковно-музыкального общества. Первым выступил хор общества «Гусли», исполнивший отрывок из оперы «Нижегородцы» Э.Ф. Направника, затем — немецкие хоры, эстонцы также спели свою народную песню¹³.

Великий князь слушал серенаду, стоя на балконе дворца в окружении многочисленной свиты. Гости расположились на дворцовых террасах,

¹² Эстляндские губернские ведомости. 9.09.1910. № 36. С. 228.

¹³ Серенада ревельских певческих хоров перед Екатеринентальским дворцом // Ревельские известия. 1.10.1910. № 226. С. 3.

а пространство перед дворцом заполняла огромная толпа. Сводный хор разместился на преддворцовой площадке в окружении пожарных с факелами, в сверкавших от огня медных касках. Дворец ярко освещали прожектора стоявших на рейде военных кораблей: снопы лучей направлялись в ночное небо, то собираясь вместе, то расходясь по сторонам гигантскими колоннами. Корабли сияли разноцветными огнями иллюминации, которые отражались в темной воде залива, причем в особенности красиво был иллюминирован четырехтрубный крейсер «Россия». Общая картина празднества со стороны выглядела весьма эффектно [Джунковский, с. 506–507].

Весь город был празднично иллюминирован – на Нарвской улице, освещенной электрическими прожекторами с пожарной каланчи, было светло как днем, в особенности ярко освещались Петровская площадь и статуя Петра. Многотысячная толпа собралась послушать музыку и полюбоваться иллюминацией ратуши. Ее крыша мерцала бенгальскими огнями, а из установленных на ней специальных труб вырывались длинные огненные струи, создавая впечатление, будто здание охвачено пламенем. Праздничности в царившую атмосферу добавили фейерверки, сожженные «по особой программе» на горке у Новых ворот и в саду общества «Лоотус».

Вечером по всей Эстляндской губернии шли народные гулянья, сопровождавшиеся парадами добровольных пожарных команд и спортивных обществ. В разных частях Ревеля играли военные оркестры, были устроены танцы и бесплатные представления для народа¹⁴.

В немецком театре состоялся праздничный концерт для приглашенных, который стал демонстрацией верноподданнических чувств местного немецкого общества. Открылся концерт российским императорским гимном, повторенным по требованию публики четыре раза. Программа была составлена в патриотическом духе: исполнялись ария Сусанина из последнего акта и финал оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Закончился концерт апофеозом Петра I, изображавшим открытый памятник, к подножию которого Ревалия принесла присягу на верность [Dellingshausen, lk. 123]¹⁵. Паут в Братстве черноголовых завершил череду праздничных приемов, а народные гулянья в Ревеле продолжались и на следующий день.

Подводя итоги празднованию 200-летнего юбилея, эстляндский губернатор на страницах официальных губернских ведомостей благодарил его организаторов, в т.ч. городское самоуправление, бюро Комитета по сооружению памятника, его председателя вице-губернатора Евреинова, а также чинов полиции и местное население. Вместе с тем И.В. Коростовец выражал определенную надежду на то, что активное участие местного населения в празднествах послужит залогом «вящего скрепления уз, связующих

¹⁴ Эстляндские губернские ведомости. 9.09.1910. № 36. С. 228.

¹⁵ Revaler Beobachter. 30.09 (13.10.) 1910. № 224. Bl. 2.

здешнюю окраину с нашим общим дорогим отечеством Россией на благо всех верных ее сынов и на славу Обожаемого нашего Монарха»¹⁶.

Однако история распорядилась иначе: в результате революции 1917 г. Российская империя распалась, а ее бывшая окраина обрела независимость. В молодом эстонском государстве, создававшем свою коллективную идентичность и свои «места памяти», отношение общественности к памятнику Петру было противоречивым: одним он напоминал об эпохе «национального угнетения», в то время как другие считали, что переносом статуи историю не изменить и ее следует оставить на прежнем месте.

По инициативе фракции трудовиков 22 февраля 1922 г., вопрос о сносе памятника обсуждался на внеочередном заседании Таллинского городского собрания. Как считал представитель этой фракции Я. Томп, статую следовало убрать с центральной площади столицы, поскольку она установлена «не как ценная художественная работа, а в целях демонстрации российского могущества и силы». Собственно, эту позицию можно рассматривать как своего рода ответную реакцию на пророссийскую патриотическую кампанию, сопровождавшую в 1910 г. празднование 200-летнего юбилея присоединения Эстляндии к России, и установку памятника Петру I.

Однако другие депутаты городского собрания не поддержали Томпа и не видели оснований для демонтажа статуи. В ходе дискуссии звучали голоса, что с ее сносом в Таллине станет одним произведением искусства меньше. В то время как представительница немецкой группы О. фон Гиппиус, подчеркнув историческое значение петровского памятника, назвала его демонтаж шовинизмом¹⁷.

Большинством голосов предложение трудовиков убрать статую Петра I было отклонено. Однако спустя неделю городское собрание пришло к заключению, что вопрос о памятнике относится к компетенции Министерства внутренних дел. Управа обратилась к нему с ходатайством дать необходимые распоряжения о сносе статуи, и 29 апреля 1922 г. министр внутренних дел К. Эйнбунд удовлетворил ее просьбу.

В ночь на 1 мая 1922 г. памятник демонтировали и вывезли в бывший Екатериненталь. Несколько лет он пролежал за домиком Петра, и в 1925 г. творение Бернштама разрезали: нижняя часть была переплавлена (по городской легенде, из нее отчеканили первые эстонские центы), а бюст в 1935 г. установили на небольшом постаменте у домика. Некоторое время спустя его перенесли на склон горы по соседству с Екатерининским дворцом, где он простоял до начала Великой Отечественной войны, а затем был утрачен [Венде, с. 86]¹⁸.

¹⁶ От и.д. Эстляндского губернатора // Эстляндские губернские ведомости. 7.10.1910. № 40. С. 249.

¹⁷ Peetri kaju koristamise küsimus linnavolikogus // Waba Maa. 23.02.1922. № 45 (999). Lk. 6.

¹⁸ Peetri kaju koristamise küsimus linnavolikogus // Waba Maa. 23.02.1922. № 45 (999). Lk. 6; Erelt P. Pronks-Peetri vaevaline lahkumine // Eesti Ekspress. 3.05.2007. № 18 (908). Lk. A 43.

В заключение следует отметить, что центральным событием празднования 200-летнего юбилея присоединения Эстляндии к России стало открытие памятника Петру I в Ревеле (*Ил. 1*). Помимо сохранения памяти о государе как об исторической личности, «петровские торжества», включавшие в себя целый ряд коммеморативных практик, должны были также напоминать об инкорпорации Прибалтийских губерний в состав Российской империи, и способствовать тем самым укреплению «русской государственности на окраине».

Мемориализация личности Петра I, выполняя функцию трансляции в современность памяти о его завоеваниях в Прибалтике, была призвана сохранить и закрепить эти события в коллективной памяти потомков, в особенности среди местного населения – прибалтийских немцев, эстонцев и латышей. Памятник Петру I должен был символизировать это значимое прошлое и напоминать о том, что Прибалтийские губернии были завоеваны русским оружием и с тех пор принадлежали России.

После распада Российской империи, в условиях формирования новой национальной и государственной идентичности в независимой Эстонии, образ Петра I приобрел иное значение и стал в большей степени связываться в ней с эпохой «национального угнетения». Новые политические и идеологические условия предрешили дальнейшую судьбу памятника, демонтированного в 1922 г.

Следует при этом отметить, что в то время как памятник Петру I в Таллине постигла печальная судьба, его статую в Выборге, также выполненную Бернштамом, спас от уничтожения финский мэр города А. Турна. Работы Бернштама и сейчас занимают достойное место среди экспонатов ведущих музеев России и Франции (в частности, Эрмитажа, парижских музеев Д'Орсэ, Армии, Люксембургского дворца, музеев Ментона и Руана), украшают сады и парки Парижа и Ментона, между тем как в Таллине, вследствие политизации вопроса о значении личности Петра Великого в истории Эстляндии, посвященный ему шедевр Бернштама был безвозвратно утрачен.

Литература

- Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб.: «Мирь», 2008. 310 с.
- Андреева Н.С.* Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы. М.: «Русская книга», 2016. 32 с.
- Венде В.* Забытый Таллинн. Таллинн, 1990. 93 с.
- Годунов В.И.* Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летию юбилею завоевания ее Россией. Ревель, 1910. 94 с.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. 733 с.

Каталог исторической выставки в празднество 200-летия присоединения Эстляндии к Российской империи, в доме братства Черноголовых в Ревеле. Ревель, 1910. 44 с.

Северюхин Д.Я. Любимый скульптор Государя // Невский архив: Историко-краеведческий сб. М., СПб., 1993. [Вып. 1]. С. 246–259.

Bernstamm S. Léopold Bernstamm: sa vie – son oeuvre. Paris, [1913]. 77 p.

Dellingshausen E. von. Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994. 252 p.

Иллюстрации

Ил. 1. Открытие памятника Петру I в Ревеле. Фотограф Карл Акель. 1910 г. Национальный архив Эстонии.

References

Andreeva, N.S. Pribaltiiskie nemcy i rossijskaja pravitel'stvennaja politika v nachale XX veka. Saint-Petersburg, 2008. 310 p.

Andreeva, N.S. Revoljucija 1905–1907 gg. i pribaltiiskie nemcy. Moscow, 2016. 32 p.

Vende, V. Zabytyj Tallinn. Tallinn, 1990. 93 p.

Godunov, V.I. Kratkij ocherk istorii Jestljandii k 200-letnemu jubileju zavoevanija ee Rossieju. Reval, 1910. 94 p.

Dzhunkovskij, V.F. Vospominanija. Vol. 1. Moscow, 1997. 733 p.

Katalog istoricheskoj vystavki v prazdnestvo 200-letija prisoedinenija Jestljandii k Rossijskoj imperii, v dome bratstva Chernogolovyh v Revele. Reval, 1910. 44 p.

Severjухin, D. Ja. Ljubimyj skul'ptor Gosudarja // *Neviskij arhiv: Istoriko-kraevedcheskij sb.* Moscow, Saint-Petersburg., 1993. [Vyp.1]. Pp. 246–259.

Bernstamm, S. Léopold Bernstamm: sa vie – son oeuvre. Paris, [1913]. 77 p.

Dellingshausen, E. von. Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994. 252 p.

Nataliya S. Andreeva

Russian Academy of sciences library St. Petersburg, Russia

MONUMENT TO PETER I IN REVAL: THE SHORT MEMORY IN A BRONZE

The article deals with the celebration of 200th anniversary of Estonian province's incorporation into the Russia. The central event of it was the opening of monument to Peter I in Reval created by the sculptor Leopold Bernstamm. The different commemorative practices during this celebration, were analysed as well.

Keywords: *Russian Empire, Baltic Germans, Baltic provinces, historical memory, Peter I, Leopold Adolfovich Bernstamm, incorporation of Baltic provinces, monuments, Estonian province, commemorative practices, commemoration.*

Новое о картинах, приобретенных для Петра Великого в Амстердаме

В статье делается попытка проанализировать картины, приобретенные для Петра Великого торговым агентом О.А. Соловьевым (1678/79–1748) на аукционе собрания Яна ван Бенингена (1667–1720), прошедшем 13 мая 1716 г. в Амстердаме. Бенинген играл в свое время важную роль в художественной жизни Голландии, и его коллекция отличалась высоким качеством картин. Всего из 86 картин Соловьев купил 18, список которых прилагался к его письму в Кабинет Петра I. В настоящее время могут быть точно опознаны только два произведения, находящиеся в российских коллекциях.

В Эрмитаже хранится картина Рембрандта «Давид и Ионафан», написанная мастером и датированная 1642 г., поступившая в музей из дворца Монплеизур в Петергофе в 1882 г. Упоминание картины в описи, составленной Соловьевым, позволило В.Ф. Левинсону-Лессингу в 1957 г. уточнить сюжет, до того вызывавший некоторые споры.

Вторая картина из собрания ван Бенингена, приобретенная Соловьевым, «Се человек» («Ессе Ното»), числящаяся произведением Адриана ван дер Верфа, ныне находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве, куда поступила из Эрмитажа. Она рассматривается как вариант, созданный в мастерской ван дер Верфа. Письмо Петра Великого к Соловьеву от 7 мая 1716 г. свидетельствует об уважении царя к этому «славному живописцу».

Автор пытается также проследить судьбу других картин из коллекции Яна ван Бенингена, попавших в Россию, но, по-видимому, не дошедших до наших дней.

Публикуемые материалы показывают интерес Петра Великого к живописи и еще раз доказывают, что его картинная галерея была довольно большой по составу и не являлась случайным подбором картин, приобретенных по дешевой цене.

Ключевые слова: Петр Великий, Осип Соловьев, Ян ван Бенинген, Амстердам, коллекция, картина, документ

Кажется странным, что до сих пор не предпринималось серьезных попыток реконструировать состав картинной галереи Петра Великого, то есть составить список картин, происходящих из его собрания. Причиной этого можно считать то обстоятельство, что петровская коллекция уже при жизни императора была рассредоточена по разным дворцам – в Петербурге и в Петергофе; также ряд картин находился в Кунсткамере. Даже публикация документов и списков приобретенных картин, осуществленная И.С. Шарковой [Шаркова, 1981, с. 154, 155], А.Г. Каминской [1992, с. 45–53] и автором этих строк [Андросов, 2003, с. 31–37], не привели к всестороннему исследованию вопроса. В самом общем виде о петровской коллекции живописи можно составить представление по каталогам двух выставок в Эрмитаже [Петр I и Голландия, 1996; Основателю Петербурга, 2003]. Обзор картинной галереи Петра I

попытался дать К.В. Малиновский [Малиновский, 2012, с 13–64] однако приходится констатировать, что он предложил ряд произвольных идентификаций сохранившихся картин с теми, которые некогда принадлежали русскому царю.

До некоторой степени эти неточности можно объяснить тем, что документов сохранилось немного, к тому же они недостаточно подробны. Особенно это относится к спискам картин, приобретенных в Голландии и Фландрии О.А. Соловьевым и Ю.И. Кологривовым. Тем не менее, имеющиеся материалы, в сопоставлении с более поздними описаниями собраний в петергофских дворцах и других императорских резиденциях, позволяют, как кажется, внести некоторые уточнения и дополнения в имеющуюся картину.

Здесь особенно следует отметить описи картин в дворцах Петергофа, найденные среди бумаг академика Якоба Штелина (1709–1785) и опубликованные в переводе на русский язык К.В. Малиновским [Малиновский 1980, 2015]. Позднее оказалось, что фактическим автором этих описаний был живописец Георг Гзель (1673–1740), находившийся на русской службе с 1717 г. и приехавший в этом году в Петербург [Каминская 1997, с. 335–339]. Очевидно, еще ранее он консультировал русских, в первую очередь Осипа Алексеевича Соловьева, при покупке картин в Амстердаме. И хотя в позднейшей публикации К.В. Малиновский продолжал утверждать, что «описи петергофских коллекций были составлены Штелином с помощью Г. Гзеля в 1737 году» [Малиновский, 2015, с. 47], нет сомнений, что многочисленные биографические сведения о художниках и характеристики их картин принадлежат именно Гзелю, знавшему многих мастеров лично, а не 26-летнему Штелину.

Необходимо особо подчеркнуть, что, даже располагая списками картин, приобретенных в 1716 и 1717 гг., и описаниями императорских дворцов, в которых должны были находиться эти картины, мы можем с уверенностью идентифицировать лишь относительно небольшое число произведений. Картины хранились в Петергофе, расположенном на берегу Финского залива, в условиях повышенной влажности, во дворцах, которые в зимнее время не отапливались, что особенно влияло на картины, написанные на дереве. К тому же ряд произведений был утрачен в результате пожаров в Кунсткамере в 1747 г. и петергофского дворца Эрмитаж в 1808 г.

Не вызывает сомнений интерес Петра Великого к изобразительному искусству, проявившийся уже в ходе Великого посольства (1697–1698 гг.), когда он посещал публичные музеи и частные собрания. Однако сведений о приобретении картин во время первого пребывания Петра I в Европе пока найти не удалось.

Самым ранним свидетельством о приобретении царем картин остается его письмо к Ф.М. Апраксину от 4 мая 1707 г. В нем речь идет об отправке в Петербург с боцманом Синявиным каких-то картин, вероятно, купленных незадолго до того на территории нынешней Западной Украины (тогда

принадлежавшей Польше)¹. К сожалению, неясно, что это были за картины и сколько их было.

В октябре 1711 г. Петр Великий поручил Христофору (Кристоффелю) Брандтсу в Амстердаме купить «картин десятка четыре доброво мастерства, на которых бы были писаны морские баталии и морские всякие суды, прешпективы галанским городам и деревням с каналами и судами же». В результате в 1712 г. было получено из Амстердама 20 картин, которые, вероятно, со временем попали в Кунсткамеру².

Важным этапом для истории собирательства в России стало второе путешествие Петра I за границу. Правда, нет никаких подтверждений, что царь лично участвовал в аукционах картин в Голландии, как писал Якоб Штелин³. Однако представляется бесспорным, что во время путешествия он давал указания о покупке картин и других произведений искусства сопровождавшим его лицам. Так, 8 марта 1716 г. у некоего Ягана фан Гук в Гданьске, по приказу царя купили две большие картины, оцененные в 65 ефимков (талеров)⁴. К числу наиболее удачных приобретений, сделанных в Голландии, относятся купленные 2 января 1717 г. «дохтуром» Робертом Арескиным у Юрьи Изеля за 3000 гульденов два альбома, «в которых вложены пергаминовые листы, на которых малевано самым добрым живописным мастерством всякия цвета которых листов числом двести пятьдесят четыре листа»⁵. За этой записью скрывается приобретение знаменитых ботанических и энтомологических акварелей Марии Сибиллы Мериан, до сих пор составляющих гордость собрания Библиотеки Академии наук [Лебедева 1997, с. 318–334]. Под именем Изеля здесь скрывается Георг Гзель, зять художницы, живописец и антиквар, вскоре приглашенный на русскую службу и работавший в Петербурге до самой смерти, последовавшей в 1740 г. [Георг Гзель, 2019]. В апреле того же года, находясь в Дюнкерке, царь распорядился о покупке трех картин с видами этого французского города⁶.

Вероятно, еще из Петербурга Петр I дал поручение покупать картины русскому торговому агенту в Голландии Осипу Алексеевичу Соловьеву (1678/79–1746), пользовавшемуся советами Гзеля. Биография его была изучена Д. Серовым [Серов 1998, р. 97–109]. Как и его братья, Осип Соловьев был тесно связан с А.Д. Меншиковым, который оказывал им покровительство, нередко прикрывая их неблагоприятные поступки. В мае 1707 г. Осип был назначен комиссаром «у казенных российских товаров» в Амстердаме. За десять лет пребывания за границей он разбогател и даже получил голландское гражданство. Однако с 1713 г. его начали подозревать в различных

¹ Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб. 1907. Т. 5. С. 230, № 1708.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11, ч. 2. С. 200; № 4835. С. 518.

³ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. СПб., 1786. С. 57.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 59.

злоупотреблениях и воровстве. В августе 1716 г. Осип был арестован в Амстердаме и выслан в Россию, а в 1719 г. имущество братьев конфисковали. Тем не менее, опала Соловьевых оказалась недолгой. Уже в 1721 г. Осип и его брат Дмитрий были освобождены, в апреле 1722 г. Осип получил назначение ассессором в Коммерц-коллегию, а в мае братьям вернули часть конфискованного имущества. Наконец, 1 января 1727 г. Екатерина I возвела Осипа и его братьев в баронское достоинство.

В апреле и мае 1716 г. Соловьев участвовал в трех аукционах, проводившихся в Амстердаме, приобретя 121 картину. Описание купленных Соловьевым картин, насколько нам известно, существует в трех экземплярах. В Российском Государственном архиве военно-морского флота в Петербурге среди документов фонда К. Крюйса сохранился, по-видимому, оригинал, где указано, на каких кораблях прибыли картины и упомянут также ящик, «привезенный через землю с господином Коном Зотовым»⁷. Тот же документ имеется в копиях в Российском Государственном архиве древних актов⁸ и в Российском Государственном историческом архиве⁹. Последняя копия, составленная более легко читаемым почерком, послужила основой для публикации А.Г. Каминской, а также автора этих строк.

Большой интерес представляет реакция Петра I на покупки Соловьева. Он ответил агенту уже от 7 мая 1716 г.: «... что же пишете о картинах что их с восьмьдесят уже купили, однако ж и впредь старайтесь еще их покупать ибо нам надобно довольное число однако ж смотрите чтоб были хорошей работы а ис купленных осмидесяти картин которые ты станешь посылать в Питербурх пришлите к нам в Шверин картин пять или шесть разных маниров которых мы смотря будем к тебе писать, какая впредь надобны покупать...»¹⁰. Можно предположить, что в данном случае дата соответствовала юлианскому календарю, принятому тогда в России, и Соловьев получил послание до аукциона, состоявшегося 13 мая по григорианскому календарю. Сохранился и список из семи картин, которые, по приказу царя, были отправлены Соловьевым в Шверин. Пять из них были включены также в основной список, где они выделяются относительно высокой стоимостью (от 250 до 585 гульденов) [Каминская 1992, с. 37].

Письмо от 7 мая 1716 г. представляется исключительно важным для понимания художественных интересов царя. С одной стороны, он доволен приобретениями Соловьева и просит его продолжать покупки. С другой стороны, ему хотелось бы убедиться в достоинствах купленных картин. Тем самым он осознает себя знатоком живописи, который может оценить не только тематику, но и качество исполнения этих произведений. Наконец, важно свидетельство царя о том, что он хотел бы получить картины разных

⁷ РГАВМФ. Ф. 234. Д. 9. Л. 14–15 об.

⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 28. Л. 722, 722 об.; д. 88. Л. 196–197.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 566. Л. 4–5.

¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Д. 81. Л. 554, 555.

жанров. Таким образом, мы вправе говорить не о случайных приобретениях для царской коллекции, а о попытке сознательного отбора произведений со стороны самого Петра Великого.

В том же письме царь упоминает о живописце, которого он знает и высоко ценит. Это редчайшее свидетельство относится к Адриану ван дер Верфу (1659–1722), продолжавшему в своем творчестве традиции тщательно выписанных картин небольшого размера, типичных для голландского «золотого века». Его произведения пользовались большой славой при жизни художника и имели высокую стоимость. Петр I видел картины ван дер Верфа в Голландии, возможно, и в Дрездене, где он бывал неоднократно и вполне разделял высокую оценку мастера: «...такое ж проведай жив ли в Роттердаме славной живописец фон дон Верф и о том к нам отпиши, тако ж старайся достать ево картины две или три...». Как видно, Соловьев успел получить письмо до распродажи собрания ван Бенингена и приобрел на ней три картины, приписывавшиеся мастеру.

Со списком, составленным Соловьевым, работать очень трудно, поскольку, за редким исключением, указаны только сюжеты картин и их стоимость, чаще всего в переводе на русский язык. Иногда он дает голландское название картины рядом с русским («Тюрф Драгер или носитель дров земляных»). Иногда перевод на русский язык не удается, и Соловьев ограничивается голландским названием, не всегда поддающемся переводу («Дана Метгелдер реген» – очевидно, «Даная с золотым дождем»; «Дарзе Онденбурхан» – не поддается переводу). И только три картины сопровождаются указанием на имя автора. Как теперь становится понятным, это неслучайно, потому что этот художник – ван дер Верф.

При первой публикации списка картин, приобретенных Соловьевым в 1716 г., А.Г. Каминская использовала ценный исторический источник, позволяющий дополнить сведения русского списка. К сожалению, исследовательница ограничила свою задачу, указав на несколько картин, дошедших до наших дней. Между тем, каталог, опубликованный в 1752 г. на голландском языке, дает возможность не только уточнить время и место приобретения большинства картин, но и узнать их приблизительные размеры, а также имя автора, под которым они продавались. Согласно этой публикации, Соловьев купил соответственно 19 и 62 картины на двух анонимных аукционах, проходивших в Амстердаме 24 апреля¹¹ и 6 мая 1716 г.¹² Еще 18 картин было приобретено агентом на распродаже коллекции Яна ван Бенингена, состоявшейся 13 мая того же года¹³. Источник получения еще 22 картин остается неизвестным. Таким образом, всего Соловьев купил в Амстердаме 121 картину.

¹¹ [Hoet G.]. *Catalogus of Naamlyst van Schilderyen, met derzelve pryzen, vytgegeven door Gerard Hoet. Erste Deel. Gravenhage, 1752, p. 183–193.*

¹² *Ibid.*, p. 194–198.

¹³ *Ibid.*, p. 199–204.

Из трех амстердамских аукционов наибольший интерес, безусловно, представляет тот, на котором продавалась коллекция Яна ван Бенингена (1667–1720), выдающегося коммерсанта и политического деятеля своего времени. Его деятельность была подвергнута подробному изучению в книге голландского историка Кунрада Йонкхере, посвященной художественному рынку в Голландии в начале XVIII в. [Jonckheere 2008, p. 37–40]

Ян ван Бенинген родился в Амстердаме в 1667 г. в семье коммерсанта Хендрика ван Бенингена, где был старшим из девяти детей. Он получил хорошее образование, владел французским языком, а также читал по-латыни. В 1695 г. Ян женился на Катарине Констанции ван Лейвен, от которой имел семь детей. Семейная компания называлась «Хендрик ван Бенинген и сыновья» и имела филиалы в Данциге, Лондоне (где обосновался брат Яна Исаак) и на острове Кюрасао, у берегов Южной Америки (где губернатором был еще один брат – Джонатан). После смерти отца, последовавшей в 1697 г., Ян ван Бенинген продолжил его дела, занимаясь различными финансовыми операциями, в 1712 г. стал директором Вест-Индской компании, а в 1715 г. – губернатором острова Кюрасао. Распродажа его коллекции была связана с отъездом ван Бенингена из Амстердама. Он скончался 18 октября 1720 г. на одном из островов около восточного побережья Южной Америки.

Основываясь на сохранившейся переписке Яна ван Бенингена, К. Йонкхере характеризует его не только как образованного любителя искусства, но и как активного участника художественной жизни в Амстердаме, занимавшегося покупкой и продажей произведений искусства. Он, кроме прочего, выступил организатором аукциона картин из хранившейся во дворце Хет Лоо коллекции Виллема III Оранского (1650–1702), правителя Нидерландов, ставшего с 1689 г. королем Англии и Шотландии. Этот аукцион, прошедший в 1713 г., отличался высоким качеством представленных на нем произведений и, соответственно, высокой их стоимостью. Кроме того, Ян ван Бенинген консультировал в области искусства ландграфа Карла Гессен-Кассельского и его дочь Марию-Луизу, а также и других высокопоставленных любителей искусства. Автор книги называет его первым примером «джентльмена-дилера» XVIII в.

Состоявшийся в Амстердаме 13 мая 1716 г. аукцион, на котором продавались картины из коллекции Яна ван Бенингена, также выделяется высокой стоимостью картин, что должно свидетельствовать об их хорошем качестве. Кажется достаточно необычным, что из 86 картин 30 были отнесены к итальянской школе (34%). Среди них находились картины, считавшиеся произведениями Пармиджанино, Тициана, Тинторетто, Якопо Бассано, Караваджо, Аннибале Карраччи, Доменикино, Луки Джордано. К голландской школе были отнесены 25 картин (29%), в том числе работы Герарда Доу, Франса Мириса, Гаспара Нетшера, Адриана ван дер Верфа. Четыре картины приписывались Рембрандту. Фламандская (или южно-нидерландская) школа насчитывала 21 картину (24%), среди них – произведения Питера

Брейгеля Младшего, Рубенса, Ван Дейка [Jonckheere, 2008, p. 46]. Конечно, большинство этих атрибуций вряд ли могли бы быть подтверждены современной наукой, однако из четырех картин, числившихся за Рембрандтом, по крайней мере, одна считается его произведением до сих пор — «Прощание Давида с Ионафаном», хранящееся в Эрмитаже.

После смерти Яна ван Бенингена в 1721 г. состоялась вторая распродажа его коллекции, но каталог ее неизвестен.

В приложении к своей книге К. Йонкхеере дал список картин, продававшихся на аукционе 13 мая 1716 г., и попытался проследить их дальнейшую судьбу. К сожалению, он не использовал литературу на русском языке, что приводит его, как будет показано далее, к некоторым неточностям. Трудно также согласиться с его высказыванием о том, что коллекция живописи Петра Великого была составлена только покупками его агентов Осипа Соловьева и Кологривова (без указания имени) в течение нескольких месяцев и потому имела в основном случайный характер [Jonckheere 2008, p. 35].

Попытаемся рассмотреть возможную историю в России картин, приобретенных Соловьевым из собрания ван Бенингена. На аукционе представлено всего 86 картин. Из них К. Йонкхеере [Jonckheere 2008, p. 261–267] предлагает отождествить 19, и только 2 картины он находит в русских коллекциях. Безусловно, ошибочна информация К.В. Малиновского [Малиновский 2015, с. 46] о том, что из собрания ван Бенингена Соловьев приобрел 41 картину (то есть почти половину коллекции).

Без сомнения, наиболее ценной из картин, купленных на аукционе 13 мая 1716 г., остается «Прощание Давида с Ионафаном», подписанное Рембрандтом и датированное 1642 г. На происхождение этой картины еще в 1957 г. указал В.Ф. Левинсон-Лессинг, располагавший и описью картин, приобретенных Соловьевым. Он также правильно указал, что Соловьев сделал приобретения на распродаже собрания ван Бенингена. Эти данные были им использованы, чтобы уточнить сюжет произведения, вызывавший определенные разногласия [Левинсон-Лессинг, 1958, с. 5–8]. Действительно, в списке картин, купленных Соловьевым, значится «Давид Ионафан» с оценкой в 80 гульденов [Каминская, 1992, с. 49; Андросов 2003, с. 33]. Согласно описи Гзеля-Штелина (1737 г.), картина находилась тогда в петергофском дворце Монплеизир и числилась под названием «Примирение Якова и Исава» [Малиновский, 2015, с. 66, 101]. В 1882 г. ее передали в Эрмитаж, где она и хранится в настоящее время (Инв. № ГЭ 713).

Заслуга идентификации второй картины из коллекции ван Бенингена принадлежит К. Йонкхеере. Это «Се человек» («Ессе Ното»), считавшийся произведением Адриана ван дер Верфа и оцененный в 300 гульденов [Jonckheere, 2008, p. 264]. В списке Соловьева картина значилась как «Эксогомо от Фандерверфа» [Андросов, 2003, с. 33]. Ее не удалось отождествить среди описей петергофских дворцов, но в XIX в. она находилась в Эрмитаже, откуда в 1924 г. была передана в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве (Инв. № 642).

В настоящее время картина считается повторением оригинала Адриана ван дер Верфа, созданным в его мастерской [Сененко, 2000, с. 87, № 69].

К сожалению, мы не можем указать на нынешнее местонахождение двух других произведений, приписывавшихся ван дер Верфу. «Сусана и два старика Фан риддер Фан дер Верф» (то есть написанная художником, получившим дворянское звание), оцененная в 800 гульденов, была одной из самых дорогих на распродаже 13 мая 1716 г. [Каминская 1992, с. 504; Андросов 2003, с. 33]. По мнению К. Йонкхеере [Jonckheere 2008, р. 265], картина может быть идентифицирована с находящейся в Музее Фабра в Монпелье. Однако, судя по всему, во французском музее хранится один из вариантов композиции, в то время как картина, принадлежавшая ван Бенингену, зафиксирована в описи картин дворца в Царском Селе, составленной тем же Штелином в 1766–1767 гг. [Малиновский 2015, с. 12]. Как и «Мария Магдалина», оцененная в 400 гульденов и считавшаяся, согласно каталогу 1716 г., произведением Питера ван дер Верфа, брата Адриана¹⁴, картина, очевидно, не дошла до наших дней.

Остается неясной и судьба самой дорогой картины из числа купленных Соловьевым на распродаже собрания ван Беннигена. В каталоге 1716 г. она приписывалась Мирису Старшему, то есть Франсу Мирису и оценивалась в 930 гульденов¹⁵. В списке Соловьева она значится под названием «Старик который просил одну госпожу чтоб она ево полюбила» [Каминская 1992, с. 50; Андросов 2003, с. 33]. В свою очередь, К. Йонкхеере [Jonckheere 2008, р. 265] пытается идентифицировать картину с хранившейся в Музее Бойманс ван Бейнинген в Роттердаме и утраченной в 1864 г. Однако это предположение кажется мало вероятным, поскольку подробное описание картины дано Гзелем и Штелином в 1737 г.: «Знаменит один из превосходных оригиналов этого Мирса Старшего, изображающего старика, который спрашивает молодую служанку о благосклонности. Это полотно из собрания Франца д'Орвиля вместе с картиной Кортонна – № 1 – было продано в Россию и находилось прежде в тамошнем Летнем саду в позолоченной раме. В Голландии оно стоило 1400 голландских гульденов, или 440 рублей» [Малиновский 2015, с. 56, 98]. Из текста видно, что местонахождение картины на тот момент было неизвестно обоим знатокам. Из этого можно заключить, что она была утрачена вскоре после прибытия в Россию.

В дополнительных материалах о картинах из коллекции Яна ван Беннигена К. Йонкхеере [Jonckheere 2008, р. 261] упоминает также полотно, изображающее «Авраама и Мельхиседека», считавшееся работой Пьетро да Кортонна и находившееся ранее в собрании Франса д'Орвиля. Это единственный случай, когда исследователь использует литературу на русском языке, в частности публикацию описи 1737, сделанную в 1997 г. По списку

¹⁴ Ibid, p. 203.

¹⁵ Ibid.

Соловьева эта картина значится, скорее всего, как «Раставанье между Лотом и Авраамом» с оценкой в 130 гульденов [Каминская 1992, с. 45; Андросов, 2003, с. 32]. Отсюда следует, что по каталогу аукциона 1716 г. она значилась под тем же сюжетом и с авторством Себастьяна Бурдона¹⁶. Штелин не только указывал на происхождение картины из собрания д'Орвиля, но и знал, что для России ее купил Соловьев [Малиновский 2015, с. 50, 95, 96]. К сожалению, проследить историю этой картины после 1737 г. не удается. Вероятно, она также не дошла до наших дней.

Особый интерес представляют сведения о картине, изображающей эпизод из истории Ахиллеса. По списку Соловьева она числится, вместе с парной, как «Ахиллис между девами, другая той же меры» с оценкой обеих в 125 гульденов [Каминская, 1992, с. 50; Андросов, 2003, с. 33]. Аукционный каталог 1716 г. определяет сюжет одной картины как «Селевк и Стратоника», а второй как «Праздник Вахха», а автором обеих называет известного живописца Герарда де Лересса¹⁷. Эти противоречивые сведения заставили К. Юнкхеере предположить, что речь шла о картине Лересса «Антиох и Стратоника», ныне находящейся в Государственном Кунстхалле в Карлсруэ [Jonckheere, 2008, p. 263]. В то же время он указывает, что в собрании Яна ван Бенингена была картина того же Лересса, изображавшая «Ахиллеса среди дочерей Ликомеда», поскольку такая композиция была гравирована Питером ван дер Бергом с посвящением ван Бененигену. По мнению голландского исследователя, эта картина может быть идентифицирована с хранящейся в Маурицхойсе (Гаага) [Jonckheere, 2008, p. 54, 97]. Это предположение кажется нам неверным, исходя из размеров картин. Принадлежавшее Яну ван Бенингену полотно имело размеры 3 1/3 x 3 1/3 фута (примерно 1 м x 1 м). Картина из музея в Гааге значительно больше и имеет другое соотношение высоты и длины: 138 x 190 см.

Следует отметить, что сюжет картины Герарда де Лересса вызывал различные толкования уже у современников живописца. В частности, в описи Гзеля-Штелина 1737 г. сюжет картины, находившейся тогда во дворце Монплеизир, описан так: «Агамемнон, который уходит на войну, и его возлюбленная, которая хочет его удержать», а парная к ней трактуется как изображение «Философа в глубоком раздумье». Странно только, что обе картины рассматриваются как произведения ученика Лересса, а не самого мастера [Малиновский 2015, с. 54, 97]. Важным представляется также комментарий К.В. Малиновского, что в другом русском документе интересующая нас картина числилась как «показуша Марса, хотящего начинат войну.. и предстоящую перед ним женщину, которая его просит, чтоб войне не быть» [Малиновский 2015, с. 54]. Располагая гравированным изображением картины, ранее хранившейся в собрании Яна ван Бенингена, можно предположить, что именно она и находилась в свое время во дворце Монплеизир. Картина

¹⁶ Ibid, p. 200.

¹⁷ Ibid, p. 204.

с изображением Ахиллеса сохранялась в императорских коллекциях и позднее. В 1766–1767 гг., по свидетельству того же Штелина, она находилась в Картинной галерее в Ораниенбауме, и ее сюжет на этот раз не вызвал у эрудита сомнений: «Ахилл в женском платье, обнаруженный Улиссом, Лересс» [Малиновский 2015, с. 139]. Таким образом, картина Герарда де Лересса могла сохраниться и дойти до наших дней. Имеющаяся в распоряжении исследователей гравюра может помочь в ее возможной идентификации.

Литература

- Андросов С.О.* Русские заказчики и итальянские художники в XVIII веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 286, [4] с., [8] л. ил.
- Георг Гзель (1673–1740). Живописного дела мастер из Санкт-Галлена при дворе Петра Великого. 1717–1740. СПб., 2019.
- Каминская А.Г.* Приобретение картин в Голландии в 1716 году // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 336–351.
- Каминская А.Г.* Георг Гзель – составитель Каталога Петергофской коллекции 1737 года // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 355–339.
- Лебедева И.Н.* Художественное и научное наследие Марии Сибиллы Мериан в Санкт-Петербурге // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 318–334.
- Левинсон-Лессинг В.Ф.* К истории картины Рембрандта «Давид и Ионафан» // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1957. Вып. XI. С. 5–8.
- Малиновский К.В.* Описание императорских живописных коллекций в Петербурге и загородных дворцах, составленное Якобом Штелином // Музей. М., 1980. Вып. 1. С. 173–194.
- Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб.: Крига, 2012. 527 с.
- Малиновский К.В.* Материалы Якоба Штелина. СПб.: Крига, 2015. Т. 2. 344 с.
- Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб.: ГЭ, Славия, 2003. 440 с.
- Петр I и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи: К 300-летию Великого посольства: Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 1996. 184 с., ил.
- Сененко М.С.* Голландия XVII–XIX века: Собрание живописи / Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: Галарт, 2000. 500, [1] с., [12] л. ил.
- Серов Д.* Заметки о жизни асессора Осипа Соловьева // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century / ed. by E. Waegemans. Groningen, 1998. Pp. 97–109.
- Шаркова И.С.* Россия и Италия. Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1981. 208 с.
- Jonkheere K.* The Auction of King William’s Paintings 1713. Elite International Art trade at the end of the Dutch Golden Age. Amsterdam, 2007. 371 p.

References

- Androsov 2003 – Androsov S.O. Russkie zakazchiki i ital’yanskie hudozhniki v XVIII veke. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. 286, [4] p., [8] il.

- Georg Gzel' 2019 – Georg Gzel' (1673–1740). Zhivopisnogo dela master iz Sankt-Gallena pri dvore Petra Velikogo. 1717–1740. SPb., 2019.
- Jonckheere 2008 – Jonckheere K. The Auction of King William's Paintings 1713. Elite International Art trade at the end of the Dutch Golden Age. Amsterdam, 2007. 371 p.
- Kaminskaya 1992 – Kaminskaya A.G. Priobretenie kartin v Gollandii v 1716 godu // *Russkaya kul'tura pervoj chetverti XVIII veka. Dvorec Menshikova*. SPb., 1992. Pp. 336–351.
- Kaminskaya 1997 – Kaminskaya A.G. Georg Gzel' – sostavitel' Kataloga Petergovskoj kolekcii 1737 goda // *Petr I i Gollandiya*. SPb., 1997. Pp. 355–339.
- Lebedeva 1997 – Lebedeva I.N. Hudozhestvennoe i nauchnoe nasledie Marii Sibilly Merian v Sankt-Peterburge // *Petr I i Gollandiya*. SPb., 1997. Pp. 318–334.
- Levinson-Lessing 1957 – Levinson-Lessing V. F. K istorii kartiny Rembrandta «David i Ionafan» // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1957. Vyp. XI. Pp. 5–8.
- Malinovskij 1980 – Malinovskij K.V. Opisanie imperatorskih zhivopisnyh kolekcij v Peterburge i zagorodnyh dvorцах, sostavlennoe Yakobom Shtelinom // *Muzej*. M., 1980. Vyp. 1. Pp. 173–194.
- Malinovskij 2012 – Malinovskij K.V. Istoria kollekcionirovaniya zhivopisi v Sankt-Peterburge v XVIII veke. SPb.: Kriga, 2012. 536 p.
- Malinovskij 2015 – Malinovskij K.V. Materialy Yakoba Shtelina. SPb.: Kriga, 2015. T. 2. 344 p. Osnovatelyu Peterburga: Katalog vystavki. SPb.: Gosudarstvennyi Ermitazh, Slavia, 2003. 440 p.
- Petr I i Gollandiya. Russko-gollandskie hudozhestvennye i nauchnye svyazi: K 300-letiyu Velikogo posol'stva: Katalog vystavki. SPb.: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1996. 184 p., il.
- Senenko 2000 – Senenko M.S. Gosudarstvennyj muzej izobrazitel'nyh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Gollandiya XVII–XIX veka. Sobranie zhivopisi. M.: Galart, 2000. 500, [1] p., [12] il.
- Serov 1998 – Serov D. Zametki o zhizni asessora Osipa Solov'eva // *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* / edited by E. Waegemans. Groningen, 1998. Pp. 97–109.
- Sharkova 1981 – Sharkova I.S. Rossiya i Italiya. Torgovye otnosheniya XV – pervoj chetverti XVIII v. L.: Nauka, 1981. 208 p.

Sergei O. Androsov

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

NEW FINDINGS ON PAINTINGS, ACQUIRED IN AMSTERDAM FOR PETER THE GREAT

When visiting an art auction for sale of famous collection of Jan van Beuningen (Amsterdam, 13 May 1716), Osip Soloviev, commercial agent of Russia, acquired 18 paintings for Peter the Great. Among the works there was a first painting of Rembrandt in Russia, “David and Jonathan”, signed and dated 1642 (now the State Hermitage museum, St. Petersburg). The second painting from van Beuningen collecton, identified recently, is “Ecce Homo”, attributed to the workshop of Adrian van der Werf (now in the museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin).

A paper presents also an attempt to find traces of other paintings from the same collection in the museums of “Peterhof”.

Keywords: *Peter the Great, Osip Soloviev, Jan van Beuningen, Amsterdam, collection, painting, document.*

Основные принципы стратегии Петра Великого в войнах России в начале XVIII века

Петр I отвергал риск и его решительность сочеталась с осторожностью, не исключавшей вероятность неудач. Стратегию сокрушения противника он никогда не использовал. Критерием побед он считал превосходство материальных сил. Так были разгромлены шведы под Полтавой. Попытка блицкрига против турок в 1711 г. окончилась провалом, но наступательная стратегия на землях ослабленного Ирана привела к успеху. Стратегия устрашения и ограниченных действий заставила Швецию согласиться на мир в Ништадте в 1721 г.

Ключевые слова: военная стратегия, малая война, Восточная Прибалтика, Полтавская битва

Военное искусство различает *стратегию сокрушения с полным разгромом противника; стратегию истощения; стратегию не прямых действий* — с информационной войной и др.; *стратегию устрашения* — с демонстрацией силы; *стратегию ограниченных действий* — на ограниченной территории.

О военной стратегии, в том числе и в эпоху Петра I, написано немало: [Клаузевиц; Леер; Свечин; Бескровный; Золотарев; Лиддел Гарт; Грин; Le Donne]. В России, как правило, руководствовались континентальной стратегией, но *большая стратегия* Петра I охватывала Азово-Черноморский бассейн, Каспий, Северный морской путь и Тихий океан. В данной статье рассматривается сухопутная стратегия Петра I.

Северную войну Петр I начал *наступательной стратегией*, хотя был вариант *стратегии ограниченных действий* с малой войной на южном побережье Невы, в Эстляндии и Лифляндии. План захвата Нарвы не был согласован со средствами. Не было обученного регулярного войска, качественного офицерского корпуса и флота для блокады Нарвы с моря. Войну начали как «слепые» и неудачу можно было предвидеть заранее.

Шведский король Карл XII, получивший отличное военное образование [Григорьев, с. 27–29] взял за основу *стратегию сокрушения противников* путем удара по центру силы каждого из них. Великодержавная Швеция имела образцовое регулярное войско. Карл XII пошел на выручку Нарвы и разгромил русских, потери которых составили 9–10 тыс. [Великанов, с. 150]. Из-за пренебрежения к врагу Карл XII не добил бежавших и не начал поход на Москву. Он считал, что его войска в Эстляндии и Лифляндии самостоятельно отобьются от русских, и вплоть до 1707 г. «увяз» в Польше.

После нарвской катастрофы Петру I пришлось принять *стратегию малой войны и истощения противника*, чтобы пошагово овладевать невскими берегами [Иванюк, с. 24]. В Прибалтику русская армия перенесла татарскую тактику кавалерийских набегов, с использованием драгун, казаков, калмыков. Малая война дала результат — после сражений при Эрестфере 29 декабря 1701 г. и Гуммельсгофе 18 июля 1702 г. шведы в Лифляндии стали уклоняться от полевых встреч с русскими. 11 октября 1702 г. был взят Нотебург. В начале 1703 г. Петр I стал готовиться к окончательному овладению Ижорской землей. Устье Невы контролировалось земляной крепостью Ниеншанц. 26 апреля 1703 г. 20-тысячное войско Шереметева подошло к Ниеншанцу и после бомбардировки и штурмов шведы 1 мая впустили в крепость русских. 16 мая на острове Яниссаари, на две версты ближе к Финскому заливу, стали воздвигать «цитадель» в честь апостолов Петра и Павла. 14 и 27 мая 1703 г. были взяты Ям и Копорье. В том же году Петр I замкнул символическую цепь «Венечным замком» («Кроншлотом») на острове Котлин. Три крепости рассекли надвое владения Швеции в Восточной Балтике. Дерпт и Нарва, взятые летом 1704 г., расширили зону безопасности около Петербурга.

4–5 сентября 1705 г. Петр I принял капитуляцию митавского замка, а 14 сентября взял Бауск. Тем самым Лифляндия была отрезана с юга от армии Карла XII в Польше. Шведы не отказывались от наступательной стратегии и Пётр считал, что перед ними надо «уступать», утомляя мелкими набегам¹.

Весной 1706 г. Петр I и польский король Август II решили взять шведов в клещи: с запада — почти 20-тысячным саксонским войском фельдмаршала И. М. Шуленбурга и с востока от Гродно 35-тысячной армией фельдмаршала Г. Б. Огильви. В 1706 г. пояс русских войск от Митавы до Замостья отделял от шведов часть Литвы, Белоруссию и Украину.

13–14 января 1706 г. Карл XII своим 20-тысячным войском отсек русским пути отступления из Гродно на восток. 2 (13) февраля 1706 г. Реншгёльд нанес тяжелое поражение союзникам у Фрауштадта. Петр I приказал своей армии вырваться из ловушки у Гродно, и А. И. Репнин 22–23 марта 1706 г. вывел войска через Неман на юго-запад, затем русская армия удачно достигла Киева.

Когда армия Карла XII двинулась в Саксонию, Август II 5 (16) августа 1706 г. уполномочил своих дипломатов заключить сепаратный мир с противником. 13 (24) сентября в замке Альтранштадт канцлер К. Пипер и К. Г. Реншгёльд отрешили Августа II от польского трона, и Россия лишилась опоры в Центральной Европе.

Воспользовавшись отсутствием шведов, конный корпус А. Д. Меншикова прошел по польским землям почти тысячу километров, и у Калиша

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 411–412.

18 октября 1706 г. разгромил (при невольном содействии саксонцев) «наблюдательный корпус» генерала А.А. Мардефельта [Артамонов, с. 37]. Эта победа не изменила стратегическую обстановку, так как слава шведской армии в Европе достигла тогда апогея.

В конце августа 1707 г. Карл XII выдвинулся из Саксонии для нанесения *сокрушающего удара* в «сердце Московии». Против России Карл XII мог поднять большие силы. В Саксонии, после вербовки немцев, главная армия короля выросла до 35 тыс. чел., корпус А.Л. Левенгаупта в Курляндии насчитывал около 13 тысяч, в Польше у генерал-майора Э.Д. Крассау было 8 тыс. чел. В Финляндии находился 14-тысячный корпус генерал-майора Г. Любекера, 11 тыс. солдат охраняли Эстляндию и Лифляндию [Артамонов, 2009, с. 155]. Шведский король осаждать крепости не собирался и полагал, что поход на Москву заставит Петра I уйти из Прибалтики. На Ингрию, Петербург и Псков был запланирован поход Любекера и отрядов эстляндского генерал-губернатора Н. Стромберга. Русскому командованию приходилось считаться и с возможностью появления корпуса Крассау под Киевом.

Опасность нашествия со стороны шведов усиливалась из-за отсутствия серьезных преград: местность, хотя и покрытая лесами, болотами и пересеченная реками, повсюду была открытой. Вместе с тем неизмеримость пространств, военные резервы и возможность неограниченных пополнений давали преимущество армии Петра I.

3 января 1707 г. в Жолкве (Галиция) был разработан *стратегический план обороны*², *предопределивший будущие победы при Лесной и Полтаве*. Он был рассчитан на *стратегию истощения противника* и глубину театра военных действий. Главное сражение предусматривалось давать только «при своих границах», а при ретираде вести малую войну. Оборона Петра I охватывала почти 700 километров от Невы до Северной Украины. Перед противником намечалось уничтожить провиант, фураж и переправы, уклоняться от крупных столкновений и устраивать завалы [Гербильский, с. 79–80, 84]. План «ретирады», а не маневры шведской армии [Стилле, с. 12], убрал русские войска из Польши и Великого княжества Литовского.

Отражать поход Карла XII на Москву должна была главная армия, насчитывавшая 57 500 чел., Петербург прикрывал корпус Ф.М. Апраксина (24 500 чел.) и Боура (16 тыс. чел.) [Бескровный, с. 27–28]. 6 мая 1707 г. Пётр приказал укреплять Кремль и Китай-город. С 10 июня около 30 тысяч человек крепили «улицы и урочища», на бастионах устанавливались орудия. [Ласковский, с. 538]. Киево-печерская крепость должна была защищать Киев. На случай эвакуации «матери городов русских» навели мосты на левый берег Днепра. В Архангельске по дельте Северной Двины ставились артиллерийские батареи, готовились брандеры, товары отвозились дальше от

² Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 5, 189.

моря. Такой подготовки к отражению нашествия (в относительном измерении) наша страна не знала вплоть до 1812 года.

«Обжигание» полосы шириной в 100–120 км вокруг армии Карла XII стопорило марш шведов. Одновременно опустошался Дерптский округ, Эстляндия и сжигались постройки под Ригой. Непрерывные нападения с флангов и тыла, разорение местности, бои 30 августа при селе Добром и 9 сентября у Раевки отбросили войско завоевателя на Левобережную Украину. *Стратегия истощения противника помогла Петру I одержать верх над армией Карла XII.*

Чувствительным ударом по агрессору стала победа Петра I и А.Д. Меншикова над корпусом А.Л. Левенгаупта у деревни Лесной 28–29 сентября 1708 г. и ликвидация арсенала Мазепы в Батурине 2 ноября 1708 г.

12 января 1709 г. царь приказал крепить Полтаву, Ромны, Ахтырку и Сорочинцы, создавать там запасы продовольствия на четыре месяца и запретил комендантам крепостей вступать в переговоры с противником.

С весны 1709 г. русская армия постепенно сдавливала армию Карла XII с востока, севера и запада. 20 июня войско царя перешло с левого на правый берег Ворсклы, но не с целью разгрома шведской армии, а чтобы освободить Полтаву от блокады и вытеснить шведов за Днепр без генеральной баталии. Приближение к противнику осуществлялось под защитой земляных ретраншементов. Петр I как полководец всегда стремился использовать перевес материальных сил. Тактической установкой царя было выманивание противника на штурм укрепленных лагерей [Молтусов, с. 189–191].

27 июня в начале оборонительного боя силы шведов были разбросаны в разные стороны, а с 8 часов утра в наступательном бою противник был разгромлен и бежал в панике. Окончательно с противником было покончено 30 июня у Переволочны на берегу Днепра. Вопреки стратагеме о том, что враг, загнанный в угол, очень опасен, в Переволочне шведы безвольно капитулировали – настолько страшен был шок, пережитый ими 27 июня.

Сразу после Полтавской победы началась системная наступательная стратегия русской армии в Северной войне. Полтавская виктория вернула Саксонию в Северный союз и позволила русским и саксонским полкам почти без боя овладеть Речью Посполитой. Полное завоевание Восточной Прибалтики в 1710–1711 гг. ослабило материальную базу Швеции.

Перелом в войне положил начало завоеваниям в Финляндии и Северной Германии. Теперь шведы приняли тактику уклонения от крупных сражений с русскими (но не с датчанами и саксонцами).

9 ноября 1710 г. Османская империя, встревоженная русским контролем над Речью Посполитой, объявила войну России. Чтобы не воевать на два фронта, русское командование, вдохновленное полтавским триумфом, приняло *стратегию блицкрига* в надежде на помощь христиан. Блицкриг предусматривал скорую расправу с османами на Балканах и немедленное возвращение на балтийский театр военных действий. Возможность обо-

роны на Днестре или Днепре не рассматривалась, так как это означало бы затягивание конфликта с турками. Вторжение армии во главе с Петром I на Нижний Дунай оказалось такой же авантюрой, как поход Карла XII на восток в 1707–1708 гг. Полтавские победители сражение на реке Прут 9–10 июля выдержали достойно, и битва окончилась с нерешенным результатом.

Однако окружение казавшегося «200-тысячным» османским войском³ и непрерывный обстрел из пушек устроили царя. Петр I принципиально отвергал необоснованный риск и отказался от прорыва блокады, к которому стали готовиться 10 июля. Царь предпочел начать переговоры о мире с противником об условиях, на которых он был готов отказаться от завоеваний 1695–1696 гг. и уступить Лифляндию («и протчия помалу уступать») [Артамонов, с. 177–178, 183].

После ущербного «вечного» мира 12 июля 1711 г. русские войска на Украине в 1712–1713 гг. не вели даже *стратегии ограниченных действий*. По трем русско-турецким договорам 1711, 1712 и 1713 гг. Россия была отброшена на сотни километров от Азовского и Черного морей и потеряла влияние на Балканах и Северном Кавказе. Накал на османской границе вплоть до 1714 г. оттянул поражение Швеции.

На балтийском театре военных действий в 1712–1713 гг. началось скоординированное *стратегическое наступление* русских войск и флота. Это позволило занять Гельсингфорс, Або, Финляндию, а в 1714 г. Аландские острова, которые стали предпольем операций против самой Швеции.

В заключительные годы Северной войны (1716–1721) на сухопутном и балтийском театре осуществлялась стратегия ограниченных действий. Летом 1716 г. наметилась возможность принуждения Швеции к миру. В Зеландии к 28 июля собрался флот из 50 линейных кораблей – 19 английских, 6 голландских, 11 датских и 14 русских, которые должны были прикрыть высадку десанта на юг Швеции 27 тысяч русских и 22 тысяч датских войск. В шведской провинции Сконе было всего 11,5 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и крестьянское ополчение (но об этом узнали позже) [Баггер, с. 38]. Отвлечь силы шведов предполагалось диверсией флотилии адмирала Ф.М. Апраксина от Аландских островов. С 3 июля 1716 г. Петр I четыре месяца побуждал союзников начать десантную операцию. 5 августа 1716 г. он принял номинальное командование над флотом четырех держав у о. Борнхольма. Разногласия союзников относительно координации действий и беспокойство вторжением русских полков в Мекленбург затянули подготовку десанта до осени. Взвесив все риски, Петр I 19 сентября предложил перенести операцию на весну 1717 г. [Кротов, с. 481, 483–486]. Это говорит о том, что не «решительность» и «наступательная стратегия с решитель-

³ На самом деле османского войска было 118 400 человек, до 20 тысяч крымских татар, около 7 тысяч запорожцев и 3 тысяч поляков [Орешкова, с. 94, 123; Артамонов, с. 170].

ными целями» [История, с. 55], а *отказ от риска были характерной чертой стратегии Петра I.*

5 января 1719 г. против России, в Вене был заключен антирусский союз императора Карла VI, английского короля Георга I и Августа II. Союз намерялся вытеснить русскую силу из Германии, Прибалтики и даже лишить Россию Киева и Смоленска [Бобылев, с. 117]. Сознывая перевес противников, Петр I не стал испытывать судьбу и удалил свои войска из Мекленбурга и Польши.

С 1719 г. десанты русского галерного флота начали *стратегию устрашения*. Удара по Стокгольму русское командование не предусматривало. Разорялась лишь побережье Швеции в полутора сотнях (у Норчёпинга) и почти двухстах (у Евле) километрах от Стокгольма. В июле—августе этого года галеры адмирала Ф.М. Апраксина и генерал-майора П.П. Ласси разрушали заводы, мельницы, склады и усадьбы. В апреле 1720 г. гребной флот бригадира И.А. Менгдена напал на г. Умео, 27 июля 1720 г. флотилия генерала М.М. Голицына одержала победу при Гренгаме, в мае-июне 1721 г. 5-тысячный десант П.П. Ласси разорял северное побережье Ботнического залива.

Постулат «поставить противника в положение более тяжелое, чем та жертва, которую от него требуем» [Клаuzeвиц, т. 1, с. 26], оказался действенным. В Швеции поняли, что без резервов и помощи английского флота победа России предрешена.

Дипломаты царя Я.В. Брюс и А.И. Остерман на переговорах в Ништадте не требовали безоговорочной капитуляции, и 30 августа 1721 г. шведское правительство обменяло Восточную Прибалтику на Финляндию, 2 млн ефимков и вечный мир. (Надежда на возвращение Лифляндии не покидала шведов даже в момент подписания мирного договора) [Бобылев, с. 133]. Ништадтский договор стал решающим шагом на пути к рождению Российской империи.

В 1722–1723 г. в Персидском походе, во владениях терявших власть иранских Сефвидов, Пётр I снова предпринял *наступательную стратегию*. В перспективе имелась в виду далеко идущая цель — закрепиться в Восточном Закавказье и Южном Прикаспии, поставить под контроль торговлю шелком по Волге, связи со Средней Азией и, возможно, с Индией. Слаженность действий сухопутных и морских сил привели к успеху. 18 июля 1722 г. флотилия из 47 парусных судов и сотен лодок вышла в море, обеспечивая переправу войск, снаряжения и снабжения [Курукин, с. 10–13]. 23 августа войска вступили в Дербент, но из-за потерь от болезней и падежа лошадей пришлось 6 сентября отправиться обратно. Однако 5 декабря 1722 г. десант полковника Н.М. Шипова эскадры капитан-лейтенанта Ф.И. Соймонова занял Решт. 28 июля 1723 г. генерал-майор М.А. Матюшкин взял Баку и 12 сентября 1723 г. в соответствии с союзным договором, заключенным с новым шахом Тахмаспом, Россия получила западное и южное побережье иранских земель от р. Терека до Астрабада общей длиной более 1000 км.

* * *

В начале XVIII в. стратегия русского командования была разной. В 1701–1707 гг. *использовалась малая война и стратегия истощения противника*. Нашествие Карла XII в 1707–1708 гг. успешно было отражено *стратегией ограниченных действий и активной обороной*. После победы под Полтавой русское командование приняло *наступательную стратегию*. В войне против еще сильной Османской империи эта стратегия провалилась, но оказалась в целом успешной в Персидском походе 1722–1723 гг. *Стратегии полного сокрушения* неприятеля Петр I никогда не планировал.

Литература

- Артамонов В.А. Калишская баталия 18 октября 1706 г. М.: «Цейхгауз», 2007. 48 с.
- Артамонов В.А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М.: «МППА БИМПА», 2009. 686 с.
- Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: «Кучково поле», 2019. 446 с.
- Баггер Х. Петр Великий в Дании в 1716 году. Переломный момент датско-русских отношений. СПб.: «Европейский дом», 2017. 179 с.
- Бескровный Л.Г. Стратегия и тактика Русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 21–62.
- Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. 167 с.
- Великанов В.С. Ругодивский поход и сражение под Нарвой 19(30) ноября 1700 г. М.: Фонд «Русские витязи», 2020. 191 с.
- Гербильский Г.Ю. Русско-польский союз и Жолкевский стратегический план // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 63–90.
- Грин Р. 33 стратегии войны. М.: «Рипол-Классик», 2007. 320 с.
- Григорьев Б.Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М.: «Молодая гвардия», 2006.
- Иваниук С.А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2019. 351 с.
- История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М.: «Кучково поле», 2000. 588 с.
- Клаuzeвиц К. О войне. М.: «Аст», 2002. Т. 1. 559 с.
- Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2017. 743 с.
- Курукин И.В. На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 63 с.
- Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. Ч. 2. 538 с.
- Леер Г.А. Записки о стратегии. Изд. 3-е. М.: «Книга по требованию», 2014. Вып. 1–2. 258 с.
- Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. М.: «Аст», 2017. 560 с.

- Молтусов В.А.* Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009. М.: «Кучково поле», 2009. 510 с.
- Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: «Наука», 1971. 205 с.
- Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб.: тип. Александра, 1912. 170 с.
- Стратегия в трудах военных классиков / Ред. А. Свечина. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. 367 с.
- Le Donne, John P.* The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. 261 p.

References

- Artamonov V.A. Kalishskaja batalija 18 oktjabrja 1706 g. M.: “Zeikhgauz”, 2007. 48 p.
- Artamonov V.A. Poltavskoe srazhenie: K 300-letiju Poltavskoj pobedy. M.: “MPPA BIMPA”, 2009. 686 p.
- Artamonov V.A. Turecko-russkaja vojna 1710–1713 gg. M.: “Kuchkovo pole”, 2019. 446 p.
- Bagger H. Pjotr Velikij v Danii v 1716 godu. Perelomnyj moment datsko-rossijskih otnoshenij. SPb.: “Evropeiskii dom”, 2017. 179 p.
- Beskrovnyj L.G. Strategija i taktika Russkoj armii v poltavskij period Severnoj vojny // *Poltava. K 250-letiju Poltavskogo srazhenija*. M.: Izd. Akademii nauk SSSR, 1959, p. 21–62.
- Bobylyov V.S. Vneshnjaja politika Rossii jepohi Petra I.M., 1990. 167 p.
- Gerbil'skij G. Ju. Russko-pol'skij sojuz i Zholkevskij strategicheskij plan // *Poltava. K 250-letiju Poltavskogo srazhenija*. M.: Izd. AN, 1959, p. 63–90.
- Grin R. 33 strategii vojny. M.: “Ripol-klassik”, 2007. 320 p.
- Grigor'ev B.N. Karl XII, ili Pjat' pul' dlja korolja. M.: “Molodaya gvardiia”, 2006. 550 p.
- Ivanjuk S.A. Malaja vojna russkoj armii v period podgotovki Poltavskogo srazhenija. SPb.: “Istoriceskaia illustratziya”, 2019. 351 p.
- Istorija voennoj strategii Rossii. Pod red. V.A. Zolotareva. M.: “Kuchkovo pole”, 2000. 588 p.
- Klauzevic K. O vojne. M.: “Ast”, 2002. T. 1. 559 p.
- Krotov P.A. Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom. SPb.: “Istoriceskaia illustratziya”, 2017. 743 p.
- Kurukin I.V. Na puti v Indiju. Persidskij pohod 1722–1723 gg. M.: Fond “Russkie vityazi”, 2015. 63 p.
- Laskovskij F.F. Materialy dlja istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Opyt issledovanija inzhenernogo iskusstva v carstvovanie imperatora Petra Velikogo. SPb.: Imp. Akademiia nauk, 1861. Ch. 2. 538 p.
- Leer G.A. Zapiski o strategii. Izdanie 3. M., 2013. Vyp. 1–2. 258 p.
- Le Donne, John P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, 2004. 261 p.
- Liddel Gart B.G. Strategija neprjamyh dejstvij. M.: Ast, 2017. 560 p.
- Moltusov V.A. Poltavskaja bitva: Uroki voennoj istorii. 1709–2009. M.: “Kuchkovo pole”, 2009. 510 p.
- Oreshkova S.F. Russko-tureckie otnosheniya v nachale XVIII v. M.: “Nauka”, 1971. 205 p.
- Stille A. Karl XII kak strateg i taktik v 1707–1709 gg. SPb., 1912. 170 p.
- Strategija v trudah voennyh klassikov / Red. A. Svehina. Moscow, 1924. T. 1. 367 p.
- Velikanov V.S. Rugodivskij pohod i srazhenie pod Narvoj 19 (30) nojabrja 1700 g. M.: Fond “Russkie vityazi”, 2020. 191 p.

Vladimir A. Artamonov

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

BASIC PRINCIPLES OF THE STRATEGY OF PETER THE GREAT IN THE WARS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

Peter I rejected the risk and his determination was combined with caution, which did not exclude the possibility of failure. He never used the strategy of crushing the enemy. He considered the superiority of material forces to be the criterion of victory. So the Swedes were defeated near Poltava. An attempted blitzkrieg against the Turks in 1711 ended in failure, but an offensive strategy in the lands of Iran led to success.

Keywords: *military strategy, small war, Eastern Baltic, Battle of Poltava.*

Т.А. Базарова

Научно-исторический архив и группа источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

«Для престоережения интересов наших и общаго блага...»: поездка Алексея Ивановича Дашкова к высокой порте и подписание Константинопольского договора 1720 г.

В статье анализируется деятельность в Стамбуле чрезвычайного посланника Алексея Ивановича Дашкова в 1719–1721 гг. Основное внимание уделено проблеме восстановления постоянного дипломатического представительства России в Стамбуле, а также взаимоотношениям посланника с западноевропейскими дипломатами и русскими агентами.

Ключевые слова: Петр I, Константинопольский договор (1720), А.И. Дашков, русско-турецкие отношения, Высокая Порта, дипломатия, мирные переговоры

5 ноября 1720 г. между Россией и Османской империей был заключен Константинопольский договор о вечном мире. Российскую сторону на переговорах в Стамбуле представлял чрезвычайный и полномочный посланник Алексей Иванович Дашков (ум. 1733) – один из самых опытных дипломатов Петра I.

До наших дней сохранились скудные сведения о жизни и деятельности А.И. Дашкова. Словари и энциклопедии содержат весьма краткие его биографии. [Родословный сборник, с. 230; А. Ч., с. 132–133]. Осталась неизвестной дата рождения А.И. Дашкова. По-видимому, свою службу государю он начал в 1696 г. в чине стольника. Впоследствии свободное владение латынью и немецким языком привели А.И. Дашкова на дипломатическую службу. В 1699 г. он сопровождал А.А. Матвеева в посольстве в Гаагу. В 1708–1712 и 1715–1716 гг. А.И. Дашков находился в качестве резидента при коронном гетмане А.Н. Сенявском, а 1712–1715 гг. пребывал при дворе Августа II. Поездка в Стамбул стала последним дипломатическим поручением в его карьере. По возвращении из османской столицы А.И. Дашков вступил в должность генерал-почт-директора и более пределов России не покидал.

В «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» были указаны неверные годы начала и окончания миссии А.И. Дашкова в Османской империи – с 1718 по 1723 г. [Родословный сборник, с. 230], которые повторили «Русский биографический словарь» [А. Ч., с. 132] и некоторые другие издания. Работавший с архивными материалами С.М. Соловьев

привел более точные и подробные сведения, касавшиеся времени пребывания и деятельности А.И. Дашкова в Стамбуле [Соловьев, с. 277–283]. Кратко упоминает о поездке стольника в Стамбул Т.К. Крылова, подчеркивая важность его миссии для предотвращения новой войны [Крылова, с. 278]. Л.А. Никифоров одну из глав своей монографии о внешней политике России в конце Северной войны посвятил анализу русско-турецких отношений и сконцентрировал внимание на проблемах, которые А.И. Дашкову приходилось преодолевать на пути к заключению нового русско-турецкого договора [Никифоров, с. 251–333]. Это было не только традиционное недоверие османского правительства. По мнению ученого, усиление русских позиций при Высокой Порте вызывало сильное беспокойство у великих держав. Среди активных противников русско-турецкого договора о вечном мире оказались недавние союзники петровских дипломатов при Порте — английский и голландский послы, а также австрийские посол и резидент. Л.А. Никифоров также проанализировал основные положения Константинопольского (1720) и предыдущего — Адрианопольского (1713) договоров. Он отметил, что в новом соглашении в основном повторялись те статьи, которые не утратили своей актуальности [Никифоров, с. 325–326]¹. Во многом благодаря дипломатическому мастерству А.И. Дашкова новое соглашение удалось заключить на более выгодных для России условиях. Однако поездка стольника в Османскую империю могла и не состояться. Летом 1718 г. Петр I намеревался отправить в Стамбул другого дипломата.

К началу 1718 г. стало очевидно, что война, которую султан Ахмед III вел с цесарем и Венецией, заканчивалась не в пользу османов. Великая Порта искала мира со своими противниками и попыталась заручиться поддержкой русского правительства. В мае 1718 г. турецкий посланник Мустафа-ага доставил в Санкт-Петербург грамоту («лист») великого везира Нишанджи Мехмеда-паши с сообщением о его намерении вступить в переговоры с австрийцами и предложением прислать русского представителя на мирный конгресс.

После окончания русско-турецкой войны 1710–1713 г. и заключения Адрианопольского договора (13 июня 1713 г.) Россия утратила возможность иметь постоянную дипломатическую миссию при Высокой Порте. Начиная с отъезда из Стамбула в сентябре 1714 г. принимавших участие в мирных переговорах послов П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева в течение нескольких лет официальные контакты между двумя державами осуществлялись через отставку представителей с дипломатическими поручениями «без характера» (без верительной грамоты). На все предложения русского правительства разрешить держать в Стамбуле секретаря или корреспондента Высокая Порта отвечала отказом.

¹ В новейшей историографии то же самое проделал А.М. Дубровский. Ему не была известна монография Л.А. Никифорова, поэтому он утверждал, что «в работах современных исследователей мирный договор 1720 г. оказался вне поля зрения» [Дубровский, с. 67–72].

Петр I стремился играть более активную роль в европейской политике и хотел быть уверенным в безопасности южных рубежей своего государства. Существовала опасность, что нарушения Адрианопольского договора, связанные с пограничными конфликтами и русской активностью в Польше и Померании, могут спровоцировать Османскую империю на начало военных действий. Корреспонденты постоянно доносили из Стамбула, что представители великих держав целенаправленно убеждают Высокую Порту в недружественной политике ее северного соседа. Сложившаяся ситуация, когда сведения из османской столицы поступали с большим опозданием и отсутствовали пути оперативного влияния на ситуацию, не устраивала Петра I. Русское правительство решило воспользоваться представившейся возможностью отправить в османскую столицу своего представителя. 25 мая 1718 г. состоялся отпуск турецкого посланника. В ответном листе канцлера Г.И. Головкина содержались не только поздравления с окончанием войны, но и сообщалось о готовности Петра I немедленно направить «одного из верных своих министров» медиатором на Пожаревацкий конгресс².

5 июля 1718 г. царь подписал полномочную грамоту на участие лейб-гвардии капитана И.И. Горохова в конгрессе в качестве посредника. В Санкт-Петербурге для него подготовили инструкцию, предписывающую после окончания мирных переговоров остаться при Высокой Порте в качестве постоянного представителя. Гвардии капитан не успел даже приступить к выполнению поручения: в июле конгресс закончился без участия российского медиатора³. Однако заключение Пожаревацкого мира дало Петру I новый повод отправить своего представителя в Стамбул.

В ноябре 1718 г. было принято решение послать в османскую столицу в качестве чрезвычайного посланника стольника Алексея Ивановича Дашкова. Перед отъездом, 3 декабря 1718 г. его произвели в надворные советники⁴. В состав дипломатической миссии А.И. Дашкова вошли переводчик итальянского и турецкого языков Антоний Марини (Антон Марин), толмач турецкого языка Константин Дмитриев, а также курьеры Василий Юрьев, Дмитрий Рычанов, Петр Дмитриев⁵. По прибытии в османскую столицу посланнику следовало принять на службу подьячего Григория Иванова (Мальцова), который находился там «для наук», и «употреблять оно

² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1718 г. Д. 5. Л. 49.

³ Пассаровицкий (или Пожаревацкий) мир – подписанные 21 июля 1718 г. договоры, которые завершили войны Османской империи с Венецией (1714–1718) и Австрией (1716–1718). По условиям австро-турецкого договора Австрия получила Северную Боснию, Северную Сербию с Белградом, часть Валахии с Темешваром и другие территории. Венециано-турецкий мирный договор признал передачу туркам Мореи, островов Архипелага и давал венецианцам привилегии для торговли в Османской империи.

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 95, 97.

⁵ АВПРИ. Ф. 3. Оп. 3/3. 1720 г. Д. 3. Л. 32–32 об.

за друга переводчика»⁶. Для выполнения поставленных задач А.И. Дашкову выделили соболей и другой мягкой рухляди на 1000 рублей. Их расход следовало зафиксировать в особой записке и прислать ее в Посольскую канцелярию⁷.

В документах, связанных с отправкой А.И. Дашкова, указано, что И.И. Горохов не поехал в Стамбул, потому что тяжело заболел. В грамоте царя султану от 30 ноября 1718 г. пояснялось, что гвардии капитану «дана была от нас полная мочь и инструкция не токмо на оном конгрессе для медиации присутствовать, но и при дворе вашего величества ради пресережения интересов наших и общего блага пребывать <...> помянутому Горохову по том отправлении от нас приключилась в пути толь жестокая болезнь, что он даже донныне от оной свободитца <...> не мог»⁸. Не выяснено, чем болел и болел ли вообще И.И. Горохов. Уже 17 ноября 1718 г. он получил инструкцию с описанием мер, которые ему надлежало применить, чтобы не допустить распространения морового поветрия в Киевской и Азовской губерниях [ПСЗ, № 3237, с. 593]. Как представляется, упоминание о серьезном заболевании должно было стать уважительной причиной прибытия к Высокой Порте посланника после завершения конгресса, когда заинтересованность османов в русском представителе уже отпала.

Официальная задача посольства А.И. Дашкова состояла в поздравлении султана с окончанием войны и подписанием Пожаревацкого мирного договора⁹. Также ему поручалось заверить Высокую Порту в том, что Петр I будет по-прежнему поддерживать мирные отношения с Османской империей¹⁰. Посланнику следовало настаивать на расследовании приграничных конфликтов и наказании виновных¹¹. Согласно секретной инструкции, А.И. Дашкову надлежало оставаться в Стамбуле как можно дольше и добиваться у Высокой Порты позволения принять постоянного дипломатического представителя России¹².

После отъезда в 1714 г. из Стамбула послов П.П. Шафирова, М.Б. Шереметева и П.А. Толстого в османской столице оставались принятые ими на русскую службу агенты, а также «приятели» и доброжелатели. Русское правительство выплачивало пенсии голландскому послу Я. Кольеру, его переводчику В. Тейлсу с сыновьями и другим. Так, в 1715–1719 г. из царской казны ежегодно выделялось В. Тейлсу 800 левков, его сыну Николаю – 600,

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 5 об. После отъезда П.П. Шафирова в 1714 г. молодой подьячий Григорий Иванов остался в Стамбуле изучать турецкий язык под надзором голландского посла.

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 1 об.

⁹ А. М. Дубровский ошибочно считал, что А.И. Дашков был отправлен в Стамбул для заключения нового мирного договора [Дубровский, с. 69].

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 8–10.

¹¹ Там же. Л. 12 об. (Списки причиненных «обид» подданными султана жителям российского приграничья доставил османским министрам И. Натали в 1716 и 1718 гг.).

¹² Там же. Л. 26 об.

а Ивану — 250 левков¹³. В Санкт-Петербурге рассчитывали, что голландцы окажут помощь и поддержку русскому посланнику. Полученная А.И. Дашковым секретная инструкция предписывала ему искать содействие у переводчика голландского посольства В. Тейлса и голландского посла Я. Кольера, «который к стране его царского величества доброжелателен»¹⁴. Руководство Посольской канцелярии также рекомендовало А.И. Дашкову по возможности продолжить контакты с английским послом и его переводчиком Лукой Баркой, но действовать осторожно и секретную информацию не сообщать («ибо король их ныне с его царским величеством в несогласии обретається»)¹⁵.

А.И. Дашков прибыл в Стамбул 13 мая 1719 г. и был поселен на дворе близ Песочных ворот, на котором прежде размещался М.Б. Шереметев со своими людьми¹⁶. По обычаю, двор находился под охраной янычар, которые неизменно сопровождали людей посланника в их передвижениях по Стамбулу¹⁷. Первые три дня пребывания дипломата в османской столице по распоряжению Высокой Порты на посольский двор присылались продукты: «куры, гуси и прочее», а затем были назначены кормовые деньги в размере 40 левков¹⁸. Через неделю после приезда в столицу А.И. Дашков посетил великого везира Невшехирли Дамада Ибрагима-пашу, передал грамоты и был «принят честно». В реляции царскому двору посланник охарактеризовал везира: «... человек доброй, токмо великой мздоимец»¹⁹. 9 июня состоялась аудиенция у султана Ахмеда III²⁰, после которой А.И. Дашков получил возможность наносить визиты своим западноевропейским коллегам и турецким чиновникам.

Прибытие русского посланника на берега Босфора европейская дипломатия рассматривала как свидетельство сближения позиций Санкт-Петербурга и Стамбула. Это тревожило великие державы Англию, Голландию и Австрию, которые опасались заключения русско-турецкого военного союза. А.И. Дашков неожиданно для себя столкнулся с открытым противодействием английских и голландских дипломатов. Еще несколько лет назад английский и голландский послы выступали посредниками на мирных переговорах, которые вели с Высокой Портой П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев. Теперь же Я. Кольер действовал в австрийских интересах и склонял Порту к началу войны с Россией [Крылова, с. 279]. Впрочем, переводчик

¹³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 17. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 19 об. 5 января 1719 г. в Вене между Австрией, Ганновером и Саксонией был подписан договор о взаимной помощи и союзе, который имел антирусскую направленность.

¹⁶ Там же. 1719 г. Д. 12. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 3. Л. 26.

¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 26; Д. 12. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. 1719 г. Д. 8. Л. 45.

голландского посла В. Тейлс некоторое время помогал А.И. Дашкову и советами, и информацией.

Л.А. Никифоров отметил, что русский посланник потерял доверие к старому переводчику и опасался, что все беседы с ним немедленно становились известны австрийцам [Никифоров, с. 277]. А.И. Дашков также передал в Санкт-Петербург неутешительные сведения и о старшем сыне В. Тейлса, Николае, который «явился в интересах российских противен, и с отцом в ссоре», и перешел на службу к австрийцам²¹. Австрийские дипломаты, которые в начале 1710-х годов сохраняли нейтралитет, теперь настаивали на немедленной высылке А.И. Дашкова из Стамбула.

В отличие от голландского коллеги, который хотя бы на словах демонстрировал благожелательность и готовность поддержать русские интересы, новый английский посол Абрахам Стеньян проявлял откровенную враждебность. По замечанию А.К. Вуда, это «был первый случай, когда английская и русская политика скрестили мечи в Константинополе» [Wood, p. 551]. После подписания Пожаревацкого мира (1718) и антироссийского англо-шведского договора (1719), А. Стеньян начал провоцировать конфликт между Портой и Россией [Wood, p. 551]. Л.А. Никифоров писал, что в 1718 г., когда английский посол только узнал о назначении русского посланника в Стамбул, то сразу попытался оказать воздействие на Порту. Англичанин убеждал великого везира требовать вывода царских войск из Польши и уверял, что русский посланник намерен склонить Высокую Порту к войне с цесарем [Никифоров, с. 268–269]. Следуя дипломатическому этикету, после аудиенции у султана русский посланник сообщил о своем прибытии послам Англии, Франции и Голландии. Французский и голландский послы прислали ему ответные поздравления. Однако А. Стеньян не считал нужным этого сделать. В дальнейшем А.И. Дашков не раз доносил русскому правительству о недружественных поступках английского посла.

Не получивший поддержку англичан и голландцев А.И. Дашков начал искать новых союзников, которые могли содействовать выполнению поставленных перед ним задач. Судя по реляциям, в первое время посланник сблизился с Ференцом Ракоци. Затем при содействии архиепископа Анциры Кирилла Галани А.И. Дашков установил контакты с французским послом Жаном-Луи де Боннаком (с ним посланник познакомился еще во время пребывания в Польше)²². В начале 1710-х годов французские дипломаты были одними из главных противников установления мирных отношений между Россией и Османской империей. Теперь Франция после визита царя в Париж и подписания Амстердамского договора (1717) занимала более благожелательную позицию по отношению к России. К тому же ее беспокоило дальнейшее усиление постоянных соперников в борьбе за вли-

²¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 17. Л. 1 об., 3.

²² Там же 1719 г. Д. 7. Л. 26. Жан-Луи д'Юссон маркиз де Боннак (1672–1738) был послом Франции в Стамбуле в 1716–1724 гг.

яние в Европе — Англии и Австрии. Поэтому Ж.-Л. де Боннак поддержал позицию русского посланника, На аудиенциях у великого везира француз не раз говорил о добрососедской политике царя и рекомендовал не вмешиваться в его отношения со Швецией²³. Впрочем, высоко оценивая содействие француза, А.И. Дашков отметил: «Дай Боже, чтоб впредь не отменился каким случаем о радении ево (как я усмотрел болши для взятков) <...> гораздо он, посол французской, любит подарки, также и жена ево. И ныне беззакрытно бискупу говорила: ежели я не имею ль соболей, надобно ей на шапку, за что она отслужить обещает. И я к ней отослал две пары соболей и мех горностаевой. И она доволна была...»²⁴.

При содействии Ж.-Л. де Боннака А.И. Дашкову удалось склонить великого везира Невшехирли Дамада Ибрагима-пашу²⁵ начать переговоры. 15 июня 1719 г. посланник добился у великого везира неофициальной аудиенции и вручил ему мемориал. В подготовленном при помощи В. Тейлса документе были изложены основные идеи полученной посланником в Москве инструкции: твердое намерение царя поддерживать мир и дружбу с османским султаном и необходимость пребывания при Порте посланника или резидента, который бы развеивал лживые слухи и внушения недоброжелателей [Никифоров, с. 270–271]. Великий везир одобрил предложения русского посланника. Дашкову вручили письменный ответ на мемориал с заверением в намерении Порты невзирая на «ложные внушения» нерушимо содержать мирный договор. По словам «доброжелателей», ранее ни один из европейских послов не получал ответ «на письме»²⁶. А.И. Дашкову позволили задержаться при османском дворе.

На той же встрече, 15 июня, великий везир предложил А.И. Дашкову заключить между двумя державами вечный мир. Посланник намеревался запросить полномочий и пообещал, что ответ будет получен в двухмесячный срок. А.И. Дашков поспешил известить об этом Санкт-Петербург. 2 июля курьер Василий Юрьев выехал из Стамбула, но не сумел за месяц добраться до Москвы. Он был задержан на заставе в Василькове: в османских землях свирепствовала моровая болезнь. Важное сообщение в Санкт-Петербурге получили только 22 августа [Никифоров, с. 280].

В ожидании ответа на османское предложение посланник пользовался такими же правами и свободой, как и другие западноевропейские дипломаты. В 1720 г. А.И. Дашков перебрался на другой берег Золотого Рога. 7 июня он написал в Санкт-Петербург: «Двор мне ныне дали турки в Пере, где стоял цесарской посол с такими ж уборами, как и ему послу дан был»²⁷. Архиепископ Галани также подтвердил, что русскому посланнику «определен... в ко-

²³ АВПРИ. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 89/1. 1720 г. Д. 3. Л. 14; Д. 4. Л. 20–21 об.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 27.

²⁵ Невшехирли Дамад Ибрагим-паша (1660–1730) — великий везир в 1718–1730 гг.

²⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 3. Л. 56.

²⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 85.

тором жывал граф Етинген, посол цесарский»²⁸. А еще чрез несколько месяцев, 12 ноября посланник занял двор, «которой Пётр Андреевич строил»²⁹.

На деятельности А.И. Дашкова в Стамбуле негативно отражался недостаток денежных средств. В конце 1719 г. архиепископ Галани пожаловался П.П. Шафирову: «Сего министра прислали с праздными руками, а имянно без денег и без подарков, которыми мог бы он приобрести благоволение министров и большую склонность приятелей»³⁰. Османские чиновники ожидали от русского посланника подарков: по традиции меха и ценные вещи подносились влиятельным лицам перед визитом к ним дипломата, к праздникам и т.д. Ценность и размер подарков должны были соответствовать должности, которую занимал чиновник. Незначительный дар мог быть не принят и отправлен назад. Посланнику приходилось брать деньги в долг у греческих купцов под расписки с обещанием, что средства будут возвращены в Москве, а также ожидать доставки из в Стамбул мягкой рухляди. 24 декабря 1719 г. посланнику прислали, наконец, деньги и меха соболей и лисиц на 2000 рублей. Однако не вся долгожданная мягкая рухлядь была высокого качества и годилась для подарков высокопоставленным чиновникам³¹.

Ограниченность ресурсов отразилась и на отношениях посланника с агентами и информаторами. В нарушение сложившегося порядка А.И. Дашков решил отказаться от регулярных выплат агентам и поощрять их только за результат. Архиепископ («бискуп») Галани (который начал сотрудничать с русским правительством еще в 1711 г.) договорился о возвращении на русскую службу агента Ионы: «и все началось хорошо и изрядно», однако пресекалось из-за отсутствия денег³². После того как посланник отказался от услуг ставшего ненадежным Луки Барки, Галани нашел ему на смену молодого переводчика рагузинца Андрея Магрини. Ранее он «учился вместе з господином Флорием (Ф. Беневени. — Т. Б.) и так способен во услугах, что все дела господ послов рагузинских у Порты он делает». Молодой переводчик проживал в доме Л. Барки, был в курсе его действий при Порте и сообщал о них архиепископу³³. А.И. Дашков признавал, что рагузинец «человек неглупой... и уже он некоторые пробы зделал доносить тайно, где что услышит», но без санкции из Санкт-Петербурга не решался принять его на службу³⁴. К. Галани даже пожаловался вице-канцлеру П.П. Шафирову, что А. Магрини «в беспорядке находится, ибо слишком полгода как он служит господину посланнику и инова от него себе не выслужил, кроме одной пары соболей от 28-ми левков»³⁵. Наконец, в июле 1720 г. А.И. Даш-

²⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 6. Л. 49 об.—50.

²⁹ Там же. Л. 150 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 7. Л. 29.

³¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 19 об.

³² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 7. Л. 26 об.

³³ Там же. Л. 27 об.—29.

³⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 9—9 об.

³⁵ Там же. Д. 6. Л. 41, 52, 59.

ков принял на службу А. Магрини с обещанием годовой выплаты в размере 500 левков, из которых 300 выдал ему сразу³⁶.

А. И. Дашков тревожился, что позиция Высокой Порты в любой момент может измениться. В реляциях указывал он на сложность своего положения: «все здесь против меня с цесарским послом, сами послы и переводчики их»³⁷. 22 сентября 1719 г. великий везир поинтересовался причиной задержки ответа на предложение заключить договор о вечном мире³⁸. Высокая Порта не желала обострять отношения со своим северным соседом, однако отсутствие реакции царя вызывало подозрения. В конце 1719 г. под давлением английской и австрийской дипломатии османы попытались отправить А. И. Дашкова на родину. С огромным трудом русскому посланнику удалось убедить великого везира в необходимости своего дальнейшего пребывания в Стамбуле.

Между тем, в начале марта 1720 г. в Санкт-Петербурге Г.И. Головкин, П.П. Шафиров, Я.Ф. Долгорукий и П.А. Толстой выработали условия нового договора, основой которого должен был стать текст Адрианопольского мира (1713). Министры намеревались внести в него выгодные для России поправки: «инако зделать» предисловие и отменить первый пункт договора, касавшийся запрета на вступление в Польшу русских войск. Предлагалась следующая редакция: «дабы со обоих сторон смотреть того, что в Полше не допустить обсолюдства и сукцессии наследной». Пересмотру подлежала и десятая статья о «запросе крымском», которую следовало «написать как прежде сего с Украинцовым заключено было» (т.е. в Константинопольском мире 1700 г.)³⁹ В случае возникновения споров ее было разрешено оставить в редакции Адрианопольского мира или убрать из текста соглашения⁴⁰. Посланнику предписывали уклоняться от оборонительного и наступательного союза с османами и продолжать добиваться разрешения оставить при Порте посланника или резидента⁴¹.

23 марта проект договора с инструкцией, разъяснявшей позицию русского правительства по каждому пункту трактата, а также полномочную грамоту⁴² отправили А.И. Дашкову в Стамбул. Посланнику указали вести переговоры о вечном мире «елико возможно скрытно как от цесарского секретаря, так и от аглинского посла», а также просить великого везира тоже держать это дело в тайне⁴³. Курьер прибыл в Стамбул в мае 1720 г. Вместе

³⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 9. Л. 39–39 об. Еще в октябре 1719 г. Г.И. Головкин указал «секретно» принять А. Магрини в службу «для получения чрез него ведомостей и прочаго» и на выдачу жалованья отправить 200 червонных (Там же. Л. 39).

³⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 3. Л. 115 об.

³⁸ Там же.

³⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 3. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Л. 49 об.–50.

⁴¹ Там же. Л. 13.

⁴² ОР РГБ. Ф. 404 (Архив А.И. Дашкова). Д. 4.

⁴³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 3. Л. 70.

с полномочной грамотой и инструкциями он доставил из Москвы деньги и меха: 1000 червонцев французскому послу, а также «на раздачу от дел наших» 3000 червонных и соболей на 3000 рублей, ленских лисиц и горностаевых мехов на 1000 рублей⁴⁴.

21 мая состоялась публичная аудиенция посланника у великого везира, а затем 24 мая – у султана. Как докладывал А.И. Дашков: «...я с великою честью приниман не так как посланник, но так как великой посол»⁴⁵. 30 мая начались переговоры, в который с османской стороны участвовал рейс-эфенди с переводчиком. В первый же день А.И. Дашков подал предисловие, а 2 июня – первые шесть пунктов, которые султан принял «за благо». Пока проходили переговоры западноевропейские дипломаты (А.И. Дашков упоминал английского, голландского и венецианского послов, австрийского секретаря) добивались аудиенции у великого везира, чтобы «чем-нибудь везирия могли отбить от того зачатого дела»⁴⁶. В июне к рейс-эфенди присоединился фаворит султана Мустафа-ага, ранее участвовавший в переговорах в Адрианополе (1713) – «человек ума хорошева и ведомец дел европейских, того ради инако зачал со мною трактовать нежели реиз-эфендий»⁴⁷. А.И. Дашкову удалось внести изменения и в статью, касающуюся вступления русской армии в Польшу (ст. 2). Россия практически приняла на себя обязанности гаранта сохранения ее государственного строя и территориальной целостности. Первые серьезные споры вызвал пункт, касающийся пребывания русского резидента в Стамбуле («зело спорили, чтоб не вводить в обычай»). Османские министры вначале утверждали, что и без него «мир будет содержан», но им пришлось согласиться с аргументами А.И. Дашкова о необходимости оперативно разбираться с пограничными конфликтами⁴⁸. «Великие диспоты» вызвал вопрос о «ханской претензии» (десятый артикул). А.И. Дашкову не удалось добиться включения его в договор в редакции Константинопольского мира 1700 г. В новом договоре десятая статья во многом повторяла аналогичную из Адрианопольского трактата (1713) [Базарова, с. 190]. Тем не менее, русскому посланнику в целом удалось выполнить самые важные требования русского правительства.

После заключения мирного договора встал вопрос о кандидатуре резидента для постоянного пребывания при османском дворе. В ноябре 1720 г. А.И. Дашков сообщил в Санкт-Петербург мнение переводчика Порты: «лутче б-де... здесь содержать из своей нации кого, в большей бы-де был обсервации у турков, и поставили б ево в одном градусе с цесарским». Посланник также предположил, что «...и корм против цесарского дадут резидента по осми левков на день, токмо б которой имел язык италианской или

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 3. Л. 39–40 об.

⁴⁵ Там же. Д. 4. Л. 81 об.

⁴⁶ Там же. Л. 83 об.

⁴⁷ Там же. Л. 106.

⁴⁸ Там же. Л. 107 об.

иной какой... по ратификации долго меня держать не будут, для того что людей са мной много, всех будет и с приказными людьми с 70 человек»⁴⁹.

25 февраля 1721 г. из Санкт-Петербурга в Стамбул отправили рескрипт о назначении резидентом «поруччика от галер» И.И. Неплюева. А.И. Дашкову велели дожидаться прибытия резидента, передать ему дела, деньги, оставить переводчиков и часть своих служителей⁵⁰. Только через полгода, 17 октября 1721 г., состоялась отпускная аудиенция А.И. Дашкова у султана, проходившая «со особливими честми». Во время этой аудиенции состоялась передача посланнику ратификационной грамоты, что рассматривалось как знак особого расположения султана и Высокой Порты к посланнику и его государю⁵¹. 15 ноября 1721 г. А.И. Дашков навсегда покинул берега Босфора⁵².

Итак, дипломатический опыт, которым обладал чрезвычайный посланник А.И. Дашков, был приобретен в посольствах в Европу. В Стамбуле ему на практике пришлось осваивать местную специфику. Задачи, которые посланнику пришлось решать в османской столице, оказались гораздо сложнее, чем предполагали в Санкт-Петербурге при его отъезде. Он не только успешно выполнил основную задачу — восстановить русское постоянное представительство при Высокой Порте. А.И. Дашков успешно разобрался в новой расстановке политических сил в Стамбуле, приобрел новых союзников и добился заключения вечного мира. Подписанный им договор позволил Петру I сосредоточить усилия на завершении войны со Швецией без оглядки на свои южные рубежи. Константинопольский договор о вечном мире на долгие годы установил добрососедские отношения между Российской и Османской империей и прекратил свое действие в результате русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Литература

- А.Ч. Дашков Алексей Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. «Дабелов – Дядьковский». С. 132–133.
- Базарова Т.А. Проблема ежегодных выплат крымскому ханству на русско-турецких переговорах в первой четверти XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 183–191. doi: 10.30759/1728–9718–2021–4(73)–183–191
- Дубровский А.М. К вопросу о русско-турецких договорах в начале XVIII в. // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2 (32). С. 67–72.
- Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 250–279.
- Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 498 с., 1 л. карт.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 150–150 об.

⁵⁰ Там же. 1721 г. Д. 3. Л. 3, 9–9 об.

⁵¹ Там же. Д. 5. Л. 83–84.

⁵² Там же. Д. 8. Л. 24. Вместе с ним ко двору Петра I с грамотами турецкого султана был отправлен капиджи-баша Мустафа-ага.

- Родословный сборник русских дворянских фамилий / В.В. Руммель, В.В. Голубцов. СПб., 1886. Т. 1. 608 с.
- ПСЗ: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 5: 1713–1719. СПб., 1830. 781 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Книга IX: История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 17–18. 671 с.

References

- A. Ch. Dashkov Aleksey Ivanovich // *Russkiy biograficheskiy slovar'*. Vol. «Dabelov – Dyad'kovskiy». Saint Petersburg, 1905. Pp. 132–133.
- Bazarova, T.A. Problema ezhegodnyh vyplat krymskomu hanstvu na rusско-tureckih peregovorah v pervoy chetverti XVIII v. // *Ural'skiy istoricheskij vestnik*. 2021. № 4 (73). Pp. 183–191. DOI: 10.30759/1728–9718–2021–4(73)-183–191
- Dubrovskij, A. M. K voprosu o rusско-tureckih dogovorah v nachale XVIII v. // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. N 2 (32). Pp. 67–72.
- Krylova, T.K. Rusско-tureckie otnosheniya vo vremena Severnoy voyny // *Istoricheskie zapiski*. 1941. Vol. 10. Pp. 250–279.
- Nikiforov, L.A. Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoy voyny: Nishtadtskiy mir. Moscow, 1959. 498 p.
- Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. Saint Petersburg, 1830. Vol. 5. 781 p.
- Soloviev, S.M. Sochineniya: V 18 kn. Kniga IX: Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. Vol. 15–16. Moscow, 1993. 671 p.
- Wood A.C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // In *The English Historical Review*. Vol. 40. N. 160Oct., 1925), Pp. 533–561.

Tatiana A. Bazarova

Research Archive of the St. Petersburg Institute of History, St. Petersburg, Russia

“FOR THE PRESERVATION OF OUR INTERESTS AND THE COMMON GOOD...”: ALEXEI IVANOVICH DASHKOV'S TRIP TO THE SUBLIME PORTE AND THE SIGNING OF THE TREATY OF CONSTANTINOPLE IN 1720

The article analyzes the activities of the Extraordinary Envoy Alexei Ivanovich Dashkov in Istanbul in 1719–1721. The main attention is paid to the problem of restoring the permanent diplomatic mission of Russia in Istanbul, as well as the relationship of the envoy with Western European diplomats and Russian agents.

Keywords: *Peter I, Treaty of Constantinople (1720), Alexei Dashkov, Russian-Turkish relations, Sublime Porte, diplomacy, peace negotiations.*

Г.В. Бежанидзе

Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

А.Г. Фирсов

*Санкт-Петербургский государственный университет путей
связи Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия*

Обер-прокурор Св. Синода петровской эпохи: «око государево» или чиновник прокуратуры

Работа посвящена анализу административных полномочий обер-прокурора Святейшего Синода при учреждении должности. Авторы рассматривают инструкцию обер-прокурора Святейшего Синода. Выявлено, что первоначальная инструкция отличалась от опубликованной в Полном Собрании Законов Российской империи. Петровская редакция инструкции предусматривала подотчетность обер-прокурора генерал-прокурору Сената. Административные полномочия обер-прокурора были не очень значительны, что объясняет его слабое влияние на церковно-государственные отношения в первые десятилетия существования синодальной системы. Изменения в инструкции произошли в царствование императрицы Елизаветы Петровны, что, однако, не привело к существенному расширению полномочий обер-прокурора.

Ключевые слова: император Петр Великий, церковно-государственные отношения, обер-прокурор Святейшего Синода, инструкция синодального обер-прокурора

Должность обер-прокурора Святейшего Синода, учрежденная в 1722 г. и просуществовавшая почти два столетия, с давних пор расценивается как едва ли не главный элемент в системе церковно-государственных отношений синодальной эпохи. В появлении обер-прокурора видели символ огосударствления Церкви, а его функционал рассматривался как главный рычаг воздействия на Церковь со стороны правительства. Такая оценка сформировалась в общественном мнении второй половины XIX века, в период, когда обер-прокурор стал видным правительственным деятелем, фактически министром церковных дел. В обер-прокуроре усматривали основное препятствие для жизни и развития Русской Церкви. Подобные настроения неминуемо отразились и в исторических сочинениях, авторы которых были активно вовлечены в общественные дискуссии. В попытках выявить предпосылки современного им положения дел исследователи обращаются к истории обер-прокуратуры в XVIII – начале XIX века. Значение фундаментального труда приобрела, например, известная работа Ф.В. Благовидова, наблюдения которого легли в основу историографии церковно-государственных отношений синодального периода уже XX и XXI века [Благовидов].

Главным документом, определявшим положение обер-прокурора, являлась инструкция, утвержденная Сенатом 13 июня 1722 г.¹ Известно, что эта инструкция была составлена в соответствии с указанием императора Петра, «применяясь к инструкции генерал-прокурора»². Если сопоставить тексты обеих инструкций, размещенные в Полном собрании законов Российской империи, то становится очевидным их почти дословное совпадение³. Благовидов назвал обер-прокурорскую инструкцию почти дословной копией «с генерал-прокурорского наказа, с простою заменой названий самой должности и высшего государственного учреждения» [Благовидов, с. 38]. Исходя из этого совпадения, исследователем был сформулирован тезис о том, что по замыслу Петра обер-прокурор Синода должен был иметь не меньшее значение в системе государственного управления, чем генерал-прокурор Сената⁴. Это положение выглядело тем более обоснованным, что Синод, как известно, с первых дней существования доказывал свое равенство с Сенатом. Мнение о том, что великий преобразователь именно так мыслил должность обер-прокурора, придавало положению обер-прокурора в XIX веке историческое и идейно-политическое обоснование и нашло отражение в историографии. [См. например: Верховский, с. 573]. Именно в петровской инструкции исследователи усматривали потенциал возвышения обер-прокурора, реализовавшийся в первой половине XIX столетия: «Петр создал главную предпосылку для будущего возвышения обер-прокуроров и окончательного подчинения синодального управления их воле в XIX веке». Мысль о том, что «инструкция явилась основанием для будущего расширения власти обер-прокурора» прочно утвердилась в историографии [Смолич, с. 108, 151; Карташев, с. 370].

Однако было очевидно, что реальное положение первого обер-прокурора Синода и его преемников на протяжении всего XVIII века очень сильно отличалось от положения генерал-прокурора Сената. Разве можно сравнить полковника Каргопольского драгунского полка И.В. Болтина, ставшего первым обер-прокурором, и генерал-поручика, камергера П.И. Ягужинского. На протяжении XVIII века генерал-прокурор превращается в высшее должностное лицо империи, а должность обер-прокурора на протяжении столетия занимали лица незначительные, а то и случайные. Серьезного влияния на церковные дела обер-прокурор оказывать не мог [Фруменкова, с. 23].

Исследователи очень рано обратили внимание на существенную разницу в положении обер-прокуроров XVIII и XIX веков. Собственно, вся рабо-

¹ ПСЗ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. № 4036.

² Там же. № 4001.

³ Там же. № 3979; № 4036.

⁴ «В применении к Св. Синоду институт прокурорского надзора за деятельностью высших учреждений выразился в новой должности синодального обер-прокурора, наделенного теми же самыми правами и полномочиями, какими пользовался генерал-прокурор правительствующего Сената, и поставленного в такие же отношения к верховной власти и к порученному его надзору церковному учреждению, в каких находился сенатский генерал-прокурор». [Благовидов, с. 37]

та Благовидова — это попытка доказать, что обер-прокуроры планомерно и последовательно увеличивали свое влияние на церковные дела, постепенно усваивая те полномочия, которые им предоставляла инструкция. У кого-то из них это получалось лучше, у кого-то хуже, у кого-то вообще не получалось, но тем не менее с каждым новым обер-прокурором значение этой должности возрастало.

Однако факты, приводимые в работе, зачастую свидетельствуют о том, что на протяжении XVIII столетия положение обер-прокурора по сравнению с первоначальным практически не поменялось⁵. Благовидову удалось выявить лишь стремление отдельных обер-прокуроров повысить свое влияние. Последующие исследователи констатировали, что в XVIII веке обер-прокуроры оставались далеко не самыми значительными лицами в системе церковно-государственных отношений. [Смолич, с. 151; Вяткин, с. 145].

Главным показателем незначительности обер-прокурора называлась отсутствие у него прямой связи с монархом. Действительно, несмотря на прямое указание инструкции о докладах обер-прокурора императору, в подавляющем большинстве случаев царь общался с Синодом напрямую или же через посредство других лиц, чаще всего генерал-прокурора. Даже самые ревностные и честолюбивые обер-прокуроры не смогли утвердить за собой эту важнейшую прерогативу. Внятное объяснение этой коллизии в литературе отсутствует.

Анализируя полномочия обер-прокурора, исследователи на протяжении полутора веков вплоть до последних лет использовали текст инструкции, опубликованный в Полном Собрании Законов Российской империи в 1830 году. Однако в сенатском архиве хранится рукописная копия обер-прокурорской инструкции, сделанная в петровское время. Документ был опубликован в журнале «Исторический архив» в 2017 г.⁶ Его содержание отличается от текста Собрания законов. Самое существенное отличие находится в пункте втором инструкции.

⁵ См. например: «Назначение нового обер-прокурора [А.И. Наумов в 1786 г.] не повело за собой значительных изменений в отношениях прокуратуры к св. Синоду, так как и Наумов, несмотря на известный нам характер церковной политики правительства, благоприятной для интересов обер-прокурорской власти, располагал теми же не вполне достаточными средствами для действительного, фактического влияния на членов св. Синода, какие находились в распоряжении его предшественников — первых обер-прокуроров Екатерининского царствования <> Охотно исполняя обер-прокурорские предложения в тех случаях, когда они не нарушали интересов духовного ведомства, св. Синод совершенно иначе держал себя по отношению к прокуратуре, если замечал, что ее воззрения на те или другие явления и потребности церковной жизни резко расходились со взглядами самих синодальных членов; при наличии подобных условий, Наумов не имел уже никакой возможности оказывать действительное, фактическое влияние на характер и направление его деятельности, и Синод руководился в своих постановлениях и решениях исключительно только собственными соображениями и не придавал особенного значения недовольству и протестам обер-прокурора». [Благовидов, с. 285, 287–288].

⁶ «Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко...» Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722. / публ., вст. ст. и комм. Г.В. Бежанидзе, А.Г. Фирсов // Исторический Архив. 2017. № 2. С. 181–183.

Архивная копия инструкции	Инструкция из Собрания Законов
<p>Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании по регламентом праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать и оное дело остановить, и немедленно объявлять генерал прокурору для доношения Его Императорскому Величеству, Також надлежит, ему, обер-прокурору в доношениях явных, которые он будет подавать, осторожно и рассмотнительно поступать, дабы напрасно кому бесчестия не учинить. Таким образом, ежели увидит какое дело, хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имеющее, то протестациею остановя, не тот час доносить, но посоветовать, с кем он за благо разсудит. И ежели увидит, что подлинно так или более изъяснить и сумнения миновать не может, то доносить по выше писанному, однакож более недели в том не мешкать, а ежели зело ясно, то немедленно доносить в нужных, а в протчих, как выше писано, також не медля более недели ж, не отговариваясь никакими нуждами. А ежели какое неправое доношение учинит по какой страсти, то будет сам наказан по важности дела.</p>	<p>Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании по регламентом праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать и оное дело остановить, и немедленно донести Нам, если весьма нужно; а о прочих в бытность Нашу в Синоде или помесечно или понедельно, как указ иметь будет. Також надлежит, обер-прокурору в доношениях явных, которые он будет подавать Нам, осторожно и рассмотнительно поступать, дабы напрасно кому бесчестия не учинить. Таким образом, ежели увидит какое дело, хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имеющее, то протестациею остановя, не тот час доносить, но посоветовать, с кем он за благо разсудит. И ежели увидит, что подлинно так или более изъяснить и сумнения миновать не может, то доносить Нам, однакож более недели в том не мешкать, а ежели зело ясно, то немедленно доносить в нужных, а в протчих, как выше писано, також не медля более недели ж, не отговариваясь никакими нуждами, разве Мы будем в отлучении: то однако ж письмом в то время написанным и немедленно с нарочным послать. А ежели какое неправое доношение учинит по какой страсти, то будет сам наказан по важности дела</p>

Таким образом, в первом варианте обер-прокурор о нарушениях докладывает генерал-прокурору, а во втором варианте непосредственно императору. Это отличие представляется весьма существенным. В соответствии с первым вариантом инструкции статус обер-прокурора несравненно ниже,

чем по второму варианту. Становится понятным, почему обер-прокуроры в XVIII веке не играли значительной роли в административной системе. Подчиненные генерал-прокурору первые обер-прокуроры Синода занимали именно то положение и обладали именно теми полномочиями, которые были определены инструкцией.

То, что именно этот текст инструкции использовался, как минимум в первой половине XVIII века, подтверждается свидетельством Я.П. Шаховского, бывшего обер-прокурором в 1741–1753 годах. Вступив в должность, Шаховской не нашел в Синоде текста инструкции и запросил его в Сенате. Содержание присланного документа Шаховской излагает так: «Сила оной и содержание во всем подобно инструкции, каковую в Сенате генерал-прокурор имеет, только с тою разницею, о которых делах по Сенату по той должности моей подлежательно доносить монарху, о тех бы я представлял чрез генерал-прокурора». Шаховской был убежден, что получил именно петровскую инструкцию и действовал в соответствии с ней: «потому-то приказал мне его сиятельство [генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой], так как и от прочих прокуроров обыкновенно учрежденные семидневные о вступлении и решении дел рапорты, один за моею рукою для сведения ему, а другой на имя ее императорского величества с моею же подпискою подавать, на коем и он, подписывая же свое имя, обще с сенатским, сам ее императорскому величеству по каждое воскресенье подносил, следовательно, потому я о всех таких делах, кои к сведению и к решению ее императорского величества подлежали, чрез него ж, господина генерал-прокурора иногда письменные, а иногда словесные рапорты производить был должен»⁷.

Появление второго текста инструкции также описано Шаховским: «Но не знаю, для чего-то, — сообщал он, — по определении меня в генерал-кригскомиссары при том же генерал-прокуроре [Н.Ю. Трубецком] до определения на место мое в синодские обер-прокуроры Львова данная мне инструкция чрез бывшего при мне канцеляриста Рыкова взята обратно к генерал-прокурору, а на место оной прислана другая, уже без включения той речи, чтоб дела, принадлежащие к сведению ее императорского величества, доносить чрез генерал-прокурора, и о том ни доклада, ни благоволения от ее императорского величества не было»⁸.

Не зная о существовании первоначального варианта инструкции, Ф.В. Благовидов объяснил рассказ Шаховского тем, что генерал-прокурор Трубецкой самовольно внес в инструкцию изменения, подчинившие ему синодального обер-прокурора [Благовидов, с. 141–142]. Объяснение выглядит неправдоподобным, но убежденность в изначальном характере значительных полномочий обер-прокурора Синода не позволила исследо-

⁷ Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. СПб., 1821. С. 66–67.

⁸ Там же. С. 67.

вателю предположить иную версию: первоначальная инструкция действительно отличалась от опубликованной в Собрании законов. Ближе к истине оказались авторы многотомной «Истории Правительствующего Сената за 200 лет», полагавшие, что Шаховской получил текст петровской инструкции, которая и была изменена перед тем, как он оставил должность [История Сената, с. 141].

Есть еще одно несомненное свидетельство существования первоначального текста инструкции. В докладе обер-прокурора Синода П.С. Мещерского императору Николаю I от 30 декабря 1825 г., посвященном порядку взаимодействия синодального обер-прокурора с монархом, говорилось: «При Государе императоре Петре Великом, начертан порядок представления на Высочайшее разрешение докладов по духовным делам, того требующим. По сему порядку обер-прокурор Синода подносил Его Величеству доклады по делам его чрез посредство генерал-прокурора. При Государыне Императрице Елизавете Петровне признано нужным начертание порядка докладов по духовной части выразить таким образом, что сии доклады должны были быть представлены на Высочайшее Имя от синодального обер-прокурора, кроме экстренных случаев, “помесячно или понедельно как указ иметь будет”. Здесь о посредстве генерал-прокурора не упомянуто. С таковой переменной перепечатана и вся инструкция синодального обер-прокурора»⁹. Это информация была оставлена Ф.В. Благовидовым, как и другими исследователями, использовавшими в своих работах доклад Мещерского, без внимания [Благовидов, с. 390].

В имеющихся источниках пока не обнаружена информация, позволяющая выявить причины замены инструкции. Но новая инструкция действительно совпадала с генерал-прокурорской, лишь с заменой слов Сенат на Синод. А вот воспользоваться такими полномочиями, прежде всего, правом доклада монарху, обер-прокурорам второй половины века удавалось не в полной мере. Мещерский сообщает, что некоторые обер-прокуроры Екатерининского царствования докладывали императрице лично, а «другие посылали доклады свои в запечатанных пакетах на высочайшее имя и получали их с разрешениями от назначенных лиц»¹⁰.

Итак, при составлении инструкции обер-прокурору Синода в 1722 г. эта должность не рассматривалась как подобная генерал-прокурорской. Обер-прокурор в Синод – учреждение равное Сенату – был назначен так же, как обер-прокурор в Сенат, в качестве помощника генерал-прокурора. Император Петр Великий не поручал обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода быть своим представителем в высшем органе церковного управления. Показательно, что в петровском тексте инструкции обер-прокурор не называется «оком Нашим», но «оком и стряпчим

⁹ О порядке докладов по духовной части // РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 9968. Л. 29–29об.

¹⁰ Там же. Л. 29 об.

о делах государственных»¹¹. Первоначальная инструкция обер-прокурору не содержала в себе никакого потенциала, статус и значение первых обер-прокуроров вполне ей соответствовали. Иными словами, не в петровской эпохе следует искать истоки формирования того института обер-прокуратуры, который так негативно оценивался в общественном мнении второй половине XIX – начала XX столетия.

Литература

- Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1900. VIII, 449, II с.
- Верховский П. В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1. [2], XXVI, CLXXVIII, 686, [1] с., [1] л. табл.
- Вяткин В. В.* Первые синодальные обер-прокуроры (1722–1758) // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 145–151.
- История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. [4], 860 с., 26 л. ил.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т. 2.
- Смолич И. К.* История русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Т. 1.
- Фруменкова Т. Г.* Обер-прокуроры Святейшего Синода (1722–1917) // Из глубины времен: 1994. № 3. С. 20–29.

References

- Blagovidov F.V. Ober-prokurory svyatejshego Sinoda v XVIII i v pervoj polovine XIX stoletiya. Kazan', 1900. VIII, 449, II p.
- Verhovskij P.V. Uchrezhdenie duhovnoj kollegii i Duhovnyj reglament: K voprosu ob otnoshenii cerkvi i gosudarstva v Rossii. Rostov-na-Donu, 1916. T. 1. [2], XXVI, CLXXVIII, 686, [1] p., [1] tabl.
- Vyatkin V.V. Pervye sinodal'nye ober-prokurory (1722–1758) // Voprosy istorii. 2009. № 12. Pp. 145–151.
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let. 1711–1911 gg. SPb., 1911. T. 2. [4], 860 p., 26 il.
- Kartashev A.V. Oчерki po istorii Russkoj Cerkvi. M., 1992. T. 2.
- Smolich I.K. Istoriya russkoj Cerkvi. 1700–1917. M., 1996. T. 1.
- Frumenkova T.G. Ober-prokurory Svyatejshego Sinoda (1722–1917) // Iz glubiny vremen: 1994. № 3. Pp. 20–29.

¹¹ «Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко...»... С. 183.

George V. Bezhanidze

*Department of Orthodox Church History at St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities*

Andrei G. Firsov

*Department of History at Emperor Alexander I St. Petersburg State
Transport University*

CHIEF PROCURATOR OF THE HOLY SYNOD IN THE TIME OF PETER I: «EYE OF THE SOVEREIGN» OR THE PROSECUTOR'S OFFICE OFFICIAL

The article is devoted to the analysis of the administrative powers of the chief procurator of the Holy Synod in the establishment of the office. The authors consider the instructions of the chief procurator of the Holy Synod. It was revealed that the original instruction differed from the one published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Peter's version of the instruction provided for the accountability of the chief procurator to the procurator general of the Senate. The administrative powers of the chief procurator were not very significant, which explains his weak influence on church-state relations in the first decades of the existence of the synodal system. Changes in the instructions took place during the reign of Empress Elizabeth Petrovna, which, however, did not lead to a significant expansion of the powers of the chief procurator.

Keywords: *Emperor Peter the Great, church-state relations, chief procurator of the Holy Synod, instructions of the synodal chief procurator.*

Князя ногайского происхождения в России эпохи Петра I

В эпоху Петра I княжеские роды ногайского происхождения окончательно теряют свой бывший высокий статус. Они сливаются с основной массой дворянских родов по московскому списку. Происходит постепенное затухание памяти о едином происхождении знатных ногайских выходцев. Наряду с этим фиксируется почти одновременное пресечение целого ряда подобных семей.

Ключевые слова: князя ногайского происхождения, демография, русское дворянство, Русское государство, выезжая знать, депопуляция

В XVI–XVII в. в Россию активно выезжали и вывозились многочисленные ногайские мирзы, потомки великого Эдиге — Эдигеевичи [Трепавлов]. Первоначально они как дети и внуки природных государей занимали заметное положение среди московской служилой элиты. В XVI в. мирзы при принятии православия попадали в разряд служилых князей и матримониальными связями были тесно сплетены с высшей русской знатью, в большинстве своем титулованной. Однако в XVII в. намечается все возрастающая девальвация статуса ногайских князей. Во многом этому способствовало поступательная деградация государственности Большой Ногайской Орды. Можно указать и еще на один фактор, который прежде не был столь заметен, — необходимость личной службы. Ранее дети, в целом, наследовали статус и материальное обеспечение своих отцов, полученный ими при выезде в Россию. Теперь же их новичный поместный и денежный оклад значительно сокращается. Его увеличение происходит только за реальную службу, как правило, в действующей армии¹. К тому же если ранее в случае принятия православия вчерашний мирза попадал в самые верхние строки списков стольников и дворян по московскому списку, то теперь по этому показателю они оказались

¹ Так Дмитрий Сатыевич Шейдяков изначально был верстан 550 четями поместного оклада и 35 рублями годового жалования. За литовскую службу 1654–1656 гг. получил придачу 150 четей и 12 рублей. Имеется вторая запись о некоем Дмитрие Сатыевиче, который 1648/49 г. был верстан новичным окладом в 550 четей и 35 рублей. За полковую службу 1658/59–1659/60 гг. получил прибавку в 250 четей и 19 рублей. За походы 1663/64–1664/65 гг. ему прибавили еще 130 четей 9 рублей. Теперь его поместный оклад стал составлять 930 четей, а денежный 63 рубля (Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 149, 191). В 1649 г. Григорию (Кантемир) Алеевичу Байтерекову назначили поместный оклад в 550 четей, годовой денежный в 35 рублей (РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1651 г. Д. 5. Л. 21–22). За походы 1659/60 и 1660/61 гг. ему прибавили 120 четей и 10 рублей (Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 191).

значительно отброшены вниз. К концу столетия отдельные ногайские князья начинали службу в чине стольников и даже жильцов. В конечном итоге из всех княжеских родов ногайского происхождения только Урусовым удалось прочно войти в состав первых лиц окружавших престол династии Романовых. Во многом это было обусловлено не их личными заслугами, а близким свойством с царями и сиюминутным внешнеполитическим фактором². Иным семьям повезло значительно меньше. Они затерялись среди возрастающего числа стольников и дворян по московскому списку. Другие пресеклись на подъеме (Смайлевы). Отдельные представители начинали делать успешную карьеру, которая ломалась в результате придворной борьбы (Иван Корелович Юсупов³).

Если мирзы, выехавшие в XVI в., могли выбирать, переходить в православие или же оставаться в исламе, то в XVII в. крещение становится обязательным. Правда, потомки выходцев XVI в. по сложившейся традиции длительное время сохраняли возможность оставаться в вере предков. Но в последней четверти XVII в. и они были поставлены перед выбором — принятие православия, или же значительное падение статуса и материального положения.

В XVII в. ногайские князья и мирзы имели право выбора своего основного источника существования — наделение поместьем или же получение поденного корма. Похоже, каждый решал для себя сам, что ему лучше. Но в долгосрочной перспективе отказавшиеся от поместий оказались в проигрыше⁴. В целом, демографическая ситуация среди знатных ногайских выходцев в России была вполне благополучной. Но это имело и свои негативные последствия — дробление поместий среди наследников отчасти приводило к постепенному сокращению количества земли в одних руках. Это могло даже приводить к открытому недовольству своим положением у некоторых князей⁵. В подтверждение этого можно вспомнить слова П. Гордона, обращенные к одному из Шейдяковых: «люди хорошего рода,

² Москва всячески стремилась вернуть в Россию беглого князя Петра Урусова, прославившегося в Смуту убийством Лжедмитрия II. В этих целях, всячески подчеркивали высокий статус вывезенных в Россию его двоюродных братьев.

³ Находясь в родстве и свойстве с высшей придворной аристократией, он начал делать вполне успешную придворную карьеру, однако стал случайной жертвой политической борьбы против возросшего влияния Б. И. Морозова и был обвинен в государеве слове и деле: не донес на своих дворовых людей, говоривших о государе непригожие слова, будто он «не прямой государь» (незаконнорожденный) [Смирнов, с. 212, 246; Новомбергский, с. 22, 69–70].

⁴ Боярские книги XVIII в. фиксируют целый ряд таких князей, несших службу за поденный корм: Кекуатов Федор Тихонович, Кутумов Петр Касбулатович, Ураевы Федор Богданович и Яков Алеевич, Шейдяковы Григорий Яковлевич и Петр Исаевич. Некоторые совсем не имели крестьян. У других было только по 4–7 дворов.

⁵ Недовольный своим материальным положением после крещения Алексей Еналеев Шейдяков стал легкой добычей в руках лиц, решивших выслужиться тем, что вначале в 1651 г. спровоцировали князя на попытку бегства в Речь-Посполитую, а потом сами же донесли на него [Беляков, 2020].

но низкого положения»⁶. Не совсем понятно, что скрывалось под «положением»: невозможность занять высокие посты либо ограниченные материальные возможности? Но «золотой век» для ногайских выходцев уже давно закончился. В условиях Московский Руси это, пожалуй, был вполне логичный финал.

В эпоху петровских преобразований, когда на первое место, казалось, выходят личные качества того или иного человека, ногайским выходцам выпал новый шанс. Но по-настоящему удачным он стал только для князей Юсуповых. Большинство семей пресекались на рубеже XVII–XVIII вв., или же стали неуклонно клониться к закату. Кроме Юсуповых и Урусовых «бутылочное горлышко» петровской эпохи смогли пройти немногие (Кекуатовы [Беляков, 2018; Акишин, Литвинова], Ураковы [Азнабаев; Иванов; Рахимов])⁷. При этом случившееся не было чем-то из ряда вон выходящим. Подобная судьба ожидала многих представителей недавних княжеских родов из новокрещенов. Известные в боярских списках на рубеже XVII–XVIII в. среди стольников, они мельчают или же полностью сходят с исторической арены.

В конце XVII в. в России фиксируются следующие княжеские фамилии ногайского происхождения: Байтерековы, Кекуатовы (Кейкуатовы), Кутумовы, Мамаевы, Мансуровы, Тинбаевы, Ураковы, Урусовы, Шейдяковы (2 рода), Юсуповы (2 ветви). При этом к середине XVIII в. в документах фиксируются представители только князей Кекуатовых (Кейкуатовы), Ураковых⁸, Урусовых, Шейдяковых, Юсуповых. Наилучшие перспективы по сохранению фамилии были у Кекуатовых, Ураковых и Урусовых. Когда-то обширные роды Шейдяковых оказались представлены только одной семьей и показывали устойчивую тенденцию к полному пресечению, хотя этот процесс и затянулся до 1880-х гг. [Беляков, 2020] Не все так просто с Юсуповыми. Имеется устойчивая точка зрения, по которой эта фамилия на протяжении XVIII–XIX вв. была представлена одними потомками Бориса Григорьевича (линия от мирзы Эля б. Юсуфа, Княжие-Юсуповы). На самом деле представители второй, старшей, ветви (от Ибрагима б. Юсуфа)

⁶ *Гордон П.* Дневники, 1684–1689. М., 2009. С. 69–70.

⁷ На самом деле в самом начале XVIII в. еще фиксируются последние князья Кутумовы. Иван Федорович начал службу в стольниках в 1685/86 г. (Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 222). Умер в 1703 г. После его смерти остались мать (Мария Джанова дочь) и сестра (Боярские списки XVIII – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=2292). Дмитрий Ханович умер еще позднее, в 1708 г. (Боярские списки XVIII – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1727)

⁸ 1-й род действительно происходил от Урака б. Алчигира, но он пресекался на рубеже XVII–XVIII вв. 2-й род, уфимского происхождения, к Эдигеевичам, похоже, отношения не имел и был приписан к Ураковым ложно. Это еще один пример, показывающий постепенное падение престижа ногайских выходцев в России конца XVII в. По-видимому, в отличие от более ранней практики, доказательства претендентов на княжеское достоинство не проходили серьезной проверки.

известны еще во второй половине XIX в. Хотя, как и в случае с Шейдяковыми, в этом роду с каждым поколением количество одновременно живших представителей семьи неуклонно сокращалось [Беляков, 2021].

Что нам известно о службах знатных ногайских выходцев в России эпохи Петра I? Немного. Сразу оговоримся, что судьба князей Урусовых вынесена за скобки этого исследования. В нашем распоряжении имеются данные боярских списков [Захаров]⁹, офицерских сказок¹⁰ и иные источники. Довольно разветвленный к этому времени род требует отдельного рассмотрения. В целом ногайские князья не смогли сделать в эпоху царя-реформатора заметной карьеры. Те, кто до этого уже был записан в стольники, оказались в более выгодной позиции и начинали службу в начальных людях. Хотя и здесь были исключения. Из жильцов могли назначить сразу в прапорщики¹¹.

Для представителей более молодого поколения служба начиналась в рядовых. Они, правда, очень быстро становились капралами или вахмистрами. Но больших карьер не делали и дослуживались, как правило, до чина не выше капитана. Интересную информацию дает анализ офицерских сказок начала XVIII в. В соответствии с ними служба ногайских князей начиналась либо еще в 1680-е – 1690-е гг., либо в период с 1704 по 1707 г., либо еще позднее. При этом возраст набираемых в солдаты в 1704–1707 гг. князей колебался от 15 до 49 лет. Возникает ощущение, что о них в первые годы царствования Петра по каким-то причинам временно «забыли». Однако потребности затяжной войны заставили со временем вспомнить и о них.

Следует указать еще на одно наблюдение. За рассматриваемый период совместная служба ногайских князей фиксируется только один раз. В период с 1715 по 1719 г. Афанасий [Михайлович] и Семен Михайлович Шейдяковы служили в Польше при полномочном после, тайном советнике Г.Ф. Долгоруком¹². Братья, возможно, были двойняшками или даже близнецами, если надписи на их надгробиях были скопированы правильно. Дело в том, что братья умерли в один день, 23 марта 1746 г., оба в возрасте 80 лет и похоронены в Спасском монастыре в Ярославле [Лествицын, с. 7].

Исключение из служебной практики составляют представители рода Княжих-Юсуповых. Свою роль здесь сыграл тот факт, что после крещения юного князя Григория Дмитриевича (Абдуловича) сделали стольником

⁹ Боярские списки XVIII – [Электронный ресурс] – режим доступа: zaharov.csu.ru/bspisok.pl

¹⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. М., 2015. Т. I. С. 825, 966; Т. II. С. 2160–2161, 2361–2362; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. М., 2016. Т. I. С. 257, 543–544; Т. II. С. 1121, 1424; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и запалашные чины. М., 2017. Т. I. С. 12–13; Т. II. С. 1522, 1523, 2104–2105.

¹¹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. М., 2016. Т. II. С. 1121.

¹² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и запалашные чины. М., 2017. Т. I. С. 13; Т. II. С. 2104.

юного царя Петра Алексеевича. Это предопределило как судьбу самого князя, так и его потомства. Отметим, Григорий Дмитриевич участвовал во многих баталиях петровской эпохи и хорошо себя зарекомендовал. В конечном итоге он станет генерал-аншефом. Впрочем, карьера одного из Юсуповых никак не сказалась на положении его ближних и дальних родственников. Князь Григорий и его потомки, похоже, не особо интересовались судьбой своих однокровцев, однако при всякой возможности приобретали их земли. Нельзя не сказать и о том, что среди детей Григория Дмитриевича, по-видимому, также отношения были далеко не самые близкие. Подъем Ураковых и Кейкуатовых произойдет несколько позднее, на рубеже XVIII–XIX вв.

Если говорить об уровне интеграции ногайских князей в нарождавшееся русское дворянство, то оно, судя по имеющимся сведениям, было практически полным. Совместная служба дополнялась браками и другими контактами в повседневной жизни¹³. А вот родовая память о едином происхождении дала серьезную «трещину». Если в конце XVII в. ногайские князья хорошо представляли откуда они родом [Антонов, с. 364], то в начале XVIII в. уже следующее поколение, подчас, ничего не знало об этом. Так И.Я. Байтереков в 1720 г. отмечал: «А выехал в службу царского величества дед мой, а откуда выехал и в котором году, того подлинно не упомяну»¹⁴. Возможно, одной из причин этого стали практически непрекращающиеся службы отцов и детей. Передать эти знания в таких условиях было проблематично.

Но все сказанное не объясняет эффекта «бутылочного горлышка» для знатных ногайских выходцев в России эпохи Петра I. По-видимому, свою роль сыграло несколько факторов, при этом их набор для каждой конкретной семьи был индивидуален. Первое, что приходит на ум: не прекращающиеся войны, которые вела страна на рубеже XVII–XVIII в. Это приводило к позднему заключению браков и к тому, что отцы семейств могли годами не видеться со своими семьями. Михаил Дмитриевич Ураков начал службу в 1704 г. в возрасте 15 лет. В 1727 г. его произвели в поручики. В возрасте 42 лет дети мужского пола у него отсутствовали¹⁵. Отметим, что ряд представителей семьи уфимских Ураковых, по-видимому, несли службу в относительной близости от своих семей. Это могло способствовать популяционному процветанию рода. Кстати, в XVII в., при старой организации службы, процесс подобной депопуляции фиксируется не столь часто.

Нельзя исключать у представителей некоторых семей определенных генетических заболеваний. Это хорошо прослеживается на примере князей Шейсуповых. Потомки казанской татарской знати еще эпохи независимости, они создали в первой половине XVII в. все условия для того, чтобы во

¹³ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. М., 2015.

¹⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. М., 2015. Т. II. С. 2362.

¹⁵ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и запалашные чины. М., 2017. Т. II. С. 1552–1553.

второй половине столетия представители семьи заняли видное положение среди московской служилой элиты. Однако мы наблюдаем очень быстрое угасание рода. Причиной этого стала очень высокая детская смертность, фиксируемая синодиками. Повторные браки не исправили ситуацию [Акчурин, Беляков]. Для ногайских родов заключение близкородственных браков было типичным явлением. С переходом в православие подобные практики выбора брачных партнеров также фиксируются. Поэтому определенный генетический сбой мог легко закрепиться сразу не в одной семье.

Также следует учитывать общую для того времени высокую детскую смертность. К тому же, наши знания по генеалогии многих родов более чем отрывочны. Менее всего информации сохраняется о женщинах, в первую очередь дочерях. Рождение (выживание) в семье представительниц только женского пола также приводило в конечном итоге к угасанию родов.

В настоящее время сделать однозначный вывод о причинах пресечения тех или иных княжеских родов ногайского происхождения довольно трудно. В нашем распоряжении слишком мало фактов. Однако со временем, когда в научный оборот будут введены новые документы, возможно, мы приблизимся к разгадке этого явления. Пока же следует признать, что статус знатных ногайских выходцев в эпоху Петра оказался окончательно нивелирован. Он сровнялся с положением остальных служилых родов, входящих в московский список, но не имеющих устойчивых связей в высшей придворной среде, открывающий путь к видным назначениям и значительным материальным благам. История одной ветви семьи Юсуповых является единственным исключением.

Литература

- Азнабаев Б. А.* Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых // Река времени. 2017. Уфа: ДизайнПресс, 2017. С. 9–28.
- Акинъшин А., Литвинова Т.* Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. СПб., 2001. № 4. С. 49–56.
- Акчурин М. М., Беляков А. В.* Князья Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 12–26.
- Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М.: Археографический центр, 1996. 414 с.
- Беляков А. В.* Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 578–612. DOI: 10.22378/2313–6197.2020–8–3.578–612
- Беляков А. В.* Князья и мирзы Юсуповы в России XVI – первой половины XVIII вв. (предварительные итоги) // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 10. М.: Старая Басманная, 2021. С. 40–59.
- Беляков А. В.* Князья Тинмамметевы, Кейкуатовы (Кекуатовы), Енеевы, Байтерекы в России XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 14–20.

- Захаров А. В.* Государев двор Петра I. Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2009. 447 с.
- Иванов А. А.* «Знатные ссыльные» В. Н. Шерстобоева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2015. С. 7–16.
- Лествицын В.* Надгробные надписи Спасо-Ярославского монастыря. Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1877. 22 с.
- Новомбергский Н. Я.* «Слово и Дело» // Известия Томского университета. Томск, 1919. Кн. LXVIII. С. 1–288.
- Рахимов Р. Н.* Военная служба князей Ураковых в конце XVIII – начале XIX вв. // Река времени. 2017. Уфа: ДизайнПресс, 2017. С. 29–33.
- Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948. Т. 2. 736 с.
- Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320–353.

References

- Aznabaev B. A. Proiskhozhdenie i istoriya ufirmogo knyazheskogo roda Urakovykh // *Reka vremeni*. 2017. Ufa: DizajNPress, 2017. Pp. 9–28.
- Akinshin A., Litvinova T. Tatarskie knyazyza Kejkuvatovy v Voronezhe // *Genealogicheskij vestnik*. St. Petersburg, 2001. No. 4. Pp. 49–56.
- Akchurin M. M., Belyakov A. V. Knyazyza Shejsupovy (Shajsupovy): model integratsii v russkuyu pravyyashchuyu elitu // *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2020. No. 12. Pp. 12–26.
- Antonov A. V. Rodoslovnnye rospisi kontsa XVII v. Moscow: Arkheograficheskij tsentr, 1996. 414 p.
- Belyakov A. V. Knyazyza i mirzy Shejdyakovy v Rossii XVI–XIX vv. // *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 578–612. DOI: 10.22378/2313–6197.2020–8–3.578–612
- Belyakov A. V. Knyazyza i mirzy Yusupovy v Rossii XVI – pervoj poloviny XVIII vv. (predvaritelnye itogi) // *Rossiyskaya genealogiya: nauchnyj almanakh*. Vol. 10. Moscow: Staraya Basmannaya, 2021. Pp. 40–59.
- Belyakov A. V. Knyazyza Tinmametevy, Kejkuvatovy (Kekuvatovy), Eneevy, Bajterekovy v Rossii XVII v. // *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2018. No. 10. Pp. 14–20.
- Ivanov A. A. «Znatnye ssylnye» V. N. Sherstoboeva // *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*: 2015. Irkutsk: Izdatelstvo BGUEP, 2015. Pp. 7–16.
- Lestvitsyn V. Nadgrobnye nadpisi Spasso-Yaroslavskogo monastyrya. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskoj zemskoj uprav, 1877. 22 p.
- Novombergskij N. Ya. «Slovo i Delo» // *Izvestiya Tomskogo universiteta*. Tomsk, 1919. Vol. LXVIII. Pp. 1–288.
- Rakhimov R. N. Voennaya sluzhba knyazej Urakovykh v kontse XVIII – nachale XIX vv. // *Reka vremeni*. 2017. Ufa: DizajNPress, 2017. Pp. 29–33.
- Smirnov P. P. Posadskie lyudi i ikh klassovaya borba do serediny XVII veka. Moscow; L., 1948. T. 2. 736 p.
- Trepavlov V. V. Rossijskie knyazheskie rody nogajskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) // *Tyurkologicheskij sbornik*: 2002. M., 2003. Pp. 320–353.
- Zakharov A. V. Gosudarev dvor Petra I. Publikatsiya i issledovanie massovykh istochnikov razryadnogo deloproizvodstva. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo universiteta, 2009. 447 p.

Andrey V. Belyakov

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences

PRINCES OF NOGAI ORIGIN IN RUSSIA DURING THE ERA OF PETER I

During the reign of Peter I, the princely families of Nogai origin finally lost their former high status. They merge with the bulk of the noble families according to the Moscow list. There is a gradual fading of the memory of the common origin of the noble Nogai people. At the same time an almost simultaneous suppression of a number of such families has been recorded.

Keywords: *princes of Nogai origin, demography, Russian nobility, Russian state, visiting nobility, depopulation.*

Е.В. Белякова
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Московский Собор 1666–1667 гг. и Духовный Регламент

В статье делается попытка представить источники Духовного Регламента. Сходство учрежденной Духовной коллегии с протестантскими консисториями было отмечено еще П.В. Верховским. Но Духовный Регламент связан и с Собором 1666–1667 гг.: хотя его составитель Феофан Прокопович не смог вовремя получить Деяния этого Собора, он, несомненно, продолжает его линию в борьбе с «суевериями», «непокорниками», монашествоующими. Многие антиканонические предписания Духовного Регламента были заданы борьбой с «тайными раскольниками».

Ключевые слова: Собор 1666–1667 гг., Духовный Регламент, епископ Феофан Прокопович, Петр I, благочестие

Духовный регламент был в течение всего Синодального периода истории русской Церкви действующим источником права. Изучение его основы и анализ как памятника канонического права началось по сути только в начале XX в. в предсоборный период, в связи с изменением системы государственного управления в России. В ходе подготовки к Поместному Собору сам Регламент и стал предметом ожесточенных дискуссий [Верховской, 1914], появились и его первые научные издания. В.Н. Бенешевич издал Духовный Регламент и связанные с ним документы в составе «Сборника памятников по истории Церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого» [Бенешевич, с. 89–250].

Созданная благодаря Духовному регламенту модель включения церкви в систему государственного управления как духовного ведомства и императоре как верховном распорядителе делами церкви не соответствовала исканиям русского общества начала XX в., стремившемуся к восстановлению канонических норм [Белякова, 2004, с. 38–67]. Взгляды известного канониста Н.С. Суворова на воплощение византийской модели в системе государственного управления России были подвергнуты всесторонней критике в работе Е. Темниковского [Темниковский, 1909а]. Вслед за прот. М. Горчаковым, назвавшим новую систему отношения русского государства к церкви «территориальной», с которой Петр I «познакомился из сочинений Лейбница, Пуфендорфа и Томазия» [Горчаков, с. 64] Е. Темниковский не только обосновал влияние системы церковного управления протестантских стран на созданную в России систему, но и указал на прямое использование сочинений С. Пуфендорфа при работе Феофана Прокоповича над текстом

Духовного Регламента. [Темниковский, 1909б]. Пуфендорф — знаменитый философ-юрист XVII в., историограф, сторонник естественного права, известен как создатель территориальной системы управления. Согласно этой теории, управление церковными организациями, как и всеми другими в обществе, должно подчиняться государю, как заботящемуся об «общем благе» подданных. По приказу Петра I сочинения Пуфендорфа были переведены на русский язык епископом Гавриилом (Бужинским). Епископ Феофан использовал текст «De iura naturae et gentium» для обоснования системы коллегиального управления в церкви и права правителя осуществлять верховную власть в церкви [Темниковский, 1909б]. В библиотеке Феофана Прокоповича имелся ряд изданий Пуфендорфа. Более того, «Политика краткая Пуфендорфова» входит в предложенный в Духовном Регламенте «чин учения» (это единственный случай, когда назван, не только предмет учения, но и автор пособия)¹.

Разбор Духовного Регламента на основе изучения рукописей памятника, сохранивших правку Петра I, был сделан в диссертационной работе проф. Варшавского университета П. В. Верховского, которая, несмотря на обилие работ, посвященных религиозности Петра I, осталась единственным историко-каноническим исследованием. П. В. Верховской дал обзор сложившихся к концу XVII — началу XVIII в. систем управления церковью в европейских странах, изложил особенности устройства коллегий и консисторий в Пруссии, Дании, Швеции, Англии. Его вывод о том, что «образцом Духовной коллегии для Феофана послужили именно иностранные и русские коллегии и протестантские консистории», а не коей мере не постоянные соборы [Верховской, 1916, с. 271] следовал из сопоставления функций учреждений и их устройства. П. В. Верховской подчеркивал, что «Коллегии учреждаемы были всегда верховной светской властью и от нее получали все свои полномочия. Консистории учреждались ландесгеррами и также исключительно от него получали свои полномочия» [Верховской, 1916, с. 274]. Духовная коллегия была учреждена «в духе полицейского государства» и должна была «наблюдать материальные интересы государства» [Верховской, 1916, с. 275].

Стремление учредить Духовную коллегия с целью управления церковными делами с наибольшим успехом для государственной власти объединяло Петра I и архиепископа Феофана. До Духовной коллегии Петр I восстановил Монастырский приказ, учрежденный Алексеем Михайловичем, что позволило ему использовать церковные средства для создания армии и флота [Живов, с. 370]. Еще до учреждения Духовной коллегии новая система церковного управления с признанием Петра I как защитника церкви (Schutz- und Schirmherr der Kirche) была введена в завоеванных Лифляндии и Эстляндии. Духовная коллегия заведовала делами не только лиц православного исповедания, но и делами инославных и иноверных [Верховской, 1916, с. 276].

¹ Духовный Регламент приводится по изданию [Верховской. Т. 2. С. 57], далее — ДР.

Создание Духовной коллегии изменило коренным образом статус царя в системе церковного управления. Царь признавался «крайним судьей» над членами Духовной Коллегии и все решения могли быть изданы лишь с его согласия. Это изменение полностью соответствовало мировоззрению и Петра I и архиепископа Феофана, проникнутых духом «просвещенного абсолютизма», согласно которому «все должно было подчиниться государственному верховенству, быть «под державным монархом» и «от монарха уставленным» [Верховской, 1916, с. 369].

Рассматривая вторую часть Духовного Регламента, «Дела общие», П. В. Верховской отметил, что в них основное внимание Феофана привлекали отступления в русской религиозной жизни, подлежащие исправлению. Канонист считал, что отдельным конкретным предписаниям Духовного Регламента можно найти параллели в решении Стоглава и последующих соборов 1651, 1666 и 1666–1667, 1682 гг. Исследователь писал: «Всевозможные упущения, большие непорядки, суеверия, обрядоверие, лицемерие, недостаток просвещения и т.д. — вовсе не были новостью на Руси петровской эпохи, как не были новостью попытки их исправления и искоренения, идущие с самого начала христианства в России» [Верховской, 1916, с. 492–493]. Совершенно в традиции синодального периода Верховской отмечал значение «цивилизаторской деятельности Духовной Коллегии». Созданная в Духовном Регламенте система борьбы с расколом, хотя и не прошла мимо внимания историка [Верховской, 1916, с. 459–464], но не рассматривалась им с правой точки зрения.

Концепция Верховского о протестантских источниках Духовного регламента, полностью принятая в историографии русской церковной эмиграции, была с непонятной легкостью отвергнута А. С. Лавровым [Лавров, с. 341–343]. Историк отмечает незначительное влияние протестантизма на мировоззрение Петра I и архиепископа Феофана. Между тем, очевидно, что мировоззрение составителя Духовного Регламента, архиепископа Феофана, имело эклектический характер, в котором сочеталось не только православие, протестантизм, но и эзотерика [Collis, p. 272], хотя современники и историки отмечали в нем преобладание «духа протестантизма» [Карташев, Чистович, с. 205–218]. Впрочем, этот дух проявлялся в основном в критическом отношении к православной обрядности. Как и Петр I, Феофан находился под влиянием разных современных ему религиозных течений, в том числе и пиетизма с его вниманием к внутренней религиозности и развитием идей коллегиализма [Belyakova, Leber, S. 55–59].

Но несомненной заслугой А. С. Лаврова является указание на связь между реформами Петра I и решениями Собора 1666–1667 гг. и призыв начать историю церковных реформ и «переворота в государственно-церковных отношениях» с церковных соборов 1666–1667 г.: «Наметившийся в это время тренд идет по нарастающей до 1720-х гг. и исчерпывается только после 1740 г. Все это — один цельный период в русской церковной истории, а не

конец одного и начало другого» [Лавров, с. 344]. Разумеется, для историков права это не отменяет тезиса известного канониста А. С. Павлова о том, что «Издание Духовного Регламента составляет резкую отдельную черту между древним и новым правом Русской Церкви» [Павлов, с. 133]. Отмена института патриаршества и создание коллегии для управления церковными делами, встроенной в систему государственного управления, коренным образом изменило церковно-государственные отношения, однако начало этим изменениям было положено еще реформами отца Петра I Алексея Михайловича, также стремившегося стать во главе церковного управления и учредившего Монастырский приказ. Несомненно, что Алексей Михайлович также пытался насаждать «истинное» благочестие, издав (хотя еще совместно с патриархом) в 1646 г. указ об обязательном исполнении великого поста, в 1647 г. — о запрете на работу и торговлю в воскресные дни, в 1650 г. — об обязанности иметь духовных отцов и об обязательном причащении [Белякова, 2020, с. 134–136].

Духовный регламент пронизан не менее важной для его составителя темой — борьбы с «раскольщиками», начатой Соборами 1666 и 1666–1667 гг. Многие нововведения Духовного регламента вызваны задачей выявления «раскольщиков» и укрепления дисциплины среди духовенства. Это сближает его с постановлениями Собора 1666–1667 гг., решавшего те же задачи борьбы с «непокорниками». Дисциплинирование населения при помощи церковных структур — общие цели и Собора 1666–1667 гг., и Духовного регламента. Начатая Собором 1666–1667 гг. тема «невежества» защитников старых обрядов [Белякова, 2020б, с. 430–431] распространена теперь в Духовном Регламенте не только на «непокоривых человецех»² («наши же руския расколщики не от грубости ли и от невежества только жестоко возбесновалися»³), но и на всех «попов» («попы некия окаянные, утаевая расколников...»⁴, «поп с расколщиком»⁵, «попы волочащиеся»⁶). Вообще слово «поп» употреблялось в Духовном Регламенте только с отрицательной коннотацией, в то время как «священник» могло употребляться и в нейтральном контексте («да не попустит священник в церкви своей литоргисати попу или иеромонаху не имущему свидетельства»⁷).

Казалось бы, именной указ от 8 февраля 1716 г. «О хождении на исповедь повсегодно, о штрафе за неисполнение сего правила и о положении на раскольников двойного оклада» узаконил существование старообрядцев ценой уплаты двойного оклада. Однако Духовный Регламент требовал выявления «расколщиков под видом православия живущих»⁸. Для этого не

² ДР. С. 29.

³ ДР. С. 51.

⁴ ДР. С. 88.

⁵ ДР. С. 89.

⁶ ДР. С. 71.

⁷ ДР. С. 90.

⁸ ДР. С. 68.

бывших у причастия предписывалось «понуждать ко исповеданию клятвенному, аще суть они сыны церкви и проклинают вся полки расколнические, которые где ни есть в России обретаются»⁹. В Духовном регламенте содержалось предписание не возводить «расколщиков» ни в какие ни духовные, ни гражданские власти, «чтобы не вооружать нам на нас же лютых неприятелей, и государству и Государю непрестанно зло мыслящих»¹⁰. С точки зрения канонического права, человек, отпавший от Церкви, не являлся больше ее членом и не подлежал ее суду. Тем более церковное установление не могло содержать предписания ограничений на занятие гражданских должностей. Новаторством Духовного Регламента было введение системы доносительства, не известной в каноническом праве (источник этой нормы остался, насколько нам известно, невыясненным). Исследователь канонических взглядов Феофана К.Ф. Стефанович ограничился приведением фактов доноса в Синод на раскольников самим Феофаном [Стефанович, с. 31–32]. Префект и экзаменатор должны были доносить ректору на «неисправляющихся студентов»¹¹. Епископы должны были «приказывать, чтобы им священники приходские по вся годы о своих прихожанах доносили, кто из них не причащался»¹². Но особенно поощрялся донос на попа, покрывающего раскольников: «А кто подстерег тако злодействующих, попа с расколщиком, донесет, и тому дать в награждение половину или третью долю взятого имения раскольников»¹³. Наконец, священник был обязан, если ему на исповеди станет известно о преступлениях против Государя, «донести вскоре о нем где надлежит»¹⁴. Доносительство стало добродетелью в глазах священников [Шамин, с. 156].

В конце Прибавления «О монахах» имеется важное добавление, вошедшее и в печатное издание: «Многая же о сих обретаются и в книге Кормчей древлеучиненная святыми правилами и законами царскими уставления, также и в соборном святейших александрийского, антиохийского и московского патриархов и многих греческих и всех российских архиеерев изложении учиненном в лето мироздания 7175, от Рождества Христова 1667», после чего следуют подписи архиеерев¹⁵. Издатель не прокомментировал, чьей рукой сделано это важное добавление. Необходимо отметить, что нам не удалось найти заимствований ни из текста Кормчей, ни из Деяний Собора 1666–1667 г. в тексте Регламента. Не употреблял автор и само понятие «Кормчая». В начале Духовного Регламента, говоря об основаниях, на которых построена деятельность Духовной Коллегии, он отмечает: «А управления основание, то есть закон Божий, в священном писании предло-

⁹ ДР. С. 67–68.

¹⁰ ДР. С. 69.

¹¹ ДР. С. 60.

¹² ДР. С. 67.

¹³ ДР. С. 89.

¹⁴ ДР. С. 85–86. Прим. 22.

¹⁵ ДР. С. 104–105.

женный, також канони, или Правила Соборные Святых отец, и уставы гражданские, слову Божию согласные, собственной себе книги требуют, а zde не вмещаются»¹⁶. В Присяге членов Духовной Коллегии упоминаются после Божественных писаний «правила соборные», в которых должен искать ответ член коллегии¹⁷. В главе «Дела епископов» говорится о необходимости иметь епископу «всяк у себе, соборы селенския и поместныя» и знать степени сродства. Для этого у каждого епископа во время трапезы «чтение было канонов себе надлежащих»¹⁸. В этих местах так и просится слово Кормчая или Книга правил (это название также употреблялось по отношению к Кормчей), но Феофан его не употребляет. Тем не менее в описании библиотеки Феофана Кормчая значится, по-видимому, под номером 3028: «Сказание чесо ради вселенские патриархи отвергоша пап от восточныя церкви»¹⁹ – это первые слова из Сказания об учреждении патриаршества в Москве, вставленного в Кормчую патриархом Никоном. Кроме того, у Феофана была рукописная Алфавитная Синтагма Матфея Властаря, разделенная на две части («3036 Иеромонаха Матфея четвертая часть правельных книг. 3037. Иеромонаха Матфея пятая часть правельных книг оные две книги в бумажном переплете без оправы писменные») ²⁰.

Что касается Деяний Собора 1666–1667 г., то они были затребованы в уже созданный Синод 21 июня 1721 г. Копия переписки сохранилась на дополнительных листах рукописи ГИМ. Син. 914, содержащей беловую рукопись Деяний Собора 1666–1667 гг. с подписями патриархов и других участников Собора. Приводим начало переписки: «1721 г. июня в 21 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца, святейший правительствующий Синод приговорили согласно: к лучшему определенных имянных его царскаго величества указом и показанных Духовным регламентом дел содержанию, взять в Синод из Московскоя бывшей патриаршеской ризницы учиненное в прошлом от сотворении мира 7175-м, а от Рождества Христова, как ныне лета счисляются в 1667-м году повелением его царскаго величества отца блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца, соборное святейших вселенских и московскаго патриархов и всего освященнаго собора изложение и последовательно учиненные в подобно тому изложению силе статьи и указы, которые яко содержанию синодальнаго правительства свойственныя всегда в Синоде имети надлежит, и о присылке онаго соборнаго изложения, и помянутые статьи, и указов послать из Святейшаго правительствующаго Синода его царскаго величества указ

¹⁶ ДР. С. 27.

¹⁷ ДР. С. 10.

¹⁸ ДР. С. 39.

¹⁹ Верховской. Т. 2. Материалы. Отдел 5. Библиотека Феофана Прокоповича. Опись. С. 53.

²⁰ Там же. С. 53.

к ведателем оной ризницы немедленно. Подлинной приговор за подписанием синодальных членов преосвященных архиепископов вице президентов Феодосия Новгородскаго, Феофана Псковскаго, советников архимандритов Петра Симановскаго, Леонила Петровскаго и Ерофея Данскаго, да ассесоров протопопов Иоанна Троицкаго, Петра Павловскаго, ассесора и обер-секретаря иеромонаха Варлаама Овсянникова, и потому приговору указы о том посланы в Москву к полковникам князю Василию Одоевскому гвардии капитану поручику Ивану Плещееву и столнику Афанасию Савелову, да патриарша дому к ризничему иеромонаху Филагрию»²¹. Но как следует из переписки, только 14 мая 1723 г. Синод представил, «что де помянутая книга соборное изложение из синодальной ризницы взято в Святейший Синод и отправлено из Москвы в Санкт-Петербург при Синодалном архиве, которое с того времени в Синодалном архиве и хранится»²².

По-видимому, при работе над Духовным Регламентом архиепископ Феофан Прокопович не имел в руках Деяний Собора 1666–1667 гг., потому что из Деяний была опубликована только начальная часть, которая вошла в Служебник 1667 г. Тем важнее тот факт, что помимо продолжения и углубления линии преследования староверов, Духовный регламент продолжает и развивает некоторые начинания Собора 1667 г. Так, уже Собор 1667 г. указывал на недопустимость почитания нетленных телес²³ [Крашенинникова]. В деяниях Собора утверждалось, что домовые церкви стали местом проповеди противников реформ²⁴, а Духовный Регламент полностью запретил держать домовые церкви, крестить детей на дому и принимать «волочащихся попов» в духовники²⁵. Еще Собор 1666 г. требовал в Наставлении священникам, помещенном в 11 деянии, «держать во всех церквах записные четыре книги» для записи «живых прихожан», крещения, браков и смертей²⁶, повторяя этим предписание Требника Петра Могилы 1646 г. Духовный Регламент расширяет это требованием, внесенным Петром I, подавать сведения о родившихся и умерших раз в 4 месяца в Синод²⁷.

И Собор 1666–1667 гг., и Прибавление к Духовному Регламенту ставили своей целью всячески ограничить как возможность пострижения в монахи, так и установить контроль над монашеством, оказавшем наибольшее сопротивление реформам как Алексея Михайловича, так и Петра I. Собор 1666–1667 гг. запретил постригать в мирских домах, в том числе и больных, перед смертью, запретил постригать иеромонахам (под страхом лишения

²¹ ГИМ. Син. 914. Л. 203–204.

²² ГИМ. Син. 914. Л. 231 об.

²³ Деяния Московских соборов 1666 и 1667 г. Изд. (второе) Братства св. Петра митрополита, вновь проверенное по подлинной рукописи. М.: Синод. Типография, 1893. Деяния Собора 1667. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 2 об.

²⁵ ДР. С. 70–71.

²⁶ Деяния Собора 1666 г. Л. 39 об.–41.

²⁷ ДР. С. 93.

сана)²⁸. Особенности опасения вызывало поставление беглых холопов (в тексте они названы рабами) и крепостных крестьян: в тексте они названы «христиане», в результате получилась удивительная конструкция, потребовавшая комментариев: «Понеже умножися беглых из рабства, и из христианства ставятся в попы, и во диаконы не священства ради, и постригаются не душевного ради спасения, но нехотя в рабах и христиане во христианстве бытию И того ради ... рабов и христиан отнюдь в попы и во диаконы не поставлять, и в чернцы не постригати». (К слову «христиане» был дан вариант: «земледельцы»)²⁹. За подобное поставление даже архиерею грозило запрещение. Духовный Регламент только расширил эти запреты. Даже при наличии у крестьянина отпускного письма от помещика он не мог быть пострижен, если был неграмотен³⁰. Хотя составитель Духовного Регламента и заботился о грамотности монахов, им категорически запрещалось держать в кельях письма или выписки из книг и писать в кельях³¹. Духовный Регламент значительно расширил круг людей, которые не могли сделаться монахами, включив в него воинов, приказных людей, а также супругов по взаимному согласию. И Деяния Собора, и Духовный Регламент подтверждали необходимость трехлетнего искуса для монахов и запрете покидать свои обители без особого разрешения. Но в Духовном Регламенте был введен еще и возрастной ценз, достигавший для мужчин 30, а для женщин 60 лет³². Никакие каноны не устанавливали подобного возраста для пострижения. Важным явился и запрет на создание «скитков пустынных», столь распространенных в старообрядческой традиции.

Составитель Прибавления о монахах дал целый ряд указаний уставного характера, источник которых остался не установленным. Нельзя исключить, что ему была известна 133 Новелла Юстиниана, регламентирующая поведение монахов и монахинь и предписывающая, как организовать спальни, как устроить выходы из монастыря, запрещающая посещение мужчинам женских монастырей и выход женщин из монастырей. Эта новелла не вошла в печатную Кормчую, но имелась в составе рукописных Кормчих [Белякова, 2012]. Возможно, Петр I, расписывая в дополнениях устройство входа в женский монастырь, уподоблял себя императору Юстиниану, регламентировавшему до мельчайших подробностей жизнь монахов.

Полное отсутствие в Духовном Регламенте ссылок на церковные каноны способствовало разрыву канонической традиции в Русской Церкви, начатой Собором 1666–1667 гг., отменившим постановления соборов 1503, 1551, 1620 гг. Составитель Духовного Регламента не утруждал себя обращением к решениям вселенских или русских церковных соборов, за исключе-

²⁸ Деяния Собора 1667. Л. 76 об.–77.

²⁹ Деяния Собора 1667. Л. 78–78 об.

³⁰ ДР. С. 94.

³¹ ДР. С. 99–100, Прим. 106.

³² ДР. С. 101.

нием упоминания о Соборе 1666–1667 гг. Феофан вообще не считал необходимым подтверждать свои постановления соборными определениями. Сам Духовный Регламент был плодом работы архиепископа Феофана и Петра I и не подлежал соборному обсуждению. Соборы были вычеркнуты из русской религиозной жизни, которая определялась теперь жестокой борьбой с невежеством, чтобы привести народ к «истинному благочестию». Для этой цели использовался богатый арсенал [Анисимов, с. 487–522], включавший даже «казнь, копчением творимую», чтобы отучить неученых людей «самоволием своим избирати мнения»³³.

Литература

- Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
- Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004. 664 с.
- Белякова Е. В.* «Той же Василий Иоанну» или Сколько существует славянских редакций 133-й новеллы Юстиниана? // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 76–89.
- Белякова Е. В.* Новые тенденции в церковном праве в начале нового времени // Церковь в истории России. Сб. 13. К 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Ярослава Николаевича Щапова. М.: ИРИ РАН, 2020 (а). С. 128–153.
- Белякова Е. В.* Соборы 1666 и 1666–1667 гг. и складывание стереотипов восприятия староверов // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) / Отв. ред. В. Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2020 (б). С. 419–437.
- Бенешевич В. Н.* (сост.) Сборник памятников по истории церковного права преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. Пг.: Изд. Т-ва Культура и Знание, 1914. Вып. 2. 250 с.
- Верховской П. В.* К вопросу о «фальсификации» Духовного Регламента. Пг.: Сенатская типография, 1914. 17 с.
- Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Ростов на Дону, 1916. Т. 1. Исследование 686 с.; Т. 2. Материалы. 104 с.
- Горчаков М. И.* Церковное право. Краткий курс лекций заслуженного профессора прот. М. И. Горчакова. Изд. студента А. Ширяева, исправленное и дополненное под личным руководством профессора. СПб.: Типография Н. Флейтмана, 1909. 338 с.
- Живов В. М.* Церковные преобразования в царствование Петра Великого // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории рус. культуры. М.: Языки Славянской Культуры, 2002. С. 364–380.
- Карташев А. В.* К вопросу о православии Феофана Прокоповича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1913. С. 225–236.

³³ Пастырское Священного Синода увещание к обращению раскольников в недра Православной Церкви 1722 г. янв. 27 // ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. № 3891. С. 493–495.

- Крашенникова О. А. Синодальные реформы Петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (ч. 2) // Культурное наследие России. 2016. № 1. С. 50–56.
- Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740. М.: Древлехранилище, 2000. 575 с.
- Смилянская Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2016. 384 с.
- Стефанович К. Ф. Феофан Прокопович как канонист. М.: Тип. Штаба Моск. Военн. Округа, 1906. 133 с.
- Темниковский Е. Н. Положение Императора всероссийского в Русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти: Историко-догматический очерк. Ярославль: тип. Губерн. правл., 1909 (а). 72 с.
- Темниковский Е. Н. Один из источников Духовного Регламента // Сборник харьковского историко-филологического Общества. Т. XVIII. Харьков. 1909 (б). С. 524–534.
- Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Издание Имп. Академии Наук, 1868. 751 с.
- Шамин С. М. «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 154–164.
- Belyakova E, Leber T. Die Verbreitung des Pietismus in Russland und die Kirchenreformen in der Zeit Peters des Großen // Ausstrahlung der Reformation / (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU Volume: 22), Moskau, 2020. S. 45–65. DOI: https://doi.org/10.30965/9783846764893_005
- Collis Robert. The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden/ Boston: Brill, 2012. 576 p.

References

- Anisimov E. V. Dyba i knut. Politicheskij sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 720 p.
- Belyakova E. V. Cerkovnyj sud i problemy cerkovnoj zhizni. M.: Duhovnaya biblioteka, 2004. 664 p.
- Belyakova E. V. «Toj zhe Vasilij Ioannu» ili Skol'ko sushchestvuet slavyanskikh redakcij 133-j novelty Yustiniana? // *Religii mira. Istoriya i sovremennost'*. 2006–2010. M.; SPb., 2012. Pp. 76–89.
- Belyakova E. V. Novye tendencii v cerkovnom prave v nachale novogo vremeni // *Cerkov' v istorii Rossii. Sb. 13. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN Yaroslava Nikolaevicha Shchapova*. M.: IRI RAN, 2020 (a). Pp. 128–153.
- Belyakova E. V. Sobory 1666 i 1666–1667 gg. i skladyvanie stereotipov vospriyatiya staroverov // *Starobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya (K 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)* / Otv. red. V. N. Zaharov. M.: IRI RAN, 2020 (b). Pp. 419–437.
- Belyakova E, Leber T. Die Verbreitung des Pietismus in Russland und die Kirchenreformen in der Zeit Peters des Großen // *Ausstrahlung der Reformation / (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU Volume: 22)*, Moskau, 2020. S. 45–65. DOI: https://doi.org/10.30965/9783846764893_005
- Beneshevich V. N. (sost.) Sbornik pamyatnikov po istorii cerkovnogo prava preimushchestvenno russkogo, konchaya vremenem Petra Velikogo. Pg.: Izd. T-va Kul'tura i Znanie, 1914. Vyp. 2. 250 p.

- Chistovich I. Feofan Prokopovich i ego vremya. SPb.: Izdanie Imp. Akademii Nauk, 1868. 751 p.
- Collis Robert*. The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden/ Boston: Brill, 2012. 576 p.
- Gorchakov M. I. Cerkovnoe pravo. Kratkij kurs lekcij zaslužennogo professora prot. M. I. Gorchakova. Izd. studenta A. Shiryayeva, ispravlennoe i dopolnennoe pod lichnym rukovodstvom professora. SPb.: Tipografiya N. Flejtmana, 1909. 338 p.
- Kartashev A. V. K voprosu o pravoslavii Feofana Prokopovicha // *Sbornik statej v chest' Dmitriya Fomicha Kobeko ot sosluzhivcev po Imperatorskoj Publichnoj biblioteke*. SPb.: tip. M. A. Aleksandrova, 1913. Pp. 225–236.
- Krashennikova O. A. Sinodal'nye reformy Petrovskogo vremeni i krizis traditsionnyh predstavlenij o svyatosti (ch. 2) // *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2016. № 1. Pp. 50–56.
- Lavrov A. S. Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740. M.: Drevlekhranilishche, 2000. 575 p.
- Shamin S. M. «Prokurorom i fiskalom ne byt' povse»: o proekte peredachi funkcij prokurorov i fiskalov duhovenstvu // *Vestnik cerkovnoj istorii*. 2020. № 1–2 (57–58). Pp. 154–164.
- Smilyanskaya E. B. Volshebnyki, bogohul'niki, eretiki v setyah rossijskogo syska XVIII veka. M.: “Lomonosov”, 2016. 384 p.
- Stefanovich K. F. Feofan Prokopovich kak kanonist. M.: Tip. Shtaba Mosk. Voenn. Okruga, 1906. 133 p.
- Temnikovskij E. N. Polozhenie Imperatora vserossijskogo v Russkoj pravoslavnoj cerkvi v svyazi s obshchim ucheniem o cerkovnoj vlasti: Istoriko-dogmaticheskij ocherk. Yaroslavl': tip. Gubern. pravl., 1909 (a). 72 p.
- Temnikovskij E. N. Odin iz istochnikov Duhovnogo Reglamenta // *Sbornik har'kovskogo istoriko-filologicheskogo Obshchestva*. T. XVIII. Har'kov. 1909 (b). Pp. 524–534.
- Verhovskoj P. V. K voprosu o «fal'sifikacii» Duhovnogo Reglamenta. Pg.: Senatskaya tipografiya, 1914. 17 p.
- Verhovskoj P. V. Uchrezhdenie Duhovnoj kollegii i Duhovnyj reglament. K voprosu ob otnoshenii Cerkvi i gosudarstva v Rossii. Issledovanie v oblasti istorii russkogo cerkovnogo prava. Rostov na Donu, 1916. T. 1. Issledovanie 686 p.; T. 2. Materialy. 104 p.
- Zhivov V. M. Cerkovnye preobrazovaniya v carstvovanie Petra Velikogo // *Zhivov V. M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii rus. kul'tury*. M.: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2002. Pp. 364–380.

Elena V. Belyakova

Institut for Russian History, Moscow, Russia

MOSCOW COUNCIL OF 1666–1667 AND DUKHOVNY REGLAMENT (SPIRITUAL REGULATIONS)

The article attempts to present the sources of the Spiritual Regulations. P.V. Verkhovsky paid attention to the similarity of the established Theological College with Protestant consistories. Nevertheless the Spiritual Regulations are also associated with the Council of 1666–1667. Feofan Prokopovich, a compiler of the Spiritual Regulations, could not receive the Acts of this Council in time, but he undoubtedly continues the same line in the fight against “superstitions”, “disobedience”, monastics. Many anti-canonical prescriptions of the Spiritual Regulations were set by the struggle against “secret schismatics.”

Keywords: *Council of 1666–1667, Spiritual Regulations (Dukhovnyy Reglament), Bishop Feofan Prokopovich, Peter I, piety.*

Новый взгляд на обстоятельства заключения брака Петра I с Евдокией Лопухиной*

В статье проведен обзор точек зрения исследователей на обстоятельства бракосочетания Петра I и причины выбора Евдокии Лопухиной в качестве невесты. Анализируя опубликованные источники и обнаруженные в ходе исследования архивные документы, автору удалось выяснить имя и происхождение некой княгини Трубецкой, которая была претенденткой на роль супруги Петра I.

В работе проводится анализ обстоятельств бракосочетания Петра Алексеича и делается вывод о тайном характере венчания. Таким образом, семейная история Петра I стала элементом политической борьбы конца XVII в.

Ключевые слова: Петр I, Евдокия Лопухина, архивные документы, царская семья, бракосочетание

Обстоятельства свадьбы царя Петра Алексеича с Евдокией Лопухиной до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Биографы царя традиционно отмечали в своих трудах этот факт, сосредотачивая основное внимание на политических событиях, которые последовали за ним, и идейных различиях «старины» и «новизны» в персонажах супругов.

Бракосочетание 27 января 1689 г. царя Петра Алексеича, еще не достигшего 17 лет, и Евдокии Федоровны Лопухиной, которая была старше его на два года, стало не только важным событием в личной жизни царя, но и делом государственной важности. Утвердившаяся в литературе версия о том, что царица Наталья Кирилловна, заметив беременность царицы Прасковьи Федоровны, поспешила женить сына, пошла от одного из первых биографов царя-реформатора Ивана Голикова [Голиков, с. 206]. Современный исследователь А.С. Лавров дает емкую характеристику «больших нарративов», которые возникли в развитие двух взглядов на первый брак Петра I: эпизод придворной борьбы и элемент биографии царя [Лавров, с. 79–83]. Следует признать, что версия о свадьбе в контексте соперничества Нарышкиных и Милославских, когда первая партия стремилась не просто упрочить положение своего «царя», но и вывести его вперед, представляется наиболее вероятной.

Традиционный ритуал смотрин и выбора невесты не был соблюден при подготовке бракосочетания Петра I, скорее это были поиски и подбор удобной кандидатуры. На основании известия шведского торгового комиссара

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-42033.

Кристофера фон Кохена американский историк *Р.Е. Мартин* датирует начало поисков невесты для Петра Алексеевича концом 1687 года [Martin, с. 223–225]. Американский историк Пол Бушкович писал, что слухи о выборе Лопухиной появились в декабре 1687 г. [Бушкович, с. 160]. Еще более раннюю дату поисков невесты для царя Петра Алексеевича предлагает исследователь К.А. Кочегаров – 1685 г. Он приводит свидетельство саксонца Г.А. Шлейсингера, о том, что у царя Ивана «есть жена – боярская дочь. Но наследников нет. Говорят, что младшего уже тайно обручили» [Кочегаров, с. 53].

К.А. Кочегаров называет первую по хронологии возможную невесту для Петра – Дареджан (Дарью) Арчиловну, дочь имеретинского царя Арчила II [Кочегаров, с. 55]. Найденное А.С. Лавровым в Архиве Прусского культурного сообщества сообщение близкого к Нарышкиным датского комиссара Генриха Бутенанта от 28 мая 1687 г. подтверждает намерение женить царя Петра Алексеевича на представительнице династии Багратидов Дарье Арчиловне: «Здесь все говорят о том, что младший царь, который вступил в свой шестнадцатый год, собирается жениться после дня Петра и Павла. Поскольку эти поиски (невесты) происходят тайно, никто не может узнать, на которую семью выпадет это счастье. Между тем, ко двору каждый день привозят красивейших девиц и проводят их смотрины, и имеретинская принцесса также уже была дважды привезена» [Лавров, с. 90].

В донесении есть одно противоречие: если поиски невесты проходили тайно, то как это могло соотноситься с ежедневными смотрами при дворе и ярко выраженном желании народа? По мнению Лаврова, спрятать настоящую кандидатку среди свезенных в столицу претенденток было неплохим тактическим ходом, но странно, что в официальной документации или дворцовых разрядах не отразился факт публичных смотрин царской невесты.

Обратимся к выпискам из записных разрядных книг, сделанных для Миллера. В них, действительно, имеются упоминания о присутствии имеретинского царя Арчила II Вахтанговича с сыновьями на церковных службах в январе–марте 1687 г.¹ Конечно, выписки из разрядных книг, обнаруженные нами в бумагах Миллера, не отражают все события придворной жизни 1687 года, но, пока не обнаружены другие источники, вопрос о привозе невест для смотрин следует оставить открытым.

В своей статье о царских невестах Лавров рассказал об архивной находке польского историка Збигнева Вуйцика, благодаря которой список претенденток в младшие царицы пополнился еще тремя именами. В письме мстиславского земского писаря Константиновича великому канцлеру литовскому Марциану Огинскому (Кочегаров датирует его 9 июля 1687 г. [Кочегаров, с. 65]), говорилось о секретной беседе со смоленским воеводой Б.В. Бутурлиным, который предложил брак царя Петра Алексеевича с польской «королевной» – дочерью Яна III Собеского Терезой-Кунегундой [Лав-

¹ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Д. 13. Ч. 3. Л. 1, 1 об., 4 об., 6 об.

ров, с. 85]. Рассказ смоленского воеводы Кочегаров считает результатом компромисса партий Милославских и Нарышкиных. После того, как Ян III Собесский не ответил на предложения русской стороны, противостояние двух партий обострилось. Следует согласиться с Лавровым в оценке реальности каких-либо договоренностей внутри неустойчивой политической системы регентства, которая установилась в 1682–1683 гг. — «долгосрочные компромиссы в ней вряд ли были бы возможны» [Лавров, с. 89].

Князь Б.И. Куракин, вошедший в семью Лопухиных женившись в 1691 г. на сестре царицы Ксении Лопухиной, был посвящен в историю семьи. В своей «Истории о Петре I и ближних к нему людях» он вспоминал, что в 1689 г. «царица Наталья Кирилловна, видя сына своего в возрасте лет полных, взяла резолюцию женить царя Петра Алексеевича. И к тому выбору многия были из знатных персон привожены девицы, а особливо княжна Трубецкая, которой был свойственник князь Борис Алексеевич Голицын, и старался всячески, чтоб на оной женить. Но противная ему, князю Голицыну, партия Нарышкины и Тихон Стрешнев того не допустили, опасаяся, что чрез тот марьяж оной князь Голицын с Трубецкими и другими своими свойственниками великих фамилий возьмут повоир и всех других затеснят. Того ради, Тихон Стрешнев искал из шляхетства малаго и сыскал одну девицу из фамилии Лопухиных, дочь Федора, Лопухину, на которой его царское величество сочетался законным браком»².

Вопрос о политических преимуществах Евдокии Лопухиной как царской невесты, и значении ее семьи при дворе Романовых, подробно рассмотрен в современной биографии царицы, принадлежащей перу известного историка В.Н. Козлякова [Козляков, с. 33–38]. Благодаря мемуару Куракина известна возможная соперница Евдокии Лопухиной — некая княгиня Трубецкая. Лавров в своей работе приводит текст посткриптума к реляции бранденбургского посланника Иоганна Рейера, отправленной 1 февраля 1689 г., в которой она также упоминается: «Госпожа должна происходить из дома Трубецких, одного из самых старейших домов, который находится в близком родстве с Голицыными...» [Лавров, с. 97–98].

Козляков в биографии царицы Евдокии Лопухиной рассуждает о некоей княжне Трубецкой, но признается, что установить ее личность нелегко. По его предположениям, девушка должна была бы быть дочерью князя Юрия Петровича и младшей сестрой двух его знаменитых сыновей, родившихся в конце 1660-х годов — Ивана Юрьевича и Юрия Юрьевича. Ограничиваясь известными родословными росписями, исследователи не смогли разгадать загадку княжны Трубецкой. Обнаруженные нами архивные документы позволяют восполнить эту историческую и генеалогическую лауну и раскрыть имя и происхождение Марии Юрьевны Трубецкой, которая стала су-

² Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694 // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 55.

пругой видного дипломата и государственного деятеля петровской эпохи — Василия Лукича Долгорукова [Болотина].

Официального описания свадьбы юного царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной, в отличие от бракосочетаний его деда Михаила Федоровича, отца Алексея Михайловича и брата Федора Алексеевича, не сохранилось. Справедливости ради, надо сказать, что и чиновного списка свадьбы царя Иоанна Алексеевича также не было составлено. Трудно говорить, с чем это было связано, но документальных свидетельств о церемонии бракосочетания царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной крайне мало. Даже в фундаментальной публикации «Дворцовые разряды», издание которой основывалось на столбцах Московского разрядного архива, после записи за 5 января 1689 г. следует запись без указания числа, а уже после нее идут события 10 февраля 1689 г.³ Нельзя исключать возможности того, что после ссылки Евдокии Лопухиной в монастырь и ее пострижения, листы с описанием венчания могли изъять из столпа. В то же время дворцовые разряды не сохранили свидетельства и о бракосочетании царя Иоанна Алексеевича 9 января 1684 г. С помощью выписок из разрядных книг, сделанных для историографа Г.Ф. Миллера во второй половине XVIII столетия и не вошедших в публикацию «Дворцовые разряды», есть возможность восстановить события, предшествовавшие свадьбе царя Петра Алексеевича и Евдокии Лопухиной:

6 января 1689 г. царь Петр Алексеевич единолично принимал участие в церковном торжестве праздника Богоявления и освящения воды в иордани на берегу Москва-реки, что свидетельствует об исполнении им своих непосредственных царских обязанностей. Отметим, что историки, не знакомые с выписками из дворцовых разрядов за этот период, относят начало исполнения им царских функций на время после отстранения царевны Софии от власти. Утром Петр Алексеевич вместе с братом слушал у себя в Верху литургию, а в 4-м часу дня в сопровождении двора, дворянства, дьяков и гостей прибыл в Успенский собор, где ему патриаршие певчие дьяки пели многолетие, после чего он облачился в царские одежды. После этого патриарх Иоаким с Освященным собором двинулся к Москва-реке, а за ним и царь Петр Алексеевич в сопровождении бояр, окольничих и думных дворян. Придя к иордани, где уже собралось множество служилого народа, московские стрельцы и солдаты выборных полков, он занял царское место и наблюдал за церемонией освящения воды и полковых знамен.

16 января Петр Алексеевич принимал в Столовой палате польского посланника Иосифа Лядинского, того самого, который рассказал о предполагаемой свадьбе царя с Дарьей Арчиловой.

21 января царь Петр Алексеевич во 2-м часу ночи в сопровождении бояр, окольничих и думных дворян совершил поход в Новодевичий монастырь, откуда вернулся в 6-м часу ночи.

³ См.: Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 426—430.

23 января в сопровождении бояр, окольничих и думных дворян он совершил поход в дворцовое село Преображенское, откуда вернулся во 2-м часу ночи⁴.

Дальше выписки прерываются до 9 февраля. В столбцах Московского стола Разрядного приказа записи за 1689 г. рассредоточены в нескольких делах⁵, но и среди них также не сохранились свидетельства за 24 января — 9 февраля 1689 г., которые могли бы дать новые данные об обстоятельствах церемонии бракосочетания царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной. Как видим, ни в записях разрядной книги, ни в материалах Оружейной палаты, которая ведала обеспечением царского двора, не сохранилось информации о подготовке и проведении свадьбы. Нельзя исключать намеренного уничтожения документов о первом царском браке после отправления Евдокии в монастырь и ее пострижения.

В своей «Гистории» Куракин кратко указал под 1689 г.: «Того года царь Петр Алексеевич женился на царице Авдотье Федоровне, фамилии Лопухиных»⁶. Патрик Гордон 20 января записал в дневнике о свадьбе царя Петра⁷. В Летописце 1619—1691 гг. есть одна строчка о сочетании законным браком 27 января Петра Алексеевича с Евдокией Федоровной Лопухиной⁸. Вслед за классиком М. М. Богословским современные авторы, например, Козляков и Бушкович, пишут о том, что свадьба была скромной [Богословский, с. 66; Козляков, с. 43; Бушкович, с. 160]. Действительно, традиционных широких торжеств и многолюдных гуляний в кремлевских палатах не было.

Краткое описание свадьбы опубликовал один из первых российских археографов Н. Н. Новиков, тесно связанный с Московским архивом Коллегии иностранных дел и его сотрудниками. «197 году ианнуария в 27 день в неделю Блуднаго благоверный царь и великий князь Петр Алексеевич сочетался законным браком с царицею Евдокиею Федоровною, венчан в Верху в церкви святых апостол Петра и Павла от своего духовника протопопа Меркурия во втором часу ночи», — сообщил напечатанный Новиковым документ⁹. Биографы Петра I и Евдокии Лопухиной обошли вниманием эту публикацию, и только в статье Лаврова о царских невестах сделано интересное наблюдение о том, что церемония прошла ночью. При пересчете на современный счет время заключения бракосочетания можно определить сразу после 18:00 и до 18:40.

Обряд бракосочетания в маленькой домово́й церкви апостолов Петра и Павла в Верху совершил духовник царей протопоп Московского Благо-

⁴ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 4. Л. 1 об.—5 об.

⁵ См.: Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 4. Л. 2—10, 53—58; Столпик 6. Л. 91—101, 120—252; д. 725. Л. 265—308.

⁶ Куракин Б. И. Гистория... С. 247.

⁷ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 186. Чем вызвана ошибка в дате, исследователям установить не удалось.

⁸ См.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. С. 204.

⁹ Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. Изд. 2. М., 1789. Ч. 11. С. 194.

вещенского собора Меркурий. Бранденбургский посланник Рейер, правда, писал в донесении из Москвы 1 (11) февраля о том, что сам патриарх Иоаким венчал новобрачных: «Как я и сообщал в моей предыдущем всеподданнейшем донесении, о предстоящем браке царя Петра говорят с неуверенностью за и против. Только теперь из этого вышло, что Его величества в прошлое воскресенье, 6 февраля (27 января), взял себе в жены даму, по имени Евдокия, или Гертруда Федоровна, дочь царского полковника Федора Абрамовича Лопухина, который со времени помолвки объявлен был окольничим и вице-боярином. Эта семья, хотя и принадлежит к доброму старому роду, но не княжеская, а только дворянского происхождения. Во время венчания не был допущен никто из царского дома, за исключением царицы-матери. Патриарх сам совершил его, причем присутствовали некоторые из довереннейших министров» [Лавров, с. 99–100].

Ошибка посланника была связана именно с секретностью бракосочетания, о котором он вместе со всеми узнал на следующий день с ударами колокола, а указание на участие патриарха последовало по аналогии с предшествующими царскими свадьбами. Скорее всего, на свадьбе не было и «довереннейших министров».

Место тайного венчания также указывает на желание скрыть событие от лишних глаз. Каменная пятиглавая церковь апостолов Петра и Павла была построена в 1680-е гг. вместе с дворцом царицы Натальи Кирилловны напротив Теремов государя. В 1684 г. состоялся именной указ царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича Оружейной палате об изготовлении золоченого иконостаса и написании местных, пророческих и праотеческих образов в церковь, которая «ныне строится вновь» на Кормовом дворце. Весной 1685 г. царским указом было предписано изготовить в храм апостолов Петра и Павла резной иконостас и царские двери, которые изготовляли мастера Оружейной палаты. Церковь освятил патриарх Иоаким 16 ноября 1685 г. в присутствии царя Петра Алексеевича [Николаева, с. 322–323]. После этого украшение небольшого храма, что у государей в Верху, продолжалось. Нижний уровень иконостаса установили к 3 апреля 1686 г. — празднику Петра чудотворца, в мае изготавливали серебряные оклады на местные иконы и «деисусы», в 1687 г. живописец Ерофей Елин писал иконы страстей Господних. В своем монументальном исследовании об иконостасном строительстве в московских храмах М.В. Николаева собрала значительный комплекс источников из фонда Оружейной палаты, но данных о каких-либо приготовлениях церкви апостолов Петра и Павла к церемонии бракосочетания царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной в нем не приводится.

Только утром 28 января 1689 г. всему двору и московским жителям стало известно о царской свадьбе. В этот день в парадном приемном зале патриаршего дома — Крестовой палате — состоялся торжественный молебен по случаю бракосочетания царя Петра Алексеевича, о начале которого в час дня известил благовест колокола Успенской звонницы.

На второй день после объявления о свадьбе царя Петра Алексеевича, 29 января 1689 г., из Москвы из приказа Большого дворца были отправлены гонцы с «государскими радостными грамотами»: в Троице-Сергиев монастырь стольник В.Ф. Стрешнев, в Пафнутьев-Боровской стольник В.И. Сойманов; грамоты также были посланы в Большой полк окольникову В.А. Змеову, Казанского разряда к думному дворянину А.И. Хитрово, в Белгород к преосвященному митрополиту Белгородскому и Обоянскому Авраамиию и к воеводе боярину Б.П. Шереметеву, в Севский разряд к воеводе боярину Л.Р. Неплюеву; в Киев к воеводе и гетману и дальше в Нежин, Чернигов, Переславль; митрополитам и воеводам в Новгород Великий, Псков, Казань, Симбирск, Астрахань, Царицын, Самару, Саратов, Черной яр, Нижний Новгород, Саранск, Цивильск, Смоленск, Ярославль и по всем административным центрам и монастырям России¹⁰. Таким образом, вся страна должна была узнать о том, что царь Петр Алексеевич вступил в законный брак, и тем самым вошел в совершеннолетие.

Текст «радостной грамоты», доставленной стольником Г.М. Хомутовым туринскому воеводе К.И. Крому, нам известен по копии, сделанной для Г.Ф. Миллера. Местной администрации предписывалось «собрать стольников и стряпчих, и дворян, и жильцов, и всяких чинов служилых и жильцких людей, и тое нашу государскую радость им объявил»¹¹. Все попытки найти другие экземпляры грамоты, а их было разослано по городам России, в полки и монастыри несколько десятков, в фондах местных учреждений и монастырей в РГАДА, не увенчались успехом.

По традиции в честь бракосочетания в начале февраля 1689 г. было «веле-но дать их великих государей жалованье ис Казенного приказу для всемирные радости сочетания законного брака великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца с великою государынею благоверною царицею и великою княгинею Евдокеею Федоровною московских полков стрельцом дватцати тысячи»¹². 10 февраля из Москвы в города Белгородского разряда был направлен окольный С.Ф. Толочанов для раздачи духовным иерархам и воеводам традиционного жалованья от радостного свадебного царского стола — «овощей, сахаров и коврижек»¹³.

Козляков, не знакомый с публикацией описания свадьбы в Вифлиофике Новикова, по аналогии с празднествами по случаю заключения брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной предполагает, что торжества традиционно продолжались несколько дней, и в четвертый день, 30 января, новобрачных должен был поздравлять патриарх. В отсутствие

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 741. Л. 124–129.

¹¹ См.: там же. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 133. Ч. 4. Л. 16; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1828. Т. 4. № 196. С. 596; ПСЗ-1. Т. 3. № 1333. С. 10–11.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 23. Д. 37248. Л. 1. Документ без окончания.

¹³ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Стб. 1278. Л. 22.

документальных свидетельств нет оснований говорить о многодневном празднестве по случаю свадьбы Петра Алексеевича. Скорее всего, все ограничилось молебном 28 января, хотя позднее Петр Крекшин напишет о том, как царь «поя прекрасную деву» и как «брак был со многим торжеством и с великою всенародною радостью»¹⁴.

Итак, время, место и обстоятельства однозначно указывают на то, что венчание царя Петра Алексеевича и Евдокии Лопухиной было тайным, возможно, на скорую руку, без лишних свидетелей. Так, чтобы противоборствующая сторона не могла помешать церемонии, которая ознаменовала совершеннолетие царя Петра Алексеевича и давала царевне Софье явный сигнал о том, что ее регентству приходит окончание.

Литература

- Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 1. 435 с.
- Болотина Н. Ю.* «Госпожа послова»: княгиня М. Ю. Долгорукова при датском дворе (1708–1711) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 78: Петровское время в лицах – 2015: материалы научной конференции. СПб., 2015. С. 88–99.
- Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 541, [2] с.
- Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1. 368 с.
- Козляков В. Н.* Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М.: «Молодая гвардия», 2014. 316, [2] с., [16] л. ил.
- Кочегаров К. А.* Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг. // Россия, Польша, Германия в европейской политике: Исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М.: Ин-т славяноведения, 2012. С. 45–88.
- Лавров А. С.* Царские невесты: Еще раз к вопросу об интерпретации свидетельств иностранцев о петровской России // Труды СПб Института истории РАН. СПб., 2019. Вып. 5 (21). С. 78–107. (DOI: 10.24411/9999–023A-2019–0004).
- Николаева М. В.* Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы. Архангельский собор и дворцовые храмы Московского Кремля. Церкви подмосковных дворцовых сел Измайлово, Алексеевское, Воробьево. М.: БуксМАрт, 2021. 488 с.
- Martin Russell E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012. 380 p.

References

- Bogoslovskij M. M. Petr I. Materialy dlya biografii. M., 1940. T. 1. 435 p.
- Bolotina N. Yu. “Gospozha poslova”: knyaginya M. Yu. Dolgorukova pri datskom dvore (1708–1711) // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 78: Petrovskoe vremya v litsah – 2015: materialy nauchnoij konferentsii.* SPb., 2015. Pp. 88–99.

¹⁴ *Крекшин П. Н.* Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого... // Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 80.

- Bushkovich P. Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725). SPb.: Dmitrii Bulanin, 2008. 541, [2] p.
- Golikov I. I. Deyaniya Petra Velokogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernyh istochnikov i raspolzhenye po godam. M., 1788. Ch. 1. 368 p.
- Kozlyakov V. N. Tsaritsa Evdokiya, ili Plach po Moskovskomu tsarstvu. M.: “Molodaia gvardiia”, 2014. 316, [2] p., [16] il.
- Kochegarov K. A. Bor'ba boyarskikh gruppirovok vokrug planov zhenitby tsarya Petra I rusko-polskie otnosheniya v 1684–1689 gg. // *Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropeiskoj politike: Istoricheskij opyt vzaimodeistviya i imperativy sotrudnichestva*. M., 2012. Pp. 45–88.
- Lavrov A. S. Tsarskie nevesty: Eshe raz k voprosu ob integratsii svidetelstv inostrantsev o petrovskoj Rossii // *Trudy SPb Instituta istorii RAN*. SPb., 2019. Vyp. 5 (21). Pp. 78–107. (DOI: 10.24411/9999–023A-2019–0004).
- Martin Russell E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012. 380 p.
- Nikolaeva M. V. Ikonostasnoe stroitelstvo poslednej treri XVII veka: «stolyarstvo I rezba», zolochenie, ikonopisnye raboty. Arhangel'skij sobor I dvortsovye hramy Moskovskogo Kremlya. Tserkvi podmoskovnyh sel Izmajlovo, Alekseevskoe, Vorob'evo. M.: BuksMArt, 2021. 488 p.

Natalya Yu. Bolotina

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia

THE FRESH APPROACH TO THE CIRCUMSTANCES OF PETER'S MARRIAGE TO EVDOKIA LOPUKHINA

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42033.

The article analyzes the views of researchers on the circumstances of the marriage of Peter I and the reasons for choosing Evdokia Lopukhina as his bride. Based on the analysis of published sources and archival documents discovered during the study, the author found out the name and origin of Princess Trubetskaya, who was a contender for the role of the wife of Peter I.

The paper analyzes the circumstances of the marriage of Peter Alekseevich and concludes about the secret nature of the wedding. Thus, the family history of Peter I became an element of the political struggle of the late XVII century.

Keywords: *Peter I, Evdokia Lopukhina, archival documents, royal family, marriage.*

Судебные учреждения Петра Великого: региональные аспекты функционирования*

В статье рассматриваются особенности проведения судебной реформы Петра I. Становление новой судебной системы было проанализировано на примере «нижних судов» (в первую очередь — городских судей и судебных комиссаров). Изучение скорости проведения реформы позволило прийти к выводу, что в 1719–1721 гг. реформа продвигалась от центра к периферии, в отсутствие системного подхода к вопросу о назначении судей. Противодействие со стороны региональной администрации и нехватка кадров привели к возвращению суда под контроль воевод и губернаторов. Тем не менее, в ряде уездов появились новые судебные канцелярии.

Ключевые слова: история государства и права, Российская империя, камерализм, судебная реформа, нижний суд, городской судья, судебный комиссар

Административно-судебные преобразования Петра Великого имеют длительную историю изучения, которая до сих пор пополняется монографиями и статьями ученых, стремящихся понять цели и суть нововведений первого российского императора. Преобразования Петра Великого серьезно трансформировали систему управления и способствовали становлению государства нового типа, базировавшегося на принципах камерализма. Проведение коллежской реформы в конце 1710-х — начале 1720-х гг. стало прологом к очередной реформе на местах. Одним из результатов преобразований стало создание новых органов суда — надворных и нижних судов.

Исследователи, занимающиеся изучением преобразований Петра, обычно оценивают это новшество как часть первой судебной реформы в России — комплекса преобразований, включавшего не только изменение системы судебных органов, но и внедрение новых нормативно-правовых актов, регулировавших правоотношения и использовавшихся при вынесении приговора, появление новых правил документирования судопроизводства. Здесь мы согласны с Д. О. Серовым, который понимал судебную реформу как «совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно закреплённых на общегосударственном уровне (в том числе и кодификационно) изменений в области судоустройства и судопроизводства, предпринятых с целью достижения

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-09-42022: «Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществленных в исторически ограниченный период» [Серов, 2009, с. 15].

В связи с многогранностью судебных преобразований первого российского императора, большинство ученых обращается к их характеристике, выделяя лишь общие тенденции развития системы судоустройства и судопроизводства конца 1710-х – первой половины 1720-х гг. и не вдаваясь в подробности всех перипетий создания новых органов правосудия. Исследования подобного рода основываются преимущественно на анализе содержания нормативно-правовых актов и представляют значительный пласт историографии судебно-административных реформ Петра I, который охватывает период с середины XIX до начала XXI в. [Кавелин, 1844; Дмитриев, 1859; Трощина, 1851; Сыромятников, 1915; Ефремова, 1993; Лонская, 2003; Смыкалин, 2015].

В то же время следует выделить отдельные научные труды, которые дают детальную реконструкцию деятельности органов власти, основанных в 1717–1725 гг. Среди них как работы, посвященные отдельным судебно-административным учреждениям (например, Юстиц-коллегии и подчиненным ей структурам), так и органам власти на местах и судебной системе России в целом [Богословский, 1902; Балакирева, 2003; Серов, 2009]. Кроме того, следует отметить исследования, в центре внимания которых оказались суды отдельных регионов [Акишин, 2006; Комолов, 2007; Бородина, 2012; Воропанов, 2016].

Несмотря на наличие вышеупомянутых научных работ, можно говорить о крайне низкой степени изученности вопросов функционирования органов суда в уездах, провинциях и губерниях. В первую очередь эта ситуация обусловлена низкой степенью сохранности документов и многочисленностью так называемых «нижних судов», которые в 1719–1721 гг. были представлены провинциальными и городскими судами, а в 1722–1727 гг. – судебными комиссарами (в редких случаях – провинциальными судами). Если деятельность и состав надворных судов в связи с малым количеством учреждений и определенностью их местоположения более или менее изучены, то функционирование «нижних судов» представляется менее определенным [Серов, 2009, с. 209–210, 212–214].

Как и коллегии, надворные суды, представлявшие высшую апелляционную инстанцию в губерниях, были созданы на принципе коллегиального решения всех вопросов. Напротив, подавляющее большинство подчиненных им нижних судов, основывалось на принципе единоначалия. В качестве исключения здесь следует выделить провинциальные суды, где, по замечанию Д. О. Серова, «в безуказном порядке» также сложился принцип коллегиального руководства учреждением [Серов, 2009, с. 210]. По данным М. М. Богословского и Л. М. Балакиревой, к концу 1719 г. в нижние суды было определено 97 человек в 151 административно-территориальную единицу. К августу 1720 г. – 199 судей [Богословский, 1902, с. 185; Балакирева, 2003, с. 246].

Обращает на себя внимание, что полных сведений о штатах городских судов до сих пор не выявлено. Более того, практика назначения на эти должности изменилась с течением времени. В 1719 г. первые городские судьи определялись на должности и получали инструкции от Юстиц-коллегии, но уже в 1720 г. в удаленных от столицы регионах (например, в Сибири) функцию подбора кадров взяли на себя местные губернаторы и надворные суды [Балакирева, 2003, с. 245–248; Акишин, 2003, 108]. Несмотря на это, какое-то время наблюдается сосуществование обеих практик [Бородина, 2012, с. 79].

Определенную сложность представляет определение мест размещения нижних судов по территории страны, так как судебный округ городского судьи определялся произвольно и не всегда совпадал с границами административно-территориальных единиц. Новых судей могли направлять осуществлять правосудие в один (фактически – уезд или дистрикт), два или три города сразу, в город с пригородками. В некоторых случаях границы судебного округа совпадали с ландратской долей [Балакирева, 2003, с. 246].

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) имеется 94 фонда, где можно найти документы нижних судов, во главе которых находились единоличные судьи. В подавляющем большинстве они содержат документы суда и следствия, не позволяя раскрыть особенности организации судебных учреждений на местах¹. Кроме того, фонды судебных канцелярий можно найти в других архивохранилищах. Например, в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) в отдельный фонд выделены документы Тюменской судебной канцелярии². В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) разрозненные документы, созданные в результате деятельности судей на Среднем Урале, находятся в фонде «Уральского горного управления»³.

В целом документы региональных органов суда и управления представляются неполными как по причине неудовлетворительной сохранности вследствие пожаров и иных механических повреждений, так и из-за особенностей формирования архивных фондов. Как отметила М.В. Бабич, «о степени их полноты обоснованных выводов сделать невозможно, поскольку почти всегда неясно, возникли очевидные лакуны в фондах в результате гибели документов или свидетельствуют просто о том», что учреждение в определенный момент вообще не существовало [Бабич, 1999, с 67]. Несмотря на это, произвести некоторую реконструкцию представляется возможным. В первую очередь она касается определения основных административно-

¹ Подробнее о составе фондов можно узнать в путеводителе РГАДА (Российский государственный архив древних актов: путеводитель в четырех томах. М., 1997) либо на сайте: РГАДА. Описи. Режим доступа: http://rgada.info/poisk/index.php?fund_number=&fund_name=%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%BD&list_number=&list_name=&Sk=30&B1=+++%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8+++ (дата обращения: 13.12.2021).

² ГАТО. Ф. И-181. Тюменская судебная канцелярия. Оп. 1.

³ ГАСО. Ф. 24. Уральское горное управление. Оп. 1, 12.

территориальных центров, в которых имелись городовые судьи (с 1722 г. — судебные комиссары), а также скорости проведения судебной реформы.

Анализ архивных описей и документов делопроизводства позволяют увидеть региональные особенности в организации судебных учреждений. Раньше всего городовые судьи были направлены в населенные пункты Санкт-Петербургской и Московской губерний. Так, например, новгородский ландрат И. Мякинин был назначен городовым судьей уже 23 января 1719 г.; осенью 1719 г. судьей Выборга стал Р. Мельгунов [Балакирева, 2003, с. 246, 252–253]. Каширский судья Арсеньев также получил ряд указов от Юстиц-коллегии в 1719 г.⁴ В этот же год городской судья Кашинска начал активно участвовать в судопроизводстве⁵.

Юстиц-коллегия стремилась распределить судей равномерно по территории европейской части России. В 1719 г. были направлены судьи в некоторые населенные пункты Нижегородской губернии [Балакирева, 2003, с. 247]⁶. Городовые судьи не были посланы в Рижскую и Ревельскую губернии, созданные на недавно присоединенных территориях Прибалтике. Согласно Жалованной грамоте шляхетству и земству Эстляндии от 1 марта 1712 г., здесь была сохранена прежняя структура судебных учреждений [Серов, 2009, с. 211].

Несмотря на то, что кандидатуры многих судей были определены еще в 1719 г., значительная часть судебных канцелярий начала свою работу в течение 1720–1721 гг. В некоторых местах судьи не продержались на своих постах более года. Часть из них так и не смогла приступить к своим должностным обязанностям из-за противодействия местных администраторов (как это было, например, в Олонце и Соликамске) [Бородина, 2012, с. 73–74; Серов, 2009, с. 230]. В то же время, отступая от правил, в ряде населенных пунктов, не имевшими официального статуса города, были организованы судебные канцелярии. Так, в 1721 г. «надворные судьи» были направлены на уральские заводы [Бородина, 2012, с. 84–85].

Конфликты между новоназначенными судьями и уже находившимися у дел воеводами и ландратами были частым явлением [Балакирева, 2003, с. 254–256]. Они усугублялись отсутствием достаточного количества кадров для заполнения судейских вакансий. По-видимому, все это привело к внесению изменений в систему судов в 1722 г. Воеводы провинциальных центров вернули судебные полномочия, что привело к ликвидации канцелярий городских судей. В населенных пунктах, удаленных от провинциальных центров на 200 верст и более, по усмотрению воеводы предполагалось создание

⁴ РГАДА. Ф. 1009. Брянская приказная изба, Брянская канцелярия судных и розыскных дел, Брянская ландратская канцелярия. Оп. 1. Д. 37.

⁵ РГАДА. Ф. 883. Кашинская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел и полковой двор, г. Кашин Угличской провинции Петербургской губернии. Оп. 1. Д. 108–114.

⁶ РГАДА. Ф. 916. Алатырская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел и камерирская контора, г. Алатырь Алатырской провинции Нижегородской губернии. Оп. 1. Д. 27.

«меньших нижних судов» (впоследствии переданных судебным комиссарам), имевших право рассматривать дела по искам на сумму не более 50 рублей⁷.

Таким образом, судебная система была усовершенствована с учетом трудностей, с которыми столкнулась судебная реформа в ходе ее реализации на территории всей страны. Назначение и распределение судебных комиссаров не имело системы и было адаптировано под местные условия. В одних уездных центрах судебные должности были ликвидированы, в других административно-территориальных единицах сохранены, либо только что учреждены (на некоторых территориях судебных должностей не существовало до 1722–1723 гг.).

Характерен пример существования судебных канцелярий в Яблоне и Короче – городах, входивших в состав Белгородской провинции Киевской губернии. В 1720 г. в Яблонев и Корочу были направлены судьи. Корочинский городской судья заседал в приказной избе; судья Яблонев – на «съезде двора суда земских дел». В июле 1722 – декабре 1723 г. все управление Яблоневым и Корочей было сосредоточено в руках земского комиссара и находившихся под его командой подчиненных комиссаров. Документов, свидетельствующих о назначении сюда судебных комиссаров, нет. Они либо не сохранились, либо судебные комиссары сюда так и не были посланы. С марта 1726 г. во главе администрации Яблонев и Корочи находился один управитель. В декабре 1726 г. для суда и управления городами и их окрестностями был назначен воевода⁸.

В дистриктах Среднего Урала в результате начала следствия по делам о злоупотреблениях судей В. Томилова и Г. Черкасова судебные полномочия оказались сосредоточены в руках одного судебного комиссара – Д. Карвацкого. Он был направлен в Екатеринбург в декабре 1723 г. и занимался отправлением правосудия до июля 1726 г., когда был отозван в Тобольск со всей отчетной документацией. Судебный комиссар находился в зависимости от Сибирского обер-бергамта – учреждения, в ведении которого находились горнозаводские предприятия Урала и Сибири [Бородин, 2012, с. 102–111].

Наоборот, в Брянске канцелярия «судьи земских дел» существовала с 1720 до 1726 гг.⁹ Так же исправно функционировала канцелярия судебных и розыскных дел в Яренске (Великоустюжская провинция Архангелогородской губернии)¹⁰. То же можно сказать о судебных канцеляриях других населенных пунктов. Более того, некоторые судебные комиссары могли направлять судебных комиссаров в пригородки. Таким образом в апреле 1723 г. был назначен судебный комиссар Краснослободского дистрикта,

⁷ ПСЗ. Т. 6. С. 515, 524–525.

⁸ РГАДА. Ф. 658. Корочанская ландратская канцелярия и канцелярия судебных и розыскных дел, г. Короча Белгородской провинции Киевской губернии. Оп. 1. Л. III.

⁹ РГАДА. Ф. 1109. Оп. 1. Л. II.

¹⁰ РГАДА. Ф. 966. Яренская канцелярия судебных и розыскных дел, земский комиссар и полковой двор, г. Яренск Великоустюжской провинции Архангелогородской губернии. Оп. 1. Д. 1–33.

первое время находившийся в подчинении у судебного комиссара Тюменского уезда [Бородина, 2012, с. 99–100].

Именным указом от 15 июля 1726 г. должность судебного комиссара была ликвидирована¹¹. Скорость упразднения судебных канцелярий на местах зависела от удаленности от столичных центров. Этот процесс растянулся до конца 1727 г.

Изучение региональных материалов показывает, что замысел Петра I по созданию органов суда на местах, которые были бы независимы от администрации, не был реализован полностью. Несмотря на то, что новые учреждения находились в подчинении Юстиц-коллегии, они все же оставались под контролем воевод и губернаторов. В частности, воеводы выделяли недавно созданным органам власти помещения и канцелярских служащих, были вынуждены передавать тюремных сидельцев и других колодников, делились копиями нормативных правовых актов, необходимых для осуществления правосудия. Тесное взаимодействие «нижних судов» и воеводских и губернских канцелярий сохранялось на всех этапах существования этих структур и обусловило постепенное возвращение всей полноты власти главам административно-территориальных единиц в последние годы жизни первого российского императора.

В процессе формирования новые судебные структуры были вынуждены приспосабливаться к региональным условиям. Длительность их адаптации зависела от времени учреждения судебных инстанций, состояния транспортных коммуникаций и от материально-технической и кадровой базы уезда или губернии. Кроме того, на функционирование нижних судов оказывали влияние особенности социально-экономического развития территории.

Литература

- Акишин М.О.* О проведении судебной реформы Петра Великого в Сибири // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления в Сибири XVI–XXI вв.: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Новосибирск: НГУЭУ, 2006. С. 126–139.
- Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.
- Бабич М.В.* Государственные учреждения России XVIII в. Справочное пособие. Вып. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 144 с.
- Балакирева Л.М.* Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учебное пособие. Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. 352 с.
- Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27. М.: Императорский институт истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. XVI, 521, [1], 44, [1] с.
- Бородина Е.В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 308 с.

¹¹ ПСЗ. Т. 7. С. 677–678.

- Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири): монография. М.: Проспект, 2016. 297 с.
- Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М.: Унив. тип., 1859. 580, [4], 4 с.
- Ефремова Н.Н.* Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в.: историко-правовое исследование. М.: Наука, 1993. 192 с.
- Кавелин К.Д.* Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях: Рассуждение, пис. для получения степ. магистра гражд. законодательства канд. прав Константином Кавелиным. М.: тип. А. Семена, при Имп. Мед.-хирург. акад., 1844. [2], III, [3], 186, III с.
- Комолов Н.А.* Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний: [монография]. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. 185 с.
- Лонская С.В.* Российские судебные реформы XVIII–XX века: Учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. 183 с.
- Российский государственный архив древних актов: путеводитель в четырех томах. М.: Археогр. центр, 1997.
- Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. 488 с.
- Смыкалин А.С.* История судебной системы России: учебное пособие. М.: Юнити, 2015. 231 с.
- Сыромятников Б.И.* Очерк истории суда в древней и новой России (до издания Свода законов) // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского; При ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренного. М.: Объединение, 1915. Т. 1. С. 149–161.
- Трощина К.Е.* История судебных учреждений в России. СПб.: тип. Э. Веймара, 1851. [2], VIII, 388, 3 с.

References

- Akishin M.O. O provedenii sudebnoj reformy Petra Velikogo v Sibiri // *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya v Sibiri XVI–XXI vv.*: Materialy VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Novosibirsk: NGUEU, 2006. Pp. 126–139.
- Akishin M.O. Rossijskij absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata. M.; Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003. 408 p.
- Babich M.V. Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVIII v. Spravochnoe posobie. Vyp. 1. M.: Editorial URSS, 1999. 144 p.
- Balakireva L.M. Sudebnaya reforma Petra I: Yustic-kollegiya: Uchebnoe posobie. Novosibirsk: NGAeU, 2003. 352 p.
- Bogoslovskij M.M. Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provinciya 1719–27. M.: Imp. o-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1902. XVI, 521, [1], 44, [1] p.
- Borodina E.V. Sudebnaya reforma Petra I na Urale i v Zapadnoj Sibiri. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2012. 308 p.
- Dmitriev F.M. Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyah. M.: Univ. tip., 1859. 580, [4], 4 p.
- Efremova N.N. Sudostrojstvo Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: istoriko-pravovoe issledovanie. M.: Nauka, 1993. 192 p.

- Kavelin K. D. Osnovnye nachala russkogo sudoustrojstva i grazhdanskogo sudoproizvodstva, v period vremeni ot Ulozheniya do Uchrezhdeniya o guberniyah: Rassuzhdenie, pis. dlya polucheniya step. magistra grazhd. zakonodatel'stva kand. prav Konstantinom Kavelinym. M.: tip. A. Semena, pri Imp. Med.-hirurg. akad., 1844. [2], III, [3], 186, III p.
- Komolov N. A. Organy sledstviya, suda i nadzora v rossijskoj provincii XVIII veka: na materialah Belgorodskoj i Voronezhskoj gubernij: [monografiya]. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2007. 185 p.
- Lonskaya S. V. Rossijskie sudebnye reformy XVIII–XX veka: Ucheb. posobie. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningr. gos. un-ta, 2003. 183 p.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov: putevoditel' v chetyrekh tomah. M.: Arheogr. centr, 1997.
- Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie. Monografiya. M.: IKD «Zercalo-M», 2009. 488 p.
- Smykalin A. S. Istoriya sudebnoj sistemy Rossii: uchebnoe posobie. M.: Yuniti, 2015. 231 p.
- Syromyatnikov B. I. Ocherk istorii suda v drevnej i novoj Rossii (do izdaniya Svoda zakonov) // *Sudebnaya reforma* / Pod red. N. V. Davydova i N. N. Polyanskogo; Pri blizhajshem uchastii M. N. Gerneta, A. E. Vormsa, N. K. Murav'eva i A. N. Parenogo. M.: Ob'edinenie, 1915. T. 1. Pp. 149–161.
- Trocina K. E. Istoriya sudebnyh uchrezhdenij v Rossii. SPb.: tip. E. Vejmara, 1851. [2], VIII, 388, 3 p.
- Voropanov V. A. Sud i pravosudie v provincii Rossijskogo gosudarstva v XVI – pervoj polovine XVIII v. (na primere oblastej Povolzh'ya, Urala i Zapadnoj Sibiri): monografiya. M.: Prospekt, 2016. 297 p.

Elena V. Borodina

*Institute of History and Archaeology, Ural brunch of Russian Academy of sciences;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia*

JUDICIAL INSTITUTIONS OF PETER THE GREAT: REGIONAL ASPECTS OF FUNCTIONING

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42022.

The article discusses the features of the judicial reform of Peter I. The formation of a new judicial system was analyzed on the example of the “lower courts” (first, city judges and judicial commissioners). The study of the speed of the reform allowed us to conclude that in 1719–1721 the reform was moving from the center to the periphery, in the absence of a systematic approach to the appointment of judges. Opposition from the regional administration and a shortage of personnel led to the return of the court under the control of the governors and governors. Nevertheless, new judicial offices have appeared in several counties.

Keywords: *history of state and law, Russian Empire, cameralism, judicial reform, lower court, judge of a town, judicial commissioner.*

Благочестие Петра Великого

Статья посвящена проблеме отношения Петра I к религии: прежде всего повседневным религиозным практикам царя-реформатора. Вопрос исследуется в том числе на материале Походных журналов. Также рассматривается отношение Петра I к проповеди и придворным проповедникам. Анализируется политика Петра Великого по отношению к православию, делается вывод, что личная жизнь царя сочетала традиционные элементы с нововведениями, как в религии, так и во всем остальном.

Ключевые слова: православие в эпоху Петра I, благочестие, церковные обряды царского двора, Походные журналы, проповедь, Гавриил Бужинский

Благочестие Петра Великого может показаться неблагодарной темой. Ведь царя-реформатора часто изображают, особенно в публицистике, чуть ли не атеистом или, по крайней мере, человеком безразличным к православию и религии вообще. Проблема в том, что личная религиозность Петра не привлекала достаточного внимания историков. Обычное повествование о личной жизни первого императора полно рассказов о потешных полках, банкетах и попойках, амурах, сражениях и морском плавании. Хроника посещения царем церквей и монастырей, информация о прослушанных им проповедях (кроме политических), отсутствует. Тридцать семь страниц, написанных П. В. Верховским в 1916 г., являются последним словом о религии Петра и сохраняют свою значимость: «взгляды Петра на веру и Церковь имеют кардинальное значение для правильного понимания не только его реформ в церковной области, но также и вообще его культурных реформ». К сожалению, он сумел описать разные влияния на Петра в юности, его впечатления от западных конфессий, проявления веротерпимости, преследование суеверий, и тому подобное, но религиозное поведение царя, не говоря об убеждениях, осталось нераскрытым [Верховский, т. 1. С. 46, 82–83]. Если историки и пытаются охарактеризовать религиозные воззрения Петра, то только в связи с так называемой всепьянейшей компанией или с учреждением Синода¹. В результате остается признать, что мы не знаем элементарных фактов об этой части жизни Петра.

¹ Соловьев, Ключевский и Брикнер данного предмета почти не касались, также как, по понятным причинам, советские историки. На западе в обширных исследованиях посвящали лишь несколько страниц [Wittram; Cracraft; Hughes, p. 235–237]. Ближе всех к проблеме подходил Эрнест Зицер [Zitser, 2004; Зицер, 2008].

Положение историка России не очень отличается от положения историка западноевропейских стран. Начиная с 1960-х годов установилась мода на социальную историю, которая привела к усиленному интересу к повседневной религиозности разных слоев населения этих стран. Результаты оказались не очень утешительными. Относительно легко было установить массовый отход населения от католичества, переход к протестантским конфессиям и наоборот, часто происходящий под нажимом различных государств, и изменения в обрядности и ежедневной практике. Составить портрет внутренних убеждений отдельных личностей и представителей элит оказалось намного труднее. Больше число личных документов среди западных источников, по сравнению с источниками в России, также не решило проблемы, потому что многое в них оказалось общими местами или идиосинкратическим и потому совершенно нетипичным. Теоретически можно положить, что легче исследовать религиозность королей на основе обилия документов жизни правителей и их дворов, но даже если это и так, историки редко использовали эту возможность. Они сосредотачивали свое внимание на политике внутренней и внешней, придворной культуре, театре, светских церемониях, балах и метрессах, но очень редко на религиозной жизни этих дворов. Иногда историки освещают церковную политику королей, но не их собственное благочестие. Так, многочисленные историки жизни и правления Людовика XIV пространно описывают его отношение к яansenистам и квиетистам, указ об изгнании гугенотов, отношения с папством. Часто отмечается, что он слушал мессу каждый день, во время которой еженедельно или даже чаще священник произносил проповедь. Содержание большинства этих проповедей также известно. Король присутствовал на всех торжественных обрядах католического года, таких как Рождество Христово, Пасха, Corpus Christi. Духовным отцом (*confesseur*) короля в течение всего правления был иезуит [Wolf, pp. 279–281, 379–401; Petifils, p. 181–193, 362–366, 553–590; Gaudelus, p. 513–526]. В качестве примера можно добавить и многих других европейских монархов, но картина получится та же: о благочестивой *практике* королей известно много, но об их личных убеждениях очень мало. Наша задача – попытаться добавить некоторые знания о благочестивой практике Петра Великого.

Внутренние убеждения Петра, наверно, навсегда останутся нераскрытыми. Особые трудности, стоящие перед исследователями этой темы, объясняются скудостью источников петровских современников. Сохранилось очень немного писем, дневников, и воспоминаний, если не считать переписки самого царя, которая, однако, состоит почти исключительно из официальных документов, докладов или присланных ему новостей, а также его собственных ответов и указаний. К тому же издание *Письма и Бумаги Петра Великого* доходит только до 1713 г. С его внешней деятельностью дело обстоит гораздо лучше. У нас в распоряжении есть ценные источники о его передвижениях, посещениях разных мест и встречах, *Дворцовые раз-*

ряды последних десятилетий XVII века и потом *Походные журналы*, первый вариант камер-фурьерских журналов XVIII века. На основе этих источников можно установить, когда Петр бывал на службах и в каких церквях, по крайней мере в течение последних годов своей жизни.

В принципе можно предположить, что Петр, как реформатор русской культуры, жил по новым нормам, не существовавшим раньше и возникшим лишь в конце XVII века. Чтобы правильно понять новизну его благочестия, хотелось бы знать, в чем состояла повседневная православная практика русских царей XVII века: брата, отца и деда Петра, но вряд ли это возможно. Новейшая литература освещает повседневную религиозную практику и верования народа, но лишь мимоходом касается благочестия элиты. В этом вопросе мы во многом остаемся на уровне знаний Ивана Забелина и располагаем лишь общей картиной религиозной жизни царского семейства и двора в десятилетия до воцарения Петра².

Многое описал еще Забелин: каждый год цари праздновали все значительные дни православного года, совершили выходы и участвовали во всех церковных обрядах — от Нового года (1 сентября) до Успения (15 августа). Особой торжественностью отличались Богоявление и Светлая неделя. В Богоявление царь подходил к Москве-реке для освящения вод вместе с боярами и народом города Москвы. Вербное Воскресение отмечали известным шествием на осляти от Успенского собора через Кремль и Спасские ворота к Покровского собору. Патриарх ехал на осле, то есть на лошади, которую вел царь. При других праздниках царь раздавал милостыню в богадельнях и тюрьмах (накануне Рождества Христова) или приносил дары монастырям (Великий пост). В своем рассказе Забелин опирался главным образом на т.н. Дворцовые разряды, авторы которых записывали действия и передвижения царя почти каждый день. Странным образом Забелин опустил одни чрезвычайно важный момент царского благочестия — посещение монастырей. Самое большое паломничество совершали обыкновенно в сентябре, около времени памяти святого Сергия (25 сентября), в Троице-Сергиев монастырь. Царь Алексей бывал в стенах Троице-Сергиева монастыря почти каждый год, пропуская обычный «поход» только когда он лично командовал армией в войне против Польши и Швеции. Иногда он совершал паломничество в другие загородные обители, но не регулярно, и чаще ходил на моление в московские монастыри, Новоспасский или Новодевичий. [Забелин. Ч. 1, с. 393–453; Crummeу, р. 130–158; Buskovitch, 1990, 1–17; Черная, с. 109–152, 198–208].

Такие же церемонии и поездки совершали молодые цари Иван и Петр, судя по сохранившимся разрядам 1684 и 1685 гг.³ После прихода к власти Петра в 1689 г. ничего не изменилось вначале. Не все разряды сохрани-

² Придворная обрядность и посещение монастырей в XVI веке лучше исследованы, см.: [Михайлова, с. 269–366, 403–442].

³ Дворцовые разряды [ДР] IV, 195–372; Богословский, т. I, с. 48–49.

лись, но в 1691–93 гг. оба царя принимали участие в действах Первого сентября, Богоявления, и Вербного Воскресения, и в последнем оба царя вели «осла» патриарха⁴. Заметно, что на второстепенных праздниках все чаще Иван появлялся без своего брата. Единственное значительное изменение состояло в том, что оба царя перестали ездить в Троице-Сергиев монастырь на день памяти св. Сергия. Вместо этого в 1691, 1692, 1693 гг. царь Иван слушал литургию в Троицком подворье в Кремле, а в 1691 и 1692 гг. Петр оставался в Преображенском. В сентябре 1693 г. он находился в пути, возвращаясь из первого путешествия в Архангельск⁵. Окончательный конец старой обрядности пришел только после смерти царицы Натальи 25 января 1694 г. Весной этого года Петр уехал в Архангельск, где он проводил все лето и начало осени. Следующий год царь Петр провел в первом азовском походе, но зимой 1696 г. он был в Москве. На Богоявление к реке ходил один царь Иван. Это было его последнее действо: 29 января он умер⁶.

Видно, что Петр Алексеевич был вполне знаком с обрядностью и всеми формами благочестия царского дома XVII столетия. Но остается вопрос, насколько был он знаком с новыми течениями придворной культуры, включающими религиозную, и связанными с именами Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого? Симеон оставил не только обширное собрание стихов, включая стихи в честь разных государственных и придворных событий, но также и речи (например, к действию 1 сентября), произнесенные духовными лицами и его учеником царевичем Алексеем Алексеевичем. Большая часть его наследства — проповеди, впоследствии зданные под названием *Обед душевный* и *Вечеря душевная* [Bushkovitch, 1992, р. 150–175; Елеонская, Преображенская]. Известно, что царь Алексей иногда присутствовал на проповедях Симеона [Татарский. С. 132–141; Bushkovitch. 1992, pp. 169–170]. Ученый монах умер в августе 1680 г., но обычай слушать проповеди при дворе остался. Абсолютно неизвестно, были ли царица Наталья, дядьки и учителя царевичей знакомы с проповедями, но Наталья, а потом и Петр получили в 1682–1689 гг. подносные списки стихов Кариона Истомина, часть которых касалась религиозной тематики. И хотя известен сборник проповедей Кариона, ничего не известно о его слушателях [Браиловский, с. 234–261, 389–416; Карион Истомин, 1989].

Во время посольства в западную Европу Петр интересовался разными конфессиями, посетил лютеранские, кальвинские, англиканские церкви, квакерское собрание, две синагоги в Амстердаме и католические службы в Вене [Гузевич Д., Гузевич И., с. 385–386] После возвращения в Москву он уже не участвовал в традиционных обрядах, даже на Вербное воскресение

⁴ В 1693 г. Петр уехал в Архангельск 4 июля. Вербное Воскресенье отпраздновали 9 апреля: ДР IV, С. 775–780.

⁵ ДР IV. С. 609, 722, 826. *Богословский*, т. I, 167.

⁶ ДР IV. С. 911–916, 920–921.

ние. В 1699 и 1700 гг. похода его просто «не было»⁷. Зато ему импонировала проповедь украинского игумена Стефана Яворского на погребении А.С. Шеина в январе 1700 г. После смерти патриарха Адриана он назначил Стефана Местоблюстителем патриаршего престола [Бушкович, 2008, с. 224]. В новозавоеванных территориях царь сразу начинал строить храмы, хотя в западном стиле. Уже через несколько недель после основания Петербурга был заложен Петропавловский собор, деревянный, с тремя шпильями. Вскоре на Петербургской стороне появился Троицкий собор (ныне утраченный), тоже деревянный и со шпилем. В начале Петропавловский собор служил местом торжественных служб, но после заложения каменного собора в 1714 г. строительство стало мешать службе, которую перевели в Троицкий собор [Шульц, с. 37–42]. В те годы Петр, как мы увидим, посещал Троицкий собор также в обыкновенные воскресные дни.

Мало известно о других действиях Петра, кроме военных и государственных, в первые годы Северной войны. После Полтавской победы и завоевания Прибалтики и Выборга стало возможным уделять больше внимания построению новой столицы. Уже летом 1710 г. он решил основать поблизости от города монастырь в честь Св. Александра Невского⁸. Посвящение отражало политику царя по утверждению и пропаганде его видения русской истории [Погосян]. Однако надо заметить, что монастырь был единственным в новой столице, в отличие от Москвы со своими многочисленными обителями в Кремле (Чудов, Вознесенский), в разных частях города (Заиконоспасский), и в особенности вокруг города (Симонов, Донской, Новоспасский, Новодевичий) или недалеко от него (Троице-Сергиев).

После Полтавы фиксируется больше фактов о жизни Петра, включая известия о его участии в литургии, так как Походные журналы становятся полнее. В начале царствования журналы были именно походными, то есть в них записывали почти ежедневно его передвижения вместе с армией (и позднее с флотом) но редко – его прочую деятельность в другое время. Эта практика потом изменилась и появились записи о пребывании царя в Сенате и других учреждениях, на разных развлечениях, и путешествиях по стране и по новой столице. Постепенно установилась система позднейших Камер-фурьерских журналов. К сожалению, не для каждого года и месяца петровского времени информация полная, особенно для периодаграничных путешествий. Поэтому здесь мы обратимся к одному 1714 году, в который записи были сделаны (или сохранились) почти полностью.

Петр начал год 1-го января присутствием у обедни у Троицкой церкви на Петербургской стороне, недалеко от главнейших зданий правительства. 3-го он был в Александро-Невском монастыре, также у обедни. В те дни

⁷ ДР IV. С. 1097, 1127.

⁸ История Свейской войны. М.: Круг, 2004. Т. 1. С. 364; Рункевич, с. 3–16, приложение, с. 3–4. Освящение монастырской церкви случилось 25–26 марта 1713 г. Походный журнал 1713 года. СПб., 1854. С. 20.

гуляли на улице и славили. На Богоявление, 6-го января, царь ходил на Иордань и после действия стреляли из ружей и пушек (в XVII веке не стреляли). Потом Петр уехал на несколько недель в Ревель и Ригу, возвратился к концу февраля и занимался делами. 21 февраля – в Великий Пост – царь слушал обедню, потом 28 февраля и 7 и еще одиннадцать раз до Пасхи (28 марта). В канун и в день Вербного Воскресения он ходил к обедне и всенощной в Троицкую церковь, где служил Иов, архиепископ новгородский. В течение Страстной Недели Петр присутствовал у обедни в Троицкой или в Исаакиевской церкви и 24-го после обедни слушал всенощную дома и исповедовался. На следующий день, в Великий Четверг, Петр и Екатерина оба слушали обедню в Исаакиевской церкви, причащались, а потом Петр перешел в Троицкую церковь и был у обряда умовения ног учеников архиепископом Иовом. На Великой Пятнице в Троицкой церкви царь слушал часы, вечерню, и всенощную и исповедывался у священника Якова Исаковского (возможно, священник Исаакиевской церкви). В субботу он опять слушал обедню у Исаакия и причащался. Пасху Петр встретил в Троицкой церкви, и во все дни Светлой Недели он стоял обедню и другие службы в обеих церквях⁹.

После пасхальных праздников порядок присутствий у обедни возвращался к обычному, то есть по воскресеньям, а потом в мае царь ушел с флотом к побережью Финляндии, в поход, прославленный Гангутским сражением. Неизвестно, были регулярные службы на борту кораблей или нет. После возвращения в Петербург он вернулся к прежней схеме, слушая обедню и другие службы или в Троицкой, или в Исаакиевской церкви каждое воскресенье. Один раз (10 октября) он был на обедне в Александро-Невском монастыре и встречался с архимандритом монастыря Феодосием Яновским. Рождество Христово было единственным большим праздником в конце года, и Петр слушал часы в городе (Крепость?) и обедню в Троицкой церкви 24 декабря, в той же церкви, 25-го – всенощную и также обедню, не выходя. В последующие дни славили¹⁰.

В остальные годы жизни царя известия походных журналов более фрагментарны, но порядок годового посещения храмов кажется неизменным. Петр посещал Александро-Невский монастырь редко, главным образом для погребений отдельных лиц¹¹. В последние годы он уже перешел в новый Зимний дворец, в котором не было домашней церкви, в отличие от Кремлевского дворца и последующих вариантов Зимнего. Он продолжал ходить на обедню и на другие службы в Троицкую церковь (через реку) и в Исаакиевскую¹². Известия об участии Петра в службах дают представ-

⁹ Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 1–13, 89–110; [Kizenko].

¹⁰ Походный журнал 1714 года. С. 80, 128–151.

¹¹ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова / ред. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптева. М., 2004. С. 208–209, 272, 304–305, 342.

¹² Походный журнал 1724 года. СПб., 1855. С. 13–16, 18–20, 22–25, 29–31, 35, 38–39.

ление об одной важной стороне его личного благочестия, но о других сторонах известно меньше. Почти все духовные лица того времени — Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович — были прославленными проповедниками, но мы не знаем, как часто и где он слушал их проповеди. Меншиков в 1717 г. ходил на проповеди Варлаама Голенковского в Александро-Невский монастырь, но без царя, тогда путешествующего по Европе¹³. Сам Петр, кажется, любил проповеди и назначил Стефана Яворского местоблюстителем после слушания его проповеди на погребении А.С. Шеина. На Новый 1724 год Феофилакт Лопатинский произнес после литургии «предику» в присутствии царя¹⁴.

Кроме этих фрагментарных известий, есть проповеди Гавриила Бужинского, изданные в 1901 г., но редко отмечаемые историками¹⁵. Рукопись, автограф Бужинского, включает сорок пять проповедей, произнесенных в 1717–1726 гг. в Петербурге и на кораблях во время морских походов. Самое важное, что почти во всех них есть приписка с указанием присутствия Петра или других лиц, царицы и сановников. Около половины из них были написаны на юбилеи побед в Северной войне или на дни рождения и тезоименитства членов царской фамилии. Остальные были назначены на главные православные праздники и не имели политического содержания. Такое деление несколько условно, потому что «политические» проповеди часто были лишены политики. Например, три проповеди на день св. Екатерины касаются разных христологических вопросов и только мимоходом включают похвалу царице [Петухов, с. 261–277, 467–496; Marker, pp. 150–151]. Проповеди Бужинского заслуживают основательного исследования, но здесь можно привести лишь несколько примеров.

На корабле Ингерманландия, стоявшем на якоре у Лемланда на Аландских островах, Гавриил отметил в присутствии Петра Преображение Господне (6 августа) 1719 г. толкованием евангельского рассказа (Мат. 17) о событии на Фаворской горе и рассуждением о природе Христа и величестве Бога [Петухов, с. 233–242]. После службы в петербургской Троицкой церкви на Великой Пятнице (11 апреля) 1718 г. Петр слышал длинную проповедь Гавриила о Страстях Христовых. Проповедник описал Страсти хронологически в день распятия в пяти эпизодах, начиная с сада Гефсиманского (страх, кровавый пот) через поставление перед Кайафой и Пилатом и заканчивая самим распятием¹⁶. В той же Троицкой церкви 15 апреля 1720 г. Гавриил проповедовал еще раз о Страстях Христовых, и также очень подробно [Петухов, с. 407–427]. Иногда проповеди на дни побед едва содержали намеки на сами события и в основном касались общехристианских тем. Например,

¹³ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 111, 116, 122,

¹⁴ Походный журнал 1724 года. С. 29.

¹⁵ См.: [Петухов]. Бужинский также переводил сочинения Пуфендорфа и Эразма.

¹⁶ [Петухов, с. 147–168]. Проповедь произнесена по указу Петра и Екатерины, и без намека на дело царевича Алексея, несмотря на дату.

проповедь 11 октября 1724 г. на день взятия Шлиссельбурга посвящена не победе русского оружия, а рассуждению о посещении земли Богом, то есть чудесам, воскресению из мертвых в Евангелии, а также любви к ближнему и помощи Бога людям против гнева. Присутствовали на проповеди Петр и Феофан Прокопович [Петухов, с. 546–561]. Наконец, на день св. Андрея (30 ноября 1719, в Исаакиевской церкви) Гавриил говорил о праздновании учрежденного Петром ордена св. Андрея, покровителя России (*patrona Rossiae*), как он обозначал святого в названии. Однако темой проповеди была не Россия и ее история, а братолюбие [Петухов, с. 372–389].

Интерес к проповедям был еще одним примером адаптации западных обычаев. Древнерусская литература знает много слов разного содержания, но систематическое проповедование по крайней мере в главнейших соборах начинается с середины XVII века. Киевская Академия уделяла много времени обучению проповедников, следуя в этом примеру польских и западноевропейских школ. При всех западных королевских дворах были прославленные проповедники – во Франции: Боссюэ и Бурдалу, в Польше – Петр Скарга, и многие другие, протестанты и католики. Их сочинения тогда издавались и переиздавались и до сих пор они являются предметом исследования и богословов, и историков. Общей проблемой, однако, остается трудность установления реакции слушателей, как рядовых, так и венценосных. Ничего не известно о реакции Петра на проповеди Бужинского, но фавор царя предполагает позитивное отношение к их автору.

Сохраняется еще один источник, освещающий его воззрения тех лет на религию. 24 ноября 1719 г., за несколько дней до вышеупомянутого дня св. Андрея был день св. Екатерины, Царь, его супруга, Меншиков и другие отметили праздник в Троицкой церкви и потом ушли на банкет. Французский представитель Анри Лави так передал слова царя при гостях:

«Во вторник, согласно обычаю, праздновали день св. Екатерины, именины ее величества царицы. Царь сидел за большим столом с архиереем [Феофаном Прокоповичем?] и многими другими высшими духовными лицами и избранными священниками и держал к ним довольно длинную речь насчет постановлений первоначальной церкви. Он сказал им, что, по его убеждению, это огромное количество постов и совершаемых попами церемоний менее приятны Богу, чем сокрушенное и смиренное сердце, и увещевал их превыше всего поучать народ нравственности, потому что тогда суеверие исчезнет мало-помалу в его государстве и подданные станут Богу служить лучше и ему вернее»¹⁷.

Здесь ничего не противоречит регулярному присутствию населения на службах и проповедях.

¹⁷ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 342; Сборник РИО. т. 40. С. 66–67; [Baron, Mézin].

На основе данных о присутствии Петра на церковных службах и проповедях нельзя сделать всеобъемлющее заключение о внутреннем мире царя-реформатора. Можно, однако, опровергнуть легенды о его индифферентности к религии или даже кощунстве. Основой для таких суждений во многом служит история так называемой «всепянейшей компании», которую обычно трактуют без учета роли пародии в жизни Европы раннего нового времени. Пародийность компании хорошо показал Э. Зицер на основе полного комплекта источников. Она являлась еще одним случаем адаптации обычаев Западной Европы. На Западе, как и в России, настоящая набожность сочеталась с разными пародийными формами увеселения. [Harris, pp. 239–284] Учреждение Синода также не доказывает враждебность Петра к религии. Наоборот, его политика формировалась на основе концепции православия, реформированной под влиянием новых веяний, шедших с Запада, но также и возникающих внутри церкви. Как и на Западе, набожность правителя сочеталась со стремлением подчинить церковь государству. В действительности, Петр регулярно ходил на традиционные воскресные службы и обряды пасхального времени, слушал проповеди, но прекратил традиции пышных церемоний при дворе. Он также редко посещал монастыри, хотя и основал единственную петербургскую обитель. Его личная жизнь сочетала традиционные элементы с нововведениями, как в религии, так и во всем остальном.

Литература

- Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии: в 5 т. М., 1940. Т. 1. 435, [1] с.: ил.
- Браиловский С. Н.* Один из пестрых XVII века // Записки Имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 5. СПб.: 1902. [4], XXXVIII, 494 с.
- Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. 541, [2] с.
- Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1. [2], XXVI, CLXXVIII, 686 с., [1] л. табл.
- Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути, 1697–1698. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. 693, [1] с.: ил.
- Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: «Наука», 1990. 222, [2] с.
- Зицер Э. А.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: «Новое литературное обозрение», 2008. 238, [6] л. ил.
- Карион Истомин.* Книга любви знак в честен брак / ред. *Л. И. Сазонова*. М.: Книга, 1989. 19 л., 43–109, [4] с., ил.
- Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 3 тт. М.: «Языки русской культуры», 2000. Т. 1, ч. 1. XX, 453 с., [1] л. портр.
- Михайлова И. Б.* «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. 647 с., ил.

- Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра 1713–1913. СПб.: Синодальная тип., 1913. 1131 с.
- Петухов Евгений.* Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Юрьев: тип. К. Матиссена, 1901. XII, 676 с., 1 л.
- Погосян Е. А.* Петр I: архитектор российской истории. СПб.: Искусство-СПБ., 2001. 423 с., ил.
- Преображенская А. А.* Симеон Полоцкий – Первый придворный писатель: Практика создания образцовых текстов. Дис. ... к. ф. н. М.: 2018. 483 с.
- Татарский И. А.* Симеон Полоцкий, его жизнь и деятельность. М., 1886. 343 с.
- Черная Л.* Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: «Молодая гвардия», 2013. 411, [2] с., [16] л. ил.
- Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб.: Глагол, 1994. 320 с.
- Baron, Samuel.* Henri Lavie and the Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50. Berlin: 1995. S. 29–50.
- Bushkovitch, Paul.* The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Russian Review*. 49, no. 1 (January, 1990), pp. 1–17.
- Bushkovitch, Paul.* Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. VI, 278 p.
- Cracraft, James.* The Church Reform of Peter the Great, Stanford, California: Stanford University Press, 1971. XVI, 336 p.
- Crummey Robert O.* Court Spectacles in Seventeenth Century Russia: Illusion and Reality // *Essays in Honor of A. A. Zimin*. Columbus, Ohio: 1985. Pp. 130–158
- Gaudelus Sébastien.* La mise en spectacle de la religion royale: recherches sur la dévotion de Louis XIV // *Histoire, économie, société*. 2000. Vol. 19, no. 4. Pp. 513–526.
- Harris Max.* Sacred Folly: a New History of the Feast of Fools. Ithaca, NY: 2011. 322 p.
- Hughes, Lindsey.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1998. XXVIII, 602 с.
- Kizenko, Nadieszda.* Good for the Souls: A History of Confession in the Russian Empire. Oxford: Oxford Univ. Press, 2021. XIV, 329 p.
- Marker Gary* Imperial Saint: the Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, Illinois: 2007. XVII, 307 p.
- Mézin, Anne.* Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France // *Quaestio Rossica* 562017, No. 2, Pp. 315–328.
- Petitfils Jean-Christian.* Louis XIV. Paris, 2021. 488 p.
- Wittram Reinhard,* Peter I, Czar und Kaiser, 2 тт. Göttingen, 1964.
- Zitser Ernest A.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY: 2004. XII, 221 p.
- Wolf, John B.* Louis XIV. New York: 1968. XIX, 678 p.

References

- Baron, Samuel. Henri Lavie and the Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50. Berlin: 1995. S. 29–50.
- Bogoslovskij M. M. Petr I: Materialy dlya biografii: v 5 t. M., 1940. T. 1. 435, [1] s.: il.

- Brailovskij S.N. Odin iz pestyryh XVII veka // *Zapiski Imp. Akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu*. T. 5. SPb: 1902. [4], XXXVIII, 494 p.
- Bushkovitch P. Petr Velikij: Bor'ba za vlast' (1671–1725). SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2008. 541, [2] p.
- Bushkovitch, Paul. Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. VI, 278 p.
- Bushkovitch, Paul. The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Russian Review*. 49, no. 1 (January, 1990), pp. 1–17.
- Chernaya L. Povsednevnyaya zhizn' moskovskih gosudarej v XVII veke. M.: «Molodaya gvardiya», 2013. 411, [2] s., [16] l. il.
- Cracraft, James. The Church Reform of Peter the Great, Stanford, California: Stanford University Press, 1971. XVI, 336 p.
- Crummey Robert O. Court Spectacles in Seventeenth Century Russia: Illusion and Reality // *Essays in Honor of A.A. Zimin*. Columbus, Ohio: 1985. Pp. 130–158.
- Eleonskaya A.S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom processe XVII veka. M.: «Nauka», 1990. 222, [2] c.
- Gaudelus Sébastien. La mise en spectacle de la religion royale: recherches sur la dévotion de Louis XIV // *Histoire, économie, société*. 2000. Vol. 19, no. 4. Pp. 513–526.
- Guzevich D., Guzevich I. Velikoe posol'stvo: Rubezh epoch, ili nachalo puti, 1697–1698. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2008. 693, [1] s.: il.
- Harris Max. Sacred Folly: a New History of the Feast of Fools. Ithaca, NY: 2011. 322 p.
- Hughes, Lindsey. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1998. XXVIII, 602 c.
- Karion Istomin. Kniga lyubvi znak v chesten brak / red. L.I. Sazonova. M.: Kniga, 1989. 19 l., 43–109, [4] s., il.
- Kizenko, Nadieszda. Good for the Souls: A History of Confession in the Russian Empire. Oxford: Oxford Univ. Press, 2021. XIV, 329 p.
- Marker Gary Imperial Saint: the Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, Illinois: 2007. XVII, 307 p.
- Mézin, Anne. Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France // *Quaestio Rossica* 562017, No. 2, Pp. 315–328.
- Mihajlova I.B. «I zdes' soshlis' vse carstva...»: Ocherki po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI v.: povsednevnyaya i prazdnichnaya kul'tura, semantika etiketa i obryadnosti. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2010. 647 p., il.
- Petitfils Jean-Christian. Louis XIV. Paris, 2021. 488 p.
- Petuhov Evgenij. Propovedi Gavriila Buzhinskogo (1717–1727). Yur'ev: tip. K. Matissena, 1901. XII, 676 p., 1 l.
- Pogosyan E.A. Petr I: arhitektor rossijskoj istorii. SPb.: Iskusstvo-SPB., 2001. 423 p., il.
- Preobrazhenskaya A.A. Simeon Polockij – Pervyj pridvornyj pisatel': Praktika sozdaniya obrazcovyh tekstov. Dis. ... k.f.n. M.: 2018. 483 p.
- Runkevich S.G. Aleksandro-Nevskaya Lavra 1713–1913. SPb.: Sinodal'naya tip., 1913. 1131 p.
- Shul'c S. Hramy Sankt-Peterburga. SPb.: Glagol, 1994. 320 p.
- Tatarskij I.A. Simeon Polockij, ego zhizn' i deyatel'nost'. M., 1886. 343 p.
- Verhovskoj P.V. Uchrezhdenie Duhovnoj kolegii i Duhovnyj reglament. Rostov-na-Donu, 1916. T. 1. [2], XXVI, CLXXVIII, 686 p., [1] l. tabl.
- Wittram Reinhard, Peter I, Czar und Kaiser, 2 tr. Göttingen, 1964.
- Wolf, John B. Louis XIV. New York: 1968. XIX, 678 p.

Zabelin I. Domashnij byt russkih carej v XVI i XVII stoletiyah. 3 tt. M.: «Yazyki russkoj kul'tury», 2000. T. 1, ch. 1. XX, 453 p., [1] l. portr.

Zitser E.A. Carstvo Preobrazheniya: Svyashchennaya parodiya i carskaya harizma pri dvore Petra Velikogo. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie», 2008. 238 p., [6] l. il.

Zitser Ernest A. The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY: 2004. XII, 221 p.

Bushkovitch Paul

Department of History, Yale university, New-Haven, USA

GODLINESS OF PETER THE GREAT

The article concerns the issue about Peter's attitude to religion, first of all, to daily religious practice of the Tsar. The issue is studied with the help of Field Journals (Pokhodnye Zhurnaly), it also concerns Peter's attitude to the sermons and court preachers. Peter's policy to orthodoxy is analyzed, it's concluded that personal life of the monarch combined traditional features with novelties in religion as well as in other spheres.

Key words: the Orthodox Church in Peter's Epoch, godliness, church sermons of the Russian court, Field Journals, sermon, Gavriil Buzhinsky.

Ю.И. Быкова

Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль», Москва, Россия

Регалии и иные символы власти в церемониалах российского двора первой трети XVIII века*

В статье рассматриваются регалии и другие символы власти, использовавшиеся во время церемоний бракосочетания, погребения и коронации членов царской семьи в России первой трети XVIII века. Государственные регалии в это время включали в себя императорскую корону, скипетр, державу, мантию и три царских венца, символизировавших царства: Казанское, Астраханское и Сибирское. В погребальном церемониале появляются также «государственное знамя», «государственные мечи» и ордена.

Ключевые слова: регалии, корона, скипетр, держава, мантия, орден, меч, знамя, погребение, коронация, бракосочетание, Петр I

Термин «регалия» по отношению к знакам монархической власти в России до XVIII в. не применялся [Бобровницкая, Мартынова, 2018, с. 48–50]. Впервые он возник в 1724 г., когда в издание, посвященное коронации Екатерины Алексеевны, был включен раздел «Описание регалий императорских», в котором были представлены, расположенные по значимости, четыре инсигнии: корона, скипетр, держава и мантия¹. В официальных документах, связанных с погребением Петра I в 1725 г., к ним прибавились три царские короны (Казанская, Астраханская и Сибирская), и все вместе они получили название «государственные регалии»². Помимо регалий, в брачных, погребальных и коронационных церемониалах петровского времени были задействованы и другие символы власти: государственное знамя, государственные мечи, балдахины, тронные кресла и т.д.

Как известно, в XVIII в. Петр I кардинально изменил придворный церемониал по отношению к царскому «выходу» XVII в., что потребовало и изменений символов монархической власти. Последний раз Петр I участвовал в традиционном древнерусском церемониале в царском облачении на празднике Водосвятия 6 января 1694 г. (за месяц до смерти царицы Натальи Кирилловны). После этого на протяжении более десяти лет символы власти в придворных церемониалах никак не использовались. Первым

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-42023.

¹ Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724. С. 25. (Далее – Описание, 1724)

² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 41. Л. 23.

церемониалом, созданным по европейскому образцу, в котором они были задействованы, стало бракосочетание (1710), затем — погребение (1716) и коронация (1724).

Стоит заметить, что в первой половине XVIII в. в других придворных церемониалах инсигнии не участвовали, в то время как позже они будут применяться, например, в дипломатическом «чине». Попробуем рассмотреть различные типы символов власти и их использование в этих трех церемониалах.

Их субординация лучше всего была показана в траурной процессии погребения Петра I в 1725 г., когда перед гробом императора знаки государственной власти несли по мере «ценности»: чем ближе к гробу, тем более значимые. Сначала была «собственная слава»: государственные мечи и ордена; затем регалии: три царские короны, скипетр с державой и, наконец, корона Российской империи³.

По такому же принципу мы рассмотрим государственные регалии и другие символы власти в этой статье.

Корона

С начала XVIII столетия одним из главных символов власти была корона, которая являлась обязательным атрибутом всех царских церемониалов. Корона определяла статус личности ее владельца.

На протяжении XVIII в. в России формировались определенные *виды* корон, которые использовались монархами и членами их семей в различных церемониалах. В результате главными стали три: «Большая», «Малая» и погребальная [Быкова, 2019; Быкова, 2020а; Быкова, 2020б]. Несколько в стороне стоит корона, которую использовали невесты (представители царской семьи), выходящие замуж [Быкова, 2018]. В церемонии бракосочетания при российском дворе, начиная со свадьбы Анны Иоанновны в 1710 г., наличие короны в облачении невесты четко прослеживается до второй половины XVIII в. При этом собственного названия эта разновидность корон никогда не имела. Однако именно такая корона появилась в российском церемониале раньше всех. В петровское время короны начинают лишь зарождаться, и о некоторых из них («Большая» и «Малая») можно говорить с некоторой оговоркой.

Следующей по хронологии стала «погребальная корона» — венец, который клался рядом с гробом покойного. Появившись впервые в 1716 г. на похоронах царицы Марфы Матвеевны, подобная корона использовалась в траурном церемониале до конца XIX в. Сначала (до середины XVIII в.) это были короны из драгоценных камней, позже их стали делать серебряными позолоченными [Быкова, 2019]. Обращает на себя внимание их высо-

³ Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского... С присовокуплением: Описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого... и... Наталии Петровны. СПб., 1831. С. 34. (Далее — Прокопович, 1831)

кая стоимость. Например, погребальная корона великой княжны Наталии Алексеевны (сестры Петра II) 1728 г. оценивалась в 46 350 руб., в то время как Большая императорская корона Анны Иоанновны 1730 г. — только в 29 792 руб. [Быкова, 2017; Быкова, 2019]. Это было связано с тем, что в короне использовались почти все драгоценности покойной. Так, в 1716 г. на «строение короны, которая будет стоять при гробе Ея Высочества»⁴ великой княжны Наталии Алексеевны (сестры Петра I) были отданы почти все драгоценности царевны (около 80%). Нетронутыми оставались только «мемориальные» вещи, как например, алмазная «персона» Петра I и т.д.

Таким образом, ювелиры не создавали абсолютно новое произведение искусства с оригинальным дизайном, куда предполагалось вставлять одиочные камни, а использовали самостоятельные предметы — запоны, выломанные из личных драгоценных украшений покойной. Применение готовых изделий при изготовлении новой вещи (по методу «конструктора») традиционно для работы царских мастерских кремлевских палат XVII в., когда драгоценные запоны переносились со старого изделия на новое. По такому же принципу сделаны и царские венцы второй половины XVII в. [Бобровницкая, Мартынова, 2018, с. 166–177]. С одной стороны, создание погребальной короны при таком подходе — это продолжение традиций древнерусского ювелирного ремесла, с другой — несомненно, символическое значение «последней регалии» покойной, в которой были использованы ее личные вещи.

Термин «Большая» и «Малая» короны впервые возник в 1730 г. в связи с созданием группой ювелиров во главе с Самсоном Ларионовым двух корон для коронации императрицы Анны Иоанновны [Быкова, 2013; Быкова, 2020б]. В то же время известно, что уже в 1721 г. у императрицы Екатерины I существовала небольшая драгоценная корона. По словам Ф.В. Берхгольца, на свадьбе князя Репнина 1 ноября 1721 г. Екатерина Алексеевна блистала «в головном уборе, в котором сияла императорская корона»⁵. Вероятнее всего, эту корону можно назвать «выходной», или «Малой», хотя в документах того времени подобные названия не встречаются. Она нам известна по многим портретам императрицы Екатерины I, на которых корона изображается либо как бриллиантовая, очень небольшого размера, либо как золотая, украшенная жемчугом.

Корона, созданная для коронации императрицы Екатерины I в 1724 г., по-своему уникальна. С одной стороны, в какой-то степени, можно сказать, что она была прообразом Большой короны Российской империи, с другой — прообразом Малой короны. С понятием «Большой» короны ее связывает то, что она была сделана специально для коронации, а потом (спустя месяц) разобрана, т.е. ее участие в других церемониях не предпо-

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Д. 606. Л. 383–389.

⁵ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И.В. Курукина. М., 2018. С. 195. (Далее — Берхгольц, 2018).

лагалось. К тому же, возможно, у Екатерины I уже была собственная императорская корона небольшого размера (о которой упоминалось выше). С «Малой» короной (характерной для конца XVIII – начала XIX в.) ее роднит то, что во время церемонии на царицу ее надел истинный правитель России – муж-император. Таким образом, Екатерина I была коронована лишь как супруга монарха.

Как выглядели короны и к какому *типу* («княжеская», «курфюрстская», «королевская», «цесарская») они относились до 1721 г., точно не известно. До принятия Петром I титула императора короны, как уже отмечалось выше, использовались дважды в церемонии бракосочетания (царевна Анна Иоанновна, 1710; царевна Екатерина Иоанновна, 1716) и дважды – в погребении (царица Марфа Матвеевна, 1716; царевна Наталья Алексеевна, 1717). Очевидцы события описывают эти короны как предметы, богато украшенные драгоценными камнями, не уточняя их тип. Только Ф.Х. Вебер отмечает, что в 1710 г. на голове Анны Иоанновны была *königlichen Krone*⁶, т.е. «королевская», или «царская» корона. В русском издании 1872 г. словосочетание переведено как «владельческая корона»⁷. Кроме того, сохранилось изображение траурного шествия царевны Натальи Алексеевны 1717 г. (ОР РНБ)⁸, где корона представлена несколько схематично, хотя в ней можно угадать корону, близкую к «императорскому» типу (два несомкнутых полушария, наверху крест под державою) [Быкова, 2017].

Показательно, что после 1721 г. все короны, которые использовались в церемониалах различными членами семьи правящего монарха, назывались «императорскими». Так, согласно описанию погребения царицы Прасковьи Федоровны в 1723 г. рядом с ее гробом на «малом столе», укрытом алым бархатом, лежала на подушке «императорская корона, учрежденная из алого бархату и многоценных алмазов ис росных дорогих камней»⁹. При погребении Петра I и его дочери цесаревны Натальи в 1725 г. были использованы одновременно три драгоценные императорские короны: две были выставлены у тела отца и тела дочери (позже их же несли перед гробами во время траурной процессии) и одна венчала голову маленькой цесаревны. Корону, в которой выходила замуж цесаревна Анна Петровна весной 1725 г., также называли императорской: «На ... невесте была цесарская корона, украшенная бриллиантами и прочими драгими камнями»¹⁰.

⁶ Weber F.C. Das veränderte Rußland, In welchem Die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments, Der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser; [...] In einem Biß 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, Mit einer accuraten Land-Cardt und Kupferstichen versehen, Nicolaus Förster. Franckfurth, 1721. S. 390.

⁷ Вебер Ф.Х. Записки Фридриха Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Вып. 9. С. 1684. (Далее – Вебер, 1872).

⁸ ОР РНБ. Ф. 713. Собр. рисунков, № 1220.

⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 180. Д. 7. Л. 2 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

Иностранцы, жившие в России в тот период и оставившие свои воспоминания на немецком языке, использовали в описании корон разные термины: *kaiserliche* («императорская»), *zarische* («царская»), *königlichen* («королевская, царская»), например, Шапка Казанская — это *königliche Krone aus Kazan* («царская корона из Казани»), *fürsten* («княжеская») и др. Из их текстов не всегда понятно, различали ли они типы корон по форме венцов (соответственно их статусу) или писали о принадлежности этих регалий определенным владельцам («князь держал княжескую корону», «императрица имела императорскую корону» и т.д.).

Говоря о внешнем виде корон в первой четверти XVIII в., можно отметить, что на данный момент определенно известен внешний вид только короны, созданной в 1723–1724 гг. группой придворных ювелиров под руководством золотых дел мастера Самсона Ларионова, для коронации Екатерины I [Быкова, 2014; Быкова, 2015б; Быкова, 2016]. Сохранились следующие свидетельства: описание короны в издании 1725 г., ее серебряный корпус (Музеи Московского Кремля), опись украшавших ее камней (РГАДА)¹¹ и, главное, рисунок с изображением этой короны 1724 г. (РГАДА)¹². Прообразом этой регалии послужила личная («домашняя», «дворцовая») корона императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I, известная по гравюрам 1680–1690-х гг. [Быкова, 2013]. Подробная опись камней короны Петра II 1727–1728 гг. (их место на венце, цвет и размер) позволила сделать примерную графическую реконструкцию этой короны [Быкова, 2014; Быкова, 2015а; Быкова, 2015б].

Все три основные придворные церемонии петровского времени требовали наличия корон, которые обычно создавались для конкретного случая. После прохождения этого мероприятия венцы, как правило, разбирались. Так, после коронации Екатерины I уже через месяц корону размонтировали и передали в Оружейную палату только ее серебряный корпус [Быкова, 2014]. Алмазы, которые являлись собственностью царицы, после разбора венца попали в комнату императрицы [Быкова, 2020а, с. 59]. В записи расходов к свадьбе царевны Екатерины Иоанновны в Данциге значится общая сумма, которая была заплачена ювелиру за то, что он «вставлял» драгоценные камни в корону и тут же их «снял»¹³.

В придворных церемониалах петровского времени активно использовались и бутафорские, декоративные короны, призванные подчеркнуть статус главного действующего лица определенной церемонии. Это могли быть как деревянные венцы для украшения интерьера или траурной процессии, так и, например, серебряные короны на крышке гроба. В связи с этим можно вспомнить корону наверху балдахина над погребальной колесни-

¹¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Кн. № 67. Л. 751–751об.

¹² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 246. Л. 33, 34, 35.

¹³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 39–40. (Далее — Сборник, 1872).

цей, изображенную на свитке с погребальной процессией Петра I и Натальи Петровны (ОР РНБ). На крышке гроба Петра II были «Императорская корона, скипетр и шпага накрест положенные, серебряные вызолоченные...»¹⁴, которые изготовил серебряных дел мастер Немецкой слободы Давид Приф¹⁵. До наших дней сохранился серебряный «бутафорский венец к гробу»¹⁶ царевны Прасковьи Иоанновны (1731), который после вскрытия гробницы в Вознесенском монастыре в 1929 г. попал в собрание Музеев Московского Кремля [Костина, 2003, с. 73–75].

В церемониях петровского времени были задействованы «бутафорские» короны не только «императорского» типа. Так, при перенесении мощей святого Александра Невского в 1724 г. на подушке, которая лежала на крышке ковчега, была «шапка княжеская бархату малинового, обложена на крест позументом широким немецким, опущено горностаем, с крестом с сребренным, позлаченным, под крестиком варворочка, шитая золотом»¹⁷.

Скипетр и держава

Только две инсигнии – держава и скипетр перешли в раздел регалий Нового времени из средневековой России (применительно к XVII в. [Бобровницкая, Мартынова, 2018, с. 31–38]). Оба эти предмета относились к традиционным инсигниям европейских монархов, и, в частности, императоров Священной Римской империи. Именно их «цесарская», имперская природа подчеркивалась и в петровское время. Так, в коронационном издании 1724 г. о державе пишут: «Глобус также был древний ИМПЕРАТОРСКИЙ... и во всем такого фасона, как Глабер в своих Историях о древних ИМПЕРАТОРСКИХ Глобусах упоминает. Дело того Глобуса есть Древнее Римское, и весьма удивления достойное»¹⁸.

Первое (несколько спорное) упоминание скипетра относится к 1717 г. И.Н. Зотов, один из очевидцев похорон царевны Натальи Алексеевны, в своем письме к архиерею пишет, что за гробом покойной «несли корону и скипетр» [Агеева, 2007, с. 7]. Тем не менее этот факт не упоминается в официальном описании траурного шествия похорон царевны¹⁹, а также он не находит отражения в рисунке из собрания Российской национальной библиотеки, где представлена лишь корона²⁰.

При организации погребения Прасковьи Федоровны, по словам Ф.Б. Берхгольца, рядом с гробом покойной в «Каструм долорес» (Печаль-

¹⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 3.

¹⁵ РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Вн. оп. 77/189. Д. 2. Л. 15, 23 об.–24.

¹⁶ ОРПГФ ММК. Ф. 20. Д. 14. Л. 11 об., 79.

¹⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4: 1724–1725 января 28. С. 338.

¹⁸ Описание, 1724. С. 25

¹⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 2–6 об., 7–8 об.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 713. Собр. рисунков, № 1220.

ной зале), помимо короны, планировалось положить еще не изготовленные державу и скипетр²¹. Судя по описанию похорон, они так и не были выставлены, чтобы, как считает О.Г. Агеева, «принизить права наследниц-дочерей царицы на императорский трон» [Агеева, 2001, с. 499]. Не стоит исключать и тот факт, что данные инсигнии не хранились в Петербурге, и требовалось либо привезти их из Москвы, либо создать новые.

Достоверно известно, что в XVIII в. впервые скипетр и держава были задействованы в церемонии коронации 1724 г. В это время в Мастерской и Оружейной палате Московского Кремля хранилось две державы и три скипетра: европейской, османской и русской работы. В XVII в. регалии, сделанные в Стамбуле (венец, бармы, скипетр и держава), воспринимались династией Романовых как вещи, созданные в древней столице Византийской империи по образу тех, что имел император Константин Великий – «благочестивого греческого царя Константина» [Бобровницкая, Мартынова, 2018, с. 125]. Однако для организаторов церемоний в петровское время с образом Империи ассоциировались предметы в западноевропейской ренессансной стилистике, а не в восточной, османской.

При подготовке похорон Петра I в 1725 г. из Москвы в Петербург были отправлены почти все имеющиеся регалии: две державы, три скипетра, корона Екатерины I, пять царских венцов и т.д. По-видимому, решение о том, какие инсигнии будут принимать участие в погребении, должны были принимать на месте в Северной столице. В результате выбрали скипетр и державу, уже использованные на коронации. Примечательно, что, осмотрев в 1730 г. в Москве все принесенные ей регалии, Анна Иоанновна для своей коронации «изустно указала» использовать «державу и скипетр отца ея», т.е. инсигнии, которыми венчался на царство ее отец, царь Иоанн Алексеевич²². А вот в коронации императрицы Елизаветы Петровны, по мнению М.В. Мартыновой, использовался скипетр, который был сделан в 1682 г. для венчания на царство Петра Алексеевича [Бобровницкая, Мартынова, 2018, с. 159].

Стоит отметить, что если в издании, посвященном коронации Екатерины I в 1724 г., среди «описания регалий императорских» значатся «императорской скипетр» и «глобус императорский»²³, то в описании погребения Петра I эти инсигнии обозначены как «Государственная Держава» и «Государственный Скипетр»²⁴.

²¹ Берхгольц, 2018. С. 644.

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1348. Л. 65 об.

²³ Описание, 1724. С. 25.

²⁴ Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшаго памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго императора и самодержца всероссийского и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. М., 1726. С. 23. (Далее – Описание порядка, 1726)

Мантия

Мантия, порфира, или епанча, как она часто значилась в документах XVIII в., относится к новым регалиям, появившимся только в XVIII столетии.

В петровское время существовало два типа мантии: «императорская» (золотая), включенная в состав регалий, и «великокняжеская» (красная). Обе они всегда были оторочены горностаем.

Тема *золотой императорской мантии* возникла, очевидно, еще в 1698 г., когда придворный художник Готфрид Неллер написал портрет Петра Великого, находящегося в его первом заграничном путешествии. Известный живописец, имеющий богатый опыт в портретировании многих европейских монархов, хорошо разбирался в церемониальном облачении. Скорее всего, все одеяние царя и атрибуты царской власти носят сочиненный характер. Для исследования важен образ, в котором перед зрителем предстает российский монарх, а это, несомненно, образ императора. Об этом говорит и корона, расположенная рядом с государем, относящаяся к «цесарскому» типу, и мантия золотого цвета с российскими гербами на ней. В это время в Европе существовала лишь одна империя — Священная Римская империя германской нации, и Г. Неллер взял за образец императорскую мантию — золотую, подбитую горностаем, украшенную двуглавыми орлами. Трудно сейчас сказать, насколько это была инициатива художника, а насколько — требование заказчика.

В дальнейшем изображения золотой мантии на портретах царя и членов его семьи будут хоть и редко, но все же встречаться. Можно вспомнить, например, портрет Петра I кисти А. Пэна (1716—1717; ГМЗ «Павловск»), портрет Екатерины I работы Ж. М. Натье (1717; ГЭ), портрет царевны Натальи Алексеевны кисти И. Никитина (не позднее 1716; ГРМ), портреты цесаревен, дочерей Петра, кисти Л. Каравака: Натальи (1721; ГРМ) и Анны (1725; ГТГ).

Появление реальной императорской золотой мантии в России связано с коронацией Екатерины I в 1724 г. Проблема, связанная с историей ее создания, довольно глубоко изучена [Быкова, 2013, с. 110; Амелёхина, 2016, с. 26—28]. На примере изготовления «цесарской епанчи» хорошо виден процесс становления всей церемониальной культуры петровского времени. В Петербурге было принято решение сделать ее из золотой материи, там же ее кроили и шили. А вот гербы, которые должны были украшать мантию, делались в Москве в двух местах одновременно: Мастерской и Оружейной палате в Кремле и в мастерской барона А. Г. Строганова. При этом вначале в царской мастерской гербовых орлов вышивали на «лоскутах красного сукна». Таким образом, дворцовые мастера предполагали, возможно, что мантия будет красного цвета (гербы велели перешить на золотой ткани). В строгановской же мастерской вместо «цесарской» короны над орлом сделали «королевскую, или курфюрстскую», поэтому коронационной комис-

сии пришлось посылать им рисунок императорской короны для переделки по образцу.

Несколько своеобразно золотая императорская мантия вошла и в погребальный церемониал. Связано это было с оформлением «Каструм долорес», в частности декорированием «оглавия» (стены между балдахинном и тронном, находившейся за головой покойного) [Тюхменева, 2020]. В 1723 г. при погребении царицы Прасковьи Федоровны «на той части балдахина, которая спускалась в головы, вышит был золотом двуглавый орел на фоне, состоящем как бы из горностаевого меха»²⁵. В «Каструм долорес» Петра I — «Вверху же при балдахине, распростерта была Мантия Императорская, которая началась между завесами, и подобрана была на каждой стороне шнурами золотыми... Сия мантия была драдорная, то есть из золотой парчи, подбита горностаеями»²⁶. Известно, что коронационную мантию Екатерины I, в 1724 г. переданную в Оружейную палату, в 1725 г. вместе с остальными регалиями отослали в Петербург для организации погребальной церемонии императора. Эта традиция — подвешивания императорской мантии в «оглавие» — продолжалась и в следующих погребениях монархов, например Петра II и Анны Иоанновны [Тюхменева, 2020].

Параллельно с императорской золотой мантией в петровское время существовала и *княжеская мантия красного цвета*. При описании ее иностранцами применялись термины и «великокняжеская», и «царская».

Такая мантия в петровское время активно использовалась в церемонии бракосочетания членов царской фамилии и являлась обязательным атрибутом невест. Так, в 1710 г. царевна Анна Иоанновна, по словам Юста Юля, была «с подбитою горностаем царскою бархатною мантиею на плечах»²⁷, а Ф.Х. Вебер пишет: «...в длинной из красного бархата мантии, подбитой горностаем»²⁸. Это первое упоминание о горностаевой мантии как о материальном памятнике. На своей свадьбе в 1716 г. царевна Екатерина Иоанновна также, судя по всему, была в великокняжеской мантии, так как мастеру заплатили 24 гульдена «за работу от бархатной епанчи кто подбирал горностаею мех с хвостами»²⁹. Несмотря на то что голову цесаревны Анны Петровны в 1725 г. украшала уже «цесарская» корона, «одеяние» ее, согласно официальному церемониалу, «было порфира пурпуроваго бархата подбитая горностаеями»³⁰. Берхгольц же уточняет, что на невесте была «длинная великокняжеская (großfürstlich³¹ — Ю. Б.) мантия из пурпуроваго

²⁵ Берхгольц, 2018. С. 644.

²⁶ Описание порядка, 1726. С. 3.

²⁷ Юст Юль. Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе (1709—1711) / пер. Ю.Н. Щербачева // Русский архив. 1892. Вып. 9. С. 35.

²⁸ Вебер, 1872. С. 1684—1685.

²⁹ Сборник, 1872. С. 39—40.

³⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

³¹ Bergholz F. W. von. Tagebuch, welches er in Rußland von 1721 bis 1725 als hollsteinischer Kammerjunker geführt. von 1725 // Das Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt

бархата»³². Эта традиция в свадебных торжествах закрепились и далее (например, бракосочетание Анны Леопольдовны в 1739 г.) [Быкова, 2018].

Примечательно, что в первой четверти XVIII в. на портретах Петр I чаще всего будет изображен в мантии красного цвета, что особенно характерно для образа царя-воина. Красная мантия появляется на многих портретах петровского времени как членов царской семьи, так и дворянства княжеского достоинства.

Здесь стоит вспомнить и изменение иконографии изображения святого Александра Невского по постановлению Святейшего Синода от 15 июля 1724 г., когда было велено отныне писать «тот святого образ во одеждах великокняжеских» [Рункевич, 1913, с. 268]. С этого момента Александр Невский предстает в европейских рыцарских доспехах и красной великокняжеской мантии (в том же образе часто предстает и Петр I на своих портретах).

Царская «шапка»

В петровское время назначение царских венцов («шапок») существенно изменилось. Если до 1694 г. (включительно) они использовались как часть облачения монарха при царских «выходах», то в 1725 г. они получили новое символическое назначение – стали олицетворять древние завоеванные царства (Казанское, Астраханское и Сибирское), входящие в состав Российской империи, подчеркивая, таким образом, саму сущность Империи. Впервые в новом «амплуа» они появились на погребении Петра I. Идея участия в траурной церемонии корон, символизирующих земли, которыми владел покойный, была заимствована из западноевропейского погребального церемониала. Важно отметить, что до этого момента, т.е. в XVI–XVII вв., такие названия, как «Астраханская» и «Сибирская корона», по отношению к царским венцам никогда не применялись [Быкова, 2017, с. 85–86].

В материалах, связанных с этим событием, видно, что царские венцы рассматривались как часть государственных регалий. Так, в официальном описании траурных торжеств 1725 г. предметы, расположенные у гроба императора, объединены в понятие «регалии и кавалерии». Феофан Прокопович, перечисляя символы власти, которые несли перед гробом монарха, пишет: «...оружием завладенных троих царств короны: Сибирская, Астраханская и Казанская, также регалии, тое есть: скипетр и держава государственная сряду, потом корона Российской Империи»³³. На схеме траурной процессии, которая находится среди бумаг по подготовке погребения Петра I, царские венцы объединены с державой, скипетром и императорской короной под общим названием «Государственные регалии»³⁴.

von A. F. Busching. Vol. 22. Hamburg, 1788. S. 537.

³² Берхгольц, 2018. С. 774.

³³ Прокопович, 1831. С. 33.

³⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 41. Л. 23.

В первой половине XVIII в. на императорских похоронах эти «роли» получали разные венцы. В погребениях Петра I, Петра II и Анны Иоанновны участвовали разные «шапки» из царской сокровищницы. В 1760 г. при погребении Елизаветы Петровны последний комплект венцов (погребение Анны Иоанновны) был повторен, и тем самым именно эти царские «шапки» закрепились за «царскими коронами» до конца XIX в. [Быкова, 2017]. Позднее, во второй половине XVIII в., тема царских венцов как корон трех «царств» появится и в изобразительном искусстве, например портрет Екатерины II кисти С. Торелли (между 1763 и 1766, ГРМ) [Екатерина Великая, 2017, с. 41].

Государственный меч, государственное знамя, российские и иностранные ордена

В некоторых церемониалах при российском дворе в первой трети XVIII в. были задействованы инсигнии, характерные для западноевропейских церемоний, но не получившие пока в России статус «регалий», например *государственный меч* или *государственное знамя* (официально оно войдет в состав регалий только в 1742 г. при коронации Елизаветы Петровны). Связаны они были в первую очередь с погребальным церемониалом, где в большей степени отождествляли личные знаки покойного.

В современной научной литературе принято считать, что первыми похоронами в России, проведенными по европейскому (протестантскому) образцу, по инициативе Петра I, были похороны его сподвижника Ф.Я. Лефорта в 1699 г. [Прокопьев, 2007, с. 50; Логунова, 2011, с. 58]. Перед гробом несли «знаки Лефорта», среди которых было «знамя с золотым в красном поле гербом и с оранжевой длинной перевязью» [Логунова, 2011, с. 58]. Камер-юнкер Ф.Б. Берхгольц, описывая церемонию погребения князя П.М. Голицына в 1722 г., в которой принимал участие сам царь, пишет, что в процессии «несли сперва траурное, потом *парадное* знамя (Freudenfahne), на котором с одной стороны был изображен портрет генерала, а с другой — его герб»³⁵. Государственное знамя желтого цвета в погребальном церемониале XVIII столетия упоминается еще с похорон царицы Прасковьи Федоровны в 1723 г. Оно находилось около ее гроба в «Каструм долорес»³⁶. Во время траурной процессии похорон самого Петра I государственное знамя несли после 32 знамен с гербами провинций. Каждому гербу полагалась лошадь в черном облачении, государственное знамя сопровождала «государственная лошадь»³⁷. Прокопович упоминает это знамя как «морское желтое, на котором двоеглавый орел написан был»³⁸.

³⁵ Берхгольц, 2018. С. 272.

³⁶ Там же. С. 644.

³⁷ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 41. Л. 23–24.

³⁸ Прокопович, 1831. С. 31.

В петровское время использование холодного оружия было характерно для мужского погребального церемониала, причем как подданного, так и правителя. Например, перед гробом Ф. Я. Лефорта в 1699 г. несли шпагу. В «Выписке из церемонии, бывшей после кончины курфюрста Саксонского» 1724 г. (по-видимому, похороны саксонского курфюрста Иоганна Георга IV в Дрездене в 1694 г.), хранящейся в РГАДА среди документов, связанных с траурным церемониалом XVIII в., обозначено, что в группе «инсигния», которые шествовали перед гробом, обер-гофмаршал нес «курфирштской мечь в ножнах обратно клинком»³⁹. В печальную процессию погребения Петра I организаторы вводят «четыре государственных меча», которые несут острием вниз. Для этого в 1725 г. из Оружейной палаты были взяты «четыре палаша с лучшею оправою»⁴⁰. При организации похорон Петра II в Москве их также называли «государственными»⁴¹ [Быкова, 2017, с. 88]. Однако эти мечи несли перед кавалериями, следовательно, они воспринимались «ниже» по статусу, чем ордена, которыми был награжден император. Традиция использования «государственных мечей» в погребальном церемониале монарха продолжится и при похоронах женщин-правительниц: императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны⁴².

К понятию «собственная слава» покойного относились и его ордена. Это касалось всех орденских кавалеров. Например, в проекте статута святого апостола Андрея Первозванного 1720 г. значится, что в случае смерти кавалера «крест и цепь могут на гробе, как в доме, так и в катафалке, быть положены; а при погребальной церемонии пред телом на бархатной подушке Герольдом Ордена или Маршалом погребения быть несены» [Замысловский, Петров, 1891, с. 20].

Некоторые исследователи пишут, что орден Андрея Первозванного в 1730 г. при коронации Анны Иоанновны был впервые введен в состав регалий [Амелёхина, 2013, с. 17; Амелёхина, 2014, с. 84; Агеева, 2014, с. 66]. На наш взгляд, подобное утверждение ошибочное. Внимательный анализ описания коронации Анны Иоанновны позволяет утверждать, что орден не входил в состав регалий: его не несли на отдельной подушке специально назначенные для этого придворные, он не участвовал, как другие регалии, в процессе самой церемонии коронации в Успенском соборе и т.д.⁴³ Это относится и к последующим коронациям, например Елизаветы Петровны в 1742 г.⁴⁴ Стоит заметить, что наличие кавалерии свидетельствовало о при-

³⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 187. Л. 42.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1226. Л. 246.

⁴¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 51. Л. 1; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 7.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 304. Л. 635–637; РГАДА. Ф. 248. Оп. 90. Д. 7452. Л. 384–384 об.

⁴³ Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 году. М., 1730. С. 7, 9, 13, 17–18.

⁴⁴ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы Петровны... СПб., 1744.

надлежности персоны к определенной орденской организации, а не символизировало наличие у нее верховной власти в стране.

Таким образом, в петровское время начинает складываться определенный круг государственных регалий и символов власти, отличный от XVII в., имеющий внутреннюю субординацию. В то же время некоторые разновидности регалий (например, «Большая» и «Малая» короны), характерные для Российской монархии XVIII–XIX вв., еще не сформировались. Такие символы власти, как корона и мантия, а также проявление «собственной славы» – российские и иностранные ордена, являлись обязательным атрибутом не только правящего монарха, но и членов его семьи, включая женщин. Традиция разбора корон после каждой проведенной церемонии будет продолжаться до царствования Екатерины II. За короткий период (с 1710 по 1725 г.) в России сложились основные виды церемониалов (а также состав регалий и иных символов власти, использовавшихся в них), которые продолжают свое развитие в XVIII столетии.

Литература

- Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 2001. Вып. 2. С. 491–505.
- Агеева О.Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007: материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 38). СПб., 2007. С. 5–13.
- Агеева О.Г.* Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Российская история. М., 2014. Вып. 1. С. 54–74.
- Амелёхина С.А.* Коронационные торжества в Российской империи в XVIII–XIX веках // Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. М., 2013. Ч. 2. XVIII–XIX века: каталог выставки. С. 7–41.
- Амелёхина С.А.* Церемониал коронавания в Российской империи // Российская история. М., 2014. Вып. 1. С. 74–94.
- Амелёхина С.А.* Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2016. 334 с.
- Бобровницкая И.А., Мартынова М.В.* Регалии российских государей и другие атрибуты великокняжеского и царского сана XIV–XVII веков: Каталог собрания ГИКМЗ «Московский Кремль». М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2018. 336 с.
- Быкова Ю.И.* К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны // Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию Дома Романовых (1613–2013). Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXX. СПб., 2013. С. 102–114.
- Быкова Ю.И.* Коронационные венцы Екатерины I и Петра II. Сходство и различия // Петровское время в лицах – 2014: Материалы научной конференции (Труды Гос. Эрмитажа. Т. 73): / Гос. Эрмитаж.. СПб., 2014. С. 91–104.
- Быкова Ю.И.* Коронационные регалии императрицы Анны Иоанновны. К вопросу об авторстве и обстоятельствах создания // Материалы и исследования / ФГБУК «Гос. ист.-культ. музей “Московский Кремль”». М., 2015. Вып. 23. С. 118–141. [Быкова, 2015а]

- Быкова Ю. И.* Новые сведения об авторстве короны императора Петра II // Петровское время в лицах – 2015: материалы научной конференции (Труды Гос. Эрмитажа. Т. 78) / Гос. Эрмитаж. СПб., 2015. С. 99–108. [Быкова, 2015б]
- Быкова Ю. И.* Придворный ювелир Самсон Ларионов и императорские короны первой половины XVIII века // Материалы и исследования / ФГБУК «Гос. ист.-культ. музей “Московский Кремль”». М., 2016. Вып. 27. С. 195–221.
- Быкова Ю. И.* Регалии в погребальном церемониале дома Романовых в первой половине XVIII века // Петровское время в лицах – 2017: материалы научной конференции (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 90) / Гос. Эрмитаж. СПб., 2017. С. 81–92.
- Быкова Ю. И.* Церемониалы обручения и бракосочетания представителей дома Романовых в первой половине XVIII века // Петровское время в лицах – 2018: материалы научной конференции (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 97) / Гос. Эрмитаж. СПб., 2018. С. 75–90.
- Быкова Ю. И.* Художественные особенности императорских погребальных корон в России XVIII – начала XIX века // Культура и искусство. 2019. № 9. С. 28–46. DOI: 10.7256/2454–0625.2019.9.30726.
- Быкова Ю. И.* К вопросу о создании Больших императорских корон в России в XVIII веке // Человек и культура. 2020. № 5. С. 54–75. DOI: 10.25136/2409–8744.2020.5.33920. [Быкова, 2020а]
- Быкова Ю. И.* Малые короны российских императриц в XVIII – первой половине XIX века. Создание, бытование, художественные особенности // Культура и искусство. 2020. № 9. С. 15–29. DOI: 10.7256/2454–0625.2020.9.33829. [Быкова, 2020б]
- Екатерина Великая в стране и мире. СПб.: Palace Editions, 2017. 179 с. (Альманах. Вып. 519).
- Замысловский Е. Е., Петров И. И.* Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб., 1891. 560 с.
- Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003. 519 с.
- Логунова М. О.* Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2011. 269, [1] с.
- Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. Т. 1: 1716–1730. 732 с.
- Прокотьев А. Ю.* Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII века: материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 46–67.
- Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра 1713–1913. СПб.: Синодальная типография, 1913. 687 с.
- Тюхменева Е. А.* Печальные торжества Петра I: принципы художественного оформления и их развитие в императорском церемониале XVIII в. // Культура и искусство. 2020. № 12. С. 79–98. DOI: 10.7256/2454–0625.2020.12.34466

References

- Ageeva O.G. Imperatorskij dvor Rossii XVIII veka: mezhdu evropeizaciej i tradiciej // *Rossijskaya istoriya*. М., 2014. Вып. 1. Pp. 54–74.
- Ageeva O.G. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представител'ницы царской сем'и (из ОР РНБ) // *Petrovskoe vremya v licah* –

- 2007: *materialy nauchnoj konferencii*. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T.] 38). SPb., 2007. Pp. 5–13.
- Ageeva O.G. Peterburgskij traurnyj ceremonial doma Romanovyh v nachale XVIII v. // *Fenomen Peterburga: Trudy Vtoroj Mezhdunarodnoj konferencii, sostoyavshejsya 27–30 noyabrya 2000.g. vo Vserossijskom muzee A.S. Pushkina*. SPb., 2001. Vyp. 2. Pp. 491–505.
- Amelyohina S.A. Ceremonial koronovaniya v Rossijskoj imperii // *Rossijskaya istoriya*. M., 2014. Vyp. 1. Pp. 74–94.
- Amelyohina S.A. Ceremonial'nyj kostyum rossijskogo imperatorskogo dvora v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya. M.: “Moskovskii Kreml”, 2016. 334 p.
- Amelyohina S.A. Koronacionnye torzhestva v Rossijskoj imperii v XVIII–XIX vekah // *Venchaniya na carstvo i koronacii v Moskovskom Kremlе*. Ch. 2. XVIII–XIX veka: katalog vystavki. M., 2013. Pp. 7–41.
- Bobrovnickaya I.A., Martynova M.V. Regalii rossijskich gosudarej i drugie atributy velikoknyazheskogo i carskogo sana XIV–XVII vekov: Katalog sobraniya GIKMZ «Moskovskij Kreml». M., 2018. 336 p.
- Bykova Yu.I. Ceremonialy obrucheniya i brakosochetaniya predstavitelej doma Romanovyh v pervoj polovine XVIII veka // *Petrovskoe vremya v lichah – 2018: materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gos. Ermitazha. Vyp. 97) / Gos. Ermitazh*. SPb., 2018. Pp. 75–90.
- Bykova Yu.I. Hudozhestvennye osobennosti imperatorskih pogrebal'nyh koron v Rossii XVIII – nachala XIX veka // *Kul'tura i iskusstvo*. 2019. № 9. Pp. 28–46. DOI: 10.7256/2454–0625.2019.9.30726.
- Bykova Yu. I. K voprosu o sozdanii Bol'shih imperatorskih koron v Rossii v XVIII veke // *Chelovek i kul'tura*. 2020. № 5. S. 54–75. DOI: 10.25136/2409–8744.2020.5.33920. [Bykova, 2020a]
- Bykova Yu. I. K voprosu ob avtorstve koronacionnyh regalij imperatricy Anny Ioannovny // *Petrovskoe vremya v lichah – 2013. K 400-letiyu Doma Romanovyh (1613–2013) (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 70)*. SPb., 2013. S. 102–114.
- Bykova Yu.I. Koronacionnye regalii imperatricy Anny Ioannovny. K voprosu ob avtorstve i obstoyatel'stvah sozdaniya // *Materialy i issledovaniya / FGBUK «Gos. ist.-kul't. muzej “Moskovskij Kreml”»*. M.: “Moskovskii Kreml”, 2015. Vyp. 23. Pp. 118–141. [Bykova, 2015a]
- Bykova Yu.I. Koronacionnye vency Ekateriny I i Petra II. Skhodstvo i razlichiya // *Trudy Gos. Ermitazha. T. LXXIII: Petrovskoe vremya v lichah – 2014: materialy nauchnoj konferencii / Gos. Ermitazh..* SPb., 2014. Pp. 91–104.
- Bykova Yu.I. Malye korony rossijskich imperatric v XVIII – pervoj polovine XIX veka. Sozdanie, bytovanie, hudozhestvennye osobennosti // *Kul'tura i iskusstvo*. 2020. № 9. Pp. 15–29. DOI: 10.7256/2454–0625.2020.9.33829. [Bykova, 2020b]
- Bykova Yu.I. Novye svedeniya ob avtorstve korony imperatora Petra II // *Petrovskoe vremya v lichah – 2015: materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gos. Ermitazha. T. 78) / Gos. Ermitazh*. SPb., 2015. Pp. 99–108. [Bykova, 2015b]
- Bykova Yu.I. Pridvornyj yuvelir Samson Larionov i imperatorskie korony pervoj poloviny XVIII veka // *Materialy i issledovaniya / FGBUK «Gos. ist.-kul't. muzej “Moskovskij Kreml”»*. M., 2016. Vyp. 27. Pp. 195–221.
- Bykova Yu.I. Regalii v pogrebal'nom ceremoniale doma Romanovyh v pervoj polovine XVIII veka // *Petrovskoe vremya v lichah – 2017: materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gos. Ermitazha. Vyp. 90) / Gos. Ermitazh*. SPb., 2017. Pp. 81–92.
- Ekaterina Velikaya v strane i mire SPb.: Palace edition, 2017. 179 p. (Al'manah. Vyp. 519).
- Kostina I.D. Proizvedeniya moskovskih serebryanikov pervoj poloviny XVIII veka. M.: “Moskovskii Kreml”, 2003. 519 p.

- Logunova M.O. Pechal'nye ritualy imperatorskoj Rossii. M.: Tzentrpoligraph, SPb.: Russkaia Troika, 2011. 269, [1] p.
- Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk. T. 1: 1716–1730. SPb., 1885. 732 p.
- Prokop'ev A. Yu. Pogrebenie Petra Velikogo: protestantskij standart v pravoslavnoj Rossii // *Severnaya vojna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoj chetverti XVIII veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. Pp. 46–67.
- Runkevich S.G. Aleksandro-Nevskaya lavra 1713–1913. SPb.: Synod. tipogr., 1913. 687 p.
- Tyuhmeneva E.A. Pechal'nye torzhestva Petra I: principy hudozhestvennogo oformleniya i ih razvitie v imperatorskom ceremoniale XVIII v. // *Kul'tura i iskusstvo*. 2020. № 12. Pp. 79–98. DOI: 10.7256/2454–0625.2020.12.34466
- Zamyslovskij E.E., Petrov I.I. Istoricheskij ocherk rossijskih ordenov i sbornik osnovnyh ordenskih statutov. SPb., 1891. 560 p.

Julia I. Bykova

*State Historical and Cultural Museum and Reserve «Moscow Kremlin» Moscow,
Russia*

REGALIA AND OTHER SYMBOLS OF POWER IN THE CEREMONIAL RITES OF THE RUSSIAN COURT OF THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

The study was supported by RFBR, project number № 20-012-42023.

The article discusses the regalia and other symbols of power used during ceremonies of marriage, as well as funerals and coronations of members of the Tsar's family in Russia in the first third of the 18th century. State regalia at this time included the Imperial State Crown, the Sceptre, the Orb, the Mantle and three of the Tsar's State Crowns, symbolising the Kazan, Astrakhan and Siberian kingdoms. In the funeral rite the «State Standard», «State Swords» and State Orders also appear.

Keywords: *regalia, crown, sceptre, orb, mantle, order, sword, standard, funeral, coronation, marriage, Peter the Great.*

Реформирование служилых людей «старых служб» в первой четверти XVIII в. (на примере Приказа Смоленского княжества)

Служилые контингенты «старых служб» западных регионов, находившиеся в ведении Приказа Смоленского княжества, в конце XVII в. сочетали в себе как традиционные российские служилые контингенты (помещики, солдаты, стрельцы и др.), так и заимствованные из Речи Посполитой (шляхта, грунтовые казаки и др.). В годы Великой Северной войны большая часть местных служилых людей была постепенно переведена в регулярную службу, но местная шляхта сохранила свои прежние привилегии, неся службу в милиционных полку шляхты и Рославльском шквдроне.

Ключевые слова: Великая Северная война 1700–1721, Приказ Смоленского княжества, Армия Петра I

Территория западных российских уездов, присоединенных в ходе войны 1654–1667 г. (Смоленского, Рославльского, Бельского и Дорогобужского), с 1673 г. ведалась в особом территориальном административном ведомстве – приказе Смоленского княжества (Смоленский приказ). Он отвечал за административное управление (включая назначение воевод) и судопроизводство, сбор местных доходов, а также за содержание местных воинских формирований, которые насчитывали к 1700 г. около 6 тыс. чел. Смоленским воеводой с 1697 г., а затем (с 1708 г.) губернатором был боярин Петр Самойлович Салтыков, лишь на короткий период с февраля 1700 по август 1701 его сменил Владимир Петрович Шереметев.

Служилые корпорации данного региона включали в себя как традиционные военно-служилые корпорации Российского государства (помещики, стрельцы, пушкарники и др.), так и заимствованные из Речи Посполитой. Смоленская шляхта, присягнувшая в 1654 г. на верность царю, сохранила привилегию служить без жалования за собственный счет отдельным конным милиционным корпусом (полк смоленской шляхты) со своими выборными командирами. К началу XVIII в. данный полк состоял из 7 рот (5 смоленских, бельская и рославльская) и насчитывал 898 чел. под командованием стольника и генерал-майора Богдана Корсака. При этом чин генерал-майора (как и ранее полковников данного полка) был не общеармейским, а местным выборным (по аналогии с польско-литовскими выборными поветовыми полковниками-регентарями). Также в Смоленске сохранялась

военно-служилая страта «грунтовых рейтар» (ранее — «грунтовых казаков») из арендаторов государственных земель, которые несли личную воинскую службу в составе отдельного эскадрона (полка), которым к началу XVIII в. командовал подполковник Степан Аршанаевский (около 400 чел.). Из помещенных (переселенных) на территории Смоленского княжества и соседних регионов российских помещиков формировался отдельный рейтарский полк, которым в 1700 г. командовал стольник и полковник Григорий Рыдванский. Полк состоял из 12 рот, и насчитывал 1 146 чел.: 51 офицер (включая 11 «заполковых», т.е. сверхштатных), 86 урядников, 981 рейтар, 28 трубачей и литаврщиков)¹.

Смоленский гарнизон к началу 1700 г. насчитывал 3 200 урядников, солдат и стрельцов в 5 солдатских и стрелецком полку. Солдатскими полками командовали генерал-поручик Андрей Андреевич Цей (Генрих Цёге фон Мантейфель), полковники Иван Буш, Матвей Фливерк, Филипп Сенекбиер и подполковник Юрий Абрам (командовал вторым солдатским полком Цея). Стрелецким полком командовал полковник Иван (Вилим) Иванович Лесли. Кроме этого, отдельные небольшие стрелецкие гарнизоны имелись в Дорогобуже (138 чел.), Белой (101 чел.) и Рославле (151 чел.)². Солдаты и стрельцы имели статус «жилых» (поселенных), и были поселены вместе со своими семьями отдельными слободами в городе. Финансирование служилых людей смоленского гарнизона находилось в ведении Приказа Смоленского княжества (Смоленского приказа), доходы которого составляли, по данным П.Н. Милютина, 16,7 тыс. руб. (кабацкие и таможенные сборы) при фактических расходах в 40,8 тыс. руб. в год. Дефицит бюджета покрывался за счет других приказов (в первую очередь — Ратуши) [Милютин, с. 93–94].

Комплектование офицерским составом смоленского гарнизона находилось в компетенции смоленского воеводы, а затем губернатора. Первоначально решения принимались самим воеводой и согласовывались в Москве, но позднее (около 1708 г.), вероятно, вопрос производства в офицерские чины был передан в ведение Посольского приказа, и решения принимались Г.И. Головкиным, и затем направлялись в виде указа смоленскому губернатору П.С. Салтыкову [Татарников, с. 1300]. Как правило, старшие полковые чины (от майора и выше) комплектовались за счет иноземцев, либо присланных Иноземным приказом из Москвы офицеров, а большинство офицерских вакансий на ротном уровне было занято местными уроженцами, как из числа шляхты, так и переселенных (испомещенных) помещиков. Также имелись несколько офицерских династий из числа иноземцев, которые на протяжении более двух поколений жили и служили в смоленском гарнизоне (Лесли, Крейки и др.). Направление на офицерские должности в Смоленск офицеров из других регионов было,

¹ РГАДА. Ф. 145. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1700 г. Д. 23. Л. 24–44 об. и 46.

² РГАДА. Ф. 19. Финансы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 61–61 об.

как правило, связано либо с формированием новых частей (когда присылался костяк командного состава нового подразделения), либо с переводом офицеров «за раны и службы» из полевой армии в спокойный гарнизон на почетную пенсию. При этом для землевладельцев существовали вычеты из жалования за имевшиеся у них в собственности крестьянских дворов. В результате, в 1701 г. полное жалование от казны получали лишь 17 офицеров (генерал-поручик А. Цей, полковник С. Аршеневский, 4 подполковника, капитан, 6 поручиков и 3 прапорщика), частичное — 6 (полковник И. Лесли, подполковники З. Аршеневский и А. Вент, капитан, поручик и 2 прапорщика), остальные офицеры (около 50 чел.) служили со своих поместий³.

Весной 1700 г. значительная часть офицеров смоленского гарнизона (включая Буша, Фливерка, Сенекбира, Лесли и Абрама) были отозваны в Москву для обучения новоприборных солдатских полков. На их место в июле 1700 г. были присланы бывшие полковники московских стрелецких полков стольники Иван Озеров (принял 4-й полк), Петр Головин (2-й полк) и Михаил Протопопов (3-й). Вернувшийся летом 1700 г. Лесли принял полк Абрама [Великанов, 2013, с. 54]. Цей летом 1700 г. вступил в конфликт с новым смоленским воеводой В.П. Шереметевым, который обвинил генерала в приписках солдатского жалования, неподчинении и шпионаже (якобы тот планировал отправить в Курляндию чертеж смоленских укреплений). В результате Цей осенью 1700 г. был отозван в Москву и обратно в Смоленск уже не вернулся, померев летом 1701 г. в столице [Рогожин, с. 107–109]. Его полк был отдан П. Головину, и в списках раздачи жалования за 1701 указаны 1-й и 2-й полки Головина. Стрелецкий полк был упразднен, а его личный состав влит в солдатские полки.

Весной 1702 г. в Смоленск вернулся И. Буш и получил полк Озерова, которому отдали один из полков, ранее бывших под командой Головина. Так же в 1702 г. было принято решение выделить обратно в отдельный полк смоленских стрельцов, командование которым поручили подполковнику Николаю Аршанаевскому. Протопопов весной 1702 г. был отозван в Москву, а на его место назначен стольник и полковник Иван Пасек. Численность гарнизона изменилась незначительно, и по состоянию на 1 мая 1702 г. в строю насчитывалось 3 158 урядников и рядовых в 6 солдатских и стрелецких полках: И. Буша (579 чел.), Головина (636 чел.), Озерова (487 чел.), И. Пасека (497 чел.), И. Лесли (504 чел.), Н. Аршанаевского (455 чел.)⁴. В дополнение к этим частям в мае–июне на драгунскую службу были прибраны 347 смоленских «грунтовых рейтар», а также рейтар смоленских городов и вяземских казаков⁵, которые составили новый драгунский полк под командованием полковника С. Аршанаевского. Также «из смоленских грунтовых рейтар, и дорогубужских и бельских и рославльских стрелецких

³ РГАДА. Ф. 19. Финансы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 58 об.

⁴ РГАДА. Ф. 145. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1702 г. Д. 26.

⁵ Там же. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1702 г. Д. 51. Л. 31 об.

детей и недорослей» было набрано 566 чел., составивших 6-й смоленский солдатский полк, командование которым было поручено подполковнику Ефиму Лицкину.

Весной 1703 г. в Смоленске под руководством присланного из Москвы инженер-полковника де ла Патриера начался масштабный ремонт и расширение крепостных укреплений («городовое строение»), в ходе которого было возведено несколько бастионов и земляных траверсов, защищавших укрепления от продольного обстрела, и сплошной бревенчатый палисад. В том же году вместо умершего в начале 1703 г. Пасека его полк принял полковник С. Аршанаевский, а на его место в драгунский полк был назначен полковник Самуил Станкевич. Стрелецкий полк вместо Н. Аршанаевского весной того же года принял стольник полковник Дмитрий Каховский, произведенный из ротмистров полка смоленской шляхты.

В марте 1704 г. стрелецкий полк Д. Каховского был включен в состав русского вспомогательного корпуса на польско-саксонской службе, и в том же месяце выступил в Киев и дальше в Польшу, так больше и не вернувшись в Смоленск [Великанов, 2012, с. 84–91].

В 1705 году Смоленск покинули сразу 3 гарнизонных полка. В июне 1705 г. И. Озеров был назначен комендантом в литовский Полоцк, и вместе с ним в гарнизон этого города были назначены его полк и полк И. Лесли⁶. В сентябре полк П. Головина был направлен на подавление Астраханского восстания. Он прибыл в Астрахань в конце мая 1706 г., и не успел принять участия в боях с бунтовщиками. В июне полк вошел в состав астраханского гарнизона, и при его переформировании в начале 1707 г. все смоленские солдаты вошли в новый гарнизонный солдатский полк подполковника Семена Друммонда. Несмотря на то, что указанные 3 полка (Озерова, Лесли и Головина) навсегда покинули Смоленск, в городе остались солдатские дети и недоросли этих полков, а также ротные затинщики (фурьеры), которые следили за «береженьем» полковых слобод и имущества⁷. При этом им продолжали выплачивать жалованье из смоленских доходов. В самом Смоленске в гарнизоне к концу 1705 г. остались полки И. Буша, С. Аршанаевского и де ла Патриера, назначенного полковником в полк Лицкина. Кроме этого, в 1705 г. из бывших дорогобужских рейтар и их детей была сформирована отдельная инженерная драгунская рота (225 чел.), которая занималась заготовкой и доставкой материалов, необходимых для строительства и ремонта укреплений.

Смоленская конница недостаточно надежно проявила себя в кампаниях 1703–1704 гг. и в марте 1705 г. было принято решение о ее реорганизации. В шляхетском полку должны были остаться только те, кто способен и дальше нести службу за свой счет. Неспособных по возрасту или состоянию здо-

⁶ РГАДА. Ф. 145. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1705 г. Д. 33. Л. 12.

⁷ Там же. 1710. Д. 4. Л. 4–5.

ровья увольняли со службы и облагали податями. Рейтарский и драгунский полки было решено расформировать, и выбрать из них годных к службе в регулярных драгунских полках. Всего, с учетом призыва на службу молодежи, было набрано на службу 2595 драгун «изрядных молодцов и охотников, только бедны, без жалованья и без лошадей ни по коей мере служить им невозможно». Из 1217 чел. сформировали новый 12-ротный драгунский полк, командование которым первоначально было поручено полковнику Николаю Геренку (с 1706 – Рязанский драгунский), а остальные пошли на доукомплектование остальных регулярных драгунских полков главной армии [Воынский, с. 139–143].

В 1706 г. для смоленских полков были определены новые штаты из 7 рот по 100 нижних чинов в роте. По состоянию на 23 августа в трех полках (И. Буша, С. Аршанаевского и де ла Патриера) насчитывалось 2 полковника, 2 подполковника, 2 майора, 16 капитанов, один адъютант, 14 поручиков, 20 прапорщиков и 1695 нижних чинов. В дорогобужской инженерной роте (225 чел.) не было начальных людей⁸.

В конце 1707 г. было принято решение переформировать оставшиеся смоленские полки из прежних 7-ротных штатов в 9-ротные (включая гренадерскую роту), по 78 нижних чинов в роте⁹. По состоянию на 11 декабря в 3 полках в наличии имелось 3 полковника, 2 майора, 16 капитанов, 14 поручиков, 20 прапорщиков, 42 сержанта, 21 каптенармус, 21 ротный писарь, 18 подпрапорщиков, 22 барабанщика и 1728 капралов и рядовых. В инженерной роте числилось 282 солдата «из смоленских ямщиков и рейтар, из дорогобужских и вяземских драгунских недорослей»¹⁰. В декабре того же года комендантом в Смоленск и командиром 6-го Смоленского полка вместо де ла Патриера был назначен полковник Иван Мевс.

После расформирования полка смоленских рейтар в распоряжении смоленского воеводы из кавалерии остался только полк смоленской шляхты, но его было недостаточно для кордонной службы и многочисленных посылок и командировок, и в начале 1708 г. в Смоленске «для всегдашней пограничной предосторожности и содержания форпостов и других пограничных же надобностей» из шляхетских, рейтарских и драгунских детей и недорослей был сформирован 5-ротный Рославльский драгунский шквудрон (598 чел.) под командованием подполковника (с 1711 г. – полковник) Михаила Челищева [Татарников, с. 1232–1233]. Кроме него в шквудрон также были присланы 2 капитана, 5 поручиков и 4 прапорщика – все ранее служившие не в смоленском гарнизоне, а в полках главной армии. Шквудрон содержался за счет местных доходов, но жалование было положено только офицерам и мастеровым, рядовые драгуны должны были служить

⁸ РГАДА. Ф. 145. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1706 г. Д. 65. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 6. Л. 1012–1013.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 7. Л. 1190.

¹⁰ Там же. Л. 1185–1186 об.

за счет доходов с собственных поместий. При этом большинство из драгун были безпоместными или пустопоместными: у 276 помещиков имелось 687 крестьянских дворов (один драгун имел 10 дворов, 3–6 дворов, остальные обладали меньшими поместьями), остальные крестьян не имели. Быстро выяснилось, что самостоятельно себя экипировать драгуны не в состоянии, и уже в 1709 г. им централизованно был направлен полный комплект мундира и снаряжения [Годунов, с. 19–20].

Образование в декабре 1708 г. Смоленской губернии, в состав которой, кроме городов ранее подведомственных приказу Смоленского княжества, также вошли часть «заоцких» городов, никак не сказалось на организации и численности смоленских полков: их все также осталось три гарнизонных (И. Буша, С. Аршанаевского и И. Мевса), полк шляхты, Рославльский шквадрон и стрелецкие гарнизоны Дорогобужа, Рославля и Белой. Первым смоленским губернатором стал все тот же П.С. Салтыков.

В 1709–1710 гг. в структуре и организации смоленских полков никаких изменений не происходило, единственным изменением стало доукомплектование смоленских полков вместо местных источников (как это было ранее) за счет централизованно набранных рекрутов. Таким образом, с 1709 г. смоленский гарнизон начал стремительно терять свой сугубо «местный» статус. В феврале 1710 г. в смоленских полках насчитывалось 2 159 нижних чинов: И. Мевса 700 чел., Буша 740 чел. и Аршанаевского 719. Кроме этого, продолжали существовать отдельные гарнизоны из стрельцов и пушкарей в Рославле, Дорогобуже и Белой, финансирувавшиеся за счет городских доходов. В частности, в Рославле в феврале 1710 г. на службе числились 150 стрельцов¹¹.

В 1711 г. было определено, что в Смоленской губернии должно быть два гарнизонных полка по полным штатам, и в начале 1712 г. полк И. Мевса был скассован, а личный состав распределен между двумя оставшимися полками, получившими новые названия: Смоленского (также Комендантского) и Дорогобужского [Татарников, с. 1235]. К этому моменту полк Буша уже принял новый смоленский комендант полковник граф Иоганн Георг Либера фон Вольконштейн, но в том же 1712 г. пост коменданта принял полковник Данила Иванович Плуталов. Дорогобужские стрельцы были переформированы в жилую роту, которой командовал капитан Семен Богданович, с 1718 – капитан Петр Клочков [Татарников, с. 1306]. Полк смоленской шляхты и Рославльский драгунский шквадрон продолжили нести кордонную службу по охране пограничных рубежей на правах ланд-милиционных формирований.

Таким образом, реорганизация служилых людей «старых служб» приказа Смоленского княжества фактически завершилась в 1712 г. Наиболее состоятельные и родовитые представители местной шляхты и помещиков

¹¹ РГАДА. Ф. 145. Приказ Смоленского княжества. Оп. 1. 1710 г. Д. 4. Л. 2, 4, 5 и 9.

продолжили службу за свой счет в конных милиционных корпусах (полк смоленской шляхты и Рославльский шквадрон), а основная масса местного дворянства была прибрана на личную пожизненную воинскую службу в регулярных драгунских полках. Основная масса жилых солдат и стрельцов довоенного смоленского гарнизона была фактически «вымыта» к 1708 г., и с этого момента начался постепенный процесс комплектования местных гарнизонных частей за счет централизованно набранных рекрутов, окончательно оформленный в 1712 г. При этом небольшие стрелецкие гарнизоны в Белой, Рославле и Дорогобуже сохранились в своем прежнем состоянии как минимум до начала 1720-х гг.

Литература

- Великанов В.С.* Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе 1704–1706: организация и численность. // Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз», М., 2012. № 46 (2/2012). С. 84–91.
- Великанов В.С.* Смоленские полки в Великой Северной войне. // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2013. № 9. С. 53–57.
- Вольнский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной Войне. СПб: тип. т-ва А.С. Суворина – «Новое время», 1912. Вып.1. Кн. 2. 485 с.
- Годунов В.И., Королев А.Н.* История 3-го Уланского Смоленского Императора Александра III-го полка. 1708–1908 г. Либава: типо-лит. «Либавский вестник», 1908. 331 с.
- Милютин П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 702 с.
- Рогожин А.А.* Генрих Цеге фон Мантейфель: штрихи к биографии. // *Studia internatinalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 102–110.
- Татарников К.В.* Офицерские сказки перв. четв. XVII в. Гарнизонные войска. М.: «Старая Басманная», 2016. Т. 2. 1731 с.

References

- Godunov V.I., Korolev A.N. Istoriya 3-go Ulanskogo Smolenskogo Imperatora Aleksandra III-go polka. 1708–1908 g. Libava: tipo-lit. «Libavskij vestnik», 1908. 331 p.
- Milyutin P.N. Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. Izd. 2-e. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. 702 p.
- Rogozhin A.A. Genrih Cege fon Mantejfel': shtrihi k biografii. // *Studia internatinalia: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX vv.»* (1–3 iyulya 2015 g.). Bryansk, 2015. Pp. 102–110.
- Tatarnikov K.V. Officerskie skazki per. chetv. XVII v. Garnizonnye vojska. M.: «Staraya Basmannaya», 2016 g. T. 2. 808 p.
- Velikanov V.S. Russkij vspomogatel'nyj korpus na pol'sko-saksonskoj sluzhbe 1704–1706: organizaciya i chislennost'. // *Voенно-istoricheskij zhurnal «Staryj Zeughaus»*, M., 2012. № 46 (2/2012). Pp. 84–91.

Velikanov V.S. Smolenskie polki v Velikoj Severnoj vojne. // *Rossijskij istoricheskij illyustrirovannyj zhurnal «Rodina»*. 2013. № 9. Pp. 53–57.

Volynskij N. P. Postепенное развитие russkoj reguljarnoj konnicy v epohu Velikogo Petra s samym podrobnym opisaniem uchastiya ee v Velikoj Severnoj Vojne. SPb: tip. t-va A.S. Suvorina – «Novoe vremja», 1912. Vyp.1. Kn. 2. 485 p.

Vladimir S. Velikanov

“Russkye Vytiazy” Foundation, Moscow, Russia

REFORMS OF THE OLD-STYLED MILITARY TROOPS IN THE FIRST QUARTER OF XVIII CENTURY (ON EXAMPLE OF SMOLENSK REGION)

Military troops of Smolensk region included both Russian old-styled troops & ex-Polish elements. During the Great Northern war of 1700–1721 the most of them converted into regular troops, but Smolensk szlachta saved its privilege to serve as an independent militia Corps.

Keywords: *Great Northern war 1700–1721, Peter the Great’s army, Smolensk.*

Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в.)

В статье предпринят анализ изменений, которые происходили за период между описаниями 1677/1678 г., 1709 г., 1710 г., 1717 г. и 1745 г. в одной из волостей Русского Севера: Кургоменской волости Важского уезда. Автор основывается на материалах переписных книг 2-й пол. XVII – нач. XVIII в. и 2-й ревизии 1745 г. В результате делается вывод о том, как повлияло петровское время на население нескольких деревень Кургомени, каждая из которых исследована отдельно.

Ключевые слова: реформы Петра I, Русский Север, Кургоменская волость, Подвинье, государственные описания

Вопрос о цене реформ Петра I всегда был спорным и остается актуальным. В значительной степени он опирается в подсчеты численности населения до и после начала реформ. Более ста лет назад П.Н. Милюков [Милюков, с. 184–186] пришел к выводу об огромной убыли населения, зафиксированной переписью 1710 г. В Архангельской губернии она составляла пятую часть дворов по сравнению с данными государственного описания 1677/1678 г. Русский Север, если следовать за П.Н. Милюковым, оказывался буквально погубленным реформами: наборами в рекруты, взятием крестьян в работники, в том числе на строительство Петербурга. Важский уезд, по мнению П.Н. Милюкова, был не самым обездоленным в результате этих действий, но и не самым благополучным – занимал среднее положение [Милюков, с. 186].

Однако, по мнению М.В. Клочкова, подробно исследовавшему вопрос о переписных книгах петровской эпохи, на данные 1710 г. сложно полагаться, поскольку крестьяне утаили большое количество дворов, а писцы не проводили проверки поданных им сведений [Клочков, с. 252–254]. По М.В. Клочкову, убыль дворов по сравнению с допетровской переписью не могла составлять более 10%, а если говорить о количестве населения, оно вообще, возможно, не уменьшилось [Клочков, с. 256]. В дальнейшем исследователи использовали данные переписи 1710 г. в сочетании с данными последующей ландратской переписи 1717 г. [Колесников 1970, с. 182–196, Колесников 1976, Швейковская (Бакланова) 1970, Швейковская 1976]. П.А. Колесников заметил, что М.В. Клочков при подсчетах не учел разницу между убылью дворов и «пустотою», которую хорошо понимали составители описания 1710 г.

[Колесников 1970, с. 187–188]. Особенно ценной он считал переписную книгу Важского у. (ее Шенкурской четверти) 1710 г. К переписным книгам петровского времени обращался также Я.Е. Водарский [Водарский, с. 49–52]. Он обратил внимание на соседний с Важским у. Двинской у., но опирался в основном на данные 1678 г. в сравнении с ревизскими описаниями 1718–1721 гг. Двинским у. по материалам описаний 1710 г. занималась также О.Б. Кох [Кох 1985, с. 154–166], которая обратила внимание на то, что черносошные крестьянские волости Двинского у. находились под влиянием соседства с вотчинами крупных монастырей, тогда как крестьянские общности в среднем Подвинье были от этого свободны [Кох 1987, л. 6]. По вопросу о достоверности данных переписи 1710 г. в сравнении с данными 1717 г. О.Б. Кох придерживалась мнения, что они в целом «отразили процесс запустения Севера», который составил примерно 13% населения [Кох 1987, л. 162].

В центре нашего внимания находится дворцовый Важский у., знанием истории которого мы более всего обязаны работам Ю.С. Васильева [Васильев, с. 135–156], но последний ограничивался в своих исследованиях XVI–XVII вв., и, в основном, Поважьем. Нами же была избрана Кургомьень, средняя по размеру волость той части Важского у., которая располагалась в Подвинье (составляла ее Подвинскую четверть). В состав Кургомьени в 1 четв. XVIII в. входило 19 деревень. Наши предшественники, указанные выше, были вынуждены работать со сводными данными, находящимися в переписных книгах, поскольку занимались исследованиями истории отдельных уездов, Русского Севера в целом или даже всей страны. Мы же исходим из предположения, что микроуровень, то есть, обращение к истории волостей, позволяет проследить жизнь крестьянских семейных кланов на протяжении длительного периода и даст новый материал для суждений о причинах запустения одних и выживания других деревень. Кроме того, такой подход позволит увидеть не только внешние, но и внутренние причины изменений в крестьянских мирах. Нами использовались данные переписной книги Подвинской четверти Важского у. 1677/1678 г., сохранившейся в копии в Архиве СПбИИ РАН (Колл 115. Д. 306), а также хранящиеся там переписные книги 1709, 1710 и книга ландратской переписи 1717 г. Разделы этих книг, посвященные Кургомьени, опубликованы [Вовина-Лебедева 2018]. Использовались также материалы 2-й ревизии 1745 г., хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области (Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 3529).

По результатам переписи 1677/1678 г. в Кургомьени жили 167 крестьян и 2 бобыля. По итоговым данным ландратской переписи 1717 г. в Кургомьенской вол. обитало 82 чел. м. п. и 118 ж. п. По сравнению с переписью 1677/1678 г. в волости убыло 85 крестьян м. п. и 114 ж. п., но нужно иметь в виду, что женщин переписывали только в 1710 и 1717 г., а в 1677/1678 г. указывались лишь женщины-дворовладелицы (4 чел. ж. п.). Число жителей м. п. к 1717 г. сократилось по сравнению с посл. четв. XVII в. наполовину. Следует учитывать, что данные книг 1709, 1710 и 1717 г. о численности на-

селения различаются. Согласно переписной книге 1709 г. в волости проживало 44 чел. м. п., убыль в сравнении в 1677/1678 г. составила 124 чел. м. п. [Вовина-Лебедева 2018, с. 202]. По данным 1710 г., во дворах жили 49 чел. м. п. и 95 чел. ж. п., по сравнению с 1677/1678 г. убыло 120 и прибыло 5 чел. м. п. [Вовина-Лебедева 2018, с. 215–216], то есть общая убыль составила 115 чел. м. п. В период с 1710 по 1717 г. убыль в волости прекратилась, и даже прибыло население, что и было отмечено переписчиками 1717 г.: 34 чел. м. п. и 71 чел. ж. п. по сравнению с 1710 г. [Вовина-Лебедева 2018, с. 241]. Получается, что наиболее тяжелое положение в волости зафиксировано переписью 1709 г., согласно которой население по сравнению с 1677/1678 г. сократилось в 3,8 раз. К 1717 г. убыль в сравнении с 1670-ми годами составляла уже половину. И только к сер. XVIII в. население восстановилось до уровня переписи 1677/1678 г. и даже увеличилось в полтора раза: по данным 2-й ревизии оно составило 234 души м. п.

Общие цифры показывают картину не полностью. Важно определить, когда именно произошла убыль: до начала преобразований Петра I или в их ходе. Если говорить о числе деревень, в петровскую эпоху запустели две: Мырцовская и Токаревская. В сохранившихся деревнях необходимо проанализировать динамику населения. Уже было обследовано наиболее крупное поселение Кургомени – д. Калининская [Вовина-Лебедева 2020, с. 75–94]. Состав починков Кургоменкой волости (починка Сеньки Григорьева, починка Нондрусского, починка Ильинского) был разобран в докладе на конференции «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв.» (Ярославль, 2021). В 2022 г. должна выйти из печати статья, содержащая подробный сравнительный анализ состояния населения четырех деревень волости: Калининской, Гавриловской, Ефремовской и Мырцовской.

В том, что касается петровской эпохи, итоги разысканий следующие. Д. Калининская в 1677 г. состояла из 8 крестьянских дворов и 1 бобыльского, в которых проживали 27 человек мужского пола. Сюда постепенно собирался большой крестьянский клан Чураковых. Остальные новоприходцы также были до того жителями Кургоменской волости. Чужаков (крестьян, пришедших извне) по сравнению с более ранним описанием 1665 г. не появилось, произошла лишь перегруппировка крестьян внутри волости. Описания 1709 и 1710 г. рисуют иную картину. Убыль по сравнению с 1677 г. составила 15 душ мужского пола, то есть, более половины. Причинами такой ситуации стали тяжелые обстоятельства, связанные с войной и взятием на государственные работы, а также разорение, которое указывалось чаще всего с пометами: «скитается в мире», «сшел в Сибирь», «сшел безвестно», «збрели безвестно в ыные уезды»¹. В начале XVIII в. все бобыльское население деревни исчез-

¹ Данные пометы имеются в описаниях 1709 и 1717 г., их нет в переписной книге 1710 г.: там зафиксировано только население дворов и убыль в сравнении с переписной кни-

ло, как и часть крестьян. Но большинство Чураковых продолжало жить в д. Калининской к 1717 г., то есть, наиболее крепкий семейный клан не исчез, а даже укрепился в начале 1700-х годов, когда сотским старостой Кургомени стал Дмитрий Чураков (переселившийся в соседнюю д. Ефремовскую). В петровское время сохранились еще два старых клана, известных с сер. XVII в. В дальнейшем деревня сумела восстановиться, и в период между ландратской переписью 1717 г. и второй ревизией 1745 г. население ее существенно увеличилось. В 1745 г. оно составляло 45 душ м. п. Состав также стал другим. Из старых крестьянских кланов остались только Чураковы, занимавшие 8 дворов. Все остальные крестьяне в 1745 г. были новоприходцами, причем в основном не из Кургомени, а из других волостей Подвинья.

Что касается соседних деревень, из них к петровской эпохе запустела д. Мырцовская, но, видимо, это не было связано с обстоятельствами петровского времени, так как уже по описанию 1677/1678 г. в ней значился лишь один, пустой двор. Д. Ефремовская, где еще в предшествующий период население сократилось до одного крестьянского двора (из 4-х дв. убыло 3), на протяжении петровской эпохи возродилась, когда была заселена Чураковыми из д. Калининской. Это позволяет сделать вывод, что перемещения внутри волости, в частности, приход и уход крестьян из деревень, был в значительной степени связан с внутренними обстоятельствами, а не только с давлением государства. В 1677/1678 г. в д. Ефремовской были записаны 9 чел. м. п., а в 1717 г. там числилось трое чел. м. п. из семьи старосты Дмитрия Чуракова. Прослеживая судьбу населения этой деревни к 1745 г., видим, что в ней числился 21 житель м. п. (во время 2-й ревизии женщины не учитывались), то есть, численность населения выросла почти втрое (если считать мужчин). Нужно полагать, что, как и д. Калининская, д. Ефремовская оправилась от потерь петровского периода. Однако жители д. Ефремовской в 1745 г. были в основном потомками прежних обитателей (в отличие от д. Калининской), и только 6 человек переселились сюда к середине века из других деревень Кургомени (но не извне волости).

В д. Гавриловской описанием 1677/1678 г. зафиксировано 4 двора, в которых жили 8 лиц м.п. Один из крестьян Артемий Карпов, как и его брат Лучка Карпов, были выходцами из соседней д. Артемовской, крестьяне которой давно пахали землю наездом в д. Гавриловской. В д. Артемовской был записан Исак Карпов, правда, взятый в солдаты. В его двор перешел вместе с сыном на жительство Герасим Ермолин из д. Гавриловской, дополнив картину взаимного перемещения крестьян между этими поселениями. Что касается последующих лет, в петровское время в д. Гавриловской собрался весь клан Карповых, переместившийся из д. Артемовской, в том числе и Исак Карпов, вернувшийся из солдатской службы и в 1703 г.

гой 1677/1678 г. Подробнее об особенностях данных книг см.: [Вовина-Лебедева 2018, с. 180–191].

«съехавший в Сибирь». В 1709 г. в д. Гавриловской числилось 3 крестьянина м. п., в 1710 г. к ним были записаны также 3 чел. ж. п., в 1717 г. это были те же семьи, но с появившимися детьми – 5 чел. м. п. и 6 ж. п. Новые лица за все указанное время в деревне не появлялись. Лука Карпов разорился и, не имея возможности вести самостоятельно хозяйство, жил у племянника Афанасия Артемьева. Все другие семейные линии, кроме Карповых, в д. Гавриловской исчезли. В 1745 у всех крестьян м. п. в д. Гавриловской появилось новое фамильное прозвище Валовы. Все они являлись потомками крестьян Карповых, известных по описаниям петровского времени. Таким образом, этот крестьянский клан размножился, достиг той же численности, что и в 1677/1678 г. и продолжал владеть деревней.

В починке Сеньки Григорьева, название которого, видимо, восходит к первому его обитателю, о котором нам ничего не известно, в 1677/1678 г. жили 5 крестьянских семей: Захар Парфенов с тремя сыновьями; братья Федка и Агафонко Филипповы; Родион Терентьев с сыном и 2-мя внуками; Федор Насонов с внуком; Евдоким Львов – итого 13 чел. м. п. К 1709 г. структура населения и его численность изменились. Из пяти семей выжили лишь две, находившиеся, что важно, в родственных отношениях. Это были потомки братьев Филипповых: 1) семья Павла Агафонова (сына Агафонки Филиппова) с женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми, купившими двор сгнувшего Захара Парфенова 2) семья его племянника Афанасия Иванова (внука Федки Филиппова) с женой, сыном и дочерью, жившими на старом дедовском дворе вместе с престарелым отцом Иваном Федоровым и владевшим «по наследию» тремя погорелыми дворами соседей: Филиппа Родионова (сын Родиона Терентьева), Федора Насонова и Евдокима Львова. Прежние владельцы дворов частью умерли, а сын Филиппа Родионова Афанасий и внук Моисей, а также Евдоким Львов – «сошли в Сибирь». Таким образом, в петровское время в деревне остался лишь один крестьянский клан, завладевший всеми дворами, даже погорелыми.

В 1745 г. в починке Сенки Григорьева продолжали жить эти же крестьяне, их потомки и родственники: Афанасий Иванов, имевший теперь взрослых сына и внука, его брат Алексей с тремя сыновьями, а также Степан Павлов, видимо, сын Павла Агафонова (которому было 2 года в 1717 г.), троюродный брат Афанасия Иванова, с тремя сыновьями. Итак, в починке теперь проживали 11 крестьян-родственников. Наиболее любопытно, что все они теперь прозывались Валовыми, и это, несомненно, связывает их с крестьянами д. Гавриловской, имевшими то же прозвище. По мужской линии родственные отношения между ними не прослеживаются. Остается предположить, что один из крестьян данного починка (видимо, Афанасий Иванов, так как он записан первым, и уже с этим прозвищем) породнился с Валовыми из д. Гавриловской посредством женитьбы. Можно с равной степенью вероятности предположить и другой вариант: прозвище первоначаль-

чально получили Валовы починка Сенкинского, а крестьяне д. Гавриловской стали Валовыми по свойству с ними. Оба клана были многочисленными, с большим числом сыновей, но мы лишены возможности понять, какой из них был более влиятельным, почему свойство с ним и привело к распространению прозвания Валовы на свойственников. Кроме Валовых в 1745 г. в починке Сенки Григорьева жили двое сирот, которые переселились из д. Другой Починок, и представляли иной родственный клан Боровых: Григорий и Феодул, причем в Другом Починке в 1745 г. остался жить их дядя, лишь немногим старше их по возрасту.

В дальнейшем мы планируем подвергнуть такому же анализу все остальные деревни и починки Кургомени. Но, возвращаясь к данным по всей волости, попробуем определять причины убыли населения в нач. XVIII в. населения. По данным 1709 и 1717 г. (в 1710 г. такие пометы не делались) на государственную службу в петровское время были взяты в рекруты: 1 чел. из д. Тимофеевской (сын пономаря Иван Тарасов в 1714 г.), 2 крестьянина в д. Елизаровской (в 1710 г. и в 1713 г.), 1 чел. из д. Ефремовской (сын сотского старосты, после 1709 г.), 1 чел. из д. Селивановской (в 1710 г.), 1 чел. из д. Самсоновской (в 1705 г.), итого 6 чел. В Таганрог (в плотники) забрали 1 чел. из д. Елизаровской (1702 г.), 1 чел. из д. Никитинской (в 1702 г.), итого 2 чел. Выслан в работники в Санкт-Петербург был 1 чел. из д. Самсоновской (в 1703 г.), 2 чел. из д. Ильинской (в 1711 г., б/д), 1 чел. из д. Другая Новинка (в 1703 г.), итого 4 чел. Взятые в «семерики» (то есть на строительство лодок длиной в 7 сажень) под Ладогу были 2 чел. из д. Самсоновской (оба в 1703 г.) и 1 чел. из д. Куликовской (в 1708 г.), итого 3 чел.

Таким образом, государство к 1709 г. востребовало у волости (общее число мужчин которой к тому моменту составляло 44 чел.) 8 чел., то есть 18% по отношению к численности 1709 г. и 4,7% по отношению к численности 1677/1678 г. За период 1709–1717 г. было взято 6 чел., то есть около 7% (по отношению к числу жителей 1717 г., составившему 82 чел. м. п.). Почти все крестьяне, взятые на работы, записаны с пометой «там умер», в 1 случае сказано, что крестьянин послан «в работники в Санкт-Петербург в 1716-м году и оттуда не бывал» [Вовина-Лебедева 2018, с. 233]. Итак, в промежутке между 1710 и 1717 г. продолжался набор определенного числа (не очень значительного в сравнении с численностью населения) крестьян в рекруты и в работники, тем не менее, в это время положение немного улучшилось, так как общая убыль населения сократилась.

Чтобы понять, что означало для волости число в 15 чел., взятых на государственную службу и в работы в петровское время, отметим, что в эти же годы время самовольно ушли в Сибирь, покинув дворы, как минимум 14 чел. м. п.², (в половине случаев — «з женою и з детьми»): из д. Тимофеев-

² Учтены лишь случаи, когда можно точно сказать, что уход произошел в 1700-х годах, не принимаются в расчет случаи, когда уход записан как имевший место «в давних letech» или просто после переписи 1677/1678 г. без указания года.

ской 2, из д. Ефремовской 1, из д. Синцовской 1, из д. Другая Новинки 1, из д. Анкидиновской 4, из д. Куликовской 1, из д. Елизаровской 2, из д. Гавриловской 2. К Соли Камской ушел на работу 1 чел. из д. Самсоновской. Таким образом, потери от самовольного ухода в Сибирь и от государственных работ и военной службы были примерно одинаковыми, и не они вызвали основные утраты населения: большинство потерь следует отнести на счет умерших, обнищавших или «сошедших безвестно».

Итак, петровская эпоха нанесла по северным крестьянам жестокий удар. В Кургомени численность крестьян сократилась к 1709 г. почти в 4 раза в сравнении с кон. 1670-х годов. Но если рассматривать историю отдельных деревень (и только за 1700-е годы) оказывается, что ситуация в них различалась. Убыль могла составлять половину крестьян (в д. Калининской), 2/3 (в д. Ефремовской), число населения могло уменьшиться с 8 до 3 чел. м. п., а затем вырасти до 5 чел. (в д. Гавриловской), сократиться с 13 до 6 чел., т.е. более, чем наполовину (в починке Сенки Григорьева). Основной урон (если брать данные по всем деревням волости), был нанесен не рекрутскими наборами, и не взятием на государственные работы, а смертностью и самовольным уходом крестьян из волости. Смогли избежать этих потерь и выжить только сильные родственные группы, крепкие кланы, опиравшиеся на родственные связи и взаимную помощь: в д. Калининской и Ефремовской — Чураковы, в д. Гавриловской и починке Сеньки Григорьева — Валовы. Одиночные семьи, как можно судить по нашему материалу, начала XVIII в., в большинстве случаев, не пережили.

Литература

- Васильев Ю.С.* Благовещенский погост Верховажской четверти Важского уезда по переписной книге писцов воеводы Б.В. Яковлева и подьячего А. Карпова 1677–1678 гг. // Важский край. Источниковедение, история, культура: Материалы и исследования. Вельск, 2006. Вып. 3. С. 191–206.
- Васильев Ю.С.* Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половине XVII века: Каталог // Важский край: Источниковедение, история, культура: Материалы и исследования. Вельск, 2006. Вып. 3. С. 135–156.
- Вовина-Лебедева В.Г.* Деревня Калининская Кургомёнской волости в XVII–XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 75–94.
- Вовина-Лебедева В.Г.* Дворцовая волость Русского Севера в 1700-х годах (по материалам Кургомени) // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского / Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 4 (20). СПб., 2018. С. 166–247.
- Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 262 с.
- Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб.: Сенатская тип., 1911. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721). VI, 435 с.

- Колесников П.А.* Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции населения в XVI–XVII вв. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР.* Вологда, 1970. С. 182–196.
- Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда: СЗКИ, 1976. 415, [1] с.
- Кох О.Б.* К вопросу о достоверности переписных книг 1710 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1985. Т. XVI. С. 154–166.
- Кох О.Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на Русском Севере в конце XVII–XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. 702 с.
- Швейковская Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере: Конец XVII – начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 224 с.
- Швейковская Е.Н.* Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // *Материалы по истории Европейского Севера СССР.* Вологда, 1970. С. 170–181.

References

- Klochov M.V. Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni. SPb.: Senatskaia tipografia, 1911. T. 1. Perepisi dvorov i naseleniya (1678–1721). VI, 435 p.
- Koh O.B. K voprosu o dostovernosti perepisnyh knig 1710 g. // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny.* L., 1985. T. XVI. Pp. 154–166.
- Koh O.B. Krest'yanskij dvor i krest'yanskaya sem'ya na Russkom Severe v konce XVII–XVIII v.: Dis. ... kand. ist. nauk. L., 1987.
- Kolesnikov P.A. Piscovye i perepisnye knigi kak istochniki dlya izucheniya migracii naseleniya v XVI–XVII vv. // *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR.* Vologda, 1970. Pp. 182–196.
- Kolesnikov P.A. Severnaya derevnya v XV – pervoj polovine XIX veka: K voprosu ob evolyucii agrarnyh otnoshenij v Russkom gosudarstve. Vologda: SZKI, 1976. 415, [1] p.
- Milyukov P.N. Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. Izd. 2-e. SPb., 1905. 702 p.
- Shvejkovskaya E.N. Krest'yanskij dvor i obshchina na Russkom Severe: Konec XVII – nachalo XVIII v. M.: Nauka, 1976. 224 p.
- Shvejkovskaya E.N. Perepisnaya kniga 1717 g. kak istochnik po istorii krest'yankoj sem'i v Vologodskom ueзде // *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR.* Vologda, 1970. Pp. 170–181.
- Vasil'ev Yu.S. Blagoveshchenskij pogost Verhovazhskoj chetverti Vazhskogo ueзда po perepisnoj knige piscov vоеvody B.V. Yakovleva i pod"yachego A. Karpova 1677–1678 gg. // *Vazhskij kraj. Istochnikovedenie, istoriya, kul'tura: Materialy i issledovaniya.* Vel'sk, 2006. Vyp. 3. Pp. 191–206.
- Vasil'ev Yu.S. Materialy piscovogo deloproizvodstva po Vazhskomu ueзду XVI – pervoj polovine XVII veka: Katalog // *Vazhskij kraj: Istochnikovedenie, istoriya, kul'tura: Materialy i issledovaniya.* Vel'sk, 2006. Vyp. 3. Pp. 135–156.
- Vodarskij Ya.E. Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka. M.: Nauka, 1977. 262 p.
- Vovina-Lebedeva V.G. Derevnya Kalininskaya Kurgomenskoj volosti v XVII–XVIII v. // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal.* 2020. № 4. Pp. 75–94.

Vovina-Lebedeva V.G. Dvorcovaya volost' Russkogo Severa v 1700-h godah (po materialam Kurgomeni) // *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shveciya v XVII–XVIII vv.: Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Pavlovicha Shaskol'skogo / Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*. Vyp. 4 (20). SPb., 2018. Pp. 166–247.

Varvara G. Vovina-Lebedeva

*St Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

PETER THE I AND THE FATE OF THE RUSSIAN NORTH (BASED ON THE CENSUS BOOKS OF THE VAZHISKY UYEZD OF 1ST QUARTER OF THE 18TH CENTURY)

The article analyzes the changes that took place between the descriptions of 1677/1678, 1709, 1710, 1717 and 1745 in one of the volosts of the Russian North: Kurgomenskaya volost' of Vazhisky yezd. The author is based on the materials of census books of the 2nd half of the XVII – early XVIII century and the 2nd revision of 1745. As a result, a conclusion is drawn about Peter's epoch influence on the population of several villages of Kurgomen', each of which was studied separately.

Keywords: *reforms of Peter the I, Russian North, Kurgomenskaya volost', Podvinye, state descriptions.*

К.С. Десятков
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Новгород, Россия

Видоизменение письменной культуры в России в первой четверти XVIII века на примере взаимодействия ученых-книжников Москвы и Новгорода*

Практика создания и конструирования «новых» текстов в условиях изменяющейся реальности России петровского времени, с учетом как формирующих смыслов эпохи, так и материальных параметров текстовых носителей, стали отправной точкой искомого исследования. В докладе анализируется деятельность и влияние московских книжников, учеников братьев Лихудов (Ф. Поликарпов-Орлов, Ф. Герасимов) в первой четверти XVIII века на образовательную и переводческую деятельность преподавателей новгородской славяно-греческой школы (Ф. Максимов) в контексте создания новой грамматики церковно-славянского языка.

Ключевые слова: письменная культура России, традиции образования, книжно-языковая деятельность, ученики братьев Лихудов, практики чтения, конструирование текстов, новая грамматика

Как известно, интеллектуальный выбор России был совершен задолго до петровских реформ, его инициатором был царь Алексей Михайлович, который во многом опирался на ту традицию рецепции западноевропейской культуры, которая сформировалась в отечественной культуре задолго до него [Чумакова, с. 362]. Однако потребовалось некоторое время, чтобы различные формы взаимодействия православной книжности с европейской интеллектуальной мыслью принесли определенные результаты. Риторическая барочная культура как определенное культурно-значимое основание этого периода интеллектуальных поисков и находок, перенесенная на почву Московского царства, дала ближайшие плоды в реформах Петра I в области языка, календаря, бытовых, строительных и военных новшеств, а также складывания системы образования и формирования первой академической институции [Кисилева, с. 48]. Но еще до этого, в области среднего и высшего образования страны, благодаря стараниям Симеона Полоцкого и Тимофея «Грека» были достигнуты определенные успехи. В марте 1681 года откры-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

лась Типографская школа на Печатном дворе в Москве, которая затем, в 1687 году, вошла в состав Славяно-греко-латинской академии [Фонкич, 1999, с. 157–162].

При этом, в отличие от интеллектуалов-книжников 2-й половины XVII века, Петр I, и в соответствии с западными веяниями, и по наследству от А.С. Матвеева, был практиком. Поэтому реформы в образовательной сфере, в отличие от институций риторической барочной культуры, подразумевали несколько иной тип образования, ориентированного на практические нужды страны, на позитивное знание и технические науки. Для успешного проведения в жизнь своего грандиозного эксперимента в условиях Северной войны, царь-реформатор предпринял попытку фундаментального переворота технократического характера со сменой технического режима в стране, непосредственно связанного с процессом переноса всего комплекса знания западной цивилизации на территорию России [Гузевич, с. 230–235]. На этот раз культурные заимствования происходили в области рационального экспериментального знания, а место интеллектуала-книжника постепенно должен был занять просвещенный ученый-энциклопедист, в том числе не только в естественной, но и в гуманитарной сфере.

Не случайно разработка нового гражданского шрифта в России имела прежде всего практическую цель – сделать новый алфавит более пригодным для чтения, письма и обучения молодежи. Для этого царь удалил целый ряд букв, имевшихся в церковнославянском алфавите, а начертание символов было приведено в соответствие с западноевропейскими образцами изданий на латинице: латинской и голландской антиквы. В течение 1707–1708 гг. Петр I постоянно вел переписку с И.А. Мусиным-Пушкиным, А.В. Макаровым, Ф.П. Поликарповым-Орловым по разным вопросам, связанным с техническими и изобразительными работами над новым шрифтом [Письма и бумаги имп. Петра Великого, С. 289, 303, 937–938, 953–954]. В результате только для церковных целей был оставлен прежний алфавит – кириллица, а для государственных и общекультурных надобностей была введена новая гражданская азбука.

Правительство Петра I начинает постепенно выводить из сферы влияния церкви такие области как образование и книгопечатание. Соответственно петровские учебные и образовательные издания все больше изменяются согласно требованиям переходной эпохи. Под влиянием идей Нового времени в России развиваются точные и естественные науки, появляются учебные заведения для их преподавания: навигацкая, инженерная и артиллерийская школы. Вместе с тем, гуманитарные предметы продолжают преподавать в епархиальных школах и греко-славянских Академиях. Помимо Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской Академий, в Новгороде в 1706 г., благодаря усилиям митрополита Иова, при архиерейском доме появилась славяно-греческая школа братьев Ли-

худов. Митрополит Иов, пользовавшийся неизменной поддержкой Петра I, превратил училище в настоящий интеллектуальный центр, в состав которого входили школа, библиотека, переводческий центр и скрипторий [Вознесенская, 2005, с. 205–235].

Несмотря на существенное расширение в России интеллектуального пространства в начале XVIII века, образованных профессионалов книжного дела для проведения реформ в этой области петровскому правительству катастрофически не хватало. Поэтому, царь был вынужден обращаться к опыту московских книжников предыдущего поколения, воспитанных еще в традиции церковно-славянского книжного языка. Наиболее показательным примером в данном контексте является жизнь и деятельность одного из самых известных учеников братьев Лихудов, справщика, переводчика, автора оригинальных сочинений, издателя, лексикографа и директора Московского Печатного двора Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова (конец 1660-х – 1731). Можно предположить, что после окончания учебы в Москве, начав карьеру в качестве книжника и справщика Печатного двора, затем, с началом реформ, он превращается в видного ученого мужа переходного времени, во многом определявшего направления развития филологии, книжного дела и письменной культуры в петровской России.

По мнению некоторых современных исследователей (И.П. Львовой, Е.Э. Бабаевой), первоначально Федор Поликарпов находился под влиянием своих авторитетных учителей, таких как Евфимий Чудовский и его «пословный» метод, в координатах традиционной русской книжности [Поликарпов, с. 10]. Именно к концу 1680-х – началу 1690-х годов относятся первые переводы Ф. Поликарпова с греческого: «Акос, или Врачевание, противоположаемое ядовитым угрызениям змиевым» братьев Лихудов (вместе с Николаем Семеновым и Алексеем Кирилловым), труды Дионисия Ареопагита. Затем, после некоторого опыта работы преподавателем грамматики, риторики и пиитики в Московской духовной школе (1694–1697), в марте 1698 года он занял должность справщика московского Печатного двора [Браиловский, с. 14]. В Москве рубежа XVII–XVIII веков он сотрудничает со многими учеными-книжниками, богословами и переводчиками (братья Лихуды, особенно Софроний, митрополит Иов, Афанасий Холмогорский, Дмитрий Ростовский и другие), формируясь как филолог и просветитель в основном в среде грекофильской «старомосковской» партии.

Исходя из анализа образовательных изданий Печатного двора самого начала XVIII века, к этому времени Ф. Поликарпов превратился в довольно искусного переводчика и «знающего словарника», обладающим высокой филологической культурой, с глубокими знаниями греческого и латинского языков, а также определенным опытом работы с методами лексикографии. В этом смысле показательное отношение к молодому справщику

верховой власти — уже в ноябре 1701 года специальным царским указом Федор Поликарпов-Орлов был назначен главой московского Печатного двора вместо Кариона Истомина [Браиловский, с. 21].

В контексте видоизменения письменной культуры при Петре I нас больше всего интересует практика создания и конструирования «новых» текстов в условиях изменяющейся реальности России петровского времени, с учетом как формирующихся смыслов эпохи, так и материальных параметров текстовых носителей. Реализуемая в столь сложных условиях книжно-языковая деятельность осуществлялась, прежде всего, «единственным в своем роде поколением, подобным Янусу с двумя лицами: одно обращенное в прошлое, другое в будущее» [Hüttl-Folter, s. 8]. Именно отсюда происходили новые формы и идеи, постепенно заполнившие ментальное пространство эпохи. С учетом занимаемой должности, способностей и степени доверия власти Ф. Поликарпов не только активно участвовал, но и мог определенным образом влиять на указанные процессы.

В июне 1701 г. по царскому распоряжению он подготовил и выпустил в Москве «Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учиться хотящимся...», одно из первых учебных пособий по изучению классических языков. В предисловии Поликарпов в соответствии с православной традицией критикует античных классиков. В целом, тематика словаря во многом совпадает с «Номенклатором» (1700) Ильи Копиевского и «Букварём» (1696) Кариона Истомина [Быкова, Гуревич, с. 69]. Однако оформление «Букваря» гораздо более скромное, чем у Истомина: при этом несколько гравюр изображают школу. Печать двухцветная черно-красная, на полях встречаются разнообразные глоссы — транслитерация греческих слов, пояснения отдельных слов, ссылки на источники. В издании очень подробное оглавление, в оформлении впервые появляются греческий и латинский шрифты, которых до того не было в московской типографии.

В 1704 году Ф. Поликарповым на Печатном дворе был издан один из первых русских словарей иностранных слов — «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное», предназначенный для желающих изучать греческий и латинский языки. Это было первое печатное издание словаря подобного типа, выпущенное в России. В отличие от «Букваря», в «Лексиконе...» издатель явно применял свой опыт переводов, педагогическую методику преподавательской деятельности и практические требования изменяющейся реальной жизни.

В «Извещении» автор попытался объяснить причины издания подобного пособия, отмечая нелюбовь русского читателя к иностранным языкам, но в то же время «засорение» русского языка. В оправдание включения вторым после греческого латинского языка Поликарпов подчеркивает, что латинский язык нужен как художнику, так и «военных дел искусному рато-

борцу». По мнению С.Н. Браиловского, «Лексикон трехязычный...», в отличие от предшественников, отличался сжатостью и краткостью пояснений и скорее всего предназначался школьникам [Браиловский, с. 76–77]. Система представления материала во многом коррелировала с правилами составления подобных изданий в Западной Европе рубежа XVII–XVIII веков. «Лексикон...» являлся наиболее полным собранием книжно-славянской лексики петровской эпохи: в нем содержалось 19712 словарных статей [Биржакова, с. 39].

Содержание книги включало в себя два теоретических предисловия, а также технические рекомендации для читателей («Пристежение»). В конце помещался один из первых списков «типографских погрешностей» (опечаток), имелся предметный указатель и «реестр азбучным чинам». В издании книги Поликарпову помогали книгописцы и переводчики Федор Герасимов, Карп Федоров и Иларион Васильев. «Лексикон» явился итогом всей предшествовавшей филологической деятельности Федора Поликарпова и одновременно изложением его взглядов на языковую ситуацию и образование в России. По свидетельству И.Г. Бакмейстера, им пользовались еще в 1770-х годах [Пекарский, с. 191].

Хорошо зная своих учителей по Московской духовной школе братьев Лихудов, Ф. Поликарпов с определенным беспокойством следил за их судьбой после опалы и очень приветствовал инициативу митрополита Иова по приглашению их в Новгород для создания славяно-греческой школы в 1706 году. Тем более, что один из его товарищей по учебе Ф. Герасимов также оказался в новгородской школе в должности преподавателя, книжника и переводчика. У митрополита наряду с открытием школы были грандиозные планы по переводу и изданию в Новгороде Ветхого Завета, а также книг, присланных константинопольским патриархом Досифеем. [Фонкич, 1969, с. 275–299]. К сожалению, им так и не суждено было сбыться: оборудование Верхней типографии Симеона Полоцкого вместе с Софронием Лихудом остались в Москве, хотя часть переводов удалось выполнить. В частности, Ф. Герасимов перевел с греческого пять книг [Соболевский, с. 37–39; Буланина, с. 257; Вознесенская, 2006, с. 12–19]. Не случайно Ф. Поликарпов уже после смерти митрополита Иова в одном из писем к И.А. Мусину-Пушкину за 1716 г. высказывается за возвращение шести новгородских переводчиков и писцов для работы по исправлению Библии на Печатном дворе [Черты из истории книжного просвещения, с. 1049].

В 1721 г. по приказу Петра I на московском Печатном дворе вышло в свет очередное издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого с новым предисловием, в котором Поликарпов заменил статью издания 1648 года из сочинений Максима Грека на свою. В ней он размышлял о скудости грамматических знаний и вытекающей отсюда невозможности правильного толкования и перевода книжных текстов. В новом издании был специальный раздел, озаглавленный «Чин технологии», где содержался разбор мо-

литвы «Отче наш», сделанный на основании аналогичного разбора 1648 г., но уже по современным грамматическим канонам [Львова, с. 40]. В тексте встречались сведения из истории создания письменности, заимствованные из сочинения Полидора Вергилия «Осьмь книг об изобретателях вещей», переведенного на русский язык и изданного в 1720 г. Использовалась и «Энциклопедия» протестантского богослова Иоганна-Генриха Альштеда [Львова, с. 40].

Из грамматических нововведений переиздания следует отметить, что Ф. Поликарпов при описании русского алфавита оценивал букву «зело» как лишнюю (она была исключена Академией наук из алфавита в 1735 году) [Истрин, с. 161]. В новом издании московские справщики оставили глагольные польские формы, но вслед за ними разместили русские, для их лучшего объяснения и понимания читателями. Издание Поликарпова имело скромное черно-белое оформление с оригинальными концовками и кириллическим шрифтом начала XVIII века.

Неудивительно, что поддержку в своих грамматических изысканиях Ф. Поликарпов получил из Новгорода от следующего поколения учеников школы Лихудов. Одно из направлений переводческой деятельности новгородской школы включало в себя переводы с греческого языка учебных курсов братьев Лихудов. В нем активно принимали участие ученики школы, в том числе и иподиакон Федор Максимов, который позднее став преподавателем, разработал и издал в 1723 году в типографии Александровского монастыря в Санкт-Петербурге новое учебное пособие по церковнославянской грамматике, тиражом 1200 экземпляров. Название одна из первых собственно российских грамматик церковно-славянского языка получила следующее: «Грамматика Славенская в кратце собранная в Греко-славенской школе, яже в Великом Новеграде при доме архиерейском...»¹. [Быкова, Гуревич, № 194]

Причины написания Ф. Максимовым в начале 1720-х годов нового учебного руководства церковнославянской грамматике различны: от чисто прикладных до теоретико-практических и социокультурных. Е.М. Прилежаев указывает главную – долгое время в обучении использовалось только одна грамматика М. Смотрицкого [Прилежаев, с. 345]. Основными источниками для нового учебного пособия стали труды из обширной библиотеки новгородской школы. В распоряжение учащихся митрополит Иов предоставил все свое книжное собрание, включавшее более 340 книг на греческом, латинском, польском, немецком, сербском языках, часть своей библиотеки перевезли в Новгородскую школу и братья Лихуды [Вознесенская, 2005, с. 220].

¹ В фондах НГОМЗ сохранились девять экземпляров «Грамматики Словенской...» иподиакона Федора Максимова: НГМ. ОПИ. Фонд рукописной и старопечатной книги. КП 32725/8 КК – 309, КП 32501/21 КК – 393, КП 32502/2–7 КК – 394–399, КП 32725/7 КК – 400, КП 32598 КК – 404.

Ф. Максимов использовал общую схему грамматического описания, систематику, терминологию, способы представления языковых данных и даже отдельные правила синтаксиса («о сочинении междометий»). Однако при этом работа Ф. Максимова демонстрирует полную самостоятельность многих решений в компоновке, классификациях, терминологии. Например, помимо обычного оглавления в начале пособия, он использует для удобства поиска учениками алфавитное терминологическое оглавление в конце. Фактически, Ф. Максимов на основе педагогического и научного опыта реализует собственную стратегию грамматического описания, воплощает собственные нормативные представления и представляет результаты собственных лингвистических изысканий. В результате, если грамматика М. Смотрицкого издания Поликарпова 1721 г. занимала 566 страниц в восьмую долю, то новое пособие Ф. Максимова помещалось на 212 страницах такого же формата и такой же печати [Сменцовский, с. 363]. При этом в содержании оно имело на две главы больше, а в рассматриваемых оборотах и выражениях языка впервые использовались не только книжные, но и разговорные.

Еще в начале XX века А.И. Соболевский, исследуя рукописную грамматику церковно-славянского языка Ф. Поликарпова (1723–1725), отмечал, что она составлена в вопросах и ответах, с барбаризмами Петровской эпохи, с учеными ссылками на античных авторов [Соболевский, с. 11]. Показательно, что Федор Поликарпов включил в текст отдельные материалы грамматик М. Смотрицкого и Ф. Максимова, а также небольшой фрагмент из риторики Стефана Яворского. Вершиной грамматических изысканий Ф. Поликарпова стала рукопись законченного грамматического трактата из 27 глав, озаглавленного «Технологія то есть художное собеседование о грамматическом художестве» (1725) [Поликарпов, с. 239–335]. Из новых источников он добавил риторику Иоанникия Лихуда и сочинение Евфимия Чудовского «Рассуждение учиться ли нам полезнее грамматики...» [Львова, с. 41].

Таким образом, письменная культура России на протяжении первой четверти XVIII века постепенно видоизменяется: вводится новый гражданский шрифт, увеличивается трансляция идей европейского рационального экспериментального знания, происходит дисциплинарная революция в виде медленного перехода от практической, инженерно-технической выучки, к гуманитарно-историческому знанию. Причем это происходит и переплетается с результатами предыдущего этапа интеллектуального просвещения 2-й половины XVII века, особенно в образовательных институциях. В результате некоторые ученые-книжники и переводчики петровской эпохи принимали самое непосредственное участие в этих процессах на пути к становлению в Российской империи нового энциклопедического знания и формированию традиций светского образования и единого национально-литературного русского языка.

Литература

- Биржакова Е. Э.* Русская лексикография XVIII века / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2010. 212 с.
- Браиловский С. Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. С. 1–37; № 10. С. 242–286; № 11. С. 50–91.
- Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. М.; Л., 1958. 403, [1] с.
- Буланина Т. В.* Полетаев Федор // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев; ред. Д. М. Буланин. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 257–258.
- Вознесенская И. А.* Переводческий и книгописный центр в Новгороде при митрополите Иове (на материале рукописных книг из библиотеки Царевича Алексея Петровича) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Библиотека Российской академии наук. СПб.: БАН, 2006. С. 12–19.
- Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205–235.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. СПб.: Феникс, 2003. 312 с.
- Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1988. 189, [1] с.
- Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 471 с.
- Львова И. П.* Из истории Просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 2008. Вып. 2. С. 36–43.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре I. СПб., 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 578 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. VIII. 406 с.
- Поликарпов Ф.* Технология. Искусство грамматики. Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ООО «Инапресс», 2000. 373 с.
- Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.
- Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. 460 с.
- Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1908. Т. 84. № 3. С. 1–47.
- Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. (Типографская школа) // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 149–246.
- Фонкич Б. Л.* Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве // Византийский временник. 1969. № 29. С. 275–299.
- Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московского Синодального типографии Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа гр. И. А. Мусиным-Пушкиным (1715–1717) // Русский архив. 1868. Вып. 7–8. Стб. 1041–1057.
- Чумакова Т. В.* Рецензия на книгу М. С. Киселевой «Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к евро-

пейской учености» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. М., 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 361–363.

Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien – Köln – Weimar: Böhlau, 1996. 319 S.

References

- Birzhakova E. E. Russkaya leksikografiya XVIII veka / Rossijskaya akademiya nauk; Institut lingvističeskikh issledovanij. SPb.: Nestor-Istoriya, 2010. 212 p.
- Brailovskij S. N. Fedor Polikarpovich Polikarpov-Orlov, direktor Moskovskoj tipografii // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshčeniya. 1894. № 9. S. 1–37; № 10. S. 242–286; № 11. Pp. 50–91.
- Bulanina T. V. Poletaev Fedor // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi / AN SSSR. IRLI; Otv. red. D. S. Lihachev; red. D. M. Bulanin. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 3: P–S. SPb.: "Dmitrii Bulanin", 1998. Pp. 257–258.
- Bykova T. A., Gurevich M. M. Opisanie izdanij, napechatannyh kirillicej: 1689 – yanvar' 1725 g. M.; L., 1958. 403, [1] p.
- Cherty iz istorii knizhnogo prosveshčeniya pri Petre Velikom. Perepiska direktora Moskovskogo Sinodal'nogo tipografii Fedora Polikarpova s nachal'nikom Monastyrskogo prikaza gr. I. A. Musinyum-Pushkinym (1715–1717) // *Russkij arhiv*. 1868. Vyp. 7–8. Stb. 1041–1057.
- Chumakova T. V. Recenziya na knigu M. S. Kiselevoj «Intellectual'nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj učenosti» // Вестник Русской християнской гуманитарной академии. 2013. М., 2013. Т. 14. Вып. 3. Pp. 361–363.
- Fonkich B. L. Greko-slavyanskaya shkola na Moskovskom Pечатnom dvore v 80-h godah XVII v. (Tipografskaya shkola) // *Očerki feodal'noj Rossii*. М., 1999. Vyp. 3. Pp. 149–246.
- Fonkich B. L. Ierusalimskij patriarh Dosifej i ego rukopisi v Moskve // *Vizantijskij vremennik*. 1969. № 29. Pp. 275–299.
- Guzevich D. Yu., Guzevich I. D. Velikoe posol'stvo. SPb.: Feniks, 2003. 312 p.
- Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien – Köln – Weimar: Böhlau, 1996. 319 p.
- Istrin V. A. 1100 let slavyanskoj azbuki. М., 1988. 189, [1] p.
- Kiseleva M. S. Intellectual'nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj učenosti. М.: Progress-Tradiciya, 2011. 471 p.
- L'vova I. P. Iz istorii Prosveshčeniya v Rossii v epohu Petra Velikogo (Fedor Polikarpovich Polikarpov-Orlov) // *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. SPb., 2008. Vyp. 2. Pp. 36–43.
- Pekarskij P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre I. SPb., 1862. T. 1. Vvedenie v istoriyu prosveshčeniya v Rossii XVIII stoletiya. 578 p.
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. М.; L., 1948. T. VIII. 406 p.
- Polikarpov F. Tekhnologiya. Iskusstvo grammatiki. Izdanie i issledovanie E. Babaevoj. SPb.: ООО «Inapress», 2000. 373 p.
- Prilezhaev E. M. Novgorodskie eparhial'nye shkoly v Petrovskuyu epohu // *Hristianskoe chtenie*. 1877. № 3–4. Pp. 331–370.
- Smencovskij M. N. Brat'ya Lihudy: Opyt issledovaniya iz istorii cerkovnogo prosveshčeniya i cerkovnoj zhizni konca XVII i nachala XVIII vekov. SPb., 1899. 460 p.
- Sobolevskij A. I. Iz perevodnoj literatury Petrovskoj epohi. Bibliograficheskie materialy // *Sbornik Otdeleniya Russkogo Yazyka i slovesnosti*. SPb., 1908. T. 84. № 3. Pp. 1–47.

Voznesenskaya I.A. Novgorodskaya shkola brat'ev Lihudov // Novgorodskij istoricheskij sbornik. SPb., 2005. Vyp. 10 (20). Pp. 205–235.

Voznesenskaya I.A. Perevodcheskij i knigopisnyj centr v Novgorode pri mitropolite Iove (na materiale rukopisnyh knig iz biblioteki Carevicha Alekseya Petrovicha) // Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisej BAN. Biblioteka Rossijskoj akademii nauk. SPb.: BAN, 2006. Pp. 12–19.

Konstantin S. Desyatskov

Novgorod State University, Novgorod, Russia

THE MODIFICATION OF WRITTEN CULTURE IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE INTERACTION OF SCHOLARS- SCRIBES OF MOSCOW AND NOVGOROD

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42029.

The practice of creating and constructing «new» texts in the changing reality of Russia of Peter the Great's time, taking into account both the emerging meanings of the era and the material parameters of text carriers, became the starting point of the desired research. The report analyzes the activities and influence of Moscow scribes, students of the Likhud brothers (F. Polikarpov-Orlov, F. Gerasimov) in the first quarter of the XVIII century on the educational and translation activities of teachers of the Novgorod Slavic-Greek school (F. Maximov) in the context of creating a new grammar of the Church Slavonic language.

Keywords: *written culture of Russia, traditions of education, book and language activities, students of the Likhud brothers, reading practices, text construction, new grammar.*

Социальная защита военных и морских чинов, членов их семей в Российской империи в первой четверти XVIII века

Автор, изучая и анализируя нормативно-законодательные акты, изданные и выявленные им архивные источники, приходит к выводу, что социальная защита военнослужащих армии и флота, их вдов и сирот в первой четверти XVIII века постоянно развивалась, поскольку военно-политическое руководство страны этому вопросу уделяло особое внимание. При правлении Петра I основной формой защиты отставных чинов и членов их семей, потерявших кормильца, являлась социальная помощь.

Ключевые слова: Российская империя, Петр I, социальная защита, социальная помощь, отставные чины, вдовы и сироты

Длительная Северная война поставила перед военно-политическим руководством страны задачу – в кратчайшие сроки осуществить социальную защиту военнослужащих армии и флота.

Прежде всего, государство было вынуждено проявлять заботу о тех неимущих отставных офицерах армии и флота, которые по физическому состоянию не могли нести не только военную, но и штатскую службу в присутственных местах центральных, губернских, провинциальных и уездных учреждений. Кроме того, велико было число престарелых и получивших инвалидность нижних чинов и унтер-офицеров, относившихся к феодально-зависимым сословиям, не имевших места постоянного проживания и родственников, взявших бы их на содержание и утративших в течение пожизненной службы связи с крестьянской (посадской) общиной. Значительную часть тех, кому требовалась социальная защита, составляли вдовы и дети-сироты убитых военных и морских чинов в сражениях (умерших на службе).

Вышеперечисленные контингенты в соответствии с указами монарха и Правительствующего Сената имели право на социальные льготы и защиту.

Анализ опубликованных архивных источников свидетельствует, что социальная защита в период правления Петра Великого – это комплекс законодательных и практических административных мер, направленных на поддержку военных и морских чинов, получивших на действительной военной службе ранения, увечья, болезни, приведшие к наступлению инвалидности, преждевременной физической дряхлости, и оказавшихся в нищете и бедности, за неимением собственных средств на пропитание.

Историк лейб-гвардии Преображенского полка А. Чичерин изложил мнение венценосного командира по социальной защите подчиненных, утративших здоровье: «Неужели должен при старости терпеть нужду тот — сказал Государь в 1715 году, — кто лучшие лета пожертвовал мне на службе? Если кто служить не может. Определите ему полное жалованье по смерти; и если служить не может, не требовать от него никакой службы; но в чем он опытом искусился, спрашивать у него совета, ибо кто ревностно в лучшие свои лета мне послужит, если узнает, что при старости будет пренебрежен и оставлен от того самого, на службе коего он истощил свои силы?» [Чичерин, с. 572–573].

В первой четверти XVIII в. основной формой защиты отставных чинов и членов их семей, потерявших кормильца, являлась **социальная помощь**.

В практической деятельности применялись две формы социальной помощи: государственная и негосударственная. Последняя включала всестороннее использование денежных и материальных средств Русской Православной церкви, которыми неограниченно распоряжался монарх.

Форма социальной помощи существовала в следующих основных видах: *денежная; натуральная; смешанная*.

Денежная форма социальной помощи: 19 февраля 1711 г. в русской армии вводятся первые штаты. В сухопутных войсках предписывалось содержать 85 пехотных и 33 драгунских полков¹. 9 ноября 1711 г. вводятся штаты по морской части², а 8 февраля 1712 г. — штаты артиллерии³.

Всем военным и морским чинам по штатному расписанию назначалось должностное окладное жалованье в соответствии с воинским чином, а также некоторые добавочные выплаты. Оно заменило прежние традиционные вознаграждения поместьями и вотчинами за обязательное несение дворянами военной службы [Соловьев, с. 74]⁴.

Денежное жалованье офицерского состава по воинскому чину определялось Табелем; оно с 1711 г. полагалось всем армейским генералам, штаб- и обер-офицерам.

При введении окладов учитывались: чин; род войск; национальность (русский или иностранец); офицер или нижний чин; место службы (действующая полевая армия, внутренние гарнизонные войска); дополнительные материальные затраты при нахождении войск за пределами России. Принципиальный подход четко прослеживается в денежном довольствии как офицерского состава, так младших командиров и рядовых.

Должностное окладное жалованье в русской регулярной армии: генерал-фельдмаршал — 7000 руб.; генерал (русский/иностранец) — 2600/3120;

¹ ПСЗ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. IV. № 2319. С. 590–614.

² Там же. № 2449. С. 753–759.

³ Там же. № 2480. С. 792–804.

⁴ Там же. Т. XLIII. Ч. I. Книга штатов. Штаты военно-сухопутные. С. 1–7; Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. Штаты по морской части. С. 1–4.

генерал-лейтенант — 1800/2100; генерал-майор — 1080/1800; полковник — 300/600; подполковник — 150/360; майор — 140/300; капитан — 100/216; поручик — 80/120; подпоручик, прапорщик — 50/84; унтер-офицер — 14 руб. 40 коп.; рядовой — 9 руб. 80 коп. в год⁵.

Денежное содержание нижних чинов и унтер-офицеров русской армии включало жалованье, которое устанавливалось по чину и роду войск. В размер жалованья входили полная стоимость обмундирования и приварочного довольствия (мяса, соли, овощей).

К денежной форме социальной помощи относилась и пожалованная самодержцем военная пенсия или единовременная выплата, которая полностью зависела от особого расположения и милости монаршей особы.

Государство впервые на законодательном уровне брало на себя заботу в случаях утраты военнослужащим трудоспособности в связи с ранением, контузией, болезнями. Для чего в системе государственных преобразований была осуществлена пенсионная реформа.

Петр I, готовясь к военному противостоянию со шведами, заблаговременно предусмотрел пенсионное обеспечение офицеров, увольняемых в отставку по старости.

Введенный в действие с 9 августа 1700 г. именной указ «О даче полковникам и начальным людям за службу на пропитание из прежних их годовых дач третьей доли ежегодно», способствовал появлению положительного мнения в армейской среде и вызвал моральное удовлетворение у офицерского состава. Указ объявлял: «Велено, полковникам и начальным людям, за многия их службы и для их старости, давать на пропитание, из прежних их годовых дач, третью долю, по вся годы»⁶.

По опыту морского законодательства голландского и французского флота были приняты правовые акты, гарантирующие Российским государством пенсионное обеспечение моряков, получивших увечье в бою и состарившихся в службе, что нашло отражение в «Инструкциях и артикулах военному российскому флоту» 1710 г.⁷ и в Уставе Морском 1720 г.

В отличие от артикула 43 Инструкций 1710 г., пенсионные новации распространялись не только на моряков, но и членов их семей (жену и детей).

Данный нормативно-законодательный акт регламентировал порядок назначения военных пенсий морским чинам, устанавливал различие между обеспечением их вдов и малолетних сирот, которое, при выполнении определенных условий, составляло неотъемлемое право лиц, потерявших кормильца, но при практической реализации, как отмечено выше, зависело от высочайшей милости и благоусмотрения верховной власти [Дегтярев, с. 8].

⁵ ПСЗ. Т. IV. № 2319. С. 608–614; Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 25. № 14. С. 13; СПб., 1898. Т. 101. № 17. С. 51–56; Юрьев, 1902. Т. 114. № 115. С. 352–353.

⁶ Там же. Т. IV. № 1810. С. 74.

⁷ Там же. № 2267. С. 485–492.

В этом ведомственном нормативном акте также содержатся разъяснения, методические указания по применению на практике его отдельных положений.

Вышеназванный закон учитывал степень утраты морским (военным) чином трудоспособности. При частичной утрате трудоспособности, препятствующей службе в плавсоставе, Устав Морской 1720 г. предписывал осуществлять пенсионное обеспечение «увечных в бою и состарившихся в службе» служащих, членов их семей, оставшихся без кормильца, однако только «тем, которые доходов своих [от имений] не имеют».

Для этого, увечных, но еще способных к несению военной службы морских чинов следовало прикреплять к адмиралтейским магазинам, определять на береговые должности в гарнизонах, или принимать на штатскую службу в учреждения, «повысив чином».

«...а ежели так изувечен, что ни куды не годен будет, то такого в гошпитали кормить до его смерти; а ежели в гошпитали быть не похочет, то награжден будет годовым жалованьем и дать пашпорт. Тож разумеется и о старых».

Данные правила распространялись на лиц, как получивших ранения в сражениях, так и потерявших трудоспособность по иным причинам, связанным с нахождением на действительной военной службе, а также вследствие старости (или физической немощи).

Таким образом, актом монаршей милости проявлялась государственная оценка прошлой деятельности полностью или частично нетрудоспособного морского (военного) чина, которому выплачивалось материальное (денежное) вознаграждение его за службу.

Тогда как, «вдовам и детям убитых или умерших в службе давано будет жалованья их посему»: вдовам старше 40 лет или моложе, но больным, до нового замужества или пожизненно, предписывалось выдавать $\frac{1}{8}$ долю годового должностного жалованья мужа.

А вдовам моложе 40 лет полагалось единовременно выплачивать годовой должностной оклад мужа. Петром Великим не были забыты и дети-сироты. Сыновьям до 10-летнего, а дочерям до 15-летнего возраста следовало выдавать каждому $\frac{1}{12}$ долю годового жалованья отца⁸.

Если пенсия отставного морского чина включало в себе денежное вознаграждение за прошлую службу на флоте, тогда выплаты вдовам и малолетним детям имели элементы алиментарности, как лицам, не имевшим права на государственную пенсию, при жизни мужа (отца) после увольнения.

Вдовы, дети и наследники умерших морских чинов на службе получали заслуженное жалованье по день смерти служащего⁹.

⁸ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 109–110.

⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3937, п. 44. С. 532.

Фактический возраст вдовы и малолетних детей-сирот устанавливался на основании справки, заверенной священником приходской церкви. Им же осуществлялась выписка из метрической книги, зарегистрировавшей факт рождения человека.

Эти виды пенсионного обеспечения представлялись также тем вдовам и детям, которые имели доходы ниже тех, что, довелось бы получать из казны мужу (отцу), или «оная вдова поместья и вотчины имеет малые»¹⁰, и тогда ей назначалась вдовья пенсия.

Важно заметить, что во всех контрактах, заключенных с русским правительством, имелся специальный пункт о выплате государством вдовьей и сиротской пенсии жене и детям в случае потери кормильца. Под потерей кормильца понималась его смерть. Пенсия выплачивалась и иностранцу лично по причине ранения в бою, получения увечья, при утрате им здоровья от болезни, приведшей к инвалидности.

К примеру, в проекте контракта, поданном в марте 1717 г. коммодором¹¹ британского флота Г. Паддоном Петру I, имелся следующий пункт: «Ежели он шаутбенахт (в этом чине Г. Паддон принимался на русскую службу. — *И. Д.*) умрет или убит будет; то жене его на основании английских законов производить по смерти 100 фунтов ежегодной пенсии; а всем детям (две дочери и сын. — *И. Д.*) одновременно по 100 фунтов»¹². Русский монарх с данным пунктом контракта Г. Паддона согласился и утвердил его [Берх, с. 253–254; Веселаго, с. 428].

По характеру оснований для предоставления пенсионного обеспечения, пенсионное право при правлении Петра Великого можно подразделить на три группы правовых норм, образующих его институты — пенсия по старости, пенсия по инвалидности, пенсия по случаю потери кормильца.

Важно подчеркнуть, что основные положения Устава Морского в вопросах пенсионного обеспечения с некоторыми дополнениями действовали до введения «Устава о пенсиях и единовременных пособиях» от 6 декабря 1827 г., что характеризует его историческое значение.

А. А. Нартов со слов его отца А. К. Нартова изложил взгляды и практические действия монарха по пенсионному обеспечению уволенных в отставку наиболее заслуженных неимущих военных чинов: 1) выплачивать отставным пенсию в размере жалованья включительно до ухода их из жизни; 2) в дополнение к пенсии, также пожаловать и имение, как особую награду за верность и службу¹³.

Натуральная форма социальной помощи — наделение беспоместных отставных офицеров и унтер-офицеров, относившихся к дворянскому сосло-

¹⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1880. Ч. VIII. № 121. С. 384.

¹¹ Коммодор (англ. Commodore) — воинское звание офицерского состава военно-морских сил. Выше звания капитана (кэптен, англ. Captain) и ниже контр-адмирала (англ. Rear Admiral).

¹² Около 400 русских рублей. — РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 36 об. Подсчеты наши.

¹³ Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб., 2001. С. 81–82.

вию, именем (вдов и детей-сирот прожиточным именем); нижних чинов участками земли на приграничных территориях; горячее питание в госпиталях и бесплатное обеспечение медикаментами раненых, больных и престарелых, постоянно проживавших в ветеранских палатах, а также находившихся в рабочих командах при военно-лечебном учреждении.

В соответствии с указом российского монарха от 2 сентября 1701 г., дворянские вдовы получали от государства на «прожиток» в личную собственность поместья своих «мужей побитых на войне»¹⁴.

При повторном браке данные поместья оставались в их собственности, а не новых супругов. Это продолжалось тех пор, пока в Поместный приказ не были представлены достоверные свидетельства о фактической смерти их первых мужей¹⁵.

Только после письменного подтверждения несколькими независимыми свидетелями смерти первого мужа, рассмотрения в Поместном приказе (Вотчинной конторе Юстиц-коллегии, с 18 января 1722 г. Вотчинной коллегии), а затем на заседании Правительствующего Сената и утверждения Петром I прошения нового супруга¹⁶, «прожиточные имения», или только часть их, переходили в его личную собственность¹⁷.

Российское законодательство XVIII в. предусматривало предоставление отставным нижним чинам и унтер-офицерам, взамен пенсии, земельных участков, как правило, в малонаселенных и окраинных районах страны¹⁸.

Особенное развитие этот процесс получил в Азовском крае в 1700–1711 гг., где незначительную часть уволенных в отставку солдат власти назначали «слободчиками».

Остальных отставных солдат переводили в категорию пашенных крестьян, селили в слободах, расположенных вокруг Азова, при этом они продолжали числиться в списках своих бывших гарнизонных полков. При обострении военной обстановки они рассматривались командованием приморской крепости, как ближайший воинский резерв¹⁹.

Отставные солдаты, кроме наделения их земельными участками, получали также дополнительно от казны по 1¹/₂ четверти ржаной муки и осьмину овса на год²⁰.

Неудавшийся Прутский поход русской армии не позволил осуществлять дальнейшее развитие Азовского края, эти земли, по условиям мирного до-

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 4. Л. 793; д. 8. Л. 953, 961.

¹⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1868. С. 173.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 8. Л. 1103–1104; Ф. 248. Оп. 9. Кн. 520. Л. 17–20.

¹⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2617. С. 880; Т. V. № 2644. С. 14.

¹⁸ Законоположения о наделении отставных и бессрочно отпускаемых нижних чинов земельными от казны участками. СПб., 1879.

¹⁹ По переписи 1710 г. в Азовской крепости к полку полковника Л. Штока было причислено 6, полку полковника А. Меера – 3, в полку «конной службы» – 2 слободчика. – РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 46 об., 445, 450–450 об.

²⁰ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 57. Ч. I. Л. 125.

говора с Османской империей, были возвращены туркам, морские крепости Азов и Таганрог разрушены, а войска, флот по р. Дон и переселенцы выведены в Азовскую (Воронежскую) губернию.

Увечным беспоместным и не имевшим крепостных крестьян рядовым и унтер-офицерам из дворянского сословия, не располагавшим достаточными собственными средствами «к пропитанию», после увольнения из полков полевой армии, разрешалось по их желанию на выбор либо служить на нестроевых должностях в гарнизонах, «кто куды похочет», или постоянно проживать и довольствоваться в инвалидных палатах военных и адмиралтейских госпиталей. В армейские и флотские госпитали также направлялись отставные солдаты, драгуны, канониры, матросы и унтер-офицеры, выходцы из «подлых людей» (податных сословий. — *И. Д.*), которые в вооруженных силах «служили долго»²¹.

В соответствии с указом царя от 22 марта 1716 г. каждый ветеран армии и флота при нахождении в отставке по старости («слабости») или хронической болезни, по направлению врачебной комиссии мог быть помещен на излечение в отдельные палаты военного (морского) госпиталя, в которых «инвалидам иметь особый покой, где им содержаться» [Чистович, с. XXVII].

Инвалиды, определенные в ветеранские палаты, получали жалованье, по последнему должностному окладу на флоте (в армии)²², мундир от казны²³, и довольствовались лечебным пайком. Лечебный паек был введен Петровским Регламентом 1722 г., затем пролонгирован Генеральным Регламентом о госпиталях... 1735 г. Этот паек потреблялся больными и ранеными военными и морскими чинами вплоть до 1809 г.

Данный пищевой рацион состоял из: 10¹/₂ фунта хлеба; 2¹/₂ фунта крупы овсяной; 2 фунта крупа ячневой; 5 фунтов мяса свежего; ¹/₂ фунта масла коровьего; 7 чарок хлебного вина; 7 кружек пива; 35 золотников соли, отпускаемых на одного больного в неделю.

В соответствии с законодательством Российской империи ветераны армии и флота, уволенные в отставку и проживавшие в инвалидных палатах госпиталей, считались постоянными больными пациентами вплоть до их естественного ухода из жизни²⁴.

Смешанная форма социальной помощи — выплата пенсионного жалования офицерам и дополнительная выдача хлебной дачи унтер-офицерам и нижним чинам, содержащихся в монастырях Русской Православной церкви.

По указам монарха²⁵ и приговорам Правительствующего Сената штаб- и обер-офицеры, унтер-офицеры и рядовые, которые «...от армейской

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 34.

²² Архив СПб ИИ РАН. Колл. 95. Оп. 1. Д. 5. Л. 147 об.—148; Д. 6. Л. 181—183; Д. 24. Л. 441—442 об.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 1—1 об.

²⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6852. Гл. X. С. 678—679; Т. XIII. № 9779. С. 326—327.

²⁵ Там же. Т. IV. № 2249. С. 476; Т. V. № 2671. С. 25; № 2701. С. 48—49.

и гарнизонной службы за ранами и старостью отставлены», и не имеющие после увольнения собственного жилья и «пропитания», «для прокормления» по смерти убывали в монастыри, «куда пожелают».

Пенсия отставным военным и морским чинам, в виде оклада денежного жалования по последнему воинскому чину и хлебная дача рядовым и унтер-офицерам, выплачивались за счет доходов мужских и женских обителей²⁶.

К примеру, солдат лейб-гвардии Преображенского полка В.Г. Данилов, происхождением из малопоместных дворян, был уволен при смотре лично Петром I от службы по ранению — после того, как шведской картечью при штурме Нарвы в 1700 г. ему оторвало три пальца на левой руке. При увольнении ему был присвоен чин «капрала». Граф С.А. Салтыков, как инвалида, определил его на пропитание к Троице-Сергиеву мужскому монастырю, где он получал от обители «отсыпной хлеб и деньги» [Данилов, с. 8, 10–12].

Размеры пенсии и хлебной дачи самодержец назначал против солдат гарнизонных полков тех губерний, в которых располагались монастыри.

На массовое нежелание монастырей содержать ветеранов незамедлительно последовал указ Петра I от 3 мая 1720 г., предписывающий архиерейским домам и настоятелям обителей выдавать отставным чинам пенсию и хлебную дачу вовремя и без всякой волокиты²⁷.

Повсеместный неурожай зерновых серьезно усложнил пенсионное обеспечение отставных чинов, находившихся на пропитании в монастырях. Указ Священного Правительствующего Синода от 17 января 1722 г., в части, касающейся нелегкой судьбы увечных и хворавших ветеранов армии и флота, объявлял, что «...отставных за скорбями, и за ранами и за болезнями разных полков урядников и солдат, для определения в монастыри не отсылать, понеже их отставных в монастырях довольствоваться нечем»²⁸.

В ответ на демарш Синода 12 апреля 1722 г. Петр I предписал: «На убылые места определять отставных...». Количество вакантных мест в каждом монастыре для содержания отставных военных и морских чинов следовало довести от трети до половины штатных монашеских порций. По решению императора излишние монахи должны были переведены в те монастыри и пустыни, «в коих братия содержится [только] от трудов».

Таким образом, монарх уточнил организацию денежного и пищевого довольствия военных в отставке, проживающих в монастырях, наложив Высочайшую резолюцию на докладные пункты Святейшего Синода: «Служивым людям старым и увечным давать рядовым против чернцов (монахов. — *И. Д.*), а офицерам и унтер-офицерам по полторы порции, а Обер и Штаб-офицерам против Регламента порционы».

Причем самодержец особо подчеркнул для архимандритов и игуменов, как им следует обеспечивать отставных чинов: «И давать таким, которые

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 33–33 об.; ПСЗ. Т. V. № 3409. С. 726.

²⁷ Там же. Т. VI. № 3576. С. 188–189; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35.

²⁸ Там же. Л. 35 об.—36.

в монастырях, а женатые, [если] при монастырях жить пожелают; а кои в домах будут жить своих, тем не давать; а которые могут еще управлять дела монастырские, и им [всем] быть у дел»²⁹.

Данным определением о выдаче штаб- и обер-офицерам порционных «против регламента» их пенсионное жалование повышалось (полковнику — 742 руб. 73¹/₂ коп.; подполковнику — 371 руб. 36¹/₂ коп.; майору — 282 руб. 24 коп.; капитану — 222 руб. 73 коп.; поручику — 134 руб. 24 коп.; подпоручику — 104 руб. 44¹/₂ коп.; прапорщику — 74 руб. 54¹/₄ коп. в год)³⁰, по сравнению с тем, какое оно полагалось по Сенатскому определению 1719 г.³¹, назначившим отставным чинам гарнизонные оклады.

Унтер-офицерам и рядовым дополнительно сверх пенсии в монастырях отпускался провиант: холостым: ржаной муки по 3 четверти, круп по полтора четверика на год, а женатым норма увеличилась вдвое.

Недаром дореволюционный исследователь Н. П. Хитрово пришел к неоспоримому выводу, сделанному на основании анализа нормативно-законодательных актов первой четверти XVIII в., что «царствование Императора Петра Великого было временем самого лучшего экономического положения отставных [военных и морских чинов армии и флота], если при этом, однако, не игнорировать бытовыми общественными условиями того времени и относительно дешевизною жизненных продуктов» [Хитрово, с. 36].

Кроме перечисленных форм социальной помощи, за безупречное выполнение своих функциональных обязанностей и особые заслуги в укреплении боеготовности войск и сил флота некоторым офицерам-иностранцам и из природных россиян персонально Петром I назначалось дополнительное денежное вознаграждение сверх должностного оклада, пожалование в собственность городского дома, выделение беспроцентной ссуды на постройку или покупку двора, наделение имением, направление сыновей в военно-учебные заведения на казенный кошт.

Литература

- Берх В. Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб.: Морская тип., 1831. Ч. I. [8], 354, [1] с., [13] л. ил.
- Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I. [2], VIII, IV, 652, [6] с., 30 л. ил.
- Данилов М. В.* Записки артиллерии Елизаветинских времен М. В. Данилова // Русский архив. 1883. № 3. С. 31–97.
- Дегтярев Г. П.* Пенсионные реформы в России. М.: Academia, 2003. 335 с.
- Соловьев Н. И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. 279 с.

²⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3962. С. 650.

³⁰ Там же. Т. VIII. № 5688. С. 377.

³¹ Там же. Т. V. № 3409. С. 726.

Хитрово Н.П. Реальная попытка к улучшению положения отставных пенсионеров всех ведомств, при помощи сгруппирования их в обществе. (С историей исследования положения служилых людей в отставке, с древнейших времен у нас в России). М., 1903. 62 с.

Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. 1040 с.

Чичерин А. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. СПб., 1883. Т. I. 1683–1725. 579 с., 10 л. ил.

References

Berh V.N. Zhizneopisaniya pervyh rossijskikh admiralov, ili Opyt istorii rossijskogo flota. SPb., 1831. Ch. I. [8], 354, [1] p., [13] il.

Chicherin A. Istoriya lejv-gvardii Preobrazhenskogo polka. 1683–1883. SPb., 1883. T. I. 1683–1725. 579 p., 10 il.

Chistovich Ya.A. Istoriya pervyh medicinskih shkol v Rossii. SPb., 1883. 1040 p.

Danilov M.V. Zapiski artillerii Elizavetinskih vremen M.V. Danilova // *Russkij arhiv*. 1883. № 3. Pp. 31–97.

Degtyarev G.P. Pensionnye reformy v Rossii. M.: Academia, 2003. 335 p.

Hitrovo N.P. Real'naya popytka k uluchsheniyu polozheniya otstavnyh pensionerov vseh vedomstv, pri pomoshchi sgruppirovaniya ih v obshchestve. (S istoriej issledovaniya polozheniya sluzhilyh lyudej v otstavke, s drevnejshih vremen u nas v Rossii). М., 1903. 62 p.

Solov'ev N.I. Pensii voennym officerskim chinam i ih semejstvam v Rossii, Germanii, Avstrii i Francii. SPb., 1893. 279 p.

Veselago F.F. Ocherk russkoj morskoy istorii. SPb., 1875. Ch. I. [2], VIII, IV, 652, [6] p., 30 il.

Ivan G. Durov

Niznii Novgorod, Russia

SOCIAL PROTECTION OF MILITARY AND NAVAL RANKS, MEMBERS OF THEIR FAMILIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY

Studying and analyzing the regulatory acts, published and the archival sources the author comes to the conclusion that the social protection of military personnel of the army and fleet, their widows and orphans in the first quarter of the XVIII century have been constantly developed. Peter I paid special attention to this question. The main form of protection of retired ranks and members of their families, was social assistance.

Keywords: *Russian Empire, Peter I, social protection, social assistance, retired ranks, widows and orphans.*

Контракты с иностранцами в эпоху Петра I: ИННОВАЦИИ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ?

Статья посвящена исследованию контрактов с иностранными специалистами в России эпохи Петра I. Сделан акцент на выявлении взаимосвязей формуляра и содержания договоров с практиками найма иноземцев на русскую службу во второй половине XVII в. Показано, что предшествующий опыт использовался агентами Петра при составлении контрактов, однако тексты договоров зачастую облекались в упрощенные формы ввиду многократно возросших масштабов вербовки. Переход к договорным отношениям с зарубежными специалистами стал одним из важнейших факторов формирования качественно нового статуса иностранцев в России.

Ключевые слова: контракт, иностранцы в России, эпоха Петра I, договор, дипломатика

Массовое привлечение иностранцев в Россию в эпоху Петра I стало отправным этапом в развитии договорных отношений между государством и частными лицами — иноземцами. Наличие контракта позволяло европейским выходцам рассчитывать на то, что они говорят на одном языке со своим «нанимателем». И хотя в реальности представления контрактеров о силе договора еще существенно разнились с мнением и действиями русских администраторов как контрагентов, сам факт заключения соглашений приближал новые практики найма к *просвещенной*¹ европейской правовой культуре. «Договорные» формы приема иноземцев на русскую службу использовались и в предшествующий период (пусть и в несравнимо меньшем масштабе). Во многом, контракты первой четверти XVIII в. составлялись по тем же принципам, что и «договорные статьи» второй половины XVII столетия. Следовательно, договоры петровской эпохи целесообразно рассматривать в неразрывной связи с имевшимся на тот момент опытом разработки и заключения контрактов (или иных разновидностей документов, оформлявших соответствующие правоотношения).

С утверждением договора как обязательного условия устройства на службу² постепенно упразднялись другие практики поощрения «нужных»

¹ О *просвещении* как одном из важных результатов петровских преобразований в плане включения России в общеевропейское пространство государств модерного типа и преодоления мифа о *непросвещенности* Московии см.: [Редин, с. 16–18].

² Следует заметить, что на начальном этапе массовых вербовок сохранялись прежние формы найма — по личному приглашению царских агентов, по протекции, по устным догово-

иностранцев. К таковым относилось «жалованье за выезд» — единовременная выплата иноземцам за приезд, выдававшаяся в натуральной и денежной форме. В XVII в. особенно ценные специалисты получали щедрые вознаграждения в виде материй, мехов, серебряных вещей и пр. [Мулюкин, с. 164–165; Ф. Лефорт, с. 98–100, 106]. Выдача обычного жалования также могла производиться продуктами питания и прочими «натуральными» вещами. Такая практика отчасти сохранялась и в первые годы царствования Петра. При этом плата «за выезд» не полагалась тем, кто приехал «собою», «без призыву» и «опасных грамот»³. С началом петровских преобразований схема вознаграждения иностранцев и порядок их приема на службу меняются. В.С. Ржеуцкий и Д.Ю. Гузевич на конкретном примере проиллюстрировали, что в конце XVII в. требования выплаты жалования в деньгах (а не продуктах и товарах), а также авансов на проезд и гарантий свободного отъезда после окончания контракта, исходили от самих иностранцев, не желавших выезжать без заключения письменного договора. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что именно с этого времени для Петра уже очевидна необходимость создания отлаженной системы контрактования для реализации задуманного им массового найма иноземцев [Иностранные специалисты, с. 41].

Что же касается более ранних практик, то можно наблюдать наличие весьма проработанных и развернутых договоров уже в XVII столетии. Среди документов о найме иностранцев во второй половине XVII в. обнаруживаются контракты, как пишут В.С. Ржеуцкий и Д.Ю. Гузевич, «вполне полновесные» [Иностранные специалисты, с. 41]. Речь, в частности, идет о договорах с голландскими кораблестроителями. В текстах представлен насыщенный набор условий: жалование (с указанием конкретных сумм); дата начала и срок договора; подтверждение выплаты определенного количества денег уже в Амстердаме; условие о том, что кормовые деньги будут выдаваться сполна вплоть до возвращения в отечество; обеспечение помощи семейству в случае, если иноземец погибнет во время службы; возможность привезти в Россию жену и детей или же условия периодических выплат супруге, матери или другим родственникам части жалования; обязанность российской стороны обеспечивать медицинскую помощь иностранцам; обязательство мастера ехать туда, куда велит государь; обещание служить верно и «стояти <...> против всяких его царского величества неприятелей, как водяным, так и сухим путем». «Конечный протокол» акта состоит из указания даты и места его заключения, а затем следуют удостоверительные

ренностям, «без договору». Кроме того, существовал определенный процент иноземцев, которые выезжали «собою», что не предполагало заблаговременного заключения контракта. См.: [Ф. Лефорт, с. 220, 305]; РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию — (коллекция) из фондов Посольского приказа, Полоняничного приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. 1702 г. Д. 18. Л. 4; 1703 г. Д. 9. Л. 12.

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1697 г. Д. 11. Л. 18, 21.

элементы в виде подписей мастеров, а также поручителей и свидетелей. Имеются сведения о количестве экземпляров и местах их хранения [Дополнения к актам, с. 215].

С точки зрения анализа эволюции документа (а следовательно – эволюции зафиксированных в нем отношений) важным представляется выяснить, являются ли изучаемые источники полноценными актами, и наблюдается ли в них указание на взаимный характер прав и обязательств. Следует заметить, что в государственных контрактах российскую сторону нередко представляли посредники из иностранцев. В случае с голландскими корабельщиками таковым выступил иноземец Иван Ван Сведен. Принятый им Давид Будлер, согласно переводу с «галанского письма», «нанялся в службу его царского величества», Ламберт Гелт – «обещаетца служить его царскому величеству корабельщиком», Вилим ван-де-Стрек «договорился <...> быти ему в службе его царского величества кормщиком и плотником», Тимофей Ван-де-Стрек также «договорился <...> кормщиком быти», Антон Минстер «дался в службу его царского величества» [Дополнения к актам, с. 211–216]. Приведенные формулировки свидетельствуют, что термины «договор», «договориться» употреблялись либо применительно к одному субъекту отношений, либо вообще заменялись (отождествлялись) понятиями «найма» или «отдачи» себя в службу царю. Думается, что именно последний вариант был наиболее близок к российским реалиям вплоть до конца первой четверти XVIII в.

По мнению историка права А.С. Мулюкина, уже в XV–XVII вв. существовали «договорные» и «бездоговорные» типы отношений между властью и иноземцами, поступавшими на русскую службу. Первому соответствовал приезд «на наем, на время, а второму – выезд на государево имя, на вечную службу [Мулюкин, с. 144]⁴. Ученый разделял «простые факты заключения русским правительством с иностранцами договоров о службе» и «уговорные статьи», которые воспроизводились «для воздержания письменно и за печатью». А.С. Мулюкин отсылает к проекту договора с английским генералом Карлом Эргартом [Мулюкин, с. 151], составленному самим иноземцем и отданному на рассмотрение царского правительства [Гурлянд, с. 37–46]. Крайне важным представляется то, что на примере данного текста видно, что уже в XVII в. создавались развернутые документы подобного рода.

«Договорные статьи» Эргарта демонстрируют совокупность ключевых условий, которые регламентировались контрактами. В первую очередь, оговаривались «генеральские» полномочия и привилегии, которые следовало закрепить грамотой от царского величества. Иностранец имел право «с собою привести» воинских командиров и рядовых солдат, а также ин-

⁴ Следует отметить, что иностранцы приезжали «на государево имя», в том числе, и по собственной инициативе, без приглашения от царского правительства. О.В. Скобелкин подробно реконструировал поэтапную процедуру приема на службу таких иноземцев [Скобелкин, с. 7–17].

женеров и мастеров. Данный пункт был воспринят правительством положительно, поскольку найм полезных иноземцев для Московского государства приветствовался царем. Две статьи посвящены финансовым вопросам. Выдачу денег «на подъем» в определенном размере царское правительство одобрило только в отношении самого англичанина, но не отреагировало на просьбу относительно его подчиненных. Подробно был расписан размер ежемесячного «корма». Предусматривалось, что в срок службы генерала зачтется его нахождение при царском комиссаре в Голландии. Англичанин сделал акцент на необходимости выдачи ему проезжих грамот для беспрепятственного следования к Москве. В случае, если генерал или кто-то из его команды попадет в плен во время проезда к месту службы, московское правительство обещало вызволить их. Иностранцам гарантировалась свобода вероисповедания, разрешалось привезти с собой двух священников, доктора и аптекарей. Юрисдикция в подчиненном генералу войске отдавалась под его ответственность, кроме государственных и «убийственных» дел, а также случаев с участием военных из других подразделений. Запрещалось только наказывать смертной казнью без царского указа. Чинопровозводство разрешалось осуществлять Эргарту, за исключением назначения полковников и подполковников. В одной из договорных статей, предложенных генералом, затрагивался вопрос о преждевременном расторжении контракта с российской стороны. Договор заключался на три года. Если же царское правительство пожелает кого-либо из команды англичанина «отпустить» от службы раньше, то такому иноземцу следовало бы выплатить «корму» сверх на шесть месяцев. Однако царское правительство полностью проигнорировало данное предложение, подчеркнув лишь, что уволенным иноземцам не следует искать службы у государств – «недрузей» Московского царства. При этом, условие о выплате двух месячных окладов отъезжающим до истечения трех лет иностранцам (в случае вызова их английским королем или неспособности к службе) было удовлетворено. Особой статьей Эргарт намеревался оговорить условия обеспечения членов своей команды и их семейств в случае ранений, получения увечий или гибели в годы службы в России. Англичанин испрашивал содержания для того, чтобы пострадавшим иноземцам, их женам и детям можно было прокормиться (или же помощь вдовам и сиротам в отъезде на родину). Оговаривались конкретные пропорции выплат, в зависимости от жалования. Однако реакция российской стороны на данный пункт оказалась расплывчатой: рассматривать подобные случаи следовало по факту их появления. Иноземец просил гарантий освобождения от податей и повинностей, а также права «детям или слугам» при необходимости выезжать из «его царского величества земли» по окончании трех урочных лет или прежде того. Последнее было разрешено по проезжим грамотам. На вопрос о гарантиях освобождения от налогов конкретного ответа не последовало. Англичанин попытался обеспечить право получения жалования наравне с русскими и иноземцами того

же чина, на что получил резолюцию следующего содержания: «как хто ему, великому государю, служить учнет верно, и тому и милость его государева будет по рассмотренью»⁵. По истечении срока договора иностранцы имели право заключить новый контракт либо отправиться на родину или в другие государства. В специальной «уговорной статье» шла речь об удостоверительных документах и процедурах: иноземцы обязывались принести присягу в верности службы царю, а от государя им полагалась жалованная грамота. Эргарт также ходатайствовал о том, чтобы к его приезду означенные договорные статьи были подтверждены «его царского величества большою государственною печатью». Текст завершается указанием места и времени его составления [Гурлянд, с. 37–46]. Проект контракта, созданный английским генералом, отражает представления иностранца о сущности договорных отношений, правилах заключения контракта, его юридической силе, спектре прав и обязанностей, подлежащих регулированию. В дальнейшем контракты с иноземцами будут в том или ином наборе содержать схожие условия и даже те, о которых генералу не удалось договориться.

Для сравнения возьмем один из контрактов, заключенных в период Великого посольства — договор вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. Условия найма определены в «договорных статьях» и скреплены подписями «полномочных послов», а намерение Крюйса вступить в службу царского величества подтверждено соответствующей присягой. Источники позволяют проследить, что принятие договорных статей происходило в двустороннем порядке. Сохранился проект «статей», а также их более поздний вариант, утвержденный «за руками полномочных послов». На этапе согласования условий Крюйсу крайне важным представлялся вопрос о возможности получить разрешение на отъезд, а также обеспечить гарантии того, что занимаемая им в Амстердаме должность будет сохранена за ним, и по возвращении в отечество он сможет продолжить службу в прежнем чине⁶. В более позднем «списке со статей, на которых в службу <...> капитан Корнелиус Креус *принят*» [выделено мной. — О. Е.] данные обстоятельства также прописаны, но отнесены к разделу, касающемуся условий окончания службы Крюйса в России и отъезда на родину⁷. Договорные статьи определяли новый чин голландского офицера — «принят он Креус в службу великого государя, и пожаловал великий государь его царское величество помянутого капитана Креуса в вицеадмиралы»⁸. Срок найма составлял «три или четыре года», точно устанавливалась только дата начала службы. В нескольких пунктах подробно прописаны полагающиеся иноземцу вознаграждения:

⁵ При Петре формулировка о размере жалования «против» других иноземцев того же чина становится очень распространенной, особенно при найме военных. См.: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 9. Л. 3 об.; Д. 34. Л. 1 об.; 1704 г. Д. 13. Л. 18 об.; 1707 г. Д. 1. Л. 3 об.

⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 9.

годовое жалование (половина должна выплачиваться Крюйсу на месте службы, а остальное — его доверенным лицам в Амстердаме); право на получение «трех частей из ста» от военной добычи в случае успешных кампаний; задаток на выезд и подъем; бесплатное содержание во время путешествий в ходе службы; содержание при Крюйсе двух слуг за казенный счет. Кроме того, вице-адмиралу позволялось нанять двух подданных царского величества для ведения делопроизводства, а также разрешалось на собственные средства пригласить лютеранского пастора⁹. К слову, данный итоговый вариант «статей» содержит несколько измененные условия относительно роли и количества людей, находившихся в услужении у иностранца. Изначально Крюйс запрашивал право привезти с собой секретаря или комиссара с пятью иными служителями, на содержание которых должны выдаваться казенные средства. Предполагалось, что среди таковых служителей будет пастор¹⁰.

В тексте «статей» Крюйса прописано условие о том, что если в пути к месту службы иностранец попадет в плен, то выкуплен и освобожден будет «казною царского величества», а ежели случится собственные деньги заплатить, то по прибытии в Россию — получит компенсацию. Кроме того, позднейший вариант «договорных статей» предусматривал пожизненное содержание Крюйса (сохранение жалования) в случае, если с ним приключится болезнь или «иное какое повреждение», приведшее к «немогности»¹¹. Отъезд вице-адмирала в Амстердам по завершении службы также обеспечивался за счет казны. В тексте засвидетельствован факт поручительства двух амстердамских жителей — А. Гоутмана и Х. Бранта. Список со «статей» содержит указание на удостоверительные знаки документа: «Для лутчей веры сие договорное письмо мы Его царского величества великие полномочные послы руками своими подписали и печати приложили»¹².

Самоназвание источника — «договорное письмо», отсылает к размышлениям о формах и разновидностях контрактов петровской эпохи. В данном случае документ подписан уполномоченными послами царского величества. Что же касается другой стороны, участвующей в «делке» — К. Крюйса — его обязательство исполнять «договорные статьи» подтверждено отдельным документом — присягой. Формуляр «договорных писем» имеет сходство с западноевропейскими актами, именуемыми в русских источниках «свидетельствованными письмами». К таковым относятся свидетельства, выданные иноземцам правительствами государств, из которых они прибыли, и подтверждающие квалификацию, а также опыт прежней службы нанимаемых специалистов¹³. Если проводить аналогию, получается, что

⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

¹¹ Там же. Л. 9 об.—10.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ См., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 8. Л. 4–5 об.; 1703 г. Д. 9. Л. 4–9 об.

данная разновидность документа по форме напоминала жалованную грамоту (или свидетельствованную грамоту). Договорные письма, как правило, подписывались агентами от имени российского государя (как и в случае с Крюсом). Например, «договорные письма», составленные в ходе найма Доменико Трезини и его команды, написаны от лица А. Измайлова, российского посла при датском дворе. По формуляру это односторонние обязательства, однако, в одном из «писем» (относящимся к найму сразу нескольких каменщиков) присутствует формулировка о том, что «уговорились» две стороны (посол А. Измайлов и пять каменщиков), а также имеются подписи обеих сторон¹⁴.

Влияние на трансформацию формуляра оказывало не только использование западноевропейских образцов, но и привлечение иностранных агентов к вербовке специалистов. Например, в 1702 г. капитан Симон Петерсон заключил *контракт* с чулочным мастером Павлом Фрейлихом. Оригинальный текст на немецком языке имеет наименование *Contract* и содержит подпись нанимаемого мастера¹⁵. В том же 1702 г. немецкий доктор Бресциус вступил в службу по *договору*, скрепленному подписями обеих сторон: «Для совершения сего договору и его превосходительство господин посол изволил в имя царского величества подписать и печатью подкрепить, и меня заставил то ж учинить»¹⁶. К слову, договор с упомянутым доктором носит весьма лаконичный характер. В тексте определены условия выплаты жалования и обеспечения проезда к месту работы (деньги, подводы, проезжие грамоты), срок службы, свобода вероисповедания, а также право беспрепятственного выезда из России по окончании контракта¹⁷. Не более пространны «договорные пункты» инженера Деламотте. «Кондиции» (условия / *conditions*) состояли в определении должностных обязанностей (служить в качестве инженера), размера жалования, гарантии обеспечения иноземца и его семейства в пути к месту службы и обратно в случае отставки¹⁸.

После издания Манифеста 1702 г. о призыве иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания¹⁹ право свободного отправления веры стало чаще фиксироваться в контрактах. Кроме упоминавшегося договора с доктором Бресциусом, такие условия прописаны, в «капитуляции» полковника Партезеса (1704 г.)²⁰, в контрактах с командами архитекторов Растрелли (1715 г.) и Леблona (1716 г.)²¹ Законодательное утверждение свободы вероисповедания для иностранцев и распространение информации

¹⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12. Л. 2–5.

¹⁵ Там же. 1702 г. Д. 7. Л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. 1703 г. Д. 24. Л. 7 об.

¹⁷ Там же. Л. 6 об.–7 об.

¹⁸ Там же. 1703 г. Д. 26. Л. 1–1 об.

¹⁹ Манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» // ПСЗ. Собрание 1. Т. 4. № 1910.

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1704 г. Д. 15. Л. 2 об.

²¹ Там же. 1715 г. Д. 1. Л. 39; 1716 г. Д. 3. Л. 1–5 об.

об этом среди потенциальных иммигрантов, наряду с последующим решением православным заключать браки с иноверцами²², стало важным шагом к формированию нового статуса иноземцев. Кроме того, в данный период в контрактах появляется пункт об освобождении иностранных специалистов от налогов, повинностей и постоев²³.

Договорные отношения упростили процедуру выезда иноземцев в Россию и дали определенные гарантии (или иллюзии их наличия) зарубежным специалистам. Развитие практик контрактования происходило на фоне законодательного расширения прав и привилегий иностранных подданных. Постепенно преодолевались преграды, существенно ограничивавшие свободу и мобильность иноземцев в предшествующий период. Формуляр и содержание договоров петровского времени свидетельствуют об использовании опыта XVII столетия, однако массовый характер вербовок обусловил переход от «штучных» и детально проработанных текстов к упрощенным и менее развернутым документам. Тем не менее, преемственность прослеживалась в совокупности условий, оговариваемых в контрактах. Очевидно, что при составлении «договорных пунктов» конца XVII — начала XVIII в. большое внимание уделялось требованиям самих иностранцев (ранее не всегда удовлетворявшихся русскими властями). Не менее важную роль играли царские агенты за рубежом (как российские посланники, так и иноземцы — особенно купцы, выступавшие посредниками) в силу их осведомленности о потребностях иностранцев и традициях договорных отношений в Западной Европе. Несмотря на то, что в реальности иноземцы регулярно сталкивались с нарушениями договоров со стороны царского правительства, именно в эпоху Петра I были заложены основы качественной трансформации социально-правового статуса иностранных специалистов в России.

Литература

- Гурлянд И. Я.* Иван Геблон, комиссариус и резидент: Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века. Ярославль, 1903. 92 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1853. Т. 5. 528 с.
- Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682—1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. 800 с.
- Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство: из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. 287 с.
- Редин Д. А.* Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный // Российская история. 2021. № 4. С. 3—22. DOI: 10.31857/S086956870016252—8

²² ПСЗ. Собрание 1. Т. 6. № 3814.

²³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 33 об.—39; 1716 г. Д. 3. Л. 1—5 об.

Скобелкин О.В. Прием «выходцев на государево имя» в XVI – начале XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII вв. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 7–17.
Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. 568 с.

References

- Gurlyand, I. Ya. Ivan Gebdon, komissarius i rezident: Materialy po istorii administratsii Moskovskogo gosudarstva vtoroy poloviny XVII veka. Yaroslavl, 1903. 92 p.
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkhеоgraficheskoyu komissieyu. Saint Petersburg, 1853. Vol. 5. 528 p.
- Inostrannye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskiy slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveysarii i Savoyi: 1682–1727 / Ed. by V.S. Rzhеutskiy and D. Yu. Guzevich, with participation of A. Mezen. Moscow: Lomonosov, 2019. 800 p.
- Mulyukin, A.S. Priezd inostrantsev v Moskovskoe gosudarstvo: iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov. Saint Petersburg, 1909. 287 p.
- Redin, D.A. Imperiya Petra Velikogo: kurs – vest, veter vstrechnyy // *Rossiyskaya istoriya*. 2021. No 4. Pp. 3–22. DOI: 10.31857/S086956870016252–8
- Skobelkin, O.V. Priem «vykhodtsev na gosudarevo imya» v XVI – nachale XVII veka // *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vv.* / Ed. by A.K. Levykina. Moscow, 2006. Pp. 7–17.
- F. Lefort. Sbornik materialov i dokumentov. Moscow: Drevlekhranilische, 2006. 568 p.

Olga K. Ermakova

Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

CONTRACTS WITH FOREIGNERS IN RUSSIA DURING PETER THE GREAT ERA: INNOVATIONS OR CONTINUITY?

The article examines contracts with foreign specialists in Russia during Peter the Great era. The emphasis is placed on identifying the interconnections between the form and content of contracts with the practices of hiring foreigners for Russian service in the second half of the 17th century. The author shows that the previous experience was used by Peter's agents when drawing up contracts, but the texts of the contracts were often presented in simplified forms due to the manifold increase in the scale of recruitment. The transition to contractual relations with foreign specialists became one of the most important factors in the formation of a qualitatively new status of foreigners in Russia.

Keywords: *contract, foreigners in Russia, Peter the Great era, agreement, diplomatics.*

Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени*

Статья посвящена смотренным мероприятиям эпохи Великой Северной войны, которые объявлялись именными указами для царедворцев, шляхетства и «ратных» людей в столичных царских резиденциях. С XVII в. государевы смотры предварялись объявлением указа на Постельном крыльце, рассылкой грамот по уездам, записью приездов служилых людей; предполагали личное участие царя в разборе «чиновных» людей. Смотры при Петре I проводились в столицах с целью закрепления итогов «разбора чинов» центральными учреждениями для определений на военную службу, к делам приказов, коллегий или в отставку. Выясняются новации в служебной организации царедворцев в 1700-е гг. с введением «четвертей», «статей», категории бытейщиков для «учения артикулу» и записи на регулярную службу. Регулярные смотры царедворцев совместно с городовыми дворянами и другими «чинами» требовались для оперативного решения текущих задач правительства. На основе опубликованных и архивных источников проведен анализ смотренной документации и обобщены данные о государевых смотрах царедворцев и шляхетства в 1700–1723 гг.

Ключевые слова: Петр I, царевич Алексей Петрович, смотр, рекрутирование, русское дворянство, русская армия, московские чины, шляхетство

В жизни «ратных» и служилых людей Московского государства смотры происходили неоднократно. Необходимость определения на смотровых мероприятиях боеспособности и «годности» служилого человека для назначения «в походы», «к делам» или к отставке порождало течение войны. С младенчества и взросления человека из служилого рода окружала милитарная атмосфера, а его служба строилась с момента получения чина или с вызова на смотр. «Младенчество» и «взросление» не образные выражения и не фигуры речи. На смотрах московских чинов 1700–1704 гг. на перспективный учет записывали детей 8–13 лет в «полковые недоросли». Тогда же на разборах в уездах рейтары и копейщики отмечали в сказках своих детей мужского пола, включая годовалых младенцев. От своевременности приезда чиновного человека на смотр зависели назначения и условия службы, иногда «денежные придачи». За игнорирование смотров с первых лет Северной войны по указу ужесточались наказания нетчиков: «а которые не станут на смотр, и тех сыскивать и сажать, сковав, по тюрьмам до указа, а поместья и вотчины, двory и животы отписывать» на государя [Письма, 1889, с. 182]. Состояние нетства было одним из самых чувствитель-

* При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42073 «Петровская эпоха».

ных социальных стигматов для служилого человека. Смотры чинов оказались настолько регулярной практикой, что как повторяющаяся повседневность крайне редко запечатлевались вне документов созывавших их учреждений. История «разборных» акций заслуживает подробного изучения в нескольких аспектах: как традиционный способ управления служилыми людьми, как проявление мобилизационного поведения людей и как вариант достижения текущих задач правительства при рекрутировании «чинов».

Аутентичный термин «служилые люди» к концу XVII в. охватывал множество «чиновных» сфер: представителей московских и городских чинов, их «людей с боем», армейских чинов от солдат и драгун до «начальных людей», архиерейских и монастырских слуг, дворовых людей при царском дворце. В то же время современники отличали служилых людей, не имевших предков на государевой службе, от потомков, происходивших «из жителя», «из стольничества» или «из детей боярских». Дворовые люди, ведавшиеся в приказе Большого дворца, не могли претендовать на московский чин, если их отцы не обладали таковым статусом.

Слово «царедворцы» закрепилось в светской устной и письменной речи в Петровскую эпоху. В переписке царя с сановниками в 1690-е гг. документально отмечается замена выражения «московские чины» для обобщения стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. Слова «царедворцы» и «из москвичь» становятся обиходными, не распространяясь на комнатных стольников. Эти краткие именованья взамен канцеляризма «люди московских чинов» предпочитали с конца 1690-х гг. царь и его ближайшее окружение бояре Ф.А. Головин¹, кн. Б.А. Голицын, Т.Н. Стрешнев, генерал А.М. Головин. [Письма, 1887, с. 11, 583, 806, 814; Письма, 1889, с. 7–11]. В официальных текстах указов и канцелярских документах оборот «московские чины» доминировал до конца 1710-х гг., когда его вытеснило уже устоявшееся слово «царедворцы». Приказные служащие, как составители большинства официальных текстов, хорошо понимали, чем чревата поправка привычных «званий».

Чиновные пожалования, наборы и смотры царедворцев отличались от тех же инструментов рекрутирования в регулярной армии («в регулярстве»). Отмежеванию смотров регулярных частей от «сотенных» способствовали воинские успехи «регулярства» и внимание царя к произведениям иностранной военной мысли. На механизм полковых смотров оказала влияние записка фельдмаршала-лейтенанта барона Г.Б. Огильви «О смотре и мундштровании» 1704 г. Видимо, иностранные проекты имели шанс воплощаться в русской армии при укреплении ее внутренней организации, при достатке обученных солдат и офицеров.

Известное утверждение в историографии о замене сотенной службы «регулярством» в начале 1700-х гг. не согласуется с действительной практикой

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1179.

назначений царедворцев, городских дворян и «ратных людей» в течение всей Северной войны. Незадолго до Полтавской битвы в 1708 г. велась локальная перепись жильцов и их «людей с боем и телегами», в 1713 г. составлялись полковые приезды царедворцев, в 1722 г. — приезды на смотр. В начале войны внедрялись новации на смотрах и вводились новые служебные категории царедворцев и способы их перевода на регулярную службу.

Среди многочисленных смотренных акций и «разборов» петровского времени институционально выделяются столичные государевы смотры «чиновных людей». К таковым следует отнести «разборы» или осмотры «чинов»², объявленные в царских указах или документации, которые проводились с личным участием царя или царевича в столице или в царской резиденции. Современники называли такие акции — «смотры царского величества» или «государевы смотры». Перемены места проведения и состава участников в течение смотра или отъезды царя не могли изменить восприятия объявленного смотра как «государева». Однако таким же эпитетом современники называли прибытие царя к «походному» смотру армейских чинов, к инспекции полков, к осмотру раненых [Походные, 1707, с. 1; Офицерские, с. 745]. Подобные более импровизированные акции обходились без именного указа о съезде к определенной локации или дате, без записей приездов. Аутентичное именование «государев смотр» намного шире, чем смотровые мероприятия, очерченные аналитически при выяснении природы и назначения смотренных акций. Полисемичность слова «смотр» известна по документам XVII в. «Смотрами» назывались различные практики и действия: царские «великие смотры» московских и «чиновных людей»; «разборы» в уездах для набора в полки; «смотры» для определения физической годности, который современники также именовали и «осмотром». Петр I называл «смотром» и ведомости по итогам «разбора» [Письма, 1948, с. 75]. Словами «разбор», «смотр», «смотрение» [Письма, 1918, с. 187] выражались разные по задачам акции, и, наоборот, одним эпитетом именовалось несколько разных мероприятий. Так, смотры армейских чинов представителями генералитета Военной коллегии в 1716, 1718 гг. назывались «генеральными смотрами». Согласно указу 8 января 1719 г. и до середины 1722 г., также «генеральными» назывались смотры военных чинов и самими организаторами и участниками. Крупнейшую акцию «сенатского разбора» неармейских чинов в 1721–1723 гг. царь именовал «генеральным смотром дворян».

Свод кратких и отрывочных данных о смотрах дворян, шляхетства и недорослей при Петре I впервые предложил Н.П. Павлов-Сильванский [Павлов-Сильванский, с. 241–243]. В историографии предлагалась систематизация

² С точки зрения правительства «чином» были недоросли, состояние которых определялось отношением к службе, установленном в юном возрасте. Недоросль, не получивший по болезни или недугу назначения или записи на «полковую службу», именовался «недорослем» на последующих смотрах, подтверждавших его состояние. Великовозрастные недоросли были типичным явлением на смотрах XVII в. и петровского времени.

полковых смотров регулярной армии [Калашников, с. 116–118]. Предложенные формальные критерии не могут учесть все переходные формы и сложную семантику «смотров». По-прежнему остаются неизвестными результаты большинства смотренных акций, но выявлена аутентичная статистика сенатского смотра, которая восходит к ранним приказным образцам [Захаров, 2022]. Дальнейшее исследование смотренных акций позволит точнее выявить их природу и аккумулировать новые данные об их участниках.

При первых Романовых окончательно сложилась практика государевых (государских, царских) смотров «чиновных» и «ратных людей» с созывом в столицу, записью приездов и распределением «на службы». Итоги смотра и поименную роспись участников фиксировал Разрядный приказ, а «разборы» на местах вели назначенные агенты. Смотры любого уровня доставляли правительству ценные сведения о состоянии и количестве ратных людей [Лаптева, с. 210–230]. Государевы смотры конца XVII в. в столице включали несколько «действ»: объявление указа с Постельного крыльца; рассылку грамот по уездам для сбора «чинов»; поименную запись приездов, составление сказок; роспись по «чинам» и «статьям»; смотр прибывших и их «отпуск». Личное участие государя и атмосфера сопричастности монарха к наряду службы «чиновных людей» передают суть ключевого действия — роль государя. Известны царские смотры учениям, парадные инспекции и «провождения» [Преображенский, с. 241]. Смотр перед выступлением против разинцев 7–29 октября 1670 г. царь Алексей Михайлович назвал «великим» [Преображенский, с. 294]. Царь «смотрит» московских чинов «ратных людей» на Постельном крыльце «с верхнего з деревянного крыльца», а думный дьяк С. С. Титов, «по списку тех чинов людей звал... по другому списку имена сказывал и ести и неты помечал» дьяк В. Г. Семенов³.

Аналогичный порядок «действ» известен до конца правления Петра I. Согласно «Запискам Желябужского» в декабре 1703 г. в селе Преображенском государь «смотрел» воевод «из царедворцев»: «по одному имени кликал розрядный дьяк Ф. И. Замятнин, а государь изволил смотреть по тетради и ставить крыжи над именами». Только свидетель смотра, а не мифический автор мог описать такие подробности [Дневные, с. 347]⁴. Сведения смотренных списков подтверждают, что публичное объявление указа и именных списков на Постельном крыльце в 1700–1708 гг. не были этикетными.

Из государевых смотров начала XVIII в. наименее известны в историографии разборы царедворцев лета 1700 г. (прил. 1) и набор из московских чинов офицеров для «нововыборных» драгунских полков. В 1701 г. на смо-

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 246. Л. 1–38.

⁴ «Записки» после смерти окольного И. А. Желябужского в 1692/93 г., вероятно, вел либо стольник С. В. Желябужский, умерший не позднее 1711 г., либо стольник М. В. Желябужский, бывший на смотре 22 декабря 1707 г. Смерть окольного не вызывает сомнений, была зафиксирована и проверялась в Разряде.

тре московских чинов в Золотой палате Кремля в течение февраля-июня 1701 г. было выбрано в офицеры 98 царедворцев (без учета жильцов: 7 полковников, 79 капитанов и 12 поручиков) к полкам, а к «делам» для набора драгун и сбору «полуполтинных и двугривенных денег» выбран 91 человек, на осмотр в Аптекарский приказ отправлены – 66⁵. Затем осенью состоялся набор около 11 тыс. рейтаров и копейщиков из разобранных по городам 18646 человек [Волынский, кн. 3, с. 133–135].

На смотре в Преображенском и в Столовой палате в январе–марте 1703 г. правительство реорганизовало учет и служебные категории царедворцев. Центральным событием стал «разбор» в селе Преображенском, где находился царь. За один день прежние «отставные» были «разобраны» (прил. 1), а в течение года расписаны «по жилым четвертям» для отправления «в посылки». Около 1170 «отставных» были записаны в четверти («чети»): январскую, апрельскую, июльскую, октябрьскую. Царедворцев обязывали «жить на Москве» по три месяца ежегодно, ожидая назначений из Разряда. Заручные челобитные царедворцев 1705–1709 гг. о возвращении отписанных имений за пропуск «четвертей» говорят о реальности службы «по четвертям». В феврале–марте 1703 г. в Столовой палате Кремля состоялся набор царедворцев в «начальные люди» для полков «бояр и воевод» и для регулярной армии. Для нетчиков этого смотра, продолженного в 1704–1705 гг., возник особый термин – «столовые нети».

После 1704 г. смотры царедворцев в столице объявлялись «прежним обычаем», но личное участие Петра I все чаще затруднялось. 7 июля 1705 г. царь писал боярину Т.Н. Стрешневу из-под Вильны, ожидая «тотчас» подкреплений «поголовно как всех москвичь, так и города с оным воеводою послать тотчас к Новгороду». В это время боярин Стрешнев получил функции главного управителя военных дел в Москве и в 150 уездах, а также право присваивать обер-офицерские и более высокие звания. Воеводой «в поход» 1705 г. Стрешнев назначил окольного П.М. Апраксина. Разрядный приказ мог мобилизовать силы буквально за день. Разряд исполнял царские указы в день получения его распоряжений, готовя официальный текст и рапортовалось о выполнении⁶. На следующий день после получения письма 14 июля «указ на Постельном крыльце сказан и списки чтены», чтобы людям «сотенные службы» ехать «...наскоро, и стать в Новгороде безсрочно...»⁷ [Письма, 1893, с. 371, 845–846, 1033–1034; Захаров, 2020–2022, запись от 1705.07.13⁸].

⁵ Всего по именному списку, отправленному из Золотой палаты в Разряд в августе 1701 г., было расписано 740 царедворцев, из которых менее половины расписаны «по службам и делам», кроме того выяснялся статус 276 нетчиков и 41 «умерших, пропавших безвестно». РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 45. Л. 362–460 об.

⁶ Ответ Стрешнева от 18 июля пришел царю в Вильно 24 июля.

⁷ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 5. Л. 8–9.

⁸ Для похода в Новгород в полк П.М. Апраксина готовились к отправке 1 тыс. драгун и 2 тыс. солдат, «начальные люди» и 900 «деловых» боярских людей, 1300 монастырских слуг.

Насущной задачей Разряда с первых лет войны был перевод части царедворцев в регулярную армию: «в начальные люди», офицеры, кадеты, драгуны, солдаты. Еще в XVII в. практиковалась запись чиновного человека «к делам» с пометой «быть». Примерно с 1703 г. запись «в бытье» приобрела новую семантику. Синоним «в бытейщиках» обозначал подготовку к назначениям: «к учению артикулу», в полки «к регулярству», к другим «службам и делам». Бытейщики «из царедворцев» фактически выходили из оперативного учета списка «полковой службы» по Разряду и ожидали назначений по Военному и другим приказам. Десятки и сотни бытейщиков «из жильцов» поступали «в учение артикулу» к кн. И. И. Львову, А. В. и П. В. Григоровым или куда «сказано будет впредь». После «учения» эта своеобразная служебная категория «бытейщик» сохранялась до последующего назначения. Не отменялся и прежний московский чин, приобретая новое описание. Например, для жильца и для приказных служащих описание нового служебного статуса звучало как запись «из житья в бытье». Жилец Л. М. Протасов, ставший поручиком, вспоминал о недавнем «бытье» в своей заручной челобитной 1706 г.: «а по разбору в прошлом же 705-м году в Столовой полате написан в бытье, а быв в ученье послан в скорых числах с Москвы... в Новгород»⁹. Состояние «в бытейщиках» отмечено и в «рукоприкладстве» челобитных: «вашего величества нижайший раб бытейщик Илья Дмитриев сын Писарев руку приложил». Жилец А. С. Лопухин извещал в челобитной, что написан «в первую статью в бытейщики»¹⁰. И самоименование, и временный статус «бытья» изменялись при получении армейского чина.

Родные братья стольники Иван и Василий Никитичи Татищевы после записи «в бытейщики» и «учения» перешли «в регулярство» в 1706 г., став поручиками Азовского драгунского полка [Волынский, кн. 4, с. 542]. Они быстро забыли о своем «бытье», которое продолжалось около года. Нездоровых и «негодных» к учению бытейщиков на текущих смотрах¹¹ переводили «из бытья в житье», то есть обратно в резерв — в чин «полковой службы». Приказные «выметки» сообщают имена около тысячи бытейщиков за 1704—1708 гг.¹² Новая предстоящая роспись царедворцев «по статьям» заменила необходимость перевода в бытейщики¹³, а термин «бытье» распространился на другие «чины» вплоть до церковных дьячков.

Весной 1706 г. царь и Меншиков по инициативе воеводы и капитана В. Д. Корчмина торопили Разряд с отправкой царедворцев к Смоленску и Брянску для подкрепления. Ожидавшиеся из Москвы новые рекрутные полки поступали «с малым числом» офицеров [Письма, 1900, вып. 1. С. 264,

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6. Д. 30. Л. 854 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6. Д. 33. Л. 340—342; Д. 39. Л. 39—40.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 350. На «смотре» Т. Н. Стрешнева в Москве у Тайницких ворот 5 марта 1706 г. трое жильцов были «выведены из бытейщиков».

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 58—62; Оп. 7-6. Д. 58. Л. 102. За 1704—1706 гг. сведены данные о 511 бытейщиках из царедворцев, за 1708 — о 491 бытейщиках «в статьях».

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6. Д. 58. Л. 102.

840]. Разрядные служащие сумели на царском смотре 1706 г. решить сразу три задачи — роспись, набор и отсылку. В мае полторы тысячи прибывших царедворцев и 85 городских дворян в Разряде¹⁴ расписали по трем статьям. Годность человека к военной службе и учению теперь выражалась одной из трех статей: под «азом», «ведьми» и «глаголем»¹⁵. Первая партия выбранных из первой статьи («под азом») отправилась в Смоленск, из второй статьи («под ведми») — в Брянск. Вскоре царедворцы возвратились в Москву и вместе с нетчиками вновь записывали свои «приезды» в столице. Роспись на статьи затянулась до 1708 г. (прил. 1). При «негодности» к учению или службе царедворца переводили на «статью» ниже. Один из примеров, жилец В.С. Хитрово, который был «в 706-м написан в первую статью, а в 707-м для худобы написан во вторую статью»¹⁶. Роспись на статьи и назначения «начальных людей» из царедворцев практиковались и в XVII в. В годы Северной войны эти меры обеспечили приращение для армии¹⁷.

В 1707 г. Петр I поручил царевичу Алексею Петровичу продолжать «разбор» и «государев смотр»¹⁸. Царевич взялся за дело в полную силу — 19 и 24 ноября Разряд отметил более 600 жильцов его смотра. Любопытно сравнить труды царевича с трудоспособностью царя. Спустя месяц царь «разобрал» за день на Генеральном дворе в Преображенском 245 стольников и стряпчих (прил. 1)¹⁹. Намерения царя продолжить смотр²⁰ в начале 1708 г. не сбылись и его завершал царевич Алексей (прил. 1) [Письма, 1912, с. 190; Письма, 1918, с. 251–252]. Поручив царевичу новый смотр царедворцев осенью 1708 г., царь требовал «те смотры прислать» ему лично (прил. 1) [Письма, 1948, с. 75]. Об удачном завершении царевич известил Меншикова 30 октября.

Проживание Петра I в Преображенском почти всегда сопровождалось смотрами разных «чинов». Для пополнения гвардии он «разбирал» недорослей, и ревизовал по документам людей и финансы [Письма, 1975, с. 549]²¹. Прибыв в Москву 5 декабря 1707 г., он запросил ведомости «по

¹⁴ В ведомстве Стрешнева «роспись» называлась «смотр в Разряде».

¹⁵ К середине мая 1706 г. в столице собрали 1424 человек: «ис того числа выбрано в первую статью 320 и тех учат. 2-й статьи 677 ч. в ученье не годятца, а в роты росписать мочно, толко надобной службы не надежны. 3-й статьи 427 ч. устарели и увечные» [Письма, 1900, вып. 1, с. 263–264].

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 78. Л. 96.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 81. Л. 253–254 об. В жилецком списке 1709 г. был записан 5601 жилец, из которых в «начальных людях»: по трем «генеральствам» — 330 чел. (с 1700 г.), по полкам — 778. В конных и пеших кадетях — 176 и 195 чел., в драгунах и солдатах — 339, в копейщиках гусарах и рейтарах и у них «начальных» — 1547 чел. В «полковой службе» (то есть в резерве), «с корму» и по городам — 1915 чел.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6. Д. 58. Л. 311.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 78. Л. 12–80; Оп. 21. Д. 1426. Л. 7 об.

²⁰ В указе от 15 декабря 1707 г., оформленном 19 числа, говорилось: «всем дворяном которые не у дел, всем стать на смотр ближним к 7 числу, а дальним другим к 25 марта, туда ехать на смотр, где Мы будем».

²¹ Смотры недорослей и «школьников» были устроены на Генеральном дворе в 1705, 1707 (видимо, декабрь), 1709 гг. В 1711 смотр для сбора матросов вел Ф.М. Апраксин.

приказам и канцеляриям сколько где царедворцов всех именами... и стать им к смотру». Требовалось 15 декабря «сие все изготовить к среде, то есть к 17 д. сего месяца», — за два дня [Письма, 1912, с. 190]. Горячая спешность выдавала характер царя и невозможность желаемого «тотчас». Разрядные служащие к 20 декабря подготовили записную тетрадь «Которые ис приказов в посылках и у дел», расписав 579 царедворцев по 14 приказам²². Собственноручно царь сделал приписку: «Камисаром быть не переменным, а жалованья им противу капитанов²³. Напротив 16 имен в тетради были проставлены крыжи²⁴. «Крыжовников» царь отмечал для последующих поручений²⁵, а подьячие отмечали их имена «под крестом». Царевич Алексей Петрович крыжил имена царедворцев для ставки на новый смотр.

В «Донской поход» 1708 г. против булавинцев правительство выставило около 22 тыс. ратных людей и в т.ч. 1564 царедворца и 713 городских дворян [О подавлении, с. 181]. «Чтоб сей огонь заран утушить» царь приказал майору кн. В. В. Долгорукову собрать полки и «дворян и царедворцев и протчих сколько возможно сыскать на Москве конных». В «поход» набирались стольники и жильцы из уездов. Долгоруков доложил 1 мая, что «царедворцов, государь, 725 человек по приказом у дел и в канцелярии, которых я знаю, что лутчие люди, и молодые, и богатые». Было решено оставить в Ижорской канцелярии «самое малое число... а тех всех велено отослать в службу»²⁶ [Письма, 1918, с. 132–133, 567].

После Полтавы царь добрался до распределения «царедворцев, дворян и недорослей» Киевской губернии. В 1710 г. губернатор кн. Голицын исполнял царский указ: «дабы ништо никаким образом укрытися не мог», чтобы всех царедворцев привезти зимой в Москву (прил. 1) [Письма, 1956, с. 82, 536].

Запись царедворцев на службу продолжилась на двух крупных сборах «полка» кн. М. Г. Ромодановского под Белгородом в 1711 и 1713²⁷ гг. В 1712 г. в Москве «разбирали» дворянских недорослей [ПСЗ. Т. 4–5. № 2355, 2367, 2492, 2497, 2569, 2652, 2771, 2779]. Потребность в царедворцах соответствовала их чиновному статусу — они первыми объявлялись в указах о приездах; царь «смотрел» стольников, стряпчих и дворян московских, а царевич — жильцов. С начала XVIII в. на государевы смотры созывали и другие «чины» «из дворян» (прил. 1). В 1714–1715 гг. объявлялось о «съезде всем дворянам» от 10 до 30 лет, которым надлежало явиться «на смотр в Санкт Петербург зимою, преже марта и в марте месяце» 1715 г.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1426. Л. 1–36 об. В частности, «в посылках и у дел» было: из Разряда — 33 человека, из Военного — 19, из Сибирского — 76, из Поместного — 48, из Провиантского — 51, из Адмиралтейского — 32, «из Ингерманландской» — 110.

²³ Приписку царь сделал в рубрике назначений по Военному приказу. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1426. Л. 4 об., 3 об., 36 об.

²⁴ Крыж — знак в виде креста на полях документа.

²⁵ См. сноску 3.

²⁶ Ср. сноску 22.

²⁷ Запись приездов ожидалась к началу апреля 1713 г.

Так называемая консолидация «чинов» отражена формально в двух аспектах — в лексиконе и законодательстве. Почти синхронно со словом «царедворцы» в служебный лексикон вошло слово «шляхетство» для именования русских людей. Одним из первых генерал А. Вейде в своем «Уставе» 1698 г. отметил «ко общей пользе» ратное обучение, когда царь «едва не всю Европу обошел» — «не щадил трудов в нискании и испытании по лучшей мере шляхетных воинских хитростей». Как внимательный читатель царь, вероятно, многократно замечал в Уставе выражение «общая польза» и контекст о «шляхетных хитростях» [Вейде, с. 15]. Одновременно в моду входили новые обращения между сановниками. В переводе грамоты 1701 г. Николая Спафария боярин Ф.А. Головин назвался «ясновельможным и прешляхетным господином»²⁸, а генерал кн. Н.И. Репнин величал сына стольника А.В. Кикина, «благосляхетный мой господин» [Письма, т. 4, вып. 2, с. 615]. И царь, и его сановники смогли примерить звание «шляхетных» к русским служилым людям задолго до известного указа 1712 г. «всему шляхетству» о первенстве обер-офицерского звания [Письма, 1975, с. 22–25].

Несмотря на рассыпание «чиновных людей» по уездам, московским приказам, переводам в полки регулярной армии, «в начальные люди» и в отставку, смотры царедворцев и «дворян» продолжались в 1715, 1718, 1721–1723 гг. Техническую подготовку генерального смотра «шляхетства» 1721–1723 гг. исполняли служащие Герольдмейстерской канторы. Сенату удалось собрать максимально полное представительство всех «чиновных» и служилых людей «из шляхетства», состоявших на тот момент вне армейских полков [Захаров, 2020]. Ранние образцы смотренной документации Разрядного приказа дополнились «репортами» коллегий и «генеральными списками шляхетству»²⁹. Участники смотра, как никогда, оказались погружены в коммуникацию между правительственными учреждениями — коллегиями, герольдмейстерской канторой и Сенатом. Чтобы уехать «к делам», домой и получить «пашпорт» приходилось ожидать решения долгие месяцы.

В «ратном» и имущественном отношении царедворцы как часть «шляхетства» крайне неоднородно. Это и обедневшие помещики из жильцов и богатые аристократы из стольников, часть которых выбились в высшие офицеры, упоминавшие свое происхождение «из царедворцов» как первый чин и службу. Различные слои царедворцев объединял высокий уровень грамотности. Анализ умения писать по сказкам генерального смотра 1722 г. показывает, что доля грамотных стольников, стряпчих и дворян московских была не менее 92,5%, и не менее 83,4% у жильцов [Захаров,

²⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 1. Л. 57.

²⁹ Известны разрядные образцы смотренной документации: «вопросник» для написания сказки к государеву смотру 1680 г. (ПСЗ № 853, 855), запись приезда 1708 г. с данными о явке человека (РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 78. Л. 147). Установлено написание с 1722 г. ставших новацией «генеральных тройких списков» шляхетству, затребованных царем, и продолжавшихся до 1740-х гг.

2016, с. 31]. В переписке царя следуют ежегодные прошения об отправлении на «службы» людей «из царедворцов», за которых велись словесные баталии. Близкий царю Ф.М. Апраксин в 1704 г. просил «написать в адъютанты московских чинов по росписи 30 человек», на что царь его осаждал: «невозможно больше трех, потому что и у каралей больше 15 не живет» [Письма, 1893, с. 33].

С первых лет Северной войны с помощью государевых смотров «чиновных людей» решались текущие задачи правительства: обеспечение армии «начальными людьми», назначение «отставных чинов» на гражданскую службу «в четверти». От смотров ожидалась не отчетная статистика, которая была известна канцелярским счетом и сложением, а реальная картина годности царедворцев и шляхетства к полковой и гражданской службе. С помощью «разборов» по статьям и назначения бытейщиков на смотрах удалось определить часть «чиновных» людей «в регулярство», и в резерв «к делам». Интерес Петра I к рекрутированию служилых людей на сенатских смотрах объясним острым дефицитом гражданских служащих и высокой грамотностью царедворцев. Совместные вызовы царедворцев и городских дворян на государевы смотры в петровское царствование полностью отвечали текущим задачам правительства и стратегии полного подчинения выходцев «из шляхетства» интересам государства.

Приложение 1

Государевы смотры царедворцев и «ратных людей» в столице (1700–1723 гг.)

Дата указа	Срок приезда (смотр)	«Чиновные люди», объявленные для смотра: задачи, (Место проведения)	Царедворцев на смотре (всех чинов)
1700.05.23	1700.06.15 (26 июня ³⁰)	Царед-цы (кроме дворян московских), стольники цариц (Владельцев более 40 дворов): разбор и «к службе и посылкам» (Мск.)	В т.ч. запись 269 в царед-цы
1700.07.14	1700.08.01, 10 авг – из «дальних городов»	Царед-цы (кроме дворян московских), выбранные к учению, и всем не бывшим в 1700 г. в Мск.: съезд в Преображенское «к генералам»	
1700 дек?	1701.01.30, 10 и 20 фев. До 4 авг.	Царед-цы: выбор в офицеры к драгунским полкам и «к посылкам»; недоросли из царед-цев: роспись» (Мск., Золотая палата)	Около 740

³⁰ Дата, вероятно, одного из «разборов» (смотров) царицыных стольников на Постельном крыльце.

1703 янв.	1703.01.27	Царед-цы: роспись «к делам», «четвертям», отставке (Преображенское)	Около 1650
1703.01.27	1703. янв-март	Царед-цы: разбор для «похода» (Мск., Столовая палата)	
1703.07.03, 1703.11.12	1703.12.01	Царед-цы и воеводы: разбор «к делам», «к посылкам» (Мск.)	
1703.11.19	1704.01.01	Царед-цы, нетчики смотров 1703 г. (Мск)	
1704.01.22	1704 бессрочно	Недоросли из царед-цев, гор. дв. (Мск.)	
1704.04.08	1704.05.20 1704.06.01	Недоросли (дети с 10 лет думных, царед-цев, гор. дв. и «ратных» людей): перепись и набор драгун. полков (Мск.)	
1705.07.13	1705 июл.	Царед-цы и гор. дв.: в полк П. М. Апраксина в Новгород (Мск.)	
1706.02.28 1706.03.15	До 1706.04.01	Царед-цы и гор. дв.: роспись на 3 статьи, «поход» к Смоленску, Брянску (Мск.)	(1424)
1706.05.16	1706 май	Царед-цы и гор. дв. — продолжение апрельского смотра.	
1706.06.2,9 1706.08.18	1706 июн.	Царед-цы и гор. дв.: продолжение смотра 1706 г. (Мск)	
1707	1707.11.19 1707.11.24 1707.12.04	Царед-цы и «начальные люди»: смотр царевича для «службы» в т.ч. в «Донской поход» (Мск. у Триумфальных ворот)	532 [19 ноя.], 79 [24 ноя.]
1707 дек.	1707.12.22	Царед-цы и «начальные люди», гор. дв.: смотр царя (Преображенское)	245
1707.12.15 ³¹	1707.12.26— 27, 1708 янв. (1708.01.29, 31 и 11 фев.)	Царед-цы, офицеры, «все дворяне»: для набора в офицеры и рядовые (Преображенское) продолжение смотра царевича	247 [26—27 дек] (1219) ³²
1708.08.13	1708 окт.	Царед-цы, состоявшие у приказов и воеводы: набор «в службу» (Мск.)	

³¹ Указ по письму Петра I 15.12.1707 г., оформлен — 19.12.1707 г.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 78. Л. 12—67; Оп. 7-6. Д. 58. Л. 103. По данному смотру указаны даты приездов на «смотр в Разряде» с 26 декабря — 96 чел. и 32 «больны». 27 декабря на смотр царевича в Москве записался 151 чел. Запись «городовых» велась в Переславле Залесском — 278 чел. и в Можайске — 39, а также в Серпухове, на Коломне и Ельце. Под итоговой цифрой в росписи записано: «Всего 535 ч. Всего 1219 ч.».

1714.09.26	1715 янв-мар.	Дворяне 10–30 лет (СПб)	
1715.07.19	1715.09.01	Дворяне 10–30 лет: продолжение смотра 1714 г. (СПб)	
1718–03–17	1718, май-июн.	Царед-цы, кроме офицеров (СПб): роспись и определения к службе	
1721–07–30 1721–09–08	(1721, окт.- дек. по 1723, май)	Царед-цы, отставные офицеры, гор. дв, служащие (СПб окт-дек. 1721, Москва с окт. 1721) – роспись и разбор «к службам и делам»	2068 (16946)

Сокращения: царед-цы – царедворцы; гор. дв. – городовые дворяне; Мск – Москва, СПб – Санкт-Петербург.

Составлено по: [ПСЗ; Письма 1887–1975; Захаров, 2020–2022; Походные; Офицерские 2015–2016; РГАДА, ф. 210, оп. 2, 3].

Литература

- Вейде А.* Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1898 г. СПб., 1841. 189 с.
- Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне СПб., 1912. Вып. 1, кн. 3. 500 с.
- Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. 544 с.
- Захаров А. В.* «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 167–182.
- Захаров А. В.* Грамотность царедворцев в эпоху Петра I // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 4. С. 24–33.
- Захаров А. В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа. XVIII века». Челябинск, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/zrk.pl>
- Захаров А. В., Пядышева С. В.* Ведомость генерального смотра 1723 года и подготовка первой статистики службы российского шляхетства // *Magistra Vitae*. 2022. № 1 (в печати).
- Калашников Г. В.* Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3. С. 116–124.
- Лантева Т. А.* Провинциальное дворянство в России в XVII в. М.: Древлекранилище, 2010. 596 с.
- О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. // Исторический архив. 1955. № 4. С. 181–196.
- Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: сборник документов: сост. К. В. Татарников. М., 2016. Т. 1–2. 1731 с.
- Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: М.: Крафт+, 2001. 286 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. 888 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. 772 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. 855 с.

- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4, вып. 1. 519 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4, вып. 2. 523–1259 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. 764 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. 634 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Петроград, 1918. Т. 7, вып. 1. 640 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1948. Т. 8, вып. 1. 406 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. 12, вып. 1. 588 с.
- ПСЗ. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 2. 974 с.
- ПСЗ. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 4. 881 с.
- ПСЗ. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 5. 780 с.
- Походные журналы 1706, 1707, 1708, 1709 годов. СПб., 1854.
- Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф.* Первые Романовы на российском престоле. М., 2000. 458 с., ил.
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.

References

- Dnevnye zapiski // *Rozhdenie imperii*. М., 1997. 544 p.
- Kalashnikov G.V. Uchet ofitserских кадров russkoi armii v 1700–1745 gg. // *Klio*. 2000. № 3. P. 116–124.
- Lapteva T.A. Provintsial'noe dvorianstvo v Rossii v XVII v. М.: Drevlekhranilische, 2010. 596 p.
- О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. // *Istoricheskii arhiv*. 1955. № 4. Pp. 181–196.
- Ofitserские skazki pervoi chetverti XVIII veka. Garnizonnye voiska: sbornik dokumentov: Ed. K.V. Tatarnikov. М., 2016. Vol. 1–2. 2016. 1731 p.
- Pavlov-Sil'vanskii N.P. Gosudarevy sluzhilye liudi: М.: Kraft+, 2001. 286 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1887. Vol. 1. 888 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1889. Vol. 2. 772 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1893. Vol. 3. 855 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1900. Vol. 4, part 1, 519 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1900. Vol. 4, part 2, 523–1259 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1907. Vol. 5. 764 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. SPb., 1912. Vol. 6. 634 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. Petrograd, 1918. Vol. 7, part 1. 640 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. М., 1948. Vol. 8, part 1. 406 p.
- Pis'ma I bumagi imperatora Petra Velikago. М., 1975. Vol. 12, part 1. 588 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Vol. 2. SPb., 1830. 974 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Vol. 4. SPb., 1830. 881 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Vol. 5. SPb., 1830. 780 p.
- Pohodnye zhurnaly 1706, 1707, 1708, 1709 gg. SPb., 1913.
- Preobrazhenskii A.A., Morozova L.E., Demidova N.F. Pervye Romanovy na rossiiskom prestole. М.: Russkoe slovo, 2000. 453 p., il.

- Troitskii, S. M. Russkii absolutizm I dvorianstvo v XVIII v.: Formirovanie biurokratii. Moscow: Nauka, 1974. 396 p.
- Veide A. Voinskii ustav, sostavlennyi I posviashchennyi Petru Velikomu generalom Veide v 1898 g. SPb., 1841. 189 p.
- Volynskii N. P. Postепенное развитие russkoi reguliarnoi konnitsy v ehpkhu Velikogo Petra s samym podrobnym opisaniem uchastiia ee v Velikoi Severnoi voine SPb., 1912. Vyp. 1, part 3, 500 p.
- Zakharov A. V. «General'nyi smotr» dvorianstva 1721–1723 gg.: istoriia organizatsii I rezul'taty // *Istoriia: fakty I simvoly*. 2020. № 4. Pp. 167–182.
- Zaharov A. V. Gramotnost' tsaredvortsev v ehpkhu Petra I // *Vestnik Permskogo universiteta*. Istorii. 2016. № 4. Pp. 24–33.
- Zaharov A. V. Informatsionno-poiskovaia polnotekstovaia istema «Zapisnye knigi Razriadnogo prikaza. XVIII veka». Cheliabinsk, 2020 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://zaharov.csu.ru/zrk.pl>
- Zakharov A. V., Piadysheva S. V. Vedomost' general'nogo smotra 1723 goda i podgotovka pervoi statistiki sluzhby rossiiskogo shliakhetstva // *Magistra Vitae*. 2022. № 1 (in print).

Andrei V. Zakharov

Cheliabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

COURTIERS AND SHLIAKHETSTVO AT THE GOSUDAREV SMOTR OF PETRINE EPOCH

The study was supported by RFBR, project number 20-09-42073.

The article is devoted to the *gosudarev smotr* (tsar inspections) of the Great Northern War, which were declared nominal decrees for courtiers, “ratnye liudi” and nobility in the capital’s residences. The author substantiates the opinion that the “*razbory*” of such a composition are fairly considered to be sovereign reviews as a special type of public actions conducted for the purpose of recruiting for service (“*razbory*”) and fixing the results by central institutions. Innovations in the official organization of courtiers with the introduction of “*stat'i*”, “*chetverti*” and the category of *byteishchiki* are being clarified. The author concludes that there was a tendency of conducting sovereign inspections of courtiers together with city nobles. Based on a wide range of published and archival sources, for the first time in historiography, the reconstruction of the tsar inspections of courtiers and nobility in 1700–1723 was carried out.

Keywords: *Peter The Great, Russian nobility, Russian Army, recruitment, courtiers, Muscovite ranks.*

Ernest A. Zitser (Э.А. Зицер)
Ph. D., Duke University (Durham, North Carolina, USA,
Department of Slavic and Eurasian Studies

Kaptein Piter's Hierotopy: The 1694 Royal Visit to the Pertominsk Transfiguration Monastery

This analysis of the 1694 royal visit to the Pertominsk Monastery is intended as a contribution to the study of Petrine political theology. The article examines the royal suite's participation in four different religious ceremonies to determine the sacred prototype(s) invoked by their organizers. The author demonstrates the important role that the motif of the Transfiguration on Mt. Tabor played in the ceremonies improvised by the tsar and argues that this hierotopic scenario was part of an ongoing effort to use sacred parody to demonstrate the charismatic nature of royal authority.

Keywords: Hierotopy, Pertominsk Monastery, political theology, charisma, Transfiguration

Despite its popularity as a heuristic tool for the study of Russian Orthodoxy, scholars have generally shied away from using Aleksei Lidov's concept of "hierotopy" to analyze political theology at the court of Tsar Peter Alekseevich [Lidov, 2006; 2007]. In this article, I propose to use the tsar's unplanned visit to the Pertominsk Transfiguration Monastery, in the summer of 1694, to test out the utility of Lidov's methodology for *неповедение*. Taking Lidov's approach seriously means paying attention to the kind of details that I simply glossed over the first time I wrote about the impromptu ceremony staged during the "accidental pilgrimage" to the shrine of SS Vassian and Iona [Зицер 2008, с. 85–91]: (1) What kind of ceremony was it exactly? (2) When and where was it staged? (3) Who organized it and who participated in it? (4) Finally, and most importantly, what sacred prototype did the ceremony invoke and what did doing so signify to those who observed or participated in it? In order to answer these questions, I will rely on the evidence contained in the sole, contemporary, eyewitness account of these events [Новиков, 1783], which is attributed to Afanasii (Liubimov), Archbishop of Kholmogory and Vazhsk, a member of the small retinue that accompanied the tsar on his White Sea cruise to Pertominsk [Верюжский, 1908; Симонов, 1997, с. 78–81].

According to the archiepiscopal daily log, after barely surviving a terrible storm at sea, the St. Peter docked on the eastern shore of Unskaia Guba, "after the lunch hour" (sometime between the sixth and ninth canonical hours), on Saturday, June 2, 1694 [Новиков, 1783, с. 43–44]. This date happened to coincide with the annual "Leave Taking of Pentecost," the last day of the Great Feast that caps off the church's celebration of Easter. Later that same day, presumably at Vespers, Tsar Peter, his father confessor (Fr. Petr Vasil'ev), Archbishop Afanasii, and an

unspecified number of “courtiers, clerics, and military men of various ranks,” filed into the “Church of the Savior’s Transfiguration” at the nearby Pertominsk Monastery. There the passengers of the royal yacht attended an evening service during which they expressed their “praise and gratitude to the Lord for their longed-for salvation.” As the archiepiscopal log-keeper noted, however, this was not just any thanksgiving service. Since this evening service occurred during the Leave Taking of Pentecost, the “prayerful songs to the All-Merciful Savior” [Новиков, 1783, с. 45] repeated most of the hymns chanted on the first day of the feast, i.e., on Pentecost Sunday. Centered around the biblical story recounting the descent of the Holy Spirit upon Christ’s apostles, that Vespers service invoked – twice each in the Aposticha of the Feast and in the Seventh Ode – the scriptural passage that described the spiritual drunkenness of Christ’s disciples (Acts 2:13–18). As it happened, the tsar and his entourage were quite familiar with this particular biblical verse. It had served as the proof-text for the mystical trope that underwrote the bacchanalian festivities of the “Unholy Council” of the “Most Comical and All Drunken Prince-Pope” and its secular counterpart, the militarized retinue of the “Prince-Caesar” of “Pressburg”—the two mock rulers of the play world organized by Tsar Peter and his courtiers, on the grounds of the royal suburban estate of Преображенское [Зицер, 2008, с. 71–73]. In effect, the very first ceremony attended by the survivors of the near capsizing of the St. Peter served as a reminder of their roles in the “royal priesthood” of Peter’s Transfigured Kingdom, a “chosen people” charged with the task of singing “the praises of Him who called you out of darkness into His marvelous light” (1 Peter 2:9). For those courtiers who recognized the significance of calendrically auspicious days [Поросян, 2001] and understood the gravity of the tsar’s inside jokes, this coincidence must have given the thanksgiving service in the monastery’s church an added layer of meaning. And this para-liturgical meaning, in turn, appears to have gone on to inform all the other ceremonies staged during the royal suite’s visit to Pertominsk.

The second ceremony involving by the passengers of the St. Peter occurred on Tuesday, June 5, the second day of the Apostles’ or Peter and Paul Fast. This day was not the eve of a major feast, nor, indeed, any other church holiday. And although monasteries traditionally hold a daily evening service, there was no liturgically prescribed need to “celebrate a Feast of the All-Merciful Savior with an All-Night Vigil.” Yet that is exactly what the keeper of the archiepiscopal log records the “Most Holy Archbishop” as doing [Новиков, 1783, с. 45]. Unfortunately, the log-keeper did not specify which Feast of the Lord was held on that ordinary Tuesday. Some scholars have taken his silence as proof that this divine service commemorated the “translation of the relics” of Vassian and Iona, the two sixteenth century Solovetskii monks whose remains served as the object of a local miracle cult centered in Pertominsk and whose sainthood was allegedly recognized, on the spot, by the visiting dignitaries. However, this interpretation is based entirely on the hagiographic Tale of Vassian and Iona, which was created in the 1720s, almost thirty years after the events it purported to describe [Панчен-

ко, 2021, с. 420–421, 436–437]. And although the author of that hagiography used the daily log of Archbishop Afanasii as one of his primary sources [СИМОНОВ, 1997, с. 80–81; СИМОНОВ, 2017, с. 234, 241–242], he seems to have fabricated the story about the royal suite’s extraordinary reverence for this popular saints’ cult. In fact, there is absolutely no proof that Tsar Peter authorized Archbishop Afanasii to authenticate the Pertominsk relics or that the high priest ever approved the canonization of Vassian and Iona before his death in 1702. This may explain why these events “did not leave a single trace in the archive” of the Pertominsk Monastery [ПРИКЛОНСКИЙ, 1927, с. XXXII]; and why the Tale’s account of the royal visit remains the only piece of concrete, documentary evidence for the argument that saints of Pertominsk were canonized, on the insistence of Tsar Peter himself, on June 5, 1694 [СИМОНОВ, 2017, с. 243].

Perhaps the best explanation for the All-Night Vigil held on the night of June 5 to June 6 is also the simplest. We know from contemporary sources that the Feast of the Transfiguration was a major holiday in Preobrazhenskoe, which was named after its chief religious shrine, the Church of the Transfiguration of the Savior [СМИРНОВА, 2014, с. 58]. And that this was the same Feast of the Savior to which Archbishop Afanasii’s cathedral church in Kholmogory was dedicated. Less well known is the fact that this holiday was also the Patronal Feast Day of the Pertominsk Monastery, which contained a church dedicated to the Transfiguration, and was sometimes referred to simply as the “monastic community of the Savior” [ПРИКЛОНСКИЙ, 1927, с. 110]. Actually, by the time of the 1694 royal visit, the Pertominsk Monastery housed not one but two churches. The first was the original, wooden Church of the Transfiguration (built 1618–1632), which was replaced by a newer building (1679) that, from 1692, included a small chapel housing the relics of Vassian and Iona. The second was the much larger Church of the Dormition of the Theotokos, which was built in stone (1683–1692) and sanctified at the same time as the newly constructed chapel [ПРИКЛОНСКИЙ, 1927, с. XVII, 110; ДОВОЛЬСКИЙ, 1896, с. 9–13]. Consequently, the organizers of the All-Night Vigil had a choice where the service would be held. Considering the centrality of this feast to the tsar, the archbishop, and the Pertominsk monks, it seems reasonable to suggest that this evening service was celebrated in the church dedicated to the holiday for which that shrine, and by extension, the entire monastery was named, and where the royal suite had held a thanksgiving service just three days earlier. This leads me to propose that the All-Night Vigil officiated by Archbishop Afanasii on the night of June 5 to June 6 took place in the Church of the Transfiguration, rather than the Church of the Dormition, and that this ceremony commemorated the patronal feast of the monastic community of the Transfigured Savior, rather than the official attestation of its wonder-working relics.

If that is indeed the case, then the decision to celebrate the Feast of Transfiguration in a church dedicated to the Transfiguration points to an intentional and very deliberate choice on the part of the organizers of the All-Night Vigil. As such, it suggests the outlines of what Lidov calls a hierotopic “scenario.” In this

case, the hierotopic scenario was specifically centered around the gospels' account of Jesus' transfiguration on Mt. Tabor, as well as the "dramaturgy" of liturgical texts, ceremonies, and images that commemorated this important Christological moment. The Festal Menaion, which contains the Transfiguration service, can go some way towards revealing the content of the prayers "sung" by Tsar Peter from the "choir gallery." It can also help us to identify the section of the "apostolic epistles" personally "read aloud by the tsar" during the "liturgy" [Новиков, 1783, с. 46], namely, the passage containing St. Peter's deathbed instructions (II Peter 1:10–19). Perhaps more so that some of the other texts connected with the Transfiguration, this specific reading from the Book of the Epistles emphasized the worldly obligations (diligence, obedience, proselytizing) that the revelation of Jesus' divine nature imposed upon His dazzled disciples. In other words, the focus was not only on the "irruption of the sacred" [Lidov, 2007, с. 136], but also its effects on those who were inducted into the Christian mysteries. Because the Apostle's words were read out by his earthly namesake, this moment of the divine service would have undoubtedly resonated powerfully with the members of the royal entourage, especially those who had previously assisted Tsar Peter in staging the sacred parodies and military games associated with his Transfigured Kingdom. It is this courtly commonplace, and the private, but shared experience that it evoked, that the tsar tapped into during the pair of ceremonies that he organized on the fifth and last day of the royal retinue's stay in Pertominsk.

On the morning of Wednesday, June 6, "sometime after" the Divine Liturgy, Tsar Peter personally took part in two interlinked ceremonies involving the best-known symbol of Christianity, the "Holy Cross." The first of these was a cross procession from the Pertominsk Monastery to the spot on the beach where St. Peter had safely docked, just four days earlier. The second was a cross planting on that very same spot. By itself, a solemn procession with the cross after a festive All-Night Vigil was not particularly unique. Nor was the erection of a "promise cross" to mark the site of a safe landing, especially in the Russian North, which was dotted with wooden, eight-pointed, commemorative crosses [Пермиловская, 2008; Гостев, 2016]. What was unique was the way the royal "dramaturg" combined these traditional ceremonies into a hierotopic scenario that was meaningful not only for himself, but also for its observers and participants. Even the archiepiscopal log-keeper, who recorded the details of this scenario without understanding its true significance, recognized the extraordinary nature of the ceremonies that he chronicled. Adopting the persona of Kaptein Piter, Tsar Peter had "personally assembled" a "four-pointed, wooden cross"; carried it "on his own shoulders" down to the sea; and there carved, "also in his own hand," a message to God, in Dutch rather than Slavonic, dating it according to the Anno Domini rather than the more traditional Anno Mundi calendar era: "Dat / Kruys. Maken / Kaptein. Piter. / Van. A. Cht. / 1694" [Новиков, 1783, с. 46].

By erecting this idiosyncratic promise cross, Tsar Peter acknowledged the fact that the technology imported from one of the world's major maritime powers

was a crucial element of his innovative naval program, which the intercession of his name day saints prophetically “predestined” for success [Di Salvo, 2015, c. 46–49]. From this perspective, the tsar’s Dutch-inflected pseudonym was more than just another in a series of playful ranks that he had assumed during the course of his childhood war games (“sergeant,” “bombardier”) and mock religious processions (“protodeacon”) [Богословский, 1940, с. 177]. Rather, the persona of Kaptein Piter served as a veritable incarnation of the tsar’s plan to transform his land-locked, continental empire into an important hub of the wind-powered shipping trade between Europe and Asia, if not a colonial sea power in its own right [Гостев, 2019, с. 56]. It may also have served as a not-so-veiled reference to the image of Christ the Divine Helmsman, an analogy that was actually spelled out in the correspondence between Piter and the members of his “company” back in Moscow [ПиБ, I, с. 494; Богословский, 1940, с. 178, 180]. Thus, by changing the generally accepted way of using a commemorative cross to count one’s time and one’s blessings, Tsar Peter did more than simply express gratitude to God for his salvation from a storm. The ceremonial planting of Kaptein Piter’s promise cross served as a public affirmation of the tsar’s faith in, and an assertion of his centrality to the imminent realization of his ambitious enterprise.

Kaptein Piter’s enterprise was, in turn, blessed *ex cathedra* by the reigning “Prince Pope” (N.M. Zotov) and at least one archpriest of his conclave, the mock “metropolitan of Novgorod” (T.N. Streshnev), both of whom were members of the “royal synkletos” that accompanied the procession of the cross-laden tsar [Новиков, 1783, с. 46; Богословский, 1940, с. 181; Гостев, 2019, с. 49–50]. By commandeering the elements that made up the sacred space that was the Pertominsk Monastery – the Transfiguration Church, the Orthodox liturgy, the symbol of the faith – Tsar Peter not only wound up treating the local monks as if they were his personal retainers. He also encouraged the members of his suite to take part in religious ceremonies as if they were ordained clerics. This blurring of boundaries between the sacred and profane publicly re-staged the central mystery enacted during the All-Night Vigil in the monastery’s church, which had emphasized not only Christ’s Transfiguration, but also the role of Christ’s disciples in testifying to, and spreading the good word about His divine nature, even (or especially) in the face of trials and tribulations. Similarly, the ceremonies conducted after this service were designed not only to proclaim the special calling of Kaptein Piter, the humble helmsman who personally fashioned and quite literally “took up the cross” entrusted to him by God. They also sought to justify the burdens that the seemingly impossible mission of Russia’s own anointed one imposed on his self-denying, obedient, and loyal followers, who had found salvation by (almost) losing their lives (Matthew 16: 24–25; Luke 9: 23–24).

In sum, during his unscheduled, five-day, lay over in Pertominsk, Tsar Peter mobilized the resources that he found in and around the Transfiguration Monastery to improvise a hierotopic scenario that turned the grounds into a stage

on which the survivors of a near-shipwreck re-enacted the relationship between the transfigured Christ and His awe-struck disciples. This scenario, in turn, demonstrated the charismatic nature of the tsar's leadership style, which routinely obliged him to organize spectacular demonstrations of his divine gift of grace in order to rally, and re-assert his personal authority over those individuals whom he had charged with realizing his vision of Orthodox imperial reform.

Литература

- Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии; под ред. и с предисл. В.И. Лебедева: в 5 т. М.: Соцэкгиз, 1940–1948.
- Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. [4], VI, 683 с., 1 л. факс.
- Гостев И.М.* Обетный крест Петра Великого // Мир музея. 2016. № 7. С. 30–33.
- Гостев И.М.* Колыбель российского флота: Архангелогородский период // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию Юрия Николаевича Беспятых. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 5 (21)). С. 32–61.
- Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря [Из *Арх. Епарх. Ведом.* 1894 г.]. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896.
- Зицер Э.А.* Царство Преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. Пер. с англ. Осповат Кирилл, Хитрова Дарья. Серия: *Historia Rossica*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 238, [6] л. ил.
- О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей, на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. Иждивением Н. Новикова и Комп. М.: В Университетской тип., у Н. Новикова, 1783.
- Панченко, О.В.* От соловецкого житийника к Соловецкому патерику: агиографический свод Евфимия Тросковина 1720-х гг. // *Im Wort gibt sich die Weisheit kund: Gedenschrift für Gottfried Sturm / Sabine Fahl und Dieter Fahl* (Hg.) unter Mitarbeit von Philipp Ammon. (Ost-West-Express. Kultur und Übersetzung, 43). Berlin: Frank et Timme; Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2021. S. 416–446.
- Пермиловская А.Б.* Деревянный крест – символ освоения сакрального ландшафта Русского Севера // *Культурология*. 2008. № 4 (57) С. 150–154.
- Письма и бумаги императора Петра Великого [*Либ*]: Т. 1–7. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887–1918.
- Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
- Приклонский А.П.* Пертоминский архив: описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее Соловецкого Общества Краеведения: XVII–XVIII вв. Соловки. (Материалы / Соловецкое общество краеведения; вып. 15). Изд. Бюро печати УСЛОН, 1927.
- Симонов А.Н.* Петр I на Севере (обзор источников) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Сборник статей в честь В.К. Зиборова*. СПб., 1997. С. 78–82.

- Симонов А. Н. Народные святые Вассиан и Иона Пертоминские и история их канонизации // Сборник в чест В. К. Зиборова, ред. Д. М. Буланин и др. (Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 5). СПб.: Скрипториум, 2017. С. 230–250.
- Смирнова К. А. Храм Спаса Преображения в Преображенском: История. Мемориальный характер // Вестник РГГУ. Научный журнал. № 17. 2014. (Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение»). С. 57–69.
- Di Salvo Maria. About Peter the Great's Ship *Predestinatsiia*. In: Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker. Edited by Maria Di Salvo, Daniel H. Kaiser, and Valerie A. Kivelson. Boston, MA: Academic Studies Press, 2015. Pp. 43–54.
- Lidov, Alexei. The Creation of Sacred Spaces as a Form of Creativity and Subject of Cultural History // Hierotopy: Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia. Edited by A. Lidov. Moscow: "Progress-tradition," 2006, Pp. 32–58.
- Lidov Alexei. The Creator of Sacred Space as a Phenomenon of Byzantine Culture // L'artista a Bisanzio e nel mondo cristiano-orientale, a cura di Michele Bacci [Seminari e convegni, 12]. Pisa: Edizioni della Normale, 2007. Pp. 135–176.

Э.А. Зицер

Университет Дьюка, Дарем, США

Иеротопия капитана Петра: посещение царем Пертоминского Преображенского монастыря в 1694 г.

Настоящий анализ царского визита в Пертоминский монастырь в 1694 г. задуман как вклад в изучение петровского политического богословия. В статье исследуется участие царской свиты в четырех различных религиозных церемониях, чтобы определить священный прототип, использованный их организаторами. Автор показывает, какую важную роль играл в церемониях, импровизированных царем, мотив Преображения Господа на горе Фавор и утверждает, что этот иеротопический сценарий был частью продолжающихся усилий по использованию священной пародии для демонстрации харизматической сущности царской власти.

Ключевые слова: иеротопия, Пертоминский монастырь, политическая теология, харизма, Преображение Господне

Петр I и его реформы в оценках правых монархистов начала XX века*

В статье рассматривается отношение русских правых монархистов начала XX века к императору Петру I и его реформам. На материалах публицистики показано, что отношение правого лагеря к царю-реформатору и его преобразованиям не было однозначно негативным. Критикуя ошибки, нанесшие, по их мнению, вред самобытности России и ее главным устоям, правые вместе с тем отдавали должное и достижениям первого императора. При этом отношение к личности самого царя-реформатора было, как правило, положительным и благожелательным. Таким образом, черносотенцы не сводили оценки деятельности Петра Великого к прямому и одностороннему одобрению или порицанию, а старались отделить «зерна от плевел».

Ключевые слова: правые монархисты, черносотенцы, Петр I, петровские реформы, консервативная критика петровских реформ

Преобразования Петра Великого, во многом определившие дальнейший исторический путь, по которому пошла Россия, всегда занимали особое место в дискуссиях на политические темы. Не были исключением в этом плане и представители правого монархического (черносотенного) лагеря, для которых эпоха царя-реформатора стала водоразделом между идеализированным патриархальным Московским царством и европеизированной Российской империей. В этом плане показательно, что один из современных историков даже определяет черносотенное движение как «консервативное политическое движение, ориентировавшееся на преобразования в сторону возрождения традиционного уклада русского общества, утраченного в ходе реформ XVIII — начала XX в. и стремившееся к восстановлению принципа допетровского самодержавия “единения царя с народом”» [Размолодин, с. 43–44]. При этом русские правые монархисты начала XX века, считавшие себя продолжателями славянофильских традиций, к царю-реформатору, осуществившему радикальную вестернизацию России и ломку многих ее традиций и, вместе с тем, добившемуся впечатляющих военных побед и внешнеполитических успехов, не могли относиться однозначно. Продолжая традиции русской консервативной публицистики XIX века [Айдунова, с. 34–50], черносотенцы, как правило, не сводили свои оценки Петра Ве-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105.

ликого к прямому и одностороннему одобрению или порицанию его деятельности, а старались отделить «зерна от плевел».

Известный исследователь черносотенного движения С.А. Степанов отмечает: «Подчеркивая свою лояльность к самодержавию и самодержцам, черносотенцы делали исключение для Петра I. Великий преобразователь России был единственным монархом, которого осуждали монархисты» [Степанов, с. 306]. Действительно, в публичных выступлениях правых монархистов, их публицистике и даже программных документах можно встретить немало критических пассажей по адресу Петра I.

В вину великому реформатору, в частности, вменялось то, что он извратил идею исконно-русского самодержавия, подменив ее западноевропейским абсолютизмом. В одной из листовок Союза русского народа (СРН), выпущенной в ноябре 1905 г., отмечалось, что «самодержавия настоящего, народного у нас нет уже давно, с самого воцарения Петра I, и последним самодержавным царем был Алексей Михайлович»¹. «После воцарения Петра I, — говорилось в той же листовке далее, — начинается другое, является абсолютизм, т.е. самовластие, когда Царь правит *единолично*, не сообразуясь с желаниями народа. Только гигантская сила Петра I могла справиться с такой задачей, но эта же сила, действуя в иных случаях против воли народной, наделала таких ошибок, за которые мы еще и теперь вынуждены расплачиваться»². О том же говорилось и в «Основоположениях» СРН. Отмечая, что «русские государи, начиная с Петра I, хотя и продолжали именовать себя самодержавными», СРН пояснял: «но это самодержавие было уже не православно-русским, а весьма близким к западноевропейскому абсолютизму, основанному не на православно-церковном и земско-государственном единении и общении царя с народом, а на праве сильного...» [Степанов, с. 37]. Член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) Г.А. Шечков также указывал на установившийся при Петре принцип самовластия, «ничего общего с самодержавием не имеющий», характерной чертой которого являлись «сановные и чиновные бюрократы, суть выразители не самодержавного, а абсолютно-го уклада» [Омельянчук, с. 270] и патетически заключал: «Русь самодержавием строилась, а абсолютизмом болела», а потому: «Да здравствует самодержавие и долой абсолютизм!»³ На взаимосвязь петровского абсолютизма с развитием бюрократического строя указывал и председатель Главного совета СРН А.И. Дубровин, отмечавший, что «с Петра Великого у нас явилось средостение между царем и народом — это чиновники бюрократии»⁴. В связи с этим историк М.Л. Размолодин отмечает: «Корень бед, вызвав-

¹ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю.И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 79.

² Там же.

³ Шечков Г.А. Об истинном значении некоторых слов. Харьков, 1906. С. 6, 17.

⁴ Правые партии. Т. 1. С. 395.

ших раскол народа и порчу русской элиты (управленческого и интеллектуального слоя), черносотенцы находили в реформах Петра, разорвавших органическую линию развития страны на этапы: допетровский (народные формы правления) и послепетровский (иностранческие формы правления)» [Размолодин, 218].

Доставалось царю-реформатору и за проведенную им церковную реформу. Как отмечает И.В. Омельянчук, «черносотенцы по-разному относились к петровским преобразованиям, но церковную реформу этого периода они оценивали однозначно негативно» [Омельянчук, с. 239]. В качестве примеров историк приводит слова автора «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова, который считал, что, имея полное право не слушать епископов, и даже казнить их, православный русский царь не имел ни малейшего права перестраивать Церковь⁵. Поэтому, резюмировал Тихомиров, Петр своей церковной политикой «временную необходимую меру (“обуздание” противившегося реформам духовенства. — А. И.) превращал в постоянный зловерный принцип и «перешел в этом всякие границы»⁶. Отсюда же, по мнению консервативного мыслителя, вытекала и проблема неверно понятого Петром принципа самодержавия: «Понимания Церкви у него не было, а с этим невозможно было понимание и собственной власти, как русского монарха. В своем отношении к Церкви он подрывал самую существенную основу своей власти — ее нравственно-религиозный характер»⁷. Таким образом, правые монархисты укоряли Петра I за «вавилонское пленение» Церкви и непонимание им принципа церковной соборности.

Другой упрек в адрес Петра Великого заключался в том, что его реформы раскололи русское общество. «Никто не станет отрицать, что со времен великих преобразований Петра I русское мыслящее общество раскололось на две партии, национально-русскую и западническую, которые, несмотря на постепенное изменение тех или других объектов их стремлений, остались в своей принципиальной непримиримости и до настоящих дней», — писал лидер Русской монархической партии (РМП) В.А. Грингмут⁸. «Нас, русских, — писал лидер РМП в одной из своих статей, — часто и справедливо упрекают в том, что мы начинаем ценить свои национальные сокровища лишь тогда, когда их оценят иностранцы. Не заслуживает ли этого упрека, как русский человек, и наш Великий Петр? Не вызвал ли он во всех русских, рядом с чувством государственного самосознания, чувство национального самоуничтожения, которое до сих пор еще живет в рядах наших

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. 3. Русская государственность. М., 1905. С. 107.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Грингмут В.А. Нормальное взаимодействие государственных органов // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Т. I. С. 296.

жалких “либералов”, выродившись даже в омерзительное чувство национального самооплевания?»⁹

Историки черносотенного движения справедливо отмечают, что крайне правые усматривали причину многих нестроений в государственной, церковной и социальной жизни русского общества «в трагическом зигзаге русской истории», осуществленном Петром Великим [Степанов, с. 24]; они неоднократно указывали на то, что многими своими деяниями царь реформатор «немало преуспел в разрушении столь дорогих сердцу правомонархистов устоев прошлого» [Кириянов, с. 136], что в связи с этим задача русских правых – направить течение государственной жизни России в то «историческое, самобытное русло, из которого она была искусственно выведена Петром Великим» [Размолодин, с. 37].

Наиболее строгие критики петровских реформ из черносотенного лагеря со страниц «Русского знамени» выносили следующий вердикт их итогам: «Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития своих государственных институтов и своего государственного права, заимствуя все от Запада, сохранив самобытность только в языке, костюме, народной литературе, т.е. в том, что само по себе не может дать самобытного развития, а есть только продукт. Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития и от этого не выиграла ни в материальном, ни в духовном отношениях и дошла до унижения в международных делах и внутренней революции» [Размолодин, с. 79].

Однако помимо критики русские правые монархисты начала XX века не скупались и на похвалы Петру Великому. В одном из черносотенных воззваний отмечалось, что для спасения России «нужен гений Петра I-го»¹⁰. Достаточно напомнить, что один из вождей черной сотни – последний председатель Главного совета СРН и лидер правых в III и IV Государственной думе Н.Е. Марков, обладая явным внешним сходством с Петром I, гордился им¹¹ и всячески его подчеркивал, за что получил от современников прозвище «Медный всадник» [Иванов, с. 32–47]. А лидер РНСМА В.М. Пуришкевич дважды выступал в стенах Русского собрания с докладом, в котором защищал Петра Великого от оценок, которые дал российскому императору польский историк К. Валишевский. «Лицемерно преклоняясь на словах перед гением Петра, – говорил Пуришкевич, – Валишевский в то же время путем недобросовестного подбора фактов рисует его образ такими красками, что русский читатель недоумевающе спрашивает себя: “где же великий человек?” От гения и величия Петра в изложении Валишевского не остается и следа. Петр Валишевского ничтожен и мелочен, варвар, дикарь, все, что угодно, только не великий преобразователь России.

⁹ *Грингмут В.А.* Что завещала нам Екатерина Великая? // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1910. Т. 3. С. 96.

¹⁰ Правые партии. Т. 1. С. 133.

¹¹ *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. М., 2007. С. 334.

И, что особенно бросается в глаза, черня таким образом великого монарха, Валишевский все время называет Петра “великим человеком”, “великим мужем”, как бы стараясь этими эпитетами подчеркнуть его полнейшее ничтожество»¹². «Вся книга, – негодовал правый политик, – сплошное надругательство над великим Преобразователем»¹³. Солидаризировалась с Пуришкевичем в этом плане и рупор СРН газета «Земщина», отмечавшая, что Валишевский «сделал отвратительную, достойную поляка, попытку развенчать Великого Императора и положительно смешать его с грязью»¹⁴.

В.А. Гринмут, немало критиковавший петровские преобразования, вместе с тем также находил по адресу царя-реформатора и добрые слова. В статье с говорящим названием «Чему нам учиться у Петра?», лидер РМП призывал консерваторов не «отдавать» императора либералам-западникам, претендующим на то, что именно они следуют по его стопам, а указывать на «нелепость» отождествления деяний царя-реформатора с деятельностью либералов. Как отмечал консервативный публицист, во-первых, Петр I «всю жизнь свою олицетворял собою царскую самодержавную власть в самом полном, неограниченном ее смысле», а либералы «всеми способами стремятся уничтожить эту власть»; во-вторых, император был верующим человеком и по-своему заботился о благе Церкви, а либералы «мечтают о полном упразднении всех догматов церковных, то есть об упразднении самой Церкви»; в-третьих, Петр хоть и заставлял русских людей учиться у иностранцев, «но во главе каждого русского дела ставил только русских людей»¹⁵, в то время как либералы «находят вполне естественным и даже желательным, чтобы русские дела находились в руках враждебных России инородцев и даже иностранцев»¹⁶. «“Либеральная” программа требует разрушения того, что Петр отстаивал самым непоколебимым образом, – заключал Гринмут. – “Либеральная” программа требует перенесения к нам из Европы того, что в Европе Петра либо совсем не интересовало, либо вызывало его негодование. Он взял из Европы лишь немногие, хотя и существенные, ее особенности: ее технику и науку, ибо их только он, по справедливости, признавал полезными для России. Он очень любил Голландию, но и в ней он не соблазнился ни республиканским ее устройством, ни ее рели-

¹² *Белавин М.* Петр Великий в изображении К. Валишевского. (Доклад В.М. Пуришкевича в Русском собрании) // Прямой путь. 1913. № 3. С. 137.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ *И. У.* Польское надругательство над великим царем. (Доклад В.М. Пуришкевича) // Земщина. 1913. 10 февраля.

¹⁵ Об этом же писал и член РНСМА полковник Ф.В. Винберг, отмечавший, что хотя при Петре действительно произошел наплыв иностранцев в Россию, «Царь Петр, оделявший иностранцев большими почестями и наградами, очень дороживший их службой, между тем никогда, кроме одного поучительного примера Первой Нарвы, не ставил их на первые места, но всегда на вторые» (*Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. СПб., 1997. С. 97).

¹⁶ *Гринмут В.А.* Чему нам учиться у Петра? // Собрание статей В.А. Гринмута. М., 1909. Т. 2. С. 61–62.

гиозным свободомыслием... <...> Петр Великий был олицетворением *упорного, неустанного, полезного труда*. Вот чему нам следует у него учиться. Он пробудил русских людей от той медлительной вялости и бессрочной, неторопливой деятельности ... и призвал их к бодрой, быстрой энергии и к точной, отчетливой работе...»¹⁷. Показательно, что в статье «Задачи русского монархизма», выпущенной Русским монархическим союзом (так после смерти Грингмута стала называться РМП), в 1914 г. особо подчеркивалось, что хотя император Петр Великий, «найдя нужным всесторонне преобразовать государство для приобщения к западной культуре, широко пользовался и услугами иностранцев и был все время в самых тесных соотношениях, главным образом, с конституционными государствами (Голландией, Англией, Швецией), от которых перенял и ввел в России некоторые коллегияльные учреждения», но «присущие русским национальные устои он оставил незбылемыми и завещал беречь их и хранить, как высшее достояние, на котором заждется мощь всего существования Русского государства»¹⁸.

Л.А. Тихомиров, чья критика петровских преобразований приводилась выше, оговаривался, что, признавая ошибки Петра I, он вместе с тем глубоко почитает его гений и находит, что «не в частности, а по существу, [он] делал в свое время именно то, что было нужно»¹⁹. Называя государя «величайшим выразителем русского человека», Тихомиров указывал на такую, по его мнению, исконно-национальную русскую черту Петра, как стремление «жить только истиной, хотя бы она была “люторская”, голландская и какая угодно»²⁰. «В Петре — величие русского духа — в Петре жалкая отсталость России, бедность ее умственных средств. Но средства наживаются, если сохраняется величие духа», — заключал Тихомиров, добавляя, что «в основной задаче своей Петр Великий был безусловно прав и был великим русским человеком» и несмотря на все свои «перегибы» в итоге стал «спасителем всего национального будущего»²¹. Высоко оценивал Петра Великого и председатель Союза русских людей князь А.Г. Щербатов, отмечавший подвиг царского служения, его вклад в рост могущества Российского государства, военные успехи²². А председатель фракции правых в III Государственной думе и первый председатель Харьковского отдела Русского собрания профессор-историк А.С. Вязигин отмечал, что несмотря на все допущенные им ошибки, Петр Великий, «давая ход дарованиям русских людей независимо от происхождения» и лично оставшийся «близким к родной почве, ибо несомненно любил Россию», оказал родине «великое

¹⁷ Грингмут В.А. Чему нам учиться у Петра?.. С. 62.

¹⁸ Правые партии. Т. 2. С. 422.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 101.

²⁰ Там же. С. 102.

²¹ Там же. С. 103, 105, 106.

²² Щербатов А.Г. Православный приход — твердыня русской народности / Сост., предисл., коммент. И.А. Настенко. М., 2010. С. 41, 238, 374.

множество добра»²³. Петр Великий, резюмировал В.А. Грингмут, несмотря на свои «великие ошибки», «превратил Московское Царство во Всероссийскую Империю и дал этим России широкую возможность быть вершителем судеб вселенной»²⁴.

Примечательно, что противоречивые чувства черносотенцы испытывали и к переносу Петром столицы из Москвы в основанный им Санкт-Петербург. С одной стороны, патриархальная первопрестольная Москва вызывала у правых традиционалистов более теплые чувства, нежели «бездушный», «космополитический», «немецкий» и чиновничий Петербург, названный Грингмутом «духовным порто-франко». Но с другой стороны, тот же Грингмут отмечал, что Москва должна быть благодарна царю за то, что он уберег ее от участи северной столицы и дал возможность остаться «прочным оплотом вековых русских национальных традиций» и «средоточием истинного русского духа». Замечая, что «Великий Петр, признав в гениальном полете своего ума, что настало для России время сравняться во внешней цивилизации с государствами Западной Европы», основал новую столицу, чтобы тут, на пороге России, принимать для строгой проверки все, чем нас захочет одарить Европа, и, отобрав добрые зерна от плевел, направлять лишь одни эти зерна для плодотворного посева их на необъятной Русской ниве», правый публицист признавал, что основание города-крепости на Неве в 1703 г. защитило «московскую национальную и государственную святыню», точно так же, как и Полтавское сражение 1709 года²⁵.

В 1909 г., когда в Российской империи проходили торжества, посвященные 200-летию Полтавской победы, черносотенные организации активно принимали в них участие. Как справедливо отмечает Ю.И. Кирьянов, в лекциях, периодической печати, брошюрах, различного рода мероприятиях правые прославляли выдающихся военных и гражданских деятелей и патриотов, в числе которых неизменно был и Петр I [Кирьянов, с. 324]. При этом одно из наиболее радикальных правых изданий – «Вече» – настолько «увлеклось» прославлением «гения Петра», что дало характеристику его личности в весьма необычном для черносотенной прессы духе, далеком от симпатий к старомосковскому прошлому и содержащим явные признаки расизма. «Родившееся в одном из отравленных духом азиатчины, насквозь пропитанными разлагающими миазмами византизма теремов московского кремля, это удивительное дитя великого народа явило собою чистейший тип самой благородной и сильной на земле расы – арийской, весь секрет которой в области наук и искусства, политики, состоит именно

²³ Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма / Сост. и коммент. А. Каплина и А. Степанова. М., 2008. С. 253.

²⁴ Грингмут В.А. Апостолы и ученики нашего национального евангелия // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1910. Т. 4. С. 309.

²⁵ Грингмут В.А. Двухсотлетие Петербурга // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1909. Т. 2. С. 209–210.

в этом отсутствии духа уныния, в ее кипучей энергии, вере в свои силы, железной воле и драгоценной способности желать тем пламеннее, чем более препятствий встречается на пути. И Петр был сильнейшим из этих сильных». Отмечая далее, что Петр был царем-строителем, « всю жизнь свою не покладавшим рук » и « горевшим в непрестанной работе », издание восторженно заключало: « Это был европеец с головы до ног, прекраснейшее олицетворение всех красот арийского духа, вплоть до отличительного его признака — благородства »²⁶.

Таким образом, отношение русских правых монархистов начала XX века к Петру I и его преобразованиям не было однозначно негативным. Критикуя Петра за радикальный разрыв с традицией, насаждение абсолютизма, бюрократизацию государственного аппарата, ликвидацию патриаршества и соборности в Церкви, излишнюю вестернизацию русской жизни, приведшую к формированию космополитической бюрократии, а также за отказ от самобытного пути исторического развития, что все вместе, по их мнению, создало предпосылки для революции, правые, вместе с тем, практически единодушно отдавали должное и несомненным успехам петровской модернизации, к которым относили построение могущественной империи, создание сильных армии и флота, способных одерживать впечатляющие победы и, следовательно, позволивших не только сохранить независимость страны, но и поставить ее в один ряд с ведущими европейскими державами, развитие просвещения. Критикуя ошибки Петра, правые отдавали должное и его достижениям, при этом отношение к личности самого царя-реформатора было в подавляющем большинстве случаев положительным и благожелательным. Конечно, являясь убежденными монархистами, черносотенцы едва ли могли себе позволить нападки на Петра личного характера, но дело было не только в этом, но и в искреннем их преклонении перед столь незаурядной исторической фигурой. Практически во всех известных нам текстах, вышедших из правого лагеря, даже критики петровских преобразований давали весьма высокие оценки личным качествам первого российского императора, отмечая что совершенные им государственные и военные подвиги, присущее ему глубокое национально-патриотическое чувство и волевое правление полностью оправдали его перед историей.

Литература

Айдунова Т.Ю. Петр I в русской общественно-исторической мысли середины XIX — начала XX в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 150 с.

Иванов А.А. «Он силен волею и темпераментом...» Правый депутат Н.Е. Марков глазами современников // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. 2. С. 32–47.

²⁶ Характеристика гения Петра Великого // Вече. 1909. 28 июня.

- Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
- Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
- Размолodin М.Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.], 2020. 352 с.
- Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-Пресс, 2013. 672 с.

References

- Aidunova, T. Iu. Petr I v russkoi obshchestvenno-istoricheskoi mysli serediny XIX – nachala XX v. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2020. 150 p.
- Ivanov, A. A. «On silen voleiu i temperamentom...» Pravyi deputat N. E. Markov glazami sovremennikov // *Tavricheskie chtenija 2012. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istorija i sovremennost'* / Ed. by A. B. Nikolaev. St. Petersburg, 2013. Vol. 2. P. 32–47.
- Kir'janov, Ju. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. Moscow: ROSSPEN, 2001. 464 p.
- Omel'janchuk, I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossijskoj imperii (1901–1914). Kiev: MAUP, 2006. 744 p.
- Razmolodin, M. L. Ideologija chernosotennyh organizacij v Rossii v nachale XX veka. [S. l.], 2020. 352 p.
- Stepanov, S. A. Chernaja sotnja. Chto oni sdelali dlja velichija Rossii? Moscow: Yauza-Press, 2013. 672 p.

Andrei A. Ivanov

St. Petersburg university, St. Petersburg, Russia

PETER THE GREAT AND HIS REFORMS IN THE PERCEPTION OF RIGHT ROYALISTS IN THE EARLY 20th CENTURY

The study was supported by RFBR, project number 20-09-00105.

The article is concerned with the attitude of Russian right royalists in the early 20-th century toward the emperor Peter the Great and his reforms. Based on materials from social and political journalism, the author demonstrates that the attitude within the political right toward the tsar-reformer and his transformations was not explicitly negative. The right-wingers criticized the errors, which in their opinion did damage to the originality of Russia and its living principles, along with that they acknowledged the achievements of the first emperor. At the same time, the attitude toward the personality of the tsar-reformer himself, as a rule, was positive and well minded. Therefore, the Black Hundreds did not reduced the estimates of the activities of Peter the Great to a direct and unilateral approval or reproach but tried to “pick the wheat from the chaff”.

Keywords: *right royalists, the Black Hundreds, Peter the Great, Peter's reforms, conservative criticism of the Peter's reforms.*

С.А. Иванюк
Государственный историко-мемориальный музей-заповедник
«Сталинградская битва», Волгоград, Россия

Тактика малой войны русской армии и стратегические решения Петра I по ее применению в период Северной войны

Во время Северной войны использование русской армией тактических приемов малой войны стало стратегически важным решением Петра I. Ее умелое использование на различных этапах не раз приводило петровскую армию к военным успехам: на наиболее сложном начальном этапе войны, в преддверии разгрома противника на поле Полтавской битвы 27 июня 1709 г., на завершающем этапе этого военного конфликта. Сыграв свою роль в развитии практики ведения боя русской армии в начале XVIII в., малая война оказала существенное влияние на формирование отечественного военного искусства в целом.

Ключевые слова: Петр I, XVIII век, Северная война, малая война, разведка, диверсия

В период Северной войны боевые действия не велись одновременно на всей территории, охваченной военным конфликтом. Войска находились в одном из трех положений: в движении («на марше»), на отдыхе («на квартирах», «в лагере») или сражались («на баталии»). При этом в противоборстве воюющих армий не было четко обозначенных ни фронта, ни тыла, а были только территории, занятые тем или иным противником. Противоборствующие стороны, будучи в состоянии войны, находились в непосредственном соприкосновении только при благоприятных обстоятельствах, а в остальное время армии маневрировали по театру военных действий и готовились к генеральному сражению. Говоря об этом периоде, военный теоретик Н.П. Михневич отмечал, что это было время малых войн, которые велись большими армиями [Михневич, с. 22].

Несмотря на масштабность территорий, охваченных боевыми действиями Северной войны, столкновения между армиями чаще всего были локальны и представляли собой ведение малой войны в виде разведывательной и диверсионной деятельности. При этом преследовались главные стратегическая и тактическая цели малой войны: не добиваясь тотального уничтожения противника, способствовать его поражению путем изматывания сил в мелких стычках, подрывом системы тылового обеспечения и морально-психологическим давлением на боевой дух врага.

Сам же Петр I, оценивая результативность малой войны при ведении боевых действий своей армией, видел ее смысл не в одиночных действи-

ях на одном направлении, а в масштабных операциях на многих участках. Результат такого боевого применения сил и средств, должен был привести к сбою в планах противника: сдерживанию его наступления, сковывания или рассеивания сил, лишения поддержки местного населения и возможности в пополнении ресурсов. Все это должно было способствовать благоприятным условиям для использования главных сил армии и достижения главного – выхода из военной кампании с положительным результатом.

Не случайно в первые же месяцы Северной войны, когда зимой 1700 г. после поражения петровской армии под Нарвой русскому командованию крайне необходимы были перегруппировка и доукомплектование войск, главный акцент был сделан на ведении разведки и диверсионных операциях. Невозможность противостояния на равных армии Карла XII вынудили русское командование искать выход из создавшегося положения, в ходе которого Петр I старался избегать открытого боя, делая ставку на короткие атаки летучих отрядов, наносивших урон отдельным частям вражеских сил и базам их обеспечения.

На этом этапе наиболее распространенной формой ведения боевых действий русской армии становятся разведывательно-диверсионные рейды по вражеской территории силами отрядов смешанного состава, из числа регулярных и иррегулярных войск. 5 декабря 1700 г. Петр I дал указания руководителю рейдовых операций Б.П. Шереметеву перейти к активным действиям в ходе малой войны: «При взятом и начатом деле быть... итить в даль, для лутчаго вреда неприятелю»¹.

Указываемые в победных русских реляциях и донесениях многочисленные названия населенных пунктов в Прибалтике говорили о масштабах охваченной малой войной территории. Исследователь событий Северной войны в Прибалтике Х.Э. Палли указывал на более 50 документально подтвержденных разведывательно-диверсионных операций петровских войск за период с декабря 1700 по январь 1704 г. [Палли, с. 279–286]. Это были как масштабные рейды в составе корпусов, так и короткие набеги в составе летучих отрядов.

В ходе таких операций только за 1702 г. русскими диверсионными отрядами было разорено порядка 100 крупных и мелких мыз (усадеб) [Kelch, s. 297]. Получая регулярные доклады об успехах своих отрядов в прибалтийских провинциях, Петр I давал указания на дальнейшее применение положительно зарекомендовавших себя методов ведения войны: «Еще довольное время там побыть и как возможно земли разорить, или что иное знатное... учинить, дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим чередом подать было невозможно»².

Еще одним важным решением Петра I стало привлечение к ведению малой войны больших масс иррегулярной конницы (казачество, калмы-

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. № 349. С. 410.

² Там же. СПб., 1889. Т. II. № 445. С. 79.

ки и т.д.). Несмотря на то, что в войнах Нового времени ее применение в крупных сражениях становилось нецелесообразным, для ведения разведки и выполнения диверсионных действий, имея определенные навыки, она становилась просто незаменимой. Кроме этого использование иррегулярной конницы на различных театрах военных действий Северной войны внушало страх населению вражеских земель. Как сообщал иезуитский миссионер И. Берула, посетивший Россию в период этого конфликта: «разного рода татары, преимущественно черкасы и калмыки... пройдут с огнем и мечем и превратят в пепел всю Швецию»³.

В целом при стратегическом планировании своих действий Петр I придерживался уже установленных в начале XVIII в. постулатов военного искусства, когда процесс развития малой войны формировался из трех этапов: 1-го – наступление противника и, как следствие, оборонительные действия стороны, подвергшейся нападению; 2-го – динамическое равновесие противоборствующих сторон, в период так называемого зимнего затишья в боевых действиях; 3-го – наступление обороняющейся стороны, с переходом к более активным действиям, одновременно с подготовкой к решающему сражению [Иванюк, с. 25–26].

На начальном этапе, за четыре года войны в Прибалтике русской армией были пройдены именно такие три фазы малой войны. Это наступление отрядов шведских войск, когда русская армия разведывательно-диверсионными действиями предотвратила продвижение противника за пределы российской границы. Этап равновесия, когда умелым ведением малой войны русская армия рассредоточила силы противника, лишила его ресурсов и поддержки населения края, чем подготовила плацдарм для перехода в наступление и захвата ключевых объектов – крепостей. И непосредственно само наступление, которое завершилось укреплением позиций петровских войск в регионе, взятием под контроль всей территории Ингерманландии, и значительных участков в Эстляндии и Лифляндии.

Еще одним театром военных действий, где армии Петра I пришлось оттачивать свое военное ремесло, стали земли Речи Посполитой. Оставаясь верным союзническому долгу, Петр I поддерживал здесь в боях против шведов войска саксонского курфюрста и польского короля Августа II. При этом вести боевые действия русским войскам приходилось в сложных условиях внутривосточного конфликта польско-литовских магнатов. Он возник при двоевластии, когда королем Польши под протекцией Карла XII был объявлен познаньский воевода Станислав Лещинский, а впоследствии и «бескоролья», когда в 1706 г. Август II отрекся от польского престола и расторг союз с Россией [Feldman, s. 260–281; Копорczyński, s. 156–162].

³ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. № V. С. 58.

Помимо уже традиционной малой войны, в противостоянии со шведскими войсками и поддерживающими их польско-литовскими магнатами русской армии пришлось использовать и новые приемы. Когда война велась на условно дружественной территории, очень трудно было разобраться, где свой, а где чужой, и линии коммуникаций по обеспечению петровских войск продовольствием и фуражом были оторваны от баз снабжения в России, методы разведывательно-диверсионной деятельности применялись не только в боевых действиях с противником. В данном случае они стали регулирующим фактором при взаимодействии с местными элитами, поддержка и лояльность которых была очень важна для Петра I.

В данном случае Петр I ориентировал свои войска на сформированный им же тезис, которого он придерживался в течение всей Северной войны: «с противными противное»⁴. Использование точечных набегов на имения враждебно настроенной шляхты, в сочетании с системой льгот для своих польско-литовских союзников из Сандомирской конфедерации, дало возможность регулировать баланс сил в регионе. Дипломатическая игра в сочетании с силовым давлением способствовали удержанию позиций в Речи Посполитой вплоть до Полтавской победы, а впоследствии и до конца Северной войны.

В 1707 г. в городке Жолкве в непростой ситуации, когда Россия осталась один на один с грозным противником, Петром I был принят важный стратегический план на ведение дальнейших военных действий русской армией. В частности, было решено оттянуть силы противника как можно ближе к своим границам и как можно дальше от комфортных для него баз снабжения, при этом непрерывными атаками на врага силами небольших отрядов не давать ему отдыха и всячески задерживать наступление. Отступая, уничтожать в покидаемых районах все запасы продовольствия и фуража, чтобы создать максимальные трудности для вражеских войск. В случае же неминуемости генерального сражения давать его только в пределах своей территории и на выгодных для себя условиях [Иванюк, с. 130–131, 137–143].

Именно «жолкиевский» план царя, сформированный в 1707 г., и его успешная реализация стали тем фундаментом, на котором впоследствии были выкованы победы русской армии при Лесной и под Полтавой. Неслучайно, когда в начале декабря 1708 г. Петр I на военном совете подводил итоги прошедшего года, он отмечал результативность выбранной им стратегии и тактики ведения боевых действий против армии Карла XII посредством малой войны: «Понеже всегда советовано удалятися от генеральной баталии, что и чинено чрез все лето, частвительно же великий урон неприятелю учинен» [Иванюк, с. 143].

Главным же испытанием на прочность для Петра I и его армии стал Полтавский период Северной войны, предшествовавший генеральному сраже-

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. XII. Вып. 1. С. 92.

нию 27 июня 1709 г. у небольшой крепости Полтава. Когда в ходе своего так называемого «Русского похода» Карл XII пересек российскую границу и вторгся в Гетманщину петровским войскам пришлось вести малую войну в новых для себя условиях. Если до этого боевые действия велись на враждебной (Прибалтика) или условно враждебной (Речь Посполитая) территории, то в Полтавский период конфликта сражаться приходилось на своей земле. В этом были как свои плюсы, так и свои минусы, которые были усугублены после перехода малороссийского гетмана И.С. Мазепы и части старшины на сторону Карла XII.

Благодаря приобретенному опыту в разведывательно-диверсионных операциях Петр I выстроил стратегическую схему охраны своих территорий от наступавшего противника. К тому же было учтено, что в сложившихся условиях определенные диверсионные методы, уже успешно реализованные русской армией в предыдущий период войны, здесь были просто недопустимы. Поэтому отряды петровской армии, задействованные в диверсионных операциях, наносили точечные удары по объектам противника, со строгим пресечением любых попыток навредить местным жителям городов и сел.

Хорошо организованная система разведки, правильное распределение сил и средств, лишение шведов традиционного зимнего отдыха на квартирах посредством постоянных атак на районы их компактного размещения в зимне-весеннюю кампанию 1708–1709 гг. позволило русскому командованию максимально ослабить вражескую армию. К тому же регулярное силовое воздействие на тыловую инфраструктуру врага лишило армию Карла XII продовольственных ресурсов. В результате системного и стратегически выверенного подхода к планированию и успешной реализации задуманного, враг потерял инициативу и больше не имел возможности для маневра [Иванюк, с. 148–268]. Шведский историк П. Энглунд отмечал, что стратегия русской армии под Полтавой была коварной и хорошо продуманной, так как «вместо открытого боя они все больше увеличивали давление на потрепанную армию» Карла XII [Энглунд, с. 66].

Таким образом, в решающий период Северной войны русскому командованию удалось добиться главной цели – предотвратить продвижение войск Карла XII вглубь территории России. При этом в день решающего сражения 27 июля 1709 г. шведская армия находилась уже в таком состоянии, что не смогла коренным образом повлиять на изменение сложившейся ситуации и действовала в невыгодных для себя условиях, как это и было заложено еще в 1707 г. в Жолкве. Весь этот комплекс мероприятий русского командования привел к сокрушительному поражению, от которого шведские вооруженные силы так и не смогли оправиться до конца Северной войны.

В следующие годы после Полтавы активные действия русской армии были сосредоточены на двух театрах Северной войны: в Померании (1711–1713 гг.) и в Финляндии (1712–1714 гг.). При этом в Померанском походе

де русская армия принимала участие в рамках Северного союза с Данией и Саксонией, и в большей степени была сосредоточена на атаках занятых шведами укрепленных пунктов, где малая война выражалась в разведывательных операциях против войск противника⁵.

В то же время Финляндский театр военных действий Петр I считал наиболее важным, а захват финских территорий – перспективным плацдармом для возможности давления на Швецию в принуждении к мирному урегулированию затянувшегося конфликта. По его мнению, финские земли «суть титькою Швеции... не только что мяса и протчее, но и дрова оттоль. И ежели бог допустит... до Абова, то шведская шея мячче гнутца станет»⁶.

В Финляндском походе русским войскам наряду с уже закрепившимися методами разведывательной и диверсионной деятельности, пришлось применять новые формы ведения малой войны ввиду особенностей театра военных действий: крайняя пересеченность местности, обилие внутренних вод, длинная и изрезанная береговая линия, обрамленная полосой шхер. К тому же боевые действия велись на территории с крайне враждебно настроенным населением [Мышлаевский, с. 40–48].

В таких сложных условиях русская армия успешно проводила опустошительные набеги на районы компактного проживания финнов, лишая таким образом шведские войска поддержки местных жителей, которые «неприятелю, как возмогут, чинят вспоможенье провиантом и лошадьми». К тому же такие диверсионные действия велись с целью обезопасить свой тыл и линии коммуникации, часто становившиеся объектами атак со стороны враждебно настроенного населения⁷.

В ходе Финской кампании русскому командованию удалось правильно организовать ведение малой войны, с постоянной разведкой действий противника, методичным истреблением потенциальных баз обеспечения врага, а также скомбинировать свои операции с использованием как сухопутных сил, так и галерного флота, на котором перемещались специальные отряды для десантирования в удобных местах на берег. В результате этих действий вражеская территория перешла под контроль сил Петра I и стала полноценной базой русских войск для дальнейшей атаки уже берегов Швеции [Мышлаевский, с. 442–443]. Кульминацией же стратегических решений царя на этом этапе стала первая крупная победа русского флота над шведами в Гангутском морском сражении, после которой шведы «Его величества флоту отворили... ворота в свою землю» [Кротов, с. 49–73, 83].

Дальнейшие действия российского флота (корабельного и галерного) с посаженными на него сухопутными войсками были направлены на завершение военных действий и заключение Швецией мира [Фейгина,

⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 375–391, 394–398, 403–412.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. XII. Вып. 2. № 5649. С. 197.

⁷ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. V. № 24. С. 23.

с. 486—495]. В мае 1718 г. появились предпосылки к этому процессу в рамках Аландского конгресса. Тем не менее, затянувшиеся переговоры указывали на то, что о решении вопроса путем мирных договоренностей говорить еще рано. Русские дипломаты сигнализировали царю, что необходимо подтолкнуть шведов к более активному диалогу и для этого пойти на крайние меры⁸.

В поисках согласия Петр I инициировал военную операцию по принуждению Швеции к миру переносом боевых действий на ее территорию, предоставляя своему флоту и десанту решить то, что не удалось сделать дипломатам. При этом начиная эту кампанию, он предупредил шведов, что, вступая на их земли, русские войска будут действовать «по неприятельски»⁹.

Летом 1719 г. после крейсерской разведки на Балтике галерный флот под командой Ф.М. Апраксина с пехотой, кавалерией и артиллерией на борту, направился «на швецкую сторону для воинских действий». Войскам был дан приказ после высадки на берег углубиться в земли шведов, сжигая их населенные пункты и объекты инфраструктуры, за исключением церквей. Пройдя огнем и мечем по обширной территории, Ф.М. Апраксин доложил, что масштабы разорительного набега его войск простирались на многие километры. Своими действиями русский корпус нанес многомиллионный убыток врагу: уничтожено 8 городов, 1363 деревни, 43 мельницы и 26 магазинов. Завершив диверсионную операцию войска с трофеями и пленными, вернулись на галеры, а затем покинули шведский берег [Фейгина, с. 495—501].

После набегов русских отрядов на тыловые объекты в сердце шведского государства население королевства было крайне обеспокоено и находилось в состоянии паники. По сведениям, получаемым из Стокгольма, «шведы нынешния их разорения ни оплакать, ни оценить не могут и говорят, что ни в 50 лет поправить им невозможно, а пуще разорение себе почитают позжение лесов и вывоз людей из государства»¹⁰.

В июне 1720 г. начинавшийся как разведывательная операция, чтобы «счастливый поиск... учинить... по лутчему своему разсуждению», поход петровских кораблей закончился победным для русского флота сражением при Гренгаме [Кротов, с. 101—117]. Эту победу, в совокупности с экономическими потерями, которые несли шведские власти от продолжавшихся диверсионных атак русских десантов, Петр I умело использовал как повод к предложению Швеции начать переговоры о прекращении войны, успешно закончившиеся в 1721 г. заключением триумфального для России Ништадтского мира.

⁸ РГАДА. Ф. 96. (Сношения России с Швецией — (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718—1719 гг.). Оп. 4. Д. 5. Л. 446—448.

⁹ РГАДА. Ф. 15. (Разряд XV. Дипломатический отдел — (коллекция) Государственного архива Российской империи). Оп. 1. Д. 20. Л. 6—7.

¹⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. IV. № 200. С. 181.

Важный вклад в победу в Северной войне внесла умелая организация Петром I разведывательной и диверсионной деятельности своей армии в ходе малой войны, которая на всех этапах этого военного конфликта дала свои положительные результаты:

1. Уклонение от открытого сражения и всякого необоснованного действия («азарда»), использование «скифской» тактики изматывания противника, и как результат – сражение на своих условиях.
2. Способность на решительные поступки, не всегда характерные для военного искусства того времени, основанные на правильной оценке сил противника полученных в результате организованной и системной разведки его действий.
3. Умелое использование боевых качеств иррегулярной конницы: подвижность, навыки разведывательной и сторожевой службы, устрашающий фактор.
4. Комбинированное применение петровских войск: мобильных отрядов в составе регулярной и иррегулярной конницы, летучих корволантов с приданием конной артиллерии, использование одновременно сухопутных и водных диверсионных операций.
5. Применение диверсионных действий как регулирующего фактора для давления на своих оппонентов, в сложных внешнеполитических процессах (Прибалтика, Речь Посполитая).

Выводы об эффективности разведки и диверсионных действий в ходе малой войны, сделанные в эпоху Петра Великого, надежно закрепились в военном искусстве русской армии на протяжении последующих трех столетий, оставаясь востребованными и в настоящее время.

Литература

- Иванюк С.А.* Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 352 с.
- Кротов П.А.* Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М.: Эксмо, 2014. 128 с.
- Михневич Н.П.* Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. 178 с.
- Мышлаевский А.З.* Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896. 668 с.
- Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704 гг. Таллин, 1966. 344 с.
- Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. 546 с.
- Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое книжное обозрение, 1995. 287 с.
- Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925. 318 s.
- Kelch C.* Lieftändisbe Historia: Continuation 1690 bis 1707. Dorpat, 1875. 629 s.
- Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. T. II. Warszawa, 1936. 460 s.

References

- Englund, P. *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoj armii*. Moscow: Novoe knizhnoe obozrenie, 1995. 287 p.
- Fejgina, S.A. *Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny*. Moscow, 1959. 546 p.
- Feldman J. *Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709*. Kraków, 1925. 318 s.
- Ivanyuk, S.A. *Malaya vojna russkoj armii v period podgotovki Poltavskogo srazheniya*. Saint-Petersburg: Istoriceskaia illustratziia, 2019. 352 p.
- Kelch C. *Lieftändisbe Historia: Continuation 1690 bis 1707*. Dorpat, 1875. 629 p.
- Konopczyński W. *Dzieje Polski nowożytnej*. T. II. Warszawa, 1936. 460 p.
- Krotov, P.A. *Gangut. 300 let pervoj pobede Rossijskogo flota*. Moscow: EKSMO, 2014. 128 p.
- Mihnevich, N.P. *Osnovy russkogo voennogo iskusstva: Sravnitelnyj ocherk sostoyaniya voennogo iskusstva v Rossii i Zapadnoj Evrope v vazhnejshie istoricheskie epohi*. Saint-Petersburg, 1898. 178 p.
- Myshlaevskij, A.Z. *Petr Velikij: Vojna v Finlyandii v 1712–1714 godakh*. Saint-Petersburg, 1896. 668 p.
- Palli, H. E. *Mezhdru dvumya boyami za Narvu. Estoniya v pervye gody Severnoj vojny 1701–1704 gg*. Tallinn, 1966. 344 p.

Sergey A. Ivanyuk

*The State Historical and Memorial Museum «Battle of Stalingrad»,
Volgograd, Russia*

TACTICS OF THE SMALL WAR OF THE RUSSIAN ARMY AND STRATEGIC DECISIONS OF PETER I ON ITS APPLICATION DURING THE GREAT NORTHERN WAR

During the Great Northern War, the use of tactical techniques of the small war by the Russian army became a strategically important decision of Peter I. Its skillful use at various stages more than once led Peter's army to military successes: at the most difficult initial stage of the war, on the eve of the defeat of the enemy on the battlefield of the Battle of Poltava on June 27, 1709, at the final stage of this military conflict. Having played its role in the development of the practice of fighting the Russian army at the beginning of the XVIII century, the little war had a significant impact on the formation of the national military art as a whole.

Keywords: *Peter I, XVIII century, Great Northern War, small war, reconnaissance, sabotage.*

Образ Петра I и России в произведениях британских поэтов начала века Просвещения

Трансформация политической и международной жизни на рубеже XVII–XVIII веков рождала бурю эмоций в общественном мнении и стимулировала интеллектуалов Европы принять участие в политической жизни своей страны и континента в целом. Особое место в этом процессе принадлежит британским поэтам. Одними из известных и востребованных литераторов того времени являлись Мэттью Прайор (1664–1721) и Томас Тикелл (1685–1740), поэтическая картина мира которых простиралась до державы на востоке Европы – России. Прайор и Тикелл первыми из английских поэтов обрисовали величественный образ русского царя и обозначили Россию как крупную геополитическую державу.

Ключевые слова: М. Прайор, Т. Тикелл, Россия, Петр I, Европа

Дипломатические и военные баталии в Европе раннего Нового времени были, за редким исключением, главными событиями в жизни современников. В то время война являлась повседневной реальностью жизни континента. Она была «носителем политического решения» и диктовалась как потребностью укрепления и престижа центральной власти внутри государства, так и расширения его политического влияния и экономического благополучия за его пределами. К началу XVIII века в странах, боровшихся за господство на Балтике (России, Швеции, Бранденбург-Пруссии, Речи Посполитой), произошли глубокие изменения в военной области, государственном управлении и общественной структуре. Немаловажно и то, что из этих государств только Россия и Бранденбург-Пруссия ускорили темпы своего развития, обогнав Швецию и особенно Польшу. Это не осталось незамеченным на западе европейского континента.

Трансформация политической и международной жизни рождала бурю эмоций в общественном мнении и стимулировала интеллектуалов Европы принять участие в политической жизни своей страны и континента в целом. Особое место в этом процессе принадлежит британским поэтам. Ведь в отличие от государств континента, в Англии на рубеже XVII–XVIII веков начала формироваться «четвертая власть», поэзия нередко приобретала форму пропаганды, а сами поэты были значимыми участниками публичных дебатов и дискуссий [Richetti, p. 183–185]. Одними из известных и востребованных литераторов того времени являлись Мэттью Прайор (1664–1721) и Томас Тикелл (1685–1740), поэтическая картина мира кото-

рых простиралась до державы на востоке Европы — России, развивавшейся столь же динамично, как и их родина.

До этого о России в британской поэзии не упоминалось. Разумеется, Московским государством активно интересовались, но только в прозе, о чем свидетельствуют записки британских путешественников в Московии. Даже знаменитый английский поэт, один из идеологов английских пуритан во время революции середины XVII века, Джон Мильтон (1608—1674) написал небольшой незаконченный трактат «Краткая история Московии», в котором дается описание Московского государства, естественно, с акцентом на его северо-восточные окраины¹.

Мэттью Прайор являлся одним из немногих англичан своего времени, успешно совмещавших дипломатическую и поэтическую карьеру. Именно в его честь первый секретный проект Утрехтского договора 1713 года виги — противники мира — иронично назвали «миром Мэтта», ставший, вместе с тем, популярным в английской политической среде и признанием заслуг дипломата [Jacobsen, p. 200].

Но еще раньше, способствуя заключению выгодного для Британии мира в Рисвике (1697), венчавшего Девятилетнюю войну (иное название — война Аугсбургской лиги, 1688—1697), он благоприятно, без известного высокомерия, относился к находившемуся тогда в Европе Великому посольству Петра I. Прайор и другие английские дипломатические представители в Рисвике получили инструкции «приветствовать Царя или его Послов по их прибытии в Гаагу... заверив Царя в исключительно дружеском расположении к нему со стороны Короля». Когда Великое посольство появилось в Нидерландах, Прайор первым обратился от имени своего короля Вильгельма III Оранского к русским послам с предложением о встрече двух монархов. 23 августа Прайор писал в Лондон: «Если Царю будет угодно оказать нам честь своим визитом, то Его Величество также прибудет сюда через день-два...» Через день после встречи двух государей он сообщал: «Его Величество очень доволен Им (Петром I) и пригласил Его на обед» [Varany, p. 31; Loewenson, p. 431].

Русские министры (так называли послов в то время) и царь Петр произвели на него столь большое и неоднозначное впечатление, что в поэме «Carmen seculare, for the year 1700» (Светская песнь, 1700 год), характеризующая современное состояние Европы, он писал:

«... the young Muscovite, the mighty head / Whose sovereign terror forty nations dread...»²

¹ См.: A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of several Eye-witness, by John Milton. London, 1682; Мильтон Дж. Московия или Известия о Московии по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также и другие малоизвестные страны, лежащие на востоке от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими // ЧОИДР. СПб., 1874. Кн. 3.

² Prior M. Carmen seculare, for the year 1700 // A complete edition of the poets of Great Britain. Vol. VII. London, 1795. P. 422.

(...сорок государств страшатся суверенного террора молодого Москвиты, могущественного правителя...)

Здесь Прайор, как способный и дальновидный политик, подчеркнул два аспекта: абсолютную власть Петра и его могущество, несмотря на молодость. Но стоит заметить, что в этом пассаже его политическая позиция в отношении России полностью отражала позицию государства, которое он представлял.

Заключение венчавшего войну за Испанское наследство (1701–1714) мира в Утрехте вызвало в Великобритании бурю эмоций, выразившихся в посвященных этому событию поэмах. Эти работы, многие из которых имели форму пропаганды, положили конец дебатам о продолжении войны и несли новые идеи. Выпускник Оксфорда Томас Тикелл отреагировал на события в Утрехте поэмой «A Poem, to his Excellency the Lord Privy-Seal, on the Prospect of Peace» («Перспектива мира»). Отличительной чертой «Перспективы мира» является ее реально-событийный, последовательный характер — в ее рифмы заложен путь к заключению мира. При этом одним из ее замечательных качеств было восхваление мира, ставшего результатом политики партии тори, в то время как к миру привели военные и дипломатические достижения, имевшие место при вигах. В этом произведении практически нет повторов и излишних сравнительных образов. Ее главный герой — Британия.

Поэт мыслил масштабно и распространял влияние своей королевы Анны Стюарт на весь мир, который желает ее дружбы. В этот мир он включил новую великую и сильную державу — Россию. Создателем обширной восточной империи стал Петр I, одержавший победу под Полтавой и изгнавший армию шведского короля из ее пределов. Но эту державу, по мнению Тикелла, предстоит цивилизовать, и государю Петру может в этом помочь британская королева.

Her Labours are to plead th' Almighty's Cause,
Her Pride to teach th' untam'd Barbarian Laws;
Who conquers, wins by Brutal Strength the Prize;
But 'tis a Godlike Work to civilize.
Have we forgot how from great Russia's Throne
The King, whose Pow'r half Europe's Regions own,
Whose Sceptre waving, with one Shout rush forth
In Swarms the harness'd Millions of the North,
Through Realms of Ice pursu'd his tedious Way
To court our Friendship, and our Fame survey!
Hence the rich Prize of useful Arts he bore,
And round his Empire spread the learned Store:
(T' adorn old Realms is more than new to raise,

His Country's Parent is a Monarch's Praise.)
 His Bands now march in just Array to War,
 And Caspian Gulphs unusual Navies bear;
 With Runick Lays Smolensko's Forests ring,
 And wond'ring Volga hears the Muses sing³.

*(Желает Всемогущий Бог ее (Англии) канонов,
 И гордость не унижит обучение диких варваров законом:
 Победа достигается ценой жестокой;
 Но цивилизовать – работа Бога.
 Не стоит забывать великую Россию,
 Монарх ее – властитель пол-Европы,
 Чей зов собрать способен миллионы
 И с Севера сквозь лед заставить
 Путь утомительный пройти,
 Чтоб нашу дружбу и доверие найти!
 Полезными искусствами он (Петр Великий) овладел,
 В свою Империю ученых рой привлек:
 Украсил новым блеском государство,
 И стал отцом своей страны – хвала монарху!
 Но думает теперь он о войне,
 В степях Каспийских силы собирает;
 В кольце лесов Смоленских руны сочиняет,
 А Волга удивленно слышит пенье Муз).*

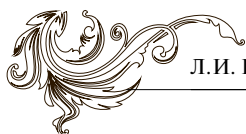
Правда, посол Великобритании в России Томас Уинтворт, с которым короткое время общался поэт, назвал описание огромной восточной державы в поэме «преувеличенно-романтическим»⁴. Чтобы так судить, Уинтворт, безусловно, имел большой дипломатический опыт.

Несмотря на русский пассаж, «Перспектива мира» сыграла весьма заметную роль в карьере поэта. В 1717 году он был назначен заместителем Государственного секретаря Джозефа Аддисона, а в 1724 году стал секретарем вице-королевской канцелярии в Ирландии. На этом посту он пребывал вплоть до своей смерти в 1740 году. Кроме того, за свои заслуги Тикелл удостоился написания своего портрета самым востребованным художником того времени сэром Годфри Неллером.

Впоследствии, когда Российская империя утвердится в статусе великой державы в рамках международной системы государств, поэты будут к ней

³ См.: A Poem, on the Prospect of Peace. A Poem, to his Excellency the Lord Privy-Seal, on the Prospect of Peace. By Mr. Tickell. L., 1713.

⁴ The poetical works of Thomas Tickell: with the life of the author. М.: Литрес, 2010. 178 с. URL: <https://www.litres.ru/thomas-tickell/the-poetical-works/?topadvert50autmn=&from=topadvert>. (Дата обращения 02.03.2021)

нередко обращаться. Например, интерес к России у Роберта Саути, поэта-романтика конца XVIII – начала XIX веков, выразился в создании сатирической баллады «Поход на Москву» (*The March to Moscow*, 1813), где он высмеивал завоевательные планы Наполеона⁵.

В заключение можно констатировать, что, по сути, Мэттью Прайор и Томас Тикелл первыми из английских поэтов обрисовали величественный образ русского царя и обозначили Россию как крупную геополитическую державу. Но, независимо от своих политических симпатий, они, как и другие их собратья по перу начала XVIII века, придерживались в своих сочинениях главной политической идеи, выражавшей их патриотизм и политическую лояльность, – идеи британского превосходства и цивилизаторской роли своей страны.

Литература

- Barany G. *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht*. N.Y.: Columbia University Press, 1986.
- Loewenson L. *The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material* // *Slavonic and East European Review*. XXXVI. L., 1957–1958.
- Richetti J., ed. *The Cambridge History of English Literature, 1660–1780*. Cambridge: University Press, 2005.
- Jacobsen H. *Luxury and Power: The Material World of the Stuart Diplomat, 1660–1714*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Liudmila I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk, Russia

THE IMAGE OF PETER THE GREAT AND RUSSIA IN THE BRITISH POETRY AT THE BEGINNING OF THE ENLIGHTENMENT PERIOD

The transformation of political and international life at the turn of the century, two European wars (the Great Northern War, 1700–1721, and the War for the Spanish Succession, 1701–1714) gave rise to a storm of emotions in public opinion and stimulated European intellectuals to take part in the political life of their country and the continent as a whole. A special place in this process belongs to British poets. For two of them, Matthew Pryor and Thomas Tickell, the poetic picture of the world extended to the power in the East – Russia. Pryor and Tickell were the first English poets to outline the majestic image of the Russian Tsar and designate Russia as a major geopolitical power.

Keywords: *Prior, Tickell, Russia, Peter, Europe.*

⁵ Southey R. *The March to Moscow* // Henry Wadsworth Longfellow, ed. *Poems of Places: An Anthology in 31 Volumes*. Russia: Vol. XX. P. 1876–1879.

Н.В. Кабакова
*Сибирский государственный автомобильно-дорожный
университет, Омск, Россия*

С.Н. Корусенко
*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия*

Сибирские делопроизводственные и картографические источники петровской эпохи: государственные проекты «узнавания» новых пространств империи (по материалам Тарского уезда)*

XVII век стал временем утверждения Сибири в составе Российского государства. Для присоединенной огромной территории это обозначило необходимость ее хозяйственного освоения, что включало в числе прочего фиксацию знаний о крае как в виде письменных текстов, так и в форме картографических материалов. В статье представлен компаративный анализ делопроизводственных и картографических источников рубежа XVII–XVIII вв. – Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и Хорографической чертежной книги Сибири, созданных по указу Петра I. Анализ используемых в этих документах географических терминов показал довольно высокий уровень знаний о данной территории.

Ключевые слова: Сибирь, дозорная книга, хорографическая чертежная книга

В течение XVII в. к Русскому государству была присоединена огромная территория за Уралом. Если первоначально осуществлялось военное освоение пространств, включавшее, прежде всего, строительство острогов как прообразов городов, формирование административного порядка, происходила организация фискальной государственной системы среди коренного населения в виде уплаты ясака, то с середины XVII в. началась стремительная хозяйственная колонизация края. Подобное изменение обуславливалось переводом служилых людей на службу с пашни, заведением крестьянских слобод, привлечением выходцев из Средней Азии – бухарцев – на поселение в Сибири и приобретение ими земель. Постепенно происходило «узнавание» новых

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

пространств, что включало в числе прочего фиксацию сведений о крае как в виде письменных текстов, оформлявших население, земли, тягло и пр., так и в форме картографических документов, визуально отображавших новый регион, его природные и созданные жителями структуры, административные пункты и пр.

Цель работы – выявить общее и особенное в представлении географических объектов Тарского уезда Тобольского разряда на основе компаративного анализа делопроизводственных и картографических материалов рубежа XVII–XVIII вв. В качестве делопроизводственного источника выступает Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. (ДК)¹. Документ появился в соответствии с указом Петра I от 4 января 1698 г., в котором московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову указывалось «в Сибири Тобольского розряда на Таре и в уездах Великого Государя»² переписать земли, живущих на них людей, после чего определить размеры налогов. Именно пополнение государственной казны явилось основополагающей причиной составления данного дозора. Властям было известно, что в уезде на протяжении 1680–1690-х гг. прибывали переселенцы, которые далеко не сразу попадали в поле зрения местных чиновников. Поэтому в ходе дозора требовалось определить их места выхода и время прибытия, установить налоговые выплаты. Кроме того, в самом уезде пересмотрено число людей, которые должны были платить подати и нести повинности в связи с трансформацией их социального статуса и изменением размера земельных владений. Также выискивались прежде неучтенные рыбные ловли, мельницы, кузницы и промыслы. Составитель дозора особое внимание обращал на служилых, которым нужно было упорядочить жалование на основании их текущего социального положения. В случае необходимости И. Р. Качанов разрешал споры, возникавшие между русскими, татарами или между русскими и татарами. В результате в ДК представлены довольно подробные сведения о стационарных поселениях и заимках русских, зимниках и летниках татар и бухарцев. Описание границ семейных и коллективных владений пашенными, пастбищными, сенокосными и др. угодьями было основано на уже известных знаниях о расположенных здесь географических объектах – как естественных (реках, озерах, болотах и пр.), так и созданных человеком (дорогах, мостах и пр.). Источник содержит сведения о незаселенных и пока неиспользуемых территориях.

¹ Источник хранится в РГАДА (Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1183. 425 л.). В настоящее время опубликовано 2 тома, еще один том, включающий справочно-терминологический аппарат, готовится к изданию (Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [текст] / Отв. ред. Н. А. Томилов; подгот. к изданию М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко, Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко. Омск: Издательский дом «Наука», 2021. 656 с.; Т. 3. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [оригинал]. Омск: Издательский дом «Наука», 2020. 862 с.)

² Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. С. 9.

В качестве картографического источника в данной работе используется Хорографическая чертежная книга Сибири (ХК)³, созданная Семеном Ульяновичем Ремезовым также по указу Петра I в период с 1697 по 1711 г. Она включает известные для того времени знания о пространствах Сибири и сопредельных землях. Если создание дозорных книг было определено административно-хозяйственными задачами, то разработка карт связана с геополитическими установками, необходимостью в числе прочего получения четких представлений о территориях. Приобретение таких знаний способствовало разрешению разнообразных проблем – от определения внешних рубежей до установления границ, разделявших страну изнутри, получения сведений о существовавших сухопутных и водных дорогах. ХК, помимо собственно карт (изображений), содержит дополнительные текстовые описания географических объектов, таких как боры, болота, увалы и др.

Источниковедческий анализ материалов ДК и ХК представлен в работе авторов данного исследования [Кабакова, Корусенко, 2017], где на отдельных примерах, связанных с описаниями социально-экономического плана, структуры населения, способа ведения хозяйства, природных условий и пр., показана возможность выявления, сопоставления и взаимного дополнения знаний данных источников и приобретения качественно новой информации, позволяющей визуально оценить ситуацию, сложившуюся в Среднем Прииртышье на определенном историческом отрезке времени. Очевидно, что чертежи С.У. Ремезова изографически преломили фискальный документ – ДК, ставший итогом обследования Тарского уезда. В этой статье представлен и историографический анализ проблематики научных работ, основанных на источниках подобного рода. В другой работе, также построенной на компаративном анализе ДК и ХК, изучена система расположения русскоязычного и тюркоязычного населения Тарского уезда в контексте освоения данной территории и конструирования представлений о ней [Кабакова, Корусенко, 2019]. В результате авторами выявлена ее неустойчивость в связи с продолжающимся в начале XVIII в. процессом хозяйственной колонизации региона. Сухопутные и речные маршруты на территории Тарского Прииртышья по материалам ДК стали объектом изучения в работе Н.В. Кабаковой [Кабакова, 2021]. В то же время ДК и ХК вмещают обилие информации, содержащей «государственные знания» о недавно присоединенных территориях, что дает возможность извлечь их, оценить и сопоставить.

Тарский острог был основан в 1594 г. На рубеже XVII–XVIII вв. Тарский уезд Тобольского разряда (в дальнейшем – Тобольской губернии) включал

³ Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова: в 2 т. Т. 1: факсимильное издание. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. [344] с.: карты, карта-вкладка; Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 692 с.

обширную территорию на юге Западной Сибири и граничил со степью, начавшей осваиваться только с 1710-х гг. в связи с постройкой ряда крепостей (например, Ямышевской в 1715–1716 гг., Омской в 1716 г. и др.). На чертеже С. У. Ремезова четко указана граница между Тобольским и Тарским уездом: «межа Тобольская с Тарою градом»⁴. В то же время южные и юго-восточные границы уезда не определены. Самым южным населенным пунктом была слобода Татмыцкая, где построили острог для защиты от набегов степных кочевников, имевший две башни — Глухую и Угловую (она же «проежжая»). Тарский уезд в этот период являлся территорией, соединяющей Российское и среднеазиатские государства, связуя их в основном посредством торговли бухарцев еще со времен существования Сибирского ханства.

Освоение русскими служилыми людьми Западно-Сибирского региона происходило с севера вдоль рек. Река Иртыш являлась главной водной артерией, на берегах которой и прилегающих реках и речках возникали поселения в Тарском уезде. Значительное количество различных угодий (лесных, пастбищных, сенокосных и т.п.) было освоено до прихода русских местным тюркоязычным населением. Их зимники и летники располагались как на правом берегу, так и на левом берегу Иртыша, что привело к чересполосному расположению русских и татар. Несмотря на разницу в целях при составлении ДК и ХК, можно отметить определенное сходство при подаче имеющейся информации о размещении жителей, с ориентацией на Иртыш. Так, русские жители Тарского уезда в ДК учтены по населенным пунктам, которые упорядочены в соответствии с географическим принципом: город Тара, село и деревни Тарского уезда по реке Оше (впадает в Иртыш), деревни и слободы от города вверх по Иртышу реке, село и деревни вниз Иртыша реки. Отличие этого документа от ХК определяется тем, что хотя в нем татарские поселения переписаны в отдельной части книги, однако информация о них представлена аналогичным образом: сначала те, которые расположены вокруг города Тары и на впадающих в Иртыш реках (Нюхоловке, Оше, Таре), далее — сосредоточенные вниз Иртыша реки от города.

Основу изложения материала в ХК составила гидрография, т.к. весь этот источник разбит на главы, большинство из которых поименовано по названиям рек. Глава 29 «Иртыш река» (Л. 67–99) посвящена описанию территории и поселений вдоль Иртыша от его устья до верховьев. Тарский уезд представлен на 84–93 листах. Некоторые сведения выделены также на вклейке на л. 93, на обороте которой указано: «Глава 31. Степь барабинская с урочищами». Здесь довольно схематично изображены поселения и волости тюркоязычных групп Барабы, включая несколько юрт аялыньских татар, приписанных к Тарскому уезду. Для подробного представления о размещении татар по реке Ишим определен отдельный лист 107 («Глава 34. Ишим

⁴ Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т. 1. Л. 84.

река»). Кроме того, есть вклейка и на л. 91, на которой отображены места дислокаций русских и татар на р. Оше. Таким образом, информация, представленная в ДК и ХК, довольно однотипная, что делает возможным ее сравнение.

Составители исследуемых источников в своем изображении природной среды использовали понятийный аппарат, принятый в конце XVII в., который и был применен ими в процессе фиксации данных. В ДК названо 43, в ХК – 29 географических терминов (Табл. 1).

Таблица 1.

Географические термины на территории Тарского уезда в Хорографической чертежной книге и Дозорной книге Тарского уезда 1701 г.

Географические термины в ХК	Географические термины в ДК	Географические термины в ХК	Географические термины в ДК
	алап	озеро	озеро (озерко)
	баярак (баярачик)		омут
березник	березник		осинник
болота (болота рямовые)	болото (болотцо, болотечко)	остров	остров (островок)
бор	бор	плесо	
	брод		переволока
	вершина		переус (переуз)
	водоворот	поскотина	поскотина
волок			поточина
гора	гора	протока	
	грива	река (речка)	река (речка, речечка)
дорога	дорога		рытвина
дуброва	дуброва		сосняг
ельник	ельник	сметники	
запор	запор	согры	
	залив	суземья	
исток			тал
	колок	тюп	тюп
курья	кура	тундра	
	липняг	увал	увал
лиственничник	лиственничник		урман

	лог
луг	луг (лужок)
лука	лука
	мост
мыс	мыс

	урочище
	устье
чернолесье	
	ялань
яр	яр (ярок)

Совокупно в материалах двух источников представлены 52 географических термина, из которых совпадают 20, тогда как 9 обозначены только в ХК и 23 – в ДК. Наименьшее количество географических понятий ХК объясняется спецификой этого документа. В ХК встречается часть понятий, которые не обозначены на территории Тарского уезда, но терминологически совпадает с материалами ДК, – это баярак, елань (в ДК – ялань), колок, мост, урочище, устье. Одинаковое значение имеют слова волок либо переволока (узкое место либо между двумя реками/речками, либо соединяющее изгиб реки, использующееся для перетаскивания водных средств передвижения). На изображениях ХК волоки отмечены пунктирами. На картах показаны истоки некоторых рек, в ДК при описании истока использовалась фраза «вышла речка». В ХК в представлении лесных мест очень часто встречаются следующие понятия, которых нет в ДК: суземья (так назывались соседние, в то же время дальние, незаселенные, лесные места), сметники (смешанный лес), согры (низменные болотистые места, в большинстве своем покрытые лесом). На картах для обозначения лесистой местности использованы слова – березник, бор, дуброва, ельник, лиственничник, чернолесье. В дозорной книге также используются эти понятия, за исключением последнего, однако здесь встречаются также термины: липняг, осинник, сосняг, тал, урман. Для обозначения болотистых мест в ХК представлены слова: болота, болота рямовые (верховые болота, в отличие от низменных), согры, тундра (трясина, состоящая из растительных остатков). В дозорной книге данные природные объекты описаны понятиями «болото», «болотцо» и «болотечко», связанными исключительно с размерами, а не существенными характеристиками, как в ХК. Собственные названия части болот имеются в обоих документах (например, болота Танатовские, Казатовское болото). Также здесь представлена градация рек – река, речка, речечка, и озер – озеро, озерко. Разного вида возвышенности в ХК определены терминами, встречающимися также в ДК: гора, увал, яр. Однако в дозорной книге используются также понятия «вершина» и «грива», что связано с подробным описанием хозяйственного освоения земель. На картах представлены несколько лук (лука – излучина реки) с названиями (например, лука Тюлюганова, три луки Тебендинские). Из описаний дозорной книги становится понятным, что фактически все луки имеют собственные наименования, что свидетельствует об их использовании в качестве пастбищных мест и сенокосных угодий. О хозяйственном освоении

пространства указывают также слова «луг (лужок)», «поскотина», «остров (островок)» (выделяющееся из окружающего пространства место), «брод», «переус (переуз)» (узкое место, обычно являющееся ориентиром для разграничения хозяйственных угодий), «урочище» и др.

Терминологическое разнообразие ДК и ХК демонстрирует как совершенствование понятийного аппарата, так и свидетельствует о высоком уровне «узнавания» пространства. Те участки, которые в наибольшей степени интересовали администрацию – реки, волоки, сухопутные дороги, показаны в ХК доскональным образом, поскольку они имели важное коммуникационное значение. Чертежи были необходимы для знания точного расстояния между населенными пунктами и рядом иных объектов, нанесенных на карты, поэтому в легендах к ним отмечались дистанция между слободами и острогами, протяженность рек и волоков, определяемая в верстах, либо днях или неделях. Нередко в подобных указаниях представлены комментарии, маркирующие возможную специфику маршрута в зависимости от времени года, направления движения или иных обстоятельств (например, зимой или летом, с грузом, вверх по реке). В то же время в ХК имеются сведения только об основных, наиболее крупных, реках, озерах, главных дорогах. Дозорная книга в этом отношении представляет гораздо больше сведений. Так, в ХК на территории Тарского уезда обозначены чуть более 20 озер и 30 рек. В дозорной книге указано свыше 100 озер и 150 рек разной величины. Здесь имеются сведения о 92 дорогах, одни из которых являлись магистральными (например, «Большая зимняя и летняя Городовая», «Арбинская Татарская», «Посольская»), другие указывали на хозяйственное освоение территории – это дороги к различным угодьям, населенным пунктам и т.п. Многочисленные собственные названия различных географических объектов – болот, буераков, грив, еланей, лук, яров и т.п., представленные в ДК, свидетельствуют о разворачивании колонизационных процессов на данной территории на рубеже XVII–XVIII вв. Указы Петра, направленные на создание Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и Хорографической чертежной книги Сибири, позволили, прежде всего, систематизировать имеющиеся знания, визуализировать и закрепить их в виде картографического и письменного источника.

Литература

Кабакова Н.В. Реки и дороги: роль в жизнедеятельности населения Тарского Прииртышья в конце XVII в. // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр. Омск, 2021. Ч. 1. С. 158–163.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII–XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи (по материалам Тарского уезда Тобольской губернии) // Вестник археологии,

антропологии и этнографии. 2019. № 4. С. 165–173. DOI 10.20874/2071–0437–2019–47–4–13

Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Делопроизводство и картография на рубеже XVII–XVIII вв.: к проблеме изучения народонаселения Среднего Прииртышья // Былые годы. 2017. Т. 43 (№ 1). С. 21–29.

References

- Kabakova, N. V. Reki i dorogi: rol' v zhiznedeiatel'nosti naseleniia Tarskogo Priirtysh'ia v kontse XVII v. // *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia stran Evrazii: sb. nauch. tr.* Omsk, 2021. Part 1. Pp. 158–163.
- Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. Sibirskie deloproizvodstvennye i kartograficheskie istochniki rubezha XVII–XVIII vv.: fenomen «uznavaniia' novykh prostranstv imperii imperii (po materialam Tarskogo uezda Tobol'skoi gubernii) // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2019. Issue 4. Pp. 165–173. DOI 10.20874/2071–0437–2019–47–4–13/
- Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. Deloproizводство i kartografiia na rubezhe XVII–XVIII vv.: k probleme izucheniia narodonaseleniia Srednego Priirtysh'ia // *Bylye gody.* 2017. Volume 43, Issue 1. Pp. 21–29. DOI: 10.13187/bg.2017.1.21.

Natalia V. Kabakova

Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russia

Svetlana N. Korusenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

SIBERIAN ADMINISTRATIVE AND CARTOGRAPHIC SOURCES FROM THE AGE OF PETER I: STATE PROJECTS OF “FIGURING OUT” NEW IMPERIAL SPACES (BASED ON TARA REGION MATERIALS)

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42054.

The 17th century was the time when Siberia was being incorporated into the Russian state. For the newly integrated vast territory this meant a necessity for its colonization and development, which included acquiring knowledge of the region both in textual and cartographic forms. The present article provides a comparative analysis of administrative and cartographic sources belonging to the turn of the 17th-18th centuries: a Tara Region Inventory Book of 1701 and the Chorographic Sketchbook of Siberia, commissioned by Peter I. An analysis of geographical terms used in these documents reveals a considerably high level of knowledge related to that territory.

Keywords: *Siberia, inventory book, Chorographic Sketchbook of Siberia.*

Образ Петра Первого в тунисской историографии доколониального периода (XVIII–XIX вв.)

Тунисские исследования, посвященные русской истории и культуре, в последние годы стали более заметны. Российский император Петр Первый занимал особое место в русской общественной мысли начиная с XVIII века и до наших дней. Тунисские авторы и историки XVIII–XIX веков высоко оценивали реформы Петра Первого в России и ставили целью осмысление опыта этих реформ Туниса и мусульманского мира.

Ключевые слова: Петр Великий, Тунис, тунисская элита, Османская империя, Французский протекторат

Введение

В последние годы в Тунисе появляется все больше исследований, посвященных русской истории и культуре [1]. Без сомнения, Петр Первый занимает особое место в русской истории и общественной мысли. В этом контексте, французский исследователь Мишель Хеллер написал: «Никто в русской истории не занимает столько места, как Петр. И, как подтверждают события конца XX века, его миф, возможно, более важен, чем действительные действия царя-плотника» [Heller, p. 597]. Следует отметить, что деятельность Петра Первого была ранче в центре внимания автора статьи [Каздагли Н.]. В данной работе мы попытались изучить образ Российского царя в тунисской историографии в период до установления французского протектората в Тунисе в 1881 г.: в первой части мы рассмотрели сочинения тунисских авторов и историков XVIII в. (Вазир Сараж, Хамуда Бен Мухамед Бен Абдельазиз), о политике Петра Первого и России в целом по отношению к Османской империи. Во второй части мы изучали взгляды тунисских хроникеров и мыслителей XIX в. (Ахмед Ибн Аби Дияф, Хайреддин Туниси, Генерал Хусин и Мухамед Байрам V) на реформу Петра Первого в России. Тунисские авторы, изучавшие историю и культуру европейских государств, высоко оценивали реформы Петра, модернизировавшего государство и общество в России. Они стремились понять причины успехов на пути прогресса и развития народов Европы и Америки, и ответить на вопрос, почему политический режим арабомусульманского мира, в том числе Туниса, остался неизменным.

1. Первые сведения о Петре в тунисской литературе

Очевидно, что первые упоминания о России и царе Петре первом в тунисской хронике выходит к началу восемнадцатого века. Вазир Сараж (ум. в 1737 г.), андалузец по происхождению, был одним из первых тунисских авторов, интересовавшихся Россией и ее отношениями с Османской империей. Известно, что несколько тысяч мусульманских беженцев из Андалусии нашли убежище в начале XVII в. на территории Туниса. Сараж — автор трактата об истории Туниса «Хулал асль-Сундусия фил Ахбар аль-Тунисия» [Kazdaghli, p. 133–136], долго работал преподавателем в великой мечети Аль-Зейтуна в столице Туниса. Вазир Сараж был свидетелем эпохи правления Хусина Бен Али в Тунисе (1705–1740), Петра Великого в России (1682–1725), и Ахмеда III в Османской империи (1672–1730). Излагая ход военных действий начала XVIII в., Вазир Сараж верно отмечает, что решение Петра Первого объявить войну Османской империи в ноябре 1710 г. отменило прежний мирный договор между Россией и Турцией от 1700 г. [Вазир Сараж, с. 328]. В начале весны 1711 г. русская армия предпринимает шаги к завоеванию Молдавии и Валахии, входивших в состав Османской империи. На берегу р. Прут значительные военные силы Турции окружают армию Петра Первого и вынуждают Россию пойти на переговоры и заключить мирный договор с Османским султаном 17 сентября 1711 г. Тунисский автор подробно останавливается на статьях мирной конвенции, подписанной между Россией и Высокой Портой. Вазир Сараж подчеркнул следующее: «Российская сторона должна заплатить Османской империи за все расходы войны», также Россия «должна передать город Азов Османской империи и передать все военные объекты на его территорию туркам». Согласно договору, «Россия взяла на себя обязанность платить денежную контрибуцию в размере суммы 40 тысяч динаров золотом, в течение 7 лет» [Вазир Сараж, с. 330–331]. Несмотря на то, что внимание автора было сосредоточено на военном аспекте, он выделил оригинальную информацию относительно общего настроения в России, Турции и тунисском Регентстве. Очевидно, что разъяснения Вазира Саража о русско-османской войне нельзя переоценивать, они имеют одностороннюю направленность. Русско-османский конфликт не был воспринят в глобальном масштабе. На самом деле, война между русскими и османами в 1710–1711 гг. представлялась важным моментом для возникновения крупного политического проекта Петра Первого. Он стремился завоевать выход к Северному морю, чтобы развивать торговые отношения между Россией и Европой. Такой политическо-стратегический выбор подтолкнул Петра Великого вести войну со Швецией в период с 1700 по 1721 г. Османская империя была вовлечена в войну с Россией в 1710 г., в результате дипломатических маневров короля Швеции Карла XII (1682–1718), который пользовался поддержкой Франции. Обе страны (Швеция и Франция) хотели помешать планам русских в Европе [Platonov, p. 612]. Османская империя считала, что момент подходящий,

чтобы решить свои проблемы с Россией. Петр Первый испытывал эйфорию после недавней победы в Полтавской битве в 1709 г. Он думал, что он сможет вести войну одновременно на двух фронтах, против шведов на Севере и против турок на Юге. Военная действительность привела Петра Первого к пересмотру тактики и выбору приоритета. Поэтому Петр Первый предпочел заключить мирный договор с Османской империей в 1711 г., чтобы бросить все силы на войну против Швеции. Известно, что война завершилась подписанием мирного договора между Россией и Швецией 30 августа 1721 г. Россия достигла блестящей победы, поскольку она приобрела выход к Балтийскому морю и стала играть большую роль в политике Европы. Очевидно, тунисский хроникер Вазир Сараж не мог воспринимать русско-османскую войну 1710–1711 г. в таком глобальном плане: он был сыном своей эпохи, имел собственные религиозные исламские убеждения и сильно обрадовался результатам войны, которые, по его мнению, были в пользу Высокой Порты и мусульманского сообщества в мире. Также он пришел к выводу, что война между Петербургом и Истамбулом является важным моментом в священной войне между мусульманами и христианами. Вазир Сараж, не был единственным в тунисском Регентстве, который проявлял интерес к русско-османской войне и военной тактике русского царя Петра Первого. Так, правитель Туниса Хусин Бен Али проявил особенный интерес к науке и военным вопросам. Как-то, глядя на разложенные на столе географические карты, Хусин Бен Али попросил французского консула «дать ему разъяснения о действиях армии на сцене сражения между русскими, поляками и шведами» [Бей Мохтар, с. 82, 142]. Очевидно, что тунисский правитель, как некоторые представители местной элиты, обратил внимание на спор между Петербургом и Османской империей в начале XVIII в. Тунисские официальные круги и элиты воспринимали суть конфликта между двумя державами, как прямую конфронтацию между христианским миром и мусульманским миром под руководством Турции. Важно отметить, что правители Туниса без сомнения стояли на стороне Высокой Порты, поскольку они считали тунисское Регентство неотъемлемой частью Османской империи. Наряду с религиозным фактором, были другие, политические: военно-стратегическое значение Черного моря, борьба за сферы влияния на Балканском полуострове, Кавказе и на Ближнем Востоке. По всем этим вопросам Россия и Турция стояли на противоположных позициях, поэтому отношения между ними колебались от политических разногласий до прямых военных конфликтов, в зависимости от исторического контекста: и в эпоху Петра Первого, и в последующие периоды.

2. Петр и Россия в тунисской литературе второй половины XVIII в.

После смерти Петра Первого в 1725 г. Россия вступила в «эпоху дворцовых переворотов», продолжившемуся до воцарения в 1762 г. Екатерины II, которая продолжил курс реформ в России, начатый Петром Первым. О флоте

России есть упоминание в тунисской хронике «Аль Китаб Аль Баши» (книга Паши), созданной Хамудом Бен Мухамед Бен Абдельазизом (ум. в 1788 г.) Автор хроники родился в Тунисе и получил образование в великой мечети Аль Зейтуна, был ярким специалистом по богословию, интересовался литературой, поэзией и историей, пост президента канцелярии правителя Туниса Али Бен Хусина (1759–1782), [Abdelssalem, p. 289–291]. «Аль Китаб Аль Баши» создана в 1776–1777 г. и посвящена истории Туниса и эпохе хафсидов. Также в ней уделено внимание периоду правления турецких деев в Тунисе и династии мурадитов, а также первым правителям династии хусейнидов. Автор подробно рассматривает период правления Али Бен Хусина, экономику, сельское хозяйство, ремесло и торговлю, вклад правителя в самые разные сферы, в том числе в строительство разных объектов, необходимых для развития страны: мечетей, школ, складов и др. [Хамуд Бен Мухамед Бен Абдельазиз, с. 366–368]. В частности, автор «Аль Китаб Аль Баши» рассказывает случай, когда два корабля с тунисскими товарами по пути в Константинополь подверглись нападению русских морских сил в восточной части Средиземного моря и оп о помощи, которую оказал правитель Туниса в этой ситуации владельцам товаров. Сведение тунисского автора по поводу нападения русских на тунисских торговцев выглядит достоверным, но, возможно, автор преувеличил или идеализировал роль тунисского правителя во время решения этого вопроса. Даты в хронике нет, на наш взгляд, событие имело место, скорее всего, в контексте русско-турецкой войны, которая продолжалась с 1768 до середины 70-х годов XVIII века. Известно, что Бен Абдельазиз был из окружения бея Али Бен Хусина, и некоторые его считают едва ли не официальным историком для эпохи этого правителя [Abdelssalem, p. 296–297].

Можно упомянуть еще одну работу по истории России второй половины XVIII были – труд Ахмеда Ибн Аби Дияфа (1802–1874), знаменитого тунисского историка, который интересовался проблемами отношений Туниса с Османской империей и Российской империей. Важно отметить, Ибн Аби Дияф впервые упоминал название России при изучении политических событий 1770 года в Тунисе. В это время в отношениях между Тунисом и Францией возникает кризис, а в Тунис прибывает османский посланник с целью попросить помощь для своей страны, которая ведет войну против России. [Ахмед Ибн Аби Дияф, Т 2, с. 204]. Османский посланник предложил свои услуги в урегулировании конфликта между Тунисом и Францией. В результате этого, Тунис и Франция согласились подписать мирный договор 13 сентября 1770 г. После этого бей Туниса принял решение оказать военную помощь Высокой Порте: «Бей посылает 5 военных кораблей перегруженные людьми и боеприпасами, чтобы оказать помощь османским кораблям на войне против Москвы в апреле – мае 1771 г.» [Ахмед Ибн Аби Дияф, Т 2, с. 207]. Русско-турецкая война продолжалась: русское войско во главе с князем Долгоруким (1722–1782) заняло Крым в 1771 г. В то же

время, русская армия под руководством Румянцова (1725–1796) начала завоевание Бесарабии, а затем вторглась в Болгарию. Русский флот с Балтийского моря под начальством Алексея Орлова (1737–1808) появился на берегах Греции. Последствия русской морской компании были значительными и в Османской империи и в Европе. В ходе войны между Петербургом и Высокой Портой нападения на союзников случались часто, также было немало стычек между пиратами из Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис и Триполи) и русскими в Средиземном море. Французские документы описывают судьбу алжирской лодки, которая была ограблена русскими моряками в марте 1771 г., хотя находилась под французским флагом. Алжирский правитель написал 14 марта 1771 г. письмо, в котором требовал помощь Франции, чтобы освободить алжирских торговцев, арестованных русскими [Plantet, 1889, Т. 2, с. 300–302]. Правитель Туниса Али Бен Хусин использовал случай прибытия французского военного судна в Регентство 14 ноября 1772 г., чтобы поднять вопрос о возмещении товаров, взятых русскими на французское судно, зафрахтованное тунисскими купцами [Plantet, 1899, Т. 3, с. 18–19]. Однако после смерти турецкого султана Мустафи Хана в 1773 г., к власти пришел Абдельхамид Первый (1773–1789) и появились первые признаки заключения перемирия между Москвой и Константинопом в 1773 г. В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Османской империей. По окончании войны тунисские солдаты возвращались на родину, и хроникер Ибн Аби Дияф эмоционально описал это событие: «Тунисский контингент возвращался невредимым и совершил высадку в порте Лагулета. Это был великий день» [Ахмед Ибн Аби Дияф, Т. 2, с. 207–208]. Рассказ Ахмеда Ибн Аби Дияфа носит субъективный характер – он полностью на стороне Османской империи, – из сообщения можно сделать вывод, что тунисские солдаты и османское войско одержали победы, но в действительности все было по-иному, результаты войны имели катастрофический характер для Османской империи [История России XVIII–XIX веков, с. 317–323].

После Кючук-Кайнарджийского договора начали появляться новые тенденции в международных отношениях в Европе, в Средиземноморье и в Северной Африке. Таким образом можно охарактеризовать общее положение в этих странах и регионах: «Тунисское правительство боялось, что союз (Франция и Испания) покончит с пиратством в море» [Jerad M., Ben Hassine H., p. 20]. Наряду с геополитическими изменениями, которые сложились после русско-турецкой войны (1768–1774), Россия по мирному договору получила право назначить консула или заместителя консула во всех регионах Османской империи. Относительно вопроса пиратства в Средиземном море мирный договор 1774 г. выдвинул принцип коллективной безопасности. Это значит, что Россия и Османская империя должны вместе защищать свои судна от нападения пиратов в Средиземном море [Мусатова, с. 15]. Следует отметить, что 12-я статья Кючук-Кайнарджийского до-

говора касалась непосредственно Северной Африки. Согласно ей, османское правительство должно взять ответственность и предоставлять помощь русским судам в случай опасности или агрессии со стороны североафриканских корсаров. Также по этому договору Османская империя выступила гарантом при совершении «комерческих конвенций» между Россией и Регентствами Алжира, Туниса и Триполи [Юзефович, с. 35]. В мае–июне 1776 г. русский капитан М.Г. Коковцев (1745–1793) совершил поездку в Тунис и Алжир, чтобы ознакомиться с военными и материальными ресурсами страны. Также ему была поручена задача изучить степень готовности правителей Туниса и Алжира заключить с Россией мирный договор [Canard, p. 121–129]. Хотя пребывание М.Г. Коковцева в Тунис не был официальным, он был принят беом Али Бен Хусин. Русский капитан написал в дневнике: «В разговорах (бея Туниса – *Н. К.*), нетрудно было приметить истинное его желание к заключению мира с Российской Державой, если на то будет воля Ея Императорского Величества» [Коковцев, с. 89]. Эти политические желания, о которых говорили представители России и Туниса, остались только на бумаге. Французские источники показывают, что русские пытались в 1777 г. установить прямые контакты с Алжиром и Тунисом и заключить мирные соглашения. Правители Алжира и Туниса отказались дать согласие предлагаемым соглашениям [Rousseau, p. 188–189], поскольку имели тесные связи с Османской империей. Другая причина также важна: пиратство являлось важным источником наполнения казны Алжира и Туниса в течение всего XVIII века. Правительство России заняло более решительную позицию по отношению к тунисским и алжирским корсарам и их нападениям на русские корабли. По завершению русско-турецкой войны (1787–1791) появился новый мирный договор от 1791 года, который утвердил решительные меры по отношению к действиям пиратов: «Высокая Порта обязалась с целью более полного обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполитании возместить русским купцам все убытки, причиненные ими корсарами» [Оболенский, с. 235]. Очевидно, последние соглашения между Россией и Османской империей начали давать свои первые плоды. Они также открывали новые перспективы в отношениях между Российской империей и Османскими владениями, в частности, Тунисом, в начале XIX в.

3. Петр Первый в работах тунисских авторов XIX в.

А. Взгляды Аби Дияфа и Хайреддина о Петре I

Интерес к России возник прежде всего в пору, когда вспыхнула русско-турецкая война (1827–1829 гг.). Тунис принимал участие в этой войне на стороне Константинополя [24, Т. 3, с. 201–202]. Тунисский историк Ибн Аби Дияф уделял внимание Российской империи в период Крымской войны (1853–1856 гг.), когда Тунис принял участие в войне на стороне турецкого

султана [Ахмед Ибн Аби Дияф, Т. 4, с. 174–182, 211–214]. Об истории планов внешней политики со времен Петра и о роли первого русского императора историк не пишет. Однако личность Петра I занимает особое место в тунисской литературе XIX в. Хайреддин Туниси (1820–1890), видный тунисский реформатор, уделял большое внимание русской истории, культуре и деятельности Петра Первого. В 1867 г. он создает на арабском языке книгу «Вернейшего пути в сознании положения королевства», в котором изучает двадцать европейских государств, в том числе и Россию, которая, в порядке, предложенном автором, занимает пятое место, после Османской империи, Франции, Англии, Австрии. Такое место России, по мнению автора: результат «утверждения в истории, и ее великие материальные и экономические ресурсы» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 70]. Также тунисский автор охарактеризовал Россию на карте мира так: «Известно, что Россия является одним из великих королевств на земле, поскольку ее территория расположена в Европе, в Азии и Америке. Ее расстояние с Востока до Запада достигает 15 тысяч км. и с Севера до Юга – 5 тысяч км. Ее население составляет одну четверть от общего населения Европы. Она была окружена с Севера Ледовитого Океаном. В Европе, с Запада, она граничит с Австрийским королевством, Прусским королевством, с Балтийским морем и Шведским королевством. С Юга, она граничит с Турецким королевством. В Азии – тоже Турецкое, Персидское королевство, Туркестан, и Китайское королевство. С Востока – это Америка» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 474]. Территория России преимущественно азиатская, население составляет свыше 80 миллионов человек, из них 61 миллион живет в европейской части страны. 60 миллионов исповедуют православие, около 2 миллионов – протестанты, 3,5 миллиона – католики, около 4,5 миллионов исповедуют мусульманскую веру, остальные – иудаизм и другие религии [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 475]. Хайреддин Туниси был министром – реформатором и другом тунисского генерала Хусина (ум. в 1887 г.), который много ездил и прожил несколько лет в Европе. Он написал следующее: «Народ России – это нация, не похожая на народы Европы и страны Азии и Африки. Я видел от некоторых из них вождей очень благородных. У меня была рекомендация уважаемой принцессы. Я был так польщен, что заместитель их губернатора в Варшаве пригласил меня к себе и почтил меня встречей, поэтому сказал ему: я путешествую и не имею никакого отношения к государственным постам. Он ответил, что вы из благородного народа, имея в виду арабов, поэтому мы рады вас почтить» [Abdesselem, Т. 1, с. 96]. Перед тем, как тунисский гость покинул Варшаву, чтобы отправиться в Российскую столицу, заместитель министра иностранных дел передал письмо военному министру и властям Кронштадта, чтобы ему позволили посетить основные достопримечательности, то, что не показывают англичанам или французам [Abdesselem, Т. 1, с. 97].

Хайреддин Туниси интересовался русскими историческими вопросами. Он подробно изложил древнюю историю России, возникновение и разви-

тия династии Рюриковичей, время монголо-татарского нашествия и установление монголо-татарского господства на Руси с середины XIII века и до освобождения от монгольского ига, приобретение России независимости в 1480 г. правление Ивана Грозного, установившего самодержавную систему в стране, события на рубеже XVI–XVII веков в России, которые получили название «смутное время», Земский собор 1613 г., С приходом Михаила Федоровича Романова к власти, по словам Хайреддина Туниси, «прекратились все войны и была решена большая часть припятствий. Россия стала на ноги постепенно в период правления этого князя» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 466]. Новая политическая эра связана с возникновением династии Романовых, которая господствовала без перерыва в России около трех столетий. Важно отметить, что наиболее знаменит из этой династии Петр Алексеевич Романов (1682–1725), который сыграл важную роль в истории России в конце XVII – начале XVIII веков. Хайреддин Туниси описывает роль царя Петра Первого: «Когда Петр был у власти, с 1682 по 1725 г., он взялся за расширение территории царства, совершенствуя мораль его жителей при помощи искусств и ремесел. Его главным стремлением было освободить русских людей от неграмотности, рабства, увеличить их численность и воздвигнуть новые сооружения. Чтобы достичь этой цели он счел необходимым совершить поездку в европейские государства, чтобы видеть эти нации и степень их развития. Во-первых, он открыл путь в Нидерланды, где научился кораблестроению. Он работал там как простой рабочий под именем Петр Михайлов» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 466]. Русский царь не остановился на этом и отправился в Англию, где «он выбрал многих талантливых инженеров, чтобы создать залив ближе реки Дона и реки Волги. Он не пропускал возможности продвинуть свою страну по пути прогресса и развития, но продолжал вести крупные войны» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 467]. Петр Первый прилагал усилия для создания больших проектов в целях укрепления и развития экономической мощи России. В то же время он вложил все материальные и военные ресурсы, чтобы вести большие войны со шведами, турками и поляками – для защиты национальных интересов России. Петр Первый принял ряд важных решений о реформах в разных областях. Среди его заслуг автор «Вернейшего пути в сознание королевства» отмечает: «... принятие законов, регулирующих уголовное дело. При нём, было создано кораблестроение ... Царь принял решение заменить главу церкви... и на его место он назначил совет для рассмотрения во всех делах религии» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 467]. Таким образом, автор перечисляет реформы Петра, среди которых учреждение Синода и назначение обер-прокурора для наблюдения за его деятельностью.

Хайреддин Туниси рассказал о новых решениях, связанных с именем Петра: «Он основал академию наук в городе Петербурге. Также он принял новые ордены, чтобы отличать между должностными лицами. Основал город Петербург, который превратился в столицу России. В то же время,

он расширил территорию королевства до Балтийского моря, Каспийского моря и Черного моря. Он ослабил Польское королевство и оно стало ближе к распаду. Также он направил сильный удар на Швецию, и проникнул в общую европейскую политику» [Хайреддин Туниси, Т. 2, с. 467]. Политика реформ проводимая Петром Первым, и достижение Россией победы над Швецией сделали Россию одной из великих европейских держав.

Хайреддин Туниси не был единственным туниисцем, который написал о России и Петре Первом в этот период. Другие туниисские историки пошли по его следам.

Б. Оценка Мухамеда Байрама Петра I

Во второй половине XIX в. туниисский писатель Мухамед Байрам V (1840–1889), интересовался российскими вопросами, в том числе и историей Петра Первого. Мухамед Байрам принадлежал к богатой семье. Он был преподавателем и переводчиком в главной мечети Аль Зейтуна в столице Туниса с 1863 г. с 1874 г. он был главой благотворительного фонда. В 1875 г. он начал управлять государственной типографией и газетой «Аль Раид аль Туниси». Автор покинул Тунис в 1879 г. для совершения паломничества в Мекку, после этого он побывал в разных странах Ближнего Востока и в Османской империи, а также несколько раз посещал Западную Европу (Франция, Италия, Германия и Англия). В 1889 г. Мухамед Байрам был назначен судом в каирский трибунал, где и скончался в тот же год [Abdelselem, p. 445–461]. Мухамед Байрам написал несколько книг о языках и по религиозным вопросам. Но его главное произведение – «Сафвать аль-Итибарь Би-Мустаута аль-Амсарь валь –Актарь» (энциклопедия государства и страны) – состоит из пяти томов, 4 тома были опубликованы в Каире автором, последний том вышел там же в 1894 г. Мухамед Байрам рассматривал религиозные вопросы и рассуждал о необходимости адаптации мусульманской религии с духом времени. Также он дал многие описания и государств и стран на разных континентах (Европы, Азии, Африки и Америки). Мухамед Байрам уделял больше внимание крупным европейским державам, в том числе Российской империи, Османской империи, Регентству Туниса и Египта. Особое внимание Мухамед Байрам обратил на исторический поворот, который совершил Петр Первый: «Когда Петр Великий пришел к власти, ... он сделал все для просвещения России. ... он сам обучился ремеслу и призывал свою нацию брать с него пример. ... Кроме этого, он пригласил в Россию несколько мастеров разных специальностей» [Мухамед Байрам, Т. 1, с. 53, 54]. Мухамед Байрам, не скрывал свои взгляды по отношению к России и к преобразованиям, проводимыми Петром Первым. Он высоко оценил роль и деятельность Российского царя и его реформы, в результате которых Россия стала процветающим государством и вошла в «клуб» великих европейских держав. Одновременно, Мухамед Байрам выразил критическую позицию по отношению к деспотическому режиму в России. Он считал, что

деспотизм является главным препятствием для России, на пути к накоплению богатства, что он тормозит социально-экономическое развитие России. Мухамед Байрам не скрывал свою симпатию к некоторым европейским странам, таким как Франция и Англия, которые пошли вперед по пути свободы и просвещения. В то же время, Мухамед Байрам был восхищен могуществом Османской империи, которая выдержала испытание временем в течение нескольких веков. Однако «около двухста лет ее авторитет стал меньше, особенно в связи с войнами, которые вела с Россией. Известно, что Российское государство с приходом Петра Великого к власти в 1682 г. поставило главную задачу разрушить Османскую империю и завоевать ее владения» [Мухамед Байрам. Т. 5, с. 51]. Мухамед Байрам ссылается на завещание, принадлежавшее Петру Первому, о котором впервые в Европе заявил Фридерик Киярде в 1836 г. Опираясь на это известие, Мухамед Байрам пишет: «От Петра Первого к всем престолонаследникам на троне России. Бог, слава ему, который не переставал с самого начала вечности помогать нам. Он даровал нам свою благодать, заставлял меня поверить, что Московская нация, с божьей помощью, будет править Европейскими королевствами. И, доказательства этому – старение Европейских наций, большинство, которых из них, исчезли. Если русские осознают свою полную силу, нет никаких сомнений в том, что они победят все другие царства ... И, я нашел у русских небольшой ручей, оставил его как реку и надеюсь, что забота тех, кто меня сменит, превратится в великое море, которая покроет своими водами всю Европу» [Мухамед Байрам, Т. 5, с. 51–52]. Мухамед Байрам исследует цели, изложенные в «завещании Петра Первого» – достичь полного господства России в Европе, в Азии и в мире в целом. В соответствии с доступной ему литературой, преимущественно французской, он перечисляет 14 пунктов, которые, по его мнению, входили в завещание. Во-первых, правители России должны постоянно воевать, чтобы их армия была всегда готова для любого сражения. Они прекращают войну только по бюджетным обстоятельствам или для поиска новой тактики наступления против врагов. Кроме этого, российские правители должны привезти из всех европейских стран людей, которые хорошо разбираются в боевых искусствах во время войны. А в мирный период должны привезти известных ученых на благо России. Также они должны вмешиваться во все дела европейских государств, особенно Германии, из-за ее близости к России [Мухамед Байрам, Т. 5, с. 52]. Далее в «завещании», по словам Мухамеда Байрама, говорится, что русским необходимо вмешиваться в дела Польши и в избрание ею королей, чтобы изобразить любящую Россию, а также, ввести русские армии для защиты этих королей. Наряду с этим, русские должны брать у Шведского королевства все, что можно, и поддерживать постоянную агрессию между ними и Данией. Еще русские правители не должны жениться на ком-либо, кроме дочерей немецких королей, чтобы подтвердить дружбу между Россией и Германией, и увеличить средства связи между ними. Также русским не-

обходимо позаботиться, чтобы наладить пути сотрудничества с Англией. Ей нужны русские деревья для своих кораблей, а русские нуждаются в английском опыте для реформирования их флота. В то же время, русские продвигаются как можно дальше с Севера и на берега Балтийского моря. Они должны стремиться продвигаться с Запада до берегов Черного моря. Кроме этого в «завете» было подчеркнuto, что русские приближаются максимально к Константинополю, так как кто берет Константинополь, тот владеет всем миром. Одновременно, русские должны вести войну с турками и персидским королевством. Также русские должны активизировать торговлю, чтобы продвинуться в Индию, которая является кладовой мира. В том же контексте русские должны стремиться укрепить дружбу с Австрийским государством, внешне помогая ему в его намерениях доминировать над Германией. [Мухамед Байрам, Т. 5, с. 53]. Из «завещания Петра» следует, что русские разделяют планы Австрии об изгнании турок из Европы. Также из текста «завещания Петра» появилась идея собрать всех греков и православных в Польше и Австрии под покровительством России. Важно отметить, что русские ставят цели: завоевать Швецию, Персию, Польшу, Османские владения в Европе. В то же время, они должны приступить к секретным переговорам с Францией и Австрией о разделе мира между ними. В случае, если Франция и Англия воздерживаются от того, что им предлагают, надо стремиться столкнуть их друг с другом. Также надо при случае нападать на Германию, и направить два флота к окружающему морю и Средиземному морю, чтобы захватить Францию. После завоевания Франции и Германии, несложно будет захватить остальные королевства Европы [Мухамед Байрам, Т. 5, с. 54]. Мухамед Байрам считал, что «завещание» – это подлинный документ, а не подделка, как это было принято считать. Мухамед Байрам написал следующее: «Эта заповедь, хотя российские государственные деятели её отрицали, но политическая и военная доктрина, существующая за границей, подтверждает ее существование, поскольку она идентична. Поэтому Россия продолжает распространять свое влияние в Азии и в Европе... Россия нашла способ, чтобы обмануть европейские страны. Она выступала в защиту православных христиан от нападения Турок. Россия хочет освободить их от Османского нашествия. Россия провоцирует революции в одной провинции, а затем побеждает ее, превращая ее во внутреннюю администрацию. ... если эта провинция станет независимой, Россия скоро ее поглотит, а затем переедет в другую провинцию» [Мухамед Байрам, Т. 5, с. 54–55]. Очевидно, Мухамед Байрам полностью поддерживал позицию Османской империи, поскольку считал, что защищает интересы мусульманских народов в Европе, в Азии и в Африке. В то же время, Мухамед Байрам выразил критическое отношение по отношению к европейским государствам, в частности России. Эти государства, по его мнению, сделали все что могут для ослабления, ликвидации Османской империи. Безусловно, тунисский автор Мухамед Байрам нашел в «завещании», дополнительные

аргументы, чтобы заявить, что русский царь Петр Первый продумал стратегический план для утверждения господства России в мире, и, естественно, чтобы покончить с Османской империей. По словам тунисского автора, Петр Первый призывал всех его приемников, которые придут на русский престол, осуществить идеи «завещания» в действительности. В русских источниках и литературе информации об этом мы не нашли, в работе французского историка, русского по происхождению, Мишеля Хеллера утверждается, что Петра не оставил завещания, и что «История фальшивого “завещания Петра Первого” – это явление, отражающее миф о Петре» [Heller, p. 687]. Впервые Европа услышала о завещании Петра Первого в 1812 г., накануне войны Наполеона с Россией, когда служащий Министерства иностранных дел Франции, Лезир, опубликовал анонимно книгу под названием «Развитие Русского Самодержавия», в котором имелось «завещание». «Завещание» было создано в 1797 году Михалом Сокольниковым (1760–1816), который представил свой текст Директории. В 1812 г. Наполеон приказал включить его в книгу Лезира. «Логика безупречна: Наполеон, вынашивающий грандиозные завоевательные проекты, приписывает своему будущему противнику намерение обеспечить господство России над миром. “Завещание”, таким образом, помещается под перо Петра» [Heller, p. 687]. М. Хеллер раскрывает суть «завещания Петра Великого»: «...Каждый раз, когда вспыхивает конфликт между Россией и Западной державой, оно всплывает на поверхность. Государственные деятели, журналисты и литераторы ссылаются на “директивы Петра”» [Heller, p. 688]. После Наполеона «завещание Петра Первого» широко использовалось французами и англичанами во время Крымской войны. Оно будет поднято немецкой пропагандой в 1914 году, а также во время Второй мировой войны [Heller, p. 688]. Мишел Хеллер написал: «...то, что первого императора России хотели сделать автором гигантских завоевательных планов, еще раз подчеркивает историческое значение его действий» [Heller, p. 688–689]. Очевидно, Мухамед Байрам был под влиянием идеологических и политических компаний, которых развернули французы. Тунисский автор воспринимал «завещание» как действительность и одновременно осуждал «завещание», поскольку оно имело явную анти-османскую направленность.

Заключение

Первые свидетельства тунисских мыслителей и историков о Петре Великом относятся к началу XVIII века. Таким образом, Вазир Сараж считается одним из предшественников тунисской элиты, заинтересовавшейся Россией и ее императором Петром Первым. Он познакомился с Петром в контексте русско-османской войны в начале XVIII века и горячо аплодировал победам османов над русскими армиями. По слова автора Саража, победы османов считаются победами мусульман над христианами. И, так во взглядах саража

сильно преобладают религиозные соображения. В этом контексте, в 1705 г., к власти в Тунисе пришел Бей Хусин Бен Али. Бей Хусин Бен Али проявил определенный интерес и любопытство к войне между русскими, шведами и поляками в Европе, во время его встречи с французским консулом в Тунисе в 1713 году.

Вопросы истории России и период Петра Великого во второй половине XVIII века изучали два тунисских летописца: Хамуд Бен Мухамед Бен Абдельазиз и Ахмед Ибн Аби Дияф. Так, Хамуд Бен Абдельазиз описал разграбление двух тунисских торговых судов русскими моряками в Восточном Средиземноморье. Летописец Ибн Дияф упоминал об участии Туниса в русско-османской войне (1768–1774) на стороне османского султана. Оба автора (Хамуд Бен Абдельазиз и Аби Дияф), утверждают, что Регентство Туниса как Османской провинции выполнило свои обязанности и обязательства в пользу Высокой Порты в Константинополе как в мирное время, так и в период войны.

В XIX веке тунисские летописцы и мыслители (Аби Дияф, Генерал Хусин, Хайреддин Туниси и Мухамед Байрам V), рассматривали проблемы истории России и преобладающую роль Петра Великого в проведении реформ и открытии России в развитую Европу. Без сомнения, Петр Великий не только провел великие реформы, затронувшие все сферы российского государства и общества. Он также радикально пересмотрел место и роль России и включил ее в «Клуб» великих держав Европы. В этом историческом контексте тунисские мыслители и историки XVIII–XIX веков оставались верными политическим позициям Османской империи в международных отношениях того времени. Важно отметить, что тунисские летописцы в XIX веке стали более внимательными и открытыми к большим изменениям, произошедшим в Европе и особенно к реформам Петра Первого в России.

Различные представители тунисской элиты нового времени передали нам бесценное культурное наследие, касающееся цивилизаций народов Европы и России. Культурное наследие Петра Первого в России было главной темой интеллектуальных и политических проблем тунисской элиты до колониальной эпохи. В это время тунисские просвещенные элиты беспокоились большего всего о том, чтобы узнать и изучить опыт крупных развитых держав Европы. Они также поставили задачу осмыслить прошлое и вывести Тунис и мусульманский мир в целом на путь реформ и модернизации.

Литература

А. Литература на русском языке

Волков С.А., Ельцова Е.Н., Хафьян У. (Отв. ред.), Русский язык как иностранный в современных социокультурных условиях: состояние и перспективы: сборник материалов международной конференции), Тунис, 2017. 375 с.

Каздагли Нежмеддин, Реформа и реформизм в России при Петре Первом на примере произведения С. М. Соловьева. Хафьян У. (Отв. ред.) // Русский язык как иностранный в современных социокультурных условиях: состояние и перспективы: сборник материалов международной конференции. Тунис, 2017.

История России XVIII–XIX веков / Отв. ред. Л. В. Милов. М., 2010.

Коковцев М. Г. Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, с тремя чертежами. СПб., 1786.

Мусатова Т. Л. Россия – Марроко: далекое и близкое прошлое. М., 1990

Оболенский Г. Л. Император Павел I. Смоленск, 1996.

Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869

Б. Литература на французском языке

Abdelsselem A., *Historiens tunisiens des XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles. Essai d'histoire culturelle, traduit du français en arabe par Ahmed Abdelsselem et Abdelrazak El Hilioui. Fondation «Beït Al-Hikma». Tunis, 1993*

Abdelsselem A., *Lettres du Général Hussein à Khérédine (XIXe siècle). Fondation Nationale Carthage, Tunis, 1991*

Rousseau Alphonse. *Annales Tunisiennes. Tunis, 1980*

Canard M., *Une description de la côte barbaresque au XVIII e siècle par un officier de la marine russe. Revue Africaine. Année 1951, N° 95*

Heller Michel. *Histoire de la Russie et de son Empire. Préface de Marie-Pierre Rey Traduit du russe par Anne Coldefy-Faucard. Paris, Editions Perrin, 2015*

Jerad M., Ben Hassine H. *Le journal de Suleiman agha. Envoyé du bey de Tunis à Paris en 1777. «Аль Massira», Tunis, 2020*

Kazdaghli Nejmeddine, *La Russie moderne dans les chroniques tunisiennes (XVIII–XIXe siècles) // Revue d'Histoire Maghrébine. Publications de la Fondation Temimi pour la Recherche Scientifique et l'Information. Tunis, 2020, N 180*

Plantet E., *Correspondance des Deys d'Alger avec la cour de France (1579–1833). Paris, 1889.*

Plantet E., *Correspondance des Beys de Tunis avec la cour de France (1577–1830). Paris, 1899.*

Platonov S., *Histoire de la Russie des origines à 1918. traduit du russe, Paris, 1929.*

В. Литература на арабском языке

2009 المختار باي, حسين بن علي مؤسس الدولة الحسينية, ترجمة البشير بن سلامة, الأطلسية للنشر, تونس. (Мохтар Бей. Хусейн Бен Али – основатель хусейнидского государства // перевод Бешир Бен Салама. Тунис, 2009).

1984 الوزير السراج, الحلل السندسية في الأخبار التونسية, الجزء الثاني. تحقيق محمد الحبيب هيلة, بيروت. (Вазир Саррадж. Известия о Тунисе. Часть 2 // отв. ред. Мухаммед Хабиб Хила. Бейрут, 1984).

1989 أحمد ابن أبي الضياف, اتحاف أهل الزمان بأخبار ملوك تونس وعهد الأمان. تونس. (Ахмед Ибн Аби Дийаф. Дарение современникам известий о владыках Туниса и фундаментальном пакте. Тунис, 1989).

محمد بيرم الخامس التونسي, صفة الاعتبار بمستودع الأمصار والأقطار. المطبعة الاعلامية بمصر 1884 (Мухаммед Байрам V. Энциклопедия государства и страны. Египет, 1884–1895).

خير الدين التونسي. أقوم المسالك في معرفة أحوال الممالك. تحقيق المنصف الشنوفي. المجلد الأول-الثاني. بيت الحكمة، تونس، 2000. (Хайреддин Туниси. Вернейшего пути в сознание положения королевства. Т. 1–2. Тунис: Бейт аль-Хикма, 2000).

العلامة الوزير الحاج حمودة بن محمد بن عبد العزيز، الكتاب الباشي. تحقيق الشيخ محمد ماضور، الجزء الأول، الدار التونسية للنشر، 1970. (Хамуда Бен Мухамед Бен Абдельазиз. Книга Аль Паши. Тунис, 1970).

Kazdaghli Nejmeddine

Higher Institute of Languages in Tunis, University of Carthage, Tunisia

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN TUNISIAN HISTORIOGRAPHY BEFORE THE COLONIAL PERIODE (XVIII–XIX)

Tunisian studies that focus in Russian history and culture have become more visible in recent years. The Russian Emperor Peter the First occupied a special place in Russian social thought from the XVIII century to the present day. Tunisian authors and historians of the XVIII–XIX centuries highly appreciated the reforms of Peter the Great in Russia. They also took on the task of deepening thinking and putting Tunisia and Muslim world in the periode of reform and modernization.

Keywords: *Peter the Great, Tunisia, Tunisian elite, Ottoman Empire, French protectorate.*

Згурос Катакацулос и братство Нежина: подготовка к Полтаве и греческие планы Петра I

Статья посвящена Згуросу Катакацулосу, одному из основателей Нежинского греческого братства, его посреднической деятельности, истории османороссийских отношений в начале XVIII в.

Ключевые слова: Згурос Катакацулос, Мазепа, Нежин, пограничные земли, османороссийские отношения, греки в Украине, шпионаж

Недавние работы Вячеслава Станиславского и Кирилла Кочегарова поднимают вопрос о степени вовлеченности купца и информатора Згуроса Катакацулоса, сына Стилоса и Марии, в планы Ивана Мазепы (1639–1709) в контексте отношений гетмана с Османской империей [Станіславський; Кочегаров]. В ряде более ранних работ греческих историков также обсуждается Згурос [Παλαστράτου, Καρράς]. Опираясь на эти труды, в данном докладе я предлагаю представить Згуроса в том контексте, из которого, как мне кажется, лучше всего можно понять его деятельность и приверженность Мазепе, а именно в контексте формирования Нежинского греческого братства, одним из основателей и активных деятелей которого и был Згурос. Это также позволит пролить свет на мотивы некоторых действующих лиц в решающий период, предшествовавший Полтавской битве 1709 года, и на то, как разные элиты реагировали на события в Украине, развернувшиеся после победы Петра I.

Хотя балканские купцы присутствовали в Нежине на протяжении всей второй половины XVII века, Братство переселенцев, ориентированное на церковь, по примеру других церковных братств, созданных в Западной и Восточной Украине, было основано в Нежине только в последние годы века. В это торговое сообщество входили как приезжие, регулярно проезжавшие через Нежин, так и жители, владевшие домами в городе¹.

Во второй половине XVII – начале XVIII века тесный контакт с гетманом был преимуществом для членов Братства и других купцов, путешествующих в украинские земли и через них. Московское законодательство 1680 года предусматривало, что те купцы, которые хотели проехать в Москву, долж-

¹ ПСЗ. Т. 22. № 16250. Фундаментальный труд по Нежину был написан около века назад: [Харлампович], см. также: Carras, 2012, pp. 141–156, 220–231.

ны были сначала получить письменное разрешение гетмана². В знак своей благосклонности Мазепа подарил Братству Евангелие на арабском языке, напечатанное в Алеппо в 1708 году [Дмитриевский, 1–16, 10].

Одним из греков, имевших особенно близкие отношения с гетманом Мазепой, был Згурос Катакаулос, родом из Като Судена (сегодня Като Педина) близ Янины. Згурос стоял во главе греков, которые обратились к митрополиту Киевскому Варлааму Ясинскому (в сане митрополита в 1690–1707 гг.) за ратификацией недавно составленного устава Братства. 3 июля 1696 года они получили разрешение на создание того, что писец Братства Панайотис Родиос описал как «духовное благотворительное церковное Братство», включающее «очень большие привилегии»³.

Только заручившись поддержкой митрополита, Згурос, отец Христоудос и другие обратились к Мазепе, «гетману двух берегов Борисфена» (так по-гречески назывался Днепр), с просьбой о «хрисобуле для церкви Божьей и для Братства». Универсал Мазепы, изданный 19 октября 1696 года, возобновил привилегии греков и подтвердил решения митрополита Варлаама [Λασκαρίδης, с. 7, 111, 123–124].

Члены Братства были должным образом зарегистрированы Панайотисом Родиосом в книге «пожертв» Братства: сначала два священника, затем старец Фотий Петру Томарас, и на четвертом месте Згурос. Многие (возможно, даже большинство) из основателей, занесенных в книгу Панайотисом Родиосом, были родственниками или выходцами из той же местности, что и Згурос. Таким образом Братство представляло собой настоящее семейное предприятие и в значительной степени состояло из торговых переселенцев, сосредоточенных вокруг личности Згуроса [Λασκαρίδης, с. 15, 18–20, 112].

Сам Панайотис Родиос, скорее всего, не был родственником Згуроса, но он был доверенным лицом патриарха Иерусалимского Досифея, а также имел связи при дворах Молдавии и Валахии и, наконец, доступ к Мазепе⁴. Згурос посчитал Панайотиса достойным составить первый набросок истории Братства. [Λασκαρίδης, с. 112] Относительно деятельности Згуроса в 1696 году Родиос отметил: «И самый почтенный и полезный брат наш во

² ПСЗ. Т. 2. № 818, 1680; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV-начале XVIII в. Документы и материалы / ред. Я.С. Гросул. М., 1970. Т. 3. С. 141–142. Про гетмана Мазепу как покровителя греков, см., например: [Сторожевский, с. 7]; РГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 4 (1703), л. 9.

³ Федотов-Чеховский А.А. Акты Греческого Нежинского Братства. Киев, 1884. С. 12–15; [Λασκαρίδης, с. 6, 111, 123]. Жена и дети Панайотиса Родиоса жили в то время на Родосе. ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568* (1700), л. 241. (Оригинал: РГАДА, ф. 124, д. 5–259, 1700).

⁴ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и Материалы. С. 153–155; Αθανάσιος Ε. Καραθανάσης, 'Ο Πατριάρχης Ιεροσολύμων Δοσίθεος Νοταράς: Οι Βαλκάνιοι Λαοί, ο Μέγας Πέτρος και τα Ελνασστατικά Σχέδια τους (τέλη 17ου αι.-αρχές 18ου αι.)', Ο Ελληνικός Κόσμος στα Βαλκάνια και την Ρωσία Thessaloniki, 2003. С. 330.

Христе, господин Згурос, сын Стиллоса, называемый Катакацулос, стал руководителем работы, хранителем проекта» [*Λαοχαρδής*, с. 6–7, 105, 111].

Как и прежние украинские церковные братства, Нежинское получило разрешение на открытие больницы. Заручившись поддержкой церковных и политических властей, Згурос первым посвятил Братству пятьсот золотых, а также церковный колокол, и первым пожертвовал еще сто золотых на больницу Братства⁵.

Помимо больницы Згурос стремился создать еще один элемент, который бы связал Нежинское братство с аналогичными братствами в пограничных районах между российскими, польскими и османскими владениями, – школу. Так Згурос пригласил иеродиакона Серафима из Митилены стать учителем в школе, которую он намеревался основать. Владевший разными языками и проработавший в Оксфордском колледже греков (впрочем, возможно, недолго), Серафим обладал всеми необходимыми качествами для преподавания в Нежине. Он мог похвастаться знанием латыни, французского и английского языков, а также турецкого и итальянского, владел «немного испанским, португальским и бельгийским, а также древнееврейским»⁶.

Планировалось, что школа будет работать в здании, которое прежде принадлежало монастырю Святой Екатерины. Как пишет Серафим: «Я обещал христианам, которые находятся в казацком Нежине, при посредстве господина Згуроса ту школу, которую им обещал светлейший гетман Мазепа»⁷. В конце концов Серафим со своим итальянским помощником Карло уехали из Москвы в Лондон, где он намеревался «напечатать Библию, построить церковь и продолжить обучение»⁸. Согласно Александросу Элладиусу (впрочем, малонадежному как источник), Серафим хотел посвятить себя изучению Корана⁹. По причинам, вскоре ставшим очевидными, планы Згуроса по созданию школы Братства при содействии Мазепы сошли на нет.

В то время, когда основными рынками сбыта предметов роскоши, которые греческие купцы поставляли в Малороссию, были церковь и соответствующие суды, богатство Згуроса напрямую зависело от его политических связей. Поэтому Згуроса называют посланником Мазепы (тот называл Згу-

⁵ *Чернухін Є.К.* Книга Пожертв Грецького Ніжинського Братства 1696–1786 рр. // Записки Історико-Філологічного Товариства Андрія Білецького, 1 (1997). С. 91–102 и 144–179, особенно с. 145.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 15. 1704 г. Л. 22.

⁷ Там же.

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 15. 1705 г. Л. 1–2, 8 об.–9. См. также: Legrand Émile, *Bibliographie Hellénique Ou Description Raisonnée Des Ouvrages Publiés Par Des Grecs Au Dix-Huitième Siècle*. Paris, 1918, т. 1. № . 21, р. 30–31.

⁹ Элладиус также обвинял Серафима в соблазнении несовершеннолетней девочки: Alexandros Helladius. *Status Praesens Ecclesiae Graecae*. Nuremberg, 1714. P. 284. Больше о Серафиме см.: [Pissis, 208–212, 363].

роса «гонец» или «мой посланец»), а также его «курьером»¹⁰. Ему неоднократно поручали поставлять для гетмана сведения из Османской империи, исходя из списка основных геополитических вопросов. Отправленный в 1697 году в Яссы и Бухарест, Згурос, среди прочего, должен был сообщить о настроениях турок к своему государю и об отношении христианского населения Османской империи к своему возможному освобождению («во всяком освобождении»). Он также собирал сведения об урожаях и поставках зерна. Вопрос о войсках и припасах, отправленных в Крым, вызывал особую озабоченность во время, последовавшее за захватом русскими Азова. Таким образом, в докладе Згуроса сообщалось об использовании торговых судов в Константинополе. Излишне говорить, что Згурос был не одинок. Он получал сведения от таких же купцов, прибывших из Адрианополя и других частей османского мира, а еще одному греческому купцу было приказано поспешно вернуться к Мазепе с предварительными ответами от Згуроса. Контакты Згуроса были обширными и включали в себя целый ряд высокопоставленных чиновников Молдавской Валахии¹¹. Сам он возвращался с более полными ответами, написанными секретным кодом или переданными устно. И Згурос, и Мазепа неоднократно получали благодарности от московских властей и награды за эту работу¹².

За пределами Молдавии и Валахии Згурос упоминается в 1700 году как представитель Мазепы в Константинополе, где он общался с тогдашним временным послом Москвы Емельяном Игнатъевичем Украинцевым (1641–1708)¹³. Он также поддерживал тесные отношения с патриархом Иерусалимским Досифеем, передавая письма патриарха как Мазепе, так и в Москву¹⁴.

Стоит отметить, что упомянутый выше писец Нежинского греческого братства Панайотис Родиос в это время занимался почти такой же деятельностью, как и Згурос, используя в качестве информаторов родственные связи в Османской империи и Польше¹⁵. Несколько лет спустя, когда Панайотис Родиос попал под влияние властей Московии и бежал в Молдавию, Згурос был направлен за сведениями о его местонахождении¹⁶. Цен-

¹⁰ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 35–35об. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. Июль–декабрь 1707 г. С. 443–444. См. также: Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / ред. Сергій Павленко. Київ, 2009. № 85, с. 391.

¹¹ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 37.

¹² ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1470 (1697), л. 1–8, 19, 21–23, 51, 53. Об устных ответах Згуроса см.: ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 44 об. О «жалованье» соболинными мехами за подобную работу см.: ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 237об.

¹³ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 47–47об.

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. С. 444; Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи, № 85, с. 391. См. также об отношениях Згуроса с Йоргисом Кастриотисом, греком на службе у Константина Брынковяну (1654–1714) в: Исторические связи народов СССР и Румынии. С. 358.

¹⁵ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 1, 234 об.–241, 244 об.–245 об.

¹⁶ Следует отметить степень вовлеченности братьев Лихудов в сети информаторов. ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 246–246 об. Подробнее см. [Chrissidis, ch. 2]

тром этой сети информаторов был город Нежин и само Нежинское греческое братство¹⁷.

Прежде всего, Згурос использовал имеющиеся контакты для помощи Братству. Так, в 1699 году он привез из Бухареста труд патриарха Досифея «Любовь против латинян». Книга была преподнесена в дар патриархом церквям Нежинского греческого братства. Рукописная надпись на первой странице гласит:

«Этот том любви против латинян был послан в дар премудрейшим кириосом Досифеем Пелопоннесским, блаженнейшим Патриархом Иерусалимским, из Бухареста, города Унгровалахии, через кириоса Згуроса, сына Стиллоса, который носит имя Катакацулос, в малороссийский город Нежин»¹⁸.

Во время частых торговых визитов ко двору гетмана Згурос неоднократно просил Мазепу выступить от имени различных нежинских греков. Он также использовал свои отношения с гетманом, чтобы предотвратить восстановление «метохии» от монастыря Святой Екатерины на Синае в Нежине [Сагас, 2020, S. 33]. Престиж и власть Згуроса были очевидным результатом покровительства Мазепы, которому Згурос предоставлял свои контакты на протяжении более десяти лет. Для Згуроса и ему подобных торговля и сеть информаторов были двумя сторонами одной медали.

Учитывая развитие ситуации в Украине в 1708 году, недавно созданное Нежинское греческое братство столкнулось с серьезным кризисом. Поскольку Карл XII Шведский шел на Украину, встал важный вопрос безопасности шведских и российских линий снабжения на украинских территориях. Это было тесно связано с возможностью набегов татар на Украину. Учитывая нежелание османских властей объявлять войну в это время, однозначно заслуживает рассмотрения утверждение о том, что Мазепа использовал свое промежуточное географическое положение, дезинформируя Москву относительно османских планов. Цель Мазепы могла быть психологической, или же наоборот, он мог верить, что русские войска будут развернуты для противодействия потенциальным угрозам на линиях снабжения. Татарско-русское и османско-русское недоверие в любом случае было очевидно, а достоверной информации было мало, так что подобный конфликт был бы естественным желанием как для Мазепы, так и для шведов¹⁹.

Мазепа возложил миссию по передаче в Москву информации об османских или татарских приготовлениях к войне на Згуроса. В письме, сопро-

¹⁷ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 148–148об.

¹⁸ Patriarch Dositheos of Jerusalem, *Τόμος Αγάπης Κατά Λατίνων*, 1698. Эту книгу можно найти в библиотеке Нежинского Педагогического Института. Я благодарю Триантафиллоса Склавенитиса, который сообщил мне про нее.

¹⁹ [Крылова, с. 259, 276]. Также предпринимались попытки убедить османские власти объявить войну России, например, информация от греческих купцов о том, что Петр I готовит армию в Азове для нападения на столицу Османской империи [Павленко, с. 232; Шутый, с. 103–162]. Серьезный контраргумент встречается в [Кочегаров, с. 154–155, 179–180].

вождавшем Згуроса, Мазепа подчеркнул, что данные о подготовке к войне в Османской империи поступают, по крайней мере частично, от патриарха Иерусалимского Досифея²⁰. 9 мая 1708 года Гавриил Иванович Головкин (1660–1734) написал Петру I письмо, где подчеркивал важность сведений, которые передавал Згурос. Петр I ответил на письмо Головкина через семь дней²¹. 9 июня 1708 года Головкин отправил Петру I дополнительное письмо от Мазепы о контактах Згуроса с Юсуфом пашой, сераскером (главнокомандующим) Силистрии. В любом случае Згурос, по словам Мазепы, был послан к сераскеру «с тайными намерениями», а также с подарками, и должен был оправдываться за оскорбления, нанесенные османским войскам на границе. На самом деле, добавляет гетман, он послал Згуроса для сбора информации и, в частности, за сведениями о послых Швеции и Польши, которые вели консультации с сераскером²². Как бы мы ни интерпретировали письма Мазепы в Москву, нет сомнений в том, что высшие чиновники царского двора имели дело со Згуросом и предоставленной им информацией, считая ее достойной дальнейшего изучения, по крайней мере, до июня 1708 года. Возможно, однако, что сведения, которые Згурос должен был привезти из Москвы, были важнее для Мазепы, чем (неверная) информация, которую Згурос передавал в Москву. Таким образом, Згурос и прочие, кто разделял его позицию, занимались тем, что в то время также называлось «шпионажем»²³.

Хотя нам неизвестно, знал ли Згурос о намерениях Мазепы во время этой последней миссии в Москву, поведение всех сторон, как и последующие события свидетельствуют о том, что гетман продолжал доверять Згуросу. Когда планы Мазепы стали очевидны, российские власти попытались перехватить и арестовать Згуроса. Головкин написал еще одно срочное письмо о Згуросе в Киев. Сам Петр I, подчеркивал Головкин, приказал арестовать его. Другие предполагали, что Згурос и Мазепа действуют в сговоре²⁴. Однако сам Згурос уже сбежал и был найден близ Мазепы²⁵.

Згурос был далеко не единственным греком, поддерживавшим Мазепу в дни, что предшествовали Полтаве. В то время как некоторые греки в Нежине писали об опасности, которую представляла шведская армия, продвигавшаяся на расстоянии пушечного выстрела от Нежина²⁶, у Афен-

²⁰ Позиция патриарха Досифея остается неясной, но в любом случае, он скончался уже в феврале 1707 г.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. 7. Январь–июнь 1708 г. С. 772–773. Гавриил Иванович Головкин возглавлял Посольский Приказ.

²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. С. 824.

²³ ЦДИАК, КМФ. 7, оп. 1, д. 1568, л. 242.

²⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1948. Т. 8. Июль–декабрь 1708 г. С. 946.

²⁵ Крайне критически отзывались о Згуросе и его деятельности члены военного совета Мазепы, захваченные впоследствии русскими: Доба гетьмана Ивана Мазепы в документах / под ред. С. Павленко. Киев, 2007. № 578, с. 724–725.

²⁶ Как сказал об этом нежинский грек Стериос Янну в 1706 году: «Мы слышали, что шведы приближаются к Киеву, и это правда: их увидели в тридцати милях от города, в польских

дулиса Тзанетоса, приходившегося дедом историку Афанасию Комниносу Ипсилантису, были особые причины для беспокойства. Он был купцом, находившимся в непосредственном подчинении Мазепы. В работе «События после падения» Афанасиос Ипсилантис пишет о своем деде следующее: «Его постигло большое несчастье: русская армия, преследовавшая Мазепу, лишила его всей торговли и имущества». В результате этого бедствия он был вынужден продать отцовский дом в Ферапии, на европейском берегу Босфора²⁷. Некий Яковус Грецинин также находился в лагере Мазепы и был захвачен русскими²⁸. Павлос Иванов из Адрианополя и Григорис Димитриу – другой пример греческих купцов, имевших прямые связи с Мазепой²⁹. Несколько греков также оказались на службе у Карла XII. Один из них, Александрос Амерас, написал «Аутентичную историю Карла XII, короля Швеции, во время его пребывания в Турции, продолжавшегося пять лет и три месяца»³⁰. Вышеупомянутый Серафим из Митилены также провел некоторое время на службе у Карла XII, прежде чем вернуться в Россию в 1731 году. Затем он был сослан в Сибирь и умер там около 1735 г. [Παλουλίδης, р. 78–80, 127–128.]

Другие поддерживали Петра I. Задолго до того, как он узнал о перестановках Мазепы, греческий купец, который провел много времени в Нежине и Львове, Хаджикириакис, отметил склонность гетмана к полякам: «Ему нравится вступать в контакт с поляками, потому что он там учился» [Παλαστράτου, с. 34, 102]. События 1708–1709 годов расстроили Хаджикириакиса; в письме от начала февраля 1709 года к Афанасию, архиепископу монастыря Святой Екатерины на горе Синай, Хаджикириакис, находившийся тогда на Хиосе, заметил в отношении Мазепы: «Дай Бог, чтобы все это было ложью». Сообщение о событиях, происходящих в Малороссии, привез на Хиос дьякон, путешествующий из Константинополя. Он, в свою очередь, все узнал от греческих купцов из «Казаккии», недавно прибывших в столицу Османской империи. Эта информация была передана в особняк митрополита Гераклеи. Полученные Хаджикириакисом сведения были отчасти неверны, но суть была не так уж далека от реалий, разворачивавшихся в то время в Украине. Хаджикириакис также написал несколько слов о Згуросе, лаконично отметив: «Мазепа отправил Згуроса в замок Палия и разграбил его

землях, и они намереваются дойти до Киева». РГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 11, 1705, л. 15 об.

²⁷ Дом был куплен Папа-Евангелиносом, кто, вполне возможно, был сакелларием Евангелиносом Ватацесом, отцом Василиса Ватацеса, известного благодаря своим картам центральной Азии [Υψηλάντης, с. 284].

²⁸ Доба гетьмана Ивана Мазепи, № . 578, с. 728.

²⁹ Об этих греках на службе у Мазепы см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. 1702–1703. С. 576–577; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. 1706 г. С. 1239; РГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 14 (1705), л. 5, ф. 52, оп. 1, д. 4 (1706), л. 8.

³⁰ Греческий оригинал этой работы был утерян. Его итальянский перевод «Autentica Istoria di Carlo XII, Re di Suezia» сохранился: N. Iorga, Studii Si Documente Cu Privire La Istoria Rominiilor. Bucharest, 1906. т. 9, р. 41–124.

дом. Теперь и его постигла неудача»³¹. Другими словами, присоединившись к войскам Мазепы, Згурос мог сыграть и военную роль в противостоянии. Згурос умер в лагере Мазепы в Гадяче, за несколько месяцев до Полтавской битвы. Точные причины его смерти остаются неясными³².

Учитывая лидирующее положение Згуроса в Нежинском греческом братстве и тесные связи всего братства с Мазепой, легко представить, какое беспокойство испытывали многие нежинские греки за свое будущее. В российских кругах в это время, похоже, была широко распространена негативная реакция на греков в целом, хотя причины этого выходили далеко за рамки деятельности Згуроса и его приверженцев. [Каптерев, с. 402]

Таким образом, вышеизложенное повествование порождает ряд вопросов: что заставляет историков удивляться, когда они сталкиваются с преданностью Згуроса и подобных ему людей, пытавшихся вести переговоры на опасных пограничных территориях между Османской империей, Польшей и Россией? И как может более детальное изучение институциональной структуры, формировавшейся в Малороссии в XVII и начале XVIII веков, углубить наше понимание этих пограничных территорий и ключевых действующих лиц на них? Наконец, каким образом подобные процессы продолжались после 1709 года? Анализ того, как Нежинское греческое братство (и другие институты региона) пыталось защитить себя от упреков, последовавших за победой Петра I, крайне важен, и он будет представлен в презентации.

В завершение справедливо будет отметить, что, несмотря на свою верность Мазепе, Згурос не был забыт. Более того, ему было отведено почетное место в книге «пожертв» греков Нежина: «За другие многочисленные добрые дела и благодеяния [...] и старания о создании и более совершенном состоянии Братства, он должен быть сохранен в памяти навечно, до тех пор, пока стоят церкви, и Братство продолжает существовать»³³. Пройдя все эти потрясения, Братство, созданное в Нежине во многом благодаря деятельности Згуроса, все-таки выжило. Нежинская греческая магистратура, она же реорганизованное Нежинское греческое братство, была создана в 1785 году. Магистратура была окончательно упразднена только в ходе реформы местного самоуправления 1870 года.

Литература

Дмитриевский А. А. Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-Археологический музей при Киевской Духовной академии из Греческой Нежин-

³¹ Полковник Семен Палий (1645?–1710) был освобожден из сибирской ссылки и стал союзником Петра I в 1709 году [Паластратов, с. 113–114, 117].

³² Точная дата его смерти неизвестна. Битва за Гадяч случилась в декабре 1708, и городом управляли Карл XII и Мазепа до самой Полтавской битвы. Очевидно, что сам Згурос умер до Полтавской битвы (Доба гетьмана Івана Мазепи... № 578, с. 724).

³³ *Чернухін Є. К.* Книга Пожертв Грецького Ніжинського Братства 1696–1786 Рр. С. 145.

- ской Михайло-Архангельской церкви // Труды Киевской Духовной Академии. 1885. № 3–12.
- Кантерев Н.Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII Столетия. СПб., 1895. [7], 509 с.
- Кочегаров К.* Роль Ивана Мазепы в русско-турецких отношениях первой половины 1708 г.: Поездка Згуры Стилевича к Сераскеру Юсуфу-Паше // Україна в Центрально-Східній Європі. Киев, 2010. Т. 9–10. С. 152–192.
- Станіславський В.В.* Иван Мазепа в Таборі Карла XII: Турецкий Вектор Дипломатичної Діяльності // Український Історичний Журнал. 2008. С. 39–49.
- Крылова Т.К.* Русская дипломатия на Боспоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические Записки. 1959. Т. 65. С. 249–277.
- Сторожевский Н.К.* Нежинские греки. Киев, 1863. 32 с.
- Харлампович К.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжині (XVII–XVIII ст.) // Записки історично-філологічного відділу ВУАН, 24 (1929). С. 109–205.
- Шутой В.Е.* Позиция Турции в годы Северной войны. 1700–1709 // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 103–162.
- Carras Iannis. Community for Commerce: An introduction to the Nezhin Greek Brotherhood focusing on its establishment as a formal institution in the years between 1692 and 1710 // *Merchant colonies in the early modern period* / ed. V.N. Zakharov et al. London, 2012, pp. 127–140.
- Carras Iannis. Orthodoxe Kirche, Wohltätigkeit und Handelsaustausch: Kaufleute und Almosensammler Entlang Der Osmanisch-Russischen Grenze im 18. Jahrhundert // *Erfurter Vorträge Zur Kulturgeschichte Des Orthodoxen Christentums*, т. 19. Erfurt, 2020.
- Chrissidis Nikolaos A. An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, IL, 2016.
- Καρράς Πάννης, Εμπόριο, Πολιτική και Αδελφότητα: Ρωμιοί στη Ρωσία 1700–1774. University of Athens, 2010.
- Λασκαρίδης, Χρήστος Π. Το Καταστατικό της Ελληνικής Εμπορικής Κοινότητας στη Νίζνα της Ουκρανίας. Ioannina, 1997
- Παπαστράτου Ντόρη, Ο Συναίτης Χατζηκυριάκης εκ Χώρας Βουρλά, Γράμματα – Ξυλογραφίες 1688–1709. Athens, 1981.
- Παπουλίδης Κυριάκος Το Πολιτικό και Θρησκευτικό Κίνημα του Ιεροεθνισμού και οι Πρωτοπόροι του: Σεραφείμ ο Μυτιληναίος (сi. 1667-сi. 1735). Thessaloniki, 2008.
- Pissis Nicholas. Russland in Den Politischen Vorstellungen Der Griechischen Kulturwelt 1645–1725. Göttingen, 2020. 502 S.
- Υψηλάντης Αθανάσιος Κομνηνός Τα Μετά Την Άλωσιν (1453–1789), ed. Γερμανός Αφθονίδης. Constantinople, 1870.

References

- Carras Iannis. Community for Commerce: An introduction to the Nezhin Greek Brotherhood focusing on its establishment as a formal institution in the years between 1692 and 1710 // *Merchant colonies in the early modern period* / ed. V.N. Zakharov et al. London, 2012, pp. 127–140.
- Carras Iannis. Orthodoxe Kirche, Wohltätigkeit und Handelsaustausch: Kaufleute und Almosensammler Entlang Der Osmanisch-Russischen Grenze im 18. Jahrhundert // *Erfurter Vorträge Zur Kulturgeschichte Des Orthodoxen Christentums*, т. 19. Erfurt, 2020.

- Chrissidis Nikolaos A. *An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia*. DeKalb, IL, 2016.
- Dmitrievskij A.A. *Opisanie rukopisej i knig, postupivshih v Cerkovno-Arheologicheskij muzej pri Kievskoj Duhovnoj akademii iz Grecheskoj Nezhinskoj Mihajlo-Arhangel'skoj cerkvi // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii*. 1885. № 3–12.
- Harlampovich K. *Narisi z istorii grec'koj kolonii v Nizhini (XVII–XVIII st.) // Zapiski istorichno-filologichnogo viddilu VUAN*, 24 (1929): Pp. 109–205.
- Kapterev N.F. *Snosheniya Ierusalimskih Patriarhov s Russkim Pravitel'stvom s Poloviny XVI do konca XVII Stoletiya*. SPb., 1895. [7], 509 p.
- Kochegarov K. *Rol' Ivana Mazepy v russko-tureckih otnosheniyah pervoj poloviny 1708 g.: Poezdka Zgury Stilevicha k Seraskeru Yusufu-Pashe // Ukraina v Central'no-Skhidnij Evropi*. Kiev, 2010. T. 9–10. Pp. 152–192.
- Krylova T.K. *Russkaya diplomatiya na Bospore v nachale XVIII v. (1700–1709) // Istoricheskie Zapiski*. 1959. T. 65. Pp. 249–277.
- Pissis Nicholas. *Russland in Den Politischen Vorstellungen Der Griechischen Kulturwelt 1645–1725*. Göttingen, 2020. 502 S.
- Shutoj V.E. *Poziciya Turcii v gody Severnoj vojny. 1700–1709 // Poltavskaya pobeda. Iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij nakanune i posle Poltavy*. M., 1959. Pp. 103–162.
- Stanislavs'kij V.V. *Ivan Mazepa v Tabori Karla XII: Turec'kij Vektor Diplomatičnoj Diyal'nosti // Ukraïns'kij Istorichnij Zhurnal*. 2008. Pp. 39–49.
- Storozhevskij N.K. *Nezhinskie greki*. Kiev, 1863. 32 p.
- Καρράς Γιάννης, *Εμπόριο, Πολιτική και Αδελφότητα: Ρωμιοί στη Ρωσία 1700–1774*. University of Athens, 2010.
- Λασκαρίδης, Χρήστος Π. *Το Καταστατικό της Ελληνικής Εμπορικής Κοινότητας στη Νίζνα της Ουκρανίας*. Ioannina, 1997
- Παπαστράτου Ντόρη, *Ο Συναϊτης Χατζηκυριάκης εκ Χώρας Βουρλά, Γράμματα – Ξυλογραφίες 1688–1709*. Athens, 1981.
- Παπουλίδης Κυριάκος *Το Πολιτικό και Θρησκευτικό Κίνημα του Ιεροεθνισμού και οι Πρωτοπόροι του: Σεραφείμ ο Μυτιληναίος (ci. 1667-ci. 1735)*. Thessaloniki, 2008.
- Υψηλάντης Αθανάσιος *Κομνηνός Τα Μετά Την Άλωσιν (1453–1789)*, ed. Γερμανός Αφθονίδης. Constantinople, 1870.

Iannis Carras

University of Macedonia, Thessaloniki, Greece

THE NEZHIN BROTHERHOOD AND PETER I'S GREEK PLANS

The article concerns the personality of Zgouros Katakatzoulos, the founding member of Nezhin Greek Brotherhood, his intermediary activity, history of Ottoman-Russian relations in the beginning of the XVIII century.

Keywords: *Zgouros Katakatzoulos, Mazepa, Nezhin, borderlands, Ottoman-Russian relations, Greeks in Ukraine, spy craft.*

Введение цехов как модернизационный проект Петра I: пространство возможностей в границах возможного

Прслеживается воплощение идеи развития ремесел с помощью цехов и наук на примере создания Академии наук (и художеств). Такой формат соответствовал видению Петром I Академии как научно-практического института, где должны были тесно сосуществовать наука и практика. Это должно было обеспечить как развитие наук с помощью ремесел, т.е. практических знаний, необходимых для развития промышленности, так и ремесел с помощью наук. Показана необходимость трансграничного сотрудничества, культурного и технологического трансфера ввиду комплексности поставленных задач реформирования российской экономики под влиянием идей камерализма.

Ключевые слова: Петр I; Санкт-Петербург; Академия наук; «ментальное государство»; цеховое ремесло

Введение в XVII в. первыми Романовыми европейских новаций и ряда реформ в духе меркантилизма и камерализма (Новоторговый устав 1667 г., полки иноземного строя, немецкий театр и пр.) сменяется к концу столетия «эпохой грандиозных преобразований» [Захаров, 1996, с. 3], форсированной вестернизацией России. Личность Петра и часть европеизированной элиты, готовой поддержать политический курс на вестернизацию российского общества, способствовали активному трансграничному взаимодействию с Западом при участии множества чиновников, ремесленников, специалистов различного технического профиля, ученых. Стала активно применяться давняя практика приглашения иностранных специалистов, издавна существовавшая в России, как и во всей Европе. После введения цехов в 1721/1722 гг., первоначально в Санкт-Петербурге и Москве, процент иностранных мастеров во многих из них был ожидаемо высок.

Цехи как «средневековый институт» и «полицейское государство»¹, понятие и теория которого окончательно оформились в XIX в., имеют опосредованное отношение к реформам и интенциям Петра I. «Полицейская наука» («Policeywissenschaft/Polizeiwissenschaften») или полицеистика, как

¹ В рамках истории понятий становится возможным устранение дефицита в адекватной оценке исторического концепта «полицейского государства» (Polizei-Staat). В этом смысле можно согласиться с О. Кильдюшовым, позиционирующим Российскую империю как «(несостоявшееся) полицейское государство» [См.: Филиппов, с. 328–340; Кильдюшов, с. 29–33].

составная часть «немецкого» камерализма, являвшегося в свою очередь немецкой версией французского, английского или голландского «меркантилизма», не исчерпывалась только тем, что обслуживала потребности сложившегося в Европе XVI – конца XVII в. абсолютизма, выполнявшего функции централизации государств и консолидации власти в руках монарха. Главная цель меркантилизма – экономическое восстановление Германии после разрушительной Тридцатилетней войны, последствия которой чувствовались еще столетие спустя с помощью «guter Polizey», т.е. «хорошего управления». Логично, что Петр обратился к данному экономическому учению, не менее актуальному для России после победного поворота в Великой Северной войне. Причем ввиду принципиально разных задач для «гражданских» реформ должен был быть выработан иной инструментарий, дисциплина иного порядка, чем для созданных армии и военно-морского флота. Ученый или ремесленник должен быть не менее дисциплинированным, чем хорошо обученный солдат или матрос новой формации, но эта дисциплина иного порядка, она приносит плоды иного качества.

Генеральный план камералистики можно вполне сравнить с планом восстановления Европы после Второй мировой войны с той лишь разницей, что европейские правители не могли надеяться на финансовые вливания со стороны, и рассчитывали только на себя, отчего пропагандировалось достижение сильной централизованной власти правителей. В данном контексте «нужно четко отличать традиционное для европейской истории идей широкое понятие полиции (Polizey) позднего Средневековья и раннего Модерна от узкого понимания полиции в „правовом государстве“ XIX–XX веков, действующей на легальном основании в виде законодательного регулирования» [Кильдюшов, с. 15]. Дискурсивный свет современности, падая на события первой четверти XVIII века, невольно фокусирует внимание исследователей на проблематике мнимой цели строительства «полицейского государства», когда подразумевалось достижение «общего блага», т.е. процветания как казны, так и подданных. Таким образом, «полицейское государство» появилось не в силу целеполагания Петра, а в силу специфики функционирования социальной топологии российской монархии и российского социума [Азаренко, Келлер, с. 81–90].

Этимология слова «полиция» (нем. die Polizei) восходит к древнегреческим πολις (лат. polis – город, нем. die Stadt) или πολιτεία (искусство управления городом, государством, лат. politia). При жизни Петра оно сохранило свое изначальное значение управления всей жизнью города или государства во имя *общего блага* (лат. bonum publicum) [Кильдюшов, с. 15]. В данном контексте понятие *регулярного благоустроенного государства* более соответствует контексту времени, чем *регулярное «полицейское» государство* (Polizeistaat), история возникновения которого относится к концу XVIII – первой половине XIX в. *Регулярное благоустроенное государство* имеет непосредственное отношение к полицейской науке (Policeiwissenschaft / совр.

Polizeiwissenschaft) в рамках учения камерализма, ориентированного на камералистские модели, далекие от армейского или полицейского порядком в современном понимании.

Этому должна была помочь формирующаяся новая научная дисциплина «экономика», имеющая по аналогии с «полицией» непосредственную связь с классической древностью. Первые кафедры экономики (Lehrstuhl für Öconomie) появились в 1723 г. в университетах Галле и Франкфурта на Майне. Ранее проректором вновь созданного в 1694 г. университета в Галле — важного центра немецкого камерализма — в 1699/1700 и 1709/10 гг. стал Генрих фон Боде, произведение которого «Княжеских сил хитрость...» высоко оценил государь, приказав сделать с него рукописный перевод для своей личной библиотеки². Учитывая важность «одн[ого] из первых камералистских сочинений, попавших в руки государя» [Редин, ч. 2, с. 323–324]. Книга, в которой кратко и ясно изложены основные принципы, может быть по праву названа «дайджестом камерализма», краткой инструкцией по экономическим реформам. За редкими, но существенными исключениями, среди них: отсутствие коммерческих Вексельного и Кредитного банков, непомерные налоги и государственные отработки, экономические реформы Петра по многим пунктам совпадают с рекомендациями Боде. Такие понятия, как активный торговый баланс, финансовое планирование и регулирование финансовых потоков, максимальная переработка природных и сельскохозяйственных ресурсов, экспорт готовых продуктов с высокой добавленной стоимостью, квартальные отчеты, ведение бухгалтерии и учета, анкетирование и статистика, отрасли экономики, введенные камералистами, входят сегодня в золотой фонд экономической мысли. В отличие от приоритетного развития торговли в учении меркантилизма, в камералистике, кроме того, подробно рассматривались государственное управление, сельское хозяйство, лесоведение и лесопереработка, еще больший упор делался на добыче полезных ископаемых (горное дело), развитии мануфактурной и ремесленной промышленности. По замыслу Боде организацией экономики должны были заниматься «департамент мануфактур» и «коммерцколлегия» [Bode, p. 100] — вполне узнаваемые петровские «мануфактур-коллегия» и «коммерц-коллегия».

С началом самостоятельного правления Петра I происходит смена парадигм. Если ранее появление элементов западноевропейской культуры и институтов в России XVII в. не противоречило образу благочестивого православного государя, то теперь, с началом открытой вестернизации, русский

² *Боден Г. ф.* Княжеских сил хитрость, или неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинить и подданных своих обогатить может. Изображено от одного во многих науках искусного знатного кавалера и с его апробациею в печать издано от Генриха фон Бодена. Перев. с вейсенфельского изд. 1703 г. XVIII в. (нач.), 140 л. Скоропись. Перев. с книги, изд. в Галле 3.VII.1702. Подл. см.: БАН. № 949. P. 1161; П. 1 Б 87 (16.7.4).

царь превращается в просвещенного монарха, руководствующегося идеями *общего блага*, православие которого не мыслится без науки, просвещения и экономического учения камерализма, оказавшего решительное влияние на взгляды Петра. Как показал Д.А. Редин в рамках разработанной им концепции «ментального государства» Петра Великого, включающего мега-текст указов, письма и речи монарха, это предполагало знание и понимание Петром идей камерализма и применение их на практике, что требовало от него большой интеллектуальной-работы. С помощью этой концепции цели камерализма и полицейстики (*Policeywissenschaft*) по достижению «благоденствия» общества и государства, как и 1722 г. «О хранении прав гражданских», хорошо вписываются в контекст времени [см.: Редин, ч. 1, с. 49–59; Редин, ч. 2, с. 315–334].

Цехи как институт развития городского ремесла

Можно предположить, что усиленное внимание Петра к развитию ремесел и введение цехов стали следствием осознания им того, что одно насаждение мануфактур для продукции *en masse*, на что первое время делался основной упор в рамках меркантилистской политики, в долгосрочной перспективе обречено на неуспех. Во второй половине 1710-х гг. Петр I все чаще обращает свои мысли к развитию ремесел и промышленности – главного богатства страны, развитию которых препятствовали недостаточно развитый внутренний рынок, нехватка «капиталистов» и капиталов, дорожной инфраструктуры и развитого торгового флота, хронический недостаток профессиональных ремесленных кадров, неразвитость промышленности в большинстве своем аграрных городов [см.: Захаров, 2005, с. 244].

До введения цехов городская ремесленная промышленность существовала в рамках регулирования традиционного законодательства, где ремесленники управлялись не по профессиональному и корпоративному признаку, а по принадлежности к посадскому населению и состояниям или «чинам». Сверх того, указом 23 марта 1714 г. пояснялось, что «кадетам дворянских фамилий» разрешалось вступать в «какое знатное художество» без угрозы понижения их социального статуса [ПСЗ. Т. 5. № 2789], из чего можно сделать вывод, что Петр пытался повысить социальный статус ремесленного мастера. С 12 декабря 1718 г. городские ремесленники или мастерские люди находятся в ведении Берг- и Мануфактур-Коллегии, заведовавшей преимущественно промышленностью мануфактурного типа: ей подчинялись «рудокопные заводы и все прочия ремесла и рукоделия» [ПСЗ. Т. 5. № 3255; Анисимов, 1997, с. 130–134]. Сенатский указ от 4 марта 1719 г. подтверждал подчинение «ремесленных людей» Берг- и Мануфактур-Коллегии [ПСЗ. Т. 5. № 3320]. С 1721 года городские ремесленники, должны по замыслу законодателя быть организованными в цехах, подчиняются Главному Магистрату. Регламентом Главного Маги-

страта жизнь жителей города упорядочивалась на новых основаниях [Серов, с. 300–302]³.

Впервые «цехи» и «цейхмейстеры» упоминаются в заметках царя от 14 января 1715 г. [Воскресенский, с. 43]. С этого же года в указах правительства происходит заметная перемена, когда речь идет уже не о казенных прибылях и убытке, «а об общегосударственном интересе и народном богатстве», что дает прямую отсылку к трудам камералистов [Павлов-Сильванский, с. 238; Bode].

Это происходит уже после того, как Петр проанализировал присланные ему Ф. С. Салтыковым в конце 1712 г. из Лондона «Пропозиции»: пятая глава «О мастеровых всяких людях и промышленниках», где он ссылается на порядки в Англии, не упоминая при этом цехи, что и понятно, ведь Федор Салтыков «прилежно почтился выбрать из направления уставов здешнего английского государства и прочих европейских, которое приличествует токмо самодержавию». Автор «Пропозиций» говорит лишь о «записке мастеровых людей в ратушах» [Павлов-Сильванский, с. 236; Пропозиции, с. 18–19]. По мнению Салтыкова, новая организация ремесла должна была привести «к обособлению промышленного класса», помочь «вычистить свои ремесла и промыслы и привести их в такую же изящность, в какую они пришли в Англии»⁴. Но уже ранее имелся опыт подобного регулирования ремесла: клеймения, надзирания десятских и сотских за качеством продукции в торговых рядах, институт ученичества, привилегии мануфактурам⁵. Последнее слово было за самодержцем, и незадолго до обсуждения Регламента он лично поручил Дм. Соловьеву «учинить с иностранных учреждений о цехах известие и внести в сенат», после чего в Уставе Главного Магистрата появляются цунфты (цехи) и алдерманы (или старшины) [Павлов-Сильванский, с. 236–237, 244–245].

Регламент, как и другие законодательные документы, формировался согласно единой методике, описанной Г. ф. Бодде и заключающейся в подборке «экстрактов» или выписок из иностранного законодательства для последу-

³ Magistrat — нем., гражданское правительство [Weismann, p. 326]; Слово полиция в русских словарях XVIII в. отсутствует.

⁴ Во время правления Елизаветы I Тюдор (1558–1603) произошел расцвет ремесел. В изданном в 1562 г. Ремесленном уставе и Статусе об учениках 1563 г. введено семилетнее обучение учеников, корона заботится о подданных, не обременяя их чрезмерными налогами. Правительство приглашало в страну иностранных ремесленников, в том числе специалистов текстильного производства из Нидерландов, Франции, Италии [Хомутова, с. 5, 10, 20].

⁵ Часто упоминаемая «Книга о скудости и богатстве» (1724) И. Т. Посошкова, которому традиционно приписывается идея о введении цехов в России, намного запоздала, тем более, что сам автор не употребляет названия *цехи*, а пишет недвусмысленно следующее: «[...] гражданский же устав надлежит учинить и еже бы над всякими мастерства устроить надзирателей, а наипаче над иконописцами. И над всеми ими главного правителя приставить и за всеми мастерами и надзирателями прилежно ему смотреть и место ему дать, где те дела ему управлять, дабы все мастера дела свои делали самым тщательным художеством беспорочно» [Посошков, с. 139–141].

ющего формирования из них «компендиума», на основании которого составлялись существенно дополненные и по возможности адаптированные законы [Bode, p. 181–182]. К примеру, Петр вводит цехи, хотя камералисты требовали их повсеместной отмены, подобно Г. ф. Боде, применявшему к последним такие эпитеты, как «чума», «безрассудный», «глупый», «вредный», оставляя все же за законодателем право выбора, не отменять цехи при условии изменения и улучшения их уставов [Bode, p. 90–92, 94, 125, 133, 135, 139, 141]. Именно это и сделал Петр, заимствуя то, что он нашел возможным, полезным и необходимым. Вводя цехи, он убирает все, что, по мнению Боде, мешало развитию ремесла – цеховые мастера не были стеснены ни выбором места, ни размером мастерской, ни количеством мастеровых и учеников, ни объемом производимой продукции, ни фиксированными, за некоторыми исключениями, ценами.

В законодательных актах цехи впервые упоминаются в именном указе 16 декабря 1720 г., предписывавшем составить «форму Правления Магистрата [...] как о Магистрате, так о посадских и цехах» [ПСЗ. Т. 6. № 3690]. 16 января 1721 г. опубликован «Регламент или Устав Главного магистрата», одной из важных функций которого являлось всячески поддерживать развитие ремесел, бывших в данном случае синонимом мануфактур, учтя при этом всех ремесленников «даже до последнего сапожника и партнова» [ПСЗ. Т. 6. № 3708]. Окончательный официальный сословный статус ремесленники получили с указом 27 апреля 1722 г. «О цехах»⁶. Указ 16 июля того же года понуждал Главный Магистрат к более быстрому введению цехов в Санкт-Петербурге и в Москве «из наличных ремесленных людей, какие ныне на лицо обретаются» [ПСЗ. Т. 6. № 3980, 4054]. Указом 4 октября 1722 г. сообщалось: «из Главного Магистрата и в Немецкой слободе в разных пристойных местах опубликовано чтоб все ремесленные и мастеровые люди» из московских жителей явились к записи под угрозой штрафа с воспрещением в случае неявки «художеством и ремеслом промышленять» [ПСЗ. Т. 6. № 4102, с. 779–780].

⁶ Критику ремесленных цехов и гильдий в традиционной историографии как исключительно консервативных, выступающих против технических инноваций и всего нового, препятствующих развитию промышленности и т.п. исследователь истории ремесла раннего Нового времени С.Р. Эпштейн называет методологически наивной, так как схематичное противопоставление «старого» и «нового», «консервативного» и «либерального», «средневековых цехов» и «прогрессивного капиталистического развития» etc. страдает излишней схематичностью и высокой степенью обобщения, не позволяющих сделать более глубокий анализ серых переходных зон, степени градации изменений в технологиях и организации труда. По мнению ученого, утверждение о том, что гильдии никогда не вводили новшества, неверно, поскольку в таком случае непонятно, каким образом открывались новые технологии, а также добавим, совершались технологические революции, появились машины, станки, книгопечатание (XV в.), роботы (XVIII в.) etc. с появлением цехов до начала раннего Нового времени. Такая статичная «средневековая» модель в интерпретациях современных авторов не позволяет прогнозировать техническое развитие, объяснять эволюцию технологий на протяжении длительного времени [Epstein, 1998, pp. 694–695; см. Epstein, Prak, 2008; Омельченко, Знаменский].

В результате, намеченные первоначально в Регламенте гильдии, в которых должны были состоять городские ремесленники, не исчезли, но появились позже в виде трех купеческих гильдий, в которые состоятельные ремесленники обязывались вступать по достижении определенных оборотов капитала, а купцам, в свою очередь, разрешалось заводить ремесленные мастерские, нанимая для этого ремесленных мастеров. С самого начала в ремесленных цехах, особенно в столицах, наблюдалось большое число иностранцев. Иностранные ремесленники должны были, по замыслу государя, приносить в Россию новые ремесла, служить примером и обучать российских учеников, за счет чего цехи стали институтом, осуществлявшим трансфер знаний и технологий из Западной Европы, где подобные практики применялись повсеместно. Примечательно, что и здесь Петр поступил избирательно, создав ограниченное число цехов, но, вероятно, и по причине невозможности охватить всех «промышленников». По подсчетам А. В. Арциховского, в Новгороде XVI в. имелось 237 ремесленных профессий [Арциховский, с. 3–15], что намного превышает число цехов (около 70) в Петербурге XVIII в. Последующее укрепление цеховой системы в России может говорить об успехе цеховой реформы Петра I, когда сами цехи стали выступать регуляторами рынка и полноправными его участниками.

Учреждение «Академии художеств и наук»

Немецкие ученые и философы Г. В. Лейбниц и Х. Вольф принимали в разработке концепции Академии наук самое непосредственное участие, воплотив в ней идею «социете художеств и наук». Петр I, обширные познания и острое суждение которого отмечал Лейбниц, высоко оценил этот проект, реализованный уже после его смерти. В записке Петру, составленной Лейбницем в 1697 г., ученый говорит о необходимости основания центрального учреждения для наук и художеств. В 1708 г. в своем послании царю он вновь говорит о «необходимо[сти] учреждения особенной влиятельной коллегии», в ведении которой находились бы «художники и ремесленники с их произведениями» [Копелевич, с. 33–34]. По итогу встречи царя и ученого в Карлсбаде 1 ноября 1712 г. появился именной указ, сформулированный первоначально Лейбницем, переведенный на русский язык и правленный государем: «Готфрида Вильгельма фон Лейбница [...] в наши тайные юстиц раты определить и учредить, [...] чтоб науки и искусства [курсив автора. В немецком варианте ремесла на первом месте: «искусства и науки». – А. К.] в нашем государстве вящей цвет произошли, употребить» [Лейбниц, с. 269–271]. В немецком варианте читаем: «[...] so sind wir auch entschlossen Uns Seiner zu dem habenden grossen Zweck, die Studien *Kuenste und Wissenschaften* [курсив автора. – А. К.], in unserem Reich mehr und mehr floriren zu machen, zu bedienen» [Копелевич, с. 269]. Сам Лейбниц уделял пристальное внимание развитию «искусств, мануфактур и ремесел» (Kunst

und Gewerbe). В 1673 г. ученый находился в Париже — «галантерейной столице» Европы, где он пытался узнать у «лучших мастеров» секреты, необходимые для конструирования своего арифмометра — машины, выполняющей четыре арифметических действия [Guhrauer, p. 114]. Здесь подходит точное наблюдение историка техники Х.И. Гарбера о том, что «первые машины выступают лишь в ремесленной форме» [Гарбер, с. 15].

Основываясь на личном опыте, Лейбниц пришел к убеждению, что в российской Академии наук последние должны быть объединены с «искусствами и художествами», из которых позже, в 1757 г., выделилась Академия художеств с соответствующими классами ремесел. Этому предшествовало присуждение Академии наук официального названия согласно регламенту 1747 г. Императорской академии наук и художеств. Такой формат Академии наук с ремесленными мастерскими полностью соответствовал видению Петра практической пользы развития наук с помощью ремесел и ремесел с помощью наук.

Показательно, что первый президент Академии наук Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост с первого абзаца описания проекта пользуется формулировками: «Академия или социетет художеств и наук», «Сие есть собственный образец Академии Художеств и Наук» [ПСЗ. Т. 7. № 4443]. В § 17 проекта оговаривалось право любого академика содержать «за деньги партикулярные коллегии», т.е. ремесленные мастерские, поскольку ученые должны были регулярно докладывать о практическом применении своих открытий. Профессора вместе с мастерами «коллегий» проводили также экзамены на звание подмастерья или мастера с выдачей соответствующих дипломов. Были и несогласные. Академик Кристиан Гольдбах, например, считал «вредным и бесполезным для Академии Наук, когда при ней еще существует Академия художеств и ремесел», но президент Академии И.А. Корф вынужден был поддержать А. Нартова, аргументируя в пользу сохранения «заведения по части художеств и ремесел» [Данилевский, с. 76–77]. В первые десятилетия при Академии существуют мастерские палаты Механическая и Оптическая — для изготовления пробирных весов, зажигательных линз, микроскопов, зрительных труб, зеркальных телескопов и пр. [Лупанова, с. 94], Инструментальная — для астрономических инструментов: квадранты, солнечные часы, и других особо точных приборов, Токарная, Переплетная, Переплетная, Столярная, Пунсонного и резного дела, сохранявшие характер производственных мастерских по аналогии с сегодняшними конструкторскими бюро или экспериментальными лабораториями [Данилевский, с. 72].

Не случайно Инструментальная палата называлась с начала 1740-х годов «Экспедицией лаборатории механических и инструментальных наук», которую В.В. Данилевский назвал первой в стране научной организацией, занимающейся вопросами техники, а результатом работы Андрея Нартова явилась книга «Театрум махинарум, т.е. ясное зрелище махин...» [За-

горский, с. 51]. Академики М.В. Ломоносов, Леонард Эйлер, Г. Ф. (Егор Иванович) Паррот, Г.В. Крафт привлекали мастеров Экспедиции к разработке уникальных приборов. Мастер Ф.Н. Тирютин построил по заданию М.В. Ломоносова рефрактометр и точные пробирные весы. Технический уровень создаваемых здесь «астролябий, астрономических квадрантов, компасов, нивелиров, солнечных часов, различных видов чертежных инструментов и т.п. был очень высоким» [Гизе, с. 113.] В двух типографиях при Академии также имелось большое количество мастеров печатного дела [Летопись, с. 25; Келлер, 2020, с. 126–142]. На этих примерах ясно виден замысел Лейбница совокупно с Петром соединения ремесла и науки, которую так точно почувствовали и осознали придворный токарь Андрей Нартов, М.В. Ломоносов и мн. др.: «Именно в ремесленном производстве формировались практические предпосылки для великих научных открытий XVIII–XIX вв.» [Летопись, с. 10].

Заключение

Появившиеся в результате петровских реформ новые институты ремесла и науки в виде цехов и Академии наук (и художеств) закладывали фундамент для научно-технической и промышленной революции, во многом основывающимся на достижениях, труде и навыках многих поколений ремесленников, в том числе кузнецов и слесарей, из среды которых вышли первые часовщики: «[...] появление точных хронометров стало первым признаком грядущей промышленной революции. Зачинатели машинного производства учились в часовых мастерских. Именно у часовщиков они переняли умение воплощать технические идеи в реальных действующих станках-роботах» [Смолко, с. 418–419]. Формируя пространство возможностей в своем «ментальном государстве», Петр расширял границы возможного, открывая новые горизонты для развития науки и промышленности. Решающую роль в проведении комплексных реформ сыграла личность Петра, создавшего неповторимую комбинацию из учений меркантилизма, камерализма, идей европейского Просвещения, адаптированных к российской действительности. Оригинальность мышления Петра в соединении с интуитивной системностью привели его к пониманию глубинной исторической связи наук и ремесел, воплотившейся в Академии наук. Предвосхищая будущее, он соединил историю ремесленной мастерской, имеющей непосредственное отношение к появлению научных дисциплин химии, физики, материаловедения, механики и др., с наукой.

Литература

Азаренко С.А., Келлер А.В. Теоретико-методологические аспекты социальной топологии ремесла // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 5. С. 81–90.

- Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. 331 с.
- Анисимов Е. В.* Спасибо, государь! // Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию / Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, М. В. Петрова. Пер. с нем. И. Б. Микиргумова. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж–Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 13–17.
- Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 3–15.
- Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / под ред. Б. И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1. 602 с.
- Гарбер Х. И.* Проблема «Maschinerie» у Маркса // АИИТ: сб. ст. / АН СССР, Труды института истории науки и техники; под ред. акад. Н. И. Бухарина (гл. ред.) [и др.]. М.; Л., 1935. Серия 1. Вып. 5. С. 1–57.
- Гизе М. Э.* Очерки истории художественного конструирования в России XVIII – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 279 с.
- Данилевский В. В.* Нартов и «Ясное зрелище машин». М.; Л., 1958. 271 с.
- Загорский Ф. Н.* Андрей Константинович Нартов, 1693–1756. Л.: «Наука», 1969. 166 с.
- Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: Росспэн, 1996. 345 с.
- Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века = West-European merchants in Russian trade of the 18th century; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2005. 716 с.
- Келлер А. В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты): монография. (Библиотека Quaestio Rossica). СПб.: Алетейя, 2020. 630 с.
- Кильдюшов О. В.* Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 9–40.
- Копелевич Ю. X.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. 211 с.
- Летопись Российской Академии наук. / отв. ред. Н. И. Невская. СПб.: «Наука», 2000. Т. 1. 1724–1802. 994, [28] л. ил.
- Лейбниц, Г. В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Издал В. Герье. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1873. XXXIV, 372 с.
- Лупанова Е. М.* История оптики на материалах коллекций музея антропологии и этнографии им. Петра великого (Кунсткамеры) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 4. С. 88–101.
- Омельченко Н. А., Знаменский Д. Ю.* «Старое» и «новое» в общественном строе и государственном управлении Московского государства накануне петровской модернизации (к историографии вопроса) // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 255–270.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Пропозиция Федора Салтыкова // Журнал Министерства Народного Просвещения. Шестое десятилетие. Часть CCLXXX. 1892. Март. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1892. С. 228–248.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.

- Посошков И. Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред., [послел. «И. Т. Посошков и обществ.-полит. литература эпохи Петра I»], и коммент. д-ра ист. наук проф. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. 410 с.
- Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, [1891]. 36 с.
- Редин Д. А.* Очарование «регулярства»: Еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Ч. 1. Петр I: Интеллект и психология мышления // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 49–59.
- Редин Д. А.* Очарование «регулярства»: Еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Ч. 2. «Российское имперское государство» // Диалог со временем. 2021. Вып. 75. С. 315–334.
- Сакович С. И.* Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720-х годов // Исторические записки. М., 1953. № 42. С. 238–261.
- Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 487 с.
- Смолко В. А.* Концепции современного естествознания. М.: Теплотехник, 2007. 768 с.
- Филиппов А. Ф.* Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 47 (2). С. 328–340.
- Хомутова Е. А.* Судьбы ремесленных гильдий в Англии XVI века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 26 с.
- Bode H. v.* Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen. Wien: Johann Baptist Schönwetter, 1702. 262 p.
- Epstein S. R.* “Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe“. The Journal of Economic History, vol. 58, no. 3, Cambridge University Press, 1998, pp. 684–713.
- Epstein S., Prak M.* (Eds.). Guilds, Innovation and the European Economy, 1400–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 352 p.
- Guhrauer G. E.* Gottfried Wilhelm Freiherr v. Leibnitz, eine Biographie. Zwei Theile. Breslau, 1846. Tl. 1. 373 p.
- Weismann E.* Weismanns Petersburger Lexikon von 1731, [Nachdr. der Ausg. St. Petersburg 1731], Teil 2, München: Sagner, 1983. 395–788 pp.

References

- Azarenko, S. A., Keller, A. V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty social'noi topologii remesla // *Intellekt. Innovacii. Investicii*. 2021. № 5. Pp. 81–90.
- Anisimov, E. V. Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII v. SPb.: “Dmitrii Bulanin”, 1997. 331 p.
- Anisimov, E. V. Spasibo, gosudar'! // *Evropeiskie marshruty Petra Velikogo: K 300-letiyu vizita Petra I vo Franciiu* / Sost. D. Ju. Guzevich, A. V. Kobak, M. V. Petrova. Per. s nem. I. B. Mikirtumova. Materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Paris–Reims, 20–22 aprelja 2017 goda. SPb., 2018. Pp. 13–17.
- Artsikhovskii, A. V. Novgorodskie remesla // *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Novgorod, 1939. Vyp. 6. Pp. 3–15.

- Bode H. v. Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen. Wien: Johann Baptist Schönwetter, 1702. 262 S.
- Danilevskii, V.V. Nartov i «Yasnoe zrelishe mashin». M.; L., 1958. 271 p.
- Epstein S.R. “Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe“ // *The Journal of Economic History*, vol. 58, no. 3, Cambridge University Press, 1998, pp. 684–713.
- Epstein S., Prak M. (Eds.). *Guilds, Innovation and the European Economy, 1400–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 352 p.
- Filippov, A.F. Politseiskoe gosudarstvo i vseobshchee blago. Stat’ya pervaya // *Otechestvennye zapiski*. 2012. № 47 (2). Pp. 328–340.
- Garber, H.I. Problema «Maschinerie» u Marksa [The problem of „Maschinerie“ by Marx] // *AINT*: sb. st. / AN SSSR, Trudy instituta istorii nauki i tekhniki; pod red. akad. N.I. Bukharina (gl. red.) [i dr.]. M.; L., 1935. Seriya 1. Vyp. 5. Pp. 1–57.
- Gize, M. Je. Ocherki istorii khudozhestvennogo konstruirovaniia v Rossii XVIII – nachala XX veka. L.: LGU, 1978. 279 p.
- Guhrauer G.E. Gottfried Wilhelm Freiherr v. Leibnitz, eine Biographie. Zwei Theile. Breslau, 1846. Tl. 1. 373 S.
- Keller, A.V. Artifex Petersburgensis. Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel’nyi i social’no-ekonomicheskii aspekty). (Biblioteka Quaestio Rossica). SPb.: Aletejja, 2020. 630 p.
- Khomutova, E.A. Sud’by remeslennykh gil’dii v Anglii XVI veka [The fate of craft guilds in England of the 16th Century]: special’nost’ 07.00.03 «Vseobshhaia istoriia (sootvetstvujushchego perioda)»: avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. Saratov, 2004. 26 p.
- Kil’djushov, O.V. Politsiia kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poriadka iz filosofii i polichejskoj praktiki // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2013. T. 12. № 3. Pp. 9–40.
- Kopelevich, Yu.H. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk. L.: Nauka, 1977. 211 p.
- Leibniz, Gottfried Wilhelm. Sbornik pisem i memorialov Leibnitsa, odnosjashchikhsya k Rossii i Petru Velikomu. Moskva, 2013. 372 p.
- Letopis’ Rossijskoi Akademii nauk / otv. red. N.I. Nevskaya. SPb.: Nauka, 2000. T. 1. 1724–1802. 994, [28] il.
- Lupanova, E.M. Istoriya optiki na materialakh kolleksij muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamery) // *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2014. № 4. Pp. 88–101.
- Omel’chenko, N. A., Znamenskii D. Yu. «Staroe» i «novoe» v obshchestvennom stroe i gosudarstvennom upravlenii Moskovskogo gosudarstva nakanune petrovskoy modernizatsii (k istoriografii voprosa) // *Voprosy istorii*. 2007. № 7. Pp. 255–270.
- Pavlov-Sil’vanskii, N.P. Propoziciya Fedora Saltykova // *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*. Shestoe desjatiletie. Chast’ CCLXXX. 1892. Mart. SPb.: Tip. V.S. Balasheva i K°, 1892. Pp. 228–248.
- Poberezhnikov, I.V. Perehod ot traditsionnogo k industrial’nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii. M.: ROSSPJeN, 2006. 237 p.
- Pososhkov, I. T. «Kniga o skudosti i bogatstve» i drugie sochineniya / Red., [poslesl. «I.T. Pososhkov i obshhestv.-polit. literatura epohi Petra I»], i komment. d-ra ist. nauk prof. B.B. Kafengauza. M.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1951. 410 p.
- Propozicii Fedora Saltykova: Rukopis’ iz sobraniya P.N. Tikhanova. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, [1891]. 36 p.

- Redin, D.A. Ocharovanie «regulyarstva»: Eshche raz o «mental'nom gosudarstve» Petra Velikogo. Ch. 1. Petr I: Intellekt i psikhologija myshleniya // *Dialog so vremenem*. 2020. Vyp. 73. Pp. 49–59.
- Redin, D.A. Ocharovanie «regulyarstva»: Eshche raz o «mental'nom gosudarstve» Petra Velikogo. Ch. 2. «Rossiyskoe imperskoe gosudarstvo» // *Dialog so vremenem*. 2021. Vyp. 75. Pp. 315–334.
- Sakovich, S.I. Social'nyi sostav moskovskikh cehovykh remeslennikov 1720-khgodov // *Istoricheskie zapiski*. № 42. M., 1953. Pp. 238–261.
- Serov, D.O. Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie. M.: Zercalo-M, 2009. 487 p.
- Smolko, V.A. Konceptsii sovremennogo estestvoznaniya [Concept of modern natural science]. M.: Teplotekhnika, 2007. 768 p.
- Voskresenskiy, N.A. Zakonodatel'nye akty Petra I: Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki / Red. B.I. Syromiatnikov. T. 1. M.; L., 1945. 602 p.
- Weismann E. Weismanns Petersburger Lexikon von 1731, [Nachdr. der Ausg. St. Petersburg 1731], Teil 2, München: Sagner, 1983. 395–788 pp.
- Zagorskiy, F.N. Andrey Konstantinovich Nartov, 1693–1756 [Andrey Konstantinovich Nartov, 1693–1756]. L.: Nauka, 1969. 166 p.
- Zakharov, V.N. Zapadnoevropeiskie kupty v Rossii. Epokha Petra I.M.: Rosspsjen, 1996. 345 p.
- Zakharov, V.N. Zapadnoevropeiskie kupty v rossiiskoi torgovle XVIII veka. M.: Nauka, 2005. 716 p.

Andrei V. Keller

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

THE INTRODUCTION OF GUILDS AS A MODERNISATION PROJECT OF PETER I: A SPACE OF OPPORTUNITIES WITHIN THE LIMITS OF THE POSSIBLE

This article follows the development of crafts with the help of guilds and science by looking at the creation of the Academy of Sciences (and Art). This corresponded with Peter I's vision of the academy as a practical scientific institution, where science and praxis had to closely co-exist. This would guarantee both the development of science through the assistance of crafts (i.e. the applied practical knowledge necessary for the development of industry) and the advancement of crafts by means of science. The article shows that the complexity of reforming the Russian economy along the lines set out in cameralist ideas demanded transborder cooperation and cultural/technological transfer.

Keywords: *Peter the Great; Saint Petersburg; Academy of Sciences; “Mental state”; craft guilds.*

Н.В. Козлова
Исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Религиозное сознание и практика религиозной жизни населения Москвы петровского времени (по материалам духовных завещаний)

В статье на основе более 400 опубликованных автором духовных завещаний представителей разных социальных слоев московского населения петровского времени рассматривается место и роль веры в развитии личного самосознания; анализируются изменения, происходившие в наименовании таких документов и делается вывод, что постепенное распространение новых терминов не влияло на сакральный смысл в их восприятии на личностном уровне. Усвоение элементов рационального мышления в России петровского времени происходило без вытеснения из самосознания личности его религиозных основ.

Ключевые слова: духовные завещания, религиозное сознание, госпитали, богадельни, поминовение усопших, церковная благотворительность

Масштабные преобразования петровского времени затронули практически все сферы государственной, общественной и частной жизни, вызвали глубокие перемены в экономике, политике, социальном строе, духовной и художественной культуре, церковной и религиозной жизни. Происходившие перемены проявлялись и в новом строе мысли, в изменениях мировоззренческого характера. Отмена патриаршества, подчинение церкви государственным структурам и государственный контроль над практикой религиозной жизни людей, разрушение монополии религиозной системы взглядов и развитие рационализма как системы мышления стали характерными явлениями эпохи.

Десакрализация сознания, преодоление религиозности швейцарским историком культуры Я. Буркхардтом более полутора столетия назад оценивались в качестве необходимого условия становления личности Нового времени (modern Self), в которой человек осознает себя «духовным индивидуом» [Буркхардт, с. 88]¹. В современной научной литературе высказано сомнение относительно обязательности конфликта модерности и религиозности, в том числе и в рамках российской православной традиции [Freeze], и все активнее осуществляется поиск черт современной личности в проявлениях религиозности раннего Нового времени.

¹ Гуревич выступал против представления о становлении личности только в эпоху Ренессанса, делая акцент на том, что индивидуальность как проявление личностного начала была присуща и человеку Средневековья, но она была другой, а потому для нового времени следует говорить о «новоевропейской личности» [Гуревич, с. 7–25].

В недавно опубликованном сборнике статей, ставшем результатом реализации проекта Германского исторического института в Москве «Церковь говорит», на различных материалах духовной автобиографики, относящихся к представителям разных социальных групп, объединенных в общее понятие «люди веры», авторы стремятся показать место и роль веры в развитии личного самосознания в России Нового времени. В числе автобиографического нарратива использованы мемуары, дневники, церковные летописи, автобиографии, письменные исповеди, а также хроники, календари, некрологи. Обращено также внимание, что в круг эго-источников, содержащих «самоописание своей жизни», могут включаться духовные завещания [Вера и личность, с. 11].

В предлагаемой статье на основе значительного комплекса опубликованных автором духовных завещаний петровского времени ставится задача рассмотреть религиозное самосознание людей сквозь призму перемен, происходивших в обществе в эпоху преобразований. Для этого автор стремится выяснить запечатленные в духовных завещаниях характерные черты религиозного сознания людей петровского времени и сопоставить их с системой христианских ценностей и православных понятий в отношении бессмертия души и восприятия смерти, закрепившиеся в общественном сознании в предшествующее время. Учитывая настойчивую апелляцию государственной власти петровского времени к сознанию подданных, стоит привлечь к рассмотрению также и отдельные законодательные тексты, в которых получили принципиально новую трактовку традиционные религиозные практики.

В духовной древнерусского человека органически сочетались свойственный ей религиозный смысл с житейскими заботами. Первый состоял в том, чтобы своими последними распоряжениями способствовать устроению собственной души, как с помощью молитвы о ней родных и близких (на что предназначались различные вклады в монастыри и церкви), так и за счет искупления всего того, что, по верованиям древнерусского человека, могло отяготить его бессмертную душу. Речь шла о долговых обязательствах, а также о злых делах и неблаговидных поступках, за которые у обиженных просилось прощение. Урегулирование житейских дел требовало определения, «кому ми што дати и у кого ми што взять». Эта фраза, присутствовавшая практически в каждой из известных древнерусских духовных, понималась как широкое обобщение всех распоряжений, материального и духовного порядка, даваемых перед смертью.

В законодательных установлениях петровского времени духовные стали восприниматься как разновидности частноправовых актов, что, в частности, выражалось в утверждении их не патриархом или архиереями, а в крепостных учреждениях. Эти внешние обстоятельства не могли не повлиять на смысл духовной как документа. По замечанию П.И. Заозерского, она «начинает утрачивать религиозную оболочку и под конец становится ...тем,

чем является по существу — гражданским документом» [Заозерский, с. 25]. Правда, встает вопрос, когда наступил такой «конец», и можно ли уже в петровское время в текстах духовных заметить эту эволюцию. В частности, немаловажное значение имеет анализ терминов, употребляемых при наименовании таких документов.

Из 26 известных завещаний представителей московской политической элиты XVII в. 21 обозначено термином *духовная* (14), *духовная грамота* (4), *духовное завещание* (3), а 5 названы *изустной памятью* [Кошелева, с. 381–383]. В научной литературе давно высказано мнение, что уже в начале XVIII в. за духовными закрепляется наименование их завещаниями или завещательными письмами, что как бы подчеркивало уже не столько сакральный, сколько деловой характер таких документов. Это мнение, базирующееся на действительно встречающихся, начиная с петровского времени, новых для духовных названиях, все же сильно преувеличено.

За первую четверть XVIII в. среди документов Московской крепостной конторы выявлено несколько сот (431) завещательных писем, составленных лицами, принадлежащими к разной социальной среде. В их числе представители титулованной знати, чиновного дворянства, купцов и посадских людей, а также священно- и церковнослужители, канцеляристы, различного рода разночинцы (отставные солдаты, лекари, аптекари и прочие). Завещаний дворян — 326, купцов и разночинцев — 105². Как показала обработка 55 духовных московских купцов за первую четверть XVIII в., 46 (83,6%) обозначены как «духовные» и только 9 названы «завещанием», «завещательным письмом», «изустной росписью» или «письмом вместо духовной». Такая же в целом ситуация относительно степени распространения нового названия духовных наблюдается и среди священно- и церковнослужителей, дворцовых и приказных служащих, казенных мастеровых и оседавших в Москве крестьян, которые с учетом их проживания в городе могут быть отнесены к группе разночинцев. Из 50 документов, составленных ими, а также их женами и вдовами, 39 (78%) сохранили прежнее название.

Среди дворян прежнее наименование документов как «духовных», подчеркивающих их сакральный смысл, также продолжает преобладать на протяжении всей первой четверти XVIII в. Однако внедрение нового названия происходит более интенсивно, чем в разночинской и тем более, купеческой среде. Так, в 225 случаях из 326 (69,0%) завещания обозначены, как «духовная», «изустная духовная», «заветная духовная», «духовное завещание», «духовное завещательное письмо» и обратный вариант — «завещательное духовное письмо», «завещательное и духовное письмо». Названия «заве-

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002. С. 39–42, 45–48; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015. С. 67–80.

щание», «изустное завещание», «завещательное письмо», «изустное завещательное письмо», «именная роспись к завещательному письму» и более нейтральное – «изустная память» и «завет» имеют 103 документа (31,4%).

Итак, новые термины, хотя со временем и получали все большее распространение, причем у разных социальных групп населения с разной степенью интенсивности, но отнюдь не вытеснили традиционные наименования. Правда, это лишь формальные наблюдения. Они не позволяют судить о том, что стояло за выбором того или иного наименования, отражал ли он превращение духовных в разновидность обычных частноправовых актов. Важно понять, сохранялся ли сакральный характер этих документов, то есть в какой мере сам составитель завещания, а также те, на кого возлагалось его исполнение, по-прежнему видели в последней воле усопшего сакральный смысл, следование которому было их долгом не только в силу обязательств, налагаемых законом.

В этом плане среди 9 завещаний московских тяглецов первой четверти XVIII в., не употребивших по отношению к составленным ими текстам определение «духовная», интересная зарисовка содержится в «письме вместо духовной», написанном в 1722 г. тяглецом Казенной слободы Василием Лукиным сыном Кунеевым. И по форме, и по содержанию оно являлось не собственно завещанием, а рядной тяглеца Казенной слободы Василия Лукина сына Кунеева с пасынком об очистке его от возможных к нему претензий со стороны жены, трех сыновей и родственников завещателя. В письме «вместо духовной» сказано, что он, Василий, в даваемых пасынку деньгах и товарах «полюбовно расчелся» и никому на нем «ничего не спрашивать»³. Словосочетанием «вместо духовной» подчеркивалась обязательность соблюдения внесенных в текст письма положений, подобно тем, что записывались в духовных завещаниях. В этом проявлялось восприятие подобных документов как текстов, наполненных сакральным смыслом.

Еще одно завещательное письмо этой группы было составлено в 1714 г. тяглецом Басманной слободы Стефаном Холщевниковым, «по обещанию своему идучи в пострижение иноческого жития во обитель Покрова Пресвятыя Богородицы, что Убогих дом»⁴. Вероятно, это был основанный царем Алексеем Михайловичем на месте убогого дома Божедомский монастырь, позднее названный Покровским. Словом, и это письмо отражает религиозные чувства его автора, подвинувшие его посвятить остаток своей земной жизни Богу. Причем не одинокая и бесприютная старость способствовала этому решению. В Басманной слободе в приходе церкви великомученика Никиты у него оставался двор в межах подле двора родного брата. Этот двор «со всяких хоромным и дворовым строением» он оставлял своей дочери, вдове солдата лейб-гвардии Преображенского полка.

³ Городская семья XVIII века. № 44.

⁴ Там же. № 14.

Анализ содержания других 7 завещаний и завещательных писем московских купцов первой четверти XVIII в. показал, что, несмотря на отсутствие в их наименовании термина «духовная», во всех них сохранялся свойственный данным документам сакральный смысл. Он проявлялся во включенной в текст молитвенной формуле «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь» (№ 51), во фразах, отражавших покорность воле Божией («волею Божиею заскорбел...» № 52, «ежели Бог сошлет по душу мою от сей жизни» № 30, «аще Бог соблаговолит разлучить душу мою от тела» № 51); в благословении жены и детей иконами (№ 48), в том числе и еще не родившихся («что во чреве ея сын или дочь..., что Бог даст ей» № 28); в распоряжениях о поминальных службах, чтении Псалтыри, раздаче милостыни нищим и по тюрьмам, обобщаемых формулой «душу строить и поминать» (№ 30, 49, 51, 52); в наставлениях детям жить в страхе Божии и исполнять «законные заповеди Христовы со смирением и правдою» (№ 42) и, наконец, в угрозе Страшного суда в «будущем веце» при неисполнении «завета» (№ 51).

Формат статьи не позволяет продолжить наблюдения над наименованием духовных/завещаний, написанных лицами иной социальной среды. Дальнейшие исследования в этом направлении, вероятно, дадут возможность более точно судить, отражал ли выбор наименования таких документов религиозные чувства и переживания их составителей на личностном уровне, или внедрение новых терминов не влияло на их сакральное восприятие. Но уже и сейчас можно говорить о том, что в первой четверти XVIII в. даже на уровне терминологических перемен духовные завещания не утратили «религиозную оболочку». В еще большей степени в этом убеждает их содержание, свидетельствующее о том, что для большинства людей различного социального происхождения и статуса, пола и возраста, забота об «устроении души», вытекающая из веры в ее бессмертие, по-прежнему оставалась важной частью даваемых на пороге смерти распоряжений. И в этом смысле завещания действительно оставались духовными, независимо от употребляемого по отношению к ним наименования. Их сакральный смысл подчеркивало и обычное присутствие при написании завещаний лиц духовного звания, из числа приходских священников и духовных отцов завещателей. Они не только скрепляли своими подписями тексты духовных, были свидетелями, но и участвовали в последующей их регистрации в крепостных учреждениях⁵.

Нередко духовные отцы становились и душеприказчиками, в обязанности которых входили заботы о погребении усопшего и организации всего порядка «устроения» его души, но также и хлопоты по реализации материальных вопросов завещания⁶. Причем рукоприкладство духовника к завещанию было даже более важным, чем всех остальных душеприказчиков.

⁵ Дворяне Москвы. № 106, 323 и др.

⁶ Городская семья № 163 и др.; Дворяне Москвы № 7, 8, 10, 13, 15, 43, 55, 89, 180, 182, 190, 219, 244, 286 и др.

Так, среди свидетелей, подписавших духовную стольника Т.И. Лодыженского (1719 г.), нет рукоприкладств его троих душеприказчиков. Но именно отсутствие подписи духовного отца завещателя потребовало от него специального объяснения: «по заповеди Господни вправду..., что ево де отца духовного в Москве нет»⁷ Петр I, признавая значимость подписей духовных отцов, но учитывая, что «случаются духовники в воровских духовных», в 1722 г. указал, чтобы спорные завещания рассматривались в Юстиц-коллегии с приглашением одного или двух членов Синода⁸.

Основным средством упокоения души после смерти признавалась молитва о прощении грехов и душевном спасении умершего, молитва живых за мертвых, которой, согласно православному восприятию смерти, можно отмолить души умерших и способствовать их «устроению». Прочно укоренившаяся традиция поминовения усопших родственников передавалась из поколения в поколение, а потому не требовала подробного разъяснения⁹. Тем не менее, во многих духовных содержится точное указание, каким образом душу следовало «строить и поминать», как часто, где, кому. К церковным службам добавлялось домашнее и над гробом чтение Псалтыри в течение шести недель, а иногда и всего первого года. Встречается указание на «вечное» поминовение¹⁰. На помин души, «ради поминания» осуществлялись вклады в монастыри и церкви. Они предназначались на обеспечение церковной службы (на свечи, ладан и вино); на изготовление или золочение иконостаса, риз и окладов на иконы, строительство церквей, колоколен, паперти и церковной ограды, отлив и золочение колоколов. Немалые суммы прямо завещались на раздачу нищим, в тюрьмы, в «убогие» монастыри, на выкуп из тюрем должников и на прощение долгов.

На поминовение души и церковные пожертвования шли деньги от продажи домов, сел и деревень с крестьянами, лавок, погребов, товара, домашнего скарба, одежды¹¹. Случалось, что уже при жизни вдовы или матери, глубоко переживавшие смерть мужа или сына, употребляли на помин их души значительную часть имевшихся у них средств, завещая таким же образом употребить то, что оставалось после их собственной смерти¹².

⁷ Дворяне Москвы. № 182.

⁸ Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. II: Акты об общественных классах; Т. III: Акты о промышленности и торговле / Отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подгот. текста Д.О. Серов; археограф. предисл. А.А. Богданов. М., 2020. № 288. С. 404. Любопытно, что, несмотря на именной указ 1701 г., определивший новый порядок оформления всякого рода крепостных актов, включая духовных, даже в 1721 г. Синод в докладных пунктах, поданных Петру I, напоминал, что свидетельство «заветов, или духовниц» прежде было в ведении духовного правления и фиксировалось в Москве подписью патриарха, а в епархиях архиереев, «которые и доныне подписывали эс» (*курсив — Н. К.*) с взиманием пошлин в духовные ведомства. Там же.

⁹ Дворяне Москвы. № 44.

¹⁰ Городская семья. № 30.

¹¹ Там же. № 10.

¹² Дворяне Москвы. № 43, 294 и др.

Подобные примеры, отнюдь не единичные, позволяют видеть в различных формах церковной благотворительности массовое явление. Оно вытекало из свойственной православному сознанию заботы об «устройении души» и было характерно как для боярско-княжеской верхушки XIV–XVII в., так и для различных слоев общества не только петровского времени, но и последующих десятилетий XVIII столетия. Неизменной в своих основных проявлениях оставалась практика поминовения усопших и отношение к ней среди представителей знати, рядового чиновного и военно-служилого сословия, купцов и посадских людей, разночинцев. Для точного выполнения всех содержащихся в духовных распоряжениях завещатели по-прежнему грозили нарушителям их воли Страшным судом и личным проклятием¹³. Понятно, что для религиозного сознания действительность подобных угроз не подлежала сомнению. Причем включение таких предостережений не зависело от того, назывался ли документ «духовной» или «завещанием».

И все же наряду с церковными поминальными службами, щедрой раздачей милостыни «ради Христова имени», и церковными вкладами как основными традиционными формами «устроения души» в петровское время в духовных завещаниях представителей политической элиты встречаются проявления новых мотивов и смыслов, определявших иные формы и цели пожертвований. Они были сориентированы на обозначенную верховной властью инициативу и предложенную ею же модель ее реализации в сфере социального призрения. Непримируемость Петра I ко всему, что, по его мнению, противостояло «государственному интересу», и желание пресечь для работоспособной части гулящего люда возможность пропитания за счет подаяния определили репрессивный характер борьбы с бродячим нищенством. Введенные им новации касались не только наказаний нищих, но, и, что было вовсе противно обычаям православной жизни, подателей милостыни¹⁴. Правда, запрет распространялся только на ручную милостыню, даваемую без разбора всякому просящему ее Христовым именем. Отныне законным проявлением нищелюбия могла быть передача денег в богадельни, госпитали и другие подобные заведения¹⁵. К этому времени постоянные («непременные») госпитали уже существовали в Москве и Санкт-Петербурге. Средства на их содержание выделяла казна, привлекавшая различные источники финансирования: сборы за написание вечных памятей о заключаемом браке; пошлины, собираемые с лиц, определяемых секретарями и дьяками в государственные учреждения¹⁶.

¹³ Дворяне Москвы. № 222, 223, 286 и др.

¹⁴ Указы 1718 и последующих годов под угрозой штрафа (от 5 до 10 руб.) запрещали подавать милостыню и повелевали задерживать бродячих нищих (ПСЗ. Т. V. № 3213; Т. VI. № 3945).

¹⁵ Порядок сбора предназначенных для богаделенных людей средств и строгая их отчетность были подробно прописаны в указе 1721 г. (ПСЗ. Т. VI. № 3746).

¹⁶ ПСЗ. Т. V. № 2821; [Горчаков, с. 240].

Еще один источник финансирования этого нового вектора социального призрения в заданной властью форме был определен Петром I в резолюции, собственноручно начертанной на завещании князя Б.И. Прозоровского 6 мая 1718 г. В отсутствие прямых наследников князь своим завещанием от 18 марта того же года передал все свое имение и имущество в полное распоряжение царицы Екатерины Алексеевны, прося лишь *по своей смерти выделить часть средств на обеспечение его вдовы княгини И. М. Прозоровской и на поминование души, «дабы грешная... душа [его] незабвенна была в поминовении по обычаю христианскому»*. Петр I, учитывая желание покойного, распорядился после смерти жены князя и «дабы... поминали душу его и ее», определить «*оныя деревни в госпиталь*»¹⁷. Примечательна высказанная царем мотивация его решения: «...ибо сия добродетель по святому писму и натуре выше всех». Служение «общественной пользе» (а умножение числа госпиталей, богаделен, школ, несомненно, являлось таковым), с точки зрения Петра I, вытекало из христианских добродетелей («по святому писму») в равной степени, как и из гражданского долга, в соответствии с идеями естественного права — *jus naturum*. Такое служение соотносилось с понятием «доброты чина милостыни», активно в это время внедряемого в общественное сознание с помощью многочисленных указов о запрете ручной милостыни, отныне определяемой как «неправой» и «суетной». Духовный регламент 1721 г., также ссылаясь на Библию и послания Апостолов, взывал к благо разумию и истинному милосердию православного люда и вслед за светской властью призывал покончить с бродячим нищенством, «зло сие искоренить и добрый чин милостыни определить» (Духовный регламент. Ч. 3, п. 12).

Призыв и инициатива верховной власти по учреждению госпиталей нашел отклик среди чиновной знати и воплотился в завещаниях известного петровского дипломата князя Б.И. Куракина (1727 г.) и первого российского государственного канцлера графа Г.И. Головкина, написанного им за 5 лет до кончины в 1729 г. Сравнение текстов обоих завещаний в части, касающейся благотворительной деятельности, высветило, как общие черты древнерусского благочестия, присущего этим представителям политической элиты петровского времени, так и различия в проявлении усвоенного ими европеизма [Козлова]. В их завещаниях церковная благотворительность и нищелюбие, характерные для древнерусского благочестия, сочетались с формами и целями благотворительности нового времени. Ее воплощением стали обозначенные примером верховной власти рационально обустроенные больницы-богадельни.

Итак, анализ духовных завещаний первой четверти XVIII в. показал, что усвоение элементов рационального мышления в России петровского времени происходило без вытеснения из личного самосознания его рели-

¹⁷ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 7. Л. 320 об. [Воскресенский, с. 353]; Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем. 06.05.1718, вт. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228259731> (дата обращения — 15.01.2021).

гиозных основ. Основные христианские ценности и православные понятия относительно бессмертия души и восприятия смерти, применяемые практики поминальных служб, закрепившиеся в общественном сознании в предшествующее время, оставались неизменными, несмотря на перемены, происходившие в обществе под влиянием преобразований эпохи.

Литература

- Буркхардт Якоб.* Культура Возрождения Италии. Опыт исследования. М.: Юристь, 1996. 591 с.
- Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века / Сборник статей; под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2019. 408 с.
- Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: НЛЮ, 2017. 640 с.
- Горчаков М.* Монастырский приказ. (1649–1725 г.). Опыт историко-юридического исследования. СПб.: тип. А. Траншеля, 1868. 159 с.
- Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. 423 с.
- Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М.: Наука, 1989. 307 с.
- Козлова Н.В.* «Милостыню давать...в гошпитали и в другия таковыя подобныя места»: древнерусское нищелюбие и благотворительность нового времени в завещаниях князя Б.И. Куракина (1727 г.) и графа Г.И. Головкина (1729 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 4. С. 17–28.
- Кошелева О.Е.* «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний. Приложение 2 // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Изд-во РГГУ, 2000. С. 339–386.
- Freeze G.L.* The Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Studia Slavica Finlandensia.* 1990. 7. Pp. 101–136.

References

- Burkhardt Jakob. Kul'tura Vozrozhdeniya Italii. Opyt issledovaniya. M.: Yurist, 1996. 591 p.
- Freeze G.L.* The Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Studia Slavica Finlandensia.* 1990. 7. Pp. 101–136.
- Gorchakov M. Monastyrskij prikaz. (1649–1725 g.). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya. SPb.: tip. A. Transhelya, 1868. 159 p.
- Gurevich A. Ya. Individ i socium na srednevekovom Zapade. M., SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, Universitetskaya kniga, 2015. 423 p.
- Kozlova N.V. «Milostynyu davat'...v goshpitali i v drugiya takovyaya podobnyaya mesta»: drevnerusskoe nishchelyubie i blagotvoritel'nost' novogo vremeni v zaveshchaniyah knyazya B.I. Kurakina (1727 g.) i grafa G.I. Golovkina (1729 g.) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya.* 2020. № 4. Pp. 17–28.
- Kosheleva O.E. «Othodya ot sveta sego...». Chastnaya zhizn' moskovskoj elity XVII veka cherez prizmu zaveshchanij. Prilozhenie 2 // *Chelovek v mire chuvstv. Ocherki po istorii*

chastnoj zhizni v Evrope i nekotoryh stranah Azii do nachala novogo vremeni / Pod red. Yu. L. Bessmertnogo. M.: Izd-vo RGGU, 2000. Pp. 339–386.

Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konca XVII – nachala XX veka / Sbornik statej; pod red. L. Manchester, D.A. Sdvizhkova. M.: NLO, 2019. 408 p.

Voskresenskij N.A. Petr Velikij kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo processa v Rossii v epohu reform pervoj chetverti XVIII veka. M.: NLO, 2017. 640 p.

Zaozerskij A.I. Fel'dmarshal B.P. Sheremetev. M.: Nauka, 1989. 307 p.

Natalia V. Kozlova

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AND PRACTICE OF THE RELIGIOUS LIFE OF THE POPULATION OF MOSCOW OF PETER THE GREAT'S TIME (BASED ON THE MATERIALS OF SPIRITUAL WILLS)

The article is based on more than 400 spiritual wills published by the author of representatives of different social strata of the Moscow population during Peter's time. It examines the place and role of faith in the development of individual self-consciousness; analyzes the changes that have occurred in the names of such documents. It is concluded that the gradual spread of new terms did not affect their perception as a sacred document. The assimilation of the elements of rational thinking in Russia during Peter's time took place without displacing the religious worldview from the public consciousness.

Keywords: *testament, religious consciousness, hospitals, almshouses, commemoration of the departed, church charity.*

Ю.А. Козлова

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Бронницкий филиал), Московская область, Бронницы, Россия

Второе путешествие Петра I в Западную Европу: цели, особенности, итоги

В статье представлен анализ Второго путешествия Петра I в Западную Европу 1716–1717 годов. Подробно разобраны цели, маршрут и особенности поездки российского царя. Последствия, которого продолжили процесс модернизации страны, начатый еще во времена Великого Посольства.

Ключевые слова: *Великое Посольство, Второе путешествие, Петр I, Дания, Франция, немецкие земли, Голландия, политика, торговля, культура*

Как известно, Петр I не раз покидал территорию своего государства для налаживания внешнеполитических связей России с европейскими странами. Такого рода поездки можно разделить на несколько групп. Первая группа – это путешествия, носящие дипломатический характер. Сюда можно отнести Великое посольство и Второе путешествие.

В обоих случаях вопросы внешней политики, международной торговли и культурных контактов решались в рамках целостной акции на высоком уровне.

Вторая группа – это вояжи, связанные с театром действия Северной войны. Как правило, происходили спонтанно, без церемониала. Иными словами, к ним никто не готовился, но они также заслуживают отдельного внимания, но не в рамках этой статьи.

К 1716 г. Российское государство вступило в новую стадию международных отношений [Ивонин, с. 18]. Это было связано, прежде всего, с утверждением страны в Балтийском регионе, расширением дипломатических связей, появлением постоянных консульств в европейских государствах. Однако Северная война, несмотря на всю очевидность ее исхода, требовала логического завершения. Великие державы во главе с Великобританией не желали становиться арбитрами в делах Севера. Перед Петром I стояли непростые задачи.

Наиболее важной задачей для России оставалось сохранение территориальных приобретений [Молчанов, с. 34]. И здесь вполне обоснованно возникает вопрос: какая именно страна способна помочь России в столь непростом вопросе? Ведь Великобритания на тот момент была сильнейшей державой в мире. Взор царя падает в сторону Франции, с которой к 1715 г. удалось наладить политический диалог, который был невозможен при жиз-

ни Людовика XIV¹. Тем не менее, новое французское правительство не топилося открыто вмешиваться в дела севера. Этот факт в конечном итоге и стал основополагающим для личного визита Петра I во Францию.

Однако, говоря о дипломатической цели визита Петра I в европейские страны, мы не можем ни упомянуть про немецкие земли и Данию. Датский король Фредерик IV не решался проводить масштабную кампанию по совместной высадке в Сконе. [Anderson, p. 65]. Это операция, по мнению русского царя, должна была поставить окончательную точку в делах Северной войны. Проблема состояла лишь в том, что Петр I должен был взять на себя руководство десантом. Разумеется, такое положение дел не устраивало мнительного датского короля. Антирусские силы при датском дворе сделали все, чтобы сорвать организацию кампании [Munch-Petersen p. 49–50]. Русский монарх решил отправиться в Данию лично, чтобы все-таки суметь реализовать десант.

Постепенно влияние России в германских землях возрастало. В поездке 1716–1717 годов нужно было решить ряд важных вопросов. Во-первых, заключить взаимовыгодный трактат с Мекленбургом². Во-вторых, подписать новый трактат с прусским королем по поводу умиротворения севера и ограничения влияния Пруссии в Шведской Померании [Соловьев, с. 33]. В-третьих, встретиться с английским королем и курфюрстом ганноверским Георгом I³. И, наконец, в-четвертых, поправить свое здоровье на бальнеологических источниках Пирмонта.

Путешествие по Германии заслуживает небольшого комментария. Политическая нестабильность региона сказывалась на выборе приоритета в дипломатических контактах. Так, Пруссию и Мекленбург можно назвать союзниками России. Разумеется, с оговорками на «Мекленбургское дело», которое можно назвать «яблоком раздора» между Россией и Западными странами [Mediger, S. 94]. Ганновер же, наоборот, был настроен крайне недружелюбно к России и визиту Петра I, в частности [Mediger, S. 34–35]. Ко времени Второго путешествия Бремен и Верден уже принадлежали Георгу I, и он с опаской наблюдал за утверждением России не только в Балтийском регионе, но и на немецких землях.

Стоит отметить попытку русского царя «перезагрузить» взаимоотношения с некоторыми странами. Так, Голландия была давним внешнеполитическим и внешнеторговым союзником России. Петр I должен был решить в Голландии несколько важных вопросов, где его личное участие было необходимым. Царь хотел добиться ясности в переговорах о мире с Г.Г. Гер-

¹ Франция к указанному периоду уступила главенствующую роль Великобритании. Связано это было с войной за Испанское наследство, где Людовик XIV потерпел дипломатическое поражение. Тем не менее, Франция оставалась значимой фигурой на международной арене.

² РГАДА. Ф. 67. Оп. 3. Д. 1. Л. 4–7.

³ РГАДА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

цем, который превратился из голштинского министра в посла Швеции. Он имел негласную встречу с Б. И. Куракиным, в ходе которой поведал российскому послу о желании от имени Карла XII начать переговоры с Петром I [Лацинский, с. 320]. Генеральные Штаты с опаской наблюдали за успехами России на Балтике. Не только дипломатическое усиление России в этом регионе волновало правительство, но и положение голландских купцов, которые испытывали колоссальные трудности. Именно голландцы были инициаторами подписания нового торгового договора⁴. Они настаивали на преференции в балтийской торговле путем снижения таможенных пошлин в России в пользу Республики. Однако русский монарх был согласен только на «взаимные уступки»⁵.

Если дипломатические цели были основополагающими, то следующими по значимости были внешнеторговые. Перед Петром I во время Второго путешествия стояла задача расширить торговое пространство России за счет привлечения новых партнеров. У России появился выход к Балтийскому морю, открывающий просторы обширной торговли, ориентированной не только на Северные страны. Так, Петр I надеялся, что выход к Балтике привлечет к торговле с Россией купцов тех стран, которые ранее не были активны на данном направлении. Новые торговые перспективы открывались для коммерсантов Франции, других стран Средиземноморья и Юго-Западной Европы. Однако это не означало, что старые торговые партнеры будут ущемлены. Наоборот, Петр I приглашал торговать через Петербург купцов всех без исключения стран.

Интересен сюжет, связанный с посещением портов Балтийского и Северного морей, находившихся на территории Германии, Голландии, Польши и Швеции. Что хотел увидеть там царь? Посещал ли он их лишь в рамках своего маршрута, или у него был какой-то особый интерес? Сложно ответить наверняка, но гипотеза, выдвинутая Д. Ю. Гузевичем и И. Д. Гузевич о желании царя увидеть порты и торговый флот западных стран для последующего расширения торгового пространства России, вполне приемлема [Гузевич, с. 27]. Так, торговый флот в России только начинает свое восхождение, но уже есть Петербург, Ревель, Рига и ряд других балтийских портов. Ганзейские города-порты издавна были торговыми партнерами России, что могло не сказаться на намерениях русского монарха. Даже такой весомый аргумент, как ослабление и последующий упадок Ганзы как политического и экономического союза во второй половине XVII века, не мешает данной теории существовать. Аргументом в пользу данной теории можно назвать наличие купцов и их стремление к нахождению нового рынка сбыта, [Гузевич, с. 28] которым, кстати, могла стать Россия.

⁴ Damme A. *Nederlansch gedenkboek of Europische mercurius 1717*. P. 200–201. [Электронный ресурс]: URL: <https://books.google.ru/books/> (Дата обращения: 9.12.2021.)

⁵ Ibid.

Однако не только интересы торговли и политики побудили Петра I к поездке за границу. Так же, как и девятнадцать лет назад, для Петра I было интересно познание новой культуры. Во втором десятилетии XVIII в. процесс интеграции российской культуры в европейскую развивался полным ходом, получив мощный импульс еще со времен Великого посольства. Именно к моменту «Второго путешествия» Петр I фактически перенес столицу в Петербург. Новый город должен был стать не только главным внешнеторговым центром, но и центром науки и культуры. Однако молодому городу требовалось придать европейского шика, что было возможно через приобретение предметов быта, картин, собраний музейных коллекций и т.д. [Козлова, с. 52].

Особое значение русский царь уделял найму европейских специалистов, что обуславливалось отсутствием или нехваткой в России людей, обладавших знаниями и мастерством в целом ряде областей, важных для развития производства, науки и культуры на этом этапе преобразований.

Весомой причиной посещения Европы также было состояние здоровья русского царя, которое значительно ухудшилось в годы Северной войны.

Петр I давно и тяжело страдал серьезным урологическим заболеванием, которое осложнялось бесконечными переездами с места на место. Кроме того, существует версия, что Петра I мучили и другие заболевания: нервозность, артериальное давление, проблемы с пищеварительным трактом. Именно поэтому Петр I в рамках «Второго путешествия» намеревался посетить три знаменитых бальнеологических курорта Европы: Пирмонт, Спа и Аахен [Боди, с. 22].

Особого внимания заслуживает маршрут царя и ряд связанных с ним моментов.

Итак, Петр I выехал из Петербурга 27 января 1716 г. (все даты нами даются по старому стилю). Он ехал в Гданьск через Нарву, Дерпт, Ригу, Митаву, Либаву, Мемель и Кенигсберг⁶. 18 февраля Петр I с супругой оказались в Гданьске, где вскоре, а именно 8 апреля, состоялось бракосочетание царевны Екатерины Ивановны с герцогом мекленбургским Карлом Леопольдом. В Гданьске происходила встреча Петра I с польским королем Августом II. Нужно отметить, что именно в Данциге находилось русское войско и флот, что крайне настораживало как Августа II, так и жителей города.

Из Гданьска 4 мая Петр I отправился в Шверин – столицу Мекленбурга, далее 8 мая – в Штеттин, 15 мая – в Висмар, потом опять в Шверин, в тот же день, далее 16 мая – в Пирмонт. 19 мая частью маршрута была Альтона, где прошла встреча Петра I и Фредерика IV по поводу совместного выступления в Сконе.

Следующая значимая остановка – это Ганновер (25 мая), где проходила встреча Петра I с ганноверскими министрами и обсуждение десанта в Сконе.

⁶ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 15.

Далее царь проследовал через Пирмонт (26 мая), Эрнгаус (16 июня), откуда 23 июня царь снова въехал в Шверин. Затем Петр I отправился в Росток, где пробыл 26–30 июня. 30-го же июня царь отправился в Варнемюнде, откуда его путь лежал в Копенгаген, куда он и прибыл 3 июля⁷.

Пробыв в Копенгагене почти три месяца в безрезультатных хлопотах по организации десанта в Сконе, Петр I следует в Голландию через немецкие города. 2 октября – Росток, 17 октября – Ринке, 18–19 октября – Нейбург, 20 октября – Бельт. Далее, 21 октября – Гузум, Фридрихштат – 22–26 октября, Гейт – 27, Брамштет – 28 октября, Штрудент – 30 октября⁸.

Далее следовали такие города, как Любек – с 30 по 4 ноября, 4 ноября царь въехал в Шверин (в третий раз), тогда же в Верл, а вот 12–17 ноября в Гавельберг, где состоялась его встреча с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I. 17 ноября – Гамбург, 18 ноября – Вейденбург, опять Гамбург 19 ноября и Альтона 20 ноября, где состоялась встреча Петра I и Фредерика IV датского, Бремен 27 ноября и, наконец, в Амстердам царь въехал 1 января 1717 года⁹.

26 февраля русский царь отправился в Заандам, 27 февраля – в Утрехт, 2 марта вернулся в Амстердам, из Амстердама отправился в Гаагу 8 марта, 17 марта – в Лейден. Так началось его движение в сторону Франции. 19 марта царь пробыл в Роттердаме, 24 марта – в провинции Зеландия, 25 марта – Бреда. После этого путь Петра I проходил уже по Южным Нидерландам, которыми тогда владела Австрия. 31 марта он въехал в Антверпен, 3 апреля – в Брюссель, 7 апреля – в Гент, 8 апреля – Брюгге, Остенде – 9 апреля, Ниупорт – 10 апреля. Наконец, Петр I прибыл на французскую территорию. В Дюнкерк он прибыл 14 апреля, и наконец, в Кале – 17 апреля¹⁰. В Париже Петр I оказался 23 апреля. В столице Франции русский царь находился до 9 июня. Потом 11 июня царь приехал в Шарлевиль, далее он отправился на территорию нынешней Бельгии (в то время владения Австрии в Южных Нидерландах), а именно в Намюр (15 июня). Далее Петр I отправился в Льеже «паки водою»¹¹. 17 июня Петр I отправился в Спа. 13 июля – Лимбург, 16 июля – Аахен, далее Маастрихт – 18, 22 июля он, наконец, прибыл в Амстердам. Так царь второй раз за время путешествия оказался в Голландии.

24 июля Петр I посетил Ост-Индский флот на острове Тексел, далее следовал Хорн, а 28 июля царь вернулся в Амстердам.

Из Амстердама Петр I отправился в конце августа. Теперь он возвращался на родину. Путь русского царя лежал в Петербург через немецкие земли. Оставив позади себя Эрфурт, Бранденбург и Шпандау, Петр достиг Берлина

⁷ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 15–16.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 3–12.

¹¹ Там же. С. 21.

в начале сентября, пробыв там неделю. После пребывания там (8–14 сентября), он с 19 сентября по 22 октября находился в Данциге. Через Мемель (ныне Клайпеда), Митаву (Елгава), Ригу и Нарву вернулся 9 октября 1717 г. в Петербург¹².

По поводу маршрута Петра I есть два замечания. Во-первых, практически всегда, где это было возможно, предпочтение отдавалось водным путям. Возможно, это было связано с состоянием здоровья Петра I. Маршрут иногда повторял по несколько раз одни и те же города, провинции, деревни, расположенные на водных магистралях. Во-вторых, практически во всех крупных городах Петра I встречали конвои от хозяев, в целях безопасности.

В-третьих, в двух важнейших источниках петровской эпохи: «Походном журнале» и «Истории Свейской войны» (она же «Поденная записка»), выявляется несоответствие, касающееся подробностей маршрута и дат посещения тех или иных мест, притом, что и «История Свейской войны», и «Походные журналы» 1716–1717 гг., в принципе дополняют друг друга. Возникает вопрос о причине подобных несоответствий. Так, пребывание Петра I в Штетине расходится по упомянутым источникам на два дня. По «Походному журналу» царь приехал в город 4 мая, а по «Истории...» – 6 мая. И такие примеры, к сожалению, не единичны. Однако даты ключевых остановок Петра I: Альтона, Копенгаген, Гавельберг, Амстердам и т.д. совпадают в обоих источниках.

Сопоставление хронологии двух источников свидетельствует, что большего доверия для описания маршрута заслуживает «Походный журнал», так как именно он учитывал максимально подробно передвижение русского монарха [Козлова, с. 54]. Составители «Истории Свейской войны» отдавали предпочтение передвижению царя с точки зрения проблем Северной войны, не учитывая большинства городов, которые оказались на пути царя в Европу в 1716–1717 годах. Мы отчетливо видим довольно подробное описание путешествия царя, начиная от Петербурга и до Копенгагена. Однако после Копенгагена в «Истории...» сразу говорится о посещении Амстердама, пропущен целый ряд важных остановок русского царя¹³.

Очевидно, что основным вопросом остается влияние Второго путешествия на модернизационные процессы в России. Поездка Петра I в зарубежную Европу в 1716–1717 годах представляла собой не только внешне-политическую акцию, но и значимый культурно-исторический феномен. В ходе этого путешествия царь и его спутники решали одновременно самые разные задачи в сфере внешней политики, экономики и культуры. Задачи решались в органическом единстве: вопросы войны и мира являлись основополагающими в ходе этой поездки. Петру I удалось утвердить за Россией статус европейской державы. По сути, благодаря этой поездке поменялась

¹² История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого (1700–1721). М., 2004. Вып. 1. С. 420–430.

¹³ История Свейской войны...

расстановка сил в Европе. В 1717 году был заключен Амстердамский договор, который и дал эту новую расстановку сил [Грюнвальд, с. 31]. Новый альянс включал в себя Россию, Пруссию и Францию. Такого рода союз серьезно испугал Великобританию, которая пыталась этот альянс разрушить. Петр I не смог поставить точку в делах севера, но смог ускорить процесс, затянувшийся не на одно десятилетие. Благодаря мирным конференциям, проходившим в Амстердаме, Гааге и Хет Лоо в конце августа 1717 года, было решено перенести переговоры об окончании Северной войны на Аландские острова не позднее 1718 года¹⁴.

Петру I не удалось заключить новый торговый договор с голландскими купцами. Русский монарх был готов идти на уступки только если голландская сторона признает территориальные приобретения России в Балтийском регионе. Однако говорить о том, что после этой поездки голландцы исчезли с российского рынка, также преждевременно. В целом динамика торгового оборота до и после 1716 года оставалась прежней.

Если с голландцами не удалось договориться, то упомянутый выше Амстердамский трактат имел не только политические последствия, но и торговые. Для России открывалась перспектива торговли с Францией и Пруссией [Захаров, с. 83]. Если Пруссия имела тот же ассортимент товаров, что и Россия, то Франция кардинально иной. В 1714 году в Россию прибывает французский морской комиссар – Анри Лави [Ожеро, с. 15]. Его полномочия не были прописаны официально, он был наблюдателем, который изучил все тонкости российского рынка к 1717 году. Амстердамский трактат «наделил» комиссара консульскими полномочиями, что во многом определило его взгляды на устройство русско-французской торговли [Вагон, р. 34]. При его участии была предпринята попытка создания первой в истории русско-французских связей компании по закупке деревообрабатывающих материалов для французского флота [Вагон, р. 37]. Россия же должна была закупить вино и предметы роскоши. К сожалению, компания не состоялась по объективным причинам, но планирование именно этой компании стало отправной точкой в долгих и весьма противоречивых торговых взаимоотношениях двух стран.

Культурная составляющая поездки также оказала большое влияние на осуществление реформаторских планов Петра I в этой области. Путешествие царя за рубеж, безусловно, способствовало становлению Петербурга как ведущего научно-культурного центра России. Царь давно вынашивал идею о создании научного центра в Петербурге, но до Второго путешествия мы видим лишь робкие начинания. Речь идет о Кунсткамере как первом научном музее страны. Разумеется, создание Академии наук – это долгий процесс размышления самого монарха, его ближайшего окружения, осмотр академий наук Запада в рамках Второго путешествия¹⁵. Петр I пошел даль-

¹⁴ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

¹⁵ Петр I вел переписку с Г. Лейбницем, который советовал русскому монарху создать в России некую триаду: школа – университет – академия наук. Очень важным замечанием

ше: его академия наук была связана с университетом, чего не было в Европе в указанный период [Андреев, с. 31]. Он надеялся связать Академию наук с Кунсткамерой и даже обсерваторией.

Научный центр – это не единственная задумка царя в отношении Петербурга. Столица должна была отвечать европейским стандартам. После Великого Посольства Петербург только отстраивался: в нем не было еще шика, присущего определенным направлениям архитектуры, садово-паркового строительства, художественных изысков. После Второго путешествия строительство Летнего сада, Петергофа приобретает новый размах. Теперь в основу ложится не только голландский стиль, но и французский, который имеет не только практическое назначение, но и идеологическое [Пятнов, с. 22]. В строительстве Петергофа отражена идея абсолютизма.

Приезд в Россию завербованных мастеров, также имеет особое значение для художественно-архитектурного ансамбля Петербурга. Особо следует отметить столь выдающихся мастеров как архитектор Ж.Б. Леблон, скульптор Б.К. Растрелли, художник Л. Каравак, творчество которых во многом определило облик петровского Петербурга и пригородных дворцовых резиденций¹⁶. Таким образом Второе путешествие по своим целям, масштабам, практической стороне может быть сопоставимо с Великим посольством, которое стало самой первой попыткой России наладить прямой диалог с Западом.

Литература

- Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий. Сборник статей. М.: Издательство академии наук союза СССР, 1947. 284 с.
- Боди А.* Петр Великий на водах в Спа // Русская старина. 1896. Т. 86. № 4. С. 21–29.
- Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Путешествующий царь, или в поисках имперских одежд // Материалы 9 Международного петровского конгресса. Париж–Реймс, 2017. С. 18–31.
- Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М.: Международные отношения, 1968. 328 с.
- Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И.* Дипломатия Бранденбурга-Пруссии в начале XVIII века (до битвы под Полтавой) // Российский научный журнал. 2009. № 6 (13). С. 18–32.
- Захаров В.Н.* Вопросы внешнеторговой политики в ходе путешествия Петра I в зарубежную Европу в 1716–1717 годах // Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж–Реймс, 2017. С. 80–90.
- Козлова Ю.А.* Путешествие Петра I в Западную Европу. 1716–1717 годы. М.: Ломоносовъ, 2020. 192 с.
- Лацинский А.С.* Второе путешествие Петра Великого в Голландию // Русская старина. СПб., 1916. № 6. С. 319–324.

немецкого философа была связь университета с академией наук. В Европе такого рода заведения не были распространены. Университеты существовали отдельно от академий наук, что создавало определенные неудобства, которые русский царь пытался избежать, учреждая связь между двумя научными звеньями.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. (Кабинет Петра Великого). Оп.1. Отд. 2. Д. 23. Л. 880.

- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1990. 440 с.
- Ожеро Кристоф.* Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году // Россия и Франция XVIII–XX веков. М., 2008. Вып. 8. С. 9–31.
- Пятнов П.В.* Российские сады и парки: историко-культурный аспект // Современные проблемы сервиса и туризма. М., 2003. № 1. С. 18–28.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 17. 657 с.
- Anderson M.S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815. London, 1958. 245 p.
- Baron S. Henri Lavie and failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723)* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1995. № 50. S. 123–133.
- Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1952. 744 S.
- Munch-Petersen T.* After Poltava. Peter the Great and the problem of Sweden, 1709–1724 // *Northern Studies: The Journal of the Scottish Society for Northern Studies*, 1997. Vol. 32. P. 47–70.

References

- Anderson M.S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815. London, 1958. 245 p.
- Andreev A.I.* Osnovanie Akademii nauk v Peterburge // Petr Velikij. Sbornik statej. M.: Izdatel'stvo akademii nauk soyuza SSSR, 1947. 284 p.
- Baron S. Henri Lavie and failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723)* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1995. № 50. S. 123–133.
- Bodi A.* Petr Velikij na vodah v Spa // *Russkaya starina*. 1896. T. 86. № 4. Pp. 21–29.
- Guzevich D. Yu., Guzevich I.D.* Puteshestvuyushchij car', ili v poiskah imperskih odezhd // *Materialy 9 Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. Parizh–Rejms, 2017. Pp. 18–31.
- Gryunval'd K.* Franko-russkie soyuzy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1968. 328 p.
- Ivonin Yu. E., Ivonina L.I.* Diplomatiya Brandenburga-Prussii v nachale XVIII veka (do bitvy pod Poltavoj) // *Rossijskij nauchnyj zhurnal*. 2009. № 6 (13). Pp. 18–32.
- Kozlova Yu.A.* Puteshestvie Petra I v Zapadnyu Evropu. 1716–1717 gody. M.: «Lomonosov», 2020. 192 p.
- Lacinskij A.S.* Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Gollandiyu // *Russkaya starina*. SPb., 1916. № 6. Pp. 319–324.
- Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1952. 744 S.
- Munch-Petersen T.* After Poltava. Peter the Great and the problem of Sweden, 1709–1724 // *Northern Studies: The Journal of the Scottish Society for Northern Studies*. 1997. Vol. 32. Pp. 47–70.
- Molchanov N.N.* Diplomatiya Petra Velikogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 440 p.
- Ozhero Kristof.* Uchrezhdenie pervogo konsul'stva Francii v Sankt-Peterburge v 1717 godu // *Rossiya i Franciya XVIII–XX vekov*. M., 2008. Vyp. 8. Pp. 9–31.
- Pyatnov P.V.* Rossijskie sady i parki: istoriko-kul'turnyj aspekt // *Sovremennye problemy servisa i turizma*. M., 2003. № 1. Pp. 18–28.
- Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshih времен. M., 1993. Т. 17. 657 p.
- Zaharov V.N.* Voprosy vneshnetorgovoj politiki v hode puteshestviya Petra I v zarubezhnyu Evropu v 1716–1717 godah // *Materialy IX Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa*. Parizh–Rejms, 2017. Pp. 80–90.

Yulia A. Kozlova

*Department of humanities and social Sciences of the Moscow Automobile and Road
Construction State Technical University, Bronnitsky Branch*

PETER THE GREAT'S SECOND VOYAGE TO WESTERN EUROPE: OBJECTIVES, SPECIFICS, RESULTS

This article presents an analysis of Peter the Great's second voyage to Western Europe in 1716–1717. The aims, route and special features of the Russian tsar's trip are analysed in detail. The consequences of which continued the process of modernizing the country that had begun during the time of the Great Embassy.

Keywords: *The Great Embassy, The Second Journey, Peter I, Denmark, France, the German lands, Holland, politics, trade, culture.*

Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в.

Образ Петра Великого традиционно является одним из символов российской модернизации — и в этом смысле его принято противопоставлять консервативным ценностям. Однако из всех представителей консервативного лагеря XIX в. критиками петровских реформ были, пожалуй, только славянофилы. Либеральные черты славянофильства активно критиковались их сословными консерваторами. Таким образом, образ Петра вполне мог стать одним из предметов спора между этими двумя направлениями русского консерватизма: сословным и национальным. Однако к последнему принадлежали не только славянофилы, но и М.П. Погодин, М.Н. Катков, М.В. Юзефович, И.Г. Кулжинский.

Ключевые слова: Петр I, консерватизм, национализм, реформы, Катков, славянофильство

Образ Петра Великого традиционно является одним из символов российской модернизации — и в этом качестве его принято противопоставлять консервативным ценностям: традиции, преемственности, «естественности» эволюционного развития. Однако из всех представителей консервативного лагеря XIX в. принципиальными противниками петровских реформ были, пожалуй, только славянофилы. Они трактовали петровское время как период террора, расколовший русское общество и породивший «бюрократическое средостение» между народом и властью, сбивший страну с верного — православно-земского — пути самобытного развития. Данный подход нашел свое отражение в целом ряде хрестоматийных работ «отцов» славянофильства [Айдунова, 2020, с. 35–44), но, как это нередко и бывает, наиболее ярко и последовательно был сформулирован в текстах его эпигонов. Так, И.С. Аксаков видел в Петре предтечу революционного нигилизма: ««Нигилизм есть естественный, законный, исторический плод того отрицательного отношения к жизни, в которое стала русская мысль и русское искусство с первого шага своей деятельности после Петра»¹. В свою очередь, О.Ф. Миллер практически включал Петра в соучастники «первомартовской катастрофы»: «Верой в злодейство и поклоненьем ему разрешились у нас все те многообразные влияния изчужа, которые с таким сладострастьем слепой восприимчивости испытывали мы, одно за другим, в довольно долгий уже европействующий период нашей истории (европействующий, а не

¹ День. 1864. № 31.

европейский, потому что настоящий отпечаток европеизма немислим без народного своеобразия). Многообразные учения, выдававшиеся обыкновенно за последнее слово науки, сменились наконец, верой — этой дикой, нелепой и ужасающей верой в злодейство как силу зиждительную [...] Мы крестились в нее не водою и духом, а кровью и неволею, под влиянием Петровского террора. Кровавым террором началось, кровавым террором и кончается»². Таким образом, именно славянофильская концепция петровских реформ легла в основу знаменитой формулы М. Волошина: «великий Петр был первый большевик».

Неприятие принудительно-организующей «формы», всего с ней связанного и на ней основанного (в частности, «немецкого» бюрократизма), стало одним из важнейших элементов славянофильской идеологии. Оно вело славянофилов к столкновению с другой тенденцией русской политической культуры — консерватизмом сословным, который сами «московские славяне» позднее назовут «революционным консерватизмом»³.

Эти либерально-эволюционистские черты славянофильства еще в 1860-е годы активно критиковались его главными оппонентами — и то были отнюдь не либералы, но представители влиятельной в тот период «аристократической партии» — сословные консерваторы, чьи позиции отстаивала, в частности, газета «Весть». На ее страницах исторический путь допетровской Руси рассматривался как непрерывное «падение все ниже и ниже», жестокости Петра — как следствие и проявления «прежнего положения», а допетровская «национальная» одежда — как «старый польский костюм». Вышеперечисленное давало анонимному публицисту «Вести» повод рассматривать критику И.С. Аксаковым петровских реформ как кощунство⁴. Последнее же представлялось как объективно связанное с латентными анархо-социалистическими тенденциями, которые сословная партия пыталась приписать славянофильству — упрекая его вождей, в частности, в «несправедливом покровительстве демагогической агитации в среде народных масс, вследствие каких-то отвлеченных археологических изысканий»⁵.

Традиционный для имперского периода культ Петра разделялся и более поздними представителями сословного консерватизма. Главный адресат самаринской брошюры «Революционный консерватизм» Р.А. Фадеев считал, что «вне петровского дворянства у нас нет ровно ничего, кроме богато одаренного природою, твердо сомкнутого в смысле народности, но совершенно стихийного русского простонародья. Вся умственная сила России,

² Миллер О.Ф. Ужасная логика (1 марта 1881 года). М., 1881. С. 1.

³ Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм: Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения петербургских дворян об организации всесословной волости. Берлин, 1875.

⁴ Весть. 1864. № 6.

⁵ Весть. 1864. № 6.

вся наша способность к созидательной общественной деятельности — заключается в дворянстве, в том именно виде дворянства, каким создал его Петр»⁶. Точно так же создателем современного дворянства считал Петра Великого А.Д. Пазухин: по его мнению, «именно под действием петровских законов сословия приобретают более ясные формы и более резкие границы»⁷. Несколько из иных соображений чтит Петра К.Н. Леонтьев [Айдунова, 2020, с. 43–44] — ценивший в деятельности реформатора именно принудительно-организующее, «оформляющее» начало [Брода, с. 54–64]. Ложному либерально-эгалитарному прогрессу мыслитель противопоставлял прогресс истинный, усложнявший социальную структуру общества — и воплощение такого прогресса видел в том числе и в Петре.

Таким образом, фигура Петра вполне могла стать одним из символов, обозначающим грань между двумя направлениями русского консерватизма — сословным и национальным, «петербургским» и «московским». Однако к последнему принадлежали не только славянофилы. Хорошо известен очерк о Петре М.П. Погодина — во многом близкого славянофильству. Но главным пропагандистом «петровских начал» в московской консервативной публицистике стал М.Н. Катков. Современная исследовательница, следуя сложившемуся еще в дореволюционной историографии мифу об «эволюции» воззрений М.Н. Каткова, утверждает, что в эпоху либеральных реформ «московский громовержец» смотрел на петровские реформы сквозь славянофильскую (т.е. отчасти либеральную) призму, однако в эпоху «контрреформ» принципиально изменил свои суждения, из охранительных побуждений став апологетом преобразований: из охранительных побуждений став апологетом преобразований: «Резко негативная [оценка], высказанная в разгар эпохи буржуазных реформ Александра II, сменилась на весьма положительную в период контрреформ Александра III. Такое изменение соответствовало особенностям идеологии при этих двух царствованиях» [Айдунова, 2020, с. 47].

Однако в 1872 г. Катков писал следующее: «Празднование Петровского юбилея есть торжество гражданских успехов. В эту сторону прежде всего направляется мысль. Россия любит представлять себе Петра Великого в дыму Полтавской битвы, в лучах славы Ништадтского мира, но она чтит славного императора преимущественно как державного преобразователя на тяжелой работе самовоспитания и передачи его результатов своему дорогому народу. Вот чем всего более выделяется этот великий среди великих. Память Петра имеет ту неотъемлемую особенность, что вызывает на разнообразную деятельность. Мы не почтили бы, однако, должным образом Преобразователя, если бы забыли, что Петр Великий, жадно хватаясь за все, старался всякое дело довести до конца с неудержимой силой, не бояв-

⁶ *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). СПб., 1874. С. 49–50.

⁷ *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 48.

шеюся труда и не знавшею препон. В день Петровского юбилея мы должны сознаться пред самими собой, что ныне в нашем обществе очень мало той силы, которую отдельные люди находят в своем гении, а целое общество может почерпать лишь в здравом просвещении. Мы должны были бы устыдиться того юбилея, который празднуем, если бы дело русского народного просвещения, как раз одновременно с этим дорогим юбилеем, не готовилось выступить на правильный путь. Наиболее ценное и нужное в то время для Петровых подданных остается таковым же и для нас, их потомков: свет знания и тот еще более лучезарный свет, который окружает главу Петра как первого работника своего народа. Русская школа, устроенная по-европейски, должна трудиться в Петровском духе, чтобы вдвинуть наконец наш народ в Европу как члена, во всех отношениях полноправного»⁸.

Образ Петра для Каткова в целом оставался неизменен. Отрицая революционный путь развития, «московский громовержец» не мог не указывать на издержки петровской реформаторской деятельности – однако революции как таковой публицист в ней не видел, указывая лишь на незавершенный и поверхностный характер преобразований. Будучи же националистом европейского типа, он не мог не сочувствовать самому «петровскому духу».

Подобные эмоции разделяли и другие консервативные националисты. Они считали, что петровские реформы носили лишь внешний характер, сохранив в русских людях духовную самобытность. Подлинная же – и зловредная – вестернизация произошла при Александре I. Так, И.Г. Кулжинский, чьи воззрения сформировались еще в николаевское царствование, называл все упреки царю-реформатору «круглой неправдой»⁹. По его мнению, Петр Великий сохранил в целостности два главных национальных палладиума – Церковь и самодержавие, и только русскую речь «объиноземил было маленько: но время все почитай сдуло и сгладило». Не изменили русских и прочие культурные преобразования: «одежу ли, бороду ли русскую окатистую заменил он иноземным голобородком? – Но стоит ли горя борода молодецкая и русский кафтан? Так или не так, за этим не постоим <...>» Быт изменился лишь внешне: «Так что и взяли мы тут от иноземцев, лишь свое взяли, и в самих себя оправились»¹⁰. И позднее, при Екатерине, по мнению Кулжинского, русское общество «жило по-старому, по-русски, и только лишь где-где замахивалось по иноземному»¹¹.

В 1860-е гг. Кулжинский станет постоянным автором журнала «Вестник Западной России». Совпадая со славянофилами в своей критике «польской шляхты» и русского сословного консерватизма, редакция жур-

⁸ Московские ведомости. 1872. № 134

⁹ *Кулжинский И.Г.* Очная ставка русским обычаям: православным и заморским, старым и новым // Маяк. 1843. Т. 11. Кн. 21. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же. С. 4.

нала расходилась с аксаковским «Днем» в вопросе о бытовых традициях Иван Сергеевич считал «народный костюм» признаком национальной самобытности, а редакция «Вестника» его осуждала, отметив, что народный костюм «удобен и выгоден», «но чтобы он был эстетичен и поэтичен, это смешно даже сказать»: «Всякий народ, придерживающийся своих одиноких, обветшалых прадедовских костюмов и обычаев (каковы например китайцы и им подобные), словно окаменевают и не подвигаются вперед ни на шаг в своем развитии, и рутина вместе с костюмом господствует у него неподвижно»¹².

Положительно относился к реформам Петра и другой автор «Вестника Западной России», М.В. Юзефович. Этот киевский националист считал «хулителей» Петра «поборниками *droits de l'homme*», поклонявшимися, несмотря на все свое антизападничество, «западно-европейскому идеалу *свободы личности*»¹³. При всем своем антизападничестве, изоляционистом Юзефович не был. Он, безусловно, признавал и в целом положительно оценивал роль в русском историческом процессе внешнего воздействия: «варяжского», «татарского» и «византийского». По мнению «северного антиквария», «варяжская стихия» «не изменила основного характера нашего развития», а православно-византийская ему не противоречила¹⁴. Власть же татар «имела и хорошую сторону»: содействовала восстановлению политического единства¹⁵. Петровские реформы он не рассматривал как реальную вестернизацию. Русских дворян XVIII в. публицист характеризовал как «снаружи будто иноземных, но русских сердцем и душой»¹⁶.

Юзефович – во многом сочувствовавший славянофилам и находившийся в переписке с И.С. Аксаковым – расходился с «московскими славянами» и в вопросе о значении государства. Последнее представлялось ему не «бюрократическим средостением» между царем и народом, но, подобно общине, результатом органического развития «от шлема варяжского к шапке Мономаха»¹⁷. Позднее, иронизируя над замечанием декабриста Н.И. Лорера о русском «самодурном деспотизме», Юзефович замечал в своем комментарии: «Этот самодурный деспотизм освободил 20 миллионов крестьянских душ и положил такие основания русской жизни, о каких и не мечталось русским европейцам 25-го года»¹⁸. Любопытно, что именно «органический» и «демократический» характер русской монархии и придавал

¹² Еремеев С. По поводу свиток и хохломани // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Апрель. Отдел III. С. 4–6.

¹³ Фудель И.Ф. Новое выражение русской культурной мысли // Русское обозрение. 1895. № 12. С. 918.

¹⁴ Юзефович М.В. О значении личности у нас и на Западе. СПб., 1906. С. 25–26.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Юзефович М.В. Князю П.А. Вяземскому. М., 1877. С. 1.

¹⁷ Юзефович М.В. О значении личности... С. 14.

¹⁸ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 181.

ей цезаристские черты: «Но всех мечей Наполеонов / Славней петровский наш топор»¹⁹.

При этом русское либеральное западничество Юзефович считал уникальным историческим явлением: «...в их глазах Европа такое же для нас Vaterland, как Германия для немцев. Этот европейский космополитизм свойственен нам одним. Он менее всего соединим с духом современной Европы»²⁰. Корни этого Михаил Владимирович находил не в петровских преобразованиях, но во временах Александра I — которого в переписке с Аксаковым характеризовал как «аракчеевского гуманиста»²¹: «Сделавшись европейцами по приказу, мы в старину ограничивались одной европейской обрядностью, оставаясь внутри русскими. Но с тех пор, как наша политика обратилась из национальной в европейскую [...] с тех пор стало нарождаться у нас и племя нынешних европейцев. Эти люди не могли, разумеется, превратиться ни в немцев, ни в французов, ни в англичан: они могли становиться только европейцами-космополитами. Подобные европейцы таковы, что принадлежи они к любому европейскому народу, в их руки не мог бы там попасть ни один политический вопрос, на один общественный интерес, но у нас они приобретали ход и влияние»²².

Таким образом, большинство русских консерваторов второй половины XIX в. относилось к реформам Петра I в целом положительно. Ничего удивительного в этом нет — культ великого реформатора был частью официальной идеологии Российской империи. Однако как консервативная апологетика петровский преобразований, так и их консервативная критика лишней раз подтверждают, что русский консерватизм рассматриваемого периода не сводился к чистому «охранительству», но искал альтернативные пути развития страны.

Литература

Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-исторической мысли середины XIX — начала XX в. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2020. 150 с.

Брода М. Проблемы с Леонтьевым. М.: МАКС-Пресс, 2001. 132 с.

References

Ajdunova T. Yu. Petr I v russkoj obshchestvenno-istoricheskoy mysli serediny XIX — nachala XX v. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj federal'nyj universitet, 2020. 150 p.

Broda M. Problemy s Leont'evym. M.: MAKS-Press, 2001. 132 p.

¹⁹ Цит. по: *Нечкина М. В.* Декабрист Н. И. Лорер и его «Записки» // Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 31.

²⁰ Там же. С. 365.

²¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. 719. Л. 34 об.

²² *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. Київ, 1930. С. 365.

Aleksandr E. Kotov

Institute of History. St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE CONSERVATIVE JOURNALISM OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The image of Peter the Great is traditionally one of the symbols of Russian modernization – and in this sense it is customary to oppose it to conservative values. However, of all the representatives of the conservative camp of the XIX century, only the Slavophiles were critics of Peter's reforms. The liberal features of Slavophilism were actively criticized by aristocratic conservatives. Thus, the image of Peter could well become one of the subjects of controversy between these two directions of Russian conservatism: aristocratic and nationalist. However, the latter included not only the Slavophiles, but also M.P. Pogodin, M.N. Katkov, M.V. Yuzefovich, I.G. Kulzhinsky.

Keywords: *Peter I, conservatism, nationalism, reforms, Katkov, Slavophilism.*

Космография Меркатора и ее читатели в петровскую эпоху

В статье исследуются рукописные списки перевода Атласа (Космографии) Меркатора на русский язык, осуществленного в 1637 г. в Москве. Предметом исследования являются записи на полях этих рукописей последней четверти XVII – начала XVIII в. Они свидетельствуют о том, что несмотря на высокую цену, огромный объем и сложное, нетипичное для русской книжности содержание Космографии, она была достаточно популярна в разных слоях населения Москвы, но в первую очередь – в элитных. С Космографией были знакомы также и в провинции. Это все является одним из свидетельств роста интереса в российском обществе к европейской научной литературе в российском обществе.

Ключевые слова: записи на рукописях, Атлас Герарда Меркатора, Космография, Европейская научная литература, московская элита

Чтобы государь Петр Алексеевич смог распахнуть окно в Европу, ставни с этого окна стали снимать задолго до его рождения. Еще при жизни его деда в это дело внесли свою лепту переводчики А. Дорн и Б. Лыков, которые в 1637 г. по заданию Посольского приказа перевели с латинского на русский язык Космографию Герарда Меркатора [Глускина, Кошелева, 2018]. Хотя они были неумелые переводчики и допускали много ошибок, русский вариант текста получился хорошо: он читался легко и с интересом. О том, что мог ожидать читатель, раскрывший этот огромный рукописный фолиант, он сразу же узнавал из предисловий Меркатора. *«И если кто-то хочет и желает узнать, что во всем подсолнечном мире делается, то в книге о четырех частях света все явственно описано и на картах изображено: в которой земле и в государстве где что родится, и каковы люди чином и нравом, и о их храбрости, и о воинстве, и о городах, и о морях, и об островах, и реках, и о озерах, и о лесах, и о всяких вещах; обо всем подробно и подлинно описано. Если бы кто умом своим и многими познаниями своими взлетел под небеса, как парящий в высях орел, и всю бы вселенную прошел, и такой многими познаниями и умом своим ничего не успеет. Поскольку мысли его как прах пред лицом ветра в разные стороны развеются и ничего постоянного и твердого не бывает. Если всю книгу Космографию не увидеть и не рассмотреть, то ничего узнать не сможете, в ней наглядно и обстоятельно и духовным, и мирским и всяким вообще людям рассказано. И эта Космография от многих великих мудрецов собрана и сложена в городе Дуйсбургге, и тебе б, возлюбленный читатель, эти мои труды принять с любовью,*

дивясь неизреченному человеколюбивому смотрению Божию, который открыл познание небесного и земного, и все это человеку под ноги положил»¹.

Русскому читателю это Предисловие оставалось не совсем понятно: ведь главным в латинской книге были карты: это о них Меркатор говорит, что парящий в небе орел не в силах увидеть весь мир так, как его можно увидеть, разглядывая карты и читая к ним тексты. Картография во времена Меркатора бурно развивалась в Европе, но в русских Космографиях карт не было — их не умели воспроизвести технически. Таким образом, основным становился текст без карт. Но амстердамские издания Атласа Меркатора с картами имелись в библиотеке Посольского приказа и была возможность карты посмотреть именно там, а русский текст прочесть в рукописной Космографии.

Меркатор открывал перед читателем умопомрачительную возможность узнать все про огромный мир Божий, для этого достаточно было раскрыть его Космографию. Он позволял путешествовать, не выходя из дома. Русские люди были знакомы с Космографиями и до Меркатора — Козмы Индикоплова или Мартына Бельского. Но уровень книги Меркатора был совершенно иным: огромный научный фолиант, при этом — легко читаемый.

Русским книжникам, воспитанным на антилатинских сочинениях, порочивших Запад, вдруг предлагался панегирик Европе: *«...а иные части света, если и больше Европы, то большая часть в них пустых стран, нежели населенных. ... И нет того, чего бы в Европе не было. Если что в которой стране и не родится, и то привозят из иных дальних стран, которых есть под солнцем света всего бесчисленное множество. И отнюдь Европа ничем не скудна, и не могу перестать Европу хвалить, поскольку всякой чести и похвалы достойна. Поэтому всему свету сия часть (мира — О. К.) является матерью. Европа — начало и власть всей вселенной. Не в Европе ли родился великий славный царь Александр Македонский? Не в Европе ли появились римляне, которые всем светом владели, а ныне той же римской храбрости в Германии, или в Цесарской земле, от Рима перенесена власть и держава, сила и крепость и одоление против всякого врага их и супостата. С кем ни воюют, ни от кого побеждены не бывают. В Европе вера, правда и суд истинен, храбрость, и мужество, и разум, и обычаи, и нравы, всякие разумительные и скоросмысленные. В Европе цесарь, и все цари, и короли, и великоможные монархи. Европейские бо короли и цари христианские, во Азии и во Африке, и во Америке, и в нынешних временах многодержавствуют над лучшими местами, и все это — Божьим благоволением. Имеет наша Европа кроме Римской державы двадцать восемь царств и королевств великих. А люди в ней веры христианские. (...) И есть у нас «сенаторес», или великоможные честные люди рассудительные и многоразумительные, и много премудрых людей, и к воинскому делу промышленников и полковод-*

¹ РГБ. Ф.173/1. № . 101. Л. 1—3. (Здесь и далее язык рукописи мною немного осовременен для более легкого его понимания современным читателем — О. К.).

цев искусных и храбрых, и никогда во иных частях света нигде таких храбрых и ныне есть. И многомышленных всяких мастеровых людей, и достойна Европа именоваться матка и родительница всяким мудростям. Есть в ней многие философы, и учителя Божественных писаний, и всяких чинов и обычаев искусных и воинских школ, или училищ, много. И что есмь о Европе писал с похвалою, писано все вправду, неложно, без прибавки»². Такой текст побуждал больше узнать о Европе, а может быть и увидеть ее своими глазами. Русский читатель из этого предисловия постигал, что его родина тоже европейская страна, и, таким образом, он сам, как европеец, причастен ко всем достоинствам этой части света. Впрочем, были и читатели, которых больше интересовала Азия. Так в Космографии, переписанной 1678 г. для боярина М.П. Головина, содержится только раздел Азии, о чем сказано в предисловии: «И об тех трех частях света нам нет дела писати, только об одной Азии напишем, в которой есть и Китайское государство»³. Захватывающе интересны в Космографии главы про Америку. По каждому континенту и по каждой стране книга содержала богатейший материал.

Космография Меркатора включала в себя значительный фонд научных понятий, для которых еще не было слов в русском языке. Но переводчикам никак нельзя было оставить их без внимания⁴. Здесь впервые появился термин «география» в варианте «еография», «книга еографическая»⁵. Н.В. Николенкова, изучая русский перевод Атласа Яна Блау (кон. 50-х — нач. 60-х гг. XVII вв.), справедливо пишет, что работа над географическими и космологическими понятиями (широта и долгота, экватор, горизонт, земная ось, климат, зенит и прочее, а также само понятие «география») началась намного раньше, чем петровское время, к которому лингвисты относят истоки формирования русского научного языка в области географии [Николенкова, с. 112]. «Введение в Козмографию» Атласа Блау содержало в себе 12 глав по географии, хорографии, космографии, топографии и являлось полноценным пособием общенаучного характера [Казакова, 1985, с. 172–176]. Именно это «Введение», несмотря на редкость его списков, в петровское время, как увидим, оказывается включенным в некоторые рукописи с Космографией Меркатора⁶.

Иначе говоря, интерес к географии, побуждавший переписывать эти объемные рукописи, существовал в обществе второй половины XVII в., он не был пробужден публикацией «Географии генеральной» Варения, а совпадал с ней. В статьях, посвященных первым печатным географиям,

² РГАДА. Ф. 357. № 44. Л. 32–33 об.

³ РГАДА. Ф. 196. Оп.2. № 1615. Л.1. Список похожей редакции: РГБ: Ф. 37. № 332.

⁴ Об особенностях перевода научной терминологии см. [Глускина 1954, Николенкова 2016, Болдырева 2018].

⁵ Например, «такоже и аз сию книгу еографию для разумения всем явственню сверж чтения чертежем назнаменовал», «книга еографицкая». РГАДА. Ф. 181. № 401. Л. 19, 21.

⁶ 1) РНБ. Q XVII. 31; 2) РНБ. Q. XVII.6; 3) РНБ. Софийское собр. № 1510; 4) РГАДА. Ф. 181. № 734; 5) ГИМ. Син. 563; 6) РГБ. Ф. 98. № 230.

изданным по инициативе Петра, рукописная традиция характеризуется и уничижительно, и ошибочно: космографии, якобы, содержали «баснословные рассказы» и «не могли удовлетворить растущую потребность как в общегеографической, так и в региональной современной научной и учебной литературе» [Илизаров и др., с. 14]. Космографии XVII в., в отличие от действительно баснословного Козьмы Индикоплова, были на передовой линии научности своего времени, они давали колоссальный багаж знаний, который было трудно постичь, особенно русским читателям, в целом привыкшим к назидательной, богоугодной книжности. Не мнимая баснословность, а эта сложность для восприятия и огромный объем делали их невозможными для учебной публикации. Петр I выбирал книги краткие и простые, такие как «Генеральная география», «Введение краткое во всякую историю» И. Копиевского, «Юности честное зеркало». Но и в рукописной традиции массовый интерес был на стороне лаконичности – самая популярная из всех Космографий – краткая, в которой каждой стране отводилось несколько предложений.

В свое время Н.А. Казакова писала: «Переводы на русский язык в XVII в. сочинений Меркатора, Ортелиа, Блау и других выдающихся картографов и географов – показатель не только поступательного развития русской культуры, но и интереса определенных кругов русского общества XVII в. к научным достижениям Западной Европы» [Казакова 1987, с. 131]. Моя задача эти «определенные круги» персонализировать.

Списков Космографии Меркатора в разных редакциях сохранилось много⁷, и хотя владельцев большинства из них нельзя определить, для некоторого количества рукописей это сделать возможно. Говоря о петровском времени, следует обратить внимание на рукописи Космографий, написанных еще в 80-е гг. XVII в., а, может быть, и более ранние. Ведь они продолжали передаваться, покупаться, читаться в петровское время, и в это же время действовали люди, освоившие Космографии до него.

Была ли Космография Меркатора в царской семье? Приблизительная реконструкция библиотеки царя Алексея Михайловича не имеет о ней упоминаний [Waugh, p. 312–324]. Однако его духовник протопоп Андрей Постников, крестивший царевича Петра, находился с царем в дружеских отношениях. Он собирал библиотеку, избирая для нее новейшие произведения и заказывая переписку рукописей лучшим мастерам. В ней имелись «Космография Мартына Бельского с картой и разными изображениями», «Италия, подробная и историческая География Италии» [Каразин, с. 68–69], Космография Меркатора, заказанная в 1669 г. [Болдырева, 2016], и Новый Атлас Блау, первый том⁸. По справедливому мнению Ф.Г. Баузе (1752–1812), имевшего в своей коллекции рукописи «превосходного письма»,

⁷ Мне известно около сорока списков разных редакций, но далеко не все рукописные собрания были мне доступны, в них наверняка тоже имеются Космографии Меркатора и др.

⁸ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1616.

заказанные отцом Андреем, они предназначались «сим протоиереем для употребления» государем [Каразин, с. 69], а может быть и для употребления царевичами, которых он близко знал. После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. Андрей Постников был немедленно сослан патриархом, судьба его книг в последней четверти XVII в. неизвестна. В марте 1682 года царем Федором Алексеевичем из его Мастерских палат в Посольский приказ была передана для переплета «в новую кожу и в доски з золотом» книга Космография [Кудрявцев, с. 214].

Смерть Алексея Михайловича изменила судьбу близких ему людей, в том числе и судьбу главы Посольского приказа А.С. Матвеева, отправленного в 1676 г. в сибирскую ссылку. В его доме были печатные западноевропейские издания Космографий, о чем известно потому, что после его гибели они поступили в библиотеку приказа [Токмаков, с. 4]. Сохранились рукописи Космографий, принадлежавших его сыну – блестящему дипломату петровского времени и любителю книг гр. Андрею Артамоновичу Матвееву. «Малая Космография» написана на рубеже 70 и 80 гг.⁹, вероятно, по ней он подростком учился в сибирской ссылке, в 1676–1682 гг. На другой его же Космографии надпись: «Сия книга Алмаза Ивановича Чистого». [Библиотека А.А. Матвеева. № 28, с. 31–32]. Дьяк Чистой был близок семье Матвеевых [Чарыков, с. 86–87] и имел какие-то связи с книжным рынком в Холмогорах, где для его личного пользования был сделан список Космографии в 1670 г. [Чарыков], возможно, что и не один. Вероятно от него он и попал в библиотеку Матвеевых.

Космография имела в семье военных героев петровского времени князей Щербатых. Кн. Михаил – сын окольного (с 1693 г.). кн. Юрия Федоровича – после пострижения отца в монастырь (1732 г.) сделал на его книгах записи о переходе их в свое владение [Королев, 225]. Но и сам он прожил недолго – до 1738 г. Книги достались его малолетнему сыну (род. 1733 г.), в будущем – знаменитому историку и публицисту кн. М.М. Щербатову. На рукописи Малой Космографии по нижнему полю идет именно его запись: «Книга, глаголемая Козмография, окольного, князя Юрия Федоровича Щербатова, а ныне князя Михаила Щербатова»¹⁰. Он подражал записям отца, однако тот писал себя и с отчеством, и со званием генерал-майора¹¹, чего мальчик еще не мог. Так старые книги переходили в юные руки и продолжали свою жизнь.

Родной дядя царя Петра Алексеевича, боярин Лев Кириллович Нарышкин, был также одним из владельцев Космографии Меркатора. Об этом узнаем из челобитной переплетчика Власа Ерофеева, который в 1691 г. переплел «телятиною, по обрезу местами золотом и красками» две рукописи – «одна, которую для списка с ней прислал в Государственной Посолской приказ бо-

⁹ РНБ. Q.IV.45. См. [Библиотека А.А. Матвеева. № 21. С. 29].

¹⁰ РНБ. Эрм. 261.

¹¹ РНБ. Эрм. 7, 421, 484.

ярин Лев Кириллович Нарышкин, а другая — с той книги новописанная» [Кудрявцев, с. 216]¹². С.А. Белокуров считал (без ссылки на источник), что рукописная Космография в 1691 г. создавалась именно для Л.К. Нарышкина посольскими подьячими «в лучшее письменное изображение — искусным и художественным в писании начертанием» [Белокуров, с. 53].

Книгописцы Посольского приказа — мастера высшего класса — «строили» книги для царской семьи и близких к ней лиц. Люди попроще приобретали менее роскошные копии. Вот запись на одной из рукописей: «Сию книгу Космографию Поместного приказа подьячий Леонтей Львов продал Федору Алексею сыну Татищеву, взял за нее семь рублей денег, а денги принял по приказу отца своего сын его Петр Львов февраля в 3 день 716 году»¹³. Львов в 1700 г. был «старым подьячим» в Поместном приказе, где получал самый высокий оклад — 25 руб. [Демидова, с. 328]. К 1716 г. Львов, вероятно, был уже в преклонном возрасте (в приказе он значится с 1661, а в 1671 он там «сидит для науки» [Демидова, с. 328] и решил расстаться с книгой за немалую цену. Но и труд, вложенный в переписку 794-х страниц рукописи размером «в лист», этого стоил, помимо стоимости бумаги, чернил и переплета. Возможно, рукопись и делалась в Поместном приказе по заказу Львова, она переписана многими руками достаточно небрежно. Купивший Космографию стольник Ф.А. Татищев был человек военный, на царской службе с 1673 г., участник многих боевых действий [Татищев, с. 66–67]. О его грамотности говорят подписи на частных актах в качестве свидетеля [Дворяне Москвы, с. 721].

Еще одна сделка отражена в такой записи: «Двусотого году (1691) сентября в 20 день продал сию книгу Космографию великую Григорей Васильев сын Талицкой столнику Ивану Остафьевичу Власову зачисто и подписал я, Григорей, своею рукою»¹⁴. Талицкий был частным книгописцем, работавшим на продажу. Рукопись Космографии написана несколькими почерками, на некоторых листах достаточно неумело. Видимо, к работе над нею были привлечены ученики и наемные писцы.

Читая книги и делая вычисления, Талицкий пришел к выводу о том, что антихрист, согласно Апокалипсису, должен быть восьмым царем. У него получалось, что таковым является Петр — причем, ничего личного — это следует из Писания¹⁵ [Голикова, с. 136–144]. Так книгописец стал «тираноборцем». Он сочинял и раздавал разным людям свои тетради, сам читал им вслух, излагая выводы с их убедительным обоснованием. Распространяя в народе свои идеи, Талицкий, как считало потом следствие, «призывал к бунту и убийству» царя. Он был брошен в Преображенский застенок, куда по приказу Петра I к нему приходил митрополит Стефан Яворский и вел

¹² Благодарю Н.А. Болдыреву за указание на этот источник.

¹³ РГБ. Ф. 310. № 703. Л. 1.

¹⁴ РНБ. F.IV.137. Л. 664.

¹⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1348. Л. 6 об.—7.

с ним спор, увещевая его и переубеждая. В 1700 г. Талицкий и его ближайшие друзья претерпели ужасные пытки и были казнены, их «коптили». Но борьба с идеями Талицкого продолжалась: в 1703 г. Яворский был вынужден написать трактат против его доводов [Введенский, с. 898–919].

Вернемся к личности покупателя этой Космографии. Иван Евстафьевич Власов – сын выезжего в Россию при Михаиле Федоровиче грека, пожалованного в московское дворянство. Он получил хорошее образование, стал дипломатом. В 1656 г. участвовал в посольстве в Венецию, в 1689 г. в Нерчинске с боярином Ф. Головиным заключил договор между Россией и Китаем, определявший границу в Амурском крае. Нерчинск осаждали китайские войска, и это были очень трудные переговоры. За них Власов получил чин стольника, его наградили царской грамотой и шестью золотыми червонцами. В феврале 1691 г. он был удостоен царской аудиенции. Иначе говоря, Власов находился в ореоле славы, когда в сентябре этого же года покупал у Талицкого Космографию. Талицкий подписал своею рукой, что рукопись продана «зачисто», т.е. удостоверил честность сделки. У Талицкого был интерес к книгам другого рода, а эта писалась на продажу. Для Власова же, посольского человека, знакомого с разными государствами, она имела значение светской книги, дающей возможность больше узнать о странах мира.

Еще один полный список Космографии, сделанный, видимо, на продажу, так как формуляр записи на нем точно такой же, как руки Талицкого: *«1707 года, марта в 11 день продал сию книгу Козмографию церкви Пречистыя Богородицы Владимирскии, что на дворе боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского, диакон Федор Андреев Больших Лужников Ивану Короткому зачисто, а подписал своею рукой»*¹⁶. Дьякон очевидно тоже подрабатывал перепиской книг. Иван Короткий – житель (посадский) замоскворецкой слободы Большие Лужники, принадлежавшей Конюшенному дворцовому ведомству. Этот экземпляр Космографии Меркатора особенный – во-первых, он открывается «Ввождением» из Атласа Блау, который не был легкодоступным текстом, он также дополнен текстом «Царство Сибирское»; во-вторых, на полях сделано много помет, отражающих несогласие читателя, жившего в петровское время, с текстом о России. Только один пример. Тексту о том, что в России *«никаких сладких овощей не родица, потому что земля студена, ветры студеные овощам виноградным и иным всяким расти возбраняют, кроме яблок и груш, вишен, дынь, огурцов...»*, читатель (может быть это Иван Короткий?) возразил: *«неправо написано, есть в державе государя московского всяких плодов здравых и сладких, яко бы в Астрахани и в Киеве и по иных местах...»*¹⁷. Он же, проявляя эрудицию, поместил в текст разные дополнительные сведения. Во фразе «Академий, сиреч училищ книжных

¹⁶ РГАДА. Ф. 181. Д. 734. Л. 543.

¹⁷ Там же. Л. 129.

философских разных писмен, во всем том (Русском — *О. К.*) государстве нет» слово «нет» затерто, вместо него написано «много»¹⁸. «Нет» на «много» заменено и в рукописи Талицкого¹⁹. Этот список, таким образом, определенно находился в среде интеллектуалов своего времени.

Еще одна лаконичная запись владельца, стольника царицы Натальи Кирилловны: «Сия книга стольника *Ивана Никифоровича Кологривова*»²⁰. В 1690 г., когда Иван был воеводой в Кунгуре, его брат, стольник «в начальных людях», Лукьян Никифорович, отметил себя, как это ни странно, в качестве писца рукописи «Зерцало Богословия»²¹. В 1701–1704 гг. он был направлен на службу в Монастырский приказ²². Видимо, Кологривовы были книголюбями, поэтому Петр I в 1703 г. указал их представителю Ивану Мироновичу собирать по монастырям древние рукописи и отдавать их в Монастырский приказ для исправления по ним на Печатном дворе «нового летописца». Ему же принадлежал один из списков Степенной книги [Сиренов, с. 345–346]. На переплетном листе кологривовской Космографии двусмысленная запись, начинающаяся как челобитная: «Великому Государю Петру Алексеевичу Великая и Малыя беды».

С. М. Шамин отмечает, что российская элита в конце XVII в. стала гораздо лучше прежнего представлять себе страны Европы: «Меньше, чем за два десятилетия знания членов российского правительства выросли настолько, что перестали уступать кругозору иностранных читателей европейской прессы» [Шамин, с. 280]. Он объясняет это влиянием «Великого посольства» Петра I, а также тем, что Куранты регулярно зачитывались царю и боярам. Позволю себе к этому добавить и распространение рукописных Космографий, которые тоже сыграли свою роль в познаниях русских о странах Запада. Кого же мы видим среди людей этого времени, знавших Космографию Меркатора?²³ В основном это москвичи, как близкие ко двору, так и отдаленные от него: думные люди Л. К. Нарышкин, А. С. и А. А. Матвеевы, кн. Щербатовы, Головины, стольники Кологривовы, Татищев, дворянин И. Е. Власов, подьячие А. Чистой Иванов, Л. Львов, посадские люди Гр. Талицкий и И. Короткий, из духовенства — протопоп Андрей Постников, дьякон Федор. Москва была центром распространения и циркуляции рукописей Космографии в ее полной редакции. Другим центром являлся Русский Север — Соловки, Холмогоры, Архангельск, где больше переписывалась краткая редакция [Кошелева, 2019, с. 133–136]. Космографии содержали библиотеки крупнейших монастырей: Троице-Сергиев, Соло-

¹⁸ РГАДА. Ф. 181. Д. 734. Л. 131.

¹⁹ РНБ. F.IV.137. Л. 144.

²⁰ РГБ. Ф. 310. № 705. Л. 1.

²¹ ОР ГИМ. Барс. 414.

²² http://zaharov.scu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=553 (последнее обращение 05/10/2021)

²³ В данную статью не включены владельцы Космографий более раннего периода, такие, как Сергей Шелонин, патриарх Никон и др.

вещкий, Новоиерусалимский²⁴. Безусловно, разнообразные Космографии хранились в Посольском приказе, возможно, и в других приказах тоже. Некоторые рукописи попадали в провинциальные города, например, рукопись петровского времени принадлежала Ивану Матвеевичу Ермолову²⁵, дворянину из Шацка.

Конечно, удастся узнать лишь о ничтожном количестве владельцев Космографии Меркатора: многие рукописи владельческих записей не имеют, но большая их часть просто не дошла до наших дней. Тем не менее история бытования русского перевода Космографии Меркатора отражает определенные интенции в московской интеллектуальной среде XVII в., а именно – возникший интерес к серьезной западноевропейской литературе, который укрепился в петровское время благодаря проевропейской, открытой и религиозно терпимой политике власти.

Литература

- Библиотека А.А. Матвеева (1666–1728). Каталог / Сост. И.М. Полонская и др. / ГБЛ. М., 1986. 215 с.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. 170 с.
- Болдырева Н.А.* Атлас царского духовника. О чем может рассказать уникальный экспонат Исторического музея // Родина. 2016. № 2. С. 100–101.
- Болдырева Н.А.* Трудности перевода: британский раздел «Космографии Меркатора» и переводчики Посольского приказа // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 35–61.
- Введенский С.Н.* К биографии митрополита Стефана Яворского. Увещание Григория Талицкого // Христианское чтение. 1912. № 7–8. С. 892–919.
- Глускина С.М.* Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949. 11 с.
- Глускина С.М.* Общественная терминология в Космографии 1637 г.// Ученые записки Псковского ГПИ. Вып. 2. Псков, 1954. С. 186–243.
- Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М.: МГУ, 1957. 330 с.
- Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Под ред. Н.В. Козловой. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 911 с.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России. XVII в. Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 717 с., 1 л. ил.
- Илизаров С.С., Снытко В.А., Щипек Т.* «География генеральная» Бернхарда Варена: 300 лет первой публикации в России // Acta Geographica Silesiana, 12/4 (32) WNoZ UŚ, (Wydział Nauk o Ziemi Uniwersytetu Śląskiego). Sosnowiec, 2018. С. 110–114.
- Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 17. С. 161–178.
- Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. «Theatrum orbis terrarum» А. Ортелия // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 121–131.

²⁴ РГБ. Ф.173/1. № 101; РНБ. Солов. 9/1468; ГИМ, Воскр. 157, 158.

²⁵ РНБ, Погодин. 1693. Л. 1–17.

- Каразин В.* Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 г.) профессора Баузе // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 2. Смесь. С. 45–79.
- Королев С. В.* Книги из собрания рода Щербатовых в Российской национальной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71. С. 224–227.
- Кошелева О. Е.* Русский перевод 1637 г. главы «О Московии» Атласа Герарда Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2018. Т. XXIV. С. 473–516.
- Кошелева О. Е.* Дополнения к Космографии Меркатора в списках Русского Севера // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы VI Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. Вып. 6. С. 133–136.
- Кудрявцев И. М.* Издательская деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 7. С. 179–244.
- Николенкова Н. В.* Русская географическая терминология во «Вводении в Космографию». Лингвистический аспект // Историческая география. М.: Аквилон, 2016. Т. 3. С. 108–145.
- Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М., СПб: «Альянс-Архео», 2010. 544 с.
- Татищев С. С.* Род Татищевых, 1400–1900. Историко-генеалогическое исследование. СПб., 1900. 399 с.
- Токмаков И. Ф.* Обзорение библиотеки МГАМИД. М., 1879. 18 с.
- Чарыков Н.* Предисловие // Космография 1670 г. СПб., 1878 (Изд. ОЛДП)
- Шамин С. М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2011. 347 с.
- Waugh D.* The library of Aleksei Mikhailovich // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1986. P. 299–324.

References

- Biblioteka A.A. Matveeva (1666–1728). Katalog / Sost. I.M. Polonskaya i dr. / GBL. M., 1986. 215 p.
- Belokurov S.A. O Posol'skom prikaze. M., 1906. 170 p.
- Boldyreva N.A. Atlas carskogo duhovnika. O chem mozhet rasskazat' unikal'nyj eksponat Istoricheskogo muzeya // *Rodina*. 2016. № 2. Pp. 100–101.
- Boldyreva N.A. Trudnosti perevoda: britanskij razdel «Kosmografii Merkatora» i perevodchiki Posol'skogo prikaza // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2018. № 6 (63). Pp. 35–61.
- Charykov N. Predislovie // *Kosmografiya 1670 g.* SPb., 1878 (Izd. OLDP)
- Gluskina S.M. Kosmografiya Bogdana Lykova 1637 g.: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1949. 11 p.
- Gluskina S.M. Obshchestvennaya terminologiya v Kosmografii 1637 g. // *Uchenye zapiski Pskovskogo GPI*. Vyp. 2. Pskov, 1954. Pp. 186–243.
- Golikova N.B. Politicheskie processy pri Petre I.M.: MGU, 1957. 330 p.
- Dvoryane Moskvy: svadebnye akty i duhovnye zaveshchaniya petrovskogo vremeni / Pod red. N.V. Kozlovoj. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 911 p.
- Demidova N.F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii. XVII v. Biograficheskij spravochnik. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011. 717 p., 11. il.
- Ilizarov S.S., Snytko V.A., Shchipek T. «Geografiya general'naya» Bernharda Varena: 300 let pervoj publikacii v Rossii // *Acta Geographica Silesiana, 12/4 (32) WNoZ UŠ, (Wydział Nauk o Ziemi Uniwersytetu Ślaskiego)*. Sosnowiec, 2018. Pp. 110–114.

- Kazakova N.A. Russkij perevod XVII v. truda Blau «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. L., 1985. T. 17. Pp. 161–178.
- Kazakova N.A. Russkij perevod XVII v. «Theatrum orbis terrarum» A. Orteliya // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. L., 1987. T. 18. Pp. 121–131.
- Karazin V. Katalog slavyano-rossijskim rukopisyam (pogibshim v 1812 g.) professora Bauze // ChOidr. M., 1862. Kn. 2. Smes'. Pp. 45–79.
- Korolev S.V. Knigi iz sobraniya roda Shcherbatovyh v Rossijskoj nacional'noj biblioteke // *Kniga. Issledovaniya i materialy*. M., 1995. Sb. 71. Pp. 224–227.
- Kosheleva O.E. Russkij perevod 1637 g. glavy «O Moskovii» Atlasa Gerarda Merkatora // *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii*. M., 2018. T. XXIV. Pp. 473–516.
- Kosheleva O.E. Dopolneniya k Kosmografii Merkatora v spiskah Russkogo Severa // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Materialy VI Chtenij pamyati akademika RAN L. V. Milova*. M., 2019. Vyp. 6. Pp. 133–136.
- Kudryavcev I.M. Izdatel'skaya deyatel'nost' Posol'skogo prikaza (k istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka.) // *Kniga: Issledovaniya i materialy*. M., 1963. Sb. 7. Pp. 179–244.
- Nikolenkova N.V. Russkaya geograficheskaya terminologiya vo «Vvozhdenii v Kosmografiyu». Lingvisticheskij aspekt // *Istoricheskaya geografiya*. M.: Akvilon, 2016. T. 3. Pp. 108–145.
- Sirenov A.V. Stepen'naya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. M., SPb.: «Al'yans-Arheo», 2010. 544 p.
- Tatishchev S.S. Rod Tatishchevyh, 1400–1900. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie. SPb., 1900. 399 p.
- Tokmakov I.F. Obozrenie biblioteki MGAMID. M., 1879. 18 p.
- Shamin S.M. Kuranty XVII stoletiya. Evropejskaya pressa v Rossii i vozniknovenie russkoj periodicheskoy pechati. M.; SPb.: «Al'yans-Arheo», 2011. 347 p.
- Vvedenskij S.N. K biografii mitropolita Stefana Yavorskogo. Uveshchanie Grigoriya Talickogo // *Hristianskoe chtenie*. 1912. № 7–8. Pp. 892–919.
- Waugh D. The library of Aleksei Mikhailovich // *Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte*. Berlin, 1986. S. 299–324.

Olga E. Kosheleva

Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MERCATOR'S COSMOGRAPHY READERS IN PETRINE TIMES

The author researches the manuscript copies of Mercator's Atlas Russian translation (1637) to identify owners of this scientific book. The subject of the analysis is inscriptions on the margins of the manuscripts (last quarter of 17 – the beginning of 18 century). It is shown that Cosmography, in spite of its high price, huge volume and untypical complicated subject, was rather popular in Moscow in different social strata, but mainly in elite surroundings. Cosmography was in repute in province as well. It is one of the evidences of growing interest to European scientific literature in Russian society.

Keywords: *inscriptions on manuscripts, Gerard Mercator's Atlas, Cosmography, European scientific literature, Moscow elite.*

Маркелл Радышевский – критик петровской реформы русской Церкви

В статье анализируются полемические замечания в адрес петровской реформы русской Церкви и «Духовного Регламента», высказанные представителями внутрицерковной оппозиции первой трети XVIII в. Ее идеолог, архим. Маркелл Радышевский († 1742), выступил с развернутой критикой важнейших тезисов «Духовного Регламента» (1721), в котором, по его мнению, подвергались пересмотру основные и неизблемые принципы организации восточно-православной Церкви. В центре дискуссии оказались наиболее важные вопросы церковной и общественной жизни: проблема взаимоотношения «царства» и «священства» в Российской империи, места и роли патриарха в церковной иерархии, чести и достоинства епископского сана.

Ключевые слова: Петр I, Маркелл Радышевский, Святейший Синод, петровская реформа Церкви, оппозиция синодальным реформам

Реформа русской Церкви, определившая особый характер ее существования на протяжении XVIII–XIX вв., была осуществлена в 1721 г. по инициативе Петра I и под руководством его ближайшего единомышленника, епископа Псковского Феофана Прокоповича (1681–1736). Ликвидировав патриаршество, Петр осуществил коренную трансформацию системы власти, в результате чего управление церковью было передано коллегиальному органу – Святейшему правительствующему Синоду, подчинявшемуся не церковной, но светской власти, т.е. непосредственно царю. Монарх в архиерейской присяге именовался «крайним Судией Духовных сея коллегии» и фактически стал главой Церкви, восхитив титул «Отца Отечества», употреблявшегося ранее только по отношению к патриарху. Святейший Синод был задуман как коллегия, т.е. министерство по делам религии, и стал частью бюрократического чиновничьего аппарата, выполнявшего прямые распоряжения царя. В 1721 г. Феофаном был составлен «Духовный Регламент» – документ, обосновывавший необходимость церковной реформы, которому Петр придал характер законодательного акта.

Однако реформа не ограничивалась лишь нововведениями административного характера. Подчинив русскую Церковь своему непосредственному управлению, Петр I претендовал на то, чтобы стать при этом еще и духовной главой Церкви, лидером духовной Реформации. Еще со времен Великого посольства его начинают интересовать вопросы вероисповедного характера, он чувствует необходимость по-новому толковать многие положения

православного вероучения — такие, например, как проблема взаимоотношения духовной и светской власти, догмат о почитании икон, догмат об оправдании человека, понимание роли обрядовой стороны в деле спасения и выяснение сути евангельских заповедей блаженства, вопросы христианского просвещения народа, отношение к монашескому чину и его месту в обществе и др. На все эти вопросы, по заданию царя, должен был дать новые ответы образованный им Синод. По прямому указанию Петра и в соответствии с его представлениями, Феофаном Прокоповичем были написаны вероучительные и иные книги программного характера — такие, как «Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими ... о неудобноносимом законном иге...» (1712), «Духовный Регламент» (1721), «Правда воли монаршей» (1722), «Первое учение отроком» (1722), «Христовы о блаженствах проповеди толкование» (1722), «Определение» о монастырях 31 января 1724 г. и др., многие из которых прочитывались и редактировались царем, а некоторые, (например, «Определение» о монастырях) непосредственно им и сочинялись. Большинство синодальных указов 1721—1725 гг. также составлялось по прямому указанию царя или со слов царя. Петр, таким образом, выступал в роли инициатора реформ в духовной сфере, присваивал себе полномочия законодателя в вероучительной и догматической области церковной жизни.

Реформаторская деятельность Св. Синода вызвала сильнейший протест в среде охранительно настроенного духовенства. Представители оппозиционного лагеря с самого учреждения Св. Синода отчетливо осознавали, что в основе проводившихся преобразований лежало стремление реформаторов переустроить православную церковь по западному, протестантскому образцу. Так, в одном из своих полемических сочинений идеолог православной оппозиции Маркелл Радышевский писал об авторе «Духовного Регламента» Феофане Прокоповиче: «...Ясно и явно всякому, что самую фальшь (Прокопович. — О. К.) написал, и токмо один напрасный навет и порок на всю Церковь православную, аки бы уже весма заблудившую, и очистки великой и исправления требующую, которую так было умыслил он с товарищи своими Феодосом¹ и прочими исправить, как исправили Калвин и Лютер греческую и римскую, яко же видно по таковым же и сим подобным всем действиям их, и начинаниям, и указам»².

Оппозиционное движение ревнителей православного благочестия впервые зародилось еще в 1713 г. в связи с делом русского лютеранина Дмитрия Тверитинова и кружка его последователей. Его возглавил местоблюститель патриаршего престола митр. Стефан Яворский (1658—1722). Итогом поле-

¹ Архиепископ Новгородский Феодосий Яновский (ок. 1650-х—1726).

² *Верховской П.В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России // Исследования в области истории русского церковного права. Т. II. Материалы. Ростов на Дону, 1916. Приложение № 14. С. 131. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте в круглых скобках.

мики митрополита Стефана с русскими иконоборцами стал его уникальный труд «Камень веры»³, написанный около 1713 г., а изданный в 1728 г., уже после смерти его автора. Критику лютеранского учения продолжил последователь митр. Стефана, архиеп. Тверской Феофилакт Лопатинский (1670-е — 1741) в своем неопубликованном труде «Апокрисис»⁴ (1731), который был написан с целью защитить имя покойного митрополита Стефана от нападок немецкого лютеранского богослова И.Ф. Буддея (1667—1729).

В 1730-е гг. дело своих старших современников продолжил также представитель киевского ученого духовенства, выпускник и учитель Киево-Могилянской академии Маркелл Радышевский (†1742)⁵. По своим взглядам он был единомышленником Яворского и Лопатинского, а также личным недругом и последовательным идейным оппонентом Феофана Прокоповича. Около 1717 г. он был вызван в Москву и стал учителем в Славяно-греко-латинской академии в Москве, затем в 1720—1724 гг. служил иеромонахом во флоте, на о. Котлин и в Риге, после чего был назначен архимандритом Псково-Печерского (1724—1725) и Новгородского Юрьева монастыря (1725—1727). В 1726 г. попал под следствие в Преображенскую канцелярию, а с 1729 г. содержался в качестве узника в московском Симоновом монастыре. В 1729—1730 гг. Радышевский написал два обширных полемических трактата⁶ с критикой «Духовного Регламента» и петровского «Определения» о монастырях 31 января 1724 г. Первый из этих трудов был напечатан в 1916 г. доктором церковного права, профессором Варшавского университета П.В. Верховским⁷, второй до сих пор остается неизданным⁸.

Возражения Радышевского были написаны в форме комментария к тексту «Духовного Регламента» и «Определения» о монастырях и были адресованы не Петру I, а составителю этих документов — Феофану Прокоповичу, которого Радышевский считал настоящим их автором. В этих сочинениях публицист затронул огромный спектр вопросов и тем, касавшихся проблемы взаимоотношений царской власти и Церкви в современной ему России, роли священноначалия и церковной иерархии, вопросы церковной собственности, отношения к православным святыням (иконам, св. мощам) и обрядам, истории происхождения и предназначения монашеского сословия; дал нелицеприятную оценку проводившимся церковным реформам. Охватить все затронутые автором темы в одной статье невозможно, поэто-

³ *Стефан Яворский, митр.* Камень веры. М.: Синод. тип., окт. 1728.

⁴ *Феофилакт (Лопатинский), архиеп.* Апокрисис, или ответ на писание ответное Францишка Буддея... // НИОР БАН. 12.7.4.

⁵ Подробнее о Маркелле Радышевском см. [Чистович], [Пекарский], [Крашенинникова 2017, 2018].

⁶ Эти сочинения, сохранившиеся в следственном деле Маркелла Радышевского, не имели названий.

⁷ *Верховской П.В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. С. 85—154.

⁸ Дело об архимандрите Маркеле Радышевском... // РГАДА. Ф. VII. Оп. I. № 221. Ч. VI, VIII.

му мы сосредоточим внимание на нескольких важнейших, с нашей точки зрения, принципиальных положениях его учения.

Возражение на «Духовный Регламент» начиналось с подробной критики помещенного в нем текста архиерейской присяги. В присяге, помимо неоднократно повторяемой кошунственной клятвы «именем Бога», вызвавшей резкий протест как у Радышевского, так и у многих других ревнителей благочестия петровского времени, содержалось ключевое положение, ради которого, собственно, и затевалась реформа Церкви. Автор Возражения пишет: «Еще в присяги в Регламенте Духовном законопреступник церковный (т.е. Феофан Прокопович. – О. К.), составитель клятвы, глаголет, ласкаясь без стыда монархом и самодержцом своим: “Исповедую, рече, с клятвою крайняго судию духовныя сея коллегии быти самого всероссийского монарха Государя нашего всемилостивейшого”» (с. 103).

По мнению Радышевского, истинные самодержцы, действительно, были «всевысочайшие власти», и как духовные, так и мирские чины не должны были противиться им в гражданских законах. Автор ни в коем случае не покушался на авторитет самодержавной власти и был согласен с тем, что самодержцы имеют совершенную власть над телами своих подданных и полное право употреблять в их отношении необходимые наказания. Но если цари пекутся о состоянии тел людей, то священство – о состоянии людских душ: «Царие имут в намерении покой привременной и целость людей своих по плоти, духовная же власть имать в намерении живот и убожение и по плоти и по духу. Царие подвизаются со врагами видимыми, духовная же власть с невидимыми...» (с. 105). Власть правителей не простирается на догматы веры, на церковные учения, касающиеся таинств, обрядов и уставов, на духовные суды. Во всех вещах, надлежащих к вере, законоположниками и судьями являются только епископы, служители Церкви. Цари являются лишь хранителями и защитниками законов Божиих и церковных, но не их установителями.

Таким образом, полемизируя с «Духовным Регламентом», Радышевский выступает сторонником разделения полномочий двух ветвей власти: «царства» и «священства» – и полной независимости Церкви в вопросах веры от гражданских властей. Автор обосновывает свое мнение ссылкой на многочисленные свидетельства св. отцов, постановления церковных соборов и другие источники. Он опирается прежде всего на «3-е Слово Иоанна Златоустого на Осию Царя», а также на соответствующее место из «Камня веры» Яворского. Еще в 1713 г., в «Догмате о святых иконах» в «Камне веры», митр. Стефан дал классически ясное и прозрачное определение соотношения царской и церковной власти в обществе: «Царем <...> дадеся власть от Бога, ибо по глаголу Павлову, несть власть аще не от Бога. Слышим сия вся и почитаем власть царскую, яко от Бога данную, но не на сиево дело: церковное бо строение и чина церковного пределы и уставы, яже к вере надлежащая, вручи Бог апостолом и их восприемником. Но слыши-

те ли что апостол глаголет в первом послании к коринфяном в главе 12: положи Бог в Церкви первее апостолы, второе пророки, третее учителя <...> к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова. <...>. Не вручи, рече, Христос Церковь свою Тиверию кесарю, но Петру Апостолу и в лице Петровом всем апостолом: ты (рече) еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою» (с. 104). Радышевский цитирует и другое место «Камня веры», где митр. Стефан устами преп. Феодора Студита выносил грозное предупреждение царям, превышающим полномочия своей власти и посягавшим на изменение церковных догматов, которое звучало в высшей степени актуально в петровское время и вполне могло быть адресовано Петру I: «Разумей убо, о царю и вонми, яко не твое есть церковная веле-ния разсмотретья и истязовати, твоей власти подобает мирския вещи разсуждати и управляти, церковная же дела святителем и учителем церковным прислушают, тебе же последовати токмо и повиноватися повеленно есть» (с. 104). Радышевский напоминает примеры из Священной истории Ветхого Завета, когда цари были наказаны за духовную дерзость: наказание проказой и изгнание из храма царя Осии, захотевшего, подобно священнику, покадить фимиамом над алтарем (2 Паралипоменен, 26: 16–20), история царя Саула, который, самовольно совершив жертвоприношение (1 Цар 13: 8–14), впоследствии погубил царство.

В другом месте и в другой связи Радышевский подчеркивал, что мирская власть не только не должна вмешиваться в дела церковные, но и должна согласовывать свои уставы с уставами Церкви: «Должно бо верховнейшей и самодержавнейшей власти прилежно смотреть, егда или указы, или Уложения каковыя делают, чтоб они во всем согласны были закону Божию и повелению и уставам церковным, с которыми не надлежит отнюд разбиватися»⁹.

Еще раз к вопросу взаимоотношения «священства» и «царства» Радышевский обращался в том месте своего «Возражения...», где он разбирал главу «Регламента» «Дела епископов». Здесь автор не просто разграничивал полномочия двух властей, но отдавал преимущество власти духовной над светской. В отличие от своего оппонента, стремившегося принизить достоинство епископского сана, автор «Возражения...» определял власть пастыреначальников как «превысочайшую, Богом самим уставленную и возвеличенную», «высочайшую паче всех честей», ссылаясь при этом на свидетельства ап. Павла («Повинуйтесь наставником вашим, и покаряйтесь: ти бо бдят о душах ваших...» Евр. 13: 17). Эта власть, по мнению автора, настолько выше гражданской власти, насколько небо выше земли. Как всегда, главный аргумент для Радышевского — свидетельство св. отцов, и в первую очередь, свт. Иоанна Златоустого, во многих своих поучениях ставившего «священство» выше «царства». Так Радышевский вновь цити-

⁹ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 221. Ч. 6. Л. 275 об.

рует «Слово 3 о Осии царе» свят. Иоанна из «Маргарита», где тот писал: «Ины уставы царския и инны уставы священничества (зри), но сие, еже есть священство, большое оного [еже есть царства] <...>. Священничества же устав горе седит: елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси. Царь здешняя вверен есть, а аз, еже есть священник, небесная. <...> Да на-выкнете, яко священство царства больше есть» (с. 141).

Из всех приведенных доводов автором делался вывод, что, вопреки утверждению автора Духовного Регламента, монархи не являются не только главнейшими, но даже и малыми судиями в отношении церковных догматов, и тем более не было у них власти отметить апостольские и отеческие предания и вводить новые и чуждые еретические учения. Монархи должны быть лишь «охранителями» и защитниками «правительства духовного», и огромный грех лежит на «ласкателях» (т.е. на Феофане Прокоповиче), которые обосновывают право царей быть духовными законодателями.

В свою очередь, и Феофан Прокопович не остался в долгу перед своим оппонентом. В 1734 г., в своем доношении императрице Анне Иоанновне, красноречиво озаглавленном «О поругании Указов Петра Великого», он общал императрице, что Радышевский «внушает Народу, что как Патриарху до Царя в делах гражданских дела нет, так и Царю нет дела до Патриарха в духовных делах. И одна из сих двоих властей от другой не зависит, одна другой не подлежит. Да и еще не все то: но туды он клонит, что Патриарху Царь в погрешении судим, а Патриарх Царю ни в чем не прикосновен» [Крашенинникова, 2020, с. 45]. Не удивительно, что сочинение Маркелла в защиту патриаршества, угодное «духовным властолюбцам», Феофан назвал «факелом к зажжению смуты, мятежа и бунта» [Крашенинникова, 2020, с. 14].

Центральным вопросом, который должен был решить «Духовный Регламент», был вопрос необходимости отмены патриаршества и учреждения Духовной коллегии. Требовалось показать, «каковы суть важные вины такового правления?»¹⁰. Феофан Прокопович сформулировал целых девять «вин», т.е. причин для обоснования необходимости этой реформы. Радышевский разоблачил надуманность и произвольность суждений Феофана, показав, что «самовымышленные» доводы Прокоповича не имели никакой силы и не опирались ни на одно постановление церковных соборов или на учение отцов церкви. Он назвал другую, истинную причину отмены патриаршества – стремление реформаторов, по примеру протестантов, ниспровергнуть всю церковную иерархию, сравнять всех ее членов. Составитель Регламента не только хотел, чтобы не было патриарха, но и чтобы «пома-лу бы и прочиим досталось, яко же уже и досталось, ибо и митрополиты вси переведены везде в России, потом и епископы бы поумалилися, и хотя бы и именем сим епископства и нарицалися, но самую вещь не были бы

¹⁰ Феофан Прокопович. Избранные труды. Составитель, автор вступ. статьи и комментариев И.В. Курукин. М.: РОССПЭН, 2010 (Библиотека отечественной мысли). С. 262.

епископы, понеже бы силы некакой им не позволено имети во избличении странных догматов еретических <...>. Сие то наипаче у составителя Регламента поистине надумано было, и вси чины, во иерархии церковной Дионисия святого Ареопagitы положенны, помалу бы перестали быти» (с. 108). В одном только этом, — добавляет Радышевский, — составитель Регламента «есть совершенный калвинист», который учит, что «иереи просто тожде есть, что и архиереи» (там же). Автор свидетельствует, что неоднократно слышал это мнение из уст самого Прокоповича. Таким образом, вопрос судьбы патриаршества был тесно увязан Радышевским с вопросом сохранения всей церковной иерархии.

Автор был безусловным сторонником и апологетом патриаршества. Идеальной формой соотношения светской и духовной власти, как мы уже отмечали, для него представлялось двоевластие, равное соотношение двух ее ветвей: царя и патриарха. Единоличное духовное правление в Церкви, по мнению Радышевского, было установлено самим Богом, и его происхождение восходило к ранним библейским временам. Автор находит их примеры в Священной истории Ветхого Завета. Самыми первыми первосвященниками и судьями были избранный самим Богом Моисей, а после него его брат, высочайший архиерей Аарон, которым подчинялись младшие судьи — избранные от всего Израиля мужи. «Богом самим установлено бысть оное архиерейство» (с. 110). Священство новозаветное установлено было архиереем великим, «прошедшим небеса», Иисусом Христом. По вознесении Спасителя и после принятия апостолами Св. Духа в виде огненных языков, между ними по жребию были распределены страны и царства, где им надлежало проповедовать Евангелие. Апостолы как высочайшие архипастыри поставляли в городах меньших епископов. В зависимости от размера и важности городов, одни епископы стали патриархами и папами, другие архиепископами и митрополитами, третьи — простыми епископами. Принцип церковной иерархии, подчинения меньших старшим был утвержден поместными соборами первых веков христианства, а после признания христианства государственной религией Римской империи и правилами первого, второго и других вселенских соборов.

Вопреки всем постановлениям вселенских соборов, «Духовный Регламент» отвергал как церковную иерархию и принцип подчинения меньших чинов старшим, так и достоинство патриарха, «похищал честь и достоинство» верховной власти: «Так, глаголю, и сей, еже есть *писатель Регламента Духовного*, да покажет от писаний священных и соборов и отцев, а не от своих дураческих доводов, что подобает патриарха низринуть и, место его очистив, меншим градским епископам всем духовенством правити и господствовать и престол его засести»¹¹ (с. 113). Феофан Прокопович в «Ре-

¹¹ Так при образовании Святейшего Синода в 1721 г. его президентом стал митр. Рязанский и Муромский Стефан Яворский, а первым вице-президентом Синода — архиеп. Новгородский Феофан Прокопович.

гламенте» посягнул на главный принцип построения Церкви и самовольно, не согласуясь с постановлениями соборов, узаконил, чтобы «на места патриаршеския, изгаяя вон самих оных патриархов учением своим пребеззаконным, вскокивати простым и меншим епископам, и не токмо епископам, но и архимандритам, и игуменам, и белым священником, что весма калвинское есть учение, ибо самую вещь уже всех духовных лиц уравнение есть мню» (с. 113). Радышевский пронизательно разглядел в проводимой Прокоповичем реформе следование протестантскому принципу уравнивания высших и низших церковных чинов, отмену иерархии и единоначалия и введение коллегиального принципа управления церковью. Действительно, в западные протестантские консистории, которые послужили Петру I образцом для Духовной коллегии, входили на равных правах и епископы, и простые священники, и миряне. Феофан не писал об этом прямо в Регламенте, но делал целенаправленные шаги в этом направлении: обосновывал упразднение сана патриарха и предельно унижал достоинство епископа.

Между тем, отмена единоначалия и церковной иерархии могла привести, по мнению Радышевского, к полной анархии и безвластию, поскольку и простые священники могли заявить о своих правах: «И прочии священницы и на сих самих восверепиют и противостати имут и глаголати: что нам по сиевом соборе временном уставленном! Мы и сами управляти себе и без него можем, яко же и правим всяк свой заказ или протопопию. И так вси чины церковныи и власти высочайшия, и благообразие, в первенствующей Церкви установленное о иерархии церковной, истребитися имать, и мы ничим разнствовать будем от калвинов, все священство сравнившим» (с. 113–114).

В целом, по мнению Маркелла, все аргументы, приводимые Прокоповичем в пользу отмены патриаршества, которые автор «Возражения» презрительно называл «дураческими доводами», «догадами», «баснями», «затейчатыми рассказами», не имели ни малейшей силы, так как не подтверждались ни Священным Писанием, ни постановлениями церковных соборов, ни церковным преданием, и поэтому «принять их ко основанию церковному не надлежит». Истинной же причиной отмены патриаршества на Руси, по мнению Радышевского, было стремление реформаторов в ситуации безвластия в Церкви безнаказанно вводить в нее новые догматы и еретические установления, подрывавшие основы православия.

Большое внимание в «Духовном Регламенте» уделялось «Делам епископов» (так назывался особый раздел «Регламента») и исправлению «ложного» представления православных христиан о епископском сане. Отвергнув патриаршество, «Духовный Регламент» стремился максимально унижить и сан епископа. Суть нового отношения к епископам содержалась в формуле Прокоповича «Ведал бы всяк епископ меру чести своя и не высоко бы о ней мыслил, и дело убо великое, но честь никаковая»¹². Ссылаясь

¹² Феофан Прокопович. Избранные труды. С. 275.

на слова апостола Павла «Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти» (1 Кор 3: 6), автор «Регламента» утверждал, что дело пастырское имеет плод от «самого Бога, в сердцах человеческих действующего». Пастырь не является посредником между человеком и Богом, но лишь разъясняет людям Священное Писание и осуществляет «внешнее» делание: проповедь, наставление, обряды и службы. «Дело же внутреннее, еже обращати сердца к покаянию и обновлению жития, есть единого Бога...»¹³. Считая, что пастыри и архипастыри как бы самовольно присваивали не принадлежавшую им честь духовного окормления человеческих душ, которая, на самом деле, всецело было делом Бога, Прокопович предостерегал епископат от чрезмерного превозношения своей властью — а в особенности, превозношения над гражданской властью: «Обаче честь она умеренная есть, а лишняя и почитай равно царская, да не будет»¹⁴ и призывал «укротить оную вельми жестокою епископов славу», в частности, тем, чтобы не оказывать епископам традиционных знаков внешнего уважения: не водить их под руки, не делать перед ними земных поклонов и т.д. «Регламент» строго указывал епископам и на подобающий им скромный образ жизни: «Чтоб лишних служителей не держали, не нужных строений не делали... Також священного себе одяния и своего платья над подобающую чести своей потребу не умножали»¹⁵. При производстве кандидата на архиерейский сан Духовной коллегии следовало освидетельствовать претендента: «не суть ли суеверцы, ханжи, святокупцы, где и как жили? Допросить с свидетельством, от чего богатство имеет...»¹⁶. Епископ был полностью подчинен и подотчетен Священному Синоду, «яко верховной власти», и обязывался слушать его указы и суду его подлежать¹⁷. Любой член церкви — строитель ли, причетник — имел право подавать в суд на своего епископа. П. О. Морозов, авторитетный исследователь литературного наследия Феофана Прокоповича, справедливо отмечал в связи с этим: «Регламент и другие сочинения, связанные с ним единством мысли и цели, не только унижали духовенство, но и выставляли его на посмеяние, низводили его с высокого пьедестала в среду житейской пошлости. Пастыри и учителя, еще не так давно имевшие решительное влияние на ход русской жизни, представлялись теперь грубыми, безнравственными невеждами и ханжами, проповедниками лжи и нелепости, обирающими народ и препятствующими его просвещению из-за удовлетворения своих корыстных стремлений, по привычке к туеядству...» [Морозов, с. 262–263]. Художественной иллюстрацией нового отношения к епископскому сану может служить Первая сатира А. Кантемира «На хулящих учения. К уму своему» (1729), где в пор-

¹³ Феофан Прокопович. Избранные труды. С. 275.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 303.

¹⁷ Там же. С. 281.

третний перечень российских «невежд», отвергающих учения и науки, был включен и епископ:

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели — везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти...¹⁸.

В первой редакции сатиры в перечне недругов науки епископ стоял на первом месте и характеризовался еще более красноречиво: «Под видом смирения зависть преглубока, *Да цветет в сердце к власти охота жестока*. Священноначальника всяк тя в сих познает Знаках, благоговейно отцом называет» (выделено мной. — О. К.)¹⁹ Таким образом, внешние знаки епископского достоинства для автора сатиры — так же, как и для Феофана, — символизировали пагубное стремление архиереев к власти.

Радышевский особо останавливался на выражении Регламента «дело убо великое, но честь никаковая» и на основании его и других подобных мест делал вывод, что все учение Феофана о священстве было кальвинское, противоречившее «разуму и узаконению всей святой восточной православной Церкви». Если не было разницы между иереями и архиереями, — отмечал Радышевский, — то и Церковь могла управляться несколькими иереями, и иерей мог рукополагать иерея, а несколько иереев могли хиротонисать архиерея. Обоснование этого еретического кальвинского учения, задолго до Прокоповича, было изложено в 10 главе «Восточного исповедания христианской веры» (1631) константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и осуждено Константинопольским собором 1628 г., Яским собором 1642 г. и Иерусалимским собором 1672 г. Радышевский, продуцируя богословские дискуссии XVII в. на современную ему церковную ситуацию, опровергал ошибочное мнение Прокоповича и, вопреки всей логике «Регламента», защищал честь и достоинство епископского сана. Он поместил в своем Возражении настоящий гимн епископу, доказывая, что этот чин был установлен самим Богом. Радышевский писал: «Епископский сан или достоинство тако в Церкви нужно есть, яко без него не можно ни Церкви, ни христианином кому быти или называтися. Он бо, яко апостолский преемник, благодать, данную ему от Господа, во еже вязати же и решити

¹⁸ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 60.

¹⁹ Там же. С. 362.

рук наложением и призыванием Всесвятаго Духа друг друго приемно прием, живой есть образ Божий на земли...» (с. 142). Епископ так же нужен Церкви, как человеку дыхание, а миру солнце: «через него паства светится,огревается и храм Божий бывает» (там же). Сам Господь, обещавший быть с нами до скончания века, «истиншим убо образом чрез епископское тайноначалство живет в нас и есть с нами и чрез священные тайны соединяется нам...» (с. 142–143). Епископ, по мнению Радышевского, никак не может быть уравнен с простым иереем, так как по апостольским правилам, иерей рукополагается от епископа, епископ же не рукополагается от иерея, но от двух или трех архиереев. Иерей получает благодать священства, которая заканчивается на нем, епископ же подает ее многим другим. Все церковные таинства совершаются через архиерея: «Архиерей <...> источник есть божественных таинств и дарований чрез Святаго Духа», и кроме него, никто в мире не может управлять Церковью Божией. «Вникни всяк и во истории церковные, и во историков, во вся веки живших, — пишет Радышевский, — и в соборы, и правила их, каковую и коль высокую честь во всех имели духовные лица, паче же архиереи, колми паче высочайшии» (с. 140). И всегда в истории благочестивые цари, начиная от Константина Великого, высоко почитали священнический сан и свои царские главы под их руки преклоняли, во всем слушали их советов и поучений.

Мы остановились лишь на нескольких, наиболее важных, с нашей точки зрения, пунктах полемики Радышевского с «Духовным Регламентом», многое же осталось за пределами нашего обзора. Подводя итоги, отметим важнейшее значение этого сочинения в истории русской церковной публицистики. «Возражение на Духовный Регламент» Радышевского стало первым и уникальным в России опытом систематической критики петровской программы реформирования русской Церкви. Автор подробно обосновал тезис о духовной независимости Церкви от государства и особой ее миссии в деле спасения человеческих душ. Роль монарха по отношению к Церкви определялась им как охранительная и защитная. Радышевским был остро поставлен вопрос о границах царской власти и праве самодержца вмешиваться в вопросы, касавшиеся вероучения и догматики. Особое внимание автором было уделено защите церковной иерархии и достоинства ее высших духовных чинов: патриархов и епископов, утверждению мнения о богоустановленности и святости этих церковных институтов. Автор «Возражения» не просто разобрал все ошибочные мнения «Регламента» как законодательного акта, но показал, что за ними стояла осознанная и планомерно проводимая реформаторами работа по постепенному сближению русской Церкви с практикой и вероучением протестантской Церкви. Истинные намерения реформаторов нигде в «Регламенте» не декларировались явно, но продвигались в скрытой и завуалированной форме. Автор «Возражения» пронизательно распознал в высказываниях Феофана Прокоповича определенную систему взглядов, характерную для лютеранского и кальвинистского

богословия, получившую достойную оценку еще на противолютеранских поместных соборах XVII в., и показал, как опасны и разрушительны были эти новые идеи и правила, входившие в вопиющее противоречие с православным вероучением и многовековой практикой восточно-христианской Церкви.

Полемиические сочинения Радышевского были написаны в доступной для широкой читательской аудитории форме, ярко, эмоционально, убедительно. Хотя его Критика «Духовного Регламента» не была опубликована вплоть до 1916 г., его идеи оказали заметное влияние на умы современников, на развитие русской общественной мысли 1730-х — 1740-х гг. Сочинения его переписывались и ходили по рукам. Их идеи вдохновляли таких общественных и церковных деятелей, как М. Аврамов, митр. Ростовский Арсений Мациевич, архиеп. Новгородский Амвросий Юшкевич, а также многих других церковных проповедников и пастырей начала 1740-х гг.

Литература

- Крашенинникова О.А. Духовный писатель XVIII в. Маркелл Радышевский († 1742). Материалы к биографии // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 5–22.
- Крашенинникова О.А. Неизвестные страницы биографии Маркелла Радышевского // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. СПб.; Самара, 2018. Вып. 18. С. 10–23.
- Крашенинникова О.А. «О поругании указов Петра Великого» (1734) Феофана Прокоповича: к истории споров о судьбах монашества в России в XVIII в. // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 2. С. 3–61.
- Морозов П.О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880. 402 с.
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. 578 с.
- Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. 762 с.

References

- Krashenninnikova O.A. Dukhovnyi pisatel' XVIII v. Markell Radyshevskii († 1742). Materialy k biografii // *Aktual'nye voprosy izucheniia dukhovnoi i svetskoi slovesnosti*. Moscow, IPO «U Nikitskikh vorot», 2017. Vyp. 1. Pp. 5–22.
- Krashenninnikova O.A. Neizvestnye stranitsy biografii Markella Radyshevskogo. // *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII v.* Vyp. 18. St. Petersburg; Samara, 2018. Pp. 10–23.
- Krashenninnikova O.A. «O poruganii ukazov Petra Velikago» (1734) Feofana Prokopovicha: k istorii sporov o sud'bakh monashestva v Rossii v XVIII v. // *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaia i dukhovnaia slovesnost'*. Moscow: IMLI RAN, 2020. Vyp. 2. Pp. 3–61.
- Morozov P.O. Feofan Prokopovich kak pisatel'. Ocherk iz istorii russkoi literatury v epokhu preobrazovaniia. St. Petersburg, 1880. 402 p.
- Pekarskii P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T.I. St. Petersburg, 1862. 578 p.
- Chistovich I.A. Feofan Prokopovich i ego vremia. St. Petersburg, 1868. 762 p.

Olga A. Krasheninnikova

*Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

MARKELL RADYSHEVSKY – CRITIC OF PETER'S REFORM OF THE RUSSIAN CHURCH

The article analyzes the polemical comments about Peter's reform of the Russian Church and the «Spiritual Regulations» made by representatives of the intra-church opposition of the first third of the XVIII century. Archim. Markell Radyshevsky (+ 1742), its ideologue, made a detailed criticism of the most important theses of the «Spiritual Regulations» (1721), in which, in his opinion, the basic and unshakable principles of the organization of the Eastern Orthodox Church were revised. The discussion focused on the most important issues of the church and public life: the problem of the relationship between the «kingdom» and the «priesthood» in the Russian Empire, the place and role of the patriarch in the church hierarchy, the honor and dignity of the episcopal dignity.

Keywords: *Peter I, Markell Radyshevsky, the Holy Synod, Peter's reform of the Church, opposition to synodal reforms.*

Студенты Санкт-Петербургского академического университета в середине XVIII в. (По данным исповедных росписей и метрических книг)

В статье показано значение исповедных росписей и метрических книг как перспективного массового источника для изучения численного состава, мест проживания, возраста студентов Академического университета в Санкт-Петербурге в середине XVIII в. Сделан вывод, что изучение исповедных росписей и метрических книг позволит увеличить известную численность студентов Университета. Выяснено, что студенты жили главным образом рядом с Университетом на Васильевском острове в приходе церкви св. апостола Андрея Первозванного.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет, русские студенты XVIII в.

Государственная реформа Петра Великого ознаменовалась созданием в России профессиональной науки и высшего образования. На завершающем этапе правления Преобразователя указом от 28 января 1724 г. была учреждена Академия наук, включавшая университет и гимназию. Учреждение триединого комплекса «Академия – Университет – Гимназия» увенчало усилия монарха по развитию образования и становлению науки в стране. Санкт-Петербургский государственный университет официально признан преемником учрежденного в 1724 г. Академического университета¹. Накануне 300-летнего юбилея старейшего в России университета есть немало важных и злободневных вопросов, по которым ощутима нехватка источников, способных пролить новый свет на становление высшего образования в стране. Среди таких вопросов – исследовательская «задача восстановления максимально возможного списка студентов Академии» [Костина, 2016, с. 34]. Г.А. Тишкин формулировал эту очевидную исследовательскую задачу более расширительно: «... судьбы всех питомцев Училища Академии должны быть установлены поименно и проанализированы» [Тишкин, 2001, с. 22]. Для решения обозначенной исследовательской задачи Т.В. Костиной при «некотором участии» А.А. Костина и А.М. Феофанова ведется работа над составлением базы данных «Гимна-

¹ Постановление Правительства РФ от 1 ноября 1997 г. № 1379 «О Санкт-Петербургском государственном университете», по которому 275-летие СПбГУ отмечалось в 1999 г.

зисты и студенты учебных заведений Академии наук 1725–1805 гг.» [Костина, 2018, с. 484–493]. Чем более будет выявлено студентов Академического университета, чем больше станет известно об их судьбе, тем понятнее будет его роль в российской истории века Просвещения.

Трудности изучения вопроса о первых студентах Академического университета усугубляются тем, что на заре становления университетского образования, в отличие от Академической гимназии, студенты, приходившие на лекции в университет, профессорами не фиксировались. Т.В. Костина по этому поводу замечает: «В связи с этим полную их численность мы, возможно, никогда уже не узнаем» [Костина, 2016, с. 34]. Тем важнее привлечь к анализу новую группу источников, которая дает новые фамилии и имена студентов Университета, сообщает их возраст, сведения о местах и условиях их проживания. Автор статьи, работая с исповедными росписями и метрическими книгами Санкт-Петербурга, которые сохранились практически в целостном виде (можно так сказать), начиная с 1735 г., в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, обратил внимание на наличие таких сведений и вводит их (частично) в научное обращение в настоящей публикации. Главная *задача* настоящей статьи – привлечь внимание исследователей к возможностям двух названных видов массовых источников для изучения истории Академических университета и гимназии.

Исповедные росписи – группа источников, требующая особого подхода к оценке приводимых там сведений. Как показывают личные наблюдения автора, возраст («от роду лет»; «лета от рождения») исповедовавшихся часто указывался приблизительно, «на глазок». Иногда люди говорили, не сколько им лет исполнилось, но, как было принято в обиходе, который им год идет. Фамилии исповедовавшихся нередко записывались с погрешностями, очевидно, в значительном числе случаев с голоса. В исповедных росписях фиксировались, по понятной причине, только студенты православного вероисповедания, но пополнить списки студентов из русских особенно интересно, потому что, к примеру, среди прослушавших университетские курсы в 1725–1732 годах 50 студентов (выявленных к настоящему времени) русских было лишь около четверти [Костина, 2016, с. 41–42]. Метрические книги, в которых записывались сведения о рождениях и крещениях, о венчаниях, о кончине и отпевании, тоже полезны для изучения темы обучавшихся в академических университете и гимназии. Имена некоторых студентов, как ни удивительно, становятся известны только при упоминании в метрических книгах. Сведения о восприемниках от купели («кто восприемники»), поручителях при венчании («кто поручиками подписались»), свидетелях при отпевании характеризуют круг общения студентов университета и учеников гимназии.

Изучение исповедных росписей и метрических книг середины XVIII в. показало, что студенты Академического университета селились главным

образом поблизости от Университета на Васильевском острове. Подавляющее большинство упоминаний о них содержится в исповедных и метрических книгах прихода церкви св. апостола Андрея Первозванного. Церковь возвели из дерева на Большой перспективе Васильевского острова (ныне 6-я линия, д. 11), и храм действовал с 1732 г. В 1744 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась сделать Андреевскую церковь соборной. Однако 4 июля 1764 г. деревянный храм был сожжен дотла ударом молнии. Сооружение каменного собора на месте сгоревшего затянулось, и он был освящен только в 1780 г. [Шульц, 1994, с. 67].

В соседнем приходе Благовещенской церкви, «что на Васильевском острове» (Малый проспект, между домами 18 и 20) в исповедных росписях и метрических книгах университетские студенты упоминаются значительно реже. Последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что храм в середине XVIII в. действовал относительно короткий промежуток времени: 1741–1749 гг. Боковой придел деревянного Благовещенского храма был освящен сравнительно поздно — только в 1741 г., а вся церковь в 1742 г. В 1750–1762 гг. храм был заменён каменным и освящен 15 сентября 1762 г. [Шульц, 1994, с. 83]. Большая часть сведений о студентах университета в середине XVIII в. содержится, возможно поэтому, в исповедных росписях и метрических книгах прихода храма св. апостола Андрея Первозванного. В 1743 г. в качестве восприемника от купели младенца в метрической книге прихода Благовещенской церкви упоминается «Академии наук студент Иван Бухвостов»² — единственный пример в настоящей статье.

С марта 1724 до марта 1728 г. для обучения студентов Академического университета были выделены помещения в бывшем дворце П.П. Шафировой и в доме И.П. Строева на Петровской набережной (по соседству со старейшим зданием города — деревянным домиком Петра I). 7 марта 1728 г. приказом Академической канцелярии Академия наук, включая университет и гимназию, переводилась «в данные под Академию блаженныя памяти царицы Прасковьи Федоровны палаты» [Костина, 2013, с. 6–8] (примерно на месте нынешнего здания Зоологического музея Зоологического института РАН).

* * *

Итак, какие русские студенты Академического университета, какого возраста и где проживали во время обучения? Какие данные содержит по этим вопросам необычная для изучения данной темы группа источников — исповедные росписи и метрические книги?

Как сказано, местом сосредоточенного проживания студентов Академического университета стал приход церкви св. Андрея Первозванного, «что на Васильевском острове». В 1738 г. там, согласно исповедной

² ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 111. Д. 15. Л. 220 об.

рописи, в одном дворовладении проживали сразу 9 русских академических «студюзов» 18–22 лет. Среди них показан и Никита [Иванович] Попов (1720–1782), 19 лет³, – с 1748 г. адъюнкт, в 1751–1768 гг. – профессор астрономии Академии наук. В 1741 г. значительная группа русских академических «студюзов» тоже проживала вместе в том же приходе⁴. В 1743 г. в приходе отмечен «Академии наук студент» Александр Иванов сын Чадов, 19 лет⁵. Довольно редкий случай жительства студента не на Васильевском острове зафиксирован в исповедной росписи церкви 1743 г. Успения Пресвятой Богородицы, что «на Санкт-Петербургском острове в Никольской» слободе. В доме канцеляриста главного магистрата А. И. Якимова жилтествовал тогда Академии наук студент Прокопий Филиппов сын Решетников, 25 лет⁶.

В 1746 г. в церкви святого апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове... в святую четыредесятницу и в следующие потом посты у исповеди и у святых тайн причастия» побывали студенты Академии наук Александр Иванов сын Чадов, 30 лет⁷ и Николай Федоров сын Дурасов 17⁸ и «Академии наук студент Симеон Кириллов сын Котельников, 21 года»⁹. С. К. Котельников (1723–1806), впоследствии известный математик, ординарный профессор (1760–1797), почетный член Академии наук с 1797 г.

В 1747–1756 гг. университет и гимназия переместились в дом барона Сергея Григорьевича Строганова. Дом был сооружен во второй половине 1710-х гг. на Васильевском острове, примерно в том месте, где ныне расположены Пушкинский дом и Институт физиологии им. И. П. Павлова. 8 февраля 1751 г. ректор гимназии С. П. Крашенинников писал в Канцелярию Академии наук: «... ни в котором этаже того дому, где университет и гимназия, ни одного порожняго покоя, не находится: в верхнем этаже живут студенты; в среднем аудитория, физическая камера, квартира переплетного мастера и два класса, а в нижнем по одну сторону классы, по другую – заседание господина ассессора Тауберта и квартира лекарская» [Костина, 2013, с. 8–10].

Исповедная роспись храма св. апостола Андрея Первозванного в 1747 г. фиксирует, что «у исповеди и святого причастия» были «Академии наук студент» Николай Федоров сын Дураков¹⁰, 18 лет¹¹ и «Академии наук сту-

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 13, ч. 5. Л. 1180–1180 об. Очевидно, Н. И. Попов сказал, что ему идет 19-й год.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 44. Л. 170–170 об.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 48. Л. 737.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 48. Л. 531.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 65. Л. 303 об. В исповедной росписи 1743 г. студенту А. И. Чадову указан возраст 19-ти (!) лет.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 65. Л. 313.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 65. Л. 353.

¹⁰ В 1746 г. он назван Дурасовым.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 73. Л. 482.

дент Семен Кирилов сын Котельников, 22»¹². В 1748 г. исповедная роспись зафиксировала в приходе студента Академии наук Андрея Яковлева сына Стратилатова, 13 лет. Он проживал со «служительницей» М. Гавриловой, 33 лет, у поручика лейб-гвардии Семеновского полка С. Грушевского¹³ — надо полагать, на съемной квартире.

За 1749 г. в исповедной росписи прихода Андреевской церкви отмечены Академии наук студенты Иван Семенов, 17 лет; Семен Кириллов сын Котельников, 24 лет; Василий Гаврилов сын Кузнецов 22 лет¹⁴. На дворе у комиссара А.Ф. Воротынова проживали академические студенты: Михайла Софронов, 20 лет; Борис Афонасьев сын Волков, 16 лет; Федор Кондратьев, 17 лет; Василий Иванов, 17 лет и Михайла Васильев, 20 лет¹⁵. Академии наук студент Иван Васильев, 20 лет, жил на дворе у недоросля М.Б. Хрущева¹⁶, студент Петр Иванов сын Добротворской, 24 лет, — у генерала В.Я. Левашева¹⁷, Филипп Якимов сын Еремкин, 20 лет — у подполковника Правитантской конторы Н.А. Хомутова¹⁸. На дворе у советника Адмиралтейской коллегии Н.Г. Лопухина сняли жилье сразу четыре студента Академии наук: Георгий Андреев сын Послинской, 21 лет; Иван Никифоров, 22 лет; Андрей Ларионов сын Дубровской, 16 лет; Иосиф Дмитриев, 23 лет¹⁹. Вероятно, они образовали некую студенческую артель для совместного решения хозяйственно-бытовых вопросов. Надо оговориться, что Ф.Я. Еремкиным назван Ф.Я. Яремский, любимый ученик М.В. Ломоносова, выходец из поповичей, который по выпуске из университета так и не сумел, в отличие от учителя, найти свое устойчивое место в академической среде и в 1760 г. был понижен до должности корректора университетской типографии; после 1762 г. его следы теряются [Кулакова, 2008, с. 202].

Исповедная роспись соборной церкви Андрея Первозванного за 1750 г. фиксирует не только студентов Академии наук Василия Гаврилова сына Кузнецова, 22 лет, и Семена Кириллова сына Котельникова, 20 лет, также Академии наук ученика (надо полагать, так определен статус гимназиста) Федора Иванова сына Биркина, 19 лет, но назван и «Академии наук учитель» Артемий Евстафиев сын Лыков, 27 лет²⁰.

В самом доме «генерала и ковалера» С.Г. Строганова», где размещались Академический университет и Гимназия, как сообщается в исповедной росписи церкви св. апостола Андрея Первозванного за 1751 г., «живут Академии наук студенты: Михаил Васильев сын Спудинов, 22; Григорий Андреев

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 73. Л. 486 об.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 77. Л. 756 об.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 521, 523 об., 526.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 526–526 об.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 527.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 543 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 544.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 82. Л. 549–549 об.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 90. Л. 34, 51, 52.

сын Павловский, 27; Фаддей Алексеев сын Охтинской, 19; Иван Иванов сын Волосовинов, 18; Иосиф Димит[р]иев сын Полидорский, 25»²¹. Там же сказано, что в доме С.Г. Строганова тогда проживали и ученики Гимназии: «Тоя ж академе ученики: Семен Михайлов сын Лапкин, 12; Тимофей Махаев сын Лапкин, 19; Андрей Иванов сын Лебедев, 21; Федор Максемов, 20»²².

В том же приходе церкви св. апостола Андрея Первозванного, неподалеку от Университета, в 1751 г. в дворовом владении генерал-лейтенанта А.Ф. Шереметева проживали «Академии наук студенты» Антоний Алексеев сын Барсов, 21 года, Василий Иванов сын Клементьев, 19 лет, и Андрей Ларионов сын Дубровский, 18 лет²³; в дворовом владении генерал-майора Ивана Михайлова Орлова жил «Академии наук студент» Василей Гаврилов сын Кузнецов, 24 лет²⁴; у князя Михаила Сергеевича Долгорукова, премьер-майора Азовского пехотного полка, – студент Академии Михайла Софронюв; также в приходе проживал «Академе наук студент» Иван Иванов сын Голубков, 34 лет²⁵. А.А. Барсов (1730–1792) с февраля 1755 г. стал штатным преподавателем математики, с 1761 г. в звании ординарного профессора занял кафедру красноречия Московского университета и читал там курс лекций на протяжении трех десятилетий, оказав значительное влияние на формирование литературных вкусов [Степанов, 1988, с. 64].

В 1754 г. снова названы прихожане Андреевской церкви академические студенты В.И. Клементиев, 22 лет; магистр А.А. Барсов, 24 лет; также Фаддей Алексеев сын Охтинский, 22 лет. В Морском шляхетном кадетском корпусе в том году проживали три студента Академии наук: Филипп Иванов сын Федотиев, 18 лет; Семен Иванов сын Ведейской, 17 лет; Иван Филатьев сын Шишкарев, 20 лет²⁶.

По исповедным росписям можно в определенной мере проследить личностное развитие. К примеру, студент Иосиф (Осип) Дмитриев сын Полидорский, в 1751 г., 25 лет, в 1756 г. 28 лет²⁷, в 1759 г. в возрасте 32 лет, по-прежнему «любил» учиться в том же качестве, при этом, согласно последней росписи, у него уже появилась 25-летняя жена²⁸.

* * *

Подводя итог сказанному, следует заключить, что кропотливому исследователю истории Санкт-Петербургского государственного университета

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 94. Л. 105 об.

²² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 94. Л. 105 об.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 94. Л. 61.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 94. Л. 46 об. На л. 57 об. этот студент назван умершим (тот же год).

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 94. Л. 82 об., 99 об.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 115. Л. 185, 211, 245 об.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 130. Л. 285 об.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 147. Л. 457–457 об.

внимательный фронтальный просмотр исповедных росписей и метрических книг XVIII столетия должен дать новый материал по истории университетского студенчества и учащихся Академической гимназии.

Литература

- Костина Т.В.* База данных «Гимназисты и студенты учебных заведений Академии наук 1725–1805 гг.» как инструмент исследования межпоколенной социальной мобильности // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2018. С. 484–493.
- Костина Т.В.* К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1(68). С. 32–44.
- Костина Т.В.* Пространство Академических гимназий и университета: Материалы к истории: 1724–1805 гг. // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 6–15.
- Кулакова И.П.* Европейская культура и становление российских университетских традиций в XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 190–204.
- Степанов В.П.* Барсов Антон Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 64–68.
- Тишкин Г.А.* Объяснение об университете и гимназии в XVIII в. // Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в. Обзор архивных документов / Под ред. Г.А. Тишкина. СПб., 2001. С. 3–36.
- Шульц С.С.* мл. Храмы С.-Петербурга (история и современность). СПб., 1994. 320 с.

References

- Kostina T.V.* Baza dannykh «Gimnazisty i studenty uchebnykh zavedeniy Akademii nauk 1725–1805 gg.» kak instrument issledovaniya mezhpokolennoy sotsial'noy mobil'nosti // *Millerovskiyecheniya – 2018: Preyemstvennost' i traditsii v sokhraneni i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 24–26 maya 2018 g.*, Sankt-Peterburg / sost. i отв. red. I.V. Tunkina. SPb., 2018. Pp. 484–493.
- Kostina T.V.* K voprosu o chislennosti i statuse pervykh akademicheskikh studentov v Peterburge (1725–1732 gg.) // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2016. № 1(68).* S. 32–44.
- Kostina T.V.* Prostranstvo Akademicheskikh gimnazii i universiteta: Materialy k istorii: 1724–1805 gg. // *KLIO. 2013. № 10 (82).* Pp. 6–15.
- Kulakova I.P.* Yevropeyskaya kul'tura i stanovleniye rossiyskikh universitetskikh traditsiy v XVIII v. // «*Vvodya nrvy i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode*»: *K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* / Отв. sostavitel' A.V. Doronin. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. Pp. 190–204.
- Shul'ts S. S.* ml. *Khramy S.-Peterburga (istoriya i sovremennost')*. SPb., 1994. 320 p.

Stepanov V.P. Barsov Anton Alekseyevich // *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka*. L., 1988. Vyp. 1. Pp. 64–68.

Tishkin G.A. Ob"yasneniye ob universitete i gimnazii v XVIII v. // *Materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta XVIII v. Obzor arkhivnykh dokumentov* / Pod red. G.A. Tishkina. SPb., 2001. Pp. 3–36.

Pavel A. Krotov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ST. PETERSBURG ACADEMIC UNIVERSITY STUDENTS IN THE MID–XVIII CENTURY (ACCORDING TO THE DATA OF CONFESSIONAL LISTS AND METRIC BOOKS)

The article shows the importance of confessionals lists and metric books as a promising mass source for the study of the number, place of residence, age of students of the Academic University in St. Petersburg in the middle of the 18th century. It is concluded that the study of confessionals lists and metric books will increase the known number of students at the University. It was found that the students lived mainly near the University on Vasilievsky Island in the parish of the church of St. Apostle Andrew the First-Called.

Keywords: *St. Petersburg State University, Russian students XVIII century.*

К.В. Купченко
*Смоленская государственная сельскохозяйственная академия,
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Смоленск, Россия*

Организация укреплений западной границы России в период Северной войны. На материалах Смоленского региона

Представляемая статья затрагивает вопросы организации системы обороны западных рубежей России на территории Смоленского региона в период Северной войны. В работе рассматриваются организационные мероприятия по возведению фортификационных сооружений в Смоленской цитадели, других городах и приграничных территориях Смоленского региона в начале XVIII в. Отдельно в статье приводится информация о строительстве засечной линии по западной границе России от Пскова до Киева на территории Смоленского региона. По окончании Северной войны укрепления использовались как пограничные посты и заставы.

Ключевые слова: Смоленский регион, городские укрепления, Смоленская засечная линия

Стратегическое положение Смоленска как важнейшего узла обороны на западных рубежах России в кампаниях Северной войны играло весомую роль, что обусловило интерес обеих противоборствующих сторон к этому региону. В связи с чем вновь стал актуальным вопрос о пригодности имеющихся здесь укреплений для ведения военных действий.

Изучение вопроса значения фортификационных сооружений начала XVIII в. фрагментарно уже попадало в поле зрения исследователей [См., например: Купченко, Никитина, 2011, Купченко, Никитина, 2016, Купченко, Никитина, 2017, Овчинников, Рябов], ограничиваясь описанием ведения работ по возведению укреплений в отдельных городах Смоленщины, не затрагивая комплексной организации укреплений региона в период Северной войны. Устранению лакуны в изучении данной проблемы и направлено настоящее исследование.

Смоленское направление вновь стало актуальным после «Нарвской конфузии» и переносом шведами военных действий на территорию Речи Посполитой, которой Россия в последующие несколько лет оказывала финансовую, материальную и военную помощь в силу союзнических обязательств Августу II, используя территорию Смоленщины как своего рода транзитную базу.

Учитывая стратегическое значение Смоленска как фортификационного объекта для обеспечения обороны, Петр I предпринял ряд мер по модернизации здешних оборонительных укреплений, создания инфраструктуры тылового обеспечения [Купченко, Никитина, 2016].

Еще на рубеже XVII – начала XVIII века была осуществлена большая реконструкция Смоленской крепости, показав ее значительный оборонительный потенциал [Гараничев, с. 41]. В 1702 г. смоленский воевода Петр Салтыков доносил государю о первых результатах восстановительных работ в Смоленской цитадели [Маковский, Орлов, с. 133]: у «Шейна пролома», около земляного раската (земляная насыпь, бастион, сооруженный на месте взорванной крепостной башни в время осады города войсками воеводы М.Б. Шейна в 1632–1634 годах), выкопан ров между уцелевшими участками крепостной стены, укрепленный камнями и сваями; починены стены возле «Королевского пролома» (земляная крепость, по легенде построенная по распоряжению Сигизмунда III на месте взорванного участка стены во время осады 1609–1611 годов); один из бастионов «Королевской крепости» был соединен с крепостной стеной каменным быком.

Оборонительные работы по Смоленской крепости с 1702 года возглавил инженер на русской службе Михаэль Ла-Патриер, имевший под своим началом команду из иностранных и русских мастеров-фортификаторов. Были сделаны изменения в укреплениях Молоховской башни (главный выезд из города на южном направлении): в воротах был сделан коленчатый проезд для воспрепятствования попыткам прямого штурма, вся внешняя сторона башни была обнесена земляным кронверком, перед которым был выкопан ров с водой, а перед всем этим укреплением вкопаны многочисленные заостренные палисады и рогатки.

Во время работ по созданию оборонительных сооружений Смоленска сохранялся режим строгой секретности: доступ иностранцев в цитадель был строго ограничен, в крепость допускались только офицеры и инженеры, занятые непосредственно в фортификационных работах. Количество находившихся в Смоленске орудий также держалось в секрете.

Петр дает указания свозить в город из действующей армии получившие в боях повреждения орудия. Большое количество отремонтированных пушек отправлялось вновь в войска, а некоторые оставались в городе и устанавливались на крепостных стенах.

С 1704 года Петр принимает еще более деятельные меры к укреплению крепости города, приказав к лету завершить все оборонительные работы: достроить брустверы, рвы и палисады.

К 1706 году ситуация с союзниками по антишведской коалиции сложилась не в пользу России. Несмотря на то, что, по словам самого Петра I, «швед увяз в Польше», Дания и Саксония, которой с 1705 года был послан русский экспедиционный воинский формирования, отошли от один за другим от России. Возникла реальная опасность вторжения шведов

в пределы России. В качестве основного предполагалось и Смоленское направление. Подобная опасность имела реальное основание, поскольку вся западная граница России, в отличие от южных рубежей, в то время имела «открытое положение», без какой-либо непрерывной оборонительной линии [Ласковский, с. 208].

Наличествующие здесь города-крепости как Псков, Великие Луки, Смоленск, Брянск, были укреплены недостаточно. Кроме того, между ними находились ничем не прикрытые протяженные участки местности, что признавал сам Петр I, отметив, что «рубежи наши зело голы...»¹ и западная пограничная область была доступна для вторжения шведов и их союзников.

Подобная «открытость» была чрезвычайно опасной еще и потому, что здесь практически не было препятствий на пути войск Карла XII, и через Смоленск, Дорогобуж, Вязьму проходила единственная кратчайшая «большая» дорога к Москве и другим важным для обороны страны стратегическим центрам.

В этих условиях было принято решение окончательно вывести русские войска с территории Польши, выматывая противника фланговыми атаками конницы, контрударами на переправах, «оголошением провианта и фуража, томить неприятеля» [История Северной войны 1700–1721 гг., с. 69], и как только сложатся подходящие условия, «дать баталию на своих границах».

В 1706 году Петр I трижды посещает Смоленск, который становится в тот период главной штаб-квартирой Петра и важнейшей базой обеспечения русской армии резервами, вооружением и провиантом.

В связи с этим продолжилась реконструкция старых смоленских укреплений. По указу царя еще в 1706 году на правом берегу Днепра началось возведение земляного кронверка для защиты главного въезда в Смоленск (был известен как «Петровская земляная крепость» и просуществовал до 1830 года) с двумя воротами и двумя подъемными мостами. Все купеческие лавки, склады и обывательские дома приказывалось перенести вглубь предместья. Под башнями, стоящими близ Днепра, устроили пороховые погреба. По указанию Петра крупный пороховой запас был размещен в погребах т.н. «Шейнова вала» (бастиона) на южной стороне крепостной стены. Жителей города, имевших жилище в пределах крепости, по указу государя выселили на посады.

По плану Петра I в Смоленске планировалось создание цитадели с пятью бастионами, рассчитанной на 1500–2000 человек гарнизона. Но данный проект так и не был осуществлен [Ласковский, с. 208].

Одновременно с «приведением Пскова и Смоленска в оборонительное положение», ориентируясь на развитие в Европе под влиянием француз-

¹ <http://www.kozelskycyclopedia.ru/2011-04-26-08-17-54/804-zasechnaya-cherta-na-zapadnom-pograniche-ukreplyonnaya-liniya-pskov-smolensk-bryansk-1706-1708-gg> – _ftn34

ской фортификационной концепции эшелонированной обороны маршала де Вобана, Петр I повелел в 1706 году «устроить засеку и укрепленную линию от Пскова до Смоленска и далее до Брянска» [Ласковский, с. 209–214].

Составной частью ее должны были стать засеки – участки подрубленных, не нарушая корневищ, и поваленных кронами с заостренными ветками в сторону ожидаемого наступления противника деревьев. Ввиду недостатка времени ресурсов, Петр I не пытался возводить под Смоленском «правильных фортеций», а сконцентрировался на задаче, которой придерживалось большинство авторитетных военных инженеров той эпохи – максимально использовать окружающую местность: болота, овраги, реки и т.д. Эти естественные природные препятствия, вместе с возведенными деревоземляными укреплениями, должны были составить основу линии обороны.

Изначально предполагалось засесть только дорогу Смоленск–Москва. Однако со временем было решено возвести систему подобных засек по данному рубежу с тем, чтобы не допустить продвижения войск Карла XII по всем другим направлениям.

Фактически вся местность должна была стать своеобразным предпольем, где неприятель должен был быть «истрепан»².

В это время оказались востребованными не только практика строительства засек, но и собственный опыт обороны с применением земляных укреплений и «малых фортеций» XVII века. В частности, в северо-западных районах Смоленщины еще могли сохраняться засечные укрепления, сооруженные в период Смуты. Так же еще в середине XVII века во время русско-польских войн под Смоленском были воздвигнуты т.н. «Городок московитов» и «Шейнов острожек», которые теперь должны были послужить воспрепятствованию окружения, или обхода города по направлению к Москве.

Задача строительства засек от Смоленска до Пскова, которая должна была стать северным фасом засечной линии, была поставлена дерптскому коменданту К. Нарышкину 4 апреля 1706 года: «от Смоленска до Пскова, где есть леса сделать засеки шириною на 300 шагов, не смотря, чья земля, Русская или Литовская: где же воды глубокие или болота непроходимые, по ним засек не делать. Засеки сделать поголовно прилегающими к тем местам уздами, русскими и польскими, которые ближе» [Без-Корнилович, с. 92].

Руководство строительством засек от Смоленска к Брянску было поручено Петром I Василию Корчмину. Здесь Петр I потребовал «все малые дороги в лесах засесть на 300 сажень (150 шагов) шириной, а большие оставить для проходу; на полях сделать рavelины, по образцу, с палисадами и рогатками, позади засеки сделать дорогу шириною в 90 шагов, а где реки и болота, тут мост, чтобы 4-м человеком идти было»³. В состав этого участка были

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 2155. С. 70.

³ Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1706 г., марта 10 // Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. IV. С. 155, № 1150.

включены и городские укрепления Рославля [Рябков, с. 18] (т.н. «Бурцева гора» и «возвышенная земляная насыпь с плоской поверхностью, принадлежащая к числу городских укреплений», находившаяся напротив крепости, по другую сторону местной речки Становки, — «Сотников городок» или «Старое городище»⁴).

Перед засеками были расположены рavelины — вспомогательные укрепления в форме угла, направленного вершиной к противнику.

На всем протяжении засечной полосы располагались многочисленные так называемые «форпосты» — своего рода пограничные заставы. Например, только на Рославльском участке протяженностью в 40 верст, располагавшемся в центре всей засечной полосы, было обустроено около 30 таких форпостов [Овчинников, с. 14]. Располагались в деревнях и селах Шумячи, Краснополье, Погорелое, Краснозаборье Власково, Погорелово, Вежниково, Шибнево, Гневково, Локотец, Самолюбово, Стрекайлово, Астапковичи [Максимчук, с. 38].

Каждый пост представлял собой небольшое поселение с достаточно слабыми деревянными укреплениями, несколькими постройками хозяйственного назначения, в которых размещался гарнизон с переменным штатом служилых людей, состоящий из младшего офицера и нескольких солдат, конная часть, оружие и амуниция. Возглавлял форпост комендант — начальник поста. Отмечается, однако, что особых оборонительных функций форпосты не несли [Анисимов, с. 98–127]. На посты возлагалась задача ведения разведки за действиями неприятеля и поддержание непрерывной связи [Максимчук, с. 38]. В случае прорыва обороны границы гарнизона форпостов усиливались регулярными войсками. Благодаря своевременной информации, поступавшей от личного состава, несшего службу на форпостах, предпринимались упреждающие действия русских войск.

Они возводились среди лесов, отдельные из них даже при болотах. Между форпостами прорубались просеки, на речках строились мосты, возводились «каланчи и маяки» для ведения наблюдения. Строили форпосты местные крестьяне, для чего существовала разнорядка: с тридцати душ по два человека (один пеший, один конный) [Максимчук, с. 39].

Для воспрепятствования продвижению Карла XII к Москве было предписано создать линию укреплений в несколько эшелонов, осмотреть имеющиеся старые укрепления. В частности, была модернизирована деревянная «фортеция» в Дорогобуже (прикрывала главную дорогу на Москву) и в долине местной реки Сустромце (ныне Устром) построены оборонительные линии. Возведением укреплений занималась команда «служилых людей», посланных из Мстиславля, под руководством полковника-инженера барона де Штафа и капитана Льва Измайлова.

⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 754. 1767; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 624.

В Вязме по поручению Петра I под руководством царевича Алексея были восстановлены земляные валы, отремонтированы деревянные крепостные стены и каменные башни местной крепости. В целом, Вяземская крепость, возведенная в начале 1630-х годов, и в начале XVIII века сохранила свой фортификационный потенциал и была наиболее пригодна к обороне в сравнении с укреплениями малых городов Смоленщины. Здесь, как и в Смоленске, были так же оборудованы магазины с вооружением, боеприпасами и провиантом

Работы по укреплению обороны городов, в первую очередь, Смоленска и по строительству линии обороны в целом выполнялись посадскими жителями и населением окрестных деревень и сел в качестве повинности. На оборонные работы призывалось по человеку с каждых двух посадских и крестьянских дворов.

Одним из пунктов сбора «работных людей» стал Дорогобуж, удобно расположенный на пересечении важных дорог и откуда можно было быстро перебрасывать строителей оборонительных сооружений на «угрожаемое направление». Данный «инженерный» резерв в полторы тысячи человек [Рябов, с. 62–63] в случае необходимости привлекался и к другим неотложным работам⁵.

Участки леса, завалы из поваленных деревьев, среди которых были устроены проходы, поступали под охрану уездных крестьян и посадских людей из городов-крепостей.

В проходах засеченных участков укреплений выставлялись караулы из крестьян близлежащих деревень «у которых есть ружье, приказные их знали; також косы, насади прямо, и рогатины имели, и готовы были для караулоф и обороны»⁶.

У перекрестков дорог и возле речных перевозов, в «земляных» крепостях, в том числе прежде заброшенных, а теперь восстановленных в боеготовое состояние, службу несли посменно дворяне, солдаты и крестьяне. Состав «наряда» в таких малых крепостцах был незначительным: начальник из дворян, а с ним несколько солдат и десятков крестьян. Например, гарнизон участка засечной линии от Смоленска до берега Западной Двины составлял: «дворян и салдат и крестьян стоит попеременно по осми человек дворян, по 24 человека салдат, по 245 крестьян» [Живёт в веках твой подвиг благородный, с. 59].

С началом продвижения шведской армии к русской границе в начале августа 1708 года работы по строительству укрепленной линии Псков-Смоленск-Рославль-Брянск были в целом окончены.

Так же в августе 1708 года в Смоленске проведены завершающие работы по созданию палисадов, шанцев и рвов, прикрывающих подходы к город-

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8, вып. 2. С. 610.

⁶ Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1706 г., марта 10 // Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. IV. С. 155, № 1150

ским укреплениям: палисадами в десятки рядов была огорожена вся крепостная стена, оставив только проходы к воротным башням на ширину телег и фургонов.

С учетом того, что Смоленск рассматривался как основной плацдарм для дальнейшего наступления на Москву, Петр стянул в этот район значительные силы: сконцентрировав в основных узлах обороны засечной черты Смоленск-Брянск большое количество боеприпасов, провианта, фуража и амуниции, подтянул туда войска и артиллерию, предполагая использовать данную территорию либо в качестве оборонительной линии, либо же как плацдарм для наступления.

Таким образом, применяя принцип комбинирования защитных сооружений с действием воинских частей, Петр I создал сбалансированную систему обороны западных территорий России, подчеркивая, что: «оборона страны зиждется на армии и флоте, истинное же назначение крепостей — служить опорными пунктами для целесообразных действий армии и флота» [Яковлев, с. 118].

В то же время, как отмечают исследователи фортификационного дела, «линии устраивались для обороны от набегов, а не от стройного войска» [Устрялов, с. 461], т.е. все эти засеки все же были ориентированы на мобильные конные отряды неприятеля, поскольку регулярные войска с их тяжелым вооружением и обозами вряд ли пошли бы на преодоление засеки.

Но, тем не менее, засеки, вместе с организованными действиями войск и ополчения, в ходе ряда локальных сражений (Мигновичи, Лесная), вынудили свернуть армию Карла XII с направления основного удара к Полтаве, где 27 июня (8 июля) 1709 года и состоялось генеральное сражение.

После Полтавской битвы активная фаза сухопутной кампании Северной войны Смоленский регион уже не затронула, в связи с чем значение здешних фортификационных укреплений снизилась, но вопрос охраны государственной границы оставался еще актуальным, и Смоленская оборонительная линия была включена в анштальт (штат) пограничных крепостей 1724 года.

Значение Смоленского региона в плане обеспечения обороны западных рубежей России снизилась в конце XVIII в. в связи с перенесением государственной границы к линии Гродно-Брест. По этой причине многие фортификационные укрепления, сыгравшие свою значительную роль в начале столетия, пришли в упадок.

Но даже несмотря на физический износ к концу XVIII века большей части деревянных конструкций крепостей Смоленских городов, их земляные укрепления использовались во время оборонительных боев во время военных кампаний 1812 и 1941 годов.

Литература

- Анисимов М. Ю.* Западная граница России в 1686–1772 гг. // *Формирование территории Российского государства XVI – начало XX в. (границы и геополитика)*; отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М.: Институт российской истории РАН; Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 100–129.
- Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855. 365 с.
- Гараничев В. В.* Влияние изменений военной стратегии и тактики на особенности оборонительного зодчества городов западной России 16 – начала 18 веков // *Калуга в шести веках. Материалы 3-й городской краеведческой конференции.* Калуга, 2000.
- Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. VIII, 805, [8] с.
- Живёт в веках твой подвиг благородный. Героические страницы истории Смоленского края. М.: Московский рабочий, 1967. 383 с.
- История Северной войны 1700–1721 гг. / Отв. ред. И. И. Ростунов. М.: Наука, 1987. 212, [2] с.
- Купченко К. В., Никитина Н. В.* История городского управления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX вв. Смоленск: «Маджента», 2011. 244 с.
- Купченко К. В., Никитина Н. В.* Смоленск в период Северной войны (к вопросу о российско-белорусском приграничье // *Studia internationalia.* Материалы VI международной научной конференции. Брянск, 2017. С. 55–58.
- Купченко К. В., Никитина Н. В.* Смоленск в системе охраны государственной границы России в XVIII в. // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2016. № 7(25). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3447> (дата обращения: 21.09.2021).
- Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. V, [642], 1 с.
- Маковский Д. П., Орлов В. С.* Смоленск с древних времен до XVII – начала XVIII века. Смоленск: СмолГИЗ, 1948. 228 с.
- Максимчук А. Г.* Порубежье. Очерки по истории Шумячского района. Смоленск: Смядынь, 1995. 223 с.
- Овчинников В. М.* Военно-политическая доктрина маршала де Вобана и ее применение Петром Великим при создании Смоленского узла обороны // *Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга.* Вып. 21. Исследования и материалы. СПб.: ГМИ СПб, 2011. С. 8–16.
- Рябов Г. Т.* Рославль. Очерки истории города Рославля и Рославльского района. Смоленск: Моск. Рабочий, 1987. 158 с.
- Рябов С. А.* Засечная черта на западном пограничье: укрепленная линия Псков–Смоленск–Брянск, 1706–1708 гг. // *Смоленская земля. Дорогобужский район. Очерки прошлого и настоящего.* М.: Институт Наследия, 2011. С. 54–85.
- Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. Битва под Нарвою и начало побед. [6], 612, VIII с., [1] л. фронт.
- Яковлев В. В.* История крепостей. М.: АСТ; СПб.: Издательство «Полигон», 2000. 400 с.

References

- Anisimov M. Yu. Zapadnaya graniczа Rossii v 1686–1772 g. // *Formirovanie territorii Rossijskogo gosudarstva XVI – nachalo XX v. (granicy i geopolitika)*; otv. red. E. P. Kudryavceva. M.: Institut rossijskoj istorii RAN; Russkij fond sodejstvija obrazovaniya i nauke, 2015. Pp. 100–129.
- Bez-Kornilovich M. O. Istoricheskie svedeniya o primechatel'nejshix mestax v Belorussii s priso vokupleniem i drugix svedenij k nej zhe otnosyashixsya. SPb., 1855. 365 p.
- Garanichev V. V. Vliyanie izmenenij voennoj strategii i taktiki na osobennosti oboronitel'nogo zodchestva gorodov zapadnoj Rossii 16– nachala 18 vekov // *Kaluga v shesti vekax. Materialy 3-j gorodskoj kraevedcheskoj konferencii*. Kaluga, 2000.
- Gorodskie poseleniya v Rossijskoj imperii. Tom 4. St. Peterburg, 1864. VIII, 805, [8] p.
- Zhivyyot v vekax tvoj podvig blagorodny'j. Geroicheskie stranicy istorii Smolenskogo kraja. M., 1967. 383 p.
- Istoriya Severnoj vojny' 1700–1721 gg. / Otv. red. I. I. Rostunov. M.: Nauka, 1987. 212, [2] p.
- Kupchenko K. V., Nikitina N. V. Istoriya gorodskogo upravleniya na Smolenshhine v XVIII – pervoj polovine XIX vv. Smolensk: «Madzhenta», 2011. 244 p.
- Kupchenko K. V., Nikitina N. V. Smolensk v period Severnoj vojny' (k voprosu o rossijsko-belorusskom prigranich'e // *Studia internationalia. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Bryansk, 2017. Pp. 55–58.
- Kupchenko K. V., Nikitina N. V. Smolensk v sisteme ohrany' gosudarstvennoj granicy Rossii v XVIII v. // *Universum: Obshhestvenny'e nauki: e'lektron. nauchn. zhurn.* 2016. № 7(25). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3447> (data obrashheniya: 21.09.2021).
- Laskovskij F. Materialy' dlya istorii inzhenerenogo iskusstva v Rossii. Chast' II. Opy't issledovaniya inzhenerenogo iskusstva v czarstvovanii imperatora Petra Velikogo. SPb. 1861. V, [642], 1 p.
- Makovskij D. P., Orlov V. S. Smolensk s drevnix vremen do XVII– nachala XVIII veka. Smolensk, 1948. 228 p.
- Maksimchuk A. G. Porubezh'e. Ocherki po istorii Shumyachskogo rajona. Smolensk, 1995. 223 p.
- Ovchinnikov V. M. Voенно-politicheskaya doktrina marshala de Vobana i ee primenenie Petrom Velikim pri sozdanii Smolenskogo uzla oborony' // *Trudy' Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga*. Vyp. 21. Issledovaniya i materialy'. SPb.: GMI SPb, 2011. Pp. 8–16.
- Ryabkov G. T. Roslavl'. Ocherki istorii goroda Roslavl'ya i Roslavl'skogo rajona. Smolensk, 1987. 158 p.
- Ryabov S. A. Zasechnaya cherta na zapadnom pogranich'e: ukreplennaya liniya Pskov-Smolensk-Bryansk, 1706–1708 gg. // *Smolenskaya zemlya. Dorogobuzhskij rajon. Ocherki proshlogo i nastoyashhego*. M.: Institut Naslediya, 2011. Pp. 54–85.
- Ustryalov N. Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. SPb., 1863. T. 4. Ch. 1. Bitva pod Narvoyu i nachalo pobed. [6], 612, VIII c., [1] il.
- Yakovlev V. V. Istoriya krepostej. M., 2000. 400 p.

Konstantin Kupchenko
Smolensk State Agricultural Academy, Smolensk, Russia

ORGANIZATION OF THE FORTIFICATIONS OF THE WESTERN BORDER OF RUSSIA DURING THE NORTHERN WAR. ON MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION

The article deals with the organization of the defence system of the western borders of Russia on the territory of the Smolensk region during the Northern War. The work considers organizational arrangements for the construction of fortifications in the Smolensk Citadel, other cities and border areas of the Smolensk region in the beginning of XVIII in.

Separate information is given in the article about the construction of a line on the western border of Russia from Pskov to Kiev on the territory of Smolensk region. After the Northern War, the fortifications were used as border posts and outposts.

Keywords: *Smolensk region, city fortifications, Smolensk settlement line.*

Т.Л. Лабутина
*Центр истории межкультурных коммуникаций стран Запада
и Востока, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*

Петровская Россия в восприятии британского дипломата Чарльза Уитворта

В статье анализируются оценки британского посланника при дворе Петра I Чарльза Уитворта российской действительности, с которой ему довелось столкнуться за время дипломатической миссии с 1705 по 1710 гг. Уитворт представил характеристики царя и его ближайшего окружения, осветил важные события (Северная война 1700–1721 гг., народные выступления, вызванные неприятием петровских реформ). Помимо этнических представлений о России и русском народе (природа, занятия людей, православная религия), в работах Уитворта встречается информация об армии и флоте России, что позволяет утверждать о совмещении дипломатом профессиональной и разведывательной деятельности, которую он вел при дворе Петра I.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, XVIII век, посол Чарльз Уитворт, этнические представления, разведывательная деятельность

Направляя ко двору Петра I своего посланника Чарльза Уитворта осенью 1704 года, королева Великобритании Анна Стюарт давала ему следующие инструкции: «Вы возможно искусно и с возможно меньшей оглаской постараетесь добыть сведения о планах и намерениях русского двора, узнать какие сношения поддерживаются царем, каковы его финансы, его военные силы, и вообще все, способное интересовать нас или иметь влияние на наши дела»¹. В какой мере верноподданный английской королевы исполнил столь щекотливое поручение? Какие функции в действительности осуществлял посланник, прибыв в Россию: дипломата или разведчика? Ответам на поставленные вопросы мы посвятили ряд работ, в которых исследовали дипломатическую и разведывательную деятельность британского посланника [Лабутина, 2010, с. 124–135; Labutina, 2011].

Надо отметить, что современные историки еще недостаточно внимания уделяют изучению «тайной войны» в силу объективных причин, прежде всего, отсутствия необходимых источников. В этой связи бесспорную ценность для исследователей представляют служебные записки, мемуары, очерки тех иностранцев, которые, находясь на службе у русских монархов, совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной. Наглядным тому примером может служить эпистолярное наследие Чарльза Уитворта, к из-

¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе// Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 39. СПб., 1884. С. 5.

учению которого автор впервые обратился в 2012–2013 гг. [Лабутина 2012, с. 137–151; Лабутина 2013, с. 196–222, 244–273]. Произведения Уитворта содержат немало свидетельств о событиях, происходящих в России, о людях, с которыми ему довелось общаться, а также о впечатлениях о стране пребывания. На этом мы и хотели остановиться в своей статье.

При дворе Петра I Уитворт находился на протяжении пяти лет, с февраля 1705 по март 1710 г. Последнее назначение при царском дворе он получил в 1712 г. За время своего пребывания в России Уитворт направлял подробные донесения в Лондон, текст которых сохранился в нескольких томах Сборника императорского русского исторического общества. В 1710 г. он также написал небольшой труд «Россия в начале XVIII века». Данные источники и послужили для нас исходным материалом при исследовании миссии британского дипломата в петровской России. Заметим, что серьезного изучения указанной проблемы в отечественной исторической науке ранее не предпринималось. Отдельные сведения о деятельности Ч. Уитворта встречаются в работах С.И. Кедрова [Кедров, с. 498–502], Л.А. Никифорова, Ю.Н. Беспятовых [Россия в начале XVIII века, с. 108–111], А.Б. Соколова. Если говорить о зарубежной литературе, посвященной Уитворту, то наиболее значимой представляется биографическая работа Жанет Хартли, изданная в 2002 г. и любезно подаренная автору статьи. Основанная на солидном источниковом материале, монография представляет собой анализ дипломатической деятельности Уитворта, однако, из ее девяти глав, работе посланника в России отведено всего лишь три главы [Hartley, pp. 33–104].

Какие же впечатления вынес британский резидент из пребывания в России? Подобно большинству британцев, посещавших нашу страну, Уитворт остановился на описании «владений царя, доходов и военной силы», обратил внимание на плодородие почвы во многих частях страны, на то, что климат суров («зима длится около шести месяцев»)². Он критически высказался о православной религии, которая является восточной, или греческой («только еще более испорченной невежеством и суевериями»). В православных храмах отсутствуют скульптуры, но зато полно «жалких картин, лишенных оттенков и перспективы», которым «кланяются и крестятся». Почтение, выказываемое по отношению к этим картинам, — «грубейший вид идолопоклонства». Священнослужители православной церкви «очень невежественны, все их образование заключается в том, чтобы нараспев повторять слова службы и прочесть главу из Библии, которую понимают весьма немногие из них». Пожалуй, единственным новшеством, подмеченным Уитвортом, можно считать его высказывание по поводу ослабления соблюдения постов «москвитами» из-за войн и частых путешествий знати. Он также упомянул о церковной реформе Петра I, который «под благовидным предлогом ото-

² Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. Перевод и комментарии Ю.Н. Беспятовых. Л., 1988. С. 58.

брал» монастырские земли и доходы. В результате принятых мер, «мирская власть» монастырей в стране была полностью уничтожена, «у них не осталось больше свободных держаний, а их крестьяне перешли в распоряжение царя»³.

Интересны высказывания Уитворта о населении России. Так, он выделял тех, кто зовется «москвитами», и остальную «массу», которая «мало способствует усилению страны» (лапландцы и самоеды, «слишком несообразительны и вялы, несколько татарских народов слишком дики, а от казаков польза невелика, так как у них слишком много свобод и привилегий»). Посланник подробно охарактеризовал каждую из групп населения, описывал места их проживания и численность. Согласно его подсчетам, «москвитов» в России проживало 4.200.000 «душ». Они, в свою очередь, делились на три «степени»: «знать — князья; помещиков, называемых дворянами, и крестьян». Крестьяне представлялись Уитворту «настоящими невольниками», поскольку подчинялись «деспотичной власти своих господ». У них нет собственности, а потому они «очень ленивы»: после исполнения задания хозяев, предпочитают бездельничать или спать. Тем не менее, британец полагал, что крестьяне «довольны жизнью»⁴.

Многие иностранцы, в том числе и англичане, останавливались на рассмотрении состояния вооруженных сил российского государства. Естественно, что для разведчика Уитворта подобный интерес к армии и флоту Петра I являлся первостепенным. «Военные силы царя, которые сведены в полки, одеты и обучены по иностранному образцу», состоят из 51 полка пехоты и насчитывают 109.650 человек, — свидетельствовал британец. Он подробнейшим образом описывал штаты вооруженных сил, жалование офицеров, обмундирование войска («армия переобмундировывается раз в два года; на обмундирование вычитают копейку в день из жалования солдат; царь обеспечивает оружие и лошадей»). Не забыл британец упомянуть и о вооружении русской армии. На его взгляд, «артиллерия очень хорошо обеспечена»⁵.

Особое место в труде Уитворта занимала информация о российском флоте. Британский дипломат обращался к истории его создания, перечислял города, в которых по распоряжению царя были основаны верфи (Ступино, Воронеж, Архангельск, Казань), давал оценки судам, содержащимся в портах («в Архангельске царский транспорт находится в очень хорошем состоянии; «в Казани около сорока фрегатов, построенных там, но с неверными пропорциями, гниет на берегу»; «в Таганроге — 6 или 7 совершенно сгнивших кораблей голландской постройки»)⁶, указывал их размеры. Внимание к российскому флоту не ослабевало у британского разведчика на протяжении всего периода его пребывания в России.

³ Россия в начале XVIII века... С. 68–70.

⁴ Там же. С. 59, 68.

⁵ Там же. С. 88–89.

⁶ Там же. С. 89–97, 100–101.

Мимо внимательного взгляда Уитворта не прошли незамеченными перемены в российском государстве, происшедшие под влиянием петровских реформ. Главную роль в данном процессе, убежден Уитворт, сыграл сам царь, который за десять лет «усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно — сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силой своего гения, наблюдательности и собственного примера»⁷.

Примечательно, что сами англичане признавали тот факт, что во многом петровские реформы проводились по европейским «лекалам». В послании Уитворту от 8 мая 1705 г. государственный секретарь Р. Харли выражал надежду услышать от своего дипломата информацию о том, «насколько европейские обычаи проникают в Россию, и насколько... царствующий государь усиливает привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны все, что он и его сановники видели при своем путешествии за границей»⁸. Как известно, Петр I многое перенял у западноевропейцев, в первую очередь, у англичан. Однако проводимые реформы были неоднозначно восприняты российским обществом, и Уитворт в том смог лично убедиться. В июле 1705 г. он извещал Р. Харли о том, что царский двор опасается, как бы не вспыхнул серьезный мятеж со стороны дворян, «раздраженных против любимца царского (А.Д. Меншикова — *Т. Л.*), или духовенства, недовольного уменьшением своих доходов, или самого народа, который вообще ропщет против насильственного введения иноземных обычаев и новых тяжких поборов»⁹. Одну из причин решения царя задуматься о мире со Швецией британский посланник усматривал не только в том, что России не хватало людей и денег для продолжения войны, но и в том, что его подданные были «подавлены налогами и поголовно недовольны», а многие «не прочь были бы вернуться к прежним порядкам»¹⁰.

Недовольство проводимой политикой Петра I вскоре вылилось в открытое противостояние в ряде районов страны. То тут, то там вспыхивали мятежи и восстания. Наибольшую известность получил Астраханский мятеж, начавшийся в 1706 г. В одном из своих донесений Уитворт подчеркивал, что причинами мятежа послужили тяжелые налоги, монополии на соль и рыбную ловлю, а также «крутое изменение в одежде и обычаях»¹¹ (Речь шла об указах Петра I брить бороды и носить европейское платье — *Т. Л.*). Посланник описывал мятежи на Дону в 1708 г. и мятеж под предводительством Булавина в 1709 г.

Уитворт останавливался также на событиях, связанных с Северной войной. Он подробнейшим образом извещал государственного секретаря о ходе

⁷ Россия в начале XVIII века... С. 73.

⁸ СИРИО. Т. 39. С. 77.

⁹ Там же. С. 126.

¹⁰ Там же. С. 217.

¹¹ Там же. С. 248.

военных действий, затрагивая ряд вопросов, которые представляют интерес для современных читателей. Речь идет, прежде всего, об истории предательства национального «героя» Украины – гетмана Мазепы, а также об обращении «москвитов» с пленными шведами. В донесении госсекретарю Бойлю в ноябре 1708 г. Уитворт сообщал о переходе гетмана Мазепы «со всей его семьей и со всеми его богатствами на сторону короля шведского». В очередном послании в Англию Уитворт повествовал о подготовительных шагах гетмана к переходу на сторону шведов. «За несколько дней до измены, Мазепа притворился опасно больным; он казалось, потерял всякую надежду на выздоровление, что крайне смутило двор, – писал Уитворт. – Переговоры Мазепы с королем шведским, по-видимому, велись давно. С год тому назад двое из старшин казацких ... прибыли в царскую армию, обвиняя гетмана в сношениях со шведами»¹². Впоследствии они были выданы Мазепе и по его приказу казнены. Однако, как показали дальнейшие события, удача быстро покинула гетмана: казаки, увлеченные Мазепой, один за другим, начали возвращаться по домам. «Говорят, – отмечал Уитворт, – будто, видя это, шведы содержат Мазепу и его приверженцев под строгим присмотром, и даже в спальне гетмана поставили стражу»¹³. Вскоре в руки Уитворта попала копия перехваченного письма Мазепы к королю Станиславу, в котором бывший гетман от своего имени и от имени всей Украины «признавал шведского короля повелителем, и приглашал его поторопиться на помощь, обнадеживая, что при приближении короля восстанут не только казаки, но отчасти и русские». Петр I в ответ на данное воззвание утверждал, что Мазепа «стремится не основать независимую республику, как было заявлял в первоначальном своем манифесте, а подчинить Украину прежнему игу Польши, за что ему королем Станиславом обещано княжество Северское»¹⁴. Подобная информация, озвученная Уитвортом, раскрывает истинную подоплеку измены гетмана Мазепы.

Интересны свидетельства Уитворта о положении в России пленных шведов. Так посланнику довелось присутствовать на одной из придворных церемоний, во время которой царь приказал привести русского солдата, захваченного в плен шведами, и поведал присутствующим о том, как шведы хладнокровно отрезали русским пленникам по два пальца правой руки, а затем отпускали их на родину с подобной меткой. И далее Уитворт замечал: «Глубоко взволнованный таким поступком, царь публично заявил, что, хотя шведы и стараются выставить его и русский народ варварами и плохими христианами, он может призвать весь мир и преимущественно тысячи шведов, находящихся в плену в России, свидетелями, что никогда ни с одним из неприятелей не обращался так недостойно»¹⁵. Уитворт сообщал также о судьбе пленных шведов. В августе 1709 г. в Москву привезли 4 тыс. пленных шведов,

¹² СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 11, 113.

¹³ Там же. С. 124.

¹⁴ Там же. С. 141, 143.

¹⁵ Там же. Т. 39. С. 80.

которых распределили между русскими дворянами, «поручив этим лицам содержать их и употреблять на фортификационных работах вместо такого же числа крестьян, которых до сих пор приказано было выставять с той же целью»¹⁶. Спустя месяц, Уитворт извещал госсекретаря о шести тысячах плененных шведов и немцев, которые поступили на царскую службу и получают такое же содержание, как русские. Многие шведы были отправлены в Казань и другие города, генералам же позволили остаться в Москве и нанимать себе помещение по собственному усмотрению. Между тем, подобное гуманное отношение к пленникам не всегда разделяли отдельные представители власти на местах. Так, в январе 1710 г. шведские генералы пожаловались царю на то, что «русские власти допустили нескольких шведских рядовых до голодной смерти и даже не позаботились о погребении их»¹⁷. Царь «в сильном гневе» приказал подвергнуть московского коменданта, одного из высших сановников, князя Гагарина, аресту в собственном его доме, а вице-коменданта — заключению в общей тюрьме.

Бесспорный интерес вызывают представленные Уитвортом характеристики Петра I и его ближайшего окружения — А.Д. Меншикова, Г.И. Головкина, Ф.И. Головина, П.П. Шафирова, Я.Ф. Долгорукова, Ф.М. Апраксина, Б.П. Шереметева. Среди них Уитворт особо выделял тех, кто был «полезен» англичанам: заведовавшего Посольским приказом генерал-адмирала Ф.А. Головина, который «всегда являлся другом Англии», и вице-канцлера П.П. Шафирова, который за полученный от посланника «подарок» в 400 ф. ст. обещал служить королеве Анне¹⁸.

Знакомство с эпистолярным наследием Чарльза Уитворта позволяет заключить, что в его впечатлениях от петровской России встречается немало стереотипов (рассуждения о природных богатствах страны, о православной религии, проведении Петром I реформ и негативном к ним отношении народа и пр.). Вместе с тем, посланник сумел довольно объективно охарактеризовать внутреннюю и внешнюю политику, проводимую царем, добавив немало новых страниц из истории народных восстаний, а также Северной войны. В целом Уитворт представил довольно широкую панораму российской жизни начала XVIII века, что позволяет оценить его труды как ценный источник по истории России нового времени.

Литература

- Кедров С.И. Русь Петра Великого за границей. Посольство князя Б.И. Куракина в Лондон. 1710—1711 // *Русский архив*. Кн. 1. Вып. 4. С. 498—502.
- Лабутина Т.Л. Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // *Вопросы истории*. М., 2010. № 11. С. 124—135.

¹⁶ СИРИО. Т. 50. С. 238.

¹⁷ Там же. С. 244.

¹⁸ Там же. Т. 39. С. 124; Т. 50. С. 334.

- Лабутина Т.Л. Петровская Россия глазами британского дипломата Ч. Уитворта // Новая и новейшая история. М., 2012. № 4. С. 137–151.
- Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 350, [1] с.
- Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Госполитиздат, 1950. 279 с.
- Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. [Ст. и комм. Ю.Н. Беспятых]. М.; Л.: Ин-т истории, 1988. [222], 2 с.
- Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: Верхне-волжское книжное изд-во, 1992. 301 с.

References

- Hartley J. Charles Whitworth: Diplomat in the Age of Peter the Great. Ashgate, 2002. 242 p.
- Kedrov S.I. Rus' Petra Velikogo za graniceyu. Posol'stvo knyazya V. I. Kurakina v London. 1710–1711 // *Russkij arhiv*. Kn. 1. Vyp. 4. Pp. 498–502.
- Labutina T.L. Britanskij diplomat i razvedchik Charl'z Uitvort pri dvore Petra I // *Voprosy istorii*. М., 2010. № 11. Pp. 124–135.
- Labutina T.L. Britantzy v Rossii v XVIII veke. SPb.: Aletejya, 2013. 350, [1] p.
- Labutina 2011. Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I // *Social Sciences*. 2011. Vol. 42. № 2.
- Labutina T.L. Petrovskaya Rossiya glazami britanskogo diplomata Ch. Uitvorta // *Novaya i novejšhaya istoriya*. М., 2012. № 4. Pp. 137–151
- Nikiforov L.A. Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I. М.: Gospolitizdat, 1950. 279 p.
- Rossiya v nachale XVIII veka. Sochinenie Ch. Uitvorta. [St. i komm. Yu. N. Bespyatyh]. М.; Л.: In-t istorii, 1988. [222], 2 с.
- Sokolov A.B. Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv. Yaroslavl': Verhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1992. 301 p.

Tatiana L. Labutina

Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

PETER'S RUSSIA IN THE PERCEPTION OF THE BRITISH DIPLOMAT CHARLES WHITWORTH

The article analyzes the assessments of the British envoy to the court of Peter I, Charles Whitworth, of the Russian reality, which he had to face during his diplomatic mission from 1705 to 1710. Whitworth presented the characteristics of the tsar and his inner circle, highlighted important events (the Northern War of 1700–1721, mass riots caused by the rejection of Peter's reforms). In addition to ethnic ideas about Russia and the Russian people (nature, people's occupations, Orthodox religion), Whitworth's works contain information about the army and navy of Russia, which allows us to assert that the diplomat combined professional and intelligence activities that he conducted at the court of Peter I.

Keywords: *Russia, Great Britain, XVIII century, ambassador Charles Whitworth, ethnic beliefs, intelligence activities.*

К вопросу об итогах работы Синодальной комиссии в Переславле-Залесском в 1722 г.

В статье рассматриваются источники, освещающие почитание святых в Переславле-Залесском и деятельность синодальной комиссии, занимавшейся освидетельствованием мощей. Делается вывод о роли, которую впоследствии сыграла монахиня Наталья (Взимкова) в пересмотре результатов деятельности комиссии.

Ключевые слова: религия в петровское время, мощи святых, Корнилий Переславский, Даниил Переславский, Андрей Переславский, Наталья (Взимкова), синодальный указ 15 марта 1722 г., архимандрит Варлаам (Высоцкий), Феофан Прокопович

Среди бумаг, конфискованных при аресте герцога Иоганна Эрнеста Бирона, нашлась записка, адресованная его жене, герцогине Бенигне, отмеченное орфографией, которая даже для XVIII века кажется несколько смелой:

«Государыня моя милостивая, пречестная комарерша [камергерша — А. Л.] государына графина и з государям моим милостивым пречесным камарером господином графомъ и з детьми вашими драгими, благополучно здравствуйте при (вы)соко манаршеской державнешей императорской милости государыне наше всемилостивой императрицы Анны Иоанновны всероссийской самодержицы. Не прагневайся, моя государыня, што дерзнула отписать к вашему благородие, вспоминая вашу высокое и многое себе милость. От сердца и с охотое желаю пра вас моих милостивых письменно слышать, моя государыня, и Бога молить за вашу высокое милость. Старица Наталья Взимкова, Бога молю и покорна кланяеся»¹.

Почему герцогиня Курляндская, которая, согласно свидетельству мемуариста, имела больше «драгоценностей и жемчугов», нежели любая другая королева в Европе², бережно сохранила это странное письмо?

Биография монахини Натальи (Взимковой) и ее роль в пересмотре результатов деятельности синодальной комиссии в Переславле-Залесском позволяют прояснить два архивных дела, отложившиеся в синодальном ар-

¹ РГАДА. Ф. 11 (Переписка разных лиц), № 500. Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою признательность А.И. Алексееву, А.А. Романовой и А.В. Сирену за ценные замечания по этой статье.

² Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1990. С. 59–60.

хиве. Первое дело, заведенное в 1734 г., содержит список небольшого литературного произведения — «Повести о святом князе Андрее Переяславском чудотворце» — попавшего в руки синодальных чиновников и приведшего к тому, что дело о переславских мошгах чуть не начало расследоваться по второму кругу. Текст «Повести», опубликованный в четырнадцатом томе «Описания архива Святейшего синода», дает редкую возможность познакомиться с тем, как видели произошедшие в Переславле-Залесском события противники петровской церковной реформы³. Тем не менее, этот источник, написанный по свежим следам событий, когда главные действующие лица были еще живы, крайне неточен и субъективен — в нем не упомянуты ни имя архимандрита Варлаама (Высоцкого), ставшего главной мишенью для синодальной комиссии, ни председателя последней, архимандрита Гавриила (Бужинского). Второе синодальное дело, заведенное в 1722 г. и содержащее документы синодальной комиссии, представляет то, что можно было бы назвать «версией следствия»⁴.

Второе дело внесено синодальными архивистами не в погодную опись 1722 г., как это следовало бы, а в особую опись, не получившую печатного описания (складывается впечатление, что в эту опись попали дела, к которым не следовало привлекать особого внимания). Если прибавить к этому, что печатный указ, обобщавший результаты переславского дела, не вошел ни в «Полное собрание законов», ни в «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания», а также то, что туда не попала и собственноручная резолюция Петра от 18 мая 1722 г., положенная на челобитной архимандрита даниловского Варлаама⁵, то становится более или менее понятно, почему «переславское» дело не оказалось отраженным в трудах, посвященных учреждению Синода и первым годам его деятельности. Так, Джеймс Крейкcroft вообще не упоминает о нем в своем детальном исследовании петровской церковной реформы [Cracraft].

Единственной статьёй, более или менее последовательно излагающей обстоятельства «переславского» дела, остается очерк краеведа и собирателя А.А. Титова, опубликованный в 1901 г. Особую ценность ему придает публикация двух источников — челобитной Варлаама (Высоцкого) царю и «Исповедания», которое последний должен был публично прочитать. Однако обстоятельства дела оказываются здесь слишком тесно вплетенными

³ РГИА. Ф. 796 (Синод), Оп. 14, 1734 г., № 5. О разных проступках монаха Саровской пустыни Георгия Зварькина; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. XIV. Прил. II. С. 631–634. Более того, сама деятельность переславской комиссии отнесена в «Повести» к 1726 г., а не к 1722 г. — но тут следует скорее видеть ошибку переписчика, так как автор хорошо знает, что комиссия действовала еще при жизни Петра Великого.

⁴ РГИА. Ф. 796 (Синод). Оп. 205. № 7. О ложном объявлении канонизированными святыми схимонахов Переславль-Залесского Данилова монастыря Корнилия, Данила и Сергия.

⁵ Резолюция Петра была дважды опубликована — А.А. Титовым и Н.А. Воскресенским ([Титов, с. 358]; Законодательные акты Петра I. Т. II. Акты об общественных классах. Т. III. Акты о промышленности и торговле. М., 2020. № 251. С. 409)

в биографический контекст⁶. К тому же, автор не пользовался «Повестью» (которая к тому времени еще не была опубликована), что в значительной мере обеднило его выводы. Единственной работой, в которой деятельность синодальной комиссии в Переславле-Залесском представлена с опорой на все имеющиеся источники, является биографическая статья о Варлааме (Высоцком), написанная А. И. Алексеевым⁷.

Появившаяся недавно статья Л. Б. Сукиной о Варлааме (Высоцком), по сути, опирается все на ту же публикацию А. А. Титова, а также на статьи А. И. Алексеева и автора этих строк, причем ни «Повесть», ни дела из архива Синода не были использованы. Исследовательница предложила вполне интересный подход, предложив рассматривать Варлаама как «человека барокко». При этом «барокко» понимается здесь не как стиль литературных произведений, которых Варлаам оставил не так много, а как своего рода семантика его поведения (в духе идей Ю. М. Лотмана)⁸. Согласно исследовательнице, этот барочный характер сказывался в том, что для Варлаама «внешний эффект от совершаемых поступков был гораздо важнее внутреннего религиозного созидания, присущего монашескому духовенству предшествующего времени». Сам по себе интерес Варлаама к внешнему эффекту от его мероприятий, связанных с культом святых, кажется бесспорным, но для того, чтобы утверждать это, хорошо было бы действительно убедиться в том, что Варлаам совершал все те действия, в которых его обвиняли. «Как человек эпохи барокко», Варлаам не стесняется «объявить всем, что находится под протекцией государства», — пишет Л. Б. Сукина [Сукина, с. 86, 87]⁹. Однако превращение «высшего духовенства» в «слуг государевых» вряд ли являются специфичными чертами барокко в целом — скорее, речь идет о сугубо российской трансформации, которая оказалась ускоренной синодальной реформой. Думается, что все вышесказанное делает еще одно обращение к «переславской истории» 1722 г. легитимным.

В первой четверти XVIII в. Переславль-Залесский оставался важным центром паломничества, ориентированного сразу на несколько монастырских центров. Паломника, въезжавшего в город по московской дороге, встречали Борисоглебский монастырь на Песках и Никольский на Болоте,

⁶ На статью А. А. Титова [Титов] основано изложение «переславского дела» в крайне интересной статье О. А. Крашенинниковой [Крашенинникова].

⁷ Несмотря на появление работы А. И. Алексеева [Алексеев, 2003], в биографических статьях, посвященных другим участникам этих событий, доходит до курьезов. Так, ни в одной из биографических статей, посвященных Гавриилу (Бужинскому), не упоминается о том, что он был главой синодальной комиссии в Переславле [Серафим (Питерский), Мелетия (Панкова), с. 211; Бегунов, с. 128–129].

⁸ Кажется, что Л. Б. Сукина принимает предложенную М. С. Крутовой атрибуцию Варлааму второй редакции Жития Корнилия Переславского (Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Публ., пер., сост. М. С. Крутова. М., 2013. С. 94; [Сукина, с. 85]).

⁹ См попытку реконструировать типы «людей барокко»: Villari, Rosario, *Der Mensch des Barock*, Frankfurt am Main, 1997.

основанный св. Дмитрием Прилуцким. Поодаль, на холме, доминирующем над городом и озером, располагался Горицкий монастырь. По соседству с ним находились Федоровский девичий и Данилов-Троицкий монастыри, «образующие вместе как бы группу южных фортов города» [Воронин, с. 15]. Но, конечно же, важнейшая роль принадлежала культу Никиты Переславского, мощи которого находились под спудом в Переславском Никитском монастыре [Lenhoff, 1999]. Своих покровителей – соответственно, князя Андрея Переславского и Даниила Переславского – имели Переславский Данилов и Николаевский князь Андреевский женский монастыри [Зверинский, т. II, с. 228]. Свои местнотимые святые были и в Борисоглебском монастыре – схимонах (или иеромонах) Корнилий, и в девичьем Переславском Федоровском монастыре, где почитался строитель Сергей.

Все эти культы были в разной степени санкционированы церковными властями, особенно следует отметить грамоты патриарха Никона с благословением на освидетельствование мощей Даниила, на постройку каменного храма над его гробом и на установление празднования в день его преставления (7 апреля), которые были подшиты к синодальному делу¹⁰. Важнейшей мерой, способствовавшей утверждению культа Корнилия, было освидетельствование его мощей, проведенное митрополитом Дмитрием (Туптало) во время пребывания в Переславле в присутствии царевны Натальи Алексеевны – сестры Петра в 1705 г.¹¹ К сожалению, большинство свидетельств, посвященных этому событию возникло уже во время «переславского дела», что ни в коей мере не способствует прояснению обстоятельств. Чисто теоретически некоторые из этих культов могли быть подведены под категорию «почитания за святых... неведомых и от церкви несвидетельствованных гробов», о недопустимости которого впервые было заявлено в архиерейской присяге 1715 г.¹²

Начиная с 1700 г. судьба по крайней мере нескольких этих культов оказывается связанной с именем священника Василия Высоцкого. Василий принадлежал к одной из самых привилегированных групп белого духовенства – он был священником кремлевского Рождественского собора в Верху. В этом качестве он был духовным отцом нескольких царевен – как Наталья Алексеевна, единоутробной сестры Петра, так и, вероятно, ее единокровных сестер. Незадолго до 1700 г. Василий Высоцкий овдовел – что, по действовавшему церковному праву, не оставляло ему никакого иного выбора, кроме монашеского пострига. Василий Высоцкий постригся в 1700 г.

¹⁰ РГИА. Ф. 796 (Синод). Оп. 205. № 7. Л. 119–120.

¹¹ Сама по себе точная дата обретения мощей становится известной из Жития Корнилия – 29 июля 1705 г. Это не противоречит и данным Сводного иконописного подлинника, относящего обретение к 7213 г., т. е. к периоду с 1 сентября 1704 по 31 августа 1705 г. (Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 54; Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М., 1874. С. 63).

¹² Законодательные акты Петра I. Т. II. Акты об общественных классах. Т. III. Акты о промышленности и торговле. № 251. С. 331.

в переславском Борисоглебском монастыре, приняв монашеское имя Варлаама, что не помешало ему и дальше окормлять своих духовных дочерей в Кремле¹³. В результате сложилась довольно необычная ситуация, так как духовным отцом царевен обычно был представитель белого духовенства. Более того – когда царствующая семья пополнилась бывшей католичкой Мартой Скавронской, в качестве духовного отца ей был приискан тот же Варлаам (Высоцкий) [Леонид]. В последнем трудно не увидеть инициативы царевен, тем самым как бы интегрировавших царицу Екатерину Алексеевну в царствующую семью.

После 1704 г. Варлаам становится игуменом Никитского монастыря, а в 1709 г. – архимандритом Переславского Данилова монастыря¹⁴. В этом качестве он должен был бы способствовать укреплению культов Никиты и Даниила Переславского. Но, так как в своем новом качестве Варлаам стал ответственным не только за свой монастырь, но и за другие обители уездного города, появилась удобная возможность связывать с его именем и другие инициативы, предпринимаемые местным черным духовенством.

Наиболее удачная обстановка для этого сложилась к началу 1720-х гг. В 1716 г. умерла сестра Петра – царевна Наталья Алексеевна – которая, возможно, как-то покровительствовала Варлааму. Новые силы дала противникам Варлаама публикация Духовного регламента и организация Синода, включая сюда, конечно же, и институт духовных фискалов – инквизиторов. Благодаря последним обеспечивался приток важной информации с мест, не доходившей через традиционные структуры. Противники Варлаама решили нанести удар, выбрав для него момент, когда архимандрит находился в Москве.

26 Января 1722 г. в Синод «ис Приказу инквизитерских дел» было направлено доношение протоинквизитора иеродиакона Пафнутия следующего содержания:

«Жил я, послушник ваш, в Переславле Залеском в Николаевском монастыре тому назад лет близ дватцати, и в то время в Борисоглебском монастыре, что в Переславле на Песках того монастыря жителя схимонаха

¹³ Дата пострижения Варлаама, как и год его рождения, были высчитаны А.А. Титовым благодаря ведомости Переславского Данилова монастыря, составленной в 1723 г. [Титов, с. 353].

¹⁴ [Строев, стб. 668, 678]. Следует исправить ошибку архимандрита Леонида, называющего Варлаама настоятелем Никольского монастыря, а также ошибку Л.Б. Сукиной и М.С. Крутовой, объявляющей его игуменом Борисоглебского на Песках монастыря [Леонид, с. 570; Сукина, с. 83; Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 92]. В том, что касается Николаевского на Болоте монастыря, то П.М. Строев указывает здесь строителя Питирима (с 1704 г.). Гораздо сложнее с Борисоглебским монастырем на Песках, игумены которого, кажется, перепутаны у Строева с игуменами одноименного монастыря в Горах. Более того, в качестве игумена «на Песках» указан некий Варлаам – очевидно, тезка Варлаама (Высоцкого) [Строев, стб. 686, 712–714]. Это мелочи, но они могут помешать разобраться в запутанных показаниях по «переславскому делу».

Корнилия, которой умер тому лет с тридцать, кости из земли выняты и поставлены в церкви, которого ныне имеют за святого и поклон отдают. А по как[ому] свидетельству или указу сие учинено, о том неведомо. А сведом о сем Данилова монастыря архимандрит Варлаам, понеже оное производил он, Варлаам».

Донос был по крайней мере неточным — двадцать лет тому назад, т. е. в 1702 г., Варлаам был еще простым иноком Борисоглебского монастыря, насельником которого был и доносчик¹⁵. Насколько известно, Варлаам никогда не был игуменом Борисоглебского монастыря и вряд ли мог отвечать за проходившее там освидетельствование мощей. Тем не менее, на заседании Синода принято было решение допросить Варлаама.

Очевидно, Варлаам находился в Москве, иначе трудно было бы объяснить ту скорость, с которой он предстал перед Синодом — уже 30 января 1722 г. он был допрошен. Варлаам заявил, что Корнилий умер около тридцати лет тому назад. «Кости ево Корнилиевы выняты из земли, а в котором году и месяце и числе, того не упомнит, а например, лет с осмнатцать, и вынимал де те кости из земли во время пришествия в тот Борисоглебской монастырь блаженные памяти благоверной государыни царевны и великой княжны Наталии Алексеевны бывшей ростовской митрополит Димитрий по указу Ея Величества государыни царевны, как освящал оной митрополит в том монастыре церковь».

Согласно Варлааму, именно Димитрий Ростовский сочинил тропарь и кондак Корнилию и «мало нечто написал о житии его». Ссылка на указ царевны и на авторитет покойного ростовского митрополита была сильным аргументом, при этом нельзя не отметить, что останки Корнилия Варлаам дважды эксплицитно характеризует как «кости». «Онаго Корнилия за святого имел ли кто, того он не знает, а он его за святого не имеет», — недвусмысленно заявил Варлаам.

Здесь необходимо остановиться и сделать очень важное замечание. Если атрибуция, предложенная М.С. Крутовой, справедлива, то перу Варлаама принадлежит вторая редакция Жития Корнилия, в котором прямо утверждается: «Мощи же его вси быша целы, и одежда его на нем, и тлению ничто же прикоснухся». Записанные вслед за этим чудеса не позволяют усомниться в том, что агиограф рассматривал Корнилия Переславского как чудотворца¹⁶. Свидетельствует ли это против атрибуции второй редакции Жития Варлааму (Высоцкому)? Признав авторство Варлаама, мы вынуждены допустить, что лгал либо Варлаам-агиограф, либо или Варлаам-свидетель — правдоподобным кажется, скорее, последнее. Если это предположение верно, то выбранный Варлаамом ход был крайне рискованным. Труд агио-

¹⁵ Скорее всего, доноситель сознательно перепутал Варлаама с его тезкой — игуменом Никольского монастыря Варлаамом, который, если верить Челобитной Варлаама (Высоцкого), и проводил это освидетельствование [Титов, с. 356].

¹⁶ Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 53.

графа не проходит в келье — он связан с распросами очевидцев жизни подвижников; также, очевидно, могут остаться черновики и автографы. Кроме этого, вовсе не обязательно полагать, что Варлаам лгал Синоду — в таком случае, опубликованное М.С. Крутовой Житие входит в круг произведений, к созданию которых причастен последний великий агиограф *Slavia orthodoxa*.

Очевидно, Синод был не готов примириться с объяснениями Варлаама. В Переславль Залесский направлена была комиссия, состоявшая из «школ и типографии протектора» архимандрита Гавриила (Бужинского) и синодального асессора игумена Угрешского монастыря Варлаама Овсянникова «с протчими служивыми людьми» (в синодальной иерархии они были соответственно советником и асессором). Уже на месте комиссии придан был протоинквизитор иеродиакон Пафнутий, инициировавший донос. «Они же Пафнутий да Варлам [Овсянников — *А.Л.*] с протчими великим бо неверием одержими бяху, глашася быти мудры, обюродеша, осуетишася бо умы своими, и омрачися неразумное их сердце, ушима бо тяжшко слышаше, и очи их душевныя смежишася, и не видеша истиннаго света и великих дел Божиих, чрез угодников его содеянных, бывшыя бо от святых переаславских чудотворцев...» — так описывает позицию комиссии автор «Повести».

Деятельность комиссии, оказавшейся в Переславле уже 10 февраля 1722 г., предстает в ее собственных документах и в «Повести» совершенно разным образом. Если, согласно документам, комиссия занималась в основном культами Корнилия, Даниила и Сергия, то «Повесть» добавляет сюда еще один культ, о котором в деле практически ничего не сообщается — почитание князя Андрея Переславского в Николаевском князь Андреевском девичьем монастыре. Поскольку мощи князя Андрея почивали «под спудом» и никем освидетельствованы не были, они, казалось бы, не должны были привлечь внимание комиссии, искавшей в основном улики против местных церковных деятелей. Тем не менее, согласно «Повести», Пафнутий с Овсянниковым назвали князя Андрея «пустым местом». Сень над его надгробием была разорена, а его вериги бросили на пол и ходили по ним ногами. Пафнутий велел секретарю взять книгу с житием и чудесами князя Андрея, а также его вериги в Москву, там они и были утрачены. Образ князя Андрея велено было отвезти в ризницу Никольского монастыря, где его положили «лицем к земле». Только благодаря настоятелю этой обители образ сохранился.

Согласно собственным протоколам, синодальная комиссия начала свою работу с осмотра мощей Корнилия в Борисоглебском монастыре, проведенного в присутствии иеромонаха Иоасафа. «По осмотру явилось», что в Борисоглебской церкви поставлена «сень резная золоченая на четырех столпах с шатровым покровом». Под ней стояла рака из соснового дерева, обитая парчой, в которой было сделано что-то вроде открывающейся дверцы, запечатанной печатью архимандрита Варлаама. Сломав печать, члены

комиссии нашли в раке гроб из кипарисового дерева, который они и открыли. Члены комиссии сняли атласный покров и схиму, лежавшую в гробу, и им открылась следующая картина:

«А под схимую положено во весь же гроб черное манатейное сукно, под которым лежит кость мертвого человека главы, от которой наложен весь гроб хлобчатою бумагою, подобно человеческого тела, и где бывают ноги, тамо оная бумага и раздвоена, где под покровами якобы и совершенные ноги признаваться могли. А во оной бумаге и под бумагою лежат кости наги человеческия, которые уже поизломались и от составов отделилися, и не на своих лежат местех».

Представляется, что практика, с которой столкнулись члены синодальной комиссии в Переславле Залеском, была вполне нормальной для барочного католицизма. Реликвии, даже в том случае, когда сохранились лишь несколько фрагментов, «восполнялись» с помощью воска так, что для почитания верующих выставлялась своего рода скульптурная фигура, воспроизводившая очертания и формы человеческого тела [Ghilardi]. Сама по себе подобная практика была почти обычной — однако, ее можно было упрекнуть в том, что верующие, подходящие к реликвиям, полагают, что прикладываясь к нетленным мощам, что не соответствует реальному состоянию дел.

Впрочем, синодальная комиссия не имела времени для подобных рассуждений, сосредоточив свои усилия на ликвидации всех атрибутов не санкционированных култов, а также на сборе улик против архимандрита Варлаама. Сень над гробом была сломана, а гроб переставлен из церкви в ризницу. Три дощечки, на которых написаны были тропарь, кондак и краткое известие о житии Корнилия, а также два «бумажных листа», на которых изображено было погребение Корнилия и обретение его мощей, были конфискованы. Особенно ценным приобетением оказалась изъятая в ризнице Житие Корнилия, в котором указаны были двенадцать его чудес, имевших место с 1701 по 1710 г.

При том же осмотре в притворе Борисоглебской церкви была «усмотрена... гробница ж деревяная, накрыта сукном черным», на которой лежали железные вериги. В ней покоились останки схимонаха Адриана, «убиенного от воров», однако подробно заняться ими комиссия не успела.

В тот же день она отправилась в Переславский Данилов монастырь, где занялась осмотром мощей Даниила Переславского, находившихся в специальной гробнице «между соборною и пределною церквами», «которым обычного свидетельства святейшему правительствующему Синоду неизвестно, и когда, и кем, и по какому указу оные выняты, и с чьего позволения за святыню почитаются неведомо».

Открыв железную решетку и вскрыв раку соснового дерева, члены комиссии застали примерно ту же картину: в монашескую мантию оказались завернутыми «глава и прочие кости мертвого человека, с землею и мелом смешанные, которые и развалились, токмо обязаны во оной мантии поя-

сом»¹⁷. И здесь при помощи хлопчатой бумаги было «вместо груди, и рук и ног якобы в подобие человека в верх костей выкладено»¹⁸. Опечатав останки синодальной печатью, комиссия конфисковала две рукописи, сохранившие «службу» Даниилу Переславскому и его житие с чудесами.

На следующий день, 13 февраля, комиссия продолжила свою работу в Федоровском девичьем монастыре, осмотрев гробницу строителя Сергия, находившуюся внутри церкви¹⁹.

Списки чудес, совершенных Корнилием и Даниилом, дали в руки комиссии имена тех, кто, по ее мнению, был ответственен за распространение несанкционированных культов. Уже 12 февраля комиссией был допрошен «тамошний обыватель Тимофей Козлов», которого спрашивали о «мнимом чуде». Однако Козлов настаивал на своем, утверждал, что он был исцелен от головных болей после прикосновения к «части ветхой... мантии» Корнилия. После того, как он протер ею голову, «и в то же время, не знаю откуда, невидимо ево Козлова огонь опалил и вода оросила». Упорствовавшего в своих показаниях Козлова положено было «взять в Москву». Речь идет, несомненно, о Тимофее Михайлове, посадском человеке, со слов которого было записано 29 июля 1703 г. третье чудо Корнилия – об избавлении от падучей болезни²⁰.

Побочным результатом работы комиссии стал необычный по своей жесткости синодальный указ, датированный 15 марта 1722 г. В указе, в котором не названо было имя архимандрита Варлаама, сообщалось что «в некоторых при Переславле Залесском монастырях» обнаружались гробы, в которых находились «вместо телес резные и издолбленные колоды». Само по себе это утверждение было ложным – обильно процитированные выше протоколы синодальной комиссии ни разу не отмечают наличия таких деревянных изваяний (между тем, это была прекрасная возможность риторически объединить две важные темы «реформы благочестия» – деревянную скульптуру и «ложные мощи»). Указ предписывал проследить, не наблюдается ли где-либо еще подобного же рода практика²¹. Судьба этого указа оказалась странной. Во-первых, от всего тиража в пятьдесят экземпляров сохранился только один – а именно, корректурный экземпляр. Забегая вперед, можно сказать, что дальнейший ход расследования заставляет усомниться в том, что такой указ был разослан на места.

Попавшие в распоряжение комиссии свидетельства позволили ей подготовить «Исповедание», которое Варлаам должен был прочитать перед братией монастыря – несмотря на то, что это наказание было очень мягким, оно должно было бы, например, исключить для него возможность архиерейской

¹⁷ РГИА. Ф. 796 (Синод). Оп. 205. № 7. Л. 51 об.

¹⁸ Там же. Л. 52.

¹⁹ Там же. Л. 73.

²⁰ Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 56.

²¹ Текст указа полностью переиздан [Лавров, с. 161].

хиротонии. В то же время Варлаам подготовил и собственную версию событий, изложенную им в челобитной, которую он смог представить царю.

В челобитной Варлаам полностью снимает с себя вину за обретение мощей Корнилия, утверждая, что последнее было осуществлено его тезкой, никольским игуменом Варлаамом «с позволения словесного» митрополита Димитрия Ростовского и в присутствии царевны Натальи Алексеевны»²². Варлаам утверждает, что в это время он был еще белым священником в Рождественском соборе (что было неправдой, если вспомнить, что мощи были обретены в 1705 г.). Именно никольский игумен и заявил, что Корнилий творит чудеса, в то время как сам Варлаам убедился в том, что мощи Корнилия не являются нетленными. Все эти аргументы могли бы показаться вполне убедительными, если бы комиссии не удалось бы найти на раке Корнилия печать самого архимандрита Варлаама (Высоцкого).

Что же касается Даниила Переславского, о котором Варлаам резонно замечает, что его житие включено в «Пролог», то имело место только переложение его мощей в новый гроб, оставшийся в той же гробнице, что не изменило характера культа: «А народ прикладывалис по-прежнему на гробнице образ преподобного Данила и почитали за святого». Особенно точной представлялась в этом свете приведенная Варлаамом помета на его челобитной о переложении мощей Даниила, принадлежащая митрополиту Стефану (Яворскому), который в качестве президента Синода должен был председательствовать в заседании, рассматривавшем его дело. Варлаам безоговорочно признал только одну провинность — то, что он повелел переставить в церковь найденный при разборке старого храма гроб Сергия²³.

Напротив, согласно «Исповеданию», подготовленному, очевидно, членами комиссии, как раз Варлаам оказывался виновным в том, что останки Корнилия почитались в качестве мощей, что написана была его икона, и что ему служились молитвы (причем, совершенно была забыто то, что речь идет о тексте, который кающийся читает от первого лица; присовокуплено было целое рассуждение о несообразности одновременного служения панихид по тому же лицу, которому читают тропарь и кондак). «Аз же суетный, легкомыслием моим и содержащеюся во мне не по разуму ревностию, тшася чрез вышеозначенное онаго Корнилия чествование и всегдаш-

²² «Николаевского монастыря игумен Варлаам» появляется и во второй редакции Жития Корнилия в качестве его духовного отца (Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 53).

²³ Законодательные акты Петра I. Т. II. Акты об общественных классах. Т. III. Акты о промышленности и торговле. № 291. С. 407–408. Интерпретация челобитной, предложенная Л. Б. Сукиной, кажется мне несколько свободной. Л. Б. Сукина считает, что ссылка на помету Стефана Яворского была лишь умелым ходом со стороны Варлаама: «Стефан Яворский был в немилости у императора, находился под следствием и страдал от болезни, которая вместе с другими бедами свела его в конце того же 1722 года в могилу» [Сукина, с. 81–91]. Напротив, внимательное чтение той же самой статьи А.А. Титова показывает, что митрополит Стефан председательствовал на синодальном собрании 18 мая 1722 г., разбиравшем переславское дело [Титов, с. 359].

нее простолюдинов прихождение и доволную от них дачю, оной монастырь обогатить и распространить, что уже и в действе показалось» — должен был говорить Варлаам — очевидно, забыв о том, что сам он был архимандритом Данилова монастыря, а не игуменом Борисоглебского, которому и должна была достаться «дача». Далее Варлаам должен был признаваться во лжи — он якобы ложно доложил в 1716 г. митрополиту Стефану, создав впечатление, что мощи Даниила Переславского перекадываются из раки в раку, тогда как они лежали «под спудом». Тем самым Варлаам признавался и в незаконном извлечении мощей из-под спуда, и в том, что он обманул легковверных и начальство, представив их «нетленными». Покаяться Варлаам должен был и в неправильном выставлении в церкви гроба Сергия.

В интерпретации «Исповедания» мы совершенно не можем согласиться с Л.Б. Сукиной, утверждающей, что речь идет о тексте, «написанном» Варлаамом, «рукопись которого цензурировалась в Синоде» [Сукина, с. 86]. Действительно, если интерпретировать текст буквально, то автор в нем «кается» и «признается» почти во всем, что ему инкриминировалось, в том числе и в «прямом обмане» митрополита Стефана (Яворского). Именно сопоставление челобитной и «Исповедания», предлагающих порой диаметрально противоположные версии событий, оказывается для Л.Б. Сукиной основой для создания портрета Варлаама, которому свойственны «навыки участия в интригах, умение занять уклончивую позицию с возможностью многовариантных путей выхода, высокая приспособляемость к меняющейся политической и идеологической ситуации» [Сукина, с. 90]. Между тем, простое сопоставление материалов синодальной комиссии с «Исповеданием» показывает, что оно просто является изложением версии следствия, материалы которого вряд ли доставлялись главному обвиняемому. Варлаам по отношению к этому тексту является не автором, а своего рода диктором, которому предстояло артикулировать от первого лица чужой текст.

Совершенно неясно, действительно ли Варлаам произнес это Исповедание, в котором факты, полученные синодальной комиссией, были подчас передернуты (точно так же не ясно и то, было ли оно разослано по епархиям)²⁴. Само по себе наказание было просто ничтожным — за подобные вины другой давно бы отправился «под начал» в один из северных монастырей, предварительно познакомившись с Тайной канцелярией. Но Варлаам воспользовался пребыванием в Москве своих покровителей, чтобы искать заступничества у царя, в чем и преуспел. Результатом этих хлопот стала резолюция, наложенная лично Петром и объявленная 18 мая 1722 г. в собрании Синода А.Д. Меншиковым, которая освобождала Варлаама от всякого наказания, так как два его проступка были совершены до публикации Духовного регламента.

²⁴ К сожалению, невозможно проверить утверждение Л.Б. Сукиной о том, что текст «Исповедания» был напечатан [Сукина, с. 86].

Здесь есть только одна трудность. Как показывает биографическая хроника, созданная Е.В. Анисимовым, 18 мая 1722 г. царь находился уже не в Москве, а на корабле, плывущем по Оке: как раз началась Каспийская экспедиция. Е.В. Анисимов полагает, что «резолюция последовала раньше 18.05», что не может быть невероятным — тем же днем датировано и замечательное решение о передаче Феофану (Прокоповичу) конфискованного московского двора А.В. Кикина. С другой стороны, многое связано здесь и с вопросом, является ли резолюция автографом Петра, или записана с его слов. Н.А. Воскресенский считал, что на челобитной имеется «резолюция Петра I»²⁵. Но можем ли мы вообще допустить, что окружение Петра могло рискнуть вмешаться в синодальное заседание, предъявив его «резолюцию», которую нужно было потом подтвердить у самодержца задним числом?

Сама по себе петровская резолюция представляется крайне знаменательной. На фоне крайней жесткости, с которой проводилась в жизнь «реформа благочестия», резолюция по делу Варлаама вызывает у современного читателя скорее подсознательное облегчение, заставляя его вспомнить о том, что милость выше права. Именно в подобном смысле ее истолковывал Н.А. Воскресенский, посвятивший ей целый панегирик: «В этой резолюции Петр автор ее отразился со всей полнотой как правитель и как моральная личность. Он стоит на страже интересов государства, церкви и православной веры, хорошо осведомлен в осуществляемой им религиозно-церковной политике, гибок и далек от огульных мер, внимателен к человеку, ищущему у него правосудия и оправдания, наконец, справедлив даже к представителю класса, вообще не жалуемого им как правителем» [Воскресенский, с. 345].

С своей стороны, я вижу скорее в этой резолюции сугубо политический смысл, рассматривая ее как часть системы сдержек и противовесов — после того, как «реформа благочестия» позволила выдвинуться и укрепиться одной группе церковных иерархов, царь не позволил им окончательно разгромить другую. Кроме того, это решение полностью противоречило правовой логике петровской церковной реформы. Оно как бы показывало, что «суеверные» практики могли быть терпимы в качестве исключения для узкого круга лиц, к которым Преобразователь был расположен. Тем самым «суеверия» автоматически становились своего рода привилегиями, а их негативное маркирование практически аннулировалось. Непоследовательность, проявлявшаяся здесь Преобразователем, впоследствии облегчит ревизию «реформы благочестия», предпринятую его преемниками.

Кажется, что даже после этой резолюции борьба вокруг итогов «переславского дела» не была закончена. У этого дела было еще по крайней мере два постскриптума. Для того, чтобы правильно контекстуализировать эти

²⁵ Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем, 18.05.1722, spb.hst-ru/humart/history/peter/biochronic/246487221. Последняя консультация 8 января 2022 г.

«постскрипумы», необходимо напомнить о судьбе петровской «реформы благочестия», составной частью которой стала деятельность переславской комиссии. Приход к власти императрицы Екатерины I означал отказ от этой реформы, а некоторые ее видные деятели оказались в заточении, как это случилось в Феодосием (Яновским). Плачевной оказалась и судьба членов переславской комиссии: Варлаам (Освянников) оказался в монастырской тюрьме, а Гавриил (Бужинский) был отстранен от управления епархией. С другой стороны, символическое назначение получил Варлаам (Высоцкий), ставший в 1726 г. настоятелем Троице-Сергиева монастыря — для современников было безразлично, что руководство важнейшим русским монастырем незадолго до этого принадлежало его гонителю Гавриилу (Бужинскому).

Именно в 1725–1730 гг. были аннулированы наиболее одиозные запреты, что позволяет говорить о своего рода «контрреформе». Не случайно, что на излете этого короткого периода сделана была и попытка пересмотреть результаты работы синодальной комиссии. Согласно свидетельству «Повести», «при комнате» императрицы Анны Иоанновны жила монахиня Переславского Федоровского монастыря «Наталья Ивановна, бывшая боярыня, именованьем Зимкова». В ноябре 1730 г. императрица послала Наталью в Переславль Залеский, указав ей «над мощами... его разоренный гроб и сень построить, яко и прежде бе». Полагалось возобновить и службу князю Андрею, что монахиня и сделала с помощью игуменьи Елизаветы²⁶. Так как, согласно «Повести», все описываемые события происходят в Переславском Федоровском монастыре (хотя на самом деле речь должна была бы идти о князь Андреевском) возникают законные сомнения. Однако личность инокини Натальи известна и по другим источникам.

Фигура инокини Натальи (в миру Феклы Ивановны Взимковой, 1673–1749) не раз привлекала внимание переславских краеведов, а о причине ее исключительной близости к царствующему дому делались самые разные преположения. А. Свирелин предположил, что она была «крестницей Натальи Кириловны», а также, что она была знакома с царем Петром еще в детские годы [Свирелин, с. 30]. М.П. Смирнов записал предание, согласно которому Взимкова была будто бы няней, которой Наталья Кириловна доверила своего сына, отметив противоречие: в таком случае няня оказывалась годом младше своего воспитанника. Наконец, существует и романтическая версия взаимоотношений Петра и Феклы Взимковой, не подкрепленная никакими источниками [Смирнов, с. 142; Левицкая, с. 132–135].

Более точные биографические данные содержит синодальное дело, заведенное по челобитной монахини Натальи (Взимковой) в Вотчинную коллегию в 1728 г., дополненное данными из архивов переславских монасты-

²⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. XIV. С. 633–634.

рей. Взимкова была дочерью дьяка Царицыной мастерской палаты Ивана Дмитриевича Взимкова. После дворцового переворота 1689 г., приведшего Нарышкиных к власти, она получила село Решково в Кромском уезде, конфискованное у Л.Р. Неплюева. Не позже 1692 г. она была пострижена в Федоровском монастыре, дав вкладом по своим родителям Евангелие (следовательно, обоих к тому времени не было в живых)²⁷. Соображение краеведа А. Свирелина о том, что Взимкову постригли «насильно», «как близкую к царице», абсолютно невероятно — постриг произошел во время нарышкинского правления, когда царица Наталья Кирилловна сохраняла исключительное влияние на ход дел. Во всяком случае, Петр, бывавший на Переславском озере для своих первых судостроительных затей, встречался с инокиней Натальей, чтобы передать через нее вклады в монастыри. Можно было бы принять известие «Повести» о поездке инокини Натальи в Москву и ее встрече с императрицей Анной Иоанновной за вымысел, если бы не ее письмо, сохранившееся в архиве герцогини Курляндской, которое свидетельствует о том, что Наталья поддерживала свои связи в верхах и в 1730-е гг.

Возможно, что Синод не был своевременно проинформирован о самостоятельной реставрации несанкционированных культов в Переславле. Однако последовавшее затишье могло быть связано и с парадоксальными — для синодальных дел — итогами политического кризиса 1730 г. С одной стороны, еще раз укрепились позиции Варлаама (Высоцкого), которого мы видим в новой роли — духовника императрицы Анны Иоанновны²⁸. С другой стороны, усилились позиции Феофана (Прокоповича), показавшего себя в 1730 г. последовательным сторонником самодержавия. Именно Феофан и режиссируемые им архиерейские процессы определяют содержание последующих шести лет в истории Русской православной церкви. Составной частью борьбы Феофана за влияние окажется и соперничество с Варлаамом (Высоцким).

С этим соперничеством связан и второй постскрипtum к переславской истории, написанный в 1734 г. В ходе одного из следственных дел, более известного как дело Георгия Зварыкина, приведшего к опросам десятков свидетелей, в распоряжении синодальных чиновников оказался список «Сказания». В сентябре 1734 г. синодальный секретарь Михаил Дудин направил игумену Троице-Сергиева монастыря Евсевию письмо следующего содержания:

²⁷ РГИА. Ф.796 (Синод). Оп. 9. № 281, 1728 г., Л. 1, 4; [Левицкая].

²⁸ Именно к этому времени относится образ Варлаама, созданный Антиохом Кантемиром в его третьей сатире. Интересно, что Кантемир обвиняет Варлаама в склонности к стяжательству («о доходах говорить церковных склоняет / Кто дал, чем жиреет он, того похваляет»), что прямо перекликается с «Исповеданием» — что, впрочем, совершенно не случайно — третья сатира посвящена Феофану (Прокоповичу). Показательно, что Кантемир считает Варлаама упорным и злопамятным по отношению к его противникам («...но ищет в прах стерти / Тайно недруга, не даст покой и по смерти») (*Кантемир А. Собрание стихотворений*. Л., 1956. С. 94).

«Честнейший отец игумен Евсевий,

Письмо ваше сего текущаго месяца сентября от 17 дни я исправно получил и на оное вам по приказу знатной некоей духовной особы объявляю: упоминаемые во оном вашем письме взятые Троицкого Сергиева монастыря ис кельи иеромонаха Гедеоны тетради и письма все без остатку, оставя с них у себя для ведома и надлежащего произведения точныя копии, извольте прислать Святейшему Правительствующему Синоду по обыкновению в самой крайней скорости, а именно по получении сего с первой почтою

Честности ваша покорный слуга Михайло Дудин»²⁹.

В тот же день, когда Дудин отправил свое письмо из Петербурга — 24 сентября 1734 г. — запрошенные им «тетради, и листы, и лоскуты» были отправлены ему из Москвы Иваном Топильским. Очевидно, кто-то в Москве уже знал о пожелании «знатной некоей духовной особы», и постарался предупредить его. Согласно Ивану Топильскому, эти «тетради» Гедeon сам переписал с рукописи монаха Вениамина из Никольского Переславского монастыря. Этот Вениамин умер в феврале 1732 г., не оставив после себя никаких бумаг. Живший с ним в одной келье монах Михаил был допрошен и показал, что «за оным монахом Вениамином никакого тайного и явного подозрения не знает, и между ими о монашестве и о прочем вопреки святым правилам и указам никакого рассуждения не было». Совершенно очевидно, что переславское дело постарались запустить по второму кругу. Можно высказать предположение о том, что «некоей духовной особой» был Феофан Прокопович. Если эта гипотеза верна, то смерть Феофана в 1736 г. может объяснить окончательную остановку этого дела.

Во-первых, особо интересным представляет собой сравнение данных двух синодальных дел и «Повести» с агиографическими источниками. Согласно «Повести», в ходе разгрома, учиненного участниками комиссии, утрачено было сказание о князе Андрее Смоленском. Но, как известно, рукописи не горят, так что уже Н.П. Барсукову известно было шесть списков Жития кн. Андрея, из которых историк пять относит к XVII в. (то есть ко времени до деятельности комиссии), а также три списка службы ему³⁰. Рукописная традиция, посвященная Даниилу Переславскому, включающая краткое и пространное житие, сказание о его мощах и службу, также не была прервана. Наиболее интересна история с житием Корнилия Переславского, которое дошло в двух редакциях, причем вторая из них — именно та, которая и попала в синодальную комиссию. Эта вторая редакция дошла

²⁹ РГИА. Ф. 796 (Синод). Оп. 205. № 7. Л. 3.

³⁰ [Барсуков, стб. 39–40]. О современном состоянии вопроса см.: [Андроник (Трубачев), игум., Романенко Е.В., Попова Т.Л.]. Вопросу о генеалогии князя Андрея Переславского (или Смоленского) посвящена большая литература, удачно обобщенная в статье А.Ю. Семанина [Семанин].

в двух списках, из которых один относится к началу, а второй — к концу XVIII в³¹. Таким образом, рукописная традиция и здесь не была прервана, хотя запись чудес и не возобновилась после 1722 г. Было бы крайне интересно однажды изучить эти рукописные традиции как единый корпус, включая и списки чудес, которые приложены к ним.

Во-вторых, сама по себе деятельность переславской комиссии представляется исключительной. Обычно вмешательства Синода в почитание «несвидетельствованных мощей» на местах носили точечный характер. Можно сказать, что устранение того или иного несанкционированного культа мало влияло на почитание святых в целом — подобные вмешательства устраняли новые (или несанкционированные) культы, что только укрепляло традиционные, признанные церковью культы. Кроме того, сами эти акции носили единовременный характер и не сопровождались какими-либо попытками проконтролировать состояние дел, сложившееся год или два спустя, что делает легитимным предположение о том, что через какое-то время все возвращалось на круги своя.

Напротив, деятельность комиссии в Переславле, кажется, способна была дестабилизировать всю систему в целом. Конечно, можно возразить, что сверхзадачей комиссии был не демонтаж местных культов, а сбор компрометирующих материалов на Варлаама, но и это не меняет сути дела. Оказалось, что практически все культы переславских святых, включая и те, в законности которых никто не сомневался, не опираются на синодальное освидетельствование и могут быть поставлены под сомнение. Тем не менее, выкорчевать их не удалось. Подробный церковный путеводитель по Владимирской епархии, составленный в канун Великих реформ, упоминает почитание кн. Андрея Смоленского и схимонаха Корнилия. Внимательный читатель помнит, что члены комиссии забрали с собой вериги, однако автор путеводителя утверждает, что «вериги св. Князя находятся при его гробнице» — вопрос о том, те ли это вериги, повисает в воздухе. Точно так же, над гробом Корнилия находится деревянная, «вызолоченная рака под таковою же сению», у которой по-прежнему читаются тропарь и кондак святому [Иоасаф (Гапонов), с. 85–97]. Своего рода огромную синхронную панораму почитания святых во второй половине XIX в. представляет «Полный Месяцеслов Востока» Сергия (Спасского), в который оказался внесен и Корнилий Переславский, мощи которого «почивают под спудом в приходской, прежде монастырской церкви» (под 22 июля) и князь Андрей Переславский, чьи мощи покоятся «в Переславле в церкви св. Николая» (под 27 октября). Совершенно ясно, что Сергей рассматривал и первый, и второй культ как вполне признанные священноначалием [Сергий (Спасский), с. 192, 285].

³¹ Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 98–99.

В третьих, издательская судьба петровской резолюции, указа о мошах, а также самой «Повести» представляется крайне примечательной. Приходится признать, что синодальные архивисты оказались здесь склонны к цензуре и самоцензуре такого рода, которую мы обычно подозреваем у советских историков. Зато позиция Н.А. Воскресенского вполне ясна — будучи человеком своего времени, на глазах которого разворачивалась «мощейная кампания», он был рад включить в свои издания любой документ, принадлежащий Петру Великому, в котором можно было бы найти анти-клерикальные нотки.

Литература

- Алексеев А.И.* Варлаам // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 588–589.
- Андроник (Трубачев), игум., Романенко Е.В., Попова Т.Л.* Андрей Переяславский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 377–379.
- Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. XII с., 616 стб., [2], VIII с.
- Бегунов Ю.К.* Бужинский Гавриил Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. А–И. С. 128–129.
- Воронин Н.Н.* Переславль Залесский. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. 54 с., ил.
- Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
- Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. VI, 462 с.
- Иоасаф (Гапонов), иеромонах.* Краткие сведения о св.угодниках Божиих и местно чтимых подвижниках благочестия, коих св.мощи почивают в церквах Владимирской епархии. Владимир, 1860. 102 с.
- Крашенинникова О.А.* Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (часть 1) // Культурное наследие России. 2015. № 4. С. 49–55.
- Лавров А.С.* Почитание св. мощей и петровская церковная реформа // Русская религиозность: проблемы изучения. СПб., 2000. С. 155–174.
- Левицкая Н.В.* К истории переславского Федоровского монастыря в конце XVII – начале XVIII в. // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 131–136.
- Леонид, архимандрит.* Архимандрит Варлаам // Русский архив. 1874. № 3. С. 568–571.
- Свирелин А.* Переславский Федоровский женский монастырь. Владимир, 1903. [2], 43 с.
- Семанин А.Ю.* «Аз есмь Андрей, един от смоленских князей...» К вопросу о личности святого благоверного князя Андрея Смоленского // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2019. Т. 1. № 1. С. 97–107.
- Серафим (Питерский), игум., Мелетия (Панкова), мон.* Гавриил (Бужинский) // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 211.
- Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока. Святой Восток. М., 1876. Т. 2. [4], XXII, 342, 404, 272, XII с.

- Смирнов М.И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911. XII, 240, II с.
- Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб.
- Сукина Л.Б.* Варлаам (Высоцкий) – духовное лицо эпохи петровского барокко // Ползуновский альманах. 2017. № 4–1. Ч. 1. С. 81–91.
- Титов А.А.* Архимандрит Варлаам Высоцкий. Из архивных дел XVIII в. // Русский архив. 1901. № 3. С. 353–363.
- Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great, London: the Macmillan Press, 1971. XIV, 336 p.
- Ghilardi M.* Le simulacre du martyre. Fabrication, diffusion et dévotion des corps saints en céroplastie // Archives de sciences sociales des religions. Vol. 183. Juillet–septembre 2018. P. 167–186.
- Lenhoff G.* The Cult of Saint Nikita the Stylite in Pereslavl' and Among the Muscovite Elite // Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Age et à l'époque moderne. Approche comparative. Warszawa, 1999. P. 331–346.
- Villari, R.* Der Mensch des Barock, Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verl. 1997. 396 S.

References

- Alekseev A.I. Varlaam // *Pravoslavnaya enciklopediya*. M., 2003. T. 6. Pp. 588–589.
- Andronik (Trubachev), igum., Romanenko E.V., Popova T.L. Andrej Pereyaslavskij // *Pravoslavnaya enciklopediya*. M., 2001. T. 2. Pp. 377–379.
- Barsukov N.P. Istochniki russoj agiografii. SPb., 1882. XII s., 616 stb., [2], VIII p.
- Begunov Yu.K. Buzhinskij Gavriil Fedorovich // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka*. L.: Nauka, 1988. Vyp. 1. A–I. Pp. 128–129.
- Voronin N.N. Pereslavl' Zalesskij. M.: Izd-vo Akademii arhitektury SSSR, 1948. 54 p., il.
- Voskresenskij N.A. Petr Velikij kak zakonodatel': Issledovanie zakonodatel'nogo processa v Rossii v epohu reform pervoj chetverti XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 640 p.
- Zverinskij V.V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnyh monastyryah v Rossijskoj imperii. SPb., 1892. T. II. Monastyri po shtatam 1764, 1786 i 1795 godov. VI, 462 p.
- Ioasaf (Gaponov), ieromonah. Kratkie svedeniya o sv.ugodnikah Bozhiih i mestno chtimyh podvizhnikah blagochestiya, koih sv.moshchi pochivayut v cerkvah Vladimirskoj eparhii. Vladimir, 1860. 102 p.
- Krashenninnikova O.A. Sinodal'nye reformy petrovskogo vremeni i krizis tradicionnyh predstavlenij o svyatosti (chast' 1) // *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2015. № 4. Pp. 49–55.
- Lavrov A.S. Pochitanie sv. moshchej i petrovskaya cerkovnaya reforma // *Russkaya religioznost': problemy izucheniya*. SPb., 2000. Pp. 155–174.
- Levickaya N.V. K istorii pereslavskogo Fedorovskogo monastyrya v konce XVII – nachale XVIII v. // *Trudy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Kogda Rossiya molodaya muzhala s geniem Petra», posvyashchennoj 300-letnemu yubileyu otechestvennogo flota*. Pereslavl'-Zalesskij, 1992. Vyp. 1. Pp. 131–136.
- Leonid, arhimandrit. Arhimandrit Varlaam // *Russkij arhiv*. 1874. № 3. Pp. 568–571.
- Svirelin A. Pereslavskij Fedorovskij zhenskij monastyr'. Vladimir, 1903. [2], 43 p.

- Semanin A. Yu. «Az esm' Andrej, edin ot smolenskih knyazej...» K voprosu o lichnosti svyatogo blagovernogo knyazya Andrey Smolenskogo // *Slovo i obraz. Voprosy izucheniya hristianskogo literaturnogo naslediya*. 2019. T. 1. № 1. Pp. 97–107.
- Serafim (Piterskij), igum., Meletiya (Pankova), mon. Gavriil (Buzhinskij) // *Pravoslavnaya enciklopediya*. M., 2005. T. 10. P. 211.
- Sergij (Spasskij), arhim. Polnyj mesyaceslov Vostoka. Svyatoj Vostok. M., 1876. T. 2. [4], XXII, 342, 404, 272, XII p.
- Smirnov M.I. Pereslavl'-Zal'skij. Ego proshloe i nastoyashchee. M., 1911. XII, 240, II p.
- Stroev P.M. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej Rossijskiya cerkvi. SPb., 1877. X p., 1064, 68 stb.
- Sukina L.B. Varlaam (Vysockij) – duhovnoe lico epohi petrovskogo barokko // *Polzunovskij al'manah*. 2017. № 4–1. Ch. 1. Pp. 81–91.
- Titov A.A. Arhimandrit Varlaam Vysockij. Iz arhivnyh del XVIII v. // *Russkij arhiv*. 1901. № 3. Pp. 353–363.
- Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great, London: the Macmillan Press, 1971. XIV, 336 p.
- Ghilardi M. Le simulacre du martyre. Fabrication, diffusion et dévotion des corps saints en céroplastie // *Archives de sciences sociales des religions*. Vol. 183. Juillet–septembre 2018. Pp. 167–186.
- Lenhoff G. The Cult of Saint Nikita the Stylite in Pereslavl' and Among the Muscovite Elite // *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Age et à l'époque moderne. Approche comparative*. Warszawa, 1999. Pp. 331–346.
- Villari, R. Der Mensch des Barock, Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verl. 1997. 396 S.

Alexander S. Lavrov,
University of Sorbonne, Paris, France

SOME NOTES ON THE RESULTS OF THE WORK OF THE SYNODAL COMMISSION IN PERESLAVL-ZALESSKY IN 1722

Based on the material of cases from the Synodal archive, the article examines sources on veneration of saints in Pereslavl-Zalesky and the activities of the synodal commission that examined the relics. The conclusion is made about the role that the nun Natalya (Vzimkova) later played in revising the results of the commission's activities.

Keywords: religion in the time of Peter the Great, relics of saints, Kornily Pereslavsky, Saint Daniil Pereslavsky, Andrey Pereslavsky, Natalya (Vzimkova), synodal decree of March 15, 1722, Archimandrite Varlaam (Vysotsky), Feofan Prokopovych.

П.В. Лизунов
Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск,
Северодвинск, Россия

Петр I и учреждение купеческой биржи в России

Среди многочисленных нововведений, заимствованных Петром I на Западе, была купеческая биржа, ставшая со временем одним из важнейших экономических институтов Нового и Новейшего времени. В течение более 100 лет после учреждения биржи в России она функционировала на основе петровского законодательства фактически без изменения. Биржа как торговый институт просуществовала Российской империи до ее краха в 1917 г. Непродолжительное время товарные и сырьевые биржи функционировали в Советской России в период НЭПа. В начале 1990-х гг. они вновь появляются в России, что свидетельствует о их значимости для экономики страны.

Ключевые слова: *Петр I, биржа, торговля, Петербург, гостиный двор, Коммерц-коллегия*

С именем Петра I связано множество всевозможных реформ и нововведений в разных сферах жизни страны. Многие из них были заимствованы в Западной Европе. Некоторые из петровских новаций просуществовали недолго, многие сохранялись десятилетиями, часть из преобразований сохраняются до нашего времени. Одним из таких нововведений Петра I стало учреждение в России торговой биржи и издание первых узаконений, регламентирующих ее деятельность.

При закладке Петербурга Петр I обращал особое внимание не только на стратегически важное военное положение будущей столицы, но и на возможности внешней и внутренней торговли. Он хотел превратить свое детище в приморский купеческий город — «второй Амстердам», «желанную пристань Балтийского моря», как сам не раз его называл. Петербург должен был стать главным портом российского государства, центром ввозной и вывозной торговли.

Точная дата основания Петербургской биржи неизвестна, как неизвестен и указ о ее учреждении. В бумагах Петра I самое раннее упоминание о бирже встречается в его «Записной книжке № 2 с заметками, не имеющими законодательного характера», без обозначения конкретной даты: «Чтоб бирж зделат в Питербурхе из Коммерц-коллегии». Эту запись историк Н.А. Воскресенский, датировал 1718–1719 гг. [Воскресенский, с. 68–69].

Впервые в официальных документах биржа упоминается в «Регламенте, или Уставе Главного магистра», изданном 16 января 1721 г. В XVIII главе «О биржах или схожих местах» говорилось: «Такожде надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах, со временем же в удоб-

ных местах недалеко от Ратуши, по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которых бы сходились торговые (люди) граждане для своих торгов...»¹.

Однако ко времени издания Регламента биржа в Петербурге уже существовала, и тому есть немало свидетельств. Традиционно принято считать, что первая официальная биржа в России была учреждена в 1703 г. Так, в 1903 г., вслед за празднованием двухсотлетия Северной столицы, торжественно отмечался и двухсотлетний юбилей Петербургской биржи [Тимофеев, с. VI]. Однако дата эта весьма условна, поскольку в 1703 г. будущая российская столица представляла собой военный лагерь, где не было никакой биржевой торговли.

Без всякого сомнения, можно лишь утверждать, что Петербургская биржа возникла по инициативе Петра I и по его личному повелению, почти одновременно с основанием самого города. Царь, во время своего путешествия в Западную Европу, ознакомившись с работой Амстердамской и Лондонской бирж, пожелал создать в России для купцов, главным образом иностранных, привычные для них условия торговли, а заодно приобщить и русское купечество к европейским торговым обычаям.

Заложив в 1703 г. Петропавловскую крепость, Петр I повелел неподалеку от нее построить гостиный двор, а при нем выделить особое место для собраний купцов. Рядом стояла временная деревянная церковь Святой Троицы, давшая название всей площади.

По свидетельству первого историка Петербурга А.И. Богданова, первая биржа (в виде купеческих собраний) уже существовала в 1704 г. и располагалась внутри гостиного двора, недалеко от Троицкой пристани. Богданов писал, что «сперва за гостиный двор почитались просто ряды, в которых продавались товары всякие смешанные» прямо под открытым небом. Здесь же собирался «первоначальный сход купечества для коммерческих сделок» [Богданов, с. 108–113, 126]. Просуществовал он до конца 1704 – начала 1705 г. С постройкой новых торговых рядов, состоящих из нескольких сот грубо сколоченных деревянных лавок, было выстроено одноэтажное здание с большим внутренним двором и единственными воротами. В своем описании Петербурга Богданов называет его «Большой биржей». Вскоре после сооружения здания биржи по распоряжению царя было установлено время – с 11 до 13 часов – для ежедневных собраний купцов, которых, как полагал Петр I, следовало даже «приневоливать ходить на биржу»².

На плане Петербурга 1705 г. «первоначальная биржа» располагалась на Петербургском острове, неподалеку от Домика Петра I и дома А.Д. Меньшикова [Цылов].

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3708. С. 301.

² ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1069. Л. 1.

Летописец деяний Петра Великого И. И. Голиков в своих записках писал, что пришедший в 1704 г. в Петербург английский купеческий корабль был проведен по фарватеру Невы самим царем, переодетым лодманом, и доставлен к Троицкой пристани, прямо к бирже [Голиков, 1897, с. 95–96]. После этого случая, несмотря на все усилия Петра I и все ухищрения А. Д. Меншикова, в Петербурге иностранных торговых кораблей «в приходе» не было до 1713 г.³ С началом их регулярного прихода на бирже стали постепенно появляться комиссионеры, маклеры и браковщики, пока еще не присяжные.

28 июля 1710 г. пожар уничтожил дотла все постройки, торговые ряды и лавки первого гостиного двора. По свидетельству датского посланника Юста Юля, во время пожара «на площади не осталось ни одного дома, все, что только могло сгореть, сгорело» [Юль, с. 229–230]. Огонь уничтожил и первое здание Петербургской биржи. После пожара в течение трех лет гостиным двором и местом собрания купцов служил трактирный дом, именуемый Австерией⁴.

Лишь через три года, в 1713 г., гостиный двор отстраивается на Троицкой площади заново. Новый гостиный двор, как отмечал М. Д. Чулков, «был не малой величины, в два департамента» и более благоустроен [Чулков, с. 744]. Двухэтажное мазанковое здание было покрыто черепицей и имело большой внутренний двор с четырьмя воротами. В нижнем этаже находились торговые лавки, а на втором – кладовые и амбары⁵. Гостиный двор был окружен двумя большими галереями снаружи и еще двумя меньшими изнутри. Здание было построено за казенный счет, и четверо ворот охранялись солдатами. Перед гостиным двором «сбирались купцы для биржи»⁶. И только здесь дозволялось им вести торговлю.

Позже биржевые собрания были перенесены в особое строение перед гостиным двором на Троицкой площади. Голштинец Ф.-В. Берхгольц в своем дневнике упоминает об увиденной им в Петербурге новой бирже, о которой отозвался, как об очень красивом четырехугольном доме [Берхгольц, с. 46].

Намерение Петра I и далее развивать биржевую торговлю окрепло после его второго путешествия в Западную Европу в 1716–1717 гг. В конце декабря 1716 г. он посетил Амстердамскую биржу, а затем 10 февраля 1717 г. снова был на бирже, разговаривал со многими купцами, расспрашивал о голландской и английской торговле [Голиков, 1838 с. 171–172, 197, 580]. Чулков писал, что царь в иностранных государствах «бывая в компаниях с искусными купцами, искал доведываться секретов знатного Голландского банка и вексельных обрядов; а притом с амстердамскими и лондонскими банкирами

³ Архив СПб ИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

заблаговременно договорился о корреспонденции, чтоб в землях своей державы те же самые дела завести» [Чулков. Историческое описание..., с. 5–6].

Из Голландии Петр I отправился во Францию. По пути он побывал в Антверпене, Брюсселе, Генте, Брюгге. Из «Походного журнала» царя известно, что 1 апреля 1717 г. он посетил биржу в Антверпене.

Пребывание Петра I во Франции совпало с началом акционерной горячки и биржевой игры, охватившей все парижское общество, что едва ли могло остаться без царского внимания. Спекулятивное увлечение ценными бумагами было вызвано финансовыми операциями знаменитого Джона Ло. Позже царь даже приглашал Ло на службу в Россию, чтобы использовать его финансовые знания и опыт.

Заведование биржей, как и всей торговлей, Петр I возложил на учрежденную в 1717 г. Коммерц-коллегию.

Петр I бывал на Петербургской бирже, где общался с русскими и иностранными negociантами. О посещении Петром I биржи писал Я. Штелин. При этом он ссылаясь на рассказ «знатного купца и банкира» Германа Мейера, выполнявшего некоторые поручения царя по переводу денег и других торговых дел [Штелин, с. 136–137]. Петром I были установлены некоторые начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные из западных торговых обычаев. Так, именным указом от 17 марта 1717 г. учреждалась должность гоф-маклера⁷. Первым гоф-маклером был назначен английский купец Самуэль Мюкс.

XIX глава «О маклерах или торговых сводчиках» «Регламента Главного магистрата» гласила: «Понеже определенных и присяжных маклеров дело весьма есть потребное, и касается до установления доброго в купечестве порядка». Главному Магистрату было велено «в приморских и других знатных городах... где знатные торги есть, таких маклеров выбрать... из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей»⁸.

Деятельность маклеров в Регламенте прописывалась весьма точно: никакие договоры не могли заключаться без их посредничества, а маклерские записки при сделке должны были гарантировать купцов от возможного убытка в торговых операциях. По закону маклеры являлись не только посредниками при заключении сделки, но отчасти и заменяли нотариусов, так как по закону «вседневная записка маклеров, такую силу имеет, как протокол в суде»⁹.

Именным указом Петра I от 24 июля 1719 г. на Васильевском острове архитектором Д. Трезини было начато строительство нового гостиного двора.

В 1723 г., ввиду роста значения Петербургской биржи, увеличения ее оборотов и уделяемого ей Петром I особого внимания, последовали еще два именных указа о немедленной постройке вместо сгоревшего здания биржи

⁷ ПСЗ. Т. V. № 3074. С. 490; Архив СПб ИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.

⁸ Архив СПб ИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 546. Л. 364–366; ПСЗ. Т. VI. № 3708. С. 301.

⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3708. С. 301.

нового. А до тех пор велено было отдать под биржу «бывший кофейный дом или трактир на Троицкой пристани, где купечество собрание имело»¹⁰.

В указе от 8 ноября 1723 г. говорилось: «На Санктпетербургском острову, ныне где пристойно, сделать биржу, а на Васильевском острову, на Гостин дворе биржу ж сделать каменную»¹¹. Деревянная биржа строилась как временное помещение до завершения каменного здания. В ноябре 1724 г. строительство деревянной биржи было уже закончено¹². Вскоре туда были переведены купцы из гостиного двора.

В докладе Сенату 13 января 1725 г. Коммерц-коллегия сообщала: «И по тому Его И. В. указу она биржа на Троицкой площади построена против Гостиного двора; а в каких часах им, купецким людям, во оную биржу приходить и из оной выходить, о том определения не учинено; и того ради от Правительствующего сената Коммерц-коллегия требует указа...» [Немиров, с. 1]. Но вместо ожидаемого сенатского решения о биржевых порядках 28 апреля 1725 г., через три месяца после кончины Петра I, Коммерц-коллегия получила следующий указ за подписью А. Д. Меншикова: «Всепресветлейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна... указала: в построенной для собрания купецких людей бирже и, подле ея, в сарае строить на полки мундир и для того оную биржу и сарай очистить и отдать определенному строению мундира подполковнику Титову...» [Немиров, с. 3].

Распоряжение, совершенно противоположное стремлениям Петра I. Только вмешательство Сената после доклада прокурора Коммерц-коллегии С. Д. Гурьева остановило исполнение приказа светлейшего князя Меншикова. Сенат постановил: признать указ о передаче зданий биржи под швальню (т. е. портновскую мастерскую) частным письмом Меншикова и «той биржи и сараев по тому письму не очищать» [Немиров, с. 4].

Вскоре, 13 декабря 1725 г., последовал другой сенатский указ: «купецким людям на биржу приходить в 11 часов, а выходить в час по полудни, а ежели кто пожелает и более часа по полудни для отправления быть, и оным дать позволение; и когда они будут на той бирже в собрании, в то число ни из которых коллегий и канцелярий и контор ни кого из них купцов ни для каких дел, кроме криминальных, не брать, дабы им в торгу их помешательства не было»¹³.

Французский путешественник Обри де ла Мотрэ, посетивший в 1726 г. Петербург, в своих путевых заметках записал, что помещение биржи купцы «никак не использовали». Они по-прежнему «встречались у лавочек (в гостином дворе на Троицкой площади. — П. Л.) либо прогуливались по нижней наружной галерее, укрываясь от непогоды» [Мотрэ, с. 220].

¹⁰ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 29.

¹¹ ПСЗ. Т. VII. № 4354. С. 156.

¹² РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 892. Л. 5–12 об.

¹³ ПСЗ. Т. VII. № 4810. С. 555.

В указе Петра I от 8 ноября 1723 г. говорилось о постройке не одной, а сразу двух бирж — на Троицкой площади, рядом со старым гостиным двором, и на Васильевском острове, при новом гостином дворе, постройка которого началась еще в 1721 г. возле Кадетского сада. Сенатским указом от 8 января 1728 г. предписывалось «как Гостину двору, так и товарным амбарами, бирже, таможне и Коммерц-коллегии одной с другими быть в близости, чтоб купцы поблизости способ имели купечество свое отправлять»¹⁴. По-видимому, на Васильевском острове намечалось создать нечто вроде торгового центра новой столицы.

Несмотря на учреждение биржи, развитие биржевой торговли в России в XVIII в. сдерживалось отсутствием учреждений коммерческого кредита — как государственного, так и частного. Английский посол в России лорд Мальмсбюри Гаррис в 1782 г. сообщал своему правительству, что в России невозможно найти денег, здесь «нет ни банкиров, ни значительных купцов, ни вообще денежных людей» [Гаррис, ст. 868].

В Петровскую эпоху в некоторых случаях определенные суммы выдавались разными государственными учреждениями, например, с 1717 г. Берг-коллегией и с 1723 г. — Мануфактур-коллегией. Позже ссуды можно было получить в Адмиралтейств-коллегии, Главном комиссариате, Канцелярии главной артиллерии и фортификации и даже в Главном почтамте и Иностранной коллегии [Боровой, с. 37]. Но казенные ссуды могли получить только владельцы крупных мануфактур или сановники.

При отсутствии кредитных учреждений купцы в поисках свободных денег были вынуждены обращаться к ростовщикам, платя за кредит по этим ссудам обычно 10—12%, иногда 20% годовых и более, «чего во всем свете не водиться»¹⁵.

Если биржи в Западной Европе появлялись как назревшая необходимость, как следствие увеличения объемов оптовой торговли и усложнения денежных расчетов, то в России она учреждалась по инициативе государства. Петр I, ломая старые устои, насильно принуждал купцов торговать по-европейски, на бирже. Петровская биржа возникла исключительно по воле и желанию «царя-преобразователя», когда естественные предпосылки для этого еще не сформировались. Биржа учреждалась как своеобразная купеческая ассамблея.

На протяжении почти всего XVIII столетия Петербургскую биржу посещали в основном иностранные негодцианты. Для них биржа была обычным и удобным местом торговли. Русские купцы, наоборот, были обязаны ходить на биржу по царскому повелению. Биржевые маклеры, часто иностранцы по происхождению, нередко выступали в роли переводчиков или «сводчиков». Из российских участников биржевых торгов были в основном купцы занимающиеся, как правило, внешней торговлей.

¹⁴ Там же. Т. VIII. № 5225. С. 4.

¹⁵ Там же. Т. IX. № 6300. С. 6.

Несмотря на все старания Петра I, не удалось превратить биржу в действующий механизм всей оптовой внешней и внутренней торговли, в центр денежных и вексельных расчетов. Еще долго приходилось применять внеэкономические меры для поддержания бирж в России, прежде чем те стали необходимым элементом в хозяйственной жизни страны.

В течение всего XVIII столетия Петербургская биржа оставалась почти единственной в России. Только в 1789 г. была учреждена биржа в Архангельске. Не ранее 1796 г. появляется третья российская биржа в Одессе, и не ранее 1816 г. — четвертая и пятая в Варшаве и Риге, шестой по счету была биржа в Москве.

Долгое время желание Петра I распространить биржи в России не осуществлялось, быть может потому, что в петровском указе не упоминалось ни слова о внутренней организации биржевых обществ.

Весь XVIII в. биржевая торговля в России фактически руководствовалась законами, изданными при Петре I. Все это время никто из его ближайших наследников не проявлял особого интереса к бирже. Биржевое устройство и положение биржевого купечества оставалось без какого-либо существенного изменения. Исключением являлся лишь сенатский указ от 22 октября 1746 г., отменивший обязательное посещение купцами биржевых собраний, введенное Петром I. Указ разрешал «как российским, так и иностранным купцам приезд свой на бирже иметь как кто похочет»¹⁶.

Положение бирж в стране, как и вся российская торговля, отражало общее состояние экономики страны переходного периода от Средневековья к Новому времени, когда только еще зарождались капиталистические отношения. Биржевая торговля, ставшая одним из основных источников первоначального накопления капиталов, еще не давала возможностей для формирования торгово-промышленного капитала в широких масштабах.

И хотя Петербургская биржа не застыла на уровне петровского времени — неуклонно росли обороты биржевой торговли, усложнялась биржевая практика, совершенствовались биржевые обычаи и правила — все же отставание от зарубежных бирж было значительным. В то время как европейские биржи бурно развивались, Петербургская биржа со 2-й четверти XVIII в. практически оставалась на одном уровне. Особенно заметно это было в сравнении с Франкфуртской, Лондонской, Гамбургской и Парижской биржами, где биржевая техника прогрессировала быстрыми темпами.

Литература

[Берхгольц Ф. -В.] Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год / Пер. предисл. с нем. И. Аммон. Ч. 1. 1721-й год. М., 1858. 271 с.

¹⁶ Там же. Т. XII. № 9341. С. 618.

- [Богданов А.И.] Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым СПб., 1779. [8], 528, [29] с., фронт. (портр), 83 л. ил.
- Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.
- Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, дополнения, челобитья и иностранные источники. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. Т. I. XLIV, 602 с., 4 л. факс.
- Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778—1783) // Русский архив. 1874. Кн. 2. № 11.
- Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинения И.И. Голикова. М.: тип. Н. Степанова, 1838. Т. 6. 662, XVI с.
- Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. XIII, [1], 464, [4] с., [1] л. фронт.
- Журнал дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1897. 268 с.
- Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия...» // Беснятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Немиров Г.А. С.-Петербургская биржа в первые месяцы царствования Екатерины I (1725 г.) Хронологическое изложение материалов, сохранившихся в делах бывшей Государственной Коммерц-коллегии и Главного магистрата. СПб., 1891. Вып. 8.
- Тимофеев А.Г. История С.-Петербургской биржи. 1703—1903. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений С.-Петербургской биржи. СПб., 1903. [4], IV, 298 с.
- [Цылов Н.] Планы Санкт-Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1790, 1840 и 1849 годах, с приложением планов 13 частей столицы... / сост. Н. Цылов. СПб., 1853. 55 л.
- Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по одной государя императора Петра Великого и ныне царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым. М., 1785. Т. 4. Кн. 1.
- [Штелин Я.] Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб., 1786. [2], XVI, 386, 7 с.
- Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // ЧОИДР. 1899. Кн. 3. IX, 598, [3] с.

References

- [Berhgoł'c F.-V.] Dnevnik kamer-yunkera Berhgoł'ca, vedennyj im v Rossii v carstvanie Petra Velikogo, s 1721-go po 1725-j god / Per. predisl. s nem. I. Ammon. Ch. 1. 1721-j god. M., 1858. 271 p.
- [Bogdanov A.I.] Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sanktpeterburga, ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god, sochinennoe g. Bogdanovym SPb., 1779. [8], 528, [29] p., front. (portr), 83 l. il.
- Borovoj S. Ya. Kredit i banki Rossii (seredina XVII v. — 1861 g.). M.: Gosfinizdat, 1958. 288 p.
- [Cylov N.] Plany Sankt-Peterburga v 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1790, 1840 i 1849 godah, s prilozheniem planov 13 chastej stolicy... / sost. N. Cylov. SPb., 1853. 55 f.

- Chulkov M. D. Istoricheskoe opisaniye rossijskoj kommercii pri vsekh portah i granicah ot drevnejshih vremen do nyne nastoyashchego i vsekh preimushchestvennyh uzakonenij po onoj gosudarya imperatora Petra Velikogo i nyne carstvuyushchej gosudaryni imperatricy Ekateriny Velikiya, sochinennoe Mihailom Chulkovym. M., 1785. T. 4. Kn. 1.
- Garris D., lord Mal'msberi. Rossiya v carstvovanie Ekateriny II (perepiska anglijskogo poslannika pri dvore Ekateriny II, 1778–1783) // *Russkij arhiv*. 1874. Kn. 2. № 11.
- Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazatelya Rossii, sobrannye iz dostovernyh istochnikov i raspolozhennyye po godam. Sochineniya I. I. Golikova. M.: tip. N. Stepanova, 1838. T. 6. 662, XVI p.
- Golikov I. I. Dopolnenie k Deyaniyam Petra Velikogo, sodержashchee anekdoty, kasayushchiesya do sego velikogo gosudarya. M., 1796. T. 17. XIII, [1], 464, [4] p., [1] l. front.
- Motre O. de la. Iz «Puteshestviya...» // Bespyatyh Yu. N. Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniyah. L., 1991.
- Nemirov G. A. S.-Peterburgskaya birzha v pervye mesyacy carstvovaniya Ekateriny I (1725 g.) Hronologicheskoe izlozhenie materialov, sohranivshih'sya v delah byvshej Gosudarstvennoj Kommerc-kollegii i Glavnogo magistrata. SPb., 1891. Vyp. 8.
- Timofeev A. G. Istoriya S.-Peterburgskoj birzhi. 1703–1903. Istoriya birzhevogo zakonodatel'stva, ustrojstva i deyatel'nosti uchrezhdenij S.-Peterburgskoj birzhi. SPb., 1903. [4], IV, 298 p.
- [Shtelin Ya.] Lyubopytnye i dostopamyatnye skazaniya o imperatore Petre Velikom izobrazhayushchie istinnoe svojstvo sego premudrogo gosudarya i otca otechestva, sobrannye v techenie soroka let dejstvitel'nym statskim sovetnikom Yakovom Shtelinym. SPb., 1786. [2], XVI, 386, 7 p.
- Voskresenskij N. A. Zakonodatel'nye akty Petra I. Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, dopolneniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah. M.; L., 1945. T. I. XLIV, 602 p., 4 l. faks.
- Yul' Yu. Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709–1711) // ChOIDR. 1899. Kn. 3. IH, 598, [3] p.
- Zhurnal dezhurnyh general-ad'yutantov. SPb., 1897. 268 p.

Pavel V. Lizunov

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia,
Arkhangelsk, Severodvinsk*

PETER I AND THE ESTABLISHMENT OF A TRADE EXCHANGE IN RUSSIA

Among the many innovations borrowed by Peter I in the West was the merchant exchange. Over time, the exchange has become an important economic institution of modernity and modernity. More than 100 years after the creation of the exchange in Russia, it functioned on the basis of Peter's legislation. The exchange as a trade institution existed until the collapse of the Russian Empire in 1917. For a short time, during the New Economic Policy, commodity and raw material exchanges operated in Soviet Russia. In the early 1990s. they reappear in Russia, which indicates their importance for the country's economy.

Keywords: *Peter I, merchant exchange, trade, Petersburg, merchant, gostiny dvor, Commerce-collegia.*

Ш.А. Магарамов
*Институт истории, археологии и этнографии РАН, Дагестанский
федеральный исследовательский центр, Махачкала, Россия*

Управленческие практики Российской империи в Западном Прикаспии в 1722–1735 гг.*

В статье рассматривается опыт управленческой практики Российской империи в Западном Прикаспии в 1722–1735 гг., присоединенном к империи по результатам Персидского похода. Проанализирована деятельность командующих Низовым корпусом Русской императорской армии, обеспечивавших российское присутствие в прикаспийских областях. Изучены меры по управления новым пограничным пространством, включающие карательные экспедиции против непокорных владетелей, выплата жалованья и оказание царской милости лояльным владетелям, внедрение института аманатства (заложничества), сбор информации посредством шпионов, купцов о недоброжелателях и т. д.

Ключевые слова: Российская империя, Петр Великий, Западный Прикаспий, управленческая практика

Один из этапов разрастания Российского государства приходится на Петровскую эпоху, когда в результате Персидского похода 1722–1723 гг. был завоеван Западный Прикаспий. Проблема управленческой практики Российской империи в Западном Прикаспии в первой трети XVIII в. является новой. Многие авторы в основном касались политического аспекта Персидского похода 1722–1723 гг. и его итогов, при этом практика управления прикаспийскими провинциями не рассматривалась как отдельный сюжет.

Дальнейшая разработка проблемы как в тематическом, так и в географическом плане требует привлечение документальных источников из фондов федеральных и региональных архивов, содержащих ценнейшие источники по данной проблеме. Настоящее исследование основано на богатой документальной базе из фондов РГАДА, РГВИА (Москва), РГАВМФ (Санкт-Петербург), ЦГА РД (Махачкала), большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

По условиям Петербургского 1723 г. и Константинопольского 1724 г. договоров Россия закрепила за собой юго-западное побережье Каспийского моря, заняла стратегически и экономически значимые пункты в регионе – Дербент, Баку, Решт и др. Теперь имперским властям предстояло организовать систему управления и экономического освоения «новоприсоединен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Петр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона».

ными» землями, обеспечить полный контроль и безопасность прибрежной зоны, отличающейся непривычным климатом, сложной системой этнополитического устройства, другой цивилизацией. Все эти факторы создавали трудности в управленческой системе в Западном Прикаспии.

Российское присутствие в Западном Прикаспии обеспечивал созданный накануне Низовой корпус Русской императорской армии, главнокомандующим которого в 1722 г. Петр I назначил генерал-майора М.А. Матюшкина, одного из своих сподвижников. Военские формирования Низового корпуса располагались в прибрежных городах-крепостях, ретраншементах, раскинутых по всему юго-западному побережью Каспия. Центральным звеном корпуса была крепость Святого Креста в устье реки Сулак в северном Дагестане. Решение об основании данной крепости было принято лично Петром Великим в сентябре 1722 г. на обратном пути из Дербента в Астрахань [Походный журнал, 1855, с. 181]. Крепость Святого Креста стала преемницей Терского городка – русского форпоста на Северном Кавказе конца XVI – первой четверти XVIII в. Комендантом крепости был назначен подполковник, с 1729 г. бригадир Л.Я. Соймонов.

С заключением Константинопольского договора 1724 г. с Османской империей, когда отпала угроза войны с турками, имперские власти начали закреплять свои позиции в прикаспийских областях. Реализацию многих планов в регионе лично контролировал сам царь. «1. Крепость Святого Креста доделать по указу. 2. В Дербенте цитадель сделать к морю и гавань делать. 3. Гилян уже овладена; надлежит Мозендарат (Мазендеран. – Ш. М.) также овладеть и укрепить, а в Астрабадской пристани ежели нужно сделать крепость и для того работных людей, которые определены на Куру, употребить в выше писанные дела. 4. Баку укрепить. 5. О Куре разведать, до которых мест мочно судами мелкими идтить, чтоб подлинно верно было...», – распорядился Петр I в указе от 22 мая 1724 г. М.А. Матюшкину [Письма и инструкции..., 1867, с. 58].

В состав Низового корпуса входили разного рода войска: регулярная пехота, драгунская конница, донские и украинские казаки, калмыки, армяне, грузины, расквартированные в военных гарнизонах. Каждый гарнизон управлялся комендантом, в чьи обязанности входили обеспечение российского присутствия в регионе, контроль над местными правителями и населением, обеспечение безопасности и функционирование коммуникаций, вопросы хозяйственно-экономического освоения региона. Коменданты крепостей Святого Креста и Дербента решали указанные задачи в прикаспийском Дагестане, коменданты крепостей Низовой и Баку – в Азербайджане, а коменданты Кескера, Решта и др. крепостей – в северных провинциях Персии.

На пути продвижения российских войск к Дербенту в 1722 г. некоторые дагестанские владетели – правитель Эндирея Айдемир и утамышский Султан Махмуд – оказали сопротивление русским отрядам, в результате их вла-

дения были разрушены. Казалось, лояльность дагестанцев новым властям достигнута. Однако реальная ситуация была куда сложнее, чем предполагалось. Признание формального российского подданства местной правящей элитой во избежание разорения владений или из собственной выгоды вовсе не означало ее полного подчинения новой власти. Настроения и позиции правящих элит под влиянием разных факторов, в том числе внешнеполитических, часто менялись.

С уходом основных частей российской армии во главе с императором начались нападения горских владетелей на Дербент, город напоминал осажденную крепость. По словам дербентского коменданта А.Т. Юнгера, «дербенским жителем из города выходить нельзя, разве для дров на гору с ружьем, и то собрався многолюдством»¹. 23–27 октября 1722 г. город атаковали отряды Хаджи Давуда и кайтагского уцмия Ахмед-хана. Через несколько дней отряды горцев, не решившиеся на штурм города, отступили². Отступление горских отрядов было связано с неустойчивостью их положения в лагере, мятежом в столице повстанцев.

В ответ по указу М.А. Матюшкина последовали карательные походы дербентцев на близлежащие селения³. С горожанами Дербента комендант А.Т. Юнгер, исполняя указание императора, обходился дружелюбно и «ласково», что явилось одной из причин успехов его действий в Дербенте в должности коменданта. Петр I отметил храбрость А.Т. Юнгера и Дербентского гарнизона в распоряжении о выдаче его жене 100 руб. [Лаптева, 2019, с. 108].

Активность российской кавказской политики в скором времени начала вызывать недовольство и у тех представителей дагестанской элиты, которые оказывали содействие Петру I и считались его союзниками. В 1724 г. против российской власти решил выступить влиятельный дагестанский владетель шамхал Тарковский Адиль-Гирей. Причины выступления шамхала против российских властей было несколько: строительство вблизи его владений крепости Святого Креста, в связи с чем теперь действия шамхала были подконтрольны российской администрации; разочарование Адиль-Гирея в действиях российских властей, не утвердивших его исключительную роль среди остальных дагестанских владетелей; отказ в просьбе об установлении власти шамхала над кочевавшими в районе Сулака ногайцами. Видимо, Адиль-Гирей, не получив желаемого статуса и видя достаточно выгодное положение других дагестанских владетелей – Сурхай-хана и Хаджи-Давуда, находящихся под протекторатом Турции, а фактически считавшие себя независимыми, решил отречься от России.

Экспедиции отрядов Адиль-Гирея на крепость Святого Креста, на казачьи городки в 1724 г. привели к решительным действиям со стороны рос-

¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 143 об.

² Там же. Л. 152–154 об.

³ Там же. Л. 147–147 об.

сийских властей. В октябре 1724 г. последовал указ Коллегии иностранных дел генералу Г.С. Кропотову арестовать шамхала [Курукин, 2010, с. 121]. 21 мая 1726 г. он был пленен⁴ и отправлен в Архангелогородскую губернию, где и скончался.

Определенную напряженность в регионе создавали своими антирусскими действиями назначенный турками правителем Ширвана Хаджи-Давуд и казикумухский Сурхай-хан, претендовавший также на роль политического лидера на Северо-Восточном Кавказе. Сурхай-хан препятствовал демаркации российско-турецких границ в пределах своих владений [Сборник..., 1898, с. 50]. Единственный, кто до конца оставался верным России, был дербентский правитель (наиб) Имам Кули-бек.

Российские гарнизоны в Западном Прикаспии не в состоянии были обеспечивать полную лояльность местных сообществ. Предпринимаемые карательные экспедиции не всегда заканчивались полным «умиротворением» населения. В рапорте 1724 г. генерал М.А. Матюшкин докладывал в Военную коллегию о тяжелой ситуации в прикаспийских провинциях. «Из Гиляни... [известно], что тамошние деревенские, тако ж и рященские жители бегут в леса и тамо живут, дороги кругом засекают и во многих местах собрание умножаетца, доходов никаких не платят и в Рящ никто с торгами не издят, отчего пошлинной збор останавливаетца, из Баки... известно, что юзбаша Дергах Кулы бек⁵ с несколькими людьми из города выехал и, будучи в садах, посылал служителя своего в город к бакинским жителям, дабы как наискоря они тайно забрав жен своих и детей уходили из города... Из Дербени... [известно], что обретающийся в Дербени армянской епископ Мардирос объявил ему Юнгеру, будто усмей, Сурхай и шемхал з дербентским наипом согласились, чтоб собратца и вырубить русских и армян, обретающихся в Дербени»⁶.

Особенно тяжелым было положение в Гилянской провинции, население которой, по словам М.А. Матюшкина, «ко успокоению не приходят и склонности к подданству не токмо являетца, но и слышать того не хотят, чтоб в [российском] подданстве быть»⁷. Переход Гилянской провинции под российскую «порцию» привел к недовольству местного населения и партизанской войне⁸.

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 81–82 об.

⁵ Дергах Кули-бек – бакинский правитель (юзбаша), сдавший город русским в июле 1723 г., затем перебежавший на сторону шаха. В 1727 г. он получил прощение и вернулся к русским, но в том же году опять ушел на службу к шаху. В 1732 г. получил прощение и вернулся обратно, и жил в своем дворце в родовом селении Маштага на Апшероне, но уже никаких должностей не занимал. Российская военная администрация, несмотря на его неустойчивое настроение, хорошо к нему относилась. «Умняе его не вижу», – писал о нем А.И. Румянцев в Москву в 1730 г.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 4. Л. 19–20.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 9. Л. 1–2 об.

Карательные экспедиции не всегда имели желаемый результат. Население успевало покидать населенные пункты и уйти в леса и горы при приближении войск. Поэтому российское командование старалось и мирными путями воздействовать на местное население и убедить его в не ущербности нахождения под российской властью. Местное население необходимо было убедить, чтобы оно находилось «в верном и послушном подданстве»⁹. Для достижения этих целей в деревнях оставлялись прокламации с призывом не последовать за «бунтовщиками» и не поддаваться на их провокации.

В феврале 1726 г. больного генерала М.А. Матюшкина в должности командующего Низовым корпусом сменил князь В.В. Долгоруков, показавший себя отличным офицером на полях Северной войны [Курукин, 2010, с. 168]. объездив весь западный берег Каспия с севера на юг, от крепости Святого Креста до Решта, и ознакомившись с состоянием войск Низового корпуса, новый командующий остался крайне недоволен. «Как на Сулаке (крепость Святого Креста. — *Ш. М.*), так и в Дербени безнадежны командиры», — заключал В.В. Долгоруков. Учитывая характер и нравы дагестанцев, командующий в донесении рекомендовал в целях «государственного интереса, чтоб были здесь (в Дагестане. — *Ш. М.*) командиры добрые», и просил учесть при командировании в Низовой корпус, чтобы «были везде генералы». Долгоруков свои рекомендации объяснял тем, что «где имя генеральское помянетца, то и боятца, а ежели где полковник или подполковник комендантом, хотя бы он какая состояния не был, страху от него не имеют и в дело ево не ставят, и называют ево по их босурманскому обычаю маленькой господин»¹⁰.

Князь Долгоруков избрал новую тактику для приведения в российское подданство и контроля за местным населением. В марте 1727 г. с отрядом из 800 драгун он отправился сухим путем из Решта в сторону Дербента. Свое решение князь объяснял желанием показать «как туркам, так и недоброжелательным персиянам», чтобы и думать не посмели о «нашей слабости, будто мы только можем держатца по гварнизонам и за бессилием больше не можем никаких действий в Персии казать». В донесении в Военную коллегию от 4 апреля 1727 г. Долгоруков отмечал, что «в проезд свои привел в подданство Е. И. В. правинции, лежащая по берегу Каспицкого моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кызылагацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, степи Муганскую, Шегсеванскую, Мазаригскую, с которых [в виде податей] будет Е. И. В. доход на год около ста тысяч рублей»¹¹. Данный акт Долгорукова можно рассматривать как традиционную практику напоминания подданным о новой власти, которая чаще всего осуществлялась каждый раз при смене представителя верховной власти.

⁹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 340. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1032–1033.

¹¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 131.

По прибытии в Дербент Долгорукову в апреле 1727 г. явился уцмий Кайтага Ахмед-хан, который обещал быть в верном подданстве России и публично присягнул за себя и своих детей. Примеру уцмия последовали Султан Махмуд утамышский, шамхальский брат Атачюка, который ранее в российском подданстве не состоял, и другие старшины. Тогда же в крепости Святого Креста принес присягу российской власти владетель Умма-хан Аварский [Бутков, 1869, с. 121].

Видимо, новый метод напоминания о российском подданстве имел большой эффект. «Ныне один остался Сурхай в противности и от того великого опасения не чаю...», — отмечал Долгоруков. Командующий планировал привести в подданство Сурхай-хана Казикумухского при посредничестве уцмия, на чьих владениях «сурхаева скотина питаетца, без чего Сурхаю пробыть невозможно»¹². Однако данный замысел Долгорукову не удался. Долгое время Сурхай-хан успешно лавировал между русскими и турками, и как только «турки в 1727 г. прислали ему пашинской чин... и жалованье 3 000 руб. на год и к тому же отдали уезд Кабалу» [Гербер, 1958, с. 103], то он тут же окончательно перешел на турецкую сторону.

Решительность действий князя Долгорукова привела к определенным успехам в имперской управленческой практике «новозавоеванными» территориями. Как он докладывал в Петербург в апреле 1727 г., «владельцы, ханы, салтаны и другие управители всех правинцей великую мне учтивость показывали и послушанию как больше быть невозможно, как в варианте и фураже, и в подводах с великим довольством давали с радостию»¹³.

7 мая 1727 г. в Петербурге была подготовлена и оглашена «Реляция» об успехах Долгорукова. Однако это было временным успехом. Как показали последующие события, полного повиновения добиться от местных сообществ за весь период присутствия российской администрации в Западном Прикаспии так и не удалось. Спустя определенное время после донесений о своих первых успехах Долгоруков признавал, что продолжать успех и даже вновь занять находящийся в российской «порции» Астрабад без дополнительных пополнений в войсках невозможно, поскольку «злые и непостоянные народы» не желают признавать себя российскими подданными [Курукин, 2010, с. 187].

В период командования Долгорукова с февраля 1726 г. по март 1728 г.¹⁴ пополнение и ротация личного состава происходили регулярно, значитель-

¹² Там же. Л. 133–135.

¹³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 131–132.

¹⁴ Указом от 7 февраля 1728 г. генералу В.В. Долгорукову разрешено было по причине болезни вернуться в Москву, другим указом от 24 февраля того же года он был пожалован за заслуги в «персичких делах» в фельдмаршалы. 30 марта он отбыл из Баку в Астрахань. Командование Низовым корпусом было разделено на две части: территорией от Терека до Куры командовал генерал-лейтенант А.И. Румянцев, а в Гиляне командующим оставался генерал-лейтенант В.Я. Левашов. В.В. Долгоруков и после отставки продолжал быть главным куратором Низового корпуса.

но улучшилось провиантское обеспечение и жалованное довольствие личного состава. При Долгорукове в Низовом корпусе состояли 7 драгунских и 15 пехотных полков, а также иррегулярные войска казаков, армян, грузин численностью 25–30 тыс. человек. Но даже эти силы были не в состоянии поддерживать порядок и держать в повиновении население присоединенных прикаспийских провинций.

Практикуемая российскими властями выдача жалованья и подарков местным кавказским и персидским владетелям также не приводила к желаемым результатам: местные правящие элиты научились принимать формальную присягу без каких-либо обязательств с их стороны в целях своей выгоды. При этом любые поощрения и разовые выдачи в награду они «принимали в клад» и требовали отныне платить больше и регулярно.

В сентябре 1726 г. Долгоруков, извещавший Петербург о поездке дербентского наиба имам Кули-бека к императорскому двору, предостерегал власти, чтобы его не одаривали дорогими подарками и сверх положенного жалованьем, поскольку и другие владетели захотят всего этого блага для себя¹⁵. Генерал В.Я. Левашов также видел ущерб имперским властям от подобных жалований, так как взамен они получали лишь формальное подданство [Курукин, 2019, с. 101]. Тем не менее, выплаты жалованья местным владетелям взамен за их лояльность продолжались. В.Я. Левашов прекрасно отдавал себе отчет в том, что прекращение выплат местным владетелям настроит их против российских властей, поскольку в предыдущее время они получали жалованье от шаха¹⁶.

Российская власть в своей управленческой практике в Западном Прикаспии действовала и традиционным имперским принципом «разделяй и властвуй», чтобы «горские народы между собою согласия не имели». В этом отношении этнополитическая и социальная пестрота Дагестана и соперничество правящих элит затрудняли возможность их согласованных действий. Однако в истории Дагестана немало примеров единения представителей разных этнополитических обществ в случае возникновения угрозы их независимости. Социальная и этнополитическая разобщенность дагестанских сообществ не являлась препятствием на пути их объединения перед угрозой внешнеполитической опасности.

Немалую роль в управленческой практике Российской империи на Кавказе и берегах Каспия играли донесения о местных владетелях и недоброжелателях русских агентов, шпионов, купцов, толмачей и пленников. Для сбора информации во все уголки западных берегов Каспия отправлялись специальные люди, которые за свою деятельность получали вознаграждение от российских властей. Говоря о разветвленной шпионской сети, генерал В.Я. Левашов в сентябре 1731 г. докладывал Анне Иоанновне, что «повсюду

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1032–1033 об.

¹⁶ Там же. Ф. 340. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

шпионы от нас непрестанно отправляюцца». По словам генерала, начиная с 1726 г. шпионы регулярно отправлялись в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шемаху и другие места, которые через две-три недели возвращались с собранной информацией [Курукин, 2010, с. 243]. Они докладывали о положении дел в лагере турецких и шахских войск. Подобные донесения русских агентов и шпионов позволяли российской администрации заблаговременно предпринимать контрмеры.

Таким образом, российская управленческая практика в Западном Прикаспии была основана на целом комплексе мер, направленных на обеспечение российского присутствия и лояльности местных сообществ. В основном российская власть и порядки здесь обеспечивались с помощью армии, как одного из ключевых имперских институтов. Однако нездоровый климат, от которого потери среди личного состава были на порядок выше, чем от боевых действий, отсутствие желания у отдельной части кавказских и персидских обществ смириться с «чужой» властью, непостоянство во внешнеполитических позициях местных владетелей, которых против российской администрации нередко настраивали персидская и турецкая стороны, создавали трудности в имперской управленческой системе.

Литература

- Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869. 548 с.
- Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 60–120.
- Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: «Квадрига», 2010. 381 с.
- Курукин И. В.* Управление «новоприсоединенными провинциями» после Персидского похода 1722–1723 годов: Имперские надежды и восточные «обычаи» // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. СПб., 2019. С. 99–104.
- Лантева Т. А.* Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А. Т. Юнгера в Кабинет Е. И. В. (1722–1725) // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. СПб., 2019. С. 105–129.
- Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Персидская война 1722–1725. Материалы для истории царствования Петра Великого. М., 1867. С. 42–68.
- Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. 194 с.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 101. СПб., 1898. 600 с.

References

- Butkov P.G. Materialy dlya novej istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. I. SPb., 1869. 548 p.
- Gerber I.G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morya. 1728 g. // *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* M., 1958. Pp. 60–120.

- Kurukin I.V. *Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735)*. М.: «Kvadriga», 2010. 381 p.
- Kurukin I.V. Upravlenie «novoprisoedinennymi provinciyami» posle Persidskogo pohoda 1722–1723 godov: Imperskie nadezhdy i vostochnye «obychai» // *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. SPb., 2019. Pp. 99–104.
- Lapteva T.A. Derbent v sostave Rossijskoj imperii: Pis'ma komendanta polkovnika A.T. Yungera v Kabinet E.I. V. (1722–1725) // *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. SPb., 2019. Pp. 105–129.
- Pis'ma i instrukcii imperatora Petra Velikogo generalu Matyushkinu // *Persidskaya vojna 1722–1725. Materialy dlya istorii carstvovaniya Petra Velikogo*. М., 1867. Pp. 42–68.
- Pohodnyj zhurnal 1722 g. SPb., 1855. 194 p.
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 101. SPb., 1898. 600 p.

Sharafetdin A. Magaramov

Dagestan federal research centre, Mahachkala, Russia

ADMINISTRATIVE PRACTICES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE WESTERN CASPIAN REGION IN 1722–1735

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42023.

The article examines the experience of the administrative practice of the Russian Empire in the Western Caspian region in 1722–1735, the territory of which was annexed to the empire as a result of the Persian campaign. The activity of the commanders of the Nizovoy Corps of the Russian Imperial Army, who ensured the Russian presence in the Caspian regions, is analyzed. The measures for the management of the new border space are studied, including punitive expeditions against rebellious rulers, the payment of salaries and the provision of royal favor to loyal rulers, the introduction of the institution of amanat (hostage keeping), the collection of intelligence through spies, merchants about ill-wishers, etc.

Keywords: *Russian Empire, Peter the Great, Western Caspian region, administrative practice.*

В.М. Марасанова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия

Административно-территориальные реформы Петра I в Верхневолжском регионе

Рассматриваются административно-территориальные реформы Петра I в верхневолжском регионе. В начале XVIII в. в рамках нового деления экономически целостная территория Верхнего Поволжья оказалась раздробленной и подчиненной 2 генерал-губернаторам, 3 губернаторам и 11 воеводам. Административно-территориальное устройство совершенствовалось в направлении усложнения структуры органов управления, поиска оптимальных пространственных схем и однотипных территориальных единиц.

Ключевые слова: *Петр I, государственные учреждения, реформа, Верхнее Поволжье, провинция*

Петр I постоянно искал новые формы организации аппарата управления в центре и на местах. На региональном уровне управленческие новации петровской эпохи позволяют проанализировать материалы Верхнего Поволжья в современных границах Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областей (до 1920-х гг. те же губернии, исключая Ивановскую). Верхневолжские уезды и провинции имели много общего с точки зрения состава населения и его хозяйственных занятий. Здесь не было заметных национальных или религиозных различий, большинство местного населения (97% и выше) составляли русские православные. Тесным связям внутри региона содействовало наличие сухопутных и водных коммуникаций, среди которых первый почтовый тракт от Москвы до Архангельска протяженностью 1,3 тыс. км (1693) и бассейн Волги с системой водных путей сообщения.

Изучение региональных особенностей управления и административно-территориального деления необходимо для решения научных и практических вопросов в рамках архивных исследований, реализации учебного процесса в вузах, построения музейных выставок и экспозиций.

Отличительной особенностью петровского правления стали активизация законотворческой деятельности, реформы всех звеньев управления и личный контроль монарха. Сведения об изменениях в структуре органов управления и административно-территориальном делении при Петре I зафиксировало законодательство, включенное в «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ)¹. Преобразования местного управления про-

¹ ПСЗ. I. Т. III–VII (1689–1727 гг.).

изводились преимущественно через решения верховной власти и с 1710-х гг. Сената, а не органов центрального управления.

Петр I лично изучал ситуацию в регионах. Он неоднократно посещал Ярославль, Ростов, Тверь, Вышний Волочек и другие города региона. Плещеево озеро близ Переславля Залесского было выбрано царем для строительства «потешной флотилии». Петр следил за строительством Вышневолоцкого канала и встречался с руководившим процессом гидротехником М.И. Сердюковым [Соловьев, с. 413]. После смерти Петра I российские монархи и видные государственные сановники вплоть до вступления на престол Екатерины II практически не посещали верхневолжский регион, следовательно, слабо представляли объект управления.

В начале правления Петра главными должностными лицами в уездах оставались воеводы, подчинявшиеся центральным приказам. Воевода имел в подчинении приказную избу и ежегодно составлял росписи доходов-расходов². С конца XVII в. в местном управлении наметились перемены. Приведем пример Ярославского края. В XVII в. воевод и дьяков для Переславля, Любима, Романова и Ярославля с уездами назначала Костромская четверть (четыре). 8 июля 1692 г. последовал именной указ о назначении воевод в Ярославль из Разрядного приказа³. Следующим указом от 9 июля под начало вновь назначенного ярославского воеводы В.А. Соковнина были поставлены Ростов и Переславль-Залесский с упразднением в этих городах должностей воевод и губных старост⁴. 19 июля 1692 г. царями-соправителями Иваном и Петром Алексеевичами был дан указ «о устроении городу Ярославлю печати по гербу с надписью», зафиксировавший медведя как городской символ [Сборник и указатель..., с. 2]. Утверждение и изменение гербов, как правило, происходило в периоды активных реформ государственного управления.

При Петре I не осталось ступеней управления, не затронутых реформами, и первым изменилось управление городов. Для государства требовалось больше средств, следовательно, органов, обеспечивающих поступление налогов. В 1699 г. посадское население получило право выбирать из своей среды бурмистров. Они входили в бурмистерские (земские) избы во главе с президентами «для управления казенными сборами и градскими повинностями»⁵. Бурмистерские избы подчинялись Ратуше, расположенной в Москве [Ерошкин, с. 83]. Однако с введением должности городских бурмистров расхищение казенных средств не уменьшилось. Так, С.М. Соловьев приводил отрывок из письма Алексея Курбатова Петру I, где отмечалось, что бурмистрами только в Ярославле были украдены 40 тыс. руб.

² ПСЗ. I. Т. III. № 1650.

³ ПСЗ. I. Т. III. № 1441.

⁴ ПСЗ. I. Т. III. № 1442; Ярославские губернские ведомости. 1850. Неофиц. часть. 18 февр. № 7.

⁵ ПСЗ. I. Т. III. № 1674.

[Соловьев, с. 357–358]. Реформа городского управления возобновилась в 1723–1724 гг., когда в результате реорганизации ратуш и бурмистерских изб возникли городовые магистраты.

В указе Петра I от 10 марта 1702 г. объявлялось «об отмене в городах губных старост и сыщиков, и об определении в приказы дворян по выборам, в больших городах по четыре, а в малых по два дворянина, для заседания в приказных избах вместе с воеводами, и решения всяких дел по общим приговорам»⁶. Губных старост, игравших важную роль в местном управлении, сменили выборные от дворян (по 2–4 человека в каждом городе).

Вслед за городами и губными учреждениями наступила очередь административно-территориального деления. 18 декабря 1707 г. царь приказал «росписать города частями, кроме тех, которые в 100 верстах от Москвы», между несколькими крупными городами⁷. Данный указ был первым проявлением воли монарха начать изменения в административно-территориальном делении [Голикова, с. 53; Коркунов, с. 122]. В соответствии с указом Петра I от 18 декабря 1708 г. учреждались 8 губерний: Московская, Ингерманландская (с 1710 г. Санкт-Петербургская), Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Архангелогородская и Сибирская⁸.

Следуя принципу «росписи» городов, петровские губернии отличались друг от друга размерами и количеством населения. Если Смоленская (упразднена в 1713 г., воссоздана в 1726 г.) и Архангелогородская губернии стали прообразами будущих губерний конца XVIII в., то Московская губерния охватывала весь центр страны. В ней насчитывалось 39 городов, включая верхневолжские: Владимир, Кострома, Переславль-Залесский, Ростов, Любим, Юрьев Польский, Суздаль, Шуя [Шереметевский, с. 5]. В Ингерманландскую губернию вошли 29 городов; из верхневолжских – Ярославль, Углич, Романов, Тверь, Торжок, Торопец, Кашин, Бежецкий Верх.

Новое административно-территориальное деление перераспределило земли старых уездов. В частности, большая часть Владимирского края вошла в Московскую губернию, включая Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Шую и Переславль Залесский. Города Гороховец, Муром и Вязники были отнесены к Казанской губернии. Костромской край разделили между тремя губерниями. Кострома вошла в состав Московской губернии. Города Галич, Солигалич, Чухлома, Унжа и посады Парфеньев, Судай, Кологрив и Кинешма записали в Архангелогородскую губернию, а город Юрьевец – в Казанскую губернию [Государственный архив Костромской области, с. 282]. Будущая Тверская губерния оказалась поделенной между губерниями Смоленской и Санкт-Петербургской. В Ярославском крае Ростов отошел к Московской губернии, а Ярославль и Углич попали в подчинение Санкт-петербургского генерал-губернатора.

⁶ ПСЗ. I. Т. IV. № 1900.

⁷ ПСЗ. I. Т. IV. № 2176.

⁸ ПСЗ. I. Т. IV. № 2218.

Таким образом, экономически связанная территория Верхнего Поволжья оказалась разделенной между пятью губерниями. Относительно компактным по размерам регионом управляли генерал-губернаторы и губернаторы, отвечавшие за огромную территорию от Санкт-Петербурга и Москвы до Смоленска, Архангельска и Казани. «Сверхудаленность» вышестоящей инстанции не позволяла ожидать реальных результатов от ответственных администраторов.

Во главе Санкт-Петербургской и Азовской губерний стояли генерал-губернаторы князь А.Д. Меншиков и генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. Первым московским генерал-губернатором стал боярин Тихон Никитич Стрешнев. В остальных губерниях главными должностными лицами были губернаторы (от лат. *gubernatos* – правитель). Впервые слово «губернатор» Петр I упомянул в 1694 г. в переписке с Ф.М. Апраксиным [Милюков, 1905, с. 255], так что путь от идеи до ее воплощения в управленческую практику был очень быстрым.

Вспомогательным органом губернатора являлась губернская канцелярия, а ближайшим помощником – вице-губернатор. Для усиления власти губернаторов в 1713–1727 гг. действовали советы ландратов из 8–12 человек, избираемых дворянством каждой губернии. Однако на практике создание таких советов затянулось [Андреевский, с. 365; Ерошкин, с. 41]. С 1715 г. в уездах появились земские комиссары из местных дворян или отставных офицеров. Каждый из них действовал на ландратном участке, включавшем около 5,5 тыс. дворов [Евреинов, с. 41]. Функции земского комиссара заключались в сборе подушной подати и наблюдении за выполнением казенных повинностей. Земский комиссар подчинялся провинциальной канцелярии. При небольшом количестве чиновников советы ландратов с земскими комиссарами не могли контролировать территорию и местное население. Система местного управления оставалась неэффективной, поэтому административно-территориальные реформы продолжились.

По указу Сената «Об устройстве губерний» от 29 мая 1719 г. территория государства разделялась на более мелкие административные единицы – провинции – с сохранением 11 существующих на тот момент губерний⁹. Постепенно число провинций выросло с 45 до 50. В Санкт-Петербургской губернии было 12 провинций, в Московской – 9, в Киевской, Архангельской, Казанской и Азовской – по 4, в Сибирской и Нижегородской – по 3, в Рижской – 2. В Астраханской губернии провинций не было.

Во главе наиболее важных провинций стояли генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы. Остальные провинции, в том числе все верхневолжские, возглавляли воеводы. В качестве исполнительного органа при воеводах действовали провинциальные канцелярии. Провинции делились на дистрикты (уезды) во главе с воеводами, которым подчинялись

⁹ ПСЗ. Т. V. № 3380.

уездные канцелярии. Уезды охватывали территорию с населением до 2 тыс. дворов. Однако для управления провинцией и уездом нескольких чиновников и солдат, как это было на практике, явно не хватало.

Деление на провинции вновь не совпадало с прежними границами уездов. Его можно сопоставить с будущими екатерининскими губерниями. В частности, будущая Тверская губерния не входила полностью в состав Тверской провинции, но на территории Верхнего Поволжья она оказалась наименее раздробленной. Возможно, в этом стоит искать объяснение тому, что через полвека именно с малой Смоленской губернии и крупной Тверской провинции «петровского образца» началась губернская реформа Екатерины II. В Тверскую провинцию вошла часть Смоленской губернии с городом Зубцовым и посадом Погорелое городище. К Тверской провинции относились Ржев и Торжок [Колосов, с. 4]. Первоначально тверской воевода подчинялся Санкт-Петербургскому губернатору, а с 1727 г. – Новгородскому губернатору¹⁰. Город Старица в 1708–1719 гг. входил в Смоленскую губернию, в 1719–1727 гг. в составе Тверской провинции отошел к Санкт-Петербургской губернии и, наконец, в 1727 г. вошел в новую Новгородскую губернию, в составе которой оставался вплоть до учреждения Тверского наместничества. Бежецкий, калязинские и кашинский уездные воеводы подчинялись угличскому провинциальному воеводе [Тверская область, с. 199, 224; Государственный архив Тверской области, с. 13–14].

В границах будущей Костромской губернии образовались две провинции. Костромская провинция Московской губернии включила города Кострому, Буй, Судиславль, Кадый и Любим. К Галичской провинции Архангелогородской губернии отошли города Галич, Солигалич, Чухлома, Унжа. Лух находился в Суздальской провинции Московской губернии, а Юрьевец остался в Казанской губернии, а позднее, в 1744 г., отошел к Нижегородской губернии [Государственный архив Костромской области, с. 282]. Кинешма из Архангелогородской губернии перешла в Ярославскую провинцию Санкт-Петербургской губернии.

На территории будущей Владимирской губернии находились четыре провинции Московской губернии: Суздальская, Юрьев-Польская, Владимирская, Переславль-Залесская. Александровская слобода при Екатерине I находилась во Владимирском уезде, а при Елизавете Петровне была передана в Переславль-Залесский уезд [Административно-территориальное деление..., с. 14].

Ярославский край разделили между четырьмя провинциями двух губерний: Ярославской и Угличской провинциями Санкт-Петербургской губернии, Переславль-Залесской и Костромской провинциями Московской губернии. После создания провинции первым воеводой в Ярославль назначили родственника царя А.И. Нарышкина. При воеводе создавалась провин-

¹⁰ ПСЗ. I. Т. VII. № 5065.

циальная канцелярия с 12 служителями. Для Углича, Кашина и Бежецкого Верха воеводой назначили Ф.Е. Бутурлина, для Ростова – Д.А. Бестужева. Только 29 апреля 1727 г. появился указ о приписке Ярославской провинции к Московской губернии [Ярославский район, с. 75]. 4 июля 1727 г. вышел указ «о приписке Углицкой провинции к Московской губернии»¹¹. Теперь все четыре провинции на территории Ярославского края вошли в Московскую губернию – центральную и самую густонаселенную в России.

Преимники Петра I ликвидировали многие из созданных при нем местных учреждений. В 1726 г. упразднили дистрикты и вернули исторически сложившееся уездное деление. В 1727 г. Россия делилась на 14 губерний, 47 провинций и более чем 250 уездов [Ерошкин, с. 105]. Указ от 29 апреля 1727 г. упразднил часть должностей в аппарате управления на местах, например, земских комиссаров [Ключевский, с. 103]. Инструкция от 12 сентября 1728 г. определила в качестве главной задачи губернаторов и воевод охрану «тишины и спокойствия»¹². Губернаторы и воеводы опирались на губернские, провинциальные и воеводские канцелярии [Милюков, 1896, с. 155]. В местном управлении соединялись старые и новые наименования должностей и территориальных единиц, что характерно для переходных периодов.

Итак, в петровскую эпоху укрепились транспортные коммуникации внутри верхневолжского региона. На местном уровне было впервые создано трехуровневое деление: губерния, провинция, уезд. При этом исторически и экономически взаимосвязанная территория Верхнего Поволжья оказалась раздробленной и подчиненной 2 генерал-губернаторам, 3 губернаторам и 11 воеводам. Принципы территориальной организации государства еще не были однотипными и до конца продуманными. В силу этого административно-территориальное устройство должно было совершенствоваться в направлении усложнения структуры органов управления и поиска оптимальных пространственных схем территориального деления. Многие положения, намеченные в петровскую эпоху, получили дальнейшее развитие в последней четверти XVIII столетия. Петровские губернии и провинции стали необходимым этапом накопления опыта преобразований и движения к губерниям екатерининского образца, успешно устранившим диспропорции территориального деления в Российской империи.

Литература

- Административно-территориальное деление Владимирской области. Ярославль, 1983. 200 с.
- Андреевский И.Е. Русское государственное право. Т. 1: Введение. СПб.; М., 1866. 496 с.
- Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 44–108.

¹¹ ПСЗ. I. Т. VII. № 5115.

¹² ПСЗ. I. Т. VII. № 5333.

- Государственный архив Костромской области. Кострома, 1962. 318 с.
- Государственный архив Тверской области. Ч. 1. Тверь, 1998. 400 с.
- Евреинев Г.А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. 103 с.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.
- Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 5. М.: Мысль, 1987. 476 с.
- Колосов В.* Тверь в царствование Екатерины II. Тверь, 1896. 26 с.
- Коркунов Н.М.* Время первого учреждения губерний // Коркунов Н.М. Сборник статей. СПб., 1898. С. 120–122.
- Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. XIV с., 679 с.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. 224 с.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 8. М., 1997. 688 с.
- Тверская область. Тверь, 1994. 328 с.
- Шереметьевский П.В.* В память столетию открытия Московской губернии // Памятники Отечества. 1994. № 31 (1/2). С. 5–10.
- Ярославский район: страницы истории. Ч. 1. Ярославль, 1997. 124 с.

References

- Administrativno-territorial'noe delenie Vladimirskoj oblasti. Yaroslavl', 1983. 200 p.
- Andreevskij, I.E. Russkoe gosudarstvennoe parvo. Vol. 1: Vvedenie [Introduction]. St. Petersburg; Moscow, 1866. 496 p.
- Golikova, N. B., Kislyagina, L.G. Sistema gosudarstvennogo upravleniya // *Oчерki russkoj kul'tury XVIII v.* Part 2. Moscow, 1987. Pp. 44–108.
- Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. Kostroma, 1962. 318 p.
- Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti. Part 1. Tver', 1998. 400 p.
- Evreinov, G.A. Proshloe i nastoyashchee znachenie russkogo dvoryanstva. St. Petersburg, 1898. 103 p.
- Eroshkin, N.P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii. Moscow, 1997. 357 p.
- Klyuchevskij, V.O. Sochineniya: in 9 v. Vol. 5. Moscow, 1987. 476 p.
- KolosoV, V. Tver' v carstovanie Ekateriny II. Tver', 1896. 26 p.
- Korkunov, N.M. Vremya pervogo uchrezhdeniya gubernij // *Korkunov N.M. Sbornik statej.* St. Petersburg, 1898. Pp. 120–122.
- Milyukov, P.N. Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. Second edition. St. Petersburg, 1905. XIV p., 679 p.
- Milyukov, P.N. Oчерki po istorii russkoj kul'tury. Part 1. St. Petersburg, 1896. 224 p.
- Solov'ev, S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. In *Solov'ev S.M. Sochineniya:* in 18 v. Vol. 8. Moscow, 1997. 688 p.
- Tverskaya oblast'. Tver', 1994. 328 p.
- Sheremet'evskij, P. V. V pamyat' stoletiyu otkrytiya Moskovskoj gubernii // *Pamyatniki Otechestva.* 1994. No. 31 (1/2). Pp. 5–10.
- Yaroslavskij rajon: stranicy istorii. Part 1. Yaroslavl', 1997. 124 p.

Viktoria M. Marasanova

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORMS OF PETER I IN THE UPPER VOLGA REGION

The author considers administrative and territorial reforms of Peter I in the Upper Volga region. At the beginning of the XVIII century the economically integral Upper Volga region was divided and subordinated to 2 governors-generals, 3 governors and 11 voivodes. The administrative-territorial structure had to be improved and it was necessary to create more complicated structure of the state institutions, to find the optimal schemes and uniform territorial units.

Keywords: *Peter I, state institutions, reform, Upper Volga Region, province.*

Наказания за тяжкие преступления в России XVIII века: к истории политического языка*

*Статья посвящена феномену появления в русском языке в начале XVIII века понятия **политическая смерть**, которое было непосредственно связано с понятием **смертная казнь**, но использовалось для определения ее театрализованного аналога, лишь имитирующего наказание **натуральной смертью**. Проходящие под влиянием западноевропейских уголовных практик данные терминологические изменения свидетельствовали о принципиальной возможности отказа власти от расправы с телом преступника и замены ее публичным позором, лишением чести и статусной девальвацией. Сокращение сферы применения смертной экзекуции вело к гуманизации наказаний и так или иначе создавало почву для введения моратория на смертную казнь.*

Ключевые слова: русская история XVIII века, политическая смерть, мораторий на смертную казнь, положение на плаху, политический язык

«Натуральной и политической смерти не чинить»

Каждому знакомо свидетельство князя Михаила Щербатова, о том, что во время дворцового переворота в 1741 г. дочь Петра I пообещала отказаться от применения смертной казни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»¹. После возвращения трона императора Петра I Елизавета Петровна сдержала данное перед иконой обещание. 7 мая 1744 года появился указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение решений по делам колодников, приговоренных к смертной казни и политической смерти. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. Высочайшее решение сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»².

* Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020–2022 гг.

¹ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 55.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е. СПб. 1830. (далее – ПСЗ). Т. XII. № 8944. С. 114. 1744, 7 мая. См. также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919.

При этом Елизавета потребовала от Сената представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал *политической смерти* и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена — точных указов не имеется»³. Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие *политическая смерть*. Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой собственно и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей Елизаветинского правления. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положению на плаху» и всемиловейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко не полным, содержание дел и приговоров проанализированы не были, и самое главное — выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. А между тем обстоятельства подобных экзекуций могли бы пролить свет на историю появления понятия *политическая смерть* в русском языке и правовом сознании XVIII века.

«Положение на плаху»

В самом начале правления юного Петра в октябре 1689 года был приведен в исполнение приговор восставшим против царя стрельцам. Начальнику Стрелецкого приказа Федору Шакловитому, «забывшему страх Божий и государское крестное целование», отрубили голову, а образок Николая Чудотворца в серебряном окладе, бывший у него во время казни, передали под расписку священнику Иродиону церкви Вознесения Господня и Трех Святителей стрелецкой слободы Троице-Сергиева монастыря. Сообщников «вора и изменника» Шакловитого Семена Рязанова, Дементия Лаврентьева и Ивана Муромцева также решено было жестоко наказать: «положить их на плаху и, подняв, сказать им, что великие государи пожаловали их смертью казнить не указали, а указали бить кнутом, урезать языки и сослать их в ссылку в сибирские города на вечное житье». Милосердие царя мотивировалось без лишнего пафоса — «для своего государского многолетнего здравия»⁴.

Однако на этом придворные треволнения не закончились. Буквально через несколько недель последовали новые казни. В данном случае не обо-

Л. 1–10 об., 18–18 об., 99–100.

³ ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753, 29 марта.

⁴ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. I. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570; ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689, 11 октября.

шлось без ворожбы. Пожилой боярин Андрей Ильич Безобразов, назначенный воеводой на Терек, вынужден был подчиниться высочайшей воле и, покинув Москву, отправиться в далекое и трудное путешествие. Однако во время вынужденной остановки в Нижнем его посетила спасительная идея — снискать милостивое расположение государя и получить разрешение на возвращение в столицу путем ... чародейства. Сказано — сделано: тут же отыскали волхва Дорошку, который слыл еще и коновалом, приставили к нему человека Безобразова Ивана Щербачева и снарядили в Москву. Когда Петр направлялся из Савинского похода в село Хорошево, Щербачев указал колдуну на царя, и тот принялся «напускать заговорные слова дьявольски по ветру», чтобы государь был добр к воеводе Безобразову. Для пушей верности одновременно ворожили в Нижнем на костях и воде, а также прибегала к своим, ей одной ведомым заклинаниям, татарка в Касимове. Однако чары на Петра не подействовали, а, напротив, спровоцировали доносы и самое пристрастное расследование. Воеводе Безобразову по приговору отрубили голову, коновала Дорошку сожгли в срубе на болоте, и лишь Иван Щербачев остался жив. Ко дню казни, назначенной на 8 января 1690 года, был уже готов сценарий: перед осужденным зачитывался указ, начинающийся со слов «вора Андрюшки Безобразова человек Ивашка Щербачев!», затем следовали обвинения и приговор «казнить тебя смертью — отсечь голову», далее как и в любом театрализованном действии шла ремарка («положить на плаху, а сняв с плахи сказать): Ивашка Щербачев! Великие государи смертью казнить тебя не указали, а указали тебе чинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать тебя в ссылку в Сибирь»⁵. В данном случае счастливейшее избавление Щербачева преподносилось не как великая государева милость, а как неотвратимое и страшное наказание, мало отличающееся от натуральной смерти⁶.

Через два года сходной экзекуции будет подвержен некто расстрига Ивашка, известный более под именем старца Иосифа. Человек этот был какой-то смутный, и история, связанная с его именем, на первый взгляд не совсем понятна. Происходил он из так называемых романовских или костромских татар, отец его был Богдан Ахметов. Ивашка рано покинул родной дом, крестился, жил отшельником в им же построенной при большой костромской дороге часовне, потом постригся под именем Иосифа и много

⁵ См.: ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689, 11 октября; Розыскные дела о Федоре Шапловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. I. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570.

⁶ Может быть, именно поэтому современники оставили без внимания факты замены «смертной казни» ее имитацией. И.А. Желябужский записал в своем дневнике под 1689 годом: «В том же году пытан и казнен вор, бывший окольный Федька Шапловитый. А ведомый же вор Сенька Рязанов бит кнутом, и отрезан ему язык, и сослан в ссылку» (*Желябужский И.А. Записки с 1682 по 2 июля 1709.* СПб., 1840. С. 22–23). Исследователи также не придали особого значения практике подобной экзекуции, которая несколько потеснила смертную казнь. См., например, [Белов, с. 1–92].

лет скитался по разным монастырям. Как-то раз на пути из Сийской обители, что под Архангельском, у города Яренска повстречался старцу человек, который якобы свел его с опальным фаворитом поверженной царевны Софьи Василием Голицыным. Голицын просил старца идти в Москву к его более удачливому двоюродному брату Борису Голицыну, приближенному Петра, и сказать буквально следующее: «Не допусти казни кузена, борись за его жизнь по крайней мере год – не долгод век царя, тот же год ему и остался». Именно с этой вестью в одеянии чернеца с неизвестными травами в котомке и явился старец Иосиф глухой январской ночью в дом князя Бориса Голицына. Свой фавор князь терять не собирался и от греха подальше отправил старца-provokatora прямиком в Розыскной приказ. Пытки, очные ставки и даже специальная комиссия в Яренск, где содержался Василий Голицын, сделали свое дело – выяснилось, что расстрига Ивашка, он же старец Иосиф, просто оговорил Голицына, поскольку в свое время «князь сослал его за то, что у него дело было в Поместном приказе, как он, старец, был в Дорофееве пустыне». Неизвестные же травы в котомке оказались не зельем, а всего лишь лекарством от грыжи. Подобная неуклюжая месть, задействовавшая при этом «слово и дело», закончилась обычным приговором – «казнить смертью», правда, в особой интерпретации: «положить на плаху и, сняв, сказать “Ивашка-расстрига! Великие государи положили на милость – смертью тебя казнить не велели, а указали бить кнутом нещадно и сослать в Сийский монастырь”»⁷.

В 1700-м году на эшафоте оказались вымогатели из города Венева, находящегося недалеко от Тулы. Земский староста с сообщниками вздумал торговать должностями выборных таможенных и кабацких старост, с которых взять ничего не удалось, от сборов их удалили, а на освободившиеся места поставили более сговорчивых за 120 рублей. В результате не поздоровилось никому – «и тем, кто деньги взял, и тем, кто деньги дал, велено <было> сказать смерть, положить на плаху и, с плахи подняв, бить кнутом и сослать в Азов с женами и с детьми на вечное житье». Казнь эта была устрашающей, поскольку впредь за «воровство и хитрость в сборах» полагалась натуральная смертная экзекуция⁸. Не прошло и двух лет, как последовало новое распоряжение: сняв с попа Петра Никитина священнический чин, «сказать ему смерть» за «научение» духовного сына лже-свидетельству, затем бить кнутом и отправить опять-таки в Азов на ка-торгу. Публичное наказание святого отца носило также назидательный характер, поскольку, согласно указу, отныне всех, кто еще рискнет давать неверные показания в суде, ожидал эшафот «безо всякого милосердия и пощады»⁹.

⁷ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1071–1444; ПСЗ. Т. III. № 1395. С. 89–91. 1691, 7 марта. См. об этом: [Воскобойникова, с. 7–13].

⁸ ПСЗ. Т. III. № 1722. С. 671. 1699, 24 ноября; Т. IV. № 1819. С. 90–91. 1700, 22 декабря.

⁹ ПСЗ. Т. IV. № 1893. С. 185. 1702, 17 января.

Между тем все перечисленные экзекуции именовались как угодно — *наказанием, казнью, положением на плаху*, но никак не *политической смертью*. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П. П. Шафирова. Само выражение *политическая смерть* начинает мелькать в официальных документах уже за несколько месяцев до дела Шафирова. Так, например, дворянству запрещено было укрываться от службы под страхом «натуральной или политической смерти»¹⁰. Однако именно инсценированная казнь вице-канцлера стала первым громким наказанием, названным *политической смертью*.

Казус Шафирова

Шафиров обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов» на заседании Сената 31 октября 1722 года, когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более двадцати лет. По регламенту вице-канцлер как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Скорнякова, приспешника своего давнего противника А. Д. Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафировым, а потом, сопровождаемый Г. И. Головкиным и Я. В. Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Д. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и А. А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорбленный обер-прокурор и заседание Сената закрылось. На беду, генерал-прокурор П. И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во

¹⁰ «<Герольдмейстер> же повинен смотреть, дабы под именем малых дел <дворяне> по городам не укрывались, не маня никому, под штрафом натуральной или политической смерти» (ПСЗ. Т. VI. № 3896. С. 497–499. 1722, 5 февраля).

Францию, и, как водится, «еврейскую природу»¹¹. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 года в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот¹². Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих Берхгольц записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых саних привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, — и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»¹³.

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым, по всей видимости, навсегда опалив его сердце. Оглушенный, со слезами на глазах, он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих — кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один¹⁴.

Итак, обряд положения Шафирова на плаху практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. Одновременно уточнение определений породило новую форму наказания: публичное переживание заведомой инсценировки смертной казни. Однако мучительное ожидание неизбежного конца, страшные мгновения на эшафоте и ошеломляющее помилование психологически принципиально отличались от символического театрального действия *политической смерти*, в которое были вовлечены и палач, и преступник.

¹¹ Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка А. М. Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (См. об этом: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. М., 1860. Ч. 3. С. 28; [*Соловьев*, с. 456–466]).

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 271 (см. также Л. 263–266, 267–270 об.).

¹³ См.: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28.

¹⁴ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28–29; см. об этом также: [Бердников, с. 82–84].

Имитация казни

«Казус Шафирова» дал импульс появлению целого ряда законодательных актов, направленных на повышение авторитета государственных указов в сознании подданных и ужесточение наказания за бесчинства в присутствиях. Прошло несколько месяцев с момента политической смерти Шафирова, а случай с «упрямством» барона нет-нет да и всплывал в текстах именных резолюций. В октябре 1723 года было строжайше запрещено «браниться, здорить, кричать» и уж тем более драться в казенных местах. И если за словесную невожатанность полагались штрафы и конфискация имущества, то рукоприкладство каралось *политической смертью*. То ли призывы Петра к благочинию не возымели действия, то ли император резонно полагал, что нравы не улучшаются одним росчерком пера, но в начале 1724 года именной указ «о наказании за бесчинство» был повторен с расширенным толкованием. Власть неукоснительно требовала пристойного поведения в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судебных местах, апеллируя к образу Высшего Судьи и называя любой суд Судом Божиим. И, наконец, буквально на следующий день последовал еще один устрашающий указ «о важности государственных уставов», чтобы неведением, «как в деле Шафирова», никто не отговаривался¹⁵. Приблизительно в это же время *политической смертью* пригрозили ловким приказчикам в случае, если они посмеют утаивать крепостные души без ведома помещика¹⁶.

После кончины Петра впервые исполнение приговоров к смертной казни и политической смерти стало невозможным без высочайшей конфирмации. Как свидетельствуют протоколы Сената, во время правления первого императора следовало «смертным убийцам, денежным мастерам, вора́м, разбойникам и взяточникам чинить смертную казнь приставленным к тем делам судьям». Теперь же по указу от 1726 года повелевалось «о колодниках, осужденных к смертной казни или политической смерти, не чиня экзекуции, подавать о винах для доклада Ее императорскому величеству»¹⁷. При всех изменениях в структуре государственного управления этот документ сохранял свою актуальность на протяжении краткого царствования Петра II и всего правления Анны Иоанновны. Указ, с одной стороны, ставил под более жесткий контроль принимаемые на местах резолюции по уголовным преступлениям, а с другой — еще раз напоминал всем подданным, что высший суд остается исключительной прерогативой венценосной особы. В то же время сама ситуация разрешения участи колодников у подножия престола в целом способствовала сокращению числа «смертных сентенций». Сравнение «мнений» полицмейстерских контор и канцелярий

¹⁵ ПСЗ. Т. VII. № 4337. С. 142–143. 1723, 24 октября; № 4431. С. 214–215. 1724, 21 января; № 4436. С. 216. 1724, 22 января.

¹⁶ ПСЗ. Т. VII. № 4343. С. 146. 1723, 5 ноября.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; ПСЗ. Т. VII. № 4964. С. 700. 1726, 8 октября.

и окончательных приговоров показывает явную гуманизацию выносимых вердиктов по мере их продвижения к вершинам власти.

Во второй четверти XVIII века термин *политическая смерть* прочно укореняется в лексике манифестов и приговоров, прежде всего, как форма публичной демонстрация высочайшего милосердия, избавляющего преступника от *смертной казни* или *натуральной смерти*. Так в 1725 году в Петербурге был обезглавлен расстрига Степан Выморочков, бывший монах Самуил Трегуляевского Иоанно-Предтеченского монастыря, располагавшегося недалеко от Тамбова. Выморочков, по всей видимости, казни не очень страшился и, можно сказать, последние годы своей жизни отдал вдохновенной войне против императора Петра. Он проклинал его перед людьми всех сословий, а особенно перед «подлым народом», в Тамбове, в Воронеже, на Дону, в Москве, распространял «злоскверные» письма и даже разрывал первые листы книг с титулом монарха. По делу Выморочкова проходили и сочувствующие ему «недоносители», бывший иеродьякон Изосим, расстрига Захарий Игнатьев и распоп Антип Щеглов, приговоры которых были абсолютно идентичны и выражены стандартной клишированной формулировкой: «Ее императорское величество, самодержица Всероссийская указала за вышеозначенную важную вину вместо натуральной смерти учинить политическую, бить кнутом и вырезав ноздри послать в каторжную вечную работу в Рогервик»¹⁸.

В 1732 году подвергся экзекуции сын посадского человека из Белозерска Карл-Кондратий Федор Кикин, который, будучи в услужении, ни много ни мало у генерал-прокурора Павла Ягужинского воровал деньги, детские вещи, серебряное кружево и занавески из казенной палаты и гостиного двора. Однако по указу Анны Иоанновны Сенат «для многолетнего Ее императорского здравия» приказал заменить Кикину смертную казнь на политическую смерть, бить кнутом, вырезать ноздри и сослать на работу в Рогервик¹⁹.

В 1737 году подобный вердикт был вынесен и по делу сосланного в Илимск за кражу лошадей Зиновия Некажейкова, который в «безмерном пьянстве» совершил «ложный и затейный донос» на жителей Усть-кутского острога по «Ее императорского величества слову»²⁰. Вообще, в соответствии с именным указом 1730 года, за такое преступление полагалась смертная казнь, чтобы «в страх другим никому слова и дела с пьяна за собой и на невинных показывать было не повадно»²¹. Однако Некажейкову смягчили наказание и приговорили совершить над ним обряд политической смерти: «сказал ему указ, положить на плаху, и сняв с плахи бить кнутом нещадно и, вырвав ноздри, послать на новые железные заводы на вечную работу»²².

¹⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 198. Л. 404–405.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781. Л. 318–322.

²⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 741. Л. 21–24 об.

²¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5528. С. 261–264. 1730, 10 апреля.

²² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 741. Л. 21–24 об.

Таким образом, во время правления Петра I в русском языке появляется понятие *политическая смерть*, которое означало имитацию смертной казни с обязательным «положением на плаху» и чтением приговора. *Политическая смерть*, безусловно, являлась формой помилования преступника, совершившего «злодеяния», достойные, с точки зрения власти, *натуральной смерти*. Данные следственных дел и сентенций первой половины XVIII века обнаруживают, что высочайшая милость могла быть объявлена как в момент совершения экзекуции, так и на стадии приговора. В первом случае политическая смерть сопровождалась страшной эмоциональной пыткой ожидания неизбежного конца, во втором – преступник сам становился участником театрализации, призванной, прежде всего, вселить страх в других подданных. Следует заметить, что в XVIII веке факты замены *смертной казни политической смертью* в момент, когда палач уже занес топор, были единичны. В действительности все более утверждалась практика отработанного ритуального представления, которому, наконец, в 1753 году по требованию Елизаветы Петровны было дано толкование: «Сенат рассуждает: *политическою смертью* должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылкой»²³.

Немаловажно, что власть крайне серьезно относилась к подобной условной репрезентации экзекуции на эшафоте и сразу после ухода Петра I монополизировала принятие решений и по политической смерти, и по смертной казни²⁴. Превращение высочайшей воли монарха в единственную инстанцию вынесения окончательного приговора облегчило Елизавете Петровне процедуру введения негласного моратория на смертную казнь и политическую смерть, который не был нарушен за все ее двадцатилетнее правление. При Екатерине II термин *политическая смерть* постепенно заменяется понятием *гражданская казнь*, которая начинает применяться исключительно к представителям дворянского сословия и включать преломление шпаги, «лишение всех прав состояния», родовой фамилии и даже имени [Анисимов, с. 499–500; Курукин, Новикова, с. 566]. Все эти тенденции так или иначе свидетельствовали о возникновении альтернативы уничтожению тела преступника и потенциальной возможности замены расправы девальвацией социального статуса и личного достоинства.

Литература

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.

²³ ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753 29 марта. Доклад Сената был подтвержден императрицей и подтвержден спустя год (ПСЗ. Т. XIV. № 10101. С. 838–839. 1753, 25 мая; ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235–236. 1754, 30 сентября); РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16 об., 38–40.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4 об.

- Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1887. Отд. отт. из Журнала Министерства Народного Просвещения.
- Бердников Л.И. Евреи государства Российского (XV – начало XX вв.): Литературные портреты. М.: Человек, 2009. 486 с.
- Воскобойникова Н.П. Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689–1714) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: материалы Голицынских чтений. 23–24 января 1999 г. Большие Вязёмы, 1999. С. 7–13.
- Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1963. Кн. IX. Т. 17–18.

References

- Anisimov E.V. Dyba i knut: Politicheskij sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 719 p.
- Belov E.A. Moskovskie smuty v konce XVII veka: Rozysknye dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikah. SPb., 1887. Otd. ott. iz Zhurnala Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya.
- Berdnikov L.I. Evrei gosudarstva Rossijskogo (XV – nachalo XX vv.): Literaturnye portrety. M.: Chelovek, 2009. 486 p.
- Kurukin I.V., Nikulina E.A. Povsednevnyaya zhizn' Tajnoj kancelyarii. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 638 p.
- Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. M. 1963. Kn. IX. T. 17–18.
- Voskobojnikova N.P. Chelobitnye Vasiliya Vasil'evicha i Alekseya Vasil'evicha Golicyna iz ssylki (1689–1714) // *Hozyaeva i gosti usad'by Vyazyomy: materialy Golicynskikh chtenij. 23–24 yanvarya 1999 g. Bol'shie Vyazyomy, 1999. Pp. 7–13.*

Elena N. Marassinova

Institute for Russian History, Higher School of Economics, Moscow, Russia

PUNISHMENTS FOR GRAVE CRIMES IN 18th CENTURY RUSSIA: TO THE HISTORY OF POLITICAL LANGUAGE

The article is devoted to the phenomenon of the appearance of the concept of *political death* in the Russian language at the beginning of the 18th century. This term was directly related to the concept of the *death penalty*, but was used to define its theatrical analogue, just only imitating the punishment by *natural death*. These terminological changes, which were held under the influence of Western European criminal practices, indicated the fundamental possibility of the authorities refusing to reprimand the body of a criminal and replacing it with public shame, deprivation of honor and status devaluation. The reduction in the scope of the death penalty led to the humanization of punishments and, in one way or another, created the basis for the introduction of a moratorium on the death penalty.

Keywords: *Russian history of the 18th century, political death, chopping block, defamation, political language.*

Расцвет обители прп. Кассиана Учемского в конце XVII – первые десятилетия XVIII века

В статье проанализирован комплекс источников, представленных в рукописи ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Данные материалы свидетельствуют о необычайном динамизме и духовной, и хозяйственной жизни в Учме во времена Петра Великого, о ее крепких связях с миром. Монастырь был широко почитаем народом и явно необходим людям. Тем не менее, сам государь не имел отношения к этому расцвету. Он не делал вкладов в обитель, никогда не посещал ее. На примере Учмы видно, что устремления Петра I в отношении Церкви, направленные на ее подчинение и одновременно на своеобразное дистанцирование от ее проблем и чаяний, совершенно не совпадали с внутренним развитием Церкви и целым рядом социальных процессов, в которые она была вовлечена. Государем совершалась своеобразная ломка церковной жизни, идущая вразрез с настроениями широких слоев населения империи.

Ключевые слова: Кассианова Учемская пустынь, каменное строительство в начале XVIII в., Житие Кассиана Учемского, св. Кассиан, реформы Петра I, история церкви, вклады

Серьезные структурные преобразования Петра Великого, осуществленные им в сфере церковной жизни, были подчинены главным задачам государственного строительства, которые ставил перед собой первый российский император. Среди них выделяется стремление монарха к созданию регулярного государства, в котором все подчинено воле и власти монарха. Петр мечтал о процветании России, путь к которому он видел в т.ч. через укрепление государственности и международного авторитета страны. Секулярные устремления Петра не вызывают сомнений. В Церкви он видел не столько богатство ее внутренней, молитвенной жизни, сколько структуру, способную в случае независимости оказать сопротивление монархии (а значит — поставить под угрозу планы государя). В случае же подчинения Церкви светской власти она переставала быть потенциально опасной для абсолютизма, более того, могла стать его мощным союзником.

Тем не менее, эти воззрения Петра, теоретически вполне обоснованные, нередко не совпадали с отношением к Церкви «на местах» и настроениями населения империи. Примером такого рода может служить история развития Кассиановой Учемской пустыни в эпоху Петра Великого.

Учемская обитель была основана в последние десятилетия XV в. в 25 км от Углича (ныне — Мышкинский район Ярославской области) прп. Кассианом († 1504), в миру князем Константином Мангупским — греком, по

преданию, прибывшим на Русь в окружении Софьи Палеолог. Долгое время «строитель» (т.е. устроитель) обители не был канонизирован, однако в 1629 г. он был, наконец, прославлен в чине преподобных. Автору этих строк уже приходилось размышлять об этой канонизации, в том числе о подтолкнувших к ней «государственно-устроительных» причинах [Матасова 2022]. Для центральной власти после Смуты было важно консолидировать страну и общество, и эта задача решалась в т.ч. через общерусское прославление региональных святых, заступничество которых чудесным образом проявилось в лихолетья начала XVII в.¹ Образ прп. Кассиана Грека как святого «от Итталейския страны», запечатленный в Прологе 1662 г.², был важен и русским властям середины XVII в. для утверждения мысли о том, что Русь – открытая для диалога с миром держава, в которой духовно процветают праведники в т.ч. «греко-римского» происхождения. Эти настроения способствовали складыванию идеи о том, что Россия – неотъемлемая часть европейского культурного и духовного пространства [см. подробнее: Матасова 2020].

Казалось бы, все эти образы и сюжеты могли бы быть очень кстати Петру Великому в деле его преобразований, поскольку были во многом созвучны целому ряду его начинаний. Тем более, что после появления рассказа о прп. Кассиане в Прологе 1662 г. и, соответственно, распространения его почитания, начался весьма серьезный поток вкладов в Учемскую обитель. Это говорит о том, что почитание прп. Кассиана было искренним и глубоким, оно отвечало настроениям людей, и на этом основании можно было надеяться в конкретном случае на своеобразное единение царя и народа. Однако этого не произошло. Император словно не замечал обитель (равно как не замечал и другие небольшие монастыри). Между тем в Учме шел настоящий духовный и материальный подъем.

Сведения из недавно обнаруженного мной комплекса документов, раскрывающих обстоятельства и социально-экономического, и интеллектуального, и духовного развития Кассиановой пустыни в последние десятилетия XVII – первой четверти XVIII в., совершенно определенно свидетельствуют о небывалом расцвете обители в это время, о ее неразрывной связи не только с окрестным обществом (Углич, Ярославль, Молога, Рыбинск), но и с довольно далекими от Учмы землями: Москвой, Новгородом и др. Эти документы объединены в одном интересном, по-своему уникальном сборнике из коллекции ОР РГБ (Ф. 299. Собрание Н.С. Ти-

¹ Прп. Кассиан известен своими чудесами заступления за Угличскую землю в 1609 г. – во время «литовского разорения», как этот период назван в памятниках местного исторического описания XVIII в. Основанный прп. Кассианом монастырь и вовсе чудесным образом был огражден святым от захватчиков. Эти эпизоды нашли отражение не только в чудесах святого (Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 42. С. 337–338), но и в иконописи. См.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (ЦМиАР). КП-1969/1. Инв. 492–1. ГК 16255192.

² Пролог. Вторая половина. Март-май. М., 1662. С. 466–468.

хонравова. № 234). Это кодекс в 2^о, 156 листов, конца XVII — первой четверти XVIII вв., бумага с филигранями середины 1670-х — начала 1690-х гг. [см. подробнее: Матасова 2021а. Приложение 1]. Сборник начал составляться 15 июня 1699 г., но создавался он в несколько этапов. Поначалу он, видимо, задумывался игуменом Ионой как собрание сведений о пожертвованиях на возведение храма, но затем — уже в первом-втором десятилетии XVIII в., он был дополнен другими материалами³. Там есть и позднейшие приписки (последняя датированная запись относится к 1743 г.⁴). Можно сказать, что сборник представляет собой своего рода «энциклопедию монастырской жизни» Учмы этого времени. Из всего богатства и многообразия сведений, представленных в сборнике и свидетельствующих о процветании обители, в данном случае стоит выделить следующие.

Известно, что в 1699–1710 (1711?) гг. — буквально накануне петровского указа 1714 г. о запрете возведения каменных построек везде, кроме столицы! — в Учме была построена каменная Успенская церковь⁵. Материалы сборника дают возможность точно датировать время начала постройки храма (1699), которое долгое время было скрыто от исследователей⁶. Примечательно, что каменная Успенская церковь была построена исключительно на пожертвования. Этому событию (и этому процессу!) придавали в монастыре серьезное значение: именно по случаю сбора средств на монастырь и начал составляться сборник Тихонр., 234⁷ сам по себе ставший важным фактом интеллектуальной жизни Учемской пустыни.

В начале XVIII в. был произведен разбор и осуществлена систематизация монастырского архива. Собственно, Тихонр. 234 представляет собой отражение этого процесса. Кодекс начинается с пространного предисловия, в котором говорится, что в 1 июня 1699 г. началось возведение каменной церкви, и по этому случаю идет сбор пожертвований на это благое дело. Далее следуют выписки из вкладных книг, где собраны свидетельства о вкладах, сгруппированных по признаку сословного происхождения жертвователей⁸. Вкладов этих немало. Работа над выписками велась несколькими писцами, видимо, одновременно разбиравшими монастырский архив, а также делавшими дополнения позднее.

За сведениями о вкладах «на строение каменной Успенской церкви» в сборнике следуют служба с молитвой⁹ и житие прп. Кассиана с чудеса-

³ Это и дает нам датировку на «конец XVII в., а конец XVII — первая четверть XVIII вв.».

⁴ ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 150.

⁵ Недавно был обнаружен важный список Жития прп. Кассиана 1686 г., содержащий две редкие миниатюры. На одной из них прп. Кассиан представлен рядом с основанной им обителью, которая изображена полностью деревянной. Успенский храм был первой каменной постройкой на территории обители. См.: ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). № 1406.

⁶ Об этом сожалел А.Г. Мельник в одной из своих работ [Мельник, с. 48, 50].

⁷ ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 3–3 об.

⁸ Там же. Л. 3–17.

⁹ Там же. Л. 32–64 об.

ми¹⁰. Эти части были переписаны в сборник при игумене Ионе (1686–1705). Думается, что эта последовательность: сначала выписки, затем служба и житие – имеет объяснение. Выписки, по задумке составителя, сообщают о том, кого нужно благодарить за возможность построить новый храм, а служба и житие – своеобразный ответ на вопрос о духовной значимости Учемской обители, о том, почему важно жертвовать в Учму.

Затем в сборнике представлен уникальный, известный в единственном списке Летописец Кассиановой пустыни¹¹. Летописец был составлен около 1717 г.¹² при игумене архимандрите Киприане II (1716–1723). Далее следуют описания имущества монастыря (выписки из писцовой книги 1631 г.¹³, фрагмент даточной книги игумену Ионе с братией¹⁴, датированные записи о том, как и у кого в Угличе при игумене Киприане монастырем были арендованы помещения под часовню и «под келию» для исполняющих послушания в городе монахов, а также земельные угодья¹⁵, записи о пожертвованном скоте с именами дарителей¹⁶).

В сборнике содержатся многочисленные сведения о пожертвованиях в обитель. Примечательно, что эти вклады делали не только (и не столько!) аристократы первого ряда¹⁷, сколько представители податных сословий (в т.ч. горожане и крестьяне!), а также духовенство (как из окрестных городов и сел, так и из Москвы)¹⁸. О петровском времени – по крайней мере, применительно к Учме – вполне справедливы слова В.О. Ключевского о том, что «местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и сердце, а вместе с ними и свои недостатки» [Ключевский, с. 30].

Создание в начале XVIII столетия рукописного сборника Тихонр. 234 (ОР РГБ), в который вошли вышеупомянутые источники и который сложился в своего рода комплексное собрание сведений о жизни обители, свидетельствует о небывалой активизации интеллектуальных ресурсов монастыря. Несколькими годами ранее – в 1712 г. – в монастыре иеродьяконом Стефаном был создан новый список монастырского синодика¹⁹, по-видимому, с дополнениями в сравнении со старым, не сохранившимся.

¹⁰ Там же. Л. 65 об.–109. Житие в пространной редакции с чудесами, что опубликована еще до революции: Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 14. С. 111–117; № 42. С. 337–344; № 43. С. 345–348. Примечательна новейшая находка рукописи 1686 г., которая легла в основу публикации 1873 г. [Крутова; Матасова 2022 (в печати)].

¹¹ ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 111 об. – 117 об.

¹² Последние статьи Летописца датированы 1717 г.

¹³ ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 135 об.–140.

¹⁴ Там же. Л. 140 об.–141.

¹⁵ Там же. Л. 142–143 об.

¹⁶ Там же. Л. 147 об.–150.

¹⁷ Среди них – тетка Петра Великого, царевна Татьяна Михайловна Романова и дядя императора, Лев Кириллович Нарышкин. См.: ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 4.

¹⁸ См. очень подробно: [Матасова 2021, Матасова 2021a].

¹⁹ О синодике до недавнего времени думали иначе и датировали его концом XVII в.: [Карсаков, Куницына]. Приведенные нами данные опираются на свидетельства Летописца Кассиановой пустыни. См.: ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 117.

Обилие вкладов²⁰ в Учму, свидетельствующих об истинном и истовом почитании прп. Кассиана, говорит о том, что инициативы по канонизации учемского чудотворца отвечали потребностям людей. Речь шла о потребностях в монастырях именно в традиционном понимании задач обителей: как особых территорий жизни духа, молитв, подвигов и чудес, средоточия святынь, центров интеллектуальной («книжной») работы... Попытки Петра фактически лишить обители их главных – сокровенных, духовных – задач, превратив их в места жизни не способных к военной и гражданской службе людей или хозяйства, так или иначе обслуживающие государство, пусть и прямо не противоречили настроениям общества, но находились в совершенно другой плоскости.

Итак, идеи первых Романовых находились в случае с почитанием прп. Кассиана в полном соответствии с ожиданиями и запросами людей, которым был нужен «свой», местный праведник²¹. А Петр, в отличие от своих вполне религиозных отца и деда, далеко не в полной мере оценивал «государственно-устроительный» потенциал глубинного религиозного чувства жителей своей империи. Он не вполне осознавал степень привязанности людей к святым и святыням, не чувствовал глубины воздействия сакрального пространства обителей на верующих, не видел тонкого узора ткани церковного бытия во всей его потаенной полноте, свободы как основной категории духовного поиска православных богословов. Показательно, что при Петре почти не было канонизаций русских праведников²², причем подвижники в ту пору прославлялись как местночтимые. Первым общерусским святым синодального периода стал свт. Димитрий Ростов-

²⁰ Жертвовали деньги, церковную утварь, богослужебные книги, иконы, оклады, предметы быта, скот... см. подробно: [Матасова 2021, Матасова 2020]

²¹ Автору данных строк уже приходилось размышлять об этом. Думается, что вклады коней, в частности, крестьянами и сельским духовенством в обитель прп. Кассиана далеко не случайны. В числе святых – покровителей скотоводства и вообще сельского хозяйства – святые всадники, в первую очередь, св. Георгий Победоносец. В Учме же был свой, местный и горячо любимый святой всадник... Более чем вероятно, что пожертвованиями лошадей (и вообще скота) люди могли благодарить прп. Кассиана за то, что святой услышал их мольбы о здоровье принадлежавших им животных и/или об урожае, об избавлении от нападений, «разорений» и других несчастий [Матасова 2021, с. 166].

²² Известно, что при Петре Великом были канонизированы прпп. Вассиан и Иона Пертоминские (1694), но их канонизация связана с тем, что император лично ощутил их роль в своей судьбе. По свидетельству Соловецкого патерика, «Петр I, застигнутый бурей на пути из Соловецкой обители в Архангельск, нашел убежище в Пертоминском монастыре. Пробыв здесь три дня, он своими руками устроил огромный деревянный крест...» Соловецкий патерик. М., 1991 (репринт издания: СПб., 1873) С. 73. Важно подчеркнуть, однако, что эта канонизация совершилась до того, как царь начал активно проводить реформы. Поклонный крест, поставленный Петром, сохранился до сего дня и ныне представлен в экспозиции Архангельского краеведческого музея. Канонизации некоторых других святых (Прокопия Устьянского, Симеона Верхотурского, Василия Мангазейского, Максима Тотемского и некот. др.) происходили преимущественно по воле правящих архиереев. См. очень подробно новейшее исследование А.Н. Симонова: *Симонов А.Н. История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук.* СПб., 2011.

ский (1651–1709), канонизированный в 1757 г.²³ Между тем, в Учме церковная жизнь в эпоху Петра Великого шла своим чередом, обретая яркие краски и формы, отражая традиционные ценности, стремления и идеалы.

На примере истории Учмы последних десятилетий XVII – первой четверти XVIII в. видно, что устремления Петра I в отношении Церкви, направленные на ее подчинение и одновременно на своеобразное дистанцирование от ее проблем и чаяний, не слишком соответствовали внутреннему развитию Церкви и целому ряду социальных процессов, в которые она была вовлечена. Государем совершалась ломка церковной жизни, идущая вразрез с настроениями православного населения империи.

Литература

- Карсаков О. Б.* Синодик Учемского монастыря XVII в. из коллекции Мышкинского народного музея // Опочининские чтения. Мышкин, 1996. Вып. 5. С. 43–48.
- Крутова М. С.* Неизвестный лицевой список жития преподобного Кассиана Угличского // Румянцевские чтения-2021: Материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021). М., 2021. Ч. 1. С. 481–486.
- Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. 624 с.
- Куницына Ю. Б.* Синодик Учемской обители как памятник книжной культуры XVII–XIX вв. // Музей в культурном пространстве исторического города: К 125-летию юбилею Угличского музея. Материалы научной конференции 16–17 ноября 2017 г. Углич, 2018. С. 10–16.
- Матасова 2021 – Матасова Т. А.* «Кобылу рыжу, да мерина гнеда, да корову красну...»: о жертвованиях скота в Кассианову Учемскую пустынь в последние десятилетия XVII – первой половине XVIII в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2021. С. 159–175.
- Матасова 2021 а – Матасова Т. А.* Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2021. Вып. 1. [в печати]
- Матасова Т. А.* Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итальяйския страны»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2020. С. 43–52.
- Матасова Т. А.* Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. [в печати]
- Мельник А. Г.* Архитектура Учемской Кассиановой пустыни // Учемский сборник. Рыбинск, 1998. Вып. 1. С. 48–53.

References

- Karsakov O. B. Sinodik Uchemskogo monastyrya XVII v. iz kolekcii Myshkinskogo narodnogo muzeya // *Opochininskie chteniya*. Myshkin, 1996. Vyp. 5. Pp. 43–48.

²³ Показательно, что святитель критиковал многие увлечения царя, например, его пристрастие к скульптуре.

- Krutova M.S. Neizvestnyj licevoj spisok zhitiya prepodobnogo Kassiana Uglichskogo // *Rumyancevskie chteniya-2021: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (21–23 aprelya 2021)*. M., 2021. Ch. 1. Pp. 481–486.
- Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M., 1990. 624 p.
- Kunicyna Yu.B. Sinodik Uchemskoj obiteli kak pamyatnik knizhnoj kul'tury XVII–XIX vv. // *Muzej v kul'turnom prostranstve istoricheskogo goroda: K 125-letnemu yubileyu Uglichskogo muzeya. Materialy nauchnoj konferencii 16–17 noyabrya 2017 g.* Uglich, 2018. Pp. 10–16.
- Matasova 2021 – Matasova T.A. «Kobylyu ryzhu, da merina gneda, da korovu krasnu...»: o pozhertvovaniyah skota v Kassianovu Uchemskuyu pustyn' v poslednie desyatiletiya XVII – pervoj polovine XVIII v. // *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli*. Rostov, 2021. Pp. 159–175.
- Matasova 2021 a – Matasova T.A. Monastyr' i mir: Kassianova Uchemskaya pustyn' vo vremena Petra Velikogo (issledovanie materialov rukopisi Tihonr. № 234) // *Istochniki po istorii russkogo Srednevekov'ya i Novogo vremeni / Otv. red. A.A. Gorskiy*. Vyp. 1. M., 2021. [in print]
- Matasova T.A. Prp. Kassian Uchemskij – grek iz okruzheniya Sof'i Paleolog i chudotvorec «ot Italijskiya strany»: K istorii cerkovnogo pochitanii svyatogo v XVI–XIX vv. // *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli*. Rostov, 2020. Pp. 43–52.
- Matasova T.A. Prp. Kassian Uchemskij – grek iz okruzheniya Sof'i Paleolog i ego kanonizaciya pri Mihaile Romanove: doverie duhovnym avtoritetam // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2022. № 2. [in print]
- Mel'nik A.G. Arhitektura Uchemskoj Kassianovoj pustyni // *Uchemskij sbornik*. Rybinsk, 1998. Vyp. 1. Pp. 48–53.

Tatiana A. Matasova

Moscow State University, Moscow, Russia

THE RISE OF THE MONASTERY OF ST. CASSIAN OF UCHMA AT THE END OF THE 17TH – THE FIRST DECADES OF THE 18TH CENTURY

The article analyzes the complex of sources presented in the manuscript of the OR RSL. F. 299. No. 234. These materials testify to the extraordinary dynamism of both spiritual and economic life in Uchma during the time of Peter the Great, to its strong and long-standing ties with the world. The monastery was widely revered by the people and clearly needed by the people. However, the sovereign himself had nothing to do with this heyday. He made no contributions to the monastery, never visited it. The example of Uchma shows that the aspirations of Peter I in relation to the Church, aimed at its subordination and at the same time at a kind of distancing from its problems and aspirations, did not match at all with the internal development of the Church and a number of social processes in which she was involved. The sovereign committed a kind of breaking up of church life, running counter to the moods of the broad sections of the population of the empire.

Keywords: Uchma, St. Cassian, monastery, Peter I, church history, reforms, contributions.

Французские авторы XVIII–XXI вв. о значении преобразований Петра I в истории России*

В статье дан обзор французской историографии реформ Петра I за три века. Главное внимание уделено трудам великого просветителя Вольтера, известного популяризатора К. Валишевского и современной исследовательницы Ф.-Д. Лиштенан. Анализ их работ позволяет проследить эволюцию в отношении французских интеллектуалов к великому реформатору России и в то же время выделить общие черты в их видении реформ Петра I и их значения.

Ключевые слова: Петр I, реформы, французская историография, Вольтер, К. Валишевский, Ф.-Д. Лиштенан

Первые печатные характеристики личности и деятельности необыкновенного русского царя на французском языке появились в конце XVII в. Дипломат Ф. де ла Невиль в «Записках о Московии» (1698) представил Петра I как молодого человека с блуждающими глазами и трясущейся головой, который «развлекается, стравливая своих фаворитов»¹. В ответ на негативную характеристику молодого царя в 1699 г. было опубликовано «Письмо господина *** о современном состоянии Московии» — первый текст на французском языке, прославляющий Петра. Указав на европейский вектор преобразований, охарактеризовав царя как талантливого государственного деятеля и военачальника мирового масштаба, автор заложил основы образа царя-победителя и созидателя, открывшего России путь к морю, положил начало мощной апологетической традиции в бесконечных спорах о Петровской эпохе [Мезин, 2021].

Полтавская победа и визит царя во Францию подогрели интерес к России и ее правителю. В это время в России и во Франции одновременно берет начало тенденция изображать Петра I как «творца» России, целиком обновившего прежнюю Русь-Московию. Ядро «русского мифа» создал французский академик Б. де Фонтенель в «Похвальном слове царю Петру I» (1725): «Все необходимо был делать заново в Московии, там нечего

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006.

¹ *Де ла Невиль*. Записки о Московии / Отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Малинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996. С. 169.

было улучшать. Речь шла о том, чтобы *создать новую нацию...* действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов»².

Идея творца новой нации была реализована уже в первых посмертных биографиях Петра I на французском языке – «Записках о царствовании Петра Великого» Ж. Руссе де Мисси (т. 1–4, 1725–1726), «Истории Петра I» Е. Мовийона (т. 1–3, 1742). Однако эти громоздкие компиляции давали поверхностное представление о реформаторской деятельности Петра I; главное место в них было отведено военно-дипломатическим сюжетам [Мезин, 2003, с. 187–199].

Традицию изображения царя-демиурга блестяще продолжил Вольтер, сделавший Петра I героем трех исторических сочинений: «Истории Карла XII» (1730–1731), «Анекдотов о царе Петре Великом» (1748), «Истории Российской империи при Петре Великом» (т. 1–2, 1759–1763). Во время работы над историей Петра ему пришлось близко познакомиться с разнообразными источниками, раскрывающими деятельность русского монарха и его характер. Вольтер убедился, что изобразить Петра I как идеального героя ему не удастся, не погрешив перед истиной, но от идеи творца «новой нации», цивилизовавшего варварскую Московию, он не отказался. Поэтому Вольтер решил писать историю России, а не биографию царя, что позволяло говорить только о «важных предметах», не сосредотачивать внимание на «разоблачении» слабостей и жестокости героя. История страны тем не менее оказалась персонафицированной в деяниях Петра.

Вольтер представил деятельность русского царя как образец быстрого и успешного приобщения к цивилизации целого народа. Вслед за Фонтенелем он утверждал, что своим преобразованием страна обязана единственно гению Петра I. Чтобы подчеркнуть акт «творения», историк затушевывал связь новой России с Московией, с деятельностью предшественников царя на троне. «Наконец родился Петр, и Россия образовалась», – заявил он в начале своего труда [Voltaire, p. 510].

Несмотря на декларированное желание просветителя заменить историю королей и войн историей народов и нравов, войны и дипломатия занимали в его «Истории Российской империи» больше места, чем реформы. При этом Вольтер не раз повторял, что положительный смысл завоеваний и побед Петра I состоял прежде всего в том, что они давали возможность цивилизовать самую большую в мире страну [см.: Мезин, 2009]. Таким образом, как заметил Д. Иверсон, Вольтер «придает смысл насилию; он включает войну и кровь в историю прогресса цивилизации» (Iverson, p. 1421). В названиях нескольких глав своего труда автор делал акцент на реформах: «Изменения в обычаях, нравах, в государственном управлении и в церкви», «Перемены в Москве», «Основание Петербурга», «Петр утверждает»

² Фонтенель. Похвальное слово царю Петру I // Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2017. С. 343.

ся в своих завоеваниях и цивилизует свое государство». Вслед за огромной главой, посвященной трагическому делу царевича Алексея, Вольтер поместил четыре маленьких главы, посвященных промышленности, торговле, законодательству, церковным реформам. Замысел историка состоял в том, чтобы компенсировать негативное впечатление от жестокости, проявленной царем в расправе над сыном, описанием благодеяний, которыми царь «во время этой ужасной катастрофы» осыпал свой народ. Строительство мануфактур, развитие торговли и путей сообщения, совершенствование управления обществом, наконец, изменение самих общественных нравов, – эти события, по словам Вольтера, обычно не привлекают внимание читателей, но «это истинные источники общественного благосостояния, которые приятны для глаз философов» [Voltaire, p. 867].

В вышеупомянутых четырех главах Вольтер широко использовал рукописные источники, присланные ему из России³. Однако картина получилась далеко не полной. Многие важные новшества петровского времени: податная реформа, административные преобразования, введение Табели о рангах, подъем металлургии и горного дела, – только упомянуты на страницах «Истории». Вольтер представил лишь перечень законченных фактов; осмыслить реформы Петра оказалось для него задачей непосильной. Как заметил Е.Ф. Шмурло, в ту пору эта задача была не по плечу никому [Шмурло, с. 95–96].

Символом новой России, свидетельством ее необыкновенно быстрого развития был для Вольтера Петербург, который представлен как «новейший и красивейший город империи, построенный царем Петром, несмотря на все препятствия, противостоявшие его основанию» [Voltaire, p. 429].

Прославляя Петра I как величайшего законодателя, Вольтер утверждал, что Петр I составил новый кодекс законов. Напрасно его петербургские критики доказывали, что это не так. Знаменитый историк не захотел исправить своей ошибки [Шмурло, с. 307].

Вольтер как антиклерикал и прагматик целиком одобрял политику Петра I в отношении церкви: упразднение патриаршества и учреждение Синода, сокращение числа монахов и использование их на общественно-полезных работах. Духовно-нравственные аспекты церковной политики Петра его не интересовали.

Подводя итог царствованию Петра I, Вольтер рисовал совершенно идиллическую картину: «Искусства процветали повсюду, мануфактуры поощрялись, флот увеличивался, войска содержались в добром порядке, законы соблюдались» [Voltaire, p. 931]. При этом можно согласиться с М. Мерво, что Вольтер не фальсифицировал историю петровских реформ [Merveaud,

³ Речь идет о рукописях «Mémoires pour servir à l'histoire de Commerce de Russie», «Etat des Fabriques établies en Russie», «Mémoire abrégé concernant l'établissement d'une Chambre de Polis en Russie», «Des Fabriques et Manufactures établies en Russie», «Essai sur les Loix de Russie», – РНБ. Библиотека Вольтера. № 5–242. Т. 2.

р. 267]. Во-первых, он не обладал всей полной информацией, во-вторых, он заботился о подлинности приводимых фактов. Историк говорил только правду, но правду не всю, а лишь «полезную людям» – в этом состояла «философская» задача автора.

Подхватив и развив идею творения гениальным законодателем и тружеником «новой нации», Вольтер утверждал, что реформатор «во всем преодолел природу – в подданных, в себе самом, и на суше и на воде, но он ее побеждал, чтобы улучшить». Необыкновенно быстрых успехов в деле цивилизации России Петру удалось достичь благодаря успешной трансплантации культурного опыта Европы: «Искусства, которые он пересадил своими руками в земли, бывшие тогда в своем большинстве дикими, принесли плоды, стали свидетельством его гения и обессмертили его память» [Voltaire, p. 940].

Литературная слава Вольтера способствовала тому, что герой его «Истории» сделался знаковой фигурой европейской просветительской мысли. Однако, вопреки распространенному мнению, Петр I не был для Вольтера идеалом просвещенного монарха, ибо был деспотом, а понятие «просвещенный деспот» было неприемлемо для философа, считавшего, что деспотизм по своей природе является оскорблением законной власти. При этом русский царь всегда оставался для Вольтера символом прогресса, великим государственным деятелем, гений и энергия которого позволили его народу преодолеть многовековую отсталость и войти в сообщество цивилизованных государств.

Не все современники разделяли вольтеровский взгляд на Петра Великого, в том числе и его коллеги по «литературной республике». Ж.-Ж. Руссо отказывался видеть в Петре I героя, а Д. Дидро полагал, что цивилизация должна строиться не вопреки природе, а в соответствии с ее ходом; ставилась под сомнение и вольтеровская идея трансплантации культуры [Мезин, 2018].

Дело Вольтера по изучению и популяризации истории России петровского времени было продолжено двумя известными французскими историками России – П.-Ш. Левеком и Н.-Г. Левеком. При этом последний почти целиком воспринял вольтеровскую концепцию царя-преобразователя, а Левек, критикуя Вольтера и широко привлекая оригинальные русские источники, сумел создать более полную и реалистическую картину петровского царствования [Мезин, 2003, с. 203–219].

В конце XVIII – первой половине XIX в. освещение французскими авторами петровской эпохи испытывало заметное влияние политической конъюнктуры, что приводило к акцентированию негативных сторон личности и деятельности Петра I. Политическая актуальность петровской темы была искусственно подогрета появлением фальшивого «Завещания Петра Великого», к созданию которого были причастны польские и французские авторы. Тем не менее вольтеровская традиция прославления Петра Великого была продолжена во Франции графом Ф.П. де Сегюром в «Истории России

и Петра Великого» (1829). Маркиз А. де Кюстин в своем известном сочинении «Россия в 1839 году» повторил мысли Руссо об искусственном характере петровской цивилизации России.

Постепенно европейские биографы Петра I стали отходить от крайних оценок и прислушиваться к мнению русских историков, которые во второй половине XIX в. сделали большой шаг вперед в изучении петровской эпохи. В этом плане представляет интерес самая популярная в свое время биография Петра, вышедшая из-под пера Казимира Валишевского (1849—1935) [Waliszewski].

Уроженец Польши, получивший образование и ученую степень во Франции, Валишевский писал свои книги о русских царях — от Ивана Грозного до Александра I — на французском языке. Наверно, не будет ошибкой считать его французским автором, хотя сам он не отказывался от своих польских корней и называл себя «иностранцем» по отношению к своим французским учителям. Его монографии выходили в Париже, а затем переводились и публиковались в России. Новый всплеск интереса к книгам Валишевского имел место в конце 1980 — начале 1990-х гг. [Валишевский]. За польско-французским автором прочно закрепился ярлык поверхностного писателя, развлекавшего своих читателей анекдотами из личной жизни царей. Близкое знакомство с содержанием монографии, посвященной Петру I, не позволяет безоговорочно согласиться с этим утверждением. Самая подробная биография Петра, вышедшая на французском языке в XIX в., снабжена солидным научным аппаратом, не без оснований имеет подзаголовок «по новым документам». В книге ярко представлена авторская точка зрения.

Оригинальной представляется структура книги в трех частях: «воспитание — человек — деятельность». По богатству привлеченных источников труд Валишевского можно считать образцовым для своего времени. Кроме опубликованные к тому времени русских документов и записок иностранцев автору были известны дипломатические донесения французских, английских, голландских, немецких дипломатов, в том числе хранящиеся в архивах Парижа, Гааги, Лондона, Копенгагена, Вены. Правда, Валишевский не всегда уточнял, имел ли он дело непосредственно с архивным документом или с его публикацией. Весьма многочисленную группу источников составляют сборники анекдотов — устных рассказов о частной жизни известных людей. Валишевский часто ссылался на анекдоты из сборников Я. Штелина и Ж. Шерера, а также на рассказы, приписываемые и Н. Вильбуа А. Нартову. Чрезвычайно обширной была и историографическая база книги Валишевского.

Хорошо известные Валишевскому споры славянофилов и западников убедили его, что Петр I есть личностное воплощение России «с ее плотью и духом, с ее темпераментом и гением, с ее добродетелями и пороками». Изучение истории Петра с точки зрения автора, — это не просто написание биографии, это познание России.

Валишевский, пожалуй, как никто до него постарался очертить личные качества Петра, которые затем определили характер его преобразований. Статный, даже красивый, небрежно одетый, неутомимый работник, лично вникающий во все дела, веселый и общительный, но абсолютно бессердечный грубиян и пьяница – таким предстает Петр-человек под пером автора.

Интеллектуальный и нравственный облик русского царя представляется французскому автору контрастным: феноменальный ясный и точный ум, всевосприимчивость, неистощимая любознательность, образный язык, мечтательность – с одной стороны, и узкий прагматизм взглядов, отсутствие общих идей – с другой. В конечном счете Валишевский заключал, что Петр был «скорее очень способным, чем гениальным человеком» [Валишевский, с. 139]. Глубокое чувство долга и уважение к закону и дисциплине уживались в царе, по мнению автора, с нравственным нигилизмом и отсутствием всякого понятия о приличии.

В работе Валишевского мы найдем подробное описание повседневной жизни Петра I: его жилища, распорядка дня, пищевых привычек, одежды, – всего того, что «серьезные» историки долгое время считали недостойным предметом для исследования.

Большой раздел о сотрудниках, друзьях, фаворитах и женщинах Петра I – это своеобразная книга в книге, посвященная значительному числу «умных и энергичных сотрудников» царя. Все они, по мнению историка, умели более или менее отлично делать свое дело, но никто из них не был ни великим, ни добродетельным человеком, почти все отличались криминальными наклонностями.

Описывая женщин царя: его жену, постоянных и случайных любовниц и, наконец, «друга сердечного» Екатерину, Валишевский с некоторым отвращением следил за любовными приключениями царя, но в то же время приходил к выводу, что циник и развратник Петр в конечном счете работал на освобождение русской женщины и внедрение цивилизованных отношений между полами.

Характеристику реформаторской деятельности Петра I Валишевский начинает с военно-дипломатических сюжетов. В этом выразилась его принципиальная позиция, что реформы во многом были порождены войной: «воин делается... реформатором почти бессознательно, почти против своей воли» [Валишевский, с. 279].

Касаясь реформ Петра I, автор ставил «вечный» вопрос: соответствовали ли они естественному историческому пути России? И отвечал на него вполне в духе В.О. Ключевского, работы которого о Петре I еще не могли быть известны Валишевскому. По мнению последнего, программа реформ наметилась еще в XVII в. Петр не создал почти ничего принципиально нового, он лишь придал эволюционному развитию революционный характер [Валишевский, с. 381].

Валишевский невысоко оценивал результаты культурных преобразований Петра I. Слишком тяжелый груз невежества и варварских обычаев

пришлось преодолевать реформатору. И только его личная настойчивость и заинтересованность помогла свершиться «умственному перевороту», который утвердил светскую культуру в России. «Петр сделал светским даже духовенство!» Автор отказывался быть судьей церковной реформы Петра, но полагал, что тот добился своей цели, не позволив церкви стать препятствием на пути государственных преобразований.

Историк убежден, что Петра можно считать социальным реформатором. Правда, он не менял кардинально общественного устройства страны, но утвердил новые принципы, определявшие существование общественных классов. Царь придал правильную организацию дворянскому сословию, накрепко привязал его к государственной службе, ввел единонаследие и принцип выслуги дворянского звания. Что касается низов, то он смешал крестьян и холопов и еще «крепче затянул на их шее петлю рабства». «Рабы» появились не только у помещиков, но и у заводов. Попытка создать торгово-промышленный класс царю не удалась, ибо, как полагал автор, нельзя «создать общественные силы путем законов и регламентов».

«Гениальный работник», Петр I стремился «заставить Россию войти в современное экономическое движение». Не зная трудов теоретиков-экономистов, царь интуитивно следовал идеям меркантилизма и протекционизма. Война толкала к созданию промышленности, но она же мешала осуществить все экономические идеи. В конечном счете именно Петр создал в России национальную промышленность. В сфере торговли царь из-за войны сумел воплотить свои «либеральные» идеи лишь к концу правления, отменив торговые монополии и открыв России доступ к мировым рынкам. Даже в истории сельского хозяйства петровское царствование «составило эпоху», считал автор. Самой слабой стороной экономической политики Петра Валишевский называл финансы и в этом своем заключении во многом следовал за П.Н. Милюковым, писавшим о двадцатипроцентной убыли податного населения.

Как показывает Валишевский, административные реформы на первых порах велись случайно и беспорядочно и целиком диктовались задачами войны. Новые органы создавались бессистемно, рядом со старыми. Из Европы заимствовалась лишь их форма, но не содержание. В результате в административной системе воцарился «полный хаос». Выход из него наметился лишь к концу царствования, когда появилась возможность заняться мирным трудом. Позаимствовав в Швеции форму коллегий, царь не смог реализовать принцип коллегиальной работы и разделения ответственности, но создал чиновничество, которое оставалось зараженным духом «кормления» и беззакония. Ведь «невозможно поставить на должную высоту идею законности в условиях режима, который был ее отрицанием» [Валишевский, с. 475], — подытоживал историк.

Лучше удалось царю военное устройство России: «давая своей стране полтавскую армию он сковал удивительное орудие, соединившее в себе

материальную мощь и нравственный прогресс» [Валишевский, с. 483]. Однако ему не удалось, по мнению историка, превратить русских в нацию мореплавателей и сделать флот таким же важным орудием победы, как сухопутная армия.

Свою прочность и силу обновленное Петром государство утверждало в борьбе с оппозицией. В качестве наиболее яркого эпизода этой борьбы выступает у Валишевского дело царевича Алексея. Историк убежден, что смерть царевича была насильственной, что Петр хотел избавиться от непослушного сына, и «этот зловещий поступок заклеил его навеки» [Валишевский, с. 516–517].

Казимир Валишевский прекрасно осведомлен о вечных спорах, которые велись вокруг оценки петровских реформ и их значения для истории России. Он не без колебаний высказывал свое заключительное суждение. Историк готов признать, что Россия и без Петра I совершила бы ту историческую работу, которую в срочном и насильственном порядке предписал ей царь-реформатор. Возлагать всю ответственность за новации на Петра он тоже не согласен. Его преобразовательная программа уже была создана его предшественниками, он шел по намеченному пути, окруженный энергичными помощниками. Он сам — плоть от плоти сурового народа, вся «дикая энергия» которого проявилась в царе. Дело реформатора не умерло вместе с ним, значит оно «было детищем всей России». Петр был велик и сделал Россию великой и это оправдывает его очевидные недостатки и пороки.

Неоднозначно оценивая деятельность Петра I, автор прибегал к образу урагана, который пронесся над страной и народом [Валишевский, с. 382]. Примечательно, что схожий образ «бурной весенней грозы» позже использовал для характеристики петровских реформ В.О. Ключевский [Ключевский, с. 203–204].

В XX веке французские специалисты по истории России не оставляли без внимания эпоху петровских реформ (работы А. Лортолари, Р. Порталья, С. Блан, В. Береловича и др.), но, как правило, освещали отдельные проблемы этого бурного времени. Последняя научно-популярная биография Петра I, вышедшая из-под пера Роже Порталья, была опубликована в 1961 г. и содержала традиционно-высокую оценку деятельности царя-преобразователя.

Новую попытку написания научной биографии Петра I недавно предприняла профессор Сорбонны Франсина-Доменик Лиштенан, уже зарекомендовавшая себя как крупный знаток истории России XVIII века⁴. После издания в 2011 г. популярной книги о Петре I она завершила работу над биографией русского царя публикацией солидного (почти 700 страниц!) тома «Петр Великий. Первый император Всероссийский» [Liechtenhan]. Его пе-

⁴ Книги Ф.-Д. Лиштенан «Россия входит в Европу: Елизавета I и война за Австрийское наследство» (М., 2000) и «Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других» (М., 2012) переведены на русский язык.

ревод с измененным названием «Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи» [Лиштенан] вышел в 2021 г. и стал, вероятно, самым весомым научным вкладом зарубежного историка в юбилейную литературу, появившуюся в канун 350-летия Петра I.

Русское издание, как отмечает автор, «немало отличается от первоначального французского текста». Наиболее заметное отличие – отсутствие в русской версии предисловия, в котором в сжатом виде представлен авторский взгляд на Петра I и его эпоху. Собственно, эта авторская позиция реализована на страницах книги, но она оказывается как бы растворенной в море фактов. Не была ли острота и смелость авторских суждений причиной устранения предисловия, которое заменено рекомендательным предисловием А.С. Лаврова и Д.А. Редина? Что же важное хотела сказать автор своим французским читателям? Символическая картина петровского царствования представляется ей в виде святочного карнавала с участием членов «Всешутейшего и всепьянейшего собора» и самого царя, который передвигался по улицам Москвы на огромном фрегате, влекомом 16 лошадьми, – зрелища, причудливо соединявшего в себе «грубую стихийность, уходящую корнями в древние традиции, западноевропейскую театральность, не лишенную утонченности, и провокационное богохульство» [Liechtenhan, p. 12]. Народные волнения, массовое дезертирство, коррупция и скандалы в высших кругах омрачали эпоху, в то время как услужливые пропагандисты превозносили царя до небес. Сам царь своей беспутной жизнью, пьянством и непредсказуемыми поступками постоянно приводил в недоумение и свой народ, и иностранных наблюдателей. Неустанный работник, Петр модернизировал свою страну и создал могущественную империю, но при этом оставался варваром, сформированным московитским прошлым. Его реформы не имели четкого плана, шли рывками, приводили подчас к неожиданным результатам.

Авторское предисловие завершается попыткой провести параллель между петровским временем и современной Россией, в которой Петр I стал главным историческим героем. В России вновь наступило «переходная эпоха», когда придется отвечать на вызов времени. Но в условиях враждебности западных стран не будет ли заменен император-реформатор в качестве идеала Иваном Грозным? – задается вопросом автор.

Ставя перед собой сложную задачу написания истории Петра I, Ф.-Д. Лиштенан, как и К. Валишевский, полагает, что царь как никто другой воплощал в себе всю многогранную Россию.

Подзаголовок книги Ф.-Д. Лиштенан, ее структура, содержание и выводы во многом обусловлены особенностями ее источниковой базы. В значительной степени книга основана на записках и донесениях европейских дипломатов. Причем к обычному кругу имен автору удалось добавить еще ряд имен дипломатов, оставивших оригинальные сведения о деятельности Петра I. Перенесение акцента с аутентичных русских источников на свиде-

тельства иностранцев не создает ли источниковедческих проблем, которые заслуживают специального рассмотрения?

Начальные главы книги, описывающие детство и юность Петра, могут показаться вполне традиционными. Специфика авторского подхода ярче проявилась в главах, посвященных Великому посольству, где отчетливей выступают необыкновенные черты натуры царя (грубость, неразборчивость в сексуальных связях) и весьма подробно представлен дипломатический контекст пребывания царя в Европе. Возвращение царя в Россию было ознаменовано жестокими казнями, в которых была проявлена «трудно переносимая свирепость», свидетельствующая о «маниакально-депрессивном психозе». Эти репрессии вместе с первыми преобразованиями, ознаменовали конец древнерусской цивилизации. При этом ближайшей мишенью в борьбе со стариной стала церковь. В главе о религиозной политике царя под названием «Верующий антиклерикал» проявилось глубокое изучение автором судеб русского православия и его взаимоотношений с другими ветвями христианства.

Вторая часть книги называется «Война». В отличие от Вольтера и Валишевского, исследовательница утверждает, что Петр I любил войну. Заметно, что автор-француженка описывает Северную войну «с нашей стороны», как войну, отвечавшую насущным интересам континентальной страны. Вместе с тем, объявление войны Швеции и ее идеологическое обоснование выявляет для автора главную черту характера Петра I – злопамятность. Война упорно трактовалась царем как отмщение шведам за обиды, нанесенные лично ему во время посещения Риги в 1697 г. В истории войны у автора на первый план выступают не описания битв, а дипломатические сюжеты. При этом Петр-дипломат характеризуется такими понятиями, как «игра на двух досках», «двойной язык», «ловушка», «уловка», что, впрочем, было характерно для «кабинетной» дипломатии Европы XVIII века.

Новая столица Петербург по устоявшейся традиции выступает как «самый замечательный символ» петровского правления, но перенесение столицы на периферию государства Лиштенан считает ошибкой: «Окна в Европу он добился, но получил удушение Москвы – легких своей огромной империи» [Лиштенан, с. 269].

Экономическая политика Петра I характеризуется как колебания между «дирижизмом, меркантилизмом и либерализмом». Отмечая традиционную ориентацию царя на крепостной труд, автор не отрицает социальных сдвигов, произошедших в петровское время и способствующих частному предпринимательству.

Выстраивая новую модель государства, царь, по мнению исследовательницы, взял за образец прусское «полицейское государство» с его нацеленностью на подчинение жизни подданных высшим интересам. Однако спешка, мелочный контроль, коррупция делали государственную машину далекой от совершенства и вызывали сбои: «исполнение наказаний изну-

ряло даже самых садистских палачей» [Лиштенан, с. 297]. В своем стремлении преобразовать общество и государство, — указывает автор, — царь забывал, что его представление о самодержавной власти было главным препятствием на этом пути.

Сравнительно кратко и традиционно описав основные реформы Петра I в третьей части книги, Ф.-Д. Лиштенан возвращается к исследованию внешнеполитических проблем в четвертой части под названием «Шахматная партия в Европе». При этом дипломатия Петра представлена в значительной степени глазами европейских дипломатов, и это приводит автора к выводу, что у русского царя была «интуитивная и спонтанная манера вести дипломатию, шокирующая иностранные правительства и коронованных особ» [Лиштенан, с. 347]. Путешествие во Францию, совершенное царем в 1717 г., не могло не привлечь особого внимания французской исследовательницы. Ряд утверждений автора, связанных с этим сюжетом, требуют уточнений, но отмеченное ею несовпадение внешнеполитических интересов и несходство менталитетов не вызывает сомнения.

Как и другие французские биографы Петра I, Ф.-Д. Лиштенан подробно изложила перипетии дела царевича Алексея, вписала его в тонкости русско-австрийских отношений того времени. Поступок царя со своим сыном историк характеризует как «расправу» и не сомневается в насильственной смерти царевича, которая черным пятном ложится на репутацию царя.

К концу Северной войны в Европе все чаще стали представлять Петра «ненасытным завоевателем». Однако тактика царя, сочетавшего мирные переговоры с карательными экспедициями на берега Швеции, принесла свои результаты в виде Ништадтского мира, который был «гигантским шагом вперед» в международном положении России.

Непомерный труд, распутная жизнь и пристрастие к алкоголю положили конец жизни великого реформатора. Следуя традиции французских авторов, Ф.-Д. Лиштенан не сомневается, что непосредственной причиной кончины царя были последствия «застарелой венерической болезни».

Подводя итоги реформам Петра I, автор констатирует их половинчатость и незавершенность. По ее словам, «Россия приобрела двойной облик, одновременно вестернизированный (в крупных городах) и погруженный в традиции предков» [Лиштенан, с. 504]. Крепостное право не позволяло «глубоко реконструировать страну». Вместе с тем в Россию пришло пусть и верхушечное Просвещение, она утвердилась как европейская держава и равноправный дипломатический партнер. Однако царь сам затруднил прогресс русского общества, не позаботившись об образовании для простонародья, о создании «надежной инфраструктуры», не обеспечив устойчивой преемственности власти.

В отличие от своего предшественника XIX в. современная французская исследовательница специально не задается вопросом о причинах и закономерности петровских реформ. Кажется, этот вопрос для нее решен: евро-

пеизация и секуляризация — это естественный путь России, но этот путь оказался для страны необычайно трудным. Во всяком случае в петровское время он обернулся прогрессом, достигнутым через страдания народа [Лиштенан, 454].

В заключение своей книги автор ставит вопрос: где и как родился миф о «творце новой нации»? Она полагает, что у истоков этого мифа стоял сам Петр I, присвоивший себе титул «Великий», а дипломаты и путешественники, опережая Вольтера, укрепили этот «мираж» в европейском общественном мнении. А заслуживал ли первый русский император титула «Великий»? Ответ на этот вопрос автор оставляет открытым.

Несомненно, французская историография внесла яркий вклад в осмысление феномена реформ Петра I. Столь разных авторов — и великого просветителя Вольтера, и эрудированного популяризатора Валишевского, и современную исследовательницу Лиштенан — объединяет видение петровских реформ как приобщения России к европейской цивилизации. Все они вольно или невольно отдавали предпочтение свидетельствам иностранцев перед источниками русского происхождения. Начиная с Вольтера, французские историки видели в Петре I прежде всего человека с его достоинствами и недостатками. В отличие от отечественных авторов французы никогда не превращали историографию Петра I в агиографию и не видели в русском самодержавии «естественной» формы правления. Вместе с тем, уделяя основное внимание личности реформатора и политическим сюжетам, французские историки в понимании механизма и значения конкретных реформ первой четверти XVIII века, как правило, следовали за отечественными историками и разделяли их оценки.

Литература

- Валишевский К.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2: Петр Великий. М., 1994. 576 с.
- Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М.: "Мысль", 1989. 398 с.
- Лиштенан Ф.-Д.* Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. М.; Екатеринбург: РОССПЭН, 2021. 567 с.
- Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 232 с.
- Мезин С.А.* Вольтер о Полтавской битве // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 2009. С. 334–346.
- Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.
- Мезин С.А.* Первая апология царя Петра Алексеевича: «Письмо господина *** о современном состоянии Московии // Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп. Вып. 7: Петр I и «окно в Европу». М., 2021. С. 11–53.
- Шмурло Е.Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом / Подг. текста к публ. М.В. Ковалева и А.Е. Кулакова; вступ. ст. М.В. Ковалева и С.А. Мезина. СПб.: Нестор-история, 2021. 320 с.

- Iverson J. R.* La guerre, le grand homme et l'histoire selon Voltaire: le cas de *l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* // *Voltaire et ses combats. Actes du congrès international. Oxford-Paris, 1994* / sous la direction de U. Kølving et Ch. Mervaud, Oxford, 1997. P. 1413–1422.
- Liechtenhan F.-D.* Pierre le Grand. Le premier empereur de toutes les Russes. Paris, 2015. 688 p.
- Mervaud M.* Introduction // *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Oxford, 1999. T. 46. P. 89–379.
- Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Oxford, 1999. Vol. 46–47. 1338 p.
- Waliszewski K.* Pierre le Grand. L'éducation—l'homme — l'œuvre. D'après des documents nouveaux. Paris, 1897. 658 p.

References

- Iverson J. R.* La guerre, le grand homme et l'histoire selon Voltaire: le cas de *l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* // *Voltaire et ses combats. Actes du congrès international. Oxford-Paris, 1994* / sous la direction de U. Kølving et Ch. Mervaud, Oxford, 1997. Pp. 1413–1422.
- Klyuchevskij V.O. Sochineniya v 9 t. T. 4: Kurs russkoj istorii. M.: "Mysl", 1989. 398 ps.
- Liechtenhan F.-D.* Pierre le Grand. Le premier empereur de toutes les Russes. Paris, 2015. 688 p.
- Lishtenan F.-D. Petr Velikij. Okno v Evropu. Rozhdenie Rossijskoj imperii. M.; Ekaterinburg, 2021. 567 p.
- Mervaud M.* Introduction // *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Oxford, 1999. T. 46. P. 89–379.
- Mezin S.A. Vzgljad ih Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I. Saratov, 2003. 232 p.
- Mezin S.A. Vol'ter o Poltavskoj bitve // Poltava. K 300-letiyu Poltavskogo srazheniya. Sb. statej. M., 2009. Pp. 334–346.
- Mezin S.A. Didro i civilizaciya Rossii. M., 2018. 272 p.
- Mezin S.A. Pervaya apologiya carya Petra Alekseevicha: «Pis'mo gospodina *** o sovremennom sostoyanii Moskovii // *Vek Prosveshcheniya / Otv. red. S. Ya. Karp. Vyp. 7: Petr I i «okno v Evropu»*. M., 2021. Pp. 11–53.
- Shmurlo E.F. Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom / Podg. teksta k publ. M.V. Kovaleva i A.E. Kulakova; vstup. st. M.V. Kovaleva i S.A. Mezina. SPb., 2021. 320 p.
- Valishevskij K. Sobranie sochinenij v pyati tomah. T. 2: Petr Velikij. M., 1994. 576 p.
- Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Oxford, 1999. Vol. 46–47. 1338 p.
- Waliszewski K.* Pierre le Grand. L'éducation—l'homme — l'œuvre. D'après des documents nouveaux. Paris, 1897. 658 p.

Sergei A. Mezin

*Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia*

FRENCH AUTHORS OF THE XVIII–XXI CENTURIES ON THE SIGNIFICANCE OF PETER I'S TRANSFORMATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIA

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42006.

The article provides an overview of the French historiography of Peter I's reforms during three centuries. The main attention is paid to the works of the great educator Voltaire, the famous popularizer K. Waliszewski and the modern researcher F.-D. Liechtenhan. The analysis of their works allows us to trace the evolution in the attitude of French intellectuals to the great reformer of Russia and at the same time to highlight common features in their vision of Peter I's reforms and their significance.

Keywords: *Peter I, reforms, French historiography, Voltaire, K. Waliszewski, F.-D. Liechtenhan.*

Т.С. Минаева

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Откуп в экспортной торговле России с Западной Европой в эпоху Петра I

Петр I активно использовал откупную форму ведения внешней торговли страны. В откупной экспортной торговле принимали участие в основном английские и голландские коммерсанты, которые имели большой торговый оборот, зарекомендовали себя как надежные деловые партнеры правительства и лично царя не только в коммерческих, но и политических делах. Откупа использовались для решения финансовых вопросов, обеспечения стабильности внешнеторгового оборота в условиях военного времени, получения выгодных торговых заказов за рубежом, привлечения торговцев к развитию Петербургского порта и т.д.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, откуп, монополия торговля, Петр I

Откуп как способ получения стабильного государственного дохода часто использовался в торговле России XVII–XVIII вв. В российской и зарубежной историографии исследователи рассматривали откуп как метод обогащения казны, приносивший прибыль государству, верхушке купечества и наносящий ущерб отечественным торговцам [Козинцева; с. 331–332; Козлова, Тарловская, с. 226–227; Кулишер, с. 187–188, 273; Kahan, p. 189. Kamendrowsky, p. 79]. В некоторых работах XIX в. отмечалось, что откупа были вынужденной мерой, вызванной усиленной потребностью в денежных ресурсах для борьбы со Швецией [Семенов, с. 64; Огородников, с. 49]. В научных трудах конца XX – начала XXI в., авторы стали обращать внимание на особую роль иностранцев в откупной торговле и применение откупов государством не только в военное время [Велувенкамп, с. 196, Захаров, с. 262; Новоселова, с. 119–120]. Несмотря на появление в исторической науке работ, подробно раскрывающих деятельность отдельных иностранных предпринимателей [Демкин; Репин и др.], общее представление об их участии в откупной торговле практически не изменилось. Тем не менее, остается еще достаточно большой объем слабоизученного архивного материала и опубликованных документов о деятельности Петра I и Сената, который может помочь в раскрытии данной темы.

Петр I продолжил использовать традиционные способы ведения внешней торговли в виде откупа, и с 1697 г. паюсная икра перешла в руки голландца

И. Ферьюса (Jan Verjuys), имевшего опыт ее продажи¹. Он занимался откупом 10 лет, дважды перезаключая контракт с повышением откупной платы до $3\frac{1}{4}$ ефимка (считая каждый ефимок по 50 коп.) за бочку. Торговля сопряжена была с определенными трудностями. Так, в 1704 г. откупщик не добрал 24 бочки из 160 годовых, но в 1705–1706 гг. перебрал 72 бочки. В 1707 г., хотя И. Ферьюс и просил продлить контракт еще на 3 года, Петр I приказал отдать икру англичанину А. Стайлсу (Henry Stiles). И. Ферьюс возмутился, но не добился пересмотра царского решения. Торговая деятельность А. Стайлса сложилась неудачно. В 1707–1710 гг. он не добрал по контракту 130 бочек². С 1712 г. государство возобновило откуп после годовичного перерыва, так как икра продавалась только в Италию, что затрудняло ее сбыт. Контракт получил московский торговый иноземец П. Вестов (Paul Westhoff) на 3 года с продажей 200 бочек в год по цене $3\frac{3}{8}$ ефимка. Он имел также контракт в 1701–1711 гг. на рыбий клей³. Откуп на торговлю икрой оказался не легким делом. В 1712 г. агенты купца забраковали 20 бочек, а в 1714 г. — 47 бочек из-за испорченного товара⁴. С 1715 г. продажей икры занималось государство. Таким образом, для каждого из предпринимателей выполнить условия договора оказалось достаточно трудно из-за качества товара.

В конце XVII — начале XVIII в. среди крупнейших поставщиков оружия в Россию были голландцы И. Любс (Jean Lups) и Х. Брантс (Christoffel Brants). В 1699 г. они получили 12-летнюю монополию на закупку и вывоз овечьей шерсти, но в 1703 г. договор аннулировали из-за нехватки шерсти для суконной фабрики в Москве. Вероятно, в качестве компенсации коммерсанты получили в 1703 г. контракт на откуп торговли щетиной на 10 лет с условием поставок ефимков в Посольский приказ по существующему денежному курсу. В 1704 г. Х. Брантс вернулся в Амстердам, а в 1709 г. И. Любс лишился контракта по неизвестным причинам⁵. Торговля щетиной передавалась в управление Петербургской губернской канцелярии, что означало, что царь хотел перевести продажу этого товара из Архангельска в Санкт-Петербург.

В 1703 г. еще одни голландцы — братья Кинсиусы (Isaak Kintsius, Abraham Kintsius) — получили откуп на торговлю конским волосом. А. Кинсиус имел постоянные торговые связи с Россией, с Петром I встречался в Архангельске еще в 1694 г. И. Кинсиус в 1702 г. занимался поставками холодного оружия в Россию. [Boterbloem, p. 161, Захаров, с. 223, Козинцева, с. 297].

¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 241.

² ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2426. С. 735–736; Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1882. Т. 2. Кн. 1. С. 140.

³ Там же. С. 140–146, 150–152.

⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 3. Д. 75. Л. 409; Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 52–53; СПб., 1901. Т. 6. Кн. 1. С. 51.

⁵ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1671. С. 595–596; Т. 4. № 2234. С. 457.

В период правления Петра I заключались также откупные контракты на торговлю льняным семенем сроком на 5 лет. С 1689 г. откупщиком стал И.Д. Панкратьев. Годом ранее он вместе немцем Томасом Келлерманом (Thomas Kellermann) осуществил поставки в Россию оружия [Чулков, 1781, с. 417; Тимошина, с. 210]. В 1698 г. откуп перешел к голландцам Л. Гарланту (Laurens Gaarlande) и Е. Клюку (Gillis Kloeck) [Захаров, с. 166]. В 1703–1710 гг. откупной торговлей занимались вологжане, братья Оконнишниковы, уплачивая казне на 6 коп. больше с четверти льняного семени, чем И. Панкратьев. В 1711 г. архангельский купец М. Мостинин стал платить казне еще на 2 коп. больше, но в 1715 г. его откуп был прекращен, из-за запрета на экспорт семени [Чулков, 1782, с. 28, 44]. Таким образом, откупные контракты на торговлю льняным семенем заключались в основном с русскими купцами, и выплаты по ним постоянно увеличивались в пользу казны.

Традиционным российским товаром, пользовавшимся спросом, был лес. В 1691 г. закончился откупной контракт с голландцами А. Бутенантом (Heinrich Voetenandt) и Д. Артманом (Daniel Hartmann), которые были известными поставщиками, в том числе оружия и боеприпасов. Новый контракт на 5 лет получил с 1692 г. Д. Артман, плативший казне с каждого дерева по 10 ефимков. В 1695 г. зять Д. Артмана – гамбургский купец М. Поппе (Hans Matthias Poppe) – смог получить также выгодный контракт на откуп ревеня на 5 лет⁶.

Контракт Д. Артмана в 1698 г. был продлен еще на 10 лет с уменьшением платежа до 7 ефимков⁷. Количество вывезенных им деревьев составляло до 300 шт. в год, продавались они за границей в 4 раза дороже, чем покупались в России. В 1704 г. откуп перешел в руки голландских купцов З. Дикса (Arnoldus Dix) и Л. Гарланта. Условия договора состояли из ежегодного вывоза 130 деревьев при выплате 16 ефимков за дерево. С 1707 г. партнером по контракту у Л. Гарланта стал Е. Клюк, а с 1710 г. еще и А. Стайлс [Захаров, с. 165–166; Козинцева, с. 318]. Договор с ними позднее будет продлен до 1713 г. По новому контракту 16 ефимков уплачивалось уже за 1–3 дерева, в зависимости от их длины. Далее откуп получил на 3 года дипломат С. Рагузинский с условием увеличения платы на 100 ефимков⁸. Однако за 1713 и 1714 гг. внести обещанную сумму не смог⁹. С 1716 г. продажей мачтового дерева занимался англичанин О. Вилкинс (Joseph Wilkins), до объявления свободной торговли казенными товарами в 1719 г.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1654. С. 509; Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 105.

⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1633. С. 452–453.

⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 2. Кн. 2. С. 63.

⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 243.

Одним из важнейших для казны экспортных товаров являлась продукция лесохимического производства. В 1692–1700 гг. откуп смолы держал в своих руках Т. Келлерман, который неоднократно выполнял функции торгового агента российского правительства за рубежом. После Т. Келлермана откуп взял А. Стайлс, с уплатой на 100 руб. больше своего предшественника. Чрезвычайный английский посланник при русском дворе Ч. Витворт в 1705 г. добился отмены этого контракта, так как А. Стайлс поставлял смолу только голландцам, что шло вразрез с интересами английского Адмиралтейства¹⁰. В 1706–1710 гг. казенный торг смолой принес доход государству, но в 1711 г. в Архангельске осталось нераспроданными почти 19 тыс. бочек смолы, поэтому Сенат вынес решение об организации аукциона. Торг выиграл И. Любс, обещавший заплатить за товар в течение 6 недель. В итоге казенная прибыль составила 30 тыс. руб.¹¹

В 1713 г. свои услуги откупщика предложил на торгах только британский консул К. Гутфель (Charles Goodfellow). Он еще в 1702 г. получил на 5 лет монопольное право на покупку в России и отправку за море льна. Это привело к падению цен на лен и жалобам русского купечества, поэтому монополия была отменена в 1705 г.¹² К 1713 г. К. Гутфель уже занимался откупной торговлей парусиной и поташом и был готов взять смолу в количестве 25 тыс. бочек по цене 1,2 руб. за бочку. Условия К. Гутфеля были менее выгодными для государства, чем откуп И. Любса, но принесли прибыль казне в размере 17,5 тыс. руб.¹³ Несмотря на действие договора с К. Гутфелем, летом 1713 г. Петр I дал указание о заключении с англичанами Р. Робинсоном (Ralph Robinson) и С. Гарцыном трехгодичного контракта на отпуск смолы от Архангельска, что вызвало жалобу К. Гутфеля. Отпустив смолу за границу, Робинсон и Гарцын не заплатили пошлин в размере почти 9 тыс. руб., но Петр I лично распорядился, чтобы никаких выплат долгов с них не требовать¹⁴. Причина состояла в осуществлении выгодных для государства закупок предпринимателями материалов для нужд английского флота, отправке судов не только от Архангельска, но и Петербурга и приобретения в Англии военных кораблей для России [Крестинин, с. 393; Репин, с. 133–135].

В 1713 г. право откупа выиграли на торгах К. Гутфель с И. Любсом, обещавшие выплатить всю сумму за 30 тыс. бочек сразу при получении товара.

¹⁰ Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 66–69, 113.

¹¹ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 11. № 8302. С. 322; Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 2. Кн. 1. С. 212–213.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 89. Л. 21; Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1887. Т. 3. Кн. 2. С. 1217.

¹³ ПСЗ. Т. 11. № 8302. С. 322; Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. С. 125; Т. 3. Кн. 2. С. 1234.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Оп. 1. Кн. 9. Л. 19 об.

Прибыль казны от откупа в 1714 г. составила 17,5 тыс. руб. В следующем году Петр I отдал распоряжение И. Любсу передать Р. Робинсону 3 тыс. бочек смолы. Таким образом действовали оба контракта, и монополией в реальности никто не мог пользоваться. Кроме того, в 1714–1715 гг. казна недопоставила И. Любсу более 15 тыс. бочек смолы, в 1716–1718 гг. поставок в счет долга произведено не было и не известно, получил ли он их впоследствии¹⁵ [Лукьянов, 1951, с. 344, 349].

В 1716 г. монополия продажа смолы и смольчуга перешла на 3 года О. Вилкинсу по более высокой цене, чем у его предшественников – 2 ½ ефимка за бочку смолы. В первый же год О. Вилкинс жаловался, что товар поступало мало, кроме того, он получил распоряжение отдать 8 тыс. бочек смолы К. Гутфелю, который предоставлял финансовые ссуды правительству, за что и был отблагодарен царем. Позднее Петр I приказал отпустить О. Вилкинсу необходимое количество бочек из новых поставок смолы¹⁶. Трехлетний откуп принес казне прибыль – 195 тыс. руб., а надежды О. Вилкинса на договор не оправдались, так как ему не поставили 1/3 обещанного количества бочек смолы и 2/3 бочек смольчуга [Демкин, с. 181; Лукьянов, 1951, с. 349]. Привлечение иностранцев к откупам не помогло в расширении деятельности столичного порта. В 1717 г. из Санкт-Петербурга было отправлено за границу всего 1388 бочек смолы, и Архангельск оставался центром российского экспорта¹⁷.

С 1719 по 1723 гг. казенная монополия на торговлю смолой была отменена, что принесло убыток в 120 тыс. руб., поэтому монополия на вывоз смолы возобновлялась и передавалась на откуп голландцу Е. Мейеру (Hermann Mejer). В 1723–1724 гг. казенный доход от продажи составил 85 тыс. руб. [Козинцева, с. 300]. В качестве благодарности Екатерина I продлила срок контракта с Е. Мейером еще на 1 год, и в вольную продажу смола поступила только в 1726 г.¹⁸

В 1703 г. откуп «еловой серы», канифоли и скипидарного масла был в руках голландца И. Фандорта (J. van Dort), а далее – у московских торговых иноземцев: в 1704 г. – у Я. Якимова, а в 1707 г. – у И. Викторова [Захаров, с. 166]. В 1710–1715 гг. вывоза этих товаров не было, поэтому в конце 1715 г. казна предоставила откуп голландцу М. Бартсу (Matthijs Barts) на год на условиях прежней пошлины с еловой смолы, но несколько возвышенной пошлины с двух других товаров¹⁹. М. Бартс хорошо знал рынок смолы, но через полгода он от откупа отказался. В 1717–1719 гг. желающих взять от-

¹⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 3. Кн. 1. С. 413.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 2. Д. 305; Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 313, 325.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 572. Л. 21 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 19 (Финансы). Оп. 1. Д. 267. Л. 11–13 об.; ПСЗ. Т. 11. № 8302. С. 323.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 71. Л. 1128–1144.

куп не оказалось [Козинцева, с. 321], что позволяет предположить, что торговцам он был не выгоден.

Поташ в 1705–1708 гг. был отдан по контракту А. Стайлсу. Цена устанавливалась такой же, по которой продавался поташ годом ранее. Расплачиваться за товар предприниматель обязывался как деньгами, так и поставками меди для денежного производства. Сбыт поташа А. Стайлс вместе с И. Любсом осуществили успешно, поэтому в 1709–1710 гг. контракт был продлен, но с повышением цены откупа. В 1711 г. А. Стайлс отказался продлевать откуп по причине нереализованности в Великобритании ранее закупленной партии товара, а в 1712 г. он умирает, так и не расплатившись за весь поташ по последнему контракту²⁰.

Продажа поташа в последующие годы за рубеж замедлилась, в 1712 г. в непроданном остатке находилось более 4 тыс. бочек. В 1712–1715 гг. откуп перешел к К. Гутфелю и С. Рагузинскому с более низкой платой²¹. Кроме того, партнеры получили с 1712 г. монопольное право на 5 лет на вывоз парусного полотна. Однако, условия контракта не были выполнены до конца из-за низкой производительности Хамовного двора²² [Козинцева, с. 324, 331].

В 1716 г. откуп поташа получили О. Вилкинс, Р. Робинсон и Ч. Хогелл. Продажа поташа в 1715–1719 гг. на экспорт отличалась нестабильностью, тем не менее чистая прибыль казны составила почти 82 тыс. руб. [Лукьянов, 1949, с. 53].

В 1720 г. контракт на откуп торговли поташом заключили англичане В. Вейд (William Weide) и В. Парсонс (William Parsons). В 1721–1722 гг. им было продано 70,5 тыс. пудов поташа, но поставляли его медленно [Демкин, с. 183, Лукьянов, 1949, с. 48, 53]. В начале 1720-х гг. продажа поташа на экспорт сократилась, но еще более худшим было положение смольчуга. В 1722 г. в портах осталось непроданными почти 5 тыс. бочек при среднем ежегодном экспорте 2–3 тыс. бочек, поэтому в 1724 г. Петр I приказал отдать смольчуг на откуп И. Любсу для приведения торга «в прежнее достоинство», но при жизни Петра I этого достичь не удалось²³.

Подводя итоги, можно отметить, что откупные контракты на продажу казенных товаров за рубеж государство заключало с коммерсантами на протяжении всего царствования Петра I. Сроки контрактов, как правило, составляли 3 или 5 лет, в чем были заинтересованы обе стороны. Это давало возможность купцам получить прибыль в условиях не всегда стабильной торговли, а государству решить проблему сбыта товаров и пополнения казны.

²⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 5. Кн. 1. С. 240.

²¹ РГАДА Ф. 248. Оп. 3. Кн. 71. Л. 689–701; ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2510. С. 821.

²² Письма и бумаги Петра Великого. М., 1964. Т. XI. Вып. 2. С. 68.

²³ РГАДА. Ф. 276 (Коммерц-коллегия). Оп. 1. Ч. 1. Д. 1236. Л. 1–5.

Откупа в экспортной торговле использовались для получения государством денежных средств, расходуемых на проведение реформ и ведение войны. В то же время, необходимость откупов определялась и другими целями.

Прежде всего, не всегда можно было легко найти покупателей для казенных товаров, ситуация усугублялась не только борьбой со Швецией, но и войной за испанское наследство в Западной Европе. Проблематичным оставалось и качество некоторых товаров, поэтому откупщики решали проблему сбыта товаров и контроля их качества. Кроме того, откупные контракты Петр I использовал для поощрения торговцев, поставлявших необходимые стране стратегические товары, обеспечивавших крупные заказы на кораблестроительные материалы, помогавших в решении дипломатических вопросов. Наконец, Петр I хотел с помощью откупных договоров стимулировать иностранных предпринимателей к экспорту через Санкт-Петербург, а не только Архангельск. Откупная система в экспортной торговле была выгодной для государства. Цены на товар назначались в среднем такие же, как до откупа, но при продлении контрактов или организации торгов на получение права монопольной продажи казенных товаров откупная сумма увеличивалась.

Осуществление откупов на практике сталкивалось часто с рядом проблем. Как правило, по договору купец выплачивал деньги в течение нескольких месяцев или даже лет, но были случаи задолженности откупщиков перед государством. Грузооборот столичного порта рос медленно, Архангельск по-прежнему занимал лидирующее положение, поэтому Петр I был вынужден прибегнуть с 1713 г. к законодательным ограничительным мерам в отношении северного порта. Откупа получали, прежде всего, иностранные коммерсанты, пользовавшиеся доверием правительства и лично Петра I. Иногда им удавалось быстро извлечь прибыль, но случалось также, что реализация откупа сопровождалась нарушением государством условий монополии, несоблюдением объемов поставки товара. Критическое отношение к государственным монополиям и откупу во внешней торговле сложилось в историографии без учета исторических обстоятельств их применения. Во-первых, это было традиционное средство осуществления финансовой политики, отказаться от которого без наличия к этому условий было рискованно, особенно в военный период. Во-вторых, как указывалось выше, откупная система способствовала решению ряда экономических и политических проблем. В-третьих, государство учитывало права русского купечества. Российские торговцы, например, держали в своих руках почти все время откуп льняного семени. В некоторых случаях (икра, продукция лесохимии) устраивались аукционы на получение откупа, но русское купечество в основном на участие в них заявок не подавало. Большинство российских коммерсантов не имело для этого финансовых возможностей. Если же складывалась ситуация, когда откуп нарушал интересы местных

производителей и появлялись жалобы предпринимателей, государство отменяло откупные контракты.

В царствование Петра I экономическое положение в стране было сложным. Внешняя торговля являлась важным источником государственных доходов и получения необходимых товаров, но при этом испытывала ряд затруднений, поэтому использование откупа становилось закономерным решением возникавших проблем. Откупная внешнеторговая политика Петра I не основывалась на твердых принципах и правилах, но результаты ее осуществления контролировались царем и правительством, что приводило к изменениям содержания контрактов, их прекращению, введению или отмене откупов.

Литература

- Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785. М.: РОССПЭН, 2006. 312 с.
- Демкин А.В.* Британское купечество в России XVIII века. М.: ИРИ, 2019. 306 с.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 346 с.
- Козинцева Р.И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 267–337.
- Козлова Н.В., Тарловская В.Р.* Торговля // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 213–256.
- Крестинин В.В.* Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 года по 1719 год. // Василий Васильевич Крестинин: труды, творческая биография, библиография. Архангельск: АОНБ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 352–397.
- Кулишер И.М.* История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. 557 с.
- Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. М.; Л., 1949. Т. 2. 141 с. М., 1951. Т. 3. 606 с.
- Новоселова Н.И.* Внешняя торговля и финансово-экономическая политика Петра I. Дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 1999. 247 с.
- Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. 327 с.
- Репин Н.Н.* Британские коммерсанты в России Петровского времени: деятельность компании «Ральф Робинсон – Самуил Гартсайд» // Вестник Рязанского университета имени С.А. Есенина. 2009. № 3 (24). С. 133–141.
- Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. 295 с.
- Тимошина Л.А.* О русско-голландских связях в 1688 году // Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 209–216.
- Чулков М.Д.* Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. 564 с.; Т. 1. Кн. 2. СПб., 1782. 618 с.
- Boterbloem K.* Russia and the Dutch Republic, 1566–1725: A Forgotten Friendship. Lanham – Boulder – New York – London, 2021. 266 p.

- Kahan A. The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago and London, 1985. 399 p.
- Kamendrowsky V. State and economy in Catherinian Russia: the dismantling of the mercantile system of Peter the Great. Ph.D. diss., Chapel Hill, 1982. 261 p.

References

- Boterbloem K.* Russia and the Dutch Republic, 1566–1725: A Forgotten Friendship. Lanham – Boulder – New York – London, 2021. 266 p.
- Demkin A.V. Britanskoe kupechestvo v Rossii XVIII veka. M.: IRI, 2019. 306 p.
- Zaharov V.N. Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii. Epoha Petra I.M.: ROSSPEN, 1996. 346 p.
- Kahan A. The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago and London, 1985. 399 p.
- Kamendrowsky V. State and economy in Catherinian Russia: the dismantling of the mercantile system of Peter the Great. Ph.D. diss., Chapel Hill, 1982. 261 p.
- Kozinceva R.I. Uchastie kazny vo vneshnej torgovle Rossii v pervoj chetverti XVIII v. // *Istoricheskie zapiski*. M., 1973. T. 91. Pp. 267–337.
- Kozlova N.V., Tarlovskaya V.R. Torgovlya // *Oчерки russkoj kul'tury XVIII veka*. M., 1985. Ch. 1. Pp. 213–256.
- Krestinin V.V. Istoricheskij opyt o vneshnej torgovle gosudarya imperatora Petra Velikogo ot 1693 goda po 1719 god. // *Vasilij Vasil'evich Krestinin: trudy, tvorcheskaya biografiya, bibliografiya*. Arhangel'sk: AONB im. N.A. Dobrolyubova, 2007. Pp. 352–397.
- Kulisher I.M. Istoriya russkoj torgovli i promyshlennosti. Chelyabinsk, 2003. 557 p.
- Luk'yanov P.M. Istoriya himicheskikh promyslov i himicheskoi promyshlennosti Rossii do konca XIX v. M.; L., 1949. T. 2. 141 p. M., 1951. T. 3. 606 p.
- Novoselova N.I. Vneshnyaya torgovlya i finansovo-ekonomicheskaya politika Petra I. Diss. ... kand. ekon. nauk. SPb., 1999. 247 p.
- Ogorodnikov S.F. Oчерk istorii goroda Arhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii. SPb., 1890. 327 p.
- Repin N.N. Britanskie kommersanty v Rossii Petrovskogo vremeni: deyatel'nost' kompanii «Ral'f Robinson – Samuil Gartsajd». // *Vestnik Ryazanskogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2009. № 3 (24). Pp. 133–141.
- Semenov A. Izuchenie istoricheskikh svedenij o rossijskoj vneshnej torgovle i promyshlennosti s poloviny XVII-go stoletiya po 1858 god. SPb., 1859. Ch. 1. 295 p.
- Timoshina L.A. O russko-gollandskikh svyazyah v 1688 godu // *Petr Velikij – reformator Rossii*. M., 2001. Pp. 209–216.
- Chulkov M.D. Istoricheskoe opisaniye Rossijskoj kommercii pri vsekh portah i granicah ot drevnih vremen do nyne nastoyashchego. SPb., 1781. T. 1. Kn. 1. 564 p.; T. 1. Kn. 2. SPb., 1782. 618 p.

Tatiana S. Minaeva

*Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication,
Northern Arctic Federal University, named after M.V. Lomonosov,
Archangelsk, Russia*

CONCESSIONS IN THE EXPORT TRADE OF RUSSIA WITH WESTERN EUROPE IN THE ERA OF PETER THE GREAT

Peter I actively used the form of concession in country's foreign trade. The concession export trade was mainly attended by English and Dutch merchants, who had a large trade turnover, established themselves as reliable business partners of the government and the tsar personally, not only in commercial, but also in political affairs. The concessions used to solve financial issues, ensure the stability of foreign trade in wartime conditions, obtain profitable trade orders abroad, attract merchants to the development of the St. Petersburg port, etc.

Keywords: *foreign trade, export, concession, monopoly trade, Peter I.*

С.В. Моисеева

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

«Напольный гетман». Загадки. Сомнения. Предположения

«Напольный гетман» — известнейшее произведение петровского времени из собрания Русского музея, пользуется особой любовью исследователей. Портрет поступил в Русский музей в 1923 году из собрания музея Академии художеств. Он упоминается в самом конце «Описи неподвижных вещей, бывших в смотре Кириллы Головачевского» 1773 года под № 320 как «портрет гетмана наполю не конченной взятой из дворца без рам». То, что находился в императорских собраниях, подтверждается надписью на приклеенной к обороту холста бумаге. Согласно этой надписи, в 1744 году портрет был передан «в смотрение» живописцу Г.К. Грооту.

Однако, в «Описи картин, бывших в Зимнем и других Императорских дворцах в первые годы царствования Екатерины II», опубликованной А.И. Успенским в 1913 году, нет упоминаний о портретах гетманов. Продолжавшиеся много десятилетий поиски данного персонажа украинскими, польскими, советскими и российскими военными историками также не дали результата.

Возникла необходимость более внимательного изучения самого произведения и новой трактовки всех имеющихся и вновь обнаруженных фактов.

Одним из ключевых моментов новой трактовки является само написание слов «Гетман наполю» на обороте холста и на его лицевой стороне, справа и слева от головы изображенного. Надписи на лицевой стороне скрыты в настоящее время тонировками XIX века, но хорошо видны на рентгенограмме. Характерные особенности букв полностью соответствуют буквам надписей на портретах участников «Всецутейшего собора всепьянейшего князь-папы» (ГРМ и ГТГ), так называемой «преображенской» серии. Технологические исследования позволяют утверждать, что надписи на лицевой стороне «Напольного гетмана» имеют те же признаки поновления (очертания букв не совпадают), что и остальные портреты серии. По всей видимости, «Напольный гетман» некогда составлял с ними единое целое.

Это отчасти подтверждается и текстом на гравюре А. Шхонебека «Свадьба Феофилакта Шанского»: «Описание свадьбы остроумнолютного Феофилакта Шанского, который державнейшего великого монарха многоутешный шут, смехотворец; бывшей 1702 г., февраля в 1-й день, в палате бывшего господина генерала Франца Лефорта». Текст свидетельствует, что за третьим столом сидели «ближние бояра, етман, офицеры морские и земные, между которыми и самодержавнейший монарх».

Упоминание вместе с ближними «боярами» некоего «етьмана» позволяет предположить, что это могло быть прозвище одного из членов «всепьянейшего собора».

Ключевые слова: портрет «Напольного гетмана», русская живопись первой половины XVIII в., Государственный Русский музей, И.Н. Никитин, А. Шхонебек

Портрет «Напольного гетмана» из собрания Государственного Русского музея всегда пользовался особой любовью исследователей творчества И. Н. Никитина [Лебедева 1975; Шарандак 1987]. В монографии С. О. Андросова «Живописец Иван Никитин» публикация портрета на обложке имела свой подтекст: автор считал «Напольного гетмана» автопортретом художника [Андросов 1998, с. 177. № 15].

Библиография трудов о портрете, составленная С. О. Андросовым, насчитывала около тридцати наименований [Андросов 1998, с. 177–178]. В их числе следует отметить книгу Н. М. Молевой и Э. М. Белютина «Живописных дел мастера», и монографию Н. М. Молевой «Иван Никитин» [Молева, Белютин 1965, с. 50–51; Молева 1972, с. 79, 157–158].

Отсутствие за последние двадцать лет исследований о «Напольном гетмане» можно объяснить безоговорочным подтверждением авторства Ивана Никитина в каталоге живописи XVIII века Русского музея¹. Это придавало произведению особый статус, но лишало историков и искусствоведов исследовательской инициативы. Между тем, в истории атрибуции портрета И. Никитину все не так однозначно.

«Напольный гетман» поступил в Русский музей в 1923 г. из собрания музея Академии художеств. Самое раннее упоминание о портрете в период его пребывания в Академии имеется в «Описи неподвижных вещей, бывших в смотрении Кирилы Головачевского» 1773 г.

Портрет внесен в «Опись» в самом ее конце под № 320, в разделе под названием: «Сверх каталога данного 1765-го году найдены картины и портреты следующие коих не приказано вписывать в каталог». Но он, все же, был вписан как «портрет гетмана напольно не конченной взятой из дворца без рам». При этом в графе «автор» значилось – «неизвестно» [Моисеева 2009, с. 65].

В «Каталоге вещам и картинам» 1777 года есть нюанс: из слова «напольно» исчезает мягкий знак: «Неизвестно да партрет Гетьмана напольно не конченной взятой из дворца»². В «поданной» в июле 1818 года «библиотекарем Ухтомским описи принятым им вещам, хранящимся в Библиотеке Академии», портрету был присвоен № 379, записан он был как «Пор: Гетмана Напольно», но в графе «автор» впервые был указан И. Никитин³. Трудно сказать, почему А. Г. Ухтомским было предложено авторство художника, но, в первом печатном издании каталога собрания – «Указателе находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов» 1842 года портрет вновь значился работой «неизвестного», а в записи под № 100 «П. гетмана Напольного» его наименование выглядело едва ли не фамилией [Указатель 1842, № 100].

¹ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. СПб., 1998. Том 1. С. 134. № 137.

² ОР ГРМ. ф. 84. д. 9. л. 63.

³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. 1818. Д. 2866. Л. 10.

Инициатором авторства И. Никитина всегда считался П.Н. Петров, а первым изданием, в котором оно было опубликовано – «Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв.» 1870 г. Однако много работавший с академическим архивом и уже выпустивший все три тома «Сборника материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств», он, скорее всего, видел «Опись» А.Г. Ухтомского.

В каталоге П.Н. Петрова портрет значился изображением гетмана Ивана Степановича Мазепы (?) [Каталог 1870. с. 26. № 75]⁴. Но в дальнейшем и в «Каталоге оригинальных произведений русской живописи» 1872 года, и в каталоге 1914 года портрет назывался «портретом напольного гетмана Малороссийского войска» [Каталог 1872. с. 2. № 2; Каталог 1915. с. 188. № 2]. На выставке 1905 года в Таврическом дворце портрет также был представлен как «Напольный гетман малороссийского войска. Раб. И.Н. Никитина» [Каталог 1905. с. 21. № 127]. Это был первый случай, когда отчество художника было указано правильно.

После публикации П.Н. Петрова и каталогов собрания Академии художеств и Таврической выставки авторство И. Никитина утвердилось почти на полтора столетия.

Впрочем, сомневающиеся были всегда. Еще в А.Н. Бенуа отметил в «Русской школе живописи»: «Гораздо большее значение для характеристики Никитина имели бы портреты «Петра на смертном ложе» и «Напольного гетмана» в Академическом музее, [...], если бы можно было вполне удостовериться, что эти картины действительно Никитина [...]» [Бенуа 1904. с. 12].

Г.Е. Лебедев также пришел к выводу, что «... две картины – портрет гетмана и древо Анны Иоанновны – выпадают из вышеописанной галереи никитинских образов» [Лебедев 1938. с. 66].

Еще определеннее высказалась Т.В. Алексеева. «Мы привыкли очень высоко характеризовать искусство этого художника [...]. Но необходимо отдать себе отчет в том, что она главным образом основана на вещах, относительно которых мы никак не можем быть уверены, что они действительно принадлежат И. Никитину. Ни о портрете Петра I (круг), ни о портретах напольного гетмана или Г.И. Головкина не существует пока сколько-нибудь достоверных сведений, подтверждающих причастность их никитинской кисти» [Алексеева 1973, с. 17].

В Русском музее «Напольный гетман» впервые был изучен С.В. Римской-Корсаковой в начале 1970-х годов, в ходе подготовки к выставке 1973 года «Портрет петровского времени» [Римская-Корсакова 1977. с. 191–199]. Лицевая и оборотная сторона портрета были исследованы детально.

⁴ В книге Д.Н. Бантыша-Каменского опубликована гравюра А.А. Осипова с портрета «Напольного гетмана» и подписью «Иванъ Мазепа» [Бантыш-Каменский Д.Н. История Малороссии. Часть третья. М., 1822].

Оборот представляет особый интерес. На подрамнике можно видеть остатки наклейки Таврической выставки 1905 года, штамп и красную сургучную печать Академии художеств. На средней планке надпись карандашом: «№ 2. И. Никитинъ», соответствующая номеру портрета в академических инвентарях. На холсте имеется надпись черной краской: «ГЕТМАНЪ НАПОЛЬНО», соответствующая записи в каталоге К.И. Головачевского 1773 года.

Сделанные С.В. Римской-Корсаковой рентгеновские снимки позволили выявить надписи: «ГЕТМАНЪ» и «НАПОЛЬНО...» и на лицевой стороне, слева и справа от головы изображенного⁵. Они были тонированы, но слово «ГЕТМАН» видно невооруженным глазом. С.В. Римской-Корсаковой было установлено, что надпись на лицевой стороне имеет такое же старое поновление, как и на портретах «преображенской» серии, в частности, на портрете Якова Тургенева, написанного не позднее 24 января 1695 года [Моисеева, 2017, с. 75]. Считается, что надписи на портретах серии современны изображениям. Об этом свидетельствует сам характер шрифта — классический вариант уставного письма, применявшийся в гражданской печати до конца 1700-х годов. Сопоставление шрифта надписей на портретах «преображенской» серии и портрете «Напольного гетмана» убеждают в их идентичности, достаточно сравнить окончания в словах «ГЕТМАНЪ», «ЗАСЕКИНЪ» и «ВЕРИГИНЪ», а также характерное «Е» во всех случаях.

Вероятность соотнесения «Напольного гетмана» с портретами «преображенской» серии послужило причиной для обращения к известному документу — описи Нового Преображенского дворца.

Первые упоминания о портретах, находившихся в Новом Преображенском дворце, были обнаружены в «Описи», датированной 1739 годом. О портретах писала Е.С. Овчинникова, на «Опись» ссылались Н.М. Молева и Э.М. Белютин, два ее варианта были фрагментарно воспроизведены О.С. Евангуловой [Овчинникова 1955, с. 137–139; Молева, Белютин 1965, с. 10–15; Евангулова 1969, с. 101–103; Евангулова 1987, с. 271–275].

Тем не менее, ни в одном из указанных трудов не оказалось ссылок на первую публикацию, осуществленную в 1900 году генералом-от-инфантерии, П.О. Бобровским (1832–1905) [Бобровский 1900, с. 226–230]. Документ был опубликован полностью под названием — «Опись Преображенскому Новому дому что имеетца в покоях каких уборов и казенных вещей, которые приняты от служителя Петра Одинцова служителем Автономом Резановым» [Бобровский 1900, с. 227].

Из документа следует, что в феврале 1735 года служитель камерцалмейстерской конторы Автамон Резанов был послан «из Санкт-Петербурга от бывшего камор цалмейстера Александра Кайсарова в Москву

⁵ Рентген ГРМ: R 17/53–56; 1973. Автор статьи выражает искреннюю благодарность заведующему отделом технологических исследований ГРМ С.В. Сирро и ведущим специалистам отдела С.В. Римской-Корсаковой и В.Н. Петровой за предоставленную информацию.

в ведомство имеющегося в Москве камер-цалмейстерского помощника Бориса Слизова [...] и по приезде в Москву по словесному приказу Его Графского Сиятельства Семена Андреевича Солтыкова [...], которой приказ объявил ему Резанову показанной Слизов и велел ему Резанову у служителя Петра Одинцова принять в Преображенском Ея Императорского Величества новом дворце в покоях и в казенных зборы по описи, которые зборы и прочее по объявленному Приказу и приняты по описи с роспискою» [Бобровский 1900, с. 227]. В мае 1739 года опись все еще находилась «у оно-го Резанова, а строение всякое тому дому и поныне состоит в ево Адинцова смотреии» [Бобровский 1900, с. 226–227].

Но в «Описи» были упомянуты только те портреты, которые в тот момент находились в Передней Преображенском дворца [Бобровский 1900, с. 227]. Из Москвы портреты были перевезены в Петербург. В «Опись картин, бывших в Зимнем и других Императорских дворцах в первые годы царствования Екатерины II» [Успенский 1913] они были внесены в числе «старых картин, принятых от Кайсарова» [Успенский 1913, с. XXXVI]. Но и в этой «Описи» нет сведений об изображениях Веригина, Щепотева и первого солдата Бухвостова, хотя известно, что портрет Веригина был выдан в 1780 году из Эрмитажа в Гатчинский дворец [Моисеева 2017, с. 80]. Не упоминается в «Описи» и «напольный гетман».

Возможная причастность «напольного гетмана» к «преображенской» серии подтверждается и фрагментом надписи на приклеенном к обороту холста листке бумаги, скрепленном сургучной печатью. Надпись до сих пор не была прочитана, а печать не идентифицирована. Однако, текст ее вполне понятен: «[нной] ведомства [ейстерской] канторы [5] [нъ] в смотрение живописцу [нрзб] Гроту 1744 годъ».

Расшифровку слова [ейстерской] канторы как камер-цалмейстерской подтверждается и сургучной печатью канторы, полностью совпавшей с гораздо лучше сохранившейся печатью на обороте портрета А.Г. Бобринского работы Ф.Г. Рокотова из собрания Русского музея⁶. Таким образом, удалось установить, что в 1744 году портрет был передан «в смотрение живописцу Гроту» из ведомства камер-цалмейстерской канторы.

Изучение оборотной стороны портретов «преображенской» серии показало, что первоначальные подрамники без крестовины сохранились лишь на портретах Веригина и Андрея Бесящего. Очевидно, что подрамник «Напольного гетмана» был таким же. Современный подрамник по типу крепления планок ближе к так называемым «архитектурным» подрамникам середины XVIII века, т.е. к тому времени, когда портрет был передан «в смотрение» хранителю императорских коллекций Г.К. Грооту.

Указ императрицы Анны Иоанновны от 16 июля 1735 года об учреждении камер-цалмейстерской канторы почти совпал по времени с оконча-

⁶ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Том 1. С. 143. № 368.

нием строительства третьего Зимнего дворца, куда, по-видимому, и были перевезены картины и предметы убранства из московских и подмосковных дворцов. Затем, после начала в 1754 году Б.Ф. Растрелли строительства современного здания Зимнего дворца, для императрицы Елизаветы Петровны на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки был выстроен деревянный Зимний дворец, в который она и переселилась в начале ноября 1755 года. После окончания в 1762 году строительства каменного Зимнего дворца деревянный дворец был разобран и все находящиеся в нем произведения живописи, в свою очередь, были перенесены в новую резиденцию и нашли отражение в опубликованной А.И. Успенским «Описи».

Именно тогда, но не в 1762, а не ранее 1765 года, часть картин, в том числе, и «Напольный гетман», была передана в Академию художеств. Таким образом, оборот «взятой из дворца» в «Описи» К.И. Головачевского 1773 года означает, что портрет поступил в Академию не из Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, как считалось ранее, а из нового каменного. С 1744 года изменился и статус произведения — в описи 1773 года «Напольный гетман» оказался в числе картин, которые «не велено» было вписывать в каталог, и лишь добросовестность К.И. Головачевского спасла его от полного забвения.

Однако, в истории бытования «Напольного гетмана» по-прежнему много неясного. По логике вещей, он также должен был быть внесен в «Опись» А.И. Успенского, но никаких портретов «гетманов» в ней обнаружить не удалось.

Кто же этот таинственный «гетман»? Попытки определения персонажа предпринимались неоднократно. Само слово «гетман» определенно связывало изображенного с Украиной или Польшей, портрет считался изображением И.С. Мазепы, П.Л. Полуботка, И.И. Скоропадского, Д.П. Апостола, Ф.С. Орлика [Таирова-Яковлева 2007. Иллюстрации] и даже литовского гетмана графа Казимира Яна Сапеги, находившегося в середине 1720-х в Петербурге. Однако две последних кандидатуры были предложены, исходя из ныне существующей датировки изображения 1720-ми годами. Но попытки определения персонажа именно как «гетмана» всегда сопровождалась недоумениями исследователей по поводу отсутствия у него знаков власти.

Следовало искать иное решение проблемы.

Существует исполненная в 1702 году гравюра А. Шхонебека «Свадьба остроумнолютного Теофилакта Шанского, который державнейшего великого монарха многоутешный шут, смехотворец»⁷. Свадьба во дворце Лейфорта продолжалась несколько дней, сначала она праздновалась отдельно мужчинами и женщинами в старом московском платье и только потом было разрешено переодеться в «немецкое» платье и праздновать всем вместе.

⁷ Автор статьи выражает искреннюю признательность заведующей отделом гравюры ГРМ Е.Д. Климовой и ведущему научному сотруднику Ю.М. Холько за помощь в работе.

Упоминание сидящего за царским столом вместе с «самодержавнейшим монархом» и ближними «болярами» некоего «гетмана» позволяет предположить, что это могло быть прозвище приближенного Петра I — М.И. Семевский утверждал, что на свадьбе Ф. Шанского «всепьянейший» собор был в полном составе [Семевский 1872, с. 849].

Найти «гетмана» среди персонажей «царского» стола затруднительно. Однако, шрифт надписи во многих моментах очень схож с надписями на портретах «преображенской» серии и «Напольного гетмана», что может служить еще одним косвенным подтверждением более ранней его датировки.

Существует как минимум три описания свадьбы Феофилакта Шанского: в «Путешествиях в Московию» К. де Бруина, в «Записках» И.А. Желябужского и «Деяниях Петра Великого» И.И. Голикова. К. де Бруину (или де Брайну) принадлежит самое подробное описание. Он не назвал фамилии Шанского, но указал дату начала торжеств: 26 января 1702 года⁸. Но ни в одном из этих описаний нет упоминаний о присутствующем на свадьбе гетмане. Легитимным гетманом был тогда И.С. Мазепа, но, как свидетельствуют источники, в конце января 1702 года он находился на Украине.

Однако, надписи: «ГЕТМАНЪ» и «НАПОЛЬНО» на лицевой стороне и обороте могли иметь и другое объяснение. Н.М. Молева, занимавшаяся историей портрета, предположила, что художнику «пришлось писать не высокопоставленного, а самого рядового украинца, возможно, музыканта или певца. За это говорит, — писала она, — и костюм, слишком простой для именитого человека, и неожиданная его небрежность, и отсутствие парадности, и даже сама незавершенность полотна». Она также утверждала, что «украинские историки сходились на том, что кафтан «Напольного гетмана» имеет сходство с одеждой казаков». [Молева 1972, с. 157–158].

Версия Н.М. Молевой получила неожиданное подтверждение: в «Описи картин Зимнего дворца» значился единственный в своем роде портрет «Певчего Романа, поясной» [Успенский, с. XXXIV]. Он был указан без номера, но уникальность этого произведения и его композиция дают все основания для сопоставления его с «напольным гетманом».

В монографии о творчестве И. Никитина Н.М. Молева называла имена Ивана и Романа Ростовцев, числившихся в 1699 году в составе государевых певчих дьяков [Молева 1972, с. 79]. Действительно, в издании В.Л. Разумовского «Государевы певчие дьяки XVII века» в записях за 1693 год упоминаются «Протопопов Иван Семен Ростовец, Протопопов Роман Семенов Ростовец, певч. Петра I-го» [Разумовский 1873, с. 181]. Можно согласиться с Н.М. Молевой, что «Ростовец» — это указание на происхождение братьев. Но именно это обстоятельство может отчасти объяснить происхождение слов «ГЕТМАН НАПОЛЬНО...» на лицевой стороне и на обороте портрета.

⁸ Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 59.

Как уже говорилось портрет чаще всего назывался «портретом напольного гетмана малороссийского войска». Однако, казачество — это не только и не обязательно Украина. И.Г. Корб, посетивший окрестности Дона в 1698–1699 годах, писал в частности: «Город, называемый Черкасск (Circassen)⁹, служит станицей Донских Казаков, где пребывает их Атаман (Ethmannus, Гетман?) или Вождь, со старшинами и главными войсковыми чинами»¹⁰. Вполне вероятно, что в этой среде также обитали и «напольные гетманы», и, в таком случае, не был ли «певчий Роман» таким «напольным гетманом» до переезда в Москву к царскому двору?

Если допустить, что прозвище «Гетман напольно...» или просто «Гетман» было прозвищем певчего Романа Семеновича Протопопова, ценимого настолько высоко, что он удостоился портрета, он вполне мог присутствовать на свадьбе Ф. Шанского в 1702 г.

Остается самый нелегкий вопрос — связанное с этим портретом авторство И. Никитина. Приходится констатировать, что даже самые современные методы технологического исследования не могут дать стопроцентной гарантии определения автора путем исследования состава грунтов и пигментов. Это тем более сложно, когда изучаются произведения рубежа XVII и XVIII веков, в которых использовались все те же болюсный грунт, мел, свинцовые белила, охра, сажа и тому подобные компоненты.

Русский музей располагает тремя эталонными произведениями И. Никитина — портретом царевны Прасковьи Иоанновны (1714), портретом С.Г. Строганова (1726) и портретом молодого человека в зеленом кафтане (не позднее начала августа 1732). В первом и третьем случаях художник применил болюсный грунт, в портрете С.Г. Строганова — грунт желто-розового цвета. На болюсном грунте написан и «Напольный гетман», но из этого еще ничего не следует, поскольку на аналогичных грунтах написана большая часть портретов «преображенской» серии.

Рентгенограммы предоставляют гораздо больше информации. Именно здесь обнаруживается отчетливая разница между рентгенограммами эталонных произведений И. Никитина и «Напольным гетманом».

Рентгенограммы портретов Прасковьи Иоанновны и Сергея Строганова сравниваются легко, не противоречит им и рентгеновский снимок сильно пострадавшего от времени портрета молодого человека в зеленом кафтане. Во всех случаях хорошо видно великолепное владение формой, не допускающее никаких ошибок в рисунке. В случае с «Напольным гетманом» все иначе. На портрете обнаружены очертания нижележащих изображений — С.В. Римская-Корсакова отметила, в частности, что «Напольный гетман»

⁹ Черкасск — после 1805 года Старочеркасск, ныне станица Старочеркасская в Аксайском районе Ростовской области. Российская Федерация.

¹⁰ Корб Иоганн Георг. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Перевод и примечания А.И. Малеина. С приложением 19 рисунков на отдельных листах и указателей. СПб., 1906. С. 286.

«... написан поверх каких-то рабочих набросков: небольшого размера голов в профиль и в фас» [Римская-Корсакова 1977, с. 195]. Однако наброски расположены на фоне и никак не касаются лица, на котором художнику не сразу удалось найти местоположение левого глаза изображенного. Поза «гетмана» также заметно отличается от подчеркнутого позирования модели, «позитурь», которые можно наблюдать во всех трех эталонных портретах. Кроме того, трудно представить, чтобы И. Никитин, писавший и до, и после Италии на мелкозернистых холстах фабричного производства, и на таком же холсте написавший портрет С.Г. Строганова (17 x 21 нитей на кв. см), почти одновременно озаботился поисками двух кусков среднезернистого домотканого холста (12 x 13 нитей), сшил их и на таком холсте написал портрет гетмана.

Известно, что певчие сопровождали Петра повсюду – и на «корабельное строение» в Воронеж, и в поездках по Европе. Портрет «напольного гетмана», как, например, и портрет Алексея Василькова, вполне мог быть исполнен западноевропейским художником конца XVII – начала XVIII века. Однако, отведение авторства И. Никитина в «Напольном гетмане» представляется сложной проблемой. Столь же трудной задачей может оказаться и определение настоящего автора этого произведения. Но вполне возможно, что новое название этого произведения позволит обнаружить в московских и петербургских архивах его затерявшийся след.

Литература

- Алексеева Т.В.* Некоторые проблемы изучения русского искусства XVIII в. // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 7–19.
- Андросов С.О.* Живописец Иван Никитин. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 206 с.
- Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малороссии. М., 1822. Ч. 3. VII, [1], 243, [1] с
- Бенуа А.Н.* Русская школа живописи. СПб., 1904. Вып. 1. [4], 96, XII с., ил.
- Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложение к 1-му тому. Собрание выписок из официальных документов для истории Потешных и устроенного из них Преображенского полка солдатского строя. СПб., 1900. 270 с.
- Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. СПб.: Palace Editions, 1998. Т. 1. 206 с.
- Евангулова О.С.* Дворцово–парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 141 с.
- Евангулова О.С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII века. Проблемы становления художественных принципов Нового времени. М.: Изд-во МГУ, 1987. 294, 2 с.
- Императорская Академия Художеств. Музей. Русская живопись: Каталог / Сост. С.К. Исаков. Пг., 1915. 348 с.
- Картинная галерея Императорской Академии художеств. Т. I. Каталог оригинальных произведений русской живописи. Составил А. Сомов, почетный вольный общник Академии. СПб., 1872. 251 с.
- Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников. Составил П.Н. Петров. Почетный вольный общник Имп.

- Ак. Художеств, Член Императорских Обществ Археологического и Географического. Издание второе. СПб., 1870. 232 с.
- Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. СПб., 1905. Отд. I. 56 с.
- Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732–1742 гг. М., 1878. 236 с.
- Лебедев Г.* Русская живопись первой половины XVIII века. Л.; М. 1938. 132 с.
- Лебедева Т. А.* Иван Никитин. М., 1975. 167 с.
- Моисеева С. В.* «Опись неподвижных вещей, бывших в смотре Кириллы Головачевско-го» 1773 года – первый полный каталог музея Санкт-Петербургской Академии художеств // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сборник статей. По итогам Всероссийской научной конференции. Императорская Академия художеств и художественная жизнь России. Редактор–составитель И. В. Рязанцев. М.: Памятники исторической мысли, 2009. Вып. 12. С. 39–67.
- Моисеева С. В.* Русские кистью современников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 304 с.
- Молева Н., Белютин Э.* Живописных дел мастера. М., 1965. 335 с.
- Молева Н. М.* Иван Никитин. М.: Искусство, 1972. 249 с.
- Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII века. М.: Искусство, 1955. 139 с.
- Разумовский В. Л.* Государевы певчие дьяки XVII века // Сборник на 1873 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. Под редакцией Г. Филимонова. М., 1873. 121 с.
- Римская-Корсакова С. В.* Атрибуция ряда портретов петровского времени на основании технико-технологического исследования // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 191–199.
- Семевский М.* Шутки и потехи Петра Великого // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. М., 1872. Т. V. С. 845–892.
- Таирова-Яковлева Т.* Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 271 с.
- Указатель находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов. Издание Е. Фишера. СПб., 1842. 90 с.
- Успенский А. И.* Императорские дворцы. М., 1913. Т. I. [6], 340, LXXVI, [2], 182, [4] с., 59 л. ил.
- Шарандак Н. П.* Русская живопись петровского времени. М.: Художник РСФСР, 1987. 104 с.

References

- Alekseeva T. V. Nekotorye problemy izucheniya russkogo iskusstva XVIII v. // *Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniya*. М., 1973. Pp. 7–19.
- Androsov S. O. Zhivopisec Ivan Nikitin. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1998. 206 p.
- Bantysh-Kamenskij D. N. Istoriya Malorossii. М., 1822. Ch. 3. VII, [1], 243, [1] p.
- Benua A. N. Russkaya shkola zhivopisi. SPb., 1904. Vyp. 1. [4], 96, XII p., il.
- Bobrovskij P. O. Istoriya lejб-gvardii Preobrazhenskogo polka. Prilozhenie k 1-mu tomu. Sobranie vypisok iz oficial'nyh dokumentov dlya istorii Potesnyh i ustroennogo iz nih Preobrazhenskogo polka soldatskogo stroya. Sostavil General ot Infanterii. SPb., 1900. 270 p.
- Gosudarstvennyj Russkij muzej. Zhivopis' XVIII vek. Katalog. Tom 1. SPb.: Palace Editions, 1998. 206 p.

- Evangelulova O.S. Dvorcovo—parkovye ansambli Moskvy pervoj poloviny XVIII veka. M.: MGU, 1969. 141 p.
- Evangelulova O.S. Izobrazitel'noe iskusstvo v Rossii pervoj chetverti XVIII veka. Problemy stanovleniya hudozhestvennyh principov Novogo vremeni. M.: MGU, 1987. 294, [2] p.
- Imperatorskaya Akademiya Hudozhestv. Muzej. Russkaya zhivopis': Katalog / Cost. S.K. Isakov. Pg., 1915. 348 p.
- Kartinnaya galereya Imperatorskoj Akademii hudozhestv. T.I. Katalog original'nyh proizvedenij russkoj zhivopisi. Sostavil A. Somov, pochetnyj vol'nyj obshchnik Akademii. SPb., 1872. 251 p.
- Katalog istoricheskoy vystavki portretov lic XVI—XVIII vv., ustroennoj Obshchestvom pooshchreniya hudozhnikov. Sostavil P.N. Petrov. Pochetnyj vol'nyj obshchnik Imp. Ak. Hudozhestv, Chlen Imperatorskih Obshchestv Arheologicheskogo i Geograficheskogo. Izdanie vtoroe. SPb., 1870. 232 p.
- Katalog sostoyashchej pod vysochajshim Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora pokrovitel'stvom istoriko-hudozhestvennoj vystavki russkih portretov, ustraivaemoj v Tavricheskom dvorce, v pol'zu vdov i sirot pavshih v boju voinov. SPb., 1905. 56 p.
- Kniga zapisnaya imyannym pis'mam i ukazam imperatric Anny Ioannovny i Elisavety Petrovny Semenu Andreevichu Saltykovu 1732—1742 gg. M., 1878. 236 p.
- Lebedev G. Russkaya zhivopis' pervoj poloviny XVIII veka. L.; M., 1938. 132 p.
- Lebedeva T.A. Ivan Nikitin. M.: Iskusstvo, 1975. 167 p.
- Moiseeva S.V. «Opis' nepodviznyh veshchej, byvshih v smotrenii Kirilly Golovachevskogo» 1773 goda — pervyj polnyj katalog muzeya Sankt—Peterburgskoj Akademii hudozhestv // *Russkoe iskusstvo Novogo vremeni. Issledovaniya i materialy. Sbornik statej. Dvenadcatyj vypusk. Po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Imperatorskaya Akademiya hudozhestv i hudozhestvennaya zhizn' Rossii.* Redaktor—sostavitel' I.V. Ryazancev. M., 2009. Pp. 39—67.
- Moiseeva S.V. Russkie kist'yu sovremennikov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2017. 304 p.
- Moleva N., Belyutin E. Zhivopisnyh del мастера. M., 1965. 335 p.
- Moleva N.M. Ivan Nikitin. M.: Iskusstvo, 1972. 249 p.
- Ovchinnikova E.S. Portret v russkom iskusstve XVII veka. M.: Iskusstvo, 1955. 139 p.
- Razumovskij V.L. Gosudarevy pevchie d'yaki XVII veka // *Sbornik na 1873 god, izdannyj obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom Publichnom muzee. Pod redakcieyu G. Filimonova.* M., 1873. 121 p.
- Rimskaya-Korsakova S.V. Atribuciya ryada portretov petrovskogo vremeni na osnovanii tekhniko-tekhnologicheskogo issledovaniya // *Kul'tura i iskusstvo Petrovskogo vremeni. Publikacii i issledovaniya.* L., 1977. Pp. 191—199.
- Semevskij M. Shutki i potekhi Petra Velikogo // *Russkaya starina. Ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie.* M., 1872. T.V. Pp. 845—892.
- Tairova-Yakovleva T. Mazepa. M.: Molodaia gvardia, 2007. 271 p.
- Ukazatel' nahodyashchihsya v Akademii proizvedenij po alfavitu imen hudozhnikov i predmetov. Izdanie E. Fishera. SPb., 1842. 90 p.
- Uspenskij A.I. Imperatorskie dvorcy. M., 1913. T. I. [6], 340, LXXVI, [2], 182, [4] c., 59 il.
- Sharandak N.P. Russkaya zhivopis' petrovskogo vremeni. M., 1987. 104 p.

Иллюстрации

Илл. 2. Иван Никитич Никитин (1680 — не ранее 9 февраля 1742). Портрет напольного гетмана. Холст, масло. 76 x 60. Государственный Русский музей.

Илл. 3. Иван Никитич Никитин (1680 – не ранее 9 февраля 1742). Портрет напольного гетмана. Холст, масло. 76 x 60. Государственный Русский музей. Фрагмент.

Илл. 4. Иван Никитич Никитин (1680 – не ранее 9 февраля 1742). Портрет напольного гетмана. Холст, масло. 76 x 60. Государственный Русский музей. Фрагмент.

Илл. 5. Иван Никитич Никитин (1680 – не ранее 9 февраля 1742). Портрет царевны Прасковьи Иоанновны. 1714. Холст, масло. 83 x 66. Государственный Русский музей. Фрагмент.

Илл. 6. Иван Никитич Никитин (1680 – не ранее 9 февраля 1742). Портрет царевны Прасковьи Иоанновны. 1714. Холст, масло. 83 x 66. Государственный Русский музей. Фрагмент.

Svetlana V. Moiseeva

State Russian Museum, St. Petersburg, Russia

“NAPOL’NYY (OUTDOOR) HETMAN”: RIDDLES, DOUBTS, ASSUMPTIONS.

“The Napol’nyy (Outdoor) Hetman” is the most famous work of Peter the Great’s time from the collection of the Russian Museum, is especially loved by researchers. The portrait was entered into the Russian Museum in 1923 from the collection of the Museum of the Academy of Arts. He is mentioned at the very end of the “Inventory of stationary things that were in the view of Kirill Golovachevsky” in 1773 under No. 320 as “a portrait of a hetman not completely finished taken from the palace without frames.” The fact that he was in the imperial collections is confirmed by an inscription on paper glued to the back of the canvas. According to this inscription, in 1744 the portrait was handed over to the painter G. K. Groot.

However, in the “Inventory of paintings that were in the Winter and other Imperial Palaces in the early years of the reign of Catherine II”, published by A. I. Uspensky in 1913, there is no mention of portraits of hetmans. The search for this character by Ukrainian, Polish, Soviet and Russian military historians, which lasted for many decades, also did not yield results. There was a need for a more careful study of the work itself and a new interpretation of all the existing and newly discovered facts. One of the key points of the new interpretation is the very spelling of the words “Hetman floor” on the back of the canvas and on its front side, to the right and left of the head of the depicted. The inscriptions on the front side are currently hidden by the tinting of the XIX century, but are clearly visible on the X-ray. The characteristic features of the letters fully correspond to the letters of the inscriptions on the portraits of the participants of the “All-Holy Cathedral of the All-Drunken Prince-Pope” (GRM and GTG), the so-called “Transfiguration” series.

Technological research suggests that the inscriptions on the front side of the “Floor Hetman” have the same signs of renovation (the outlines of the letters do not match) as the rest of the portraits in the series. Apparently, the once formed a single whole with them. This is partly confirmed by the text on the engraving by A. Shkhonebek “The wedding of Theophylact of Shansky”: “Description of the wedding of the witty-witted Theophylact of Shansky, who of the most powerful great monarch is a much-consolated buffoon, a laugh-maker; the former 1702, February on the 1st day, in the chamber of the former Mr. General Franz Lefort.” The text testifies that at the third table sat “fellow bolyars, etman, naval and terrestrial officers, among whom is the most autocratic monarch. “ The mention of a certain “etman” together with fellow “bolyars” suggests that this could be the nickname of one of the members of the “all-drunken council.

Keywords: “The Napol’nyy (Outdoor) Hetman”, I. Nikitin, “Preobrazhenskaya” series, engraving, F. Shansky.

А.В. Морохин
ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород; Институт
российской истории РАН, Москва, Россия

О медицинской карьере Л.Л. Блюментроста в петровскую эпоху

Работа посвящена изучению деятельности Л.Л. Блюментроста — представителя известной династии немецких врачей, получившего известность прежде всего как организатор и первый президент Академии Наук. В статье анализируется медицинская карьера Блюментроста при дворе Петра I, обратившего внимание на молодого и талантливого врача, имевшего неплохие связи в Европе. Акцентируется внимание на таких важных фактах биографии медика, как его участие в лечении царя в 1716 г. и изучение целебных свойств минеральных вод в Карелии. Исследование построено на источниках, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Петр Великий, придворная медицина, Блюментрост

Среди представителей знаменитой династии немецких врачей на российской службе Блюментростов, пожалуй, наибольшую известность приобрел Лаврентий Лаврентьевич (Роберт Лауренс) (1692—1755), известный не только как лейб-медик Петра I но и как первый президент Российской Академии наук. Младший сын придворного врача Лаврентия Алферьевича [О нем см.: Морохин 2019], Л.Л. Блюментрост обучался в знаменитой московской школе пастора Э. Глюка, которая была открыта в 1703 г. для подготовки юношей к государственной деятельности, где он и достиг значительных успехов. После учебы в Галле, Оксфорде и Лейдене Лаврентий Лаврентьевич получает степень доктора медицины, защитив в 1713 г. диссертацию «De secretionе animalі». Кроме того, он проходит курс анатомии в Амстердаме у знаменитого доктора Ф. Рюйша и изучает философию под руководством Х. Вольфа.

В Россию медик (в документах, дабы не путать врача со старшим братом Иваном Лаврентьевичем он часто именуется «молодой дохтур Блюментрост») возвращается летом 1713 г.¹ Многие подробности медицинской карьеры Лаврентия Лаврентьевича в период с 1713 по 1716 г. остаются не совсем выясненными. Известно, например, что некоторое время он являлся лечащим врачом сестры Петра I — царевны Натальи Алексеевны.

¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1888. Т. III. Кн. 2. № 498. С. 498; РГАДА. Ф. 248. Кн. 25. № 49. Л. 375. Из финансовых документов Аптекарского приказа следует, что, находясь в Европе, Л.Л. Блюментрост продолжал получать жалованье в размере 460 рублей. (См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 320. Ч. 2. Л. 28 об., 57 об.; Ч. 5. Л. 146, 413).

Одновременно с этим Лаврентия Лаврентьевича привлекали к лечению и других членов царской семьи. Так, в октябре 1715 г. он вместе с другими лейб-медиками — Р. Арескиным, старшим братом И.Л. Блюментростом и Г. Поликалой, участвовал в лечении супруги царевича Алексея Петровича кронпринцессы Шарлотты Христины Софии и вместе с ними подписал медицинское заключение о ее смерти [Устрялов, с. 40, 334–337]. В 1716 г. Блюментрост сопровождал в поездке по Европе Петра I. В этой связи 28 мая 1716 г. его пациентка — царевна даже просила свою невестку, царицу Екатерину Алексеевну: «Прошу вас, матушка моя, ежели вам нет нужды в дохторе Блюментросе, чтоб царское величество изволил указать его отправить ко мне, понеже имею во оном нужду ради своих болезней»². В июне того же года Наталья Алексеевна умерла, и, видимо, после этого Лаврентий Лаврентьевич окончательно становится врачом царя. По крайней мере, позднее Блюментрост в одной из своих челобитных указывал, что «служил он собственно при Их Величествах (Петре I и Екатерине I — А. М.) лейб-медикусом с 1716 году верно и безпорочно»³. По другим сведениям, которые приводил в своих воспоминаниях И.Д. Шумахер, Лаврентий Лаврентьевич был «всемилоостивейше пожалован Петром Великим в лейб-медики» не в 1716, а в 1718 г., после смерти другого царского врача и своего покровителя Р. Арескина [Пекарский, с. 5]. Этот же факт, но несколько иначе, отметил и ганноверский дипломат Ф. — Х. Вебер. Он отметил, что после смерти Р. Арескина Л.Л. Блюментрост стал «первым врачом» Петра I⁴.

Формально или фактически, но уже с конца 1715 — начала 1716 г. Блюментрост стал принимать участие в лечении Петра I. По крайней мере, известно, что в конце 1715 г. царь серьезно болел и даже причащался⁵. Видимо, после того, как Петру I стало лучше, Лаврентий Лаврентьевич составил описание болезни царя и стал проводить консультации с медиками из Европы. Сохранились отзывы о болезни врачей Б. Альбина, И.Ф. Брейна и И.К. Брунера, датируемые мартом 1716 г. Из них следует, что Петр I тогда страдал целым «букетом» заболеваний, таких как понос, периодическая лихорадка, боли в области диафрагмы и подреберьях, тошнота, кровоточивость десен и др. Консультанты пришли к выводу о наличии у царя «ипохондрии», «цинги», «изнурения тела», «меланхолии» и «застоя крови» [Яковлев, Аникин, Трохачев, с. 59–60]. Поскольку двое медиков — консультантов — Б. Альбин и И.Ф. Брейн обучались, как и Блюментрост, в Лейдене, можно предположить, что к лечению царя Лаврентий Лаврентьевич привлек тех специалистов, с которыми был неплохо знаком.

² РГАДА Ф. 11. Оп. 1. № 699. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011. С. 176.

⁵ Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 78.

Путешествие Петра I по Европе было использовано и для лечения царя минеральными водами в Пирмонте и Спа. Эту методику водолечения рекомендовали привлеченные Блюментростом специалисты, а также Р. Арескин. В Пирмонте при Петре I наряду с Р. Арескиным находился и Блюментрост⁶. Помимо участия в лечении царя, он выполнял и ряд других его поручений. Так, из Пирмонта Лаврентий Лаврентьевич отправился во Францию, где провел шесть месяцев в Париже, совершенствуя свои медицинские знания у известного французского анатома Ж.Г. Дювернея (1648–1730). Из Парижа в мае 1717 г. Блюментрост по указу Петра I был направлен в Амстердам для переговоров с другим медиком – Ф. Рюйшем, у которого за 30 тысяч гульденов была приобретена знаменитая анатомическая коллекция, которая стала основой собрания Кунсткамеры. При этом Лаврентий Лаврентьевич добился, чтобы Рюйш открыл ему секрет сохранения анатомических препаратов [Дриссен ванн хетт Реве, с. 76–77, 138–139].

После своего возвращения в Россию Блюментрост в октябре 1717 г. по приказу Петра I отправился в Карелию, на Олонец, для изучения целебных свойств местных минеральных вод⁷. Комендант Олонецких заводов В.И. Геннин в письме Ф.М. Апраксину от 5 января 1718 г. сообщал: «доктор Блюментрост, по учиненной просьбе, хвалит чрез меру здешнюю новую минеральную воду, от меня приисканную» [Берх, с. 152]. Изучив целебные качества вод, врач принимал участие в разработке подробных правил для их употребления и даже составил «Описание Олонецких минеральных вод», которое было переведено на русский язык Иваном Паусе [Перетц, с. 229]. Получив результаты исследования воды, 30 декабря 1717 г. от царя было отправлено письмо на Олонец «к молодому доктору Блюментросту и Геннину о приготовлении для езды нашей к заводам Олонецким подвод». Петр I писал Лаврентию Лаврентьевичу: *«Понеже вам я при отъезде своем приказывал, дабы вы когда воды Олонецкия осмотрите и пробу несколькими людьми в лечении оных вод учините, тогда б вам ехать к Москве, но лутче вам, когда освидетельствуете, что те воды хороши, то немедленно пишите сюды и в Питербурх (а сам не ездите), сюды для ведения, а в Питербурх – для того, чтоб про нас подводки велели ставить прямо на заводы, дабы времени не пропустить, о чем я уже к к[нязю А.Д. Меншикову] писал, когда ваше письмо получит, не отписываясь, ставил бы подводки, а вы, между тем временем, можете более пробы учинит»*⁸.

Лаврентий Лаврентьевич продолжал оставаться активным сторонником лечения больного Петра I минеральными водами и позднее [Морохин 2020, с. 1396–1397]. В одной из последних таких поездок в 1724 г. на Угодские заводы, где был найден новый целебный источник, царя, видимо, сопро-

⁶ Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 363.; *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 762.

⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 737. Л. 137.

⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 11. Л. 154.

вождал Блюментрост, т.к. в послании к царице Екатерине Алексеевне от 4 июня 1724 г. Петр I отметил: «Оную воду лутче нашли, неже о ней чаели, о чом пространнее писал дохтор (Л.Л. Блюментрост – А. М.) к брату своему (архиатеру И.Л. Блюментросту – А. М.)»⁹. При этом лечение царя лишь российскими минеральными водами не ограничивалось – в том же 1724 г. по указу Петра I гамбургским купцам Ф. Поппу и П. Кнау была заказана минеральная вода из Пьемонта на сумму 176 рублей 73 копейки, доставку которой контролировал все тот же Л.Л. Блюментрост¹⁰.

Помимо Петра I Лаврентий Лаврентьевич продолжал «пользоваться» и других членов царской семьи и правящей элиты. Судя по некоторым сведениям, Лаврентий Лаврентьевич участвовал и в лечении царевича Петра Петровича. По крайней мере, известно, что жена Блюментроста неоднократно рассказывала жене голландского дипломата Я. де Би о том, что царевич Петр Петрович обладает слабым здоровьем и у него тяжело режутся зубы. Ганноверский резидент Х.-Ф. Вебер сообщал весной 1718 г., что младший сын Петра I «не может ни стоять, ни говорить и питается почти исключительно лекарствами» [Коннингсбрюге, с. 140–141; Брикнер, с. 213]. Нередко Лаврентий Лаврентьевич вместе со старшим братом осматривали и лечили и многих лиц из окружения царя. Например, в апреле 1723 г. братья получили от Петра I приказание отправиться в дом Г.И. Головкина для лечения одного из членов семьи канцлера¹¹.

Будучи одним из самых образованных людей в России, свободно владея четырьмя языками – русским, французским, немецким и латынью, Лаврентий Лаврентьевич после смерти Р. Арескина стал руководить царской библиотекой и знаменитой Кунсткамерой, многие экспонаты которой были закуплены им во время поездки в Европу. Зачастую Блюментрост был вынужден заниматься решением и хозяйственных вопросов. Так, апрелем 1719 г. датированы его просьбы к кабинет-секретарю А.В. Макарову о необходимости присылки «припасов 20 сажень дров, 20 кулей угля, 2 человека работников, которые были б всегда безотлучно, понеже солдатами исправитца не можно». Тогда же Лаврентий Лаврентьевич требовал и «пешников дабы зделать лабораторию... и других мастеровых людей, когда к чему понадобится...»¹². В конце 1720 г. Блюментрост требовал «в Кунст Камер на содержание натуралей на пред будущей 1721 год вина простого доброго пятьсот ведер»¹³.

Сохранились сведения о том, что до 1721 г. жалование Лаврентия Лаврентьевича как царского врача составляло 800 рублей год. В январе 1721 г.

⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Ч. 1. С. 143.

¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 104. Оп. 1. № 6. Л. 1–4.

¹¹ Юность державы. М., 2000. С. 55–56.

¹² РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 44. Л. 160–160 об.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 52 (1720 г.). Л. 829. Документы, связанные с этой работой Л.Л. Блюментроста, см.: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

Блюментрост «бил челом» Петру I об увеличении зарплаты, «ибо он тем жалованьем содержать себя не может». Ходатайство медика было уважено и ему было добавлено к ежегодному жалованию еще 800 рублей¹⁴. Надо полагать, просьба была связана с расширением деятельности медика. По крайней мере, известно, что помимо лечения членов царской семьи и придворной элиты Лаврентий Лаврентьевич выполнял еще и массу других поручений Петра I, связанных с медициной. Многие сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что он занимался осмотром и освидетельствованием больных солдат и матросов¹⁵. В 1719 г. Блюментрост занимался организацией «обучения лекарского» и курировал медико-хирургическое училище при Адмиралтейском госпитале¹⁶. Кроме того, по поручению царя медик осматривал тех придворных, которые не присутствовали на ассамблеях или торжественных приемах в Сенате под предлогом болезни [Цвиркун, с. 337].

Лаврентий Лаврентьевич выполнял и другие поручения царя. Так, 21 апреля 1723 г. Петр I распорядился выдать медику «из зборных соляных денег.. на покупку алмазов к портрету вместо того которой взят у нево и подарен дербенскому найпу 900 рублей, записав в расход с роспискою»¹⁷. Здесь, видимо, речь идет о наипе Дербента Имаме Кули-беке, который сдал Петру Дербент в ходе Каспийского похода, за что и получил награду – портрет царя с алмазами [Курукин, с. 67, 71].

Современники считали, что именно Лаврентий Лаврентьевич вышел с инициативой создания в Петербурге Академии Наук¹⁸, после чего Петр I приказал ему «во оную академию людей потребных сыскивать и нанимать»¹⁹. По крайней мере, Блюментрост впоследствии в одном из своих прошений отмечал, что он «по всемилостивейшему Его Императорского Величества указу собрал и учредил в Санктепербурхе академию наук и по совершенной оной учреждении ... пожалован президентом той академии»²⁰. Этому способствовали и многие человеческие качества Лаврентия Лаврентьевича. По замечанию Г.Ф. Миллера, Блюментрост «по своим личным свойствам ... был человеком обаятельным; с людьми обращался учтиво и дружелюбно»²¹. Схожую характеристику Лаврентию Лаврентье-

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Кн. 14. Л. 1 об.–2.

¹⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1888. Т. III. Год 1713-й. Кн. II. С. 1005, 1053, 1277; СПб., 1888. Т. IV. Год 1714. Кн. I. С. 224, 527. РГАДА. Ф. 9. Кн. 43. Л. 365. Подробнее об этом см. [Дуров].

¹⁶ ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 3375. С. 699–700; РГАДА. Ф. 9. Кн. 12. Л. 56; [Кротов, с. 638].

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 16. Л. 54 об.

¹⁸ Неистовый реформатор. М., 2000. С.93.

¹⁹ Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 35; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 17. Л. 81 об. См. также: Материалы для истории Императорской Академии Наук. (1716–1730). СПб., 1885. Т. 1. С. 29–30, 56–60, 61, 63, 65–66, 69; Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. 1. (1724–1802). С. 22–25, 31, 32–36. Подробнее о роли Л.Л. Блюментроста в основании Академии наук см.: [Андреев; Копелевич].

²⁰ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 699. Л. 6–6 об.

²¹ Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 495–496.

вичу оставил и Г.З. Байер, отмечавший, что первый президент Академии наук был «человек большой учености, исключительного ума и редкой общительности» [Копелевич, с. 111]. Примечательно, что за все годы работы в Академии наук Блюментрост не получал жалования. Организуя Академию, Петр I «словесно» обещал своему лейб-медику прибавку к жалованию в размере тысячи рублей в год, но официального распоряжения так и не последовало.

Таким образом, период с 1716 по 1725 г. являлся временем наиболее успешной карьеры придворного медика Л.Л. Блюментроста. При поддержке Р. Арескина и старшего брата И.Л. Блюментроста медик смог обратить на себя внимание Петра I, который использовал его таланты не только ради укрепления собственного здоровья, но и во благо России.

Литература

- Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий. Сборник статей. М.; Л., 1947. С. 284–333.
- Берх В. И.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. № 2. С. 113–172.
- Брикнер А. Г. Х.-Ф. Вебер* // Журнал Министерства Народного просвещения. 1881. № 2. С. 179–221.
- Герье В. И.* Лейбниц и его век. СПб.: «Наука», 2008. 807 с.
- Дриссен-ван хет Реве. Й.* Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб.: МАЭ РАН, 2015. 364 с.
- Дуров И. Г.* Медицинское освидетельствование военных и морских чинов при увольнении в отставку от военной службы при правлении Петра Великого // Меншиковские чтения – 2012: научный альманах. СПб., 2012. Вып. 3 (10). С. 21–75.
- Коннингсбрюге Х. ванн.* История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб.: «Европейский дом», 2014. 256 с.
- Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 211 с.
- Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.
- Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 381 с.
- Морохин А. В. Л. А. Блюментрост – основатель династии придворных медиков конца XVII – первой половины XVIII вв.* // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова. М., 2019. С. 279–290.
- Морохин А. В.* Смерть Петра Великого: неизбежный финал или врачебная ошибка? // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 4. С. 1393–1405. DOI 10.15826/qr2020.4.534
- Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Записки Императорской Академии наук. 1865. Т. 8. Приложение 7. С. 1–119.
- Перетц В. Н.* Скитальческая жизнь И. В. Пауса и его переводы // *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. Из истории русской поэзии XVIII века. СПб., 1902. С. 203–233.

- Тункина И.В.* Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Во главе первенствующего учебного сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. СПб., 2002. С. 13–28.
- Устрялов Н.И.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. VI. 660 с.
- Цвиркун В.И.* Дмитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб.: Нестор-история, 2010. 412 с.
- Яковлев Г.М., Аникин И.А., Трохачев С.Ю.* Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60.

References

- Andreev A.I. Osnovanie Akademii nauk v Peterburge // Petr Velikij. Sbornik statej. M.; L., 1947. Pp. 284–333.
- Berh V.I. Zhizneopisanie general-lejtenanta V.I. Gennina, osnovatelya Rossijskich gornyh zavodov // Gornyj zhurnal. 1826. № 2. Pp. 113–172.
- Brikner A.G. H.-F. Veber // Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya, 1881. № 2. Pp. 179–221.
- Cvirkun V.I. Dimitrij Kantemir. Stranicy zhizni v pis'mah i dokumentah. SPb.: Nestor-Istoriia, 2010. 412 p.
- Ger'e V.I. Lejbnic i ego vek. SPb.: Nauka, 2008. 807 p.
- Drissen-van het Reve. J. Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo: istoriya v pis'mah (1711–1752). SPb.: MAE RAN, 2015. 364 p.
- Durov I.G. Medicinskoe osvidetel'stvo vanie voennyh i morskikh chinov pri uvol'nenii v otstavku ot voennoj sluzhby pri pravlenii Petra Velikogo // Menshikovskie chteniya – 2012: nauchnyj al'manah. SPb., 2012. Vyp. 3 (10). Pp. 21–75.
- Konningsbryuge H. vann. Istoriya poteryannoj družby. Otnosheniya Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714–1725 gg. SPb.: Evropeiskii dom, 2014. 256 p.
- Kopelevich Yu.H. Osnovanie Peterburgskoj akademii nauk. L.: Nauka, Leningr. otdelenie, 1977. 211 p.
- Krotov P.A. Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom. SPb.: Istoriceskaia illustrazija, 2017. 744 p.
- Kurukin I.V. Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735). M.: Kvadriga, 2010. 381 p.
- Morokhin A.V. L.A. Blyumentrost – osnovatel' dinastii pridvornyh medikov konca XVII – pervoj poloviny XVIII vv. // Sbornik statej po russkoj istorii v chest' Aleksandra Ivanovicha Gamayunova. M., 2019. Pp. 279–290.
- Morokhin A.V. Smert' Petra Velikogo: neizbezhnyj final ili vrachebnaya oshibka? // Quaestio Rossica. 2020. Vol 8. № 4. Pp. 1393–1405. DOI 10.15826/qr2020.4.534
- Pekarskij P.P. Dopolnitel'nye izvestiya dlya biografii Lomonosova // Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk. 1865. T. 8. Prilozhenie 7. Pp. 1–119.
- Peretc V.N. Skital'cheskaya zhizn' I.V. Pausa i ego perevody // Peretc V.N. Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy. T. 3. Iz istorii russkoj poezii XVIII veka. SPb., 1902. Pp. 203–233.
- Tunkina I.V. Lavrentij Lavrent'evich Blyumentrost. // Vo glave pervenstvuyushchego uchenogo sosloviya Rossii. Ocherki zhizni i deyatel'nosti prezidentov Imperatorskoj Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk. 1725–1917 gg. SPb., 2002. Pp. 13–28.
- Ustryalov N.I. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. SPb., 1859. T. VI. 660 p.
- Yakovlev G.M., Anikin I.A., Trohachev S.YU. Materialy k istorii bolesti Petra Velikogo // Voенно-медицинский журнал, 1990 № 12. Pp.57–60.

Alexey V. Morokhin

*Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Institute of Russian History
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

ABOUT THE MEDICAL CAREER OF L.L. BLUMENTROST IN THE PETRINE ERA

The work is devoted to the study of the activities of L.L. Blumentrost, a representative of the famous dynasty of German doctors, who became famous primarily as the organizer and the first president of the Academy of Sciences. The article analyzes the medical career of Blumentrost at the court of Peter I, who drew attention to a young and talented doctor who had good connections in Europe. The attention is focused on such important facts of the biography of the physician as his participation in the treatment of the tsar in 1716 and the study of the healing properties of mineral waters in Karelia. The research is based on sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *Peter the Great, court medicine, Blumentrost.*

М.В. Николаева

Научно-исследовательский институт теории и истории
изобразительных искусств Российской академии художеств,
Москва, Россия

Гражданская застройка Васильевского острова Санкт-Петербурга времени Петра I на рубеже 1730-х – 1740-х гг.

Васильевский остров Санкт-Петербурга в архитектурно-градостроительной программе Петра I был задуман как «превосходнейшая, наилучшим образом застроенная» на берегах Невы часть нового города; однако на реализацию грандиозного проекта пришелся слишком короткий период второй половины 1710-х и первой половины 1720-х гг., и великий замысел по целому ряду причин не получил в эти, а также последующие годы ожидаемого развития. Ревизия «обывательской» застройки Васильевского острова в конце 1730-х – начале 1740-х гг. и, как следствие, частичный пересмотр концепции ее формирования – проблемы, которые рассматриваются в статье по материалам малоизученного фонда Полицийстерской канцелярии РГАДА в контексте нормативных актов того времени.

Ключевые слова: Васильевский остров Санкт-Петербурга, Петр I, «обывательская» застройка конец 1730-х – начало 1740-х гг.

Проблема бытования «обывательской» застройки на Васильевском острове, сформировавшейся в первой четверти XVIII столетия, представляется ключевой для исследования архитектурно-градостроительной истории острова в последующие десятилетия века.

Проект Петра I, посвященный созданию «идеальной столицы» на берегах Невы осени 1715 г., был связан с Васильевским островом. Разбивка его территории на кварталы и деление их на прямоугольные участки 10 на 30 саженей, предназначенные под дворовладения¹, велась архитектором Д. Трезини с 1716 г. [Петров, 1885, с. 114; Петров, 1961, с. 135].

Хотя основной «строительный бум» пришелся на 1718–1726 гг.: в Москве и Санкт-Петербурге в эти годы было заключено не менее 280 строительных и связанных со строительством подрядных договоров [Николаева, с. 12], но реальные цифры свидетельствуют, что освоение острова шло довольно медленно. На взятых участках к 1721 г. было построено 11 домов, в стадии строительства находилось 177, не начинали строить на взятых местах 59 дворовладельцев.

¹ К 1722 г. было роздано 729+193=922 участка, еще 56 мест – к 1727 г.; с 1727 по 1732 г. мест никто не просил и не брал [Петров, 1885, с. 164, 166, Приложения. С. 46].

Практические результаты работ по застройке Васильевского острова видны, писал С.С. Ожегов, на опубликованном им со ссылкой на РГВИА плане, который датирован 1726 г. [Ожегов, с. 20–21]. Произведенные на основании плана подсчеты позволили автору установить, что к 1726 г. были построены или заложены дома на 553 участках.

«В этом самом положении осталась застройка Васильевского острова при кончине Петра I», писал П.Н. Петров. После смерти императора частное строительство в столичном городе практически замерло; в царствование Петра II застройка Васильевского острова была «оставлена»; переезд императорского двора и перевод столичных функций в 1728–1730 гг. в Москву – факторы, которые усугубили складывавшуюся на острове тяжелую в отношении частной застройки ситуацию [Петров, 1885, с. 165–166].

В правление императрицы Анны Иоанновны в связи с высочайшим решением о возвращении двора в Петербург были инициированы значительные градостроительные и ремонтные работы, однако идея привести в порядок «стремительно приходивший в упадок город <...> вернуть ему столичность и парадный облик» [Семенцов, с. 38] реализована, по крайней мере, в отношении Васильевского острова, к 1732 г. не была.

Историк архитектуры А.Н. Петров писал в 1960-м году: «Возможности изучения по документальным материалам жилого обывательского строительства в городах, осуществлявшегося на средства частных лиц, крайне ограничены» [Петров, 1961, с. 132]. Нельзя сказать, что за истекшие полвека это суждение было полностью опровергнуто. Хотя круг исследований, посвященных Санкт-Петербургу XVIII в., а также перечень архивных документов, вводимых в научный оборот, постоянно расширяются, однако процессы, которые происходили в частном строительстве во второй трети столетия, подробно в научной литературе не рассматривались. Материалы фонда Главной полицмейстерской канцелярии Российского государственного архива древних актов (Ф. 366. Оп. 1), которые можно отнести к числу малоизученных, позволяют обратиться к ряду аспектов темы архитектурно-градостроительной истории города, вопросам гражданской застройки Васильевского острова 1730-х – 1740-х гг.

В конце 1730-х – начале 1740-х гг. – годы правления Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны и Елизаветы Петровны – появилась серия законодательных актов, в которых была частично пересмотрена и обновлена строительная политика в отношении Васильевского острова как части городской среды Санкт-Петербурга. Именные и сенатские указы архитектурно-градостроительной направленности, адресованные главным образом Главной полицмейстерской канцелярии и Комиссии о Санкт-Петербургском строении, устанавливали целый ряд новых правил для частных дворовладельцев и их застройщиков.

Ключевые проблемы, касающиеся состояния и перспектив развития застройки Васильевского острова, были затронуты в дознании Комиссии

о строении в Санкт-Петербурге² от 21 октября 1737 г., на котором была высочайшая резолюция: «Апробуется»³.

Комиссия, ссылаясь на именные указы Анны Иоанновны, ставила вопрос о земельных участках, которые были розданы на Васильевском острове в первой четверти XVIII в. («в прошлые годы») частным лицам под застройку, но на которых к концу 1730-х гг. «никакого строения еще не построено и те места и донныне остались пусты». Комиссия определяла меры по сокращению числа таких участков посредством раздачи обитателям острова, пожелавшим увеличить территории своих дворовых владений за счет соседних, под огороды и службы.

Один из вариантов применения указа на практике может быть рассмотрен в связи с прошением, которое в 1738 г. представлял в «Комиссию, учрежденную для рассмотрения о строении в Санкт-Петербурге» тайный советник сенатор граф Михаил Гаврилович Головкин. В документе шла речь о том, что его жена, Екатерина Ивановна, урожд. Ромодановская, имеет двор в 9 линии Васильевского острова по каналу от берега Большой Невы, которой достался ей от дяди генерал-губернатора Василия Федоровича Салтыкова, который, в свою очередь, взял его под «каменное по берегу строение» в 1719 г. В том же 1719 г. Салтыков заключил контракт на строительство каменного дома размерами 17,5 на 7 саженей в два жилья на погребях с фундаментом и отделкой «вчерне» (сделать печи, камины, лестницы и др.). Дом был достроен к 1726 г., а по описи Трезини 1732 г. о его состоянии известно: «построен и покрыт, а не выбелен, полы зделаны и потолоки подмазаны <...> дверей, окончин, печей <...> нет» (Ил. 7, 8). В чертежах фасадов из коллекции Ф. В. фон Берхгольца 1740-х гг. бывший дом вице-канцлера М. Г. Головкина показан двухэтажным на погребях в 13 осей [Николаева, с. 145–148].

В своем прошении Головкин в 1738 г. указывал, что соседний с двором его жены участок – в 9 линии по каналу от берега Большой Невы – представляет собой «порозжее место»: длиной 33 сажени (70 м), шириной 10 саженей (21 м), и они хотели бы взять его под огород.

По ведомости Главной полиции дворовое место было отведено боярину Петру Ивановичу Бутурлину в 1716 г.; архитектор Д. Трезини рапортом свидетельствовал, что к 1738 г. на дворе Бутурлина «никакого строения и материалов, и городьбы не имеетца». План Петербурга, снятый под руководством капитан-поручика И. Б. фон Зигхейма, подтверждал размеры участка Бутурлина, указанные в прошении Головкина.

В итоге решением Комиссии о Санкт-петербургском строении за подписью ее главы генерал-фельдцейхмейстера графа Б. К. фон Миниха и ее

² Была создана 10 июля 1737 г. «под главную дирекцию и надзиранием» Кабинета; занималась, в частности, решением актуальных вопросов по «обывательской» застройке (ПСЗ. Т. 10. № 7323. С. 216–217).

³ ПСЗ. Т. 10. № 7407. С. 319–320.

членов «пустое место» было присоединено к владению Головкиных и с этих пор считалось с ним «одним двором». Определение Комиссии содержало определенные условия владения дополнительной землей: Головкины должны были построить на ней «для лутчаго регулярства» с берега Невы решетку на каменном фундаменте (Ил. 9), а глухую стену к каналу «для лутчаго виду застроить по архитекторскому показанию регулярно»; помимо этого, как всем владельцам земли на острове, им предстояло платить за новый участок так называемые «квадратные деньги» (3 рубля 32 копейки на год) и налог с поперечника (по 1 алтыну с сажени)⁴.

Упомянутое доношение Комиссии о Санкт-Петербургском строении от 21 октября 1737 г. содержало еще одно важное предложение, которое также было направлено на оптимизацию структуры Васильевского острова под жилой застройкой посредством укрупнения дворовых мест; в нем подтверждались законодательные нормы, введенные еще при Екатерине Алексеевне в 1725 г.: о раздаче впредь «порозжих мест» большего, чем ранее, размера — длиной по улице до 15 сажений (32 м) вместо прежних 10 (21,4 м).

Кроме того, Комиссия полагала необходимым распространить нормы 1725 г. на тех владельцев участков на Васильевском острове, которые свои дворы к 1737 г. не застроили: им предлагалось показать другие «под строения порозжия места», опять же больших размеров.

Летом 1741 г. Комиссия пошла еще дальше в этом направлении и в доношении Кабинету Е. И. В. предлагала: обывателям на «тесных между другими жилыми дворами» местах Васильевского острова перестраивать ветхие дома, а также строиться вновь не разрешать («допускать не надлежит»), а отводить в других линиях острова «пространные места», в поперечнике не менее 15 сажений, на которых они будут должны построить новые дворы, а прежние дворовые места, как уже говорилось, присоединять к соседним дворам при желании их владельцев.

Необходимо упомянуть, что указы 1740-х гг., и в частности именной указ от 22 мая 1741 г., направленные на увеличение размеров дворовых мест на Васильевском острове посредством постепенного вытеснения «непространных длинником» участков, были напрямую связаны с мерами по противодействию пожарам. Комиссия полагала, что на десятисаженных по прешпектовым улицам и по линиям дворах «наличные» хоромы можно было построить лишь на 8 саженьях, оставляя под ворота 2 сажени, службы же в глубине владений делали большими связями или помещали по обеим сторонам двора. По новым стандартам дома на 8 или 10 саженьях по улице позволяли оставлять под ворота 5–7 сажений, увеличивая таким образом расстояние между домами, что облегчало борьбу с огнем⁵.

⁴ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6. Пошлины «с поперечника» были учреждены еще указом 1720 г.

⁵ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–11 об.

Ревизия состояния жилой дворовой застройки Васильевского острова конца 1730-х гг. позволила установить, что значительная ее часть на «тесных» участках, отведенных до указа 1725 г., оказалась для обитания непригодна: многие наличные хоромы были «строением зачаты, а совершенно не достроены, и те, зачатые, весьма обветшали и развалились, полы и потолки вытасканы», примерно то же можно было сказать о дворовых службах; часть участков была не застроена вовсе.

Довольно характерная ситуация рассматривалась в 1739 г. в Комиссии о Санкт-Петербургском строении в связи с прошением иноземца живописного дела мастера Ягана Людвина об отводе на Васильевском острове в 10 линии по Большой прешпектовой (по Большой перспективе) «порозжего» места под строение двора (*Ил. 10, 11*).

Архитектор Д. Трезини рапортом объявил в Комиссии, что место, о котором просил Я. Людвин, было отведено каптенармусу лейб-гвардии Семеновского полка Василию Михайловичу Шишкину в 1724 г., который по переписи имел 680 душ, под деревянные хоромы⁶. В 1732 г. на дворе имелся лишь каменный фундамент, а в 1737 г., Шишкин умер. К 1739 г. фундамент оказался «через многие прошедшие годы весь поврежден и растаскан». Оценку оставшихся на участке каменных плит поручили архитекторам Д. Трезини и М.Г. Земцову.

В итоге в 1741 г. Главная полицмейстерская канцелярия вынесла резолюцию: запрошенное Людвином место в 10 линии Васильевского острова под деревянное строение отдать, взыскав с него 9 рублей за остатки фундамента, а также невыплаченные Шишкиным денежные сборы: «квадратные деньги» (т.е. с количества квадратных сажений) и пошлины с поперечника, всего за 3 года в сумме 15 рублей 93 копейки⁷.

Еще одна тенденция указов 1730-х — 1740-х гг. архитектурно-строительной направленности по «обывательской» застройке Васильевского острова заключалась в следующем: начиная с установок, разработанных Комиссией о Санкт-Петербургском строении в октябре 1737 г., и в дальнейшем, владельцам мест, которые свои дворы на острове не построили, а с состоявших за ними «с нынешняго» числа крестьянских душ им надлежало строить из камня, отводили участки в *Адмиралтейской части* на «погорелых местах», т.е. местах, образовавшихся вследствие опустошительных пожаров 1735–1737 гг.

Например, полковнику Петру Тимофеевичу Савелову был отведен от Комиссии «со имеющихся ныне [в 1741 г.] за ним душ» место под строительство каменного дома на Адмиралтейской стороне на «погорелых местах» под № 62. Есть все основания полагать, что это событие связано с тем, что он унаследовал от отца, Тимофея Тимофеевича Савелова, умершего

⁶ Указ о строительстве на Васильевском острове домов с числе душ был принят 5 января 1724 г. (ПСЗ. Т. 7. № 4405. С. 195–197), [Агеева, с. 122–123].

⁷ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 3–3 об., 4.

именно в этом году⁸, состоявших за ним крестьян — 1493 человека, а также десятисаженный двор под деревянное строение в 10 линии, с которого в 1732 г. строение было свезено в Петергоф⁹. Отметим, что по ведомости архитектора Д. Трезини П.Т. Савелов имел собственный двор в 11 линии Васильевского острова, на котором в 1732 г. хоромы были построены и покрыты, правда, в одном покое не было полов, а людские покои — ветхи¹⁰. Учтен ли он был при отведении участка П. Савелову на Адмиралтейском острове или нет, документы не уточняют.

В представлении Комиссии о Санкт-Петербургском строении в Кабинет Е.И. В. от 20 апреля 1738 г. и в указе от 22 мая 1741 г. к предыдущим установлениям было добавлено: владельцам «обветшалых деревянных тесных дворов» на Васильевском острове, добровольно пожелавшим, «хотя не с числа душ», строить каменные дома на Адмиралтейской стороне, отводить места и давать соответствующие разрешения немедленно¹¹.

В качестве примера приведем упомянутый выше незастроенный участок П.И. Бутурлина в 9 линии Васильевского острова, состоявший в 1738 г. за его племянником, генерал-майором Александром Борисовичем Бутурлиным (участок был присоединен к соседнему владению Головкиных). Хотя А.Б. Бутурлин имел собственный двор в 3 линии Васильевского острова с деревянным строением¹², но по резолюции Главной полицмейстерской канцелярии от 29 июля 1736 г. ему было велено с доставшихся по наследству от дяди душ «построить вновь деревянный двор». Отвод нового места должен был осуществить по поручению Главной полиции член Комиссии о Санкт-Петербургском строении архитектор М.Г. Земцов. Но в 1738 г. последовало новое распоряжение из Полиции о рассмотрении возможности отвода А.Б. Бутурлину с числа унаследованных им от дяди душ места под каменное строение на Адмиралтейской стороне¹³.

Таким образом, несмотря на указы, стимулировавшие гражданскую застройку Санкт-Петербурга в актуальных для рассматриваемого времени направлениях, Васильевский остров не был в числе приоритетных.

В 1740-х гг. Главная полиция приступила к масштабной ревизии жилой застройки Васильевского острова и, как следствие, к борьбе с незастроенными участками, а также дворами с непригодными для проживания домами.

Своего рода черту под тем, что было сделано при Петре I и в последующие несколько лет, подвела «Ведомость, учиненная в Полицеймейстерской

⁸ «Доимка» в 3 рубля числилась за двор Т.Т. Савелова в 10 линии только за 1741 г.

⁹ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 85. Л. 11–11 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 200. Л. 196.

¹¹ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–1 об.

¹² Получил участок под деревянное строение в 3 линии в 1722 г.; по описи 1732 г. палаты «построены и покрыты, потолки не подмазаны, печей и окончин нет» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 200. Л. 178 об.).

¹³ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6.

канцелярии отведенным на Васильевском острове местам разных чинов людям, на которых некоторые построили токмо одни фундаменты и другое строение, а окончательно не достроили, другия же на отведенных им местах и никакого строения не построили» 1732 г., в которой приведены сведения о 476 каменных и деревянных домах: из 105 дворов, отведенных «под каменное строение», на 59 – палаты были построены, но не выбелены, в большинстве не было полов, потолков, печей, окончин, отсутствовали людские покои и городьба; на 31 – палаты не достроены; на 15 – «строения и фундаментов строить не зачато» или развалились; на 371 участке – под деревянное строительство, в 240 домах отсутствовала полностью или частично внутренняя отделка, на 66 – имелись лишь каменные фундаменты, 38 дворов стояли пустыми¹⁴.

Таким образом, проблема бедственного в целом состояния жилой застройки Васильевского острова стояла уже в начале 1730-х гг. довольно остро.

В РГАДА хранится план Васильевского острова 1741 г.¹⁵, в экспликации к плану проанотировано 464 участка, которые сконцентрировались на набережной Большой Невы от 3 до 26 линии и территории в районе Стрелки – по Кадетской, Первой и Второй линиям, а также в 7–19 за дворами по Большой Неве до Большой перспективы и в 6 линии между Большой перспективой и Малой. Готовые каменные палаты показаны по берегу Большой Невы (на 57 участках), в Кадетской линии (8), первой (24), шестой (5), седьмой (8), тринадцатой (8)¹⁶.

В начале 1740-х гг. в целях улучшения ситуации с каменной и деревянной застройкой разрабатывались в указном формате новые подходы к формированию структуры дворовладений на острове, отведенных в первой четверти XVIII в.

28 июня 1740 г. в Главную полицию был представлен реестр недостроенных каменных и деревянных домов на Васильевском острове, на его основании – составлен и направлен Московской полицмейстерской канцелярии указ, а также «имянной реэстр обывателей», включавший 104 владельца недостроенных каменных домов в Санкт-Петербурге, с которым требовалось собрать «подписки» в том, что они свои дома достроят «в самой скорости».

В Московской полиции было принято решение о сыске для получения «подписок» всех включенных в реестр людей или их служителей – «неукоснительно».

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 200. Л. 166–217.

¹⁵ План был составлен в Комиссии о санкт-петербургском строении в связи с предложением малые переулки – «придать к обывательским дворам, розделя ширины пополам»; переулки позади каменных палат – расширить до 6 сажений и т.д. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 58. Л. 48, 79–80).

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 1852.

В числе владельцев таких недостроенных каменных домов на Васильевском острове в реестре числился, например, комиссар Василий Думашев¹⁷ («обретается на Житном дворе провиантмейстером»), о котором было сказано: «сыскать самого неотменно».

У барона Василия Петровича Пospelова, который также владел недостроенным каменным домом на берегу Невы в 10 линии, велено было «сыскать» на московском дворе для получения «подписки» стряпчего Осипа Тихонова, у Михаила Ивановича Приклонского — дворецкого Андрея Семенова или стряпчего Родиона Филипова и т.д. Против целого ряда имен в реестре, в том числе лейб-гвардии капрала князя Ивана Иванова сына Львова, стояли пометки: «сыскав дома и, забрав, прислать дворецких, стряпчих и лутчих людей, а буде в сыску не явитца, репортовать» в Главную полицию¹⁸.

О порядке исполнения определения Московской полиции свидетельствует, например, доношение дворового человека капитана Рижского гарнизона Перновского полка А.П. Клементьева Михаила Лебедева в Главную полицмейстерскую канцелярию. В апреле 1741 г. он писал, что прибыл из Москвы с деньгами достраивать деревянный дом в 13 линии Васильевского острова, который обязуется достроить текущим летом на указной срок, а в Московской полиции, несмотря на это, держатся под караулом люди его господина. Лебедев ходатайствовал об их освобождении¹⁹.

Распоряжениями от 17 сентября 1740 г. и 21 января 1741 г. Главная полицмейстерская канцелярия на основании поданной офицерами Васильевской части ведомости предписывала Московской полиции собрать с владельцев незастроенных деревянных дворов, а также участков с недостроенными и ветхими строениями на Васильевском острове, «обязательства» в том, что они направят в Санкт-Петербург поверенных с деньгами «для достройки и для постройки вновь на прежде отведенных местах деревянных домов». Поверенные или сами застройщики, которые находятся в Санкт-Петербурге, должны были немедленно явиться в Комиссию о санкт-петербургском строении. Однако всем им было указано до того времени, как Комиссия составит и отправит в Главную полицию именной реестр новых «надлежащих» мест («где кому какие места отведены и прежние их места кому ж имянно приданы») и до получения от Комиссии соответствующих разрешений, строительные работы не производить.

Далее говорилось о том, что все, кому от Комиссии под деревянное строение отведены новые места, будут «принуждаться в строении» «неослабно», а Комиссия обязана еженедельно рапортовать о ходе дела в Главную полицию. Для сыска неявившихся в Комиссию Главная полиция выделила офицеров²⁰.

¹⁷ Имел двор с каменным домом на набережной Большой Невы [Николаева, с. 133].

¹⁸ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 856. Л. 2–10.

¹⁹ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–2.

²⁰ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 7–7 об., 11 об.–12 об.

11 июня 1741 г. Главная полицмейстерская канцелярия поручила Московской полиции взять с владельцев василеостровских дворов новые «обязательства» (вместо «прежних» о достройке домов, которые теперь отменялись) — о присылке поверенных «для принятия [новых] мест и постройки домов»; хотя ранее прибывшие в Санкт-Петербург в соответствии с именными и сенатскими указами 1740 и 1741 гг. поверенные с деньгами «для достройки старых домов» должны были во избежание штрафов действовать по первоначальному сценарию²¹.

Итак, 16 июля 1741 г. Московская полицмейстерская канцелярия докладывала Главной полиции, что по присланным им именным реестрам соответствующие «обязательства» у помещиков, которые находятся в Москве, взяты; при их отсутствии сведения, где те обретаются — в Санкт-Петербурге и в «дальних отлучках» — собраны у дворовых служителей; о тех же помещиках, на дворах которых никого не обнаружено, посланы «для справки, где они испомещены и у дел обретаются, и жительство имеют» промемории в Камер и Вотчинную коллегии, а также в Герольдмейстерскую контору. В приложенном к доношению «Реэстре обывателей и присланных служителей», составленном по «сказкам» служителей, содержалось 42 фамилии; прилагались также подлинные «обязательства»²².

Одно из них было, например, взято 15 июня 1741 г. у подполковника Нижегородского драгунского полка Александра Артемьева сына Загряжского: для достройки деревянного дома на Васильевском острове, который достался в качестве приданого за женой Екатериной Александровной Дорошенковой, или в случае, если постройка была куда-то взята (например, в Петергоф), то для «принятия места и постройки дома» он пошлет в Санкт-Петербург поверенного своего человека Тихона Коровина с деньгами, который явится в Главную полицию²³.

Сходное «обязательство» достроить, «не упусти нынешнего удобного к тому времени», деревянный двор, было представлено вдовой графиней Еленой Михайловной Апраксиной²⁴.

²¹ Списки владельцев крестьянских дворов численностью от ста до одной тысячи, которые должны были явиться в Петербург или прислать доверенного, чтобы взять отведенный участок и постройиться согласно указам, или представить деньги для строительства от казны, составлялись в Поместном приказе по переписным книгам с 1713–1714 гг.; к началу 1719 г. были сделаны списки — «чего можно требовать от помещиков по делу застройки Васильевского острова»; по расчету получалось, что владельцы крестьянских дворов числом от 23 до 1000 и больше должны были построить на острове 791 дом на 7910 саженьях «поперечнику», на основании чего был издан указ от 12 февраля 1719 г. [ПСЗ Т. 5. № 3305; Петров, 1885, с. 124, 161–162]. Нормативы и расчеты в последующие годы неоднократно изменялись.

²² РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 17–17 об.

²³ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 18–18 об. Двор отца Екатерины капрала Александра Дорошенкова был отведен под деревянное строение и значился в описи 1732 г. в 9 линии Васильевского острова (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 200. Л. 52).

²⁴ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330. Л. 17–17 об., 21–22. Двор в 17 линии Васильевского острова достался ей по наследству от родственника — капитана В.И. Апраксина (РГАДА. Ф. 248.

В случае кончины владельца двора, вопрос о его имуществе на Васильевском острове власти решали с наследниками. Например, в мае 1741 г. Московская полицмейстерская канцелярия по указу Главной полиции должна была, в связи со смертью в 1737 г. упоминавшегося уже В. М. Шишкина, незастроенный участок которого был передан другому владельцу, «справясь» о наследниках, обязать их самих или их поверенных ехать с деньгами в Санкт-Петербург «для принятия» нового места и постройки дома²⁵.

Сходная ситуация возникла с дворовладением подполковника Ивана Семенова сына Чиркова, который имел деревянный дом «в недостройке» в 23 линии Васильевского острова (по описи 1732 г. в доме не было «подмазок, печей, окончин»; по ведомости 1741 г. «линейные хоромы — одни стены и покрыты да во дворе изба людская, а более ничего нет, но и то строение без призрения все обветшало и кругом оного заборов и ворот не имеетца»).

15 января 1741 г. Главная дворцовая канцелярия направила в Московскую полицию указ о том, чтобы с Чиркова, который имеет свой дом за Яузскими воротам в приходе церкви Симеона Столпника в Москве, взять «подписку» в «достройке» дома в Санкт-Петербурге, и в том, что он пришлет для этого «нарочного человека з денгами, кому в том верить может». До этого велено, «забрав лутчих людей его, держать под караулом»; взят был служитель Федор Леонтьев, который сообщил, что его господин в отставке, живет из-за болезни в вотчине — селе Знаменском Алаторского уезда. Московская полиция направила указ в Алаторскую провинциальную канцелярию с требованием прислать «нарочного человека» с деньгами в Санкт-Петербург²⁶.

В июле 1741 г. Чирков подал прошение в Комиссию о санкт-петербургском строении, в котором сообщал, что его дом на десятисаженном участке Васильевского острова обветшал, и, поскольку достраивать такие дома не велено, просил отвести другое место — в 10 линии, и добавлял, что готов для «принятия того места и постройки на нем указного дому» оставить в Санкт-Петербурге своего человека — Кузьму Романова — с деньгами, который, начав строительство тем же летом, произведет его в указной срок.

Осмотр десятисаженных мест в 10 линии, с которых строения были перевезены в 1732 г. в Петергоф и которыми владели прапорщик Андрей Наумов и гвардии сержант Иван Павлов, произвел архитектор гезель Григорий Дмитриев. Он установил, что от кирпичных фундаментов на этих дворах ничего не осталось — от дождей и морозов «рассыпались и растасканы».

В итоге 21 января 1742 г. двор Чиркова в 23 линии «за непространством под оным местом» был заменен на целое место А. Наумова и половину из места И. Павлова мерой по улице в 15 саженей и глубиной в 30. Строить на-

Оп. 4. Кн. 200. Л. 208 об.).

²⁵ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об., 9–10.

²⁶ РГАДА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–4.

личные на линию хоромы Чиркову на каменном фундаменте было предписано по чертежу, «вышиною и видом против других регулярных домов, а во дворе службы бес каменного фундамента и печи во оных наличных хоромых делать с фундамента ж, а кровли как на оных наличных так и на дворовых службах делать по препорции niskие бес перелому и то все строение закладывать и производить под присмотром и по показанию» архитектора Осипа Трезини²⁷.

В случае, если застройщик нарушал архитектурно-строительные нормы, как это случилось с построенным на Васильевском острове в 10 линии деревянном доме лейтенанта морского флота Петра Ржевского, который, как сообщал в рапорте архитектору О. Трезини, построил его «против других дворов гораздо ниже», сделал «непорядочные» стропила («на бабках, которыми стены всегда роспирает»), покрыл службы дранью, Комиссия о Санкт-Петербургском строении запросила Главную полицию принудить П. Ржевского дом «в вышину прибавить, дабы оной был з другими по той линии домами равной вышины»; а также переделать стропила, а вместо драни — перекрыть крыши гонтом или тесом²⁸.

В феврале 1741 г. в рамках комплекса мероприятий, направленных на развитие жилой застройки Васильевского острова, были предприняты особые меры в отношении отъезжающих из Санкт-Петербурга «знатных персон и протчего шляхетства»: в Главной полиции при предъявлении паспортов с них требовали «скаска» «о числе душ за ними <...> для принуждения в строении домов»; должников, «пока строением дома совершат», из Санкт-Петербурга велено было не выпускать. Вдобавок к этому Ямской канцелярии было приказано подорожные (кроме курьеров) на ямские и почтовые подводы без разрешения Главной полиции не давать и на заставах по подорожным без печатей Полиции не пропускать²⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что в конце 1730-х — начале 1740-х гг. Васильевский остров Санкт-Петербурга был в сфере государственного нормативного регулирования: значительное внимание уделялось совершенствованию градостроительной основы острова и активизации частного строительства посредством перераспределения дворовых мест между потенциальными застройщиками и «принуждения» возводить в кратчайшие сроки жилые дома; в этом процессе были задействованы центральные и местные учреждения, однако разобраться в реальных масштабах предпринятых усилий, оценить конкретные их результаты на рассмотренном в рамках статьи материале довольно сложно.

Наверно, лучше представить общую картину с жилой застройкой Васильевского острова позволяют записки иностранцев.

²⁷ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–13 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 805. Л. 1–2.

²⁹ РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 327. Л. 1–1 об.

Карл Рейнгольд Берк, участник шведской делегации, побывавший в России в 1735 г., писал: «Васильевский остров согласно решению Петра I должен был стать превосходнейшей, наилучшим образом застроенной <...> частью города. <...>. Однако сей великий проект был остановлен кончиной его создателя, и теперь без преувеличения можно сказать, что остров еще по крайней мере на две трети покрыт лесом и болотом, а на застроенной одной трети пригодны едва ли половина домов»³⁰.

Сходное описание оставил Иоганн Готхильф Фоккеродт, который состоял на русской службе, жил в Петербурге в 1713–1737 гг.: «Едва он [Петр I] закрыл глаза, все эти здания на Васильевском острове остались стоять так, как они были, и многие из них разрушились еще прежде, чем они начали заселяться»³¹.

Литература

- Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град Святого Петра. СПб.: БЛИЦ, 1999. 341, [2] с., ил.
- Малиновский К.В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крива, 2008. 573, [1] с., ил.
- Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 998 с., ил.
- Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М.: Стройиздат, 1987. 224 с.
- Петров А.Н. Петербургский жилой дом 30–40-х годов XVIII столетия // Ежегодник Института истории искусств. 1969. Архитектура и живопись. М., 1961. С. 132–157.
- Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб.: тип. Глазунова, 1885. XXIII, 848, 246 с.
- Семенов С.В., Красникова О.А., Мазур Т.П., Шрадер Т.А. и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII в. СПб.: Электика, 2004. 436 с., ил.

References

- Ageeva O.G. «Velichajshij i slavnejshij bolee vseh gradov v svete...» — grad Svyatogo Petra. SPb.: BLIC, 1999. 341, [2] p., il.
- Malinovskij K.V. Sankt-Peterburg XVIII veka. SPb.: Kriva, 2008. 573, [1] p., il.
- Nikolaeva M.V. Sankt-Peterburg Petra I. Istoriya dvorovladenij: zastrojka i zastrojshchiki. M.: Progress-Tradicija, 2014. 998 p., il.
- Ozhegov S.S. Tipovoe i povtornoe stroitel'stvo v Rossii v XVIII–XIX vekah. M.: Strojizdat, 1987. 224 p.
- Petrov A.N. Peterburgskij zhiloy dom 30–40-h godov XVIII stoletiya // *Ezhegodnik Instituta istorii iskusstv*. 1969. *Arhitektura i zhivopis'*. M., 1961. Pp. 132–157.

³⁰ Берк К.Р. Путевые заметки о России. С. 173–174 [цит.: Малиновский, с. 111–112].

³¹ Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтхильфа Фоккеродта и Оттона Плейера // ЧОИДР. 1874. Апрель–июнь. Кн. вторая. Материалы иностранные. М., 1874. С. 96–97. Цит. в переводе К.В. Малиновского [Малиновский, с. 121].

Petrov P.N. Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda do vvedeniya v dejstvie vybornogo gorodskogo upravleniya po Uchrezhdeniyam o guberniyah. 1703–1782. SPb.: tip. Glazunova, 1885. XXIII, 848, 246 p.

Semencov S.V., Krasnikova O.A., Mazur T.P., Shrader T.A. i dr. Sankt-Peterburg na kartah i planah pervoj poloviny XVIII v. SPb.: Eklektika, 2004. 436 p., il.

Иллюстрации

- Ил. 7.* Дворовладения на Васильевском острове Санкт-Петербурга по берегу Большой Невы в границах Девятая –Десятая линии: № 60 графа М.Г. Головкина; № 61 полковника И. Колтовского; № 62 барона В.П. Поспелова. Топографический план Санкт-Петербурга, снятый под руководством инженер-капитана И.Б. фон Зигхейма. 1738 г. Фрагмент
- Ил. 8.* Дворовладения на Васильевском острове Санкт-Петербурга по берегу Большой Невы в границах Девятая –Десятая линии: № 274 графа М.Г. Головкина; № 275 полковника И. Колтовского; № 276 барона В.П. Поспелова. План 1741 г. Фрагмент
- Ил. 9.* Проект решетки на каменном фундаменте и «глухой» стены к каналу на вновь отведенном графу М.Г. Головкину «пустом» месте по берегу Большой Невы на Васильевском острове Санкт-Петербурга. Чертеж. 1738 г.
- Ил. 10, 11.* Фасад и план деревянного дома живописного дела мастера Ягана Людвина в 10 линии по Большой прешпектовой на Васильевском острове Санкт-Петербурга. Чертеж. 1739 г.

Maria V. Nikolaeva

Research Institute of the Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

CIVIL DEVELOPMENT OF VASIL'EVSKIY OSTROV OF ST. PETERSBURG IN THE TIME OF PETER I AT THE TURN OF THE 1730s – 1740s.

Vasil'evskij ostrov of St. Petersburg in the architectural and urban planning program of Peter the Great was conceived as the “most excellent, best-built” part of the new city on the banks of the Neva; however, the implementation of the grandiose project had too short period of the second half of the 1710s and the first half of the 1720s, and the grand idea for a number of reasons did not receive the expected development in these, as well as subsequent years. Revision of the “obyvatel'skoj zastrojki” of Vasil'evskij ostrov in the late 1730s – early 1740s. and, as a result, a partial revision of the concept of its formation is the problems that are considered in the article based on the materials of the little-studied fund of the Policmejesterskaia kancelyaria of the RGADA in the context of normative acts of that time.

Keywords: *Vasil'evskij ostrov of St. Petersburg, “obyvatel'skaya zastrojka” of the late 1730s – early 1740s.*

С.А. Никонов
Мурманский арктический государственный университет,
Мурманск, Россия

Государевы промыслы в Кольском уезде в начале XVIII в.: Опыт реформ рыболовного хозяйства Петровской эпохи

В работе рассматривается организация государевых промыслов в Кольском уезде в начале XVIII в., проводившаяся в рамках реформирования морского хозяйства Поморья петровской эпохи. Государевы промыслы охватили ряд районов уезда, где ранее действовали монастыри Севера и Центра России. Наиболее значительные усилия были предприняты на побережье Баренцева моря, где велся рыбный промысел. В работе рассмотрены такие вопросы, как начальный этап государевых промыслов, масштабы рыболовного хозяйства, численность и способы рекрутирования работников, доходность.

Ключевые слова: промысел, Мурманский берег, реформы, монастыри, Кольский уезд

Неподдельный интерес Петра I к кораблестроению, любовь к морской стихии послужили отправной точкой серьезных государственных преобразований. Создание военно-морского флота и привнесение традиций западноевропейского судостроения в Россию были наиболее важными, но не единственными реформами. В эпоху Нового времени развитие морских и океанических коммуникаций становится двигателем изменений в экономике (создание торговых компаний), научных изысканий и изменения картины мира европейцев (географические открытия), использования новых технологий в добыче биоресурсов и их переработке (китоловный промысел).

Своеобразным полигоном осуществления замыслов царя становится Русский Север — регион, где в силу географических и природно-климатических условий получили развитие рыболовный и зверобойный промыслы, а сообщение между прибрежными поселениями и отдаленными промыслами поддерживалось по морю. В первой четверти XVIII в. мы видим попытки преобразований морского хозяйства региона, получившие освещение в историографии: создание монопольной компании, закупавшей и реализовавшей продукцию промыслов [Веберман, с. 30–31; Дадыкина, Крайковский, Лайус, с. 31–37; Лаппо-Данилевский, с. 20–21, 53; Огородников, с. 182–183; Фирсов, с. 65–66], учреждение китоловства [Белов, с. 346–348; Веберман, с. 35–64; Дадыкина, Крайковский, Лайус, с. 63–66; Исторический обзор, с. 273–275; Огородников, с. 185–186; Ушаков, 1998, с. 55; Ушаков, 2001, с. 99–100; Эмеров, с. 188–192], организация купече-

ских верфей и строительство «новоманерных» судов [Брызгалов, Овсянников, Ясински; Копытова; Пузырев, с. 19–39] и ряд других.

Одним из начинаний царя, не являвшимся, кстати, заимствованием из Европы, стало создание в Кольском уезде государевых промыслов. Здесь со второй половины XV – начала XVI в. велась добыча семги в прибрежных морских реках, а на побережье Баренцева моря (Мурманский берег) – трески и палтуса. Если лов семги осуществлялся силами крестьянских общин, то на Мурманском берегу не возникло постоянных поселений, сюда ежегодно приходили промышленники из разных районов Поморья, оставаясь на сезон, с апреля до сентября. Промысловые артели селились во временных поселках – становищах¹.

Создание государевых промыслов в Кольском уезде не освещено в историографии, хотя оно и имеет определенные аналогии с созданием государственного промыслового хозяйства в другом регионе России – Поволжье [Дубман, 2012; Дубман, 2019; Комисаренко].

Рассматриваемое направление преобразований пересекается с еще одним важным и многоплановым мероприятием петровской эпохи – церковной реформой. Одним из направлений реформы было изъятие владений духовных организаций в казну [Булыгин]. В работах М.С. Черкасовой, Н.В. Башнина, И.Н. Шаминой раскрыты начальный этап реформы, ревизия властью церковного имущества, изъятие доходных промыслов в казну [Башнин, Черкасова; Черкасова, с. 62–91; Шамина].

Начало созданию государевых промыслов положил указ от 9 января 1704 г. о передаче всех рыбных ловель в государстве в ведение Ижорской (Семеновской, Ингерманландской) канцелярии², которая получала право сдавать их на оброк (в аренду) заинтересованным лицам через аукцион. Указ создавал возможность развития разных форм эксплуатации церковных рыбных ловель, изъятых в пользу государства. Это могли быть отношения аренды, при которых владельцем угодий становился победитель аукционных торгов, или передача угодий в ведение государства. Вторая форма имела явное преимущество, заключавшееся в неограниченном субсидировании из местных бюджетов.

Реализация указа в Кольском уезде связана с именем сына боярского Холмогорского архиерейского дома Михайлы Иванова сына Окулова. Его можно рассматривать как одного из прожектеров петровского времени, предлагавших разнообразные способы пополнения казны, так и «административного предпринимателя» – инициатора создания институциональных новшеств (в нашем случае государевых промыслов), обращавшего внимание власти «на существование вновь открывшихся проблем, предлагая и реализуя новые решения» [Федюкин, с. 17–31]. При этом такой ини-

¹ Подробнее о развитии мурманского промысла в XVI–XVIII вв. см.: [Никонов, 2020, с. 113–128].

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 1956. С. 232–240.

циатор стремился извлечь выгоду и для себя, закрепить свое положение в создавшейся институциональной структуре.

Происходивший из посадских людей Холмогор, Михайло Окулов в 1685 г. поступил на службу в архиерейский дом подьячим Судного приказа, дослужившись затем до чина архиерейского сына боярского. Вместе с братьями в начале 1680-х гг. он принимал участие в организации зверобойных промыслов на Новой Земле. Выполнял Михайло и ответственные поручения: в 1687 г. доставил из Москвы в Холмогоры царские грамоты, а в 1694 г. участвовал во встрече царской флотилии, направлявшейся в Архангельск [Никонов, 2020, с. 346–348].

В челобитной Окулова 1704 г. содержались предложения о передаче в казну монастырских промыслов в Кольском уезде. Челобитчик убеждал власти в том, что духовные организации не в состоянии распорядиться природными богатствами Крайнего Севера, отчего промыслы «пустеют и приходят в конечное исхождение», а царской казне «никакой прибыли нет, и теряетца оковидная прибыль»³. Сами промыслы были «преизящные» и сулили государству большие доходы. Для этого надо было использовать уже имеющиеся орудия и запасы продовольствия духовных организаций Поморья, а найти работников для вновь организуемых государевых промыслов «безтрудно ... и не накладно»⁴.

В это же время на Двину и в Кольский острог были отправлены царские распоряжения, предписывавшие начать исполнение указа 1704 г. Кольский воевода Д.И. Унковский должен был собрать сказки о рыбных ловлях у всех категорий населения Кольского уезда (духовенства, посадских людей и крестьян, саамов), после чего отдать ловли с публичного торга из оброка⁵. Двинскому воеводе В.А. Ржевскому поручалось передать промыслы Холмогорского архиерейского дома, Печенгского и Кандалакшского монастырей в ведение М.И. Окулова⁶. Сын боярский должен был заняться описанием промыслов. В помощь Окулову были даны восемь человек⁷, чтобы «досмотреть» промыслы. После описи промыслы сдавались всем желающим с торгов в аренду либо переходили в ведение государства⁸. Составленные в ходе переписи промыслов описные и сметные книги необходимо было отправить в Москву, в Семеновскую канцелярию рыбных дел⁹. Вместе с Окуловым заведовать промыслами должен был и стольник Пимин Кондырев.

³ Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. (далее – СМПКП). Л., 1930. № 74. С. 125–126.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Тексты этих указов нами не были обнаружены. Содержание указов передано в челобитной кольского воеводы М.Г. Срезнева на царское имя 1704 г. См.: РГАДА. Ф. 26 (Разряд XXVI). Оп. 1. Кн. 13. № 198. Л. 554–555.

⁶ СМПКП. № 74. С. 124–127.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Там же.

После изъятия промыслов архиерейского дома и двух монастырей государство получило 6 становищ, а также транспортные и промысловые суда. Накануне изъятия Кандалакшский монастырь имел 7 карбасов, Печенгский — 8 карбасов, сойму и лодью¹⁰. Доставшийся государевым промышленникам флот был пополнен новыми судами. Так, в промысловый сезон 1705 г. в море вышло 29 судов.

Обратим внимание, что конфискации подверглось имущество только указанных духовных организаций. Другие монастыри, промышленявшие здесь с XVII в., продолжили свою хозяйственную деятельность. Изъятие именно этих промысловых угодий объясняется не только службой Окулова в Холмогорском архиерейском доме и, соответственно, знанием о его владениях. На выбор могло повлиять и то, что всем перечисленным организациям принадлежали крупные комплексы угодий, включавшие и промысловые становища, и реки, где добывалась семга.

Промысловый сезон 1705 г. стал первым в истории государевых промыслов. Используя полученные промысловые базы, снасти и суда, удалось вывести на лов рыбы 120 промышленников. Таких крупных рыболовецких артелей не выставляла ни одна духовная организация, участвовавшая в мурманском промысле. Так, тот же Холмогорский архиерейский дом в конце XVII в. отправлял 42 промышленника. Монастыри Поморья выставляли еще меньше промышленников: Соловецкий — 16, Крестный Онежский — до 24, Антониево-Сийский — до 16 [Никонов, 2020, с. 352].

Тем не менее, уже в первый год выявились проблемы, вызванные несогласованностью действий руководителей промыслов, срывами в поставке припасов на побережье и подготовке к навигации лодий и рядом других причин. В 1706 г. последовала отставка П.А. Кондырева и М.И. Окулова, завершившаяся следствием по этому делу [Никонов, 2020, с. 354–356].

Неудачное начало не прекратило государевых промыслов, продолжавшихся по меньшей мере до начала 1710-х гг. Организацию государевых промыслов раскрывают две приходо-расходные книги государевых промышленников Ивана Губина (1710 г.) и Семена Банева (1711 г.)¹¹. Структура этих источников не идентична. Приходо-расходная книга Ивана Губина включает следующие разделы: сведения о закупке припасов на Двине и в Кольском остроге, затратах на доставку «стрелецкого хлеба» в Колу; объемы добычи семги, трески и палтуса, доходы от продажи рыбы; расходы на оплату труда промышленников и работников, уплату таможенных пошлин. В книге Семена Банева содержатся сведения о приходе денег, полученных из казны и от реализации рыбы в Архангельске, расходах на организацию промысла. В книгу включены: описная книга Харловского

¹⁰ РГАДА. Ф. 26. Д. 60. Ч. 1. Л. 46, 47 об., 53–54; РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 1. Д. 81. Л. 5.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 3. Д. 317, 324.

и Рындовского промысловых становищ, а также тетрадь целовальника Семена Багрецова, о приеме имущества в становищах после окончания промыслового сезона.

Государевы промыслы велись во владениях, принадлежавших ранее Троицкому Печенгскому и Кандалакшскому Пречистенскому монастырям, Холмогорскому архиерейскому дому. Так, за треской и палтусом государевы промышленники отправлялись из Харловского и Рындинского становищ. Становища были оборудованы для жизни артелей, ведения хозяйственной деятельности: были поставлены избы и бани, амбары для хранения снастей и припасов, выловленной рыбы. Здесь же, на реках Харловка и Рында государевы промышленники ставили заборы¹² для лова семги.

Заборный лов семги велся и на других реках. Также рыбу добывали сетями на тонях — прибрежных удобных участках¹³. Некоторые угодья в восточной части побережья Баренцева моря сдавались государевыми промышленниками на оброк выходцам из Колы, двинских и кольских волостей. Второстепенную роль в промыслах играли охота на пушных зверей и добыча речного жемчуга.

Книга Ивана Губина фиксирует выплату руги Троицкому Печенгскому монастырю в качестве компенсации за изъятые угодья. В 1710 и 1711 гг. игумену Измаилу на разные нужды (содержание братии, церковные потребности) было выплачено по 107 руб. 88 коп.¹⁴ С 1712 по 1719 г. размер компенсации сократился до 70 руб. [Никонов, 2020а, с. 71].

Руководили государевыми промыслами назначенные промышленники, помощниками которых были «товарыщи» или «головы». Ведением документации занимались подьячие. Назначала промышленников, предполагаем, Двинская приказная палата, получавшая распоряжение от вышестоящей власти. Через палату велось финансирование промыслов, а в задачу руководителя входило «на тех промыслах промышленять, ... искать великому государю прибыли с радением и со усердием»¹⁵.

Государевыми промышленниками были Даниил Голенев (1708 г.), Иван Губин (1709–1710 г.), Семен Банев (1711 г.)¹⁶. Регулярная смена промышленников, видимо, должна была пресечь злоупотребления, давшие о себе знать на начальном этапе государевых промыслов.

Один из трех руководителей известен как самостоятельный промышленник, отправлявший на Мурманский берег свои артели. Выходец из Холмогор Иван Губин в 1710–1711, 1713–1714 гг. вел промысел на становищах

¹² Забор (рыболовный) — рыболовное сооружение на реке в виде плотины из бревен или перегородки из жердей с промежутками для установки орудий лова.

¹³ Перечень изъятых государевыми промышленниками рек и тонь содержится в хозяйственной ведомости Троицкого Печенгского монастыря 1724 г. [Никонов, 2020а, с. 43–44, 69].

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 324. Л. 32–32 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 14. Л. 158.

Иванов Крест, Летнее и Карабельное¹⁷. Нельзя не обратить внимание на то, что в год руководства государевыми промыслами И. Губин продолжал вести собственное дело на Мурмане.

Добычей рыбы на Мурманском берегу занимались нанятые на Двине промышленники. Численность рыболовецких артелей на протяжении 1705–1711 гг. сокращалась. Так, если в первый год на промысел вышло 120 человек, то в 1710 г. – 44, а в 1711 г. – 24¹⁸. Таким образом, число занятых в промысле сократилось в 3–5 раз по сравнению с начальным этапом.

Значительный масштаб и географическая удаленность мест ведения промысла требовали найма дополнительных работников. Ими были как приходившие в Колу на промысел самостоятельные промышленники, так и население Кольского острога (стрельцы и посадские люди). Иван Губин 16 апреля 1710 г. нанял восемь промышленников из Шиженской волости для морского прибрежного промысла¹⁹. Стрельцы и промышленники привлекались для строительства на реках рыболовных заборов²⁰, перевозки грузов в становища²¹.

Государевы промыслы полностью копировали выработанную в Поморье систему организации отдаленных рыболовных и зверобойных промыслов, не привнося в нее заметных новшеств. Промысловый сезон делился на два основных этапа – весенний и летний. В начале года в Холмогорах происходило формирование артелей, отправлявшихся затем пешим путем вдоль побережья Белого моря через Кольский полуостров в Колу²². Они выходили в путь в конце февраля – начале марта, везли с собой часть припасов²³. В июне на Мурманский берег с Двины отправлялись одна-две лоды, доставлявшие в становища промысловые припасы и продукты, вывозившие обратно добытую рыбу. В конце августа – начале сентября эти же суда вывозили промышленников.

Отношения с артелью строились на основе покрута – системы организации труда, при которой все затраты на промысел нес хозяин. Артельщики получали долю добычи, распределявшуюся в неравной мере между кормщиком (главой артели) и покручеником (рядовым работником).

Сохраняли государевы промыслы и сложившиеся веками традиции взаимоотношений с артелью. Так, перед выходом весной промышленников в Колу для них устраивался обед, включавший угощение «вином» и пивом²⁴.

¹⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1 (Канцелярия Архангельского губернатора). Оп. 1. Т. 1. Д. 149. Л. 93 об., 94 об., 101, 107 об., 123.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 317. Л. 13, 15 об.; Д. 324. Л. 3 об.

¹⁹ Там же. Д. 324. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 7–8.

²¹ Там же. Л. 6 об.

²² Там же. Л. 3 об.

²³ Там же. Д. 317. Л. 18 об.; Д. 324. Л. 3 об.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 317. Л. 18 об.; Д. 324. Л. 3 об.

Работникам выплачивался свершенок — безвозмездная сумма на покрытие дорожных расходов, выдавалось сукно на рабочие рукавицы — вачеги²⁵.

Добытая продукция учитывалась в разных категориях: рыба — в весовых, штучных и бочечных, рыбе сало²⁶ — в весовых и бочечных. В некоторых случаях приходо-расходные книги не содержат перевода штучных единиц в весовые, что делает наши сведения об объеме продукции неполными. При подсчетах нами не учитываются сорта рыбы в зависимости от размеров (крупная, средняя и мелкая) и способов ее обработки (сушка и вяление), а приводятся ее общий вес и размер вырочки.

Таблица

Объемы добычи и стоимость рыбы государевых промыслов в 1710–1711 гг.²⁷

Добыто	1710				1711			
	вес		продано на		вес		продано на	
	пуд	фунт	руб.	коп.	пуд	фунт	руб.	коп.
Семга	1522	—	850	38	147	20	53	37
Палтус	2515	27	493	48	50	20	12	61
Треска	3500	4	436	36	364	26	54	69 ½
Пикша	257	4	16	26	135	—	20	96
Тресковое сало	391	20	118	45	—	—	—	—
Итого	8186	15	1914	93	697	26	141	63 ½

Представленные данные позволяют сделать следующие наблюдения. Наибольшие объемы добычи отмечаются для трески, наибольшие доходы от реализации — для семги. Кроме этого, общий объем добычи зависел от количества промышленников. Сокращение числа работников в 1711 г. отразилось на доходах государева промысла.

Рыба продавалась в городах Коле, Архангельске и Холмогорах, на Мурманском берегу, на Мезени. Покупателями были подьячий Кольского острога, купцы из Вологды, Холмогор, Великого Устюга, Мезени. Тресковое сало, а также сало найденного в 1710 г. на берегу кита²⁸ продавалось монопольной компании А.Д. Меншикова, имевшей двор и складские поме-

²⁵ Там же. Д. 324. Л. 3 об. — 4 об.

²⁶ Рыбе сало — продукт, полученный от вытопки печени трески.

²⁷ Составлено по: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 317. Л. 3–5; Д. 324. Л. 18–22 об.

²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 324. Л. 5 об.

щения в Архангельске [Дадыкина, Крайковский, Лайус, с. 55–62]. Общая выручка государевых промыслов в 1710 и 1711 гг. составляла 2022 руб. 39 коп. и 326 руб. 83 ½ коп. соответственно, доход от продажи рыбы – 95% и 43% от выручки. Падение прибыльности промысла может быть объяснено сворачиванием масштабов деятельности. Окупавшие затраты государевы промыслы не приносили той «оковидной прибыли», о которой писал в свое время М.И. Окулов.

В создании государевых промыслов заметно совпадение мероприятий государственной политики (изъятие церковных владений, создание монопольной сальной компании) и частной инициативы М.И. Окулова, предложившего изъять владения Холмогорского архиерейского дома и приписанных к нему Кандалакшского и Печенгского монастырей. Это должно было повысить доходность промысла и, вместе с тем, обеспечить положение Окулова в созданной институциональной структуре – государевых промыслах.

Изъятие промысловых владений духовных организаций на Мурманском берегу оказалось ограниченным только названными духовными организациями. Другие монастыри, имевшие промыслы на Мурмане, продолжили свою деятельность.

Организация промысла в 1710–1711 гг. предполагала передачу руководства назначенным промышленнику и голове, привлечение артелей рыбаков, действовавших на основе покрута. Добыча и обработка рыбы производились сложившимися веками способами, без внесения новшеств. Охота и добыча жемчуга играли вспомогательную роль.

Государевы промыслы приносили небольшой доход, что явно расходилось с блестящими перспективами, представленными М.И. Окуловым. Низкая доходность, сложная система организации, требующая руководства большими группами людей, отправкой судов и доставкой грузов, привели к сворачиванию государевых промыслов в 1710-е гг.

Литература

- Башнин Н.В., Черкасова М.С.* Как начиналась церковная реформа Петра I? (по материалам севернорусских епархий 1690–1700-х гг.) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2021. Т. 55. № 1. С. 24–50.
- Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Речной транспорт, 1956. 591 с., ил., карт.
- Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Беломорские шерботы: «новоманерные» суда первой половины XVIII столетия // *Труды Архангельского центра Русского географического общества*. Архангельск, 2014. Вып. 2. С. 46–66.
- Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: ИИ АН СССР, 1977. 327 с.
- Веберман Э.* Китобойный промысел в России. Ч. 1: История промысла китообразных // *Известия Московского коммерческого института*. Коммерческо-техническое отделение. М., 1914. Кн. 2. С. 3–312.

- Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – нач. XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2017. 504 с.
- Дубман Э.Л. Местные епархии в промысловом освоении Юго-Востока России в конце XVI–XVIII в. // Сборник статей по русской истории в честь А.И. Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 72–84.
- Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 128–138.
- Исторический обзор распоряжений правительства относительно рыбных и звериных промыслов на Белом море и Северном океане // Архангельские губернские ведомости. 1860. № 31. С. 273–275.
- Комисаренко А.И. Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII веке // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 30–34.
- Копытова Н.С. «Издrevле как деды и отцы наши строили...»: строительство староманерных судов Соловецким монастырем и монастырскими крестьянами в первой трети XVIII в. // Соловецкое море: ист.-лит. альм. Архангельск; М., 2012. Вып. 11. С. 8–14.
- Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899. 126, [4] с.
- Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. СПб.: «Нестор-История», 2020. 496 с., [8] л. ил.
- Никонов С.А. Хозяйственные книги Троицкого Печенгского монастыря первой половины 1720-х гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 38–73.
- Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. [2], IV, 327 с., 1 л. карт.
- Пузырев В.П. Паруса над Студеным морем. (Судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в XVIII веке). М., 1993. 208, [1] с.
- Ушаков И.Ф. Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1998. Т. 2. 646, [1] с.
- Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Ист.-краев. словарь. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 2001. 333, [1] с.
- Федюкин И. Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 424 с.
- Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896. [2], IV, II, 220, [1] с.
- Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда: ВоГУ, 2021. 260 с.
- Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.
- Эмеров Б.Д. К истории китобойного промысла на Русском Севере // Летопись Севера. М., 1962. Вып. 3. С. 188–200.

References

- Bashnin, N. V., Cherkasova, M.S. Kak nachinalas' cerkovnaja reforma Petra I? (po materialam severnorusskikh eparhij 1690–1700-h gg.) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2021. Vol. 55. № 1. Pp. 24–50.

- Belov, M.I. Arkticheskoe moreplavanie s drevnejshih vremen do serediny XIX veka. M.: Rechnoi transport, 1956. 591 p.
- Bryzgalov, V. V., Ovsjannikov, O. V., Jasinski, M. Je. Belomorskie shherboty: «novomanernye» suda pervoj poloviny XVIII stoletija // *Trudy Arhangel'skogo centra Russkogo geograficheskogo obshchestva*.. Arkhangelsk, 2014. Issue 2. Pp. 46–66.
- Bulygin, I.A. Monastyrskie krest'jane Rossii v pervoj chetverti XVIII veka. M.: II AN SSSR, 1977. 327 p.
- Cherkasova, M.S. Vologda i Ustjug v jepohu Petra I (kraevedcheskie ocherki). Vologda: VoGU, 2021. 260 p.
- Dadykina, M. M., Krajkovskij, A. V., Lajus, Ju.A. Pomorskie промыслы на Shpicbergene v XVIII – nach. XIX v. Issledovanie. Dokumenty. Moscow; St. Petersburg: Alians-Arkheo, 2017. 504 p.
- Dubman, Je.L. Mestnye eparhii v promyslovom osvoenii Jugo-Vostoka Rossii v konce XVI–XVIII v. // *Sbornik statej po russkoj istorii v chest' A.I. Gamayunova k ego 60-letiju ot druzej i kolleg*. M., 2019. Pp. 72–84.
- Dubman, Je.L. Ryboloveckie промыслы Jugo-Vostoka Evropejskoj Rossii v konce XVI – nachale XVIII veka // *Rossijskaia istoria*. 2012. No. 3. Pp. 128–138.
- Fedjukin, I. Prozhektery: politika shkol'nyh reform v Rossii v pervoj polovine XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 424 p.
- Firsov, N.N. Russkie torgovo-promyshlennye kompanii v 1-ju polovinu XVIII stoletija. Kazan, 1896. [2], IV, II, 220, [1] p.
- Istoricheskij obzor rasporzjazenij pravitel'stva odnositel'no rybnih i zverinyh promyslov na Belom more i Severnom okeane // *Arkhangelskie gubernskie vedomosti*. 1860. No. 31. Pp. 273–275.
- Jemerov, B. D. K istorii kitobojnogo promysla na Russkom Severe // *Letopis Severa*. Vyp. 3. Moscow, 1962. Pp. 188–200.
- Komisarenko, A.I. Astrahanskij rybnij promysel v kontekste administrativnoj politiki Rossii v XVIII veke // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Vyp. 6: *Shestye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova*. M., 2019. Pp. 30–34.
- Kopytova, N. S. «Izdrevle kak dedy i otcy nashi stroili...»: stroitel'stvo staromanernyh sudov Soloveckim monastyrem i monastyrskimi krest'janami v pervoj treti XVIII v. // *Solovetskoe more*. Arkhangelsk; M., 2012. Issue 11. Pp. 8–14.
- Nikonov, S. A. «Kto v more ne hodil, tot Bogu ne malivalsja»: Promyslovaja kolonizacija Murmanskogo berega i Novoj Zemli krest'janami i monastyrjami Pomor'ja v XVI–XVIII vv. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2020. 496 p.
- Nikonov, S.A. Hozjajstvennye knigi Troickogo Pechenskogo monastyrya pervoj poloviny 1720-h gg. // *Vestnik tzerkovnoi istorii*.. 2020. No. 1–2 (57–58). Pp. 38–73.
- Ogorodnikov, S.F. Oчерк istorii goroda Arhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii. St. Petersburg, 1890. [2], IV, 327 p., 1 l. maps.
- Puzyrev, V.P. Parusa nad Studenym morem. (Sudostroenie, промыслы i torgovoe sudohodstvo na Belom more v XVIII veke). M., 1993. 208, [1] p.
- Shamina, I.N. Prakticheskaja realizacija pervogo jetapa cerkovnoj reformy Petra I (1701–1703) // *Rossijskaia istoria*.. 2021. No. 4. Pp. 60–73.
- Ushakov, I.F. Izbrannye proizvedeniya: V 3-h t.: Istoriko-kraevedcheskie issledovanija. Murmansk, 1998. Vol. 2. 646, [1] p.
- Ushakov, I.F. Kol'skij Sever v dosovetskoe vremja: Ist.-kraev. slovar'. Murmansk, 2001. 333, [1] p.
- Veberman, Je. Kitobojnyj promysel v Rossii. Ch. 1: Istorija promysla kitoobraznyh // *Izvestiya Moskovskogo kommercheskogo instituta. Kommerchesko-tehnicheskoe otdelenie*. Book 2. M., 1914. Pp. 3–312.

Sergey A. Nikonov

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

SOVEREIGN'S FISHERIES IN THE KOLA DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY: THE EXPERIENCE OF THE REFORMS OF THE FISHING INDUSTRY OF THE PETER THE GREAT ERA

The paper considers the organization of sovereign's fisheries in the Kola district at the beginning of the XVIII century, which was carried out as part of the reform of the maritime economy of the Pomorie of the Peter the Great era. The sovereign's fisheries covered a few districts of the county, where monasteries of the North and the Center of Russia had previously operated. The most significant efforts were made on the coast of the Barents Sea, where fishing was conducted. The paper considers such issues as the initial stage of the sovereign's fisheries, the scale of the fishing industry, the number and methods of recruiting workers, profitability.

Keywords: *fishing, Murmansk coast, reforms, monasteries, Kola County*

А.М. Пашков
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск,
Россия

Петр I в исторической памяти жителей европейского Севера России в дореволюционный период*

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования и развития исторической памяти о Петре I и петровской эпохе в дореволюционный период у населения трех губерний (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) Европейского Севера России. Автор рассматривает четыре формы бытования этой исторической памяти: бытование народных преданий о Петре I, деятельность краеведов – исследователей петровской эпохи, выявление и сохранение артефактов петровской эпохи и установка памятников Петру I.

Сделан вывод, что на Русском Севере образ Петра I воспринимался массовым сознанием более позитивно, чем, скажем, в южных регионах России. Это можно объяснить тем, что на Севере деятельность Петра имела более позитивное значение, а также особенностями северной ментальности.

Ключевые слова: *Петр I, историческая память, Европейский Север России, исторические предания, места памяти, краеведение*

Интерес жителей Европейского Севера России к личности Петра I во многом обусловлен тем, что царь Петр неоднократно бывал на Севере (поездки в Архангельск в 1693, 1694 и 1702 годах, на Соловки в 1694 и 1702 годах, поход по Осударевой дороге в 1702 году от Белого моря до Онежского озера, поездки на Марциальные воды в 1719, 1720, 1722 и 1724 годах и т. д.). В ходе этих поездок демократичный в общении Петр общался с огромным количеством людей разных сословий, множество людей его видело, некоторые с ним разговаривали, еще больше людей узнавали о Петре из рассказов очевидцев.

Таким образом, первым источником формирования исторической памяти о Петре среди жителей Русского Севера стала устная история, постепенно трансформировавшаяся в фольклор (предания, сказки и т. д.). Примером такой трансформации может быть эпизод со спасением жизни Петра I помором из села Нюхча Антипом Пановым во время бури на Белом море 2 июня 1694 года. Это реальный эпизод пересказывался сотни и тысячи раз современниками Петра I и их потомками и в конце концов превратился в историческое предание [Пашков, 2021, с. 15–26].

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Пётр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Сбор народных преданий о Петре I начался еще в конце XVIII века. Многие из них были опубликованы в вышедшем на немецком языке в 1785 году сочинении Я. фон Штелина «Originalanekdoten von Peter dem Grossen: Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau u. Petersburg vernommen, u. der Vergessenheit entrissen» [Stählin] («Подлинные анекдоты о Петре Великом, услышанные из уст уважаемых людей в Москве и Петербурге и вырванные из забвения»). Уже через несколько лет эта книга была дважды переведена на русский язык и в 1786–1800 годах шесть раз издана в России [Штелин, 1786а.; Штелин, 1786б; Штелин, 1787а; Штелин, 1786б; Штелин, 1793а; Штелин, 1793–1800, Ч. 1–2].

Успех, сопровождавший издания книги сборника Я. фон Штелина, стимулировал И.И. Голикова заняться аналогичной работой. В 1796 году он опубликовал в «Дополнениях к деяниям Петра Великого» свой сборник анекдотов о царе Петре [Голиков, 1796]. Показательно, что эта работа И.И. Голикова в последующие годы была дважды переиздана, в 1798 [Голиков, 1798] и 1807 [Голиков, 1807] годах. Сборники исторических преданий о Петре I, подготовленные Я. фон Штелиным и И.И. Голиковым, заложили основы образа «фольклорного» Петра. Успех этих книг вызвал массу последователей. В русской фольклористике XIX – начала XX века сбор преданий о царе Петре и его эпохе стал одним из основных направлений собирательской работы. В основе этого лежало, конечно, широкое бытование преданий о Петре I на Русском Севере.

Особенно активизировались собирание и публикация петровских преданий после возникновения в 1838 году в северных губерниях своей местной газеты «Губернские ведомости». В газетах «Архангельские губернские ведомости», «Вологодские губернские ведомости» и «Олонекские губернские ведомости» опубликованы десятки северных преданий о Петре I. В настоящее время существует несколько обобщающих публикаций северных преданий о Петре I, опубликованных в том числе и дореволюционными собирателями [Северные предания; Легенды; Криничная; Народная проза.; Петр I; Петр Великий, 2018 и другие издания].

Среди многочисленных публикаций северных преданий о Петре I можно выделить подготовленную Е.В. Барсовым публикацию «Петр Великий в народных преданиях Северного края» [Барсов, с. 295–309]. Деятельность царя на Севере оценивается так: «Он всюду наталкивался здесь на нужды народные и возводил их в нужды государственные». Ухудшение народной жизни в годы правления Петра I Е.В. Барсов объясняет тем, что «настоящего для него не было, он жил только будущим».

В феврале 1873 г., узнав о том, что Л.Н. Толстой собирает материалы для романа об эпохе Петра I, Е.В. Барсов преподнес писателю издание «Преданий». Этот дар вызвал письмо Л.Н. Толстого Е.В. Барсову от 1 марта 1873 года. Лев Толстой писал: «*Предания о Петре прелестны, и, как вы верно говорите, что народ указал на основные черты его характера, который Вы так выпукло*

выставляет; самое подробное изучение, тончайший духовный анализ и непосредственное чутье певца приводят к одному и тому же» [Толстой, с. 727].

В 1874 г. вдохновленный опубликованными Е. В. Барсовым преданиями о Петре I поэт А. Н. Майков написал стихотворение «Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края». В примечании к нему А. Н. Майков писал: *«Рассказ этот представлен здесь почти без изменений, как он записан Е. В. Барсовым в Онежском крае и напечатан между многих других в “Беседе” под общим названием “Петр Великий в преданиях Северного края”. Он записан собирателем со слов заказчика прозой; но и в этой прозе сами собой сквозят стихи; я пытался только восстановить их, почти нигде ничего не прибавляя от себя. Петр, повелевающий стихиями, – это такой колоссальный образ великого государя, а описание бури и потопление шведских лодок – такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если б эти красоты народного творчества прошли незаметно в истории нашей поэзии»* [Майков, с. 459–461].

Деятельность Петра на Севере отразилась и в топонимике (Петровский завод, Петрозаводск, Марциальные воды, Петровский ям, Лодейное поле и др.). Показательно, что в финской и карельском языках Петрозаводск называется словом *Petroskoi*, производным от «Петровский» [завод] [Керт, Мамонтова, с. 76]. Целый ряд топонимов и микропонимов возникли после похода Петра I по «Осударевой дороге» в августе 1702 года [Никулин, Пашков, Шелехов].

Во второй половине XVIII века под влиянием идей Просвещения и губернской реформы Екатерины II в России стало развиваться историческое краеведение. Одним из направлений исследований краеведов стало изучение истории своего края. Северорусские краеведы (историки-любители) внесли большой вклад в сохранение, формирование и популяризацию исторической памяти о Петре I. Уже в 1783 году была издана книга «О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших...» [О высочайших пришествиях] В 1814 году петрозаводский краевед Т. В. Баландин закончил рукопись «Петрозаводские северные вечерние беседы», посвященную основанию Петрозаводска и его истории в петровскую эпоху (рукопись впервые была опубликована в 1866–1867 годах в «Олонецких губернских ведомостях») [Баландин].

В XIX – начале XX века появилось больше количество различных работ северных краеведов, посвященных Петру I и петровской эпохе. Среди них можно отметить труды архангельских (М. К. Сидоров [Сидоров], С. Ф. Огородников [Огородников, 1872.; Огородников, 1909], А. К. Грандилевский [Грандилевский], А. Ф. Шидловский [Шидловский]), вологодских (Н. И. Суворов [Суворов, 1860; Суворов, 1867; Суворов, 1872], Ф. А. Арсеньев [Арсеньев] и другие) и олонецких (А. И. Иванов [Иванов, 1858; Иванов, 1872], В. П. Мегорский [Мегорский, 1902; Мегорский, 1903; Мегорский, 1906] и другие) краеведы. Северные краеведы публиковали свои работы в мест-

ных «Губернских ведомостях», в «Памятных книжках» губерний, местных «Епархиальных ведомостях», а также в других изданиях. Своего рода итогом краеведческого изучения петровской эпохи в Архангельской губернии стало издание сборника «Петр Великий на Севере» [Петр, 1909].

Особый интерес представляют памятники и памятные места, посвященные Петру I [Петровские памятники, с. 137–159, 209–216, 268–300]. Вероятно, одним из первых памятников Петру I был поклонный крест, сооруженный жителем Петровского завода Юлианом Сараевым в январе 1725 года и сохранившийся до нашего времени [Пашков, 2012, с. 140–143]. С именем Петра I связана и церковь апостола Петра в Марциальных водах [Кутьков, с. 98–101; Капуста, с. 95–98].

Среди петровских артефактов Архангельска можно отметить Пертоминский крест, сооруженный лично Петром I в 1694 г. в память о своем спасении во время бури на Белом море, когда царская яхта сумела причалить к берегу у стен Пертоминского монастыря. Первые десятилетия крест стоял на берегу, на том месте, где Петр его установил. В конце XVIII века его перенесли в Успенскую церковь Пертоминского монастыря, в 1805 году перевезли в Архангельск, где он был помещен в Свято-Троицкий собор. Крест чудом уцелел в годы советской власти и в настоящее время находится в экспозиции Архангельского краеведческого музея [Гостев, с. 30–33].

Один из замечательных памятников пребывания Петра I на Севере, «Домик Петра I», находится в Москве в музее-заповеднике «Коломенское» [Наумова, Квашнина; Бокарева, с. 249–255]. Этот деревянный домик («светлица») был построен в 1702 году в устье Северной Двины, в Новгородской крепости специально для Петра I. Царь жил там два месяца. В 1877 году домик перенесли в Архангельск. К 1932 году домик обветшал, и его собирались снести, но благодаря вмешательству архитектора и реставратора П. Д. Барановского было принято решение о переносе домика Петра I из Архангельска в музей-заповедник русского деревянного зодчества «Коломенское». В 1934 году домик перевезли в Коломенское, где он стал музейным экспонатом. Историк И. М. Гостев установил, что светлицы 1702 года не сохранились, а в Коломенском хранится произвольная реконструкция из остатков дворца 1709–1710 годов, построенного для Петра I, в котором он никогда не был.

В Вологде домиком Петра называется дом голландского купца И. Гутмана (Гутмана), в котором Петр I останавливался в 19 марта 1724 года по пути из Марциальных вод в Москву [Терещук, Данченко, с. 47–59; Суворов, 1866, с. 246; Домик; Лукомский, с. 262–264]. В течении долгого времени дом И. Гутмана пребывал в запустении. В 1872 г. он был приобретен городом и земством, и в 1885 г. там был открыт музей.

В русле официальной политики по прославлению Петра I и его деятельности происходила установка памятников Петру I в губернских центрах: Петрозаводске (в 1873 г., скульптор И. Н. Шредер) [Пашков, 2010, с. 268–

270] и Архангельске (в 1914 г., скульптор М.М. Антокольский) [Тетеревлева, Шурупова, с. 107–114]. Оба памятника были снесены в 1918 году, но восстановлены, в Петрозаводске – в 1940 году, а в Архангельске – в 1948 г.

Помимо региональных источников, формировавших историческую память о Петре I, большое влияние на нее оказывали общероссийские процессы осмысления петровской эпохи в исторической науке, мемуаристике, художественной литературе, искусстве и т. д. Значимым фактором была и правительственная политика прославления Петра I, которая была частью монархической идеологии, например, юбилейные кампании, связанные с Петром I (200-летие со дня рождения Петра I в 1872 г., 200-летие основания Петербурга в 1903 г., 200-летие Полтавской битвы в 1909 г. и другие).

Можно сказать, что на Русском Севере образ Петра I воспринимался массовым сознанием более позитивно, чем, скажем, в южных регионах (Поволжье, казачьи земли), что можно объяснить тем, что на Севере деятельность Петра имела более позитивное значение, а также особенностями северной ментальности.

Литература

- Арсеньев Ф.А.* Петр Великий в Вологде и на Севере России // Вологодские губернские ведомости. 1879. № 97, 100; 1889. № 5, 6 (отд. отт.: Вологда., 1880. 38 с.)
- Баладин Т.В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А.В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 383 с.
- Барсов Е.В.* Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е.В. Барсовым. Читано в публичном заседании Общества любителей российской словесности // Беседа. 1872. № 5. С. 295–309 (отд. отт.: М., 1872. 17 с.).
- Бокарева О.Б.* Коломенское // Дома и домики Петра I / Глав. ред. и сост. В.В. Яковлев. СПб., 2015. С. 249–255.
- Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. Анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. XIII, 464, [3] с.
- Голиков И.И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. Изд. 2-е, испр., доп. и умнож. М., 1798. [2], XV, [1], 535, [1] с.
- Голиков И.И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. 3-е изд., испр., доп. и умнож. М., 1807. XVI, 535 с.
- Гостев И.М.* Обетный крест Петра Великого // Мир музея. 2016. № 7. С. 30–33.
- Грандильевский А.К.* Вавчуга, Баженины и память о Петре Великом, связанная с ними // Петр Великий на Севере: сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. Паг. 2-я. С. 100–128.
- Домик Петра Великого в Вологде. СПб., 1887. [2], 30 с.
- Иванов А.И.* Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 61, 62; 1873. № 47–49 (отд. отт.: Петрозаводск, 1873. 39 с.).
- Иванов А.И.* Петр Великий на Олонце // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. Паг. 3-я. С. 98–114 [Иванов, 1858].

- Капуста Л. И. Первый российский курорт Марциальные воды. Петрозаводск: Periodica, 2019. 127, [1] с., ил.
- Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск: Карелия, 2007. 118 с.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, СПб. отделение, 1991. 325, [2] с., ил.
- Кутьков Н. П. Планы Марциальных вод конца XVIII века и новые данные о церкви Первоверховного апостола Петра // Краевед. 10 лет: сборник статей. Петрозаводск, 1999. С. 98–101.
- Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Кри-ничной. М.: Современник, 1989. 286, [1] с.
- Лукомский Г. К. Вологда в ее старине. Вологда, [1991?]. 362, [2] с. [репринт изд.: СПб., 1914. 360 с.].
- Майков А. Н. Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края // Майков А. Н. Со-чинения в 2-х томах. М.: Правда, 1984. Т. 1. С. 459–461.
- Мегорский В. П. Осударева дорога (библиографические справки) // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119, 132, 134, 136, 142; 1903. № 9, 13, 15, 17–19, 21–23, 29 (отд. отт.: Петрозаводск, 1903.— 80 с.).
- Мегорский В. П. Осударева дорога // Военный сборник. 1903. № 8. С. 221–242.
- Мегорский В. П. Осударева дорога // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год. Петрозаводск, 1906. Паг. 2-я. С. 223–344).
- Народная проза: [сб. / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева]. М.: Сов. Россия, 1992. 601, [1] с.
- Наумова Н. Д., Квашина Г. А. Домик Петра I в Коломенском. М., 1990. 27, [3] с.
- Никулин С. А., Пашков А. М., Шелехов А. М. Петровская эпоха в исторической памяти и то-понимах Карелии // Север. 2022. № 1–2 (в печати).
- О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеви-ча, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, из царствующего града Мос-квы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении швед-ских неприятельских кораблей, на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783. 112 с.
- Огородников С. Ф. Памяти Петра Великого // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 4. С. 3–10.
- Огородников С. Ф. Петр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем Севере // Архангельские губернские ведомости. 1872. № 34–39 (отд. отт.: Архангельск, 1872. 71 с.).
- Пашков А. М. Памятник Петру I // Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени / Ред.-сост. А. В. Кобак, Н. Л. Корсакова, науч. ред. Е. В. Анисимов. СПб., 2010. Ч. 1. С. 268–270.
- Пашков А. М. Поклонный крест 1725 года – памятник петровской эпохи в Петрозавод-ске // Археография музейного предмета. Материалы международной научной кон-ференции. Москва, 16–17 марта 2012 г. М., 2012. С. 140–143.
- Пашков А. М. Помор Антип Панов в исторической памяти российского общества // Вест-ник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2021. Т. 21. № 3. С. 15–26. DOI: 10.37482/2687–1505-V099.
- Петр Великий на Севере: сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. [4], 166, [1], 66 с.
- Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Пальмира, 2018. 334, [2] с.

- Петр I: предания, легенды, сказки и анекдоты / сост. И. Райкова. М.: Изд-во Сабашниковых, 1993. 219, [2] с.
- Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени / Ред.-сост. А. В. Кобак, Н. Л. Корсакова, науч. ред. Е. В. Анисимов. СПб.: Европейский дом, 2010. Ч. 1. 440 с.
- Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / изд. подгот. Н. А. Криничная; отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. 254 с.
- Сидоров М. К.* Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1872. XII, 175 с.
- [*Суворов Н. И.*] Воспоминание о пребывании Петра Великого в Вологде // Вологодские епархиальные ведомости. 1872. № 12. С. 334–341.
- Суворов Н. И.* Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархий // Вологодские епархиальные ведомости. 1866. № 7. С. 243–257.
- Суворов Н. И.* К истории г. Вологды, о пребывании в Вологде царственных особ и других замечательных лиц исторических // Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 10. С. 346–357.
- Суворов Н. И.* О посещениях города Вологды Петром Великим [в 1692, 1693, 1694, 1702, 1724 гг.] // Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860. Паг. 5-я. С. 3–32.
- Терещук А. В., Данченко В. Г.* Вологда // Дома и домики Петра I / Глав. ред. и сост. В. В. Яковлев. СПб., 2015. С. 47–59.
- Тетеревлева Т. П., Шурупова Е. Е.* Петр I в Архангельске: особенности монументальной коммеморации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 6. С. 107–114. DOI: 10/15393/uchz.art.2021.663.
- Толстой Л. Н.* Письмо Е. В. Барсову от 1 марта 1873 года // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М., 1984. Т. 18. Письма 1842–1884.
- Шидловский А. Ф.* Библиографический указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере и опись старых дел Архангельского губернского правления с 1710–1725 г. // Петр Великий на Севере: сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. Паг. 4-я. С. 1–66.
- Штелин Я.* Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом, изображающия истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества, собранныя в течение сорока лет действительным сатским советником Яковом Штелином / [пер. с нем. Т. П. Кирияк]. СПб., 1786. 386 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / [пер. с нем. К. Рембовский]. М., 1786. 632 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / [пер. с нем. К. Рембовский]. Изд. 2-е. М., 1787. 620 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / [пер. с нем. К. Рембовский]. Изд. 3-е. М., 1787. 615 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / [пер. с нем. К. Рембовский]. – Изд. 4-е, пересмотр., вновь исправ. и умноженное. М., 1793. 616 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге и извлеченные из забвения Яковом фон Штелиным. Ныне же вновь переведенные с немецкого на российский язык с прибавлением многих других на российском языке не изданных анекдотов. М., 1793–1800. Ч. 1. 1800. 327 с.; Ч. 2. 1793. 267 с.
- Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen: Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau u. Petersburg vernommen, u. der Vergessenheit entrissen. Breitkopf, 1785. 444 S.

References

- Arsen'ev F.A. Petr Velikij v Vologde i na Severe Rossii // *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 1879. № 97, 100; 1889. № 5, 6 (otd. ott.: Vologda., 1880. 38 p.)
- Balandin T.V. «Petrozavodskie severnye vechernie besedy» i drugie sochineniya i pis'ma / Sost. i otv. red. A.V. Pigin. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2016. 383 p.
- Barsov E.V. Petr Velikij v narodnyh predaniyah Severnogo kraja, sobrannyh E.V. Barsovim. Chitano v publichnom zasedanii Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti // *Beseda*. 1872. № 5. Pp. 295–309 (otd. ott.: M., 1872. 17 p.).
- Bokareva O.B. Kolomenskoe // *Doma i domiki Petra I* / Glav. red. i sost. V.V. Yakovlev. SPb., 2015. Pp. 249–255.
- Golikov I.I. Dopolneniya k deyaniam Petra Velikogo. Anekdoty, kasayushchiesya do sego velikogo gosudarya. M., 1796. T. 17. XIII, 464, [3] p.
- Golikov I.I. Anekdoty, kasayushchiesya do gosudarya imperatora Petra Velikago, sobrannye Ivanom Golikovym. Izd. 2-e, ispr., dop. i umnozh. M., 1798. [2], XV, [1], 535, [1] p.
- Golikov I.I. Anekdoty, kasayushchiesya do gosudarya imperatora Petra Velikogo, sobrannye Ivanom Golikovym. 3-e izd., ispr., dop. i umnozh. M., 1807. XVI, 535 p.
- Gostev I.M. Obetnyj krest Petra Velikogo // *Mir muzeya*. 2016. № 7. Pp. 30–33.
- Grandilevskij A.K. Vavchuga, Bazheniny i pamyat' o Petre Velikom, svyazannaya s nimi // *Petr Velikij na Severe: sbornik statej i ukazov, otnosyashchihsy k deyatelnosti Petra I na Severe* / pod red. A.F. Shidlovskogo. Arhangel'sk, 1909. Pag. 2-ya. Pp. 100–128.
- Domik Petra Velikogo v Vologde. SPb., 1887. [2], 30 p.
- Ivanov A.I. Imperator Petr Velikij i deyatelnost' ego na Olonce: istoricheskij ocherk dlya naroda // *Oloneckie gubernskie vedomosti*. 1872. № 61, 62; 1873. № 47–49 (otd. ott.: Petrozavodsk, 1873. 39 p.).
- Ivanov A.I. Petr Velikij na Olonce // *Pamiatnaia knizhka Oloneckoi gubernii na 1858 god*. SPb., 1858. Pag. 3-ya. Pp. 98–114.
- Kapusta L.I. Pervyj rossijskij kurort Marcial'nye vody. Petrozavodsk: Periodica, 2019. 127, [1] p., il.
- Kert G.M., Mamontova N.N. Zagadki karel'skoj toponimiki. Petrozavodsk: Kareliya, 2007. 118 p.
- Krinichnaya N.A. Predaniya Russkogo Severa. SPb.: Nauka, SPb. otdelenie, 1991. 325, [2] p., il.
- Kut'kov N.P. Plany Marcial'nyh vod konca XVIII veka i novye dannye o cerkvi Pervoverhovnogo apostola Petra // *Kraeved. 10 let: sbornik statej*. Petrozavodsk, 1999. Pp. 98–101.
- Legendy. Predaniya. Byval'shchiny / sost., podgot. tekstov, vstup. st. i primech. N.A. Krinichnoj. M.: Sovremennik, 1989. 286, [1] p.
- Lukomskij G.K. Vologda v ee starine. Vologda, [1991?]. 362, [2] p. [reprint izd: SPb., 1914. 360 sp.].
- Majkov A.N. Skazanie o Petre Velikom v predaniyah Severnogo kraja // Majkov A.N. Sochineniya v 2-h tomah. M.: Pravda, 1984. T. 1. Pp. 459–461.
- Megorskij V.P. Osudareva doroga (bibliograficheskie spravki) // *Oloneckie gubernskie vedomosti*. 1902. № 119, 132, 134, 136, 142; 1903. № 9, 13, 15, 17–19, 21–23, 29 (otd. ott: Petrozavodsk, 1903.– 80 p.).
- Megorskij V.P. Osudareva doroga // *Voennyj sbornik*. 1903. № 8. Pp. 221–242.
- Megorskij V.P. Osudareva doroga // *Pamyatnaya knizhka Oloneckoj gubernii na 1906 god*. Petrozavodsk, 1906. Pag. 2-ya. Pp. 223–344).
- Narodnaya proza: [sb. / sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. S.N. Azbeleva]. M.: Sov. Rossiya, 1992. 601, [1] p.
- Naumova N.D., Kvashnina G.A. Domik Petra I v Kolomenskom. M., 1990. 27, [3] p.

- Nikulin S.A., Pashkov A.M., Shelekhov A.M. Petrovskaya epoha v istoricheskoy pamyati i toponimakh Karelii // Sever. 2022. № 1–2 (in print).
- O vysochajshih prishestviyah velikogo gosudarya, carya i velikogo knyazyza Petra Alekseevicha, vseya Velikie i Malye i Belye Rossii samodержца, iz carstvuyushchego grada Moskvy na Dvinu, k Arhangel'skomu gorodu, troekratno byvshih; o nahozhdenii shvedskih nepriyatel'skih korablej, na tu zhe Dvinu, k Arhangel'skomu gorodu; o zachatii Novodvinskoj kreposti i o osv'yashchenii novogo hrama v sej kreposti. M., 1783. 112 p.
- Ogorodnikov S.F. Pamyati Petra Velikogo // *Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1909. № 4. Pp. 3–10.
- Ogorodnikov S.F. Petr Velikij v Arhangel'ske i plody prebyvaniya ego na nashem Severe // *Arhangel'skie gubernskie vedomosti*. 1872. № 34–39 (otd. ott.: Arhangel'sk, 1872. 71 p.).
- Pashkov A.M. Pamyatnik Petru I // *Petrovskie pamyatniki Rossii. Svod istoricheskikh i memorial'nyh pamyatnikov Rossijskoj Federacii petrovskogo vremeni* / Red.-sost. A.V. Kobak, N.L. Korsakova, nauch. red. E.V. Anisimov. SPb., 2010. Ch. 1. Pp. 268–270.
- Pashkov A.M. Poklonnyj krest 1725 goda – pamyatnik petrovskoj epohi v Petrozavodske // *Arheografiya muzejnogo predmeta. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moskva, 16–17 marta 2012 g. M., 2012. Pp. 140–143.
- Pashkov A.M. Pomor Antip Panov v istoricheskoy pamyati rossijskogo obshchestva // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki»*. Arhangel'sk, 2021. T. 21. № 3. Pp. 15–26. DOI: 10.37482/2687–1505-V099.
- Petr Velikij na Severe: sbornik statej i ukazov, odnosyashchihsya k deyatel'nosti Petra I na Severe / pod red. A.F. Shidlovskogo. Arhangel'sk, 1909. [4], 166, [1], 66 p.
- Petr Velikij: Predaniya. Legendy. Anekdoty. Skazki. Pesni / sost., podgot. teksta, vstup. st. i primech. B.N. Putilova. SPb.: Pal'mira, 2018. 334, [2] p.
- Petr I: predaniya, legendy, skazki i anekdoty / sost. I. Rajkova. M.: Izd-vo Sabashnikovyh, 1993. 219, [2] p.
- Petrovskie pamyatniki Rossii. Svod istoricheskikh i memorial'nyh pamyatnikov Rossijskoj Federacii petrovskogo vremeni / Red.-sost. A.V. Kobak, N.L. Korsakova, nauch. red. E.V. Anisimov. SPb.: Evropejskij dom, 2010. Ch. 1. 440 p.
- Severnye predaniya: Belomorsko-Obonezhskij region / izd. podgot. N.A. Krinichnaya; otv. red. S.N. Azbelev. L.: Nauka, 1978. 254 p.
- Sidorov M.K. Kartiny iz deyanij Petra Velikogo na Severe. SPb., 1872. XII, 175 p.
- [Suvorov N.I.] Vospominanie o prebyvanii Petra Velikogo v Vologde // *Vologodskie eparhial'nye vedomosti*. 1872. № 12. Pp. 334–341.
- Suvorov N.I. Istoricheskie svedeniya ob ierarhah Drevne-Permskoj i Vologodskoj eparhii // *Vologodskie eparhial'nye vedomosti*. 1866. № 7. Pp. 243–257.
- Suvorov N.I. K istorii g. Vologdy, o prebyvanii v Vologde carstvennyh osob i drugih zamechatel'nyh lic istoricheskikh // *Vologodskie eparhial'nye vedomosti*. 1867. № 10. Pp. 346–357.
- Suvorov N.I. O poseshcheniyah goroda Vologdy Petrom Velikim [v 1692, 1693, 1694, 1702, 1724 gg.] // *Pamyatnaya knizhka Vologodskoj gubernii na 1860 god*. Vologda, 1860. Pag. 5-ya. Pp. 3–32.
- Tereshchuk A.V., Danchenko V.G. Vologda // *Doma i domiki Petra I* / Glav. red. i sost. V.V. Yakovlev. SPb., 2015. Pp. 47–59.
- Teterevleva T.P., Shurupova E.E. Petr I v Arhangel'ske: osobennosti monumental'noj kommemoracii // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. T. 43. № 6. Pp. 107–114. DOI: 10/15393/uchz.art.2021.663.

- Tolstoj L. N. Pis'mo E. V. Barsovu ot 1 marta 1873 goda // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij v 22 tomah. M., 1984. T. 18. Pis'ma 1842–1884.
- Shidlovskij A. F. Bibliograficheskij ukazatel' literatury o deyatel'nosti Petra Velikogo na Severe i opis' staryh del Arhangel'skogo gubernskogo pravleniya s 1710–1725 g. // *Petr Velikij na Severe: sbornik statej i ukazov, otnosyashchih'sya k deyatel'nosti Petra I na Severe* / pod red. A. F. Shidlovskogo. Arhangel'sk, 1909. Pag. 4-ya. Pp. 1–66.
- Shtelin Ya. Lyubopytnyya i dostopamyatnyya skazaniya o imperatore Petre Velikom, izobrazhayushchiya istinnoe svojstvo sego premudrago gosudarya i otca otechestva, sobrannyya v techenie soroka let dejstvitel'nyh statskim sovetnikom Yakovom Shtelinom / [per. s nem. T. P. Kiriyak]. SPb., 1786. 386 p.
- Shtelin Ya. Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannyye iz ust znatnyh osob v Moskve i Sankt-Peterburge / [per. s nem. K. Rembovskij]. M., 1786. 632 p.
- Shtelin Ya. Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannyye iz ust znatnyh osob v Moskve i Sankt-Peterburge / [per. s nem. K. Rembovskij]. Izd. 2-e. M., 1787. 620 p.
- Shtelin Ya. Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannyye iz ust znatnyh osob v Moskve i Sankt-Peterburge / [per. s nem. K. Rembovskij]. Izd. 3-e. M., 1787. 615 p.
- Shtelin Ya. Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannyye iz ust znatnyh osob v Moskve i Sankt-Peterburge / [per. s nem. K. Rembovskij]. – Izd. 4-e, peresmotr., vnov' isprav. i umnozhennoe. M., 1793. 616 p.
- Shtelin Ya. Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannyye iz ust znatnyh osob v Moskve i Sankt-Peterburge i izvlechennyye iz zabveniya Yakovom fon Shtelinym. Nyne zhe vnov' prevedennyye s nemeckogo na rossijskij yazyk s pribavleniem mnogih drugih na rossijskom yazyke ne izdannyyh anekdotov. M., 1793–1800. Ch. 1. 1800. 327 s.; Ch. 2. 1793. 267 p.
- Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen: Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau u. Petersburg vernommen, u. der Vergessenheit entrissen. Breitkopf, 1785. 444 S.

Alexandre M. Pashkov

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

PETER I IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA INHABITANTS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42034.

The article is devoted to the process of formation and development of historical memory of Peter the Great and his period of the European North of Russia population (Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces) in pre-1917 period. The author considers four forms of this historical memory existence: the existence of folk legends about Peter the Great, activities of local historians – researchers of the Peter the Great times, identification and preservation of artifacts of the Peter the Great era and the installation of monuments to Peter the Great.

It is concluded that in the Russian North, the image of Peter I was perceived by the mass consciousness more positively than, say, in the southern regions. This can be explained by the fact that Peter's activity in the North had a more positive meaning, as well as by the peculiarities of the northern mentality.

Keywords: *Peter I, Historical memory, European North of Russia, historical legends, memory locations, local history.*

А.Ю. Петров
Институт всеобщей истории РАН, Московский государственный
лингвистический университет, Москва, Россия

Петр I и открытие Америки: современный научный взгляд на освоение Азиатско-Тихоокеанского региона*

Автор рассматривает причины формирования интереса российского правительства к исследованию тихоокеанских рубежей России в начале XVIII в. В центре внимания — связанные с изучением севера Тихого океана экспедиции, которые были организованы по личному распоряжению Петра Первого под руководством И. М. Евреинова, Ф. Ф. Лужина, И. П. Козыревского, Я. А. Ельчина до Первой Камчатской экспедиции. Особое внимание уделяется инструкции Петра Первого Витусу Берингу как кульминационному моменту предшествовавшего полномасштабного освоения севера Тихого океана со стороны России. Выявлены причины формирования интереса правительства к восточным окраинам России, которые заключались в имперском статусе страны и ее международном положении.

Ключевые слова: Петр Первый, XVIII в., Тихий океан, Америка, экспедиции, Российская империя

В 2022 году исполняется 350 лет со дня рождения Петра I. Эпоха первого российского императора до сих пор актуальна по многим направлениям. Для нас одним из таких направлений стало изучение идей Петра I по развитию Российской империи на востоке страны и выходу к Америке.

Контакты голландского географа Николаса Витсена и Петра I доказывают не только то, что российские власти в конце XVII в. знали о наличии пролива между Азией и Америкой, но и то, что у них в период правления Петра проявился интерес к заокеанским землям, находящимся восточнее Камчатки. Между тем, к началу XVIII в. территории на северо-западе Тихого океана оставались еще не освоенными. В процессе освоения русскими промышленниками ближайших к Камчатке островов возникло убеждение в существовании богатого пушниной региона к югу от них. Географические открытия, помимо расширения научных знаний, напрямую могли способствовать образованию «заморских» колониальных владений. Это, в свою очередь, способствовало бы усилению международного положения страны и закреплению за ней имперского статуса.

На формирование интереса российского правительства к исследованию тихоокеанских рубежей в начале XVIII в. оказали влияние стремление

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-42044.

к расширению территории государства, научные исследования, экономические выгоды, развитие торговых отношений, усиление позиций в Тихоокеанском регионе, личность Петра I и др. В странах Европы также наблюдался рост интереса к восточным берегам Российской империи. В 1716 г. Парижская академия наук обратилась к Петру I с просьбой о пропуске своих ученых в Сибирь для изучения взаиморасположения Азии и Северной Америки. Он отказал им в просьбе, пообещав при этом, что Россия сама осуществит это исследование, а французским ученым затем сообщат интересующие их данные [Ваксель, с. 23].

24 апреля 1713 г. Ф.С. Салтыков обратился с посланием к Петру I с предложением построить суда и по сибирским рекам добраться до Тихого океана. Он предполагал, что можно построить в устье Енисея корабли, на которых вполне возможно обогнуть северо-восточную оконечность Азии и выйти из Ледовитого океана в Тихий. Далее корабли могли добраться до самого Китая. По мнению Салтыкова, это могло способствовать развитию морской торговли с Поднебесной, что было весьма выгодно для России. Предполагалась и возможность отправления судов в Европу для торговли лесом¹.

Вскоре Салтыков подготовил подробный проект, который был представлен царю в 1714 г. Салтыков предложил план по поиску и использованию морского пути от Архангельска в Тихий океан. По его мнению, для этого было необходимо построить морские суда в Архангельске и сибирских городах и изучить выходы к морям через реки Амур и Енисей. Он полагал, что в этом случае можно было составить конкуренцию западным торговым компаниям в Китае и других восточных странах². Обращает на себя внимание, что Ф.С. Салтыков был убежден в том, что пролив между Азией и Америкой существует и является вполне судоходным.

С этого времени власти предпринимают реальные шаги по изучению морских путей на Дальнем Востоке России. Благодаря походам Атласова стал хорошо известен сухопутный путь с Чукотки на Камчатку, но морского пути русские в то время еще не знали. Чтобы выяснить его, Петр Первый в 1713 г. дал указ якутскому воеводе полковнику Якову Агеевичу Ельчину об организации морской экспедиции. На основе этого указа в июле 1714 г. воевода составил наказную память служилому человеку Козьме Соколову, мореходу Якову Невейцыну и пятидесятнику М. Кривоносову об организации похода на Камчатку. Им следовало идти по рекам из Якутска до Охотского острога, а затем через Ламское (Охотское) море на Камчатский нос,

¹ Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П.Н. Тиханова. СПб.: Общество любителей древности, 1891. С. 28–29.

² Из записки Ф.С. Салтыкова «Изъявления прибыточныя государству» Петру I о поисках морского пути от Архангельска в Тихий океан. 1714 г. // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. док. М.: Наука, 1984. С. 22–24.

где надлежало получить сведения от государевых людей, а затем вернуться тем же путем. Одновременно указывалось собирать информацию о новых островах, которые могли встретиться им во время плавания³.

Подготовка плаваний проходила в условиях становления российского колониального права. Для начала XVIII в. характерно отсутствие свода законов, которые бы регулировали приобретение и освоение новых территорий (основную роль здесь играли право первооткрытия и первозаселения), их включение в экономический оборот, порядок организации и функционирования торговых (купеческих) компаний и предоставление льгот отдельным купцам. [Петров, Савельев, Климент, с. 101–112].

Выполняя царский указ, К. Соколов вместе с командой отправился в тот же месяц из Якутска в Охотск. Главным результатом похода «Востока» стало открытие морского пути из Охотска на Камчатку [Алексеев, с. 28–32].

В 1715 г. Ельчин составил подробное донесение, адресованное в Кабинет Петра I, с изложением обстоятельств похода И. Козыревского.

Вскоре сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин решил организовать более масштабные исследования Тихоокеанского побережья России, которые позднее получили название «Большой камчатский наряд». Соответствующий указ был подписан 12 июля 1716 г.

Выполняя распоряжение сибирского губернатора, Ельчин провел большую работу по подбору участников экспедиции, ее материальному обеспечению и постройке необходимых судов⁴ Летом 1718 г. большая часть участников отправилась из Якутска в Охотск по новому пути, который проходил сначала по реке Лене, потом по рекам Алдан, Мая и Юдома. Далее был выход к реке Урак и далее вниз по течению до Охотска.

Неожиданно в июле 1718 г. руководитель экспедиции Ельчин был вызван в Тобольск к князю Гагарину. Оказалось, что на него был составлен доклад, и сибирский губернатор вызвал его для личных объяснений. Позднее Ельчина отдали под суд в Петербурге.

В то время, пока еще «Большой Камчатский наряд» только набирал свой ход, в Санкт-Петербурге продолжали строить планы по дальнейшему изучению Сибири и Тихого океана. К проектам были подключены Адмиралтейств-коллегия и Морская академия. В 1718 г. для отправки в Сибирь были подготовлены два геодезиста – Федор Федорович Лужин и Иван Михайлович Евреинов⁵.

³ Наказная память якутского воеводы полковника Я.А. Ельчина служилому человеку К. Соколову, кормщику Я.В. Невейщину, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и описании открытых земель. 3 июля 1714 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в.: в 2 кн. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. С. 37–40.

⁴ Ведение начальника Большого Камчатского наряда Я.А. Ельчина якутскому воеводе И.В. Ракитину об обеспечении экспедиции всем необходимым, 6 сентября 1717 г. // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. док. М.: Наука, 1984. С. 29–30; [Сгибнев, 1868, с. 131–133].

⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 162. Л. 225.

В январе 1719 г. Петр I дал геодезистам собственную инструкцию. Поскольку она демонстрирует позицию царя по важнейшему для нас вопросу о формировании интереса России к Тихому океану, приведем ее текст полностью:

«Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить. А об отправлении вашем от Тобольска и даче подвод и провожатых и протчаго, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к ландратам и прочим управителям указ послан»⁶.

Представляется, что, кроме указанной инструкции, имелся еще документ. Об этом прямо сказано в самой инструкции: «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано» (курсив наш. — А. П.). Из этой фразы видно, что, помимо данной инструкции, была еще одна, в которой были определены задачи исследования после того, как геодезисты прибудут на Камчатку. Возможно, эта негласная инструкция была дана лично Петром I Лужину и Евреинову в устной форме, или они получили ее, будучи уже на Камчатке, а возможно, она была ими прочитана и уничтожена, что было характерно для того времени.

Добавим, что с утверждением о том, что имелась еще одна секретная инструкция, согласны практически все исследователи. Исходя из этого факта, с большой долей уверенности можно утверждать, что поиски пролива между Америкой и Азией были не главной задачей экспедиции, а, как минимум, второстепенной или вообще отвлекающей. Иначе невозможно объяснить наличие этой самой секретной инструкции. Поэтому решить проблему, что же все-таки было предписано царем Евреинову и Лужину, можно только из анализа их собственной деятельности.

Однако подробных сведений об этой экспедиции нам пока не удалось выявить. В опубликованной «сказке» Ф.Ф. Лужина кратко описан лишь сухопутный маршрут экспедиции от Якутска до Камчатки и обратно до Якутска и Тары. Весь морской маршрут этой экспедиции описан буквально двумя фразами: «из Большерецкого острогу пошли в море на острова прошлого 721 году мая 22 числа. Назад возвратились в Большерецкий острог июня в последних числах»⁷. Лужин не указал даже названия островов, на которые они вместе с Евреиновым совершили плавание! Такая скудность в описании экспедиции подтверждает тот факт, что у геодезистов имелась еще одна инструкция, которую они выполняли. Из сказки Лужина ясно только то, что они плавали на острова в мае — июне 1721 г. Все остальные сведения об этой экспедиции можно почерпнуть только из труда Миллера, который лично беседовал с одним из моряков, участвовавших в плавании.

⁶ ПСЗ. Т. V. № 3266. С. 607.

⁷ РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 52.

Матрос Генрих Буш сообщил Миллеру, что Евреинов и Лужин ходили на Курильские острова, дошли до пятого острова, который может быть и шестым, так как Буш сказал, что мог ошибаться. Потом геодезисты решили пристать к острову, но из-за каменистого дна потеряли все четыре якоря и вынуждены были вернуться на Камчатку. Тем же летом 1721 г. они вернулись в Охотск. В сентябре того же года они оба были в Якутске, причем о проделанных ими исследованиях никому ничего не объяснили. Евреинов оставил своего товарища в Сибири, а сам поспешил в Россию с личным докладом Петру I. Петр I принял доклад геодезиста и остался им очень доволен. Он также получил от Евреинова карту Курильских островов, на которой впервые была изображена северная часть гряды, составленная с помощью геодезических инструментов. [Ефимов, 1950].

С конца XVII в. Петр I более склонялся к мысли о существовании морского пролива, разделяющего Америку и Азию, но, несмотря на сведения, полученные им в результате плаваний второй половины XVII в. – 1722 г., не был абсолютно убежден, что этот вопрос окончательно решен.

6 января 1725 года император Петр I написал собственноручную инструкцию В. Берингу, в которой сформулированы цели и задачи Первой Камчатской экспедиции. Подлинный текст этого документа до сих пор не найден. Текст инструкции был воспроизведен В. Берингом в его отчетах и рапортах. Позднее он был опубликован в Полном собрании законов Российской империи. Ввиду особой важности документа, приведем текст инструкции полностью:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной ... называют, и взять на письмо, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды»⁸.

Петр I располагал сведениями из отечественных и зарубежных источников об очертаниях суши и воды на Дальнем Востоке и северо-западе Тихого океана. Расплывчатая позиция представителей Адмиралтейств-коллегии, а также имеющиеся у Петра I карты из Западной Европы, подготовленные на основе более передовых математических и астрономических вычислений, создали питательную среду для сомнений русского императора. Поэтому, посылая экспедицию Беринга, он ставил перед ней задачи поиска

⁸ ПСЗ. Т. VII. № 4649. С. 413.

пролива между континентами, открытие Америки и определение пути к ее европейским владениям. Император писал именно о европейских владениях, а не только и не столько испанских, подразумевая тем самым колонии Англии и Франции. Поскольку владения этих государств находились на восточном побережье Северной Америки, значит Петр I предполагал пройти морским путем вокруг континента, что могло означать, что экспедиция должна была установить морское сообщение из Тихого в Атлантический океан. Нартов писал, что царь давно помышлял о поисках «дороги через Ледовитое море в Китай и Индию».

Беринг, его спутники, а также представители органов государственной власти Российской империи полагали, что решать поставленные задачи нужно на севере, поэтому именно туда и отправилась Первая Камчатская экспедиция. Установив наличие прохода между материками, Беринг не выполнил главную часть инструкции – не вышел к Америке, не высадился на берег, не составил карты и не дошел до европейских владений. Поэтому, вернувшись в Санкт-Петербург, он выступил с инициативой организации новой, более масштабной экспедиции. Правительство поддержало его идею. Так возникла Вторая Камчатская экспедиция, которая смогла решить важнейшую задачу, поставленную Петром I еще в 1725 году – найти путь в Америку. На эту же задачу указывали и в Адмиралтейств-коллегии: «искание где б Камчатская земля с Америкою сошлась».

Первая Камчатская экспедиция под руководством датчанина на русской службе – Витуса Беринга – стала кульминацией всех предшествующих ей открытий и впитала в себя все лучшее и передовое, свойственное Петровской эпохе, при этом с опорой на достижения многих, безвестных простых служилых казаков, поморов, сибирских крестьян, зачатую ценою своих жизней, проложивших первые тропы к Тихому океану. Каждый пункт инструкции Петра I – это отдельное задание, а все вместе они составляют направление дальневосточной политики государства.

Литература

- Алексеев А.И.* Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск: Кн. изд-во, 1958. 158 с.
- Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / пер. с рукописи на нем. яз. Ю.И. Бронштейна; под ред. и с предисл. А.И. Андреева. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 176 с.
- Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах: XVII – первая половина XVIII в. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 317 с.
- Петров А.Ю., Савельев И.В., Климент, митр.* Становление колониального права // Российская история. 2015. № 4. С. 101–112.
- Сгибнев А.С.* Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина) // Морской сборник. 1868. № 12. 131–139 с.

References

- Alekseev A.I. Okhotsk – kolybel' russkogo Tikhookeanskogo flota [Okhotsk is the cradle of the Russian Pacific Fleet]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 158 p.
- Efimov A.V. Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytii v Severnom Ledovitom i Tikhom okeanakh. XVII – pervaya polovina XVIII vv. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1950. 317 p.
- Petrov A. Yu., Saveliev I.V., Kliment, mitr. Stanovlenie kolonial'nogo praga // *Rossiiskaya istoria*. 2015. № 4. Pp. 101–112.
- Sgibnev A.S. Bol'shoi Kamchatskii naryad (ekspeditsiya El'china) // *Morskoj sbornik*. 1868. № 12. Pp. 131–139.
- Waxel S. Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya Vitusa Beringa. Leningrad, Moskva: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1940. 176 p.

Aleksandr Yu. Petrov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow State
Linguistic University, Moscow, Russia*

PETER THE GREAT AND DISCOVERY OF AMERICA: THE MODERN SCIENTIFIC APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE ASIA-PACIFIC REGION

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42044.

The author examines the reasons for the formation of the interest of the Russian government in the study of the Pacific frontiers of Russia at the beginning of the 18th century. The focus is on the analysis of the expeditions that were organized on the personal order of Peter the Great. These are expeditions led by I.M. Evreinov, F.F. Luzhin, I.P. Kozyrevsky, Ya.A. Yelchin, associated with the study of the north of the Pacific Ocean, organized before the First Kamchatka Expedition. Particular attention is paid to the instructions of Peter the Great to Vitus Bering as the culminating point of the previous full-scale development of the North Pacific Ocean by Russia. Revealed the reasons for the formation of government interest in the eastern outskirts of Russia, which consisted in the imperial status of the country and its international position.

Keywords: *Peter the Great, XVIII century, Pacific Ocean, America, expeditions, Russian Empire.*

Восточная политика Петра I и Джунгарское ханство

После Полтавской победы началась новая эпоха в восточной политике Петра I. В 1715 г. для поиска золота Петр I отправил экспедицию Ивана Бухольца по р. Иртыш в земли Джунгарии. К 1720 г. в результате экспедиций Бухольца, Ступина и Лихарева на р. Иртыш были построены 5 русских крепостей. 18 декабря 1716 г. Петр I направил грамоту контайше и отмечал, что Джунгария находится на российских землях, но государь, оказывая милость контайше, готов оставить ойратов на старых землях и даже защищать их от других народов.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, контайша, экспедиция, слободы, губерния, драгуны, солдаты

В конце XVII–XVIII вв. на юге Западной Сибири отряды кочевников совершали крупные набеги на население русских уездов. В 90-е гг. XVII в. отряды Казачьей орды впервые вышли к территории Сибири и совершили ряд набегов на русские слободы. Главный удар кочевников был нанесен по слободам р. Тобола. Причинами казахских набегов на Зауралье являлись ойрато-казахские противоречия в Средней и Центральной Азии, резко обострившиеся к 80-м годам XVII в. В результате серии походов контайши Джунгарии Галдана в 1681–1685 гг. ойраты изгнали казахов из восточного Туркестана. Джунгарское ханство – воинственное государство ойратов – было важным партнером России в Сибири XVII – первой половине XVIII в. В 1700 г. киргизы и «улусные люди» контайши организовали ряд крупных набегов на южные территории Томского и Кузнецкого уездов. В сентябре 1700 г. 1 500 киргизов и ойратов в течение десяти дней вели осаду уездного города Кузнецка. Однако знать Джунгарии не поддержала это наступление на русский уезд, и осаду пришлось закончить¹.

В 1704 г. из Томска в киргизскую землю были отправлены две партии служилых людей, которые разбили киргизов и привели в город несколько сотен пленных людей. В результате для прекращения конфликтов с русскими джунгары выселили киргизов из Енисейского края². В августе 1709 крупный отряд джунгар вышел под Кузнецк, разоряя русские деревни. Служилые люди города в бою 23 августа разбили кочевников, побив 300 джунгар.

¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 98–100.

² Там же. Л. 109–116.

В 1710 г. отряд джунгар разорил Кузнецкий уезд и захватил Бикатунскую крепость, построенную по указу царя в 1708 г. [Акишин, с. 106]

После Полтавской победы началась новая эпоха в восточной политике Петра I, который стремился на Востоке найти ресурсы для реформ и активной внешней политики Русского государства в Европе. По мнению С.М. Соловьева, Петр I хотел, чтобы Россия стала главным посредником в торговле между странами Востока и Европой [Соловьев, с. 345]. В этих целях императором были предприняты военные экспедиции в Азию 1715–1717 гг., Персидский поход 1722–1723 гг., экспедиция на Мадагаскар 1723–1724 гг., экспедиция Беринга на Тихом океане [Анисимов, с. 385–398; Копелев, с. 91]. В 1713 г. один из сподвижников Петра I Федор Степанович Салтыков, представитель старого боярского рода, который в 1712–1715 гг. служил в Англии в качестве русского агента, выполняя различные поручения царя, обратился к Петру с проектом активной внешней политики на юге Сибири. Надо отметить, что отец Федора Салтыкова, боярин Степан Иванович Салтыков, в 1690–1692 гг. служил воеводой Тобольского разряда. С отцом в Сибири в это время служил и его сын стольник Федор Степанович Салтыков как товарищ воеводы Тобольска, благодаря этому хорошо узнавший Сибирь³ [Павлов-Сильванский, с. 11]. Позднее Федор Салтыков был послан царем учиться корабельному делу в Англию, был назначен воеводой Азова, служил гвардейским офицером, выполнял секретные дипломатические поручения царя, а позднее в России был корабельным мастером.

В записке государю Ф.С. Салтыков советовал строить корабли на р. Енисей для географических открытий в океане до р. Амура и плавания купечества в Китай и «в другие острова». На юге Сибири и Урала – на вершинах р. Иртыша и Яика – Ф.С. Салтыков предложил строить крепости для подчинения степи между Китаем и Бухарией и организации торговых связей с городами Средней Азии – Бухарией, Еркетью (Яркендом) и Турфаном, чтобы разведать их силы, а позднее «мочно будет теми государствами и овладеть» [Павлов-Сильванский, с. 46].

В это время Петр I получил и доклад первого губернатора Сибири М.П. Гагарина о золотых рудниках около города Эркет. М.П. Гагарин писал, что узнал о добыче золота в Азии от бухарцев, приехавших в Тобольск для торговли, которые и сообщили ему, что золото промышляют под городом Эркетом. В 1713 г. Гагарин направил из Тобольска дворянина Федора Трушникова для разведки «промысла золота» в Джунгарии до китайского города Селима. 27 февраля 1715 г. Федор Трушников прибыл из далекого путешествия в русский город Селенгинск, и вывез 200 лан золота или 22 фунта русского веса.

22 мая 1714 г., когда готовился поход русского флота из Кронштадта к берегам Финляндии, Петр Великий на доношении Гагарина своей рукой на-

³ Древняя российская виблиофика. М., 1788. С. 275–280.

писал приказ: «Построить город у Ямыша озера; а буде можно, и выше построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут, и от того идти далее до города Эркети, и оным искать овладеть». Петр I поручил руководство экспедицией одному из своих старых сподвижников капитану гвардии, подполковнику Ивану Бухольцу. Губернатор Гагарин писал в Сенат, что «по имянному Его царского величества указу определен в Сибирскую губернию подполковник Бухолц для строения новых городов»⁴.

Образование Сибирской губернии стало началом новых реформ на громадном пространстве востока России. К 1703 г. Сибири служили 32 дворянина, 786 детей боярских, 2374 конных казака, 6022 пеших казака, 1000 драгун, 28 беломестных казаков, 75 пушкарей, 477 служилых татар – всего 10884 человек «старых служб»⁵. После Полтавской битвы правительство Петра I занялось созданием системы гарнизонных войск во всей России. В 1711 г. было составлено расписание полков полевой армии, а в 1712 г. гарнизонных войск. В эпоху Петра I гарнизонные полки стали основой военных сил Сибирской губернии. В Сибирской губернии были сформированы 1 драгунский и 2 пехотных гарнизонных полка. Формирование гарнизонных полков в Сибирской губернии происходило при подготовке экспедиции Ивана Бухольца, посланного царем для поиска золота на р. Иртыш. По данным Черепановской летописи, Бухольц приехал в Тобольск 13 ноября 1714 г. и был, как он позднее отмечал, «без команды» по 9 января 1715 г. В январе 1715 г. в Тобольске были собраны рекруты, и началось обучение. В результате, только в июле 1715 г. Бухольц отправился в экспедицию на р. Иртыш⁶.

В январе 1715 г. Бухольц принял в команду всего 495 человек. Губернатор приказал набрать остальных рекрутов из городов и слобод Сибири. Зимой и весной 1715 г. Бухольц принимал рекрутов, взятых губернскими властями и начал учить их воинским упражнениям. Бухольц принял в Тобольске драгун и солдат, подготовка которых вызвала его критику – «таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали, и с негодным ружьем, у них же ни палашей, ни лядунок, ни партупеев, ни перевезей и ничего воинского не было»⁷. В Тобольске, по данным Бухольца, не было даже пушек, годных в поход, станков и другой амуниции.

В 1715 г. Бухольц писал царю, что «пушек в Тобольске годных к походу, кроме 2 нет, и то без станков, а ружье, с которым я принял людей в Тобольске, у господина губернатора все не годно без штыков и палашей»⁸. В Тобольске Бухольцу не удалось получить от Гагарина более точные данные о цели похода – географическом положении золотых рудников на Эркети.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 50.

⁵ РГАДА. Ф. 24, Д. 1. Л. 13.

⁶ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 152.

⁷ РГАДА. Ф. 9. Р. 23. Л. 32.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 59.

Бухольц жаловался, что Гагарин так и не дал ему точных данных о золоте в районе Эркета, опрашивал тобольских жителей, которые бывали в Эркете, но и они не знали «о том золоте подлинно»⁹.

К июню 1715 г. в отряд удалось собрать 28 пушек, 2 тыс. гранат, 9 тыс. ядер, 99 мушкетонов, 2 500 фузей, 2 000 палашей, 1 230 копей рогаток, 21 знамя, 44 барабанов, 64 алебард, 64 пик капральских, 164 шапок гренадерских, 440 кафтанов васильковых, 1 000 кафтанов красных, 954 кафтанов зеленых, 382 камзолов васильковых, 944 камзолов красных, 86 штанов васильковых, 402 штанов красных. В отряде не хватало кафтанов, картузов, сапог.

30 июня 1715 г. отряд Бухольца выступил из Тобольска¹⁰. Отряд отправился на 32 дощениках и 27 больших лодках. К экспедиции присоединились еще 12 торговых дощеников. 24 июля отряд пришел к Таре, где дождался подкреплений из новых драгун, набранных в слободах. Из Тары в отряде Бухольца на юг отправилось 2 795 человек войска всякого чину людей¹¹. На Таре отряд получил 1 500 лошадей, на которых Бухольц посадил драгун и отправил верхом для защиты экспедиции от набегов. Кроме того, около тысячи офицеров и рядовых имели при себе собственных лошадей. В августе 1715 г. в экспедиции Бухольца служили 1 056 человек Санкт-Петербургского гарнизонного полка, 1 067 человек Московского гарнизонного полка, 604 драгун, 70 артиллеристов, всего 2 797 офицеров и солдат¹².

По данным Бухольца, 1 октября отряд прибыл к озеру Ямыш, а 29 октября была заложена русская крепость, которую быстро удалось построить. Однако обстановка на юге Сибири была сложная. Около озера Ямыш кочевали ойраты численностью в 10 тысяч человек. Бухольц писал, что если к его отряду не прибавить войска, то нельзя будет идти дальше и просил царского указа о прибавке войск¹³.

По данным Черепановской летописи, Ямышевская крепость была основана на расстоянии 1 143 верст от Тобольска по р. Иртыш. Было мало леса, пришлось использовать на строение несколько дощеников. Земляной вал крепости был построен за 13 дней: с 29 октября по 10 ноября¹⁴. Во время строительства крепости на озере Ямыш пришли новые известия о трудности дальнейшего похода на Эркет за золотом. Бухольц отмечал, что по данным проводников — «вожей», которые были в Эркете, от озера Ямыш туда надо было идти 12 недель и больше, причем через ставку контайши — правителя Джунгарии. Главной проблемой для продолжения экспедиции были кочевники Сибири. Кроме ойратов около русского отряда находились отряды Казачей орды, «которые по все годы к слободам тобольским

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 60.

¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Р. 23. Л. 30–36.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 153.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Р. 23. Л. 39.

¹⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 154.

бывают и берут людей»¹⁵. Бухольц писал секретарю Петра I А.В. Макарову, что надеется только на Бога, количество людей в русском отряде оставляло мало возможностей при встрече с кочевниками, но заявлял, что будет идти на юг, пока это будет возможно. В письме Бухольц просил А.В. Макарова просить царя освободить его от такого поручения, а если это невозможно, то просить указа Петра I о прибавке войск в экспедиции¹⁶. Ранее Бухольц писал государю из Тобольска о том, что отряд не готов к такому крупному походу и сибирские части надо хорошо подготовить к экспедиции, прежде чем идти на юг¹⁷.

К 29 декабря 1715 г. в отряде осталось только 2536 человек, многие драгуны и солдаты от тягостей экспедиции бежали из отряда. Бухольц писал от озера Ямыш, что не может идти до Эркета «за малолюдством»¹⁸. К 1715 г. только войска контайши Джунгарии насчитывали более 60 тысяч человек¹⁹. По данным русского посланника Ивана Унковского, к 1722 г. контайша Джунгарии располагал силами «войска доброга» около 60 тыс. В случае необходимости можно было собрать и больше: около 100 тыс. чел., причем «все конные». Воины имели саадаки, длинные копья в 7,5 аршин, сабли, «и много имеют пищалей, токмо все с жаграми»²⁰.

В это время Джунгария вела войну с Китаем. В феврале 1716 г. контайша Джунгарии отправил на р. Иртыш большое войско под командой своего двоюродного брата знаменитого полководца ойратов, «великого воина», по характеристике Г.Ф. Миллера, Черен Дондука, владения которого находились на озере Нор-Зайсан. Все воины, которые оставались в стране ойратов, были отправлены в этот зимний поход на р. Иртыш [Миллер, с. 485].

Ночью 9 февраля 1716 г., в мороз, войско ойратов в 10 тысяч всадников неожиданно напало на русский лагерь. Кочевники захватили лошадей у крепости, взяв в плен или убив караульных, а затем напали на русский лагерь. По данным Черепановской летописи, в крепости ойраты стреляли из луков «обыкновенным своим боем», а солдаты стреляли из ружей и «метали бомбы», которые кочевникам были еще не известны, почему многие из них в этом бою были убиты гранатами. Артиллеристы в этом бою «были неискусны», и стреляли как придется — «более бомбы метали наудачу, нежели как надобно»²¹.

Позднее в гарнизоне крепости начались заразные болезни, от которых умирали 20–30 чел. в день. В осаде проявилась слабая подготовка экспедиции в Сибири, при отправлении экспедиции губернатор Гагарин не нашел

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Р. 23. Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 32 об.

¹⁷ Там же. Л. 32 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. Л. 36.

¹⁹ Там же. Л. 32.

²⁰ Унковский И.С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван — Рабтану и путевой журнал за 1722–1724 гг. СПб., 1887. С. 194.

²¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 162–163.

для отряда Бухольца лекаря и лекарств. После 2 месяцев осады в полках экспедиции осталось только 700 чел. солдат и офицеров, большинство из которых были больны. Военный совет решил оставить укрепление и уйти на север. 28 апреля 1716 г. укрепления крепости были срыты, русский отряд погрузился на 18 дощеников и отправился вниз по р. Иртыш, где основал Омскую крепость²².

После отъезда Бухольца из Омской крепости М.П. Гагарин послал на р. Иртыш новые отряды. Осенью 1716 г. М.П. Гагарин отправил по р. Иртыш к озеру Ямыш подполковника Сибирского драгунского полка Федора Матигорова с небольшим отрядом для восстановления крепости. Летом 1717 г. для прикрытия пути на р. Иртыш в 200 верстах от Омской крепости и в 231 версте от Ямышевской крепости отряд казаков из Тары под командой сына боярского Павла Свидерского построил Железинскую крепость. В 1718 г. Ступин начал строительство Семипалатной крепости в 229 верстах южнее Ямышевской крепости. [Миллер, с. 491].

В это время Петр I решил продолжить исследование р. Иртыш. 18 января 1719 г. Петр I дал указ майору гвардии И.М. Лихареву провести следствие о делах губернатора Гагарина и походе Бухольца и построить крепость на озере Зайсан. В поход царь приказал взять полный комплект полков, бывших с Бухольцем, всего 3017 человек. Все войско в крепостях на р. Иртыш было под командой Лихарева, в Тобольске он дал приказ набирать рекрутов для старых полков Сибири. В мае 1720 г. И.М. Лихарев с отрядом всего в 440 чел. и артиллерией в 30 пушек и 6 мортир начал путешествие на 34 плоскодонных лодках (позднее их в Сибири стали называть зайсанками) и обследовал озеро Зайсан, а затем 12 дней плыл по течению р. черного Иртыша. Путешествие Лихарева по р. Иртыш привело к новому конфликту с ойратами. В августе 1720 г. 20 тыс. отряд ойратов напал на экспедицию, но был отбит. Возвращаясь в русскую Сибирь, И.М. Лихарев построил крайнюю на юге по р. Иртыш Усть-Каменогорскую крепость в 181 версте от Семипалатной крепости на р. Иртыш и 15 октября 1720 г. вернулся в Тобольск [Бородаев, Контев, с. 289].

Миссия Лихарева в Сибири была высоко оценена императором Петром Великим. 22 октября 1721 г. на торжествах по случаю заключения Ништадтского мира Иван Лихарев был произведен из майоров гвардии в бригадиры²³. К 1720 г. в результате экспедиций Бухольца Ступина и Лихарева на р. Иртыш были построены 5 крупных русских крепостей²⁴. Реформы Петра I стали началом перестройки всех военных сил Сибири. В Сибири были сформированы Сибирский драгунский и Московский и Санкт-Петербургский пехотные полки. В 1717 г. на р. Иртыш служили 460 дра-

²² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 165–167.

²³ История Свейской войны [Поденная записка Петра Великого]. В 2 вып. М., 2004. Вып. 1. С. 540.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 317.

гун в драгунском батальоне, 847 человек в Санкт-Петербургском полку, 842 человека в Московском полку, 132 артиллерийских служителей – всего 2281 человек и 71 мастеровых людей²⁵.

Посылая в Тобольск Бухольца, Петр I готовил и другую экспедицию для поиска золота на р. Эркет. 29 мая 1714 г. Петр I отправил в Астрахань для поиска золота в Средней Азии капитан-поручика Преображенского полка князя Бековича-Черкасского²⁶. 14 февраля 1716 г. Петр I в Либаве написал указ об отправлении экспедиции князя Бековича-Черкасского, который должен был склонить хана Хивы «к верности и подданству», чтобы он послал своих людей с русскими для поиска золота по Дарье реке вверх до Иркети городка. В 1717 г. отряд Черкасского, который состоял более чем из 3 тыс. драгун и казаков, по данным выжившего участника поручика А. Кожина, был окружен войском хана Хивы, а затем обманом взят в плен и вырезан²⁷.

Военный конфликт на р. Иртыш развивался на фоне борьбы Китая и Джунгарии. 21 февраля 1716 г. губернатор Гагарин сообщил секретарю кабинета Петра А.В. Макарову, что правительство Китая предложило России военный союз против Джунгарии. Гагарин сообщил, что по данным министров Китая, контайша хану Аюке «учинил великую обиду». Из Китая на Волгу были отправлены посланцы для союза против Джунгарии. Но Гагарин не был сторонником участия России в данном конфликте, как сообщал губернатор: «А я китайцом в войне на него отказал, потому что де тот калмыцкой владелец кочует на сибирских землях его царского величества и нам есть от него способ, и воевать его нам не для чего. Сие писал, мой государь, я для того, чтоб он о том сведя, и дал то знать и людем его, которых в Сибири немало есть, за торгом и за иным делом приезжают»²⁸. Гагарин писал, что надеется привести Джунгарию в российское подданство: «Хотя мы, государь, ныне и ради войне их, но призываю я его в подданство к царскому величеству, о чем в 1714 и в 1715 годах к нему писал. И под сей случай послал же к нему о том, и подполковнику господину Букольту велел же к нему посылать и людем его говорить о подданстве. И естли он склонитца, чтоб, мой государь, Аюку мне можно было удержать»²⁹.

Гагарин еще в августе 1712 г. в доношении главе Посольского приказа Г.И. Головкину отмечал, что дипломатические отношения и особенно военный союз Китая и хана Аюки на р. Волге против Джунгарии противоречат интересам России: «Подлинно государь уведать не можно у китайцов, зачем идет к Аюке тот посланец, однако ж знатно, что не с малым делом для того, что ис Китай никогда не посылают послов, ни посланников никуда, а его послали, знатно, что не за малым делом. А обноситца де от китайцов,

²⁵ Там же. Л. 52.

²⁶ История Свейской войны... С. 577.

²⁷ История Свейской войны... С. 605.

²⁸ Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. М., 1989. Кн. 1. С. 236.

²⁹ Там же.

чтоб согласитца бы им со Аюкою и войною итти на калмыцкого владелца контайшу, которой ныне кочует близ китайского владения, також и в близости сибирских городов. И естли государь того владелца они разобьют, то от китайцов государь великая будет теснота нам, мало не всей Сибири, и владенье китайское будет смежно нам со многими сибирскими ближними городами – Красного Яру, Енисейска, Иркутска, Томска, Тары и от Тоболска и Тюмени в самой близости ж»³⁰.

27 февраля 1715 г. губернатор Гагарин направил лист контайше Джунгарии, где изложил позицию правительства России по главным спорным вопросам между государствами – все земли Азии, которые находились по рекам, протекающим по Сибири, являлись владением русского царя: «А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где впади в море, и до вершин, откуда из которых гор потекли, також и в те реки, которые впади реки також до вершин их сибирская земля, и барабинцы и курсаки всякие люди его царского величества, и о том требует самые правды, о чем контайша сам сведом»³¹.

18 декабря 1716 г. Петр I из Амстердама послал грамоту контайше, в которой отмечал, что Джунгария находится на российских землях, но государь, оказывая милость контайше, готов оставить ойратов на старых землях и даже защищать их от других народов: «А мы, великий государь, наше царское величество, милосердую о вас, желая что бы вы також как и хан Аюка и протчие калмыцкие владелцы у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные к Сибирскому нашему царству принадлежат... Но наипаче б вам и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять»³².

В это время джунгары воевали на востоке с Китаем, а на западе с казаками (Казачей ордой). Война с Китаем у ойратов продолжалась с 1712 по 1722 г. Контайша Цэван-Рабдан просил Петра I построить в Джунгарии новые русские крепости для защиты от набегов китайцев. В 1722 г. Петр I отправил к контайше Джунгарии посольство Ивана Унковского с предложением перейти «в протекцию свою» по примеру хана волжских калмыков Аюки. После принятия контайшей подданства императора Петр I обещал защищать его силами войск Сибири от всех противников. Однако в декабре 1722 г. с Китаем был заключен мир. В результате, военная помощь и протекция Петра I была теперь не нужна ойратам, по словам контайши, «для того ныне города мне не надобны»³³.

Знать Джунгарии собирала сведения о России, военных силах, закончившейся войне с Швецией, отношениях с Турцией, реформах Петра I, его поведении. Контайшу интересовало, почему Петр I принял новый титул –

³⁰ Там же. С. 230.

³¹ Там же. С. 234.

³² Там же. С. 240.

³³ Унковский И.С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану... С. 113.

«прежде назывался царь великий, а ныне для чего называем император»? В Джунгарии интересовались и реформами в России, о которых дошли известия из Сибири.

В 1727 г. контайша Цэван-Рабдан умер. Как отмечал В.Н. Татищев, новый контайша Галдан-Церен (1727–1745) о землях «с Россиею в Сибири... спор имеет, но никогда в действительную войну не вступал, а более перепискою с губернатором разбирают и справедливость в обидах производят». Построение Иртышских крепостей контайша «за обиду себе причитал и с войсками приходил, однако ж не чиня великого супротивления, ища согласия с Россиею, а паче по великим политическим резонам добровольно уступил»³⁴.

В.Н. Татищев доказывал, что спорные земли на юге принадлежали России по праву завоевания после победы в 1582 г. над ханом Кучумом и его детьми: «... Российская империя имеет право на все оные земли, которыми прежде бывшие сибирские ханы владели»³⁵. Ойраты – калмыки, «будучи под разными тайшами, воюяся между собою», заняли часть южных земель в эпоху, когда Россия еще не успела построить все города в новом краю, и было «малолюдство русских в Сибири войск». Когда Россия имела войска и средства «русские далее к ним по Иртышу города построили»³⁶. В.Н. Татищев говорит здесь об экспедиции Ивана Бухольца и других в эпоху Петра I на р. Иртыш.

Еще И.И. Тыжнов справедливо отмечал, что строительство крепостей на р. Иртыше «было значительным успехом» России в борьбе за земли по р. Иртышу и Алтаю с джунгарами [Тыжнов, с. 189]. С.В. Бахрушин считал, что только в 1715–1720 гг., после экспедиции Бухольца, организованной Петром I, и строительства русских крепостей на верхнем Иртыше, «все течение р. Иртыша было завоевано русскими» [Бахрушин, с. 173]. Хотя главная цель экспедиции и не была достигнута, после нее под русским влиянием оказалось все верхнее течение р. Иртыш.

Позднее А.Ю. Огурцов полагал, что экспедиция Бухольца стала «авантюрой» Петра I и М.П. Гагарина [Огурцов, с. 12]. Действительно, экспедиция на р. Иртыш 1715 г. была отправлена без достаточной подготовки, особенно в географическом отношении. Однако, результатом русских военных экспедиций в 1715–1720 гг. был переход под власть России всей р. Иртыш и усиление русского влияния на юге Западной Сибири. Экспедиция Бухольца на р. Иртыш не привезла золото царю. Однако важным следствием военных экспедиций в Сибири явилось открытие золотых рудников уже при жизни Петра I и строительство Кольвано-Воскресенских заводов на Алтае: в 1740–1750 гг. они стали важным источником пополнения бюд-

³⁴ Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 292.

³⁵ Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 8. С. 411.

³⁶ Там же.

жета Российской империи и главным центром добычи золота и серебра, которые давали возможность государству чеканить монету из своих драгоценных металлов. Только с 1748 по 1759 г., после взятия в казну у Акинфия Демидова, заводы принесли, по данным правительства, «золота самого чистого» 89 пудов 14 фунтов на 962 372 руб., серебра 2824 пуда 14 фунтов на 2 231 087 руб., а также меди 2 396 пудов 15 фунтов на 15 145 руб. Всего за 12 лет было получено с заводов металлов на 3 313 548 руб., из которых только 660 000 руб. было употреблено на заводские расходы³⁷.

Литература

- Акишин М.О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // Присоединение Сибири к России. Историко-правовое исследование. Саарбрюкен, 2017. С. 103–118.
- Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. 200 с.
- Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Копелев Д.Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра на Мадагаскар 1723–1724 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 90–107.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. В 3 т. М.: Восточная литература, 2005. Т. 3. 598 с.
- Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 25 с.
- Павлов-Сильванский, Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1897. 237 с.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Кн. 9. 701 с.
- Тыжнов И.И.* Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск: Издательство Томского университета. 2013. 256 с.

References

- Akishin M.O. Dzhungarskoe hanstvo vo vneshej politike Petra Velikogo // *Prisoedinenie Sibiri k Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie*. Saarbrücken, 2017. Pp. 103–118.
- Anisimov E.V. Petr Velikij: lichnost' i reformy. SPb.: Piter, 2009. 448 p.
- Bahrushin S.V. Oчерki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII vv. M., 1927. 200 p.
- Borodaev V.B., Kontev A.V. Formirovanie rossijskoj granicy v Irtyshsko-Enisejskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. Barnaul: AltGPU, 2015. 416 p.
- Kopelev D.N. Predystoriya sekretnoj ekspedicii Petra na Madagarskar 1723–1724 gg. // *Voprosy istorii*. 2016. № 3. Pp. 90–107.
- Miller G.F. Istoriya Sibiri. V 3 t. M.: Vostocnaia literatura, 2005. T. 3. 598 p.

³⁷ ПСЗ. Т. 15. С. 617.

- Ogurcov A. Yu. Voenno-inzhenernaya politika Rossii na yuge Zapadnoj Sibiri v XVIII v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, 1990. 25 p.
- Pavlov-Sil'vanskij, N. P. Proekty reform v zapiskah sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkih proektov i neizdannye ih teksty. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1897. 237 p.
- Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1963. Kn. 9. 701 p.
- Tyzhnov I. I. Oчерki po istorii Srednej Sibiri XVII–XVIII stoletij. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 2013. 256 p.

Vladimir D. Puzanov

Shadrinsk State Pedagogic University, Shadrinsk, Russia

EASTERN POLITICS OF PETER I AND THE JUNGAR KHANATE

After the Poltava victory, a new era began in the eastern policy of Peter I. In 1715, Peter I sent an expedition of Ivan Bukholts along the river Irtysh in the lands of Dzungaria, to search for gold. By 1720, as a result of the expeditions of Buholts Stupin and Likharev on the river. Irtysh, 5 Russian fortresses were built. On December 18, 1716, Peter I sent a letter to the Kontaishe and noted that Dzungaria is located on Russian lands, but the sovereign, showing mercy to the Kontaisha, is ready to leave the Oirats in the old lands and even protect them from other peoples.

Keywords: *Dzungar Khanate, kontaysha, expedition, settlements, province, dragoons, soldiers.*

М.В. Пулькин
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Карельский
научный центр РАН», Петрозаводский государственный
университет, Петрозаводск, Россия

Петрозаводская слобода: особенности формирования горнозаводского поселения в первой четверти XVIII в.*

В статье рассмотрены основные закономерности существования горнозаводских поселений как особой разновидности населенных пунктов. Выявлено, что общей характерной чертой горнозаводских поселений стала ориентация на обеспечение оборонных нужд государства. Возникновение и особенности функционирования горнозаводских поселений непосредственно связаны с рациональными решениями местной и центральной власти. Приоритетом в деятельности горнозаводских поселений оставалось промышленное производство, нередко в ущерб бытовым нуждам их обитателей.

Ключевые слова: войны, промышленность, крестьянство, урбанизация, поселения, вооружения

Проблемы становления и функционирования горнозаводских предприятий на протяжении веков остается одной из востребованных тем российской историографии. Причина особого исследовательского интереса к данному вопросу кроется в исторической роли небольших, но значимых предприятий и горнозаводских поселений, сыгравших заметную роль в истории России [Руськин, с. 171–177]. Горнозаводские поселения возникали не стихийно, а на основе рационального выбора места строительства. Они далеко не всегда связаны с ранее существующими поселениями. Их роль сводилась к обеспечению армии боеприпасами и оружием. Существование горнозаводских поселений не могло быть стабильным. После прекращения боевых действий и временного снижения активности внешней политики государства они приостанавливали или совсем прекращали свою деятельность. В новых условиях их возрождение оставалось крайне сомнительным, многие из них исчезли навсегда.

Перечисленные закономерности проявились в деятельности Петровского завода. Возросшая потребность в артиллерии в начале Северной войны, потеря значительного числа пушек в битве при Нарве побудили Петра I увеличить число военных предприятий. Возникла идея о производстве

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9)

вооружений в непосредственной близости к театру военных действий. По распоряжению царя из Рудного приказа в Заонежье отправились рудознаты Иван Патрушев, Юган Блиер и Мартин Циммерман. Они сочли подходящим для строительства завода место в устье реки Лососинки. Необходимая для предприятия руда обнаружилась в соседних Толвуйском и Андомском погостах. Существенное влияние на выбор места для строительства оказала возможность дешевой транспортировки заготовленной руды и продукции. Немаловажное значение для создания Петровского завода имели конфискованные в июле 1703 г. предприятия Бутенанта [Коваленко, с. 66].

В конце августа 1703 г. состоялась закладка первого камня в основание доменного цеха завода на пустынном месте в устье реки Лососинки, происходившая при участии губернатора Ингерманландии А.Д. Меншикова¹. С сентября началось строительство завода и поселения для работников. По месту нахождения он получил название Шуйского. Около года спустя его переименовали в Петровский. Строителем стал московский рудознатец Яков Власов. Он направился в Олонецкий уезд с несколькими учениками из числа бывших солдат. На постройке Петровского завода работали «в среднем 102 плотника, 15 кузнецов, 166 подводчиков с лошадьми и до 900 пеших работников». Основная масса рабочих занималась рубкой леса и заготовкой дров для выжигания угля, подвозом строительных материалов для четырех доменных печей, производственных и жилых зданий [Глаголева, с. 58].

С начала 1704 г. приступили к сооружению и оборудованию мастерской для изготовления кузнечных мехов, «вертели» для сверления пушек, доменного двора и «фурменной избы», где изготовлялись формы для литья. В начале того же года состоялась проба первой вылитой на заводе пушки. С января по март 1704 г. изготовлено 45 шестифунтовых пушек и 15 трехфунтовых. В марте приступили к их сверлению. На первых порах выявленный в ходе испытаний брак достигал 30% от общего числа орудий, а при изготовлении тонкостенных пушек – до 65%. Тем не менее, производство быстро развивалось. Со второй половины 1704 г. начались постройка и оборудование молотовой. Строились оружейные мастерские и кузницы для изготовления ручного огнестрельного и холодного оружия (фузей, пистолетов, шпаг, кортиков и т. д.) [Глаголева, с. 60–61]. В 1705 г. работы продолжались, были сооружены плотины на Машозере и озере Лососинном. С их помощью вода в Лососинке постоянно удерживалась на необходимом для производственных целей уровне. Весь труд возлагался на крестьян близлежащих погостов, откуда собрали до 1250 работников. В 1705–1706 гг. развернулось строительство оружейных мастерских, кузниц, жилых, хозяйственных и служебных помещений. Возле Лососинки построены две пристани, амбары и кладовые. Постепенно застраивалась

¹ Походные журналы Петра Великого // Олонецкие губернские ведомости. 1902. 30 мая. С. 3–4.

рабочая слобода, возводились Гостиный двор и церковь во имя апостолов Петра и Павла.

Бытовые условия в поселении при заводе оставались поистине спартанскими, ощущалась нехватка необходимых предметов. В апреле 1705 г. вице-комендант А.С. Чоглоков доносил олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву: «въезжие иностранцы непрестанно приходят с криком, что все перезябли без оконниц, а оконничника нет, также просят портных и сапожников дать, что им нужна, а здесь нет»². Нехватка средств и отсутствие бытовых удобств в заводском поселении не стали препятствием для интенсивного развития металлургического производства и усложнения системы предприятий в Карелии. Вскоре после Шуйского (затем Петровского) завода, 23 сентября 1703 г. заложен Повенецкий завод, затем, в 1704 г., – Фоймогубский. Третьим государственным доменным и молотовым заводом в Карелии стал Алексеевский, который начал строиться 29 августа 1705 г. в Выгозерском погосте, в 40 верстах от Повенецкого завода [Глаголева, с. 62–66]. В августе руководитель предприятия А.С. Чоглоков докладывал А.Д. Меншикову об успехах: «На заводах твоих: Петровских, Алексеевских, Повенецких все благополучно. И дела доменные, и в молотовых, и якорных, и пушечных, и оружейных, и укладных, и шпажных, и палерных, и стволов оружейных и иных дел водою точильные, и эфесных и всяких стальных мелочей, и проволочной железной и медной заводы управляютца и из русских у всех дел учатца»³. В декабре 1705 г., согласно приказу А.Д. Меншикова, Оружейная палата направила на Петровский завод сотню тульских кузнецов-оружейников⁴.

После прибытия первых работников А.Д. Меншиков продолжал неустанно заботиться о росте числа мастеров оружейного дела. В мае 1706 г. Ингерманландской канцелярией из села Павлова, вотчины князя М.Я. Черкасского, взято для отправки на Петровский завод 34 оружейника, в том числе 5 «замочных ковщиков и отдельщиков», 8 «ствольных заварщиков», 2 «ложевых мастера» и 19 молотобойцев. Из расспросов павловцев в заводской канцелярии выяснилось, что замочные мастера умеют выковывать фузейные замки «добрым мастерством», а также «самого доброго мастерства» турецкие пищали [Глаголева, с. 85]. В январе 1709 г. на заводы прибыла новая партия специалистов, присланных в принудительном порядке «на вечное житье» [Балагуров, с. 37] из Арзамаса, Воронежа, Железного Устьяга, Каргополя, Костромы, Курска, Олонца, Москвы, Новгорода, Саранска, Суздаля, Тобольска, Тулы, Углича, Чебоксар, Ярославля и других городов России⁵.

² Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч. III. С. 496.

³ Письмо начальника Олонецких горных заводов А.С. Чоглокова А.Д. Меншикову // РГАДА. Ф. 199. Фонд Миллера. Портфель 243. Ч. III. Д. 7. Л. 12.

⁴ Приказ А.Д. Меншикова // РГАДА. Ф. 26. Кн. 23. Л. 5.

⁵ Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 2. Л. 231.

С первых лет Петровский завод поставлял артиллерийские орудия, якоря, солдатское и офицерское оружие: фузеи, пистолеты, мушкеты, а также холодное («легкое») оружие: палаши, шпаги. С 1710 г. завод включился в товарное производство гражданской продукции. Начались изготовление и продажа изделий оружейных мастерских – портупейных и башмачных пряжек, кафтанных пуговиц и т. п. [Глаголева, с. 129]. К 1719 г. ассортимент продукции, предназначенной для бытовых нужд, еще более расширился. Появились такие разновидности изделий, как фонтанные трубы, «машинное железо», английские пилы. С 1710 по 1719 гг. вдвое возросли объемы производства железа. Усовершенствовалось производство гвоздей, для организации которого на завод пригласили иностранных специалистов. В 1718 г. на Петровском заводе появилась «водяная проволочная мельница» с 10 клещами. Она, в частности, выполняла заказы по производству проволоки для царских садов в Петербурге и его окрестностях [Глаголева, с. 118–120].

Подлинный расцвет производства на заводах связан с именем В.И. Геннина (1676–1750). Будущий начальник Олонецких Петровских заводов начинал службу фейерверкером при Петре I, участвовал в ряде походов, в том числе во взятии Выборга. В 1710 г. Геннин подготовил план города Кексгольма, в 1712 г. являлся одним из руководителей строительства Литейного двора. Назначение на должность Олонецкого коменданта и начальника Петровских заводов стало новым этапом в карьере⁶. Составленный примерно в ноябре 1718 г. план слободы позволяет воссоздать ее облик. В центре находился пушечный завод с четырьмя домнами. Рядом с ними размещались водяные трубы, по которым вода направлялась от плотины на маховые колеса. Левее домны располагалась сверлильня – установка для сверления стволов. На правой стороне реки Лососинки размещались молотовой, проволочный, замочный цеха. На возвышенном месте, к северо-западу от завода, находилась крепость, вооруженная пушками. Внутри нее – комендантский дом, оружейные амбары, церковь. Левее крепости видны постройки, занимаемые начальством. На правом берегу реки показаны бараки заводских рабочих, а около озера – казармы солдат [Еленевский, Миронов, с. 9–10].

Геннин проявил себя как выдающийся администратор петровской эпохи. Прежде всего, ему пришлось заниматься установлением дисциплины: он распорядился сурово наказывать беглецов. Как говорилось в его письме Ф.М. Апраксину, датированном 1714 г., «за тот побег им, беглецам, чинил я наказание: биты многие кнутом». Далее в письме В. Геннин откровенно признается: «их кнутом содержать было невозможно, а вешать грех»⁷. Пло-

⁶ Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае. Из писем В.И. Геннина. Петрозаводск, 1902. С. 4–5.

⁷ Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы. В трех книгах. Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 1. С. 17.

ды принятых новым начальником мер по укреплению дисциплины проявились два года спустя. Как утверждал Геннин в очередном письме, адресованном главе Адмиралтейства, ситуация на Петровском заводе к 1716 г. складывалась вполне благополучно. После отправки большой партии продукции в зимний период, «по прежнему чертежу», на заводе вновь произведены, «опробованы» и подготовлены к перевозке 11 пушек 24-фунтовых, столько же артиллерийских орудий 18-фунтовых. «По новому чертежу» изготовили семнадцать 24-фунтовых пушек. Помимо главной продукции, завод с 1714 по 1718 г. произвел молоты, наковальни, клещи, тиски и прочую продукцию общей численностью 137 600 штук [Плаголева, с. 130]. Геннин позаботился и о припасах: «уголь, руда, известь и прочие припасы, которые про заводской обиход надобны, изготовлены и на заводы вывезены с лишком на год»⁸. Вклад Петровских заводов в производство вооружений, а значит – и в победу в Северной войне, оказался впечатляющим: с 1710 по 1719 г. заводы произвели 32047 солдатских фузей, 14450 солдатских шпаг, 1045 мушкетов. Основу продукции все же составляли пушки, которых за 1719 г. на Петровском заводе произведено 230 штук общим весом 15489 пудов⁹.

В слободе при Петровском заводе Геннин создал первую на окраине страны техническую школу. Он докладывал: «ныне школа у меня тамо заведена изрядная <...> и надеюся, что Вашему сиятельству во оных робятах будет порадование, и они за Ваше сиятельство будут Бога молить вечно». Подводя итог принятым мерам, Геннин заявлял: «Слава Богу, что по моим трудишкам ныне заводы цветут»¹⁰. Основной задачей формирующихся в Карелии новых органов управления стало участие в «балтийском корабельном строении». В соответствии с сенатским указом от 6 июня 1712 г. Олонецкие заводы поступали в ведение Адмиралтейства. Доходы с Олонецкого уезда, начиная с 1713 г., из ведения губернской администрации передавались военно-морскому ведомству¹¹. Интенсивная работа завода, значительные объемы и высокое качество продукции стали возможны благодаря труду большого коллектива специалистов. В августе 1722 г. составлена «Книга Олонецкого уезду церковникам и других чинов разночинцам, которые в оклад не положены». Она содержит сведения о мастеровых, находящихся при Петровском заводе. При заводе имелась воинская команда, состоящая из капитана, поручика, прапорщика, 2 сержантов, каптенармуса, фузилера, 6 капралов и 159 рядовых. Значительную группу населения составляли приказные люди. В их число входили

⁸ Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае. Из писем В.И. Геннина. С. 27.

⁹ Протоколы Берг-коллегии // РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 559. Л. 70–76.

¹⁰ Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае. Из писем В.И. Геннина. С. 42.

¹¹ Протоколы Сената // РГАДА. Ф. 248. Кн. 747. Л. 1587.

один секретарь, 25 подьячих, 1 писарь. При заводе находилось 2 штык-юнкера (один из них «иноземец»), шпажные мастера — 14 человек, в том числе 3 «иноземца», ствольные заварщики — 25 человек, «багинетные ковщики» — 2 человека, ствольные отдельщики — 41 человек и 2 ученика. «У отделки стволов» обреталось 9 человек. Замочных ковщиков при заводах было 32 человека, уковки солдатских (ружейных. — *М. П.*) замков находилось 12 человек. Особую группу мастеровых составляли 58 «замочных отдельщиков», 10 шпажных точильщиков, 4 «ефесных ковщика» и 13 «ефесных отдельщика». У литья и отделки эфесов находились 13 человек. На заводе трудились 4 молотовых мастера-«иноземца» и 1 русский мастер этой же специальности¹². Общее количество жителей слободы при Петровском заводе, с женами и детьми, составило свыше 3000 человек¹³. Значительная часть заводских работ осуществлялись приписными крестьянами. На учете в заводской администрации состояло 8322 крестьянских двора [Плаголева, с. 199].

Особенное значение заводу и расположенному при них поселению придавали регулярные «пришествия» царя. В декабре 1718 г. Геннин получил распоряжение «к прибытию их величества к Марциальным водам заготовить столовых припасов»¹⁴. В феврале 1719 г. Петр I впервые посетил заводы. Визит был кратковременным: основной целью стало лечение. Осмотрев производственные помещения, он посетил «оружейный анбар», ознакомился с ходом работ и отправился дальше — на медные заводы¹⁵. В марте 1720 г. Петр I вновь посетил завод, отъезжал на Марциальные воды, выковал кусок железа весом полтора пуда для того, чтобы установить норму выработки [Беспярых, Коваленко, с. 64]. Вновь на Петровский завод император вернулся в феврале 1722 г. Последний визит Петра I на Олонецкие заводы состоялся в феврале 1724 г. Новое появление царя знаменательно тем, что помимо питья целебной воды, он выточил паникадило и передал его в церковь при Марциальных водах. Для царских визитов при Петровском заводе возвели дворец. На первом его этаже помещалась спальня царя, к которой примыкала токарная, где царь в свободное время занимался одним из любимых ремесел. Предназначение остальных трех комнат не вполне ясно. Одна из них называлась «крестовая». Другая комната — «зало», третья — «мыльная», в ней имелась печь с чугунными ядрами. Большую часть верхнего этажа занимала еще один зал, состоящий из двух «камор». Здесь же размещалась «подключная», предназначенная для секретных разговоров¹⁶.

¹² Книга Олонецкого уезду церковникам и других чинов разночинцам, которые в оклад не положены // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. Л. 1—130.

¹³ Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 1. С. 23.

¹⁴ Протоколы Берг-коллегии // РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 559. Л. 26.

¹⁵ Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 1. С. 28—30.

¹⁶ Описание дворцам Его Императорского Величества, бывшим на Олонце при Петровских водах и при Марциальных водах близ Кончезерских медных заводов // ОПИ ГИМ. Ф. 450

Успешное для России завершение Северной войны, в котором Петровские заводы сыграли важную роль, привело к упадку и заводской слободы на берегу Лососинки. Первым признаком надвигающегося запустения стал отток рабочей силы. В июне 1720 г. с заводов и из Олонецкого уезда в Петербург выслали на время (до ноября) 150 плотников для работ в Адмиралтействе. В апреле 1722 г. сам Геннин получил распоряжение Петра I о переезде с Олонецких Петровских заводов на предприятия, расположенные в Верхотуровском и Тобольском уездах с целью организации производства, или, как говорилось в указе, для изготовления «укладу стали, жести и дощатого кровельного железа и зделать для резания железа машины»¹⁷. Геннин, увеличив и усовершенствовав производство пушек, ружей и прочих «припасов» на Олонецких Петровских заводах, стал пользоваться большим доверием Петра I. С отъездом Геннина отток квалифицированной рабочей силы с Петровского завода усилился. В 1723 г. в Воронеж переводены 15 якорных кузнецов. В 1724 г. 457 оружейников Петровского завода отправились в Сестрорецк [Глаголева, с. 152]. Изменилась ведомственная принадлежность Петровского завода: он перешел из ведения Адмиралтейства под управление Берг-коллегии. В распоряжении нового начальства в адрес приписных крестьян подчеркивалось, что отныне им следует платить «подушные деньги» «на употребление к содержанию и размножению здешних Олонецких железных и медных заводов». Ослушникам грозило «жестокое наказание без всякия пощады», а усердных работников заводская администрация обязывалась «от обидящих <...> весьма оборонять»¹⁸.

В ноябре 1731 г. по «приговору» Берг-коллегии работы на Петровском заводе полностью прекратились. В качестве аргумента приводилась «худоба руд и дороговизна руд и угля». Разрешалась лишь проведение работ «покамест изготовленная руда переделается». Берг-коллегия поставила вопрос об отмене приписки к заводам. Вскоре заводы лишились значительной части приписных крестьян, которые вновь стали монастырскими и казенными¹⁹. Позднее появилась иная версия причин закрытия заводов. Геннин сообщил в Берг-коллегию, что, после исследований руды в других местностях России, он убежден: «лутчие руды нашлись на Олонецких заводах». В рассуждениях о качестве олонецких руд Геннин ссылаясь на распоряжение Петра I: «когда флот пушками удовольствован будет, тогда пушечное литье остановить, как для сохранения впредь такой драгоценной руды»²⁰.

(Барсов Е. В.). Оп. 1. Д. 6976. Л. 1–155.

¹⁷ Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁸ Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

¹⁹ Протоколы Сената // РГАДА. Ф. 248. Кн. 747. Л. 1303, об.

²⁰ Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 2. Л. 318.

Подводя итоги, отметим, что формирование системы горнозаводских предприятий в Карелии стало радикальным изменением хозяйственной жизни небольшого приграничного региона. Геополитические перемены вызвали к жизни Олонецкие горные заводы, сыгравшие существенную роль в развитии российской металлургии, подготовке инженерных кадров, организации управления промышленным предприятием. Петровский завод в значительной мере опередил свое время, его успех стал несомненным фактором в победах российских войск над «надменным соседом». Сокращение внешнеполитических амбиций Российского государства незамедлительно привело к уменьшению, а затем и к ликвидации заводского поселения, возродившегося затем лишь в новую, екатерининскую эпоху.

Литература

- Балагуров Я.А.* Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1955. 120 с.
- Беспятых Ю.Н., Коваленко Г.М.* Карелия при Петре I. Петрозаводск: Карелия, 1988. 122 с.
- Глаголева А.П.* Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М.: Наука, 1957. 342 с.
- Еленевский Е.П., Миронов И.М.* Планы городов Карелии XVII-первой половины XIX в. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1960. 32 с., ил.
- Коваленко Г.М.* Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703 гг.). Л.: Наука, 1979. 156 с.
- Руськин А.Н.* Природно-географические, социально-экономические условия и предпосылки формирования заводских поселений в России в XVIII веке // Вестник Чувашского государственного университета имени И.Я. Яковлева. 2011. № 1 (69). С. 171–177.

References

- Balagurov Ya.A. Formirovanie rabochih kadrov Oloneckih Petrovskih zavodov. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR, 1955. 120 p.
- Bespyatyh Yu. N., Kovalenko G.M. Kareliya pri Petre I. Petrozavodsk: Kareliya, 1988. 122 p.
- Glagoleva A.P. Oloneckie zavody v pervoj chetverti XVIII v. M.: Nauka, 1957. 342 p.
- Elenevskij E.P., Mironov I.M. Plany gorodov Karelii XVII-pervoj poloviny XIX v. Petrozavodsk: Gosizdat KASSR, 1960. 32 p., il.
- Kovalenko G.M. Pervye metallurgicheskie zavody v Karelii (1670–1703 gg.). L.: Nauka, 1979. 156 p.
- Rus'kin A.N. Prirodno-geograficheskie, social'no-ekonomicheskie usloviya i predposylki formirovaniya zavodskih poselenij v Rossii v XVIII veke // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*. 2011. № 1 (69). Pp. 171–177.

Maxim V. Pul'kin

Institute for languages, literature and history, Karelia Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

PETROZAVODSKAYA SLOBODA: FEATURES OF THE FORMATION OF A MINING SETTLEMENT IN THE FIRST QUARTER OF THE 18th CENTURY

The article considers the main regularities of the existence of mining settlements as a special kind of settlements. It was revealed that the general characteristic feature of the mining plants was the orientation toward ensuring the state's defense needs. The emergence and peculiarities of the functioning of mining settlements are directly connected with rational decisions of local and central authorities. Priority in the activities of mining plants remained industrial production, often at the expense of the domestic needs of their inhabitants.

Keywords: *wars, industry, peasantry, urbanization, settlements, weapons*

Д.Н. Рамазанова
*Российская государственная библиотека; Российский
государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

Многоязычное книгопечатание начала XVIII века как этап инновации петровского времени

В статье рассматривается значение Славяно-греко-латинского букваря 1701 г. и Лексикона Трехязычного 1704 г., как новаторских изданий для Московского Печатного двора.

Обсуждается вопрос о том, какие цели преследовал Федор Поликарпов при их создании и каким образом эти книги подготовили восприятие русским читателем графического облика появившихся несколько лет спустя книг гражданской печати.

Ключевые слова: *Печатный двор, гражданский шрифт, русская книга, Славяно-греко-латинского букварь 1701 г., Лексикон Трехязычный 1704 г.*

Реформы алфавита и шрифта, проведенные Петром I в 1708–1710 гг., в общей череде инициированных царем новаций безусловно имеют фундаментальное значение для дальнейшего развития русской культуры, в частности книжного дела и типографского искусства в России. Это неоднократно отмечалось и в обширной историографии, посвященной как в целом изучению этой темы¹, так и исследованию конкретных изданий².

Однако слово «реформа», на наш взгляд, не вполне точно характеризует произошедшие преобразования. Реформы предполагают радикальную смену существующего культурного явления, но нововведения в области азбуки и шрифта, произошедшие вследствие внедрения гражданской печати, дополнили, а не отменили традиционную кириллическую печать, существовавшую в Москве с середины XVI столетия. Хотя В.М. Живов предполагал, что первоначально «Петр намеревался перевести на новую азбуку всю печать: церковная сфера подлежала такому же обновлению, как и сфера гражданская», однако позже под влиянием Федора Поликарпова пошел на уступку традиционной культуре, сохранив кириллицу в церковных книгах [Живов 2017, с. 937]. Исследователь объясняет это тем, что «радикальная реформа религии в планы Петра не входила (в отличие от реформы церковного управления)», и потому «церковникам, не разделявшим как пра-

¹ Назовем лишь отдельные работы: П.П. Пекарского [Пекарский, с. 6–25], А.Г. Шицгала [Шицгал], В.М. Живова [Живов 1996, с. 73–88], [Живов 2017, с. 936–961].

² Прежде всего, см. работу Т.А. Быковой и М.М. Гуревич [Быкова, Гуревич].

вило, идей петровского просвещения, их церковные книги были оставлены в прежнем виде» [Живов 2017, с. 938]. Начав в 1708 г. выпускать издания, набранные новыми гражданскими литерами, Московский Печатный двор вместе с тем продолжил издавать книги, напечатанные традиционным кириллическим шрифтом.

История создания и введение гражданского шрифта хорошо изучена в литературе:³ нововведения были связаны не только с упрощением состава азбуки, но и определялись новой для русской книги эстетикой печати, которая сближала новый русский шрифт с латинской антиквой. То впечатление, которое по замыслу Петра, должен был производить на читателей новой русской книги, вполне улавливали наиболее чуткие из его приближенных. Так, глава Посольского приказа канцлер Г.И. Головкин, отзываясь об одном из первых изданий гражданской печати писал Петру, что в нем «печать зело изрядная и власна, как латина»⁴.

Однако новации 1708–1710 гг. не были первым нововведением в типографском деле. Кажется, что встреча с русской антиквой была хорошо подготовлена предыдущими новациями. Исключительными в этом отношении были 1701 и 1704 годы. В 1701 г. Московский Печатный двор представил сразу два нововведения. Во-первых, впервые в московском издании появились, помимо кириллического, иные шрифты – греческий и латинский. Во-вторых, в изданиях латинские литеры были напечатаны антиквой, с обликотом которой таким образом впервые знакомился русский читатель.

Особенно примечательно, что оба нововведения были связаны с именем справщика, затем главы Печатного двора, одного из первых и лучших выпускников Славяно-греко-латинской Академии Лихудов, Федора Поликарпова⁵. В 1701 и 1704 гг. на Московском Печатном дворе впервые были изданы два его труда, напечатанные тремя шрифтами – кириллическим, греческим и латинским. Это «Славяно-греко-латинский букварь» (М., 1701) [Гусева, с. 297–299, № 1083] и «Лексикон Трехязычный» (М., 1704) [Гусева, с. 299–300, № 1084].

Отметим, что Поликарпов был не только знатоком греческого и латинского языков, но и имел опыт практической редакторской и переводческой деятельности⁶. В этом смысле составление и издание трехязычных учебных пособий было обусловлено образовательным опытом и знаниями, кото-

³ См., например, А.Г. Шицгала [Шицгал], И.Ю. Фоменко [Фоменко] и др.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2. С. 714–715.

⁵ Личности Федора Поликарпова было уделено немало внимания в историографии: [Буланин, Зиборов, с. 126–130]; о его деятельности на Московском Печатном дворе в конце XVII первой четверти XVIII в. см. [Браиловский], о филологических трудах см. [Бабаева 2000], в том числе о «Лексиконе трехязычном» ([Якубович 1958; Рамазанова 2009]) и Славяно-греко-латинском букваре ([Рамазанова 2017] и др.).

⁶ Первые опыты переводов Поликарпова были связаны с работой над сочинениями Лихудов, например, Акос и Мечец Духовный, которые он переводил вместе со своими соучениками Николаем Семеновым, Алексеем Кирилловым ([Буланин, Зиборов, с. 111–115; Рамазанова 2004; Рамазанова 2014]).

рые давала слушателям Славяно-греко-латинская Академия. Так впервые в истории московской книжной печатной культуры возникли издания, призванные служить учащимся основой для изучения не одного, а сразу трех языков: славянского, греческого и латинского, для чего и привлекался абсолютно новаторский для московской печати прием – одновременное использование нескольких шрифтов.

Среди обстоятельств, несомненно, подготовивших издание многоязыковых сочинений, следует назвать многочисленные попытки на протяжении 30–70-х гг. XVII в. организации греко-славянских школ [Фонкич 2009], закончившихся созданием в 1681 г. Греко-славянской школы на Московском Печатном дворе; создание в 1685 г. Славяно-греко-латинской Академии, возглавлявшейся на начальном периоде ее существования Иоанникием и Софронием Лихудами.

В документах приказа Книгопечатного дела прослеживается история печатания этих книг и отливки шрифтов, но ничего неизвестно о том, рисунки каких греческих и латинских шрифтов легли в основу образцов, отливавшихся специально для славяно-греко-латинских книг Федора Поликарпова. Из документов Московского Печатного двора становится ясно, что шрифты не были привозными⁷, а их отливали на самом дворе. Так, 28 декабря 1700 г. в Воскресенской палате на Московском Печатном дворе начали печатать букварь в два стана. Вышли в свет буквари в июне 1701 года, т. е. печатание продолжалось в течение 6 месяцев⁸. Однако отливка шрифтов для издания началась еще на полгода раньше – 17 и 22 августа 1700 г. словолитцам Василию Петрову и Федору Васильеву выдавалось «прутового олова аглинского» на отливку слов латинской и греческой азбуки⁹. Участие в отливке греческого шрифта, который отливался многократно, принимал также Михаил Ефремов. Выдачи олова на литье греческой или латинской азбук были ежемесячными (19 февраля, 21 марта). По-видимому, многократная выдача олова на отливку греческого шрифта не случайна: литеры греческого шрифта имеют более тонкие, по сравнению с кириллическими, элементы, поэтому быстрее изнашивались. Последние сообщения о доливке азбук относятся к декабрю 1701 г., таким образом, работа над тиражом могла продолжаться несколько дольше, чем указанный в документе июнь 1701 г. в качестве окончательной даты выхода всего тиража Букваря в свет.

⁷ Отметим, что еще в 1697 г. патриарх московский Адриан извещал иерусалимского патриарха Досифея о получении оборудования для обустройства греческой типографии в Москве. Однако масштабный проект издания антилатинских полемических сочинений на греческом языке, о публикации которых в Москве хлопотал Досифей, осуществлен не был (о контексте этих событий см. [Фонкич 2003, с. 262; Фонкич 2004, с. 271]). Документы не позволяют судить о том, что при печатании букварей использовалось именно это оборудование.

⁸ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. № 205. Л. 2–3.

⁹ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. № 1. Л. 6.

Как и Букварь, той же цели — обучению языкам и чтению текстов в подлинниках — послужило и следующее многоязычное издание, подготовленное Федором Поликарповым и отпечатанное на Московском Печатном дворе в 1704 г. — «Лексикон трезычный». В издании Лексикона использовались те же шрифты, что и при печати Славяно-греко-латинского букваря. Отметим, что этот же греческий шрифт будет использован и спустя почти десять лет при издании на Московском Печатном дворе «Истории о разорении последнем святого града Иерусалима» (М., 1713)¹⁰.

Исследование этих двух трезычных памятников, связанных с именем Поликарпова, в частности, выявление источников, позволило исследователем выделить круг сочинений, которые лежали в основе Трезычного лексикона Федора Поликарпова (М., 1704) [Якубович 1958]. Такого рода филологические труды уже были известны в рукописно-печатной книжности, прежде всего, к ним относятся, например, Лексикон Памвы Беринды (Киев, 1627), Четырехязычный лексикон Герасима Влаха (Венеция, 1659) ([Legrand, p. 115–119, № 434; Παλαδόπουλος, σ. 102, № 1369.]), Лексикон Епифания Славинецкого. В отношении же Славяно-греко-латинского Букваря (М., 1701) ситуация несколько иная. Исследования источников Букваря ([Рамазанова 2014; Рамазанова 2017]) позволили их выявить лишь частично. Структурно и тематически Букварь Поликарпова пересекается с известными в то время букварями ([Рамазанова 2014; Рамазанова 2017]), однако абсолютно неизвестны трезычные издания для начального обучения.

Неизвестно, как долго продолжалась работа Поликарпова над этими сочинениями и когда она была начата. По всей видимости, необходимость в создании трезычного букваря, готового пособия для обучения основам чтения и письма сразу нескольких языков, могла быть осознана Поликарповым во время преподавания в Славяно-греко-латинской Академии вместе с Николаем Семеновым, куда они были назначены после отстранения Лихудов в 1694 г. Все грамматические сочинения Лихудов [Яламас] и используемые при обучении учебники были предназначены для студентов, уже имеющих начальные знания в языках, учебных же пособий, системно излагающих основы, необходимые для обучения чтению и письму греческого и латинского языков, не было в распоряжении учителей и учеников Академии.

Можно заключить, что методически Поликарпов ориентировался на воспринятый у Лихудов опыт преподавания греческого и латинского, содержательно — на структуру московских и украинских изданий букварей славянского языка, а в целом для русской культуры выступил новатором,

¹⁰ В конце издания помещен греческий текст надписи на надгробии Константина Великого и интерпретация этого текста, приписываемая Константинопольскому патриарху Геннадию Схоларию. Заметим, что эти же два греческих текста, находящиеся в петербургском переиздании «Истории о разорении...» 1723 г., набраны уже иным греческим шрифтом.

реализовавшим идею соединения в одной книге учебника сразу трех языков, включая славянский. При этом Славяно-греко-латинский Букварь стал этапным изданием и в истории типографского дела, поскольку именно с него началось книгопечатание на иностранных языках.

Обе книги объединяет единый замысел. Составитель представил их читателю как пособия, полезные для духовного образования.

Пространные размышления, раскрывающие мотивы Федора Поликарпова, содержатся в написанных им предисловиях к обеим книгам.

Так, в предисловии к Букварю это издание недвусмысленно описывается как конфессиональный проект, имеющий «основу на греческих книгах оперту», и направленный на утверждение и защиту православной веры. В этом контексте Петр I превозносится, как «вернейший святых православнокафолическия веры защитник», который для охранения Церкви оградил ее «книгами разноязычными аки щитами», представив их «в созерцание мудролюбивому русскому народу чрез издание московския типография ныне, яко да чрез таковыя книги Бог прославляется, вера святая греческая умножается»¹¹.

Аналогичным образом в предисловии к Лексикону декларируется, что «сия триязычная издадеся книга, да имамаы от нея руководство к познанию нужных нам языков» будет «полезна зело нашему христианскому народу»¹². Далее Поликарпов поясняет значимость изучения трех языков, лексемы которых включены им в словарь, одновременно подчеркивая их иерархию.

Первым он называет «славенский наш диалект», который характеризует, как «славный и пространный от толиких веков, не токмо под державою благочестивых наших монархов расширяемый, но и по иным многим странам употребляемый»¹³. Вторым необходимым для изучения языком Поликарпов считает греческий, поскольку «православная наша вера произрасте от восточнаго греческаго благочестия», а все книги «на наш язык преведены с греческаго же диалекта»; также он добавляет, что «свободных наук и всяких художеств Греция бе родителница»¹⁴. Эти сентенции он завершает словами: «Воистинну греческое учение всякаго ведения, и науки, мати есть».

Наконец, латинскому языку Поликарпов отводит последнее из трех мест ввиду необходимости его утилитарного использования: «и третий язык латинский того ради, яко ныне во кругу земному сей диалект паче иных, во гражданских и школьных делех обносится»¹⁵.

Отметим, что эти издания предшествовали появлению в России духовных школ, в программу которых входило бы изучение греческого и латинского языков ([Знаменский, с. 17–52; Шляпкин, с. 327–340]). Тиражи этих

¹¹ Федор Поликарпов. Славяно-греко-латинский букварь. Москва: Печатный двор, 1701. Л. 2 об.

¹² Федор Поликарпов. Лексикон триязычный. Москва: Печатный двор, 1704. Л. 5 об.

¹³ Федор Поликарпов. Лексикон триязычный. Москва: Печатный двор, 1704. Л. 5 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 6 об.

изданий (для каждой из книг они составили по 2400 экз.) свидетельствуют о том, что Поликарпов явно не намеревался ограничиваться использованием подготовленных им книг в Славяно-греко-латинской академии, потребности которой эти тиражи явно превосходили. Можно полагать, что Поликарпов, готовя свои издания, ориентировался на их применение в будущих духовных школах русской провинции.

Таким образом, первые многоязычные издания, вышедшие в России в петровскую эпоху, были тесно связаны с ориентацией на систему духовного образования в том виде, как ее представлял себе ученик братьев Лихудов Федор Поликарпов. Для своего времени выход в свет таких изданий был абсолютной новацией: до их появления на протяжении полутора столетий единственный облик текста, знакомый русскому читателю по изданиям Московского Печатного двора, был облик кириллической книги. Вместе с тем, новаторские с точки зрения типографских и содержательных решений издания Букваря и Лексикона были тесно связаны с предшествующей традицией печатания церковнославянских книг. Эти труды представляли собой попытку соединения привычной русскому читателю кириллической графики, греческого шрифта и новой эстетики, которую вносила в книгу латинская антиква.

Известные источники не позволяют сделать однозначного вывода о том, был ли сам Поликарпов инициатором этих издательских проектов. Вместе с тем, существует небезосновательная точка зрения о том, что «в конце XVII в. деятельность Печатного двора во многом определялась отсутствием к нему интереса у царя Петра <...>, которого в большей мере привлекала возможность организовать печатание русских книг за границей, в Амстердаме» [Вознесенский, с. 328]. В этих обстоятельствах допустимо полагать, что в период, предшествующий учреждению гражданской печати, у Московского Печатного двора и лично у Федора Поликарпова оставалась определенная степень свободы, позволившая последнему до изданий те учебные книги, создание которых он считал важными для поддержки традиционной образованности.

Таким образом, реформы в типографском деле начала XVIII в. было бы неверно рассматривать, как линейный процесс смены кириллического шрифта гражданским. Царь Петр Алексеевич не был единственным актором преобразований, которые в России не сводились исключительно к изменению азбуки и появлению гражданской печати. У нас нет видимых оснований полагать, что появление изданий Букваря и Лексикона, составленных Федором Поликарповым, было обязано реформаторской воле царя¹⁶. Факты свидетельствуют о другом: подготовка к изданию Букваря

¹⁶ Ср. соображения В.М. Живова, в том числе о позиции Ф. Поликарпова в отношении разных сфер применения греческого и латыни, соотносимого с противопоставлением светской и духовной культур, «которое лежит в основании петровской языковой политики» [Живов 2017, с. 936–945].

была начата еще при жизни патриарха Адриана, продолжена после его кончины в октябре 1700 года и осуществлялась в тот период, когда Поликарпов еще был только справщиком Московского Печатного двора. После указа Петра от 15 ноября 1701 г. [Браиловский, с. 21] о назначении Поликарпова начальным человеком на Московском Печатном дворе, последний, несомненно, получил возможность продвинуть работу над теми изданиями, которые полагал важными. Именно в этом смысле следует рассматривать выход в свет Лексикона 1704 г., в идейном отношении продолжившего издание Букваря. Вместе с тем, эти новации в определенной мере подготовили восприятие русским читателем графического облика появившихся несколько лет спустя книг гражданской печати, который, в свою очередь, имел эстетические основания в латинской антикве.

Литература

- Адарюков В. Я.* Книга гражданской печати в XVIII в. // Книга в России: в 2 ч. М., 2008. Т. 1. С. 123–171 (*Адарюков В. Я.* Книга гражданской печати в XVIII в. // Книга в России: в 2 ч. М., 1924. Т. 1).
- Бабаева Е. Э.* Федор Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е. Бабаевой. СПб., 2000. С. 9–113.
- Берков П. Н.* Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII века // *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати. С. 105–130.
- Браиловский С. Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Ч. 295. № 9. С. 1–37; № 10. С. 242–286; № 11. С. 50–91.
- Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати: 1708 – январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 627 с.
- Буланин Д. М., Зиборов В. К.* Федор Поликарпов Орлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Часть 4. Т–Я. С. 105–130.
- Вознесенский А. В.* Печатный двор // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 56. С. 322–331.
- Гусева А. А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1251 с.
- Двухсотлетие русской гражданской азбуки. 1708–1908 г. М.: Синодальная тип., 1908. 21 с., [7] с. факс., ил.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа, «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
- Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Том II. 480 с.
- Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. [4], 807 с.
- Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1862. [8], VI, 578 с.
- Рамазанова Д. Н.* «Мечец Духовный» Иоанникия и Софрония Лихудов // Россия и Христианский восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 451–465.
- Рамазанова Д. Н.* «Трязычный лексикон» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. М., 2009. Вып. 1. С. 156–176.

- Рамазанова Д. Н.* Источники гравюр Славяно-греко-латинского букваря Федора Поликарпова (1701 г.): к проблеме идентификации // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI междунар. науч. конф. Москва, 14–15 апр. 2014 г. М., 2014. С. 315–320.
- Рамазанова Д. Н.* Греческий список «Акоса» Иоанникия и Софрония Лихудов (к истории греческого книгописания в Москве) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 8 (31). URL: <https://history.jes.su/s207987840000930-2-1>.
- Рамазанова Д. Н.* Славяно-греко-латинский букварь Федора Поликарпова (1701 г.): читатели и владельцы / Румянцевские чтения – 2014. Материалы международной научной конф. (15–16 апр. 2014): [в 2 ч.]. М., 2014. Ч. 2. С. 144–149.
- Рамазанова Д. Н.* «Стоепенный в небо восход» Федора Поликарпова: к истории славяно-греко-латинского Букваря 1701 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 5 (59). URL: <http://history.jes.su/s207987840001884-1-1>. DOI: 10.18254/S0001884-1-1.
- Фоменко И. Ю.* Первенцы гражданской печати: московские издания 1708–1711 гг. // Три столетия русского гражданского шрифта (1708–2008). М., 2008. С. 8–36.
- Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М.: Индрик, 2003. 512 с., ил.
- Фонкич Б. Л.* Попытка создания греческой типографии в Москве в конце XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 465–471.
- Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с.
- Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт. 1708–1958. М.: Искусство, 1959. 280 с.
- Шицгал А. Г.* Графическая основа русского гражданского шрифта. М.; Л., 1947. 96 с.
- Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. [1], XIV, 460, 102, III с.
- Якубович Т. Д.* «Лексикон трязычный 1704 г. Ф. П. Поликарпова: источники и состав словаря. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1958.
- Яламас Д. А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Дисс. ... канд. фил. наук. М., 1992.
- Legrand É.* Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au XVIIe siècle. Paris, 1894. Т. 2.
- Παπαδόπουλος Φ. Ι.* Ελληνική βιβλιογραφία (1466–1800). Αθήνα, 1984. Т. 1.

References

- Adaryukov V. Ya. Kniga grazhdanskoj pechati v XVIII v. // Kniga v Rossii: v 2 ch. М., 2008. Т. 1. Рр. 123–171 (Adaryukov V. Ya. Kniga grazhdanskoj pechati v XVIII v. // Kniga v Rossii: v 2 ch. М., 1924. Т. 1).
- Babaeva E. E. Fedor Polikarpov. Tekhnologija. Iskusstvo grammatiki / Izd. i issled. E. Babaevoj. SPb., 2000. Рр. 9–113.
- Berkov P. N. Russkaya kniga grazhdanskoj pechati pervoj chetverti XVIII veka // Bykova T. A., Gurevich M. M. Opisanie izdanij grazhdanskoj pechati. Рр. 105–130.
- Brailovskij S. N. Fedor Polikarpovich Polikarpov–Orlov, direktor Moskovskoj tipografii // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1894. Ch. 295. № 9. Рр. 1–37; № 10. Рр. 242–286; № 11. Рр. 50–91.

- Bykova T.A., Gurevich M.M. Opisanie izdaniy grazhdanskoj pechati: 1708 – yanvar' 1725 g. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 627 p.
- Bulanin D.M., Ziborov V.K. Fedor Polikarpov Orlov // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. SPb., 2004. Vyp. 3 (XVII v.). Chast' 4. T–Ya. Pp. 105–130.
- Fomenko I. Yu. Pervency grazhdanskoj pechati: moskovskie izdaniya 1708–1711 gg. // *Tri stoletiya russkogo grazhdanskogo shrifta (1708–2008)*. M., 2008. Pp. 8–36.
- Fonkich B.L. Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v. M.: Indrik, 2003. 512., il.
- Fonkich B.L. Popytka sozdaniya grecheskoj tipografii v Moskve v konce XVII v. // *Rossiya i Hristianskij Vostok*. Vyp. II–III. M., 2004. Pp. 465–471.
- Fonkich B.L. Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII v. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. 296 p.
- Guseva A.A. Svod russkikh knig kirillovskoj pechati XVIII veka tipografij Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ih identifikacii. M.: Indrik, 2010. 1251 p.
- Dvuhsotletie russkoj grazhdanskoj azbuki. 1708–1908 g. M.: Sinodal'naya tip., 1908. 21 p., [7] p. faks., il.
- Legrand É.* Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au XVIIe siècle. T. 2. Paris, 1894.
- Παπαδόπουλος Φ. Ι.* Ελληνική βιβλιογραφία (1466–1800). T. 1. Αθήνα, 1984.
- Pekarskij P.P. Nauka i literatura pri Petre Velikom. V 2-h t. T. 1. SPb., 1862. [8], VI, 578 p.
- Ramazanova D.N. «Mechec Duhovnyj» Ioannikiya i Sofroniya Lihudov // *Rossiya i Hristianskij vostok*. M., 2004. Vyp. II–III. Pp. 451–465.
- Ramazanova D.N. «Treyazychnyj leksikon» Fedora Polikarpova v sobranii Muzeya knigi Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki // *Vivliofika: Istoriya knigi i izuchenie knizhnyh pamyatnikov*. M., 2009. Vyp. 1. Pp. 156–176.
- Ramazanova D.N. Istochniki gravyr Slavyano-greko-latinskogo bukvarja Fedora Polikarpova (1701 g.): k probleme identifikacii // *Vspomogatel'nye i special'nye nauki istorii v XX – nachale XXI v.: prizvanie, tvorcestvo, obshchestvennoe sluzhenie istorika: Materialy XXVI mezhdunar. nauch. konf.* Moskva, 14–15 apr. 2014 g. M., 2014. Pp. 315–320.
- Ramazanova D.N. Grecheskij spisok «Akosa» Ioannikiya i Sofroniya Lihudov (k istorii grecheskogo knigopisaniya v Moskve) // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2014. T. 5. Vyp. 8 (31). URL: <https://history.jes.su/s207987840000930–2–1>.
- Ramazanova D.N. Slavyano-greko-latinskij bukvar' Fedora Polikarpova (1701 g.): chitateli i vladel'cy // *Rumyancevskie chteniya – 2014. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konf. (15–16 apr. 2014): [v 2 ch.]*. M., 2014. Ch. 2. Pp. 144–149.
- Ramazanova D.N. «Stostepennyj v nebo voskhod» Fedora Polikarpova: k istorii slavyano-greko-latinskogo Bukvarja 1701 g. // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2017. T. 8. Vyp. 5 (59). URL: <http://history.jes.su/s207987840001884–1–1>. DOI: 10.18254/S0001884–1–1.
- Shicgal A.G. Russkij grazhdanskij shrift. 1708–1958. M.: Iskusstvo, 1959. 280 p.
- Shicgal A.G. Graficheskaya osnova russkogo grazhdanskogo shrifta. M.; L., 1947. 96 p.
- Shlyapkin I.A. Sv. Dimitrij Rostovskij i ego vremya (1651–1709). SPb., 1891. [1], XIV, 460, 102, III p.
- Voznesenskij A.V. Pечатnyj dvor // *Pravoslavnaia enciclopedia*. M., 2019. T. 56. Pp. 322–331.
- Yakubovich T.D. «Leksikon treyazychnyj 1704 g. F.P. Polikarpova: istochniki i sostav slovarja». Diss. ... kand. filol. nauk. L., 1958.
- Yalamas D.A. Filologicheskaya deyatel'nost' brat'ev Lihudov v Rossii. Diss. ... kand. fil. nauk. M., 1992.

Zhivov V.M. Istoriya yazyka russoj pis'mennosti: V 2 t. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2017. Tom II. 480 p.

Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M.: Shkola, «Yazyki russoj kul'tury», 1996. 591 sp.

Znamenskij P.V. Duhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda. Kazan', 1881. [4], 807 p.

Jamilya N. Ramazanova

Russian State Library, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia

MULTILINGUAL BOOK PRINTING IN THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY AS A STAGE OF INNOVATION OF THE PETRINE EPOCH

The article is devoted to the significance of the Slavic-Greek-Latin Primer (1701) and the Trilingual Lexicon (1704) as innovative publications for the Moscow Printing Yard.

It is discussed what were Fyodor Polikarpov's goals when he created these editions.

We also consider the question how these books prepared the perception of the Russian Civil print by the readers.

Keywords: *Moscow Printing Yard, Civil print, Slavic-Greek-Latin Primer (1701), Trilingual Lexicon (1704).*

Переводчики Волковы в петровской России: «вестернизация», воспитательные стратегии и служба приказной бюрократии в конце XVII – начале XVIII вв.

В работе затронут вопрос о воспитательных стратегиях русской приказной бюрократии в эпоху Петра I. Семья Волковых представляет собой наиболее яркий пример роли частной инициативы в процессе образования. Дьяк Посольского приказа И. М. Волков выбрал для своих сыновей наиболее приемлемый для будущей службы вариант образования, затратив значительные финансовые и иные ресурсы. Подчеркивается связь между полученным образованием и траекториями служебного пути сыновей И. М. Волкова.

Ключевые слова: воспитательные стратегии, вестернизация, Волковы, служба, Посольский приказ

«Вестернизация» в изучении эпохи Петра I зачастую служит метанарративом, растворяющим все частные проявления выбора и превращающим людей прошлого с их интересами в совокупность «подданных». В частности, в историографии роли государства или самого Петра I в появлении новых воспитательных стратегий посвящен внушительный список работ, но в целом в них воспроизводилась привычный набор тезисов. Петру I и «государству» отводилась роль инициаторов любых новшеств, частная инициатива игнорировалась или сводилась к минимуму [Black, 1979]. Такая концепция справедливо критикуется в работах последнего времени сразу по нескольким направлениям, заостря внимание на частной инициативе и борьбе интересов различных «проекторов» [Федюкин, 2020, особенно с. 13–18]. Эпоха преобразований Петра I не только привнесла новое в военное строительство, государственное управление или развитие торговли, но и в воспитательные стратегии правящей верхушки. Она не только пассивно реагировала на интересы правителя, но и сама пыталась использовать воспитательные стратегии для упрочнения статуса своих детей в социальной иерархии. Мы предлагаем сосредоточиться на интенциях и представлениях об идеальном воспитании русской элиты, на том внимании и ресурсах, которые затрачивали в этом процессе известные деятели петровской эпохи.

Частная инициатива проявлялась особенно отчетливо в идеале дворянского воспитания, который постепенно завоевывал своих сторонников

в среде русской «боярской аристократии»¹. Однако практический подход к воспитанию по-прежнему оставался основным в петровскую эпоху. В нем изучение иностранных языков становилось своего рода прологом к настоящей работе, практике, которая должна была принести пользу государству и выгоду человеку. Как правило, речь шла о навигации, инженерном деле или разного рода «художествах». Для самого Петра I в приоритете оставалась подготовка будущего инженера, артиллериста или переводчика, а не выстраивание некоего идеала «правильного воспитания». Несмотря на распространение в петровской России пиетистских педагогических идей, царь проявлял невнимательность к ним, часто предпочитая реализовывать старый подход, «ученичество». Само же «ученичество» хоть и приобрело некоторые новые черты, вроде институционализации, по своей сути осталось прежним [Fedyukin, 2009, p. 21–71; Федюкин, 2020, с. 96–103; Okenfuss, 1973, p. 325–345; Okenfuss, 1985, p. 335–339]. Тем не менее, даже на этом направлении можно встретить частную инициативу, в которой потребности практики становились ориентиром для воспитательной стратегии, нацеленной на последующее приобретение служебных преимуществ.

С этой точки зрения и стоит оценивать воспитательные стратегии семьи Волковых, в течение нескольких десятилетий прочно связанной с Посольским приказом/походной Посольской канцелярией, а затем и Коллегией иностранных дел². Начать стоит с отца известных переводчиков первой четверти XVIII в., дьяка Посольского приказа И.М. Волкова. Основные этапы его службы известны [Беляков, 2001, с. 208–220; Демидова, 2011, с. 120], но особенно ценны для нас европейские путешествия дьяка. Самые известные посольские службы И.М. Волкова пришлись на вторую половину 1680-х–1690-е гг. В 1685 г. он побывал в составе русского посольства в Варшаве, Вене и Венеции, в 1689–1691 гг. был резидентом в Речи Посполитой, а в 1699 г. в составе посольства А.А. Матвеева направлен в Голландию. Судя по всему, именно посольская служба и пребывание в Европе сыграли решающую роль в выработке И.М. Волковым воспитательных стратегий для своих сыновей. Он смог оценить все преимущества изучения иностранных языков или даже обучения в европейских странах, воспринимая их как стартовую площадку для службы отпрысков.

Именно в перерыве между своими поездками в Европу И.М. Волков воспользовался всеми имевшимися у него ресурсами для воспитания сыновей. Старший сын Григорий в 1697 г. был записан им обучаться итальянскому и латинскому языку у братьев Лихудов и к осени 1698 г. освоил их до та-

¹ См. программу воспитания сына князя Б.И. Куракина Александра: Архив кн. Ф.А. Куракина. / Под ред. В.Н. Смольянинова. Саратов, 1893. Т. IV. С. 444–445.

² Основные сведения о службе братьев Волковых см. [Богословский, 1948, с. 309–310; Беляков и др., 2021, с. 256–258]. О наиболее известном старшем брате см.: [Рамазанова, 2019, с. 70–71]. Часть использованных нами документов была опубликована А.Н. Зерцаловым и С.А. Белокуровым в: ЧОИДР. 1907. Кн. 1 (220). М., 1907. С. 237–241.

кой степени, чтобы начать обучение в Европе [Рамазанова, 2019, с 70–71]³. 1 октября 1698 г. дьяк И.М. Волков обратился с челобитной к Н.М. Зотову, прося отпустить старшего сына для «дохтурского учения» в Падую, так же, как был отправлен в Италию сын дьяка В.Т. Постникова, Петр [Шмурло, 1894; см. также: Кислова, 2019, с. 53–59]. Очевидно, что И.М. Волков, используя свои связи, к этому моменту уже решил вопрос в свою пользу, а челобитная была лишь простой формальностью. Это подтверждается тем, что решение Н.М. Зотова выдать проезжую грамоту и 1000 ефимков из приказа княжества Смоленского датировано тем же днем, что и челобитная⁴. Согласно отписке смоленского воеводы и боярина П.С. Салтыкова 22 декабря 1698 г. Г.И. Волков был отпущен из Смоленска «за литовский рубеж», отправившись в свое первое европейское путешествие⁵. С младшими сыновьями Борисом и Петром дьяку пришлось пойти иными путем, но вновь с использованием административного ресурса. Получив назначение в посольство А.А. Матвеева в Голландию, И.М. Волков добился того, что в состав посольства были включены его младшие сыновья с повелением изучить латинский, немецкий и «иных языков и наук» и с царским жалованьем в 100 рублей на человека в год⁶.

Именно в Голландию, для встречи с отцом и братьями, отправился из Италии Г.И. Волков. В своей челобитной 1701 г. отец Григория, И.М. Волков, писал, что его сын за прошедшие два года в Италии научился говорить и писать по латыни, по-итальянски, по-французски и немного по-немецки, причем в изучении латыни он продвинулся так, что смог освоить не только грамматику, но и риторику⁷. Судя по всему, заметив его успехи, И.М. Волков на свой страх и риск, заняв денег в долг в Голландии, отправил в феврале 1701 г. Григория с братом Борисом из Гааги в Париж для продолжения учебы⁸. Однако в челобитной И.М. Волков сетовал на то, что на царское жалованье его детям оставаться в Париже и платить за обучение практически нереально. К тому времени младший сын дьяка Петр уже вернулся в Москву с отцом, чтобы учиться голландскому языку в Немецкой слободе, и И.М. Волков просил его жалованье в 100 рублей за 1701 г. выдать Григорию. Он также предлагал назначить прибавку к жалованью, чтобы можно было не только «пропитаться» в Париже, но и оплатить обучение, т. к. преподаватели требовали с двух братьев за два года обучения 1200 золотых червонных вперед⁹. К тому же, 1000 ефимков, выданных Григорию

³ В справочнике Н.Ф. Демидовой ошибочно назван 1688 г. как год отправки Г.И. Волкова в Италию [Демидова, 2011, с. 120].

⁴ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1701 г. № 50. Л. 4–4 об.

⁵ РГАДА. Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 1. 1698 г. № 7. Л. 17.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1701 г. № 50. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 1.

при отправлении в Падую в 1698 г., были единственной выплатой от правительства, полученной им за годы обучения в Европе. Ф.А. Головин в августе 1701 г. распорядился выдать требуемые 100 рублей на человека Григорию и Борису, а месяц спустя решил вопрос о прибавке. Братьям Волковым должны были перевести в Париж 1200 золотых червонных, в два транша, половину в 1701 г., а половину – в следующем 1702 г.¹⁰

Григорий с братом Борисом вернулись в Москву только в декабре 1704 г. В Посольском приказе Г.И. Волков привел список наук, которым он обучался в Европе. Среди них математика, геометрия, инженерное искусство, фортификация, артиллерия, механика, навигация, архитектура, география и другие. Он освоил французский и итальянский язык и мог переводить с этих языков на русский или, наоборот, с русского на иностранные. Также он «латинского языка умеет довольно и отчасти немецкого и аглинского». К тому же Григорий успел прослушать курс риторики и философии¹¹. Благодаря представленным Григорием «свидетельствам» стало понятно, кто именно обучал его в Париже. Первым преподавателем Григория был Филипп Гутар, «математический, гисторический и географический в парижской королевской академии учитель», который в своем аттестате, выданном в Париже в апреле 1703 г., отмечал, что за три года Г.И. Волков выучился «старые и новые географии, гистории духовной и мирской, математики разумодействительной и рукодействительной <...> наипаче выучился совершенно воинской архитектуры <...> в строении городов и их обороне обучился»¹². Вторым преподавателем Г.И. Волкова был некий Паран, «математических наук и самая физики в городе учитель», у которого русский ученик изучал два года « навигацкую» или «караблеходную» науку, «перспективу и механику»¹³.

С этого момента для дьяка И.М. Волкова настала пора обращать инвестиции в воспитание в реальные служебные преимущества. Очевидно, зачислить в штат Посольского приказа всех сыновей И.М. Волков не смог. Тем не менее, используя их успехи в изучении иностранных языков, он добился, что Григорий стал с 1705 г. работать в походной Посольской канцелярии под началом Ф.А. Головина и побывал в походах, а Борис устроился в походную канцелярию губернатора А.Д. Меншикова¹⁴. Лишь позже, как только представилась возможность, Г.И. Волков обратился с просьбой зачислить его в штат. В Посольском приказе в этот период был только один переводчик с итальянского (В. Шиллинг), и лишь в 1706 г. был зачислен переводчиком с французского М.П. Шафиров¹⁵. В итоге, в январе 1706 г.

¹⁰ Там же. Л. 5, 7, 11.

¹¹ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1706 г. № 4. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4 об.—5.

¹³ Там же. Л. 5—5 об.

¹⁴ Там же. Л. 6—6 об.

¹⁵ Там же. Л. 1—3. В. Шиллинг и М.П. Шафиров также могли переводить с немецкого и латинского языков.

по указу царя Г.И. Волкова было велено зачислить в штат Посольского приказа переводчиком с французского и итальянского языков с жалованьем в 150 рублей в год¹⁶. Приобретенные в Европе навыки были вскоре востребованы на дипломатической службе. В 1707 г. Г.И. Волков был назначен секретарем русского посольства при дворе прусского короля¹⁷. В 1708 г. Г.И. Волкову было велено быть на службе в Дании при после князе В.Л. Долгорукове¹⁸. Осенью 1709 г. Г.И. Волков был назначен ко двору польского короля Августа II, пребывая при князе Г.Ф. Долгорукове¹⁹. За это время он успел набраться дипломатического опыта, потому что постоянно «работал неусыпно в делах <...> царского величества», особенно при последнем назначении к польскому королю, где имел «один без всякия помощи корреспонденцию со всеми министры <...> царского величества»²⁰.

После того, как Григорий был отозван в Россию, он был назначен секретарем в походную Посольскую канцелярию с жалованьем в 300 рублей в год, но его дипломатический опыт и владение французским языком быстро вновь стали востребованными. В 1711 г. он был отправлен во Францию²¹. Отправка Г.И. Волкова планировалась как временная мера, потому что представлять интересы России во Франции должен был князь Б.И. Куракин, возвращавшийся для этого из Англии²². Однако из-за несовпадения позиций по ряду внешнеполитических вопросов Петр I отказался от идеи отправлять своего ведущего дипломата ко двору французского короля. В итоге, Г.И. Волков был вынужден остаться в Париже, а князь Б.И. Куракин наблюдал за его работой, переправляя тайные инструкции, полученные от царя²³. В отсутствие князя Г.И. Волков не только вел переговоры, но и успешно вербовал на русскую службу специалистов, в частности, нанял архитектора и садовника²⁴. Вернуться в Россию из Франции Г.И. Волков смог только через новое поручение. В конце 1712 г. он было направлен в Константинополь, куда был готов отправиться «не внимая ни на что иное, но толко на мою соприродную всеподданейшую ревность к службе вашего царского величества и на исполнение монаршеских указов»²⁵. Судя

¹⁶ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1713 г. № 3. Л. 1.

¹⁸ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1708 г. № 9. Л. 1–1 об.

¹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого / Т. IX. Вып. 2. Под. ред. Б.Б. Кафенгауза. М., 1952. С. 1049.

²⁰ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1713 г. № 3. Л. 1–1 об.

²¹ Там же. Л. 1 об.

²² Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. Под. ред. Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова. С. 528.

²³ См. подробнее: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. XI. Вып. 2 / Под. ред. Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова. С. 430–435.

²⁴ Архив князя Ф.А. Куракина / Под. ред. В.Н. Смольянинова. Саратов, 1894. Т. V. С. 28–29.

²⁵ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1713 г. № 3. Л. 1 об.–2.

по всему, в Турции он так и не успел послужить, вместо этого вернувшись в Россию [Беляков и др., 2021, с. 257]. По возвращении в апреле 1713 г. Г.И. Волков направил челобитную о повышении оклада и назначении в походную Посольскую канцелярию, и спустя два с небольшим месяца дело было решено в его пользу. 1 июля 1713 г. Г.И. Волкову было велено работать секретарем Посольского приказа с жалованьем уже 400 рублей в год²⁶.

Служба младших братьев Г.И. Волкова шла по подобному же пути. Будучи переводчиком Ижорской канцелярии, Б.И. Волков имел некоторое отношение к артиллерийским инвентарям полковника Леметра де Со, а также работал над переводами²⁷. В 1710 г. вместо Б.И. Волкова в Ижорскую канцелярию был переведен переводчик Посольского приказа А.П. Веселовский. Б.И. Волкову было велено вместо него быть переводчиком латинского и французского языков в Посольском приказе. При переводе на эту должность Б.И. Волков несколько выиграл в деньгах. Прежнего жалованья А.П. Веселовского в 200 рублей в год ему не назначили, дав лишь 150 рублей, но это было все равно больше его жалованья в Ижорской канцелярии, составлявшего 100 рублей²⁸. С одной стороны, Б.И. Волков получил большее жалованье и оставлен в привычном для семьи Волковых Посольском приказе. С другой стороны, пребывание при князе А.Д. Меншикове в Ижорской канцелярии также могло иметь свои преимущества. Семья Веселовских была прочно опутана с князем патронатно-клиентельными связями, поэтому этот перевод мог состояться и по инициативе А.П. Веселовского [Серов, 2008, с. 217–218.]. Как бы то ни было, Б.И. Волков, как и старший брат, стал работать в штате Посольского приказа. В 1711 г. Б.И. Волков был отправлен в Берлин при графе А.Г. Головкине, «для переводов и управления прочих дел», где он пробыл до марта 1714 г., после чего отозван в Санкт-Петербург²⁹. В Санкт-Петербурге он после продолжал работать переводчиком в Коллегии иностранных дел [Пекарский, 1862, с. 225–226; Майер, Шамин, 2011, с. 93–94].

Пока братья пребывали в Париже, П.И. Волков изучал различные «науки» в Москве. В 1704 г. он стал учеником школы пастора Э. Глюка³⁰. Несмотря на все проекты пастора, гимназия осталась узко профессиональным учебным заведением, где изучались отдельные иностранные языки и готовились скорее будущие переводчики, нежели европейски воспитанные дворяне³¹. Однако даже после этого устроить Петра в штат Посольского приказа, судя по всему, не было шансов. Изобретательный отец решил пойти другим путем. В феврале 1711 г. дьяк И.М. Волков обратился к началь-

²⁶ Там же. Л. 2–2об.

²⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2 / Под. ред. Б.Б. Кафенгауза. С. 434–435, 438, 570–572, 938.

²⁸ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1710 г. № 24. Л. 1–2.

²⁹ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1714 г. № 37. Л. 1–2.

³⁰ ЧОИДР. 1907. Кн. 1 (220). С. IV.

³¹ Там же. С. XII–XVIII.

никам Посольского приказа Г.И. Головкину и П.П. Шафирову с просьбой. Он говорил, что в письме его старший сын Григорий жаловался, как он был вынужден нанимать немецких писарей «дорогой ценою», и к тому же им он до конца не может доверять. В силу этих причин Григорий просил прислать к нему в качестве секретаря младшего брата Петра, который учился немецкому языку в школе на новгородском подворье. И.М. Волков просил отправить Петра к старшему брату в Саксонию, дав ему денег на проезд и питание, назначив жалованье, выдав проезжую грамоту и подводы³². Снова челобитная дьяка была рассмотрена начальством в тот же день, и было решено отправить П.И. Волкова с жалованьем в 200 рублей в год, а «имя иво с прочими такими ж записать в книгу»³³. Оперативность решения, как и раньше, может говорить о том, что подача челобитной была лишь проявлением установившегося порядка делопроизводства, тогда как принципиальным согласием начальства И.М. Волков заручился заранее.

После того, как Г.И. Волков был отозван из Саксонии, П.П. Шафиров рекомендовал новому чрезвычайному посланнику России при саксонском дворе Г.Х. Шлейницу П.И. Волкова в качестве копииста. Последний решил использовать пребывание в Европе для своей выгоды. В сентябре 1711 г. он просил выдать ему жалованье на 1712 г., но не только из-за того, что потратил все выданные ему ранее средства, догоняя старшего брата на почтовых лошадях, но и потому что имеет «желание <...> великое» учиться немецкому и французскому языку для службы в Посольском приказе³⁴. Судя по всему, свои 200 рублей в год П.И. Волков получал как раз на обучение «иностранных языков и других наук», потому что все время пребывания его за границей он «чину и оклада» и не имел³⁵. Вместе со Г.Х. Шлейницей он перебрался в Ганновер, а затем во Францию вновь к старшему брату Григорию. После того, как Г.И. Волкова направили в Константинополь, Петру было велено оставаться при тайном советнике и чрезвычайном посланнике бароне Б. фон Шаке в Лондоне. Только в феврале 1714 г. П.И. Волков направил царю челобитную, прося пожаловать ему должность переводчика Посольской канцелярии с соответствующим окладом, и выдав жалованье на текущий год вместе с чрезвычайными выплатами «для здешнего иждивения»³⁶. Эту челобитную П.И. Волков отправил вместе с письмом своему начальнику канцлеру графу Г.И. Головкину, в котором он просил своего «патрона» способствовать исполнению его просьбы³⁷. Решение было принято быстро, и уже в марте 1714 г. было велено зачислить П.И. Волкова

³² РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1711 г. № 6. Л. 1.

³³ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1711 г. № 6. Л. 1 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1711 г. № 37. Л. 1–1 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1714 г. № 8. Л. 1.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1714 г. № 8. Л. 1–1 об.

³⁷ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1714 г. № 8. Л. 2–3.

в штат Посольской канцелярии переводчиком немецкого языка с окладом в 100 рублей в год³⁸.

Не пытаясь проследить дальнейшие служебные траектории братьев Волковых [Беляков и др., 2021, с. 256–258; см. также Пекарский, 1862, с. 226, 298], попробуем оценить воспитательные стратегии их отца. Отправление детей для обучения за границу говорит о расчетливости дьяка И.М. Волкова, который, будучи частью государственного аппарата и тесно связанным с европейскими делами, представлял себе всю выгоду от изучения иностранных языков. Дьяк И.М. Волков сумел распорядиться имеющимися в его распоряжении финансовыми и иными ресурсами, использовать свою роль в служебной иерархии Посольского приказа для быстрого решения вопросов по обучению своих сыновей, подготовив их для дальнейшей дипломатической службы. Для представителей неродовитого дворянства и служилой бюрократии обучение в Европе стало одним из реально работающих каналов вертикальной мобильности, давая шанс продвинуться. Покровительство начинало работать при неких стартовых преимуществах в виде изучения иностранных языков или иных ценных для России начала XVIII в. «наук». История семьи Волковых представляет собой частный случай пресловутой «вестернизации» как особой воспитательной стратегии, преследующей свои практические цели и достигающей их благодаря старательно выстроенной программе.

Литература

- Беляков А. В.* Подьячие Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей памяти В. И. Буганова / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2001. С. 208–220.
- Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. 304 с.
- Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1948. Т. IV. 514 с.
- Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
- Кислова Е. И.* Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII–XVIII в. // Переводы и переводчики в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международной научной конференции / Отв. ред. Лисейцев Д. В., Шамин С. М. М., 2019. С. 53–59.
- Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 91–112.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. 578 с.
- Рамазанова Д. Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М.: Языки славянских культур, 2019. 408 с.
- Серов Д. О.* Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2008. 288 с.

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1714 г. № 31. Л. 1–4.

- Федюкин И.* Проектеры. Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 424 с.
- Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. 238 с.
- Black J.L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. N. Y., 1979. 273 p.
- Okenfuss M.J.* From School Class to Social Caste: The Divisiveness of Early-Modern Russian Education // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 33. H. 3 (1985). P. 335–339.
- Okenfuss M.J.* Technical Training in Russia under Peter the Great // *History of Education Quarterly*. Vol. 13. № 4 (Winter, 1973). P. 325–345.
- Fedyukin I.* Learning to be Nobles: The Elite and Education in Post-Petrine Russia. Ph D. Diss, Chapel Hill, 2009. 310 p.

References

- Belyakov A.V.* Pod'yachie Posol'skogo prikaza vtoroj poloviny XVII veka in Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.) // *Sbornik statej pamyati V.I. Buganova / Otv. red. N.M. Rogozhin*. M., 2001. Pp. 208–220.
- Belyakov A.V., Gus'kov A.G., Lisejcev D.V., Shamin S.M.* Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovarju. M.: Indrik, 2021. 304 p.
- Black J.L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. N. Y., 1979. 273 p.
- Bogoslovskij M.M.* Petr I. Materialy dlya biografii. M.: Sotzkegiz, 1948. T. IV. 514 p.
- Demidova N.F.* Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700): biograficheskij spravochnik. M.: Pamiatniki istoriceskoi mysli, 2011. 720 p.
- Fedyukin I.* Learning to be Nobles: The Elite and Education in Post-Petrine Russia. Ph D. Diss, Chapel Hill, 2009. 310 p.
- Fedyukin I.* Prozhektery. Politika shkol'nyh reform v Rossii v pervoj polovine XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 424 p.
- Kislova E.I.* Dinastiya Postnikovyh: znatoki inostrannyh yazykov i perevodchiki konca XVII–XVIII v. in *Perevody i perevodchiki v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. red. Lisejcev D.V., Shamin S.M.* M., 2019. Pp. 53–59.
- Majer I., Shamin S.M.* Obzory inostrannoj pressy v Kollegii inostrannyh del v poslednie gody pravleniya Petra I // *Rossijskaya istoriya*. 2011. № 5. Pp. 91–112.
- Okenfuss M.J.* From School Class to Social Caste: The Divisiveness of Early-Modern Russian Education // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 33. H. 3 (1985). Pp. 335–339.
- Okenfuss M.J.* Technical Training in Russia under Peter the Great in *History of Education Quarterly*. Vol. 13. № 4 (Winter, 1973). Pp. 325–345.
- Pekarskij P.P.* Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. SPb., 1862. T. I. 578 s.
- Ramazanova D.N.* Ital'yanskaya shkola brat'ev Lihudov v Moskve (1697–1700 gg.). M.: Yasyki slavianskikh kultur, 2019. 408 p.
- Serov D.O.* Administraciya Petra I. M.: OGI, 2008. 288 p.
- Shmurlo E.F.* P.V. Postnikov. Neskol'ko dannyh dlya ego biografii. Yur'ev, 1894. 238 p.

Alexander A. Rogozhin
Oryol College of Music, Oryol, Russia

THE VOLKOV'S INTERPRETERS IN PETRINE RUSSIA:
«WESTERNIZATION», EDUCATIONAL STRATEGIES
AND THE SERVICE OF THE CHANCELLERY BUREAUCRACY
AT THE END OF THE 17TH AND THE BEGINNING
OF THE 18TH CENTURIES

The paper touches upon the issue of Russian bureaucracy's educational strategies in the epoch of Peter I. The Volkovs is the clearest example of the private initiative's role in the education process. The official of the Ambassadorial Prikaz I.M. Volkov chose for his sons the most acceptable form of education for future job and spent considerable financial and other resources on their studies. This work emphasizes the connection between the education received and the trajectories of professional paths of I.M. Volkov's sons.

Keywords: *educational strategies, westernization, Volkovs, service, Ambassadorial Prikaz.*

Агиографическая традиция в русской книжности эпохи Петра Великого

В работе рассматриваются агиографические памятники, появившиеся в петровское время в России: жития, сказания, повести, созданные как по распоряжению светских и церковных властей, так и по инициативе на местах.

Ключевые слова: агиография, Петровская эпоха, сказания о чудесах, чудотворные иконы, местночтимые подвижники

Сравнительно малоизученными источниками эпохи конца XVII — первой четверти XVIII в. остаются памятники русской агиографии: это касается как житий и особенно подборок чудес отдельных подвижников, так и сказаний о чудотворных иконах. Несмотря на то, что последние десятилетия глубоко исследуется житийная традиция отдельных местностей, прежде всего Русского Севера, по-прежнему далеко не все агиографические тексты введены в научный оборот, датировка многих памятников нуждается в уточнении. Кроме того, историков, изучающих источники рассматриваемого периода, агиографический материал в целом интересует в меньшей степени. Наиболее глубоко изучены сюжеты, связанные с преследованием церковными властями культов отдельных местных подвижников: детальное исследование можно найти в трудах Е.Б. Смилянкой, Ив Левин, и особенно А.С. Лаврова [Лавров].

Среди агиографических источников петровского времени выделяется официальная агиография, и, прежде всего, масштабный проект, посвященный св. Александру Невскому. Церемония переноса мощей князя Александра из Владимира в новую столицу была организована в полном соответствии с православной традицией, а время переноса было приурочено к годовщине заключения Ништадтского мирного договора [Соколов, с. 245–256]. Сам князь, канонизированный еще на соборе 1547 г., в петровской России стал покровителем вновь созданного на берегах Невы города; изображать его с 1724 г. на иконах следовало только в великокняжеской одежде, день переноса мощей в Петербург, 30 августа, стал днем празднования памяти св. Александра. Праздник был увековечен и в агиографических памятниках: Гавриилом (Бужинским) были написаны Служба и краткое Житие св. Александра; Служба неоднократно переиздавалась в 1725 г.¹ Другие посвященные Александру тексты, созданные в первой четверти XVIII в., такие как «Слово в день святого благо-

¹ [Гусева, № 175–180; Духанина, с. 154–160]. Отдельные издания Службы святому благоверному великому князю Александру Невскому в настоящее время неизвестны [Гусева, № 1360*, 1361*].

верного князя Александра Невского», произнесенное в Александро-Невском монастыре 23 ноября 1718 г. Феофаном Прокоповичем², во многом являются образцами новой литературной традиции, по-новому рассматривается в них и образ самого благоверного князя [Наумов, с. 608–609].

Культ Александра Невского приобрел государственное значение, продолжали создаваться и тексты, прославляющие чтимые святые. Традиционно, важным фактором, влиявшим на внимание к мощам святого или на чудотворную икону, и, в итоге, на создание агиографического сочинения, было покровительство высоких лиц: так, чудеса 1711–1712 гг. от иконы Богородицы Гребневской были записаны вместе с рассказом о строительстве новой церкви для этой иконы и о поновлении образа заботами царевны Натальи Алексеевны [Романова, 2004, с. 561].

Обратимся теперь к агиографическим памятникам, посвященным святым, которых можно отнести к числу местночтимых. Созданные за пределами столиц в конце XVII – первой четверти XVIII в., они нередко фиксируют традицию местного празднования и почитания путем установления над могилой раки чтимого усопшего раки с балдахином, пении панихид у гроба в памятные даты, обычай приносить обеты или брать песок у гроба, если речь идет о гробнице почитаемого угодника. Ограничения на почитание местночтимых усопших, конечно, сказываются: архиерейская присяга 1716 г. вменяет архиереям надзор за тем, чтобы «неведомых и от церкви несвидетельствованных гробов напрасно не почитали»³, то же повторено в «Духовном регламенте» 1721 г. и более поздних указах, например, от 15 марта 1722 г.⁴ По существу, прекращается празднование отдельным местночтимым святым, таким как Корнилий Переяславский (1721 г.) или Симон Юрьевецкий (1722 г.) [Голубинский, с. 199, 575–576; Наумов, с. 604]. Упоминания о репрессиях за поддержку недостаточно документально оформленных культов, однако, чаще встречаются в источниках более позднего времени, 1730–1740-х гг., когда под сомнение будут поставлены мощи святых, церковное празднование которым под сомнение не ставилось [Голубинский, с. 454–455; Лавров, с. 211–213].

Можно привести пример, связанный с почитанием преподобного Иоасафа Нижегородского. Обретение его мощей произошло в июне 1597 г., когда в Нижегородском Печерском монастыре в результате оползния часть монастыря была разрушена, и на поверхности оказалось захоронение неизвестного, с которым отождествили умершего за несколько десятков лет до того Иоасафа. Известное в настоящее время агиографи-

² Феофан (Прокопович). Слово в день святого благоверного князя Александра Невского. СПб.: тип. Александро-Невского монастыря, 1720.

³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1879. Т. 1. С. 29, [Лавров, с. 212].

⁴ Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689–январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 264. № 195; [Голубинский, с. 434–437].

ческое сочинение, посвященное Иоасафу, датируется XVIII в. «Повесть о целебной милости преподобного схимонаха Иоасафа» сообщает, что в 1702 г., после того, как у гроба Иоасафа исцелилась жительница Балахны Евдокия Михайлова, нижегородский митрополит Исайя дал распоряжение соборному ключарю, священнику Андрею, расследовать этот случай. Почитание Иоасафа продолжалось достаточно открыто: на могиле его служили панихиды, читали каноны, от могилы брали песок. В распросных речах 1745 г. старопечерского священника Ивана Михайлова сообщается, что запрет такой практики связан с именем архиепископа Питирима (всячески боровшегося с культами местночтимых святых, запретившего, в частности, и празднование Симону Юрьевецкому). Запрет был наложен около 1720 г., хотя, надо полагать, соблюдался нестрого, т. к. в 1745 г. вопрос о памяти местночтимого усопшего по-прежнему волновал церковные власти [Романова, 2011].

Запрет на почитание «неведомых гробов», как представляется, привел к тому, что количество сказаний, описывающих чудеса от явленных икон, в петровское время значительно превысило число памятников житийных памятников, посвященных местным подвижникам.

Помимо сказаний об иконах и житий и в XVII в. и позднее нередко можно встретить соединение в одном памятнике повести о явлении и чудесах от иконы и житие подвижника. В качестве примера можно указать вологодское Сказание об иконе Богоматери Заоникиевской и Житие старца Иосифа — памятник 1-й трети XVIII в., основной блок чудес в котором датирован 1717–1718 гг., отдельные чудеса записывались до конца 1720-х гг.⁵ Исследовавший памятник А.Н. Симонов делает вывод, что Сказание содержит указание на установление празднование иноку Иосифа 23 июня 1717 г. [Симонов, с. 129], однако в тексте чудес сохранилось упоминание о пении панихид на могиле преподобного и в более поздний период.

В рукописях XVIII века сохранилось много более ранних агиографических памятников. Наиболее массовым видом редактирования агиографических источников является добавление подборок новых чудес: они присоединяются к сказаниям и повестям, созданным в более раннее время. Кроме того, к уже созданным агиографическим текстам добавляются новые агиографические произведения.

О времени создания многих агиографических памятников, в том числе Сказаний об иконах, точных известий не сохранилось. Так, Сказание о иконе Спаса Нерукотворного и построении обыденной церкви в Ярославле, посвященное событиям 1612 г и 1654 г. и избавлению от мора, было создано вскоре после 1705 г. — времени, когда на месте деревянной обыденной церкви был воздвигнут каменный храм [Буланин, 2004, с. 623].

⁵ Памятник издан: Житие Иосифа Заоникиевского // Кузьмина М.К. Малоизвестные севернорусские жития XV–XVII вв. М.: Водолей, 2018. С. 225–280.

Повести и перечни чудес от икон, созданные именно в первой четверти XVIII в. и посвященные чудотворным иконам, создаются в разных местах: и на Севере, и в Центральной России. Общей чертой этих памятников можно назвать следующее: в тексте представлена запись чудес за короткий промежуток времени, сохраняется такая рукописная традиция в одном – иногда в двух или трех списках. В качестве примера можно привести Сказание о Куртяевской иконе Алексия человека Божия, обретенной в 1706 г. [Климов, Романова] в местечке Куртяево (35 км от современного Северодвинска)⁶, или явление иконы в Красной Луке близ с. Лыскова в Нижегородском крае, чудеса от которой фиксировались на протяжении марта–августа 1711 г. В марте 1711 г. по челобитью попа Троицкой церкви в Красной Луке было дано благословение на ремонт обветшавшего церковного здания. Проявление чудотворных свойств иконы в селе, где церковь нуждалась в ремонте, не было единичным случаем. По крайней мере, Духовный регламент 1721 г. укоряет тех, кто «для вспоможения церковей убогих, или новых построения, повелевали приискивать явления иконы ... и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворною...»⁷.

Итак, в агиографии петровского времени можно указать на существование грандиозных проектов государственного масштаба, на скромную локальную традицию записи чудес, но в этот же период возникает ранее не существовавшая тенденция – создания сводов энциклопедических сведений о святых.

На начало XVIII в. приходится не только создание новых текстов, посвященных местным святым или чтимым иконам, но и время создания указателей – перечней, содержащих краткие данные о святых и святыхнях: неполных, очень неточных, но все же претендующих на всероссийский охват. Сбор сведений о святыхнях особенно активно велся старообрядцами (очень вероятно, что все такого рода проекты так или иначе связаны с противниками никоновской реформы). В 1710 г. известным книжником Тимофеем Лысениным было создано «Свидетельство о святых иконах, где кои обретаются» [Юхименко, 2014, с. 500]. К петровскому времени относится создание иллюстрированного свода данных об иконах Богоматери: «Солнце пресветлое»⁸, создание которого также связывают со старообрядческими книжниками⁹.

По мнению автора настоящей статьи, первой четвертью XVIII в. датируется создание «Книги глаголемой Описание о российских святых» (три наиболее ранних списка этого произведения датируются именно первой

⁶ Почитание св. Алексия в эпоху Петра I – тема для отдельного исследования, однако письменная фиксация чудес от Куртяевского образа ограничивается 1706 г.

⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. 1. С. 8; [Романова, 2012].

⁸ Солнце пресветлое: Русский свод сказаний о богородичных иконах / Под ред. Зименко Е. В., Кобяк Н. А., Комашко Н. И. М., 2021.

⁹ Из последних по времени работ аргументация в пользу этого наблюдения изложена в работе Б. М. Клосса [Клосс, 2020, с. 270–271].

четвертью XVIII в.). «Книга...» включила организованный по географическому принципу (по городам) краткий перечень святых, чтимых Русской Православной церковью, в том числе и подвижников, об установлении празднования которым данных не сохранилось¹⁰.

Большинство созданных и отредактированных в первой четверти XVIII века агиографических произведений не предназначалось для широкого распространения или тиражирования: многие сохранившиеся до нашего времени памятники известны в одном списке. То, что такого рода сочинения вообще сохранились, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, тетрадки с записями чудес от местной святыни бережно хранились — обычно при церкви, иногда на протяжении ряда веков. Во-вторых, с первой трети XVIII в. все чаще встречается целенаправленное собирание местных житий и сказаний — это сборники житий и сказаний, примечательные своим составом — создаваемые, очевидно, в качестве «малой домашней библиотеки». Благодаря публикации Д.К. Уо в научный оборот в полной мере был введен такой сборник начала XVIII в., собранный дьячком хлыновского Богоявленского собора Семеном Федоровичем Поповым. В сборнике сохранился целый ряд памятников провинциальной агиографии, в том числе уникальных, например, Сказание о иконе Успения Богоматери в Обвинском Верх-Язвенском Успенском монастыре в Соликамском уезде [Уо]. Свод тщательно подобранных агиографических памятников представляет собой сборник МГУ, 293 [Клосс, 2020], и две рукописи ярославского иконописца Василия Никитина, одна из которых хранится в ГИМ [Романова, 2017], а другая в настоящее время находится в частном собрании [Белянкин].

Рассмотренный материал позволяет говорить о разнообразии форм, которые принимает агиографическая литература в эпоху Петра I, и о непрерывности традиции создания житийных текстов и повестей о чудотворных иконах. Несмотря на преследования, агиографическая традиция первой четверти XVIII в. сохранила то, что досталось ей по наследству от предыдущих веков, и многое добавила от себя.

Литература

- Белянкин Ю.С.* Редкие рукописные сборники XVII–XVIII вв. из московских частных собраний // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: Сб. статей по итогам Международной научной конференции Двенадцатые Загребинские чтения (5–6 октября 2017 г.). СПб., 2018. С. 138–150.
- Буланин Д.М.* Сказание о иконе Спаса Нерукотворного и построении обыденной церкви в Ярославле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 622–623.

¹⁰ Текст по одному из списков, в сопровождении подробного комментария был издан гр. М.В. Толстым еще в 1888 г (Книга глаголемая Описание о российских святых... М., 1888), научного издания «Книги...» по более ранним спискам нет.

- Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. [Репринтное изд.: М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1998]. 597 с.
- Гусева А. А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1252 с.
- Духанина А. В.* Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах. М.: Лето, 2021. С. 92–169.
- Климов А. И., Романова А. А.* Почитание Куртыевской иконы святого Алексия, человека Божия // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 175–187
- Клосс Б. М.* Писец «Солнца Пресветлого» – старообрядец // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (К 400-летию со дня рождения протопопы Аввакума). М.: ИРИ РАН, 2020. С. 263–272.
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740-х гг. М.: Древлехранилище, 2000. 572 с.
- Левин Ив.* Двоеверие и народная религия в истории России. М.: Индрик, 2004. С. 11–37.
- Наумов А. Е.* Святость в эпоху Петра Первого // Русская агиография. СПб.: Пушкинский дом, 2011. Вып. 2. С. 603–610.
- Романова А. А.* Сказание о иконе Богоматери Гребневской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 561–562.
- Романова А. А.* Письменные свидетельства почитания святых Нижегородского края // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2011. Вып. 9. С. 259–266.
- Романова А. А.* Сказание о явлении иконы Казанской Богоматери в с. Красная Лука в 1711 г. // Вестник церковной истории. 2012. № 3–4. С. 131–139.
- Романова А. А.* Сборник из собрания В. И. Лествицына в Музейском собрании ГИМ // Сборник в честь В. К. Зиборова. СПб., 2017 (Опыты по источниковедению, вып. 5). С. 205–212.
- Симонов А. Н.* Канонизация преподобного Иосифа Заоникиевского и церковные реформы Петра I // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 125–129.
- Соколов Р. А.* Александр Невский – государственный символ Российской империи // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах. М.: Лето, 2021. С. 242–327.
- Уо Д. К.* История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 392, [2] с., ил.
- Юхименко Е. М.* Изучение памятников художественной церковной старины старообрядцами в начале XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 499–508.

References

- Belyankin Yu. S. Redkie rukopisnye sborniki XVII–XVIII vv. iz moskovskih chastnykh sobranij // Kollekcii rukopisnykh knig v sovremennom mire: hranenie i izuchenie: Sb. statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Dvenadcatye Zagrebinskie chteniya (5–6 oktyabrya 2017 g.). SPb., 2018. Pp. 138–150.
- Bulanin D. M. Skazanie o ikone Spasa Nerukotvornogo i postroenii obydennoj cerkvi v Yaroslavle // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. SPb., 2004. Vyp. 3, ch. 4. Pp. 622–623.

- Golubinskii E. E. *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoi tserkvi*. Moskva, 1903. [reprint: M., Krutitzkoe patriarshee podvorie, 1998]. 597 p.
- Guseva A. A. *Svod russkikh knig kirillovskoj pečati XVIII veka tipografij Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ih identifikacii*. M.: Indrik, 2010. 1252 p.
- Duhanina A. V. *Rukopisnaya i staropechatnaya tradicii Zhitiya Aleksandra Nevskogo // Blagovernij velikij knyaz' Aleksandr Nevskij: Blistaya slavoyu na zemle i na Nebesah*. M.: Leto, 2021. Pp. 92–169.
- Klimov A. I., Romanova A. A. *Pochitanie Kurtyaevskoj ikony svyatogo Aleksiya, cheloveka Bozhiya // Vestnik cerkovnoj istorii*. 2006. № 2. Pp. 175–187
- Kloss B. M. *Pisec «Solnca Presvetlogo» – staroobryadec // Staroobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya (K 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)*. M.: IRI RAN, 2020. Pp. 263–272.
- Lavrov A. S. *Koldovstvo i religiya v Rossii: 1700–1740-h gg*. M.: Drevlekhranilishche, 2000. 572 p.
- Levin I. V. *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii*. M.: Indrik, 2004. Pp. 11–37.
- Naumov A. E. *Svyatost' v epohu Petra Pervogo // Russkaya agiografiya*. SPb.: Pushkinskij dom, 2011. Vyp. 2. Pp. 603–610.
- Romanova A. A. *Skazanie o ikone Bogomateri Grebnevskoj // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. SPb., 2004. Vyp. 3, ch. 4. Pp. 561–562.
- Romanova A. A. *Pis'mennye svidetel'stva pochitanija svyatykh Nizhegorodskogo kraja // Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii*. Nizhnij Novgorod, 2011. Vyp. 9. Pp. 259–266.
- Romanova A. A. *Skazanie o yavlenii ikony Kazanskoj Bogomateri v s. Krasnaya Luka v 1711 g. // Vestnik cerkovnoj istorii*. 2012. № 3–4. S. 131–139.
- Romanova A. A. *Sbornik iz sobraniia V. I. Lestvitsyna v Museiskom sobranii GIM // Sbornik v cest V. K. Ziborova*. SPb., 2017 (Opyty po istochnikovedeniiu, vyp. 5). Pp. 205–212.
- Simonov A. N. *Kanonisatsiia prepodobnogo Iosifa Zaonikievskogo I tserkovnye reform Petra I // Vestnik SPbGU*. 2010. Ser. 2. Vyp. 4. Pp. 125–129.
- Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskij – gosudarstvennyj simvol Rossijskoj imperii // Blagovernij velikij knyaz' Aleksandr Nevskij: Blistaya slavoyu na zemle i na Nebesah*. M.: Leto, 2021. Pp. 242–327.
- Uo D. K. *Istoriya odnoj knigi: Vyatka i «ne-sovremennost'» v russkoj kul'ture petrovskogo vremeni*. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2003. 392, [2] p., il.
- Yuhimenko E. M. *Izuchenie pamyatnikov hudozhestvennoj cerkovnoj stariny staroobryadcami v nachale XVIII v. // TODRL*. SPb., 2014. T. 63. Pp. 499–508.

Anastasiya A. Romanova

the Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia

HAGIORAPHICAL TRADITION IN RUSSIAN LITERATURE IN TIME OF PETER THE GREAT

The article deals with hagiographic texts, written in the Petrine time, among them tales, about miracle icons. The author observes different kinds of hagiographical texts (Lives, Tales), written in the 1st quarter of the XVIIIth century, and indexes, such as “Kniga glagolemaia o russkikh svyatykh”.

Keywords: *Russian hagiography, tales about miracle icons, Saints'lives, Peter I.*

Н.В. Салоников
НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

К.В. Суториус
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Новгородская архиерейская школа в первой четверти XVIII века: традиции и новации*

В статье рассматривается феномен Новгородской архиерейской школы, образовательная деятельность которой стала примером синтеза традиционной православной модели образования с европейской образовательной моделью, основу которой составляло преподавание дисциплин «семи свободных искусств». Отмечается вклад, который внесла архиерейская школа в Новгород в распространение просвещения на Северо-Западе России.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, «семь свободных искусств», история образования

История архиерейских школ России петровского времени представляет собой начальный этап создания отечественной регулярной школы: системы среднего и высшего образования. Становление регулярной школы в России — это процесс трансфера в русскую культуру западноевропейской образовательной модели, основу которой составляли дисциплины «семи свободных искусств». Сформировавшийся еще в эпоху классической древности круг дисциплин: грамматика, риторика, диалектика (тривиум) и арифметика, геометрия, астрономия и музыка (квадривиум), в эпоху раннего Средневековья был приспособлен для нужд христианского образования, став основой учебного плана не только монастырских школ Западной Европы, но и артистических факультетов университетов. Среди отечественных историков, занимающихся изучением процесса становления университета в России, особое внимание уделяется трансферу университетской идеи (со всеми присущими ей атрибутами, включая привилегии, присуждение ученых степеней и т. д.) и ее адаптации на русской почве [Университет в Российской империи, с. 18–19]. На наш взгляд, на начальном этапе создания регулярной школы в России большее значение имела не институциональная форма учебного заведения, соответствовавшая или не соответствовавшая западноевропейским образцам, а содержание учебного процесса, связанное с преподаванием дисциплин «семи свободных искусств», прежде всего тривиу-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

ма. В особенности если учесть, что в самой Западной Европе университеты никогда не были единственной формой высшего образования. Университеты отличались от остальных учебных заведений, дававших образование, выше которого получить было невозможно, только тем, что присваивали ученые степени и обладали автономией. При этом неуниверситетские учебные заведения могли образовывать развитые сети. Пожалуй, один из самых известных примеров такой сети – это учебные заведения иезуитов второй половины XVI–XVIII вв., которые оказались прямым преемником гуманистических школ.

Инициатива открытия школ в России XVII–XVIII вв. принадлежала Церкви, что объясняется не только ее материальными и кадровыми возможностями, но и традиционным, средневековым характером образования, основной чертой которого было сакральное знание. При этом создаваемые церковной властью учебные заведения на первых порах были общеобразовательными, а не профессиональными, направленными на подготовку духовенства. Систематическое преподавание в России дисциплин семи свободных искусств началось в первом высшем учебном заведении Московской Руси – Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1685 г. по указу патриаршей власти братьями Иоанникием и Софронием Лихудами [Фонкич, Яламас, с. 10]. Созданные ими учебные заведения в Москве и Новгороде заложили в России основы школьной системы, организованной по европейскому образцу, и подготовили первое поколение отечественных ученых [Григорьева, Салоников, 2008, с. 187–189, 201–203].

В истории культуры и образования петровского времени особое место занимает Новгородская архиерейская школа, основанная в 1706 г. митрополитом Иовом (1697–1716). В последние десятилетия история школы стала объектом постоянного внимания ученых. Это связано, прежде всего, с введением в научный оборот новых источников [Салоников, 2017, с. 182–196; Салоников, Суториус, 2018, с. 20–24], а также изучением на основе их анализа отдельных эпизодов из истории школы: обучение в Новгороде дворянских недорослей в 1715–1717 гг. [Базарова, с. 40–45], превращение школы в центр подготовки учителей для других епархий России в 1723–1725 гг. [Салоников, Суториус, 2019]. Проблемы типологии школы, ее места и значения в истории отечественного образования вызывают среди отечественных исследователей споры. Ученые, специально занимавшиеся историей школы, считают ее высшим учебным заведением типа восточнославянской академии, наряду с Киевской и Московской [Григорьева, Салоников, 2001, с. 77–94; Григорьева, Салоников, 2008, с. 202–203; Вознесенская, 2005, с. 234]. Другие исследователи определяют школу как среднее учебное заведение, поскольку ее открытие не имело формальных признаков академии: не сопровождалось никакими указами со стороны высших властей, а преподавание в ней доходило только до риторики и логики [Андреев, с. 166–167].

История архиерейской школы (1706–1738) может быть условно разделена на три периода по времени правления новгородских владык:

1. Школа при митрополите Иове, 1706–1721 гг. (к этому же периоду следует отнести время викарного правления Новгородской епархией епископа Карельского и Ладожского Аарона (Еропкина), 1716–1721 гг.).
2. Школа при архиепископе Феодосии (Яновском), 1721–1725 гг.
3. Школа при архиепископе Феофане (Прокоповиче), 1725–1738 гг. (на наш взгляд, этот период следует заканчивать не смертью владыки в 1736 г., а назначением учителем латинского языка Иоанна Ястрембского и преобразованием школы по иезуитско-киевской модели).

Документы по истории школы за разные периоды сохранились неравномерно. Документы по истории школы первого периода крайне немногочисленны. Сегодня они представлены письмами митрополита Иова за 1706–1713, 1715 гг.¹, учебными пособиями по грамматике и риторике братьев Лихудов² и комплексом документов об обучении грамоте в Новгороде дворянских недорослей в 1715–1717 гг.³ Несмотря на то, что корреспонденция митрополита Иова – самый ранний источник по истории Новгородской школы, он имеет особенности, которые крайне затрудняют его интерпретацию. В большинстве писем митрополит докладывает различным представителям светской власти о том, что он организовал школу. Подробностей о школе в них сообщается очень мало. Поэтому исследователям приходится реконструировать ее внутреннюю историю ретроспективно, на основании документов следующего десятилетия. Лучше всего известны документы, относящиеся ко второму периоду. Эти документы (прежде всего, ведомости успеваемости учащихся) позволяют подойти к пониманию того, что представляла собой школа как учебное заведение: какие предметы в ней изучались, как проходило обучение, каков был социальный и возрастной состав учеников, кто были учителями⁴. Документы третьего периода представлены фрагментарно делопроизводственными материалами. Они показывают, что школа в это время продолжала существовать, хотя масштаб ее деятельности стал меньше, чем в предшествующий период.

Образовательный проект Новгородского митрополита Иова, реализованный с помощью братьев Лихудов и их учеников, с самого начала был задуман как многофункциональный, направленный не только на обучение, но и на переводческую и книгоиздательскую деятельность [Страхо-

¹ ОР РНБ. Ф. 728 (Соф. собр.). №№ 1425–1427; Ф. 522 (Новгородская духовная семинария). № 133; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31.

² См., в частности: ОР РНБ. Ф. 522. № 72, 73.

³ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 183. Оп. 1. Д. 651, 660, 668.

⁴ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33, 57, 107, 124, 129, 272, 286; РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223; Архив СПб ИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 114.

ва, с. 115–117]. Образование в Новгородской архиерейской школе было многоуровневым, сочетая начальное (рудиментарное) обучение и преподавание дисциплин тривиума, прежде всего, грамматики и риторики. Начальное обучение, характерное для традиционной православной образовательной модели, включало «словесное и письменное правильное учение, то есть букварь, в котором содержится азбука, законное десятословие, молитву Господню, Символ веры и десять блаженств Евангельских с толкованием, по нем Часослов, Псалтырь и писать»⁵. По традиции учить детей «книгочтению» родители могли дома или при церквях. При архиерейском доме в Новгороде существовала букварная или соборная школа для обучения и испытания ставленников. В источниках сохранились лишь упоминания о ней⁶. Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что для ставленников изучение языков в архиерейской школе не было обязательным, они могли получить ставленическую грамоту, освоив только начальный курс. С одной стороны, это является свидетельством того, что архиерейская школа не была сословным профессиональным учебным заведением, готовившим кадры духовенства. С другой стороны, среди учащихся школы мы встречаем учеников, уже посвященных в церковно- и священнослужители⁷. Изучение итоговой ведомости Новгородской архиерейской школы, составленной в 1727 г. и претендующей на то, чтобы содержать информацию обо всех учениках школы с момента ее открытия⁸, дает нам основание утверждать, что в 1706 г. в школу поступили «взрослые» ученики, имевшие уже базовое образование и сразу приступившие к изучению грамматики церковнославянского и греческого языка. Таким образом, обучение в школе давало этим ученикам образование большее, чем начальное.

В 20-е гг. XVIII в. изменяется возрастной состав учащихся: в школу стали принимать детей «школьного» возраста «от семи до осмнатцати лет»⁹, многие из которых начинали обучение в школе с начального курса. Ведомости этого времени показывают последовательность изучения школьных предметов. После освоения начального курса, ученики переходили к обучению грамматики церковнославянского языка, освоив которую могли быть переведены в греческую школу. Время освоения предметов зависело, прежде всего, от усердия и способностей ученика. На изучение начального курса в среднем уходило два года, грамматики церковнославянского языка – полтора года, а греческого – три [Салоников, Суториус, 2020]. У одного учителя в школе могли учиться учащиеся, изучавшие разные предметы.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 144 об.

⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 185.

⁷ Следует отметить, что социальный состав учащихся был разнообразным. В школе учились дворянские дети, дети крестьян и служащих Новгородского архиерейского дома, канцеляристы.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 126–183.

⁹ Синодальный указ от 18 октября 1723 г. об обучении в школах поповских, дьяконских и причетнических детей. См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 90. Л. 358–358 об.

Так, в ведомостях славянской школы встречаются как ученики, изучающие букварь или Псалтирь, так и ученики, изучающие грамматику¹⁰. В ведомостях ученики указываются в порядке освоения ими «учебной программы» по убыванию: в начале те, кто прошли больше, в конце те, кто прошли меньше. Например, в ведомости греческой школы 1723 г. в начале названы шесть учеников, изучавших у иподиакона Федора Максимова славянскую риторику, а затем ученики, изучавшие греческий язык¹¹.

Учебный процесс в архиерейской школе напоминает школы раннего Средневековья, деятельность которых не была строго институализирована, а уровень преподавания и состав преподаваемых предметов зависел от уровня образования учителя. Лучшие из новгородских учеников Лихудов изучили под их руководством греческую грамматику и риторику, которые сами и преподавали в школе. Поэтику в Новгороде преподавали «приглашенные» учителя – учитель иеромонах Иов и архимандрит Филимон. Введение в учебный план школы других дисциплин тривиума, например, диалектики, могло произойти только в случае приглашения в Новгород учителя, имевшего соответствующую квалификацию. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в истории архиерейской школы мы находим свидетельства только одного случая преподавания философии: в 1720 г. иеромонахом Иовом.

В период своего наивысшего подъема, в первой половине 20-х гг. XVIII в., в школе изучались грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика и поэтика. Преподавание поэтики как особой дисциплины засвидетельствовано хуже всего: поэтика изучалась после курса риторики. Мы находим в документах упоминания о преподавании поэтики только в 1716/17 и 1726/27 учебных годах¹². Преподавание риторики засвидетельствовано лучше. Она изучалась после грамматики. Поскольку, видимо, жестких представлений о пределах образования не существовало и элементарные навыки чтения и письма были уже достаточны для того, чтобы начинать службу, ученики могли находиться в школе достаточно долго. Далеко не все ученики после грамматики изучали еще и риторику. Однако то, что изучающих грамматику в школе было больше, чем изучающих риторику, едва ли может быть основанием для предположения, что изучение грамматики было особой специализацией Новгородской школы и особой моделью образования¹³. Грамматическое знание едва ли было самоцелью. Оно было первой ступенькой, которая возвышалась над начальным образованием, и средством для изучения язы-

¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 46–46 об.

¹¹ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–2.

¹² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–4, 6–7 об., 17–17 об. и др.; РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143–144.

¹³ Интересные, хотя и не бесспорные, наблюдения Е. И. Кисловой требуют еще дальнейшей проработки [Кислова, с. 475–491].

ков. Длительная традиция преподавания грамматики церковнославянского языка превратила Новгородскую архиерейскую школу в филологический центр. В 1723 г. в типографии Александро-Невского монастыря была издана грамматика церковнославянского языка, написанная учителем Новгородской школы Федором Максимовым¹⁴. В этом же году по указу Св. Синода Новгородская школа стала центром подготовки учителей грамматики церковнославянского языка из других епархий России¹⁵. Нельзя не упомянуть о том, что еще до этого проекта ученики Новгородской школы стали учителями Псковской архиерейской школы и школы при Александро-Невском монастыре, а также разъехались по тринадцати партикулярным школам Новгородской епархии.

Деятельность архиерейской школы в Новгороде, наряду с деятельностью других епархиальных школ России, стала яркой страницей в истории отечественного образования. Новгородская школа готовила церковную и светскую интеллектуальную элиту для нужд реформированной Петром Великим России. Она давала своим выпускникам общее гуманитарное образование, которое позволяло им строить самые разные траектории карьеры, как на светском поприще, так и в церковном служении. Чрезвычайно важной стороной деятельности школы оказалось то, что она снабжала педагогическими кадрами учебные заведения Северо-Запада России, оказавшись своего рода рассадником (*seminarium*) просвещения и педагогическим университетом, деятельность которого продолжается почти непрерывной вот уже более 300 лет, так что современный Новгородский университет может с не меньшим правом возводить свое основание к 1706 г., чем Тартуский университет к 1632 г.

Литература

- Андреев А. Ю. Начало университетского образования в России в отечественной и зарубежной историографии // Отечественная история. 2008. № 4. С. 157–169.
- Базарова Т. А. «Петербургский класс» Новгородской епархиальной школы 1715–1717 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 43: Петровское время в лицах-2008: Материалы науч. конф. СПб., 2008. С. 40–45.
- Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. Вып. 10(20). СПб., 2005. С. 205–235.
- Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 77–94.
- Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская «академия»: К истории учебных заведений Новгорода XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 185–218.

¹⁴ См. синодальный указ от 12 сентября 1723 г.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 90. Л. 279–279 об.

¹⁵ Там же. Л. 382–382 об.

- Кислова Е. «Грамматическое учение» и модели церковного образования 1720-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. С. 475–491. DOI 10.15826/qr.2019.2.388.
- Салоников Н.В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и Архива СПб ИИ РАН // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 17 (27). Великий Новгород, 2017. С. 182–196.
- Салоников Н.В., Суториус К.В. Ведомости учеников Новгородской архиерейской школы и семинарии как источник по истории образования в первой половине XVIII в. // *Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: Материалы XVII ежегодной науч. конф. историков-архивистов*, 25 мая 2017 г. / Отв. ред. Я.А. Васильев. Великий Новгород, 2018. С. 19–36.
- Салоников Н.В., Суториус К.В. Документы по истории Новгородской архиерейской школы как центра подготовки учителей для епархий Российской империи (1723–1725 гг.) // *Отечественные архивы*. 2019. № 6. С. 52–59.
- Салоников Н.В., Суториус К.В. Преподавание грамматики в Новгородских архиерейских школах в 20–30-е гг. XVIII в. (на материале ведомостей учащихся) // *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. № 5 (30). 2020. DOI 10.34680/2411–7951.2020.5(30).13.
- Страхова О.Б. Новгородская школа братьев Лихудов // *Cyrrillometryodiamum XII*. Thessaloniki, 1998. С. 109–123.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.
- Фонкич Б.Л., Яламас Д.А. Предисловие // *Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения»*. Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / отв. ред. В.Л. Янин, Б.Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 10–11.

References

- Andreyev A. Yu. Nachalo universitetskogo obrazovaniya v Rossii v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii // *Otechestvennaya istoriya*. 2008. № 4. Pp. 157–169.
- Bazarova T.A. «Peterburgskiy klass» Novgorodskoy yeparkhial'noy shkoly 1715–1717 gg. // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Vol.] 43: Petrovskoe vremya v lichah-2008». Saint Petersburg, 2008. Pp. 40–45.
- Fonkich B.L., Yalamas D.A. Predisloviye // *Likhudovskie chteniya: Materialy nauch. konf. «Pervye Likhudovskie chteniya»*. Velikiy Novgorod, 2001. Pp. 10–11.
- Grigor'yeva I.L., Salonikov N.V. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov kak vostochnoslavjanskaya akademiya // *Likhudovskie chteniya: Materialy nauch. konf. «Pervye Likhudovskie chteniya»*. Velikiy Novgorod, 2001. Pp. 77–94.
- Grigor'yeva I. L., Salonikov N.V. Novgorodskaya «akademiya»: K istorii uchebnykh zavedeniy Novgoroda XVIII v. // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Velikiy Novgorod, 2008. Issue 11 (21). Pp. 185–218.
- Kislova E. «Grammaticheskoye ucheniye» i modeli tserkovnogo obrazovaniya 1720-kh // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. No 2. Pp. 475–491. DOI 10.15826/qr.2019.2.388.
- Salonikov N.V. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov pri Feofane (Prokopoviche): obzor dokumentov GANO i Arkhiva SPb II RAN // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik.. Velikiy Novgorod*, 2017. Issue. 17 (27). Pp. 182–196.
- Salonikov N.V., Sutorius K.V. Vedomosti uchenikov Novgorodskoy arkhiereyskoy shkoly i seminarii kak istochnik po istorii obrazovaniya v pervoy polovine XVIII v. // *Dokumental'noye naslediyе Novgoroda i Novgorodskoy zemli. Problemy sokhraneniya*

i nauchnogo ispol'zovaniya: Materialy XVII yezhegodnoy nauch. konf. istorikov-arkhivistov. Velikiy Novgorod, 2018, pp. 19–36.

Salonikov N. V., Sutorius K. V. Dokumenty po istorii Novgorodskoy arkhiereyskoy shkoly kak tsentra podgotovki uchiteley dlya yeparkhiy Rossiyskoy imperii (1723–1725 gg.) // *Otechestvennye arkhivy*. 2019. No. 6. Pp. 52–59.

Salonikov N. V., Sutorius K. V. Prepodavaniye grammatiki v Novgorodskikh arkhiereyskikh shkolakh v 20–30-ye gg. XVIII v. (na materiale vedomostey uchashchikhsya) // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No. 5 (30). 2020. DOI 10.34680/2411–7951.2020.5(30).13.

Strakhova O. B. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov // *Cyrillometryodanum XII*. Thessaloniki, 1998. Pp. 109–123.

Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka / pod obshch. red. A. YU. Andreyeva, S. I. Posokhova. Moscow, 2012. 671 p.

Voznesenskaya I. A. Novgorodskaya shkola brat'ev Likhudov // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Saint Petersburg, 2005. 10 (20). Pp. 205–235.

Nikolay V. Salonikov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russia

Konstantin V. Sutorius

National Research University Higher School of Economic, St. Petersburg, Russia

NOVGOROD ARCHBISHOP SCHOOL IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42029.

The article examines the phenomenon of the Novgorod Archbishop School, whose educational activities became an example of the synthesis of the traditional Orthodox model of education with the European educational model, the basis of which was the teaching of the disciplines of the «seven liberal arts». The contribution made by the Archbishop School in Novgorod to the spread of education in the North-West of Russia is noted.

Keywords: *Novgorod Archbishop School, «seven liberal arts», history of education.*

Петр I – «Великий строитель»

В статье анализируется попытка петербургского чиновника А. П. Башуцкого, автора книги «Панорама Санкт-Петербурга», представить Петра I основоположником российского масонства, а созданную им Северную столицу изобразить как город вольных каменщиков. Автор статьи высказывает предположение, что публикация сочинения Башуцкого, посвященного главному гонителю «детей вдовы», Николаю I, стремившемуся быть похожим на Петра Великого, имела целью реабилитировать в глазах царя российских масонов.

Ключевые слова: Петр I, А. П. Башуцкий, Санкт-Петербург, масонство, Стрелка Васильевского острова

В 1834 г. в Северной столице вышло из печати загадочное сочинение «Панорама Санкт-Петербурга»¹. Автор его — сын военного коменданта столицы А. П. Башуцкий, подполковник в отставке, чиновник особых поручений Министерства юстиции [Шикан, с. 189–192]. Главный герой книги — Петр I. Его образ был представлен в несколько необычном ракурсе. Автор книги назвал Петра I «Великим строителем»². То, что создателя Российской империи, основателя Петербурга, Башуцкий назвал «строителем», представляется вполне естественным. Но вот в сочетании с прилагательным «Великий» определение «строитель» не может не вызвать определенных вопросов. Очевидно, что это не обычный дифирамб, перл красноречия, дань автора привычной риторике. Назвав преобразователя России «Великим строителем», Башуцкий вложил в это определение некое философское содержание, осознать которое предстояло далеко не каждому читателю.

«Панорама» предварена виньеткой английского гравера Т. Райта «Петр — основатель Петербурга, творец величия и славы России» (Ил. 7). Изображение, открывающее книгу, является как бы ключом для правильного понимания скрытого смысла, которым Башуцкий наделил свой необычный опус. Это — своеобразный камертон для читателя «Панорамы Санкт-Петербурга». Только расшифровав главную мысль английского гравера, можно правильно понять основную идею сочинения, которую Райт передал графически.

В конце первой книги помещено словесное описание этого изображения. Оно чрезвычайно выразительно: «Присутствие Петра оживило

¹ Башуцкий А. П. Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 1–3. СПб., 1834.

² Там же. Кн. 3. С. 135.

пустыню: под стопой его *дикий гранит* (курсив мой – М. С.) принимает правильный вид, и зелень пробивается сквозь прах бесплодный. В волнах клубящегося вдали тумана, на берегу моря, возникает юный город; с ним вместе восходит роскошное светило дня; оно золотит стройные верхи Византийского храма и *лет отсюда лучи* (курсив мой – М. С.) на небосклон. Сердцем, взором, дланью, царь-Гений приветствует радостный восход обетованного светила над юною столицей, милой его сердцу, пересозданной им страны; он молит, *да лет на нее вечно благодатный свет свой* (курсив мой – М. С.)...»³.

На виньетке Петр опирается ногой на камень, от которого откололся ненужный кусок. В описании же растолковывается, что «дикий гранит принимает правильный вид». Сквозь же бесплодный прах пробивается «зелень». Обработка дикого камня – это одна из главных аллегорий основополагающей идеи масонского учения: нравственного усовершенствования человечества [Ligou, p. 926–929]. Зеленый же – излюбленный цвет вольных каменщиков. Масонская аллегория очевидна. Имя самого Петра (на русском языке оно означает «камень») в описании виньетки, так же, как и в тексте книги, связывается со «светом», рассеивающим тьму.

Как известно, символика света в масонстве имеет центральное значение [Морамарко, с. 35, 36]. Первым и обязательным условием для принятия в орден Вольных каменщиков было «искание света». Масонская же инициация, то есть посвящение в братство, символически означает «переход от тьмы к свету» [Ligou, p. 722, 1168, 1169].

Вторая часть книги открывается изображением медали И.К. Егера «В память перевезения монолита для пьедестала памятника Петру I»⁴ (Ил. 8). На первый взгляд, это изображение никак не связано с текстом, ибо он вполне соответствует своему заглавию, об открытии же памятника Петру I речь не идет вовсе. О Медном всаднике упоминается лишь в части третьей. Здесь сказано буквально следующее: «Пред Сенатом возвышается гениальное творение Фальконета, монумент, равно достойный того, кому воздвигнут, и той, кем воздвигнут»⁵.

На медали изображено, как каменщики обрабатывают Гром-камень, предназначенный стать пьедесталом легендарному основателю российского масонства. Можно ли было найти более выразительное аллегорическое изображение основной идеи этого сочинения?

Самое замечательное в гравюре Т. Райта то, что «Великий строитель» находится на Стрелке, а на месте Петропавловского собора с легко узнаваемой его колокольней возвышается Храм. Но это не собор Св. Петра и Павла, а некое несуществующее в Петербурге сооружение. Очевидно,

³ Башуцкий А.П. Панорама... Кн. 1. С. 252.

⁴ Собрание русских медалей. Издание Археографической комиссии. СПб., 1840–1846. № 8. С. 169.

⁵ Башуцкий А.П. Панорама... Кн. 3. С. 128.

со Стрелки виднеется храм масонский. Петр изображен с мечом. Его оружие – символ. (О символике меча см.: [Морамарко, с. 41–43]).

Стрелку Васильевского острова Башуцкий наделяет совершенно особым значением. По его словам, вначале здесь ежедневно раздавался залп пушки, которая извещала о наступлении зари, и блестили «первые потешные огни», ныне же «здесь лежат богатства всех поясов земли; теперь блещут светочи Искусств, Художеств, ремесел, промышленности, и светильник Наук неугасимый, незатмевающийся». Для Башуцкого Стрелка – священное место: «Пространство тесное, но поприще обширное для любопытных сближений, для дум высоких и поучительных! Здесь все ознаменовано чудесными событиями; это лестница от мрака к свету...». Опять движение «от тьмы к свету». Еще и по «лестнице». (О символике лестницы см.: [Ligou, p. 419]).

Перед нами аллегория в чистом виде, ибо никакой лестницы на Стрелке Васильевского острова нет. Правда, в здании Биржи лестница присутствует, но про нее никак нельзя сказать, что это лестница всего ансамбля Стрелки, да и подъем по ней никак нельзя охарактеризовать как движение от тьмы к свету, ибо на конце ее света ничуть не больше, чем в начале. Не может не обратить на себя внимание упоминание «дум высоких». В терминологии вольных каменщиков выражение «высокие мысли» является синонимом «масонских идей». (О значении для «детей вдовы» прилагательного «высокий» см. подробно: [Сафонов, с. 146]).

«Любопытное сближение» для «высоких дум», на которое автор «Панорамы» подталкивал читателя, было сделано в 1995 г. Отечественный искусствовед Г.З. Каганов, специалист по истории архитектуры, занимавшийся изучением образа Петербурга, обратил внимание на то, что архитектурный ансамбль Стрелки содержит все основные элементы образа масонского храма. (см. подробно: [Каганов, с. 186–189]).

Как известно самый распространенный масонский символ – это пара отдельно стоящих колонн, которые обозначают вход в масонский храм, а также символизируют собой границу между концом тьмы и началом света [Морамарко, с. 39, 40]. Столб левый (от входа в храм) носит название Йахин, а правый Воаз. Роль Йахин и Воаза на Стрелке играют ростральные колонны, через которые просматривается здание Биржи, имеющие вид античного храма на гранитном постаменте. К этому наблюдению можно добавить, что полукруглая площадь перед зданием Биржи, созданная наподобие искусственной платформы, на которой некогда стоял Иерусалимский храм, массивные гранитные шары на спусках пристани, несут в себе символику розенкрейцерства, то есть ордена, объединявшего в себе масонов высших степеней. Кроме того, сама ландшафтная ситуация Стрелки, расположенной в дельте Невы, заключала в себе созданный рукой природы важнейший масонский символ циркуля.

Все масонские храмы ориентированы на восток. Поэтому здание Биржи, имеющее вид античного храма, отнюдь не является образом храма

масонского. Нельзя не заметить, что с площадки Биржи между двумя колоннами при взгляде на восток открывается картина вполне реального храма – Петропавловского собора. На него указывает стрелка компаса на сфере, расположенной на женской фигуре северной колонны, то есть правой от входа в храм. Очевидно, собор Петра и Павла и являлся масонским храмом, вход в который предваряли Йахин и Воаз – ростральные колонны.

По словам Башуцкого, Стрелка – «это скрижаль, на которой глубокими чертами вырезано только одно имя, но имя, занимающее в себе историю целого века, объясняющее нравственную, важную эпоху жизни целого города»⁶.

Чье же это имя?

Г.А. Каганов полагал, что автор «Панорамы Санкт-Петербурга» имел в виду императора Александра I. Именно он 23 июня 1805 г., накануне главного масонского праздника – Иоаннова дня – заложил здание Биржи, построенное французским архитектором Ж.Ф. Тома де Томоном под непосредственным руководством А.Д. Захарова. Основатель ложи «Соединенных друзей» П.П. Чекалевский, вице-президент Академии Художеств, рекомендовал архитектору состоявшему в той же ложе президенту Академии А.С. Строганову, российскому масону, имевшему самый солидный международный вес в масонских кругах. [Серков, с. 1091–1099]. Тома де Томон воплотил в жизнь замысел, автором которого, по-видимому, был сам Александр I.

Однако в 1834 г., когда были написаны эти строки, про Александра I никак нельзя сказать, что его имя заключало «в себе историю целого века», прежде всего потому, что сам век еще не кончился, миновала лишь одна треть его. Тем более относительно «осмнадцатого столетия» имя старшего сына Павла I не могло объяснять «нравственную, важную эпоху жизни целого города».

Очевидно, Башуцкий подразумевал имя Петра Великого, прах которого покоился в Петропавловском соборе.

Если посмотреть какими эпитетами автор «Панорамы» наделяет Петра I, то нетрудно заметить, что все они взяты из масонского лексикона. Важнее всего то, что Башуцкий называет царя «Великим строителем»⁷. Для любого вольного каменщика это то же самое, что «Великий архитектор», то есть один из основных масонских терминов [Морамарко, с. 44]. О Петропавловском соборе сказано, что «отсюда со времени создания его изливались на Россию мудрый свет и благотворительная теплота»⁸. О Летнем саде говорится, что «здесь, среди смутного шума странных небывалых до того пиров, незаметно лился на Россию свет образования»⁹. Смерть

⁶ Башуцкий А.П. Панорама... С. 119–120.

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Там же. С. 119.

Петра охарактеризована так: «Погаас светильник России»¹⁰. Показателен пассаж, в котором речь идет о будущем страны после смерти ее преобразователя: «Рассеется туман, веками скоплявший черные клубы; солнце взойдет в полном блеске; оно осветит картину силы, величия и стройности, возсевших на безобразном скопище разбитых, смятых, поверженных в прах противных начал, и живительными лучами понесет отсюда к отдаленным краям обширной, могущественной Империи, благотворный свет и теплоту благодатную!»¹¹ То есть Петр I – персонифицированная идея движения от тьмы к свету. Sapienti sat! Преобразования Великого архитектора – это нравственное пересоздание России в духе времени, символом которого стал созданный им город вольных каменщиков.

Поэтому вполне логичным представляется умозаключение автора, которое он поместил в первых же строках своего сочинения о феномене Санкт-Петербурга: «Явление чудесное в мире вещественном и нравственном, явление, озаменованное яркое печатью могущественной, безпредельной воли Царя и силы преданного ему народа; Петербург, в котором совершилось перерождение России; Петербург, явившийся внезапно на отдаленном севере, как огромный *светильник* (курсив мой – М.С.), к которому невольно обратился взор мира; Петербург цветущий, свежий, не оскверненный рукою чуждого завоевателя, первенствующий среди столиц Европейских своею *чудесною* (курсив мой – М.С.) историею, своею красотою, благотельным влиянием на обширнейшую империю, во дни наши носившую в руке своей судьбу Европы! Петербург, беспрестанно напоминающий Петра I, которого: “на что в России ни взгляни: все началом имеет, и чтоб впредь ни делалось, от сего источника черпать будут...”»¹².

Но какие же основания были у Башуцкого причислять Петра I к масонам? История российского масонства начинается с 1731 г., то есть шесть лет спустя после смерти великого преобразователя. Правда, существуют известия о посвящении Петра в масоны за границей (по одной версии в Голландии, по другой в Англии), но они носят легендарный характер. Тем не менее, российские вольные каменщики, как справедливо заметил А.Н. Пыпин, сознательно или бессознательно связывали с масонскими идеями преобразовательную деятельность Петра, «которая была в России таким же нововведением в смысле цивилизации, каким масоны должны были считать и свое братство» [Пыпин, с. 83]. Не случайно в песнях масонских лож елизаветинского времени Петр I воспевался как первый, явивший свет народу, погруженному во мрак. В екатерининское время масонские братья распевали сочинение Г.Р. Державина «Монумент Петра Великого», превозносившее царя, который «Древний мрак наш побеждая, во тьме светильник возжегая и в нас благие нравы лил». В александровское время в ложе

¹⁰ Башуцкий А.П. Панорама... Кн. 1. С. 263.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² Там же. С. II–III.

«Соединенных друзей» произносились речи о том, что Петр Великий «первый явил свет масонства в России». По словам Т.О. Соколовской, «русскими масонами постоянно ставились в связь великие преобразования Петра с теми широкими замыслами распространения света просвещения во всей вселенной, которые внедрялись в ложах... и царь Петр по преданиям был удостоен высшего посвящения...» [Соколовская, с. 15–22].

Очевидно Башуцкий выступил адептом этих идей, когда предложил масонское истолкование феномена Санкт-Петербурга и представил его эзотерические святыни.

Как же автору удалось сделать почти невозможное: в глухое николаевское царствование обнародовать масонский путеводитель по столице?

Башуцкий мастерски использовал иносказания и сумел так замаскировать свои построения, что они остались понятными только лицам посвященным. Автор путеводителя для вольных каменщиков ни разу не употребил термин масонство. Первое же употребление этого слова повлекло бы за собой цензурное запрещение. Поэтому он постоянно пользовался такими терминами, которые являются основополагающими в масонском учении, но в то же время широко употребляются в обыденном языке, и поэтому не могут привлечь к себе внимания непосвященных читателей: «свет», «тьма», «путь от тьмы к свету», «светильник», «камень», «луч».

Но даже в таком замаскированном виде Башуцкому едва ли бы удалось передать читателю свои главные идеи, если бы они не были растворены в массе совершенно не относящихся к основной теме – масонскому прочтению Петербурга – предметов. Именно поэтому сочинение бывшего адъютанта военного генерал-губернатора столицы М.А. Милорадовича представляет собой странную смесь самых разнообразных сведений о Петербурге, причудливый конгломерат истории, беллетристики, журналистики, публицистики, статистики, демографии и ряда других дисциплин и жанров, неестественный симбиоз которых невозможен в путеводителе. Все эти разнообразные сведения представляли собой некую ширму, которая позволяла отвлечь внимание цензуры богатством разнородных фактических сведений и растворить среди них основополагающую идею, которая, тем не менее, была бы совершенно очевидной не для профанов.

Пожалуй, самое любопытное состоит в том, что никаких сведений о принадлежности Башуцкого к масонству нет. Но текст «Панорамы» позволяет причислить его к вольным каменщикам. Автор демонстрирует не только хорошее знание масонского учения, но и занимается его пропагандой. Трудно допустить, чтобы в обстановке правительственных гонений на масонов такого рода деятельностью, которая могла бы повлечь за собой самые печальные последствия, стало бы заниматься лицо, не принадлежащее к их корпорации.

Свой путеводитель по городу вольных каменщиков Башуцкий посвятил Николаю I. Николай же, воцарившись, старался походить на Петра Вели-

кого. Представив Петра I основателем масонского города, не стремился ли Башуцкий своим сочинением призвать царя, притеснителя «детей вдовы», походить на своего великого предка во всем: из гонителя масонов стать их покровителем? Во всяком случае, сам факт публикации такого рода сочинения в период николаевского царствования, когда масонские ложи были запрещены, а вольные каменщики строго преследовались правительством, является важным событием общественно-политической жизни второй четверти XIX в. Как бы то ни было, но на судьбе самого Башуцкого публикация его книги никак не отразилась. В следующем году он получил придворное звание камергера. Более того в 1841 г. автор масонского гида дослужился до помощника статс-секретаря Государственного совета, то есть стал чиновником весьма высокого ранга. На медали, посвященной Гром-камню, изображение которой Башуцкий поместил в своей книге, отгиснута надпись: «Дерзновению подобно». Слова эти вполне могут быть отнесены к самому Башуцкому.

Литература

- Башуцкий А. П.* Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 1. СПб., 1834. 263 с.
Башуцкий А. П. Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 2. СПб., 1834. 271 с.
Башуцкий А. П. Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 3. СПб., 1834. 379 с.
Каганов Г. З. «Святыи град»: Иерусалимские черты в образе Санкт-Петербурга XVIII – начала XIX века // Библия в культуре и искусстве. М., 1996. Вып. XXVIII. С. 175–192.
Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
Пытин А. Н. Масонство в России XVIII – первая четверть XIX в. М., 1916. 575 с.
Сафонов М. М. «Былое и думы» о «России колдунов» // Анти-Эрлих. Pro-Moldova. СПб., 2006. С. 118–173.
Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
Соколовская Т. О. Был ли Петр I масоном? // Море. 1917. № 12. С. 15–22.
Шикан В. Н. Башуцкий А. П. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. А–Г. С. 189–192.
Ligou, D. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris, 1987. 1301 p.

References

- Bashuckij A. P.* Panorama Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg, 1834. Kn. 1. 263 p.
Bashuckij A. P. Panorama Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg, 1834. Kn. 2. 271 p.
Bashuckij A. P. Panorama Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg, 1834. Kn. 3. 379 p.
Kaganov G. Z. «Svyatyi grad»: Ierusalimskie cherty v obraze Sankt-Peterburga XVIII – nachala XIX veka // *Bibliya v kul'ture i iskusstve*. Vyp. XXVIII. Moskva, 1996. Pp. 175–192.
Moramarko M. Masonstvo v proshlom i nastoyashchem. Moskva: Progress, 1990. 304 p.
Pytin A. N. Masonstvo v Rossii XVIII – pervaya chetvert' XIX v. Moskva, 1916. 575 p.

- Safonov M.M.* «Byloe i dumy» o «Rossii koldunov» // *Anti-Erlih. Pro-Moldova*. Sankt-Peterburg., 2006. . 118–173.
- Serkov A.I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000. Enciklopedicheskij slovar'. Moskva: ROSSPEN, 2001. 1222 p.
- Sokolovskaya T.O.* Byl li Petr I masonom? // *More*. 1917. № 12. Pp. 15–22.
- Shikan V.N.* Bashuckij A.P. // *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'*. Moskva., 1989. T. A–G. Pp. 189–192.
- Ligou, D.* Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris, 1987. 1301 p.

Иллюстрации

- Ил. 12.* Гравюра Т. Райта «Петр основатель Петербурга, творец величия и славы России»-Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 3. СПб., 1834. 379 с.
- Ил. 13.* Гравюра с изображением медали И. К. Егера «В память перевезения монолита для пьедестала памятника Петру I».

Mikhail M. Safonov

*St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

PETER I AS A GREAT BUILDER

The article analyzes the attempt of the St. Petersburg official A.P. Bashutsky, the author of the book «Panorama of St. Petersburg», to present Peter I as the founder of Russian Freemasonry, and to portray the Northern capital created by him as a city of freemasons. The author of the article suggests that the publication of Bushutsky's essay dedicated to the main persecutor of "the widow's children", Nicholas I, who sought to be like Peter the Great, was intended to rehabilitate Russian Freemasons in the eyes of the tsar.

Keywords: *Peter I, A.P. Bashutsky, St. Petersburg, Freemasonry, Strelka of Vasilyevsky Island.*

О европейском влиянии в создании дворцов Петра Великого (закупки заграничных товаров для строительства и убранства)

В работе рассматриваются вопросы поставок из-за границы товаров для создания царских резиденций по новой европейской моде, введенной Петром I в России того времени, когда новые архитектурные формы интерьера заполняются новыми по форме и назначению вещами. На основе анализа документов петровского времени представлены сведения, в том числе ранее не опубликованные, о поставках в страну строительных и отделочных материалов, предметов декоративного убранства.

Ключевые слова: *Петр I, царские резиденции, строительные материалы, предметы убранства, картины, гондолы, китайские товары, Летний дворец, Петергоф*

Реформы Петра I, приведшие к колоссальным переменам в самых разных областях жизни общества, касались не только государственного устройства, экономической инфраструктуры, обороны страны. Новые, и в первую очередь европейские, черты появляются также в культуре и в повседневном быту. Они были обусловлены интересом Петра Великого к европейскому опыту. С ним царь, как известно, познакомился еще в московский период жизни. Во время своих заграничных путешествий он жадно интересуется самыми разными сторонами общественного устройства, быта и т. п. в посещаемых им странах. Следуя личным склонностям и увлечениям, Петр I сделал западноевропейские формы жизни обязательными для общества, вводя их подчас насильственным путем. Вследствие европейского влияния появляются новые черты в архитектуре и декоративном решении жилого интерьера в I четверти XVIII в. [Платонов, 1925, с. 148–149; Калязина, 1971, с. 1]. Новые архитектурные формы интерьера необходимо было заполнить новыми по форме и назначению вещами [Евангулова, 1981, с. 101–102; Саверкина, 1995, с. 1]. Дома знати, и в первую очередь располагавшиеся в окружении великолепных барочных садов дворцы царя, с анфиладным расположением комнат с плафонной росписью, стенами, затянутыми дорогими тканями, резными дубовыми панелями, золочеными карнизами, с мраморными полами и пр., украшаются картинами, скульптурами, всевозможными диковинными вещами.

По мере того, как разворачивалось масштабное каменное строительство в новой столице – Петербурге, и в других городах – Нарве, Ревеле, Риге,

на о. Котлин, возрастала потребность как в новых материалах для строительства домов и их отделки, так и в предметах декоративного убранства. Нехватка мастерских и работающих в них квалифицированных мастеров, изготавливавших достаточное количество предметов убранства для устройства интерьеров по новой, европейской моде, вынуждают доставлять их большими партиями также из Европы и других стран, прежде всего из Китая и Персии. При этом покупают ценные, высокохудожественные произведения искусства.

В научной литературе рассматривались вопросы закупок и последующих поставок в новую столицу различных материалов для строительства, отделки и предметов для украшения домов [Андросов, 1985, с. 84–91; Каминская, 1980, с. 7–18; Неверов, 1977, с. 37–53; Левинсон-Лессинг, 1986; Соколова, 1998, с. 213–230; Андросов, 2003; Малиновский, 1980, с. 3–5; Каминская, 1992, с. 36–53; Андреева, 2012, с. 125–135; Мезин, 2015]¹. Анализ архивных материалов предоставляет новые возможности для освещения истории приобретения этих товаров и их использования при создании царских домов по новой европейской моде.

Среди строительных материалов, привозимых из-за границы, в документах неоднократно упоминаются: кирпич (для возведения стен различных сооружений, мощения, изготовления печей для литья пушек и пр.), известь, кровельные доски, свинец, в том числе в листах, мраморная плитка для пола, декоративная настенная плитка и др. Заметим, что их привозят не только в период возросшего спроса, в связи с масштабным строительством вскоре после переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург, но и позднее, в 1720-х годах, когда в стране было налажено производство своих кирпичей, имелась в наличии своя известь, и, конечно, в большом количестве лес, как бревна, так и изготавливавшиеся из них «пильные доски».

О присылке из-за границы «*известии-сементы*» (*здесь и далее курсив мой – Г. С.*) сообщается в письме А. Макарова из Франции к О. Соловьеву от 22 апреля 1717 г. В нем он благодарил «...за посылку извести сементу 10-ти бочек, которыя изволили отправить в Санкт-Питербурх»². Вероятно, в данном случае речь идет о цементе, который называли «известь-семент». Привоз его из-за границы был вызван трудностями производства на месте и, соответственно, нехваткой.

Документы петровского времени содержат много сведений о поставках *кирпича* разного размера и цвета. В неоднократно опубликованном исследователями письме Петра I к Б.И. Куракину от 1 ноября 1713 г. царь требует доставить в город партию голландской плитки. Обратим в нем внимание на следующее: плитки следовало положить на корабль вместо балласта «вместе с кирпичем галанским (который делается из *белой глины*)... также *большого*

¹ Записки Я. Штелины об изящных искусствах в России в XVIII в. Сост. и перев. К.В. Малиновский. М., 1990. Т. 1–2.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84/1. Л. 19.

кирпича, деланного из такой же глины, против посланного при сем образца, тысячи три или более выслать». Один вид «кирпича галанского» использовался для изготовления печей для литья пушек. Для чего предназначались «большие кирпичи» из той же белой глины – в письмах не разъясняется. Везли его из Голландии, т. к. в Петербурге «такой белой глины нет, а привозят из Москвы, – то гораздо ставится дорого»³. Т. е. доставка белой глины из Москвы обходилась дороже, чем уже готовых кирпичей из Голландии.

Приведем также несколько вновь выявленных документов, подтверждающих привоз из-за границы кирпича для сооружения царских резиденций. К примеру, в 1722 г., когда шло активное строительство на многих объектах – в петербургской «фортификации», на о. Котлин, в Петергофе, в Летнем саду, в Екатерингофе – из Голландии прибывает большая партия красного кирпича для возведения стен. «Ведение в канцелярию городских дел» от 13 июля 1722 г. сообщает: 9 июня комиссару Ивану Кушелеву «*велено принять с эверса стенных галанских кирпичей* дватцать девять тысяч восемь сот и положить в Санкт-Петербургской фортификации в казарму...». Руководивший работами архитектор Д. Трезини на это отвечал: «вышепомянутого *галанского красного вида кирпича* принято с присланного с котлина острова эверса Федора Солодовникова», целого 24,5 тыс. и ломаного 5 тыс. 800, и он сложен в казармы в фортификации⁴. Заметим, учету подлежал весь кирпич, в том числе битый [Луппов, с. 105].

Из Англии привозили желтые кирпичи. Их употребляли, в частности, для мощения. В письме к князю Б.И. Куракину от 17 мая 1720 царь писал: на корабль, который следовал из Англии, нужно было «положить вместо балласту аглинского желтого кирпичю, которым выстилаютца мосты, тысяч хотя до ста или сколько положитца»⁵. Желтого и красного цвета привозной голландский кирпич использовали также при постройке Новых летних палат (Летнего дворца Екатерины I) в Летнем саду.

В описях 1722 г., где производились записи о выходивших указах и ведениях о расходах казны делам конторы от строений, есть немало примеров выплат денег за доставленные из-за границы строительные материалы. Они подтверждают тот факт, что дорогие, иностранные материалы использовали, главным образом, при строительстве царских домов. Так, запись от 16 августа 1722 г. сообщает о выдаче соляных денег, пятисот рублей, на оплату купленных «*кровельных досок в стекгольме* которыми покрывают в *питергофе* *полаты*» и которые доставлены из Стокгольма к «полатному строению». Деньги следовало перевести «*чрез иноземца агличанина Эмзеля*», «о посылке [денег] немедленно доложить господину Бестужеву», сообщив ему, «чтоб прислал в стекгольм двух подмастерьев которые умеют крыть» кровли. Видимо, для дальнейшего их приглашения на работу в Рос-

³ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 74.

⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (Кн.) 33 А. Л. 107.

⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 18.

сию⁶. 13 1722 г. датирован указ «...о выдаче за провоз из Амстердама на карабле карабелщику Питеру Слесу ...за свинец и кирпич которой приняты у него к делам в нитергоф и за прочее девяносто две рублей дватцати алтын две денги...»⁷. 16 июля того же года записан указ о выдаче 116 р. 16 алтын «... по шету карабелщику А(И)нгриана Диркса за провоз из амстердама на карабле ево по пяти тысяч плит мраморовых которые приняты у него к делам в нитергоф»⁸.

Выбор заграничных материалов нередко определялся влиянием тех или иных тенденций, возобладовавших в отделке и оформлении интерьера. Со второй половины XVII в. из Нидерландов распространилось в другие страны Европы использование гладкой, кобальтовой и марганцевой, с внутриглазурной росписью голландской плитки. Петр I познакомился с подобным декором во время Великого посольства и ввел ее в России. Поставки в страну голландской плитки начинают исчисляться тысячами. В петровских домах в Петербурге — в Зимнем, в Летнем дворцах, в павильонах Монплезири и Марли в Петергофе — несколько помещений были облицованы голландскими плитками. Исследованиям о плитковом убранстве домов в петровское время посвящен ряд работ исследователей [Андреева, 2013, с. 90, 91; Дорофеева, 1999, с. 21; Новоселов, 2021, с. 301–314].

Приведем новые сведения из упоминавшихся выше документов 1722 г., где производились записи о выходявших указах и ведениях по расходу казны делам конторы от строений. 15-м числом (указания на месяц в документе нет, но записи идут за январем) датирован указ «о приеме привезенных из москвы китайских плиток семнатцати ящиков в том числе неполной один...»⁹. Указ от 24 марта 1722 г. сообщает «об отпуске в нитергоф к малым приморским полатам для убирания кухни против обрасцов две ящиков травчетых плиток белых то же число ...»¹⁰. Этот факт дает сведения о характере плиткового убранства кухни в «приморских палатах» после произведенных в ней работ по оформлению интерьера в 1722 г.

Для изготовления панелей в помещениях царских домов из-за границы привозили редкие породы дерева. Так, в павильоне Марли был создан кабинет с панелями из чинары (Чинаровый кабинет), который французский полномочный министр при Русском дворе Кампредон ошибочно называл кедром, привезенным царем из Персии [Секарева, Степичева, 2015, с. 200]. Приводим сведения из архивных материалов делам конторы от строений, подтверждающие привоз чинарового дерева в Петербург, которые ранее не сообщались исследователями: 15 октября [1722 г.] записан «указ ...о выбирании при Санкт-Петербурхе чинарового дерева самого лутчаго что потребно

⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.) 31 А. Л. 247.

⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.) 31 А. Л. 237.

⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.) 31 А. Л. 237, 296 об.—297.

⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.) 31 Б. Л. 483

¹⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 2 (кн.) 31 Б. Л. 493; «Травчетый» — т. е. с растительным орнаментом.

будет...»¹¹. Заметим, из привезенного дерева «выбирают» «самое лутчее». В силу дороговизны и редкости, вероятнее всего, его использовали для отделки в царском доме.

Высокохудожественные произведения искусства можно было встретить в царских дворцах и домах знатных сановников и в допетровское время. При Петре I их везут в Россию из Европы и других стран для устройства интерьеров по новой моде большими партиями.

Одним из таких новых явлений в оформлении интерьера петровского времени явилось размещение в домах на европейский манер *картин*. Документы свидетельствуют об интересе Петра I к живописи, в том числе европейской, еще в московский период жизни. Картины находились как в комнатах Петра Алексеевича, так и у его матушки, Натальи Кирилловны¹². Есть немало свидетельств о художественных контактах России с Западной Европой, о приглашении живописцев из разных стран во второй половине XVI—XVII вв., работавших в Оружейной палате¹³. А.М. Кучумов отмечает изменение характера отделки дворцовых интерьеров после русско-польской войны 1654—1667 гг.: появлении «золотых» кожаных обоев, мебели по немецким и польским образцам. «Парсуны, картины, граюры и географические чертежи проникают и в боярские дома» [Кучумов, 2004, с. 181].

Особенно сильным становится европейское влияние на весь уклад жизни в основанной Петром I новой столице, Петербурге. Живописными полотнами, в том числе выдающихся мастеров, украшались Зимний дворец царя в городе, Верхние палаты, павильоны Марли, Эрмитаж, Монплеизир в Петергофе. По мнению ряда исследователей в последнем была устроена первая в стране картинная галерея [Голдовский, Знаменов, 1981; Вернова, Тенихина, 1987; Знаменов, Тенихина, 1973]. Картины украшали несколько построек на территории Летнего сада. Значительное собрание живописи находилось в Летнем дворце [Сергеева, 2015, с. 214—230]. В 1720 г. Екатерина распорядилась позолотить 10 медных замков «да репелки» (фигурные медные шляпки гвоздей), на которых *были развешаны картины «числом 80»* [Кузнецова, 1961—1964, с. 9; Кузнецова, Борзин, 1988, с. 174; Кареева, 2015, с. 166]. В этом же году во дворце «зеркала ставили, да еще две кровати ставили, *да палату убирали картинами...*» [Кузнецова, 1961—1964, с. 9].

В «Подлинных анекдотах о Петре Великом» Я. Штелин пишет, что Петр I украсил «комнату перед своей спальней в Петербургском дворце» картинами А. Сило. О наличии превосходных картин в его доме свидетельствует переписка Петра I. В письме к А.Д. Меншикову из Парижа от 23 мая 1717 г. царь писал, чтобы он вместе с Брюсом выбрал несколько «истори-

¹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн. 31 Б). Л. 593 об.

¹² Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. С. 57, 78, 143—144, 161.

¹³ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России в XVIII в. ... Т. 1. С. 35.

ческих картин» «из моих лучших картин, которые есть у Мошкова в доме моем...» и дал их шпалерным мастерам в качестве образцов для создания шпалер¹⁴.

Камер-юнкер Ф. Берхгольц писал в своем дневнике о картинной галерее в Летнем саду, «в которой можно видеть чрезвычайно красивые и дорогие произведения самых знаменитых мастеров». По мнению К.В. Малиновского, это была первая картинная галерея в Летнем саду, которая находилась в одноэтажном каменном переходе, соединявшем Летний дворец и Людские покои. В ней и располагались картины, увиденные Ф. Берхгольцем [Малиновский, 2008, с. 71]. На наш взгляд, судя по дате записи (12 апреля 1723 г.), это могла быть и другая галерея, также богато украшенная картинами. Она находилась возле Новых палат Екатерины, построенных вдоль совр. Лебяжьего канала. Картины в ней видел еще в 30-х гг. XVIII в. К.Р. Берк: «...обшита дубом деревянная галерея, в которой было вывешено много превосходных картин»¹⁵. Произведения как монументальной, так и станковой живописи украшали и другие постройки на территории Летнего сада.

Одним из важнейших факторов, повлиявших на возрастание интереса Петра I к европейскому изобразительному искусству, его стремление укоренить и развить в России художественный вкус и новую моду на произведения живописи, стали поездки в Европу и знакомство с заграничными мастерами и их работами [Левинсон-Лессинг, 1977; Андросов, 2003]. Исследователи подчеркивают значение пребывания Петра Великого в странах Западной Европы в 1697–1698 гг. как нового этапа в развитии личности царя и отмечают, что дополнительный толчок для приобретения картин «должен был возникнуть у царя во время его второго заграничного путешествия 1716–1717 гг.» [Левинсон-Лессинг, 1977, с. 26–27; Андросов, 2003, с. 2].

Отмечено, что пик их приобретения приходится на 1717–1719 гг.: время заграничных поездок Петра I. Для царя покупают произведения выдающихся мастеров: Рембрандта, Ван Дейка, Фан дер Верфа, Я. Стейна, Ф. Воувермана, А. ван Остаде, Брейгеля, Меттельбаха, Бергема и других [Кузнецова, Борзин, 1988, с. 85; Левинсон-Лессинг, 1986; Соколова, 1998, с. 213–230; Андросов, 2003; Малиновский, 1980, с. 3–5; Каминская, 1992, с. 36–53; Каминская, 2001, с. 84–116]. Отметим, что их приобретают не только на аукционах, но и при каждом удобном случае, о чем находим записи в Походных журналах. Так, 8 марта 1716 г. «по указу царского величества» в Гданьске были «куплены у Гданскаго жителя Ягана фон-Гаука две картины больших живописных в черных рамах за 65 ефимков албертусовых». Их следовало выдать «капитану поручику Тихомирову, понеже те ку-

¹⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. Хр. 84/2. Л. 443.

¹⁵ Берк К.Р. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 163.

плены для посылки в Питербурх в дом царского величества»¹⁶. До настоящего времени не идентифицированы картины, купленные годом позже (1717 г.) во французском городе Дюнкерке, через который царь проезжал по пути в Париж: «...три картины: одна пристани, другая города, третья бомбардированья от Агличан Дункерка...»¹⁷. Мы располагаем документом, что они благополучно прибыли в Амстердам и об их дальнейшей судьбе давал распоряжения А. Макаров в письме О. Соловьеву от 21 июня 1717 г.: «Присланные картины из Дункерка до приезде моего изволь держать у себя»¹⁸.

Петр лично дает распоряжения о покупке картин своим агентам¹⁹. Ими, в первую очередь О. Соловьевым и Ю. Кологривовым, было куплено за границей значительное количество произведений западноевропейской живописи. Согласно исследованиям, проведенным А.Г. Каминской, общее количество живописных произведений, доставленных по инициативе Ю. Кологривова, составляет до 200 картин [Каминская, 1992, с. 41]. С.О. Андросов полагает, что общее «число произведений живописи, купленных для петровской коллекции в Голландии и Бельгии в 1716–1717 гг., близко к 300» [Андросов, 2003, с. 14, 15, 17].

Сам Петр, находясь в европейских странах, осматривает как в общественных зданиях, так и в частных домах собрания картин и редкостей, и делает покупки. Я. Штелин пишет: «Его царское величество сам сидит в Амстердаме на аукционе картин у знатока живописи и впоследствии живописца Академии наук в Петербурге г-на Кселля и покупает *несколько сот картин* для своей новой резиденции в Петергофе...»²⁰. Пока не обнаружены документы, подтверждающие личное участие Петра I в аукционах и распродажах картин. Тем не менее, отрицать его присутствие там, на наш взгляд, нельзя. В приведенном тексте вызывает лишь вопрос предлог «у»: царь сидит «на аукционе картин у знатока живописи...». Видимо, это не точный перевод немецкого предлога «bei», означающего не только «у», т. е. «где», но и «возле, около». Таким образом, перевести можно так: «Его царское величество сам сидит в Амстердаме на аукционе картин возле (рядом, около) знатока живописи Кселля...».

Походный журнал содержит много сообщений об *осмотре* Петром живописных собраний Европы: в иезуитских церквях, украшенных «в живописных самых лучших письмах», и в частных домах, в которых «было несколько хороших картин» в Антверпене (1 и 2 июня 1717 г.)²¹; в «Королевском доме на галерее.., где лутчия картины...»²² (3 мая 1717 г) и боль-

¹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 35.

¹⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84/2. Л. 357.

²⁰ Записки Я. Штелина об изящных искусствах ... Т. 1. С. 45.

²¹ Походный журнал 1717 г. СПб., 1855. С. 8, 9.

²² Походный журнал 1717 г. С. 14. Речь идет о посещении царем в Лувре Королевской академии живописи и скульптуры, где объяснения к картинам давал ее директор Антуан Кой-

шой галерее с живописными полотнами в Люксембургском дворце (22 мая 1717 г.) во время визита во Францию. Особенно его поразила картина Ван Дейка «Венера, спрашивающая оружие для Энея». Он ее рассматривал почти четверть часа [Мезин, 2015, с. 173]. Любопытно, что две картины на сюжет Энея – «Эней и Дидона» и «Дидона, сжигающая себя после отъезда Энея» О. Эллигера Младшего (1666–1732), находятся в настоящее время в собрании ГМЗ «Царское Село». Согласно учетным документам, дата их написания – 1719 год. Можно предположить, что они могли быть написаны по указу царя, впечатленного полотном П.П. Рубенса на этот сюжет.

Покупались не только картины, но и приспособления для их развески. Нами найдено архивное свидетельство, имеющее прямое практическое значение для создания экспозиций в петровских дворцах. «Генваря 25-го (1717 г.) [было]...куплено *зеленой ленты* два аршина на персону государя цареви́ча Петра Петрови́ча»²³. Речь идет об известном портрете сына Петра и Екатерины. Документ указывает: оригинальный портрет «шишечки» висел в царском доме на зеленой ленте.

Анализ обнаруженных исследователями и опубликованных списков картин, купленных агентами Петра I за границей [Каминская, 1992, с. 36–53; Андросов, 2003], наряду с другими документами, позволил установить, что некоторые картины, находящиеся в настоящее время в собраниях отдельных пригородных дворцов-музеев, относятся к петровской коллекции живописи. Речь идет, в частности, о картине Матейса Неве «Аллегория строения космоса», купленной О. Соловьевым в 1716 г. на аукционе в Амстердаме²⁴. Нам удалось определить, что она находилась среди 27 картин, помещенных в Летнем дворце в 1853 г. по повелению Николая I. Все эти картины имели на оборотной стороне этикетку с датами передачи их в Камерцалмейстерскую контору – 1741–1744 гг. Это показывает, что они могли быть приобретены до 40-х гг. XVIII в., в петровское время или до этого времени, но никак не позднее. Имена авторов – выдающихся европейских художников – позволяет предположить, что эти картины могли находиться в императорской коллекции. [Сергеева, 2015, с. 214–230]

Еще одно модное влияние времени, ставшее отличительной чертой петровского барокко, – *шинуазри*. Этот жанр стилизации, основанный на подражании восточному искусству, выражался, в том числе, как в декорировании стен китайскими шелковыми тканями, так и насыщении интерьеров восточными, преимущественно китайскими диковинками.

История связей России с Китаем прослеживается с давних времен. В XVII в. возрос интерес к Китаю на Западе и в Русском государстве [Скачков, 1966, с. 152–162]. Первый официальный русский посол в Китае Федор

пель. См.: [Мезин, 2015, С. 65].

²³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 55.

²⁴ Сегодня она находится в собрании Павловского дворца-музея, куда была передана из Летнего дворца Петра I после войны.

Исакович Байков посетил эту страну в 1654 г. В конце XVII в. торговые караваны из Китая привозили в Россию шелковые ткани, хлопчатобумажную ткань «китайку», фарфор, чай, бадьян, кардамон, шафран, яхонты, жемчуг и пр. [Яковлева, 1966, с. 122–150]. Правительство Петра I проявило новую инициативу в целях укрепления и расширения мирных торговых отношений с Китаем. В 1715–1736 гг. было совершено 6 поездок с разными заданиями из России в Пекин шведа Лоренца Ланга [Шафрановская, 1958, № 4, с. 155–159; Шафрановская, 1971, Т. 16. с. 215–222]. В 1719–1722 гг. в Китай для переговоров о торговле был послан Лев Измайлов [Скачков, 1966, с. 152–162]. Помимо высоких дипломатических задач перед ним была поставлена еще одна, имевшая прямое отношение к оформлению царских домов. Он должен был заказать и привезти из Китая шелковые ткани для царя. В 1720 г. камер-юнкер Берхгольц, описывая в своем дневнике вещи, которые Л. Измайлов привез из Китая, особо остановился на описании обоев. Он писал, что капитан заказывал их в Китае, а рисунок для них брал из России. «...Посольство, отъезжая в Китай, запасалось самыми лучшими и самыми модными французскими образцами узоров... Широкая кайма, идущая вокруг всего куска, совершенно во французском вкусе: ее грунт белый, но вся середина красного, зеленого и белого цветов и напоминает несколько китайский манир...». Китайский император повелел изготовить шелка за его счет (30 000 рублей) самым лучшим мастерам. Л. Измайлов привез 18 кусков, «для полной отделки трех больших комнат»²⁵. К сожалению, автор не указал, для каких конкретно помещений привезли эти ткани. М.Л. Меншикова отмечает, что Л. Измайлов заказал 18 шелковых шпалер, срок изготовления которых предполагался три года, и они были доставлены в Петербург в 1722 г. [Меншикова 2003, с. 48]. Л.П. Дорофеева [Дорофеева, Калязина, Михайлов, 1986, с. 175], а позже и М.Л. Рудова [Рудова, 2001, с. 80] предположили, что приобретенные Л. Измайловым обои предназначались для украшения Новых Летних палат Екатерины. Н.В. Калязина пишет [Дорофеева, Калязина, Михайлов, 1986, с. 175], что Новые палаты при Елизавете Петровне разобрали и перенесли вместе с обоями в Екатерингоф. Это мнение, с которым мы солидарны, опровергают другие авторы [Кишук, Кормильцева, Сорокин. 2003, с. 161], отмечая, что исследовательницы перепутали Новые палаты Екатерины с Летним дворцом Анны Иоанновны, который перенесли в Екатерингоф. Добавим к этому, что в 1722 г. шелковые панно никак не могли быть помещены в Новых палатах. В это время там полным ходом шли строительные работы, и к осени, до наступления дождей и снега, успели только крышу сделать.

«Поляк-очевидец», посетивший в 1720 г. Летний дворец Петра I, писал, что дворец был очень красиво украшен различной китайской обивкой²⁶.

²⁵ Дневник камер-юнкера Берхгольца с 1721 по 1725 г. М., 1858. Ч. 2. 1722 г. С. 110–114.

²⁶ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 155–156.

В Екатерингофском дворце Екатерины почти все комнаты были отделаны бархатом и китайскими шелками. [Кищук, Кормильцева, Сорокин. 2003; Сементовская, 1965, с. 3]²⁷.

Несомненный исследовательский интерес представляет собой обнаруженный автором «Реэстр Его Императорского Величества казне». Он находится среди других документов «Росписи что по осмотру и по описи явилось писем и протчаго которые привезены из Адмиралтейства и поставлены в Летнем дому его царского величества»²⁸. В нем записаны различные китайские товары. Среди них золото, ткани в кусках и изделия из тканей — завесы, скатерти, одеяла, наволочки, чехлы и на стулья и др., чай, предметы мебельного убранства: «сорок шесть кусков золота по китайскому весу пять сот лан»²⁹, «один намет столовый бархатной таусинного цвету цвету выткан полузолотьем и шелком с каймами три полосы»³⁰, «восем крышек одеяльных», «шесть завесов красных атласных в них одна таусинного цвету шиты полузолотьем и шелком», «завес фанзовой с мерешками шелковыми и з духами»³¹, «десять подзоров зановесных отласных вишневого цвету на них вышиты слова китайские полузолотьем». Несколько ящиков с тканями: «двенадцать ящиков в них в десяти по сороку в двух по штидесять поставов голей итого пятьсот двенатцать поставов»³², «пять ящиков в них по дватцати канф травчатых итого сто канф»³³, «два чемодана нерпячьих (т. е. из нерпы — Г. С.) в них шездесят пять барсов да пять бобров», «шесть сот гинов чаю черного», несколько предметов мебели: «стол лаковой при нем восемь скамеек ко...х (нрзб. — Г. С.) лаковые», «два шкафа лаковы». В конце списка — запись, дающая важную информацию о том, что привезенные китайские вещи предназначались для убранства царских дворцов: «десять ящиков больших семь ящиков малых с рамами лаковыми *которыя строил в Пекине про обиход в дом Его Императорского Величества агент господин Лоренц Ланг*». Вероятнее всего, Л. Ланг приобрел эти предметы во время поездки 1725—1727 гг., но вещи он вполне мог отправить с караваном в Россию ранее, еще находясь в Пекине.

²⁷ В нач. XX в. они были переданы из Екатерингофского дворца в Эрмитаж. Сохранившиеся из этого дворца шелка экспонируются в настоящее время в Летнем дворце Петра I и в Меншиковском дворце.

²⁸ РГИА. Ф. 45. Д. 584. Л. 10—18.

²⁹ Лан или лян — китайская мера веса, равная 37,3 гр., кусок серебра этого веса употреблялся как монета. Лян и чи, как специализированная единица применительно к определенной деятельности, использовалась в различных ремеслах в качестве традиционной меры веса и длины. В чайной торговле в Китае вес обычно измеряется в цзинах или лянах.

³⁰ Таусинный — синий (от греч. *ταύρις* — «павлин»), синевато-лиловый. То же, что и павлиний. См.: [Василевич, Кузнецова, Мищенко. 2005, с. 17].

³¹ Фанза — китайская шелковая материя, напоминающая тафту.

³² Голи и полуголи — высший сорт камки, камками называли самые разнообразные виды китайских шелковых тканей; постав — старинная русская мера длины тканей. Поставами назывались большие куски, на которые было разрезано привозимое из-за границы сукно. Длина этого куска использовалась как единица измерения.

³³ Канф — толстая одноцветная китайская ткань, похожая на атлас.

Еще одно любопытное европейское заимствование, связанное уже не со строительством и убранством, а с устройством домов, определялось любовью царя к возведению в резиденциях водоемов и перемещениям по ним на гондоле³⁴.

В письме к С.В. Ргузинскому от 11 февраля 1717 г. Петр дает ему распоряжение о найме за границей гондольера и о покупке гондолы: «Также прислать *одинъ гондуль и двух гондуляров...*»³⁵. Гондольер был нанят. Звали его Николай Сантрано. 19 апреля 1717 г. царь писал своему торговому агенту Бранту, что *гондольерный мастер* Николай Сантрано отправлен к канцлеру графу Головкину и что его сопровождает сержант «нашего полку» Яковлев, который «послан от нас с писмами к капитану князю Черкасскому». Их велено отправить в Гамбург водой или сухим путем, а оттуда в Росток к подполковнику князю Голицыну, чтобы тот взял с собой гондольерного мастера, когда пойдет с галерами³⁶. Самого графа Головкина царь уведомил о том же письмом от 4 мая 1717 г.³⁷ Нам известно, что одна из гондол была отправлена С.В. Рагузинским в Россию 23 апреля 1717 г. на корабле «Джон Джудит» вместе с другими заграничными товарами — статуями, скульптурными группами, раковинами в гроты, птицами для вольеров. Они предназначались для убранства царских «огородов».

Перечень предметов, приобретаемых для царских резиденций, далеко не исчерпывается освещенным в данной работе материалом. Мебель, нередко изготавливавшаяся на заказ, дорогие обивочные ткани, солнечные и ветряные часы, кабинеты редкостей (куншткаморы), садово-парковая скульптура лучших мастеров Италии и многое другое составляло их наполнение. Все они являлись свидетельством новых тенденций, возобладавших при строительстве, отделке и убранстве различных архитектурных сооружений и, в первую очередь, домов и дворцов царя, отражая его вкусы и интересы в контексте парадигмы европейских веяний эпохи.

Литература

Андреева Е.А. Голландская расписная плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. 8–10 июня 2011 г. СПб.: Европейский дом. 2012. С. 125–135.

Андреева Е.А. Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: описание палат, хором и сада. Исследования и документы. СПб.: Историческая иллюстрация. 2013. 359 с.

³⁴ Посещая во время визита во Францию Фонтенбло, Петр перемещался там по водоемам на гондоле, а также проплыл на ней часть пути по дороге в Париж.

³⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84/1. Л. 117.

³⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84/2. Л. 383.

³⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84/2. Л. 407, 407 об.

- Андросов С.О.* Русские заказчики и итальянские художники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 286 с.
- Андросов С.О.* О коллекционировании итальянской скульптуры в России в XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1985. Т. 25. С. 84–91.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
- Вернова Н.В., Тенихина В.М.* Марли-Эрмитаж. Л.: Лениздат, 1987. 64 с.
- Голдовский Г.Н., Знаменов В.В.* Дворец Монплеизр в Нижнем парке Петродворца. Л.: Лениздат, 1981. 88 с.
- Дорофеева Л.П.* Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотека. М., 2007. № 24–25. С. 70–77.
- Дорофеева Л.П.* Расписные голландские плитки в петербургских дворцах в петровское время // Первоначальные строения Санкт-Петербурга: (Итоги, исследования, открытия): Тезисы докл. Второй науч. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999. С. 20–24.
- Дорофеева Л.П., Калязина Н.В., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова. М.: Советский художник, 1986. 218 с.
- Евангулова О.С.* Светский интерьер Москвы конца XVII – начала XVIII вв. // Русский город. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. 1981. Вып. 4. Москва и Подмосковье. С. 101–120.
- Знаменов В.В., Тенихина В.М.* Эрмитаж. Павильон-музей XVIII в. в Нижнем парке Петродворца. Л.: Лениздат. 1973. 63 с.
- Калязина Н.В.* Интерьер I четверти XVIII в. (Новое в планировочном и архитектурно-декоративном решении). Автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. Акад. художеств СССР. Ин-т скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Л., 1971. 23 с.
- Каминская А.Г.* К истории приобретения статуи Венеры Таврической // Проблемы развития русского искусства. 1980. Вып. 14. С. 7–18.
- Каминская А.Г.* Основные этапы жизни и творческого пути Ю.И. Кологривова // Россия-Голландия: на перекрестке мнений: Материалы международной научной конференции / под ред. Н.П. Копаневой, И.М. Михайловой и Й. Дриссен-Ван хет Реве. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 129–159.
- Каминская А.Г.* Приобретение картин в Голландии в 1716 году // Русская культура I-й четверти XVIII в. Дворец Меншикова: Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 36–53.
- Каминская А.Г.* Художники Георг и Доротея Гзель в Петербурге. // Из истории петровских коллекций: Сб. научных трудов. Памяти Н.В. Калязиной. СПб.: ГЭ, 2000. С. 84–116.
- Кишук А.А., Кормильцева О.М., Сорокин П.Е.* Екатеринбург. СПб.: Аврора-Медиа, 2003. 126, [1] с., ил.
- Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний Дворец Петра I. Л.: Лениздат, 1988. 190 с.
- Кузнецова О.Н.* Итоги реставрации Летнего дворца Петра I // Летний дворец и Домик Петра I. Бюллетень № 10. Л., 1961–1964. С. 1–42.
- Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. 339 с.
- Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л.: Искусство, 1986. 407 с.
- Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования / науч. ред. Г.Н. Комелова. Л.: Аврора, 1977. С. 3–5.
- Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 190 с., ил.

- Малиновский К. В.* Новые сведения о собрании Картинного зала Большого Царскосельского дворца // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГЭ, 2000. С. 3–5.
- Малиновский К. В.* Описание императорских живописных коллекций в Петербурге и загородных дворцах, составленные Якобом Штелиным // Музей. М.: Советский художник. 1980. Вып. I. С. 3–5.
- Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII в. СПб.: Крига, 2008. 573 с., ил.
- Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015. 310 с., ил.
- Меншикова М. Л.* К истории создания китайских коллекций Петра I // Основателю Петербурга: Материалы конференции к 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб.: ГЭ, 2003. С. 41–53.
- Неверов О. Я.* Памятники античного искусства в России петровского времени. Публикации и исследования // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977. С. 37–53.
- Новоселов Н. В.* Нидерландская расписная плитка Летнего дворца Петра I в Санкт-Петербурге // Петровское время в лицах – 2020: материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 107). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 301–314.
- Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI и XVII вв. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. 150 с.
- Рудова М. Л.* Китайские обои первой четверти XVIII в Меншиковском дворце // Проблемы русской культуры XVIII в.: конф. памяти Н. В. Калязиной: краткое содержание докладов. СПб.: ГЭ, 2001. С. 80.
- Саверкина И. В.* Описи имущества частных лиц, как источники по истории русской культуры I-ой четверти XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 211 с.
- Секарева Е. Р., Степичева И. А.* Марли в Петергофе: историческая и мемориальная значимость дворца // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры: Материалы международной конференции Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 198–208.
- Сементовская А. К.* Обивочные ткани конца XVII и начала XVIII вв. // Летний дворец и Домик Петра I. Бюллетень № 9. Сборник научных работ, посвященных подготовке к проведению реставрации по Летнему дворцу Петра I 1956–1961 гг. Л., 1965. С. 47–57.
- Сергеева Г. И.* Картины из дворца: большое путешествие от Петра I к Петру III и не только // Меншиковские чтения. Научный альманах. СПб., 2015. Вып 6 (15). С. 214–230.
- Сергеева Г. И.* О некоторых закупках за границей для царских «плезирных домов». // Петровское время в лицах-2018. (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 107). СПб., 2018. С. 316–324.
- Соколова И. А.* О художественных особенностях коллекции живописи Петра I // Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого: Сборник научных трудов. СПб.: Европейский Дом, 1998. С. 213–230.
- Скачков П. Е.* История изучения Китая в России в XVII и в XVIII вв. (краткий очерк) // Международные связи в России в XVII и в XVIII вв. М., 1966. С. 152–162.
- Шафрановская Т. К.* О поездках Лоренца Ланга в Пекин // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 155–159.
- Шафрановская Т. К.* Лоренц Ланг и изучение его дневников // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Т. 16. С. 215–222.
- Яковлева П. Т.* Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи в России в XVII и в XVIII вв. М., 1966. С. 122–150.

References

- Andreeva E.A. Gollandskaya raspisnaya plitka v inter'erah dvorca Menshikova v Sankt-Peterburge // *Petrovskie relikvii v sobraniyah Rossii i Evropy: Materialy III Mezhdunarodnogo kongressa petrovskih gorodov. 8–10 iyunya 2011 g.* SPb.: Evropejskij dom. 2012. Pp. 125–135.
- Andreeva E.A. Peterburgskaya rezidenciya A.D. Menshikova v pervoj treti XVIII v.: opisaniya palat, horom i sada. Issledovaniya i dokumenty. SPb.: Istoricheskaya illyustraciya. 2013. 359 p.
- Androsov S.O. Russkie zakazchiki i ital'yanskie hudozhniki. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 286 p.
- Androsov S.O. O kollekcionirovanii ital'yanskoj skul'ptury v Rossii v XVIII v. // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* L.: Iskusstvo, 1985. T. 25. Pp. 84–91.
- Vasilevich A.P., Kuznecova S.N., Mishchenko S.S. Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke / pod obshch. red. A.P. Vasilevicha. M.: KomKniga, 2005. 216 p.
- Vernova N.V., Tenihina V.M. Marli-Ermitazh. L.: Lenizdat, 1987. 64 p.
- Goldovskij G.N., Znamenov V.V. Dvorec Monplezir v Nizhnem parke Petrodvorca. L.: Lenizdat, 1981. 88 p.
- Dorofeeva L.P. Gollandskie plitki v v inter'erah dvorca A.D. Menshikova v Sankt-Peterburge // *Pinakoteka.* M., 2007. № 24–25. Pp. 70–77.
- Dorofeeva L.P. Raspisnye gollandskie plitki v peterburgskih dvorcach v petrovskoe vremya // *Pervonachal'nye stroeniya Sankt-Peterburga: (Itogi, issledovaniya, otkrytiya): Tezisy dokl. Vtoroj nauch. konf. Letnego sada i Dvorca-muzeya Petra I.* SPb., 1999. Pp. 20–24.
- Dorofeeva L.P., Kalyazina N.V., Mihajlov G.V. Dvorec Menshikova. M.: Sovetskij hudozhnik, 1986. 218 s.
- Evangulova O.S. Svetskij inter'er Moskvy konca XVII – nachala XVIII vv. // *Russkij gorod.* M.: Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova. 1981. Vyp. 4. Moskva i Podmoskov'e. Pp. 101–120.
- Znamenov V.V., Tenihina V.M. Ermitazh. Pavil'on-muzej XVIII v. v Nizhnem parke Petrodvorca. L.: Lenizdat. 1973. 63 p.
- Kalyazina N.V. Inter'er I chetverti XVIII v. (Novoe v planirovochnom i arhitekturno-dekorativnom reshenii). Avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya. Akad. hudozhestv SSSR. In-t skul'ptury i arhitektury im. I.E. Repina. L., 1971. 23 p.
- Kaminskaya A.G. K istorii priobreteniya statui Venery Tavricheskoj // *Problemy razvitiya russkogo iskusstva.* 1980. Vyp. 14. Pp. 7–18.
- Kaminskaya A.G. Osnovnye etapy zhizni i tvorcheskogo puti Yu.I. Kologrivova // *Rossiya-Gollandiya: na perekrestke mnenij: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / pod red. N.P. Kopanevoj, I.M. Mihajlovoj i J. Drissen-Van het Reve.* SPb.: Evropejskij dom, 2008. Pp. 129–159.
- Kaminskaya A.G. Priobrenenie kartin v Gollandii v 1716 godu // *Russkaya kul'tura 1-j chetverti XVIII v. Dvorec Menshikova:* Sb. nauch. tr. SPb., 1992. Pp. 36–53.
- Kaminskaya A.G. Hudozhniki Georg i Doroteya Gzel' v Peterburge. // *Iz istorii petrovskih kollekcij: Sb. nauchnyh trudov. Pamyati N.V. Kalyazinoj.* SPb.: GE, 2000. Pp. 84–116.
- Kishchuk A.A., Kormil'ceva O. M., Sorokin P.E. Ekateringof. SPb.: Avrora-Media, 2003. 126, [1] p., il.
- Kuznecova O.N., Borzin B.F. Letnij sad i Letnij Dvorec Petra I.L.: Lenizdat, 1988. 190 p.
- Kuznecova O.N. Itogi restavratsii Letnego dvorca Petra I // *Letnij dvorec i Domik Petra I. Byulleten' № 10.* L., 1961–1964. Pp. 1–42.
- Kuchumov A.M. Stat'i, vospominaniya, pis'ma. SPb.: Art-Palas, 2004. 339 p.
- Levinson-Lessing V.F. Istoriya kartinnoj galerei Ermitazha (1764–1917). L.: Iskusstvo, 1986. 407 p.

- Levinson-Lessing V.F. *Pervoe puteshestvie Petra I za granicu // Kul'tura i iskusstvo petrovskogo vremeni: Publikacii i issledovaniya /* nauch. red. G.N. Komelova. L.: Aurora, 1977. Pp. 3–5.
- Luppov S.P. *Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoj chetverti XVIII v.*, M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 190 p., il.
- Malinovskij K.V. *Novye svedeniya o sobranii Kartinnogo zala Bol'shogo Carskosel'skogo dvorca // Sud'by muzejnyh kolekcij. Materialy VI Carskosel'skoj nauchnoj konferencii.* SPb.: GE, 2000. Pp. 3–5.
- Malinovskij K.V. *Opisanie imperatorskih zhivopisnyh kolekcij v Peterburge i zagorodnyh dvorцах, sostavlennoe Yakobom Shtelinym // Muzej.* M.: Sovetskij hudozhnik. 1980. Vyp. I. Pp. 3–5.
- Malinovskij K.V. *Sankt-Peterburg XVIII v.* SPb.: Kriga, 2008. 573 p., il.
- Mezin S.A. *Petr I vo Francii.* SPb.: Evropejskij dom, 2015. 310 p., il.
- Menshikova M.L. *K istorii sozdaniya kitajskih kolekcij Petra I // Osnovatelyu Peterburga: Materialy konferencii k 300-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga.* SPb.: GE, 2003. Pp. 41–53.
- Neverov O. Ya. *Pamyatniki antichnogo iskusstva v Rossii petrovskogo vremeni. Publikacii i issledovaniya // Kul'tura i iskusstvo petrovskogo vremeni.* L., 1977. Pp. 37–53.
- Novoselov N.V. *Niderlandskaya raspisnaya plitka Letnego dvorca Petra I v Sankt-Peterburge // Petrovskoe vremya v lichah – 2020: materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T.] 107).* SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2021. Pp. 301–314.
- Platonov S.F. *Moskva i Zapad v XVI i XVII vv.* L.: «Seyatel'» E.V. Vysockogo, 1925. 150 p.
- Rudova M.L. *Kitajskie oboi pervoj chetverti XVIII v. Menshikovskom dvorce // Problemy russkoj kul'tury XVIII v.: konf. pamyati N.V. Kalyazinoj: kratkoe sodержanie dokladov.* SPb.: GE, 2001. P. 80.
- Saverkina I.V. *Opisi imushchestva chastnyh lic, kak istochniki po istorii russkoj kul'tury I-oj chetverti XVIII v.* Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1995. 211 p.
- Sekareva E.R., Stepicheva I.A. *Marli v Petergofe: istoricheskaya i memorial'naya znachimost' dvorca // Dvorcy Romanovyh kak pamyatniki istorii i kul'tury: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg – Carskoe Selo – Petergof 7–9 oktyabrya 2013 g.* SPb., 2015. Pp. 198–208.
- Sementovskaya A.K. *Obivochnye tkani konca XVII i nachala XVIII vv. // Letnij dvorec i Domik Petra I. Byulleten' № 9. Sbornik nauchnyh rabot, posvyashchennyh podgotovke k provedeniyu restavracii po Letnemu dvorcu Petra I 1956–1961 gg.* L., 1965. Pp. 47–57.
- Sergeeva G.I. *Kartiny iz dvorca: bol'shoe puteshestvie ot Petra I k Petru III i ne tol'ko // Menshikovskie chteniya. Nauchnyj al'manah.* SPb., 2015. Vyp 6 (15). Pp. 214–230.
- Sergeeva G.I. *O nekotoryh zakupkah za granicej dlya carskih «plezirnyh domov». // Petrovskoe vremya v lichah-2018. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T. 107]).* SPb., 2018. Pp. 316–324.
- Sokolova I.A. *O hudozhestvennyh osobennostyah kolekcii zhivopisi Petra I // Petr I i Gollandiya. Russko-gollandskie nauchnye i hudozhestvennye svyazi v epohu Petra Velikogo: Sbornik nauchnyh trudov.* SPb.: Evropejskij Dom, 1998. Pp. 213–230.
- Skachkov P.E. *Istoriya izucheniya Kitaya v Rossii v XVII i v XVIII vv. (kratkij ocherk) // Mezhdunarodnye svyazi v Rossii v XVII i v XVIII vv.* M., 1966. Pp. 152–162.
- Shafranovskaya T.K. *O poezdках Lorenca Langa v Pekin // Sovetskoe kitaevvedenie.* 1958. № 4. Pp. 155–159.
- Shafranovskaya T.K. *Lorenc Lang i izuchenie ego dnevnikov // Skandinavskij sbornik.* Tallin, 1971. T. 16. Pp. 215–222.
- Yakovleva P.T. *Russko-kitajskaya trgovlya cherez Nerchinsk nakanune i posle zaklyucheniya Nerchinskogo dogovora (1689 g.) // Mezhdunarodnye svyazi v Rossii v XVII i v XVIII vv.* M., 1966. S. 122–150.

Иллюстрации

- Ил. 14.* Малоформатный желтый и красный кирпич в мощении перед западным фасадом Кофейного домика. Археологические раскопки на территории Летнего сада 2011 г.
- Ил. 15.* Нева Матейс (копия с Доминика ванн Вейнена). Голландская школа. Аллегория строения космоса. Х.м. Куплена агентом Петра I Осипом Соловьевым 6 мая 1716 г. на аукционе в Амстердаме. ГМЗ «Павловск». Ранее — Летний дворец.
- Ил. 16.* Фрагменты подлинных китайских шелковых обоев петровского времени (Коллекция Летнего дворца Петра I).
- Ил. 17.* Фрагменты подлинных китайских шелковых обоев петровского времени (Коллекция Летнего дворца Петра I).

Galina I. Sergeeva

State Russian Museum, St. Petersburg, Russia

ABOUT EUROPEAN INFLUENCE IN THE CREATION OF THE PALACES OF PETER THE GREAT (PURCHASES OF FOREIGN GOODS FOR CONSTRUCTION AND DECORATION)

The paper deals with the issues of supplies from abroad of goods for the creation of royal residences according to the new European fashion introduced by Peter I in Russia at that time, when new architectural forms of the interior are filled with new things in form and purpose. Based on the analysis of documents of the time of Peter the Great, information is presented, including previously unpublished information, on the supply of building and finishing materials, decorative items (paintings, Chinese goods) to the country.

Keywords: *Peter I, royal residences, building materials, furnishings, paintings, gondolas, Chinese goods, Summer Palace, Peterhof.*

Податная реформа Петра I и крестьянская община (О некоторых компенсаторных механизмах «выживания» аграрного социума)

Статья посвящена изучению роли общины в системе крестьянского землепользования и налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России в начале XVIII в., накануне и после податной реформы Петра I. Исследование показало, что с введением подушной подати традиционный повитно-потягловый принцип уплаты государственных налогов и владельческой ренты и наделения землей не исчез. Земельные переделы по количеству душ м. п. представляли собой лишь один из трендов, а потому некорректно рассматривать их в компаративных исследованиях в качестве некоей непреложной и вневременной характеристики русской общины.

Ключевые слова: податная реформа Петра I, налоги, подушная подать, крестьянская община, земельный передел

В отечественной историографии обращение к теме податной реформы Петра I происходит преимущественно в связи с исследованием различных аспектов социально-экономической и политической жизни России в первой четверти XVIII в.» [Анисимов, с. 13]. Многие вопросы, связанные с влиянием реформы (и введения подушной подати как важнейшей ее составляющей) на положение отдельных категорий населения, в частности крестьянства, остаются недостаточно исследованными ввиду плохой сохранности источников. Дискуссионность других, например оценка историками «финансовых результатов податной реформы Петра I и прежде всего динамики налогового бремени» или меры ее воздействия на систему крестьянского землепользования и налогово-повинностные практики общины, порой обусловлена еще и различиями в методических подходах исследователей, принципах отбора документов, степенью их «полноты и достоверности» [Дмитриева, Козлов, с. 247–251].

В 2016 г. под грифом Института востоковедения РАН была издана монография известного специалиста по истории Индии Л.Б. Алаева «Сельская община: “Роман, вставленный в историю”». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе», замысел которой, очевидно, предполагал компаративный анализ. Рассуждая о факторах, под воздействием которых идет «изменение форм общины в классовом обществе», автор утверждает: «Введение подушной подати в России Петром I привело к тому, что уже возникший общинный передел стал подушевым (с наделением землей только мужчин,

так как подати платили лишь с “мужской души”). В других странах, где община развивалась сходным образом (страны Ближнего Востока, Япония, Индия), единицей наделения служила упряжка быков, плуг, семья и т. п., но не “душа”, видимо, по причине отсутствия подушной подати» [Алаев, с. 444].

«Я сам не занимался этим вопросом по источникам, — признает автор, когда речь заходит об «изучении функционирования общины в вотчинах и поместьях XVII–XVIII вв.» в России, — но я буду излагать не свое **мнение** (выделено Л.Б. Алаевым. — *Н.С.*), а выводы специалистов, которые никто не оспорил» [Алаев, с. 104, 105]. «В главах о германской и русской общинах, — пишет он далее, — я опирался на богатый материал дискуссий, продолжавшихся более века. Учет аргументов участников споров дает уверенность, что *ничего существенного для освещения проблемы я не упустил*» (курсив мой. — *Н.С.*) [Алаев, с. 347].

Приходится констатировать, что представление Л.Б. Алаева о «существенном» носит произвольный характер. Совокупность работ по истории общины, которые были положены в основу «русской» части книги, крайне нерепрезентативна. Даже не упомянуты оказались труды И.Д. Беляева, М.М. Богословского, И.И. Игнатович, А.С. Лаппо-Данилевского, М.А. Островской. Отсутствуют многие исследования, вышедшие с середины 1970-х гг., включая монографии, в названии которых фигурирует лексема «община». Практически полностью обойдены вниманием работы по истории общины в монастырских вотчинах, население которых составляло значимую часть крестьянской России. Можно лишь предполагать, по какой причине автор проигнорировал изданную в 2006 г. книгу Н.А. Горской «Русская феодальная деревня в историографии XX века», один из очерков которой («Общинные организации сельского населения и формы крестьянского землепользования») имеет к теме непосредственное отношение [Горская, 2006, с. 249–303]. Что касается историографии XXI столетия, то ее, как полагает Л.Б. Алаев, просто не существует. «В настоящее время, — пишет он во введении, — интерес к проблеме сельской общины в стратифицированном обществе в отечественной науке упал. Но отсутствие новых работ по этой проблеме не означает, что прежние представления об этом институте исчезли» [Алаев, с. 20].

* * *

Тезис о связи между введением в ходе податной реформы Петра I подушной подати и земельными переделами не нов. Б.Н. Чичерин писал в исследовании «Обзор исторического развития сельской общины в России», впервые опубликованном в двух номерах журнала «Русский вестник» за 1856 г., что «в XVIII в., когда введена была подушная подать, установился обычай разделять земли по числу душ, написанных в ревизиях» [Чичерин 1858, с. 46]. Эта же мысль, сформулированная в более общем виде,

встречается и в другой работе того же года, «Областные учреждения в России XVII веке»: «Передел земель был прямым последствием вотчинного права и подушной подати» [Чичерин 1856, с. 523].

«Разбор» взглядов Б.Н. Чичерина И.Д. Беляевым был представлен в первой книге журнала «Русская беседа» за 1856 г., а затем издан отдельным оттиском. Рецензент, не оспаривая сам факт раздела земли по душам после введения подушной подати, указывает на существование ранее, до реформы Петра I, иных критериев «распределения» земли между крестьянами: «Вся разница древняго распределения земли с распределением, введенным в следствие указа о подушной подати, состоит в том, что древнее распределение соразмерялось с средствами и силами плательщика: кто имел более средств, более сил, тот получал и больший участок земли, и с тем вместе обязывался платить большую подать; по новому же способу, введенному в следствие указа о подушной подати, земля делилась по числу душ, написанных в ревизиях, так что каждая ревизская душа, был ли то малолетный, или взрослый, или старик, здоровый или больной, богатый или бедный, получала без различия одинакую долю земли» [Беляев, с. 40].

В начале XX в. в заочную дискуссию вступает Н.П. Павлов-Сильванский: «Чичерин писал в 1856 г., что “переделы земель были прямым последствием вотчинного права и подушной подати” (курсив Н.П. Павлова-Сильванского. — *Н.С.*), ведя, следовательно, начало их со времени введения подушной подати. Но это несомненная ошибка, так как “душа” явилась только новой единицей разверстки, заменив старое “тягло”. И “душа” не вытесняет окончательно старое “тягло” в XVIII в., так как уравнение по тяглам сменяет иногда уравнение по душам, как видно из вышеприведенного и других известий. И это замечание Чичерина опровергается немногими, но очень определенными известиями о переделах в XVII в. и в конце XVI в.» [Павлов-Сильванский, с. 255]. На сегодняшний день существование практики земельных переделов до введения подушной подати не вызывает сомнений, «историки почти единодушны в том, что в XVI–XVII вв. при интенсивном развитии многодворных поселений внутри сельских общин фиксируются земельные переделы, хотя еще и не вполне уравнительного характера» [Милов, с. 392].

Соответственно, Л.Б. Алаев констатирует, что «уже возникший общинный передел стал подушевым (курсив мой. — *Н.С.*)». В зависимости от того, «какие принципы лежат в основе переделов», он выделяет три типа: долевого, уравнительного и тягловый. В контексте нашей темы нельзя не обратить внимание на трактовку последнего: «**Тягловый передел** (здесь и далее выделено Л.Б. Алаевым. — *Н.С.*), имеющий целью обеспечение крестьянской семьи наделом, соответствующим ее способности его возделывать и заплатить соответствующий налог или ренту. Здесь тоже возможны варианты “исчисления” производственной силы семьи. Наделяются либо мужчины любого возраста (“ревизские души”), либо брачные пары, либо участок

выдается на пару волов. В этих случаях мерой **прав** общинника служат его **обязанности**, земля обычно находится в собственности некоего возвышающегося над общиной субъекта, который и диктует способ наделения» [Алаев, с. 448]. Иными словами, практику наделения землей по количеству душ м. п. «любого возраста» автор считает тягловым переделом, а не уравнительным. Источники по истории русской общины свидетельствуют, что приведенный в тексте перечень «вариантов “исчисления” производительных сил семьи» не является исчерпывающим, а «способ наделения» не был исключительной прерогативой земельного собственника.

Общеизвестно, что монастырские архивы лучше сохранились, включая документы крестьянского происхождения (челобитные, приговоры мирских сходов и приходно-расходные книги сельских старост, окладные книги и пр.), что создает возможность оценивать меру участия общины и мирского самоуправления в определении принципов, организационных форм и механизмов раскладки тягла, «разруба» государственных налогов и владельческих повинностей, наделения пашенной землей и прочими угодьями, в том числе в динамике — в начале XVIII в., накануне и после податной реформы Петра I.

При дееспособном крестьянском самоуправлении монастыри, как правило, не вмешивались в общинные процедуры, связанные с организацией тяглого обложения, уплаты налогов и ренты, выполнения натуральных повинностей. Землевладелец делегировал сельскому миру и проведение переделов земли. Так, в январе 1703 г. Переславский Федоровский девичий монастырь, ссылаясь на мнение крестьян, подал прошение о возвращении к прежнему способу сбора податей: «А в прошлых, государь, годех собирали с них монастырских крестьян всякие твои великого государя подати и стрелецкий и запросный хлеб и подводы с вытей поземельной, а не з дымов. *И в том меж ими крестьяны была поверстка, село к селу и деревня к деревне против земли с выти помогали.* А ныне они крестьяне село к селу и деревня к деревне не помогают, и меж ими крестьяны стала быть нелубка...»¹. Царский указ, разрешающий вернуться к системе вытного тягла, привел к мере земли и угодий и последовавшему за ней валовому земельному переделу 1703–1704 гг.

В датированной 4 мая 1704 г. сказке крестьян с Ильинского с деревнями изложено решение сельского схода: «Поверстаться нам меж собою пахотную землю и сенные покосы в мире против подмонастырских тяглых крестьян и против писцовых четвертных дач, какова где земля написана по рассмотрению. <...> А буде в селе и в деревнях крестьяны пахотную землю и сенные покосы верстатца не учнут, и против великого государя указу, где в коей деревне земли мало, а крестьян много, в том вольна игумения Мавра с сестрами о вывозке крестьян на пустые жеребьи, куды изволят и сколь-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 102. Картон 7. Д. 190.

ко дворов понадобится, по нашей мирской сказке, что откуда вывести. А которые дворы крестьянские в коей деревне останутца, и ту землю после вывозных крестьян поверстать теми крестьяны пахотною землю и сенные покосы нам же мирским людем по рассмотрению, везде чтобы всем крестьяном во всей вотчине у нас села Ильинского и деревень в равности быть. А земли в пуге не покинуть, и государевы и монастырские подати платить и изделье делать государево и монастырское против великого государя указу с тягла, а не с переписных дымов»².

Распространенная формула источников «верстатца землею и тяглом в равенстве меж собою» при ближайшем рассмотрении оказывается одним из вариантов разверстки — «тягло по земле» или «земля по тяглу». В конце XVII — первой четверти XVIII в. в монастырских вотчинах Центральной России второй, по-видимому, был преобладающим [Соколова, 2015]. Наделение крестьян землей в соответствии с предварительно произведенным тяглым обложением нашло отражение в соборном приговоре того же переславского монастыря: «В деревне Тощебылове промеж всех крестьян в поле и в пустошах Мотаеве и Гурцове разделить пахатную землю по тяглам и сенные покосы поверстать по тяглам же и лес, которой за полосками, и тот лес разделить по тяглу ж. И в том меж ими росписать имянно, кому какая полоса лесу достанетца, и велеть х той росписи приложить вместо их отцу духовному руку. <...> И во всем против вышеписанного поверстать вровно против тягла, и ниhto бы в том числе заделен не был, чтоб впред ни от кого челобитья не было»³. Распределение земельных участков, как в XVII, так и в первой половине XVIII в., осуществлялось по жребью («жеребьи метали») [Вдовина, с. 77; Соколова, 2012, с. 103].

При изменении тяглоспособности части крестьянских дворов община нередко прибегала к «поравнению» тягла с последующим частичным земельным переделом. Примером такого локального передела могут служить события 1718 г. в вотчине приписной к Московскому Донскому монастырю Медведевой пустыни в Дмитровском уезде [Соколова, 2021]. Не сумев разрешить в рамках общины проблему самовольного (т. е. без санкции крестьянского мира или монастыря) отказа части дворовладельцев от той или иной доли тягла (при сохранении в своем пользовании прежнего земельного надела), крестьяне Минеевской выти подали в Донской монастырь челобитную, содержащую просьбу «в тяглой земле и в сенных покосах, и во всяких угодьях [с] их же братья крестьяны поверстать в равенстве». С целью «тягла их крестьянские пустые меж ими поверстать в жило» и «для окладу» община определила 20 «вотчинных лутчих и постоянных и правдивых крестьян»⁴. Мирскими выборными были произведены коррективы дворового

² Архив СПб ИИ РАН. Колл. 102. Картон 7. Д. 273.

³ Там же. Картон 7. Д. 30.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 551.

тягла общинников, повлекшие за собой некоторое перераспределение земли, но без полного ее передела.

Введенный в ходе податной реформы Петра I подушный оклад в одних крестьянских общинах был «канализирован» в традиционный способ повытно-потягольный мирской раскладки государственных налогов и владельческой ренты, с последующим наделением землей «по тяглу». В других — система перераспределения земли претерпела определенные трансформации. При этом очевидно отсутствие единства общинников в вопросе о критериях наделения землей и угодьями. Показательна, например, реакция крестьян вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря в Рузском уезде. Так, в июне 1724 г. крестьянин деревни Медведкова Иван Петров подал челобитную: «Ныне сосед мой Аврам Иванов, которой живет со мной на одной доле, земли отнимает и делит против душ, что у кого душ написано. А у него Аврама семь душ, а у меня три. А за улишные души я ему деньги платить стану». Любопытно обоснование челобитчиком своего права на имеющийся надел: «А она моя долька отца моего исстари, и отец мой поселился на пустоши, а не ис под жильца взята. А оной Аврам отнимает ис под жильца и гонит меня з доли, и мне на той доли ни прокормитца. А буде ему Авраму мало или прокормитца нечем, и он бы так же шел на пустошь или в деревню Любятино на пустую долю, как и отец мой». Взгляд другой стороны конфликта сохранила челобитная Аврама: «И я платил с семи душ, а он с трех, и мне в том платеже не помогает, а земли не уступает». Монастырским указом от 18 июня 1724 г. предписывалось: «Деревни Медветковы крестьяном Авраму Иванову владеть две доли полуосмака, потому что у него написано 7 душ, а Ивану Петрову полуосмаком владеть, для того что у него написано три души. Да и для того им по выше писанному владеть, что оне промеж собою полюбовно договорились, а подушные денги им платить по тяглу»⁵.

Крестьянам деревни Чеклеева «промеж собою полюбовно» договориться не удалось. Челобитная о том, чтобы «в том подушном окладе землю поверстатца против подушных наших платежей», позволяет судить о соотношении тягла и количества душ м. п. в хозяйствах семи подавших ее крестьян и еще восьми дворовладельцев той же деревенской общины, не присоединившихся к прошению. «Тягла под нами малое число, а детей мужеска полу много», — таков главный аргумент челобитчиков, очевидно, оказавшихся в меньшинстве на мирском сходе, где, согласно обычному праву, от каждого крестьянского хозяйства присутствовал с правом голосом лишь один представитель, как правило, дворовладелец. Однако монастырские власти 18 июня 1724 г. предписывают: «Учинить вам в земле равенство, поверстатца безобидно против душ»⁶. Подушное наделение землей в этой монастыр-

⁵ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1724 г. Д. 20. Л. 32–35.

⁶ Там же. 1724 г. Д. 20. Л. 16–17.

ской вотчине в марте 1726 г. подтверждает челобитная Ивана Афанасьева из деревни Коверина. Крестьянин-дворовладелец, у которого живет племянник Василий Федоров, жалуется, что несмотря на то, что он платит за того подушные деньги, община не выделяет полагающуюся на него землю — ни в деревне Каверина, ни в деревне Никольской, где тот родился. Монастырская резолюция констатирует как норму наделение землей в той деревне, в которой кто был записан в ревизию, но оставляет решение о фактических сроках ее исполнения на усмотрение сельского мира: «Им каверинским крестьянам земли дать оному Василию на его душу против своей братии в равенстве. А буде они земли не дадут, велеть подушные деньги за него Василия платить им каверинским крестьянам невозбранно»⁷.

Косвенное свидетельство того, что споры о принципах земельного передела в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря не прекращались и позднее, находим в приговоре мирского схода от 21 июня 1730 г.: «Будучи в селе Новом на монастырском дворе на сходке приговорили по прежним нашим приговорам как села Нового и села Шестакова крестьянам *владеть землею по-прежнему по душам, а по долню не верстать, потому что в народе помешательства великая будет*. А монастырская десятинная пашня поверстана вся по душам, и всякия монастырския зделья работающа по тем же душам»⁸. С учетом обычно-правовой традиции принятия решений сельского схода консенсусом, можно думать, что в дошедших до нас мирских приговорах зафиксированы не только некие колебания во взглядах крестьян на данный вопрос, но и соотношение сил различных группировок внутри общины на конкретном сходе. Оставшиеся в меньшинстве, как свидетельствуют источники, могли обратиться с челобитной к землевладельцу и даже получить его поддержку, что впрочем не служило гарантией нужного решения следующего мирского схода⁹.

Переделы земли и других угодий «по душам» и «по тяглу» длительное время сосуществуют. Так, в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря «по тяглу» эпизодически делили землю и угодья вплоть до 1745 г., а в вотчинах Пафнутьево-Боровского — до 1755 г. Выть и ее доли (осмак, полуосмак и др.) как единицы тягла «начинают исчезать» лишь к середине столетия [Вдовина, с. 76–85]. Постепенный переход к выделению земли в расчете на количество «тягол», т. е. по числу семейных пар, был по сути некоей превращенной формой традиционного «повытно-потягольного» порядка. Как отмечала Н.А. Горская, «первостепенную роль при обложении тяглом внутри мира и в XVII в. играло количество тягол — женатых пар во дворе» [Горская, 1977, с. 30]. Изучение методами математической статистики подворных описаний конца XVII в., содержащих репрезентативные данные о тягле и населении дворов, показало тесную корреляцию трудовых ре-

⁷ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1726 г. Д. 20. Л. 6–7.

⁸ Там же. 1730 г. Д. 4. Л. 1–1 об.

⁹ Там же. 1730 г. Д. 20. Л. 5 об.

сурсов двора и его тягла, а при построении уравнения регрессии именно фактор «количество полных работников» был введен программой первым и на 66% объяснил величину тягла, а соответственно, и земельного надела (коэффициент множественной корреляции 0,811–0,815) [Соколова, 2005, с. 15–17].

Таким образом, крестьянская община «in copore» выступала в качестве одного из «главнейших компонентов механизма “выживания”» как отдельного крестьянского хозяйства, так и аграрного социума в целом [Милов, с. 390]. При этом общины не ставили вопроса об уравнении хозяйственного положения своих членов и не стремились поддержать равновесие в обеспечении их основным средством производства — землей. Принцип уравнительности следует понимать как уравнение соотношения между трудовыми и хозяйственными ресурсами крестьянского двора и его тяглыми обязательствами перед государством и землевладельцем — и, соответственно, земельным наделом. Практика наделения крестьянских дворохозяев землей по количеству душ м.п. (в терминологии Л.Б. Алаева — «подушевой передел») даже в первые десятилетия после податной реформы Петра I представляла собой лишь один из трендов. Соответственно, необходим более корректный выбор «линии сравнения» в компаративных исследованиях по истории общины, дабы они не превращались в имитацию компаративистики.

Литература

- Алаев Л.Б.* Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016. 475 с.
- Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.
- Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Чичерина: Разбор И.Д. Беляева. М., 1856. [2], 47 с.
- Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. 210 с.
- Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. 366 с.
- Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. 360 с.
- Дмитриева З.В., Козлов С.А.* Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.
- Милов Л.В.* Великокорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. 568 с.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в удельной Руси // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1988. С. 152–542.
- Соколова Н.В.* Община в монастырской деревне Центра России в начале XVIII в. (К вопросу о поземельно-хозяйственной функции крестьянского мира) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности ре-

гионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. Москва; Брянск, 2012. С. 91–105.

Соколова Н. В. О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. Москва; Самара, 2015. С. 65–76.

Соколова Н. В. Социальные микроструктуры монастырской деревни в Центральной России конца XVII – первой четверти XVIII в. (Некоторые источники и методы исследования) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2005. С. 12–26.

Соколова Н. В. «... А другую крошку взять в мир» (О функциях крестьянской общины в первой четверти XVIII в.) // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 326–342. DOI 10.31168/94881–516–9.23

Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права: [Сб. ст.]. М., 1858. С. 1–58.

Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России XVII веке. М., 1856. [6], IV, 592, II с.

References

Alaev L. B. Sel'skaya obshchina: «Roman, vstavlennyy v istoriyu». Kriticheskiy analiz teorii obshchiny, istoricheskikh svidetel'stv ee razvitiya i roli v stratificirovannom obshchestve. M.: Lenand, 2016. 475 p.

Anisimov E. V. Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoj podati v Rossii 1719–1728 gg. L.: Nauka, 1982. 296 p.

Belyaev I. D. Obzor istoricheskogo razvitiya sel'skoj obshchiny v Rossii. Soch. B. Chicherina: Razbor I. D. Belyaeva. M., 1856. [2], 47 p.

Chicherin B. N. Obzor istoricheskogo razvitiya sel'skoj obshchiny v Rossii // Chicherin B. N. Opyty po istorii russkogo prava: [Sb. st.]. M., 1858. Pp. 1–58.

Chicherin B. N. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii XVII veke. M., 1856. [6], IV, 592, II p.

Gorskaya N. A. Monastyrskie krest'yane Central'noj Rossii v XVII v. O sushchnosti i formah feodal'no-krepostnicheskikh otnoshenij. M., 1977. 366 p.

Gorskaya N. A. Russkaya feodal'naya derevnya v istoriografii XX veka. M., 2006. 360 p.

Dmitrieva Z. V., Kozlov S. A. Nalogi i vojny v Rossii XVI–XVIII vv. SPb.: Istoricheskaya illyustraciya, 2020. 568 p.

Milov L. V. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa. M., 2006. 568 p.

Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v udel'noj Rusi // Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v Rossii / Otv. red. S. O. Shmidt. M., 1988. Pp. 152–542.

Sokolova N. V. Obshchina v monastyrskoj derevne Centra Rossii v nachale XVIII v. (K voprosu o pozemel'no-hozyajstvennoj funkcii krest'yanskogo mira) // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoj Evropy X–XXI vv.* Moskva; Bryansk, 2012. Pp. 91–105.

Sokolova N. V. O roli obshchiny v sisteme nalogovo-povinnostnyh praktik v monastyrskih votchinah Central'noj Rossii vo vtoroj polovine XVII – pervoj chetverti XVIII v. // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2014 god. Fiskal'naya politika i nalogovo-povinnostnye praktiki v agrarnoj istorii Rossii X–XXI vv.* Moskva; Samara, 2015. Pp. 65–76.

Sokolova N.V. Social'nye mikrostruktury monastyrskoj derevni v Central'noj Rossii konca XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Nekotorye istochniki i metody issledovaniya) // *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii: Mezhvuzovskij tematicheskij sbornik nauchnyh trudov*. Kaliningrad, 2005. Pp. 12–26.

Sokolova N.V. «... A druguyu krosku vzyat' v mir» (O funkciyah krest'yanskoj obshchiny v pervoj chetverti XVIII v.) // *Tradicionnye i novatorskie puti izucheniya social'noj istorii Rossii XII–XX vekov. Sbornik statej v chest' Eleny Nikolaevny Shvejkovskoj*. M., 2021. Pp. 326–342. DOI 10.31168/94881–516–9.23

Vdovina L.N. Krest'yanskaya obshchina i monastyr' v Central'noj Rossii v pervoj polovine XVIII v. M., 1988. 210 p.

Natalia V. Sokolova,

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TAX REFORM OF PETER I AND THE PEASANT OBSCHINA (ON SOME COMPENSATORY «SURVIVAL» MECHANISMS OF THE AGRARIAN SOCIETY)

The article is dedicated to the study of the role of obschina in the system of peasant land use and tax-duty practices in the monastic estates of Central Russia at the beginning of the 18th century, on the eve and after the tax reform of Peter I. The study showed that with the introduction of the per capita tax, the traditional inventory-based principle of land allocation and payment of state taxes and property rent did not disappear. Land redistributions in terms of the number of male souls were only one of the trends, and therefore it is incorrect to consider them in comparative studies as some kind of immutable and timeless characteristic of the Russian obschina.

Keywords: *tax reform of Peter I, taxes, per capita tax, peasant obschina, land redistribution.*

Визуальный образ Петра Великого в русской дореволюционной журналистике: к разработке темы*

Статья рассматривает особенности публикаций изображений Петра Великого в русской периодической печати XIX – начала XX века. На основе сплошного просмотра большого массива русской дореволюционной периодики выделяются наиболее частотные периоды редакционных обращений к визуальному облику Петра Великого и типичные для публикаций в периодике портреты императора, приводятся примеры первых журнальных изображений памятников петровской эпохи и мемориальных предметов.

Ключевые слова: *Петр I, Петр Великий, иконография, визуальный образ, газетно-журнальная иллюстрация, портрет*

Император Николай I в 1831 г. заметил: «Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви» [Стасов, 1903 б, с. 315]. И, хотя это изречение касалось текста вербального, пьесы М.П. Погодина «Петр», но чаще всего именно такой подход демонстрировало и русское, и европейское искусство по отношению к визуальному образу Петра Великого. Жанровый диапазон обращения к облику императора был разнообразен: «изобразительное искусство стремилось обозначить отношение к личности царя-реформатора в самых разных формах: от традиционного в XVIII веке портрета, так называемого парадного и сочиненного, монументальной скульптуры до театрально-условного в живописи рубежа XIX–XX веков» [Хуан Мин Хун, с. 6].

Искусствоведы начала XX века прекрасно понимали, что «ни один русский человек никогда не был чествуем такою громадною массою портретов, изданных не только в его отечестве, но везде и в иноземных государствах, как Петр Великий» [Стасов, 1903 а, с. VI]. Как утверждает современный искусствовед С.В. Моисеева, «европейскими и русскими живописцами было создано около двухсот иконографических разновидностей изображения первого российского императора» [Моисеева, 2015, с. 17]. Учитывая эту небывалую для XVIII века статистику, понятно, что для русской журналистики открывалось богатейшее поле для воспроизведения портретов Петра

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-42018.

Великого и жанровых картин с его участием. На страницах тонких журналов, газет и (реже) толстых журналов встречается огромная и малоизученная иконография Петра Первого: портреты, репродукции жанровых картин и батальных сцен, фотографии петровских мест и памятников, рисунки (в т.ч. репортажные), карикатуры. Рассмотреть всю газетно-журнальную иконографию Петра I невозможно, ограничимся наиболее типичными примерами.

Степень изученности темы, с одной стороны, огромна; иконографии Петра посвящено немало дореволюционных исследований, затем в подобных работах оказался большой перерыв: «столь пристального внимания к иконографии Петра Великого, какое было у исследователей второй половины XIX в., в советский период, и вплоть до сего дня, не было. Практически за последние сто лет эта тема не являлась предметом научных исследований» [Дутов, с. 217]. Сегодня интерес ученых к изучению визуального облика Петра вновь растет на глазах. Но невозможно утверждать, что историки журналистики столь же часто обращались к визуальному образу первого русского императора, как и искусствоведы. Это понятно, ведь «любая найденная картина петровского времени – событие. Обнаруженный портрет самого императора, имеющий имя автора, – подлинная сенсация» [Маркина, с. 11]. А в периодике таких сенсаций не было, здесь почти никогда не печатались оригинальные графические произведения, посвященные Петру I. Газетно-журнальная иллюстрация, повествующая о далеком XVIII веке, редко бывала самостоятельной. Механизм опубликования иллюстраций в книгах (а позже и в периодике) описывает О.Ю. Крылова: «станковые живописные портреты, как и другие произведения живописи, часто использовали в качестве образцов. Прежде всего, с них резали гравюры, что позволяло тиражировать требуемое изображение в более удобном варианте, как для посылки на дальние расстояния, так и для иллюстрирования книжных изданий» [Крылова, с. 61].

В зависимости от юбилейного или неюбилейного повода частотность журналистского обращения к петровской теме колебалась: от образа самого Петра редакции переходили к актуализации российской истории, показывая бережно хранимую память об ушедшей эпохе и петровском наследии. Максимальные всплески обращения отечественной печати к образу Петра были связаны с 200-летием со дня рождения императора, 200-летием основания Санкт-Петербурга, 200-летием Полтавской победы и 300-летием дома Романовых. Выделяются Медный всадник (как визуальный топос), визуальная метафора окна в Европу.

Попытки показать Петра и его деяния предпринимались в русской журналистике задолго до массового иллюстрирования печатных страниц. Неслучайно в стихотворении В.И. Майкова 1816 г., сочиненном в форме надписей на памятном в честь Чесменской победы столпе у могилы Петра Великого, встречаются такие строки:

Победы Первого Петра изображенны,
Коль крат его враги им были пораженны;
Но прочие его преславные дела
Россия нам собой вседневно показывает;
Она им яко Крин Эдемский процвела
И тем величество его изобразует!¹.

Нагнетание слов «изображенны», «показует», «изобразует» в одной строфе ярко демонстрируют попытки поэта вырваться за привычные вербальные рамки.

Иллюстрирование русской журналистики развивалось медленными темпами. Так, С.Н. Глинка, издатель «Русского вестника» – журнала, сосредоточенного на отечественной истории, заявлял в конце 1813 г.: «В уведомлении о Русском вестнике на сей 1813 год я упомянул, что при некоторых книжках будут изображения знаменитых мужей России; по причине чрезвычайных издержек я не мог сего исполнить. Надеюсь на великодушную снисходительность соотечественников»².

Иногда издатели начала XIX века, может, были бы и рады визуально продемонстрировать успехи петровской эпохи, но не могли преодолеть сложившиеся стереотипы. Так, часто публиковавший карты «Военный журнал» не стал воссоздавать графический рисунок пути Персидского похода Петра I, объясняя это тем, что хотя «назначен путь на карте», «карта сия не отыскана»³. Перепечатавший в 1867 г. это сообщение В.В. Комаров не стал сообщать об утрате карты, а обобщенно заключил: «подлинник его хранится в архиве Военно-топографического отдела Главного штаба; при нем приложены карта Каспийского моря и планы городов и укреплений, бывших занятыми русскими войсками»⁴.

Развитие русского светского портрета в России напрямую связано с эпохой Петра Великого. Одно из первых портретных изображений Петра Великого в отечественной периодике появилось уже в 1713 г., когда Алексей Зубов награвировал к заголовочному листу «Книги Марсовой» портрет Петра с оригинала Иоганна Купецкого⁵. Петр в латах, с перекинутой через плечо горностаевой мантией, находится прямо под благотворным лучом, нисходящим с небес. Исследователь петровской портретной иконографии Ф.К. Фридербург утверждал, что гравюра Зубова с портрета Купецкого была «весьма слабого достоинства» [Фридебург, с. 10]. Тем не менее этот

¹ Пантеон славных российских мужей. 1816. Ч. 2. № 8. Апрель. С. 84.

² Уведомление о «Русском вестнике» на 1814 год // Русский вестник. 1813. Часть IV. № 10. 31 августа. С. 129.

³ Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // Военный журнал. 1811. Книжка 22. С. 11.

⁴ Комаров В.В. Персидская война 1722–1725. Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. 1876. Т. 68. № 4. Апрель. С. 566.

⁵ Книга Марсова. СПб., 1713. Л. 7.

«портрет получил широкую известность благодаря гравюре А.Ф. Зубова на фронтиспise “Марсовой книги”» [Моисеева, с. 92]. И здесь мы видим подтверждение огромной роли периодической печати в распространении знаний, в данном случае иконографических. Известно, например, что один из самых «таинственных» портретов Петра, так называемый сербский, был приобретен для Романовской галереи Зимнего дворца после ряда публикаций в исторической периодике⁶.

«Никакая русская историческая личность не была так часто передаваема гравюрою, как Петр Великий. В продолжение двух столетий его всячески воспроизводили и резец гравера, и карандаш литографа», – утверждал дореволюционный исследователь А.А. Васильчиков [Васильчиков, с. 25]. Действительно, портретная иконография Петра Великого огромна. Дмитрий Ровинский приводит 778 гравированных портретов, не считая портретной живописи в другой технике. Он же, опираясь на каталоги В.В. Стасова, распределяет портреты Петра по 18 отделам-типам (иконографический тип определяется портретом, который позже копируют и гравируют). Это портреты до 1697 года; портреты, выполненные с оригинала Кнеллера; тип Шхонебека; тип Купецкого; тип Танауэра; портреты с оригинала Моора; тип Гельдера; тип Натъе; тип Каравака; бюст Петра; портреты неизвестного происхождения; профильные портреты; исторические и сатирические картинки [Ровинский, стб. 1518–1519]. Типология Стасова и Ровинского принята современными исследователями, хотя постоянно вносятся уточнения и дополнения.

Большая часть петровских портретов в периодике изображает человека взрослого, состоявшегося, и это объясняется не только желанием издателей увековечить образ великого монарха, но и тем, что «сведений о детских и юношеских изображениях Петра I немного» [Моисеева, 2017, с. 87]. Редакции публиковали широко известные царские изображения и никак не могли погружаться в исследовательские глубины, но альманах «Северное сияние» поместил один из редких детских портретов Петра. Это картина А.И. Шарлеманя «15 мая 1682 года», где два юных царя – Иоанн и Петр – выведены на Красное крыльцо перед бунтующими стрельцами⁷.

В русской дореволюционной журналистике публиковались различные типы портретов Петра Великого. Чаще встречался тип Карла Моора. Копии гравюры Якова Хоубракена, выполненные нидерландским гравером с портрета Моора, можно было увидеть, например, в журналах и календарях, в газетах и журнальных приложениях⁸. С оригинала Моора был сделан

⁶ Качановский В.В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. 1879. Октябрь. Т. XV. С. 17–19; Стасов В.В. Сербский портрет Петра Великого // Исторический вестник. 1882. Т. 8. С. 208–214.

⁷ Шарлемань А. 15 мая 1682 года // Северное сияние. 1863. Т. II. С. 152.

⁸ Всемирная иллюстрация. 1872. 27 мая. № 178. С. 352; Всеобщий календарь Гоппе на 1872 год. СПб., 1871. Вклейка; Московский листок. Илл. прилож. 1903. № 1. 1 января. С. 1; Искры. 1909. № 25. 28 июня. С. 1.

и портрет работы Ф. Вендрамини⁹. Помещая к 300-летию дома Романовых 16 портретов русских императоров, «Искры» выбрали для Петра Великого работу К. Моора¹⁰.

«Русский архив» поместил портрет императора в латах и с лавровым венком (тип Леруа и И. Шрейера)¹¹. «Живописное обозрение» предпочло портрет Э. Маркуса, изобразившего императора в матросском облике¹². Портретная иконография Петра Великого в русской периодике представлена также работами Андриана Шхонебека¹³, Поля Делароша¹⁴ и др. Журнал «Рулевой» на открытие первого номера поставил портрет Петра по оригиналу Г. Кнеллера¹⁵.

Портреты русских художников в отечественной периодике встречались реже. Резцовую гравюру портрета Петра, выполненного русским художником И.Н. Никитиным, сделали П. Громов и П. Грейф¹⁶. А «Русское слово» портретом работы Н.Д. Дмитриева-Оренбургского отметило юбилей родной печати¹⁷.

Помещались и работы неизвестных художников, например, портрет из Романовской галереи Зимнего дворца: «С этого портрета есть гравюра Грейтбаха. Устрялов заказал гравюру эту для пятого тома своей истории Петра Великого, который, к сожалению, не вышел за смертью ученого историка. Гравюра Грейтбаха была приложена к январской книжке “Русской старины” за прошлый 1871 год» [Васильчиков, с. 91]. Офорт академика В.А. Боброва также был выполнен с портрета неизвестного художника¹⁸.

Немало русских журнальных и газетных полос заполнялось изображениями памятников Петру и его эпохе. Одна из первых иллюстраций в русской периодике памятника Петру Великому и его славным делам была прислана читателем в редакцию «Вестника Европы» в 1809 г.: «находя иногда в вашем Вестнике чертежи и рисунки, представляющие виды городов или другие предметы, я подумал, что сделаю многим услугу, доставив вам рисунок памятника Петру I, строящегося в Полтаве, губернском нашем городе»¹⁹.

⁹ Петр Великий // Новое время. 1896. № 309. 14 декабря. С. 5.

¹⁰ Искры. 1913. № 8. 24 февраля. С. 60–61.

¹¹ Русский архив. 1872. № 6. Приложение.

¹² Петр Великий в матросском платье в Саардаме // Живописное обозрение. 1882. № 45. 6 ноября. С. 720.

¹³ Редкие гравюры // Иллюстрация. Всемирное обозрение. 1861. № 196. 23 ноября. С. 321.

¹⁴ Петр Великий, основатель Санкт-Петербурга // Новое время. Илл. прилож. 1903. № 9759. 7 мая.

¹⁵ Рулевой. 1913. № 1. Март. С. 2.

¹⁶ Петр Великий, последний царь московский и первый император Всероссийский // Нива. 1872. № 22.29 мая. С. 341.

¹⁷ Памяти Великого основателя русской периодической печати // Русское слово. 1903. № 6. 6 января. С. 1.

¹⁸ Петр Великий в ратных доспехах. К 175-летию со дня кончины Императора Петра Великого // Россия. 1900. № 273. 28 января. С. 5.

¹⁹ Гуржеев Иван. Письмо из Малороссии к Издателю. Зеньков, 1809 года января 15 дня // Вестник Европы. 1809. Часть 44. № 5. Март. С. 37.

К письму было дано примечание «Смотри приложенную к сему № картинку»; сам же рисунок был вплетен в конце подшивки номеров 5–8²⁰. На рисунке изображен памятный столб, увенчанный орлом, извергающим молнии. Подножие памятника украшено воинскими доспехами. Постамент окружен жерлами пушек, широкие ступени спускаются к земле. Памятный круг на столпе напоминает о дате полтавской баталии. Высоту столпа подчеркивает стаффаж в лице прохожих. Изображены разные сословия (горожане, отвешивающие земной поклон памятнику, фланирующие барышни, барин, беседующий с торговкой, солдат на посту, крестьянка с коромыслом). Земля покрыта редкой растительностью; выше линии горизонта фона нет. Скорее всего, рисунок был выполнен автором письма, Иваном Ивановичем Гуржеевым, который служил учителем русского языка и словесности Одесского благородного института [Симанков, с. 324].

С этого рисунка 1809 г. начинается долгая история публикаций в отечественной журналистике сначала рисунков памятников Петру I и его свершениям, а затем и фотографий на ту же тему. Не всегда в подобной графике можно было увидеть самого Петра. Например, «Иллюстрация» в 1846 году знакомит читателей с московскими триумфальными воротами 1721 г., вспоминая таким образом рождение Империи. Петра на рисунке нет, но в арках ворот видны очертания больших живописных полотен с четко выделяющейся фигурой всадника. Стаффаж в образе двух прохожих подчеркивает монументальные размеры триумфальных ворот²¹.

Если визуализацию петровских свершений в русской периодике можно отсчитывать с изображения памятников, то следующим этапом визуализации петровской эпохи будет обращение издателей к материальной культуре петровской эпохи, т. е. к памятным вещам, связанным с именем Петра.

В русской периодике начала XIX века можно встретить экфрасисы картин, которые очевидно просятся быть изображенными, но слово пока побеждает рисунок. Например, в «Московском вестнике» 1809 года встречается описание серебряного стакана, подаренного Петром Великим своему кабинет-секретарю К.В. Макарову: «На окружности стакана сего находилась следующая надпись: Виват! виват! Государь Царь ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, и потом означен начальными литерами весь титул Российского самодержца. С двух сторон оно изображены аллегорические картины: I-я, представляет силу бога-любви, укрощающего зверство льва, с надписью: Купидо обуздывает льва; а II-я, почти имеет одинаковое же содержание с первой, с тою только разницею, что уже несколько Амуров увенчивают льва, опутавши его в сетях, с сею надписью: Сочиняют Его агнцем»²².

²⁰ Памятник Полтавской победе // Вестник Европы. 1809. Часть 44. № 5–8. С. 325.

²¹ Триумфальные ворота в Москве в 1721 году // Иллюстрация. 1846. Т. III. № 38. 12 октября. С. 607.

²² Козма Васильевич Макаров: Кабинет-секретарь Петра Великого, потом армии обер-кригс-коммисар в государство императрицы Анны (прислано) // Московский вестник.

От вербальных пересказов визуальных сюжетов русские издания постепенно переходят к рисункам. Так, в 1823 г. «Еженедельник для охотников до лошадей» дает возможность читателям полюбоваться на попону, которой была покрыта лошадь императора, и гербовое знамя Петра 1706 г.²³ Очень часто встречается изображение ботика Петра, причем ботик мог быть изображен в схематичной иллюстрации²⁴, в репортажном рисунке²⁵, в карикатуре²⁶ и пр.

С помощью визуальных средств формировалось и поддерживалось уважительное отношение читателей к личности Петра и его свершениям. Это отношение было заметно даже в революционные годы, когда среди лавины антиправительственных карикатур образ Петра в сатирической графике подавался корректно и поучительно по отношению к его царственным потомкам. Образ Петра Великого в периодике представлен типично: реформатор, новатор, труженик, воин, мыслитель государственного масштаба. Безусловно, иная трактовка в условиях подцензурного существования прессы была невозможна, но даже размышления о частично негативном влиянии петровских реформ в визуальной составляющей почти не встречались. Характернейшим примером можно считать редкость помещения репродукций картины Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе». Словесная полемика была довольно оживленной [Леонтьева, с. 36–47], но визуальное (значит, более доступное широким слоям) обращение к этой картине было довольно скудным. Например, Н.И. Костомаров в 1875 г. опубликовал большую статью о деле царевича Алексея; статья была проиллюстрирована репродукцией с картины Н.Н. Ге (рисунок Г. Глушкова, резьба по дереву французского мастера Паннемакера)²⁷, но назвать эту публикацию массовой невозможно. Двухчастная статья известного историка была помещена в элитарном иллюстрированном историческом сборнике, тираж которого не превышал полутора тысяч экз. В начале XX века встречались пародии на эту картину, где через современные аллюзии все-таки легко прочитывалось обращение к образу Петра. Так, издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин с упреком смотрит на старшего сына Алексея, издателя газеты «Русь», или же Петр I интересуется у поникшего Алексея Толстого, где же вторая часть романа про него²⁸.

1809. Часть 1. № 21. С. 331–332.

²³ Изъяснение рисунков // Еженедельник для охотников до лошадей. 1823. Ч. 2. Книжка 2. № 19. С. 320; Ч. 3. Книжка 2. № 34/35. С. 588–589.

²⁴ Дедушка русского флота. 1688–1872 // Русская старина. 1871. Том IV. Ноябрь. Вклейка.

²⁵ Бролинг Г. Закрытие Московской политехнической выставки. Обратная отправка «Дедушки русского флота» в Санкт-Петербург // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 196. 30 сентября. С. 209.

²⁶ Гудок. 1906. № 3. С. 1.

²⁷ Костомаров Н. Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге) // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1. № 1. С. 30–54; № 2. С. 134–152.

²⁸ Суворин И и его непокорный сын Алексей // Отбой. 1906. № 1. С. 5; Радлов Н.Э. Воображаемые портреты. Литературный Ленинград. Л., 1933. С. 71.

Иконография Петра Великого в предъюбилейный год привлекает внимание множества организаций и исследователей. Например, в 2021 г. в Санкт-Петербурге силами Государственного музея-заповедника «Петергоф» и Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского был организован интерактивный выставочный проект «Каким Европа видела Петра: петровская иконография в западноевропейских изданиях XVIII–XIX веков», а в Российской национальной библиотеке совместно с Российским военно-историческим обществом была организована насыщенная визуальными раритетами выставка «Победу решает военное искусство». Но даже и на этих выставках по-прежнему преобладает иллюстрация книжная, а не газетно-журнальная, что также позволяет судить об огромных лакунах в петровской иконографии. Для всестороннего понимания, каким предстает первый русский император в широких читательских массах, книжную иконографию необходимо дополнять иконографией газетно-журнальной, тем более это важно для журналистики России рубежа XIX–XX веков. От элитарных малотиражных книг до массового газетно-журнального воспроизводства петровских портретов, репродукций жанровых картин, фотографий скульптур и памятных мест, сатирической графики, – вот тот долгий путь, по которому шел русский читатель, знакомясь с визуальным обликом Петра I. На этом пути встречались ему разные по художественному и полиграфическому уровню произведения, но «разность времени, своеобразие взгляда художника, и наконец особенности манеры каждого живописца объясняют нам некоторое несходство между разными портретами. Но из-за этого, более кажущегося, чем настоящего разногласия, после внимательного наблюдения, выступают наружу истинные, живые черты великого царя. Изучая портреты эти, в воображении рождается исторически верный образ Петра [...] Где бы не вообразился этот воссозданный в мыслях образ, в мастерской ли или на поле сражения, на адмиралтейской ли верфи или в палатах царских, везде поражает он своим величием» [Васильчиков, с. 96].

Литература

- Васильчиков А.А.* О портретах Петра Великого. М.: типография В. Готье, 1872. 126 с.
- Дутов А.А.* Иконография Петра Великого: история и проблематика // Образ Петра Великого в мировой культуре. Материалы XII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 года. СПб., 2020. С. 213–220.
- Крылова О.Ю.* К вопросу изучения иконографии Петра Великого // Петербургские чтения. Научная конференция, посвященная 290-летию Санкт-Петербурга. Тезисы докладов. Вып. 1. СПб., 1993. С. 61–64.
- Леонтьева О.Б.* «“Страшен царь Петр”»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. 2008. № 1. С. 36–47.
- Маркина Л.* Петр Великий. Лицо и лики (Портреты российского императора в собраниях Москвы и Германии) // Мир музея. 1998. № 6–7. Ноябрь–декабрь. С. 2–12.

- Моисеева С. В. Петр I: историк своего царствования // Петр I. Время и окружение (материалы выставки). СПб., 2015. С. 17–27.
- Моисеева С. В. Русские кистью современников. Портретная живопись конца XVI – первой половины XVIII века в собраниях Европы и России. СПб., 2017. 304 с.
- Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. III. 2208 стб.
- Симанков В. «Вестник Европы» (1802–1810): источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Acta Slavica Estonica XII. Пушкинские чтения в Тарту. 6. Выпуск 2. Пушкинская эпоха. Pushkin's Era. Ответственные редакторы Р. Лейбов, Н. Охотин. Тарту, 2020. С. 272–362.
- Стасов В. В. Галерея Петра Великого в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1903. 63 с.
- Стасов В. В. Пензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. CXIII. № 2. С. 305–328.
- Фридебург Ф. К. Портреты и другие изображения Петра Великого. Памяти 30 мая 1872 года. СПб., 1872. 53 с.
- Хуан Мин Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 25 с.

References

- Dutov A. A. Ikonografiya Petra Velikogo: istoriya i problematika // *Obraz Petra Velikogo v mirovoj kul'ture. Materialy XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. Sankt-Peterburg, 31 maya – 1 iyunya 2019 goda. SPb., 2020. Pp. 213–220.
- Frideburg F. K. Portrety i drugie izobrazheniya Petra Velikogo. Pamyati 30 maya 1872 goda. SPb., 1872. 53 p.
- Huan Min Hun. Obraz Petra I v russkom izobrazitel'nom iskusstve XVIII – nachala XX veka. Avtoref. diss. ... kand. iskusctvovedeniya. M., 2010. 25 p.
- Krylova O. Yu. K voprosu izucheniya ikonografii Petra Velikogo // *Peterburgskie chteniya. Nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 290-letiyu Sankt-Peterburga. Tezisy dokladov*. Vyp. 1. SPb., 1993. Pp. 61–64.
- Leont'eva O. B. «“Strashen car” Petr»: obraz Petra Velikogo v kul'ture poreformennoj Rossii (1860–1880-e gg.)» // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. T. 10. 2008. № 1. Pp. 36–47.
- Markina L. Petr Velikij. Lico i liki (Portrety rossijskogo imperatora v sobraniyah Moskvy i Germanii) // *Mir muzeya*. 1998. № 6–7. Noyabr'–dekabr'. Pp. 2–12.
- Moiseeva S. V. Petr I: istorik svoego carstvovaniya // *Petr I. Vremya i okruzhenie (materialy vystavki)*. SPb., 2015. Pp. 17–27.
- Moiseeva S. V. Russkie kist'yu sovremennikov. Portretnaya zhivopis' konca XVI – pervoj poloviny XVIII veka v sobraniyah Evropy i Rossii. SPb., 2017. 304 p.
- Rovinskij D. A. Podrobnij slovar' russkih gravirovannyh portretov. SPb., 1888. T. III. 2208 stb.
- Simankov V. «Vestnik Evropy» (1802–1810): istochniki perevodov, avtorstvo anonimnyh i psevdonimnyh tekstov. Materialy k katalogu // *Acta Slavica Estonica XII. Pushkinskie chteniya v Tartu. 6. Vypusk 2. Pushkinskaya epoha. Pushkin's Era*. Otvetstvennye redaktory R. Lejbov, N. Ohotin. Tartu, 2020. Pp. 272–362.
- Stasov V. V. Cenzura v carstvovanie imperatora Nikolaya I // *Russkaya starina*. 1903. T. CXIII. № 2. Pp. 305–328.
- Stasov V. V. Galereya Petra Velikogo v Imperatorskoj publichnoj biblioteke. SPb., 1903. 63 p.
- Vasil'chikov A. A. O portretah Petra Velikogo. M.: tipografiya V. Got'e, 1872. 126 p.

Иллюстрации

- Ил. 18.* Книга Марсова. СПб., 1713. С. 7.
Ил. 19. Живописное обозрение. 1882. Т. 1–2. № 44. 30 октября. С. 705.
Ил. 20. Всемирная иллюстрация. 1896. Т. 56. № 1449. 2 ноября. С. 487.
Ил. 21. Новое время. Илл. прилож. 1903. № 9759. 7 мая. С. 1.
Ил. 22. Искры. 1909. № 25. 28 июня. С. 1.
Ил. 23. Огонек. 1909. № 26. 27 июня. С. 1.
Ил. 24. Русское слово. 1903. № 6. 6 января. С. 1.
Ил. 25. Иллюстрация. Всемирное обозрение. 1861. № 196. 23 ноября. С. 321.
Ил. 26. Вестник Европы. 1809. Часть 44. № 5–8. С. 325.
Ил. 27. Бич. 1917. № 39. Октябрь. С. 1.

Elena S. Sonina

SPb State University, St. Petersburg, Russia

THE VISUAL IMAGE OF PETER THE GREAT IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY JOURNALISM: TO THE DEVELOPMENT OF THE THEME

The article discusses the features of the publication of images of Peter the Great in the Russian periodicals of the 19th – early 20th centuries. Based on a continuous review of a large array of Russian pre-revolutionary periodicals, the author identifies the most frequent periods of editorial references to the visual appearance of Peter the Great and portraits of the emperor typical for publications in periodicals, gives examples of the first magazine images of Peter's era monuments and memorial items.

Keywords: *Peter I, Peter the Great, iconography, visual image, newspaper and magazine illustration, portrait.*

Царь-преобразователь в «Истории Петра Великого» генерала Александера Гордона Охинтула

В статье рассматривается как образ царя Петра I был раскрыт его соратником — шотландцем на русской службе генералом Александром Гордоном Охинтулом. Важнейшей чертой русского правителя биограф считал умение не падать духом в трудных обстоятельствах и умение извлекать из них уроки. В своем труде А. Гордон сравнивает двух монархов: Петра I и Карла XII. Относительно последнего шотландец отмечает, что он был авантюристом на троне и разорил свою страну слишком амбициозными военными предприятиями, в то время как русский царь был более реалистически мыслящим политиком, превратившим Россию в великую державу.

Ключевые слова: Петр I, Александр Гордон, «История Петра Великого», Северная война, Прутский поход

В Великобритании первые работы о личности Петра Великого появились еще при его жизни [подробнее см.: Кросс, с. 30–83]. Среди самых ранних сочинений о царе-реформаторе следует отметить книгу капитана Дж. Перри¹, вернувшегося с русской службы в 1715 г. и «Непредвзятую историю жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя московского» Д. Дефо, вышедшую анонимно в 1723 г.² О первом русском императоре писали чрезвычайный посланник в Петербурге Ч. Уитворт³, поэт А. Хилл⁴, драматург Дж. Моттли⁵, историк Дж. Бэнкс⁶, купец и путешественник Дж. Хэнвэй⁷ и др.

В представленной статье рассматривается «История Петра Великого, императора России», написанная шотландцем Александром Гордоном оф Охинтул и вышедшая в 1755 г. Ее автор много лет провел на военной службе в России и не только лично знал Петра I, но и входил в его ближайшее окружение. Труд Охинтула был написан уже после того, как он

¹ *Perry J.* The State of Russia under the Present Czar. L., 1716. В русском переводе: *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.

² [*Defoe D.*] An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy: From his Birth down to this present Time. London, 1723.

³ *Whitworth C.* An Account of Russia as it was in the Year 1710. Strawberry Hill, 1758.

⁴ *Hill A.* The Northern Star // Hill A. The Works of the Late Aaron Hill. L., 1754. Vol. 3. P. 181–423.

⁵ *Mottley J.* The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia. London, 1739. Vol. 1–3.

⁶ *Banks J.* The History of the Life and Reign of the Czar Peter the Great, Emperor of All Russia, and Father of His Country. London, 1740.

⁷ *Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London, 1754. Vol. 2.

покинул Россию и жил в своем имении в Шотландии. Как раз в это время он завязал активную переписку со своими соотечественниками, оставшимися в русской армии. Таким образом, эта книга помимо личных воспоминаний ее автора основана на сведениях большого числа лиц, близко знавших Петра I⁸.

Александр Гордон оф Охинтул (1669–1752) был выходцем из северо-восточной Шотландии. В молодости учился во Франции, но с приходом к власти в Британии в 1685 г. короля-католика Якова II Стюарта, который пытался улучшить положение своих единоверцев, он поступил в английскую армию. После «Славной революции» 1688–1689 гг., в ходе которой Яков II был детронизирован, А. Гордон вслед за своим патроном последовал в изгнание во Францию. Там он вступил в ряды армии Людовика XIV. Он отличился при взятии Немюра (1690) и в боях в Каталонии, за что был пожалован «королем-солнцем» в капитаны пехотного строя⁹. Однако в 1696 г. при попытке вернуться в Шотландию А. Гордон едва не был арестован новыми властями, и был вынужден фактически бежать в Россию, воспользовавшись приглашением соотечественника и представителя клана Гордон – ближайшего соратника Петра I генерала Патрика Гордона¹⁰. Александр участвовал во взятии Азова (1696) и неудачной для России битве при Нарве (1700). В ходе последнего сражения был взят в шведский плен, в котором провел семь лет¹¹. В 1707 г. он был отпущен в Россию в результате обмена пленными¹². В том же году А. Гордон был произведен Петром I в генералы и воевал со шведами в Ливонии¹³. В 1708 г. в результате сражения при Чаплеевке А. Гордон не смог воспрепятствовать форсированию войсками Карла XII, но уже через год одержал победу над шведами в бою у Каменицы¹⁴. Затем генерал-шотландец был переброшен в Трансильванию, где помогал местным сепаратистам-куруцам во главе с Ференцем II Ракоци против имперской армии¹⁵. В 1711 г. вернулся в Шотландию, чтобы наследовать отцовское имение Охинтул. Он принял активное участие в якобитском восстании 1715–1716 г. и руководил центром сил инсургентов в неудачной для них битве при Шериффмуре¹⁶. После поражения выступления

⁸ *Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1760. Vol. 1–2.*

⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1696 г. № 1. Л. 3–4.

¹⁰ Там же. Л. 3–11.

¹¹ Гордон П. *Дневник, 1696–1698. М., 2018. С. 124; Seafield Correspondents from 1685 to 1708 / ed. by J. Grant. Edinburgh, 1912. P. 372.*

¹² *Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 195.*

¹³ *Gordon A. The History of Peter the Great. Vol. 1. P. 264.* Далее ссылки на труд Гордона даны в тексте.

¹⁴ *Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 268; Полтавская битва. 27 июня 1709 года. Документы и материалы / отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2011. С. 239.*

¹⁵ *A Short Account of the Author's Life // Gordon A. The History of Peter the Great. Vol. 1. P. XIV.*

¹⁶ *Report on the Manuscripts of the Earl of Mar and Kellie preserved at Alloa House. London, 1904. P. 514.*

якобитов в Шотландии А. Гордон вторично эмигрировал во Францию, откуда смог вернуться на родину лишь в конце жизни¹⁷.

Будучи уже в преклонном возрасте и отдалившись от военных и политических дел, Охинтул приступил к написанию «Истории Петра Великого». Правда, содержание книги шире ее названия. Сочинение Гордона представляет собой подробное описание Северной войны и России в тот период. На фоне этих событий и предстает Петр I. Тем не менее, анализируя «Историю», можно определить основные личные качества, которыми автор наделяет русского царя.

Открывает повествование подробный экскурс в географию и историю Российского государства со времен Рюрика и призвания варягов. Очень подробно А. Гордон пишет об Иване Грозном, Смутном времени и первых Романовых [Gordon, vol. 1, p. 20–68]. Данные сюжеты в книге неслучайны. На фоне этих правителей автор воссоздает образ первого российского императора.

А. Гордон подробно сообщает о первых военных успехах Петра I – событиях Второго Азовского похода, в котором сам автор принимал непосредственное участие. Особый интерес представляет его описание укреплений Азова, увиденного им собственными глазами [Gordon, vol. 1, p. 104–110]. Последнее неслучайно. В Европе того времени турки считались мастерами как строительства крепостей, так и их осады. Определенное внимание А. Гордон уделяет и неудачному для Петра I Первому Азовскому походу. Однако ввиду того, что тогда Александр Гордон отсутствовал в России, эти события изложены, по всей видимости, со слов Патрика Гордона – одного из наиболее авторитетных генералов русской армии, принимавших участие в этой военной операции, тем более что о нем упоминает сам автор книги [Gordon, vol. 1, p. 97–103].

А. Гордон, касаясь Нарвского сражения 1700 г., первым из западноевропейских авторов утверждал, что в победе шведского короля Карла XII не было чуда. Большинство русских солдат и офицеров были новобранцами и ранее не видели врага. Кроме того, генерал полагает, что у Петра I был шанс выиграть это сражение даже после разгрома дивизий А.А. Вейде и Ф.А. Головина, если бы в его распоряжении были более опытные генералы. У царя еще оставались значительные по численности части, не участвовавшие в бою, соединив которые можно было противостоять шведам. А. Гордон убежден, что в этом случае Карл XII не решился бы на повторный удар [Gordon, vol. 1, p. 150–154].

Главной чертой Петра I автор «Истории» считает умение не падать духом перед трудностями и неудачами и извлекать из них уроки. Так, А. Гордон отмечает, что на известие о нарвской катастрофе 1700 г. Петр сказал: «Русские еще научатся бить шведов» [Gordon, vol. 1, p. 155]. У генерала-шотландца вызывает удивление, как быстро русская армия была рефор-

¹⁷ A Short Account... P. xvii–xx.

мирована и начала добиваться первых побед вскоре после поражения под Нарвой (например, в Ливонии в 1701 г.) [Gordon, vol. 1, p. 164]. В целом, А. Гордон подчеркивает, что во многом в ходе Северной войны ситуацию переломила твердость царя, который не падал духом и умел находить ресурсы для дальнейшей борьбы [Gordon, vol. 1, p. 168]. Кроме того, генерал отмечал, что после нарвской катастрофы все военные кампании Петра I были тщательно продуманы и подготовлены и именно в этом крылся залог их успеха [Gordon, vol. 1, p. 179].

Другой важной чертой Петра I, по мнению автора книги, является твердость и умение идти на риск, в то же время, в отличие от Карла XII, не злоупотребляя этим. В «Истории» подчеркивается, что Петр I лично участвовал во многих сражениях. Вообще, А. Гордон считает русского и шведского монархов достойными противниками, с той лишь разницей, что Петр I был монархом-политиком, а Карл XII – военным авантюристом на троне. Все же в Северной войне симпатии биографа всецело на стороне царя, который вел войну за выход своей страны к морю [Gordon, vol. 1, p. 165].

А. Гордон приводит интересный эпизод, сообщая о разработке при личном участии царя плана по пленению Карла XII под Гродно, который не удался из-за сопротивления местного польского населения, поддерживавшего шведов [Gordon, vol. 1, p. 261–262]. В октябре–ноябре 1708 г. генерал-шотландец во главе батальона гренадеров, трех полков пехоты и четырех полков драгун был направлен воспрепятствовать переправе армии Карла XII через Двину. Однако А. Гордону не удалось сдержать наступление шведов. Между тем, в своей книге А. Гордон отмечал, что если бы Петр I при форсировании шведами Двины атаковал их всеми своими силами, то положил бы конец войне [Gordon, vol. 1, p. 279].

Успехи в Северной войне А. Гордон объясняет среди прочего тем, что Петр I окружил себя талантливыми и энергичными помощниками, из которых автор книги, возможно, как профессиональный военный выделяет, прежде всего, графа Б.П. Шереметьева [Gordon, vol. 1, p. 166–167]. Особое восхищение шотландца вызывали военные успехи этого аристократа на полях сражений Северной войны, а также его победы над кочевниками в период, когда граф был белгородским губернатором [Gordon, vol. 1, p. 167; Idem., vol. 2, p. 282–283]. Высокую оценку А. Гордон давал также генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину. Помимо заслуг в создании и развитии русского флота, а также непосредственным участием в морских баталиях, А. Гордон отмечал его высокие нравственные качества: честность, преданность, скромность и дружелюбность, умение учиться и постигать новое. В то же время, автор «Истории» подчеркивал его враждебные отношения с князем А.Д. Меншиковым, которого сам А. Гордон по неизвестным причинам недолюбливал и даже не упомянул среди сподвижников Петра I [Gordon, vol. 2, p. 284–285]. Особый интерес у А. Гордона вызывала фигура князя М.М. Голицына. Шотландец пишет о его высоких полководческих талан-

тах, проявленных им в битве при Лесной и в Полтавском сражении, а также в Прутском походе [Gordon, vol. 2, p. 285]. Наконец, А. Гордон считал выдающейся личностью своего соотечественника – фельдмаршала Г.Б. Огилви [Gordon, vol. 2, p. 283–284], но в то же время не упоминает другого шотландца при русском дворе – генерала-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, который был русским уроженцем и фактически создал российскую артиллерию. Отдельного упоминания заслуживает небольшой биографический очерк о царевиче Алексее, помещенный в самый конец «Истории» А. Гордона. Во всех бедах старшего из сыновей Петра I автор этого труда винит дурное воспитание и слишком большое влияние на молодого человека православного духовенства [Gordon, vol. 2, p. 286–288].

В «Истории» отмечается щедрость царя и умение производить впечатление на подданных своими успехами. Так, после каждого удачного для российской стороны сражения он награждал памятными медалями и другими знаками отличия своих приближенных и даже рядовых офицеров и солдат, а также устраивал грандиозные празднования в обеих столицах. Соратников при жизни он осыпал различными милостями, а после смерти заботился об их достойных похоронах [Gordon, vol. 2, p. 170–171]. Охинтул упоминает, как он сам испытал на себе щедрость русского монарха: едва вернувшись из шведского плена, он был немедленно пожалован бригадиром, и затем и генерал-майором. В то же время царь беспощадно наказывал тех, кто нарушал его распоряжения [Gordon, vol. 2, p. 172–173].

А. Гордон писал о милосердии русского царя к побежденным. После взятия Дерпта в 1704 г. Петр I разрешил всем мирным жителям остаться в их домах и продолжить свои хозяйственные занятия. Более того, они были на несколько лет освобождены от налогов [Gordon, vol. 1, p. 186]. Русский самодержец следил, чтобы хорошо обращались с пленными [Gordon, vol. 1, p. 196]. Петр I, как отмечает генерал-биограф, милостиво принимал перепежчиков с вражеской стороны. В качестве примера А. Гордон приводит прием царем украинских казаков, бежавших из отрядов И.С. Мазепы после предательства последнего [Gordon, vol. 1, p. 280]. После раскрытия заговора И.С. Мазепы он не стал подвергать репрессиям все украинское казачество, расправившись только с инициаторами антиправительственной конспирации. Более того, царь обратился к казакам с манифестом, в котором заявил, что Карл XII хотел упразднить их вольницу, а сам Петр I гарантировал сохранение прежних привилегий. Русский монарх напомнил жителям Малороссии о том, что его отец царь Алексей Михайлович избавил их от притеснений поляков [Gordon, vol. 1, p. 297].

В книге также подчеркивается умение Петра I ценить доблесть побежденных. После Полтавского сражения он освободил находившегося в армии шведов герцога Вюртемберга, а когда тот вскоре скончался, Петр I послал его сердце в Германию – матери усопшего. Она по достоинству оценила жест русского царя и поставила в его честь мраморную стелу с благо-

дарственной надписью [Gordon, vol. 1, p. 297]. А. Гордон отмечает, что после заключения Ништадтского мира царь освободил всех пленных шведов. Но большинство из них предпочли остаться в России [Gordon, vol. 2, p. 205].

Автор «Истории» подчеркивает, что Петр I истово заботился о своих войсках. Из рассматриваемой книги следует, что царь, наученный неудачей под Нарвой, когда из-за перебоя со снабжением боеприпасами русские не успели взять город до подхода шведской полевой армии, наладил снабжение как сухопутных сил, так и флота [Gordon, vol. 1, p. 172–173]. Вместе с тем, А. Гордон сообщает, что Петр I «железной» рукой насаждал дисциплину в своей армии, не допуская грабежей и насилия в местах их дислокации, особенно на территории союзников [Gordon, vol. 1, p. 252].

Автор отмечает необыкновенную энергию Петра I, который в течение большей части царствования постоянно был в пути: то в своих владениях, то сражаясь с противником на вражеской территории, то посещая различные европейские дворы в поисках союзников против шведов [Gordon, vol. 2, p. 51].

А. Гордон отмечает личный вклад царя в строительство Санкт-Петербурга, а также Кронштадта и других менее известных крепостей. В то же время, А. Гордон пишет об огромных жертвах, которые пали на плечи русского народа, связанных с начинаниями Петра I. Например, он сообщает о высокой смертности среди рабочих, согнанных на строительство новой столицы [Gordon, vol. 1, p. 170–171].

Помимо военных успехов и грандиозного строительства высокую оценку А. Гордона вызывает монетная реформа, которая сыграла значительную роль в развитии экономики России [Gordon, vol. 1, p. 172]. В книге также отмечается, что царь так настаивал в диалоге с Копенгагеном на отмене Зундской пошлины для русских судов вплоть до того, что дело едва не дошло до войны с Данией [Gordon, vol. 2, p. 242–244]. Скорее всего, это — преувеличение, однако сам факт не может не вызвать интереса.

А. Гордон пишет о заботе Петра I о развитии образования и науки в России. Важнейшим событием в подобных начинаниях он считает создание в 1724 г. Академии наук [Gordon, vol. 2, p. 255].

Особое внимание автор обращает на веротерпимость царя. Наиболее ярким примером, по мнению биографа, служит то, что Петр I первым из русских монархов разрешил свободное отправление католического культа в России [Gordon, vol. 2, p. 177].

А. Гордон выражает восхищение эрудированностью и любознательностью царя. В ходе второго путешествия в Западную Европу (1716–1717 гг.) Петр I лично осматривал устройство портов, кораблей и т. д. [Gordon, vol. 2, p. 76–77]. В книге приводится пример, когда амстердамские ученые были поражены познаниями царя в области математических наук [Gordon, vol. 2, p. 82].

Важной чертой русского самодержца А. Гордон также считает склонность Петра I лично вникать во все дела. Так, в «Истории» сообщается, что он, вернувшись из заграничного путешествия 1716–1717 гг., приказал, что-

бы жалобы подданных, накопившиеся за период его пребывания за рубежом, рассматривались в его присутствии [Gordon, vol. 2, p. 93].

Автору «Истории» импонирует простота и трудолюбие Петра I, который лично освоил множество ремесел и профессий, подавая пример своим подданным. Кроме того, царь был непритязателен в быту, никогда не имел телохранителей и, по словам А. Гордона, «жил скорее как обычный человек, чем как монарх» [Gordon, vol. 2, p. 261–262, 266]. Наблюдения шотландца подтверждаются и другими историками.

А. Гордон, воздавая должное Петру I, упоминает и о его недостатках. Он осуждает Петра I за то, что при переносе боевых действий в ходе Северной войны на территорию Швеции, русскими войсками были уничтожены ценные памятники архитектуры: дворцы королевской фамилии и знати и т. д. [Gordon, vol. 2, p. 162]. Кроме того, он отмечает самонадеянность русского монарха, когда в Прутском походе царь пренебрег советами большинства своих генералов и углубился на вражескую территорию. По данным Охинтула, в результате он потерял 21 тыс. солдат.

В то же время, А. Гордон стремится оправдать убийство Петром I царевича Алексея, отмечая преступления последнего против страны и трона. Автор биографии сомневается в насильственной смерти царевича, утверждая, что Алексей якобы скончался от собственных душевных мук [Gordon, vol. 2, p. 144].

Подводя итог, следует отметить, что А. Гордон прославился, в первую очередь, не как военачальник, хотя и принял участие во многих известных сражениях своего времени, а как автор одной из наиболее известных на Западе биографий Петра I. Его труд оказал большое влияние на восприятие царя-реформатора и Российской империи в британском обществе. Биография, написанная Охинтулом, вошла в круг работ, благодаря которым когда-то дикая Московия стала восприниматься как часть европейского мира.

Литература

- Кросс Э.* Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб.: Европейский дом, 2013. 230 с.
- Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. VIII, 196 с.
- Banks J.* The History of the Life and Reign of the Czar Peter the Great, Emperor of All Russia, and Father of His Country. L., 1740.
- Defoe D.* An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy: From his Birth down to this present Time. L., 1723.
- Gordon A.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1760. Vol. 1–2.
- Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. L., 1754. Vol. 2.
- Hill A.* The Northern Star // Hill A. The Works of the Late Aaron Hill. L., 1754. Vol. 3. Pp. 181–423.
- Mottley J.* The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia. L., 1739. Vol. 1–3.
- Perry J.* The State of Russia under the Present Czar. L., 1716
- Whitworth C.* An Account of Russia as it was in the Year 1710. Strawberry Hill, 1758. [Withworth]

References

- Banks J. The History of the Life and Reign of the Czar Peter the Great. L., 1740.
- Cross A. Angliiskij Petr: Pert Velikij glazami britantzev XVII–XX vekov. St.-Petersburg: Evropeiskii dom, 2013. 230 p.
- Defoe D. An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy: From his Birth down to this present Time. L., 1723. [Defoe]
- Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1760. Vol. 1–2.
- Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. L., 1754. Vol. 2.
- Hill A. The Northern Star // Hill A. The Works of the Late Aaron Hill. L., 1754. Vol. 3. P. 181–423. [Hill 1754]
- Mottley J. The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia. L., 1739. Vol. 1–3.
- Perri Dzh. Sostoyanie Rossii pri nyneshnem care. M., 1871. VIII, 196 c.
- Perry J. The State of Russia under the Present Czar. L., 1716.
- Whitworth C. An Account of Russia as it was in the Year 1710. Strawberry Hill, 1758.

Kirill N. Stankov

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE TSAR-REFORMER IN «THE HISTORY OF PETER THE GREAT» BY THE GENERAL ALEXANDER GORDON OF OCHINTOUL

The author of the article investigates how the image of the Russian tsar Peter I was shown by his companion in arms among the Scots in Russian service the general Alexander Gordon of Ochintoul. This biographer of Peter I thought that his main character was ability not to lose courage in difficult situations and to learn a lesson from them. In his book A. Gordon compared two monarchs: Peter I and Charles XII of Sweden. The author of the biography shows that Charles XII was the adventurer on the throne and destroyed his country by his grand military campaigns. On the contrary the Russian tsar was astute politician and transformed his country to the great empire.

Keywords: *Peter I, Alexander Gordon, “The History of Peter the Great”, the Northern War, the Prout campaign.*

Поведенческие стратегии северных крестьян-староверов в петровское время*

В статье на основе вновь обнаруженных архивных материалов предпринимается попытка рассмотреть, какие факторы влияли на выбор той или иной поведенческой стратегии русского крестьянина в начале XVIII в. Сохранившиеся в следственных делах показания членов крестьянской семьи Кузнецовых во время допросов в Тайной канцелярии позволяют проследить жизненный путь каждого и выделить пять линий поведения, избираемых северными крестьянами в сложных ситуациях. Крестьяне, сочувствующие старому обряду, различались пассивной и активной позициями, выбирали гибкую тактику, либо предпочитали скрывать свои истинные чувства. Отдельно выделяется женская стратегия.

Ключевые слова: Староверие; социальные стратегии; северное крестьянство; монашество; староверческие поселения; церковная политика

Церковная реформа, начатая при царе Алексее Михайловиче в середине XVII в., запустила необратимый процесс разделения русского общества на приверженцев дореформенных церковных порядков (официально раскольников, неофициально староверов) и последователей нововведений, принявших реформированную церковь (официально православных, неофициально «новолюбцев» или «никониан») [Румянцева, с. 4]. В XVII в. противники церковной реформы не могли существовать открыто: в соответствии с законами того времени они подлежали смертной казни¹. В эпоху петровских преобразований изменилось отношение государства к староверам. На основании указа о двойном налогообложении от 8 февраля 1716 г. им было предоставлено право записаться в «раскол» и жить, не скрываясь, при условии уплаты двойного налога². В то же время, как отмечалось исследователями, в петровском законодательстве встречается огромное количество указов и постановлений, ограничивавших староверов в правах, грозивших строгим наказанием и штрафами за уклонение от уплаты двойного налога, ношение «указного платья», проповедь староверия³. Изменение законодательства в отношении сторонников старой веры обозначило появление новых социальных

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 1102. С. 647–650.

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. № 2991. С. 196.

³ Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. СПб., 2012. С. 36–48.

стратегий, которые возникали при необходимости объявить о своем отношении к церковным нововведениям. На Русском Севере в крестьянской среде можно наблюдать различные линии поведения, которые отчетливо проявлялись в ходе характерных для переходного времени конфликтов. На примере истории одной крестьянской семьи рассмотрим, какие поведенческие стратегии выбирали крестьяне в петровское время, и какие факторы влияли на их выбор.

В научной литературе высказывалось мнение о важности изучения церковного раскола на микроисторическом уровне [Седов, с. 390]. Материалы следственного дела, обнаруженного и изложенного Г.В. Есиповым, освещают жизненные перипетии староверческого инок Пафнутия Кузнецова и его ближайших родственников в первое тридцатилетие XVIII в.⁴ Сведения, сообщенные иноком Пафнутием при допросе в Тайной канцелярии в 1735 г., существенно дополняются, уточняются и по некоторым вопросам исправляются на основе вновь найденных дел от 1720 и 1728 гг., отложившихся в фонде Соловецкого монастыря РГАДА⁵. Подробные показания членов крестьянской семьи Кузнецовых во время допросов в Сумском остроге и Тайной канцелярии позволяют проследить путь к старой вере каждого из них и выделить пять линий поведения, избираемых северными крестьянами в конфликтных ситуациях, обусловленных их вероисповедной позицией.

Глава семьи Степан Васильев Кузнецов родился в Надвоицкой волости вотчине Соловецкого монастыря и жил здесь со своей семьей до 1703 или 1706 г. В той же Надвоицкой волости родились и проживали со своими семьями братья Степана — Иван, Константин и Антон. Их отец Василий происходил из государственных крестьян Кумозерской волости, но во второй половине XVII в. переселился на землю Соловецкого монастыря в село Надвоицкое⁶. В следственных документах Степан Васильев назван «раскольником», а его братья — нет. Степан с семьей ненадолго уходил из волости в Выговское общежительство, где его сыновья были крещены заново по обычаю выговских староверов. Степан Васильев занимался кузнечным ремеслом и отсюда, по всей видимости, происходит его фамилия. Он был известен как рудознатец и в 1705 г. привлекался по этой причине для рудоискания и плавки на Телекинские и Алексеевские заводы. Его жену, оставшуюся с детьми в селе, крестьяне возненавидели за рудоискательство ее мужа⁷. Из Надвоицкого села Степан Кузнецов перебрался на озеро Идель, где на пустых землях Соловецкого монастыря в лесу при помощи подсеки

⁴ Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Издание Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. Т. 2. С. 107–155.

⁵ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975, 1273, 1888.

⁶ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 56–57, 107; Д. 1888. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 975. Л. 37.

очистил участок земли, и в 1706 г. перевез всех членов своей семьи: жену Екатерину Якимову, сыновей Ивана (Пафнутия) с женой Евфимией (Ксений) Прокопьевой, Захария с сыном Иваном (жена Захария не поехала с ними), Михаила с женой и детьми. Екатерина Якимова умерла на Идельозере в 1711 г. и была погребена в лесу без отпевания. Причина переезда Степана и его семьи на Идель озеро объясняется по одним показаниям неурожаем и голодом, по другим — завистью крестьян из-за его рудознательства⁸. В новом поселении на озере Идель кроме членов семьи Кузнецовых поселились трое крестьян из Ондозерской волости и два брата — выходцы из Шуезерского погоста. У Кузнецовых работали трое наемных работников карелов⁹. В 1720 г. поселение было разорено представителями администрации Соловецкого монастыря на основании доноса, что не платят подати. Степану тогда удалось избежать тюремного заключения, потому что в показаниях он не обмолвился про свое староверие. Степан вернулся в деревню на Идельозере и жил там до июля 1721 г. Из Соловецкого монастыря снова была посылка, его пытались увезти в Сумский острог, но он бежал¹⁰. В 1723 г. семья вновь соединилась, поселившись на новом месте недалеко от шведской границы у Каменного озера. Степан и его сыновья инок Пафнутий с бывшей женой и дочерью и Захарий обосновались в Мунгулашском заливе Каменного озера. Михаил и сын Захария Иван жили на расстоянии 5 верст на противоположной стороне озера в деревне Акконлахти¹¹. В 1727 г. их поселение снова обнаружили и разорили представители монастырской администрации. Были арестованы Степан, Захарий, Игнатий (племянник Степана) и Евфимия (Ксения) с дочерью. Пафнутий, Михаил и Иван бежали. Степан Васильев умер в Сумском остроге в 1728 г.¹²

Иван (Пафнутий) Степанов Кузнецов родился в 1679 г. в Надвоицком селе. В 1698 г. Иван женился на Евфимии Прокопьевой из Кирасозера. Венчал их шихженский священник Петр¹³. В 1702 г. Иван ходил в староверческую Выговскую пустынь, где был перекрещен старцем Прокопием, получив новое имя Пантелеймон. Вернувшись ненадолго в Надвоицу, он ушел на озеро Идель, помогать отцу выкорчевывать лес. В 1706 г. Иван (Пантелеймон) перевез свою жену в новую деревню. В 1715 г. у них родилась дочь Агафья, которую крестил выговский монах Митрофан (по другим показаниям сам Иван)¹⁴. В том же 1715 г. Иван (Пантелеймон) самовозложил на себя иноческое платье и вскоре принял постриг в Выговском монастыре от старца Прокопия с именем Пафнутий. После принятия

⁸ *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 131–133; РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 7, 37.

⁹ Там же. Д. 1888. Л. 15.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 9, 20; Д. 1888. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 975. Л. 9; Д. 1888. Л. 18.

¹² *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 136.

¹³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1888. Л. 8; Д. 975. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 1888. Л. 6 об., 11 об.

монашества он поселился в отдельной келье в лесу на расстоянии 3 км от семьи. С ним в келье жил выговский монах Митрофан. Они занимались проповеднической деятельностью в окрестных деревнях, крестили, исповедовали и отпевали¹⁵. В 1720 г. по извету крестьян Надвоицкого села, откуда вышли Кузнецовы (их обвинили в неплатеже оброчных денег), поселение на озере Идель разорили слуги Соловецкого монастыря. Кузнецовы были схвачены и привезены в Сумский острог. Пафнутий и Захарий объявили себя староверами, поэтому архимандрит Варсонофий увещевал только их¹⁶. Захарий сразу заявил, что заблуждался, признал официальную церковь, подкрепив свое признание исповедью и причастием, и был отпущен. Пафнутий проявил упорство в вере, отказавшись поклониться новым иконам. Ахимандрит Варсонофий приказал бить его плетью, принуждая отречься от староверия. Пафнутий мужественно перенес пытки, пытался покончить с собой, но выжил. Вскоре ему удалось бежать¹⁷. В 1722 г. Пафнутий подыскал удобное для поселения место в Ребольском погосте на берегу Каменного озера. Он сообщил об этом своему брату Захарии, и тот в 1723 г., срубив избу в Мунгулашском заливе Каменного озера, перевез туда бывшую жену Пафнутия и его дочь. Их отца Степана Кузнецова привез племянник Яков (вероятно, сын Михаила). Во вновь построенном скиту на берегу Каменного озера Пафнутий жил в отдельной келье в лесу на незначительном удалении от остальных членов семьи¹⁸. Пафнутий нанимал работников для ведения хозяйства. Таким работником был двоюродный брат Пафнутия Игнатий Константинов. Некоторое время у него жил и занимался черной работой беглый матрос Степан Баженов, который принял от Пафнутия крещение¹⁹. Пафнутий активно проповедовал староверие среди крестьян, часто выходил из скита, совершая длительные переходы в сопровождении Игнатия. Они обошли почти все лопские погосты (Шуезерский, Ругозерский, Паданский, Селецкий, Семчезерский, Ребольский), где жили духовные дети Пафнутия. Священник церкви Рождества Богородицы Ребольского погоста Степан Семенов жаловался архимандриту Варсонофию, что Пафнутий отвратил от него прихожан, отчего он впал в разорение²⁰. В 1727 г. поселение староверов Кузнецовых у Каменного озера было уничтожено солдатами, посланными по приказу Варсонофия. Пафнутий скрывался в лесных избушках и у своих духовных детей до 1728 г. Когда из заключения освободили его брата Захария и бывшую жену Ксению, они поселились в новом месте недалеко от Кумсозе-

¹⁵ Там же. Д. 975. Л. 11–12 об., 44–45 об.; *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 131–135.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1888. Л. 9; Д. 975. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 975. Л. 8–8 об., 12.

¹⁸ Там же. Д. 975. Л. 9; Д. 1888. Л. 18; *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 135–136.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1273. Л. 32.

²⁰ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 3.

ра²¹. Пафнутий записался в староверы и платил двойной налог олонецкому подъячому. В 1734 г. все жители Кумсозерского скита были арестованы по доносу местного крестьянина. Пафнутий был обвинен в распространении староверия и по приговору Тайной канцелярии от 1736 г. после наказания кнутом сослан на каторжную работу²².

Захарий Степанов Кузнецов родился в 1682 г. в селе Надвоицы. Женится приблизительно в 1706 г. на девице Стефаниде Васильевой из деревни Ендогуба. Они были обвенчаны надвоицким попом Михаилом Ермолаевым. В 1707 г. родился сын Иван, которого крестил в трехлетнем возрасте в староверческой Выговской пустыне монах Феодосий. Сам Захарий тоже принял крещение в Выговской пустыне от монаха Прокопия, к которому потом ходил на исповедь до своего ареста в 1720 г. В 1709 г. он ушел с сыном Иваном в суземок на Идельозеро к отцу и братьям. Его жена Стефанида отказалась идти с ним и осталась в Надвоице, где потом снова вышла замуж²³. В 1720 г. при разорении Идельозерской деревни Захарий и его брат Иван, ставший иноком Пафнутием, были арестованы и отвезены в Сумский острог. Захарий признался на допросе, что является старовером, поэтому его увещевал архимандрит Варсонофий. Во время увещевания Захарий не упорствовал, а сразу покаялся в своем «заблуждении», признал официальную церковь, и был отпущен соловецким архимандритом Варсонофием. Получив свободу, он некоторое время ухаживал за братом, остававшимся в тюрьме, а потом, вероятно, помог ему бежать²⁴. В 1723 г. Захарий по совету брата уехал жить на Каменное озеро в лесной скит в Мунгулашском заливе. Захарий договорился со старостой Кимасозерской волости о возможности поселиться в их волости и о размере платежей. В Мунгулашском поселении снова собралась вся семья Кузнецовых: отец Степан Васильев, Захарий, бывшая жена Пафнутия Ксения, ее дочь Агафья, двоюродный брат Игнатий. Пафнутий жил на небольшом отдалении от остальных в отдельной келье. У Пафнутия были наемные работники, которые сменялись время от времени. Другой их брат Михаил поселился в 5 верстах от Мунгулашского поселения в деревне Акконлахти (Бабья Губа). С ним жил его племянник Иван, сын Захария²⁵. В 1727 г. Захарий был арестован вместе с отцом, невесткой и двоюродным братом и заключен в тюрьму Сумского острога, откуда спустя год был отпущен. Сначала он вернулся на Каменное озеро, но вскоре вместе с Пафнутием устроил новое поселение на Кумсозере, куда перевез Ксению и Агафью. В 1734 г. был арестован вместе со всеми жителями Кумсозерского скита. Дальнейшая судьба неизвестна²⁶.

²¹ *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. С. 137–138.

²² Там же. С. 155.

²³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 6; Д. 1888. Л. 10–10 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1888. Л. 12–12 об., 16 об.; Д. 975. Л. 8–8 об.

²⁵ Там же. Д. 975. Л. 9–9 об.

²⁶ Там же. Л. 10; *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 122.

Михаил Степанов Кузнецов родился в Надвоецком селе, которое оставил вместе с другими членами семьи Кузнецовых. Помогал отцу в расчистке участка у озера Идель. После разорения Идельозерского поселения Михаил, возможно, с женой и детьми вернулся в Надвоицкое село. Некоторое время занимался торговым промыслом, по всей видимости, в качестве приказчика у богатого крестьянина Кижского погоста Артамона Мартынова. По торговым делам много путешествовал по Олонецкому уезду, бывал в Весеьгонске, на Макарьевской ярмарке. В 1727 г. Михаил купил избу в деревне Акконлахти (Бабыя Губа) в 5 верстах от Мунгулашского залива, где обосновались его отец и братья. В Акконлахти он перевез жену и детей, у него в доме жил его племянник Иван, сын Захария. Во время наезда монастырских слуг в 1727 г. Михаилу и Ивану удалось бежать²⁷. Михаил пытался добиться освобождения своих родных, обвинив архимандрита Соловецкого монастыря Варсонофия в преследовании Кузнецовых из-за рудоискательства, а не из-за неуплаты налогов и староверия. Он требовал защитить их от архимандрита. Этот прием удался, против архимандрита Варсонофия началось следствие, и ему было велено не преследовать крестьян за рудоискательство. Однако в то же время Кузнецовы были признаны не государственными крестьянами, а принадлежащими Соловецкому монастырю. В итоге попытка Михаила найти защиту у государственной власти не увенчалась успехом. Архимандриту удалось доказать, что он преследовал крестьян не из-за их рудоискательства, а за их приверженность староверию²⁸. Тем не менее, Кузнецовы были освобождены из заключения и снова скрылись из поля зрения монастырских властей. Михаил не вернулся в Надвоицкое село, а остался жить в деревне Акконлахти.

Двоюродный брат Пафнутия, Захария и Михаила Кузнецовых Игнатий (Георгий) Константинов родился в 1705 г. в Надвоицком селе в семье крестьянина Константина Васильева. В 1721 г. он ушел на заработки на Повецкие заводы, где жил 4 с половиной года. Потом полгода жил у староверов в Выговской пустыни, был перекрещен старцем Савватием с именем Георгий. Снова работал на заводах 3 месяца и вернулся в Надвоицкое село. Оттуда ушел на Каменное озеро к двоюродному брату монаху Пафнутию. Много путешествовал с ним по Олонецкому уезду. В 1727 г. вместе с Кузнецовыми его арестовали слуги Соловецкого монастыря и доставили в Сумский острог. После долгого разбирательства он был признан крестьянином Соловецкого монастыря²⁹.

Жена Ивана (Пафнутия) Евфимия (Ксения) Панкратьева родилась в деревне Кирасозеро. В 1698 г. выдана замуж за Ивана Степанова Кузнецова из села Надвоицы. Венчание совершил шихенский священник Петр. Иван

²⁷ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 37–38 об.

²⁸ Там же. Д. 975. Л. 39–40, 43–47 об, 99–105, 112–128 об.; *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 137.

²⁹ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 13–14, 128.

отправил ее жить к отцу на Кирасозере, а сам ходил в Выговскую пустынь, где принял староверческое крещение с именем Пантелеймон. Потом вернулся на озеро Идель и позвал Евфимию жить с ним. Евфимия тоже приняла крещение в Выговской пустыни от старца Прокопия. Ей было дано имя Ксения. В Идельозерском суземке в 1715 г. у нее родилась дочь Агафья, которую крестил выговский монах Митрофан. В том же году ее муж Иван (Пантелеймон) самовозложил на себя иноческое платье, а потом принял постриг в Выговском монастыре от старца Прокопия с именем Пафнутий³⁰. После разорения Идельозерской деревни Ксения скрывалась с дочерью в Кирасозере, а потом ее нашел Захарий и перевез в новое поселение на Каменное озеро. Там она жила отдельно от Пафнутия с его отцом и братом. В 1727 г. Ксения была арестована вместе с Кузнецовыми и содержалась в Сумском остроге до 1728 г. Получив свободу, снова соединилась с семьей бывшего мужа и поселилась в скиту у Кумсозера. В 1734 г. была арестована вместе с дочерью³¹. Дальнейшая судьба неизвестна.

Изначально Степан Васильев, так же как и его братья, лоялен к властям. Его сыновья были крещены и венчаны в православной церкви по новым правилам. Занятие кузнечным ремеслом и рудознательство, связанное с частыми отлучками для поисков руды и для работы на железодельных заводах, вызвали конфликт между ним и крестьянским миром. Недовольство крестьян села Надвоицы можно объяснить необходимостью нести тягло за отсутствующих представителей семьи Кузнецовых. В то же время Степан Васильев ближе знакомится со староверами сначала на заводах, потом в Выговской пустыне, и принимает старую веру. Также поступают его жена и сыновья. Однако Степан не идет на открытый разрыв с окружающим его миром, он предпочитает спрятаться от властей сначала на озере Идель, потом на Каменном озере.

Старший сын Степана Васильева Иван, ставший староверческим иноком Пафнутием, выбирает путь прямой, последовательный и бескомпромиссный. Приняв иночество, он перешел на нелегальный образ жизни, активно проповедовал старую веру. Встреча с представителями власти для него опасна. Но он открыто заявляет о приверженности старой вере и готов терпеть любую пытку, но не отказаться от веры. На монастырских землях он вынужден был скрываться в тайных убежищах, т. к. его, как беглого крестьянина Соловецкой вотчины, преследовали представители администрации. Поселившись на государственной земле, он смог записаться в двойной оклад и жить открыто, но проповедовать староверие не имел права. По этой причине он был арестован и сослан на каторгу.

Захарий Степанов, приняв староверческое крещение, решает уйти из мира в тайное поселение. Его жена, по всей вероятности, не разделяла его

³⁰ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 975. Л. 11–12 об.

³¹ *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. С. 122, 137.

взглядов и отказалась последовать за ним. Очевидно, что уход в тайное поселение должен был повлечь за собой множество лишений и неудобных изменений в жизненном укладе. Захарий забрал с собой сына, но жену принуждать не стал, оставил в селе, предоставив свободу. После этого она снова вышла замуж. Захарий, попав в руки церковных властей, проявил хитрость и ложно отказался от староверия. Признав официальную церковь, он получил от архимандрита оправдательное письмо, которое использовал в интересах своей семьи. Захарий выступал посредником между своим братом Пафнутием и внешним миром.

Михаил Степанов, по всей вероятности, так же как его братья, принял старую веру. Однако вел открытый образ жизни как обычный крестьянин, не скрываясь, занимался торговыми делами, разбирался в законах, подавал челобитные светским властям. Пытался вести борьбу с архимандритом, используя законодательство.

Игнатий Константинов, поработав несколько лет на железоделательных заводах, познакомился со староверами и принял крещение в Выговском общежительстве. Из монастырского села ушел жить в тайное поселение.

Бывшая жена Пафнутия Евфимия (Ксения) разделяла взгляды мужа, вслед за ним приняла старую веру и в отличие от жены Захария ушла вместе с мужем в тайное поселение. После того, как муж постригся в монахи, сопровождала его во всех странствиях, ведя монашеский образ жизни.

На примере семьи Кузнецовых можно выделить следующие линии поведения у крестьян, сочувствующих старому обряду:

- 1) пассивное староверие, желание скрыться от власти, бегство (Степан Васильев, Игнатий Константинов);
- 2) активное староверие, проповедничество, твердость в вере, бескомпромиссность, намерение идти до конца (Пафнутий);
- 3) гибкая позиция, способность к компромиссам с целью сохранить веру (Захарий Степанов);
- 4) тайное староверие при внешней покорности властям, использование официальных методов борьбы (Михаил Степанов);
- 5) женское староверие, стойкость в вере и преданность мужу, готовность разделить с ним все невзгоды (Ксения).

Побудительным моментом, подтолкнувшим представителей семьи Кузнецовых к принятию староверия, было занятие кузнечным ремеслом и рудознательство, что повлекло за собой работу на железоделательных заводах. Расширив свой круг общения, Кузнецовы познакомились со староверами, побывали в Выговском общежительстве, где они были перекрещены и стали твердыми последователями старой веры. Желание углубиться в свои внутренние переживания, спрятаться от враждебного мира приводило одних крестьян в тайные поселения. Желание жить в миру и пользоваться всеми преимуществами легальной жизни заставляло других крестьян искать законные средства борьбы за свое существование. Очень важно отметить

свободный выбор, предоставленный женщине в принятии или отрицании староверия. Жена Захария, возможно, и сочувствовала старой вере, но побоялась предстоящих трудов и тягот, поэтому отказалась от следования за своим мужем и сыном. Жена Пафнутия, наоборот, последовала за мужем до конца, невзирая на преследования и лишения.

Литература

- Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. 264 с.
- Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. СПб.: Алетейя, Историческая книга, 2012. 312 с.
- Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

References

- Rumyantseva V.S. Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke. Moscow: Nauka, 1986. 264 p.
- Russkoe staroobryadchestvo: svetskoe i tserkovnoe zakonodatel'stvo XVII–XVIII vv. Saint-Petersburg: Aleteia, Istoriceskaia kniga, 2012. 312 p.
- Sedov P.V. Zakat Moskovskogo Tsarstva: Tsarskij dvor kontsa XVII veka. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006. 604 p.

Alexander N. Staritsyn

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

BEHAVIORAL STRATEGIES OF THE NORTHERN PEASANTS-OLD BELIEVERS IN PETER 'S TIME

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42034.

The article attempts to consider, based on newly discovered archival materials, which factors influenced the choice of a particular behavioral strategy of the Russian peasant at the beginning of the XVIII century. The testimony of members of the Kuznetsov peasant family preserved in investigative cases during interrogations in the Secret Chancellery allows us to trace the life path of each and identify five lines of behavior chosen by northern peasants in difficult situations. Peasants sympathizing with the old rite differed in passive and active positions, chose flexible tactics, or preferred to hide their true feelings. The women's strategy stands out separately.

Keywords: *Old Believers; social strategies; northern peasantry; monasticism; Old Believers' settlements; church policy.*

А.А. Стерликова
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

На пути к признанию Империи: переговоры о мире в 1716–1717 гг. и Амстердамский договор

Русская дипломатия во второй период Северной войны должна была решить целый ряд проблем: утвердить Россию на международной арене в качестве морской державы, добиться признания ее завоеваний, а также скорейшего завершения Северной войны. Решению этих задач способствовала вторая заграничная поездка Петра I в 1716–1717 гг.

В ходе этой поездки начинаются тайные переговоры со шведами о мире (1716–1717 гг.). Особо стоит выделить сюжет с визитом Петра I во Францию. Результатом поездки стал Амстердамский договор. Швеция потеряла помощь своего последнего союзника – Франции. Амстердамский договор можно рассматривать, как официальное признание Европой нового положения России, как европейской державы, интеграцию России в систему международных политических отношений.

Ключевые слова: дипломатия, переговоры о мире, сепаратный мир, посредник, мирный конгресс, союзный договор

Русская дипломатия во второй период Северной войны должна была решить целый ряд проблем: утвердить Россию на международной арене в качестве морской державы, добиться признания ее завоеваний, а также скорейшего завершения Северной войны. Решение данных задач осложнялось тем, что ведущие европейские державы с опасением смотрели на усиление России в Балтийском регионе.

Петр I понимал сложность международной обстановки, умел просчитать ситуацию на несколько шагов вперед и был тверд в отстаивании геополитических интересов России. Для достижения своей главной цели русский царь и его дипломаты использовали различные средства. Это не только открытые и тайные переговоры, но и новые формы международной деятельности для России – участие в международных конгрессах (Утрехтском, Брауншвейгском, Аландском). Активной внешнеполитической деятельности способствовала и вторая заграничная поездка Петра I в 1716–1717 гг., напрямую связанная с военными и дипломатическими попытками окончания Северной войны (план союзного десанта в Сконию, поездка во Францию, тайные переговоры со шведами в 1716–1717 гг.).

Первые тайные контакты со шведами наметились летом 1716 г. и продолжались летом–осенью 1717 г. Связано это было с тем, что в самой Швеции осознали бесперспективность дальнейшей войны с Россией. В 1714 г.

в окружении Карла XII появляется голштинец барон Г.Х. Герц, который и предлагает идею мира и даже союза с Россией. Г.Х. Герц довольно быстро добился расположения Карла XII и стал продвигать свои идеи. Оформление плана Г.Х. Герца о сепаратном мире исследователи относят только к апрелю 1716 г. [Фейгина, с. 157]

В источниках мы находим подтверждение, что русско-шведские переговоры о мире начались осенью 1716 г. Это свидетельства Б.И. Куракина, ключевой фигуры петровской дипломатии, и шведских представителей (Г.Х. Герца, Прейса, Г.Ф. Бассевича), а также англичан, которые следили за действиями русской дипломатии и подозревали о возможности сепаратного мира между Петром I и Карлом XII [Стерликова, с. 230–233]. Второй виток переговоров произошел уже осенью 1717 г., закончился он открытием официального мирного конгресса на Аландских островах в 1718 г.

В октябре 1716 г. Г.Х. Герцу удалось установить секретные контакты с русской стороной по вопросу о мире. У барона имелись полномочия от Карла XII заключить предварительный договор с Петром I¹. Однако действовал шведский представитель довольно непоследовательно. К ноябрю–декабрю 1716 г. относится попытка шведских дипломатов втянуть русского царя в яковитскую интригу через личного врача русского царя – Р. Арескина. Этот сюжет представляется довольно запутанным, очевидно лишь то, что Г.Х. Герц надеялся использовать яковитские связи, чтобы склонить Петра I к миру со Швецией, а возможно и к дальнейшим союзническим действиям в Европе (например, по вопросу об английском престоле)². Однако русская сторона, не отказываясь от контактов с яковитами, всерьез не собиралась впутываться в английские дела. Петр I намеревался использовать сторонников претендента в качестве тайных посредников между ним и Карлом XII, который участвовал в яковитском заговоре.

Что касается непосредственно русско-шведских мирных переговоров, то источники сообщают о серии встреч Петра I и его министра Б.И. Куракина с некоторыми шведскими представителями в течение лета 1716 г., однако русская сторона пока не говорила что-либо определенного по поводу сепаратных переговоров. Только с осени 1716 г. русско-шведские контакты следует рассматривать как подготовительный этап переговорного процесса. Никаких намеков на союз в предварительных переговорах мы не находим, только стремление нащупать канал для мирных переговоров с обеих сторон. Однако попытки шведской дипломатии втянуть Россию в яковитскую интригу демонстрируют то, что в Швеции поменялось отношение к России, теперь в ней видят серьезного игрока в европейских делах и даже возможного союзника.

В начале 1717 г. Петр I пытался действовать в двух направлениях, которые на первый взгляд противоречили друг другу: договор с английским

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1716 г. Д. 3. Л. 1–1 об.

² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1, 1717 г. Д. 445. Л. 266–267.

королем Георгом I о совместной морской операции в 1717 г. против Швеции и секретные русско-шведские контакты. Однако, если проанализировать международную обстановку в конце 1716 г., то действия Петра I и его дипломатов не кажутся такими уж противоречивыми. Русская дипломатия стремилась использовать все возможности, чтобы найти способ скорейшего окончания войны. Петр I хорошо понимал, что надежды на соглашение с Георгом I могут не оправдаться, да и само английское правительство продолжало попытки договориться с Карлом XII в конце 1716 г. Таким образом, молодая русская дипломатия играет по правилам, распространенным в Европе.

Особо стоит выделить сюжет с визитом Петра I во Францию, основной целью которого было заручиться посредничеством Франции в переговорах со шведами о мире. Во второй половине Северной войны Франция оставалась единственным союзником Швеции, оказывая Карлу XII финансовую помощь, в которой тот очень нуждался. Однако после серии побед русской армии и флота (Полтава, Гангут) французское правительство неоднократно предлагало русской стороне свое посредничество в переговорах со шведами: в 1714 г. через своего посланника Шатонефа, в конце 1716 г. Петр I не стал отказываться от такой возможности. Глава внешнеполитического ведомства Франции д'Юксель писал своему агенту де Ла Марку о выгодной для Франции возможности заключить соглашение с Петром I³. В конце 1716 г. через прусский двор завязались вполне серьезные переговоры между Россией и Францией о возможном соглашении [Соловьев, с. 68].

Препятствием для русско-французского сближения явилось колебание Франции между системой Людовика XIV и Ж. Б. К. де Торси и новой английской ориентацией, сторонником которой являлся аббат Г. Дюбуа [Фейгина, с. 118]. На рубеже 1716–1717 гг. французский регент предпочел пойти на союз с Англией и Голландией, который был заключен 4 января 1717 г. Вопрос о французском посредничестве в русско-шведских переговорах о мире вновь был поднят в январе 1717 г. Послу Шатонефу в Гааге были даны инструкции⁴ использовать пребывание русского царя в Голландии для попыток завязать русско-французские переговоры. Шатонеф должен был, не беря на себя никаких обязательств, препятствовать вступлению России в договорные отношения, которые противоречили бы интересам Франции. В конце марта, когда Петр I сам прибыл в Гаагу, переговоры перешли в новую фазу. Шатонефу были предложены следующие условия с русской стороны: Петр I примет условия Утрехтского и Баденского договоров, не требуя никаких гарантий взамен. Франции предлагалось прекратить выдачу субсидий шведскому королю и оказать содействие в умиро-

³ Сборник РИО. 1881. Т. 34. С. 508.

⁴ Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu' à la revolution francaise. P., 1890. Vol.VIII: Russie. P. 138–147.

творении Севера⁵. Петр I даже не попросил гарантировать его завоевания, одновременно изъявив желание взять на себя гарантию двух договоров (Утрехтского и Баденского), которые до войны 1756–1763 гг. являлись основой европейских межгосударственных отношений. Эти предложения русской стороны свидетельствуют, что к весне 1717 г. Петр I окончательно утверждает в намерении использовать Францию в качестве посредника.

Чтобы активизировать переговоры с французским правительством, Петр I принимает решение о поездке во Францию. Основные переговоры развернулись уже в Париже во второй половине мая (по н. ст.). Переговоры вели с русской стороны П.П. Шафиров и Б.И. Куракин, с французской – маршал Тессе. Тессе была дана основная инструкция: добиться посредничества Франции в Северных делах, чтобы оттеснить австрийский двор, при этом беря на себя минимум обязательств⁶.

В начале переговоров (18–20 мая н.ст.) русская сторона внесла конкретные предложения: оборонительный союз для гарантий, с одной стороны, Утрехтского и Баденского договоров, а с другой стороны – русских завоеваний. Франция больше не должна больше оказывать помощи Швеции финансово или войсками. Фактически Петр I предлагал поставить Россию на место Швеции в системе внешней политики Франции, как противовес Австрии⁷. Французская сторона предложила свой проект союза, который ни в чем не должен был противоречить договорам Франции с Англией, Голландией, Швецией. Дискуссии вызвал вопрос о субсидиях Швеции, от которых французская сторона не хотела отказываться, ссылаясь на предыдущие договоры⁸.

Русско-французские переговоры затягивались и продолжались только в середине июня. Русские дипломаты продолжали отстаивать пункты прежнего проекта⁹. Кроме соглашения о дружбе и торговле (между Россией, Пруссией и Францией), гарантии международных договоров, предполагались пункты о взаимной помощи¹⁰. Французский король не должен вступать в новые обязательства по отношению к Швеции, а с момента заключения данного трактата вообще прекратить Карлу XII всякую помощь, в том числе и финансовую¹¹. В итоге в договор была включена общая формулировка о взаимной военной и денежной помощи. К вопросу о субсидиях французы предлагали вернуться после истечения сроков договора со Швецией, в апреле 1718 г. Русские представители соглашались на такую отсрочку, однако требовали прекращения выплаты субсидий Швеции и займа

⁵ Сборник РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 519.

⁶ Recueil des Instructions ... Vol.VIII: Russie. P. 177–180.

⁷ Сборник РИО. Т. 34. С. 197–200.

⁸ Там же. С. 204.

⁹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1, 1717 г. Д. 11. Л. 143–156.

¹⁰ Там же. Л. 146–147.

¹¹ Там же. Л. 143–145.

для России в счет будущих субсидий¹². В итоге французская сторона все же согласилась на немедленное прекращение субсидий Швеции, что можно рассматривать, как значительный успех русской дипломатии.

Переговоры в Париже не закончились подписанием трактата и были перенесены в Амстердам, хотя удалось договориться по основным пунктам. Политический итог поездки Петра I был неоднозначным. Регент все еще находился под влиянием Англии, поэтому полного сближения России и Франции не произошло. Однако визит Петра I можно рассматривать как признание России равноправной европейской державой. Велись переговоры о династическом браке между юным Людовиком V и дочерью Петра I Елизаветой. Сам факт подобных переговоров ставил Россию на принципиально новое место в европейской системе. С другой стороны, для Швеции данный визит был негативным сигналом: последний союзник Карла XII ведет переговоры с его противником.

Практическим итогом визита Петра I во Францию явилось подписание 4 (15) августа 1717 г. Амстердамского договора¹³. Кроме общей формулировки об установлении дружбы, важно выделить следующие пункты соглашения:

1. обещание не вступать ни в какие обязательства, противоречащие Утрехтским и Баденским договорам и будущим договорам России и Пруссии со Швецией;

2. назначение комиссаров для выработки проекта торгового морского трактата на условиях взаимного благопритяствования.

Существовало три секретных статьи, а именно: взаимно гарантировались Утрехтский, Баденский и будущие северные договора; взаимная помощь войсками или деньгами, причем согласование вопроса о способах реализации взаимных гарантий откладывалось до момента, когда наступит такая необходимость. Петр I и прусский король обязались принять посредничество французского короля для мира со Швецией. Французский король обязался не прибегать ни к прямому, ни к косвенному принуждению воюющих сторон. По окончании договора со Швецией в апреле 1718 г. Франция обязалась не вступать с Карлом XII ни в какое новое соглашение, противное интересам России и Пруссии. Одновременно регент дал устное обязательство прекратить уплату Швеции субсидий сразу после подписания договора¹⁴.

Какое же реальное значение имел Амстердамский договор для русской дипломатии, насколько он изменил систему международных отношений в Европе? Историки справедливо отмечают, что договор был крупным успехом русской дипломатии, показавший, насколько вырос авторитет России на европейской арене. Сближение Франции с Россией, зафиксированное Амстердамским договором, было гораздо значительнее непо-

¹² Там же. Л. 156–159.

¹³ ПСЗ. Т. V. № 3098. С. 503–506.

¹⁴ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1, 1717 г. Д. 11. Л. 142 об.

средственного содержания соглашения [Никифоров, с. 155–156; Фейгина, с. 146–148]. Швеция фактически лишилась последнего союзника, который давал ей ежегодно значительные субсидии – 1800 тысяч ливров [Павленко, с. 322]. К этому можно добавить укрепление международных позиции России в момент кризиса самого Северного союза (1716–1717 гг.): Россию, наконец, стали рассматривать как возможного партнера в европейской политике [Мезин, с. 37].

В результате амстердамских соглашений Россия приблизились к своей главной цели – переговорам со Швецией. С другой стороны, Амстердамский договор можно назвать официальным признанием Европой новой России, которая превратилась в одну из ключевых европейских держав. На это указывает П.А. Кротов, который считает Амстердамский договор первым документом в международном праве, оформившим новую роль России как ведущей державы в XVIII в. Трактат оформил политическую интеграцию России в систему международных политических отношений в качестве гаранта несущих конструкций европейских политических отношений в то время – Утрехтского, Баденского, Раштадтского и других трактатов. В договоре Франция попутно признала за русским монархом титул «величества» [Кротов, с. 117]. За Россией официально признавался новый статус крупной европейской державы.

Итак, основная цель переговоров с Францией и Амстердамского договора – принуждение Швеции к миру сработала, еще во время пребывания Петра I во Франции шведская сторона активизировалась. Во время пребывания Петра I в Спа в июле 1717 г. туда приехал представитель Карла XII генерал Ст. Понятовский, с которым встречались Б.И. Куракин и Р. Арескин. Ст. Понятовский сообщил, что секретарь шведского посольства в Гааге Прейс имеет полномочия вести переговоры о мире с русскими представителями. Так же обсуждался план отправки к шведскому королю сторонника Якова Стюарта для склонения его к миру с Россией [Nordmann, p. 112].

В июле 1717 г. в Гааге началась серия встреч Б.И. Куракина и шведских представителей (Ст. Понятовский, Прейс). Но вскоре выяснилось, что реальных полномочий для заключения каких-то предварительных соглашений не было¹⁵. Сам же Г.Х. Герц изъявил желание отправиться к Карлу XII, чтобы убедить его начать мирный конгресс. Для этого шведский министр просил содействовать его проезду в Швецию, в конце июля русская сторона согласилась выдать такой документ¹⁶.

Следующий этап предварительных русско-шведских переговоров начался в сентябре. Петр I поручил своему главному представителю за границей, князю Б.И. Куракину, начать тайные переговоры со шведскими представителями М. Веллингом и Прейсом и добиться от них предвари-

¹⁵ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 10. Л. 33.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 2–10.

тельных условий мира. Особо оговаривалось включение в проект соглашения территориальных претензий прусского и польского королей. Из вновь присоединенных территорий Петр I был готов вернуть Швеции только территорию Финляндии без Выборга¹⁷. В сентябре к русско-шведским переговорам подключается и прусский двор, что окончательно исключает идею сепаратных переговоров со стороны России. Однако подобные слухи усиленно циркулировали при европейских дворах¹⁸.

На этом этапе переговоров шведы продемонстрировали довольно подозрительную несогласованность своих действий. Петр I высказывал подозрения даже насчет Г.Х. Герца в письме к Б.И. Куракину из Берлина¹⁹. По мнению известного историка Дж. Чэнса, Г.Х. Герц пытался запутать и поссорить Северных союзников [Chance, p. 238]. Шведскому министру хотелось бы вести переговоры с членами Северного союза по отдельности, внести в их ряды раздор, чтобы выторговать более выгодные условия для Швеции. Будучи уже на полпути к Швеции с русским паспортом, Г.Х. Герц неожиданно предлагает свой проект мира: русский царь должен возратить шведскому королю все отвоеванные у него земли, кроме Санкт-Петербурга, а также содействовать возвращению Стральзунда. Конечно же, русская сторона категорически ответила, что мир на подобных условиях не может быть заключен²⁰. Когда Г.Х. Герц был уже в Швеции, русской стороне становится известно, что он предлагал прусскому и польскому королям начать мирный конгресс в Данциге²¹. Очевидно, что пока шведы были далеки от первоначальных планов Г.Х. Герца о мире.

В октябре Б.И. Куракин продолжал поддерживать контакты со шведскими представителями (М. Веллингом, К. Ранком и др.) в отсутствие Г.Х. Герца, но практических результатов они не принесли. Шведы постоянно затягивали переговорный процесс всяческими отговорками и ссылались на несуществующие инструкции. Эти переговоры нашли отражение в документах Б.И. Куракина²². Нельзя не согласиться с мнением С.А. Фейгиной о том, что шведские представители оттягивали даже самый приступ к переговорам в Россию, выжидая результатов переговоров с Лондоном. [Фейгина, с. 194] Возможно, действовала партия противников мирных планов Г.Х. Герца, во главе с Готторпским герцогом.

Учитывая все вышеуказанные обстоятельства: колеблющаяся позиция французского двора, двойственная политика шведов, неудивительно, что предварительные переговоры тянулись так долго. Лишь в конце ноября 1717 г. в Петербурге получили письмо от Г.Х. Герца, в котором сообщалось,

¹⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 5. Л. 1–5.

¹⁸ Донесения французского представителя при русском дворе А. Лави // Сборник РИО. Т. 34. С. 261, 273.

¹⁹ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 128.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 30–31.

²¹ Там же. Л. 68.

²² РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 47, 66, 77–79, 80, 87.

что Карл XII согласен на мир с Россией и желает, чтобы полномочные министры с обеих сторон собрались на Аландских островах, или в другом месте (Данциг)²³.

Русско-шведские переговоры начались на Аландском конгрессе, который открылся 10 мая 1718 г. в городе Лёве. Переговоры со Швецией переходили в новую фазу: мирный, открытый конгресс вместо тайных переговоров. Несмотря на то, что конгресс не закончился подписанием мира в 1718 г. из-за гибели Карла XII, а Г.Х. Герц был казнен в Швеции, мирный договор со Швецией был подписан в Ништадте в 1721 г., а Россия окончательно превратилась в империю. Основы Ништадта были заложены русской дипломатией в 1716–1717 гг. Россия все глубже входила в европейскую систему международных отношений. Амстердамский договор явился, если и не блестящим, то заметным успехом русской дипломатии и стал отправной точкой последующих русско-французских отношений.

Литература

- Кротов П.А.* Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (К постановке вопроса) // Российская монархия: вопросы истории и теории: Межвузовский сборник статей, посвященный 450-летию утверждения царства в России (1547–1997). Воронеж: Истоки, 1998. С. 114–118.
- Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре Великом. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 360 с.
- Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М.: Госполитиздат, 1950. 279 с.
- Павленко Н.И.* Вокруг трона. М.: Мысль, 1998. 862 с.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. Кн. 9. 671 с.
- Стерликова А.А.* Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 21 (1). СПб.: Издательство РХГА, 2019. С. 230–239.
- Фейгина С.А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд. АН СССР, 1959. 546 с.
- Chance J.F.* George I and the Northern war. L., 1909. 516 p.
- Nordmann C.J.* La crise du nord au debut du XVIII siècle. P., 1956. 318 p.

References

- Chance J.F. George I and the Northern war. L., 1909. 516 p.
- Fejgina S.A. Alandskij kongress: Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny. M.: Izd. AN SSSR, 1959. 546 p.
- Krotov P.A. Mezhdunarodno-pravovoe oformlenie Rossii kak velikoj derzhavy v pervoj treti XVIII v. (K postanovke voprosa) // Rossijskaya monarhiya: voprosy istorii i teorii: Mezhuvozkij sbornik statej, posvyashchennyj 450-letiyu utverzhdeniya carstva v Rossii (1547–1997). Voronezh: Istoki, 1998. Pp. 114–118.

²³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 62–63.

- Mezin S.A. Vzgljad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII v. o Petre Velikom. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1999. 360 p.
- Nikiforov L.A. Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I. M.: Gospolitizdat, 1950. 279 p.
- Nordmann C.J. La crise du nord au debut du XVIII sieclé. P., 1956. 318 p.
- Pavlenko N.I. Vokrug trona. M.: Mysl', 1998. 862 p.
- Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. M.: Golos, 1993. Kn. 9. 671 p.
- Sterlikova A.A. Peregovory o mire so Shveciej v pis'mah russkih diplomatov (1716–1717 gg.) // *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy*. 21 (1). SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2019. Pp. 230–239.

Arina A. Sterlikova

SPb University for Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia

ON THE WAY TO THE RECOGNITION OF THE EMPIRE: PEACE NEGOTIATIONS 1716–1717 AND THE AMSTERDAM TREATY

Russian diplomacy in the second period of the Northern War had to solve a number of problems: to establish Russia in the international arena as a naval power, to recognise its conquests, and to end the Northern War. The solution of these problems was facilitated by the second overseas trip of Peter I in 1716–1717.

During this trip, the secret negotiations with the Swedes for peace (1716–1717) begin. It is especially worth highlighting the fact of the Peter I's visit of to France. The result of the trip was the Amsterdam Treaty when Sweden lost the help of its last ally, France. The Amsterdam Treaty can be viewed as the official recognition by Europe of the new position of Russia as a European power, the integration of Russia into the system of international political relations.

Keywords: *diplomacy, peace negotiations, separate agreement, condition of peace, mediator, congress, union agreement.*

Л.Б. Сукина
Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия

Образы сыновей и внуков царя Алексея Михайловича в изображениях «генеалогических» древ правящей династии второй половины XVII – начала XVIII века*

В статье анализируются образы сыновей и внуков государя Алексея Михайловича, включенные в композиции древ «родословия» царской власти Романовых. Ранее они не рассматривались как особый тип изображений династов, имеющий свою специфику и предназначение в системе визуальной репрезентации самодержавия допетровского и раннего петровского времени. Композиции царских древ прорабатывались в деталях каждый раз особо с учетом актуальной династической ситуации. Образы царских потомков отличались заметным разнообразием. Образцами для них служили «портретные» изображения с произведений иконописи и гравюры.

Ключевые слова: образ, изображение, иконография, родословное древо, царская династия

Иконография царской семьи времени первых Романовых имеет длительную историю изучения, начало которой было положено еще в первых десятилетиях XIX в. За прошедшее время было выявлено и опубликовано большое количество современных эпохе «портретов» русских государей, их жен и детей, а также более поздних живописных и графических реплик этих изображений [Овчинникова; Стерлигов]. Также известны исследователям и композиции древ «родословия» царской власти второй половины XVII – начала XVIII в., включающие образы представителей новой династии Рюмановых. Однако они до сих пор не рассматривались как особый тип изображений династов, имеющий свою специфику и предназначение в системе визуальной репрезентации самодержавия допетровского и раннего петровского времени.

Визуальные конструкции символического «родословия», вероятно, появились в русской культуре еще в XVI в. Возрождение интереса к ним в следующем столетии произошло после укрепления на престоле династии Романовых, при царе Алексее Михайловиче. В его царствование и при его

* Статья подготовлена при поддержке Германского исторического института в Москве, стипендиальный научно-исследовательский проект «Воображаемое древо: спиритуальное родословие династии Романовых в визуальной культуре Русского государства XVII – начала XVIII века» (2020).

потомках, включая Петра I, средневековая иконография древ дополнялась новыми деталями и наполнялась иными смыслами, но сохраняла актуальность до самого начала имперского периода.

В основе всех иконографических композиций царских древ лежала династическая концепция самодержавной власти, созданная еще при Рюриковичах и представленная в своем завершенном виде в Степенной книге. Она плодотворно использовалась и при первых Романовых, подчеркивавших наличие «родственных» связей собственного рода с домом Рюрика [Сиренов, 2017]. При этом одной из важнейших и очевидных особенностей «романовских» древ стало введение в их конструкцию образов юных наследников трона, сыновей и внуков правящего монарха. Предметом исследования в настоящей статье являются иконография и семантика изображений персон, с которыми связывалось будущее царской власти и сохранение преемственности в рамках династии.

Самый ранний пример изображения дерева с наследниками представляет собой известное произведение Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматери Владимирская» («Насаждение дерева Московского государства») 1663 г.¹ (Ил. 28). На ветвь виноградной лозы помещен только прародитель новой царской династии патриарх Филарет². Семья правящего государя в виде «ктиторских портретов» представлена в нижней части иконы, внутри кремлевской стены. К являющемуся центром композиции изображению Богоматери Владимирской в овальном медальоне с жестами моления обращаются царь Алексей Михайлович (слева от зрителя) и царица Мария Ильинична (Милославская) с царевичами Алексеем Алексеевичем и Федором Алексеевичем (справа от зрителя). Не только датировка иконы, но и хорошо сохранившиеся подписи к изображениям позволяют безошибочно идентифицировать царевичей. В отличие от родителей мальчики изображены без явных атрибутов царской власти. Но их особый статус отмечен круглыми нимбами, с которыми, согласно византийской традиции, изображали на иконах членов монарших семей. Оба мальчика коротко острижены, не имеют головных уборов и облачены в кафтаны из нарядной узорчатой ткани с застежками спереди и драгоценным шитьем по воротнику, передней части и запястьям. Такой иконографический тип изображения царевича, вероятно, был во второй половине XVII в. сравнительно устойчи-

¹ ГТГ. Инв. 28598. Аргументацию новой датировки и общее описание иконографии см. [Гладышева].

² Согласно Г.Д. Филимонову, в одном из медальонов представлен и царь Михаил Федорович [Филимонов, с. 36]. Но, скорее всего, это мнение ошибочно. Данное изображение имеет подпись «Благоверный князь Михаилъ». Голову изображенного покрывает не царский венец, а княжеская шапка. В контексте общей программы композиции иконы «князь Михаил» помещен ниже царя Федора Ивановича («Благоверный царь Феодоръ») и царевича Дмитрия Уличского («Благоверный царевич Димитрий») и, согласно композиционной логике произведения, мыслится их предшественником. Вероятно, здесь изображен князь Михаил Черниговский, широко почитавшийся в XVI–XVII вв. как «святой сродник» царей старой династии и небесный покровитель первого царя дома Романовых.

вым. Например, он использован в «портретах» сыновей царя Алексея Михайловича в Царском титулярнике 1673 г.³

Старшинство царевича Алексея Алексеевича в царском роду отмечено не только более крупным размером его изображения (в данном случае мы должны рассматривать это и как иконографический прием, и как фиксацию реальной разницы в возрасте мальчиков, составлявшей 7 лет), но и еще одной важной деталью. В то время как Федор стоит с пустыми руками, Алексей держит развернутый свиток с текстом: «Сие гроздие и цветъ Тебе, лозе винограда небесного, приносимо»⁴, который может быть истолкован, в том числе, и как указание на наследника, являющегося в данный момент истинным цветком и плодом династии, уподобленной на этой иконе роду Христову.

Самое близкое типологически к рассмотренным изображение царевича обнаруживается на прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» 1680-х гг. (Собрание М.С. Бышшева) [Комашко, Хромов, с. 156] (Ил. 29). Она была снята «на отлип» с какой-то ныне неизвестной иконы, иконографически восходившей к произведению Симона Ушакова или другому подобному образцу круга Оружейной палаты, поэтому мы видим зеркально развернутую композицию. Небольшой размер и какие-то другие, невыясненные обстоятельства обусловили сокращения и замены отдельных персонажей и декоративных деталей, на что обратили внимания предыдущие исследователи этого памятника [Комашко, Хромов, с. 156; Сиренов, 2018а, с. 16].

Некоторой переработке подверглась и та часть, где была изображена царская семья. К сожалению, утрачен нижний правый угол листа, поэтому невозможно установить, кто там был изображен⁵. Слева (от зрителя) за кремлевской стеной видны фигуры женщины в царском облачении и маленького мальчика со свитками в руках (отметим, что здесь обе персоны изображены без нимбов). Подписи на прориси отсутствуют, и мы не можем с полной уверенностью их идентифицировать. Публикаторы и составители описания прориси Н.И. Комашко и О.Р. Хромов предположили, что это царица Мария Ильинична с одним из ее сыновей, а изображения других членов царской семьи были сокращены по той же причине, что и прочие элементы композиции (недостаток места) [Комашко, Хромов, с. 156]. Такое объяснение представляется довольно спорным. Если учесть принятую в настоящее время датировку прориси и заметные различия в деталях изображения царицы и царевича с иконой Симона Ушакова, то можно крайне осторожно предположить, что здесь изображены другая супруга и другой из сыновей Алексея Михайловича. Возможно, это Наталья Кирилловна (Нарышкина) и царевич Петр Алексеевич, которого в окружении вдовой госу-

³ РНБ. ОР. Эрм.440. Л. 42, 43, 44, 45, 46.

⁴ Патерик. Киев, 1661. Л. 5.

⁵ О том, что там была помещена некая фигура, ясно свидетельствует фрагмент рисунка принадлежавших ей пальцев руки, держащих развернутый свиток без текста.

дарыни считали законным наследником и отца, и старшего брата Федора Алексеевича.

Еще один прием изображения царских сыновей на «генеалогическом» древе появился также в 1660-е гг. Вероятно, первым образцом, где он был использован, является гравюра «Род правых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный»⁶ (Ил. 30). Сюжет гравюры связан с прославлением семьи царя Алексея Михайловича как рода праведных государей в канун ожидаемого Конца света. Эсхатологический смысл композиции подчеркнут включенными в нее апокалиптическими микросюжетами и цитатами из Писания на бандеролях.

Древо царской семьи, произрастающее «от чресел» киевского князя Владимира Святого, расположено посередине нижней половины композиции. От центра главного ствола с надписью: «Аще корень святъ, то и ветви» (Рим. 10:16), образуя вместе с ним форму креста, отходят две большие ветки, разделяющиеся на два отростка каждая. На верхних из отростков, в чашечках цветов помещены поясные изображения царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, на нижних — царевичей Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича. Цветок с полуфигурой младшего на тот момент царевича Симеона Алексеевича находится на отдельном небольшом отростке, выходящем из прикорневой части древа. Все три царевича независимо от реального возраста каждого представлены отроками. Изображения Алексея и Федора примерно одинакового размера, Симеона несколько меньше. Руки у всех сложены на уровне груди в молитвенном жесте. На всех царевичах одинаковые рубашки с расшитыми «камнями» ожерельями. Головы сыновей Алексея Михайловича покрыты венцами с зубчатым низом и заполненным верхом, подобными венцу царицы Марии Ильиничны, и отличающимися от ступенчатого царского венца самого государя. Такая же форма венца, как у царевичей, неоднократно повторена в композиции гравюры, в том числе в подобных венцах изображены персонажи, символизирующие Христа (Орел, Всадник). Дети Алексея Михайловича показаны здесь как будущие государи, при этом основной наследник Алексей Алексеевич не выделен ни в формуле подписи к его изображению, ни специальными визуальными средствами. Единственным указанием на первенствующее место среди братьев служит расположение образа этого царевича непосредственно под образом отца-царя и, соответственно, под изображением Иисуса Христа, находящимся в правой верхней части композиции гравюры.

Иконографическая схема гравюры «Род правых благословится» была повторена во фреске «Род царствия благословится» 1716 (?) г. на своде западной галереи церкви Ильи Пророка в Ярославле (Ил. 31). Роспись, предположительно, была выполнена артелью ярославского иконописца Федора Игнатъева [Бусева-Давыдова, Рутман, с. 68–70]. По сравнению с образцом

⁶ Лазарь (Баранович). Меч духовный. Киев, 1666. Л. 2.

древо царствующего рода Романовых здесь скорректировано и расширено за счет включения новых персонажей [Сукина, с. 115–131]. Теперь на нем была изображена вся мужская ветвь династии Романовых, начиная с царя Михаила Федоровича. Композиция также включает изображения некоторых «предков» и святых «сродников» царского рода (царя Федора Иоанновича, царевича Дмитрия Угличского, Александра Невского).

В этом символическом родословии «царствия Романовых» учтены как умершие, так и живущие на момент создания данной фрески царевичи – сыновья государей Алексея Михайловича и Петра Алексеевича. Изображения «старших», по времени жизни, царских детей расположены выше изображений младших. На ветвях древа царевич Алексей Алексеевич (1654–1670) составляет пару пережившему его младшему брату, царю Федору Алексеевичу (1661–1682), а Симеон Алексеевич (1665–1669) – отцу, государю Алексею Михайловичу, царевич Александр Петрович (1691–1692) – святому царевичу Дмитрию Угличскому, царевич Алексей Петрович (1690–1718) – своему двоюродному «прадеду», царю Федору Иоанновичу. На концах нижних ветвей, у подножия древа изображены царевич Петр Петрович (1715–1719) и «великий князь» Петр Алексеевич (1715–1730, будущий император Петр II). Старшие (по реальному достигнутому возрасту) царевичи представлены в отроческом образе, младшие – в «младенческом». Все они изображены в царских облачениях (узорчатых платьях-свитках с расшитыми оплечьями). На головах у старших по возрасту царевичей – венцы, подобные царским, у младших – зубчатые короны.

Следует отметить, что все персоны, представленные на древе, имеют нимбы. У членов семьи царя Алексея Михайловича на гравюре из книги Лазаря Барановича они отсутствовали. Правда, у самого государя и царицы Марии Ильиничны неким намеком на нимб являются полукружия надписей с титулами и именами над их головами. Причиной наличия или отсутствия нимбов, видимо, является иконографическая разница между вестернизирующей гравюрой книги, предназначенной для чтения, и фреской, размещенной в храмовом пространстве.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность рассматриваемой композиции. Среди царевичей старших линий династии отсутствуют умершие в младенчестве сыновья Алексея Михайловича и Марии Ильиничны (Милославской) Дмитрий и Федора Алексеевича и Агафьи Семеновны (Грушецкой) Илья. Можно было бы посчитать это простым воспроизведением иконографического принципа, использованного в гравюре «Меча духовного», где также исключен образ царевича Дмитрия Алексеевича (1648–1649). Его отсутствие на гравюре, вероятно, оправдывается тем обстоятельством, что древо 1666 г. передавало царскую семью в таком составе, в каком она должна была предстать своим подданным на близящемся Страшном суде. Но у композиции фрески Ильинской церкви была иная идейная основа, о чем свидетельствует, в том числе, и коррекция назва-

ния. Потомки Петра I мужского пола представлены на ней в полном составе, включая также умершего младенцем царевича Александра Петровича (1691–1692). Можно предположить, что появление фрески с царским древом было как-то связано с возникшей в 1715 г. династической коллизией, которую создало почти одновременное рождение сыновей у Петра I и наследника престола, царевича Алексея Петровича⁷. Сын последнего получил титул великого князя, который ставил его в иерархии правящей династии ниже дядюшек-царевичей.

Еще один иконографический извод царского древа с юными наследниками престола представлен гравюрой титульного листа «Алфавита собранного, рифмами сложенного...», изданного Иоанном Максимовичем в 1705 г.⁸ (Ил. 32). Книга была посвящена любимому детищу архиепископа Иоанна – Черниговской коллегии и наследнику российского престола Алексею Петровичу, которого царь Петр I тогда еще всерьез рассматривал как своего преемника.

В «Алфавит» включены развернутые жития святых тезоименитых царю и царевичу – Алексия, человека Божьего и апостола Петра. Эти стихотворные жития дополнены необычными для агиографических сочинений вставками. В житии «Алексий, человек Божий» содержится поздравление царевичу Алексею Петровичу с тезоименитством, а текст жития «Святой апостол Петр» соединен с панегириком царю Петру I. Такой прием позволял поднести экземпляры книги в подарок и государю, и наследнику.

Титульный лист украшает специально для такого случая выполненная гравюра с изображением «лозы» правящего дома Романовых. Композиция царского древа здесь обрамляет овальный картуш с названием и выходными данными книги. Общая идея композиции явно заимствована у хорошо известных в книжности того времени «древ» почитаемой братии Киево-Печерской обители из изданий лаврской типографии. В круглых картушах, окаймленных лавровыми венками, изображены «святые сродники» царской династии, древнерусские князья Борис и Глеб, патриарх Филарет, а также цари и царевичи дома Романовых.

Уже простое перечисление персон, изображенных на «лозе», показывает специфику этого древа по отношению к другим визуальным династическим конструкциям рассматриваемого времени. Из единокровных братьев Петра I от первого брака его отца, царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной (Милославской), в «царское родословие» включены только умерший молодым наследник Алексей Алексеевич, и венчаные на престол Федор Алексеевич и Иван Алексеевич. Остальные представители

⁷ Фреска «Род царствия благословится» была написана в период архиерейства епископа Ростовского и Ярославского Досифея (1711–1718), не разделявшего реформаторских идей Петра I и поддерживавшего отношения с бывшей царицей Евдокией Федоровной (Лопухиной) и царевичем Алексеем Петровичем [Дамиан (Залетов), Кольванов, с. 61].

⁸ *Иоанн (Максимович)*. Алфавит собранный, рифмами сложенный. Чернигов, 1705.

ветви Романовых-Милославских мужского пола составителем этой композиции не приняты во внимание. Это можно было бы объяснить их ранней смертью в детском возрасте, если бы в данном визуальном «родословии» не присутствовал царевич Александр Петрович, также скончавшийся младенцем и не задействованный в государственно-политических раскладах династии. Возможно, исключение «несущественных» братьев помогало сосредоточить внимание на фигуре Петра I и его потомках.

На этом царском древе мы вновь видим персону женского пола. На медальоне ее изображение имеет подпись «Царица Наталия». Сам медальон размещен на левой ветви лозы точно напротив медальона царя Алексея Михайловича (на правой ветви). Женщина представлена в царской короне и с жезлом-скипетром в руке, идентичным скипетру Алексея Михайловича. Эти детали позволяют с достаточной долей уверенности идентифицировать данный медальон как изображение царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной), матери Петра I. А.В. Сиренов без дополнительной аргументации счел его изображением царевны Натальи Алексеевны — родной сестры Петра [Сиренов, 2018б, с. 50]. Однако ничто не свидетельствует в пользу этой версии. Составитель иконографии данного древа, вероятно, ориентировался на те европейские образцы, где в визуальные родословия включались супруги владетельных особ, но не их дочери. Царевна Наталия, никогда не рассматривавшаяся в качестве наследницы престола, явно была бы лишним элементом. А вот образ царицы Натальи Кирилловны, от которой пошла утвердившаяся на престоле ветвь Романовых-Нарышкиных, был здесь очень кстати. Кроме того, ее изображение на родословном древе не могло не импонировать Петру I, в подношение которому готовился «Алфавит».

Подписи к изображениям царей и царевичей в медальонах титульной гравюры книги Иоанна Максимовича не содержат указания титулов — только имена и отчества. Представители мужской линии семьи Романовых изображены в различных вариантах царских облачений: старорусских и европеизированных. Правители и царевичи, начиная с Федора Алексеевича, облачены в латы и мантии. Исключение составляет наследник престола Алексей Петрович, одетый в традиционный кафтан и шубу. У царей и царицы Натальи в руках скипетры, у царевичей — жезлы иной формы. На мужчинах, независимо от их статуса — венцы, напоминающие по форме императорскую корону европейского типа. Голову царицы венчает зубчатый венец. Облачением и атрибутами отличается патриарх Филарет Никитич, представленный в визуальном родословии дома Романовых как лицо высшего духовного сана.

Подводя итоги, отметим, что изображения потомков царя Алексея Михайловича на царских древах второй половины XVII — начала XVIII в. отличались заметным разнообразием. Образцами для них служили различные иконописные и гравированные произведения, бытовавшие как в искусстве поствизантийского мира, так и в западной культуре. Несмотря на явную иконографическую общность, наблюдаемую внутри каждого из первых

двух изводов визуальных родословий, их композиции в деталях каждый раз прорабатывались особо с учетом актуальной династической ситуации. Оценивая художественное решение образов царей и царевичей династии Романовых, подчеркнем, что их постепенная вестернизация была связана с трансфером моделей западноевропейской визуальной генеалогии через гравюры книг украинской печати.

Литература

- Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т.А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: «Северный паломник», 2002. 104 с.
- Гладышева Е.В.* Похвала иконе «Богоматерь Владимирская» (Древо государства Московского) // Симон Ушаков – царский изограф / Государственная Третьяковская галерея. М., 2015. С. 110–117.
- Дамиан (Залетов), игум., Колыванов Г.Е.* Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI. С. 61.
- Комашко Н.И., Хромов О.Р.* Древо государства Московского // Иконопись Оружейной палаты: из частных собраний / Сост. Н.И. Комашко. М., 2017. С. 156–157.
- Овчинникова Е.С.* Портрет в русском искусстве XVII века: материалы и исследования. М., 1955. 139 с.
- Сиренов А.В.* Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства. М., 2017. С. 345–357.
- Сиренов А.В.* Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А.В. Сиренов. М., 2018. С. 8–27. [Сиренов, 2018a]
- Сиренов А.В.* Титульный лист издания архиеп. Черниговского Иоанна Максимовича «Алфавит собранный, рифмами сложенный...» // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А.В. Сиренов. М., 2018. С. 50. [Сиренов, 2018b]
- Стерлигов А.Б.* Портрет в русской живописи XVII – первой половины XIX века. М.: Гознак, 1985. 152 с.
- Сукина Л.Б.* «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 115–131.
- Филимонов Г.Д.* Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 3–104.

References

- Buseva-Davydova, I. L., Rutman, T.A. *Cerkov' Il'i Proroka v Jaroslavle*. Moscow: Severnyi palomnik, 2002. 104 p.
- Gladysheva, E.V. *Pohvala ikone «Bogomater' Vladimirskaia» (Drevo gosudarstva Moskovskogo)* // *Simon Ushakov – carskij izograf, Gosudarstvennaja Tret'jakovskaja galereja*. Moscow, 2015. Pp. 110–117.

- Damian (Zaletov), igum., Kolyvanov, G. E. Dosifej // *Pravoslavnaja jenciklopedija*. Moscow, 2007. Vol. 16. P. 61.
- Komashko, N. I., Hromov, O. R. Drevo gosudarstva Moskovskogo // *Ikonopis' Oruzhejnoj palaty: iz chastnyh sobranij*. Moscow, 2017. Pp. 156–157.
- Ovchinnikova, E. S. Portret v russkom iskusstve XVII veka: materialy i issledovanija. Moscow, 1955. 139 p.
- Sirenov, A. V. koncepcija dinasticheskoj monarhii v Rossii XVII – pervoj poloviny XVIII v. // *Drevnjaja Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavjanskogo (ne)edinstva*. Moscow, 2017. Pp. 345–357.
- Sirenov, A. V. Ideja dinasticheskoj monarhii v Rossii i rodoslovnye dreva russkih carej XVII–XVIII vv. // *Rodoslovnye dreva russkih carej XVII–XVIII vekov*. Moscow, 2018. Pp. 8–27.
- Sirenov, A. V. Titul'nyj list izdanija arhiep. Chernigovskogo Ioanna Maksimovicha «Alfavit sobrannyj, rifmami slozhennyj...» // *Rodoslovnye dreva russkih carej XVII–XVIII vekov*. Moscow, 2018. P. 50.
- Sterligov, A. B. Portret v russkoj zhivopisi XVII – pervoj poloviny XIX veka [Portrait in Russian painting of the 17th – first half of the 19th century]. Moscow, 1985. 152 p.
- Sukina, L. B. «Rod carstvija blagoslovitsja»: dva sluchaja interpretacii bogoizbrannosti pravjashhego doma Romanovyh v russkoj hudozhestvennoj kul'ture vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v. // *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*. 2020. No. 3. Pp. 115–131.
- Filimonov, G. D. Simon Ushakov i sovremennaja emu jepoha russkoj ikonopisi // *Sbornik na 1873 god, izdannij Obshhestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publicnom muzee*. Moscow, 1873. Pp. 3–104.

Иллюстрации

- Ил. 28. Царь Алексей Михайлович с семьей. Фрагмент иконы Симона Ушакова «Древо государства Московского». 1663 г. ГТГ.
- Ил. 29. Царица Наталья Кирилловна с сыном Петром (?). Фрагмент прориси иконы «Похвала иконе Богоматерь Владимирская». 1680-е гг. (?). Частное собрание.
- Ил. 30. Род правых благословится. Гравюра из книги Лазаря Барановича «Меч духовный». 1666 г. Фрагмент.
- Ил. 31. Род царствия благословится. Фреска церкви Ильи Пророка в Ярославле. 1716 г. (?) Фрагмент.
- Ил. 32. Титульный лист книги Иоанна Максимовича «Алфавит». 1705 г. Фрагмент.

Liudmila B. Sukina

*The Program Systems Institute of the Russian Academy of Sciences,
Pereslavl-Zalessky, Russia*

IMAGES OF SONS AND GRANDSONS OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH IN PICTURES OF THE “GENEALOGICAL” TREES OF ROYAL DYNASTY OF THE SECOND HALF OF THE 17th – EARLY 18th CENTURY

The article analyzes the images of the sons and grandsons of the sovereign Alexei Mikhailovich, included in the composition of the trees of the «genealogy» of the royal power of the Romanovs. Previously, they were not considered as a special type of images of dynasties, which have their own specificity and purpose in the system of visual representation of the autocracy of the time of the first Romanovs and Peter the Great. The compositions of the royal trees were worked out in detail each time taking into account the current dynastic situation. The images of the royal descendants were distinguished by a noticeable variety. Samples for them were «portrait» images from the works of icon painting and engraving.

Keywords: *image, picture, iconography, family tree, royal dynasty.*

М.Г. Талалай
Институт всеобщей истории РАН, Милан-Москва,
Италия-Россия

О переводе на русский язык трактата Антонио Катиоро *Vita di Pietro il Grande* (Венеция, 1736)

Одно из первых жизнеописаний Петра Первого «Vita di Pietro il Grande» вышло в Венеции в 1736 г. Его автор, итало-греческий просветитель о. Антонио Катиоро (1685–1763), изложил подробную биографию монарха-реформатора, представил созданную им империю как потенциальную освободительницу греков и других балканских народов от турецких завоевателей. На русский язык трактат Катиоро был переведен в 1743 г. Стефаном Писаревым, однако этот перевод был осуществлен не с итальянского оригинала, а с греческого перевода. Опубликованный в России только в 1772 г., текст Катиоро, исправленный и расширенный переводчиком, ходил в рукописных списках, получив известность еще до печати.

Ключевые слова: *Петр I, Антонио Катиоро, Стефан Писарев, биография, перевод*

В 1772 г. в России выходит из печати исторический трактат с длинным, в духе эпохи, названием: «Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев».

Текст этот уже был знаком заинтересованной отечественной публике благодаря широко ходившим рукописным спискам, так как автор перевода закончил свой труд 30-ю годами ранее и, судя по всему, охотно давал его читать (и переписывать).

Рукописям «Житие Петра Великого...» в государственных и частных собраниях посвящена специальная статья [Буш]. Списков много: сегодня их насчитывают в Российской Национальной библиотеке – более 35, в Библиотеке Академии наук – более 20, в Российской Государственной библиотеке – более 10 экземпляров [Пештич, с. 203]. Биография монарха «заслуженно приобрела широкую популярность. Это объяснялось интересом к личности великого государственного деятеля, ясностью и простотой авторского изложения, мастерством переводчика» [Пештич, с. 203].

При этом исследователей интересовало, как и почему Стефан Иванович Писарев (1708–1775) взялся за сложное дело перевода «италианской» книги вообще, и отчего выбрал ее перевод на «греческом диалекте», в частности.

Сам он в предисловии «К читателю» объяснял, что получил «изустное повеление» [Катифор, без пагинации] от императрицы Елизаветы Петровны, что многих не убеждало. Высказывалось предположение, что это была его личная инициатива [Пештич, с. 203.]. Однако сохранившаяся в Библиотеке Академии наук рукопись 1743 г. имеет пространное посвящение императрице Елизавете Петровне [Буш, с. 289–291], с четким упоминанием ее августейшего повеления, и поэтому сомнения в действительности высочайшего заказа отпадают.

Возникает другой вопрос – как императрица узнала о книге? И тут, весьма вероятно, без самого Писарева, в той или иной степени, не обошлось.

Талантливый и амбициозный переводчик при Коллегии иностранных дел проявил себя в китайской дипломатической миссии, куда попал в 1725 г. со скамьи московской Славяно-греко-латинской академии, еще студентом, а при возвращении с миссией в Россию (в 1728 г.) вошел в просвещенную космополитическую среду. Благодаря своему патрону Савве Рагузинскому, привлечшему его в китайскую миссию, он был в особенности связан с ареалом Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья, при этом превосходно владел итальянским и греческим языками. Возможно, именно от Рагузинского Писарев и узнал о венецианской книге Антонио Катиоро «*Vita di Pietro il Grande Imperador della Russia estratta da varie memorie pubblicate in Francia e in Olanda*», в ее итальянской (1736 г.) или греческой (1737 г.) форме – переводчик не только имел доступ к библиотеке патрона, но и по завещанию получил часть этого богатейшего книжного собрания.

Начало елизаветинского правления ознаменовалось повышенным интересом к петровской эпохе, в то время как отечественная историография тогда была лишена достойного представления биографии Петра I. Успешная западная книга, переведенная на русский, пришлась бы в ту пору весьма кстати. Скорей всего, к Елизавете Петровне трактат «*Vita di Pietro il Grande*», мог попасть через те же дипломатические круги – к примеру, через близкого к ней эрудита С.К. Нарышкина, или через А.Д. Кантемира. В любом случае, теперь не остается сомнений, что именно сама царица в начале своего правления выразила желание иметь русский перевод порекомендованной ей кем-то книги.

Остается загадкой, почему превосходный перевод Писарева тогда, по окончании труда, в 1743 г., будучи преподнесенным императрице, не был издан. Переводчику пришлось ждать его публикации тридцать лет..

Высказывается предположение, что по получении рукописи в правительственных кругах вызрело решение иметь трактат какого-то более престижного западного автора [Пештич, с. 203]. Сам Писарев в напечатанной книге невнятно пишет, спустя тридцать лет, о происках «недоброхотов». В целом в тот момент, в начале 1740-х гг., ему как переводчику сопутствовали неудачи: законченный им до биографии Петра первый его большой

переводной труд (духовной греческой литературы) застрял в цензуре и вышел только спустя двадцать лет [Кагарлицкий, с. 482–487]¹. В итоге по Руси стали циркулировать рукописные списки «Жития Петра Великого...».

Остается открытым вопрос – почему Писарев, взявшийся за трактат «*Vita di Pietro il Grande...*» Катифоро, стал переводить не с итальянского оригинала, а с греческого перевода?

С легкой руки В.В. Буша сформировалось мнение, что Писарев указал на греческую версию для обхода цензурных рогаток после осложнений со своим предыдущим переводом. Более того, исследователь утверждал, что русский переводчик мистифицировал отечественную цензуру в духе «литературных нравов XVIII века» и что греческого перевода книги Катифоро 1737 г. (эту дату Буш увидел на списках, на печатном переводе ее нет) не существовало вовсе... Чтобы подкрепить свой тезис, Буш сообщает, что, действительно, в Венеции в том самом 1737 г. вышла греческая биография Петра Первого – но совсем иная, не Катифоро, а книга Афанасия Скъяды [Буш, с. 285].

Заблуждение Буша во многом ослабляет его исследование, так как его основная часть посвящена соотношению перевода Писарева с *итальянским* оригиналом: автор тщательно выписывает разночтения и лакуны, в то время как ему следовало сравнить перевод Писарева с реально опубликованным *греческим* переводом (в то время как сохраняется значение сравнения печатного писаревского перевода с его списками). В целом представляет странным предположение исследователя о том, что Стефан Писарев, переводчик на государственной службе, чиновник Сената, подносивший свой труд императрице Елизавете Петровне и, много позднее, цесаревичу Павлу Петровичу, решил мистифицировать своих читателей, включая венценосных.

Эта ошибка ввела в заблуждение и современных исследователей, которые, правда, в более осторожных формах, но указывают: «изданий [греческой] книги <...> обнаружить не удалось» [Кагарлицкий, с. 486].

В самом деле, удивительно, но в 1737 г. в Венеции одновременно вышли две биографии Петра на греческом – Скъяды [Ястребов 2021] и Катифоро. Тем не менее греческая книга Катифоро, которой пользовался Писарев, существовала – «Βίος Πέτρου τοῦ Μεγάλου αὐτοκράτορος Ῥουσίας, πατρός πατρίδος, συλλεγες ἐκ παντοίων ὑπομνημάτων ἐν Γαλλίαις καὶ Ὀλλανδίᾳ ἐκδοθέντων».

Столь скорая публикация перевода трактата Катифоро на греческий – год спустя после итальянского издания – позволяет предположить, что работа над греческой версией шла параллельно итальянскому тексту. Вы-

¹ [Илья Минятей.] Поучения во Святую и Великую Четыредесятницу, то есть Велико-Постныя Недели сочиненныя, и проповеданныя Керникским и Калавритским что в Пелопонисе епископом Илиею Минятием, кефалонитянином. С греческаго, на российский язык Коллегии иностранных дел переводчиком (что ныне тояж Коллегии секретарь) Стефаном Писаревым в 1741 году переведенныя. СПб., 1759–1760. Т. I–II.

зывает удивление, что автором греческого перевода печатно объявлен не сам ученый аббат, а некий Александр Канкеллариос, тоже венецианский грек, но отнюдь не филолог, а медик. Нет сомнений, что Канкеллариос, по крайней мере, консультировался с автором, однако нельзя исключить, что основную часть работы сделал все-таки сам Катифоро, по каким-то соображениям пожелавший остаться в «тени». Такие подмены, действительно, были в духе «литературных нравов» той эпохи, когда авторы охотно прибегали к псевдонимам и мистифицировали выходные данные своих публикаций. Собственно, и самое первое издание на итальянском, 1736 года, было анонимным – по каким-то причинам Антонио Катифоро не желал «светиться». Вероятно, именно поэтому он не захотел себя обнаруживать и в греческом переводе, а воспользовался именем компатриота Александра Канкеллариоса.

Отчего же такая анонимность? Быть может, здесь полезно вспомнить об историческом контексте публикации: только что, в 1735 г., началась очередная русско-турецкая война, исход которой был еще неясен. Не исключено, что автор опасался некой вендетты за явный антитурецкий пафос своего сочинения. В 1739 г. война заканчивается, и в том же году в Венеции выходит переиздание трактата на итальянском – на сей раз уже с именем автора.

Пришла пора вкратце представить венецианского автора – Антонио Катифоро (1685–1763) [Талалай 2020]. Сразу оговоримся, что мы используем итальянский вариант его имени. Будучи гражданином Венецианской республики, он был однако этническим греком, что позволяет в лоне современной отечественной историографии именовать его иногда как Антониос Катифорос, а иногда и как Антоний Катифор (так называл его Писарев).

Выходец с греческого острова Закинф (иначе Закинтос, или Занте) Катифор/Катифоро/Катифорос был связан с итальянской культурой уже по рождению, так как Ионические острова тогда входили в число владений Венецианской республики. С 1702 г. Антонио обосновывается в Риме, сначала как ученик Греческой религиозной коллегии св. Афанасия, а затем как ее преподаватель. Священническую карьеру он начал в Венеции, при старейшем греко-православном приходе в Европе – св. Георгия, где в 1710 г. был рукоположен во иеродиакона, а позднее – во священника.

Те годы вообще отмечались особо развитыми связями между венецианско-греческой общиной и русским правительством, и, вне сомнения, Катифоро в тот момент познакомился или непосредственно с русскими эмиссарами или с прорусски настроенными православными греками. В жизни греков и, в частности, греческой диаспоры Венецианской республики первых десятилетий XVIII в. Петр I играл особенную роль: как и другие христианские народы Балкан, они видели в нем потенциального освободителя от турецких завоевателей и обращались к нему, как к защитнику, когда видели ущемление своих религиозных прав и в самой Венеции. Так, по просьбе православных греков 7 декабря ст. ст. 1710 года Петр I отправляет в Вене-

цию свое письмо-ходатайство в защиту храма св. Георгия, где служил Катифоро, от захвативших его униатов [Ястребов 2018, с. 215–220].

В 1715 г. молодой аббат (в православной традиции, скорее всего, он титуловался архимандритом) покидает Венецию ради службы в России: приглашение было получено от самого А.Д. Меншикова. Антонио пересекает Европу с юга на север и отплывает на восток, но уже в самом начале морского путешествия его корабль терпит крушение у берегов Голландии. Спасенный местными жителями, Катифоро остается в Амстердаме некоторое время, которое использовал также для овладения голландским языком, прирабатывая домашним учителем в богатой семье. Однако в итоге до России он так и не добрался...

С 1732 года он постоянно живет в Венеции. За жизнеописание Петра, которое и прославило его имя, Катифоро принялся в 1735 году. «*Vita di Pietro il Grande*» стала известна прежде всего в Юго-Восточной Европе – в греческом мире, на Балканах, что предопределялось ее направленностью: Петр I был в ней представлен как могучий православный монарх, способный не только цивилизовать свою страну, но и освободить от турецкого ига греческий и другие подневольные народы. Биография была сразу переведена на греческий (о чем подробно писалось выше), на румынский (трижды, разными переводчиками!), и «иллирийский славянский» (т. е. сербохорватский).

В историографии иногда указывается на компилятивный характер трактата, так как его автор не был лично знаком с Петром I и не работал с источниками. Однако автор честно ставит прямо в названии книги указание на французские и голландские «воспоминания», которые он тщательно проработал и интерпретировал. И сделал это чуть ли не первым в европейской культуре, еще не получившей в тот момент цельной биографии императора. Книга как раз и интересна своим анализом русской истории, своим «образом императора».

Высокое качество работы Катифоро (хотя теперь, спустя три столетия, мы в ней находим немало неточностей) обеспечивалось не только широкой культурой автора и научной добросовестностью, но и великолепной базой – венецианской библиотекой св. Марка («Марчана»), куда стекались свежие европейские книги и периодика.

Что касается ее русского перевода, то В.В. Буш (хотя он и сравнивал книгу Писарева не с греческой книгой, а с итальянским оригиналом) все-таки сделал правильный важный вывод: Стефан Писарев творчески подошел к своему труду, привлек имевшиеся у него материалы, уточнил некоторые имена и цифры.

В заключение укажем на самую значительную, по нашему мнению, правку Писарева. Катифоро пишет о 200 тысячах «несчастных» строителей Петербурга, тем самым внося и свой вклад в миф «города на костях». Однако современные исследования эту цифру опровергают: уровень жиз-

ни и качество питания рабочих в первые годы строительства города были достаточно приемлемыми, одни и те же рабочие трудились по многу лет, и смертность у них была не выше, чем на других больших стройках. Русский переводчик в своем переводе уменьшил цифру Катифоро в десять (!) раз, написав так: «зачин сего нового города поморил слишком 20 тысяч человек из оных бедных работных людей».

Русский перевод венецианской биографии Петра был широко читаем в течении многих десятилетий, если учитывать и его рукописную форму, — им пользовался и его цитировал А.С. Пушкин. Позднее «Житие Петра...» было преодолено глубокими отечественными исследованиями, не утратив своего обаяния эпохи и литературной выразительности.

Литература

- Буш В.В. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая серия. Ч. LIX, окт. 1915. С. 262–291.
- [Катифор, Антоний.] Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772. 512 с.
- Кагарлицкий Ю.В. К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // Век Просвещения. Вып. II. Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения. Кн. 1. М., 2008. С. 470–497.
- Пешич С.Л. Русская историография XVIII века. СПб.: изд-во ЛГУ, 1961. Ч. I. 276 с.
- Талалай М.Г. «Жизнь Петра Великого» Антонио Катифоро // Материалы XII международного Петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 г. / сост. Гусев Д.Ю., Кобак А.В., Лихачева В.В. СПб., 2020. С. 45–55.
- Ястребов А.О. Перевод или плагиат? К вопросу об авторстве труда «Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I, отца Отечества, всероссийского самодержца» Афанасия Скъяды // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории Российской академии наук. Вып. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С. 241–250.
- Ястребов А.О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М.: Издательский дом «Познание», 2018. 394 с.

References

- Bush V.V. «Zhitie Petra Velikogo» Stefana Pisareva // *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. Novaya seriya. Ch. LIX, okt. 1915. S. 262–291.
- [Katifor, Antonij.] Zhitie Petra Velikago, Imperatora i Samoderzhca Vserossiiskago, Otca Otechestva, sobrannoe iz raznyh Knig, vo Francii i Gollandii izdannyh, i napechatannoe v Venecii, Mediolane i Neapole na dialekte Italijskom, a potom i na Grecheskom: s koeogo na Rossiiskoi yazyk perevel statskii sovetnik Stefan Pisarev. SPb., 1772. 512 s.

- Kagarlickij Yu.V. K voprosu ob izdanii perevodnyh religioznyh knig v Rossii XVIII veka: perevody Stefana Pisareva i ih izdatel'skaya sud'ba // *Vek Prosveshcheniya. Vyp. II. Cenzura i status pechatnogo slova vo Francii i Rossii epohi Prosveshcheniya*. M., 2008. Kn. 1. S. 470–497.
- Peshtich S.L. Russkaya istoriografiya XVIII veka. Chast' I. SPb.: izd-vo LGU, 1961. 276 s.
- Talalai M.G. «Zhizn' Petra Velikogo» Antonio Katiforo // *Materialy XII mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 31 maya – 1 iyunya 2019 g.* / sost. Guzevich D. Yu., Kobak A.V., Lihacheva V.V. SPb., 2020. S. 45–55.
- Yastrebov A.O. Perevod ili plagiat? K voprosu ob avtorstve truda «Proiskhozhdenie, harakter, opasnosti i sversheniya Petra I, otca Otechestva, vserossiiskogo samoderzhca» Afanasiya Sk'yady // *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* / Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk. Vyp. 2. M.: In-t rossiiskoi istorii RAN, 2021. S. 241–250.
- Yastrebov A.O. Russko-venecijskie diplomaticheskie i cerkovnye svyazi v epohu Petra Velikogo. M.: Izdatel'skij dom «Poznanie», 2018. 394 s.

Michail G. Talalay

*Institute of World History Russian Academy of Sciences, Milan-Moscow,
Italy-Russia*

ON THE TRANSLATION INTO RUSSIAN OF THE TREATISE *VITA DI PIETRO IL GRANDE* BY ANTONIO CATIFORO (VENICE, 1736)

One of the first biographies of Peter the Great «*Vita di Pietro il Grande*» was published in 1736. Its author, the Italian-Greek enlightener Fr. Antonio Catiforo (1685–1763), setting out a detailed biography of the reformist monarch, presented the empire he had created as a potential liberator of the Greeks and other Balkan peoples from the Turkish conquerors. Catiforo's treatise was translated into Russian in 1743 by Stefan Pisarev, though his translation was not from the Italian original, but from the Greek translation. Published in Russia only in 1772, the text of Catiforo, corrected and expanded by the translator, circulated in manuscript copies and became well known even before printing.

Keywords: *Peter I, Antonio Catiforo, Stefan Pisarev, biography, translation.*

Петр I и европеизация России в восприятии участников Пугачевского бунта 1773–1775 гг.*

Статья посвящена отношению участников пугачевского бунта 1773–1775 гг. к Петру I и к европеизации России. В работе показано, что повстанцы воспринимали этого монарха не как царя-преобразователя, а как «хорошего», «доброе» царя. Однако это не исключало положительных отношений восставшим к отдельным новшествам, теснейшим образом связанным с реформами Петра I.

Ключевые слова: *Петр I, европеизация, реформы, пугачевское восстание, «хороший царь»*

Исследователи восстания под предводительством Е.И. Пугачева неоднократно приводили в своих работах положительные высказывания повстанцев, да и вообще сторонников самозванца, о Петре I, а иногда эти высказывания еще и комментировали. Так, по мнению А.И. Клибанова, положительные высказывания староверов из числа приверженцев Пугачева о Петре I свидетельствуют о том, что этот царь был ими реабилитирован, и что они переосмыслили давнюю старообрядческую традицию, представлявшую «...Петра Первого в образе антихриста». К тому же, согласно ученому, восставшими проводилась «линия преемственности между Петром I и Петром III». [Клибанов, с. 156–162. См. также: Курмачева, с. 164–173].

Некоторые ученые попытались объяснить, почему восставшие эту «линию» проводили, почему «Петр III», чью роль играл Пугачев, в своих указах и манифестах ссылался на авторитет «своего великого предка». По мнению А.И. Грушкина, упоминание Петра I в пугачевских манифестах «с сочувствием» вызвано тем, что народное сознание ставило этого монарха «...на какое-то особое место, отличавшее его от прочих царей» [История русской литературы, с. 156. См. также: Русское народное поэтическое творчество, с. 496]. Это мнение основано на предании о посещении Петром I могилы С.Т. Разина, помещенном А.С. Пушкиным в «Table-talk», которое будто бы было рассказано самим Пугачевым людям, приходившим его послушать под арестом в Москве [Пушкин, с. 161]. В.В. Мавродин ссылки на Петра также объяснял тем, что он оставил «...глубокий след в памяти народа»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42050.

[Крестьянская война, с. 92]. А вот Р.В. Овчинников считал, что Петр Первый никогда не являлся защитником «интересов трудового народа», а обращение к его авторитету в пугачевских документах было навеяно «...практикой законотворчества императрицы Елизаветы Петровны и ее преемников, которые, обнародуя крупные решения в области внутренней политики, часто ссылались в своих манифестах на пример “блаженные памяти” Петра Великого и его деяния» [Овчинников, с. 44].

И если положительное отношение пугачевцев к Петру I в историографии никем не оспаривается, то на вопрос, как повстанцы относились к политике европеизации, которая теснейшим образом связана с этим императором, в научной литературе однозначного ответа не имеется. С одной стороны, неоднократно высказывалось мнение о том, что пугачевское восстание являлось движением консервативным и было направлено против европеизации России [см., например: Брикнер, с. 216–217, 218; Мауль, с. 255–446], а, с другой стороны, ряд историков полагает, что, играя роль Петра III, Пугачев выступал не только в образе «фольклорного царя», но и в образе императора, усвоившего отдельные новшества, введенные Петром Первым [Шарф, с. 100–101; Cherniavsky, p. 97–99; Raeff, p. 194–199].

Итак, попытаемся во всем этом разобраться.

По всей видимости, личность Петра I пользовалась большой популярностью среди яицких казаков, являвшихся, по общему признанию, застрельщиками пугачевского восстания, да к тому же еще и «раскольниками». В 1771 г. в челобитной, адресованной Екатерине II, «непослушные казаки», т. е. казаки, конфликтовавшие со старшиной и отстаивавшие казачьи вольности (многие из них примут участие в пугачевщине), уверяли императрицу, что от Алексея Михайловича были пожалованы рекой Яиком, санными покосами, хлебным и денежным жалованием и что «...те жалованные грамоты отец отечества блаженные и вечной славы достойныя памяти государь Петр Великий и по нем государыня императрица Анна Иоановна подтвердить благоволишь имели, чтоб нам быть на тех правах до скончания века»¹. А вот если довериться показаниям держателя Талого умета (постоялого двора) С. Оболяева, то летом 1773 г., т. е. незадолго до начала возмущения, казак Д. Караваяев заявил самозванцу, что яицкие казаки хотели «...служить по-старому, как при царе Петре Алексеевиче было, и по грамотам»². И, наконец, в записке капитан-поручика гвардии С.И. Маврина, основанной на показаниях казаков, в том числе и пугачевцев, полученных в Яицком городке (август 1774 г.), помимо прочего говорилось о пожалованиях, полученных Яицким войском от царя Михаила Федоровича, которые были подтверждены, по прошению казаков, Петром I, ибо «...Яицкое войско ходило с ним во многие походы и показало многия заслуги...». К тому же Петр

¹ Волнения на Яике перед пугачевским бунтом // Памятники новой русской истории: Сб. документов и материалов. СПб., 1872. Т. 2. С. 285–286.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 231 ОБ.

приказал «разгородить» один из учугов (устройство для задержания рыбы), после чего «...рыба стала свободный иметь проход вверх по Яику, и яицкие казаки довольствовались... нарачитою ловлею»³. Согласно этой же записке, казаки, заявляя о нарушении своих привилегий, подчеркивают, что они были пожалованы им именно «от государя императора Петра Первого»⁴.

Несмотря на все вышесказанное, в манифестах и указах самозваного «Петра III», обращенных к яицким казакам (да и вообще в манифестах и указах на русском языке), напрямую имя первого императора не упоминается. В этих документах самозванец лишь призывает «подданных» служить ему так же, как они служили «прежним царям» или «предкам моим, великим государям, императорам всероссийским»⁵. Зато имя Петра Первого упоминается в манифестах и указах на татарском языке, написанных яицким казаком, туркменом по происхождению, Б. Идеркеевым [Овчинников, с. 41–42, 80, 86–87]. Так, в указе, адресованном населению Ногайской и Сибирской дорог Оренбургской губернии (октябрь 1773 г.), читаем следующее: «...те, которые служили каким-то образом моим предкам, тех, которых из моих предков отважный государь Петр Алексеевич пожаловал, я также пожалую вас! На вечные времена пожаловал я вас вашими землями и водами, хлебом и солью вашими, да прочим, а также верой и совестью, богатством и сокровищами вашими!»⁶ В манифесте от 1 декабря 1773 г. говорится, что «...те, которые... услуги приносили неизменные деду моему императору Петру Первому... воспринимали немалые награждения и похвалы...»⁷. И наконец, в манифесте (не позднее 15 декабря 1773 г.) «Петр III» призывает народ служить, как и прежде люди «...служили дедушке моему первому и великому императору Петру Алексеевичу»⁸.

Трудно сказать, почему лишь в указах и манифестах, написанных на татарском языке Б. Идеркеевым, «Петр III» ссылается на авторитет «своего дедушки». Осторожно предположу, что помимо прочего это могло быть как-то связано с настроениями мусульман, адресатов этих документов. Во всяком случае, в мае 1774 г., сообщая повстанческим командирам в Кунгурском уезде (преимущественно мусульманам), различные недостоверные сведения об успехах Пугачева и его союзников, мишарский полковник Б. Канкаев пишет, что «...две тети его» (*Петра III – Е.Т.*), дочери Петра Алексеевича (*т. е. дочери Петра Первого, которых уже не было в живых –*

³ Волнения на Яике перед пугачевским бунтом. С. 252–253.

⁴ Там же. С. 267–268.

⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Отв. ред. Р. В. Овчинников. М., 1980. С. 23–25, 29–31, 33.

⁶ Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1988. С. 42. См. также: Документы ставки Е. И. Пугачева... С. 28.

⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева... С. 35.

⁸ Там же. С. 38.

Е. Т.), дали помощь государю нашему»⁹. Не лишним будет обратить внимание и на то, что 25 декабря 1773 г. башкирский сотник Б. Иткинин приказал осинской земской избе принять у пахотных солдат и «...держатъ... честно под караулом» Соборное уложение и Зерцало¹⁰. Появившееся в Петровское время Зерцало – это «...усеченная треугольная пирамида, на каждой стороне которой помещался печатный текст одного из трех указов: от 17 апреля 1722 г. – “О хранении прав гражданских”, от 21 января 1724 г. – “О соблюдении благочиния в судебных местах” и от 22 января 1724 г. – “О важности государственных уставов”» [Павленко, с. 439].

Но вернемся к яицким казакам, поскольку в одном документе, имеющем отношение к ним и написанном по-русски, о Петре I все же говорится. Речь идет об увещании повстанческой войсковой канцелярии яицких казаков в осажденную крепость Яицкого городка. Рассказав об обстоятельствах переворота 28 июня 1762 г., в результате которого Петр III был отстранен от власти, автор документа (а им был беглый с Иргиза «раскольничий» старец Гурий) заключает: «И так всепросветлейший государь Петр Феодорович, умиленно лишаась своего престола, и доньне подражая деду своему Петру Великому, всякие способы излюбопытствовал»¹¹.

Скорее всего, с почтением к Петру Первому относился и донской казак Е. И. Пугачев. До властей дошли слухи, будто, служа еще в царской армии, он называл себя крестником этого императора. На следствии Пугачев то признавал это, то отрицал, а потому можно сколько угодно спорить о том, каким показаниям стоит доверять больше. Однако едва ли подлежит сомнению то, что к Петру I самозванец относился положительно. В противном случае он бы не позволил уже во время восстания серебряникам делать «...медали с патретом государя Петра Перваго с старинных медалей»¹².

Не лишним в данной работе будет упомянуть высказывание о Петре I, принадлежащее человеку, хотя и не состоявшему в пугачевском войске, но восставшим сочувствовавшему, видимо, с одобрением наблюдавшему расправу бунтовщиков над «боярами», да еще и поживившемуся казенной мукой, которую, как и некоторые другие казенные товары, пугачевцы позволили брать народу «безденежно». Речь идет о жившем и работавшем кузнецом в Саратове саранском цеховом «раскольнике» А. И. Горбунове, арестованном в августе 1774 г. за недозволенные речи. Осенью–зимой того же года на следствии Горбунов рассказывал легенду, согласно которой «... Блаженной памяти государь император Петр Первой казнил стрельцов по

⁹ Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и на Урале. С. 120–121, 408. См. также: Документы ставки Е. И. Пугачева... С. 314–315, 443–444.

¹⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева... С. 157.

¹¹ Там же. С. 105, 406.

¹² Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов. / Сост. Р. В. Овчинников и А. С. Светенко. М., 1997. С. 58, 119–120, 202, 220, 347, 408. См. также: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 150.

наветам бояр, и как после рассмотрел, что казнил их безвинно, то сказал боярам так: был Петр, которой казнил стрельцов напрасно, по одним наветам боярским, будет и еще Петр, которой отмстит боярам за стрельцов неповинную кровь». Разумеется, этим «Петром» стал «Петр III», который во время восстания исполнил предсказание Петра Первого. Сначала Горбунов утверждал, что услышал об этом из «писания» т. е. из Библии, которую ему читали некоторые его знакомые, и от «многих стариков», а потом заявил, что услышал об этом «в Саратове на рынке от раскольников», которые, впрочем, также были стариками¹³.

Разумеется, из вышеприведенных отдельных высказываний о Петре I нельзя сделать вывод не только о том, что он пользовался авторитетом среди всех пугачевцев, но даже и о том, что все повстанцы знали о существовании этого монарха. И все-таки тот факт, что он неоднократно положительно упоминается в источниках, так или иначе связанных с пугачевским бунтом, требует осмысления¹⁴.

Вопреки утверждениям некоторых историков, отношение к Петру I в народе при его жизни не было лишь однозначно негативным. Для значительной части простонародья этот монарх продолжал обладать высоким авторитетом [Трефилов, р. 461–485]. И для нас важно, что положительное отношение к нему не было чуждо даже мятежным донским и яицким казакам¹⁵, т. е. традиция почитания Петра I на Дону и Яике была давней. Не были пугачевцы из числа староверов и первыми «раскольниками», с симпатией относившимися к этому государю. Так, скорее всего, волновавшиеся в Петровское время яицкие казаки были старообрядцами [См., например: Карпов, с. 452, 604, 678]. К тому же в это время и в других районах стра-

¹³ Подробнее см.: Пугачевщина. Из архива Пугачева / Подгот. к печати С.А. Голубцовым. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 195–196; РГАДА. Ф. 6. Д. 2428. Л. 42–43, 47–54 об., 81–86 об., 125–125 об., 170–175 об., 177–177 об., 190–190 об.

¹⁴ Пожалуй, с Петром I по числу упоминаний из всех покойных к тому времени монархов (исключая, разумеется, Петра III) может посостязаться лишь Елизавета Петровна. Помимо упоминаний монархов, о которых речь шла ранее, в других источниках (в показаниях пугачевцев и в документах, созданных восставшими), я встретил 5 прямых упоминаний о Елизавете Петровне и по одному — о Иване Васильевиче (Грозном), Анне Иоанновне, а также о царевиче Дмитрие (вместе с Гришкой Расстригой). См.: Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки. / Подгот. к печати С.А. Голубцовым. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 194, 332; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.: Сб. док. / Под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1961. С. 205, 206; Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 105, 111, 272; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 94.

¹⁵ Ранее, делая вывод о почтительном отношении к Петру I яицких казаков во главе с Ф. Рукавишниковым, я ссылался на работу И.Г. Рознера (Трефилов, р. 474; *Общественная мысль*, с. 407). Однако более внимательное изучение литературы показало, что И.Г. Рознер фактически неверно излагал отдельные события, имевшие место на Яике в конце 10-х — начале 20-х годов XVIII века (Рознер, с. 15–18). Несмотря на это, вывод о том, что казаки во главе с Рукавишниковым оставались лояльными Петру I, не вызывает у меня сомнений. Во-первых, о монархизме этих казаков свидетельствуют даже их противники, а, во-вторых, поездки Рукавишникова в Петербург говорят о том, что он и его сторонники надеялись на помощь со стороны центральных властей и царя. (подробнее см.: Карпов, с. 490–840. См. также: Дариенко, с. 79–83; Мерзликина, с. 81–85).

ны имелись отдельные староверы, которые также положительно относились к царю-преобразователю или хотя бы в какой-то степени были готовы смириться с ним [Конанова, с. 84–85; Трефилов 2010, с. 123, 151; Смирнов, с. 107, 162–163, 345, 346–350]¹⁶. В промежутке между смертью Петра I и пугачевщиной в источниках также можно встретить положительные высказывания простолюдинов о первом императоре [Алефиренко, с. 296–297, 301–302, 305–306, 313, 323–324; Пихоя 1987, с. 156–159; Пихоя 2005, с. 101–104; Побережников, с. 9]¹⁷. И при жизни царя, и в промежутке между его смертью и пугачевщиной, прославляют в народе Петра I в первую очередь не как преобразователя, а как защитника простолюдинов и врага их притеснителей¹⁸, что, на первый взгляд, мало чем отличает этого царя от его предшественников. Однако неприсущий предыдущим монархам «демократизм» Петра I, который прославлялся в народных преданиях XIX века [см., например, Былов, с. 126–128], уже в интересующий нас промежуток получает одобрение со стороны некоторых простолюдинов. Впрочем, этот нетрадиционный «демократизм» лишь укрепляет традиционное представление о царе как о народном заступнике¹⁹.

Замечание старца Гурия о том, что «Петр III», «...подражая деду своему Петру Великому, всякие способы излюбопытствовал» может также указывать на необычное поведение первого императора. При этом ни один пугачевский документ не прославляет Петра I как преобразователя. Напротив, в одном из пугачевских указов некоторые новшества, введенные Петром I, подвергнуты суровому осуждению. Впрочем, согласно автору указа, их инициатором является не Петр, а дворяне, по решению которых

¹⁶ Из следственного дела, возникшего уже после смерти Петра, известно, будто один крестьянин утверждал, что «Первой де Государь император Петр был старовер — и для того де он долго жил на царстве» (цит по: Побережников, с. 9).

¹⁷ Возможно, приблизительно в это время в народе появляются предания, в которых Петр I изображается благожелательно. И, несомненно, в это время появляются песни с подобным содержанием, которые, правда, при записи и публикации в той или иной степени подправлялись [Былов, с. 122–132; Мезин, с. 22–24; Соколова, с. 201]. Кроме того, в следственных материалах содержатся отдельные народные сказки, в которых Петр изображается с симпатией.: Сказки о Петре Великом в записях 1745–1754 годов / Публ. П. К. Симоны // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I и II. Год тринадцатый. С. 225–227.

¹⁸ Следует отметить, что иррациональная вера в справедливость царской власти иногда подкреплялась реальными действиями в пользу простолюдинов [См.: Общественная мысль, с. 419–422]. Так, некоторые историки утверждают, что Петром Великим и впрямь были сделаны те пожалования, о которых, напомним, говорили накануне и во время пугачевщины яицкие казаки. [Карпов, с. 370, 569–570; Дариенко, с. 70]. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

¹⁹ В 1736 г. один ссыльный на Урале передавал разговоры о Петре I, которые будто бы велись в солдатской среде: царь «чины все производил, также и потом стал все нужды знать» [Побережников, с. 9. См. также: Былов, с. 128–129]. Впрочем, по мнению В. М. Былова, иногда народ наделяет царя «демократизмом» лишь «...в силу эпической традиции». Видимо, имеется в виду то, что «... народ своих любимых героев часто наделяет крестьянским происхождением, мужицкой внешностью, крестьянскими склонностями, вкусами, чертами характера» [Былов, с. 127, 129].

«...с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское брадобритие...»²⁰.

Впрочем, отношение восставших к европеизации страны, да и вообще к наследию реального Петра Первого, не было таким негативно однозначным, как это может показаться из вышеприведенного указа. Как отметил К. Шарф, «репрезентация» самозванного «Петра III» в пугачевских указах «...не имеет ничего общего ни с традицией московских царей, ни даже с образом «крестьянского царя», а четко указывает на петровскую императорскую традицию» [Шарф, с. 100]. И действительно, во всех манифестах и указах и прочих документах пугачевской ставки самозванец именуется как император, а иногда и как «отец отечества»²¹ (а именно так, напомним, именовался Петр I), что доказывает правоту историка.

Конечно, заимствования из лексикона Петра I и его приемников, а также подражание имперскому двору и имперской армии могут показаться явлениями, не заслуживающими серьезного внимания, поскольку пугачевские армия и двор мало напоминали свои прототипы, а сам Пугачев подражал чаще не реальному Петру III, выходцу из Шлезвиг-Гольштейна, а созданному народной фантазией идеальному образу Петра Федоровича, которого за любовь к простому народу и старой вере свергли с престола «злодеи-дворяне». И все-таки не следует недооценивать того факта, что Пугачев хотя бы иногда, но все же играл роль императора-немца, да и вообще роль государя, воспитанного в новых традициях. Так, самозванец уверяет своих сторонников в том, что знает не только немецкий, но и другие иностранные языки, рассказывает, что во время «своих странствий» после свержения с престола побывал в «немецких землях». Кроме того, «Петр Федорович» вполне одобряет женитьбу «своего сына» Павла Петровича на немецкой принцессе. И подобные заявления самозванца ни у кого из его сторонников не вызывают возмущения [Трефилов 2007, с. 519–530; Трефилов 2015, с. 117, 185, 212–233, 240–241]. И это особенно бросается в глаза, если учесть, какую ненависть у простолюдинов в Петровское время вызывали общение царя с «немцами» и его поездка за границу. Невозможно представить в Петровское время «немцев» в качестве участников народных восстаний (их, кажется, повстанцы даже не особенно щадили²²), а вот во время пугачевщины иностранные колонисты, в том числе и немцы, уже

²⁰ Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 50–51. Правда, из документа неясно, когда дворяне это совершили.

²¹ Там же. С. 40–42.

²² Например, в одном источнике, рассказывающем о возмущении в Астрахани 1705–1706 гг., говорилось, что «иноземцы де все побиты»: Выписка, составленная в Преображенском приказе по требованию кабинет-секретаря Петра I А. Макарова, собиравшего материалы для «Истории Свейской войны», по следственному делу участников Астраханского восстания [Голикова, с. 299]. Впрочем, известно об одном иноземце, избежавшем расправы, лекаре Карле Дивигнее: Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / Подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 232.

принимают участие в возмущении [см., например: Крестьянская война, с. 237–246; Майорова].

Таким образом, политика европеизации, проводившаяся Петром I и его приемниками, затронула не только верхушку общества. Несомненно, что, хотя бы в какой-то степени, политика властей была успешна и в сохранении в народе памяти о самом первом императоре. Во всяком случае, намного пережившее этого царя наименование «отец отечества», заимствовано из лексикона властей. При этом образ Петра I в памяти простолюдинов как до, так и во время пугачевщины сформировался не под воздействием официальной идеологии, а уходил корнями в народные традиции почитания царской власти.

Литература

- Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 422 с.
- Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1885. Ч. 2. 291 с.
- Былов В. М.* «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII в. // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 120–133.
- Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во МГУ, 1957. 337 с.
- Дариенко В. Н.* Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М.: «Высшая школа», 1966. 87 с.
- Карпов А. Б.* Уральцы. Уральск: Войсковая тип., 1911. 904 с., ил.
- Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: «Наука», 1977. 335 с.
- Конанова Е. И.* Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX вв.: Конструирование и деконструкция мифологического образа. Ростов н/Д., 2013.
- Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. Т. 2. 512 с.
- Курмачева М. Д.* Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М.: «Наука», 1991. 232 с., ил.
- Майорова А. С.* Причины участия иностранных колонистов в восстании под предводительством Пугачева // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). Материалы 4-й международной научно-практической конференции Москва, 24–27 августа 2012 г. М., 2013. С. 237–246.
- Мауль В. Я.* Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: сб. ист.-лит. произв. М., 2007. С. 255–446.
- Мезин С. А.* Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов, 2002. С. 18–53.
- Мерзликина О. Г.* «Вдоль Урала берегов...»: Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI – вторая половина XVIII вв.). Самара: изд-во СПГУ, 2007.
- История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. III. 424 с.
- Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в. В 4 томах. М.: «Политическая энциклопедия», 2020. Т. 2. Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в. / отв. ред. А. Б. Каменский. 549 с.

- Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М.: «Наука», 1980. 280 с.
- Павленко Н. И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
- Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1987. 272 с.
- Пихоя Р. Г.* Царь и народ: царская власть в общественно-политических представлениях горнозаводского населения Урала XVIII века. // Социология власти. 2005. № 4. С. 96—113.
- Побережников И. В.* Слухи в социальной истории: типология и функции (По материалам восточных регионов России XVIII—XIX вв.). Екатеринбург: БКИ, 1995. 60 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. 576 с., ил.
- Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. 218 с.
- Русское народное поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 224 с.
- Смирнов П. С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. VI, 364, 168 с.
- Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1960. 326 с.
- Трефилов Е. Н.* Элементы традиционного и нового в мышлении простолюдина XVIII в. (по материалам пугачевского бунта). // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 519—530.
- Трефилов Е. Н.* Представления о царской власти участников народных бунтов Петровского времени. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Трефилов Е. Н.* Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. 399 с.
- Шарф К.* Пугачев: император между периферией и центром. К постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 99—113.
- Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; L., 1961. XIX, 258 p.
- Raeff M.* Pugachev's Rebellion // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / R. Forster and J. P. Greene (Eds.). Baltimore, London, 1970. Pp. 161—202.
- Treflov E. N.* Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. № 3. P. 461—485.

References

- Alefirenko P. K. Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskij vopros v Rossii v 30—50-h godah XVIII veka. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 422 p.
- Brikner A. G. Istoriya Ekateriny Vtoroj. SPb.: tip. A. S. Suvorina, 1885. Ch. 2. 291 p.
- Bylov V. M. «Deyaniya Petra Velikogo» I. I. Golikova kak material dlya izucheniya fol'klora XVIII v. // *Russkij fol'klor*. M.; L., 1959. T. 4. Pp. 120—133.
- Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; L., 1961. XIX, 258 p.
- Darienko V. N. Klassovaya bor'ba na Yaike v XVII — nachale XVIII vv. M.: «Vysshaya shkola», 1966. 87 p.
- Golikova N. B. Politicheskie processy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza. M.: Izd-vo MGU, 1957. 337 p.
- Istoriya russkoj literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. T. III. 424 p.
- Karpov A. B. Ural'cy. Ural'sk: Vojskovaya tip., 1911. 904 p., il.

- Klibanov A.I. Narodnaya social'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma. M.: «Nauka», 1977. 335 p.
- Konanov E.I. Petr I v russkom obshchestvennom soznanii XVIII – pervoj poloviny XIX vv.: Konstruirovaniye i dekonstrukciya mifologicheskogo obraza. Rostov n/D., 2013.
- Krest'yanskaya vojna v Rossii v 1773–1775 gg. Vosstaniye Pugacheva. L.: Izd-vo LGU, 1966. T. 2. 512 p.
- Kurmacheva M.D. Goroda Urala i Povolzh'ya v krest'yanskoj vojne 1773–1775 gg. M.: «Nauka», 1991. 232 p., il.
- Majorova A.S. Prichiny uchastiya inostrannykh kolonistov v vosstanii pod predvoditel'stvom Pugacheva // *Dva s polovinoj veka s Rossiej (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemcev v Rossiyu)*. Materialy 4-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Moskva, 24–27 avgusta 2012 g. M., 2013. S. 237–246.
- Maul' V. Ya. Arhetipy russkogo bunta XVIII stoletiya // *Russkij bunt: sb. ist.-lit. proizv.* M., 2007. Pp. 255–446.
- Merzlikina O.G. «Vdol' Urala beregov...»: Etnosocial'naya istoriya yaickogo (ural'skogo) kazachestva (konec XVI – vtoraya polovina XVIII vv.). Samara: izd-vo SPGU, 2007.
- Mezin S.A. Anekdoty o Petre Velikom kak yavlenie russkoj istoriografii XVIII v. // *Istoriograficheskij sbornik*. Saratov, 2002. Pp. 18–53.
- Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevnejshih vremen do serediny XX v. V 4 tomah. M.: «Politicheskaya enciklopediya», 2020. T. 2. Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – pervoj chetverti XIX v. / otv. red. A.B. Kamenskij. 549 p.
- Ovchinnikov R.V. Manifesty i ukazy E.I. Pugacheva. M.: «Nauka», 1980. 280 p.
- Pavlenko N.I. Petr Velikij. M.: Mysl', 1990. 591 p.
- Pihoya R.G. Car' i narod: carskaya vlast' v obshchestvenno-politicheskikh predstavleniyah gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII veka. // *Sociologiya vlasti*. 2005. № 4. Pp. 96–113.
- Pihoya R.G. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' trudyashchihsy Urala (konec XVII–XVIII vv.). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1987. 272 s.
- Poberezhnikov I.V. Sluhi v social'noj istorii: tipologiya i funkcii (Po materialam vostochnyh regionov Rossii XVIII–XIX vv.). Ekaterinburg: BKI, 1995. 60 p.
- Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. T. 12. 576 p., il.
- Raeff M. Pugachev's Rebellion // *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / R. Forster and J.P. Greene (Eds.)*. Baltimore, London, 1970. Pp. 161–202.
- Rozner I.G. Yaik pered burej. M.: Mysl', 1966. 218 p.
- Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Materialy dlya izucheniya obshchestvenno-politicheskikh vozzrenij naroda. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 224 p.
- Sharf K. Pugachev: imperator mezhdru periferiej i centrom. K postanovke problemy // *Ab Imperio*. 2003. № 1. Pp. 99–113.
- Smirnov P.S. Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoj chetverti XVIII veka. SPb., 1909. VI, 364, 168 p.
- Sokolova V.K. Russkie istoricheskie pesni XVI–XVIII vv. M.: Nauka, 1960. 326 p.
- Trefilov E.N. Elementy tradicionnogo i novogo v myshlenii prostolyudina XVIII v. (po materialam pugachevskogo bunta). // *Chelovek v kul'ture russkogo barokko*. M., 2007. Pp. 519–530.
- Trefilov E.N. Predstavleniya o carskoj vlasti uchastnikov narodnyh buntov Petrovskogo vremeni. Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2010.
- Trefilov E.N. Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. № 3. Pp. 461–485.
- Trefilov E.N. Pugachev. M.: Molodaya gvardiya, 2015. 399 p.

Evgeniy N. Trefilov

National research university «Higher school of economics», Moscow, Russia

PETER I AND THE EUROPEANIZATION OF RUSSIA IN THE VIEW OF THE PUGACHEV REBELLION PARTICIPANTS, 1773–1775

The study was supported by RFBR, project number № 20-09-42050.

The article concerns the attitude of the participants of the Pugachev rebellion of 1773–1775 to Peter I and to the europeanization of Russia. It demonstrates that the rebels regarded this monarch not as a reformer, but as a “good”, “kind” king. This view, of course, did not exclude a positive view of some of Peter I’s innovations.

Keywords: *Peter I, the Europeanization, the reforms, the Pugachev Rebellion, «good tsar».*

Взгляд на коронацию Екатерины I: графические материалы 1720-х годов*

Статья посвящена графическим материалам 1720-х годов, которые могли бы войти в состав Коронационного альбома Екатерины I, вышедшего без иллюстраций. Аналогичные изображения содержатся в первом в России иллюстрированном Коронационном альбоме Анны Иоанновны и Коронационном альбоме Елизаветы Петровны. В качестве источника, позволяющего судить о коронации 1724 года, автор также привлекает рисунки Х. Марселиуса, выполненные по случаю коронации Петра II. Часть из них в XIX веке стала прототипом для создания акварелей и литографий, представляющих ключевые эпизоды коронационных торжеств Екатерины I.

Ключевые слова: Коронация, Коронационный альбом, иллюстрация, гравюра, рисунок, Екатерина I

Первый в России Коронационный альбом Екатерины I – «Описание коронации ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 7 Мая 1724 Году» (СПб., 1724; М., 1725) – вышел, как известно, без иллюстраций. По свидетельству известного исследователя русской гравюры М.А. Алексеевой, создание иллюстраций изначально предполагалось, а их гравирование было возложено на А.Ф. Зубова [Алексеева 2013б, с. 283]. Однако следы этой работы до сих пор не обнаружены. В статье, посвященной коронациям российских императоров XVIII века и их отражению в изобразительном искусстве, Е.С. Стецкевич упоминает о двух гравюрах, связанных с коронацией Екатерины I. Прежде всего, это конклюзия, выполненная И.Ф. Зубовым по заказу ректора Славяно-греко-латинской академии и поднесенная императрице 7 мая 1724 г. в Грановитой палате. Вторая гравюра, представляющая Екатерину I в окружении 59 медальонов предшествующих правителей от Рюрика до Петра I, была создана А.Ф. Зубовым в 1725 г. по повелению Синода [Стецкевич 2013, с. 128]. Между тем эти примеры можно дополнить как довольно известными в кругу специалистов, так и практически забытыми графическими материалами. При этом внимание автора настоящей статьи будет сконцентрировано на тех гравюрах и рисунках, которые могли бы войти в состав Коронационного альбома первой российской императрицы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42023.

Судя по двум роскошно изданным в XVIII веке иллюстрированным Коронационным альбомам Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны¹, визуальный ряд такого рода изданий призван был отображать ключевые моменты коронационных торжеств, запечатленные с помощью развернутых композиций и планов, а также отдельные объекты праздничного убранства города, символы власти и другие атрибуты церемонии. Причем в отличие от составителей рукописной «Книги о избрании на высочайший престол... Михаила Федоровича...», созданной в 1672–1673 гг.², авторы Коронационных альбомов 1730 и 1744 гг. избегали передачи сцен торжественных обедов, нашедших отражение в планах. Иллюстрации в изданиях располагались в соответствии с хронологической последовательностью событий. В Коронационном альбоме Анны Иоанновны 14 (иногда 15) гравюр были помещены между листами с текстом и имели подписи со сквозной нумерацией. Коронационный альбом Елизаветы Петровны строился по иному принципу. Текст, описание иллюстраций и сами иллюстрации, количество которых выросло до 49, составляли три раздела, связанные друг с другом и одновременно обладавшие определенной самостоятельностью. Изобразительный материал, занимавший значительный объем книги и отличавшийся высоким качеством исполнения, вполне мог восприниматься отдельно, давая наглядное представление о прошедших торжествах. Не останавливаясь на художественном решении гравюр, весьма любопытном и нуждающемся в отдельном исследовании, отметим лишь, что при фиксации атрибутов коронации 1730 и 1742 гг. стремились к предельной точности изображения. Размещенное на нейтральном фоне³, оно в большинстве случаев дополнялось масштабной шкалой, а порой и демонстрацией части предмета в разрезе или в натуральную величину. Недаром иллюстрации в Коронационном альбоме Елизаветы Петровны названы «чертежами».

Возвращаясь к Коронационному альбому 1724 г., обратимся, прежде всего, к трем рисункам императорской короны Екатерины I, которые хранятся в РГАДА⁴. Находящиеся в материалах, связанных с подготовкой к коронации Петра II, они какое-то время считались изображением коро-

¹ Описание коронации ея величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля, 1730 году. М., 1730; Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшаго императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28. февраля, коронование 25. апреля 1742. Года. СПб., 1744.

² Книга об избрании на царство великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича. М., 1856; Рисунки, принадлежащие к Книге об избрании на царство великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича, самодержца всероссийскаго. М., 1856.

³ Исключение составляет изображение носимого балдахина 1742 г., представленного не в «вакууме», а на «шахматном» полу, характерном, например, для петергофских построек петровского времени и ставшего знаковым благодаря известной картине Н.Н. Ге «Петр I допрашивает Алексея Петровича» (1871, ГТГ).

⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 246. Л. 33 (34×31), 34 (41,7×32,7), 35 (41,7×32,7).

ны юного монарха [Старикова 2000, ил. на вкл.; Павленко 2006, ил. на вкл.]. Проведенное Ю.И. Быковой сопоставление рисунков с соответствующими письменными источниками позволило доказать, что на них представлена именно екатерининская корона, причем в окончательном варианте исполнения, когда в ее навершии «глобус» был заменен на огромный красный камень, скорее всего, рубин [Быкова 2014, с. 91–104; Быкова 2020, с. 58]. Примечательно, что такое решение навершия – с огромным камнем под крестом – станет традиционным для больших императорских корон последующих российских монархов [Быкова 2014, с. 101; Быкова 2020, с. 54–75].

Первый рисунок (л. 33) полностью расцвечен красками, включая золото. На остальных двух (л. 34, 35) цветом выделен только огромный красный камень под крестом., Один из условно черно-белых рисунков (л. 35) более проработан в деталях «сетки», в нем, как и в расцвеченном изображении, обозначена бархатная шапочка внутри короны. Складывается впечатление, что мы имеем дело с разными стадиями создания рисунков: от близкой к начальной до полностью законченной.

До сих пор не совсем понятно, для какой цели и когда были выполнены эти рисунки. В делах Коронационной комиссии Екатерины I (РГАДА) сохранилось письмо барона А.И. Остермана камергеру В.И. Монсу от 21 августа 1724 г., из которого явствует, что по повелению монархини следовало нарисовать императорскую корону «для издания в печать». С этой целью было приказано «отобрать» у мастера (С. Ларионова) «рисунок подлинный... с которого помянутая корона делана». Остерман также просил прислать, «ежели... близко имеется», «абрис» короны французского короля Людовика XV⁵. С.А. Амелехина связывает приводимый в письме «рисунок подлинный» с расцвеченным рисунком короны [Амелехина 2013, с. 14]. По предположению Ю.И. Быковой, впервые опубликовавшей все три рисунка, они не являются проектными, а выполнены с уже готовой короны [Быкова 2014, с. 91–104]. Это могло произойти в Москве в период между заменой навершия короны с «глобуса» на огромный красный камень и ее поступлением в Мастерскую и Оружейную палату в разобранном виде (без драгоценных камней), т. е. не ранее середины марта – не позднее начала июня 1724 года [Быкова 2014, с. 91–104; Быкова 2020, с. 59].

При сопоставлении рисунков с сохранившимся остовом (Музеи Московского Кремля)⁶ видно, что корона запечатлена немного меньше натуральной величины, без соблюдения масштаба. Причем изображение постепенно уменьшается от первого, расцвеченного, к третьему, наименее законченному рисунку. Художником тщательно переданы составлявшие корону элементы: сложный узор «сетки» металлического корпуса, расположение, размер и огранка камней. При этом чрезмерно большими показаны

⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Д. 34743. Л. 69.

⁶ См., например: Венчания на царство и коронации в Московском Кремле 2013, с. 174, кат. № 178.

ячейки «сетки» и, скорее всего, жемчужины на дугах. Не совсем точно выдержаны пропорции и форма главной императорской регалии, несколько отличающиеся не только от оригинала, тяготеющего к идеальной шарообразной форме, но и на всех трех рисунках. В целом рассматриваемые изображения короны растянуты в ширину, очевидно, для того, чтобы нагляднее продемонстрировать богатый арсенал ее драгоценного убранства⁷. Вместе с тем, именно такой образ короны с разведенными в стороны полусариями встречается в графике 1720-х годов.

Отмеченный характер исполнения рисунков и их количество, а также тот факт, что корона представлена с камнем в навершии, свидетельствуют в пользу версии, предложенной Ю.И. Быковой. Только, на наш взгляд, рисунки были сделаны не с самой короны, а с ее эскиза, который мог быть дополнен клапаном с изображением нового навершия. В таком случае датировка рисунков сдвигается на конец лета – осень 1724 года. Не исключено, что при их создании ориентировались на «абрис» французской короны. По крайней мере, об этом говорят сходные принципы репрезентации обеих регалий. Отсутствие на рисунках екатерининской короны признаков, отличающих подготовительные рисунки к гравюре, позволяет заключить, что либо работа не была завершена, либо графические листы имели другое предназначение. Обладая мемориальной функцией, они, возможно, служили образцом для изображения императорской короны.

В документах Коронационной комиссии 1723–1724 гг. отложился «план местам в Успенском Соборе, где кому находиться при коронации Императрицы Екатерины I», как значится на обложке дела⁸. План выполнен чернилами, заключен в двойную рамку и снабжен экспликацией, но не подписан. Надпись имеется на обороте листа: «План местам в Успенском соборе во время коронации Екатер. I (1724 г.)», она сделана карандашом и, скорее всего, в более поздний период. В отличие от планов собора, входящих в состав Коронационных альбомов Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, план 1724 г. фиксирует только внутреннее пространство храма, без алтарной части и прорисовки стен, но с соблюдением масштаба. И ориентирован он не с востока на запад, а, наоборот, – с запада на восток, так что в верхней части листа представлена западная сторона Успенского собора. Устройство мест показано схематично, в частности отсутствуют такие свойственные последующим планам детали, как изображение ступеней трона или отсеков зрительских галерей. При этом маленькими кружочками отмечена расстановка регалий на специально отведенном для них столе, что в тот момент, по всей видимости, представлялось чрезвычайно важным. Обозначено место, где должен был находиться и носимый балдахин (№ 31 на плане). Расположение отдельных участников коронационных торжеств также по-

⁷ Автор статьи благодарит Ю.И. Быкову за консультацию по данному вопросу.

⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Д. 34744. Л. 7. Опубликовано: Тюхменева 2021, ил. 6 на с. 373.

мечено кружочками, размер которых зависел от их ранга в церемонии. Так, кружочками наибольшей величины определены места «обер-маршала» (№ 18) и «великого маршала» (№ 26). Иерархии общества, разумеется, соответствует и последовательность в нумерации. «План местам в Успенском соборе...» полностью совпадает с данными, содержащимися в письменных источниках, и в определенной мере дополняет их⁹. Выработанные при его составлении принципы, за исключением некоторых, преимущественно отмеченных выше позиций, станут использоваться и в дальнейшем.

В мемуарах Ф.-В. Берхгольца приведен «чертеж» (в оригинале — «*Zeichnung*») Грановитой палаты с расположением мест во время коронационного обеда 7 мая 1724 г.¹⁰ По характеру исполнения он близок аналогичным планам, входящим в Коронационные альбомы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны¹¹. Однако обращает на себя внимание то, что на берхгольцевском «чертеже» не совсем точно передано расположение и количество окон Грановитой палаты, и царский трон, традиционно находившийся у дальней от входа стены с правой стороны между окнами, смещен в угол. Также имеются различия с описанием торжеств. На «чертеже» справа от дверей Грановитой палаты показан «стол для генералов, депутатов и других лиц» («М»), отсутствующий в тексте Коронационного альбома Екатерины I¹². В любом случае, «чертеж» Берхгольца является одним из первых в России примеров фиксации расположения мест во время императорских церемониальных обедов. Не исключено, что при его создании камер-юнкер мог опираться на имевшийся тогда в его распоряжении образец.

Приведенные выше рисунки дополняет несколько гравированных изображений. Одно из них достаточно известно и представляет коронационный фейерверк Екатерины I [Ровинский 1903, с. 196; Васильев 1960, с. 55, рис. 31; Гравюра петровского времени 1971, № 755; Русская светская гравюра первой четверти XVIII века 1973, с. 76, № 16; Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века 1978, с. 24–26, № 17]. Выполненная И.Ф. Зубовым гравюра (офорт, резец; 46,5×59) относится к редкому для петровского времени варианту передачи огненных «потех», когда на листе запечатлены не отдельные транспаранты или образы, а зрелище в целом, что станет характерным для последующих десятилетий. Высветленные передний и средний планы композиции занимают: река с иллюминационными щитами на

⁹ Подробнее об этом см.: Тюхменева 2021, с. 372–380.

¹⁰ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 223; *Bergholz F. W. von. Tagebuch, welches er in Rußland von 1721 bis 1725 als hollsteinischer Kammerjunker geführt. von 1725* // *Das Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von A. F. Büsching*. Vol. 22. Hamburg, 1788. S. 457.

¹¹ На плане Грановитой палаты во время коронационного обеда 1742 г. отсутствует экспликация.

¹² Описание коронации ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 7 Мая 1724 Году. СПб., 1724. С. 20–21; Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 223.

плотах и водяными огнями и полоса берега, где разыгрывалось основное действие фейерверочного спектакля. На линии горизонта, справа и слева от огненного театра, обозначены городские строения. Почти половину гравюры составляет изображение темного неба, на фоне которого эффектно выделяются яркие и разнообразные по рисунку фейерверочные огни и клубы дыма. Композицию оживляют фигурки людей, плывущих в лодках, зажигающих ракеты, стреляющих из мортир и просто наблюдающих за происходящим. Изображение сопровождается экспликация, расположенная в шесть столбцов в нижнем поле листа. Она поясняет цветовое решение «фигур» фейерверка и раскрывает их технические особенности.

Другая гравюра (офорт; 5,5×15,5) воспроизводит жетон и одну из медалей, выпущенных к коронации Екатерины Алексеевны. Так, на лицевой стороне медали представлены погрудные профильные портреты царской четы в окружении надписи с именами монархов и их титулом: «ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ» – «ЕКАТЕРИНА ИМПЕРАТРИЦА». Обратную сторону занимает сцена коронавания Екатерины Петром I, которая разворачивается на нейтральном фоне, а опорой для фигур служит «шахматный» пол, создающий иллюзию глубины пространства. Композицию дополняют размещенная по кругу надпись «КОРОНОВАНА ВЪ МОСКВѢ» и дата внизу «1724»¹³. Изображение лицевой стороны жетона, построенное по эмблематическим принципам, состоит из возвышающейся на пьедестале императорской короны и включает в себя три надписи, отражающие ключевые положения свершившейся коронации: «ОТ БОГА I ИМПЕРАТОРА» (по кругу), «ОБЩАЯ РАДОСТЬ» (внизу) и «НА ПАМЯТЬ» (на пьедестале). Реверс жетона заполняет надпись, увенчанная короной и носящая мемориальный характер: «ЕКАТЕРИНА ИМПЕРА//ТРИЦА КОРОНО//ВАНА В МОСКВѢ // 1724 году».

Приведенная гравюра известна по редчайшему, возможно, даже единственному сохранившемуся оттиску начала 1740 года, который имеется в коллекции БАН¹⁴. Он находится на одном листе среди других оттисков с гравированных досок петровской эпохи, содержащих иллюстрации для календарей («календарных») и изображения медалей¹⁵. По мнению В.К. Макарова, гравюра могла выполняться в 1724(?) году или в мастерской П. Пикарта при Санктпетербургской типографии, или И.Ф. Зубовым в Москве (Русская светская гравюра первой четверти XVIII века 1973, с. 162–163, № 78). На сегодняшний день эта гравюра датируется 1724 годом и местом ее создания считается мастерская Пикарта. Подчеркнем, что изо-

¹³ Цифра 2 – в зеркальном отображении.

¹⁴ НИОРК, Собрание гравюр 174 (1). Об оттисках начала 1740 года см.: Алексеева 2013а, с. 111.

¹⁵ Автор статьи благодарит главного библиотекаря БАН М.Ю. Гордееву за обстоятельную консультацию и предоставленные сведения об этой гравюре, в том числе уточняющие ее датировку и авторство, а также время создания оттиска.

бражение памятной медали планировалось поместить в Коронационный альбом Екатерины I, о чем свидетельствует отсылка к соответствующей иллюстрации, сделанная в его тексте. «Прежде окончания стола, — говорится в описании торжественного обеда в Грановитой палате, — от Господина Генерала фелт Маршала Князя Меншикова, всем при Коронации в чину бывшим знатным особам, как мужеского, так и женского полу, розданы были по золотой болшой медаллии, для того торжества деланной, которой абрис ниже сего находится»¹⁶.

С коронацией Екатерины I может быть связано изображение кавалергарда, происходящее из коллекции графики Х. Марселиуса (1656–1731, в России — с 1724) в БАН. Этот рисунок (вместе с другим, где запечатлен неизвестный мужчина в парадном костюме, предположительно эпохи Петра II, со шпагой) наклеен на оборотной стороне большого рисунка, представляющего церемониальное шествие Анны Иоанновны в Успенский собор на коронацию¹⁷. Судя по вензелю, выполненному из двух перекрещивающихся литер «Р», кавалергард облачен в форму 1724 г. Изображение дополнено плохо читающейся сейчас надписью на немецком языке, занимающей правую верхнюю часть листа.

Спустя столетие рассматриваемый рисунок появляется в «Истории кавалергардов...», сначала 1851, а затем 1899 г. В «реестре» иллюстраций к изданию 1851 г., на тот момент еще не оконченных «литографированием» и потому не вошедших в книгу, он обозначен под № 33 как «Кавалергард 1724 года». Выпущенное на следующий год в виде альбома приложение к этому изданию включало лишь часть приведенных в реестре «портретов, рисунков и картин», и данный рисунок так и не был тогда опубликован. В «Истории кавалергардов...» 1899 г. изображение, наконец, было воспроизведено, однако с несколько иной датировкой и указанием на местонахождение оригинала: «Кавалергард в 1728 году, с рис. тушью, хранящегося в Собственной Его Величества Библиотеке в Зимнем дворце» [История кавалергардов 1899, с. XIX, 190]¹⁸. Кроме того, в списке иллюстраций к этому рисунку дано примечание, в котором приведена сопровождающая его немецкая надпись, а также указано в скобках, что «на бумаге инициал Николая I». Содержание надписи весьма любопытно и проливает свет не только на обстоятельства, но и в какой-то мере на цель создания рисунка. «Эту лошадь, — поясняется в ней, — зарисовывали на дворе в большой спешке из-за сильного мороза, и, хотя кавалергард был изображен столь же небрежно, его костюм все же может служить образцом»¹⁹.

¹⁶ Описание коронации ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 7 Майя 1724 Году. СПб., 1724. С. 24.

¹⁷ НИОР, 30.2.53а/16 об. 23, 1×15,3. См.: Тюхменева 2021, ил. 4 на с. 371.

¹⁸ Автор статьи благодарит В.И. Егорова за консультацию по этому рисунку и за указание на его публикацию в «Истории кавалергардов...» 1899 г.

¹⁹ «Diess Pferd ist in der grossen Kälte in einem Hofe gezeichnet worden in aller Eile und als nicht sorgfältig die Kleidung der Chevalier-Garde kann doch zum Vorbild dienen». Автор статьи бла-

В оба издания «Истории кавалергардов...», и середины, и конца XIX века, входит также иллюстрация, представляющая торжественную процессию Екатерины I в Успенский собор на коронацию. В издании 1851–1852 гг. она поименована «Первые Кавалергарды в России, в церемониале Коронации Императрицы Екатерины I. 7 мая 1724 г.», а в более позднем, 1899-го г. – «Шествие Петра I и Екатерины I в Успенский собор 7-го Мая 1724 года» [История кавалергардов 1851, № 82; Приложения к Истории кавалергардов 1852, б/п; История кавалергардов 1899, с. XV, 7]. Композиции обоих изображений практически совпадают, только во втором случае устранена историческая неточность: отсутствует изображение носимого над императорской четой балдахина. Как известно, Екатерина следовала под ним уже после коронавания, когда была без сопровождения супруга. В издании 1899 г. сказано, что литография, запечатлевшая церемониальную процессию, была сделана с акварели В.С. Садовникова (1800–1879), по-видимому, специально выполненной к изданию 1851 г. Причем эта акварель, в числе других оригинальных рисунков, а также сама книга были поднесены в ларце императрице Александре Федоровне в том же, 1851 г., в честь 25-летия назначения ее шефом кавалергардского полка. По случаю следующего крупного юбилея в честь 100-летия кавалергардского полка, находившегося тогда под покровительством императрицы-матери Марии Федоровны, а именно 14 января 1899 г., Николай II пожаловал ларец обратно в полк [История кавалергардов 1899, с. XV, 7]. Именно к этому юбилею и был выпущен первый том «Истории кавалергардов...», составленной С.А. Панчулидзевым.

Как удалось установить, прототипом для акварели Садовникова послужил рисунок Марселиуса, посвященный церемониальному шествию Петра II в Успенский собор на коронацию (БАН)²⁰. Насколько можно судить по изданным литографиям 1852 и 1899 гг., художник обрезает композицию оригинала, фокусируя внимание на пространстве между Грановитой палатой и Успенским собором. Небольшие изменения внесены в трактовку этих исторически значимых кремлевских строений: Грановитая палата показана с отличающей ее рустованной стеной, более точным становится изображение куполов Успенского собора. А в передаче людской массы на переднем плане появляются отсутствующие в рисунке иностранного мастера фигуры дам в пышных платьях и с высокими прическами по моде первой четверти XVIII века.

В качестве графического источника, позволяющего дополнить наши представления о коронационных торжествах 1724 года, стоит рассматривать и другой рисунок Марселиуса, на котором запечатлена церемония коронации Петра II в Успенском соборе (БАН)²¹. Ведь при подготовке к корона-

годарит А.В. Самохина за транскрибирование и перевод немецкого текста.

²⁰ НИОР, 30.2.53а/14. 113,5×65. Рисунок введен в научный оборот М.А. Алексеевой [Алексеева 2013б, с. 284–285].

²¹ НИОР, 30.2.53а/15. 50,5×72,5. См., например: Тюхменева 2021, ил. 7 на с. 374. Рисунок введен в научный оборот М.А. Алексеевой [Алексеева 2013б, с. 284–285].

ции юного монарха не только ориентировались на церемониал состоявшейся не так давно коронации Екатерины I, но и использовали сохранившиеся от нее элементы праздничного убранства собора: трон и подвесной балдахин²². С точки зрения художественных особенностей приведенный рисунок Марселиуса органично вписывается в ряд соответствующих изображений 1670–1740-х годов, входящих в состав коронационных рукописных и печатных книг династии Романовых.

В заключение отметим, что в настоящей статье охвачен не весь графический материал 1720-х гг., связанный с коронацией Екатерины I. Критерием отбора являлась его близость к иллюстрациям Коронационных альбомов, изданных в первой половине XVIII века. За рамками работы остались также рисунки и гравюры, о которых упоминается в письменных источниках и научной литературе, но которые нам пока не удалось найти «живьем», в музейных, библиотечных, архивных или частных собраниях. Отрадно, что в процессе исследования прояснились обстоятельства создания и бытования, и даже датировка нескольких графических произведений. Вошедшие в статью материалы отражают взгляд на первые в России коронационные торжества со стороны как современников этого события, так и представителей последующих эпох, а затронутая тема ждет дальнейшего изучения.

Литература

- Алексеева М.А.* Судьба медных гравированных досок петровского времени // *Алексеева М.А.* Из истории русской гравюры XVIII – начала XIX века. М.; СПб, 2013. С. 108–117. [Алексеева 2013а]
- Алексеева М.А.* Изображение коронационных и погребальных церемоний XVIII века. Изданные и неизданные альбомы // *Алексеева М.А.* Из истории русской гравюры XVII – начала XIX века. М.; СПб., 2013. С. 283–293. [Алексеева 2013б]
- Амелехина С.А.* Коронационные торжества в Российской империи в XVIII–XIX веках // Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: Каталог выставки / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». Ч. 2: XVIII–XIX века. М., 2013. С. 7–41.
- Быкова Ю.И.* Коронационные венцы Екатерины I и Петра II. Сходство и различия // Петровское время в лицах – 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 73). СПб.: ГЭ, 2014. С. 91–104.
- Быкова Ю.И.* К вопросу о создании Больших императорских корон в России в XVIII веке // Человек и культура. 2020, № 5. С. 54–75. DOI: 10.25136/2409–8744.2020.5.33920
- Васильев В.Н.* Старинные фейерверки в России (XVII – первая четверть XVIII века). Л.: Изд-во ГЭ, 1960. 60 с.
- Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: Каталог выставки / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное

²² Подробнее об этом см.: Тюхменева 2021, с. 372–379.

- учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». М., 2013. Ч. 2: XVIII–XIX века. 372 с., ил.
- Гравюра петровского времени: Каталог выставки / [Сост. М.А. Алексеева]. Л.: Государственный Русский музей, 1971. 40 с.
- История кавалергардов и кавалергардского Ея Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб.: Военная тип., 1851. [7], 138, СХХХV, 5 с.
- История кавалергардов, 1724–1799–1899 / Сост. С.А. Панчулидзева. СПб., 1899. Т. 1. XXI, [3], 402 с., ил.
- Русская светская гравюра первой четверти XVIII века: Аннотированный сводный каталог / [Сост. В.К. Макаров] Министерство культуры РФ. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1973. 367 с.
- Павленко Н.И. Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006. 281, [7] с., ил.
- Приложение к Истории кавалергардов и кавалергардского Ея Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1852.
- Ровинский Д.А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.]: изд. А.С. Суворина, 1903. IV, [2], 330 с.
- Старикова Л.М. Москва стародавняя: герои жизни и сцены. М.; Калининград: Янтарный сказ, 2000. 384 с.
- Стецкевич Е.С. Коронации российских императоров XVIII века и их отражение в изобразительном искусстве // Управленческое консультирование. 2013, № 12. С. 127–133.
- Тюхменева Е.А. Коронация Екатерины I. К вопросу о художественном оформлении // Петровское время в лицах – 2020: материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 107). СПб.: ГЭ, 2021. С. 368–383.
- Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века: Каталог выставки / сост. М.А. Алексеева. Л.: Государственный Русский музей, 1978. 100 с.

References

- Alekseeva M.A. Izobrazhenie koronacionnyh i pogrebal'nyh ceremonij XVIII veka. Izdannye i neizdannye al'bomy // Alekseeva M.A. Iz istorii russkoj graviury XVII – nachala XIX veka. M.; SPb., 2013. Pp. 283–293. [Alekseeva 2013b]
- Alekseeva M.A. Sud'ba mednyh gravirovannyh dosok petrovskogo vremeni // Alekseeva M.A. Iz istorii russkoj graviury XVIII – nachala XIX veka. M.; SPb., 2013. Pp. 108–117. [Alekseeva 2013a]
- Amelekhina S.A. Koronacionnye torzhestva v Rossijskoj imperii v XVIII–XIX vekah // *Venchaniya na carstvo i koronacii v Moskovskom Kremlje: Katalog vystavki* / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml'”». Ch. 2: XVIII–XIX veka. M., 2013. Pp. 7–41.
- Bykova Yu. I. K voprosu o sozdanii Bol'shij imperatorskih koron v Rossii v XVIII veke // *Chelovek i kul'tura*. 2020, № 5. Pp. 54–75. DOI: 10.25136/2409–8744.2020.5.33920
- Bykova Yu.I. Koronacionnye vency Ekateriny I i Petra II. Skhodstvo i razlichiya // *Petrovskoe vremya v licah – 2014: K 300-letiju pobedy pri Gangute (1714–2014): materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T.] 73)*. SPb.: GE, 2014. Pp. 91–104.
- Fejerverki i illyuminacii v grafike XVIII veka: Katalog vystavki / sost. M.A. Alekseeva. L.: Gosudarstvennyj Russkij muzej, 1978. 100 p.

- Gravyura petrovskogo vremeni: Katalog vystavki / [Sost. M.A. Alekseeva]. L.: Gosudarstvennyj Russkij muzej, 1971. 40 p.
- Istoriya kavalgardov i kavalgardskago Eya Velichestva polka, s 1724 po 1 iyulya 1851 goda. SPb.: Voennaya tip., 1851. [7], 138, CXXXV, 5 p.
- Istoriya kavalgardov, 1724–1799–1899 / Sost. S.A. Panchulidzev. SPb., 1899. T. I. XXI, [3], 402 p., il.
- Pavlenko N.I. Petr II. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 281, [7] p., il.
- Prilozhenie k Istorii kavalgardov i kavalgardskago Eya Velichestva polka, s 1724 po 1 iyulya 1851 goda. SPb., 1852.
- Rovinskij D.A. Obozrenie ikonopisaniya v Rossii do konca XVII veka. Opisanie fejerverkov i illyuminacij. [SPb.]: izd. A.S. Suvorina, 1903. IV, [2], 330 p.
- Russkaya svetskaya gravyura pervoj chetverti XVIII veka: Annotirovannyj svodnyj katalog / [Sost. V.K. Makarov] Ministerstvo kul'tury RSFSR. Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-Shchedrina. L., 1973. 367 p.
- Starikova L.M. Moskva starodavnyaya: geroi zhizni i sceny. M.; Kaliningrad: Yantarnyj skaz, 2000. 384 p.
- Steckevich E.S. Koronacii rossijskih imperatorov XVIII veka i ih otrazhenie v izobrazitel'nom iskusstve // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2013, № 12. Pp. 127–133.
- Tyuhmeneva E.A. Koronaciya Ekateriny I. K voprosu o hudozhestvennom oformlenii // *Petrovskoe vremya v licah – 2020: materialy nauchnoj konferencii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T.] 107)*. SPb.: GE, 2021. Pp. 368–383.
- Vasil'ev V.N. Starinnye fejervertki v Rossii (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka). L.: Izd-vo GE, 1960. 60 p.
- Venchaniya na carstvo i koronacii v Moskovskom Kremlе: Katalog vystavki / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml'”». M., 2013. Ch. 2: XVIII–XIX veka. 372 p., il.

Ekaterina A. Tyukhmeneva

*The Research Institute of Theory and History of Fine Arts
of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia*

A LOOK AT THE CORONATION OF CATHERINE I: GRAPHIC MATERIALS OF THE 1720s

The study was supported by RFBR, project number № 20-012-42023.

The article is devoted to the graphic materials of the 1720s, which could have been included in the Coronation album of Catherine I, which in reality was published without illustrations. Similar images are contained in the illustrated Coronation albums of the Empresses Anna Ioannovna and Elisabeth Petrovna, the former being the first Album of this kind in Russia. As an additional source on the coronation of 1724, the author presents also the drawings by Christoph Marcellius, executed on the occasion of Peter II's coronation. In the 19th century some of the materials in question became a prototype for some watercolors and lithographs representing key episodes of the coronation festivities of Catherine I.

Keywords: *Coronation, Coronation album, illustration, engraving, drawing, Catherine I.*

Кадровая политика Петра I в отношении высшего духовенства

В статье рассматривается кадровая политика Петра I в отношении высшего духовенства на основе анализа биографий 84 архиереев 1690–1725 гг. Исследуются вопросы о выборе кандидатов в епископы из великорусского или малороссийского духовенства; об учете наличия у них опыта настоятельства в монастырях; о практике перемещения архиереев между епархиями. Сделан вывод, что в целом политика Петра I в отношении высшего духовенства развивалась в русле практик, возникших в XVII в., ключевые изменения коснулись предпочтений представителям малороссийского духовенства при выборе кандидатов в епископы.

Ключевые слова: Петр I, Русская православная церковь, епископат, кадровая политика

В период правления Петра I многие стороны жизни русской православной церкви претерпели серьезные изменения. Некоторые из них стали результатом масштабных целенаправленных акций правительства (упразднение патриаршества, восстановление Монастырского приказа, описание церковных владений, создание Синода и др.), другие, начавшись в допетровскую эпоху, развивались латентно на протяжении десятилетий. В частности, происходили изменения в положении русского епископата, принципах кадровой политики светской власти по отношению к церковным «властям». История русской церкви в XVIII в. традиционно привлекала внимание историков. Значительный вклад в изучение проблемы внесли работы П.В. Верховского, А.И. Чистовича, М.И. Горчакова, И.Г. Смолича, А.В. Карташева, позднее — И.А. Булыгина, Дж. Кракraftа, Е.В. Анисимова, Вл. Цыпина, А.С. Лаврова и многих других. Однако, среди бесконечного множества сюжетов, связанных с деятельностью Петра I в отношении церкви, одним из наименее исследованных по-прежнему остается вопрос о взаимоотношениях царя с церковной иерархией.

В центре внимания настоящей статьи находятся три аспекта кадровой политики Петра I в этом сегменте: 1) позиция правительства в вопросе выбора кандидатов для пополнения епископата из среды великорусского или малороссийского духовенства; 2) соблюдение традиции выбора кандидатов из числа лиц, имеющих опыты руководства монастырями; 3) распространение практики активного перемещения архиереев между епархиями. Анализ этих сюжетов базируется на просопографическом исследовании архиерейского корпуса в период правления Петра I, выявлении числовых показателей по каждому из названных параметров.

Хронологические рамки исследования определены, с одной стороны, 1725 г., то есть окончанием царствования Петра I. С другой же стороны хронологическим рубежом избран 1690 г. После смерти патриарха Иоакима при дворе развернулась серьезная борьба вокруг кандидатуры нового патриарха. В эту борьбу впервые активно включился и молодой царь Петр. Одним из фаворитов Петра в 1690 г. был митрополит Псковский и Изборский Маркелл – образованный выходец из западнорусских земель. Эта кандидатура встретила серьезное сопротивление не только при дворе, но и в среде высшего духовенства (сомнения вызывала западная «ученость» Маркелла). На него был написан донос и, вероятно, началось разбирательство. Избрать Маркелла патриархом не удалось (главой церкви стал казанский митрополит Адриан), однако, несмотря на выдвинутые против него обвинения, Маркелл был переведен на одну из наиболее значимых архиерейских кафедр – Казанскую, заняв место Адриана. Такое поставление, вероятно, стало возможным при поддержке и личном вмешательстве царя [Устинова, 2016, с. 730–732; Морохин, Устинова, с. 65–68].

Со временем роль Петра I в выборе епископов укреплялась и стала руководящей. Сохранились царские распоряжения и указы, касающиеся большинства поставленных в первой четверти XVIII в. владык: об их поставлении, перемещении между кафедрами, отставке или удалении на покой и проч. Некоторые из этих документов создают ощущение непредсказуемости, резкости действий царя. Так, в августе 1720 г. архиепископ Черниговский Антоний (Стаховский) был вызван в Санкт-Петербург по духовному делу, а во время его пребывания в столице было принято решение о переводе владыки митрополитом на Сибирскую кафедру. Уже из Тобольска Антоний писал властям с просьбой выдать деньги на транспортировку своих вещей из Чернигова, поскольку выезжал он очень спешно, «когда имянным царского пресветлаго величества указом зван был в Санкт-Питер-Бурх, велено было мне выдать из Киевской губернии прогонные деньги от Чернигова до Москвы и от Москвы до Санкт-Питер-Бурха, и тогда не дано, для того что я предварил указ той выездом своим в Москву»¹. Очень часто царь лично присутствовал на хиротонии новых архиереев, вызывая митрополита Стефана (Яворского) на поставление в Москву. Так, 23 декабря 1715 г. последовал указ из Сената Стефану (Яворскому), «чтобы он прибыл из Москвы в Санкт-Питер-Бурх с ризницей и певчими для посвящения в Вологодскую и Астраханскую епархии архиереев»². А в 1718 г. Стефан (Яворский) в очередной раз был вызван в Санкт-Петербург, где вскоре узнал, что отныне он в Москву не вернется и будет жить в новой столице [Рункевич, 1900, с. 87].

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1721 г. СПб., 1879. Т. № 21. С. 40–41.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. I. № 28/72. С. 10.

Царь лично редактировал текст Хиротонийного обещания – публичной архиерейской присяги. В 1715 г. он написал дополнения к присяге, которые в 1716 г. были разосланы по епархиям в виде указа [Пекарский, с. 444]³. Указ 1716 г. предписывал соблюдать вновь введенные нормы присяги не только новопоставляемым архиереям, но и «преждепоставленным архиереям»⁴. По мнению П.В. Верховского, эти тексты «впоследствии послужили одним из источников Духовного регламента» [Верховской, с. 109]. «Пункты», внесенные Петром в текст присяги, сохранились в ней вплоть до начала XX века. Петр внес в текст присяги семь новых требований к архиереям: 1) «ради ссор со мною [епископом. – И.У.] или с моими подчиненными» людей не проклинать и от церкви не отлучать; 2) «не подобает свариться, но тиху были, ко всем учительну, незлобиву, с кротостию наказующу противныя». Новый текст исповедания расширился и новыми должностными обязанностями архиереев – следить за монашествующими, пресекать скитальчества из монастыря в монастырь, «кроме собственного моего ведения и письменного соизволения». Отныне архиерей обещался не строить церквей «выше потребности», не ставить сверх «подобаящая потребности» священно и церковнослужителей, вводилось требование объезда епархии раз в два или три года для выявления нестроения: «смотреть в них с прилежанием, учить и запрещать, дабы расколов и суеверия ... не было», пресекать поклонение несвидетельствованным «гробам» (мошам) и иконам, бороться с «беснующимися». Архиереям было запрещено «входить» в «мирские дела и обряды, разве какая явная неправда показана будет»⁵. Таким образом, царь лично контролировал и входил во все основные вопросы, связанные с функционированием епископата в России. Исходя из этого тезиса, обратимся к поиску ответа на вопросы, поставленные в данной статье.

В отношении выбора кандидатур на епископские кафедры существует общее мнение о том, что царь отдавал исключительное предпочтение представителям малороссийского духовенства. Значительный вклад в исследование этого вопроса и укрепления данного мнения внес К.В. Харлампович. Исследователь писал, что «крутой перелом в жизни русской церкви... произведен Петром великим при помощи малороссийского духовенства. Архиереи-малороссы поддержали царя в его церковных реформах и закрепили их в пору угрожавших им опасностей при его преемниках» [Харлампович, с. 505]. По подсчетам исследователя, в период с 1700 по 1762 (вступление на престол Екатерины II) число епископов-западноруссов, «посвященных или переведенных на великорусские кафедры», достигло 70 человек. Фактически К.В. Харлампович оперирует данными за половину

³ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. № 2985. С. 193.

⁴ ПСЗ. Т. 5. № 2985. С. 193. См. также: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.: Л., 1945. № 36. 22 января, 1716 г. С. 51.

⁵ ПСЗ. Т. 5. № 2985. С. 193–194.

века, сосредотачиваясь в значительной мере на синодальном периоде, а не на периоде правления Петра I. Обратимся к цифрам за период с 1690 по 1725 г., когда в России в общей сложности действовали 84 епископа. Рассмотрим, как менялся национальный состав епископата по десятилетиям.

Из владык, действовавших в 1690-е – начале 1700-х гг., шестнадцать были поставлены до 1690 г. (1674–1686 гг.). Большинство из них были архиереями «старой русской школы», хиротонисанными, в соответствии с традицией, после многолетнего руководства видными монастырями. Среди них лишь двое – архиепископ Черниговский Феодосий (Полоницкий-Углицкий) и архиепископ Суздальский Маркелл (будущий кандидат в патриархи) – не происходили из великороссов. Феодосий был малороссом и учился в Киево-Могилянской академии, мнения о происхождении Маркелла разнятся (южнорус, малоросс или белорус), карьеру он свою начинал в Посольском приказе переписчиком [Устинова, 2016, с. 730]. В 1690-е гг. были вновь поставлены или переведены с кафедры на кафедру 18 архиереев. Треть из них (шестеро, в том числе уже упомянутый Маркелл) происходили из западнорусских земель, где и получили образование, остальные с высокой долей вероятности были великороссами.

В начале XVIII столетия для церкви наступили тревожные времена – царь на неопределенный срок отложил выборы патриарха, изменил систему церковного управления, инициировал массовое описание имущества архиерейских кафедр и монастырей. Из поставленных (или переведенных с других кафедр) в первое десятилетие XVIII в. 19 архиереев 13 (70%) были вновь поставленными носителями западнорусской учености (в том числе один серб и один из Молдавии). Во втором десятилетии XVIII в. процент новопоставляемых владык-выходцев из западнорусских земель несколько снизился – из 19 епископов, поставленных или переведенных на новые кафедры в это время, лишь 7 (36%) являлись вновь поставленными представителями западных и южных земель (в том числе один серб и один грек). Еще один малоросс – Иоанн (Максимович) – был переведен с Черниговской кафедры (занимал ее с 1697 г.) на Сибирскую. Объяснение этих изменений, как представляется, кроется в некотором разочаровании Петра I в малороссийском духовенстве. Как справедливо отметил И.К. Смолич: «Петр не доверял великорусскому монашеству и епископату, видя в них противников своих реформ и приверженцев патриаршества. Поэтому он способствовал тому, чтобы ряды великорусской иерархии пополнились многочисленными выходцами с Украины ... Эти епископы действительно не были фанатичными сторонниками патриаршества... Однако вскоре выяснилось, что в остальном украинские архиереи вовсе не были такими уж реформаторами, как того ожидал Петр» [Смолич, с. 289]. В последнее пятилетие правления Петра I, насыщенное новыми мероприятиями по реформированию церкви (в частности – созданием Священного Синода), ситуация в целом не изменилась: из 11 архиереев, занявших новые кафедры

в 1721–1725 гг., четверо были вновь хиротонисаны из представителей малороссийского духовенства (36%), еще двое ранее поставленных малороссов были переведены на другие кафедры.

Всего с 1690 по 1725 г. в России были поставлены на кафедры (включая владык, переведенных на новые кафедры, начиная с 1690 г.) 84 человека, из них представителями западнорусских земель и других западных и южных стран (Сербия, Молдавия, Греция) были не менее 34 человек (40%). Налицо стремительное нарастание числа представителей западнорусских земель на епископских кафедрах в период правления Петра I. Между тем, большую часть епископата по-прежнему составляли великороссы, полного замещения духовных кадров представителями западнорусских земель не произошло, это оставалось делом будущего. Эту статистику метафорически можно описать словами С.Г. Рункевича, о царе, который оказался в центре между «культурными и нервными, разного нравственного достоинства, образованными малороссами, и тяжелыми на подъем, но твердыми и крепкими, и тоже разного нравственного достоинства, великороссами» [Рункевич, 1906, с. III]. Не стоит забывать и о том, что увеличение количества малороссийских духовных лиц было прямым и естественным следствием перехода Киевской митрополии в состав Московского патриархата [Шляпкин, с. 457].

Перейдем к вопросу о соблюдении традиции выбора кандидатов в епископы из настоятелей крупнейших монастырей. В этом вопросе весьма популярным стал тезис И.К. Смолича, что «епископат синодального периода по своему составу и происхождению значительно отличался от епископата предшествовавшей эпохи, кода в теории и на практике господствовало мнение Иосифа, игумен Волоцкого, что епископ может выйти только из монастыря. ... Ответственным за новый порядок в известном смысле явился Петр I...» [Смолич, с. 288–289]. Данный тезис нуждается в уточнении. Рассмотрение индивидуальных биографий архиереев петровского времени показало, что из 84 персоналий подавляющее большинство – 64 человека (76%) имели не только «стаж» проживания в монастыре, но и опыт руководства им. Еще два владыки (2,4%) взошли на русские кафедры уже имея епископский сан, полученный за пределами России, что также практиковалось и в XVII в. Лишь 13 человек (15,5%) из архиереев, действовавших в период правления царя Петра, не имели опыта настоятельства. Четверо были взяты из иеромонахов Александро-Невского монастыря, один – иеромонах Флорищевой пустыни, двое – из архиерейских домов (Патриаршего и Нижегородского), четверо – выходцы из Киево-Печерской лавры, Киево-Могилянской и Краковской академий, двое были иностранцами, об одном нет достоверных сведений. Подобная ситуация наблюдалась и во второй половине XVII в., когда основная масса епископов рекрутировалась из настоятелей монастырей, но возникла и практика поставления монахов и иеромонахов из ближайшего окружения первосвятителей [Устинова, 2020, с. 63–64]. Таким образом, в первой четверти XVIII в. по-прежнему соблюдалась традиция выбирать

епископов из среды настоятелей и архимандритов, хотя постепенно расширялась и практика поставления лиц без подобного опыта.

Наконец, третий из поставленных в настоящей статье вопросов, касается проблемы перемещения архиереев между епархиями. Наблюдения показывают, что и здесь изменения не были радикальными. Из 84 архиереев петровской эпохи лишь пятеро сменили три епархии в период своего служения, 19 человек занимали последовательно две кафедры, а подавляющее большинство — 60 владык — за свою карьеру управляли одной епархией. Между тем, уже во второй половине XVII в. перемещение архиереев между кафедрами стало довольно распространенным явлением, известны случаи перемены до четырех мест служения за время одной архиерейской карьеры. Например, Варсонофий (Чертков-Еропкин) последовательно занимал Смоленскую, Крутицкую, Тверскую и вновь Крутицкую кафедры в течение 17 лет. При этом последние два перемещения были вызваны политическими обстоятельствами в связи с неудачной попыткой проведения реформы церковного управления [Строев, стб. 151, 1036]. Патриарх Питирим достиг высшего церковного сана, побывав во главе Крутицкой епархии, местоблюстителем патриаршего престола, а затем митрополитом Новгородским. Эти примеры не единичны, и практика петровского времени лишь продолжала наметившуюся тенденцию.

В целом, новации петровской эпохи в кадровой политике в отношении высшего духовенства заключались в значительном повышении числа малороссийских епископов, постепенном отходе от традиции поставлять в епископы лиц со значительным опытом монашеской жизни и настоятельства в монастырях, развитии мобильности архиереев между кафедрами. При этом подобные практики (за исключением значительного повышения числа представителей малороссийского духовенства среди епископата) наблюдались в русской церкви и во второй половине XVII в.

Литература

- Верховской П. В.* Учреждение Духовной Коллегии и духовный регламент Т. 1–2. 686 с.
- Морохин А. В., Устинова И. А.* Смерть патриарха Иоакима и выборы главы русской православной церкви в 1690 г. // Российская история. 2021. № 5. С. 61–70. DOI: 10.31857/S086956870016614–6.
- Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II. 694 с.
- Рункевич С. Г.* Архиереи петровской эпохи в переписке с Петром Великим. СПб., 1906. Вып. 1. 144 с.
- Рункевич С. Г.* История русской церкви под управлением святейшего Синода. СПб, 1900. Т. 1. 429 с.
- Смолич И. К.* История русской церкви 1700–1917 // *Макарий (Булгаков), митр. Московский.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 799 с.
- Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. 1064 стб.

- Устинова И.А. Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Материалы VIII Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. Москва, 24–25 ноября 2020. М., 2020. С. 58–64.
- Устинова И.А. Маркелл // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 39. С. 730–732.
- Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. 878 с.
- Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891. 581 с.

References

- Harlampovich K.V. Malorossijskoe vliyanie na velikoruskuyu cerkovnuyu zhizn'. Kazan', 1914. 878 p.
- Morohin A.V., Ustinova I.A. Smert' patriarha Ioakima i vybory glavy russkoj pravoslavnoj cerkvi v 1690 g. // *Rossijskaya istoriya*. 2021. № 5. Pp. 61–70. DOI: 10.31857/S086956870016614–6.
- Pekarskij P.P. Nauka i literatura pri Petre Velikom. SPb., 1862. T. II. 694 p.
- Runkevich S.G. Arhierei petrovskoj epohi v perepiske s Petrom Velikim. SPb., 1906. Vyp. 1. 144 p.
- Runkevich S.G. Istoriya russkoj cerkvi pod upravleniem svyatejshego Sinoda. SPb, 1900. T. 1. 429 p.
- Shlyapkin I.A. Sv. Dimitrij Rostovskij i ego vremya (1651–1709 gg.). SPb., 1891. 581 p.
- Smolich I.K. Istoriya russkoj cerkvi 1700–1917 // Makarij (Bulgakov), mitr. Moskovskij. Istoriya russkoj cerkvi. M., 1996. Kn. 8. Ch. 1. 799 p.
- Stroev P.M. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej Rossijskoj cerkvi. SPb., 1877. 1064 stb.
- Ustinova I.A. Iz praktiki arhierijskih postavenij v XVII v.: tradicii i novacii // *Istoriya Rossii s drevnejshih времен до XXI века: problemy, diskussii, novye vzglyady. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj shkoly-konferencii molodyh uchenyh*. Moskva, 24–25 noyabrya 2020. M., 2020. Pp. 58–64.
- Ustinova I.A. Markell // *Pravoslavnaya enciklopediya*. M., 2016. T. 39. Pp. 730–732.
- Verhovskoj P.V. Uchrezhdenie Duhovnoj Kollegii i duhovnyj reglament T. 1–2. 686 p.

Irina A. Ustinova

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

PERSONNEL POLICY OF PETER I IN RELATION TO THE HIGHER CLERGY

The article examines the personnel policy of Peter I in relation to the higher clergy based on the analysis of the biographies of 84 bishops in 1690–1725. The questions of the choice of candidates for bishops from the Great Russian or Ukraine clergy are investigated; taking into account their experience of being the abbot in monasteries; on the practice of moving bishops between dioceses. It is concluded that, in general, the policy of Peter I in relation to the higher clergy developed in line with the practices that arose in the 17th century, key changes concerned the preferences of the representatives of the Ukraine clergy when choosing candidates for bishops.

Keywords: Peter I, Russian Orthodox Church, episcopate, personnel policy

Культурная политика Петра I и архитектура Санкт-Петербурга

В статье рассматривается специфика петровских преобразований в культуре России, состоящая в том, что процесс приобщения к европейскому культурному опыту, интенсивный на протяжении XVII столетия, по воле Петра I изменил свою направленность. Избирательное освоение новаций при сохранении общего самобытного характера культуры и единства «большого» профессионального искусства и народного традиционного творчества сменялось последовательным вытеснением элемента самобытности с заменой его плодами европейского опыта. Причем, Петербург, как экспериментальная площадка европеизации, показывает, что общеевропейский характер культурного явления был для Петра важнее его соответствия конкретной национальной модели (итальянской, французской, голландской).

Ключевые слова: самобытность, стиль, манера, образец, европеизация

Реформы Петра I коснулись всех сторон жизни России. С особой яркостью петровские новации проявились в сфере культуры. Однако перемены, какими бы значительными они не казались, далеко не всегда полно выражают изменения в жизненном укладе. Наружная европеизация России составляла лишь одну сторону содержания петровской эпохи. В культуре России параллельно действовали различные, подчас разнонаправленные процессы.

Перемены, схожие с петровской европеизацией, ранее по-своему переживали и другие страны Европы. Поток ренессансных культурных и художественных новаций захватил некогда заальпийскую Европу и радикально изменил всю картину ее культурной жизни. Но европейский XVI век и петровская эпоха в России существенно различались. Одно из оснований этого отличия состоит, в частности, в неодинаковом статусе искусства в культуре регионов. В европейских странах в общем художественном процессе можно различить две ветви. Условно первую из них можно обозначить как «большое» искусство — искусство индивидуального авторского видения, обусловленное в духовном отношении высокими художественными задачами, поиском сложной содержательности и выразительности, а в социальном плане связанное с Церковью и высшими сословиями. Вторая же ветвь — традиционное или народное искусство, по преимуществу декоративное, прикладное, анонимное, неиндивидуализированное, живущее в непривилегированных сословиях.

Разнообразие — одно из главных свойств «большого» искусства, нацеленного на поиск нового содержания и новых форм. В народном же искусстве разных стран и регионов всегда находится множество точек соприкосновения, общих приемов и форм, выросших из той первобытной глубины, в которой общечеловеческое всеединство еще преобладало над тенденцией к разобщению — национальному или корпоративному. Важно отметить, что в Европе «большое» искусство не претендовало на ареал традиционного. Обратный же процесс обогащения форм народного творчества за счет высокого искусства не имел воздействия на свой источник. Русла этих художественных потоков пролегали параллельно.

Различия в традиционном искусстве разных народов, конечно, существуют и в первую очередь определяются разницей национальных характеров и привычек, природных условий существования и связанного с ними жизненного и хозяйственного уклада. Но фактором, наиболее значимым для развитости форм и интенсивности цветения традиционного искусства, является достаток народа. В этом отношении русские в петровское время отставали от европейцев. Иностранцы путешественники неизменно отмечают бедность народа, тяжелые условия жизни и укоренившееся в народной психологии чувство равнодушия к своей судьбе, обреченности. Когда в XIX веке, в особенности после реформ Александра II, достаток в народной среде стал расти, мощный взлет дало и народное искусство.

Именно в отношении искусства «большого» и народного, как представляется, состоит то различие между Россией и Европой, которое оказалось значимым для петровских преобразований. В допетровской России по существу все искусство — и народное, и профессиональное «большое» — основывалось на едином видении и общности принципов формообразования. Простецкая непосредственность и искусственная изысканность сосуществовали в общем русле, находя между собой больше общего, чем различного. Это относится и к иконописи, и к прикладным видам творчества. Архитектура как вид искусства, более других зависимый от профессионализма художника, в этом отношении стоит в стороне, но наравне с другими искусствами испытывает последствия петровских преобразований, наложенных на русскую специфику.

Единство искусства в допетровской России, по-видимому, было обусловлено большей, чем в эмансипированной Европе, патриархальностью устройства жизни и вытекающего из него социально-культурного единства нации, в котором сословия были связаны общей культурной атмосферой более тесно, чем в Европе того же времени.

Петр видел целью своей культурной политики просвещение нации — внедрение в ее коллективное сознание и укоренение в нем идей, образов и форм жизни, которые ему представлялись более совершенными, ведущими к общественному прогрессу. Петр не обладал тонким вкусом и восприимчивостью к художественному (выразительную оценку этой стороны

личности императора дал в своем сочинении о России Фокеродт). Но в европейском искусстве Петр видел прямую сопряженность со всем передовым, прогрессивным, практически ценным, что существовало в других, более близких и понятных ему сферах западной цивилизации. На этом основании царь считал, что просвещение России не может ограничиваться одним лишь внедрением полезного практического опыта, но должно дополняться привнесением плодов опыта художественного.

Покушаясь на целостную, единую для всех культурных проявлений «древнерусскую» культурную парадигму и стремясь к ее замещению западной, воплощаемой «большим» искусством Европы, Петр по сути покушался на переворот более глубокий, чем простое художественное просвещение. Получалось, что целостность общенациональной культуры, все, что в совокупности составляет понятие самобытности, должно было уйти и заместиться заимствованным – чужеродным. В общекультурном отношении сущность петровской эпохи состояла в движении русской самобытной культуры к усредненной европейской культуре, иначе говоря, в замещении таблицы национальных культурных элементов элементами глобальной вненациональной системы.

Нет смысла задаваться вопросом, был ли оправданным столь резкий отказ от своих ценностей и достижений, уже определивших вектор пути, который явно был направлен в ту же сторону – к Европе. Можно лишь предполагать, что и без резких петровских преобразований русская культура пришла бы в конце концов к соединению с европейской. Этот процесс, возможно, занял бы больше времени, но новая русская культура получила бы лицо, с которым в XIX веке ей не пришлось бы так долго и мучительно искать формы, органичные потерянной «русскости», так и не найдя вождя русского стиля.

Описанные выше устремления Петра отражают только идеал нового культурного устройства России. Действительность была и не могла не быть иной. Огромную страну невозможно было эмансипировать в короткий срок даже по указанию всеильного самодержца. К тому же большую часть населения страны составляли крестьяне – сословие, которого в просвещенческих планах Петра просто не существовало, тот народ, который в сословной монархии XVIII столетия учитывался только как материальный субстрат государства. Но именно этот народ был средой, в которой жила и действовала закваска самобытной русской культуры, общая и для игнорируемого политикой царя собственно народного искусства, и для того искусства, преобразование которого входило в планы Петра. Таким образом, большая часть России – вся русская провинция и ее население – продолжала жить по-старому. Существенным для жизни искусства провинции в петровское время стало лишь обнищание и без того небогатой страны, вызванное войнами, строительством Петербурга, новых городов и крепостей. Эти факторы снизили интенсивность художественной жизни

провинции настолько, что на фоне ярких преобразований в столице она сделалась малозаметной.

Желанное Петру замещение самобытного общеевропейским произошло всецело только в Санкт-Петербурге, в котором, собственно, и не было замещения, поскольку город строился «с нуля», сразу по-новому. Петербург стал имитацией триумфа петровского просвещения в масштабах всей России, сделавшись на время привлекающим всеобщее внимание фасадом страны, за которым скрывались тысячи городов и сел провинции, живущих «по старине». Тем не менее, собственно Петербург был успешным культурным проектом – петровским идеалом, который не только начал осуществляться при царе основателе, но и получил такой импульс развития, который неотвратимо вел его к полной реализации.

В петровскую эпоху сложилась ситуация, при которой Петербург, воплощающий триумф политики европеизации, жил параллельно с огромной страной, не затронутой преобразованиями. Это не могло не привести к определенному культурному напряжению. Провинция знала об удивительных переменах, вводимых Петром в столице. В провинции сосуществовали интерес к новому и любовь к старому, но в целом – недоверие к тому, что при всей притягательности новизны оборачивалось усилением гнета. Противоречие столицы и провинции, существующее в любой стране, приняло в России особенную черту. Оно выразилось не столько в оппозиции «большое – малое», сколько «новое – старое», причем старое было своим, родным, понятным, а новое – чужим, привозным. Смещение акцента, при котором в содержании противоречия вещественная подоплека заменяется духовной, приводило к усугублению несогласия. Раздел между провинцией и столицей в России всегда был глубже, чем в странах старой Европы. Этот раздел до сих пор является существенным фактором российской жизни, хотя он уже не связан с петровской оппозицией «старое – новое».

Петербург в эпоху своего становления сделался местом, в котором соединились и действовали важнейшие архитектурные школы Европы. Иногда говорят, что Петербург был европейской архитектурной лабораторией. В некотором смысле это верно. Для каждого талантливой зодчего (а Петербург собрал немало талантов, получивших известность до прибытия в Россию или обретших признание по возвращении из России в Европу) сущность творчества состоит в движении к новому, и это движение неотделимо от эксперимента. Но к Петербургу в целом сравнение с лабораторией, пожалуй, неприменимо. Город рос, не имея в основе своего развития какого-либо всеобъемлющего плана, ставящего новую градостроительную и архитектурную художественно-образную задачу, которую можно было бы назвать экспериментальной.

Петровский Петербург скорее можно назвать архитектурной выставкой, главная идея и цель которой состояла в демонстрации безоговорочной причастности новой столицы европейской архитектурной культуре. Ма-

нифестация европейского выбора была отмечена важной чертой. Город не заявлял об избрании для своей застройки какой-либо преимущественной архитектурной манеры. В петровском Петербурге работали, не испытывая творческих ограничений, последователи основных архитектурных школ – французской, итальянской, североевропейской (голландской), южногерманской. Некоторые из них, будучи сильными творческими натурами, предлагали индивидуализированные вариации манер, характерных для среды, в которой они сформировались как профессионалы.

Говоря о раннем Петербурге, мы сознательно избегаем употребления термина «стиль» в современном его понимании. Современники строительства города применяли для оценки общего характера архитектуры понятие «манера». Оно не опиралось, как стиль, на фундаментальные принципы формообразования или сущностные характеристики форм. Оно было эмпирическим – основывалось на внешнем сходстве с обобщенным образом архитектуры, который общественным мнением признавался тогда типичным национальным – итальянским, французским, голландским, прусским¹.

Первый в России словарь иностранных слов, отредактированный самим Петром, «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» толковал неологизм «манера» как «нрав, обычай, образец» [Смирнов, с. 373]. В сущности, нрав и обычай в этом определении сводятся к последнему в триаде – образцу, что возвращает исследователя искусства того времени к известному принципу работы по образцу. Именно этот принцип лежит в основе творческого метода художников XVII–XVIII века. Манера, как инструмент протоискусствознания XVIII века, отделяет содержание понятия от конкретики набора актуальных для художника образцов и возводит его к обобщенному образу, в котором соединяются черты, характерные для той или иной национальной архитектурной школы – «обычаю», если пользоваться толкованием «Лексикона вокабулам новым».

Иногда можно установить корреляцию между манерой и стилем. Например, итальянская манера часто соответствует критериям принадлежности стилю барокко. Однако неоправданно доискиваться соответствия между систематическим понятием стиля и эмпирической по естеству манерой. Для описания архитектуры петровского Петербурга, часто эклектичной или имеющей неявную стилистику, методологически правильно пользоваться понятием манеры – инструментом оценки, адекватным предмету исследования. Именно манера была для архитекторов, заказчиков и зрителей понятной и достаточной характеристикой архитектуры здания.

Оценить архитектурную многоманерность раннего Петербурга сейчас нелегко, но исторический изобразительный материал дает такую возмож-

¹ О понятии манеры, его содержании и употреблении в XVIII в. см.: [Спащанский, 2010]; [Ухналёв, 2011].

ность. Интересно, что иностранные мемуаристы – современники строительства города, нередко отмечая манеру тех или иных зданий, никогда не говорят в тех же терминах о характере города в целом. В некотором смысле этот уход от определения свидетельствует о невозможности однозначно характеризовать архитектуру города. Первым, кто дал в 1741 году такое описание, был Ф. Альгаротти. Он писал: «Тут господствует какой-то выморочный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским, но с преобладанием голландского...» [Альгаротти, 2003]. Как видно, Альгаротти нелегко дается последнее слово о голландском обличье города. Множество других манер создают перед глазами пестроту, за которой с усилием открывается видение главного. Но можно ли безоговорочно согласиться с путешественником, приняв его точку зрения? Что вообще имел он в виду, говоря о преимущественно голландском виде города?

Поиски голландизмов в петровском Петербурге дают противоречивую картину. Такие следы голландской культуры, как постройки выходцев из стран северной Европы С. Ван Звитена и Ф. де Вааля (который, впрочем, был не голландцем, а фламандцем), немногочисленны. Зато в городской застройке присутствует немало черт, которые можно было бы соотносить с Голландией, если бы они не встречались в других странах северной Европы, например, крутые кровли, высокие «распашные» крыльца, расписанные под кирпич фасады, грубовато трактованный маньеристический декор. Но даже если эти черты действительно были заимствованы в Голландии, а не в северной Европе вообще, они все же выглядят фрагментами в пестрой ткани петербургской архитектуры.

Собственно, Альгаротти и подмечает неустоявшийся характер архитектуры города, когда пишет о ее «выморочности» и множественности слагающих ее манер. По-видимому, оценка писателя исходила из каких-то личных впечатлений, недоступных реконструкции, исходящей из рациональных посылок. Возможно, он вывел свою оценку из чего-то «атмосферного», из общего впечатления от городского ландшафта, перенеся его на архитектурную конкретику. Возможно, Альгаротти назвал в архитектуре Петербурга «голландским» что-то северное вообще, не различая в нем специфически голландского. Это «северное», присущее культуре огромного региона – от Швеции до Прибалтики, – все могло быть для итальянца «голландским», поскольку, именно голландская культура была наиболее сильной, яркой, влиятельной, активно распространяющей себя. Она выразила это «северное» в таких формах искусства и быта, которые оказались подходящими для менее пассионарных культур, которые эти формы охотно принимали и ассимилировали.

Итак, объективный взгляд на общий характер архитектуры петровского Петербурга приводит к выводу о многоманерности как ее определяющей черте. Безразличие к национальным образцам и школам при безусловности

западного характера архитектуры свидетельствует о том, что Петру было важно в Петербурге поддержание его обобщенно европейского облика. Не Новый Амстердам и не Северную Венецию строил Петр, он возводил наднациональный всеевропейский город.

Предпочтение общего частному (западного характера конкретной национальной манере) знаменует определенный этап культурной политики открытости. Страна, желающая сделать решительный шаг для преодоления своей национальной ограниченности, начинает выбор исторического пути с определения глобального типа культуры, с которым она связывает свое будущее. Лишь вступив в «семью цивилизованных народов», на следующей исторической развилке, она обращает внимание на национальные модели развития, которые могли бы стать образцом для ее дальнейшего прогресса.

Выбор национального архитектурного образца или манеры – голландской, французской, итальянской, прусской – был для Петра не столь важен в раннем Петербурге, как следование европейскому духу, его воспроизведение в столице, которой назначено быть плацдармом европеизации России. В направленности выбора на общее вместо конкретного видится существенное отличие петербургского периода правления Петра I (или, иначе говоря, периода после Великого посольства) от предшествовавшего ему времени. До Петербурга в русской архитектуре, обладающей сильными чертами самобытности, можно отметить интерес к отдельным определенным группам образцов. Это некоторые формы польской архитектуры, образцы, рожденные протестантским искусством Северной Европы – Голландии, Германских земель, в меньшей степени образцы из барочной Австрии. В целом видится вектор тяготения к архитектурному опыту Восточной и Центральной Европы и протестантского мира. Причем, выбор этот очень избирателен. Он ретроспективен, т. е. обращается к ренессансно-маньеристическому наследию, не доверяя актуальному опыту архитектуры барокко.

Такие особенности выбора говорят об определенном самочувствии русской культуры того времени. Она сознавала себя вполне включенной в европейскую, точнее, восточноевропейскую общность, и как полноценный ее член свободно искала внутри нее ориентиры для дальнейшего развития. Было бы неправильным сказать, что русская архитектура уже прошла этап приобщения Европе. Она с домонгольских времен уже пребывала в Европе, не прерывала с ней живой связи, и с тех пор испробовала многие национальные архитектурные манеры. Ситуацию конца XVII века следует характеризовать не качественно, а количественно. Новаций было больше, они были многообразны, поступали из все более широкого региона, становились все более доступными. Явственно видна полная открытость к их освоению.

Оценивая и сравнивая ситуации в архитектуре двух периодов – петербургского и предшествовавшего ему, – мы видим, что волей Петра I Рос-

сия в этой сфере оказалась отброшенной с позиции европейской страны, сильной своей самобытностью, но ищущей источники для своего дальнейшего сближения с Европой, на позицию страны, полностью непричастной европейской культуре, но страстно стремящейся принять ее всю и сразу. По сути, чтобы сделать решающий шаг вперед, в Европу, Петр сделал шаг назад, в то никогда не существовавшее прошлое России, когда «дикая» страна делала выбор между Востоком и Западом. Петр очевидно не сознавал того, что такого прошлого и настоящего у России не было и нет, что не было и такого выбора. В сознании царя априорно существовал образ отсталой Руси, которую он должен ввести в Европу, заставив полностью отказаться от ее прошлого.

Отрицание национального культурного опыта, самобытности было той ценой, которую заплатила страна за молниеносное по историческим меркам, но формальное по существу вступление в круг цивилизованных держав. В самом деле, петербургский проект надолго остался лишь локальным успехом европеизации. Но каким бы малым не был первый всецело европейский российский город, какие бы расстояния не отделяли его от дальних окраин страны, петровская программа оказалась действенной. Самобытное допетербургское получило статус второго, старого. С этих пор началось его отступление в область маргинального, сугубо народного. Россия пошла по новому пути, оставив свою самобытность в XVII веке.

Литература

- Альгаротти Ф.* Из книги «Путешествие в Россию» / перевод Ю.Н. Ильина // *Звезда*. 2003. № 5. С. 75–87.
- Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. СПб., 1910. Т. LXXXVIII, № 2. С. 1–399.
- Спащанский А.* Проблема «вкуса» в архитектуре XVIII века // *Искусствознание*. 2010, № 3. С. 271–291.
- Ухналёв А.* Метаморфозы «петровского барокко». Судьба «больших» стилей в архитектуре первоначального Петербурга // *Искусствознание*. 2011. № 1–2. С. 228–247.

References

- Al'garotti F. Iz knigi «Puteshestvie v Rossiyu» / perevod Yu.N. Il'ina // *Zvezda*. 2003. № 5. Pp. 75–87.
- Smirnov N.A. Zapadnoe vliyanie na russkij yazyk v petrovskuyu epohu // *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk*. SPb., 1910. T. LXXXVIII, № 2. Pp. 1–399.
- Spaschanskiy A. Problema «vkusa» v architecture XVIII veka // *Iskusstvoznanie*. 2010. № . 3–4. Pp. 271–291.
- Ukhnalev A.E. Metamorfozi «petrovskogo barocco»: Sudba «bolschikh» stiley v architecture pervonachalnogo Peterburga // *Iskusstvoznanie*. 2011. № 1–2. Pp. 228–247.

Andrey E. Ukhnaev

*Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban
Planning, St. Petersburg, Russia*

CULTURAL TRANSFORMATIONS BY PETER THE GREAT AND THE ARCHITECTURE OF ST. PETERSBURG

The article deals with the specifics of transformations by Peter the Great in the Russian culture, which consists in the fact that the intensive process of introduction to European cultural experience during the 17th century changed the direction by Peter the Great's will. Selective capture of innovations while preserving the common uniqueness of culture and the unity of "great" professional art and folk authentic creativity has been changed by the successive replacement of the uniqueness with the substitution of European experience. Moreover, St. Petersburg, as an experimental platform of europeanization, shows that the pan-European nature of the cultural phenomenon was more important for Peter than its conformity to a specific national model (Italian, French, Dutch).

Keywords: *uniqueness, style, manner, pattern, europeanization.*

Судебные преобразования Петра I в деятельности Судного и Земского приказов

Статья посвящена проблеме реализации петровских судебных преобразований в рамках судебных функций московских приказов. Рассматривается опыт функционирования двух московских приказов, Судного и Земского, чья судьба отражает любопытные тенденции в судебном реформировании Петра I. Обращение к их деятельности демонстрирует противоречивое положение повседневной судебной системы, связанное не только с кадровыми или финансовыми проблемами старых и новых судебных органов, но и с глубинными проблемами судебной практики и сложностями функционирования суда в условиях войны и непоследовательных реформ.

Ключевые слова: *Петр I, Судный приказ, Земский приказ, приказная система, судебная реформа, Московская губерния*

В одном из ранних личных докладов еще не коронованной императрице Анне Иоанновне 19 марта 1730 г. члены восстановленного Правительствующего Сената объявили перечень важных вопросов, требовавших высочайшей резолюции. Среди отдельных пожалований и назначений сенаторами были объявлены волновавшие многих проблемы: порядок смены возвращенной должности воеводы, отмена указа о единонаследии и, наконец, восстановление в Москве Судного и Сысского приказов [История, с. 489–490]. На первый взгляд, перечень затронутых вопросов как будто продолжает «контрреформистский» уклон преемников Петра I, тогда как словно бы из ниоткуда взявшееся частное судебное установление действительно можно было бы назвать, как это сделал В.Н. Строев, «панегириком допетровских порядков» [Строев, с. 73]. Однако такой подход оттесняет на второй план важные особенности и пока еще слабо проанализированные следствия петровского судебного реформирования, которые прослеживаются в истории развития и деятельности этих же приказов в его время. В конечном итоге, именно судьба Судного приказа при Петре I предопределила столь острый судебный кризис крупнейшей Московской губернии при его преемниках.

До Петра I и некоторое время при нем система Судных приказов представляла собой специфический островок «однозадачности» в приказной системе — они занимались исключительно судом. Однако еще в 1670-х — начале 1680-х гг. накопившиеся проблемы в судопроизводстве потребовали вмешательства властей. Наиболее важным из проводившихся мероприятий стало объединение четырех преимущественно судебных приказов:

обоих Судных, Челобитного и Холопьяго [Лисейцев, с. 182; Фадеев, 2020а, с. 410–411]. Указом 1675 г. и затем с созданием Расправной палаты при Боярской Думе был укреплен инстанционный порядок апеллирования на судебные решения, направленный на «установление справедливого суда» [Седов, с. 410, 421]¹. Судебная вертикаль выстраивалась и в уголовной сфере, и на местном уровне: в 1679 г. вместе с упразднением губных изб и сыщиков весь спектр суда возлагался теперь на воевод; в 1681 г. из ведомства Земского приказа (ЗП) были изъяты московские уголовные дела и перенесены в Разбойный². Разграничение полномочий думных чинов, судей приказов и местных воевод, а также попытки реформирования служилой системы и высшей исполнительной власти было стремлением решить проблемы в организации управления государством [Лавров, с. 114; Талина, с. 360–365]. Однако политический кризис мая 1682 г. и недостаточность предпринятых мер внесли серьезные коррективы в развитие судебной системы. Уничтожение стрельцами объединенного Судного приказа и его полная вследствие этого недееспособность привели к восстановлению Холопьяго, Московского (МСП) и Владимирского (ВСП) Судных приказов как отдельных учреждений [Буганов, с. 257; Фадеев, 2020а, с. 412]. В 1684 г. были восстановлены губные избы и сыщики, а в 1687 г. ЗП вернули прежние судебные функции [Колманн, с. 61–62]. Несмотря на эти колебания, перераспределение функций не прошло бесследно для приказов, и МСП стал играть гораздо большую роль в судебной системе, чем прежде воспринимавшийся как более «честный» ВСП.

Это новое положение приказа уже в 1690-х гг. при постепенном развитии устремлений юного царя Петра I и его ближайшего окружения не осталось без внимания. Судные приказы начали приобретать новые, несвойственные им прежде функции. С одной стороны, МСП получил 24 мая 1694 г. судебные финансово-надзорные функции по отношению ко всем воеводам³. С другой стороны, весьма причудливой оказалась судьба ВСП. После второго Азовского похода и захвата крепости Петром I была поставлена задача широкомасштабного строительства флота под Воронежем и на Дону [Милюков, с. 109]. Первоначально кораблестроение было возложено на Поместный приказ, но уже 17 декабря 1696 г. судья ВСП А.П. Протасьев был назначен «адмиралтейцем», заведующим как казенным строительством кораблей, так и «кумпанствами». И если в других случаях в ВСП назначался новый судья, то теперь все ведомство стало заниматься кораблестроительством [Елагин, с. 55–56]. Видимо, обнаруженные в 1699 г. факты взяточничества и плохого исполнения указаний А.П. Протасьевым [Богословский, 1948, с. 266–267] привели в конечном итоге и к ликвидации ВСП в том же году.

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. № 617.

² Там же. Т. 2. № 779, 894.

³ Там же. Т. 3. № 1494.

Несмотря на то, что сосуществование к тому времени двух Судных приказов действительно функционально ничем не оправдывалось, стремление царя переориентировать учреждения на выполнение самых различных, подчас несвойственных полномочий, отмечаемое исследователями [Анисимов, с. 43–52; Милюков, с. 219–220], проявится и в рамках перераспределения судебных функций в 1699–1702 гг. Упразднение Петром I ряда приказов со схожими функциями, а также создание новых, необходимых в выполнении поставленных задач (преимущественно фискальных и военных), привело к тому, что указом 3 ноября 1699 г. в МСП вошли не только «всякие дела и записные о тех делах книги» ВСП, но и уголовное судопроизводство также упраздненного ЗП⁴. Однако теперь оно переходило в принципиально иную структуру, само содержание которой еще с XVI в. исключало какое-либо «уголовье». Сложности в восприятии подобных мер возникают и в связи с тем, что уже 2 ноября 1701 г. Сыскной приказ был ликвидирован, а уголовная юстиция децентрализовывалась: «впредь в таких делах расправа чинить в тех приказах, в которых которые чины распрвою ведомы»⁵.

Между тем, дальнейшие действия Петра I продемонстрировали стремление укрупнить судебное управление. Нельзя утверждать, что так было задумано изначально, т. к. в указе царь определенно требовал не просто распределить дела по приказам, но и составлять на них приходно-расходные росписи. Проблема в том, что ничего при этом не было сказано о воеводствах, которые и занимались сбором пошлин и недоимок на местах. Можно предположить, что посылать такие же сведения и деньги из местных изб не в один орган, а в несколько, было бы нецелесообразно, к тому же само распределение дел для разных приказов представлялось бы еще менее выполнимым. В этой связи неудивительно, что уже 14 ноября 1701 г. Петр I отказался от идеи распределить уголовную юстицию по тому, «где кто расправой ведом», и назначил для этого один МСП [Воробьев, с. 307]. Кроме того, как отметил А.В. Воробьев, перед Сыскным приказом, как и в целом перед судебными учреждениями, стояло две важные проблемы: 1) сравнительная незначительность финансовых средств судов; 2) неудовлетворительная наполняемость бюджета и высокая недоимка [Воробьев, с. 314]. В этом смысле кажется весьма логичным, что целью царских указаний являлось стремление улучшить сбор денег, остро необходимых для ведения тяжелой войны, и сэкономить на судебной системе, высвободив дополнительные кадры для нужд иных учреждений и армии. Неудивительно в этой связи также повторное упразднение института губных старост и сыщиков и замена их указом 10 марта 1702 г. выборными дворянами под контролем МСП⁶.

⁴ Там же. № 1713.

⁵ Там же. Т. 4. № 1874.

⁶ Там же. № 1900.

В течение периода функционирования МСП как укрупненной судебной структуры на него постепенно возлагались дополнительные обязанности. После упразднения Патриаршего Разряда дела о рядных, сговорных и духовных записях были направлены в этот приказ⁷. 30 сентября 1704 г. в него окончательно вошли судебные и пошлинные дела Холопьяго приказа, что закрепляло за учреждением расширенные регистрационные функции. В ноябре того же года указывалось записывать «отпускные» на людей и принимать «полонные книги и пошлины» со всех городов о взятых в услужение пленных⁸. От отпущенных «на волю» дворовых теперь требовалось являться в МСП в месячный срок, видимо, для удобства исполнения распоряжения об осмотре потенциальных рекрутов в Преображенском⁹. Отдельными указами разрешалось записывать «старья» крепости бессрочно, чтобы можно было взыскивать пошлины¹⁰. Наконец, «по челобитью всяких чинов людей» в 1707 г. для поимки «воров» по Москве и на дорогах были возобновлены посылки сыскных команд¹¹.

На первый взгляд МСП 1700-х гг. представлял собой вполне последовательную попытку совместить в одной структуре достаточно широкий диапазон «судных» и «розыскных» дел (то, что обычно именуют общей юрисдикцией), а также некоторые нотариальные функции и полномочия судебного управления и контроля над местными органами власти. Однако уже в то время становился заметным разрыв в ресурсных возможностях приказа. Система выборных дворян, которые должны были заниматься местными делами вместе с воеводами, «заглохла на практике» [Богословский, 1903, с. 50–56], будучи плохо прописанной и слабо контролируемой. Избавление от «розноначалия» в сборе судебных пошлин и недоимок тоже не привело к сколь-нибудь значимому эффекту (на 1 января 1708 г. в приказе значилось почти 30 тыс. рублей недоимок [Воробьев, с. 308]). В этом смысле увеличение конкретных обязанностей учреждения и при этом необходимость решать немалое количество самых различных судебных дел, доставшихся от нескольких приказов, не сопровождаемое ни увеличением доходов приказа¹², ни расширением штата, ни хотя бы какими-либо законодательными или процессуально-кодификационными актами, не могло не сказываться на исполнительности и эффективности работы учреждения.

Тем не менее, МСП продолжал функционировать вплоть до активной фазы развертывания первой губернской реформы, когда общие финансово-

⁷ Там же. № 1876, 1949, 1970.

⁸ Там же. № 1997.

⁹ Там же. № 1747.

¹⁰ Там же. № 1962, 2088.

¹¹ Там же. № 2169.

¹² По данным П. Н. Милокова, все доходы Судного приказа являлись неокладными (пошлины), единственной статьёй окладного расхода было содержание собственного штата и, кроме того, с 1706 г. ему стабильно требовались дополнительные средства из других учреждений на свои расходы [Милоков, с. 115, 578–613].

кадровые проблемы остро встали и перед царем, и перед создаваемыми новыми губернскими учреждениями и должностями. Посчитав структуру лишней в складывавшейся системе Московской губернии, Петр I упразднил МСП 10 февраля 1710 г., передав все его функции в Приказ земских дел (ЗП). Вполне вероятной причиной этого во время активного обсуждения сметы расходов в феврале могла стать, как и в прошлом, бюджетная экономия [Фадеев, 2020б, с. 13–14], оптимизация штатов и улучшение сбора недоимки.

Несмотря на то, что изначальная цель деятельности МСП была Петром I окончательно деформирована, поскольку к ней добавлялись административно-полицейские функции в сфере «дворовых» и «мостовых» дел, дальнейшее развитие этой структуры продемонстрировало любопытную практическую реализацию реформаторских идей царя в Московском регионе. Во-первых, Московская губернская канцелярия (МГК), организовавшая деятельность подчиненных приказов, выступила инициатором того, чтобы ЗП самостоятельно решал судебные дела [Фадеев, 2020б, с. 14–15]. Во-вторых, через какое-то время в судейский штат учреждения вошел ландрихтер, что соответствовало реформаторским задумкам царя, но при этом являлось особенностью Московской губернии, т. к. в других губерниях эта должность выполняла зачастую административные функции [Фадеев, 2019, с. 1]. Наконец, во время судебной реформы 1717–1723 гг. именно на ЗП будут возложены полномочия провинциального суда, причем организационно изменения для него будут настолько незначительными, что вплоть до своего упразднения в 1722 г. учреждение будет использовать в документах прежнее наименование [Фадеев, 2019, с. 2].

Между тем, в самой судебной деятельности приказов складывалась противоречивая и постепенно усложнявшаяся ситуация. В результате тех изменений, который происходили в судопроизводстве начиная с 1690-х гг., можно прийти к выводу, который в общем-то сформулировали ранее и по отношению к уголовно-процессуальной системе, и по отношению к судебной реформе Петра I 1717–1723 гг. в целом – процесс фундаментально не изменился [Колманн, с. 236; Серов, с. 337]. Более того, ни указ 1697 г. о замене суда и очных ставок «розыском» [Фадеев, 2020в, с. 472–473], ни «Краткое изображение процессов» 1712 г. (содержание которого можно считать мертвой буквой [Серов, с. 386]), ни указ 1723 г. «О форме суда» не были направлены на структурное преобразование процессуальных норм и закрепляли лишь отдельные частные вопросы судопроизводства.

Неудивительно в этой связи сохранение такой отличительной особенности суда того времени, как большое количество заброшенных дел и невзысканных производств. В документах приказов завершение дела полным удовлетворением требований истца было трудно осуществимой задачей. Затяжные судебные процессы, когда судопроизводство прекращалось по малопонятным причинам (из-за смерти, из-за службы, незафиксированно-

го внесудебного примирения и пр.), приводили к невозможности взыскать как исковые требования, так и приказные пошлины¹³. Однако нельзя сказать, что причиной этому были исключительно судящиеся или неисполнительность и коррупция в приказах и местных органах власти.

В эпоху Петра I, по нашему мнению, два основных фактора оказывали влияние на неудовлетворительное состояние судопроизводства, которое выразилось в критической ситуации в Москве в 1727–1730 гг. (21 тыс. нерешенных дел) — это продолжительные войны и административные реформы. Военный конфликт как законная причина отложить судебное разбирательство был закреплен в Уложении¹⁴. Если в некоторых делах прямо указывалось на то, что вследствие службы судебное разбирательство откладывалось до ее окончания, то в других истцы или ответчики сообщали об этом лишь постфактум. К примеру, в искомом споре между Мещерскими судопроизводство в Судном приказе прервалось в 1707 г., после чего неожиданно в 1714 г. истец Мещерский подал челобитную, где отметил, что его дело не было решено из-за службы. Прервав суд в 1716 г., он вновь пожаловался, что «многие годы решения не учинено», лишь в 1728 г.¹⁵ Другое почти выигранное дело о бесчестье Сомова было отложено с 1705 по 1712 г., поскольку тот был отправлен на службу¹⁶.

Жесткие служебные рамки, которые сформировал Петр I по отношению к дворянам-военным и чиновникам [Анисимов, с. 220, 287–288], приводили к судебным эксцессам, ведь истцу приходилось следить за тем, чтобы ответчик вернулся со службы, а тому, в свою очередь, лавировать между своими полномочиями и невозможностью зачастую законно отложить разбирательство дела. К примеру, по возвращении с войны в 1713 г. должника Уварова, вскоре скончавшегося, началась длительная наследственная тяжба о том, кто должен выплатить истцу Чертенскому положенные деньги. В результате, когда все же было решено в 1715 г. взыскать с сына покойного, он отпросился по полковой службе, а затем был послан в Санкт-Петербург «в полк», что отложило дело до конца 1720-х гг.¹⁷ В другом производстве Емельянов изначально был на Калуге «у кружечного сбору», но это не помешало владельцу винокуренного завода пожаловаться на него в ЗП. Из-за неявки ответчик был обвинен, и т. к. оправдания о службе были признаны несостоятельными, ему пришлось искать защиту в МГК. Однако

¹³ Так произошло в деле между Крюковым и воеводским товарищем Бегичевым, отпустившим «поличных воров» в 1708 г. Попытки взыскать судебные пошлины продлились до 1739 г. (РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 5. Д. 5403. Л. 81–109). Частичное взыскание в деле Милославских о беглых крестьянах можно считать сравнительно удачным, при условии, что от исковой челобитной до мировой прошло почти 30 лет (Там же. Д. 5373. Л. 1–2 об., 74–75 об.).

¹⁴ Соборное Уложение. М., 1961. Гл. 10. Ст. 113, 118. С. 113–115.

¹⁵ РГАДА. Ч. 9. Д. 33090. Л. 12–12 об., 48.

¹⁶ Там же. Ч. 4. Д. 5364. Л. 22–26.

¹⁷ Там же. Д. 5368. Л. 34–74 об.

спустя некоторое время истец вновь стал просить о правеве, т. к. чиновник уехал в Калугу¹⁸. В целом, как отмечается исследователями, Северная война «радикально ухудшила положение страны» [Редин, 2016, с. 195]. Помимо прямого влияния в виде увеличения налогового бремени и напряжения административно-финансовых ресурсов военные конфликты петровского времени сказывались и на возможностях реализации судебных прав. Многие дворяне не возвращались со службы, тогда как остальные далеко не всегда получали отпуск [Редин, 2015, с. 179–180]. При нередком отсутствии «деловых людей», которые могли бы выступать поверенными в исках, а также института адвокатуры, почти безостановочные войны приводили к откладыванию большого числа дел на неопределенные сроки.

Сочетание затяжных кампаний с начавшимися преобразованиями в структуре управления приводило к дополнительной нагрузке как на приказы, так и на судящихся, особенно когда изменения в органах с 1710 г. стали происходить постоянно. Для суда итогом жалоб на некодифицированные законы и развернувшуюся войну стал указ Петра I 1714 г., основным содержанием которого было требование судить «по Уложению, а по новоуказным статьям и сепаратным указам отнюдь не делать»¹⁹. В одной из статей между делом было упомянуто, что прежние иски можно было «перевершивать по скончании сей настоящей войны», которая при общей неопределенности всего корпуса отмененных норм позволяла в делах ссылаться на нее, даже если решение не противоречило статьям Уложения²⁰. Хотя царь стремился пресечь подачу исков на служилых и «волокиту» при исполнении служебных обязанностей²¹, разрозненные изменения в законодательстве и учреждениях [Анисимов, с. 14–15; Редин, 2016, с. 196] приводили к закономерной путанице. В этой связи неявным следствием административных преобразований было еще и то, что каждая новая структура давала право переносить в нее абсолютно любое, даже решенное, дело. В документах МСП и ЗП заметно, что до 1710 г. апеллировать на решения приказа было по сути дела некуда²², но с началом губернской реформы количество таких органов увеличивалось. Поскольку правила и сроки апелляции не были регламентированы, да и сам Петр I фактически разрешил возвращаться к любому делу после войны, Юстиц-коллегия, надворные и провинциальные суды изначально находились в уязвимом положении.

В результате к окончанию войны возник закономерный вал судебных дел, который предстояло разбирать на местном и центральном уровнях, причем более-менее узаконившиеся структуры в 1722 г. вновь были пере-

¹⁸ Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–66 об., 89–89 об.

¹⁹ ПСЗ. Т. 4. № 2828.

²⁰ РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5364, 5388.

²¹ ПСЗ. Т. 4. № 2115; Т. 6. № 3696.

²² Единственное сохранившееся дело Судного приказа 1700-х гг. с утверждением приговора Ближней канцелярией: РГАДА. Ф. 239. Оп. 1. Ч. 5. 11852а. Л. 119–119 об.

смотрены, так что откат породил небывалый прежде беспорядок. Отмечаемые исследователями жалобы на общее состояние судебной системы [Анисимов, с. 231, 235–236; Серов, с. 17] были весьма обоснованы. Даже введенный Петром I принцип территориального распределения дел, чтобы истец и ответчик судились в соответствующем надворном суде, подвергся обстоятельной критике самой МГК²³. Если следовать логике Д.О. Серова, то получается, что судебная реформа ослабила местное управление [Серов, с. 235–236], следствием чего и стало упразднение судов в 1722 г., однако та же МГК была не рада увеличению объема своих полномочий. Механически ликвидировав провинциальные суды, Петр I совершенно не учел конкретную специфику функционирования судебной системы в Москве, где отдельный суд, существовавший всегда, был наиболее органично вплетен в губернские органы. В этом смысле исчезновение судебных приказов на фоне ухудшения отправления судопроизводства стало восприниматься как трагедия. Неудивительно, что в конце 1720-х гг. в МГК возникло предложение восстановить несколько старинных учреждений, где пересеклись ностальгические воспоминания с насущными потребностями. В этом смысле символичны слова доклада, объявленного Анне Иоанновне 17 марта 1730 г.: «В каждом Приказе были особливые дела, и продолжения, и волокиты челобитчикам не было»²⁴.

Литература

- Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Богословский М. М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1903. Ч. СССХХХХХХХХ. 1903. Сентябрь. С. 45–144.
- Богословский М. М.* Петр I: Материалы к биографии. М.: Соцэкгиз, 1948. Т. 4. 515 с.
- Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 439 с.
- Воробьев А. В.* «Приказ малodelной и безкорысной»: финансовая деятельность Сысского (Разбойного) приказа и его упразднение в начале XVIII в. // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: К 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 305–314.
- Елагин С. И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. VI, 320, 48, VIII с., ил. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. XI, 665 с., ил.
- Колманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи. М.: Археографический центр, 1999. 304 с.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.: ИРИ РАН, 2015. 303 с.

²³ Там же. Ч. 8. Д. 27858. Л. 153–153 об.

²⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5521.

- Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. СПб., 1905. 702 с.
- Редин Д.А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. № 3. P. 190–215.
- Редин Д.А. Учетная документация герольдмейстерской конторы 1720-х гг.: когнитивный потенциал источников // *Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III международной научно-практической конференции (Витебск, 8–9 окт. 2015 г.)*. Витебск, 2015. С. 179–181.
- Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
- Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. 488 с.
- Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909. Ч. 1. 206 с.
- Талина Г.В. Боярская Дума в царствование Федора Алексеевича: попытки реформирования // *Научные труды Московского педагогического государственного университета. Сборник статей*. М., 2003. С. 359–366.
- Фадеев А.А. К вопросу об истории Судных приказов в царствование Фёдора Алексеевича // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции (Москва, 9–10 апреля 2020 г.)*. М., 2020. С. 410–412 [Фадеев, 2020a].
- Фадеев А.А. Судный и Земский приказы в системе учреждений Московской губернской канцелярии в 1710–1711 гг. [Электронный ресурс] // *Научный электронный журнал «Гуманитарный акцент»*. М., 2020. № 4. С. 12–18. URL: <https://www.rsuh.ru/gumakcent/archive/gumanitarnyy-aktsent-4-2020.html> (дата обращения: 14.12.2021). [Фадеев, 2020б]
- Фадеев А.А. Указ 21 февраля 1697 г. в судебной практике Московского Судного приказа // *Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А.А. Зимина. Материалы Международной научной конференции*. М., 2020. С. 467–475 [Фадеев, 2020в]
- Фадеев А.А. К вопросу об организации Московского провинциального суда в 1719 г. [Электронный ресурс] // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2019»*. М., 2019. С. 1–3. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15776/91796_uid342998_report.pdf (дата обращения: 14.12.2021)

References

- Anisimov E.V. Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997. 331 p.
- Bogoslovskij M.M. Issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya pri Petre Velikom // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1903. Ch. CCCXXXIX. 1903. Sentyabr'. Pp. 45–144.
- Bogoslovskij M.M. Petr I: Materialy k biografii. M.: Socekgiz, 1948. T. 4. 515 p.
- Buganov V.I. Moskovskie vosstaniya konca XVII veka. M.: Nauka, 1969. 439 p.
- Elagin S.I. Istoriya russkogo flota. Period Azovskij. SPb., 1864. VI, 320, 48, VIII p., il.
- Fadeev A.A. K voprosu ob istorii Sudnyh prikazov v carstvovanie Fyodora Alekseevicha // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXIII*

- Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 9–10 aprelya 2020 g.). M., 2020. Pp. 410–412 [Fadeev, 2020a].
- Fadeev A.A. K voprosu ob organizacii Moskovskogo provincial'nogo suda v 1719 g. [Elektronnyj resurs] // *Materialy Mezhdunarodnogo molodyozhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2019»*. M., 2019. Pp. 1–3. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15776/91796_uid342998_report.pdf (data obrashcheniya: 14.12.2021)
- Fadeev A.A. Sudnyj i Zemskij prikazy v sisteme uchrezhdenij Moskovskoj gubernskoj kancelyarii v 1710–1711 gg. [Elektronnyj resurs] // *Nauchnyj elektronnyj zhurnal «Gumanitarnyj akcent»*. M., 2020. № 4. Pp. 12–18. URL: <https://www.rsuh.ru/gumakcent/archive/gumanitarnyy-aktsent-4–2020.html> (data obrashcheniya: 14.12.2021). [Fadeev, 2020b]
- Fadeev A.A. Ukaz 21 fevralya 1697 g. v sudebnoj praktike Moskovskogo Sudnogo prikaza // *Dokumental'nyj istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennye problemy i zadachi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Zimina. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M., 2020. Pp. 467–475 [Fadeev, 2020v]
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg. SPb., 1911. T. 1. XI, 665 p., il.
- Kolmann N. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 616 p.
- Lavrov A.S. Regentstvo carevny Sof'i. M.: Arheograficheskij centr, 1999. 304 p.
- Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik. M.: IRI RAN, 2015. 303 p.
- Milyukov P.N. Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya. SPb., 1905. 702 p.
- Redin D.A. Effektivnost' mestnogo upravleniya v Petrovskuyu epohu: paradoksy centralizacii // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. № 3. Pp. 190–215.
- Redin D.A. Uchetnaya dokumentaciya gerol'dmejesterskoj kontory 1720-h gg.: kognitivnyj potencial istochnikov // *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vitebsk, 8–9 okt. 2015 g.)*. Vitebsk, 2015. Pp. 179–181.
- Sedov P.V. Zakat Moskovskogo carstva: Carskij dvor konca XVII veka. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006. 604 p.
- Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie. M.: IKD «Zercalo-M», 2009. 488 p.
- Stroev V.N. Bironovshchina i Kabinet ministrov. M., 1909. Ch. 1. 206 p.
- Talina G.V. Boyarskaya Duma v carstvovanie Fedora Alekseevicha: popytki reformirovaniya // *Nauchnye trudy Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Sbornik statej*. M., 2003. Pp. 359–366.
- Vorob'ev A. V. «Prikaz malodelnoj i bezkorysnoj»: finansovaya deyatel'nost' Sysknogo (Razbojnogo) prikaza i ego uprazhdenie v nachale XVIII v. // *«Chtoby ne perestala pamyat' roditel'j nashih i nasha, i svecha by ne ugasla...»: K 70-letiyu Nikolaya Mihajlovicha Rogozhina*. M., 2019. Pp. 305–314.

А.А. Фадеев

Artiom A. Fadeev

Russian State Library, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia

JUDICIAL TRANSFORMATIONS OF PETER I IN THE ACTIVITIES OF SUDNYJ AND ZEMSKIJ PRIKAZES

The article is devoted to the problem of the implementation of Peter's judicial transformations within the framework of the judicial functions of the Moscow prikazes. The experience of the functioning of two Moscow prikazes, Sudnyj and Zemskij, whose fate reflects curious tendencies in the judicial reforms of Peter I. The appeal to their activities demonstrates the contradictory situation of the daily judicial system, connected not only with the personnel or financial problems of the old and new judicial bodies, but also with the deep problems of judicial practice and the difficulties of the functioning of the court in conditions of war and inconsistent reforms.

Keywords: *Peter I, Sudnyj prikaz, Zemskij prikaz, prikazes system, judicial reform, Moscow Governorate.*

Дворяне послепетровского поколения: образовательная дифференциация и социальная мобильность

В основу исследования положены материалы, сохранившиеся в фонде 16 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Всего учтено 8762 дворянина. Медианное значение величины душевладения всех недорослей составило 14 душ, душевладельцев – 23 души. Более 20% дворян не имели крестьян. Крупные помещики составляли 2,5% от общего числа дворян. Магнатов, владевших тысячью душ, и больше, было чуть больше 1 процента. Будущих генералов из недорослей 1743–1750 гг. было менее 3%. Приведенные в статье данные наглядно показывают сопряженность крупного душевладения и родовитости.

Ключевые слова: недоросли, дворянство, помещики, душевладение, просопография, генералы, Сухопутный кадетский корпус

Петр I изменил принципы комплектования армии. На смену поместной коннице и полкам нового строя приходит регулярная армия. Исчезает служилый город, система московских чинов заменяется Табелью о рангах. Усиливается контроль государства модерна как над всем обществом, так и над служилым сословием, ужесточаются нормы дворянской службы [см.: Волкова, с. 35–51]. Петровская вестернизация привела к открытию первых в России светских школ (Навигацкая, инженерные и артиллерийские, Морская академия, гимназия Академии наук и др.). Эти новые формы образования были важнейшими факторами модернизации Российской империи раннего Нового времени. «Регулярное государство» заботилось о всеобщем благе, заставляло дворянских недорослей получать образование, в том числе и через принуждение. Приоритетом для государства являлось обучение благородного сословия, особенно небогатых дворян, родители которых не всегда могли дать им достойное образование.

В основу исследования положены материалы, сохранившиеся в фонде 16 («Внутреннее управление») Российского государственного архива древних актов (РГАДА)¹. Это дело со списками недорослей за 1743–1750 гг., в котором указаны возраст, имущественное положение (число душ), географическое расположение их владений (в каком уезде находились поместья)

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Списки недорослей, 1743–1750 гг.

и место, куда они определялись на службу (армия, гвардия, флот и т. д.) или в учебное заведение. Также привлекались материалы Герольдмейстерской конторы Сената по учету недорослей, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов². Данные дворянского учета были дополнены материалами учебных заведений (Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Морская академия, артиллерийские и инженерные школы, гимназия Академии наук)³.

Архивные материалы Герольдмейстерской конторы дают уникальную возможность максимально полно проследить начальное распределение дворян по учебным заведениям, гвардейским и армейским полкам, что невозможно показать путем анализа других источников. Среди опубликованных материалов ценные сведения содержат многочисленные справочники с родословными росписями (как общие, так и губернские), работы, посвященные отдельным родам и обобщающие результаты генеалогических исследований российского дворянства.

С 1743 по 1750 г. всего учтено 8762 человека. В гвардию, армейские полки, матросы были определены 4645 недорослей (53%). Более тысячи (13%) были отпущены в дом до следующего смотра (для достижения определенного возраста или излечения болезней). Остальные (4,2%) были определены к статским, «городовым» делам, или отправлены на поселение в Оренбург и отставлены вовсе «за болезнями» (4%). В различные учебные заведения были отправлены 2060 недорослей (23,5%)⁴. Всего будет проанализировано 6755 недорослей, о которых известно, куда они были определены на службу или учебу. У 23 дворян не указано число душ, поэтому число помещиков для анализа будет составлять 6732 человека.

Насколько велики эти цифры? Чтобы дать им оценку, нужно определить, сколько всего было дворян в России в то время. Точное число их неизвестно. Примерные оценки общего числа помещиков конца 1720-х гг. говорят о 45–50 тыс. [Водарский, с. 64; Шепукова, с. 390–391]. К III ревизии (1762–1765) их численность неизвестна, но скорее всего она незначительно увеличилась⁵.

Из всех помещиков только 42 человека (менее 1%) были потомками думных чинов Московского царства. Из них 22 аристократа имели кня-

² РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Д. 132, 135, 171, 299, 497, 498, 499, 505.

³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 8537. Формулярный список кадетского корпуса, 1751 г.; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 1–4; 1181; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 2. Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 1034. Список Артиллерийского корпуса, 1758 г.; ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1181. Список Инженерного корпуса, 1758 г.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 317 об.

⁵ В 1782 г. в губерниях центральной России проживало 54 535 дворян (не считая женщин), а в 1816 г. только потомственных дворян там находилось 50 680. Точное число помещиков неизвестно. См.: [Кабузан, с. 162–164].

жеский титул, а ровно половина была детьми военных и статских генералов. Это были очень богатые помещики. Только четверо из них имели менее чем 500 душ, но и самые «бедные» владели сотнями крестьян. 32 (76%) владели более чем 1 000 душ, семь — более чем 5 000, в том числе граф Н.Ф. Апраксин, отец которого имел 12 000 крепостных.

Представителей титулованного дворянства, а именно князей, было гораздо больше — 140 человек, что составляет чуть более 2% от общей массы помещиков. Кроме того, среди недорослей был граф Н.Ф. Апраксин и четыре барона — три брата Шафировых и Иван Осипович Соловьев. Из всех князей 55 человек были Рюриковичами, 11 — Гедеминовичами, один был выездим из Кабарды (Тимофей Иванович Егупов-Черкасский), остальные — татарского или мордовского происхождения. Из последних нужно отдельно выделить представителей таких фамилий, как Мещерские, Урусовы и Юсуповы, внесенных в «Бархатную книгу» и признанных в княжеском достоинстве Российской империи [Думин, с. 98–100; Руммель].

Потомками думных чинов из всех князей были только 22 человека (чуть менее 16%). Еще у 27 российских князей предки служили по московскому списку «царедворцами»: стольниками, стряпчими, дворянами московскими и жильцами. Среди татарских князей лишь единицы владели сотнями душ, крупных (более 500 душ) помещиков среди них не было вообще.

Посмотрим на крупных помещиков, владельцев более чем 500 душ крестьян. Они составляли 2,5% от общего числа дворян. Более 30% из были потомками думных чинов. Четверть крупных помещиков носила титулы князей, графов и баронов. Более 40% были детьми генералов. Из числа помещиков, владевших от 500 до 1 000 душ, более 70% не имели отцов-генералов и предков, служивших в думных чинах. А вот из владельцев более чем 1 000 душ только 42% не имели предков из думных чинов. Впрочем, все они (в отличие от владельцев от 500 до 1 000 душ) были из знатных родов, чьи деды служили стольниками или стряпчими. Все пять крупнейших магнатов, владевших более чем 5 тысячами душ, были потомками думных чинов. Это граф Николай Федорович Апраксин, князя Иван Алексеевич, Иван Федорович и Николай Федорович Голицыны, князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский.

Известен 161 генерал из недорослей 1743–1750 годов, что составляет 2,4% от их общей численности. 22 из них (чуть менее 14%) сами были детьми генералов. 38 человек достигнут высших трех чинов по Табели о рангах, 12 — второго класса. 11 были потомками думных чинов (семь из них — дети генералов). В табл. 1 показана связь достижения генеральских рангов с чином родителя и его богатством.

Таблица 1.

Достигли генеральских чинов

Владельцы	Дети генералов		Дети рядового дворянства		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Более 500 душ	15	9,3	9	5,6	24	14,8
От 100 до 500 душ	6	3,7	25	16	31	19,8
Менее 100 душ	1	0,6	105	64,8	106	65,4
Всего	22	13,6	139	86,4	161	100

Среди детей генералов, самих дослужившихся до чинов 1–5 ранга, вообще не было дворян, владевших менее чем сотней душ. Большинство из них происходило из семей крупных помещиков, владевших более чем 500 душ. За отцом Петра Васильевича Бакунина меньшого значилось в 1748 г. 78 душ, но уже в 1754 г. за ним состояло 160 крепостных⁶. Среди представителей рядового дворянства (будущих генералов) таких было меньшинство – менее 8%. Более двух третей из них составляли мелкие (до 100 душ) дворяне. Конечно, это относится в первую очередь к генералитету 4–5 класса. Генералы первых трех классов были гораздо более состоятельными. Не указано крестьян только у А.А. Воеводского и сына секретаря и внука подьячего П.Ф. Мезенцова.

Таблица 2.

Помещики-генералы

Начало службы	Дети крупных помещиков		Дети средних и мелких помещиков		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Армия	0	0	18	11,1	18	11,1
Артиллерийские и инженерные школы	2	1,2	18	11,1	20	12,3
Коллежские дворяне	0	0	6	3,7	6	3,7
Морские школы	0	0	42	25,9	42	25,9
Гарнизонные школы	0	0	2	1,2	2	1,2
Гвардия	14	8,6	14	8,6	28	17,3

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 224 об.; [Сысоев, с. 10].

Сухопутный шляхетский кадетский корпус (СШКК)	8	4,9	37	23,5	45	28,4
Всего	24	14,8	137	85,2	161	100

Однако это общие цифры, не говорящие о том, каковы были карьерные шансы у выпускников разных учебных заведений, поскольку больший процент генералов от выпускников какого-либо учебного заведения определяется в том числе и числом поступивших в это учебное заведение. Как было связано то, где начинал служить или учиться недоросль, с его карьерными успехами? В табл. 3 показаны проценты достигших генеральских чинов от числа поступивших в различные учебные заведения, армию или гвардию.

Таблица 3.

Достижение генеральских чинов в зависимости от начала службы

Куда определены	Менее 500 душ		Более 500 душ		Общий процент	
	число	%	число	%	число	%
СШКК	37	12,9	8	25,8	45	14,3
В коллежские дворяне	6	7,5	0	0	6	7,5
В морские школы и в матросы	42	5,5	0	0	42	5,5
В гвардию	14	2,4	14	24,1	28	4,4
В артиллерийские и инженерные школы	19	2,8	1	12,5	20	2,9
В гарнизонные школы	2	0,6	0	0	2	0,6
В армию	18	0,5	0	0	18	0,5
Всего	138	2,1	23	21,1	161	2,4

Перейдем к более подробному анализу возрастного состава и уровня душевладения определенных в школы и на службу. Медианное значение величины душевладения всех недорослей составило 14 душ, включая тех дворян, у которых крестьян не было. Если взять только помещиков-душевноладельцев, то медиана составит 23 души. Более 20% дворян были пустопоместными. Владельцев более 100 душ было чуть больше 12%, если считать вместе с пустопоместными. Доля таковых, посчитанная только от владельцев крепостных душ, составила чуть менее 16%.

Медианный возраст определенных в армейские полки составил 18 лет. Самыми молодыми армейскими солдатами стали костромский помещик Василий Мичурин и каширский пустопоместный дворянин Назар Те-

сков, им было по 11 лет. В.И. Травину (галицкий пустопоместный) было 57 лет, когда его определили на службу в 1745 г. Медианное значение величины душевладения составило 9 душ. Если взять только помещиков-душевладельцев, то медиана составит 14 душ.

Для определенных в гвардию медиана составила 17 лет. Самым возрастным был Иван Шигорин, небогатый (10 душ в Галицком уезде) помещик 30 лет, поступивший в 1744 г. в Преображенский полк. Самым юным был трехлетний сын генерал-поручика, князь Петр Алексеевич Козловский, зачисленный в бомбардирскую роту. В других полках самыми молодыми гвардейцами стали десятилетние сыновья обер-прокурора Синода князь Ф.Я. Шаховской (Семеновский), богатого владимирского помещика (814 душ) В.И. Дубровский (Измайловский), генерал-лейтенанта граф Н.Ф. Апраксин (Конный) и девятилетний конногвардеец, сын вологодского дворянина А.П. Засецкий (племянник писателя А.А. Засецкого). Заметно, что практика записи в полк младенцев и совсем юных недорослей еще не стала такой распространенной, как в екатерининское правление. Хотя многие дворяне, в первую очередь гвардейские офицеры, или ранее служившие в гвардии, пытались записать своих отпрысков в гвардейские полки. Так, в журнале Сената (11.03.1743) записано, что малолетних, кто просил о записи в Преображенский полк, по силе указа 1742 г. «отпустить в дома» до 16 лет, «что же просили для определения в Преображенской полк в салдаты, в том им отказать, понеже по силе вышеписанного Ея Императорского Величества указу, в таковые лета в салдаты в службу определять не велено»⁷. Впрочем, некоторым это удавалось.

Подполковник Василий Наумович Мельгунов в своей челобитной в декабре 1742 г. ссылаясь на Именной указ 1737 г., согласно которому «лейб-гвардии полков штап, обер афицерские дети, которые в совершенной пришли возраст, записывать в лейб-гвардию в салдаты, а которые малолетны, для науки в кадеты в банбандирскую роту, а если отцы малолетных детей пожелают взять для науки на свой кошт, а имянно инженерству, арихметике, фортификации, також разным эвропских языком, и таких отдавать на волю их отцов». Его дети Николай, шести лет, и Михаил, пяти, с 1737 по 1740 год обучались грамоте и арифметике, а с 1740 «обучаются инженерству и фортификации, по-немецки и по-французски», и он держал «для оных учителя, которому плачу по двести рублей». Третьему сыну, Алексею, было в 1743 г. 5 лет. Просит написать в солдаты Преображенского полка «закомплект», и отпустить на 5 лет⁸. И, как следует из списка Преображенского полка более позднего времени, шестилетнего Николая записали в гвардию в 1743 г.⁹

Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Андрей Егорович Фаминицын (впоследствии генерал-майор и директор Московского ге-

⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 158 об.

⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 182, 182 об.

⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 474. Список по старшинству Преображенского полка, 1759. Л. 9 об.

нерального госпиталя), состоятельный помещик (437 душ) просил определить в полк своего сына Егора и отпустить, «как и протчих моей братьи обер афицеров дети определены во оной полк»¹⁰. Егор Андреевич станет в будущем директором Московского Ассигнационного банка с чином действительного статского советника.

Медиана душевладения у гвардейцев составила 48 душ, только у душевладельцев — 50 душ. Это самый высокий показатель.

Самыми юными матросами стали семилетние Федор Поддубский и Иван Ушаков; за первым была только поместная земля в Новгородском уезде, за отцом второго — 10 душ в Романовском уезде. Самым взрослым стал рязанский пустопоместный дворянин Сидор Савастьянов, в 30 лет определенный «в матросы вечно». Медианный возраст матросов составил 15 лет, медиана душевладения — 5 душ, только для владельцев крепостных — 10 душ.

Артиллерийское и инженерное образование дворяне получали в первую очередь в Санкт-Петербургских и Московских артиллерийских и инженерных школах [Бенда, 2018]. Самыми юными артиллерийскими учениками были семилетние Степан Пустошкин и Михаил Рыков. У первого за отцом было 37 душ в Новгородском уезде, у второго крестьян не было¹¹. Медианный возраст учеников артиллерийских школ составил 13 лет. Медианная величина размера душевладения составила 22 души (чуть выше средней). Средних и крупных помещиков среди артиллерийских воспитанников было заметно меньше, чем в общем, и это ниже показателей даже морских учеников. Самым богатым был Авраам Алексеевич Шеншин, показавший 552 души «в разных уездах»¹², двоюродный брат деда поэта А.А. Фета.

Самым молодым учеником Санкт-Петербургской инженерной школы стал семилетний Иван Бабаев, показавший 25 душ в Юрьев-Польском уезде¹³. У одного ученика (Федор Смольянинов) возраст не показан. Самый возрастным был Андрей Крымов — 19 лет, за которым состояло восемь душ в Кадомском уезде¹⁴. Медианный возраст определенных в инженерные школы составил, как и у артиллерийских учеников, 13 лет. Медианная величина размера душевладения составила 25 душ, что выше средних показателей, выше, чем у морских и артиллерийских учеников. Самым богатым был князь Петр Александрович Волконский, за которым с братом «в разных уездах» состояло 1250 душ¹⁵.

Среди определенных в морские школы самыми юными были Иван Извеков и Никита Селивачев, поступившие в 1749 г. в Морскую академию в возрасте семи лет. Первый был из тверских дворян, за его матерью в Зубцовском уезде

¹⁰ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 186.

¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 142 об., 178.

¹² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 72.

¹³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 178 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 522 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 143.

было 15 душ, второй — из новгородских, показавший 10 душ крестьян. Самым возрастным был Яков Вошенин — 21 год, имевший 34 души в Путивльском уезде¹⁶. Медианный возраст морских учеников составил 12 лет. Медианная величина размера душевладения составила 22 души (чуть выше средней). Самым богатым был Михаил Апухтин, показавший 847 душ «в разных уездах»¹⁷.

Гарнизонные школы предназначались в первую очередь для обучения солдатских детей, однако в них воспитывались также дети бедных дворян или офицеров [Бенда, 2012, с. 33–44; Сафронова, Кравченко, с. 173–197]. У одного недоросля возраст не показан (Петр Широкой). Самым юным был шестилетний Михаил Батишев из тамбовских дворян, за отцом которого была только поместная земля без крестьян. Батишев был и самым молодым из всех недорослей, определенных в учебные заведения. Самыми старшими были Иван Обольянинов и Герасим Тулушев (обоим по 19 лет), за которыми не было крестьян, только поместная земля¹⁸.

Медианный возраст учеников гарнизонных школ, как и морских, составил 12 лет. Медиана числа душ составляет 0 (!). Это объясняется тем, что более половины (50,3%) учеников гарнизонных школ не имели крестьян вообще. Если взять медиану только душевладельцев, то она составит восемь душ, что также в разы ниже средних показателей. Самым богатым был Иван Ларионов, показавший 159 душ в Галицком и Костромском уездах¹⁹.

Сухопутный шляхетный кадетский корпус можно назвать ключевым учебным заведением послепетровской России, по крайней мере первой половины XVIII века [Федюкин, с. 245]. Самым юным кадетом был семилетний Кирилл Хотяинцов, за отцом которого было 150 душ в Алексинском, Белозерском и Каширском уездах²⁰. Самые взрослые (пять человек) имели возраст 17 лет. Медианный возраст сухопутных кадет составил 12 лет, как у гарнизонных учеников и воспитанников морских школ.

В Сухопутном корпусе процент крупных и среднепоместных дворян был в четыре раза выше, чем в среднем у недорослей. В нем учились 64% всех крупных и 58% всех средних помещиков, поступивших в учебные заведения с 1743 по 1750 г. Медианная величина размера душевладения составила 130 душ, в 9 раз выше средней! Самыми богатыми были братья Хованские (4800 душ), которые были и самыми состоятельными среди всех поступивших в учебные заведения за указанные годы вообще.

Посмотрим на важность княжеского титула, знатности (происхождения от думных чинов), богатства и чина родителя. Эти данные, в процентах от числа поступивших на службу или в учебные заведения недорослей, приведены в табл. 4.

¹⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 150, 292, 309 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 183 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 43 об., 470 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 232.

²⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 231. Л. 36 об.

Таблица 4.

Происхождение генералов

	Процент от числа поступивших недорослей	Процент от числа генералов
Из думных чинов	26,2	6,8
Дети генералов	22	13,7
Из крупных помещиков	21,1	14,3
Из российских князей	12,5	6,2
Прочие	1,9	80,1
Процент от общего числа	2,4	100

Большинство генералов было из числа мелкого и среднего дворянства, поскольку таких дворян и было большинство, но шанс стать генералом у этой группы был менее 2%, что на порядок меньше такой возможности для родовитых потомков думных чинов, детей генералов и крупных помещиков, у которых число достигших генеральских чинов (от поступивших на службу недорослей), составляло более 20%.

Эти цифры наглядно показывают сопряженность достижения карьерных высот с родовитостью и чинами родителей. Богатство было чуть менее важно, а княжеский титул играл еще более скромную роль.

Литература

- Бенда В. Н.* Гарнизонные военные школы в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). Ч. II. С. 33–36.
- Бенда В. Н.* Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в.: на материалах Санкт-Петербурга и Москвы: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2018. 570 с.
- Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 262 с.
- Волкова И. В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–51.
- Думин С. В.* Татарские князья в Российской империи // Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья. М., 1996. С. 98–100.
- Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 162–164.
- Руммель В. В.* Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. СПб., 1892. 290 с.
- Сафронова А. М., Кравченко О. С.* Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2014. Вып. 14. С. 173–197.
- Сысоев В. И.* Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. 462 с.
- Федюкин И. И.* «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М., 2018. С. 245–273.

Шепукова Н. М. Об изменении душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963. Вильнюс, 1964. С. 402–419.

References

- Benda, V.N. Garnizonnye voennye shkoly v XVIII v. // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012, No. 4 (18). Part II. Pp. 33–36.
- Benda V.N. Razvitie artillerii i inzhenernogo dela i podgotovka artilleriiskikh i inzhenernykh kadrov v postpetrovskii period XVIII v.: na materialakh Sankt-Peterburga i Moskvy. Diss. ... dokt. ist. nauk. St. Petersburg, 2018, 570 p.
- Dvorjanskii rody Rossijskoj imperii. Moscow, 1992. Vol. 3.
- Faizova, I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorianstva v XVIII stoletii. Moscow, 1999. 221 p.
- Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: XVII–XIX veka. Ed. by V.S. Rzhetskii, I.I. Fediukin, V. Berelovich. Moscow, 2018, 496 p.
- Kabuzan, V. M., Troitskii, S.M. Izmeneniia v chislennosti, udel'nom vese i razmeshchenii dvorianstva v Rossii v 1782–1858 gg. // *Istoriia SSSR*. 1971. No. 4. Pp. 162–164.
- Rummel', V.V. Spiski titulovannym rodam i licam Rossijskoj Imperii. Saint-Petersburg, 1892. 290 p.
- Safronova, A. M., Kravchenko O.S. Zakonodatel'nye i normativnye akty o garnizonnykh shkolakh Rossii XVIII v. // *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*. 2014. Vol. 14. Pp. 173–197.
- Shepukova N.M. Ob izmenenii dushevladenii pomeshchikov Evropeiskoi Rossii v pervoi chetverti XVIII — pervoi polovine XIX v. // *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy, 1963*. Vil'nius, 1964. Pp. 402–419.
- Sysoev, V.I. Bakuniny. Tver'. 2002. 462 p.
- Vodarskii, Ia.E. Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka. Moscow, 1977. 262 p.
- Volkova, I.V. Voennoe stroitel'stvo Petra I i peremeny v sisteme sotsial'nykh otnoshenii v Rossii // *Voprosy istorii*. 2006. No. 3. Pp. 35–51.

Aleksandr M. Feofanov

*Department of Russian History, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia*

NOBILITY OF THE POST-PETRINE GENERATION: EDUCATIONAL DIFFERENTIATION AND SOCIAL MOBILITY

The study is based on the materials preserved in Fund 16 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). A total of 8762 noblemen were reckoned. The median value of soul-ownership of all the nobles was 14 souls, for the landlords — 23 souls. More than 20% of the nobility had no peasants in their ownership. Large landlords accounted for 2,5% of the total number of nobles, a third part of them were the descendants of the Duma officials. Magnates who owned a thousand souls or more made up just over 1 percent of the total mass of nobles. The future generals of the undergraduates of 1743–1750 were less than 3%. These figures clearly show the correlation between the achievement of career heights and the gentility and rank of parents.

Keywords: noble minors, nobility, landlords, serf-ownership, prosopography, general officers, Noble Ground Cadet Corps.

Уездные ландкарты и каталоги поселений первой половины XVIII в.: к вопросу о методах работы «петровских геодезистов»

В статье рассматривается вопрос о соотношении ландкарт и каталогов поселений, составленных в ходе картографических съемок первой половины XVIII в. На основе анализа материалов по Курмышскому и Ядринскому уездам Нижегородской губернии показано, что каталоги не были сводками первичных материалов, использовавшихся картографами, а составлялись на основе уже составленных карт, видимо, как инструмент для создания с них копий.

Ключевые слова: карты «петровских геодезистов», ландкарты, Курмышский уезд, Ядринский уезд, историческая картография

Так называемые работы «петровских геодезистов» были, как известно, крупнейшим российским картографическим проектом первой половины XVIII в., составляющим целую эпоху в истории русской картографии. Начатые петровским указом 1720 г., эти съемки велись под эгидой Сената, где их координировал И.К. Кирилов, и продолжались до конца 1730-х гг., а отчасти и позднее. Они охватили большую часть территории государства: геодезисты направлялись в различные провинции государства, и созданные ими карты по мере готовности присылались в столицу [см.: Фель, 1960, с. 170–192; Постников, 1989, с. 37–39].

Замысел Петра I предполагал, что со временем на их основе будут созданы генеральная карта и атлас Российской империи. Этот план, однако, был реализован лишь отчасти: созданные в первой половине XVIII в. генеральные карты империи и «Атлас Российский» 1745 г. скорее отражали общее представление о взаимном расположении важнейших центров государства и очертаниях губерний и провинций, чем были итогом правильной генерализации сведений первичных съемок. Историками картографии давно установлено, что одной из важнейших причин этой неудачи были многочисленные, имеющие системный характер неточности на уездных картах, которые сильно затрудняли работу по созданию на их основе карт сводных.

Следует сказать, что критика составлявшихся геодезистами уездных карт имеет давнюю традицию: еще в 1730-х гг. Ж.-Н. Делиль в ходе известного конфликта с руководством Академии Наук, которая настаивала на скорей-

шем завершении работы над атласом империи, указывал на низкое качество имевшихся в его распоряжении материалов первичных съемок и на несовершенство применявшихся геодезистами методов [Свенске, 1966, с. 196–203; см. также: Голубинский, 2019, с. 117–120]. Историки картографии, специально изучавшие данный вопрос, на основании сохранившихся инструкций геодезистам показали, что эти претензии имели под собой некоторые основания: в этих инструкциях большое место отводится переносу на карту сведений, полученных от местных жителей, куда меньшее – собственно полевым съемкам, а объем предписанных астрономических наблюдений совсем невелик [Иванов, 1853, с. 2–12; Фель, 1960, с. 81–103; Постников, 1989, с. 39–43].

На основании этих соображений в литературе установилось устойчивое мнение, что карты первой половины XVIII в. – ненадежный источник; исследователи социально-экономической истории довольно редко обращаются к этим материалам¹. При этом мы по-прежнему очень мало знаем о том, сколь велики были неточности и допущения, которые были готовы допустить геодезисты. В частности, неясно, насколько велик был объем астрономических наблюдений, лежавших в основе каждой из карт.

Дело осложняется тем, что если коллекция созданных в первой половине XVIII в. ландкарт сохранилась не полностью², то подготовительные материалы к ним – совсем плохо. Отсылая карты в Сенат, геодезисты чаще всего оставляли все остальные документы у себя, и, конечно, они практически не сохранились³. Правда, в составе комплекса сенатского делопроизводства, посвященного администрированию работ геодезистов⁴, сохранилось несколько каталогов селений с координатами. На них давно обратили внимание специалисты [Фель, 1960, с. 89–91], и в некоторых работах эти каталоги используются для локализации поселений, не отмеченных на картах [Старицын, 2017, с. 236–254]. Вопрос о соотношении этих каталогов с имеющимися картами и о точности названных в них координат, однако, ранее в литературе не ставился.

В настоящей статье мы рассмотрим соотношение ландкарты Курмышского и Ядринского уездов⁵ Алатырской провинции и каталога, включенного в состав подборки каталогов по Нижегородской губернии⁶. Эти небольшие уезды, расположенные в глубине лесистого волжского Прав-

¹ Значительно чаще их используют археологи и специалисты по исторической географии Средневековья [см., напр.: Дедук, Шебанин, 2018].

² Так, несмотря на настойчивые поиски, не удалось обнаружить созданную в 1739 г. геодезистами М. Сметьевым и А. Жихмановым карту Ярославского и Романовского уездов [см.: Иванов, 1853, с. 19].

³ В научный оборот введены также несколько полевых журналов геодезистов. [см.: Мельникова, 1954, с. 117–130].

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1201.

⁵ НИОР БАН. Собрание рукописных карт (Картографическая коллекция Географического департамента). Основная опись (далее – БАН). Ед. хр. 478.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1201. Л. 311 об.– 318 об.

бережья, были сложным объектом для картографирования: они располагались вдалеке от больших дорог, население было смешанным и разноразличным, сложный пересеченный рельеф затруднял тригонометрическую съемку и, главное, они были расположены чересполосно с соседними уездами. Их съемка была осуществлена геодезистом Степаном Орликовым в рамках работ по картографированию Нижегородской губернии и 17 декабря 1729 г. ландкарта была представлена в Сенат [Иванов, 1853, с. 17]. До нас дошел только один ее экземпляр, хранящийся в коллекции НИОР БАН. Кроме того, интересующие нас уезды изображены на общих картах губернии, одна из которых хранится также в БАН⁷, а другая входит в состав коллекции, вывезенной в Париж Ж.-Н. Делилем;⁸ пограничные поселения мы видим также на картах смежных уездов – Нижегородского⁹, Алатырского¹⁰, Козьмодемьянского и Чебоксарского¹¹.

Начнем с системы координат, использованной на карте и в каталоге. Координаты центрального города карты, Курмыша, указаны в каталоге как 55°55' «в ширине», 50°10' «в длине»; его положение на карте, исходя из координатной сетки, таково же. Однако это совершенно не соответствует фактическому положению города – 55°50' с.ш. и 46°4' в.д. Если отличие в широте на 5' могут быть объяснены неточностями измерения, то долгота, отклоняющаяся от фактического значения более чем на три градуса, говорит, конечно, о том, что использованный нулевой меридиан отличается от гринвичского. Проблема в том, что меридиан 3°20' не соответствует ни одному из широко употреблявшихся в то время (острова Ферро 18°03' з.д., Парижа 2°20', острова Даго 22°39'); он пересекает Бельгию и Францию примерно по линии Брюгге – Клемон-Ферран – Безье¹². Никаких заметных городов и, тем более, известных обсерваторий на нем не располагалось. С другой стороны, широко известно, что определение долготы в XVIII в. считалось очень сложным и, по выражению Делиля, требовало «великого тщания ниже широта, також и особливого... усмотрения» [Свенске, 1866, с. 90]. Очевидно, геодезисты использовали все-таки парижский меридиан, а ошибка в целый градус вызвана неточностью измерения, а также, возможно, стремлением удобно расположить градусную сетку на листе¹³.

⁷ БАН. Ед. хр. 602.

⁸ Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (129 RES). Эта коллекция оцифрована и представлена на сайте: www.gallica.fr.

⁹ БАН. Ед. хр. 491–497; Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (130RES); GE BB-124 (128RES).

¹⁰ БАН. Ед. хр. 419.

¹¹ Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (132RES).

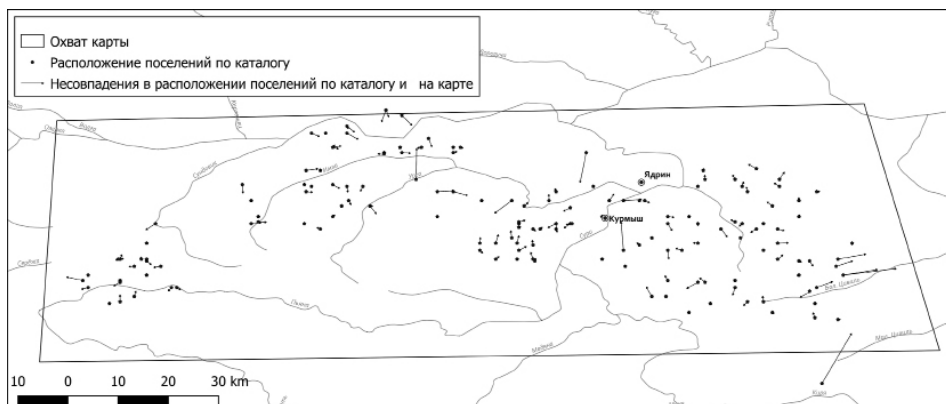
¹² А.Н. Старицын указал также на возможность использования геодезистами достаточно произвольных точек отсчета, предположив, в частности, что на некоторых картах и в каталогах А.Ф. Клешина за нулевой меридиан принята долгота деревни Эрестфер. [см.: Старицын, 2017, с. 243].

¹³ Благодарю А.А. Голубинского, указавшего мне на возможность такого объяснения.

Теперь, определив ошибку в положении Курмыша, рассмотрим всю совокупность приведенных в каталоге поселений. Прежде всего, нанесем их на карту, сместив каждый на $3^{\circ}20'$ к западу и на $5'$ к югу, вслед за центральным городом. Затем совместим их с картой, привязав ее по координатной сетке и обозначив ее охват. Результат показан на карте 1.

Карта 1. Соотнесение каталога поселений и карты Курмышского и Ядринского уездов

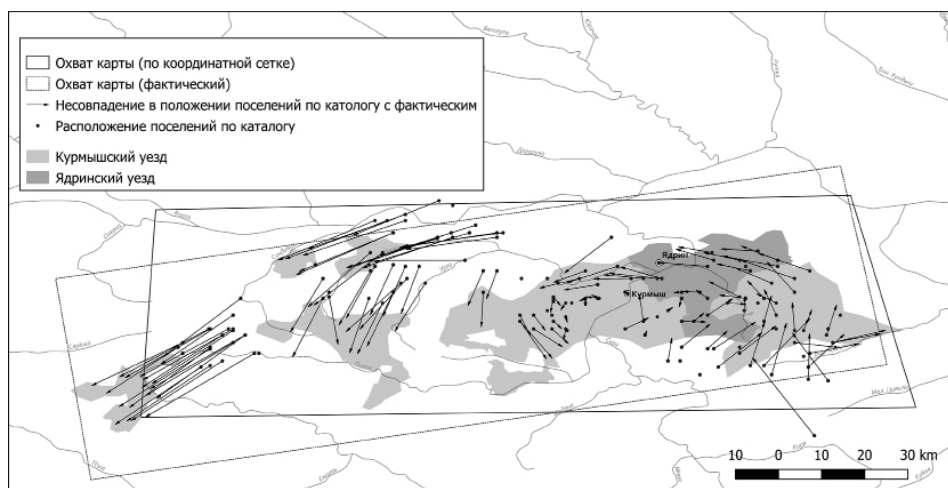
Как можно видеть, совмещение карты с каталогом демонстрирует очень хорошее (хотя и не стопроцентное) совпадение. В среднем смещение составляет всего 1,9 км, причем более чем для половины точек оно не превышает 1,5 км. Имеются также 4 поселения со смещением около 10 км и одно (село Туваны Большие в правом нижнем углу карты) – со смещением в 18 км. Как хорошо видно, почти все эти случаи относятся к краям карты и хорошо объясняются тем, что карта «не умещалась» на выбранном листе, и составитель был вынужден «ужимать» ее края. Пожалуй, в единственном случае – с Ильина Гора на противоположном от Курмыша берегу Суры – значительное смещение объясняется иначе. Перед нами ошибка каталога: фактически это поселение действительно стоит на берегу реки, как на карте, а не в глубине лесов на ее правом берегу, как должно следовать из его координат.

Однако соотносится ли та картина, которая рисуется перед нами картой и каталогом, с реальным расположением поселений? Большинство отмеченных как в каталоге, так и на карте поселений может быть уверенно локализовано на современной карте (в ряде случаев для локализации необходимо также привлечение промежуточных картографических источников, прежде всего 10-верстной карты И.Ф. Стрельбицкого и планов Генерального межевания). Из 165 поселений, упомянутых в каталоге, удалось локализовать 133.

На карте 2 показано смещение точек, реконструированных по каталогу (с описанной выше поправкой на неточность локализации всей карты), относительно фактического расположения соответствующих поселений; на подложке также показана наша реконструкция фактических границ уезда, выполненная на основе всех имеющихся картографических материалов по данному региону.

Карта 2. Соотнесение фактического расположения поселений и их координат по каталогу

Как можно видеть, расхождения между координатами поселений, определенными геодезистами, и их фактическим расположением довольно велики. В среднем смещение составляет 16 км. Для трети поселений (45 из 133) оно менее 10 км, а для 6% (8 из 133) – более 30 км.

В то же время эти расхождения не хаотичны, в них просматривается достаточно четкая логика. Карта и каталог неверно ориентированы – указатель севера отклонен примерно на 10° к западу, и соответственно, большинство поселений смещены по часовой стрелке вокруг Курмыша. Кроме того, изолированные участки, из которых состоит Курмышский уезд, не очень точно локализованы друг относительно друга. Карта в целом неплохо отражает взаимное положение соседних поселений, значительно хуже – взаимное положение отдельных изолированных участков, из которых состоит Курмышский уезд. Так, расположенный на западе Завацкий стан сильно смещен к востоку, а различные части чересполосно лежащего с Нижегородским уездом Иземского – к востоку и к северо-востоку; территории чувашских волостей на востоке уезда, напротив, смещены к югу и к западу. В итоге, например, расстояние между крайними поселениями

на западе и на востоке, д. Белоключье и с. Большие Яндобы, по данным каталога должно составлять 150 км, в то время как фактически составляет более 180.

Таким образом, каталог поселений в очень высокой степени совпадает с картой, но и каталог, и карта неточно отражают реальное положение отображаемых уездов. Эта неточность такова, что не могла возникнуть из-за случайных погрешностей в определении координат отдельных поселений: искажено, в первую очередь, относительное расположение целых волостей, причем львиная доля искажений объясняется тем, что карта неверно сориентирована на север, «повернута» вокруг главного города. Такое смещение могло возникнуть в единственном случае – если вся карта была построена вокруг единственной опорной точки, города Курмыша. Кроме того, картографами неверно определено относительное положение составлявших уезды участков территории, и это тоже говорит о том, что астрономические наблюдения не проводились нигде, кроме, возможно, уездного центра.

Все это дает основание утверждать, что каталог является не сводкой первичных полевых данных, а, наоборот, производным от какой-то карты (вероятно, не дошедшей до нас). Точные координаты сотен пунктов, содержащиеся в нем, были определены не «на местности», а по этой исходной карте. Перед нами – инструмент для создания копий, который использовался для переноса топонимики на новые экземпляры.

Литература

- Голубинский А.А.* Специфика работы представителей семьи Делиев над текстовыми материалами и черновой картографической информацией // Делиев в России. СПб.: Маматов, 2019. С. 117–121.
- Дедук А.В., Шебанин Г.А.* О методике локализации средневековых «малых городов» (по материалам Верхней и Средней Оки) // Археология Древней Руси: Актуальные проблемы и открытия. М., 2018. С. 102–104.
- Иванов П.И.* Обзорение геодезических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 году. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1853. 53 с.
- Мельникова Т.Н.* О математической основе русских карт XVIII в. // Географический сборник. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 117–130.
- Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: «Наука», 1989. 227 с.
- Свенске К.Ф.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорскою академиею наук в 1745 году. СПб., 1866. 204 с.
- Старицын А.Н.* Русская картография начала XVIII в. и проблема локализации староверческих поселений в северном регионе России // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Issue 2. С. 236–254.
- Фель С.Е.* Картография России XVIII века. М.: Геодезиздат, 1960. 226 с.

References

- Golubinskij A.A. Specifika raboty predstavitelej sem'i Delilej nad tekstovymi materialami i chernovoj kartograficheskoj informaciej // *Delili v Rossii*. SPb.: Mamatov, 2019. Pp. 117–121.
- Deduk A.V., Shebanin G.A. O metodike lokalizacii srednevekovyh «malyh gorodov» (po materialam Verhnej i Srednej Oki) // *Arheologiya Drevnej Rusi: Aktual'nye problemy i otkrytiya*. M., 2018. Pp. 102–104.
- Ivanov P.I. Obozrenie geodezicheskikh rabot v Rossii so vremeni imperatora Petra Velikogo do sochineniya general'noj landkarty Rossijskoj imperii v 1746 godu. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 1853. 53 p.
- Mel'nikova T. N. O matematicheskoj osnove russkikh kart XVIII v. // *Geograficheskij sbornik*. M.; L., 1954. T. 3. Pp. 117–130.
- Postnikov A.V. Razvitie krupnomasshtabnoj kartografii v Rossii. M.: «Nauka», 1989. 227 p.
- Svenske K. F. Materialy dlya istorii sostavlениya Atlasa Rossijskoj imperii, izdannogo Imperatorskoju akademieju nauk v 1745 godu. SPb., 1866. 204 p.
- Staricyn A. N. Russkaya kartografiya nachala XVIII v. i problema lokalizacii starovercheskikh poselenij v severnom regione Rossii // *Al'manah severoevropskikh i baltijskikh issledovanij / Nordic and Baltic Studies Review*. 2017. Issue 2. Pp. 236–254.
- Fel' S.E. Kartografiya Rossii XVIII veka. M.: Geodezizdat, 1960. 226 p.

Dmitrii A. Khitrov

Moscow State University, Moscow, Russia

PROVINCIAL LAND MAPS AND SETTLEMENT CATALOGUES OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY: THE ISSUE ABOUT WORKING METHODS OF PETER'S GEODESISTS

The article discusses the interrelation of land maps and catalogs of settlements compiled during the cartographic surveys of the first half of the XVIII century. Based on the analysis of materials on the Kurmysh and Yadrin uezd of the Nizhny Novgorod gubernia, it is shown that the catalogs were not summaries of primary materials used by cartographers, but were compiled on the basis of already compiled maps, apparently as a tool for creating copies.

Keywords: *Maps of «Peter's geodesists», land maps, Kurmyshsky Uyezd, Yadrinsky Uyezd, historical cartography.*

Пряник и кнут, или Почему Никита Демидов переселился на Урал

Модернизация российской промышленности при Петре Великом рассматривается со стороны методов, которыми государство пыталось ее направить и стимулировать. Привлекается материал по истории промышленных отраслей, которые в рассматриваемый период были для государства приоритетными – в первую очередь, горно-металлургической и текстильной. Проанализирован конкретный эпизод: перенос Н.Д. Демидовым центра своего промышленного хозяйства на Урал. Показано сочетание воздействия на предпринимателя поощрения и принуждения. Уточнены причины принятия им рискованного решения.

Ключевые слова: металлургия, текстильная промышленность, государственная политика, Н.Д. Демидов, Тула, Урал

1.

Общим местом в историографии стало представление о промышленности как о сфере государственного хозяйства, в которой модернизационные процессы при Петре Великом проявились особенно ярко. Изменения в ее состоянии направлялись и стимулировались государством, что нашло отражение в законодательстве, отразившем эволюцию промышленной политики. В целом российская промышленность не претерпела в эту эпоху столь же радикального реформирования, как другие сферы жизни российского общества. Но преобразования, захватившие некоторые ее отрасли, например, получившую Берг-привилегию металлургию, дали результаты, близкие к качественному обновлению.

Для суждения о методах, с помощью которых монарх и правительство пытались направлять эти изменения, анализа одного законодательства недостаточно. Существовала практика правоприменения. Было текущее управление процессами, опиравшееся, естественно, на законы, а иногда выходявшее за их границы.

Сказанное проявляется во многих эпизодах истории промышленного хозяйства известного строителя и владельца металлургических заводов Н.Д. Демидова. Обратимся к тем, которые относятся к началу уральского ее этапа.

2.

Появившийся на свет в Туле в 1656 г. Никита Демидович Антюфеев (таким было родовое имя будущего Демидова) по рождению принадлежал к госу-

дарственным ремесленникам. Жившие здесь представители этой сословной группы составляли особую слободу, именовавшуюся казенной кузнецкой или оружейной (последнее – преимущественно в историографии). В ней изготавливали оружие по казенному наряду, а также помимо заказа. Антюфеев занимался организацией подрядного производства ружья, благодаря чему не позднее 80-х гг. в этой группе заметно выделился. Его карьере способствовала служба оружейным мастером Преображенского полка¹. Пребывая в этом качестве, на реке Тулице, на месте мельницы, полученной от казны «на оброк вместо годового окладного жалованья на 20 лет»², он построил доменный и железодельный завод. С развитием этого предприятия были связаны планы Демидова вплоть до начала XVIII века. Когда в 1697 г. Сибирский приказ выяснял его отношение к возможности переезда на восток для устройства там подобного завода, Н.Д. Антюфеев ответил отказом, объяснив его заботами, связанными с Тульским его заводом. Однако после того как металлургические предприятия в новом районе были построены казной, он попросил передать ему одно из них. 4 марта 1702 г. появился завершивший переговоры указ, передавший Демидову только что пущенные Верхотурские (Федьковские) железные заводы. Одновременно к казне отходил демидовский завод на Тулице.

Рассмотрим причины, заставившие предпринимателя совершить этот ответственный шаг: перенести производственную площадку на удаленную от центра малоосвоенную территорию. В принятии решения сыграла роль направляющая воля государства.

3.

До постройки завода на Тулице предпринимательская деятельность Демидова развивалась в формах, традиционных для социальной и профессиональной среды, к которой он принадлежал. Изготовление оружия сверх правительственного задания с последующей продажей его государству было практикой, в слободе давно укоренившейся. Она устраивала обе стороны: казна получала сверхплановое оружие, кузнецы – дополнительные доходы в рамках профессиональной специализации. Обретение нового источника дохода – крупного металлургического предприятия – сопровождалось появлением новых проблем. Став оружейным мастером Преображенского полка, Демидов сформировал патрон-клиентские связи с высшими его чинами. Это позволило ему преодолеть многие трудности, в частности, одержать верх в столкновении с ямщиками, мешавшими присоединению к заводу нужной Демидову земли [Юркин, 2017, с. 27, 28].

Для работы доменной печи требовалось большое количество древесного угля. Демидов добился указа из Пушкарского приказа (от 18 января 1701 г.),

¹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 352. Л. 585 об., 588 об. Оба документа 1695 г.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 9.

разрешившего ему рубить лес под Тулой в казенной Щегловской засеке [Кафенгауз, с. 495]. Однако спустя полгода этой привилегии он был лишен.

Вспомнив о ранее отвергнутом Демидовым предложении перебраться на Урал, в этом пожаловании и последовавшей его отмене можно усмотреть попытку вынудить заводчика вернуться к его рассмотрению. Складывается впечатление, что по отношению к нему использовали пряник и кнут: ему продемонстрировали режим, позволявший снять часть забот, а следом дали понять, что в центре Европейской России он его не получит. Преподанный урок убеждал в выгоде смены локации производства — на Урале окружающие заводы леса были и велики, и доступны.

4.

Обратимся к выяснению того, чем руководствовалось правительство, разыгрывая описанную комбинацию.

История постройки и пуска Невьянского завода на документальной основе детально исследована Б. Б. Кафенгаузом. Известно о сопровождавших строительство проблемах, связанных, как рассудили в Москве, с «нерадением и многими сварами и крамолами приставников» [Кафенгауз, с. 94], другими словами, с неудовлетворительным руководством.

Для только что введенного в эксплуатацию перспективного промышленного объекта правительству нужен был эффективный управляющий. Возможного кандидата увидели в Демидове. Что как технический специалист и одновременно организатор производства для исполнения этой роли он вполне подходит, было вполне очевидно. Но, умея управлять, управлению собой Демидов сопротивлялся. Это его качество афористически кратко и точно выразил В. И. Геннин: «Демидов — мужик упрям»³. (Обратим внимание, что генерал написал это в донесении на высочайшее имя, составляя которое, несомненно, взвешивал каждое слово.) Самостоятельный и неуступчивый (Геннин, там же: «он здесь поворачивал как хотел»), Демидов не только не был беспрекословным исполнителем распоряжений государственных учреждений — подчас он решительно им сопротивлялся.

Примером может служить его поведение в конфликте с верхотурским воеводой Алексеем Калитиным. Последний, будучи зятем главы Сибирского приказа А. А. Виниуса, в расчете на его защиту заметно ограничивал свободу действий Демидова. Заводчик жаловался и, не получив удовлетворения, в ноябре 1703 г. демонстративно покинул Урал [Кафенгауз, с. 139, 141; Космовская, с. 61]. Отражал ли этот поступок реальное его намерение вернуться к первоначальной, тульской, локализации хозяйства или был ходом в игре? В апреле этого года Тульский завод Демидова по израсходованию сырья было приказано закрыть. Временно он передавался в ведение елец-

³ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 81.

кого воеводы Ф. Тютчева⁴. Но к ноябрю этого года (отъезд с Урала) деньги за завод Демидову выплачены все еще не были (как и им казне за уральский), поэтому обратный размен трудностей не представлял. Обратим внимание, однако на то, что в июне 1703 г. царь сменил руководство Сибирским приказом: распорядился ведать делами в нем князю Ф.Ю. Ромодановскому. А.А. Виниус, главный защитник Калитина, пал. Учтя это, Демидов, как нам представляется, сознательно обострил отношения с воеводой. И не прогадал: именной указ от 4 апреля 1704 г. разрешил споры в пользу заводчика. Нет, не о возвращении в Тулу думал в ноябре 1703 г. Демидов. Он культивировал властное поле на Урале.

5.

Подобные этому столкновения Демидова с территориальной и отраслевой администрацией не единичны. Они свидетельствуют о том, что черты характера, подходившие для занятий предпринимательством, делали Демидова персоной, неудобной для сотрудничества с ним. Почему же власть не только терпела его, но часто поддерживала? Причина в остром дефиците кадров, способных решить задачи, бывшие Демидову по плечу.

В начале XVIII в. Демидовы были единственными предпринимателями-металлургами, успешно укоренившимися на Урале. Попытки строительства там заводов частными лицами были редки и малоуспешны. Показателен один из деятелей той поры – Федор Молодой, предприниматель, так и оставшийся начинающим. Он деятелен, но итоги его работы скромны, причину чего Н.И. Павленко усматривал в нехватке знаний и умений. В Молодом историк увидел образец «беспомощного заводского управителя» – фигуру, по его мнению, характерную для второй половины XVII – первой четверти XVIII в. [Павленко, с. 296, 319]. Успешнее действовали предприниматели других промышленных районов – центрального и северо-западного. Однако технически грамотных, энергичных и сравнительно молодых деятелей, подходивших для переброски в новый район, среди их «содержателей» и управляющих не было. Какое-то время Демидов оставался единственным в России уже проявившим себя промышленником, которого, рассчитывая на успех, можно было привлечь к металлургическому освоению Урала.

Заметим, что раньше других обосновавшись на Урале, Демидов немало сделал для того, чтобы круг перспективных организаторов производства расширялся там как можно медленнее. Пользуясь экономической слабостью начинающих и отсутствием у них защиты со стороны администрации, он вытеснял их с перспективных участков. Вот отрывок из его прошения начала (не раньше 5 января) 1705 г. с просьбой разрешить строительство медеплавильного завода на Кунгуре:

⁴ РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 108. Л. 1 об.

«А Федору бы Молодому в близости тех урочищ, отколе мне возможно руды возить и где места медной руды вновь приищу, никаких своих заводов не заводить и помешки ни в чем мне не чинить»⁵.

Обратим внимание на то, что руды, о которых писал Демидов, были открыты не его рудознатоками. Он добивался монополизации доступа к рудникам, где прежде работали люди А. Калитина. Противопоставляя себя и Молодого, он ставил казну перед выбором более перспективного девелопера.

Однако к властям обращался не только Демидов, но и его конкуренты. К последним профильные учреждения относились прохладнее. Им не препятствовали, но не спешили и помогать. Показателен ответ Берг-коллегии одному из таких – родному брату Никиты Демидова Семену Антюфееву, просившему о даче ему указа вести разведку руд⁶. Такой указ (после публикации Берг-привилегии, по сути, не нужный) был ему дан, но всего на год и без стимулирующих льгот.

И.И. Голиков сохранил рассказ, содержащий оценку Петром личности и трудов Демидова:

«...Когда граф Апраксин однажды сказал Государю: хорошо б было, ежели б таких, каков Демидов, было у тебя человек десятка два. Я бы счастливым себя почел, отвечал на сие Государь, ежели б было таких пять—шесть или и меньше» [Голиков, с. 208].

Нам неизвестно, насколько точно переданы сказанные слова (если они вообще прозвучали). Но значение для Петра вопроса кадров они отразили выпукло. Царь посылал россиян за границу учиться мастерствам и сам им учился. Не меньшее значение, чем специалисты, имели для него и управленцы – лица, которым на практике предстояло заняться грезившимися ему преобразованиями. В Демидове мастер и управленец совместились.

6.

Кадровый голод отмечаем и в текстильной промышленности. Характер применявшихся в ней технологий, как и в металлургии, делал возможным разделение труда, что позволяло создать крупное производство в мануфактурной его форме. Государство стремилось привлечь частных лиц и в эту отрасль. Круг привлеченных оказался шире, чем в металлургии. Это обусловил ряд причин, в том числе то, что российская текстильная промышленность развивалась в условиях конкуренции с европейской, тогда как металлургия давления импорта не испытывала. В текстильном производстве норма прибыли была ниже, что замедляло развитие. Превращение их производства в крупное могло происходить путем соединения капиталов. Но купцы желание вступить в компанию испытывали нечасто, что ставило перед государством – инициатором их соединения – трудную задачу сое-

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 0816. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 94. Л. 704.

динить элементы, не обладавшие природной адгезией. В связи с этим в его действиях отмечаем приемы, которые с одной стороны, стимулировали соединание, с другой – противостояли нежеланию соединяться.

Чего добивалось правительство, вмешиваясь в развитие крупной текстильной промышленности, видно из указов, дававшихся их владельцам, содержателям, управляющим. В качестве примера обратимся к истории Московского полотняного, скатертного и салфеточного завода. В указе от 28 февраля 1711 г. его собственник не назван. В нем сообщается, что государь указал этот завод, относящиеся к нему дворы, мастеров иноземцев и обученных русских людей «отдать купецким людям, которые торгуют на Москве, а в отъезды никуда не едят»⁷. Логично предположить, что передаваемый завод – казенный. В принципе, это не обязательно так. Вплоть до 1-й четверти XVIII в. по отношению к другой мануфактуре, металлургической, широкое распространение имела практика, когда частным лицам разрешалось строительство заводов и пользование ими в течение «урочных лет», по истечении которых завод изымался в казну. Однако Московский полотняный завод был казенным изначально⁸. Заключить это позволяет акт от 26 февраля 1718 г.⁹ – доношение фабрикантов, пункты которого получили высочайшие резолюции. Напомнив, что завод был отдан им по указу в собственный «промысл», фабриканты заявили, что его «по возможности... содержали». «И ежели, – продолжали они, – Ваше Пресветлое Величество то полотняное и скатертное и салфеточное дело укажете нам содержать и произвести своим иждивением, необходимо...». Обрываем цитату, т. к. главное сказано. Содержатели завода рассматривают дальнейшие свои отношения с заводом в зависимости от того, укажут им его содержать или нет. Так можно писать только о том, что отдано в управление. В данном случае – за право извлекать из эксплуатации предприятия прибыль.

В металлургии вариации на тему возмездного временного управления заводом, который в дальнейшем уйдет в казну, наблюдаем неоднократно. Удивления у предпринимателей эта схема не вызывает. Близкую обсуждал в Сибирском приказе Демидов в 1697 г. Среди условий, на которых он не исключал своего участия в управлении сибирскими заводами (еще не существовавшими): «А держать бы ему те заводы 10 лет на себя, а после со всякими снастьми взять в государеву казну» [Кафенгауз, с. 86]. Возникали и более сложные комбинации. Например предложенная Демидову в 1710 г. с целью подвигнуть его на строительство медеплавильного завода в Кунгурском у.: он строит его на казенные средства, часть (большую) меди отдает в казну, часть оставляет себе, за труды получает жалование и гарантии, что все это до его кончины «отторгнуто никем не будет» [Кафенгауз, с. 157]. Обещание передать завод по смерти наследникам не дается. Вполне соглас-

⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2324.

⁸ К казенным фабрикам относил его и П. Г. Любомиров [Любомиров, с. 69].

⁹ ПСЗ. Т. 5. № 3174.

ны с Б.Б. Кафенгаузом, полагавшим, что перечисленные условия «скорее свидетельствуют о государственном поручении, чем о праве собственности» [Кафенгауз, с. 157].

Как видим, в петровский период государство подходило к развитию крупной промышленности в разных отраслях единообразно: по крайней мере, часть казенных мануфактур пыталось передать в управление частным лицам. Причина оставалась той же, что и полвека ранее, в 1649 г., когда отписанный на государя завод компании А.Д. Виниуса был почти сразу снова передан в частные руки. Управленцев, хорошо знавших заводское производство, в распоряжении казны хронически не хватало.

7.

В упоминавшемся указе от 28 февраля 1711 г. об отдаче Московских плотняных заводов перечислено, к чему их содержателям следует стремиться: производство должно расширяться, оно должно быть прибыльным, развивать завод следует на свои средства¹⁰. И далее: «...А буде они оной завод радением своим умножат и учинят в нем прибыль, и за то они от Него великаго Государя получают милость; а буде не умножат и нерадением умалят, и за то на них, и которые будут с ними в товарищах, взято будет штрафу по тысяче рублей на человеке». Перед нами критерий оценки содержателей. Сумеют расширить производство и сделать его прибыльным — получают милость, в противном случае (не умножат, а умалят) — к ним будут применены санкции: произведен денежный начет.

Как видим подход тот же, что был применен к Демидову. Привилегии в 1701 г. он получил «за ево знатную службу, что он построил новые железные заводы своими деньгами и проторми бе[з] споможенья и дачи дворцовых крестьян, как преж сего давали к таким же заводам в разных местех и в городех иноземцом, и что он при иноземцах, которым многие дворцовые крестьяне к заводам даны, у железа и у всяких воинских железных припасов цены убавил» [Кафенгауз, с. 495]. (Упомянута и денежная субсидия, но как отвергнутый вариант: сказано, что заводы передаются во владение вместо нее¹¹.)

Оплата управленческого труда, возможность распоряжаться всей или частью продукции, передача основных средств производства в длительное пользование или собственность — все это пряники. А кнут?

Санкции для содержателей текстильных и металлургических заводов различались. В случае текстильного производства задача состояла не в том,

¹⁰ ПСЗ. Т. 4. № 2324.

¹¹ Дословно: «железными ево заводы, которые ему даны на двадцать лет вместо денежного жалованья, владеть впрок безсрочно» [Кафенгауз, с. 495]. Обратим внимание на двусмысленность выражения: в зависимости от того, где поставить запятую — после слов «жалованья» или «лет» — компенсацией отказа будет владение заводом в течение 20 лет (первый вариант) или бессрочное.

чтобы заставить промышленника переменить место приложения сил. Петровские текстильные заводы концентрировались преимущественно в крупных городах, и никто их владельцев оттуда не вытеснял. С них требовали расширения производства и улучшения качества продукции. Кнутом выступали штрафы. Этот способ стимулирования был жестче, чем примененный в 1702 г. к Демидову. Но учтем, что у Петра уже сформировалось приязненное отношение к нему, что царь, возможно, надеялся вынудить его принять решение самостоятельно. С такими, как компаньоны, получившие Московский полотняный завод, действовали менее церемонно.

Можно было стимулировать положительно – дать льготу. Можно отрицательно – наказать. Но преобразования рождали и промежуточные варианты. Таким являлось условное пожалование: обещание предоставить льготу при выполнении некоторого условия. Пример демонстрирует резолюция на просьбы московских текстильных фабрикантов от 26 февраля 1718 г. В ней просимое ими запрещение привоза дешевого полотна из-за границы обусловлено получением от них известия, что собственного их полотна «для расхода достаточно будет»¹².

8.

Размышляя над сочетанием уникального и типичного в историях промышленных хозяйств металлургов и текстильных фабрикантов, присмотримся пристальнее к обстоятельствам ухода Демидова на Урал.

Вот как описывает ключевые для его «исхода» события Б.Б. Кафенгауз:

«В том же 1701 г., 21 июня, у Демидова было отнято право на рубку леса в Щегловской засеке, так как в ней было много дуба и других деревьев, пригодных для кораблестроения. Лишение Тульского завода топлива явилось толчком к ходатайству Демидова о получении завода на Урале» [Кафенгауз, с. 90].

Эта цитата отражает устоявшиеся представления о том, что подтолкнуло Демидова к решительному шагу: получив льготу и лишившись ее, он запросился туда, где сырьевых ресурсов было в избытке. По сути то же пишет, например, Х. Хадсон: после запрета рубить засечный лес «производство и прибыль упали», вследствие чего Демидов «стал всерьез задумываться о переезде на Урал» [Хадсон, с. 26].

В Сибирский приказ Демидов обратился в феврале 1702 г. Причина взятой им полугодовой паузы на первый взгляд понятна: пользуясь тем, что угля в Туле заготовлено много¹³, ждал пуска уральских заводов. Верхотурский (он же Невьянский) завод первый чугуна дал в декабре 1701, первое железо – в январе 1702. Получив сообщения о пуске, Демидов сразу обратился с прошением о передаче.

¹² ПСЗ. Т. 5. № 3174.

¹³ Позже, удивившись малости запаса сырья на уральском заводе, он упомянет, что в Туле имеет угля намного больше [Кафенгауз, с. 111].

Но, думаю, известий с Урала было для принятия решения недостаточно. Нужны были события, перечеркивавшие тульский вариант. Уверен, что ситуацию с лесом абсолютно безнадежной он первоначально не считал. Опасаться «лишения Тульского завода топлива» не приходилось. Его завод работал на покупном угле уже шесть лет, и мог работать так и впредь. Возможно, что Демидов не исключал возвращения ему освоенного куска засеки. Но к февралю 1702 г. выбор им был все же сделан, и не в пользу Тулы. Что же произошло?

27 марта 1702 г. был издан указ, объявивший заповедными «леса от Орла до Нижнего по обе стороны Оки-реки со стороны по пятидесяти верст: дуб, клен, вяз, ясень, сосна, карагич, лиственница и иные, которые на корабельное и на мачты и иных морских судов на строение надобны». Эти леса запрещалось рубить, а уже срубленное — «имать»¹⁴. Фактически все леса в указанных границах становились заповедными, независимо от того, кому принадлежали.

Этим указом Петр объявлял абсолютную приоритетность кораблестроения. Потребности металлургии отступали на второй план. Надеяться в новой ситуации добиться для себя особых условий было проблематично, добиться их быстро — невозможно.

Демидов, несомненно, получал инсайдерскую информацию из московских приказов. (Об этом говорит уже то, как быстро после пуска уральских заводов он попросил один из них ему передать — несомненно, он узнал о пуске сразу же, как только весть прибыла в Москву). Демидов об ограничении лесопользования мог узнать еще до указа. Не обязательно даже предполагать, что ему об этом шепнули в приказе — вряд ли подготовка этого документа скрывалась. Не исключено, что услышал об этом он непосредственно от Петра.

Указ о лесах состоялся 27 марта — вполне вероятно, что в феврале он уже обдумывался. Базирование на тульской площадке привлекательность теряло, на уральской — напротив, обретало реальность и привлекательность. Как следствие, 10 февраля 1702 г. Демидов бил челом в Сибирском приказе об отдаче ему Верхотурского железного завода.

Не приходится сомневаться, что он радовался своей дальновидности, когда в июне 1702 г. появился еще один указ, развивавший предыдущий: об описании лесов Тульского уезда. В ходе его исполнения было учтено 249 лесных участков¹⁵. Для местных металлургов оставались доступными лишь худшие из них. Но Демидова это волновало уже мало.

Расчет Демидова оправдался. После снятия петровских ограничений тульские леса стремительно сокращались. Около 1790 г. в губернии было 473 тыс. десятин леса, в 1900-м частновладельческого — всего лишь 216 тыс. десятин [Борисов, с. 16]. Закрытие большинства металлургических заводов динамику, если и замедлило, тренд не изменило.

¹⁴ Постановления Петра Великого о заповедных лесах // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. 1859. Кн. 6. Отд. 9. СПб., 1859–1861. С. 1–2.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 14241. Л. 500–554. См. так же [Юркин, 2020, с. 99, 100].

Как видим, хотя как в металлургической, так и в текстильной отраслях промышленности в петровскую эпоху существовало крупное производство в форме мануфактуры, положение в них различалось. Монарх и правительство пытались влиять на эти исторически и окказионально сложившиеся различия. В общем случае их вмешательство можно описать как политику кнута и пряника, хотя это слишком приблизительный способ описания, чтобы, прилагая его, выявить значимые процессы и подоплеку. Регулирующие преобразования воздействия со стороны государства были разнообразны, действия нередко ситуативны. Кроме того, действовали факторы, прямого отношения к экономике не имевшие, носившие субъективный характер.

Литература

- Борисов В.М.* Культура поля // Живописная Россия. СПб.; М., 1900. Т. 7. Ч. 1. С. 13–34.
- Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. М., 1843. Т. 15. 799 с.
- Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 524 с.
- Космовская А.А.* Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2015. 254 с.
- Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М.: Госполитиздат, 1947. 763 с.
- Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 540 с.
- Хадсон-мл. Х.Д.* Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. СПб.: Свое издательство, 2014. 116 с.
- Юркин И.Н.* Водный тракт Куликова поля. Тула: Куликово поле, 2020. 182 с.
- Юркин И.Н.* Демидовы: Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2017. 447 с.

References

- BorISOV V.M. Kul'tura polya // *Zhivopisnaya Rossiya*. SPb.; M., 1900. T. 7. Ch. 1. Pp. 13–34.
- GolIKOV I.I. Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennyye po godam. Izd. 2-e. M., 1843. T. 15. 799 p.
- KafENGauZ B.B. Istoriya hozyajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv.: Opyt issledovaniya po istorii ural'skoj metallurgii. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. T. 1. 524 p.
- KosMOVskaya A.A. Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikam'e v konce XVI–XVII vv. Diss. ... kand. ist. nauk. Perm', 2015. 254 p.
- LyubOMIROV P.G. Oчерки po istorii russkoj promyshlennosti XVII, XVIII i nachala XIX v. M.: Gospolitizdat, 1947. 763 p.
- PavlenKO N.I. Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoy polovine XVIII veka: Promyshlennaya politika i upravlenie. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 540 p.
- HADSON-ml. H.D. Pervye Demidovy i razvitie chernoy metallurgii Rossii v XVIII veke. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2014. 116 p.
- Yurkin I.N. Vodnyj trakt Kulikova polya. Tula: Kulikovo pole, 2020. 182 p.
- Yurkin I.N. Demidovy: Stoletie pobed. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 447 p.

Igor N. Yurkin

*S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

GINGERBREAD AND A WHIP, OR WHY NIKITA DEMIDOV MOVED TO THE URALS

The modernization of Russian industry in the Petrine era is viewed from the side of the methods by which the state tried to direct and stimulate it. The article draws on the material on the history of industrial sectors, which in the period under review were priority for the state – primarily, mining and metallurgical and textile. A specific episode is analyzed: N.D. Demidov's transfer of the center of his industrial economy to the Urals. Shown is a combination of the impact on the entrepreneur of encouragement and coercion. The reasons for making a risky decision by him have been clarified.

Keywords: *metallurgy, textile industry, state policy, N. D. Demidov, Tula, the Urals.*

А.О. Ястребов
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Между Венецией, Стамбулом и Санкт-Петербургом. Новые данные о шаутбенахте И. Боцисе

В работе изучены архивные данные о малоизвестном периоде жизни Ивана Боциса (1700–1702 гг.), непосредственно предшествовавшем его переходу на русскую службу.

Боцис сыграл не последнюю роль в военных успехах России в период Северной войны, поэтому заполнение лакуны в его послужном списке представляет особый интерес.

Хотя он известен в первую очередь как военачальник и флотоводец, на основании изученных данных видно, что он стремился преуспеть и в мирной профессии, торговом деле. Причем, не только как купец, но и как координатор коммерческой активности своих соотечественников для частной и государственной пользы.

Ключевые слова: Иван Боцис, Дмитрий Боцис, П.А. Толстой, Венеция, Нафплион, консульство

В настоящем сообщении будут приведены некоторые новые данные, позволяющие добавить штрихи к портрету Ивана Боциса (+ 1714 г.), шаутбенахта (контр-адмирала) русского галерного флота. Уроженец Пелопонесского Нафплиона (венец.: Napoli di Romania), перешедшего в результате Первой Морейской войны (1684–1699 гг.) вместе со всем полуостровом под власть Венеции, он представлял один из местных знатных родов, которые сотрудничали с венецианцами в течение очередного многолетнего противостояния с Османской империей¹.

За его заслуги в ходе завоевания полуострова (Мореи – как Пелопоннес назывался в Европе) он получил от венецианцев титул графа, благодаря чему сумел войти также в городские магистраты Мистры и Коринфа. Эти структуры были введены венецианцами в ходе реорганизации городских общин королевства (такой титул получила новоприобретенная территория) по примеру других венецианских провинций.

¹ Относительно происхождения Боциса имеется и другая точка зрения. В.Н. Берх и вслед за ним М. Корти полагают, что он являлся уроженцем Далмации, что не подтверждается венецианскими источниками и словами самого Боциса [Берх, 1831, с. 221; Corti, 2013, с. 3; Οικονόμου, 1991, σ. 455].

Во время войны Боцис неоднократно принимал участие в сухопутных и морских операциях против османов². Так, он участвовал во взятии Аргоса (29 августа н. ст. 1686 г.), отличился при высадке на Хиос и даже был там тяжело ранен (сентябрь 1694 г.), неоднократно принимал участие в защите Истмийского перешейка от нападений турок, причем содержал за свой счет еще трех солдат. Также Боцис неоднократно оказывал администрации услуги как переводчик, поскольку знал итальянский, греческий, славянский (вероятно, сербский) и турецкий языки³. Эти сведения были предоставлены чиновниками венецианской администрации, в частности капитан-генералом (то есть командующим флотом) Светлейшей республики Антонио Дзено, который сменил в 1694 г. скончавшегося дожа Франческо Морозини⁴.

Наконец, и это важно для темы настоящего доклада, сам он в письме на имя дожа (о котором речь пойдет ниже) утверждает, что способствовал сбору налогов, вероятно, еще в ходе боевых действий, благодаря чему они выросли на 10000 реалов.

Эти факты можно сопоставить с автобиографией Боциса, которая с его слов была записана по его приезду в Россию (1703 г.). Он сообщает, что служил республике 17 лет, что как раз совпадает с периодом от начала Морейской войны (1684 г.) по 1702 г., когда он начал искать возможность уехать в Россию [Елагин, 1866, с. 1]. Право сбора налогов он также упоминает и сообщает сумму – 200000 ефимков, которые ему удалось собрать тогда с островов Эгейского моря. Причем, употребляется термин «гарач», разновидность дани с христиан в Турции. Действительно, в отличие от упомянутого им в письме дожу увеличения собираемости налога с новых граждан Венеции в Море, здесь речь идет о сборе дани с жителей Эгейского архипелага, то есть подданных Османской империи. Что-то больше похожее на насильственный отъем денег, тем более что тут же добавлено: «имея и разбойников всех под своим покорством»⁵. А, может быть, «под командой»? В этом же документе про них упоминается еще раз: «И разбойники островов имея все к нему любовь как услышат о нем, будут приходить в службу великому государю, как и иные многие донныне учинили» [Елагин, 1866, с. 2]. Вполне вероятно, что его деятельность на венецианской службе и заключалась в каперских набегах на суда, ходившие под флагом Османской империи, и/или пиратство в прибрежных зонах островов, а термин «разбойник» нес положительную коннотацию, подобно «клефту» в эпоху борь-

² ASVè. V Savi alla Mercanzia. Busta 26. Quad. 215 (Mem. Merc.) и ASVè. Senato Mar. Filza 755. 1700, 2 Sett.

³ Ibid. Ср.: ASVè. V Savi alla Mercanzia. Nuova serie. Busta 44. Quad. 196 и [Берх, 1831, с. 228].

⁴ Ibid. Дзено через пять месяцев после захвата острова был выбит турками с Хиоса, отдан за это под суд и умер в тюрьме в 1697 г.

⁵ РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об. У Елагина описка – 20000 ефимков: [Елагин, 1866, с. 2].

бы Греции за независимость. В целом заметна нестыковка между двумя его биографическими справками и дальше мы увидим еще другие.

Венецианский период его жизни заканчивается в 1702 г., когда он встречается в Адрианополе с П.А. Толстым и решается перейти на русскую службу. Сам процесс перехода напоминал скорее побег, потому что Иван Боцис и его товарищ Георгий Дасколи были под подозрением у венецианских и османских властей⁶.

Дальнейшая его судьба известна и описана в русских источниках [Берх, 1831, с. 221–239]. Граф Иван получил чин шаутбенахта и был поставлен во главе русского гребного флота на Балтике, который ему предписывалось прежде еще организовать. Он отлично справлялся со своими обязанностями, оказывая поддержку сухопутным частям российской армии. В его окружении были многие из тех, с кем он был знаком по службе в венецианском войске из греков, славян и итальянцев [Берх, 1831, с. 228; Corti, 2013].

Сохранилось несколько писем Боциса к царю [Берх, 1831, с. 223–226]⁷ и Петра к графу [Берх, 1831, с. 233–234]⁸. Государь благоволил к контр-адмиралу, и при бракосочетании его с Екатериной тот был посаженным отцом жениха. Царь даже написал ходатайство перед венецианскими властями, к которому был приложен мемориал самого шаутбенахта, просившего себе и своим родственникам милостей от властей Серениссимы⁹.

Иван Боцис скончался в Санкт-Петербурге в мае 1714 г. После его смерти Петр в знак памяти и уважения к соратнику пожелал оставить себе шпагу флотоводца [Берх, 1831, с. 238]. Его вдова, Полихрония, получила пожизненный пенсион в 300 рублей годовых и 120 рублей на наём квартиры, а дочери выплачивались 500 рублей в год до замужества. Впоследствии она вышла замуж за Андрея Кассиса, еще одного венецианского грека, пытавшегося возобновить русское консульство в Венеции [Ястребов, 2018, с. 163–164]. А основано оно было в 1711 г., и первым консулом стал родной брат Ивана Дмитрий Боцис (в должности – 1711–1722 гг.), в каком-то смысле осуществивший мечту самого графа, который по окончании войны пытался таким образом начать свою гражданскую карьеру [Ястребов, 2018, с. 162–163]. Об этом-то эпизоде настоящее сообщение.

Итак, в фонде совета «Пяти мудрецов над торговлей» (Magistrato di Cinque Savi alla Mercanzia) Венецианского государственного архива под

⁶ См.: об этом эпизоде подробнее: [Ястребов, 2018, с. 153–156, 165–171, 291–295].

⁷ ПБПВ, Т. 13. Вып. 1. С. 425; Вып. 2. С. 438.

⁸ ПБПВ, Т. 4. Вып. 1. С. 251; Т. 5. С. 176–177; Т. 9. Вып. 1. С. 491; Т. 10. С. 119; Т. 12. Вып. 1. С. 191–193; Т. 13. Вып. 1. С. 173–174, 426.

⁹ ПБПВ, Т. 5. С. 39. Мемориал Боциса переведен на русский язык и частично опубликован (ПБПВ, Т. 5. С. 588–589). Из прилагающейся к нему сопроводительной записки из Польского приказа явствует, что написанию царского ходатайства способствовал С. Рагузинский, но письмо не было отправлено, поскольку приказные дьяки засомневались, можно ли отправлять царскую грамоту с мемориалом, написанным не царем. Была ли отправлена в конце концов эта грамота, неизвестно, но в фондах Государственного архива Венеции она не отложилась.

19 июня 1700 г. отложилось письмо Ивана Боциса, в котором он ходатайствует перед властями об открытии в столице королевства Морей, своем родном Нафплионе, консульства для греков — подданных Высокой Порты¹⁰. Он не только приводит доводы в пользу необходимости основания консульства, но и предлагает себя в качестве его главы, аргументируя это как своим знанием тех краев, откуда прибывают греческие купцы, так и их желанием видеть его в качестве своего торгового представителя. В самом прошении он говорит о себе сравнительно немного, зато в двух отзывах — от 9 июля 1700 г. (от совета депутатов по экономическим вопросам королевства Морей) и от 25 августа того же года (от совета Пяти мудрецов) приводятся как аргументы в поддержку открытия консульства, так и характеристика просителя¹¹. Отсюда становятся известны некоторые подробности его военной карьеры на венецианской службе, которые уже приведены выше.

Если на Корфу греческое консульство действовало со времени Кандийской войны (1645—1669), то для новоприобретенного торгового узла открытие нового торгового представительства было также весьма кстати, особенно по той причине, что там уже имели свои конторы консулы Англии и Генуи, управлявшие коммерческим потоком в интересах своих государств¹².

Отметим, что генеральный морской проведитор (так назывался глава гражданской администрации королевства), как и власти Корфу, не затруднялись тем фактом, что вообще-то греки были подданными султана, и если уж говорить об открытии консульства, то тогда османского, а не греческого [Οικονόμου, 1991, с. 436]. Кроме того, выглядит необычно, что инициатива и в случае с Корфу, и в случае с Нафплионом исходит не от Порты или хотя бы ее подданного, а от подданного республики¹³. Конечно, такие прецеденты подчеркивали особое отношение венецианцев, которые предоставляли грекам как бы отдельную, независимую от османов экономическую нишу, что не могло не способствовать в перспективе росту их национально-го самосознания и стремления к независимости.

Переписка центральных властей со своим капитан-генералом Джакомо Корнером привела к открытию консульства. Вот только его главой в том же

¹⁰ ASVè. V Savi alla Mercanzia. Nuova serie. Busta 44. Quad. 196. F. 3—4. Опубликовано: [Οικονόμου, 1991, с. 455].

¹¹ ASVè. Senato Mar. Filza 755. 1700, 2 settembre, ASVè. V Savi alla Mercanzia. Registri. Reg. 167 (Risposte). F. 65—67.

¹² Ibid.

¹³ В конце концов, эта двусмысленность приведет к изменению названия консульства в Нафплионе, которое по рекомендации совета Пяти мудрецов будет называться «торговым агентством». Цель была понятна — рано или поздно турки потребовали бы обычного права самим назначать консулов для своих подданных [Οικονόμου, 1991, с. 447; Pedani, 2007, с. 196—197].

1700 г., несмотря на все положительные характеристики, полученные от чиновников, был назначен не Иван Боцис, а некий Афанасий Зигомалас.

При этом в начале следующего, 1701 г., имя Боциса вновь всплывает в венецианских источниках и опять в качестве кандидата на должность консула, однако на сей раз на островах Эгейского архипелага – Кикладах и Спорадах, местах его бывших военно-коммерческих предприятий по сбору «гарача». Был ли это своеобразный «план Б» после неудачи с назначением на место консула Нафплиона или Боцис сам посчитал второе место более выгодным с коммерческой точки зрения, сказать трудно¹⁴.

Интересно вновь сопоставить эту информацию с данными, которые он сообщает в Посольском приказе: «учинили его консулом на всех островах Архипелажских, дав под власть его все корабли и капитанов и рядев, сиречь судитов принципских, которые в те острова приходили; <...> [Боцис] объезжал острова на каторгах и кораблях для сбора гарачю с островов...» [Елагин, 1866, с. 1]¹⁵. Отсюда видно, что Боцис в Москве хронологически меняет местами события войны и мира, ибо он прежде осуществлял военные действия на островах архипелага, в том числе занимался там сбором контрибуций, а после конфликта был утвержден там консулом, но, конечно, его полномочия не могли быть такими обширными, как он описывает, тем более, что он вообще не вступил в должность, о чем умалчивает.

Таким образом, основание этого нового консульства опять является инициативой энергичного графа¹⁶. Он вновь пишет властям, перечисляя выгоды от его открытия – продукция островов, в частности, шелк, в прямом смысле слова поплывет на венецианский рынок. Мнение совета Пяти мудрецов и здесь было положительным: 24 февраля 1701 г. Боцис был назначен консулом Киклад и Спорад¹⁷.

¹⁴ Однозначно можно лишь утверждать, что предположение, будто Боцису было отказано в месте по причине наличия в Нафплионе консулов Англии и Генуи, которые активно взаимодействовали с греческими купцами – подданными Порты, неверно [Signori, 2017, p. 133]. Напротив, совет Пяти мудрецов как раз подчеркивает, что консульство «могло бы принести хорошие плоды, то есть сбалансировать в этом городе торговые потоки, поскольку иностранные консулы, как можно думать, направляют их в другие места» (ASVè. V Savi alla Mercanzia. Registri. Reg. 167 (risposte). F. 67). Тем более, что назначение в это же самое время Зигомаласа как раз доказывает, что венецианцы хотели открыть это консульство.

¹⁵ У Елагина пропущено слово «рядев», вместо него стоит многоточие. Ср.: РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1702. Оп.1. Ед.хр. 32. Л. 2 об. Странно, что Боцис употребил слово «райя», которым обозначают как раз христиан – подданных Османской империи, а не «судитов принципских», то есть граждан Венеции.

¹⁶ ASVè. Senato Mar. Filza 757. 1700 (more veneta), 24 febbraio. Попытки получить консульскую юрисдикцию на разных островах архипелага после окончания Морейской войны делались и до Боциса. Так, в 1700 г. Николо Спиридо просил назначить его за заслуги перед республикой консулом на о-ва Парос и Иос. Тогда же с просьбой о назначении консулом на о-ва Парос и Наксос обращался Джорджо Кондилис [Signori, 2017, p. 130–132]. Повидимому, универсальный проект Боциса звучал убедительнее, а его личность показалась властям надежнее, и в результате искомое разрешение получил именно он.

¹⁷ ASVè. V Savi alla Mercanzia. Registri. Reg. 167 (risposte). F. 98–99.

С середины XVII века в столице республики действовало консульство Эгейского архипелага, и представительство Боциса должно было восполнить недостаток организации торговли с другой стороны [Οικονόμου, 1991, с. 437–439].

Оставалось получить разрешение Стамбула, «берат» – фирман на ведение консульской деятельности. Но прежде, чем отправиться в Турцию, грек позаботился о назначении своих вице-консулов, что указывает на то, что он задумал построить целую сеть торговых представительств Венеции на островах Эгейского моря и, как следствие, создать собственную клиентскую сеть¹⁸.

В это же самое время (9 июля н. ст. 1701 г.) совет Пяти мудрецов отправляет две депеши – одну генеральному морскому провектору Даниэлю Дольфину, а другую – байюлу¹⁹. Лоренцо Соранцо в Константинополь с сообщением о том, что Боцис избран консулом, и просьбой содействовать в получении «берата», а также прилагает его патент [Signori, 2017, p. 133, nota 100].

Однако поспешность Боциса сыграла с ним злую шутку. Он нарушил заведенный порядок и, не получив еще ни венецианского патента, ни тем более османского «берата», выписал несколько патентов вице-консулов, что, во-первых, было недопустимо по законам республики – должности вице-консулов там также утверждались на государственном уровне, а, во-вторых, могло создать излишнюю внешнеполитическую напряженность в отношениях с Османской империей.

Дальнейшая история известна из донесений венецианского байюла Л. Соранцо и посла России в Турции П.А. Толстого. Прежде чем новости о назначениях вице-консулов дошли до Венеции и там приняли решение аннулировать консульский патент Боциса, в июле 1702 г. он отправился в Стамбул для получения «берата» [Corti, 2013, с. 4].

16 ноября 1702 г. венецианский сенат написал Соранцо с требованием отобрать у Боциса консульский патент, объясняя это его самовольной раздачей патентов вице-консулов²⁰.

Байюл в депеше от 24 января 1703 г. сообщает, что Боцис прожил долгое время в посольском доме, а затем попросил у него разрешения поехать в Адрианополь, якобы за тем, чтобы с помощью знакомых добиться получения «берата», но тут же сообщает, что тот «имел целью совершенно иное <...> он уехал, будучи тайно вызван министром Московии, и увел с собой Дзордзи Дасколи, капитана бомбардиров-корфиотов...» [Ястребов, 2018, с. 291].

¹⁸ Так, например, 7 июля н.ст. 1701 г. он выдал патент вице-консула на о-ве Китнос некоему Антонию Гликофридису [Οικονόμου, 1991, с. 443, σφ. 20; Signori, 2017, p. 134, nota 101].

¹⁹ «Байюл» – официальный титул посла Светлейшей республики в Константинополе.

²⁰ ASVè. Senato. Deliberazioni. Costantinopoli. Registri. Reg. 36. F. 59–59 r.

Действительно, все так и было. Дасколи, в самом деле, первым встретился с Толстым, узнав, что тот занимается наймом военных на русскую службу²¹, и посоветовал послу написать Боцису. 5 октября ст. ст. 1702 г. Толстой пишет графу с приглашением прибыть к нему, причем говорит: «соизволяешь служителем быти пресветлейшему и державнейшему великому государю моему всемилостивейшему»²². Это означает, что Дасколи был, скорее всего, направлен Боцисом для установления контакта с Толстым и предложения услуг, что, в свою очередь, доказывает, что еще до получения из Венеции официального сообщения об аннулировании своего патента, грек уже все понял, и сразу по приезде российского посла в Адрианополь (29 августа н. ст. 1702 г.) воспользовался случаем и через посредника вошел с ним в контакт с целью перейти на русскую службу.

* * *

Так в Османской империи началась российская карьера несостоявшегося консула Венеции в Нафплионе и Эгейском архипелаге графа Ивана Федосеевича Боциса, как его звали в России.

Хотя в депешах Л. Соранцо слышится раздражение в адрес Боциса, и такое же отношение было, наверняка, у центральной власти, в целом скандал был улажен. Патент его по счастью остался в канцелярии посла, а патенты вице-консулов были у них отобраны [Ястребов, 2018, с. 295].

Однако семейство Боцисов не рассталось с надеждой занять консульскую должность в Венецианской республике. Как уже упоминалось выше, родной брат Ивана Дмитрий в 1711 г. получил от царя Петра патент на осуществление консульских полномочий в Венеции²³. Несомненно, что на это решение царя повлияло близкое родство Дмитрия с его соратником, а, скорее всего, сам он и ходатайствовал об этом. Таким образом, в этот раз можно сказать: «у Боциса получилось стать консулом».

Через тридцать лет зять уже умершего к тому времени Ивана Боциса Андрей Кассис будет писать из Венеции на имя Иоанна Антоновича с просьбой возобновить русское консульство в Венеции. Хотя его просьба будет оставлена без внимания [Шмурло 1897, с. 22, 26], консульство вновь откроется при Екатерине II и просуществует до 30-х годов XIX века.

Архивные данные об активности будущего героя Северной войны, ближайшего сподвижника Петра I, шаутбенахта Ивана Боциса накануне его перехода на русскую службу дополняют его портрет новыми чертами. Мы видим не просто «солдата удачи», но предприимчивого человека своей эпохи с новаторскими способностями, который мыслит по государственному, предлагая правительству перспективные проекты. Его желанию строить гражданскую карьеру в области торговли не суждено было сбыться: темпе-

²¹ РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1703. Ед. хр. 2. Л. 198 об.–199.

²² Там же. Л. 199.

²³ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 111.

рамент опережал темпы делопроизводства осторожных венецианцев, поэтому вскоре он вновь вернулся в привычную для себя стихию войны, в этот раз на своей третьей родине – в России.

Литература

- Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории русского флота. СПб., 1831. Ч. 1. 354 с.
- Елагин С.И.* Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702–1725. СПб., 1866. Т. III. 749 с.
- Шмурло Е.Ф.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. // Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев. 1897. № 1. Приложение.
- Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М.: Познание, 2018. 390 с.
- Corti M.* Capitan «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico // Collana Sism. 2013. № 1.
- Οικονόμου Μ.* Το Προξενείο του Αρχιελάγου στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο // Παρουσία 7 (1991). Pp. 433–481.
- Pedani M.P.* Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna // Mediterraneo in armi [secc. XV–XVII] / a cura di R. Cancilia. Quaderni-Mediterranea. 4/1. Palermo, 2007. Pp. 175–205.
- Signori U.* Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Università degli studi di Milano. 2017

References

- Berh V.N.* Zhizneopisanija pervyh rossijskih admiralov, ili Opyt istorii rossijskogo flota. Ch. 1. SPb., 1831. 354 p.
- Corti M.* Capitan «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico // Collana Sism. № 1. 2013.
- Elagin S.I.* Materialy dlja istorii russkogo flota. Baltijskij flot 1702–1725. SPb., 1866. T. III. 749 p.
- Οικονόμου Μ.* Το Προξενείο του Αρχιελάγου στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο // Παρουσία 7 (1991). Pp. 433–481.
- Pedani M.P.* Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna // Mediterraneo in armi [secc. XV–XVII] / a cura di R. Cancilia. Quaderni-Mediterranea. 4/1. Palermo, 2007. Pp. 175–205.
- Signori U.* Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Università degli studi di Milano, 2017.
- Shmurlo E.F.* Otchet o zagranichnoj komandirovke osen'ju 1897 g. // Uch. zap. Imp. Jur'evskogo un-ta. Jur'ev. 1897. № 1. Prilozhenie.
- Yastrebov A.O.* Russko-venecijskie diplomatičeskie i cerkovnye svjazy v jepohu Petra Velikogo. M.: Poznanie, 2018. 390 p.

Alexey O. Yastrebov

*Center for the History of Religion and Church of the Institute of Russian History
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

BETWEEN VENICE, ISTANBUL AND ST. PETERSBURG. NEW DATA ON SHAUTBENAKHT I. BOZZIS

The work examines archival data about the period (1700–1702), immediately preceding the transition to the Russian service of count Ivan Bozzis.

He played an important role in the military successes of Russia during the Northern War, so filling the gap in his track record is of particular interest.

Although Ivan Bozzis is known as a military leader, a naval commander, based on the data studied, it can be seen that he strove to succeed in a peaceful profession, trade. Moreover, not only as a merchant, but also as a coordinator of the commercial activity of his compatriots for private and public benefit.

Keywords: *Ivan Bozzis, Dmitry Bozzis, P.A. Tolstoy, Venice, Nafplio, consulate.*

Сведения об авторах

- Аваков Петр Ашотович*, кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, старший научный сотрудник (Ростов на Дону, Россия), e-mail: pavaikov@mail.ru
- Агеева Ольга Гениевна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра, Институт российской истории, Российская Академия наук (Москва, Россия), e-mail: culture_iri@mail.ru
- Акимова Анна Сергеевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; доцент кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия), e-mail: a.s.akimova@mail.ru
- Амелёхина Светлана Александровна*, кандидат исторических наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» (Москва, Россия), e-mail: amelsvet@mail.ru
- Андреева Наталия Сергеевна*, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: iskjul@gmail.com
- Андросов Сергей Олегович*, доктор искусствоведения, заведующий сектором в отделе западноевропейского искусства музея «Государственный Эрмитаж» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sandro@hermitage.ru
- Артамонов Владимир Алексеевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр военной истории России, Институт Российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ovara@mail.ru
- Базарова Татьяна Анатольевна*, кандидат исторических наук, заведующая, Научно-исторический архив и группа источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tbazarovs@yandex.ru
- Безжанидзе Георгий Вениаминович*, кандидат богословия, доцент кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: georgy.bezhanidze@gmail.com,
- Беликова Екатерина Андреевна*, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: katiya.iz@gmail.com
- Беляков Андрей Васильевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: belafeb@gmail.com

Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: elbel@list.ru

Болотина Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия), e-mail: bolotina30@rambler.ru

Бородина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, (Екатеринбург, Россия), e-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

Бушкович Пол, Ph. D., профессор исторического факультета Йельского университета (Нью-Хейвен, США), e-mail: paul.bushkovitch@yale.edu

Быкова Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» (Москва, Россия), e-mail: jib78@mail.ru

Великанов Владимир Сергеевич, кандидат экономических наук, Фонд «Русские витязи», эксперт (Москва, Россия), e-mail: vladvelikanov@inbox.ru

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: Varvara_Vovina@mail.ru

Десятков Константин Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Новгород, Россия), e-mail: des-con@yandex.ru

Дуров Иван Герасимович, доктор исторических наук, кандидат военных наук, пенсионер Министерства обороны Российской Федерации (Нижний Новгород, Россия), e-mail: ivan_durov@list.ru

Ермакова Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: ermakovaok@mail.ru

Захаров Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Цифровые гуманитарные исследования» историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. (Челябинск, Россия), e-mail: ELURAL@yandex.ru

Зицер Эрнест, доктор исторических наук, адъюнкт-профессор кафедры славянских и евразийских исследований, Дьюкский университет (Дарем, США), e-mail: ernest.zitser@duke.edu

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Иванюк Сергей Александрович, «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», (Волгоград, Россия) e-mail: mim-volgograd@mail.ru

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия), e-mail: ivonins@rambler.ru

Кабакова Наталья Васильевна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (Омск, Россия), e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Каздагли Нежмеддин, кандидат исторических наук, доцент, Высший институт языков Туниса университета Карфагена (Карфаген, Тунис), e-mail: kaz.nejme@hotmail.fr

Каррас Яннис, доктор истории, Университет Македонии (Салоники, Греция), e-mail: ianniscarras@hotmail.com

Келлер Андрей Викторович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия), e-mail: keller26000@gmail.com

Козлова Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

Козлова Юлия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (Бронницкий филиал) (Бронницы, Россия), e-mail: Sakyлина77@mail.ru

Корусенко Светлана Николаевна, доцент, кандидат исторических наук, заведующая Омской лабораторией археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, заведующая кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: tomil65@rambler.ru

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.kotov@spbu.ru

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: okosheleva@mail.ru

Крашенинникова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: krashennnikova.61@mail.ru

Кротов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st003215@spbu.ru

Купченко Константин Владимирович, кандидат исторических наук; Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент (Смоленск, Россия), e-mail: konstan1977@yandex.ru

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор (Москва, Россия), e-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Лавров Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Сорбонна (Париж, Франция), e-mail: allavrov@yahoo.com

Лизунов Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедры истории, философии и права Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, (Архангельск, Северодвинск, Россия), e-mail: pavelvl@mail.ru

Магарамов Шарафетдин Арифович, кандидат исторических наук, Российская академия наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр, Институт истории, археологии и этнографии, старший научный сотрудник (Махачкала, Россия), e-mail: sharafutdin@list.ru

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, (Ярославль, Россия), e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Марасинова Елена Нигментовна, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук; Национально-исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия), e-mail: lenamarassinova@gmail.com

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, (Москва, Россия), e-mail: tamatt2009@gmail.com

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: mezinsa@mail.ru

Минаева Татьяна Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия), e-mail: mintatiana@yandex.ru

Моисеева Светлана Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела живописи XVIII – первой половины XIX века, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: svetlanamoiseeva@mail.ru

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики России Нижегородского Государственного Университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Нижний Новгород, Россия), e-mail: Alexmoroхин@yandex.ru

Николаева Мария Валентиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва, Россия), e-mail: m-nikol@yandex.ru

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия), e-mail: snikonov-77@mail.ru

Пашков Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия), e-mail: pashkov@petsu.ru

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия), e-mail: alaska13@yandex.ru

Пузанов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск, Россия), e-mail: alan1971@bk.ru

Пулькин Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», доцент Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия), e-mail: mvpulkin@mail.ru

Рамазанова Джамия Нуровна, кандидат исторических наук, доцент; Российская государственная библиотека, зав. Научно-исследовательским отделом редких книг (Музеем книги); Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археографии (Москва, Россия), e-mail: jamiliara@gmail.com

Рогожин Александр Александрович, кандидат исторических наук, Орловский музыкальный колледж, преподаватель (Орел, Россия), e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

- Романова Анастасия Анатольевна*, доктор исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: anastasiya_roman@mail.ru
- Салонилов Николай Вячеславович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области (Новгород, Россия), e-mail: salonikov@list.ru
- Сафонов Михаил Михайлович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник С.-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: m.safonov@list.ru
- Сергеева Галина Ивановна*, старший научный сотрудник сектора «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII – 1-й пол. XIX в. Государственный Русский музей (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: galinapetersburg@mail.ru
- Соколова Наталья Викторовна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: natalia_sokolova@outlook.com
- Сонина Елена Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия) e-mail: sonina@mail.ru
- Станков Кирилл Николаевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: stankov11@yandex.ru
- Старицын Александр Николаевич*, главный библиограф Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: profitens@yandex.ru
- Стерликова Арина Анатольевна*, доцент, к.и.н., доцент кафедры Истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: arinast@mail.ru
- Сукина Людмила Борисовна*, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, Институт программных систем Российской академии наук (Переславль-Залесский, Россия), e-mail: lbsukina@gmail.com
- Суториус Константин Владимирович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sutorius@mail.ru

- Талалай Михаил Григорьевич*, Институт всеобщей истории Российской академии наук, (Милан, Италия; Москва, Россия), e-mail: talalaym@mail.ru
- Трефилов Евгений Николаевич*, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия), trefilov74@mail.ru
- Тюхменева Екатерина Александровна*, кандидат искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, старший научный сотрудник (Москва, Россия) tyukhmeneva@mail.ru
- Устинова Ирина Александровна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ilustinova@yandex.ru
- Ухналёв Андрей Евгеньевич*, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: andrey-ukhnalev@yandex.ru
- Фадеев Артём Александрович*, библиограф Научно-исследовательского отдела редкой книги (Музея книги); аспирант Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: fadeev-norton@mail.ru
- Феофанов Александр Михайлович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: aleksandr-feofanov@yandex.ru
- Фирсов Андрей Германович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: agfirsov@mail.ru
- Хитров Дмитрий Алексеевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, (Москва, Россия), e-mail: dkh@bk.ru
- Юркин Игорь Николаевич*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ig-yurkin@yandex.ru
- Ястребов Алексей Олегович*, доктор церковной истории, доктор философии (PhD), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: mirofore@gmail.com

Information about Authors

Ageeva Olga G., Doctor of Historical Sciences, Chief researcher, Head of the Department, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, culture_iri@mail.ru

Akimova Anna S., PhD in Philology, Senior Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries. Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, a.s.akimova@mail.ru

Amelekhina Sventlana A., Ph. D, State Historical and Cultural Museum and Reserve “Moscow Kremlin”, Moscow, Russia, amelsvet@mail.ru

Andreeva Natalia S., Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science of the Russian Academy of sciences library, St. Petersburg, Russia, iskjul@gmail.com

Androsov Sergei A., Doctor of art History, Chief researcher, Department of the Western European art, State Hermitage, St. Petersburg, Russia, sandro@hermitage.ru

Artamonov Vladimir A., Candidate of Sciences (History), senior research associate of the Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ovarita@mail.ru

Avakov Pyotr A., PhD (History), Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Associate, Rostov, Russia, pavakov@mail.ru

Bazarova Tatiana A., Candidate of Sciences (History), Scientific and Historical Archive and a Group of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, tbazarovs@yandex.ru

Безжанидзе George V., Ph.D. (theology sciences), Associate Professor at the Department of Orthodox Church History at St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, georgy.bezhanidze@gmail.com,

Belikova Ekaterina A., researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, katiya.iz@gmail.com

Belyakov Andrey V., Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow at the Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, belafeb@gmail.com

Belyakova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian history of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia, elbel@list.ru

Bolotina Natalya Yu., candidate of historical sciences, associate professor, Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia, bolotina30@rambler.ru

- Borodina Elena V.*, Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of sciences; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, sosnovi-bor@yandex.ru
- Bushkovitch Paul*, professor of History, Department of History, Yale university, New-Haven, USA, paul.bushkovitch@yale.edu
- Bykova Yulia I.*, Ph. D, State Historical and Cultural Museum and Reserve “Moscow Kremlin”, Moscow, Russia, jib78@mail.ru
- Carras Iannis*, Dr., University of Macedonia, Thessaloniki, Greece ianniscarras@hotmail.com
- Desyatskov Konstantin S.*, Associate Professor, Department of World History and International Relations, Novgorod State University, Novgorod, Russia, descon@yandex.ru
- Durov Ivan G.*, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Military Sciences, Nizhnii Novgorod, Russia, ivan_durov@list.ru
- Ermakova Olga K.*, Dr., Senior Researcher of the Center of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ermakovaok@mail.ru
- Fadeev Artem A.*, bibliographer of Book Museum of the Russian State Library (BM RSL); postgraduate student of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia, fadeev-norton@mail.ru
- Feofanov Aleksandr M.*, PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, aleksandr-feofanov@yandex.ru
- Firsov Andrei G.*, Ph. D. (historical sciences), Associate Professor at the Department of History at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia, agfirsov@mail.ru
- Ivanov Andrei A.*, Doctor of History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, andrey.a.ivanov@spbu.ru
- Ivanyuk Sergey A.*, the State Historical and Memorial Museum «Battle of Stalingrad», Volgograd, Russia, mim-volgograd@mail.ru
- Ivonina Liudmila I.*, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Universal History and International Relations, Smolensk State University, Smolensk, Russia, ivonins@rambler.ru
- Kabakova Natalia V.*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russia, natalya-kabakova@rambler.ru
- Kazdaghli Nejmeddine*, PhD, Professor at the Higher Institute of Languages in Tunis, University of Carthage (Tunisia). Researcher interested in the history of Russia’s relations with the North African countries, in particular, Tunisia, Kaz.nejme@hotmail.fr

Keller Andrei V., Dr. hist. Wiss., Dr. phil. Senior Research Fellow Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, keller26000@gmail.com,

Khitrov Dmitrii A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Moscow State University, Moscow, Russia, dkh@bk.ru

Kozlova Natalia V., Doctor in History, Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kozlova.n.v.i@gmail.com

Kozlova Yulia A., Candidate of historical sciences, Associate Professor of the department of humanities and social Sciences of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (Bronnitsky Branch), Bronnitsy, Russia Sakyлина77@mail.ru

Korusenko Svetlana N., Candidate of Historical Sciences, Head of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, tomil65@rambler.ru

Kotov Aleksandr E., Doctor in History, professor in Institute of History. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.kotov@spbu.ru

Kosheleva Olga E., Doctor in History, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, okosheleva@mail.ru

Krashennnikova Olga A., Candidate of Philological sciences, Senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, krashennnikova.61@mail.ru

Krotov Pavel A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia from Ancient Times to the XX century, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, st003215@spbu.ru

Kupchenko Konstantin V., Candidate of Historical Sciences, Associate professor; Smolensk State Agricultural Academy, Smolensk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia, konstan1977@yandex.ru

Labutina, Tatiana L., Dt. Hab. in History, Professor, Main Researcher Fellow. Head of the Center “History of cross-cultural communications of the West and East”. Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tlabutina2007@yandex.ru+

Lavrov Aleksandr S., Dr., Professor, University of Sorbonne, Paris, France, e-mail: allavrov@yahoo.com

Lizunov Pavel V., Doctor of Historical Sciences, professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia, Arkhangelsk, Severodvinsk, Russia, pavelvl@mail.ru

- Magaramov Sharafetdin A.*, PhD in History, Institute of History, Archeology, and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, senior researcher, Makhachkala, Russia, sharafutdin@list.ru
- Marasanova Victoria M.*, Doctor of History, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl', Russia, vmm@uniyar.ac.ru
- Marassinova Elena N.*, Doctor in History, Professor, Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, Higher School of Economics, Moscow, Russia, lenamarassinova@gmail.com
- Matasova Tatiana A.*, Candidate of Sciences (History), Moscow State University, Moscow, Russia, tamatt2009@gmail.com
- Mezin Sergey A.*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History and Archeology of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, mezinsa@mail.ru
- Minaeva Tatiana S.*, Professor of the Russian History Department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern Arctic Federal University, named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, mintatiana@yandex.ru
- Moiseeva Svetlana V.*, Candidate of Art History, leading researcher of the Department of painting of the XVIII – first half of the XIX century, The State Russian Museum. St. Petersburg, Russia, svetlanamoiseeva@mail.ru
- Morokhin Alexey V.*, PhD (History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, researcher at the Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, alexmorohin@yandex.ru
- Nikolaeva Maria V.*, Ph. D, Leading researcher. Research Institute of the Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts; Leading researcher. Research Institute of the Theory and History of Urban Planning and Architecture, Moscow, Russia, m-nikol@yandex.ru
- Nikonov Sergey A.*, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of History and Law of Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia. E-mail: snikonov-77@mail.ru.
- Pashkov Alexander M.*, Doctor of History, professor, Department for Russian History, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, pashkov@petsru
- Petrov Aleksandr Yu.*, Doctor of Historical Sciences, Senior research fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, alaska13@yandex.ru
- Pul'kin Maxim V.*, Candidate of sciences (History), Senior research associate of the Insitute for languages, literature and history of Karelia Scientific centre of the Russian Academy of Sciences, associate professor of the Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, mvpulkin@mail.ru

- Puzanov Vladimir D.*, Doctor of historical sciences, professor of the Shadrinsk State Pedagogic University, Shadrinsk, Russia, alan1971@bk.ru.
- Ramazanova Jamilya N.*, Candidate of sciences (History), Head of the Rare books Department of the Russian State Library, associate professor of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, jamilyara@gmail.com
- Rogozhin Alexander A.*, PhD in History, Oryol College of Music, Oryol, Russia, teacher, Oryol, Russia, rogozhin_alexander@bk.ru
- Romanova Anastassia A.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Rare books Department of the Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, anastasiya_roman@mail.ru
- Safonov Mikhail M.*, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, m.safonov@list.ru
- Salonikov Nikolay V.*, PhD in History, associate professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; Senior Researcher of Novgorod Region State Archive, Novgorod, Russia, salonikov@list.ru
- Sergeeva Galina I.*, Senior research fellow, Department for study of painting of the XVIII – 1st half of the XIX century, «Summer Palace and House of Peter I», State Russian Museum, St. Petersburg, Russia, galinapetersburg@mail.ru
- Sokolova Natalia V.*, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, natalia_sokolova@outlook.com
- Sonina Elena S.*, Candidate of Philology, Associate Professor, Institute «Higher School of Journalism and Mass Communications» of St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, sonina@mail.ru
- Stankov Kirill N.*, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Fellow, Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, stankov11@yandex.ru
- Staritzyn Andrei N.*, Chief bibliographer, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, profitens@yandex.ru
- Sterlikova Arina A.*, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, arinast@mail.ru
- Sukina Liudmila B.*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Head of the Department of Training of Highly Qualified Personnel of the Program Systems Institute of Russian Academy of Sciences, Pereslavl' Zaleski, Russia, lbsukina@gmail.com
- Sutorius Konstantin V.*, PhD in History, Senior Lecturer National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, sutorius@mail.ru

- Talalai Mikhail G.*, PhD in History, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Milan, Italy, Moscow, Russia, talalaym@mail.ru
- Trefilov, Evgeniy N.*, Candidate of history science, associate Professor of History, National research university «Higher school of economics», Moscow, Russia, trefilov74@mail.ru
- Tyukhmeneva, Ekaterina A.*, Ph. D., senior researcher, The Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia, tyukhmeneva@mail.ru
- Ukhnalev Andrei E.*, Candidate of Art History, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, St. Petersburgm Russia, andrey-ukhnalev@yandex.ru
- Ustinova Irina A.*, Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Centre of history of Russian feudalism, Institute of Russian History Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ilustinova@yandex.ru
- Velikanov Vladimir S.*, PhD in Economics, “Russkye Vytiazy” Foundation, expert, Moscow, Russia, vladvelikanov@inbox.ru
- Vovina-Lebedeva Varvara G.*, Doctor of History, Leading researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Varvara_Vovina@mail.ru
- Yurkin Igor N.*, Doctor of History, Leading researcher of the S. I. Vavilov Institute of History of Natural sciences and technique of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ig-yurkin@yandex.ru
- Zakharov Andrei V.*, Candidate of Sciences (History), senior research associate, Department for History and Philology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ELURAL@yandex.ru
- Zitser, Ernest A.*, Ph. D. Duke University, Librarian for Slavic, Eurasian, and Eastern European Studies, William R. Perkins Library & Adjunct Assistant Professor, Department of Slavic and Eurasian Studies, Durham, North Carolina, USA, ernest.zitser@duke.edu
- Yastrebov Alexei O.*, Doctor of church history, doctor of philosophy (PhD), candidate of historical sciences, senior researcher at the Center for the History of Religion and Church of the Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mirofore@gmail.com

Список сокращений

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГРМ – Государственный Русский музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИМЛИ – Институт мировой литературы
ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИА СПб ИИ РАН – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук
ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого
ОПИ – Отдел письменных источников
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИО – Русское историческое общество
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.
ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
ASVe – Archivio di Stato di Venezia

Научное издание

**Петр Великий: исследования и открытия.
К 350-летию со дня рождения**
Материалы международной научной конференции
«Значение преобразований Петра
в новой и новейшей истории России»
(Москва, 17–19 мая 2022 г.)

Верстка Л.В. Лобанова

Подписано к печати 28.03.2022 Формат 70x100 1/16. Заказ №
Усл. печ. л. 48. Уч.-изд. л. .
Тираж 500 экз.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

Контакты:
в Санкт-Петербурге

Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве ООО «Университетская книга-СПб»
Тел. (495) 915-32-84, e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру — <http://www.labirint.ru/>

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета

ISBN 978-5-98712-306-5

9 785987 123065 >